UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306743 6

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

Pb
3337
P2
1888
t. 3-4

Полное собраніе сочиненій

Ивана Ивановича ПАНАЕВА.

LIBRARY
MAY 2 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

Изданіе Н. Г. Мартынова.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ивана Ивановича

ПАНАЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1888.

И. И. ПАНАЕВЪ.

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ

1847—1852.

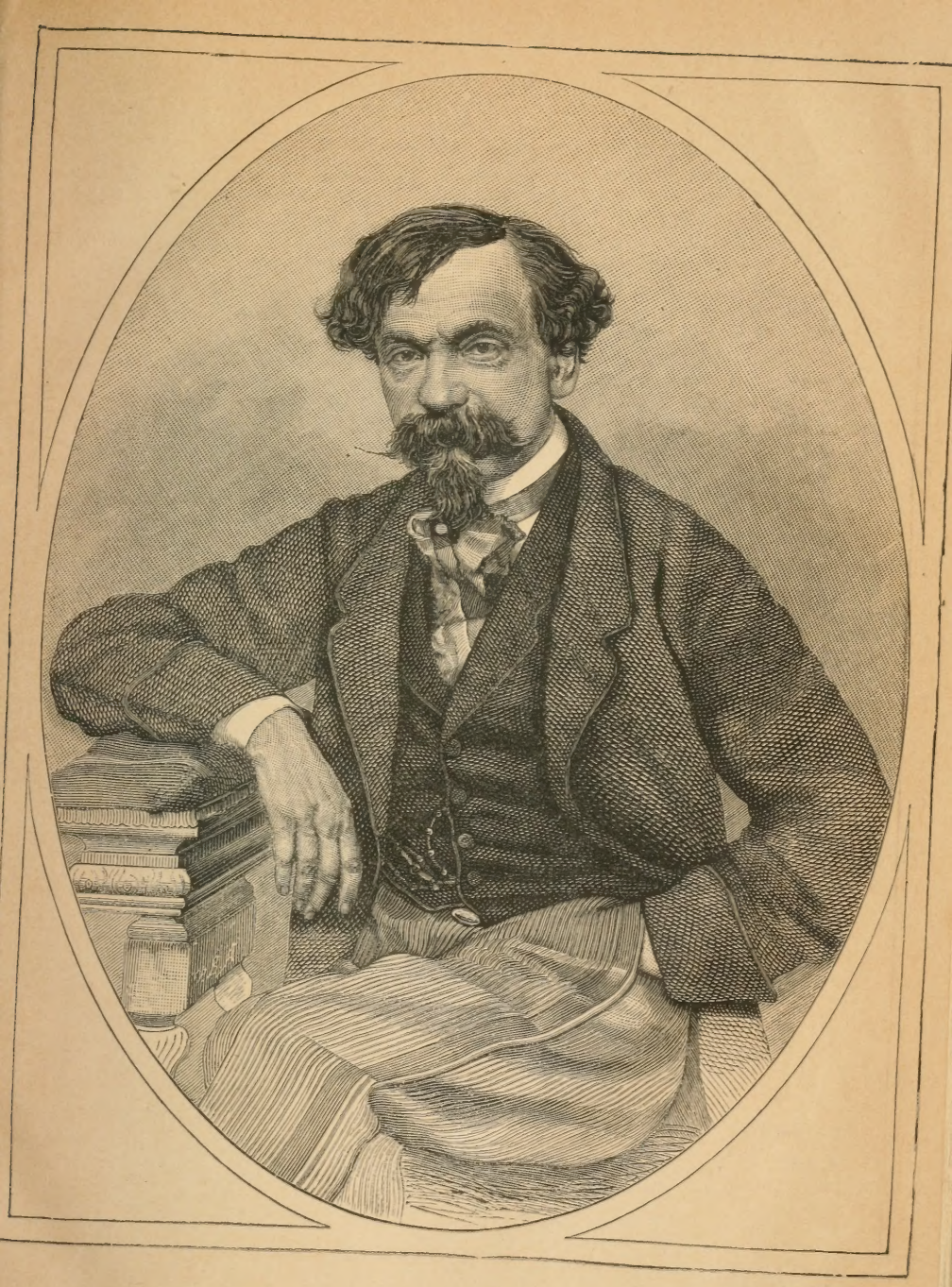
Львы въ провинціи.—Родственники.—Встрѣча на станціи.

БИБЛІОТЕКА
Николая Михайловича
БЫВАЙЛОВА.
По Хрон. Кат. № 413

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1888.

Въ типографіи Ф. Сущинскаго (Екатерининскій каналъ, д. № 168).



ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

1852. Львы въ провинціи 1
1847. Родственники 369
» Встрѣча на станціи 459

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При распредѣленіи содержанія нашего изданія мы имѣли въ виду сохранить по возможности хронологическій порядокъ появленія въ печати произведеній И. И. Панаева, что и было нами вполнѣ примѣнено при печатаніи двухъ первыхъ томовъ, обнимающихъ первое десятилѣтіе литературной дѣятельности Панаева съ 1834 по 1844 годъ. При изданіи послѣдующихъ томовъ мы къ сожалѣнію не можемъ строго придерживаться этого правила, по самымъ условіямъ печатанія, въ виду необходимости придать возможно равный объемъ каждому изъ томовъ. Поэтому томы 3 и 4, заключающіе въ себѣ Романы и Повѣсти съ 1845 по 1858, не могли быть изданы съ строгимъ соблюденіемъ хронологическаго порядка, а затѣмъ всѣ мелкіе разсказы, очерки, журнальныя статьи и стихотворенія, помѣщавшіеся Панаевымъ въ Современникѣ и друг. изданіяхъ подъ псевдонимомъ Новый поэтъ, мы сгруппировали на нѣсколько отдѣловъ и отнесли въ составъ 5-го и 6-го томовъ.

Портретъ автора, гравированный на стали, заказанъ Брокгаузу въ Лейпцигѣ и по отпечатаніи будетъ приложенъ къ 5-му или къ 6 му тому; но имѣя кромѣ того въ своемъ распоряженіи довольно удачный портретъ, рѣзанный на деревѣ, мы сочли не излишнимъ помѣстить и его въ настоящемъ томѣ.

Въ первоначальномъ своемъ объявленіи мы обѣщали издать первые два тома въ Январѣ нынѣшняго года, но не могли

этого сдѣлать въ интересахъ полноты изданія. Намъ указано было такъ много новаго матеріала, никогда не перепечатывавшагося послѣ своего первоначальнаго появленія, что по необходимости пришлось замедлить печатаніе. Впрочемъ вслѣдствіе такого замедленія г. подписчики получатъ теперь за прежнюю подписную цѣну нѣсколькими листами болѣе противъ обѣщаннаго нами; но для новыхъ подписчиковъ мы должны увеличить цѣну до 12 р. 50 к.

Издатель Н. Мартыновъ.

Апрѣля 14-го дня,
1888 г.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

— Это было въ мою первую поѣздку за границу, говорилъ своимъ слушателямъ невысокій, худощавый, плѣшивый, но живой и бойкій старичокъ, протяжно и съ разстановками, стараясь придавать выпуклость и вѣсъ каждому своему слову, и глубокомысленно щуря, а въ мѣстахъ самыхъ эффектныхъ совсѣмъ закрывая свои маленькіе глазки.

Слушателями плѣшиваго старичка были: старушка съ пріятнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица, шевелившая длинными деревянными спицами, потому что она занималась вязаніемъ шерстянаго одѣяла или шарфа; дѣвушка лѣтъ девятнадцати, съ чертами не совсѣмъ правильными, но привлекательными, занимавшаяся шитьемъ,— и какой-то господинъ съ круглымъ и рябоватымъ лицомъ, съ густыми, коротко обстриженными и торчащими на головѣ волосами, безъ малѣйшаго признака бѣлья, въ сюртукѣ ниже колѣнъ, безпрестанно моргавшій глазами и не занимавшійся никакой работой.

Двое изъ этихъ слушателей—старушка со спицами и рябоватый господинъ, моргавшій глазами, были очень вни-

мательны къ разсказчику и, повидимому, вѣрили каждому его слову съ тою безусловною вѣрою, съ какою полуграмотные люди вѣрятъ каждой печатной строчкѣ. Дѣвушка, кажется, мало обращала вниманія на разсказы словоохотливаго старичка, и очень усердно занималась своимъ шитьемъ; только изрѣдка поднимала она голову отъ своей работы, взглядывала на старичка, и въ эти минуты на лицѣ ея едва замѣтно мелькала улыбка, обнаруживавшая, можетъ быть противъ ея воли, что разсказы его не возбуждали въ ней большого довѣрія.

— Такъ вы, батюшка, были еще два раза за границей? спросила старушка, останавливая свои спицы.

— Три, отвѣчалъ старичокъ, значительно щуря свои глазки, и потомъ, медленно поднимая вѣки, продолжалъ:— въ первый разъ я ѣздилъ... ну, мнѣ тогда было лѣтъ девятнадцать... съ княземъ Кириломъ Андреичемъ Свѣтлозерскимъ — дѣдомъ вотъ нынѣшняго Павла Андреича. Второй разъ я ѣздилъ одинъ, съ своимъ мальчикомъ... Надобно вамъ сказать, что у меня былъ мальчикъ Петрушка, великій мастеръ варить шоколадъ... вотъ объ этомъ-то я и рѣчь веду.... Ну, а въ третій разъ... Старичокъ нѣсколько замялся и прибавилъ не совсѣмъ внятно:—а въ третій разъ я ѣздилъ лѣтъ пять назадъ тому.

— А вѣдь я думала, что вы только въ Петербургъ тогда ѣздили?

— Точно, я поѣхалъ въ Петербургъ, ну, а изъ Петербурга прямо на пароходъ, да и въ море. Осень была тогда бурная, качка страшнѣйшая; всѣ переболѣли морскою болѣзнію: такъ вотъ и валяются по палубѣ; одинъ я уцѣлѣлъ; преспокойно ѣлъ, пилъ и расхаживалъ по пароходу точно какъ у себя въ Соколовкѣ.

— Скажите пожалуйста! замѣтила съ удивленіемъ старушка, качая головой.

— Удивительно-съ! замѣтилъ въ свою очередь рябоватый господинъ.

Старичокъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти восклицанія, продолжалъ тѣмъ же ровнымъ и мѣрнымъ голосомъ и значительнымъ тономъ:

— Ну такъ вотъ, какъ я вамъ ужъ сказалъ, это

было во *вторую* мою поѣздку. Пріѣзжаю въ Венецію, нанимаю квартиру неподалеку отъ площади св. Марка. Квартира удивительная: размѣры, вышина комнатъ—все это грандіозно: въ этомъ *palazzo*, какъ я узналъ впослѣдствіи, жила фаворитка предпослѣдняго дожа. Мнѣ надавали бездную рекомендательныхъ писемъ ко всей почти европейской аристократіи: черезъ одно-то изъ такихъ писемъ я познакомился... съ маркизомъ Джіованни Пуччи и его семействомъ.

При этомъ старичокъ остановился на минуту, совсѣмъ закрывъ свои глазки.

— Семейство прекрасное, состоявшее только изъ отца и двухъ дочерей, продолжалъ онъ:—старшую звали Сабиной, а меньшую—Авреліей, собой красавицы, высокія, статныя, съ огненными глазами, итальянки чистой, кровной породы. Я съ маркизомъ Джіованни подружился со второго или третьяго свиданія. Мы полюбили другъ друга искренно, и не проходило дня, чтобы не видѣлись. Велю, бывало, подать себѣ гондолу, и говорю гондольеру: «къ маркизу Пуччи»; да ему, впрочемъ, потомъ и говорить было не нужно: самъ прямехонько, безъ всякихъ приказаній везетъ меня къ мраморнымъ ступенямъ палаццо Пуччи.

Старичокъ усмѣхнулся и бросилъ самодовольный взглядъ на своихъ слушателей.

— Или, бывало, сидишь у себя дома, читаешь, занимаешься чѣмъ нибудь,—глядь, а маркизъ ужъ тутъ, да еще съ обѣими дочерьми; пріѣдетъ, бывало, запросто, безъ всякой церемоніи. Ну, я имъ велю подать шоколаду, угощаю ихъ, разсказываю имъ про Россію, про наши снѣга, морозы,—и время проходитъ незамѣтно. Маркизъ и дочери его заслушивались меня по цѣлымъ часамъ; особенно Сабина интересовалась моими разсказами.

Тутъ старичокъ снова улыбнулся, значительно вздохнулъ и взглянулъ на дѣвушку:

— Сабина была тогда вашихъ лѣтъ, Катерина Павловна.

Затѣмъ онъ остановился опять на минуту, еще вздохнулъ, сжалъ свои тонкія губы, покачалъ головой и прошепталъ:

— Все-то это прошло!

— Такъ какже-съ, то-есть на какомъ же это вы языкѣ, Александръ Иванычъ, съ ними говорили? спросилъ почтительно, спотыкаясь на каждомъ словѣ, рябоватый господинъ.

— На какомъ? разумѣется, на итальянскомъ, отвѣчалъ старичокъ важно и несмотря на рябоватаго господина, который нѣсколько смутился, разинулъ ротъ и произнесъ длинное «а!»

Александръ Иванычъ спокойно продолжалъ:

— Въ первый разъ, когда маркизъ Джіованни пилъ у меня шоколадъ, онъ обратился ко мнѣ въ совершенномъ изумленіи и спросилъ: «Да скажите, пожалуйста, кто это у васъ такъ превосходно варитъ шоколадъ? Я, признаюсь, нигдѣ и никогда не пивалъ во всей Италіи такого вкуснаго шоколада, не исключая даже и его величества короля Обѣихъ Сицилій». Отгадайте-ка, маркизъ! сказалъ я.—Попробуйте. Бьюсь объ закладъ, что не отгадаете. Этотъ шо-ко-ладъ ва-рилъ мой крѣ-по-стной ма-льчикъ Петрушка; а вотъ вамъ онъ—и на лицо.

Я указалъ маркизу на вошедшаго въ эту минуту Петрушку.

Маркизъ подошелъ къ Петрушкѣ, посмотрѣлъ на него въ лорнетъ, ласково потрепалъ по плечу и сказалъ ему... не помню, что̀ именно, только нѣсколько привѣтливыхъ, лестныхъ словъ.

— Которыхъ вашъ мальчикъ, разумѣется, не понялъ? сказала дѣвушка, улыбаясь и взглянувъ на старичка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ старичокъ безъ всякого смущенія,— но я для ободренія Петра перевелъ ему слова маркиза.

Разсказъ старичка привелъ въ немалое изумленіе старушку и рябоватаго господина. Старушка даже очень интересовалась узнать о Петрушкѣ: изъ какой онъ именно семьи былъ взятъ и когда, и удивлялась, почему она, которая знаетъ всѣхъ дворовыхъ людей въ Соколовкѣ, совсѣмъ не помнитъ его....

Но мнѣ пора, я думаю, сказать, гдѣ происходитъ дѣйствіе, и обратить вниманіе читателя на эти лица, потому что они будутъ играть здѣсь немаловажную роль.

Старушка—вдова-помѣщица Бѣлова; ее звали Вѣрой Ивановной. Вѣра Ивановна лѣтъ за десять передъ этимъ лишилась своего супруга, Павла Васильича, который скончался внезапно отъ сильнѣйшаго апоплексическаго удара, или отъ *кондрашки*, какъ выражался отставной штабсъротмистръ Кобеляковъ, сосѣдъ по деревнѣ Вѣры Ивановны, о которомъ еще будетъ говорено въ свое время. Павелъ Васильичъ былъ человѣкъ нрава безпечнаго и кроткаго, жилъ съ своей Вѣрой Ивановной, что называется, душа въ душу и прижилъ съ ней втеченіе своей долговременной, благополучной и безмятежной брачной жизни пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ четверо умерли въ раннемъ возрастѣ, и осталась въ живыхъ одна только Катя,—та самая дѣвушка, о которой было упомянуто выше. Такого примѣрнаго согласія въ супружескомъ быту, которое царствовало между Вѣрой Ивановной и Павломъ Васильичемъ, встрѣтить было не очень легко. Ни Вѣра Ивановна безъ Павла Васильича, ни Павелъ Васильичъ безъ Вѣры Ивановны, казалось, рѣшительно не могли существовать. Они жили какъ голубь съ голубкой, какъ Филемонъ съ Бавкидой, какъ Аѳанасій Иванычъ съ Пульхеріей Ивановной. Вѣра Ивановна едва пережила смерть Павла Васильича, и то вѣроятно потому только, что у нея осталась на рукахъ осмилѣтняя Катя. «Мнѣ теперь ничего не нужно—думала Вѣра Ивановна—безъ него, безъ моего милаго друга. Сберегу, что получше, для моей сиротинки. Буду копить ей деньжонки на воспитанье, да на приданое. Я хоть сама и невоспитанная и неученая, но знаю, что теперь безъ этого нельзя».

И, въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Ивановна отказывала себѣ рѣшительно во всемъ, даже въ самомъ необходимомъ, тряслась, какъ говорится, надъ каждой копейкой, хотя отъ природы не имѣла ни малѣйшей скупости—для того, чтобы впослѣдствіи ни въ чемъ не отказывать Катѣ.

Для Кати сначала нанята была гувернантка за довольно умѣренную цѣну; для нея потомъ выписывались самые лучшіе учителя, какихъ только можно было отыскать въ губернскомъ городѣ. Вѣра Ивановна не жалѣла

денегъ ни на книги, ни на наряды для Кати. Катя всегда была одѣта какъ куколка....

Гувернантка Кати—Надежда Кондратьевна, была дѣвица сухая и костлявая, съ продолговатымъ лицомъ, съ горбоватымъ и длиннымъ носомъ, со впалыми щеками, натертыми пудрой. Она имѣла голосъ рѣзкій, но сердце мягкое и чувствительное, и была величайшая охотница до всякихъ брошекъ, цѣпочекъ, браслетовъ, лорнетовъ, и проч., которыми постоянно украшала себя, и до всякихъ стишковъ, романовъ, мемуаровъ, и проч., которые поглащала безъ разбора, съ необыкновенною жадностію и быстротою. Она читала все, что ни попадалось ей подъ руку, закатывала глаза подъ лобъ, пѣла русскіе и французскіе романсы, слабымъ, но непріятнымъ голосомъ, и поражала не только добрую Вѣру Ивановну, но и многихъ ея сосѣдокъ, своимъ прекраснымъ тономъ.

— Какое счастье вамъ, что вы отыскали такую прекрасную гувернантку, Вѣра Ивановна! говорила ей Алена Ѳедоровна Вязникова, внучка отставной придворной кастелянши и супруга Александра Иваныча, друга маркиза Пуччи, дама полная и высокаго роста, картавившая на буквѣ *р*, говорившая жеманно, едва открывая ротъ, щурившая глаза, безпрестанно смотрѣвшаяся въ зеркало, и, не смотря на свои лѣта, державшаяся всегда безукоризненно прямо и державшая въ рукахъ своего супруга.

— Благодарю моего Бога, отвѣчала старушка:—безподобная дѣвушка и такая ученая, а мнѣ пуще всего, матушка, что она любитъ мою Катю и ужъ такъ деликатно и кротко обращается съ нею!

Надежда Кондратьевна скоро пріобрѣла полную довѣренность Вѣры Ивановны, которая обращалась съ ней не какъ съ гувернанткою, а какъ съ самою близкою родственницею.

— Ахъ, Вѣра Ивановна, у меня до васъ есть большая просьба, говорила однажды Надежда Кондратьевна березовской барынѣ, глядя на нее съ глубокимъ чувствомъ и съ горячностью цѣлуя ей руку.

— Что, матушка? что вамъ угодно? спрашивала старушка.

— Я надѣюсь, что вы исполните мою просьбу, что вы не откажете мнѣ?

— Рада душевно, Надежда Кондратьевна, если только могу....

— Вы можете это сдѣлать, перебила ее гувернантка, нѣсколько нараспѣвъ и продолжая цѣловать руки старушки:—не называйте меня Надеждой Кондратьевной: зовите просто—Надиной.

И Надежда Кондратьевна устремила на старушку нѣжный, умоляющій взглядъ.

Вѣра Ивановна очень растрогалась этою выходкою, даже прослезилась немного, и съ тѣхъ поръ звала Надежду Кондратьевну не иначе, какъ Надиной.

Не смотря на то, что образованіе Кати кончилось, то-есть, несмотря на то, что она перечитала всѣ стишки, повѣсти, романы и мемуары, которые были прочитаны Надеждой Кондратьевной,—Вѣрѣ Ивановнѣ не приходила въ голову мысль разстаться съ нею. Правда, одна только значительная плата гувернанткѣ приводила ее въ нѣкоторое смущеніе; но и это смущеніе, къ полному удовольствію ея, скоро было устранено самой Надеждой Кондратьевной. Когда ученицѣ минуло девятнадцать лѣтъ, а учительницѣ—тридцать (хотя она и говорила, что ей двадцать-пять), то-есть за два мѣсяца до начала этого повѣствованія, сердце Надежды Кондратьевны, томившееся жаждою любви идеальной и возвышенной, тщетно до сихъ поръ бившееся подъ туго-стянутымъ корсетомъ, вдругъ совсѣмъ неожиданно нашло отзывъ въ другомъ сердцѣ. Это другое сердце принадлежало двадцати-лѣтнему угреватому и круглолицому молодому человѣку, сыну Алены Ѳедоровны и Александра Иваныча. Угреватый молодой человѣкъ, воспитывавшійся гдѣ-то въ Москвѣ, не имѣя терпѣнія дождаться окончанія курса, преждевременно бѣжалъ изъ храма науки и возвратился подъ крылышко къ нѣжнымъ родителямъ. Можетъ быть то было предчувствіе сердца, голосу котораго онъ повиновался болѣе, нежели голосу разсудка, потому что былъ поэтъ; какъ бы то ни было, но онъ зажилъ очень спокойно въ своей Соколовкѣ, въ совершенной праздности, пописывая по временамъ стишки. Здѣсь-то сошелся онъ съ

Надеждой Кондратьевной, и двѣ поэтическія натуры съ первыхъ свиданій поняли другъ друга. Любовь угреватаго молодаго человѣка была вполнѣ идеальная, даже, кажется, болѣе идеальная, нежели желала того Надежда Кондратьевна: онъ вздыхалъ, страстно пучилъ глаза на предметъ своей нѣжности, говорилъ съ ней все о литературѣ, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ даже ни разу не осмѣлился пожать ей ручки, хотя и неоднократно покушался на такой подвигъ, ободряемый Надеждой Кондратьевной. Въ стихахъ же *къ ней*, которые неудержимо выливались изъ-подъ пера его, онъ возвышался до паѳоса.

Да, я увѣренъ, что съ тобою
Навѣки связанъ я душой,
Что между вѣчностью и мною
Возстанетъ дивный образъ твой!

Но читая ей эти стихи, онъ не осмѣлился даже намекнуть, къ кому они написаны.

Какже можно было ей покинуть—эти дивныя, какъ она выражалась, мѣста, гдѣ на тридцать-первой веснѣ ея жизни ей такъ заманчиво начала улыбаться любовь? Притомъ отсутствіе всякого труда и даровые кормы: развѣ со всѣмъ этимъ легко разставаться? Надежда Кондратьевна подсѣла однажды послѣ обѣда къ Вѣрѣ Ивановнѣ, когда въ комнатѣ никого не было, подставила ей подъ ноги скамейку и слегка прикоснулась губами къ ея ногѣ....

— Что это вы, родная! вскрикнула Вѣра Ивановна, вскакивая со стула и обнимая ее.

Надежда Кондратьевна очень крѣпко сжала старушку въ своихъ объятіяхъ.

— Мнѣ скоро придется разстаться съ вами и съ Катенькой, проговорила она дрожащимъ голосомъ и всхлипывая:—а эта мысль для меня ужасна! Я привыкла любить и уважать васъ какъ родную мать; я люблю Катю такъ нѣжно, какъ никогда бы не могла любить родную сестру.... и послѣ всего этого....

— Да зачѣмъ же намъ разставаться, Надина? возразила старушка, утирая слезы, которыя закапали у нея изъ глазъ.—Я сама къ вамъ привыкла, и мнѣ будетъ это

тяжело, повѣрьте.... Чтожъ, если вы насъ любите и если вамъ нравится у насъ....

— Но я окончила свои обязанности, сказала гувернантка съ чувствомъ достоинства: — и уже не могу болѣе оставаться въ вашемъ домѣ на тѣхъ основаніяхъ. на которыхъ я жила до сихъ поръ....

Она остановилась на минуту и вопросительно взглянула на Вѣру Ивановну.

Вѣра Ивановна призадумалась немного и потомъ зашевелила губами, но Надежда Кондратьевна предупредила ея рѣчь.

— О, если бы вы согласились.... произнесла она тѣмъ пѣвучимъ голосомъ, который употребляла только въ высшія, торжественныя минуты жизни, или при чтеніи патетическихъ сценъ въ романахъ:—о, если бы вы позволили мнѣ остаться въ вашемъ домѣ. безъ всякихъ условій, какъ дѣвушкѣ, близкой вамъ, преданной вамъ, готовой для васъ и для Кати на всѣ пожертвованія,—это было бы для меня.... я не могу выразить, какая радость!... я бы считала это самой лучшей наградой за всѣ мои труды и попеченія о милой Катѣ....

— Я лучше ничего не желаю, вскричала старушка:— я хотѣла даже просить васъ объ этомъ.

И затѣмъ начались снова поцѣлуи, объятія и слезы...

Надежда Кондратьевна съ этой минуты приняла совершенно независимое положеніе, и безцеремонно, на родственной ногѣ расположилась въ домѣ Вѣры Ивановны. Она, когда ей было угодно, ѣздила въ ея тарантасѣ и на ея лошадяхъ гостить къ сосѣднимъ помѣщицамъ, въ числѣ которыхъ имѣла много искреннихъ пріятельницъ: дарила имъ различные шерстяные и бисерные сувениры своей работы и даже начала ихъ зазывать *къ себѣ* въ гости. Поѣздки эти въ послѣднее время участились; но она уже забывала и *Мордовку* и *Мухино*, и *Собачью Лужу*,—и готова была забыть все на свѣтѣ для *Соколовки*. Она ѣздила гостить въ Соколовку, и гостила тамъ дня по два, по три, а иногда и болѣе. И въ тотъ самый день, когда владѣтель сельца Соколовки и другъ маркиза Пуччи ораторствовалъ въ Березовкѣ о Венеціи, о шоколадѣ и о Пе-

трушкѣ, его единственный наслѣдникъ вкушалъ всю сладость, все блаженство первой любви, прогуливаясь съ Надеждой Кондратьевной по запустѣлому парку, читалъ ей стихи, упиваясь благоуханіемъ свѣжей, только что распустившейся зелени, любуясь воскресшей природой, такъ гармонировавшей съ состояніемъ ихъ сердецъ, и прислушиваясь къ звонкимъ пѣснямъ жаворонковъ, которые высоко и радостно вились въ поднебесьи, будто привѣтствуя ихъ счастье.

Владѣтель Соколовки считался во время оно довольно значительнымъ помѣщикомъ, потому что ему досталось отъ отца до тысячи незаложенныхъ душъ, что съ заложенными двумя-стами его супруги составляло, благодаря Бога, состояніе изрядное. Но другъ маркиза Пуччи не довольствовался этимъ.

— Въ пять лѣтъ,—не болѣе, какъ въ пять, важно говорилъ онъ на выборахъ помѣщикамъ, собравшимся около него, какъ около извѣстнаго краснобая:—я утрою, учетверю мое состояніе. Вы, господа, дѣйствуете по старой методѣ, по рутинѣ. Я буду дѣйствовать иначе: пойду не избитымъ путемъ, а проложу себѣ путь новый. Разумѣется, это не такъ легко: для этого надо быть нѣсколько знакомому съ европейскимъ современнымъ взглядомъ на хозяйство, съ наукой наукъ—политической экономіей. И онъ торжественно закрывалъ свои глазки и, лукаво улыбаясь, продолжалъ:—ну, конечно, я таки кое-что маракую въ этомъ дѣлѣ, читывалъ и Сея и Адама Смита. Двери въ храмину наукъ не открыты для всѣхъ настежь, но воля и терпѣніе преодолѣваютъ все: *толцыте—и отверзется.*

Старые и опытные помѣщики недовѣрчиво покачивали своими сѣдыми головами, слушая эти рѣчи, а молодые придавали имъ серьезное значеніе.

Ревностный поклонникъ Сея и Адама Смита, Александръ Иванычъ началъ съ того, что заложилъ свою тысячу душъ и завелъ свекло-сахарный заводъ и бумажную фабрику, выписалъ двухъ нѣмцевъ для завода и одного англичанина для фабрики; заказалъ братьямъ Бутенопамъ какіе-то неслыханные земледѣльческіе инструменты и написалъ даже брошюрку о свекло-сахарномъ производствѣ. Не

смотря на это, его фабричныя и земледѣльческія дѣла шли плохо: заказанная въ Англіи для бумажной фабрики машина пришла гораздо позже предполагаемаго срока, къ тому же вода оказалась нечистою и неудобною для выдѣлки бумаги, такъ что фабрика осталась безъ дѣйствія, хотя англичанину платились довольно большія деньги; заказанныя же Бутенопамъ земледѣльческія орудія вовсе ужь не годились ни для какого употребленія; а между тѣмъ Александръ Иванычъ, въ надеждѣ будущихъ благъ, началъ устраивать въ своей резиденціи—Соколовкѣ—сады и расчищать парки, говоря, что онъ превратитъ Соколовку въ семирамидины *сады;* выстроилъ домъ по собственному плану — съ башенками, съ галереями, съ какими-то хитрыми переходами, съ витыми лѣстницами, съ громоотводами и съ необыкновеннаго устройства печами, которыя, впрочемъ, нагрѣвали домъ гораздо хуже обыкновенныхъ. Все это стоило дорого, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ Александръ Иванычъ вынужденъ былъ отпустить нѣмцевъ и англичанъ, продать восемьсотъ пятьдесятъ душъ, съ фабрикою и заводомъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ еще сто, отдать для пашни большую часть парка, за недостаткомъ земли, и остаться при двухъ стахъ-пятидесяти душахъ и при большомъ затѣйливомъ, но не годномъ для жительства домѣ. Акександръ Иванычъ, впрочемъ, нисколько не унывалъ, и вмѣсто бумажныхъ фабрикъ и свекло-сахарныхъ заводовъ занялся разводкою георгинъ.

— Такого соединенія колеровъ въ георгинахъ, какъ у меня, повторялъ онъ безпрестанно кому ни попало:—вы не найдете въ Россіи нигдѣ, развѣ только въ подмосковной графа Андрея Петровича Косицына, гдѣ садоводство находится на высшей степени развитія, по милости его садовника, великаго ботаника,—мистера Бьютона. Третьяго года, въ бытность мою въ Петербургѣ, я говорилъ самому графу: «знаешь ли ты, братецъ Андрей, что у тебя есть сокровище? это—твой мистеръ Бьютонъ! Онъ, можетъ быть, изъ первыхъ садовниковъ въ Европѣ.... понимаешь ли ты это? Такъ, смотри же, я говорю, умѣй цѣнить его!»

Старички сосѣди, видя разстройство дѣлъ Александра

Иваныча, за глаза насмѣхались надъ нимъ, въ тайнѣ радовались этому и въ одинъ голосъ твердили:

— Ништо ему! это все его нововведенія! А мы хоть и старинки придерживаемся, а, слава тебѣ, Господи, помаленьку наживаемъ деньжонки и дѣтямъ кусокъ хлѣба оставимъ, а онъ что?

Не смотря на это, они питали къ Александру Иванычу какое-то неопредѣленное, смутное уваженіе,—и это понятно: Александръ Иванычъ бойко и красно говорилъ, и потому имѣлъ всегда вліяніе на выборахъ; Александръ Иванычъ часто ѣздилъ въ Петербургъ; Александръ Иванычъ все толковалъ о своихъ знатныхъ связяхъ и знакомствахъ. Нѣкоторые, конечно, и не вполнѣ довѣряли всѣмъ его розсказнямъ, да думали:—ну, а что, если?...

И потому Александръ Иванычъ пользовался у всѣхъ почетомъ и въ гостяхъ всегда занималъ первое мѣсто. Вѣра Ивановна имѣла самое высокое понятіе объ его умѣ и образованіи, тѣмъ болѣе, что и покойникъ ея отзывался о немъ какъ о первой головѣ въ губерніи; и надобно было видѣть радость старушки, когда онъ съ видомъ необычно серьезнымъ отозвалъ ее однажды въ сторону и сказалъ:

— Ну, Вѣра Ивановна, я долженъ сказать вамъ, что ваша Катя—и онъ поднялъ значительно указательный палецъ — дѣвушка необыкновенно замѣчательная. Потомъ, сжавъ оконечности пальцевъ, продолжалъ:—умъ свѣтлый, ясный, большая начитанность, красота формъ, врожденная грація—она и въ столицѣ произвела бы эффектъ. Я ее душевно люблю, и еще болѣе потому, что она ужасно напоминаетъ мнѣ графиню Ангелику Михницкую, дочь графини Юліи Павловны, съ которой я находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Благодарю васъ, мой батюшка, благодарю! отвѣчала старушка, очень польщенная тѣмъ, что дочь ея походила на графиню Ангелику Михницкую.

Но что касается до Кати, она не питала ни особеннаго расположенія, ни особенной довѣренности къ краснорѣчивому владѣтелю Соколовки, и ей было очень неловко и непріятно, когда онъ, по праву старичка, цѣловалъ ей

руки, гладилъ ея плечи и смотрѣлъ на нее съ какимъ-то сладкимъ и страннымъ выраженіемъ лица.

Надобно замѣтить, что Александръ Иванычъ принадлежалъ къ самымъ жаркимъ поклонникамъ прекраснаго пола, и этотъ жаръ умѣлъ сохранить до преклонныхъ лѣтъ, что очень не нравилось Аленѣ Ѳедоровнѣ.

Вѣра Ивановна послѣ обѣда начала угощать своего дорогаго гостя различными вареньями, изготовленными подъ ея собственнымъ надзоромъ; и Александръ Иванычъ, развалясь на диванѣ, пробовалъ каждое съ видомъ знатока, и отозвался съ похвалою особенно о клубничномъ; потомъ вынулъ изъ кармана своего казакинчики, покрой котораго изобрѣтенъ былъ имъ самимъ, сигарочницу также весьма замысловатаго устройства, ибо онъ любилъ оригинальность во всемъ, и закурилъ сигару.

— Гдѣ вы изволите брать сигарки? Въ гостиномъ ряду, у Кубякова-съ? спросилъ его рябоватый господинъ.

— Что? протяжно произнесъ Александръ Иванычъ, улыбнувшись иронически,—у Кобякова? Да Кобяковъ-то вашъ, чай, и во снѣ такихъ сигаръ не видывалъ.—Эти сигары, батюшка, прямо изъ Гаванны; настоящія *Regalia Cazadores*,—*Brown*, то-есть самыя крѣпкія; мнѣ подарилъ ихъ штукъ до 1000 въ послѣднюю поѣздку мою въ Петербургъ извѣстный петербургскій банкиръ, имѣющій прямыя, непосредственныя сношенія съ Гаванною. Ему самому обошлись они по 30 р. сер. за сотню. Такія сигары въ Петербургѣ диковина,—онѣ и тамъ считаются лакомствомъ.

Рябоватый господинъ обомлѣлъ отъ изумленія и попросилъ позволенія посмотрѣть ихъ поближе и понюхать, повторяя шопотомъ: 30 р. сер.! то-есть сто-пять рублей на ассигнаціи!

Этотъ господинъ, холостой и небогатый, по фамиліи Ушицынъ, также сосѣдъ Вѣры Ивановны, былъ человѣкъ простой и очень добрый, оказывавшій ей послѣ смерти ея покойника большія услуги и совершенно преданный ей. Его звали Захаромъ Лаврентьичемъ.... Захаръ Лаврентьичъ далѣе своего губернскаго города никуда не ѣздилъ, считалъ сигары Кобякова, содержавшаго табачную лавочку въ губернскомъ гостиномъ дворѣ, лучшими сигарами на

земномъ шарѣ, имѣлъ о Москвѣ и о Петербургѣ какое-то смутное, фантастическое представленіе, и проводилъ большую часть своего времени у прудовъ, озеръ и рѣкъ, съ удочкой въ рукѣ.

— Удивительныя должны быть сигары-съ! замѣтилъ Захаръ Лаврентьичъ, достаточно осмотрѣвъ ихъ и нанюхавшись и возвращая Александру Иванычу сигарочницу.

— Не хотите ли попробовать?

— Да нѣтъ-съ, ужь очень вамъ благодаренъ: очень крѣпкихъ-то я не могу курить-съ,—а то голова закружится; покорнѣйше васъ благодарю.

— Ну, а какъ идетъ ваша рыбная ловля? спросилъ у него благосклоннымъ голосомъ Александръ Иванычъ.

При этомъ вопросѣ лицо рябоватаго господина вдругъ заиграло и глаза его загорѣлись.

— Ловъ хорошъ-съ, очень даже хорошъ-съ, быстро и съ одушевленіемъ отвѣчалъ онъ:—я ловилъ и третьягодня и вчера на Кросулѣ, между Дубинымъ и Вражкинымъ.... знаете-съ, тамъ, гдѣ омуты; теперь весною есть таки пожива, слава Богу-съ; рыба-то теперь бродитъ зря-съ... Въ два утра я штукъ слишкомъ до полутораста выудилъ: четыре ельца, штукъ до тридцати ершиковъ, а остальное все окуньки да плотица.... Я привезъ все Вѣрѣ Ивановнѣ-съ....

— Ужь онъ, голубчикъ, привозитъ намъ столько рыбы, что и дѣвать ее некуда. И славные такіе окуни—пребольшущіе, такъ въ кадушкѣ-то и плещутся. Катя пришла посмотрѣть—ей лицо такъ совсѣмъ и забрызгали.

Захаръ Лаврентьичъ бросилъ едва замѣтный взглядъ на Катерину Павловну и, весь вспыхнувъ, тотчасъ же оборотился въ другую сторону.

— Я, признаюсь, не охотникъ до этой забавы, сказалъ Александръ Иванычъ: — не понимаю этой страсти; другое дѣло—охота съ ружьемъ, съ борзыми: тутъ что-то дѣятельное, смѣлое, даже воинское; но и я раза два въ жизни пробовалъ ловить рыбу. И однажды со мной былъ прекурьезный случай. Это было, надобно вамъ сказать, въ имѣніи покойнаго князя Михаила Петровича Боровицкаго, у котораго я зачастую гащивалъ проѣздомъ изъ сво-

ихъ деревень, и который считался въ свое время однимъ изъ первыхъ знатоковъ въ уженьи.... Вотъ мы и поѣхали съ нимъ послѣ обѣда въ линейкѣ къ озеркамъ, въ верстѣ отъ дома. Камердинеръ его подалъ намъ удочки; закинули мы. Не прошло минуты, гляжу, а мой поплавокъ совсѣмъ исчезъ, вытаскиваю—и что же? огромная сударь, форель, которая вѣсила до тридцати фунтовъ! Князь такъ и ахнулъ.—«Ну, братъ, счастливчикъ же ты! вскрикнулъ онъ.—Мнѣ и самому ни разу не удавалось поймать такой рыбы, а ты такъ отличился при первомъ дебютѣ!...» Никто вѣрить не хотѣлъ, чтобы она была поймана на удочку.

— Это должно быть была красуля-съ.... вы, вѣрно, ловили на краснаго червяка? спросилъ Захаръ Лаврентьичъ добродушно.

— Ну ужь я тамъ не знаю... на чернаго или на краснаго: насаживалъ не я, а камердинеръ князя... Именно около 30 фунтовъ, какъ теперь помню: при насъ вѣсилъ княжескій метръ д'отель.... Да полноте, Катерина Павловна! продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ—портить ваши прекрасные глазки надъ этими тряпками:—что вамъ за охота! А вотъ лучше разскажите-ка намъ, чѣмъ вы занимаетесь, что̀ вы читаете теперь.

— Я ничего не читаю.

— Ужь будто и ничего? возразила старушка.—Ахъ ты, плутовка этакая! Просто отъ книги не отрывается, иногда въ постели такъ до самаго разсвѣта вплоть читаетъ. И сна нѣтъ на нее, ей Богу.

— Да когда же это было, маменька?

— Ну, полно, полно,—вѣдь я все знаю....

— Я не люблю вашихъ французскихъ романовъ, съ свойственною ему значительностію произнесъ Александръ Иванычъ:—займитесь-ка лучше англійской литературой, читайте Диккенса,—это послѣ Шекспира первый знатокъ человѣческаго сердца.

Послѣ чаю, который разливала Катя, Александръ Иванычъ началъ собираться во свояси.

— И, батюшка! сказала старушка:—куда вы такъ торопитесь! поужинали бы съ нами.

— Нельзя. Я сказалъ моей Аленѣ Ѳедоровнѣ, что воз-

вращусь ровно въ одиннадцать часовъ; ну, а я своему слову господинъ. Теперь около семи, слѣдовательно черезъ четыре часа я буду дома.

— А Надина-то наша совсѣмъ у васъ загостилась. Ужь вотъ четвертый день!

— Пусть себѣ: она тамъ съ моимъ Васильемъ все о поэзіи разсуждаетъ. У него, я вамъ скажу, продолжалъ Александръ Иванычъ, обращаясь уже болѣе къ Катѣ:— талантъ, и талантъ недюжинный. Онъ пишетъ стихи бойкіе, звучные, плавные, и въ нихъ есть очень глубокія мысли. Изъ него выйдетъ настоящій поэтъ!

Въ минуту прощанья Александръ Иванычъ вдругъ вскрикнулъ:

— Ба, ба, ба! я было совсѣмъ и забылъ сказать вамъ интересную новость.

— Что̀, что̀ такое? торопливо спросила старушка.

— Какая новость-съ? проговорилъ Захаръ Лаврентьичъ.

Даже и Катя съ любопытствомъ взглянула на Александра Иваныча: такое магическое значеніе имѣетъ слово новость въ деревенской глуши.

— Дня три тому назадъ я ѣздилъ въ Дубки и въ Покровскомъ перемѣнялъ лошадей. Тамъ замѣчаю такое волненіе: домъ красятъ, подрѣзаютъ деревья, подчищаютъ дорожки.... Что̀ бы такое? думаю. Управляющій увидалъ меня, бросился ко мнѣ и объявилъ, что онъ ожидаетъ со дня на день молодаго графа Сергѣя Григорьича, который пріѣдетъ, да еще не одинъ, а съ своими петербургскими пріятелями.... Вотъ какъ! Вотъ какой сосѣдушка будетъ у васъ! Поздравляю.

— Поди-ка ты! А я ничего и не слыхала! возразила старушка.

— Что̀ мудренаго? Управляющій только за пять часовъ до моего проѣзда получилъ это неожиданное извѣстіе изъ Петербурга.

— Скажите на-милость! А что̀, онъ еще никогда, чай, и не бывалъ у себя въ Покровскомъ-то?

— Когда же ему было быть? Послѣ смерти отца онъ почти все время жилъ за границей; онъ остался, помнится мнѣ, послѣ отца двадцати двухъ лѣтъ, а отецъ-то умеръ,

кажется, лѣтъ пять тому назадъ.... Да, да, ровно пять лѣтъ.

— Экое богатство-то у него, подумаешь! И въ такіе молодые годы полный хозяинъ! Что вы, чай, знакомы съ нимъ, батюшка?

— Съ отцомъ его я былъ короткій пріятель, ну а съ нимъ только сошелся прошлую зиму въ Петербургѣ.

— А что, каковъ онъ изъ себя?

— Молодецъ, статный, ловкій, и съ замѣчательнымъ, утонченнымъ образованіемъ.

— Да ужъ кому же и быть образовану, какъ не ему! со вздохомъ замѣтила Вѣра Ивановна.

Затѣмъ Александръ Иванычъ простился съ хозяйкою дома, нѣсколько разъ довольно крѣпко пожалъ и не безъ нѣжности поцѣловалъ ручку ея дочери, сказавъ ей въ полголоса:

— *Ву з'амбелисе ту ле журъ*,—и уѣхалъ.

Проводивъ его, старушка обратилась къ Захару Кондратьичу:

— Ну а ты, голубчикъ, вѣдь у насъ ночуешь?

— Да-съ, если позволите, отвѣчалъ онъ.

Послѣ этого Катя занялась чтеніемъ, а Вѣра Ивановна съ Захаромъ Лаврентьичемъ—пасьянсомъ и разговоромъ, предметомъ котораго былъ молодой графъ и его несмѣтныя богатства.

ГЛАВА II

Я не назову ни губерніи, ни уѣзда, въ которыхъ была небольшая деревенька Вѣры Ивановны и гдѣ красовалось сосѣднее съ нею великолѣпное помѣстье молодаго графа, слухъ о скоромъ пріѣздѣ котораго быстро распространился по всей губерніи. Я думаю будетъ довольно, если я скажу, что Березовка находилась въ одной изъ великороссійскихъ губерній.

Березовка смиренно пріютилась въ лощинѣ, окруженной почти со всѣхъ сторонъ небольшими вспаханными холмами, на которыхъ еще мѣстами торчали кусты берез-

няка, такъ что надобно было подъѣхать почти къ самой околицѣ, чтобы открыть деревню. Вправо за нею, по направленію къ селу Покровскому, между кустарниками вилась въ гору проселочная дорога, исчезавшая въ густой рощѣ, принадлежавшей уже покровскому владѣльцу.

Осенью, среди желтѣющихъ жнивъ, ее окружающихъ, Березовка представлялась проѣзжающему съ высоты холма небольшимъ чернымъ пятномъ. Избушка тѣсно лепилась къ избушкѣ; ветхія, темныя, покривившіяся въ разныя стороны, крытыя соломой, закоптившейся отъ дыма, онѣ, какъ избы во всѣхъ нашихъ деревняхъ старинной постройки, представляли печальный видъ. Усадьба находилась нѣсколько въ сторонѣ; но барскій домъ и службы также ветхія, какъ крестьянскія избы, отличались отъ нихъ только тесовыми крышами, съ которыхъ дожди давнымъ-давно смыли краску и которыхъ вмѣсто того время украсило изумруднымъ мхомъ, мягкимъ и пушистымъ какъ бархатъ. Рѣшетчатый палисадникъ передъ домомъ и около сада въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ подгнилъ, обвалился, и былъ замѣненъ плетнемъ. Садъ неизвѣстно почему именовался такъ: это было небольшое пространство, заросшее крапивою и репейникомъ, гдѣ густо разрослось нѣсколько деревьевъ, между которыми кудреватыя, темно-зеленыя, широкія вершины стараго прямаго дуба красиво возвышались надо всѣми. Передъ барскимъ домомъ находился небольшой прудъ, открытый съ той стороны, съ которой сходился къ водопою барскій и крестьянскій скотъ, оставлявшій на пескѣ разнообразные и пестрые слѣды копытъ своихъ; съ другой—опушенный кустами тальника и вербы, купавшими свои вѣтви въ темной водѣ, на поверхности которой плавали мѣстами круглые, какъ тарелки, лопухи. За этимъ прудомъ прямо на полуверсту тянулось болото, покрытое красноватымъ мхомъ и поросшее багульникомъ, который весною далеко разносилъ въ воздухѣ свой пріятный и раздражающій запахъ.

Внутреннее расположеніе барскаго домика было нетрудно угадать по его наружному фасаду. Со двора подъѣздъ съ крылечкомъ и навѣсомъ; передняя не очень свѣтлая съ двумя окрашенными бѣлой краской и потомъ зама-

слеными ларями..... Здѣсь старый Игнатьичъ, въ синемъ длинномъ домашняго сукна сюртукѣ и съ вѣчно синими отъ сукна руками, въ кумачныхъ панталонахъ и съ засученными рукавами, подшитыми посконнымъ холстомъ, занимался обыкновенно чищеньемъ самовара или тачаньемъ сапоговъ, вынимая по временамъ изъ кармана тавлинку и понюхивая съ большимъ наслажденіемъ *мафорскій съ донникомъ*, который, по увѣренію содержателя табачной лавочки въ уѣздномъ городѣ—Осипа Иванова, большого пріятеля Игнатьича, ни въ чемъ не уступалъ *віоле*, душистому и бергамотовому, хотя, конечно, былъ не такъ забористъ, какъ *кальмыцкій зеленчакъ*. Изъ передней—зала, служившая также и столовой, съ старинными рѣшетчатыми стульями вдоль стѣнъ, выкрашенными желтой краской, съ двумя круглыми зеркалами въ простѣнкахъ, съ двумя ломберными столами и съ большимъ круглымъ столомъ, полы котораго опускались съ обѣихъ сторонъ; изъ залы — гостиная, съ диваномъ, передъ которымъ, какъ водится, стоялъ круглый столъ съ креслами кругомъ и надъ которымъ висѣлъ въ почернѣвшей отъ времени рамѣ портретъ покойнаго супруга Вѣры Ивановны, изображавшій его еще въ образѣ младенца, въ бѣлой рубашкѣ, съ толстыми и красными щеками, съ большими глазами и съ огромнымъ, краснымъ яблокомъ въ рукѣ.

За гостиною—спальня Вѣры Ивановны, съ лежанкою; потомъ дѣвичья, по обыкновенію биткомъ набитая горничными, въ полосатыхъ тиковыхъ платьяхъ.

Комнаты гувернантки и Кати находились наверху, въ мезонинѣ. Комната Кати рѣзко отличалась отъ всѣхъ остальныхъ. Въ этой комнатѣ, всегда чисто убранной, обнаруживалось уже образованное влеченіе къ тому, что англичане назвали комфортомъ: та же простая мебель, какъ и внизу, была разставлена такъ, что казалась даже лучше и красивѣе. Здѣсь уже были и кисейныя занавѣски у оконъ, и фортепьяно, и ноты, и книги; на столѣ—стеклянная ваза съ искусно подобраннымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, а на стѣнѣ—гравированные портреты Вальтеръ-Скотта и Жоржъ-Зандъ.

Жизнь въ Березовкѣ, какъ вообще деревенская жизнь

небогатыхъ помѣщиковъ, тянулась до того вяло, до того утомительно однообразно, особенно зимою, что пріѣздъ какихъ нибудь сосѣдей составлялъ почти эпоху. Вѣра Ивановна вставала обыкновенно въ седьмомъ часу и до осьми часовъ занималась различными распоряженіями, потому что была большая хлопотунья. Въ восемь часовъ Катя съ Надеждою Кондратьевной сходили внизъ къ чаю, и Вѣра Ивановна всякое утро встрѣчала свою Катю такъ, какъ будто не видала ее нѣсколько времени: обнимала, цѣловала ее, гладила ея волосы, и приходила въ величайшее безпокойство, если Катя вмѣсто двухъ чашекъ выпивала одну.

— Что̀ съ тобой, дружочекъ? говорила она въ такихъ обстоятельствахъ, подозрительно смотря на нее:—ужъ здорова ли ты? Что-то у тебя глаза-то какъ будто мутные? Да хорошо ли ты почивала? Да не болитъ ли у тебя головка?

И она прикладывала свою руку къ головѣ Кати.

Послѣ чаю, если была хорошая погода, Катя вмѣстѣ съ Надеждой Кондратьевной отправлялась гулять или безъ всякой цѣли, или иногда въ лѣсъ за грибами и за ягодами, и гувернантка непремѣнно въ такомъ случаѣ брала съ собою какой нибудь романъ. Чаще всего онѣ ходили по дорогѣ къ Покровскому или гуляли въ покровскомъ паркѣ, который всего былъ въ трехъ съ половиною верстахъ отъ Березовки. Это была любимая прогулка Кати,— и немудрено: село Покровское, съ своей великолѣпной усадьбой, съ своимъ большимъ и искусно разбитымъ паркомъ и съ садомъ, расположеннымъ на берегу рѣчки Верейки, отличавшейся не столько шириною и полноводіемъ, сколько высокими, извилистыми и живописными берегами, славилось своимъ богатствомъ и мѣстоположеніемъ въ цѣлой губерніи. Окрестности же Березовки, за исключеніемъ Покровскаго, на нѣсколько десятковъ верстъ утомляли глазъ безконечною гладью, прерываемою или мелкимъ кустарникомъ и болотомъ, или небольшими и однообразными сосновыми лѣсами. Катя и Надежда Кондратьевна часто въ жаркіе дни отдыхали подъ тѣнью старыхъ, великолѣпныхъ липъ и кленовъ на берегу Верейки, въ верстѣ отъ

Покровскаго, любуясь видомъ на противоположный берегъ, и Катя говорила Надеждѣ Кондратьевнѣ:

— Вотъ, если бы нашъ домикъ стоялъ на этомъ мѣстѣ, какъ бы это было хорошо. Не правда ли?

— Ахъ, машеръ, повѣрьте, возражала Надежда Кондратьевна:—можно жить не только у васъ, въ Березовкѣ, даже въ Камчаткѣ, если сердце не праздно и если тотъ, кого оно избрало, близокъ къ намъ: тогда и Камчатку вы не промѣняете ни на какую итальянскую виллу. Ну, а если ничего не занимаетъ, тогда.... Вотъ мнѣ такъ все равно, гдѣ ни жить: въ Березовкѣ, въ Парижѣ, или въ Петербургѣ.

И изъ груди ея вырвался глубокій вздохъ.

Часто Катя и Надежда Кондратьевна доходили до самаго покровскаго дома. Садъ содержался въ большомъ порядкѣ, и передъ домомъ было множество цвѣтовъ, до которыхъ Катя была большая охотница. Онѣ всходили на террасу, подходили къ окнамъ дома и съ любопытствомъ разсматривали комнаты. Паркетный полъ этихъ комнатъ лоснился какъ стекло; всѣ стѣны были увѣшаны картинами; вездѣ на мраморныхъ стѣнахъ и каминахъ бронзы; вдали, въ концѣ анфилады комнатъ какая-то мраморная группа. Одинъ разъ Катя подставила руку къ глазамъ, чтобы разсмотрѣть удобнѣе картину, висѣвшую прямо противъ окна. На этой небольшой картинѣ, отличавшейся замѣчательною яркостію и блескомъ колорита, изображенъ былъ пастушескій праздникъ. Густо-лиственныя, но легко набросанныя деревья, прозрачность неба, мягкость и свѣжесть зелени, смѣло и ловко расположенныя фигуры, исполненныя движенія и гибкости, женскія кокетливыя личики, нѣжность тѣла, граціозность позъ, блескъ ихъ соблазнительныхъ одеждъ,—все невольно останавливало вниманіе на этой картинѣ.

Катя долго и съ большимъ любопытствомъ разглядывала ее, и вдругъ, обрадовавшись своему открытію, вскрикнула:

— Надежда Кондратьевна! Надежда Кондратьевна! посмотрите ради Бога: вѣдь это долженъ быть непремѣнно Ватто! Я васъ увѣряю, ну, право, это Ватто!

Катя всегда съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ читала біографіи знаменитыхъ художниковъ и потому имѣла нѣкоторое понятіе о ихъ родѣ живописи и манерѣ. Катя не ошиблась, потому что это точно былъ Ватто.

Катя не могла оторваться отъ окна. И всякій разъ у этихъ оконъ она открывала что нибудь новое.

— Ахъ, посмотрите, кричала она въ другой разъ своей гувернанткѣ:—посмотрите, Надежда Кондратьевна, этотъ мраморный бюстъ старичка. Какая удивительная работа!

— Вѣдь это для *васъ*, машеръ, все въ-диковину, отвѣчала Надежда Кондратьева, потому что вы еще нигдѣ не были и ничего не видали; а ужь я на все насмотрѣлась!

Одинъ разъ, когда онѣ стояли такимъ образомъ у оконъ, смотритель дома, проходившій мимо, предложилъ, не угодно ли имъ будетъ осмотрѣть домъ.... Катя была въ восторгѣ: она ахала отъ удивленія на каждомъ шагу, долго останавливалась передъ каждой картиной, потому что всѣ картины казались ей работы великихъ мастеровъ, хотя то были по большой части копіи, слывшія, разумѣется, за оригиналы, и нѣсколько въ самомъ дѣлѣ оригинальныхъ картинъ французской школы, между которыми можно было указать на аллегорическія картины Лебрёна, на двѣ или на три картины Пуссена и на картину Ватто. Когда онѣ вошли въ комнату, поперекъ которой стояла огромная постель подъ зеленымъ полинялымъ балдахиномъ, обшитымъ золотою бахрамою, смотритель дома сказалъ:

— Это была опочивальня ея сіятельства графини Александры Васильевны, бабушки графа Сергѣя Григорьича. Вотъ-съ и портретъ ихній на стѣнѣ, когда онѣ были еще въ дѣвицахъ, писанный знаменитымъ живописцемъ Грёзомъ.

Катя взглянула на портретъ.

Передъ нею была дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, съ живыми, тонкими, игривыми чертами лица, съ голубыми глазками, съ нѣсколько насмѣшливыми губами и съ темными волосами, зачесанными назадъ, въ длинномъ корсажѣ, съ букетомъ цвѣтовъ на груди.

— Молодой графъ нашъ, замѣтилъ смотритель дома:— очень, говорятъ, похожъ на свою бабушку.

«Онъ долженъ быть очень недуренъ»—подумала Катя,

и не знала, чему удивляться: сходству ли его съ бабушкой, красотѣ ли этой бабушки, или граціозной и нѣжной кисти, такъ мастерски изобразившей ее,—и ей казалось страннымъ и непонятнымъ отсутствіе владѣтеля этихъ сокровищъ. «На его мѣстѣ думала она:—я бы всегда жила здѣсь, мнѣ было бы жаль хоть на минуту разстаться со всѣмъ этимъ».

По возвращеніи домой, ей всегда дѣлалось очень грустно: этотъ домикъ, въ которомъ она родилась и выросла, этотъ садъ изъ двухъ небольшихъ аллей, съ полузаросшими дорожками, съ крапивой и репейникомъ у полуобвалившагося забора, и все, что ни окружало ее—казалось ей еще болѣе бѣднымъ, ветхимъ и жалкимъ.

Послѣ такихъ утреннихъ прогулокъ садились обыкновенно за столъ. Послѣ обѣда Катя занималась работой или читала что нибудь, потомъ опять прогулка въ полѣ, потомъ чай, ужинъ. Послѣ ужина Вѣра Ивановна непремѣнно провожала Катю наверхъ, для того чтобы посмотрѣть, хорошо ли тамъ все у нея,—подойдетъ бывало къ ея постели, перекреститъ изголовье, потомъ начнетъ цѣловать и крестить Катю на сонъ грядущій и, простившись съ нею, отправляется во-свояси и засыпаетъ уже совершенно покойно.

Раза два или три въ годъ Катя танцовала на именинныхъ праздникахъ у помѣщиковъ. Бывало съ дѣтскою радостью заранѣе приготовлялась она къ этимъ торжественнымъ днямъ, ожидала ихъ съ нетерпѣніемъ, отъ волненія не спала ночь наканунѣ... Но небольшая зала съ низенькимъ потолкомъ и выбѣленными стѣнами, освѣщенная тускло горящими лампами, биткомъ набитая расплывшимися, толстыми барынями, которыя обмахивались носовыми платочками, и тоненькими барышнями, подпрыгивавшими подъ громъ разстроенныхъ фортепьянъ или подъ визгъ домашняго оркестра,—все это уже потеряло для Кати заманчивость. И въ то время, когда все добродушно шумѣло, скакало, прыгало и потѣло вокругъ нея—ей было скучно. Воображеніе переносило ее изъ какого нибудь Губина въ Парижъ или въ Лондонъ; изъ душной деревенской комнаты—въ залы, сіяющія огнями, золотомъ и роскошью, на эти фантастическіе балы, которые такъ соблазнительно описываются

въ разныхъ французскихъ романахъ и повѣстяхъ. Бѣдная провинціальная дѣвушка начинала сравнивать окружавшую ея дѣйствительность съ тѣми увлекательными картинами, отъ которыхъ у нея не разъ билось сердце и замиралъ духъ. Въ одну изъ такихъ минутъ, на именинахъ у какой-то сосѣдки, она выведена была изъ своихъ мечтаній нѣсколько хриповатымъ и глухимъ голосомъ, сопровождавшимся звучнымъ бряцаніемъ шпоръ:

— *Мадмуазель, пермете муа де ву з'ангаже.*

Катя вздрогнула и подняла голову. Передъ нею стоялъ уланъ, высокаго роста, съ полнымъ круглымъ и краснымъ лицомъ, съ густо вычерненными усами, съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ, точно изъ слюды, съ локтями, выставленными впередъ, и съ таліей, крѣпко перетянутой. Это былъ сынъ отчасти извѣстной читателямъ помѣщицы Кобеляковой.

— *Пермете де ву з'ангаже*, повторилъ г. Кобеляковъ, охорашиваясь, затыкая одинъ палецъ за пуговицу мундира, лихо расшаркнувшись и брякнувъ шпорами.

Катя слегка наклонила голову и молча подала ему руку.

Когда онъ привелъ ее на мѣсто, подставилъ ей стулъ и самъ сѣлъ возлѣ нея, онъ нѣсколько минутъ молча и искоса посматривалъ на нее однимъ глазомъ и покручивалъ усы, потомъ вскочилъ со стула, произнеся: «*сэ т'а ну де комансе*», и бросился на танцовальную арену, выставивъ локти еще болѣе впередъ, искусно поводя плечами, на которыхъ блестѣли эполеты съ тремя звѣздочками, и пристукнувъ шпорами... Когда фигура была кончена и они сѣли, онъ, поигрывая толстой цѣпочкой отъ часовъ, началъ въ этотъ разъ поглядывать уже на плечи своей дамы, и потомъ обратился къ ней:

— *Ву дансе боку, мадмуазель?*

— Нѣтъ, рѣдко, отвѣчала Катя.

— *Пуркуа? Се тре з'агреабль....* Танцы—очень пріятное препровожденіе времени... Разумѣется, тутъ нѣтъ ничего собственно для ума и для сердца, но все-таки развлеченіе....

И г. Кобеляковъ началъ снова играть своей цѣпочкой.

Катя ничего не отвѣчала.

Послѣ минуты молчанія, покрутя усъ, онъ снова началъ:

— Вотъ я прошлый годъ ужасть какъ танцовалъ. Я былъ въ отпуску въ Москвѣ и не пропускалъ ни одного бала въ собраніи:—повеселился, можно сказать, вволю... Въ Москвѣ очень весело и славная зала въ собраніи. Вы изволили быть въ Москвѣ?

И, сдѣлавъ этотъ вопросъ, онъ уже довольно смѣло и обоими глазами погрузился въ созерцаніе своей дамы, которая видимо произвела на него впечатлѣніе....

— Я никогда не выѣзжала изъ деревни, сказала Катя.

— *Плетилъ?* вскрикнулъ г. Кобеляковъ, все смотря на ея плечи и не слыхавъ въ разсѣяніи отвѣта.

— Я не была въ Москвѣ, повторила Катя.

Затѣмъ разговоръ прекратился. Черезъ нѣсколько времени онъ ангажировалъ Катю на туръ вальса, пронесся съ нею по залѣ, въ заключеніе ловко завертѣлся съ нею, брякнулъ шпорами, раскланялся, сказалъ стоявшему возлѣ него пріятелю: «ну, братецъ, теперь можно и затянуться», какъ будто сдѣлалъ какое нибудь дѣло, и отправился съ нимъ изъ залы.

— Не знаешь ли ты, братецъ, спросилъ онъ у него:— кто эта барышня, съ которою я сейчасъ провальсировалъ? Славныя плечи, славныя! душка, просто душка!

— Это дочь здѣшней помѣщицы Бѣловой.

— И съ состояніемъ? спросилъ г. Кобеляковъ, закуривая трубку.

— Послѣ матери достанется ей слишкомъ сто душъ.

— Заложенныя, разумѣется? съ гримасой возразилъ г. Кобеляковъ, затянувшись.

— Нѣтъ, не заложенныя.

Г. Кобеляковъ выпустилъ изо рта мрачную тучу дыма.

— *Жоли персонъ, тре жоли,*—только, жаль, кажется, она не говоритъ по французски?

— Нѣтъ, извини! Ужь я знаю, что говоритъ, да еще какъ говоритъ! Она такъ и лупитъ, говорятъ, французскіе романы.

— Отчего же, братецъ, я заговаривалъ съ нею все по французски, а она отвѣчаетъ по русски?

— Да Богъ ее знаетъ! Она, видишь, такая странная

и неразговорчивая совсѣмъ. Да вотъ спроси лучше о ней у Александра Иваныча.

— О комъ у васъ идетъ рѣчь? спросилъ Александръ Иванычъ, глубокомысленно прищуривая свои глазки.

— О мамзель Бѣловой, возразилъ г. Кобеляковъ:—она съ большимъ шикомъ и очень *комъ-иль-фо*.

— Это, сударь, дѣвушка замѣчательная по уму, красотѣ и по образованію. Это драгоцѣннѣйшій перлъ, которому недостаетъ только богатой оправы; при этомъ условіи, она могла бы играть роль и въ столицѣ,—я вамъ за это отвѣчаю! Это шекспировская Джульета вмѣстѣ съ гётевской Миньоной; только нашъ сѣверъ наложилъ на нее печать своей задумчивости....

И, произнеся это, Александръ Иванычъ торжественно вытянулъ правую руку, для приданія большаго значенія своимъ словамъ.

— А она говоритъ по французски? спросилъ Кобеляковъ.

— Еще бы! У нея даже чистѣйшій парижскій акцентъ, что, замѣтьте, не у многихъ.

— Неужели?!

Г. Кобеляковъ явно былъ пораженъ этимъ.

— Александръ Иванычъ! Александръ Иванычъ! раздался вдругъ бархатный голосъ его супруги: — гдѣ вы? Я васъ вездѣ ищу.... Пожалуйста, подите сюда....

— Сейчасъ, сейчасъ, матушка! сказалъ старичокъ, заторопившись, вдругъ потерявъ всю свою важность и глубокомысленность при звукѣ этого голоса, и выбѣжалъ вонъ изъ комнаты, бросивъ недокуренную сигару.

— Эта барышня сильно напоминаетъ мнѣ другую, съ которой я танцовалъ въ Москвѣ въ собраніи, сказалъ Кобеляковъ, закуривая вторую трубку и обращаясь къ своему пріятелю:—и которая, надо тебѣ сказать, была ко мнѣ очень неравнодушна.... Вотъ точно такія же роскошныя плечи, какъ у этой, только у той родимое пятнышко на лѣвомъ плечѣ; а ужъ по французски такъ и рѣзала.... право!... и ноженка затянута въ атласный башмачокъ.... Прелесть эдакая, *комъ-иль-фо*.... Я тебѣ скажу, братецъ, по секрету, что у меня хранится одинъ изъ ея башмач-

ковъ... Я не разъ пивалъ изъ него.... Вотъ когда ты пріѣдешь къ намъ, я тебѣ его покажу.... А какъ зовутъ мамзель Бѣлову?

— Катерина Павловна.

— Катишь!... Душка!

Г. Кобеляковъ затянулся, бросилъ трубку въ уголъ, пріосанился, отправился въ залу, подсѣлъ къ своей маменькѣ — толстой барынѣ съ бородкой и съ усиками—и началъ ей что-то нашептывать, указывая глазами на Катю.

При слабости, общей всѣмъ такого рода дамамъ къ сплетничеству и тараторству, г-жа Кобелякова имѣла и большія достоинства: она была удивительная хозяйка, имѣла триста-пятьдесятъ душъ и кучу дѣвокъ во дворѣ, которыя считались первыми рукодѣльницами въ цѣлой губерніи: вышивали въ тамбуръ и гладью, плели кружева, вязали молодому барину шерстяные шарфы и одѣяла, и трепетали передъ барыней.

Вскорѣ послѣ этого бала, г-жа Кобелякова, вообще рѣдко посѣщавшая Вѣру Ивановну, явилась къ ней съ визитомъ, то-есть прогостила у нея три дня, съ двумя горничными дѣвками, съ двумя людьми, считая въ томъ числѣ, впрочемъ, и кучера, и съ тремя болонками. Впродолженіе этого времени она изъявляла большую нѣжность Вѣрѣ Ивановнѣ, говорила, что никого такъ искренно не любитъ, какъ ее; бранила очень многихъ своихъ пріятельницъ, особенно Алену Ѳедоровну, жену Александра Иваныча, называла ея даже во всѣхъ отношеніяхъ безсовѣстной женщиной, а самого Александра Иваныча — пустѣйшимъ болтуномъ и хвастуномъ, и разсыпалась въ величайшихъ похвалахъ своему сыну.

— Ахъ, такого сына имѣть особенное счастье, говорила она:—я каждый день за него благодарю Бога... И, вообразите, ему предлагали прекрасныхъ и богатыхъ невѣстъ въ Москвѣ, да не женился, — говоритъ: «не по сердцу, другъ мой, мамаша!» Ну да и лѣта еще были не такія. Чтожъ, ему теперь только недавно минуло двадцать-пять лѣтъ... Ужь вы позвольте, матушка Вѣра Ивановна, познакомить его съ вами и съ Катериной Павловной: я ужь его непремѣнно привезу къ вамъ.

И въ самомъ дѣлѣ, дней черезъ десять она явилась съ сыномъ, которому предшествовалъ нестерпимый запахъ пачули. Онъ безпрестанно отпускалъ французскія фразы, гремѣлъ саблей и звенѣлъ шпорами, разсказывалъ о балахъ въ московскомъ собраніи и передъ обѣдомъ выпилъ три рюмки водки, замѣтивъ Вѣрѣ Ивановнѣ, что онъ лучше этой водки не пивалъ нигдѣ, даже въ московскомъ собраніи и въ печкинской кофейной. Онъ сѣлъ возлѣ Кати, которая вышивала подушку съ бабочками, и началъ рядъ любезностей вопросомъ:

— *Се ла папильонъ ке ву кузе, мадмуазель?*

Катя хотя и не была смѣшливаго характера, но на этотъ разъ никакъ не могла удержаться отъ смѣху.

— Чему вы смѣетесь?.. *pardon* за нескромный вопросъ!... Вѣрно, какая нибудь смѣшная мысль пробѣжала въ вашей головкѣ?

— Да, вы угадали, отвѣчала Катя, продолжая уже смѣяться свободнѣе.

— Признаюсь, я дорого бы далъ, чтобъ узнать ваши мысли. *Ма фуа, се тре кюрьё.*

— Вы думаете?

— Болѣе, нежели думаю, сударыня, — я въ этомъ увѣренъ.

— А молодежь-то наша, посмотрите, смѣется себѣ, замѣтила толстая барыня съ бородкой Вѣрѣ Ивановнѣ:— вѣдь глядя вотъ теперь эдакъ на нихъ, такъ невольно сердце и радуется.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этихъ тонкихъ намековъ г-жа Кобелякова сдѣлала уже формальное предложеніе, говоря, что сынъ ея страстно влюбленъ въ Катерину Павловну, не имѣетъ ни днемъ, ни ночью покоя, все только думаетъ о ней, и если она приметъ его предложеніе, то онъ почтетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Къ этому толстая барыня прибавила, что онъ единственный наслѣдникъ Колотиловки, что, слава Богу, у нихъ имѣньице кругленькое, почти по девяти десятинъ на душу, что нынче въ рѣдкость, и что неудобной земли нѣтъ ни одной сажени. Вѣра Ивановна благодарила ее за честь, сдѣланную ея дочери, сказала, что переговоритъ съ нею и дастъ отвѣтъ,

но прибавила къ этому, что все зависитъ отъ Кати, что противъ воли ея она не пойдетъ, и что если Катя согласна, то касательно ея благословенія сомнѣваться нечего.

Вѣра Ивановна все это очень серьезно сообщила Катѣ и не безъ волненія ожидала ея отвѣта.

Катя крѣпко поцѣловала старушку, улыбнулась и спросила ее:

— Ну, а вы, маменька, вы не противились бы этому браку?

— На что же мнѣ противиться, Катенька? сохрани меня Боже. Кого ты полюбишь, того и я полюблю:—въ этомъ тебѣ нечего сомнѣваться; онъ долженъ тебѣ прежде понравиться, потому что жить-то съ нимъ вѣдь не мнѣ, а тебѣ.

— А вамъ онъ нравится, маменька?

— Да ужъ я тебѣ говорю, если онъ тебѣ нравится, такъ и мнѣ понравится.

— Нѣтъ, скажите, нравится ли онъ вамъ?

— Чтожь, онъ молодой человѣкъ очень пріятный, сказала нетвердымъ голосомъ Вѣра Ивановна, посматривая на Катю, какъ бы желая вывѣдать ея образъ мыслей:— только одно условіе—пусть онъ выйдетъ въ отставку. Ужь я ни за что не могу съ тобой разстаться, вся моя жизнь въ тебѣ, Катенька: что я буду безъ тебя?

Старушка устремила умоляющіе глаза на Катю и зарыдала, обнявъ ее. Катя снова принялась цѣловать ее и улыбалась ей сквозь слезы, потому что мысль когда нибудь разстаться съ матерью казалась и ей страшною.

— Будьте покойны, сказала она:—будьте покойны: мы не разстанемся съ вами. Этотъ господинъ мнѣ вовсе не нравится; я ни за что бы на свѣтѣ не согласилась быть его женою.

Старушка просіяла.

— То-то, то-то, голубчикъ мой! произнесла она, утирая слезы:—онъ и мнѣ-то, признаться сказать, что-то казался такимъ страннымъ, ей Богу...

Когда толстая барыня получила отказъ, она пришла въ неописанное негодованіе: лицо ея покрылось багровыми пятнами, бородка зашевелилась, и, вся трепеща отъ гнѣва, она побѣжала въ комнату сына. Онъ, ничего не предчув-

ствуя, лежалъ на кушеткѣ, въ халатѣ, обсыпанный кругомъ табачнымъ пепломъ, покуривая и пуская изо рта кольца дыма. Возлѣ него стоялъ его камердинеръ.

— Ну-ка, давай табакерку, сказалъ Кобеляковъ, зѣвая: — что-то смерть понюхать хочется.

Лакей взялъ со стола небольшой краснаго дерева поставецъ и отворилъ его. Въ этомъ поставцѣ укладывался графинъ съ водкою и рюмка.

Лакей наполнилъ рюмку.

Кобеляковъ выпилъ залпомъ и крякнулъ отъ удовольствія.

Въ эту самую минуту съ шумомъ отворилась дверь, и передъ нимъ предстала виновница дней его.

Лакей вышелъ.

— Благодарю васъ, очень благодарю, Семенъ Николаичъ! сказала она сыну, размахивая руками:—по вашей милости я получила сегодня такой афронтъ, вы меня на старости лѣтъ заставили сыграть такую дурацкую роль, какой я еще никогда въ жизни не играла.

— Что такое? сказалъ онъ, приподнимаясь съ кушетки.

— Вы вотъ ничего не знаете, вы тутъ спокойно себѣ лежите, вамъ и горя мало, а я-то на старости лѣтъ съ ума сошла: послушала васъ! Ништо мнѣ, ништо, по дѣломъ... И вѣдь пришла же вамъ эдакая глупость въ голову! Поздравляю васъ: вы получили сегодня формальный отказъ. Какъ вамъ покажется: — эта мелюзга, эта, съ позволенія сказать—голь туда же топырщится, говоритъ: «надо спросить у дочери согласія», а эта нестоющая никакого вниманія дѣвчонка осмѣливается отказывать *вамъ!* Каково это? Да она бы за счастье, дурища, должна была считать, что за нее сватается такое лицо.... Отказывать тебѣ, *моему* сыну! а?

— Вотъ тебѣ и разъ! воскликнулъ Кобеляковъ и невольно прищелкнулъ языкомъ.

— И что она такое? Я ей укажу ея настоящее мѣсто... Дай срокъ, продолжала г-жа Кобелякова:—нѣтъ, со мной шутить нельзя. Я не позволю! Да и матушка-то ея, которая пляшетъ по дудкѣ этой дѣвчонки, и матушку-то я такъ осрамлю при всѣхъ, что ей стыдно будетъ на бѣлый свѣтъ

показаться. Вотъ что! Ахъ, они эдакіе!... И ты, батюшка, хорошую невѣстушку мнѣ приготовлялъ! Да я ее на мою Феньку не промѣняю! Да у Феньки-то по крайней мѣрѣ руки золотыя: она рукодѣльница такая, какой другой и не отыщешь; а та что? книжки читаетъ, набиваетъ голову разной чепухой. Экая невидаль!...

— Ну, что такое, маменька, перебилъ сынокъ, не предвидя конца маменькиной рѣчи:—дрянь, такъ дрянь и есть, и говорить объ этомъ не стоитъ. Да я плевать на нихъ хочу... Вѣдь это такъ только, пришла мнѣ въ голову просто фантазія.... Невѣстъ много, за невѣстами дѣло не станетъ. Мнѣ стоитъ только съѣздить въ Москву: въ собраніи тамъ невѣстъ-то сколько угодно—выбирай любую. Не огорчайтесь. Ужь я васъ утѣшу такой невѣсткой, что просто мое почтеніе, заставлю здѣсь всѣхъ ротъ разинуть....

— Но каково же мнѣ перенести отказъ-то, и отъ кого же! начала она опять свое, но уже болѣе смягченнымъ голосомъ, нѣсколько утѣшенная тѣмъ, что сынъ обѣщалъ ей такую невѣстку, отъ которой всѣ ротъ разинутъ.

Она, впрочемъ, долго еще изливала свой гнѣвъ на Вѣру Ивановну и ея дочь, которыя съ этой минуты пріобрѣли въ ней и ея сынѣ непримиримыхъ враговъ.

Г. Кобеляковъ, самолюбіе котораго было сильно, однако, уязвлено, боясь, чтобы вѣсть объ отказѣ не разгласилась въ губерніи, говорилъ всѣмъ своимъ знакомымъ:

— Вообразите, здѣсь кто-то распустилъ слухи, будто я хочу жениться, будто я сватался.... Эдакой вздоръ... да на комъ же мнѣ здѣсь женится? на комъ? *Сета муриръ де риръ*. У меня въ Москвѣ были невѣсты богатыя, съ именемъ; меня искали, да я и тутъ не женился. Комедія! И откуда могли выйти эдакія сплетни?

Несмотря на неудачное сватовство, деревенская жизнь на распашку, съ борзыми, гончими и другими легкими и пріятными увеселеніями, до того понравилась Кобелякову и такъ благотворно подѣйствовала на его здоровье, что его платье къ концу отпуска перестало уже на немъ совсѣмъ сходиться. Онъ вышелъ въ отставку. О существованіи Кати онъ совсѣмъ почти забылъ; но если заходила рѣчь о ней въ его присутствіи, то онъ отзывался о ней

съ большимъ презрѣніемъ. Что же касается до его маменьки, то она послѣ первой горячки гнѣва, по долгомъ размышленіи, обдумала планъ, какимъ орудіемъ половче дѣйствовать противъ Вѣры Ивановны и ея дочери, потому что она не могла простить имъ смертельной обиды, нанесенной ея самолюбію. «Я ихъ такъ очерню—думала она, цѣлуя и лаская свою Бибишку и разчесывая ея шерсть собственнымъ гребнемъ:—такъ очерню, что онѣ не посмѣютъ никакому порядочному человѣку въ глаза показаться. Дайте срокъ».

И толстая барыня съ бородкой, принявъ на себя самый кроткій и смиренный видъ, грустнымъ голосомъ и покачивая головой при удобномъ случаѣ говорила всѣмъ и каждому такого рода рѣчи:

— Мнѣ истинно вчужѣ жаль эту несчастную Вѣру Ивановну... добрая—этого ужь у нея никто не отниметъ—но глупая женщина, и довела свою дочь до такого своевольства, до такого, что страшно, волосъ дыбомъ становится, ей Богу... Это я знаю ужь изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Мать бѣдняжка передъ ней совсѣмъ унижается, какъ холопка какая: — вотъ до чего довело это глупое баловство! Любовь, говорятъ, материнская любовь! Да, помилуйте, что это за любовь? Вотъ ужь я на что люблю моего Сеню, ужь болѣе, кажется, любить нельзя, а никогда его не баловала и всегда ему правду въ глаза говорила. Вотъ и теперь, когда онъ выходилъ въ отставку, говорю: ты дурно, голубчикъ, дѣлаешь, очень дурно!... А это, помилуйте, что это такое! Мать формально-таки дрожитъ, пикнуть не смѣетъ передъ дѣвчонкою—передъ дочерью; да гдѣ же это видано? А дочка-то съ гувернанткой своей цѣлые дни по лѣсамъ да по паркамъ, тамъ, знаете, около Петровскаго, а въ Петровскомъ-то (при этомъ толстая барыня наклонялась къ уху слушателя или слушательницы) управляющаго-то сынъ, двадцатилѣтній балбесъ, какъ будто нечаянно, знаете, имъ на встрѣчу. Срамъ, просто срамъ!... Не говорите вы только, Бога ради, этого никому: мнѣ по человѣчеству жалко эту глупую мать. Что ихъ позорить, Богъ съ ними! Но, такого поведенія, говорятъ, эта дѣвочка, что просто... да ужь лучше не говорить.

И толстую барыню съ бородкой слушали и слушали съ любопытствомъ, несмотря на то, что знали слабость ея язычка и наклонность къ вымысламъ, и слушали не только госпожи, не любившія Катю за то, что она была и лучше и воспитаннѣе ихъ дочерей, но и весьма серьёзные и благонамѣреннаго образа мыслей господа.

И эти почтенные господа и госпожи по секрету передавали сообщенное имъ другимъ господамъ и госпожамъ, столь же почтеннымъ; другіе, въ свою очередь, по секрету сообщали третьимъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, самая нелѣпая молва о Вѣрѣ Ивановнѣ и ея дочери разносилась съ быстротою молніи по всей губерніи, и нѣкоторыя матери даже строго запретили своимъ дочерямъ сближаться съ Катею, хотя вѣрили не болѣе, какъ половину этимъ разсказамъ, и считали ее какъ только—дѣвушкой безъ правилъ. До одного только Захара Лаврентьича не доходили эти слухи, потому что, зная его привязанность къ Вѣрѣ Ивановнѣ, никто при немъ не заговаривалъ въ дурную сторону ни о ней, ни о ея дочери; къ тому же на Захара Лаврентьича и мало обращали вниманія, считая его, какъ говорится, послѣдней спицей въ колесницѣ. Находились, однако, люди, которые и защищали Катю.

Къ числу заступниковъ Кати принадлежалъ и Александръ Иванычъ.

— Меня никто не увѣритъ, говорилъ онъ:—чтобы во всемъ этомъ была сотая доля правды. Съ точки зрѣнія здраваго смысла этого быть не можетъ, это противъ всѣхъ логическихъ законовъ. Эти господа всему вѣрятъ и распускаютъ нелѣпѣйшія выдумки, потому что у нихъ голова не развита, потому что у нихъ нѣтъ процесса мышленія, нѣтъ фонда, основы, точки опоры: они вертятся какъ флюгера, вѣрятъ всему и болтаютъ, не размышляя о томъ, что болтаютъ.... Дѣвушкѣ съ такимъ умомъ и притомъ такъ образованной не придутъ въ голову такія вещи, какія ей приписываютъ.

— Я сама этому не вѣрю, замѣчала своимъ бархатнымъ голосомъ Алена Ѳедоровна, поправляя височки:—и не вѣрю потому, что ее воспитывала Надежда Кондратьевна, которая мнѣ извѣстна за дѣвушку отличныхъ правилъ и пре-

красныхъ манеръ; но, однакожъ, всѣ говорятъ. Откудажъ взялось это? тутъ есть же что нибудь, какое нибудь основаніе....

— Всѣ! да кто эти всѣ? Во-первыхъ, молва—дудка, которую надуваютъ догадки, какъ сказалъ великій сердцевѣдецъ Шекспиръ; а во-вторыхъ, что это за люди! Люди раздѣляются на людей высшаго закала, избранныхъ и на толпу; послѣдніе: это что?—люди въ зародышѣ, in potentia. Избранные, эти такъ сказать sommité общества....

— Довольно, довольно! все это скучно! перебила его супруга, смотря въ лорнетъ на проходившую по двору бабу съ подойникомъ. — Ужъ я двадцать разъ слышала вашу философію, увольте меня отъ нея, сдѣлайте одолженіе.

И старичокъ, грустно потупивъ голову, тотчасъ же смолкалъ.

ГЛАВА III

До самой Вѣры Ивановны слухи эти не могли дойти, а Катя хотя и видѣла, можетъ быть, въ послѣднее время нѣкоторую перемѣну въ обращеніи съ нею разныхъ барынь и барышень, которыя прежде оказывали ей большую внимательность, но она вообще мало обращала на нихъ вниманія, и не старалась изслѣдовать причины этой перемѣны, да къ тому же и встрѣчалась съ ними рѣдко. Особенной дружбы она не питала ни къ одной изъ знакомыхъ своихъ сверстницъ, во-первыхъ, потому что имѣла характеръ несообщительный, а во-вторыхъ, потому что онѣ были скучны и въ гостяхъ большею частію сидѣли на вытяжку, затянутыя въ корсеты, со сложенными ручками, всегда такими умницами, отпускали отъ время до времени междометія: «ахъ! о! неужели!», или односложныя слова и заученыя французскія фразы; гуляли только въ саду, по дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ, и то не далеко отходили отъ дому, и если разговаривали, то очень жеманно и большею частію о предметахъ, касающихся до туалета. Какъ онѣ вели себя дома, — Катѣ было неизвѣстно: она, какъ я сказалъ, выѣзжала изъ своей Березовки очень

рѣдко, да и мало интересовалась этимъ. До меня же собственно, какъ до человѣка любознательнаго, доходили слухи, что дома барышни были несравненно развязнѣе, бѣгали даже по полямъ и играли въ горѣлки; корсеты употребляли только въ праздничные дни и были болѣе нежели разговорчивы, даже болтливы наединѣ со своими горничными.

Катя была только откровенна со своею матерью и никогда ничего не таила отъ нея; да, впрочемъ, и таить ей было нечего. Тайны дѣвушки—говорятъ сочинители—начинаются вмѣстѣ съ первымъ біеніемъ сердца, вмѣстѣ съ первою любовью, а Катя имѣла понятіе о любви еще только по романамъ. Правда, у нея начинали зарождаться мысли, которыхъ она не сообщала Вѣрѣ Ивановнѣ, потому что добрая старушка не могла бы ихъ взять хорошенько въ толкъ, и вопросы, которые поставили бы ее уже совершенно въ тупикъ. Катя это чувствовала и ей не разъ приходило въ голову, какъ бы хорошо было, еслибъ она имѣла возлѣ себя еще другое существо, также близкое и любящее ее, какъ мать, но образованное, развитое, которое, понимая ее и сочувствуя ей, разрѣшало бы ея недоумѣнія, сомнѣнія и вопросы. За неимѣніемъ такого существа, она поневолѣ должна была уединяться въ самое себя и созидать, съ помощью романовъ, читанныхъ ею, свой особенный, отдѣльный міръ, изъ какихъ-то блестящихъ и не вѣроятныхъ видѣній и призраковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ окружавшею ее жизнью.

При врожденномъ благородствѣ манеръ и граціи, которыхъ Катѣ и перенять, впрочемъ, было не у кого, въ ея движеніяхъ, въ ея взглядахъ, въ ея разговорахъ было что-то нѣсколько грустное и вмѣстѣ изнѣженное, даже лѣнивое, но очень привлекательное. Эту плавную медленность въ движеніяхъ, этотъ туманъ во взглядѣ, эту грусть въ выраженіи—съ перваго раза, по неопытности, можно было принять, пожалуй, за равнодушіе, — и очень ошибиться. Катя была высока, стройна и въ семнадцать лѣтъ уже совершенно развита. Александръ Иванычъ замѣчалъ о ней даже, что съ точки зрѣнія пластической лучше уже ничего желать нельзя, и что она вырѣзана рѣзцомъ Кановы,

Александръ Иванычъ, который немножко любилъ преувеличенія, находилъ, между прочимъ, что у Кати характеръ смѣлый и рѣшительный, и что въ груди у нея—волканъ. При словѣ: волканъ, онъ, разумѣется, совсѣмъ закрывалъ свои глазки и поднималъ торжественно правую руку. Я могу сказать только одно, что въ Катѣ не было еще ни увѣренности въ собственныхъ силахъ, ни вѣры въ самое себя—отличительнаго признака характеровъ сильныхъ; что она никакъ не могла представить своего существованія отдѣльно отъ существованія матери, и когда безотчетная тоска овладѣвала ею и томила ее, она всегда прибѣгала къ ней, какъ бы ища у нея защиты.

Въ такія минуты Вѣра Ивановна находилась обыкновенно въ страшной тревогѣ...

«Отчего бы, кажись, скучать Катенькѣ?—думала она, тщетно старясь разрѣшить эти вопросы. — Я люблю ее, видитъ Богъ, люблю такъ, что ужъ больше-то и любить, кажется, нельзя; всѣ ея малѣйшія желанія — она знаетъ это—я готова исполнить, ни въ чемъ ей нѣтъ отказу; да она, впрочемъ, ничего у меня и не проситъ, голубушка. Всегда стараюсь, чтобы за обѣдомъ были ея любимыя кушанья, чтобы ей было покойно, удобно, чтобы она не чувствовала ни въ чемъ недостатка.... Кажется, и бѣлья и платья, слава Богу, всего у нея вдоволь. Любитъ она обуваться хорошо: ну, я и ботинки ей изъ Петербурга выписываю, несмотря на то, что дорого.... Господи! да неужто я стану для нея жалѣть денегъ?... Отчего же это она скучаетъ? И ума не приложу.»

И бѣдная старушка обращалась къ дочери, думая, что она разрѣшитъ ея недоумѣнія; но Катя всегда отвѣчала одно и тоже:

— Маменька, это пройдетъ, это такъ, я сама не знаю отчего. Не смотрите на это, ей Богу я покойна и счастлива. Могу ли я не быть счастлива, видя, какъ вы меня любите? и прочее.

И старушка смолкала, боясь еще болѣе растревожить дочь своими вопросами. Она прислоняла ея голову къ своей груди и смотрѣла на нее съ безконечною нѣжностью, съ теплою любовью, для большаго спокойствія Кати. Вѣра

Ивановна старалась сдерживать даже свое дыханіе... Въ комнатѣ была такая тишина, что можно было слышать біеніе сердца старушки. Тихое и пріятное ощущеніе разливалось по всему существу Кати, и она невольно улыбалась матери, а Вѣра Ивановна, при видѣ этой улыбки, оживлялась и говорила:

— Вотъ, моя голубушка, вотъ всегда смотри на меня такъ.... Когда ты весела, такъ вѣдь и мнѣ весело!

Дня черезъ два послѣ посѣщенія Александра Иваныча, съ чего начался этотъ разсказъ, Катя была въ самомъ дурномъ расположеніи духа и никакъ не могла скрыть этого, при всемъ стараніи, отъ проницательныхъ и любящихъ глазъ матери. Вѣра Ивановна начала придумывать, какъ бы развлечь ее, и вдругъ ей пришла мысль.

— А знаешь ли, другъ мой Катенька, сказала она:— ты бы поудила рыбку, вотъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, право.... Попробуй-ка счастья. Ты вѣдь еще никогда не удила.

— Пожалуй, отвѣчала Катя, обращаясь къ Захару Лаврентьичу.

Лицо Захара Лаврентьича просіяло мгновенно. Онъ весь встрепенулся и заморгалъ глазами.

— Извольте-съ, извольте, Катерина Павловна, сказалъ онъ: — вотъ-съ сейчасъ я для васъ приготовлю удочку... Только надо перемѣнить на ней лесу: она немножко замшарилась; а удочка безподобная, вотъ вы увидите, какое удилище... лучше ужъ и нельзя ждать: такое гнуткое-съ... Я его самъ срѣзалъ прошлою весною-съ....

И проговоря это довольно скоро, Захаръ Лаврентьичъ съ восторгомъ выбѣжалъ изъ комнаты для приготовленій.

Черезъ часъ Катя и Захаръ Лаврентьичъ сидѣли на берегу озера, въ полу-верстѣ отъ дома, влѣво за прудомъ, находившимся противъ дома. Вечеръ былъ теплый; чистое, синеватое небо только къ западу было подернуто нитями бѣлыхъ облаковъ, прозрачныхъ и тонкихъ какъ растянутая хлопчатая бумага; солнце освѣщало сзади гладкую поверхность зеленоватой воды, въ которой отражался прибрежный кустарникъ, и видно было трепетаніе кудрявой ольхи, подъ которой они сидѣли; свѣжіе, глянцовитые

листки распустившихся березокъ при малѣйшемъ колебаніи вѣтокъ разливали въ воздухѣ свой смолистый и благоуханный запахъ; рои мошекъ кружились надъ прудомъ; и тишина этого теплаго, весенняго вечера нарушалась только веселымъ жужжаньемъ и стрекотаньемъ насѣкомыхъ въ травѣ.

Захаръ Лаврентьичъ насаживалъ червяка на крючокъ для Кати и говорилъ:

— Жалко, что мы будемъ удить-то-съ не совсѣмъ вовремя: въ это время рыба не такъ хорошо беретъ-съ; а вотъ раннимъ утромъ, еще до восхода солнышка, — вотъ ужъ это настоящее уженье!.... Знаете ли, поплавокъ-то еще такъ чуть, то-есть, чернѣется на водѣ-съ, хоть и сидишь лицомъ къ зарѣ. На зарѣ-то холодновато; васъ, знаете, нѣсколько и дрожь пробираетъ; да это ничего-съ.... Что такое! Тишина такая, что вотъ и сказать нельзя-съ.... Что теперь! утромъ-то передъ восходомъ солнышка гораздо еще тише теперешняго.... Ну, вотъ, знаете, начинаетъ помаленечку свѣтать, все дѣлается по яснѣе.... а камыши-то, Катерина Павловна, на озерѣ еще не шевелятся-съ и паръ-то не подымается-съ съ озера. Вдругъ-съ, не повѣрите, сердце такъ и замретъ, въ водѣ-то послышится бульканье-съ, вода-то запузырится-съ.... Ну, ужъ это значитъ, что сейчасъ начнется-съ клёвъ.

Катя посмотрѣла на Захара Лаврентьича. Лицо его въ эту минуту какъ бы совсѣмъ измѣнилось. Она въ первый разъ замѣтила на этомъ лицѣ выраженіе необыкновенной кротости и то чистое спокойствіе, которое никогда не является на лицѣ человѣка, извращеннаго неестественнымъ воспитаніемъ, насильственными понятіями и ложною жизнью.... Она въ первый разъ съ любопытствомъ слушала его.

Захаръ Лаврентьичъ не замѣтилъ этого взгляда и продолжалъ, подавая удочку Катѣ:

— Когда вы станете закидывать ее, не шлепайте по водѣ удилищемъ-съ и подальше закидывайте-съ, а потомъ-съ потихоньку и приведите ее на то мѣсто-съ, гдѣ у васъ будетъ держаться поплавокъ-съ; конецъ-то удилища не спускайте въ воду, и когда будетъ рыба клевать-съ, то вы, Катерина Павловна, не очень сильно дергайте, а сей-

часъ подсѣките да такъ полегоньку и вытащите.... Да вотъ-съ, позвольте, ужъ я вамъ самъ на первый разъ закину удочку.

И онъ взялъ удочку изъ рукъ Кати и, закинувъ ее, отдалъ ей лесу, потомъ въ недальнемъ разстояніи закинулъ свою, и тогда наступило уже совершенное молчаніе. Все вниманіе Кати и Захара Лаврентьича устремилось на темно-красные осокоревые поплавки, которые неподвижно держались на темной водѣ.

— Чтожъ это? У насъ рыба, кажется, совсѣмъ не хочетъ клевать, сказала Катя, послѣ нѣсколькихъ минутъ напраснаго ожиданія.

— Потерпите-съ немного, Катерина Павловна, отвѣчалъ онъ:—для этого надобно терпѣнье-съ; мѣсто-то хорошее-съ. Конечно, рыба-то очень своенравна-съ: другой разъ и на хорошемъ мѣстѣ не клюетъ; ну, да ужъ мы хоть немного, а все-таки хоть десяточекъ-то окуньковъ вѣрно выудимъ-съ.

Въ эту самую минуту около ея поплавка показались небольшія кружечки, постепенно расширявшіеся; потомъ поплавокъ потянулся немного вправо и вдругъ совсѣмъ погрузился въ воду. У Кати замерло сердце: однако, она удачно подсѣкла и съ радостнымъ восклицаніемъ вытащила довольно большаго окуня, который затрепеталъ и забился на травѣ.

— Прекрасно! прекрасно! воскликнулъ радостно Захаръ Лаврентьичъ и началъ у него изо рта вытаскивать крючокъ; а Катя, разсматривая зеленоватую, нѣсколько съ золотистымъ отливомъ чешую окуня, поперекъ пересѣченную темными полосами, и его красныя перышки, сказала:

— А въ самомъ дѣлѣ, это довольно весело удить рыбу!

Они поймали еще нѣсколько какихъ-то рыбокъ, и потомъ клёвъ прекратился.

Катя перестала почти совсѣмъ слѣдить за поплавкомъ и обратилась къ Захару Лаврентьичу:

— А вы ужъ давно пристрастились къ рыбной ловлѣ? спросила она его.

— Очень, очень давно-съ, отвѣчалъ онъ:—почти съ измалѣтства-съ.... У меня вѣдь только и было отрады....

— Отчего же? развѣ вы были несчастливы въ вашемъ дѣтствѣ?

Захаръ Лаврентьичъ начиналъ интересовать Катю.

— Да-съ, мое дѣтство было горькое, сказалъ онъ, втыкая въ землю карягу и кладя на нее лесу.

— Разскажите мнѣ, Захаръ Лаврентьичъ; вы мнѣ этого никогда не разсказывали.

— Если вамъ угодно-съ, извольте, пожалуй, только, вотъ видите ли, моя жизнь не интересна, Катерина Павловна-съ.

Но Катя совсѣмъ забыла объ уженьѣ и внимательно смотрѣла на Захара Лаврентьича.

Онъ заморгалъ глазами, задумался немного, какъ будто собирая свои воспоминанія, и сказалъ:

«Я совсѣмъ не помню мою матушку: я послѣ нея остался двухъ годовъ. Батюшка-то мой былъ добрый человѣкъ: онъ былъ смирный такой: что̀ хочешь, то съ нимъ дѣлай. Вотъ видите ли, года черезъ три послѣ матушкиной смерти онъ и женись на своей ключницѣ-съ. Она была, знаете, самая такая простая, грубая женщина и сейчасъ же забрала батюшку въ руки-съ; онъ и пикнуть передъ нею не смѣлъ. У меня была няня-съ, прекрасная старушка-съ, и она ужъ во мнѣ, знаете, души не чаяла, а мачиха-то меня возненавидѣла, я и самъ не знаю за что-съ, и няню-то мою возненавидѣла, — вѣрно ужъ ее-то за то, что она меня очень любила-съ. Няню-то мою и батюшка и покойница матушка, говорятъ, и всѣ даже во дворѣ уважали особенно, и батюшка и матушка-съ говорили ей *вы*, мачихѣ-то ужъ это было, видите ли, и не по сердцу-съ. Она въ тотъ же день, какъ обвѣнчалась съ батюшкой, призвала няню къ себѣ и сказала ей при мнѣ-съ: «Ты—говоритъ—не забывай теперь кто я,—слышишь? Умничать-то я тебѣ теперь—говоритъ — ужъ не позволю. Если что нибудь такое малѣйшее замѣчу, такъ—говоритъ—я не посмотрю ни на что, у меня расправа коротка, ты у меня и на скотномъ дворѣ мѣста не найдешь, да я и баловня твоего, даромъ что онъ мужнинъ сынъ, чуть что, изъ дому сейчасъ выгоню, чтобъ духу его не было. Няня смолчала, только—вотъ это я какъ теперь помню — какъ она вышла изъ комнаты вмѣстѣ со мною-съ, такъ вотъ и залилась слезами, бросилась ко мнѣ и начала обнимать и

цаловать меня; а я въ испугѣ прижался къ ней и тоже началъ плакать-съ.

«Разъ... мнѣ было ужъ тогда никакъ лѣтъ девять-съ... да точно девять... батюшка что-то долго говорилъ съ мачихой и она на него очень кричала-съ, потомъ-съ я батюшкинова голоса и не слыхалъ-съ, а мачиха-то такъ все и кричала на весь домъ... потомъ все притихло. Меня позвали къ чаю-съ... У меня такъ вотъ даже и потемнѣло отъ страху въ глазахъ-съ, когда я вошелъ въ комнату, гдѣ она разливала чай. Я прижался въ уголъ-съ и не смѣлъ на нее взглянуть.

— «Что ты это торчишь въ углу, какъ холопъ! закричала она на меня-съ:—что букой-то смотришь, а? Небось, къ старой баловницѣ-то своей умѣешь ластиться! Мы же съ отцомъ отъ тебя—говоритъ—слова не добьемся, у тебя какъ будто для насъ и языка нѣтъ, а на улицѣ-то съ крестьянскими мальчишками умѣешь небось горланить?... Ну, садись! что стоишь!

«Я сѣлъ-съ; батюшка курилъ трубку, пилъ чай и не глядѣлъ на меня: вдругъ, какъ она заговорила со мной, онъ обернулся ко мнѣ-съ, хотѣлъ будто что-то сказать-съ, но раздумалъ и забарабанилъ по столу пальцами-съ. Тутъ случилась со мною такая бѣда, что и теперь, какъ вспомню, страшно дѣлается. Мачиха подошла съ чашкою-съ къ окну, откусила кусочекъ сахару, отпила немного и поставила чашку на окно; потомъ батюшка попросилъ, чтобы она налила ему другой стаканъ-съ, и она вернулась къ столу....

— «Подай сюда — говоритъ — мою чашку, да смотри, осторожнѣй: не разбей.

«Эта чашка-то, видите ли, была ея любимая, изъ которой она всегда пила-съ.

«Я подошелъ къ окну. Она не спускала съ меня глазъ, а у меня сердце такъ и билось-съ, руки такъ вотъ и дрожали. Когда я взялъ чашку-съ, она совсѣмъ задребезжала въ моихъ рукахъ. Мачиха тутъ посмотрѣла на меня такъ сердито и такъ вскрикнула-съ, что чашка-то у меня и вывалилась изъ рукъ-съ.... Тутъ ужъ я вамъ и разсказать не могу, что было-съ. Я смотрѣлъ, какъ дуракъ, на черепки, валявшіеся на полу-съ, а мачиха бросилась ко мнѣ, такъ-съ

что я взвизгнулъ-съ.... Она остановилась надо мною съ поднятыми кулаками-съ и такъ, совсѣмъ задыхаясь, сказала батюшкѣ: «Высѣките его, сейчасъ высѣките. Вы думаете, это безъ умысла, нечаянно, — нѣтъ! это нарочно, чтобы вотъ только мнѣ сдѣлать зло.... Вы не знаете этого мальчишку, каковъ онъ!... Я тебя, я тебя!» говоритъ.... Батюшка ничего не сказалъ, схватилъ меня за ухо-съ и вытащилъ изъ комнаты въ сѣни; принесли розги-съ.... Вы ужъ меня извините-съ, Катерина Павловна, что я вамъ разсказываю-съ этакія вещи... вамъ самимъ было угодно... Вотъ-съ, принесли розги, знаете... батюшка самъ меня началъ наказывать-съ; но онъ такъ это, кажется, болѣе дѣлалъ для виду-съ, а мачиха-то не вытерпи, да и прибѣжала и кричитъ: «этакъ-то вы его наказываете, этакъ-то! Сѣките какъ слѣдуетъ.» Батюшка послушался ее. Меня бы еще долго наказывали, да на крикъ мой прибѣжала няня-съ. Никогда этого не забуду, никогда-съ. «Лаврентій Ильичъ, Лаврентій Ильичъ! какъ закричитъ она батюшкѣ-съ, сквозь слезы: — побойтесь, говоритъ, Бога, али въ васъ нѣтъ никакой жалости къ собственной плоти... Что вы, уморить, что̀ ли, ребенка-то хотите?» И она вырвала розги изъ рукъ батюшки. «Постыдитесь, сударь— говоритъ — постыдитесь... Голубушка наша, Анна Васильевна — это она сказала про мою матушку-съ, — «еслибъ ты встала — говоритъ — изъ гроба-то, да посмотрѣла, что̀ у насъ дѣлается... Господи! Господи!»

«Но какъ только она заикнулась объ имени матушки-съ, такъ вотъ мачиха бросилась на нее-съ и изо всей силы ударила ее по щекѣ.

«Старушка-то зашаталась и упала, хотѣла что-то сказать-съ, но ужъ у нея языкъ не ворочался: съ ней сдѣлался тутъ же на мѣстѣ-съ ударъ и вся лѣвая сторона отнялась. Батюшка схватилъ себя обѣими руками за голову-съ, поблѣднѣлъ какъ скатерть, а я и про боль забылъ и, испугавшись, бросился-съ къ нянѣ-съ. Няню подняли: она была какъ мертвецъ, ей кровь тотчасъ пустили, да кровь не пошла; батюшка самъ поскакалъ за докторомъ-съ и привезъ его. Черезъ нѣсколько дней она какъ будто получила маленькое облегченіе-съ; только она никого еще

не узнавала-съ, а все словно чего-то искала и что-то хотѣла сказать, но не могла. Все озирается такъ дико, знаете-съ.... Мы думаемъ, что будетъ.... а она долго смотритъ все на меня, какъ будто эдакъ вспомнить что́ хочетъ,—и вдругъ-съ она вскрикнула, да такъ страшно, что мы всѣ вздрогнули-съ.... Потомъ-съ она перекрестилась, все не сводя глазъ съ меня, начала такъ улыбаться, совсѣмъ, знаете, какъ дурочка, закивала мнѣ головой и стала манить къ себѣ-съ. Она меня узнала-съ, только одного меня-съ.... Я подошелъ къ ней и сказалъ: «Няня, няня,—да это я, няня.» Она заплакала, зашевелила губами и застонала, и на одной половинѣ лица ея-съ,—другая-то половина была у нея какъ у мертвой,—видно было, что она мучится. Она начала гладить меня правой рукой по головѣ, и все шевелила губами-съ, и все не спускала съ меня глазъ. Я вотъ все это какъ будто сейчасъ вижу-съ.»

Захаръ Лаврентьичъ остановился на минуту, заморгалъ глазами, и изъ подъ рѣсницъ его закапали слезы.

«Потомъ-съ она начала узнавать и другихъ-съ, продолжалъ онъ.—Шесть слишкомъ недѣль я почти не отходилъ отъ ея постели-съ, только бывало развѣ сбѣгаешь поиграть въ горѣлки или въ бабки съ мальчишками; да мнѣ, впрочемъ, и игра-то не шла тогда на умъ-съ: такъ мнѣ было жаль няню, и она-то безъ меня не могла оставаться; какъ меня не видитъ-съ, начинаетъ стонать, плачетъ вслухъ, какъ ребенокъ-съ, и все манитъ кого-то рукой, а только я приду, начинаетъ сейчасъ улыбаться мнѣ и забормочетъ что-то. Въ эти шесть недѣль, повѣрите ли, да еще дѣвушка, которая была за ней приставлена,—мы выучились понимать, что́ она бормотала-то-съ.»

«Она не любила, чтобы кромѣ насъ кто и былъ въ ея комнатѣ-съ... Разъ какъ-то мачиха вздумала было прійти къ ней-съ. Она подошла къ ней ласково-съ.—«Ну что́—говоритъ—полегче ли вамъ? Я пришла—говоритъ—навѣстить васъ...» Я никогда не слыхалъ, чтобы она говорила съ нею такъ ласково. Видно, однако, ея совѣсть-то мучилась... Но когда няня увидала ее, она вся затряслась, какъ осиновый листъ; въ правой-то сторонѣ у нея сдѣлались судороги, и она закрыла глаза рукой... Мачиха ушла-съ,

а няня долго еще не отнимала руки отъ глазъ и потомъ все озиралась; боялась: не спряталась ли она гдѣ... Съ тѣхъ поръ мачиха больше и не приходила къ ней-съ... Дѣло-то было ужъ подъ осень, незадолго до ея смерти-съ... Сидитъ она, помню, на постели-съ; подъ спину-то ей подушки подложены-съ; надѣта на ней бѣлая кофточка-съ; на головѣ у нея шелковой двуличневый платокъ, изъ подъ платка торчатъ сѣдые волосы-съ... и смотритъ она на меня жалостливо... Это ужъ было вечеромъ-съ, передъ закатомъ. Солнышко-то такъ и ударило на нее... Свѣтъ-то такой красноватый, знаете... Вотъ-съ глядѣла она на меня, глядѣла, а слезы-то у нея такъ и капали, такъ и капали; она протянула ко мнѣ руку и зашевелила губами, потомъ начала смотрѣть кругомъ-съ и манитъ кого-то. Мы призывали къ ней по очереди-съ всѣхъ, кто къ ней обыкновенно прихаживалъ-съ,—но она все качала головой и махала рукой. Позвали батюшку-съ—она обрадовалась и стала его манить къ себѣ-съ: батюшка подошелъ къ ней... Она начала ему указывать на меня, долго все шевелила губами и стонала; видно было, что она заговорить хочетъ, да не можетъ-съ; и вдругъ она вскрикнула: «сирота!» чисто, ясно-съ, и мы-то вскрикнули отъ радости, а она все указывала на меня и все повторяла «сирота, сирота». Она взяла батюшкину руку и поцаловала ее, потомъ начала ему указывать на образъ и потомъ опять на меня. Батюшка догадался, что она проситъ его, видите, чтобы онъ не оставилъ меня; онъ отвѣчалъ ей, чтобы она была покойна, что онъ будетъ обо мнѣ заботиться... Батюшка-то даже не выдержалъ: такъ вотъ и залился и вышелъ изъ комнаты. Я думалъ-съ, ну слава Богу, нянѣ лучше, можетъ и совсѣмъ выздоровѣетъ; а на другой день съ ней сдѣлался еще ударъ-съ, и она отдала Богу душу. Скоро и батюшка захворалъ и скончался. Я остался одинъ какъ перстъ-съ; и ужъ нѐкому было заступиться за меня; не проходило дня, чтобы меня не наказывали-съ. Объ ученьѣ моемъ и не думали-съ. Спасибо еще отецъ-дьяконъ сжалился надо мною и сталъ меня учить грамотѣ; не будь его, я бы и до сихъ поръ остался такъ. Отецъ-дьяконъ также былъ большой охотникъ удить рыбу-съ; онъ-то первый и меня пріохотилъ

къ этому. Еще то хорошо-съ, что, къ моему счастію, мачихѣ скоро надоѣло возиться со мною-съ: она махнула рукой и сказала: пусть—говоритъ—шляется гдѣ хочетъ, лишь бы на глаза мнѣ не показывался». Бывало, какъ вырвешься изъ дому да выбѣжишь въ поле или въ лѣсъ, такъ точно вотъ какъ камень съ души свалится. Бывало день-денской сидишь у пруда, или у рѣчки, либо у озера... Какъ видишь, бывало, поплавокъ передъ собою да какъ въ рукѣ удилище, такъ и на сердцѣ станетъ легко. Я вставалъ еще до зари-съ и уходилъ съ удочкой изъ дому — никто въ домѣ и не зналъ объ этомъ-съ; а лѣтомъ, когда заря съ зарей сходится, такъ я и совсѣмъ почти не спалъ-съ... Мнѣ и ненастье было ни по чемъ... вѣдь въ сѣренькій и дождливый день рыба-то ловится еще лучше-съ. Бывало и туча набѣжитъ съ вихремъ-съ, и поплавокъ-то забьетъ подъ траву, вода-то совсѣмъ запузырится отъ дождя,—дождь промочитъ тебя до костей,—ничего себѣ—сидишь... Туча пройдетъ, солнышко сейчасъ тебя высушитъ... А послѣ дождя-то сдѣлается такая парная теплота-съ, чудо! такъ тихо, тихо-съ; лопухи-то, сбитые вѣтромъ, начнутъ отплывать опять на прежнее мѣсто-съ; вода вотъ сдѣлается точно какъ зеркало-съ. Поправишь крючки, опять закинешь удочки,—а рыба-то начнетъ послѣ этого клевать, да еще чудо какъ».

«Вѣрите ли, Катерина Павловна, что здѣсь въ окружности-съ верстъ на пятьдесятъ нѣтъ-съ, кажется, лужицы, которой бы я не зналъ: вездѣ переудилъ, гдѣ только можно-съ. Мнѣ вотъ и до сихъ поръ, признаться, въ комнатѣ—въ гостяхъ-съ какъ-то, все неловко; я по настоящему только вотъ и гожусь, что для уженья-съ: мнѣ какъ-то свободнѣе и легче-съ, когда я на воздухѣ; а въ четырехъ стѣнахъ-съ, при людяхъ ужъ и совсѣмъ не тотъ человѣкъ».

— Знаете ли, Захаръ Лаврентьичъ, сказала Катя, съ увлеченіемъ и протягивая ему руку: — что я очень виновата передъ вами?

— Нѣтъ-съ, этого быть не можетъ, Катерина Павловна-съ, — какъ же это вы можете быть передо мной виноваты-съ! Вы шутите.

Онъ неловко коснулся руки Кати своею дрожащею отъ робости рукой и не рѣшился поцаловать ее.

— Нисколько не шучу возразила, улыбаясь, Катя:— я васъ не знала до сегоднишняго вечера, я васъ не умѣла цѣнить... Вы прекрасный, вы благородный человѣкъ, Захаръ Лаврентьичъ!

Захаръ Лаврентьичъ посмотрѣлъ на Катю съ недоумѣніемъ. Онъ, кажется, никакъ не могъ себѣ объяснить, что онъ сдѣлалъ такое особенное и почему именно въ этотъ вечеръ онъ показался ей прекраснымъ и благороднымъ человѣкомъ. Но эти слова Кати были во всякомъ случаѣ пріятны ему и неожиданная похвала ея привела его въ смущеніе: онъ покраснѣлъ, заморгалъ глазами и отвѣчалъ:

— Покорно васъ благодарю-съ.

— А скажите, Захаръ Лаврентьичъ, ваша мачиха давно умерла? спросила его Катя.

— Да лѣтъ двѣнадцать. Ну съ тѣхъ поръ я живу себѣ порядочно-съ, нечего Бога гнѣвить... Вотъ-съ, Катерина Павловна-съ, если вамъ когда нибудь будетъ угодно половить рыбки, такъ есть-съ вотъ верстахъ въ пяти отсюда, за Карташихой, проточный прудъ-съ: тамъ ловятся большіе головли-съ... вотъ это-съ можно сказать, что уженье-съ! Головль такая веселая, живая, бойкая рыбка-съ; такъ вотъ и извивается, такъ вотъ и мечется на удочкѣ-съ; только ужъ правда надо осторожно ее ловить-съ: она такая сторожкая, пугливая-съ. Это уженье ужъ вѣрно вамъ понравится-съ. Тутъ, вотъ вы не повѣрите, сердце такъ безпрестанно и захлебывается.

Катя обѣщала Захару Лаврентьичу непремѣнно отправиться съ нимъ на ловлю головлей. Захаръ Лаврентьичъ началъ складывать удочки, потому что солнце было довольно низко; нити бѣлыхъ облаковъ уже принимали золотистые, пурпуровые и розовые оттѣнки; поверхность пруда начинала подергиваться заревомъ заката и надъ низменными лугами его, по другой сторонѣ пруда, уже поднимался бѣловатый паръ...

Катя была очень довольна этимъ вечеромъ и весело возвращалась домой, въ сопровожденіи Захара Лаврентьича, который несъ на плечѣ двѣ удочки и сачокъ....

На порогѣ дома встрѣтили ихъ Вѣра Ивановна и Надежда Кондратьевна, только-что возвратившаяся изъ Соколовки.

Надежда Кондратьевна, при видѣ Кати, запрыгала какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка, отчего пришли въ движеніе всѣ ея пукольки, кисточки, цѣпочки и брелоки; она бросилась съ чувствомъ къ своей воспитанницѣ и начала обнимать и цѣловать ее.

Когда онѣ вошли въ комнаты, Надежда Кондратьевна сказала въ полголоса Катѣ, закатывая глаза подъ лобъ:

— Я имѣю вамъ сообщить много новостей, chère Catherine! Какіе я прочту вамъ стихи—прелесть!... Ну что вы подѣлывали, душечка? Вы какъ будто похудѣли? Право!... Что это вамъ вздумалось рыбу ловить?

И, не дожидаясь отвѣта на эти вопросы, она снова начала цаловать и обнимать Катю.

ГЛАВА IV

Катя до сихъ поръ не обращала ни малѣйшаго вниманія на Захара Лаврентьича, несмотря на то, что онъ былъ самый близкій человѣкъ въ ихъ домѣ, самый преданный ей и ея матери изъ всѣхъ ихъ знакомыхъ.

Но, ложась въ постель, послѣ вечера, проведеннаго съ Захаромъ Лаврентьичемъ, Катя не могла даже читать, по своему обыкновенію: до того мысли ея были заняты имъ.

Забытая книга лежала на ея столикѣ, возлѣ ея изголовья, нагорѣлая свѣча освѣщала комнату тускло-красноватымъ свѣтомъ... Вдругъ послышался скрипъ двери... Катя вздрогнула.

Въ комнату ея вошла Надежда Кондратьевна, съ большою граціею, на цыпочкахъ, въ кофточкѣ, въ папильоткахъ и въ шерстяныхъ туфляхъ, на которыхъ были вышиты розаны. Это дезабилье чрезвычайно шло къ ней.

— Что, вы еще не спите, ma chére? произнесла она голосомъ нѣжнѣе обыкновеннаго, кокетливо прищуриваясь и улыбаясь въ отвѣтъ на продолженіе своей внутренней мысли,—о *немъ*, только ужъ не о поручикѣ Лыткинѣ.

— Ахъ, это вы! воскликнула Катя.

— Это я! прошептала она, садясь на кончикъ постели и взявъ Катю за руку. — Что вы еще не хотите спать? или, можетъ быть, я помѣшала вамъ читать, ma chére?

— О, нѣтъ! отвѣчала Катя. — Ну чтожъ, вы пріятно провели время въ Соколовкѣ?

— Очень, очень пріятно... Ахъ, знаете, я пришла кое-что сообщить вамъ, mon ange... Мнѣ что-то совсѣмъ спать не хочется... я готова была бы всю ночь гулять... И какая чудесная ночь! какъ свѣтло и какой ароматическій воздухъ!

За этими словами послѣдовало минутное молчаніе. Катя смотрѣла на Надежду Кондратьевну, а Надежда Кондратьевна, застѣнчиво потупивъ глаза, вынула какой-то листочекъ бумаги, лежавшій у нея на груди.

— Послушайте, Catherine, сказала она, нѣсколько смущеннымъ голосомъ: — вотъ эти стихи, о которыхъ я вамъ давича говорила... Они вамъ непремѣнно должны понравиться.

И Надежда Кондратьевна начала декламировать, съ легкимъ завываніемъ:

Въ тоскѣ сердечнаго томленья
Нѣтъ, я не жилъ, а прозябалъ.
Я сердцемъ пламеннымъ искалъ
Другаго сердца: но сомнѣнье
Овладѣвало мной: полна
Любовью, страстью и привѣтомъ—
Я думалъ—явиться ль она
Передъ восторженнымъ поэтомъ?

Но часъ пробилъ—и предо мной, —
Мечты моей осуществленье,
Блистая нѣгой и красой,
Явилась вдругъ, какъ вдохновенье,
И я упалъ къ ея ногамъ,
И я сказалъ ей, замирая:

О, для чего чуждаться намъ!
Поэту ты давно родная;
Онъ по тебѣ давно страдалъ,
Онъ по тебѣ давно томился...
Его высокій идеалъ

Въ тебѣ теперь осуществился:
Дѣйствительность смѣнила сонъ;
Намъ въ людяхъ не найдти участья,
Но истинный источникъ счастья,
Повѣрь, внутри насъ заключенъ!

— Прекрасные стихи! замѣтила Катя, — кто это написалъ?

— Василій Александрычъ.

— Какой Василій Александрычъ?

— Ахъ, Боже мой, *chère amie*, сынъ Александра Иваныча!

— О, неужели онъ? возразила недовѣрчиво Катя.

— Чтожъ васъ удивляетъ? Онъ очень уменъ: почему-жъ ему не написать? Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго! произнесла Надежда Кондратьевна, нѣсколько обиженнымъ голосомъ. — Къ тому же у него очень замѣчательный талантъ; онъ даже можетъ импровизировать стихи. У него такая поэтическая натура!

— А къ кому написаны эти стихи? спросила Катя.

— Ахъ, ма-шеръ, почемъ же я знаю? Онъ мнѣ прочелъ ихъ; я просила его списать, потому что вы знаете, какъ я люблю хорошіе стихи.... Вотъ и все.... Вѣдь нельзя же мнѣ было спрашивать, къ кому они написаны: это бы съ моей стороны было слишкомъ нескромно.

— Онъ, бѣдный, вѣрно влюбленъ? замѣтила Катя.

— Почему же *бѣдный?* Бѣдный тотъ, кто не можетъ надѣяться на взаимность; а ему, кажется, бояться этого нечего, потому что онъ такъ милъ, такъ образованъ.

— Нѣтъ, это я только такъ сказала: я увѣрена, что онъ очень образованъ и имѣетъ все для того, чтобы нравиться.

— Его надо узнать покороче, продолжала Надежда Кондратьевна, постепенно и незамѣтно одушевляясь, — съ перваго начала онъ такой робкій, такой неразговорчивый; но вѣдь онъ живетъ внутреннею жизнію. Когда же съ нимъ разговоришься, тогда только узнаешь ему цѣну. Дня три назадъ тому, вечеромъ, мы гуляли въ старомъ паркѣ — знаете, душечка, что вправо отъ дома. Вечеръ былъ восхитительный, а закатъ солнца — прелесть, прелесть! Мы

вышли на опушку лѣса къ Козихѣ: тутъ открытое мѣсто.... Картина, я вамъ скажу, такая была, хоть бы сейчасъ Брюлову нарисовать! Василій Александрычъ долго молча любовался ею, потомъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ здѣсь хорошо! неправда ли, хорошо? какая тишина вокругъ насъ, какое дивное спокойствіе во всей природѣ!...

И потомъ онъ опять замолчалъ, сложилъ накрестъ руки и продекламировалъ мнѣ нѣсколько стихотвореній Пушкина, Лермонтова, нѣсколько своихъ — и безподобныхъ стихотвореній. Онъ мнѣ также обѣщалъ ихъ списать.... Мы гуляли долго. Я ужасно сожалѣла, машеръ, что васъ не было съ нами: вы были бы отъ него въ восторгѣ.... онъ говорилъ такъ умно и съ такимъ жаромъ! — И какъ онъ декламируетъ, чудо, машеръ! Когда вы будете у нихъ, попросите, чтобы онъ что нибудь вамъ продекламировалъ.

— Непремѣнно, сказала Катя. — Ахъ, послушайте Надежда Кондратьевна....

— Богда ради, chère Catherine, съ живостію перебила она: — не называйте меня Надеждой Кондратьевной.... Сколько разъ я просила васъ объ этомъ!... это такъ дурно звучитъ....

— Виновата! виновата! Знаете, что мнѣ пришло теперь въ голову? глядя на ваши папильотки, я вспомнила, что вы хотѣли мнѣ разсказать, отчего вамъ особенно нравится прическа съ мелкими пуклями. Вы говорили, что это любимая *его* прическа.... Помните? Ну кто это *онъ*, Nadine? скажите мнѣ.

При этомъ неожиданномъ вопросѣ, лицо Надежды Кондратьевны подернулось.

— Это давно-прошедшее, это поэтическое воспоминаніе, произнесла она со вздохомъ и поднимая глаза къ потолку: —я тогда еще была совсѣмъ дѣвочка, тогда мнѣ нравился военный мундиръ. Теперь все это уже для меня въ перспективѣ отдаленности. *Онъ* былъ такъ молодъ, только что выпущенъ въ офицеры.... Я помню, мы гуляли по Петергофскому саду: покойница маменька, нѣсколько знакомыхъ и онъ.... Мы сѣли на скамейкѣ у Мон-плезира.... это было вечеромъ.... Ахъ, душечка, вы не можете себѣ

представить, что это за прелесть Петергофъ!.. Вдали раздавалась музыка, у самыхъ ногъ нашихъ плескало море... вдали, Кронштадтъ съ кораблями... Онъ сидѣлъ возлѣ меня... онъ меня очень любилъ.... у меня волосы были тогда завиты мелкими пукольками.... Онъ долго смотрѣлъ на меня. — «Какъ къ вамъ идетъ — прошепталъ онъ — эта прическа! носите ее всегда въ воспоминаніе обо мнѣ...» и онъ коснулся моей руки.... Въ это время уже начинало смеркаться, маменька и всѣ встали, чтобы идти домой; я, разумѣется, отняла отъ него руку.... Потомъ онъ вскорѣ уѣхалъ на Кавказъ, и я послѣ того не имѣла о немъ никакого извѣстія... Сколько слезъ было мною пролито, если бы вы знали! Съ тѣхъ поръ много перемѣнилось... У насъ было очень хорошее состояніе, прекрасный экипажъ... Маменька никогда не ѣздила иначе, какъ четверней, она была настоящая барыня; у насъ были танцовальные вечера; но со смертію маменьки все это кончилось. Я осталась послѣ нея круглою сиротою, безъ куска хлѣба и должна была скитаться по чужимъ домамъ...

Послѣднія слова Надежда Кондратьевна произнесла всхлипывая.

— Хорошо еще, что я получила такое образованіе, что не могла пропасть совсѣмъ; но вы можете себѣ представить, душенька, какъ послѣ изнѣженной и избалованной жизни мнѣ трудно было привыкать въ чужихъ людяхъ. Разумѣется, во всѣхъ лучшихъ домахъ, гдѣ я жила, со мной обращались какъ съ родною, оказывали мнѣ особенное вниманіе... но все-таки, согласитесь, это уже не то, что дома, подъ крылышкомъ у мамаши.

— И съ тѣхъ поръ вы никого не любили? спросила Катя, придавъ какъ можно болѣе мягкости своему голосу.

— Никого, отвѣчала чуть слышно Надежда Кондратьевна, задумчиво перебирая фалбары своей кофточки.

— Вы со мною неоткровенны, Nadine, возразила Катя:— вы меня не хотите удостоить вашей довѣренности, потому что вы все еще смотрите на меня какъ на дѣвочку, какъ на вашу ученицу.

— О, нисколько, машеръ! отчего вы это думаете?

Развѣ я могла бы дѣвочкѣ сдѣлать такія признанія. какія теперь вамъ сдѣлала?

— Да вы открываете мнѣ только ваши прошедшія чувства, а не настоящія.

Яркая краска на щекахъ Надежды Кондратьевны вдругъ выступила изъ подъ пудры.

— Какой вздоръ! ласково прошептала она. скрывая свое лицо на груди Кати.

— Я давно все вижу, говорила Катя: — хотя вы отъ меня и скрываетесь. Вы и теперь любите...

— О да, да! прошептала она, не глядя на Катю: — я не хочу долѣе скрываться отъ васъ... Вы угадали тайну моего сердца...

Она начала цаловать Катю.

— Я люблю... да! я люблю. — Послушайте, *mon ange*, продолжала она, приподнимая голову и крѣпко сжимая руку Кати: — я увѣрена въ васъ, знаю ваше благородное, горячее сердце... оно будетъ сочувствовать моему. Вы не измѣните моей тайнѣ. Я чувствую потребность высказаться; мнѣ тяжело, мнѣ нужно существо, которое бы могло понять меня, могло вполнѣ сочувствовать мнѣ... Въ васъ я нашла такое существо, — о! я не сомнѣваюсь въ симпатіи нашихъ душъ... Благодарю васъ за то, что вы вызвали меня на откровенность; я, можетъ быть, еще долго не рѣшалась бы... Какъ я горячо люблю васъ, еслибы вы знали!

И Надежда Кондратьевна опять принялась цаловать Катю.

— А эти стихи, которые вы мнѣ прочли, они вѣрно, написаны къ вамъ, Nadine? спросила Катя.

— Онъ ничего не сказалъ мнѣ, но прочелъ ихъ съ такимъ энтузіазмомъ, съ такимъ жаромъ... голосъ его такъ дрожалъ, онъ такъ смотрѣлъ на меня во врѣмя чтенія...

Румянецъ въ эту минуту снова выступилъ изъ подъ пудры.

— Ахъ, если бы вы знали, что со мною дѣлается все это время! Мнѣ и весело и грустно, иногда я не сплю цѣлую ночь на-пролетъ, зажгу свѣчу, начну читать: но передъ глазами моими мелькаютъ только слова, и я сама

не могу отдать себѣ отчета, что читаю... Мнѣ хочется то плакать, то смѣяться... Catherine, душечка! я могу надѣяться на вашу дружбу, на ваше участіе? не правда ли? скажите мнѣ.

И Надежда Кондратьевна устремила трогательный и умоляющій взоръ на Катю.

Въ отвѣтъ на ея вопросы Катя только молча пожала ей руку... Ей стало вдругъ жаль ее, и она внутренно упрекала себя даже за то, что вызвала ее на это забавное объясненіе.

Надежда Кондратьевна готова была всю ночь неумолкая проговорить о любви своей и о своихъ возвышенныхъ чувствахъ, но Катя вдругъ, изъ жалости къ своей наставницѣ, рѣзко перемѣнила разговоръ.

— Что такое вы говорили маменькѣ? когда ждутъ сюда молодого графа? спросила она.

— Развѣ вы не слыхали, машеръ, развѣ я не при васъ разсказывала? отвѣчала Надежда Кондратьевна. — Александръ Иванычъ ѣздилъ въ городъ: онъ ужъ видѣлся съ графомъ, который принялъ его отлично... Онъ засталъ у него губернатора и предводителя. Графъ пріѣхалъ съ двумя своими петербургскими пріятелями; послѣ-завтра къ обѣду онъ непремѣнно будетъ въ Покровское; туда ужъ и повара посланы. Графъ, говорятъ, будетъ давать у себя праздникъ, и фейерверкъ будетъ и музыка. Онъ Александра Иваныча пригласилъ къ себѣ гостить... Вотъ мы живемъ въ двухъ шагахъ, а ничего не знаемъ; а объ этомъ ужъ всѣ говорятъ!... Теперь наша глухая сторона посмотрите какъ оживится!

— Что же намъ-то отъ этого? замѣтила Катя, — мы съ вами не будемъ участвовать на этихъ празднествахъ!

— Да вѣдь у графа будетъ балъ машеръ... слышители ли, балъ! и губернаторша, говорятъ, *fera les honneurs*.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнула Катя съ живостію.

— Объ этомъ ужъ всѣ говорятъ, это навѣрное; а ужъ на балъ-то, я надѣюсь, мы непремѣнно будемъ приглашены... Знаете, душечка, надобно бы намъ заранѣе позаботиться о бальныхъ платьяхъ.

— Если и будетъ этотъ балъ. такъ съ чего же вы взяли, что мы непремѣнно будемъ приглашены?

— Ахъ, машеръ, какія вы странныя! Это очень натурально: графъ здѣсь никого не знаетъ и ужъ навѣрное будетъ спрашивать у Александра Иваныча, кому разослать приглашенія — это самъ Александръ Иванычъ говорилъ— а Александръ Иванычъ, конечно, ужъ насъ-то не забудетъ!

— Но съ какой стати графу давать балъ? возразила съ упорствомъ Катя. — Это вздоръ, это невѣроятно, это такъ только болтаютъ отъ нечего дѣлать.

— Вы ни чему не вѣрите!... отчего же вздоръ? очень понятно, что графъ хочетъ блеснуть передъ всей губерніей своимъ богатствомъ, а можетъ быть и сама губернаторша намекнула ему, что желала бы потанцовать у него въ Покровскомъ: все это такъ просто, такъ понятно...

Надежда Кондратьевна еще долго разговаривала о графѣ и наконецъ обняла Катю и прошептала:

— Съ сегодняшняго вечера сердца наши открыты другъ для друга... Между нами уже не можетъ быть тайнъ... Не правда ли?

И потомъ, посмотрѣвъ на Катю нѣжно и вмѣстѣ торжественно, она запечатлѣла на губахъ ея горячій поцалуй и, выходя изъ ея спальни также на цыпочкахъ. какъ и вошла, нѣсколько разъ обернулась съ большою граціею, пославъ ей еще нѣсколько воздушныхъ поцалуевъ рукою.

Послѣ Надежды Кондратьевны Катя долго еще не спала. Она все думала о чемъ-то. О чемъ? о прекрасныхъ свойствахъ души Захара Лаврентьича, или о скоромъ пріѣздѣ молодого графа и о тѣхъ празднествахъ и балахъ. которые онъ намѣревался давать у себя въ Покровскомъ?

Утромъ въ день пріѣзда графа. Надежда Кондратьевна разодѣлась еще съ большими претензіями противъ обыкновеннаго, еще тщательнѣе напудрила себѣ лицо. еще съ бо́льшимъ искусствомъ расположила на головѣ свои пукольки, еще крѣпче затянула свою талію и въ фильдекосовыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ и съ книжкой. не говоря ни слова Катѣ. почти тайкомъ отъ нея. часу въ двѣнадцатомъ, вышла изъ дому.

Полдень былъ прекрасный. Солнце обливало ослѣпи-

тельнымъ свѣтомъ и живительною теплотою поля и лѣса, ярко зеленѣвшіе своею свѣжею зеленью; въ недвижномъ воздухѣ вились и кружились птицы, съ громкими пѣснями, — а по дорогѣ къ Покровскому парку тихо и осторожно шла подъ зонтикомъ напудренная и завитая Надежда Кондратьевна, производя пріятный шумъ своими накрахмаленными юбками...

Она вышла на большую дорогу парка, по которой долженъ былъ проѣхать молодой графъ, выбрала самое видное мѣсто и, разославъ сначала на пригоркѣ носовой платокъ, сѣла на него, принявъ нѣсколько искуственную, но живописную позу, и развернула книжку.

Книжка, впрочемъ, развернута была ею болѣе для эффекта, она смотрѣла совсѣмъ не въ книжку, а въ ту сторону, откуда должны были показаться экипажи графа. Въ эту минуту — мысли ея не столько были заняты предметомъ ея страстной любви, сколько графомъ и его пріятелями. Ей очень хотѣлось посмотрѣть на графа и на его пріятелей.

Сердце ея очень сильно билось при малѣйшемъ шумѣ и шелестѣ... Надеждѣ Кондратьевнѣ все казалось: вотъ ѣдутъ, вотъ ѣдутъ; но все было тихо окрестъ и на дорогѣ никто не показывался. Долго сидѣла она въ безпокойномъ ожиданіи, принимая позы одна другой очаровательнѣе. Все тщетно... Она посмотрѣла на часы... Уже половина второго. Мысль, что, можетъ быть, графъ не пріѣдетъ и что всѣ ея туалетные соблазны пропадутъ даромъ, приводила ее чуть не въ отчаяніе...

Вдругъ... о, радость! послышался отдаленный стукъ экипажа... Она вздрогнула... показалась пыль на дорогѣ... Это не обманъ, — нѣтъ! это точно должно быть они! Стукъ ближе и ближе... Сердце ея замерло... Вотъ ужъ она различаетъ коляску, запряженную четверней въ рядъ, и сзади другой экипажъ... Надежда Кондратьевна ближе подставила къ глазамъ книжку, притворясь, будто читаетъ.

Первая коляска промчалась быстро... Въ ней сидѣли два человѣка, и третій на козлахъ, въ синей фуражкѣ съ золотымъ галуномъ; но ни эти два человѣка, сидѣвшіе въ коляскѣ, ни даже третій на козлахъ, съ золотымъ галу-

номъ, не обратили ни малѣйшаго вниманія на Надежду Кондратьевну...

Вотъ и вторая коляска... Въ этой коляскѣ сидитъ одинъ молодой человѣкъ... О, счастье! онъ замѣтилъ еще издали Надежду Кондратьевну, онъ вставилъ въ глазъ стеклышко, онъ смотритъ на нее, онъ даже оборачивается назадъ и все смотритъ...

Облако пыли пронеслось; экипажи исчезли. Надежда Кондратьевна приподнялась, вздохнула и подумала:

«Во второй коляскѣ навѣрно былъ самъ графъ!»

ГЛАВА V.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, часу въ третьемъ утра, три молодые человѣка сидѣли на выходившемъ въ садъ, большомъ балконѣ покровскаго дома, обтянутомъ полосатою парусиною и уставленномъ цвѣтами. Въ почтительномъ разстояніи отъ одного изъ нихъ стоялъ плѣшивый пожилой человѣкъ, въ длинномъ синемъ суртукѣ, со сложенными назади руками...

Видъ съ этого балкона былъ превосходный. Вся терраса передъ домомъ и спускъ въ садъ были уставлены цвѣтами и деревьями; внизу отъ подножія террасы разстилался широкій лугъ, пестрѣвшій полевыми цвѣтами. Этотъ лугъ былъ обнесенъ съ обѣихъ сторонъ, какъ стѣнами, высокими и стриженными липовыми аллеями; онъ доходилъ почти до самаго берега рѣчки Верейки, за которой тянулись поемные луга, оканчивавшіеся по прямой линіи у самаго горизонта густою сосновою рощею... Влѣво, по извивающемуся берегу рѣчки виднѣлась каменная церковь съ колокольнею, принадлежавшая селу, находящемуся верстахъ въ пяти отъ Покровскаго. Всѣ эти три молодые человѣка были одѣты почти совершенно одинаково: въ легкихъ и коротенькихъ сюртучкахъ, въ цвѣтныхъ галстухахъ; даже прическа была совершенно одинакова у всѣхъ трехъ: съ проборомъ назади, — такъ что съ перваго взгляда ихъ было трудно и отличить другъ отъ друга.

— Такъ, такъ-то, Василій Иванычъ, говорилъ одинъ изъ нихъ съ большими карими глазами, съ густыми и темными волосами и съ небольшими усиками, поднятыми кверху, обращаясь къ плѣшивому человѣку въ синемъ сюртукѣ:—такъ-то, да, надобно непремѣнно эти конюшни сломать: онѣ никуда не годятся... къ будущему лѣту мы можемъ выстроить новыя... не правда ли? Я пришлю вамъ планъ изъ Петербурга...

— Какъ будетъ угодно вашему сіятельству, отвѣчалъ, кланяясь, Василій Иванычъ.— Какъ не выстроить къ будущему лѣту.

— Но, знаете, теперь надобно устроить хоть временныя конюшни для моихъ англійскихъ лошадей, и скорѣй; надобно непремѣнно заняться этимъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!

— А есть ли здѣсь порядочные архитекторы, продолжалъ графъ:—которые бы могли выстроить по тому плану, который пришлется?

— И, батюшка, ваше сіятельство, да зачѣмъ намъ архитекторы! это только излишняя трата денегъ, отвѣчалъ Василій Иванычъ съ неописаннымъ добродушіемъ:— извольте прислать только планъ, а мы и безъ архитектора выстроимъ по этому плану что угодно: я и самъ признаться сказать, маленько маракую въ архитектурномъ дѣлѣ. Мы выстроимъ домашнимъ экономическимъ образомъ, ваше сіятельство, и право не хуже этихъ архитекторовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ графъ, улыбаясь и закуривая сигару.

— Точно, ваше сіятельство! сами изволите увидѣть. Ну а теперь ужъ мнѣ позвольте, если я больше въ сію минуту не нуженъ вашему сіятельству, оставить васъ... Мнѣ надо еще объѣздить поля, сдѣлать тамъ разныя распоряженія... За всѣмъ надобенъ глазъ; дѣла-то, слава тебѣ Господи, таки довольно.

Графъ всталъ съ креселъ, подошелъ къ Василію Иванычу, милостиво потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Поѣзжайте, Василій Иванычъ, поѣзжайте: я васъ не удерживаю.

Василій Иванычъ, отпустилъ три поклона и хотѣлъ выйдти.

— А чтожъ, въ воскресенье устроится крестьянскій праздникъ? спросилъ небрежно одинъ изъ пріятелей графа— господинъ небольшого роста, съ маленькими сѣрыми глазками, которые безпрестанно бѣгали, никогда не останавливаясь ни на одномъ предметѣ, и выраженія которыхъ уловить не было никакой возможности.

— Да, кстати, Василій Иванычъ! вы распорядились объ этомъ? спросилъ графъ.

— Какъ же, ваше сіятельство! Признаться сказать, этотъ, народецъ и не стоилъ бы угощенія, ну да ужъ такъ какъ ваше сіятельство пожаловали первый разъ въ свое помѣстье, такъ нельзя въ самомъ дѣлѣ.

И затѣмъ Василій Иванычъ, снова поклонился и ушелъ.

— Славный человѣкъ, честный и преданный! замѣтилъ графъ, проводивъ глазами своего управляющаго и обращаясь къ господину съ неуловимыми глазками:—и отлично знаетъ свое дѣло.

— Да, это сейчасъ видно, сказалъ двусмысленно господинъ съ неуловимыми глазами.

— О! прекрасный удивительный человѣкъ! пробормоталъ съ восторгомъ другой спутникъ графа—прекрасный! только *il est á mourir de rire...* Какой у него галстухъ! что за сюртукъ! Это должно быть ему шилъ здѣшній покровскій Шармеръ!

И, произнеся это, молодой человѣкъ добродушно засмѣялся, обратясь къ графу и господину съ неуловимыми глазками. Графъ не обратилъ вовсе никакого вниманія на это замѣчаніе, а господинъ съ неуловимыми глазками повелъ только губами презрительно и бѣгло окинулъ молодого человѣка съ ногъ до головы.

Молодой человѣкъ завертѣлся подъ вліяніемъ этого взгляда, вставилъ стеклышко въ глазъ и воскликнулъ.

— Какой видъ-то! чудо! *Comme c'est pitoresque! N'est-ce pas?*

— Господинъ съ неуловимыми глазками, къ которому явно относилось это *n'est-ce pas*, насвистывалъ что-то изъ балета Жизель, не удостоивъ даже взглядомъ молодого че-

ловѣка, и вдругъ прекративъ свой свистъ, обратился къ графу и сказалъ съ вкрадчивою улыбкою:

— Помнишь ты это, Serge?

И потомъ снова началъ насвистывать, покачивая въ тактъ головою.

— О, еще-бы! сказалъ графъ.

— Еще-бы! повторилъ молодой человѣкъ, какъ эхо...

Но я считаю нужнымъ прежде познакомить читателя съ графомъ и его спутниками.

Въ минуту, описываемую мною, графу было 27 лѣтъ. Воспитаніе графа не отличалось ничѣмъ особеннымъ. До шестнадцати лѣтъ онъ воспитывался дома и, какъ это обыкновенно водилось прежде, подъ надзоромъ француза. Французъ графа, г-нъ Шарль, былъ милѣйшій и забавнѣйшій изъ французовъ. Веселый, беззаботный, всегда услужливый, знавшій наизусть всѣ пѣсни и куплеты, которые обыкновенно поются за разгульными обѣдами и ужинами, и очень забавно напѣвавшій ихъ, — онъ былъ идеаломъ французскаго гувернера. Всѣ учителя, пользовавшіеся въ Петербургѣ извѣстностію, давали уроки молодому графу. Въ 16 лѣтъ графъ поступилъ въ университетъ.

Первый годъ онъ ѣздилъ на лекціи въ сопровожденіи своего гувернера, въ отличномъ экипажѣ, на великолѣпныхъ рысакахъ; на второй годъ онъ уже сталъ появляться вездѣ: и на лекціяхъ, и въ ресторанахъ, и на Невскомъ проспектѣ, одинъ. И любо было смотрѣть, какъ онъ бывало гуляетъ по Невскому въ отлично сшитомъ сюртучкѣ, въ бѣлыхъ какъ снѣгъ, превосходно обтягивавшихъ его руку перчаткахъ. *C'est un jeune homme tout à fait distingué,* слышалось отъ всѣхъ. Графъ выучился отлично ѣздить верхомъ, превосходно играть на бильярдѣ, полькировать и вальсировать удивительно.

Публичная жизнь: театры, маскарады, балы по подпискѣ, гулянья отвлекали его нѣсколько отъ учебныхъ занятій... До его слуха смутно доходило краснорѣчіе наставниковъ, потому что на лекціяхъ ему мерещились очаровательная фигура г-жи Пряхиной въ образѣ какой нибудь нимфы, танцующей *pas de deux*, или привѣтно улыбающееся личико m-lle Матильды, которая своей малень-

кой рученкой, разукрашенной брильянтовыми перстнями, взбивала его волосы и говорила:

— *Tiens, comme tu est beau comme ça!... Je t'adore, mon p'tit chat!*

Кругъ знакомства графа расширялся быстро. Онъ не ограничивался, какъ прежде, тѣснымъ кружкомъ его школьныхъ товарищей. Графъ уже выпилъ на *ты* со всею извѣстною молодежью столицы, со всѣми львами и львенками, которые ввели его въ свой кругъ, болѣе обширный и заманчивый.

Къ этому-то кругу принадлежалъ, — но только не по рожденію, господинъ съ неуловимыми глазками, который былъ старше графа четырьмя или пятью годами. Сынъ какимъ-то образомъ очень скоро разбогатѣвшаго отца (въ наше время богатѣютъ вообще скоро), онъ съ утра до ночи бредилъ высшимъ свѣтомъ и хорошимъ тономъ. Одаренный тактомъ, ловкостью и хитростію, которыя иногда въ свѣтѣ гораздо важнѣе ума, образованія и талантовъ, онъ незамѣтно втерся между молодежью высшаго круга и умѣлъ сдѣлаться для нея почти необходимымъ. Знакомство сына приводило нѣжнаго отца въ совершенный восторгъ. Когда сынъ разсказывалъ отцу о томъ, какъ онъ обѣдалъ у такого-то князя, игралъ въ карты съ такимъ-то графомъ или отправлялся на охоту съ такими-то князьями и графами, маркизами и виконтами, состоявшими при посольствахъ, у отца проступали на глазахъ слезы. Онъ внутренно благодарилъ Бога за дарованіе ему такого примѣрнаго сына и, для того, чтобы дать ему возможность поддерживать эти блестящія связи, не жалѣлъ для него денегъ. Для того, чтобы всегда быть на виду, чтобы заставить говорить о себѣ, молодой человѣкъ съ неуловимыми глазками постоянно ухаживалъ за пріѣзжими знаменитостями: пѣвицами, танцовщицами, французскими актрисами, бросалъ имъ на сцену великолѣпные букеты изъ камелій, дарилъ въ бенефисы драгоцѣнные браслеты и серьги. Его связи были предметомъ городскихъ разговоровъ; къ этимъ разговорамъ, правда, присоединялись и не совсѣмъ благопріятные и выгодные для него слухи о томъ, какъ онъ обманулъ какую-то женщину и какъ кого-то навѣрно объ-

игралъ въ карты, потому что, несмотря на щедрость нѣжнаго родителя, ему все-таки недоставало денегъ на его траты, — впрочемъ, эти слухи могли быть и ложны; и хотя нѣкоторые изъ молодежи, можетъ быть, вслѣдствіе этихъ слуховъ, чуждались его, но когда онъ дѣлалъ у себя вечера, къ нему съѣзжались всѣ, даже и чуждавшіеся его, и когда заходила рѣчь объ его темныхъ сторонахъ, то его великосвѣтскіе пріятели обыкновенно защищали его такимъ образомъ:

— Да, все это такъ, все это можетъ быть; *mais au reste c'est un garçon de beaucoup d'esprit.*

По мѣрѣ того, какъ онъ получалъ осѣдлость между молодежью высшаго свѣта, онъ становился неприступнѣе и заносчивѣе съ людьми, не принадлежащими къ этому свѣту; едва отвѣчалъ на поклоны своихъ старыхъ знакомыхъ, едва удостоивалъ ихъ слова или отвѣта, и если въ кругу этой молодежи появлялся изрѣдка новичокъ не слишкомъ извѣстной фамиліи, онъ избѣгалъ всякаго столкновенія съ нимъ, какъ съ зачумленнымъ, и только, издалека измѣряя его съ гримасой глазами, говорилъ:

— Что *это* такое? откуда *это?* охота же пускать всѣхъ безъ разбора!

Но за то когда выскакивалъ изъ подъ надзора дядьки и гувернера какой нибудь мальчикъ съ извѣстнымъ именемъ, вчера еще только съ дозволенія родителей бросившій отроческіе отложные воротнички, господинъ съ неуловимыми глазками въ тотъ же день увивался около него, на другой же день пилъ съ нимъ на *ты*, а на третій, несмотря на разность лѣтъ, былъ съ нимъ пріятель, называлъ его Мишей, Гришей или Сережей, знакомилъ его съ жизнію и съ увеселеніями и дѣлался его руководителемъ.

Точно такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ вліяніе и надъ графомъ. Графъ былъ отъ него въ восторгѣ; его общество сдѣлалось для него необходимымъ: онъ вездѣ появлялся вмѣстѣ съ нимъ. И нельзя не отдать справедливости: молодой человѣкъ съ неуловимыми глазками умѣлъ очень тонко и пріятно щекотать самолюбіе своихъ друзей, нисколько не унижая собственнаго достоинства.

Въ этомъ случаѣ онъ не имѣлъ ничего общаго съ дру-

гимъ молодымъ спутникомъ и школьнымъ товарищемъ графа, который, для того, чтобы имѣть честь быть допущеннымъ въ среду молодежи высшаго свѣта, готовъ былъ позволить для забавы ихъ, обливать себя холодною водою, размазывать себѣ лицо жженной пробкой, и тому подобное. Соблазненный веселою и разгульною жизнію своихъ товарищей, съ самыми ничтожными средствами, онъ усиливался тянуться за людьми, имѣвшими въ виду сотни тысячъ доходу, и надо сознаться, что эти усилія были необыкновенно забавны. Онъ всегда появлялся въ балетѣ и въ оперѣ въ первыхъ рядахъ, для того, чтобы имѣть счастіе сидѣть рядомъ съ какимъ-нибудь извѣстнымъ лицомъ; заказывалъ свои платья (въ долгъ) у аристократическаго портного; ѣлъ устрицы и пилъ шампанское въ ресторанахъ (въ долгъ); изучалъ походку графа, котораго выбралъ для себя идеаломъ; подсматривалъ его малѣйшія движенія, употреблялъ всѣ усилія, чтобы перенять его манеру говорить; подражалъ его голосу, его прическѣ, его взглядамъ; даже — выщипывалъ свои слишкомъ густыя брови, чтобы болѣе походить на него; слѣдилъ за нимъ повсюду, какъ собаченка слѣдитъ за своимъ хозяиномъ; въ публикѣ безпрестанно подбѣгалъ къ нему и заговаривалъ, ударяя на мѣстоименіи *ты* и озираясь кругомъ, какъ бы желая удостовѣриться, слышитъ ли публика, что онъ графу говоритъ *ты;* въ своемъ кружкѣ онъ только и твердилъ, что о графѣ: о томъ, какъ онъ съ нимъ друженъ, какъ они вмѣстѣ кутили вчера, куда они отправятся завтра; какія пари онъ держалъ у графа съ такимъ-то княземъ; какъ они хотятъ устроить кавалькаду за городъ; какъ порядочному человѣку нельзя ѣздить на новомъ, необъѣзженномъ сѣдлѣ; какъ сѣдло должно быть прежде непремѣнно объѣзжено грумами, и въ жару разговора разъ до того увлекся фантазіей, что увѣрялъ одного своего знакомаго, хорошо знавшаго его домашнія обстоятельства и средства, и у лакея котораго онъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, занялъ на два дня десять рублей и съ тѣхъ поръ всячески избѣгалъ его,—что онъ хочетъ бросить двѣ тысячи рублей серебромъ на покупку англійской лошади.

Безкорыстная преданность, усердіе и услужливость.

которыя молодой человѣкъ изъявлялъ передъ графомъ и его пріятелями, не могли не тронуть графа. Графъ привыкъ къ нему, обращался съ нимъ какъ со всѣми; рѣдко, и то очень деликатно, подсмѣивался надъ нимъ и когда его пріятели начинали ужъ слишкомъ приставать къ нему, онъ удерживалъ ихъ, особенно господина съ неуловимыми глазками, для котораго и самъ молодой человѣкъ, и даже его фамилія, почти единственное наслѣдіе, полученное имъ отъ родителей, подавали поводъ къ неистощимымъ насмѣшкамъ. Она точно была немного смѣшна и подавала, можетъ быть, поводъ къ остроумію. Фамилія эта была — Вихляевъ.

Вихляевъ сдѣлался необходимымъ лицомъ на сборищахъ молодыхъ людей, безъ Вихляева было имъ даже скучно: Вихляевъ замѣнялъ собою *tir au pistolet:* — онъ служилъ цѣлью, въ которую всѣ считали въ свою очередь непремѣнною обязанностію пускать стрѣлы своего остроумія.

Между тѣмъ, среди забавъ и развлеченій, графъ незамѣтно приближался къ окончанію своего курса. Наконецъ эта давно желанная минута наступила, и, благодаря своимъ быстрымъ способностямъ а можетъ быть и богатству, графъ, къ совершенному удовольствію своего родителя, окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ.

Не нужно говорить объ успѣхахъ въ свѣтѣ молодого графа, объ его экипажахъ, лошадяхъ, грумахъ, и о прочемъ: все это само собой разумѣется. Графъ, впрочемъ, прежде всего началъ свое поприще съ того, что сдѣлался записнымъ театраломъ. Онъ абонировалъ кресло въ первомъ ряду и не пропускалъ ни одного балета. Всѣ интересы графа сосредоточились на театральномъ подъѣздѣ, на театральной улицѣ, на театральныхъ линіяхъ. Это продолжалось болѣе года и до того надоѣло ему, что онъ, къ глубокому огорченію театраловъ, совсѣмъ почти пересталъ посѣщать театры и началъ выѣзжать въ свѣтъ.

Это продолжалось два года, но, кажется, и свѣтъ началъ утомлять его. Въ это время старый графъ скончался внезапно, и сынъ его въ двадцать-три года сдѣлался наслѣдникомъ и полнымъ распорядителемъ всѣхъ богатствъ своихъ.

Черезъ полгода послѣ смерти отца, онъ уѣхалъ за-границу.

Бо́льшую часть своего времени за-границей графъ провелъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Парижъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ совсѣмъ сначала закружился въ немъ. Ежедневные обѣды и ужины въ *Café de Paris*, въ *Café Anglais*, у *Fréres provençeaux*, *оперныя крысы*, обитательницы улицы *Bréda*, между которыми онъ получилъ громкую и блистательную извѣстность, поглощали все его время.

Болѣе всѣхъ привлекала вниманіе графа одна знаменитая въ то время героиня этой улицы, *Fædora*, которая такъ наименовала себя въ честь бальзаковой *femme sans cœur*. Она въ одинъ прекрасный вечеръ, между двумя польками, при газовомъ освѣщеніи Мабиля, была посвящена въ лоретки бокаломъ шампанскаго; она ринулась на это поприще у знаменитыхъ *Mousqueton*, *Carabine*, по слѣдамъ *Mogador* и *Pomaré*. *Fædora*, съ своей стороны, не могла не оказывать особеннаго расположенія богатому и знатному иностранцу. Графъ былъ непремѣннымъ членомъ ея интимныхъ ужиновъ, которые давались, разумѣется, на его счетъ, и куда приглашалась только избранная парижская молодежь и самыя знаменитѣйшія изъ лоретокъ.

Въ послѣдній годъ пребыванія графа за-границей такого рода похожденія играли въ его жизни уже второстепенную роль. На первый планъ выступили лондонскій *Jockey-Club:* — скачки, груммы, пари, бои пѣтуховъ и совъ съ крысами и тому подобныя остроумныя развлеченія.

Графъ чувствовалъ потребность приводить чѣмъ нибудь въ раздраженіе свои нѣсколько отупѣвшіе нервы, и пари въ этомъ случаѣ дѣйствовали на него сильнѣе чѣмъ женщины. Онъ проигралъ какому-то англичанину пари во сто тысячъ рублей серебромъ, которое держалъ за крысъ. Англичанинъ былъ счастливѣе его. Его знаменитыя совы: *Young* и *Bec-de-Fer* остались побѣдительницами.

Вскорѣ послѣ этого пари графъ возвратился на родину,— образцомъ самого высокаго англійскаго дендизма. Онъ пробылъ три съ половиною года заграницей. Его возвращеніе произвело въ петербургскомъ свѣтѣ страшный шумъ: впро-

долженіе мѣсяца петербургскій свѣтъ занимался почти только имъ однимъ. Его лондонскія платья и экипажи, его англійскія лошади и груммы производили рѣшительный фуроръ. Даже люди, вовсе не принадлежавшіе никакому свѣту,—люди темные, до которыхъ черезъ нѣсколько времени достигла смутная и преувеличенная молва о графѣ, ахали и говорили: «Да какъ бы посмотрѣть на этого графа? какъ бы его увидѣть? это должно быть очень любопытная штучка».

Первое лицо, попавшееся графу почти въ самую минуту его пріѣзда въ Петербургъ, былъ господинъ съ неуловимыми глазками, какъ будто вовсе неискавшій его и встрѣтившійся съ нимъ случайно. Графъ очень обрадовался ему,—по видимомому, даже гораздо болѣе, чѣмъ господинъ съ неуловимыми глазками обрадовался графу. Графъ обнялъ его и расцаловалъ, и этотъ господинъ по прежнему сдѣлался неразлучнымъ его спутникомъ, пріобрѣтя этимъ, разумѣется, еще болѣе значенія и вѣсу между петербургской молодежью. Черезъ нѣсколько дней появился передъ графомъ и Вихляевъ, но робкій, смущенный, уничтоженный громаднымъ авторитетомъ графа. Онъ какъ-то вертѣлся, переминался съ ноги на ногу, не зная, какой тонъ принять съ графомъ, и въ тоже время усиливался быть какъ можно развязнѣе, чтобы скрыть свое смущеніе. Но графъ вывелъ его изъ этого непріятнаго положенія: онъ обошелся съ нимъ очень просто, какъ съ старымъ товарищемъ, вспоминалъ кое-что изъ ихъ прошедшей школьной жизни, изъ ихъ театральныхъ похожденій, и Вихляевъ, ободренный этимъ, началъ тотчасъ же обращаться съ графомъ совсѣмъ фамильярно, развалился на диванъ совершенно, какъ у себя дома, положилъ пальцы обѣихъ рукъ за жилетъ, заговорилъ какой-то вздоръ и между тѣмъ пожиралъ графа съ ногъ до головы глазами, не упуская ни малѣйшей подробности въ его туалетѣ. Возвратясь къ себѣ домой, счастливый и взолнованный, онъ бросился прямо въ зеркалу и сталъ расчесывать свои волосы въ подражаніе графу — съ разборомъ назади; потомъ побѣжалъ къ портному и велѣлъ подрѣзать свой сюртучокъ и обшить его тесьмой, какъ у графа; панталоны передѣлать также, какъ

у него — и когда платье было передѣлано, онъ повязалъ галстухъ точно такъ, какъ повязывалъ графъ—и веселый и довольный, бросился, не дождавшись опредѣленнаго для гулянья часа, на Невскій проспектъ—показывать себя въ обновленномъ и улучшенномъ видѣ.

Графъ возвратился изъ-за границы осенью, провелъ зиму въ Петербургѣ, заискиваемый всѣми, повсюду имѣвшій успѣхъ — и, несмотря на это, не совсѣмъ довольный своей жизнію, даже часто скучавшій.

Въ началѣ весны графъ отправился для обозрѣнія своихъ помѣстій и хотѣлъ до осени прожить въ своемъ Покровскомъ. Прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ одному была бы невыносимая скука, и графъ обратился къ своему другу, господину съ неуловимыми глазками.

Графъ нѣсколько времени убѣждалъ его; онъ ломался недѣли двѣ, заставляя себя упрашивать, и наконецъ далъ слово ѣхать.

— Давно бы такъ! сказалъ ему графъ: — а знаешь ли что́ мнѣ пришло между прочимъ въ голову?

— Что?

— Не взять ли намъ съ собой, для развлеченія, Вихляева?

Господинъ съ неуловимыми глазками скорчилъ гримасу.

— Впрочемъ... сказалъ онъ, нѣсколько подумавъ:—въ деревнѣ еще его можно терпѣть... Въ самомъ дѣлѣ, онъ даже въ деревнѣ будетъ, вѣрно, забавнѣе; но здѣсь онъ становится ужъ рѣшительно невыносимъ. Чтожъ? это можно попробовать... Съ нимъ вѣдь церемониться нечего: если онъ и тамъ будетъ намъ надоѣдать, то ты можешь отправить его въ Петербургъ съ подводами. Попробуемъ.

Когда графъ сдѣлалъ предложеніе Вихляеву ѣхать съ нимъ, Вихляевъ чуть не прыгнулъ отъ радости, чуть не бросился къ нему на шею, и потомъ говорилъ всякому встрѣчному, даже мало знакомому съ нимъ человѣку:

— А я скоро уѣзжаю отсюда. Мы на все лѣто ѣдемъ съ графомъ Елецкимъ, съ Сережей, въ его Покровское; онъ меня очень просилъ, я не могъ отказать ему; да и почему же не ѣхать? Будетъ очень весело... Мы беремъ съ собой поваровъ, экипажи, англійскихъ лошадей и проч.

Я забылъ сказать объ одной хорошей чертѣ Вихляева. У него иногда пробуждалось что-то въ родѣ сознанія собственнаго ничтожества, — впрочемъ, очень рѣдко, и то не вслѣдствіе размышленія о самомъ себѣ. Это было сознаніе не добровольное, а вымучиваемое изъ него горькими насмѣшками и оскорбленіями.

Когда онъ въ своихъ разсказахъ уносился, подстрекаемый сначала благосклонностію своихъ слушателей, они вдругъ останавливали его увлеченіе, разражаясь страшнымъ хохотомъ и уничтожая его страшнымъ вопросомъ:

— Признайся, вѣдь все, что ты говорилъ—ложь?

У него кровь бросалась въ голову, онъ начиналъ кусать губы, поправлять свои волосы, грызть ногти.

— Ну признайся же, продолжали они.

— Полноте, господа, шутить! бормоталъ онъ обыкновенно:—что за глупости!... Къ чему эти шутки?

— Нѣтъ это не шутки, мы вовсе не шутимъ. Признайся, что ты все лгалъ.

— Ну да, ну пожалуй, если хотите: я лгалъ.

— Мы этого вовсе не хотимъ, возражали ему:—а мы увѣрены, что ты лжешь. Признавайся же.

— Ну я солгалъ, произносилъ молодой человѣкъ глухимъ голосомъ, у котораго это признаніе вырывалось не безъ боли.

— Вѣдь ты самый безстыдный лгунъ? Скажи откровенно.

— Ахъ, оставьте меня, господа!

— Нѣтъ, говори, любезный,—иначе будетъ худо.

— Да, я лгунъ.

И послѣ этихъ словъ онъ иногда обливался слезами.

Это сознаніе и слезы не вели впрочемъ ни къ чему: этотъ внутренній голосъ смолкалъ въ немъ тотчасъ же и не безпокоилъ его до новой подобной сцены: а Вихляевъ, черезъ полчаса послѣ своего сознанія и своихъ слезъ, при встрѣчѣ съ новыми лицами, какъ ни въ чемъ не бывало, начиналъ хвастать еще пуще прежняго. Пройдя сквозь жестокую пытку униженія, онъ черезъ полчаса послѣ этого являлся въ театръ — свѣжій, цвѣтущій, веселый, напомаженный, раздушенный, въ желтыхъ перчаткахъ, въ лакиро-

ванныхъ сапогахъ... и гордо проходилъ между рядами креселъ, посматривая направо и налѣво въ свое стеклышко, какъ человѣкъ, вполнѣ обладающій чувствомъ человѣческаго достоинства.

Читатель имѣетъ уже достаточное понятіе объ этихъ новыхъ лицахъ, и я могу теперь продолжать мой разсказъ.

Когда молодой человѣкъ съ неуловивыми глазками пересталъ насвистывать, онъ раза два прошелся по балкону, потомъ бросился на диванъ, дернулъ за одинъ конецъ галстуха, разрушилъ бантъ, растегнулъ пуговки у рубашки и сказалъ:

— Однакожъ, мочи нѣтъ, какая жара! Надобно бы поѣхать купаться, Сережа!

— Нестерпимая жара! воскликнулъ Вихляевъ, также снимая съ себя галстухъ.—Купаться—это просто наслажденіе!... А *ты* чудесно плаваешь! произнесъ онъ, обращаясь къ господину съ неуловимыми глазками и подходя къ дивану, на которомъ онъ лежалъ.

— Я *вамъ* двадцать разъ говорилъ, сказалъ тотъ, мѣрнымъ и медленнымъ голосомъ, съ легкою улыбкою: — и еще разъ повторяю, что я вовсе не имѣю ни малѣйшаго желанія быть съ вами на *ты*... *Вы* слышали?

— Пожалуй, если вы хотите, забормоталъ Вихляевъ:— однако, вѣдь это смѣшно... Вѣдь, я, кажется, пилъ съ вами на *ты*... Отчего же послѣ этого мнѣ не говорить...

— Что такое?

— Я пилъ съ вами на *ты*... уже болѣе робкимъ голосомъ замѣтилъ Вихляевъ.

— Я не помню, отвѣчалъ, зѣвая, господинъ съ неуловимыми глазками.

— Да вотъ, я думаю, графъ помнитъ: это было именно когда мы послѣ перваго представленія *Сатаниллы* поѣхали всѣ вмѣстѣ къ Дюссо: вы, я, графъ, Гриша Хвалынскій, Ваня Красногорскій и еще не помню кто-то, а послѣ Дюссо отправились на тройкахъ за городъ, и Ваня одѣлся ямщикомъ, правилъ тройкой и перегонялся со всѣми... Мы на Средней Рогаткѣ и пили съ вами на *ты*... Ты, графъ, вѣрно помнишь это, вѣдь я не лгу, — изъ чего же мнѣ лгать?...

— Нѣтъ, я не помню.

— Вѣдь вотъ Ваня живой человѣкъ; у него можно спросить, правду ли я говорю.

— Хорошо, хорошо! сказалъ графъ, засмѣявшись: — успокойся; когда возвратимся въ Петербургъ, мы непремѣнно спросимъ объ этомъ у Вани...

— Ну, прекрасно! произнесъ господинъ съ неуловимыми глазками:—довольно объ этомъ. *Вы* надоѣли. Какъ бы то ни было, но я вовсе не хочу, чтобы *вы* говорили мнѣ *ты*. Понимаете?

Вихляевъ обидѣлся, нѣсколько надулся, сѣлъ въ уголъ и замолчалъ. Молчаніе это, однако, продолжалось недолго... И въ это время, какъ графъ за чѣмъ-то позвонилъ въ колокольчикъ, онъ обратился къ нему и сказалъ:

— Ахъ, графъ я все забылъ тебя спросить. Когда мы сюда ѣхали, недалеко отъ дома въ паркѣ, по дорогѣ,—ты не замѣтилъ—сидѣла какая-то дѣвушка, или женщина съ книжкой... кажется *une personne trés-destinguée*... Это меня поразило... Въ деревнѣ, въ лѣсу встрѣтить порядочную женщину—это радость.

Въ эту минуту вошелъ камердинеръ графа.

— Да вотъ Петруша вѣрно видѣлъ... Петруша, ты видѣлъ, продолжалъ Вихляевъ, относясь къ камердинеру:— даму... она сидѣла съ книжкой, когда мы въѣзжали сюда... по дорогѣ недалеко отъ дома...

— Нѣтъ-съ, не видалъ, отвѣчалъ камердинеръ съ улыбкою.

— Какъ же, помилуй...

— Да, можетъ быть, это была наша здѣшняя прачка Палагея.

— Какой вздоръ! Развѣ прачки читаютъ книги?

— Петръ, вели заложить линейку, сказалъ графъ:— мы передъ обѣдомъ поѣдемъ купаться.

— Нѣтъ, вотъ ты не вѣришь, продолжалъ Вихляевъ, когда камердинеръ вышелъ: — а право это была очень порядочная женщина и, кажется, прехорошенькая... Мнѣ даже показалось, что она имѣетъ нѣкоторое сходство съ *Louison*...

— Вѣрю, вѣрю, замѣтилъ графъ: — а что это такое *Louison?*

— Какъ! неужели ты не знаешь *Louison?*... Впрочемъ ты былъ тогда за-границей, когда Ваня...

Линейка была подана къ подъѣзду, и молодые люди сошли внизъ... Графъ и господинъ съ неуловимыми глазками сѣли въ линейку, а Вихляевъ закричалъ:

— Подождите минутку, господа! я не знаю, гдѣ моя фуражка; я сейчасъ:

Одинъ изъ людей бросился за фуражкой.

— Не нужно ему фуражки, сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками: — онъ можетъ и безъ фуражки ѣхать... и соскочивъ съ линейки, взялъ его за руку, притащилъ къ экипажу и заставилъ сѣсть возлѣ себя.—Пошелъ! закричалъ онъ кучеру:—къ купальнѣ.

Лошади двинулись.

— Да что̀ же это такое! восклицалъ Вихляевъ: — какъ же это можно! Солнце печетъ ужасно... Вѣдь у меня разболится голова, вѣдь можетъ сдѣлаться *coup de soleil*...

Онъ хотѣлъ соскочить съ линейки, но господинъ съ неуловимыми глазками удержалъ его за руку.

— Ничего, сказалъ онъ:—ваша голова все перенесетъ. Смотрите, сидите только смирно...

Вихляевъ посердился немного, успокоился и прикрылъ голову носовымъ платкомъ.

ГЛАВА VI.

Вскорѣ послѣ того, какъ линейка графа скрылась налѣво за деревьями, съ противоположной стороны парка показался тарантасъ, запряженный тройкою.

Грумъ, стоявшій за воротами съ лакеемъ въ штиблетахъ, обратился къ лакею и сказалъ, указывая рукой на тарантасъ:

— Смотри-ка, Иванъ: кажется, къ намъ гости катятъ.

— И то никакъ гости, замѣтилъ Иванъ:—это какая-нибудь здѣшняя шушера.

Въ это время тарантасъ остановился у воротъ и изъ

него вышла знакомая читателямъ сухощавая фигура плѣшиваго старичка; фигурка эта отряхнула съ себя пыль и обратилась къ груму, прищуривъ глазки.

— Что, любезный, у себя ли графъ Сергій Григорьичъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ грумъ:—графъ сейчасъ изволили поѣхать...

— Куда? воскликнулъ старичокъ.

— Въ купальню-съ.

— А-а-а! это другое дѣло, прошепталъ онъ, успокоясь.

— Его сіятельство скоро вернутся, замѣтилъ грумъ.

Въ то время, какъ Александръ Иванычъ говорилъ съ грумомъ, его лакей и кучеръ, разинувъ рты и выпучивъ глаза, съ величайшимъ удивленіемъ и любопытствомъ осматривали грума и лакея.

— Я, любезный другъ, сказалъ Александръ Иванычъ, очень ласково ударяя грума по плечу:—пойду на встрѣчу къ графу. Можетъ статься, я еще застану ихъ въ купальнѣ, да кстати и покупаюсь вмѣстѣ съ ними, а ты, мой милый, ужъ потрудись распорядиться на счетъ моего экипажа.

И, произнеся это, Александръ Иванычъ всунулъ цѣлковый въ руку грума и мѣрнымъ шагомъ, не безъ важности, опираясь на трость, подаренную ему, по его словамъ, сэромъ Робертомъ Пилемъ и собственноручно срѣзанную имъ въ его присутствіи, отправился по извѣстной ему дорогѣ въ купальню, потому что Покровское онъ зналъ гораздо лучше и подробнѣе собственнаго помѣстья.

Пройдя сажень сто, Александръ Иванычъ осмотрѣлся со всѣхъ сторонъ и, увѣрясь, что кругомъ не было ни души, воткнулъ въ землю подарокъ сэра Роберта Пиля, повѣсилъ на него свою фуражку, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ жокеи во время скачекъ, вынулъ изъ кармана гребенку и небольшое складное зеркальцо, и, держа его передъ собою въ лѣвой рукѣ, правой сталъ расчесывать слабые остатки волосъ своихъ на вискахъ; потомъ, нахмуривъ брови, какъ бы стараясь придать важность и мысль своей физіономіи, онъ раза два пристально посмотрѣлъ на себя въ зеркальцо, поправилъ свой галстухъ, пріосанился, надѣлъ фуражку и, размахивая подаркомъ сэра Роберта Пиля,

еще болѣе увѣренный въ себѣ, началъ спускаться по дорогѣ, которая вела къ рѣчкѣ.

Спустясь съ горы и выйдя на лугъ, по которому извивалась рѣчка, увидѣвъ линейку, возвращавшуюся изъ купальни, Александръ Иванычъ откашлянулся, еще разъ пріосанился и остановился.

Когда линейка поровнялась съ нимъ, онъ снялъ фуражку, продержавъ ее съ минуту на воздухѣ, поклонился и съ улыбкою произнесъ громкимъ голосомъ:

— *Salve, domine comes!* Привѣтствую владѣтеля въ его владѣніяхъ!

Графъ приказалъ остановить лошадей, сошелъ съ линейки, подошелъ къ Александру Иванычу и взялъ его за руку.

— Здравствуйте, любезный Александръ Иванычъ! какъ я радъ васъ видѣть... Давно ли вы пріѣхали?

— Сію секунду и, узнавъ, что ваше сіятельство отправились купаться, я прямо и направилъ стопы мои во срѣтеніе ваше.

— Это очень любезно съ вашей стороны. Садитесь съ нами.

Александръ Иванычъ пожалъ руки спутникамъ графа и сѣлъ въ линейку рядомъ съ нимъ.

— Что за дивное мѣсто ваше Покровское! сказалъ онъ:—это сокровище! Въ цѣлой Россіи, можно смѣло сказать, нѣтъ ничего подобнаго; да и за границей-то немного такихъ мѣстъ. Покровское стоитъ знаменитой виллы Боргезе,—только, по моему, оно грандіознѣе, шире, великолѣпнѣе. Я вѣдь имѣлъ честь не разъ быть здѣсь еще при покойномъ вашемъ батюшкѣ. Это былъ типъ истиннаго барина, вельможи; и сынокъ пошелъ по батюшкѣ, скажу безъ лести.

За обѣдомъ Александръ Иванычъ былъ разговорчивѣе всѣхъ, приходилъ въ восторгъ отъ графскаго повара, отъ графскихъ винъ, успѣлъ разсказать о маркизѣ Джіованни Пуччи и о своемъ Петрушкѣ и постепенно дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе, замѣтивъ, что его разсказы занимали и графа и его пріятелей.

Послѣ обѣда онъ ужъ рѣшительно не умолкалъ, прих-

лебывая время отъ времени шампанское. Его безконечный монологъ длился до захожденія солнца, и въ этомъ монологѣ мѣшались: прошедшее съ настоящимъ; политика съ гастрономіей; литература съ коннозаводствомъ; англійскія скаковыя лошади, начиная съ знаменитаго жеребца Эклипса, родившагося во время солнечнаго затмѣнія 1764 года, съ Шиллеромъ и Гёте.

Графъ, казалось, былъ даже удивленъ свѣдѣніями Александра Иваныча по части англійскихъ скаковыхъ лошадей, а Вихляевъ, совершенно пораженный его умомъ, многосторонними свѣдѣніями и краснорѣчіемъ, восклицалъ безпрестанно:

— Удивительно, удивительно! *Charmant! Charmant!*

— Да, произнесъ Александръ Иванычъ со вздохомъ, зажмуривая глазки:—я таки много видѣлъ и наблюдалъ на своемъ вѣку и теперь живу себѣ *parvo contentus*. Многія знакомства мои съ людьми извѣстными очень оригинальны. Вотъ, если позволите, графъ, я вамъ разскажу одинъ изъ такихъ случаевъ. Однажды я пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ. Покойный князь Антонъ Васильичъ Галицкій, съ которымъ я былъ большой пріятель, непремѣнно требовалъ, чтобы я остановился у него, но я присталъ въ гостинницѣ: онъ на меня таки и разсердился за это,—но такъ мнѣ что-то вздумалось остановиться на этотъ разъ въ гостинницѣ, самъ не знаю почему. Вотъ однажды возвращаюсь домой, часовъ въ двѣнадцать. Ночь темная, снѣгъ моросить; подхожу къ гостинницѣ—вижу у себя въ окнахъ свѣтъ. «Что бы это значитъ?» думаю. Звоню; отворяетъ мнѣ дверь мой человѣкъ и говоритъ; «васъ давно—говоритъ—дожидается какой-то господинъ.»—Кто такой?—«Не знаю-съ—говоритъ—я его въ первый разъ вижу»—Странно! Вхожу въ комнату: вижу, сидитъ у моего письменнаго стола человѣкъ среднихъ лѣтъ, типъ лица арабскій, толстыя губы, вьющіеся волосы, лицо выразительное, необыкновенно умное, и сидитъ онъ задумавшись и, какъ теперь помню, облокотясь на руку. Услышавъ мои шаги, онъ всталъ и сдѣлалъ шагъ мнѣ на встрѣчу.

— «Кого имѣю честь видѣть у себя? спросилъ я, кланяясь.

— «Вы меня не знаете, Александръ Иванычъ, отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ:—но я много о васъ слышалъ и давно знаю васъ, не имѣя удовольствія быть съ вами лично знакомымъ. Я—Пушкинъ.

— «Александръ Сергѣичъ! воскликнулъ я, натурально удивленный и обрадованный.

— «Точно такъ, отвѣчалъ онъ:—не удивляйтесь—говоритъ—моему странному приходу. Я знаю вашъ вкусъ, ваше знаніе русскаго языка, вашу любовь къ изящному и хочу непремѣнно выслушать ваше мнѣніе о моей новой поэмѣ.

«И онъ указалъ на свою рукопись, лежавшую у меня на столѣ. Это была рукопись *Полтавы.*»

И Александръ Иванычъ произнесъ послѣднее слово какъ-то особенно звучно и торжественно, закрылъ глазки и послѣ минуты молчанія продолжалъ:

— «Это—честь, которой я не стою, отвѣчалъ я, крѣпко пожавъ руку Александра Сергѣича:—во всякомъ случаѣ мнѣ и лестно и пріятно первому въ Россіи выслушать новый плодъ вдохновенія ея перваго поэта.

«Александръ Сергѣичъ сѣлъ и началъ читать. Читалъ онъ, надо вамъ сказать, превосходно. Такихъ чтецовъ ни прежде, ни послѣ уже я не слыхалъ. Чтеніе продолжалось около двухъ часовъ. Онъ кончилъ.

— «Ну, теперь — говоритъ — скажите ваше мнѣніе прямо, откровенно. Я — говоритъ — не боюсь истины и люблю, чтобы ее мнѣ прямо высказывали въ глаза.

— «Превосходно! я говорю!—превосходно! объ этомъ и толковать нечего. Это брильянтъ русской поэзіи; но... позвольте мнѣ замѣтить вамъ, со всею откровенностію, на которую вы меня вызвали, что, несмотря на всѣ красоты и достоинства вашей поэмы, въ ней недостаетъ одного—и сказалъ именно чего?

«Александръ Сергѣичъ значительно посмотрѣлъ на меня, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— «Не договаривайте... Ну, теперь я убѣдился самъ, что слухи о васъ неложны, что вы человѣкъ замѣчательный... Именно этого-то и недостаетъ моей поэмѣ, я и прежде думалъ объ этомъ, вы только подтверждаете мои мысли...

«Мы разстались друзьями. Пушкинъ по моему совѣту прибавилъ то, чего недоставало поэмѣ, и поэма въ художественномъ отношеніи вышла совершенна».

Александръ Иванычъ замолчалъ и обвелъ глазами своихъ слушателей; но этотъ разсказъ не произвелъ на нихъ желаемаго эффекта.

Послѣ этого послѣдовало даже нѣсколько минутъ неловкаго молчанія.

— У меня есть и свой, домашній поэтъ, началъ опять Александръ Иванычъ: — мой сынъ, и хоть сына хвалить совѣстно, но я долженъ признаться, что онъ пишетъ стихи звучные, прекрасные и со временемъ—кто знаетъ?—можетъ выйдти замѣчательнымъ поэтомъ. Прекрасно сказалъ Виргилій, если я не ошибаюсь:

Uno avulso non deficit alter!

Если вы позволите, я вамъ его представлю, ваше сіятельство. Вы, какъ меценатъ, одобрите молодой, развивающійся талантъ.

Александръ Иванычъ прогостилъ трое сутокъ въ Покровскомъ, но уже на третьи сутки началъ замѣтно повторяться. Такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ два раза исторію о маркизѣ Пуччи и о Петрушкѣ. Такія повторенія были скучноваты и могли очень повредить ему во мнѣніи графа, но, къ счастію Александра Иваныча, его спасли обширныя свѣдѣнія по части англійскаго коннозаводства; разговоръ же объ этомъ предметѣ никогда не могъ надоѣсть графу.

Графъ показывалъ ему своихъ верховыхъ лошадей, и Александръ Иванычъ разсматривалъ ихъ въ подробности, какъ знатокъ, съ глубокомысленной физіономіей, и говорилъ съ энтузіазмомъ:

— Это — конь! чистая кровь, высокая порода. Смотрите, все какъ слѣдуетъ: ростъ, голова, глаза, уши, вытянутая шея, крѣпкія связки... Конь — дорогой цѣны! Плечи плоскія, наклонныя... Обратите, напримѣръ, вниманіе на верхнюю часть ноги; она почти перпендикулярна, почти составляетъ уголъ съ нижнею частію... Бедра прелесть! длинныя, мускулистыя! А бабки-то, бабки-то! экая стройность! это Антиной между конями!.. Кожа-то, кожа-

то... какая тонкость! Въ этомъ конѣ духъ благороднаго племени! Что тутъ и говорить!

Такія рѣчи очень пріятно дѣйствовали на графа и заставляли его смотрѣть сквозь пальцы на скучныя и слабыя стороны Александра Иваныча, и когда онъ собрался, какъ говорилъ, во свояси, графъ любезно сказалъ ему:

— Полноте, куда! зачѣмъ вамъ ѣхать? Останьтесь до слѣдующей недѣли...

— Не могу, ваше сіятельство. Я всегда вашъ гость, всегда къ вашимъ услугамъ; но у меня есть кое-какія дѣлишки — съѣзжу, обдѣлаю ихъ — и опять къ вамъ.

— Но ужъ къ воскресенью вы должны быть непремѣнно здѣсь, возразилъ графъ: — ахъ, кстати...

И графъ взялъ подъ руку Александра Иваныча и началъ прохаживаться съ нимъ по комнатамъ.

— Я желалъ бы пригласить къ себѣ здѣшнихъ помѣщиковъ... я вѣдь ни съ кѣмъ почти не знакомъ... Вы знаете... въ воскресенье я хочу дать праздникъ для крестьянъ... ко мнѣ хотѣлъ быть губернаторъ и предводитель... такъ это бы кстати... Надобно разослать приглашенія; я увѣренъ, что вы будете такъ добры, что пособите мнѣ въ этомъ: укажите, кому именно послать приглашенія.

Александръ Иванычъ просіялъ отъ такой довѣренности.

— Съ удовольствіемъ, графъ, съ удовольствіемъ! отвѣчалъ онъ и значительно приложилъ палецъ ко лбу. — Объ этомъ надо подумать... Мы пригласимъ, разумѣется, только сливки здѣшняго общества, уѣздныя *sommités*... Вѣдь нельзя же вамъ назвать къ себѣ всю нашу уѣздную мелкоту... Да! Я вамъ могу быть въ этомъ полезенъ... Мы составимъ списочекъ, и по этому списочку вы и велите разослать приглашенія.

— Прекрасно, сказалъ графъ.

— Мнѣ вѣдь не только нашъ уѣздъ, продолжалъ Александръ Иванычъ: — вся губернія на перечетъ извѣстна, отъ мала до велика. Я это вамъ сейчасъ устрою. Мы возьмемъ для приглашенія норму — двѣсти душъ.

Графъ засмѣялся.

— Это, сказалъ онъ: — кажется, будетъ неловко. Я

желалъ бы пригласить всѣхъ, весь уѣздъ, если бы только это было можно, но...

— И графъ! предоставьте ужъ это мнѣ... вы этого не знаете; не безпокойтесь. Мы устроимъ все какъ слѣдуетъ, пригласимъ по преимуществу лицъ, стоящихъ на первомъ планѣ — коноводовъ, такъ сказать, общественнаго мнѣнія; а объ остальныхъ заботиться нечего. Остальнымъ было бы и непривычно и неловко въ этихъ великолѣпныхъ палатахъ, среди этихъ бронзъ и мраморовъ, въ этихъ стѣнахъ, украшенныхъ Тиціаномъ и Корреджіо...

И Александръ Иванычъ съ важностію обмокнулъ перо въ чернильницу и принялся составлять пригласительный списокъ такъ серьёзно и такъ глубокомысленно, какъ будто занялся какимъ-нибудь важнымъ государственнымъ дѣломъ. Составивъ списокъ, онъ торжественно вручилъ его графу и, прощаясь съ нимъ, сказалъ:

— Позвольте обнять и поцаловать васъ, графъ, и поблагодарить за истинно-вельможеское, патріархальное гостепріимство. Мы другъ друга кажется поняли. Я съ перваго взгляда увидѣлъ, что вы настоящій человѣкъ, что у васъ въ груди — прометеева искра.

Александръ Иванычъ торжественно зажмурилъ свои глазки.

— Это нашъ! подумалъ я, и полюбилъ васъ отъ души. Затѣмъ Александръ Иванычъ заключилъ графа въ объятія и, держа его за руку, продолжалъ: — надѣюсь, что вы позволите мнѣ привести къ вамъ и представить моего сына. Малый онъ, вы увидите, хорошій и умный.

— Непремѣнно, сказалъ графъ: — я буду ждать васъ вмѣстѣ съ нимъ.

— *Dixi!* произнесъ Александръ Иванычъ.

Изъ Покровскаго онъ по дорогѣ заѣхалъ въ Березовку, —правда не совсѣмъ по дорогѣ, потому что надобно было сдѣлать небольшой крюкъ; но какъ было отказать себѣ въ удовольствіи сообщить добрымъ знакомымъ о пребываніи у графа.

Вѣра Ивановна стояла на крыльцѣ въ ту минуту, когда тарантасъ Александра Иваныча въѣхалъ на дворъ.

— Батюшка, Александръ Иванычъ, здравствуйте! за-

кричала обрадованная старушка: — здорова ли Алена Ѳедоровна, Павелъ Александрычъ?

— Я прямехонько отъ графа, сказалъ Александръ Иванычъ, вылѣзая изъ тарантаса: — все это время я гостилъ у него и не знаю, что дѣлается дома. Ну, здравствуйте! какъ вы поживаете? Всѣ ли у васъ здоровы? Что Катя?

Александръ Иванычъ въ ея отсутствіе всегда называлъ ее Катей.

— Слава Богу, батюшка, слава Богу; да пойдемте въ комнату. Не прикажете ли чайку, али кофейку, али закусить чего нибудь?

— Ничего, ничего не надо, отвѣчалъ Александръ Иванычъ: — я завтракалъ въ Покровскомъ и сытъ по горло. Тамъ завтраки, и обѣды, и ужины, — все это, знаете, широко, великолѣпно, въ гомерическихъ размѣрахъ, — все на серебрѣ, несмотря на то, что мы были только въ дружескомъ кругу, вчетверомъ... Я былъ по сосѣдству, такъ не могъ, хоть на минутку, не заѣхать къ вамъ и спѣшу домой.

— Спасибо вамъ, отецъ мой, спасибо.

Катя и Надежда Кондратьевна сидѣли въ гостиной. Александръ Иванычъ подошелъ къ рукѣ Катерины Павловны, пожалъ руку Надеждѣ Кондратьевнѣ и разсѣлся въ креслахъ, закуривъ сигару.

— Ну что графъ-то? какъ тамъ въ Покровскомъ-то? сказала старушка: — разскажите намъ; ужъ, я думаю, вы повеселились тамъ!

— Еще бы! Я съѣзжу домой на день или много на два, а потомъ опять туда.

— Опять! повторила старушка, качая головой.

— Вѣдь въ воскресенье тамъ, я чай вы слышали, будетъ просто бальтазарово пиршество... И предводитель будетъ и губернаторъ, полковая музыка, графъ ангажировалъ музыкантовъ на цѣлую недѣлю; фейерверкъ, бенгальскіе огни, угощеніе крестьянъ...

— Скажите, скажите на милость! восклицала удивленная старушка. — Слышишь, Катенька?

— А что, балъ будетъ, Александръ Иванычъ? спро-

сила Надежда Кондратьевна, смотрясь въ зеркало и поправляя свои пукольки.

— Ну, я думаю, и балъ будетъ, произнесъ Александръ Иванычъ.

— Когда же? тоже въ воскресенье? воскликнула Надежда Кондратьевна съ безпокойствомъ.

Въ эту минуту и Катя посмотрѣла на Александра Иваныча, какъ бы ожидая его отвѣта.

— Какже можно въ воскресенье! Вы захотѣли ужъ такъ всего вдругъ, нельзя же этого; ну, балъ будетъ, вѣроятно послѣ...

— Въ самомъ дѣлѣ. Нельзя же вдругъ, прошептала старушка.

— Я вамъ скажу, Вѣра Ивановна, продолжалъ Александръ Иванычъ, вставъ съ креселъ и прохаживаясь по комнатѣ:—что такихъ молодыхъ людей, какъ графъ, немного. Это—человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова; да, это—человѣкъ! повторялъ онъ зажмуривая глазки и приподнимая голову:—и вмѣстѣ баринъ! Мы съ нимъ сошлись. Съ перваго раза я ему сказалъ: Послушай, я говорю, Сергѣй, я тебѣ льстить не буду, ты этого отъ меня не ожидай: это не въ моемъ характерѣ; но я не могу отъ тебя скрыть, что ты — драгоцѣнная жемчужина между нынѣшнею молодежью; ну да и оправа-та у тебя, братецъ, недурна, прибавилъ я съ улыбкою. Вспомните меня вы всѣ, которые слушаете: онъ пойдетъ далеко, очень далеко. У него замѣчательная складка ума, быстрота взгляда, соображеніе... ну и при этомъ настоящій, вельможескій декорумъ.

И Александръ Иванычъ размахивалъ рукой, въ которой держалъ до половины докуренную сигару.

— И притомъ красавецъ... Что за глаза, какое выраженіе лица! Ну, Катерина Павловна, бѣда, если вы его увидите: заранѣе предупреждаю васъ, влюбитесь, непремѣнно влюбитесь.

— И, батюшка! возразила старушка:—что это вы говорите! Ужъ куда намъ думать о графахъ, сохрани Господи! Да графы-то на насъ и смотрѣть не захотятъ!

— Отчего же? а я не только думаю—я увѣренъ, что

графъ очень и очень обратилъ бы вниманіе на Катерину Павловну: да и какой же, впрочемъ, человѣкъ со вкусомъ, кто бы онъ ни былъ, не обратитъ на нее вниманія?

Катя вспыхнула.

— Дѣло не въ томъ... что̀ объ этомъ говорить! а вотъ вы доставьте-ка Катеринѣ Павловнѣ развлеченіе и удовольствіе: повезите-ка ее въ воскресенье въ Покровское, посмотрите на этотъ праздникъ, на фейерверкъ, послушайте музыку, а ужъ я васъ тамъ увижу, укажу вамъ мѣсто, откуда лучше смотрѣть, и жена моя, чай захочетъ взглянуть на все это: такъ вы кстати поѣдете вмѣстѣ; она, вѣрно, въ воскресенье и переночуетъ у васъ.

— Чтожъ, прекрасно! я очень рада; попросите же непремѣнно къ намъ Алену Ѳедоровну; мы будемъ ждать ее. Какъ не посмотрѣть! Вѣдь такого праздника, я думаю, въ другой разъ въ жизни и не удастся видѣть.

— А что, скажите, Александръ Иванычъ, спросила Надежда Кондратьевна:—у графа темные волосы, онъ нѣсколько худощавъ и блѣденъ? Не правда ли?

— Ну да, да; а вы развѣ гдѣ его видѣли?

— Нѣтъ, я такъ только полагаю.

«О, это былъ онъ! онъ!» подумала Надежда Кондратьевна и вздохнула.

— Я не могу вамъ разсказать, началъ опять Александръ Иванычъ:—сколько у графа внимательности, сколько предупредительности не только ко мнѣ, даже къ моему семейству. «Я—говоритъ онъ мнѣ—непремѣнно хочу познакомиться съ вашимъ сыномъ; я такъ много—говоритъ—наслышанъ о его талантахъ: привезите его пожалуйста ко мнѣ.» Сталъ упрашивать меня. Дѣлать нечего! надобно будетъ привезти къ нему Василья. Пусть познакомится.

— Такъ и Базиль будетъ у графа? воскликнула Надежда Кондратьевна, не безъ сердечнаго біенія.

— Всенепремѣнно. Мы пріѣдемъ съ нимъ въ Покровское въ пятницу или въ субботу, потому что графъ меня просилъ тоже кое-чѣмъ заранѣе распорядиться. Безъ моего совѣта онъ — вѣрите ли вы? — дѣлать ничего не хочетъ. Вѣдь и приглашенія-то, сказать между нами (и Але-

ксандръ Иванычъ пріятно улыбнулся) разосланы по моему списку.

Высказавъ такимъ образомъ все, что ему было нужно, онъ уѣхалъ.

ГЛАВА VII.

Слухъ о праздникѣ въ Покровскомъ разнесся по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ; не было избы на пятьдесятъ верстъ въ окружности, въ которой бы не толковали объ этомъ праздникѣ; крестьяне и крестьянки ближайшихъ деревень, принадлежавшихъ постороннимъ владѣльцамъ, собирались также идти на этотъ праздникъ, въ надеждѣ, что и имъ что нибудь перепадетъ отъ щедротъ графа. Наканунѣ праздника длинныя вереницы подводъ тянулись по дорогѣ къ Покровскому съ виномъ, съ пивомъ, съ пряниками, съ орѣхами. Въ самомъ Покровскомъ также было замѣтно необыкновенное движеніе: повара и поваренки бѣгали озабоченно около большого дома въ своихъ бѣлыхъ курткахъ и фуражкахъ; дворовыя бабы и дѣвки мыли посуду, которую вынимали изъ кладовыхъ и которая болѣе тридцати лѣтъ не была въ употребленіи; въ одномъ мѣстѣ разбирали шкалики и цвѣтные фонари; въ другомъ — чистили серебро; мужики переносили изъ оранжерей къ дому кадки съ деревьями и горшки съ цвѣтами; въ столярной строгали доски для крестьянскихъ столовъ. Управляющій, съ котораго лился потъ ручьемъ, перебѣгалъ изъ одного мѣста въ другое, распоряжался, кричалъ, дѣлалъ наставленія, отдавалъ приказанія и самъ безпрестанно бѣгалъ за приказаніями къ графу.

Графъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ на кушеткѣ съ книгою въ рукахъ и, при видѣ запыхавшагося и утомленнаго управляющаго, который явился къ нему въ десятый разъ за какимъ-то вопросомъ, онъ, потягиваясь на кушеткѣ и зѣвая, сказалъ:

— Вы ужъ слишкомъ мучите себя, добрый Василій Иванычъ; подите-ка лучше отдохните! я увѣренъ, что все поспѣетъ во время, все будетъ хорошо...

— Нельзя, ваше сіятельство, отвѣчалъ усердный управляющій, вытирая пестрымъ фуляромъ потъ, выступившій

крупными каплями на его челѣ, голомъ какъ черепъ, — нельзя: безъ моего глаза будетъ худо, — повѣрьте мнѣ, ваше сіятельство. Вѣдь ни на кого изъ нихъ положиться нельзя, безъ указанія ничего сдѣлать не умѣютъ. Вотъ и сейчасъ успѣли надѣлать убытку вашему сіятельству.

— Какого же убытку? спросилъ, улыбаясь, графъ.

— Да вонъ дрянныя эти бабенки, прости Господи, моютъ посуду, и одна изъ нихъ успѣла ужъ разбить двѣ фарфоровыя тарелки, а вѣдь покойникъ батюшка-то вашъ платилъ, ваше сіятельство — это ужъ мнѣ очень хорошо извѣстно — за эти тарелки въ то время по сту-рублей за дюжину.

Графъ засмѣялся.

— Ну ничего, успокойтесь, любезный Василій Иванычъ, это еще не такъ разорительно. Чтожъ дѣлать?

— Какъ что дѣлать? да проучить ее, ваше сіятельство, вотъ что, — чтобы она осторожнѣе впередъ обращалась съ барскимъ добромъ. Зачѣмъ же терять и бездѣлицу.

Лакей въ красныхъ штанахъ перебилъ благоразумныя рѣчи управляющаго, объявивъ о пріѣздѣ г. Вязникова съ сыномъ.

— Просить, сказалъ графъ.

— Вотъ я и опять прибылъ въ вертоградъ вашъ, сказалъ входящій Александръ Иванычъ:—насладиться настоящихъ благихъ: вина дражайшаго и мура благовоннаго. Здравствуйте, ваше сіятельство, и позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ моего Василья.

Александръ Иванычъ взялъ за руку угреватаго молодого человѣка и подвелъ его къ графу.

— Очень радъ, произнесъ графъ.—Милости прошу садиться, господа.

Александръ Иванычъ подошелъ къ управляющему, протянулъ къ нему руку и сказалъ, обращаясь къ графу.

— Это, графъ, мой старый знакомый и пріятель.

Управляющій пріятно улыбнулся и поклонился.

— Я его истинно уважаю за распорядительный, хозяйственный умъ, здравый смыслъ и вѣрный политико-экономическій взглядъ, и всѣмъ здѣшнимъ помѣщикамъ говорю: «всѣ, я говорю, мы должны учиться у Василья

Иваныча сельскому хозяйству. Это, господа, нашъ Адамъ Смитъ!»

Управляющій еще разъ поклонился.

— У нашего Адама Смита столько теперь хлопотъ, замѣтилъ графъ: — что онъ совсѣмъ замучился, и я вотъ никакъ не могу уговорить его хоть немножко отдохнуть.

— Онъ таковъ: это неутомимый человѣкъ! Я его знаю. Да что Василій Иванычъ, постойте-ка, дайте я вамъ пособлю въ чемъ нибудь. Мнѣ тоже вѣдь скучно такъ безъ дѣятельности. Пойдемте-ка хлопотать вмѣстѣ, а графъ не взыщетъ за то, что я его оставлю.

— Зачѣмъ вамъ безпокоиться! какъ можно, помилуйте! сказалъ управляющій.

— Полно, полно, Василій Иванычъ! идемъ.

— Что съ вами дѣлать? Пожалуй пойдемте, если угодно.

Графъ остался наединѣ съ угреватымъ молодымъ человѣкомъ.

Нельзя не замѣтить, что угреватый молодой человѣкъ не очень охотно согласился ѣхать съ отцомъ своимъ въ Покровское. Онъ питалъ къ свѣту, свѣтскости и къ свѣтскимъ людямъ непреодолимую ненависть.

Несмотря на такого рода убѣжденія, сердце у него совсѣмъ почти замерло, когда онъ подъѣхалъ съ отцомъ своимъ къ подъѣзду графскаго дома. И когда они вошли въ комнаты, вся эта великолѣпная обстановка, вся эта роскошная внѣшность подѣйствовали на него такъ сильно, несмотря на его презрѣніе къ внѣшности, что онъ совсѣмъ оробѣлъ.

— Вы постоянно живете въ деревнѣ? спросилъ его графъ.

— Постоянно, ваше сіятельство, пробормоталъ онъ скороговоркою, и когда онъ произнесъ это: *ваше сіятельство*, его вдругъ кольнулъ внутренній упрекъ, что онъ сробѣлъ передъ блестящимъ ничтожествомъ; что онъ унизилъ свое я, свое человѣческое достоинство, и онъ дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы преодолѣть свою робость.

— Вѣдь вамъ, я думаю, скучно въ деревнѣ? продолжалъ графъ.

— Нѣтъ-съ, ничего-съ.... Я читаю, наблюдаю, изучаю... для человѣка мыслящаго всегда много и въ деревнѣ такого, потому что...

— Однако, вы вѣрно не всегда же останетесь въ деревнѣ?

«Чего онъ отъ меня хочетъ?—подумалъ молодой человѣкъ.—Что онъ присталъ ко мнѣ съ деревнею?» хотя графъ рѣшительно ничего не хотѣлъ отъ него и предлагалъ вопросы, вовсе не заботясь объ отвѣтахъ, потому что нужно же было говорить о чемъ нибудь.

— Я-съ живу здѣсь, покуда живется-съ, отвѣчалъ онъ: я еще ничего не загадываю впередъ.

Чувство собственнаго достоинства начинало постепенно брать въ молодомъ человѣкѣ перевѣсъ надъ робостью.

— Впрочемъ-съ, во всякомъ случаѣ, я предпочитаю уединенную жизнь разсѣянной столичной жизни; я много занимаюсь, читаю, слѣдовательно мнѣ не скучно. Для меня чтеніе выше... оно мнѣ доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ какія нибудь развлеченія.

— Это странно, замѣтилъ графъ:—вы такъ молоды и ужъ не хотите никакихъ развлеченій. Если бы вы были въ Петербургѣ, можетъ быть, вы и развлеклись бы чѣмъ нибудь...

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ нѣкоторою досадою:—у меня не такая натура.

— А я слышалъ, что вы имѣете прекрасный талантъ, что вы пишете очень хорошіе стихи; мнѣ говорилъ объ этомъ вашъ батюшка.

— Да, я иногда пишу стихи, такъ, для себя, сказалъ довольный поэтъ и въ тоже время подумалъ: «охота же отцу было говорить объ этомъ людямъ, не понимающимъ значенія и величія искусства...»

Въ ту минуту, какъ онъ думалъ объ этомъ, вошли въ комнату господинъ съ неуловимыми глазками и Вихляевъ. Графъ представилъ имъ поэта. Вихляевъ гордо поклонился ему, потомъ вставилъ въ глазъ стеклышко и посмотрѣлъ на него.

«Жалкій фатъ! образецъ свѣтскости! ты думаешь меня озадачить, удивить своимъ стеклышкомъ и своимъ

важнымъ видомъ. Какъ ты ошибаешься!» подумалъ поэтъ, изъ подлобья поглядывая на Вихляева.

Господинъ съ неуловимыми глазками едва обратилъ вниманіе на поэта. Онъ подошелъ къ графу и началъ съ нимъ разговаривать о чемъ-то въ полголоса...

Александръ Иванычъ провелъ почти весь день въ величайшихъ хлопотахъ, хотя собственно эти хлопоты были совершенно безполезны. Но ему очень было лестно играть въ домѣ графа роль близкаго, домашняго человѣка и распорядителя; поэтому онъ считалъ обязанностію вмѣшиваться во все болѣе или менѣе, и это непрошенное вмѣшательство только затрудняло управляющаго. Александръ Иванычъ обратилъ вниманіе даже на фейерверкъ и на цвѣтные фонари.

— А! вотъ ракеты со звѣздочками, говорилъ онъ управляющему: — ну мы ихъ отложимъ въ одну сторону, а простыя ракеты особо... и съ этимъ словомъ онъ взялъ ракету въ руку и началъ разсматривать ее съ тѣмъ же глубокомысліемъ, съ какимъ разсматривалъ все, что ни попадалось ему на глаза, — эта ракета должна быть съ разноцвѣтными звѣздочками: это удивительныя ракеты. Я вѣдь понимаю кое-что и въ артиллерійскомъ дѣлѣ. Я имѣю всегда свободный доступъ въ лабораторію, когда бываю въ Петербургѣ, и самъ нѣсколько разъ присутствовалъ при дѣланіи фейерверковъ.

— Да это сударь, простая ракета, сказалъ одинъ изъ людей, стоявшихъ тутъ.

— Какъ простая? Быть не можетъ.

— Точно-съ, вотъ видители-съ ракеты со звѣздочками: ихъ сейчасъ отличить можно.

— Да, точно, я и хотѣлъ сказать объ этихъ ракетахъ.., Ну, да, *эта* простая ракета... А какъ вы расположите, Василій Иванычъ, цвѣтные-то фонари? Ихъ бы, знаете, развѣсить около терасы, въ видѣ гирляндъ: это произвело бы большой эффектъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, давалъ праздникъ на своей дачѣ, на Каменномъ острову, князь Галицкій. Мы съ нимъ люди близкіе; онъ зналъ, что я человѣкъ не безъ вкуса и просилъ меня заняться иллюминаціей. Я соста-

вилъ рисунокъ для этой иллюминаціи, и иллюминація, я вамъ скажу, удалась, — о ней нѣсколько дней говорилъ весь Петербургъ.

Александръ Иванычъ не оставилъ въ покоѣ и садовниковъ. И передъ главнымъ садовникомъ онъ успѣлъ блеснуть мимоходомъ, своими ботаническими свѣдѣніями.

Когда садовникъ дѣлалъ какія-то распоряженія о переноскѣ деревьевъ, онъ потрепалъ его по плечу, вмѣшался съ своими совѣтами, замѣтилъ, какъ и куда бы слѣдовало поставить различные цвѣты и деревья; не упустилъ случая похвастать своими пестрыми георгинами и прибавилъ, что онъ развелъ у себя въ послѣднее время въ большомъ количествѣ *Convallaria multiflora*, т. е. многоцвѣтный ландышъ.

Въ такого рода препровожденіяхъ время летѣло для Александра Иваныча стрѣлою, тогда какъ оно ползло черепахою для его угреватаго сына. Поэту было невыносимо скучно въ обществѣ ему совершенно чуждомъ, гдѣ онъ не могъ говорить ни объ искусствѣ, ни о художественныхъ произведеніяхъ, ни о русскихъ журналахъ, гдѣ не передъ кѣмъ было изливать ему свои поэтическія признанія и декламировать свои стихи. И когда, послѣ обѣда, родитель его принялся разсказывать одинъ изъ тѣхъ анекдотовъ, которые онъ такъ прекрасно разсказывалъ, сынъ, воспользовавшись этимъ, вышелъ потихоньку изъ столовой и пошелъ гулять. Онъ предпочелъ безмолвное созерцаніе природы наслажденію выслушивать въ девяносто-шестой разъ родительскій анекдотъ. Онъ долго блуждалъ по парку и по саду въ самомъ поэтическомъ настроеніи духа, противопоставляя этимъ суетнымъ богатствамъ, этой тщетѣ наслажденій, доставляемыхъ роскошью, всѣмъ этимъ благамъ скоропреходящимъ и ничего не оставляющимъ послѣ себя кромѣ пустоты, — славу, безсмертную славу, пріобрѣтаемую великими мыслителями, поэтами, художниками... Впрочемъ, подумалъ онъ — и на устахъ его зашевелились стихи Пушкина:

. . . . . Какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживитъ васъ лиры гласъ!

«Утопайте и погрязайте въ пирахъ и удовольствіяхъ. Природа, лишивъ васъ самыхъ драгоцѣнныхъ даровъ своихъ, дала вамъ богатство, а насъ, лишивъ богатства, надѣлила зато этими богатствами...

. . . . . .

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!»

И, нѣсколько успокоясь этой мыслью, потому что роскошь и блескъ, окружавшіе графа, какъ-то непріятно смущали и безпокоили его, онъ перешелъ къ предмету любви своей. Образъ Надежды Кондратьевны яснѣе и яснѣе начиналъ выступать въ его воображеніи.

«Она меня любитъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—разсуждалъ онъ съ самимъ собою—и эта любовь выражается невольно въ каждомъ ея взглядѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ, когда она бываетъ наединѣ со мною. Какая замѣчательная, какая избранная натура у этой дѣвушки! Въ ней есть именно та младенческая чистота, которая такъ увлекательна въ Десдемонѣ Шекспира или въ Эми Робзаръ Вальтеръ-Скотта!... Я долженъ непремѣнно объясниться съ нею, чаша переполнена...» При этой мысли кровь бросилась въ голову молодого человѣка, такъ что угри его приняли совершенно пурпуровый колоритъ. Онъ бросился въ волненіи на первую попавшуюся ему скамейку, стоявшую на холмѣ, съ котораго представлялся прекрасный видъ на поля и откуда видна была часть деревни.

«Къ тому же—продолжалъ онъ разсуждать, снявъ фуражку и вытирая платкомъ потъ, катившійся по лицу его—къ тому же.... высказаться мнѣ будетъ легко, потому что каждый изъ насъ ожидаетъ только другъ отъ друга признаній....

И, разсуждая такимъ образомъ, угреватый молодой человѣкъ незамѣтно возвысился до паѳоса; мысли его, постепенно оставляя прозаическую оболочку и улетучиваясь, стали укладываться въ музыкальныя стопы и зазвучали риѳмою:

Ты въ рощѣ липовой, прекрасная, стояла;
Я на тебя смотрѣлъ въ нѣмой тоскѣ,
Какъ, вспыхнувъ вдругъ, ты взоръ свой потупляла
И зонтикомъ чертила на пескѣ.

Что въ этотъ мигъ съ тобою совершалось,
Куда, скажи, неслась мечта твоя?
Что предъ твоей фантазіей являлось,
О, Десдемона чудная моя?

Какъ я хотѣлъ заповѣдную тайну
Твоей души, безумецъ, разгадать....

Вдругъ онъ непріятно споткнулся на риѳмѣ и началъ съ безпокойствомъ шептать: тайну, тайну.... Какая же риѳма на тайну?... Украйну! да это совсѣмъ нейдетъ.... Тайну.... тайну.... повторялъ онъ все громче и громче.

— Вы одни, а мнѣ послышалось, что вы съ кѣмъ-то говорили, раздался голосъ почти надъ самымъ ухомъ испуганнаго поэта.

Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Вихляевъ, съ болтающимся стеклышкомъ.

Поэтъ совершенно смѣшался, пойманный въ самую минуту поэтическаго увлеченія.

— Нѣтъ-съ, тутъ никого не было.... я не знаю... впрочемъ....

Онъ самъ не зналъ, что̀ заговорилъ въ досадѣ и замѣшательствѣ.

— А вы, вѣрно, любуетесь этимъ видомъ? сказалъ Вихляевъ, вовсе не замѣчая смущенія молодого человѣка.

— Да-съ, я любуюсь видомъ.

— Прекрасный видъ! точно какъ будто декорація.... продолжалъ Вихляевъ, садясь возлѣ поэта и вставляя въ глазъ свое стеклышко:—это мнѣ даже напоминаетъ одну декорацію въ *Дѣвѣ Дуная*.... Вы никогда не были въ Петербургѣ?

— Никогда.

— Пріѣзжайте-ка. Мы васъ запишемъ, батюшка, въ театралы. Вы посмотрите, что это за жизнь! Чудо! Всякій день въ театрѣ.... балетъ—это просто очарованіе!... сидишь,—разумѣется въ первомъ ряду, ужъ всегда на одномъ ну-

мерѣ: у меня кресло абонированное... Наводишь на сцену бинокль и ужъ прямо куда слѣдуетъ... какъ разъ на четвертую съ края; она вамъ улыбается, дѣлаетъ знаки, а между тѣмъ такъ и порхаетъ по сценѣ... Ножка — прелесть... Въ антрактѣ хоть занавѣсъ и опущенъ, да это ничего: въ занавѣскѣ маленькая дырочка, и оттуда сверкаетъ глазокъ... ужъ вы знаете, чей это глазокъ. Послѣ спектакля на подъѣздъ... а тамъ ужъ, глядишь, всѣ наши: Петруша, Гриша, Ваня, всѣ, всѣ... потомъ мы провожаемъ линіи, а послѣ къ Дюссо. Домой вернешься часу въ седьмомъ утра и не видишь какъ время летитъ. Я признаюсь, прежде дѣлалъ ужасныя глупости, ужасъ какъ сорилъ деньгами. Я былъ влюбленъ, какъ сумасшедшій въ Машеньку Пряхину—дѣвочка прелесть, нельзя не влюбиться, вотъ спросите у графа. Я ей предлагалъ двѣсти тысячъ.

— Двѣсти тысячъ, подумалъ поэтъ,— какой кушъ! Однакожъ, воля ваша, такая жизнь, возразилъ онъ:— должна быть и разорительна и утомительна... Конечно, вы какъ человѣкъ, принадлежащій къ высшему свѣту... (При этихъ словахъ на лицѣ Вихляева мелькнула пріятнѣйшая улыбка) — вы привыкли къ такой жизни; но мнѣ кажется, что и васъ она не можетъ удовлетворять вполнѣ, потому что каждому образованному человѣку необходима умственная пища, чтеніе...

— Да, разумѣется, перебилъ Вихляевъ: — разумѣется, я читаю, я очень люблю читать, я вотъ недавно прочелъ славный романъ—*Les Trois Mousquetaires*... Но для меня ужъ лучше ничего не можетъ быть, какъ *La Dame aux Camelias*... Это прелесть что такое! Такъ натурально... Въ Петербургѣ есть одна *Joséphine*. Она живетъ необыкновенно роскошно и со вкусомъ, издерживаетъ бездну денегъ: спальня у нея вся кружевами убрана; къ ней ѣздитъ вся наша молодежь. Нѣкоторое время я особенно пользовался ея расположеніемъ... Когда я прочелъ *Dame aux Camelias*, я просто былъ пораженъ: ну, повѣрите ли, точно это какъ будто все списано съ *Joséphine*... Вы читали этотъ романъ?

Угреватое лицо молодого человѣка подернулось ироніей, и онъ отвѣчалъ оскорбленнымъ голосомъ:

— Нѣтъ-съ, я не читаю такихъ романовъ.

— Напрасно! прочтите, вы увидите, что ужъ лучше этого ничего быть не можетъ.—А вѣдь согласитесь, продолжалъ Вихляевъ послѣ минуты молчанія:—въ деревнѣ *à la longue* скучно... Ну что напримѣръ утромъ дѣлать, какъ убить время? Въ Петербургѣ все опредѣлено: утромъ проснешься часу въ первомъ — покуда одѣнешься, кофею напьешься, пройдетъ часа два; тамъ поѣдешь съ визитами. или въ *salle d'armes* подраться на рапирахъ, или стрѣлять въ цѣль изъ пистолета... я считаюсь лучшимъ стрѣлкомъ въ Петербургѣ... потомъ сядешь въ карету—и на Невскій; а у меня славная карета и настоящая англійская закладка, нарочно выписанная изъ Лондона. Я ужасно люблю англійскую закладку... На Невскомъ прошляешься до пяти часовъ, ѣдешь на какой нибудь званый обѣдъ, или къ Дюссо, послѣ обѣда въ театръ... А здѣсь вѣдь ничего не выдумаешь, — вотъ развѣ осенью охота. Вы охотитесь?

— Да, я люблю охоту, сказалъ поэтъ:—потому что въ бродячей жизни охотника есть что-то заманчивое, увлекательное.

— Вотъ прекрасно! Мы будемъ охотиться вмѣстѣ...

— Очень радъ.

— Но охота за дичью все не то... Нѣтъ! Вотъ я люблю медвѣжью охоту... Это охота! Прошлую зиму я ѣздилъ съ лордомъ Пенсбюри и убилъ огромнѣйшую медвѣдицу. Ужасающей величины! Всѣ съѣзжались ее смотрѣть ко мнѣ. Это надѣлало шуму... А какой чудесный охотничій костюмъ я привезъ съ собой... Я выписалъ его изъ Англіи! Я вамъ покажу его...

«Онъ пустъ, какъ всѣ свѣтскіе люди — подумалъ поэтъ—но сердце у него, кажется, доброе, еще не совсѣмъ испорченное».

— А скажите, пожалуйста, продолжалъ Вихляевъ,— что̀, здѣсь есть въ сосѣдствѣ хорошенькія женщины и дѣвушки, дочери или жены помѣщиковъ?

— Неужели жъ вы думаете, что только въ столицѣ есть такія женщины?.. Я васъ могу увѣрить, что здѣсь вы найдете превосходно и глубоко образованныхъ женщинъ

и дѣвушекъ, съ которыми можете смѣло вести разговоръ даже о предметахъ серьёзныхъ и отвлеченныхъ...

— А что, онѣ умѣютъ одѣваться? перебилъ Вихляевъ:—это, знаете, по моему, главное въ женщинѣ. Какая бы ни была красавица и какъ бы отлично ни была образована, если только у нея дурно шоссирована нога, это ужъ не то!

— Ну ужъ этого я не могу вамъ сказать. Я не считаю себя знатокомъ по части дамскаго туалета, отвѣчалъ угреватый поэтъ, улыбнувшись.

— Хорошо шоссированная нога—это... да ужъ лучше этого быть ничего не можетъ! воскликнулъ Вихляевъ.— Вотъ если бы вы видѣли, какъ шоссирована нога у *Joséphine*... ну это просто очарованіе, съ ума сойдти... Какъ она грѣетъ свои ножки у камина... смотрѣть нельзя... Впрочемъ, я здѣсь въ паркѣ, въ тотъ день, какъ мы пріѣхали, видѣлъ барыню очень мило одѣтую... Она сидѣла подъ деревомъ и читала книжку. Кто бы это могла быть? вы не знаете? Я ужъ потомъ все ходилъ въ паркъ, думаю, не встрѣчу ли ее, да нѣтъ,—а это бы недурно завести пасторальную интрижку.

Вихляевъ вставилъ въ глазъ стеклышко и засмѣялся.

— Какого она роста? какіе у нея волосы? спросилъ поэтъ, вдругъ измѣняясь въ лицѣ;—въ какомъ мѣстѣ парка вы ее встрѣтили?

— Ну ужъ, батюшка, я этого ничего не замѣтилъ, отвѣчалъ Вихляевъ съ свѣтскою небрежностью:—это было на дорогѣ къ дому... Коляска моя промчалась мимо такъ быстро, что я не успѣлъ хорошенько разглядѣть ее. Пойдемте, однакожъ, чай пить: ужъ я думаю пора.

Поэтъ молча и задумчиво послѣдовалъ за Вихляевымъ.

«Кто бы въ самомъ дѣлѣ могла быть эта?» съ безпокойствомъ думалъ онъ.

ГЛАВА VIII.

На другой день съ самаго ранняго утра въ саду и въ паркѣ около дома начали мелькать крестьянки въ своихъ

лучшихъ праздничныхъ нарядахъ. Онѣ показывались сначала отдѣльно или попарно, а потомъ группами, оглушая садъ своими визгливыми пѣснями. Нѣкоторыя изъ нихъ, проходя мимо барскаго балкона медленными, мѣрными шагами, не поднимая глазъ и смотря все прямо передъ собою, низко кланялись, ровняясь съ балкономъ, нисколько не заботясь, сидитъ ли тамъ кто нибудь, или нѣтъ... Изрѣдка появлялись и парни изъ зажиточныхъ семействъ, въ красныхъ рубахахъ и синихъ кафтанахъ; деревенскіе ребятишки, также въ цвѣтныхъ или въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ, стояли толпами въ паркѣ у каменныхъ воротъ, со львами наверху, которыя вели на обширный парадный дворъ, образовывавшій полукругъ. Лакеи, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ, и ливрейный лакей въ красныхъ штанахъ стояли у подъѣзда... Послѣдній возбуждалъ любопытство въ мальчишкахъ: они сначала робко выглядывали на него изъ-за воротъ, разинувъ рты, и потомъ украдкою все подвигались впередъ и впередъ. Одинъ, посмѣлѣе, который былъ во главѣ ихъ, рѣшился войдти на дворъ, усыпанный кирпичнымъ пескомъ и выметенный съ необыкновеннымъ искусствомъ какими-то узорами... За нимъ послѣдовали другіе—и мало-по-малу мальчишки не безъ боязни пробрались почти до самаго подъѣзда.

— Куда вы, сволочь? закричалъ на нихъ лакей въ красныхъ штанахъ:—прочь! вотъ, погодите, я васъ!

Мальчишки мигомъ бросились назадъ въ безпорядкѣ, давя другъ друга, точно какъ будто въ нихъ пустили картечью...

Между тѣмъ гости уже начинали мало-по-малу съѣзжаться въ Покровское.

На пригласительномъ листѣ Александра Иваныча выставлено было именъ до двадцати по крупнѣе: исключая, разумѣется, извѣстнаго читателямъ Захара Лаврентьича, котораго Александръ Иванычъ чуть ли не считалъ послѣднимъ человѣкомъ въ уѣздѣ; въ этомъ спискѣ блестѣло между прочими и имя отставного штабсъ-ротмистра Кобелякова, который такъ неудачно сватался за Катю. Г. Кобеляковъ пріѣхалъ одинъ изъ первыхъ и, переодѣвшись

въ назначенной для него комнатѣ, явился во всемъ блескѣ передъ хозяиномъ дома.

На немъ былъ синій узкій фракъ, съ бронзовыми пуговицами, начинавшимися съ плечъ, бѣлый пикейный жилетъ и черные широкіе шаровары. Высокій атласный галстухъ съ пряжкой назади, туго накрахмаленная манишка съ пуговками изъ бирюзы, въ видѣ незабудокъ, массивная цѣпь отъ часовъ и огромный перстень съ изумрудомъ на указательномъ пальцѣ довершали его нарядъ. Волосы его, начинавшіе замѣтно рѣдѣть на темени, были сильно и неровно напомажены на вискахъ, и весь онъ былъ пропитанъ запахомъ пачули.

Покуда гости переодѣвались и пріохорашивались, Александръ Иванычъ явился къ графу.

— Пожалуйста, Александръ Иванычъ, сказалъ ему графъ:—ужъ вы меня не оставляйте теперь, знакомьте съ этими господами, а то и мнѣ и имъ будетъ неловко. Все лучше, если они увидятъ передъ собою хоть одно знакомое лицо.

Господинъ съ неуловимыми глазками улыбнулся, а Вихляевъ захохоталъ.

— Не безпокойтесь, графъ, отвѣчалъ Александръ Иванычъ:—я не отойду отъ васъ ни на шагъ и буду постоянно возлѣ васъ, какъ наперсникъ возлѣ героя въ классической трагедіи.

Графъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Смотрите, я васъ замучаю: я, кажется, злоупотребляю гостепріимствомъ.

Въ эту минуту явился Кобеляковъ.

Графъ всталъ съ креселъ при его появленіи и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Александръ Иванычъ послѣдовалъ за нимъ.

Вихляевъ вставилъ въ глазъ стеклышко, осмотрѣлъ насмѣшливо съ ногъ до головы вошедшаго и потомъ, обратясь къ господину съ неуловимыми глазками, шепнулъ:

— Какова фигура? *C'est à mourir de rire.*

Господинъ съ неуловимыми глазками, не обращая никакого вниманія на это замѣчаніе, какъ будто оно вовсе не относилось къ нему, очень серьёзно и внимательно,

хотя съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, разсматривалъ Кобелякова, не обнаруживая ни удивленія, ни насмѣшки, и только слегка потрогивая свои усики.

Кобеляковъ началъ расшаркиваться передъ графомъ.

— Ваше сіятельство, произнесъ онъ: — имѣю честь представить себя. Кобеляковъ, здѣшній помѣщикъ. Я не преминулъ воспользоваться лестнымъ и пріятнымъ для меня приглашеніемъ вашего сіятельства. Постараюсь заслужить...

На этомъ словѣ отставной штабсъ-ротмистръ споткнулся, но графъ вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, взявъ за руку и сказавъ:

— Очень радъ, очень радъ.

— Это, графъ, провозгласилъ Александръ Иванычъ, дотронувшись рукою до плеча графа и потомъ указывая на гостя:—рекомендую вамъ—величайшій любитель лошадей и знатокъ въ нихъ... только не въ англійскихъ. Это первый нашъ троечникъ. У него такія сборныя тройки, какихъ нѣтъ ни у кого: лошаденки дрянь на видъ, а вихорь.

Кобеляковъ засмѣялся басомъ, протягивая руку Александру Иванычу, и сказалъ, обращаясь къ графу:

— Я перегонялся, ваше сіятельство, съ Смагинымъ и оставилъ тройку за собою. Это было въ позапрошлое лѣто-съ.

— Вотъ какъ! замѣтилъ графъ, знакомя его съ Вихляевымъ и съ господиномъ съ неуловимыми глазками.

Кобеляковъ протянулъ послѣднему свою руку, но тотъ чуть-чуть и не глядя на него, привсталъ на своемъ стулѣ и слегка коснулся до нея двумя пальцами, какъ будто до чего-то не совсѣмъ пріятнаго.

— Садитесь, пожалуста, сказалъ ему графъ.

Кобеляковъ сѣлъ, и какъ будто собираясь съ мыслями, перебиралъ въ рукахъ свою шляпу.

— *Ву конте де ресте иси ту лете*, mon comte? началъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, обращаясь къ графу.

Вихляевъ фыркнулъ себѣ подъ носъ.

Александръ Иванычъ вытянулъ физіономію.

Господинъ съ неуловимыми глазками только взглянулъ на графа, а графъ, удержавшись отъ улыбки, которая уже

начинала слегка подергивать его лицо, отвѣчалъ гостю по русски:

— Да, я думаю пробыть здѣсь все лѣто.

Но Кобеляковъ, не смотря на это, отвѣчалъ по французски:

— *Се тре з'агреабль пуръ ну з'отръ.* — У вашего сіятельства, продолжалъ онъ: — говорятъ, безподобныя англійскія лошади. Онѣ требуютъ, то есть эти скаковыя лошади, большого ухода: вотъ чѣмъ онѣ не совсѣмъ удобны, впрочемъ-съ...

Затѣмъ послѣдовала минута молчанія.

— Вы долго изволили быть за-границей?

— Довольно долго...

Кобеляковъ началъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ озираться кругомъ, какъ будто ища чего-то глазами. Онъ искалъ водки и закуски — и, къ величайшему своему сожалѣнію, не находилъ ея.

— Пріятная жизнь за-границей, продолжалъ Кобеляковъ: — не то, что у насъ. Тамъ я думаю, всего можно отъискать, чего душѣ угодно...

— Кромѣ водки, замѣтилъ Александръ Иванычъ, какъ будто отвѣчая на тайную мысль, тревожившую г. Кобелякова.

Разговоръ продолжался въ такомъ родѣ до появленія новыхъ гостей. Эти гости, впрочемъ, ничѣмъ не бросались рѣзко въ глаза. Александръ Иванычъ, сближая ихъ съ графомъ, умѣлъ каждому изъ нихъ сказать что нибудь любезное и показать имъ въ то же время короткость своего обращенія съ графомъ.

Столы съ крестьянскимъ угощеніемъ, покрытые вмѣсто салфетокъ холстомъ, были расположены за большими воротами, на широкой просѣкѣ, противъ дома. На нихъ лежали груды пряниковъ, мѣшки съ орѣхами, хлѣбы и другія закуски. Бочки съ виномъ и пивомъ поставлены были на травѣ, возлѣ столовъ. Толпы крестьянъ и крестьянокъ наполняли давно уже просѣку и дворъ до самаго подъѣзда, въ ожиданіи графа.

Не смотря на присутствіе нѣсколькихъ тысячъ народа, была необыкновенная тишина, изрѣдка нарушаемая только

глухимъ гуломъ или визгомъ проснувшагося на рукахъ матери младенца, котораго она укачивала на рукахъ, приговаривая:—нишни, батюшка, нишни, голубчикъ... баринъ сейчасъ выйдетъ, и потомъ затягивала заунывное: ооо! ооо! ооо!

Графъ появился на площадкѣ подъѣзда, и тысячи головъ склонились при его появленіи. Рядомъ съ нимъ былъ съ одной стороны Александръ Иванычъ, съ другой, нѣсколько поодаль, управляющій.

Графъ низко поклонился всѣмъ и сказалъ, нѣсколько запинаясь, потому что онъ первый разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ своими крестьянами:

— Я очень радъ васъ всѣхъ видѣть... я желаю васъ угостить... Скажите, не жалуетесь ли вы на что? довольны ли вы всѣмъ?

— Довольны, отецъ нашъ, кормилецъ нашъ! благодаримъ тебѣ, запищали тысячи женскихъ голосовъ, кланяясь въ поясъ.

— Вонъ онъ, ворчали нѣкоторыя старушонки, глядя искоса на управляющаго:—одной барщиной-то замучилъ насъ совсѣмъ, окаянный, чтобы ему ни дна, ни покрышки!

Графъ сошелъ со ступенекъ крыльца и отправился за ворота, туда, гдѣ накрыты были столы. Толпа бабъ и дѣвокъ хлынула вслѣдъ за нимъ, такъ что онъ долженъ былъ съ трудомъ продираться сквозь эту густую, пеструю массу... Одна старуха закричала было:—прикажи, отецъ, отмѣнить барщину; но Василій Иванычъ погрозилъ ей кулакомъ, и она исчезла въ толпѣ.

Наконецъ графъ дошелъ до столовъ. Управляющій подалъ ему на подносѣ штофъ съ виномъ и рюмку. Графъ налилъ вино и выпилъ, произнеся:

— Я пью ваше здоровье.

За тѣмъ начали разносить вино крестьянамъ, и они, кланяясь графу, кричали:—поздравляемъ ваше сіятельство съ пріѣздомъ.

Въ это время отставной штабсъ-ротмистръ схватилъ за руку управляющаго и сказалъ:

— Любезный Василій Иванычъ, налейте-ка и мнѣ рю-

мочку. Просто, защемило даже подъ ложечкой... У меня сегодня съ самого утра капли во рту не было...

Но, несмотря на эту выпитую имъ рюмочку, у Кобелякова все продолжало щемить подъ ложечкой, и онъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что водку и закуску поставили въ столовой передъ самымъ обѣдомъ, и что столовая зала не открывалась до той минуты, когда человѣкъ возвѣстилъ уже о томъ, что кушанье подано...

Къ концу обѣда, когда начались тосты и музыка загремѣла тушъ, Александръ Иванычъ, сидѣвшій недалеко отъ графа, во время провозглашенія тоста въ честь его, всталъ, началъ вытягиваться, какъ будто усиливаясь вырости, и произнесъ:

— Начатокъ всякаго дѣла—слово... Обращаюсь и я теперь съ словомъ къ вамъ, графъ. Ваше сіятельство! нѣтъ богатства лучше здравія тѣлеснаго и нѣтъ веселія выше радости сердечной... Для всѣхъ насъ сегодняшній день—день такого веселья, ибо мы, полюбивъ васъ искренно и всѣмъ сердцемъ, выпивая за ваше здоровье, ощущаемъ сердечную радость. Радованіе сердца и веселіе души, вино, піемое во время—прилично; а что же можетъ быть приличнѣе, какъ пить вино за ваше здоровье? Много видѣлъ я людей во обхожденіи моемъ, но смѣло скажу, положа руку на сердце, что такихъ людей, какъ вы, я встрѣчалъ немного. Съ этимъ будутъ согласны вы здѣсь присутствовавшіе... Ваше здоровье, графъ! позвольте чокнуться.

И громъ музыки заглушенъ былъ стукомъ ножей о столъ и неистовыми криками: браво! браво!

И только что этотъ крикъ смолкнулъ, а графъ всталъ, чтобы благодарить гостей, у самыхъ оконъ столовой раздался другой крикъ... нѣсколько парней повеселѣе и посмѣлѣе прочихъ гаркнули во всю мочь и затянули плясовую. Между тѣмъ на лугу за воротами дѣвки и бабы водили хороводы... Послѣ обѣда музыкантовъ поставили въ садъ, противъ дома. Графъ съ своими гостями вышелъ изъ дома,—и всѣ они вскорѣ смѣшались съ пестрыми толпами народа.

Александръ Иванычъ отправился между тѣмъ отъискивать въ саду свою супругу, Вѣру Ивановну и Катю. Онъ пошелъ по дорожкѣ, ведущей къ храму славы, по-

лагая, вѣроятно, найдти ихъ тамъ; но, переступивъ за порогъ храма, онъ былъ, къ удивленію своему, встрѣченъ пискливымъ лаемъ маленькихъ и мохнатыхъ собаченокъ, которыя бросились на него съ озлобленіемъ.

— Эта дрянь откуда взялась! невольно воскликнулъ Александръ Иванычъ громкимъ голосомъ.

— Какая дрянь, батюшка! раздался грубый женскій голосъ изъ за статуи, стоявшей по срединѣ бесѣдки и изображавшей богиню славы съ трубой и съ надувшимися щеками:—ошибаетесь, это не дрянь, это настоящія болонки... бибишка, мимишка, подите ко мнѣ, собаченочки мои, подите сюда... Вотъ такъ... сюда, сюда... Васъ зовутъ дрянью... бѣдныя вы мои, бѣдныя... бибишечка, другъ ты мой...

Это былъ голосъ толстой барыни съ бородкой и усиками, торжественно сидѣвшей въ храмѣ славы, въ обществѣ неразлучныхъ собаченокъ и испитой и безмолвной пятидесятилѣтней барышни-приживалки. Нѣсколько поодаль отъ барыни стоялъ неподвижный какъ столбъ высокій лакей, въ старой трехъ-угольной шляпѣ съ галунами, въ ливреѣ, и въ широкихъ синихъ кумачныхъ панталонахъ.

— Кого я вижу? Ольга Фоминишна, вы ли это? сказалъ Александръ Иванычъ, подходя къ толстой барынѣ:— какими судьбами?

— Ахъ, батюшка, да такими же я думаю, какъ и ты, возразила она нѣсколько обиженнымъ тономъ: — взяла да и пріѣхала... очень просто. Вѣдь мой Сеничка здѣсь у графа... ну и мнѣ, какъ другимъ, хотѣлось, признаться, взглянуть на здѣшнее веселье... а ты тоже здѣсь въ числѣ приглашенныхъ графомъ?

Александръ Иванычъ иронически улыбнулся.

— Тоже! повторилъ онъ:—тоже! Да я съ графомъ на самой короткой пріятельской ногѣ... я его знаю съ дѣтства... я его еще въ пеленкахъ нашивалъ на рукахъ... Мы съ его отцомъ были такъ близки, какъ бы вамъ сказать, ну словомъ какъ товарищи,—тоже приглашенъ, тоже! Да безъ меня, по правдѣ-то вамъ сказать, и другіе-то не были бы приглашены, потому что приглашалъ-то всѣхъ, коли ужъ вы знать хотите,—я!

— Ахъ, виновата, отецъ мой, вѣдь я и забыла, что ты со всѣми князьями за панибрата... благодарствуйте, что моего Сеничку не забыли...

— Я ищу моей Алены Ѳедоровны, сказалъ Александръ Иванычъ, слѣдуя за Кобеляковой: — не встрѣтили ли вы ее здѣсь въ саду?

— Нѣтъ, нѣтъ... а развѣ она здѣсь? Вотъ сюрпризъ-то! очень рада ее видѣть, очень... Я ее всей душой люблю: безподобная, рѣдкая женщина, и не тебѣ бы, батюшка, имѣть такую жену. Ты ее, съ позволенія сказать, не стоишь... прости за откровенность...

— А отчего бы такъ?

— Да оттого, что ты вотъ старый волокита, — вотъ отчего! знаю я всѣ твои шашни-то, знаю!

И она погрозила Александру Иванычу своимъ толстымъ и коротенькимъ пальцемъ.

Александръ Иванычъ не безъ пріятности улыбнулся.

И такимъ образомъ продолжая разговаривать, они направлялись къ тому мѣсту, гдѣ стояли музыканты.

Здѣсь-то нашелъ Александръ Иванычъ свою супругу, Вѣру Ивановну, Катю и Надежду Кондратьевну.

Возлѣ Надежды Кондратьевны стоялъ его угреватый сынокъ, въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ говорилъ ей:

— И вамъ все это нравится, васъ все это интересуетъ? Что касается до меня, то эти толпы, этотъ шумъ, эта музыка дѣйствуютъ на меня какъ-то непріятно и раздражительно. Я готовъ бы сію минуту бѣжать отсюда, не оглядываясь... Это общество не по мнѣ.

Надежда Кондратьевна была такъ разсѣянна, что не слыхала ни одного слова, сказаннаго поэтомъ... Она не спускала глазъ съ главной двери, которая выходила въ садъ на террасу, и въ то время, какъ на террасѣ появился Вихляевъ, со стеклышкомъ въ глазу, она чуть не вскрикнула отъ волненія и прошептала: «это онъ!»

— Скажите, сказала она, бросившись къ Александру Иванычу, подходившему къ той группѣ, въ которой она стояла: — скажите, вѣдь это графъ?

И она указала на Вихляева.

Угреватый поэтъ слышалъ этотъ вопросъ, видѣлъ волненіе Надежды Кондратьевны и побагровѣлъ.

— Гдѣ графъ? возразилъ Александръ Иванычъ, раскланиваясь съ дамами и поцаловавъ въ лобъ свою супругу:— я не вижу графа... гдѣ онъ?

— Ахъ, Боже мой! да вотъ молодой человѣкъ—такой интересный, съ лорнетомъ въ глазу; вотъ онъ сходитъ съ террасы...

— Это не графъ, а одинъ изъ его пріятелей, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Петербурга. Славный малый.

— Такъ это не графъ! произнесла печально и задумчиво Надежда Кондратьевна.

Между тѣмъ барыня съ бородкой и усиками обнимала и цаловала Алену Ѳедоровну и потомъ сухо поклонилась Вѣрѣ Ивановнѣ и Катѣ.

— Вотъ, матушка, говорила она Аленѣ Ѳедоровнѣ:— и я притащилась сюда на старости лѣтъ: нельзя же не посмотрѣть на такой праздникъ. Сеничка мой обѣдаетъ у графа. Графъ написалъ къ нему примилое письмо, премилое...

И бородка у барыни зашевелилась, и она искоса и злобно посмотрѣла на Вѣру Ивановну и Катю.

— Я — говоритъ онъ въ письмѣ — за особенную честь почту, если вы — говоритъ — удостоите пріѣхать ко мнѣ откушать...

— А! *vous voila!* сказалъ Вихляевъ, подходя къ Александру Иванычу, вертясь, ломаясь и глядя въ стеклышко на дамъ. — Что они тамъ играютъ! продолжалъ онъ, указывая на музыкантовъ. — Надобно бы заставить ихъ съиграть увертюру изъ «Пуританъ»... Эй, капельмейстеръ! играете вы увертюру изъ «Пуританъ?»

И Вихляевъ продолжалъ вертѣться со своимъ стеклышкомъ и вдругъ остановился на Надеждѣ Кондратьевнѣ.

«Э! да это, кажется, она, *ma belle inconnüe*» — подумалъ онъ, забывъ и музыкантовъ и увертюру изъ «Пуританъ».

Въ это мгновеніе сердце Надежды Кондратьевны забилось такъ сильно, что всѣ ея галантерейныя украшенія пришли въ движеніе.

Угреватый поэтъ не спускалъ между тѣмъ съ нея

глазъ и ревниво слѣдилъ за ея взглядами. Вихляевъ ударилъ его по плечу и отвелъ нѣсколько въ сторону.

— Кто эти дамы? спросилъ онъ у него.

— Это моя матушка и еще съ нею одна помѣщица, здѣшняя сосѣдка съ дочерью.

— А вотъ эта, въ голубой шляпкѣ? это тоже дочь помѣщицы?

Поэтъ поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, эта дѣвушка, которая живетъ у нихъ въ домѣ.

— Ну, такъ вотъ это она и есть... помните, я вамъ говорилъ, что мы встрѣтили ее въ паркѣ на дорогѣ, въ день нашего пріѣзда...

— Такъ это была точно она? воскликнулъ взволнованный поэтъ.

— Она, вѣрно она! я очень хорошо ее замѣтилъ... И она, кажется, такъ посматриваетъ... Я думаю, можно бы за ней приволокнуться... отъ нечего дѣлать... а? какъ вы думаете?

Угреватый поэтъ не отвѣчалъ ни слова: но онъ бросилъ грозный, уничтожающій взглядъ на Вихляева, котораго тотъ, однако, не замѣтилъ. Въ душѣ поэта забушевала страшная драма.

Когда начало смеркаться и окна дома освѣтились огнями, Александръ Иванычъ провелъ своихъ дамъ къ самому дому и поставилъ ихъ на терасѣ у оконъ большой залы, гдѣ сидѣлъ графъ съ своими гостями; показалъ имъ на графа, а самъ отправился въ залу, развалился возлѣ него въ кресла и началъ о чемъ-то съ нимъ разговаривать, нѣсколько разъ потрепавъ его по плечу и въ тоже время все глядя на окно, у котораго стояли его дамы и желая, удостовѣриться, смотрятъ ли онѣ на него и видятъ ли его фамильярное обращеніе съ графомъ.

— Ваши сосѣдки, графъ, съѣхались сюда посмотрѣть на вашъ праздникъ, который надѣлалъ такого шуму по всей губерніи, и между ними есть одна, дочь помѣщицы верстахъ въ трехъ отсюда, прелесть что за дѣвочка! цвѣточекъ только что распустившійся... какіе живые глазенки, какой абрисъ! ну, точно изъ англійскаго кипсека... Пойдемте-ка, графъ, я вамъ покажу ее...

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошенькая? спросилъ графъ: — пойдемте, пойдемте.

Александръ Иванычъ взялъ подъ руку графа и вышелъ съ нимъ на терасу. Въ эту самую минуту взвилась сигнальная ракета и разсыпалась тысячами разноцвѣтныхъ огней на темнѣющемъ небѣ.

— Ахъ, какъ это хорошо, маменька! невольно вскрикнула Катя.

— Вотъ она, шепнулъ Александръ Иванычъ графу, указывая на Катю.

Катя была одѣта очень просто и мило. Она могла бы, можетъ быть, обратить на себя вниманіе графа даже и не въ деревнѣ. Она обернулась къ Александру Иванычу — и вдругъ нечаянно встрѣтилась глазами съ глазами графа, который внимательно смотрѣлъ на нее, и вся вспыхнула.

— Она недурна, шепнулъ графъ Александру Иванычу.

Когда всѣ двинулись впередъ, чтобы удобнѣе смотрѣть фейерверкъ, расположенный на большомъ лугу противъ дома, Надежда Кондратьевна обратилась къ угреватому молодому человѣку:

— Дайте вашу руку, сказала она ему.

— Извините меня: я не хочу смотрѣть этотъ фейерверкъ... Меня это не такъ забавляетъ, какъ васъ, сказалъ онъ и отвернулся въ сторону.

У рѣшотки послѣдней терасы стояло уже множество народу, и между прочими Вихляевъ, Кобеляковъ и другіе гости, занявшіе заранѣе лучшія мѣста.

Возлѣ Кобелякова находилась его матушка, которая была въ большомъ безпокойствѣ, куда дѣвался ея человѣкъ, съ бибишками и мимишками. Катя съ своими дамами, не желая продиратся впередъ, должна была остановиться назади; но въ это время раздался голосъ графа: — господа, «господа... позвольте!»

И передняя толпа разступилась при этомъ голосѣ. Графъ, все смотря на Катю, предложилъ ей и ея дамамъ переднія мѣста, и глаза его еще разъ встрѣтились съ ея глазами.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Праздникъ, данный графомъ произвелъ, какъ и должно было ожидать, необыкнввенный эффектъ на всю губернію. Только и разговоровъ было, что объ этомъ праздникѣ; о немъ передавались чудеса: говорили, что графъ издержалъ на него нѣсколько тысячъ, что одинъ фейерверкъ стоилъ ему шестьсотъ рублей, что кушанья подавали на золотыхъ блюдахъ, что одного шампанскаго вышло двѣ тысячи бутылокъ, и что имъ угощали не только гостей, но и крестьянъ; что на послѣднихъ сыпали дождь изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, и прочее, и прочее.

Черезъ два дня послѣ этого праздника графъ получилъ огромный пакетъ и, распечатавъ его, прочелъ слѣдующее:

«Ваше сіятельство!

Милостивый государь,

Имянитый графъ Сергій Григорьевичъ!

Хотя я лично и не имѣю счастья быть знакомымъ съ особой вашего сіятельства, но молва о высокихъ достоин-

ствахъ и добродѣтеляхъ вашихъ, наслѣдованныхъ вами отъ покойнаго и вѣчно достойной памяти вашего родителя, о вашемъ возвышенномъ умѣ и сердцѣ, о вашей учености и образованіи, о вашей любви ко всему идеальному и изящному — достигла и до того скромнаго уголка, въ которомъ изолировалъ я самого себя, для того, чтобы, такъ сказать, погрузиться въ море поэзіи и отдаваться служенію музамъ. Вслѣдствіе сего какъ дань моего удивленія, препровождаю при семъ мое поэтико-сердечное изліяніе къ вамъ, вмѣстѣ съ усерднѣйшею просьбою о позволеніи мнѣ лично представиться къ вашему сіятельству и устно передать вамъ то глубочайшее уваженіе, съ которымъ нынѣ имѣю честь быть

вашего сіятельства,

милостиваго государя

покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою

Илья Сычовъ,

отставной надворный совѣтникъ и помѣщикъ здѣшней губерніи».

Къ этому письму на особомъ листѣ приложены были стихи:

Стремяся по стопамъ родительскимъ всечасно,
Ты добродѣтелей являешь прочный слѣдъ,
Инстинкту вѣруя души своей прекрасной
Вельможа—въ свѣтѣ ты, а по душѣ—поэтъ.

Ты просвѣщеніемъ и разумомъ блистаешь
И цѣнишь высоко ихъ чудные дары;
Гостей своихъ на славу угощаешь
И баснословные имъ задаешь пиры!

Когда графъ прочелъ это письмо и стихи, онъ передалъ ихъ господину съ неуловимыми глазками. Графъ очень смѣялся, а господинъ съ неуловимыми глазками замѣтилъ, что этого Сычова непремѣнно надобно пригласить, что онъ,

судя по его письму и стихамъ, долженъ быть очень забавенъ, и что такого рода господа служатъ большимъ развлеченіемъ въ монотонной и скучной деревенской жизни.

— Прекрасно! мы непремѣнно его пригласимъ, сказалъ графъ:—только надобно узнать, что́ это за человѣкъ. Александръ Иванычъ ужъ вѣрно его знаетъ.

Графъ позвонилъ.

— Гдѣ Александръ Иванычъ? сказалъ онъ вошедшему камердинеру: — отыщите его и попросите сюда.

Камердинеръ улыбнулся.

— Что́ ты смѣешься? спросилъ графъ.

— Нѣтъ-съ, такъ, ничего, ваше сіятельство... Александръ Иванычъ все нынче около оранжерей повадились гулять. Ужъ они, вѣрно, и теперь тамъ.

Камердинеръ все продолжалъ улыбаться...

— Да что́жъ тамъ такое около оранжерей?

— Да тамъ, ваше сіятельство, у Петра Иванова, садовника, дочка Матреша.

— Что́жъ, эта Матрена хорошенькая? Онъ ухаживаетъ, что ли, за ней?

— Точно-съ. Вчера вечеромъ, ваше сіятельство, Матрена приходила зачѣмъ-то въ домъ-съ, а Александръ Иванычъ все ее въ саду подкарауливали-съ. Мы все съ Ѳедоромъ видѣли. Какъ она пошла назадъ-то домой черезъ садъ, Александръ Иванычъ за нею-съ; а мы спрятались за деревомъ и смотримъ, что́ будетъ. Александръ Иванычъ подошли къ ней да говорятъ ей: «куда вы — говоритъ — душенька, идете? какая вы хорошенькая!» Она отъ него бѣжать, а онъ за нею-съ... Такой смѣхъ, право... Вѣдь старичокъ какой, а какъ бѣгаетъ, если бы вы посмотрѣли, ваше сіятельство!

Графъ захохоталъ, а господинъ съ неуловимыми глазками замѣтилъ, что Александръ Иванычъ большой шалунъ, что надобно сказать этой Матренѣ, чтобъ она кокетничала съ нимъ и завлекала его, и что изъ этого могутъ впослѣдствіи выйдти забавныя сцены.

Когда Александръ Иванычъ явился, графъ и господинъ съ неуловимыми глазками въ одинъ голосъ сказали:

— Откуда, батюшка? мы васъ вездѣ ищемъ.

— Да я заходилъ въ оранжерею.

— Эге! въ оранжерею? возразили молодые люди, засмѣявшись.

— Чему же вы смѣетесь, господа? спросилъ Александръ Иванычъ, съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на нихъ и откинувъ нѣсколько назадъ свою плѣшивую головку.

— Что́жъ вы дѣлаете въ оранжереѣ? сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— А вотъ я вамъ сейчасъ объясню. Я питаю страсть...

— Прекрасно, прекрасно! перебилъ графъ:—и сильную страсть? къ кому же?

— Очень сильную, отвѣчалъ Александръ Иванычъ:—и съ самаго почти дѣтства,—къ ботаникѣ...

— Вы охотникъ до цвѣтовъ? возразилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— И большой! кто же до нихъ не охотникъ? Но эти цвѣты, на которые вы намекаете, срывать теперь уже не мнѣ, а вамъ, господа...

— А въ здѣшней оранжереѣ вы ужъ пробовали срывать цвѣты? спросилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— Безъ дозволенія графа я не имѣю на это права, потому что прежде всего уважаю — право собственности.

— Пожалуйста, распоряжайтесь, какъ у себя дома. Я вамъ даю *carte blanche*, сказалъ графъ.

— Оставя всѣ шутки, господа, для меня, я вамъ скажу, продолжалъ Александръ Иванычъ, въ нѣкоторомъ смущеніи:—жизнь растеній и цвѣтовъ интересна не менѣе жизни человѣческой. Я люблю наблюдать и изучать ту и другую. Садовникъ графа развелъ и усовершенствовалъ особый родъ разсыпныхъ колокольчиковъ, который мнѣ не случалось встрѣчать въ такомъ размѣрѣ: это садовые *limodorum boreale*. Я даже не видалъ такихъ колокольчиковъ, въ оранжереяхъ князя Косицына, а его садовникъ мой хорошій пріятель, мистеръ Бьютонъ, пользуется, какъ ботаникъ, европейскою извѣстностію, и у него всѣ-возможные роды...

— Ахъ, да, перебилъ графъ:—я было забылъ совсѣмъ! скажите, знаете вы какого-то здѣшняго господина... какъ бишь его?

Графъ взялъ со стола письмо его.

— Сычова.

— Какъ не знать! знаю; это нашъ губернскій поэтъ, господинъ презабавный, и тѣмъ болѣе, что онъ нимало и не подозрѣваетъ своей комической стороны... великій чудакъ!

И Александръ Иванычъ самодовольно улыбнулся.

— Ужъ, вѣрно, онъ вамъ прислалъ свои стихи?

— Именно! вотъ они, и письмо ко мнѣ.

Александръ Иванычъ иронически пробѣжалъ и то и другое.

— Такъ, такъ, я знаю его, сказалъ онъ.

— Что это за человѣкъ? спросилъ графъ: — и отчего вы тогда не пригласили его ко мнѣ?

— Да онъ не нашего уѣзда. Если бы звать его, такъ надобно было, графъ, позвать всю губернію... Вотъ что это за господинъ. Надобно вамъ сказать, что онъ холостой, имѣетъ душъ пятьсотъ; въ хозяйствѣ онъ ровно ничего не смыслитъ, и потому дѣла его страшно разстроены; управляющій дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ, а онъ все сочиняетъ стишки на рожденья, на именины разныхъ значительныхъ особъ или просто своихъ знакомыхъ и на торжественные случаи въ ихъ жизни. Ему лѣтъ пятьдесятъ-пять, но онъ еще молодится, носитъ рыжій парикъ, украшаетъ себя разными галантерейными вещами, имѣетъ большую претензію нравиться и очень влюбчивъ. Вотъ его характеристическія черты. Къ этому должно прибавить, что онъ придаетъ своему голосу въ разговорѣ особую интонацію, больше декламируетъ, чѣмъ говоритъ, любитъ употреблять иностранныя слова, хотя знаетъ одинъ только французскій языкъ, и то очень плохо; воображаетъ, что онъ могъ бы быть превосходнымъ актеромъ, поетъ водевильные куплеты, всякому встрѣчному читаетъ свои стихи и любитъ выпить. Сердце у него, впрочемъ, доброе и онъ готовъ всякому оказать услугу. Я забылъ еще, что онъ помѣшанъ на свѣтскости.

— О, да это неоцѣненный человѣкъ! замѣтилъ графъ:— съ нимъ непремѣнно надо познакомиться.

— Разъ какъ-то, продолжалъ Александръ Иванычъ:— мы были съ нимъ въ одномъ домѣ. Разговоръ шелъ о хозяйствѣ,—и весьма дѣльный; онъ все молчалъ, но нако-

нецъ не выдержалъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ, пожимая плечами и, по своему обыкновенію, нараспѣвъ:

— «Этотъ практическій разговоръ охлаждаетъ душу, изсушаетъ мозгъ... Эти господа, такъ сказать, инкрюстировали себя въ прозѣ жизни. Для нихъ не существуетъ поэзія»...

— Потомъ онъ схватилъ меня за руку и говоритъ.

— «Я читаю — говоритъ — ваши сокровенныя мысли; вы смотрите на меня всегда съ *арьер-пансе*, считаете меня просто человѣкомъ, помѣщикомъ, а я — артистъ въ душѣ!»

— Да еще такія ли вещи вы отъ него услышите.

— Превосходно, превосходно! сказалъ графъ и тотчасъ же позвонилъ.

— Кто доставилъ сюда это? спросилъ онъ у лакея, взявъ письмо со стола.

— Мужикъ съ нарочной подводой, ваше сіятельство.

Всѣ засмѣялись.

— Ну, такъ отнеси это письмо въ контору и скажи, чтобы поскорѣй заготовили отъ меня отвѣтъ на него; пусть напишутъ, что я очень радъ познакомиться съ этимъ господиномъ и что непремѣнно буду ожидать его къ себѣ, и въ самомъ непродолжительномъ времени. Сейчасъ же принеси мнѣ отвѣтъ для подписи и отправь его съ этимъ мужикомъ.

Лакей вышелъ.

— Я вамъ покажу этого господина, сказалъ Александръ Иванычъ:—со всѣхъ сторонъ, затрону всѣ его слабыя стороны; и вы увидите, графъ, что онъ будетъ въ самомъ дѣлѣ забавенъ. Онъ весьма кстати напомнилъ о себѣ и будетъ здѣсь для насъ яко мусікія въ пирѣ вина...

Жизнь въ Покровскомъ такъ была по сердцу Александру Иванычу, что онъ совершенно забылъ на время свою Соколовку, свои хозяйственныя занятія, свои георгины и отчасти свою Алену Ѳедоровну. Когда угреватый наслѣдникъ Соколовки и генія Пушкина уѣхалъ домой, онъ послалъ съ нимъ, однако, письмо къ своей супругѣ, въ которомъ писалъ ей между прочимъ:

«По усильнымъ просьбамъ графа Сергія Григорьича,

оказывающаго мнѣ самое горячее и дружеское расположеніе, я рѣшился, мой другъ, остаться въ Покровскомъ еще съ недѣлю, а можетъ быть и долѣе. Графъ очень полюбилъ нашего Василья и очень въ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о немъ. Ты понимаешь, какъ графъ можетъ быть полезенъ ему впослѣдствіи. Признаюсь, что я и сблизился съ графомъ нарочно, имѣя это въ виду. Если Василій поѣдетъ въ Петербургъ на службу, что̀ будетъ необходимо, графъ черезъ свои связи навѣрно доставитъ ему прекрасное мѣсто и введетъ его въ самое высшее общество: тогда передъ нимъ откроется блестящій и широкій путь, на которомъ онъ, при его умѣ и образованіи, будетъ умѣть поддержать себя. Графъ нѣсколько разъ изъявлялъ желаніе познакомиться съ тобою. Вѣроятно, онъ захочетъ побывать у насъ. Онъ мнѣ сказалъ (это его подлинныя слова): «я за особенное для себя удовольствіе почту быть представленнымъ вашей супругѣ и не сомнѣваюсь, что вы мнѣ доставите этотъ пріятный случай. Я много, очень много наслышанъ о ней...» Отъ кого? этого ужъ я тебѣ сказать не умѣю, но это именно его слова» и прочее.

Слова эти, впрочемъ, какъ можетъ быть, догадался уже читатель, принадлежали къ чистѣйшему вымыслу. Графъ не думалъ ничего говорить Александру Иванычу ни о его сынѣ, ни о его супругѣ; но этотъ вымыселъ былъ необходимъ, какъ громовой отводъ, въ случаѣ, если бы гроза разразилась надъ головою почтеннаго старичка за его долгое пребываніе въ Покровскомъ...

Однажды утромъ графъ предложилъ Александру Иванычу проѣхаться съ нимъ верхомъ. Александръ Иванычъ былъ этимъ очень доволенъ, ибо ему представлялся случай показать, что онъ ѣздитъ, какъ настоящій англичанинъ, наклонивъ весь станъ впередъ и припрыгивая на сѣдлѣ. Онъ раза два такимъ образомъ объѣхалъ сначала кругомъ двора и былъ привѣтствованъ, къ совершенному своему удовольствію, одобрительными криками и рукоплесканіями молодыхъ людей.

Проскакавъ паркъ, графъ сдержалъ свою лошадь и началъ спускаться подъ гору по дорогѣ къ Березовкѣ.

Александръ Иванычъ ѣхалъ съ нимъ рядомъ. Сзади, въ приличномъ отъ нихъ отдаленіи, слѣдовалъ за ними грумъ, подъ которымъ была также кровная англійская лошадь.

Графъ поѣхалъ шагомъ и началъ разсказывать Александру Иванычу о своемъ пребываніи въ Лондонѣ, о скачкахъ, о пари, о великолѣпномъ устройствѣ конюшенъ у лорда Фитц-Джемса, по образцу которыхъ онъ устроилъ свои конюшни въ Петербургѣ. Вдругъ, пріостановивъ свою лошадь, онъ взглянулъ влѣво, туда, гдѣ чернѣлась деревня, и обратился къ Александру Иванычу.

— Что̀ это за деревня, вонъ тамъ? спросилъ онъ, указывая на Березовку.

— Это Березовка, графъ.

— А чья эта деревня?

— Эта деревенька принадлежитъ старушкѣ Бѣловой, отвѣчалъ Александръ Иванычъ: — той самой, у которой, помните, я вамъ показывалъ, такая хорошенькая дочка...

— А! въ самомъ дѣлѣ? такъ это самые ближайшіе мои сосѣди?

— Да. И прекрасное, я вамъ скажу, семейство. Мать простая, но добрая женщина; а дочь... дочь—замѣчательная дѣвушка, умна, обладаетъ большою начитанностію и притомъ—натура страстная, южная. Жаль, бѣдную, замѣтилъ Александръ Иванычъ со вздохомъ:—она такъ здѣсь заглохнетъ совсѣмъ, пропадетъ даромъ: выйдетъ замужъ за какого нибудь медвѣдя, который наложитъ на это деликатное, нѣжное существо свою лапу, или будетъ прозябать, не замѣченная никѣмъ, и зачахнетъ въ дѣвкахъ...

— Большое семейство? спросилъ разсѣянно графъ.

— Одна только дочь; да еще живетъ одна дѣвушка, которая была у нихъ прежде въ гувернанткахъ.

— А что, если бы я, какъ сосѣдъ, сдѣлалъ имъ теперь визитъ? Это бы не показалось имъ страннымъ, какъ вы думаете? спросилъ графъ.

— Превосходная мысль!.. Послушайте, графъ, да вы ихъ осчастливите. Они никакъ не ожидаютъ этакой чести.

— Такъ поѣдемте къ нимъ, сказалъ графъ, чуть дотронувшись до лошади своей коротенькой и тоненькой тросточкой.

И съ этимъ словомъ графъ поскакалъ по дорогѣ къ Березовкѣ. Александръ Иванычъ, слѣдуя за нимъ, кричалъ:

— Вотъ мы сдѣлаемъ сюрпризъ-то!

Онъ внутренно радовался, воображая, какой эффектъ должно произвести ихъ появленіе въ бѣдной деревушкѣ...

Между тѣмъ въ Березовкѣ все шло обычной чередой. Вѣра Ивановна вязала шерстяное одѣяло, Катя сидѣла у окна за какой-то работой, возлѣ нея, также у окна— Надежда Кондратьевна читала ламартинова *Жосленя*; а Игнатьичъ накрывалъ на столъ, ибо уже былъ первый часъ, и ворчалъ себѣ подъ носъ, сдувая неотвязчивую муху, которая въ десятый разъ садилась на кончикъ его носа: «вишь, проклятая, привязалась! вотъ яте-постой!» и усиливался поймать ее.

Утро было жаркое, на небѣ не было ни одного облака и ни одинъ листъ не шевелился на деревѣ. Ни Катя, ни Надежда Кондратьевна не гуляли въ это утро; и Надежда Кондратьевна, не ожидая гостей, въ простомъ бѣломъ накрахмаленномъ капотѣ и въ папильоткахъ на головѣ, наслаждалась чтеніемъ, вздыхая и обмахиваясь твореніемъ Ламартина, когда мухи начинали уже слишкомъ безпокоить ее.

Вдругъ она взглянула въ окно и вскрикнула:

— Что это такое? *Au nom du ciel!* посмотрите *ma chère*, кто это верхами? Вѣдь это графъ съ Александромъ Иванычемъ... Они сюда, ей Богу, сюда!

Катя вся вспыхнула, выронила изъ рукъ работу и посмотрѣла въ растворенное окно. Въ эту минуту графъ остановилъ свою лошадь у воротъ.

Вѣра Ивановна подошла къ окну.

— Ахти, Господи! вскрикнула она, почти задыхаясь отъ волненія:—это въ самомъ дѣлѣ *онъ!*

Надежда Кондратьевна опрометью бросилась наверхъ— наряжаться, чуть не сбивъ съ ногъ подвернувшуюся ей Палашку.

— И Александръ Иванычъ не предупредилъ насъ! продолжала въ отчаяніи Вѣра Ивановна.—Катенька, поди, другъ мой, попріодѣнься. Ахъ, Боже мой! да какъ-же это

такъ! Надо надѣть чепчикъ. Палашка, позови мнѣ Феклушку... Да гдѣ Игнатьичъ? въ передней ли онъ?

Одна Катя среди этого всеобщаго волненія и криковъ оставалась нѣмою и неподвижною у окна. Она не могла еще прійдти въ себя, не могла дать себѣ отчета, что̀ дѣлается съ нею. Какія-то странныя и противорѣчащія ощущенія начали бороться въ ней при этомъ неожиданномъ появленіи: и радость, и досада, и страхъ. Ей послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ, и у нея чуть не замеръ духъ.

— А вотъ и наша молодая хозяйка! воскликнулъ, улыбаясь, вошедшій Александръ Иванычъ.—Подарите насъ, Катерина Павловна, благосклоннымъ привѣтомъ.

. . . . . дары твои безцѣнны
И старцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ...

какъ сказалъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ.

Александръ Иванычъ прищурилъ при этомъ глазки, съ торжественнымъ самодовольствіемъ подошелъ къ ручкѣ Кати и потомъ продолжалъ, указывая ей на графа:

— Вашъ сосѣдъ, графъ Сергій Григорьичъ, который пожелалъ быть вамъ представленнымъ по сосѣдски, за просто.

Графъ поклонился Катѣ, сказалъ, что онъ хотѣлъ съ самого своего пріѣзда познакомиться съ ея матушкой и съ нею, что въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ нельзя не быть знакомымъ и что Александръ Иванычъ былъ такъ добръ, что вызвался его представить.

Катя присѣла и проговорила нѣсколько словъ не безъ замѣшательства.

— Маменька сейчасъ будетъ, повторила она нѣсколько разъ.

— Присядьте-ка, ваше сіятельство.

Александръ Иванычъ подставилъ стулъ графу и сказалъ Катѣ:

— Ну, прошу же занимать насъ въ отсутствіе главной хозяйки.

Графъ сѣлъ возлѣ Кати и началъ говорить о томъ,

какъ ему нравится деревенская жизнь, о которой до сихъ поръ онъ не имѣлъ никакого понятія, о томъ, что онъ намѣренъ всякое лѣто непремѣнно пріѣзжать въ свое Покровское, устроить театръ, завести оркестръ музыки.

— А, кстати: вы любите музыку? спросилъ графъ.

— Да, очень, отвѣчала Катя.

— Катерина Павловна превосходно играетъ на фортепьянахъ, произнесъ глубокомысленно Александръ Иванычъ, подергивая значительно головой. — Она настоящая музыкантша, и у нея голосъ превосходный — *mezzo-soprano*, — только, разумѣется, необработанный. Если бы она посвятила себя музыкѣ, она бы могла стать на ряду съ первыми кантатрисами.

— Ахъ, какой вы вздоръ говорите, Александръ Иванычъ! сказала Катя съ досадой.

Простое и свободное обращеніе графа, который говорилъ съ Катей, какъ будто бы вѣкъ былъ знакомъ съ нею, подѣйствовало на нее благотворно. Ей становилось легче; присутствіе графа переставало смущать ее; но она чувствовала, что если бы онъ не былъ графомъ и не былъ окруженъ такою роскошью, ей было бы легче.

Когда же Вѣра Ивановна явилась въ своемъ парадномъ шолковомъ капотѣ и чепцѣ, которые она надѣвала только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, когда она, кланяясь графу, начала благодарить за честь, сдѣланную имъ, объяснять, что она вполнѣ чувствуетъ эту честь и проч.; когда вслѣдъ за нею небритый Игнатьичъ показался въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ, съ огромнымъ жестянымъ подносомъ, на которомъ стояли водки и закуски,—Катя вся вспыхнула.

Графъ, по приглашенію хозяйки дома, кушалъ очень апетитно сыръ ея собственнаго издѣлія и говорилъ, что онъ ему нравится гораздо больше настоящаго швейцарскаго сыра.

Вѣра Ивановна была въ восторгѣ отъ похвалъ графа ея сыру и, отведя въ сторону Александра Иваныча, шепнула ему:

— Боже мой, какой прекрасный, какой милый графъ-то! И какой онъ, голубчикъ, простой: вѣдь никакой важности не показываетъ...

— Видите ли, что я всегда говорю правду, важно произнесъ Александръ Иванычъ, я говорилъ вамъ, что такихъ людей, какъ графъ, мало. Всуе я никогда ничего не говорю, и ужъ если похвалю человѣка, такъ это долженъ быть—человѣкъ!

Вѣра Ивановна была въ самомъ дѣлѣ въ восторгѣ отъ графа, и самолюбію доброй старушки необыкновенно льстило, что ея скромное издѣліе обратило на себя его вниманіе. Она съ чувствомъ смотрѣла на движеніе графскаго рта, разжевывавшаго ея сыръ, и черезъ полчаса послѣ пребыванія графа такъ привыкла къ нему, что уже ея торжественный шолковый капотъ казался для нея въ эту минуту излишнимъ украшеніемъ. Она заговорила съ графомъ просто, вседневнымъ, будничнымъ языкомъ.

Графъ былъ очень любезенъ. Онъ говорилъ съ Катей о музыкѣ, о цвѣтахъ, о лошадяхъ, о романахъ Бальзака, о своихъ путешествіяхъ. Онъ обѣщалъ прислать ей партитуру *Гугенотовъ*, переложенную для фортепьяно, и когда Катя къ чему-то замѣтила, что она раза два пробовала ѣздить верхомъ, графъ предложилъ ей, если ей угодно, учиться у него въ манежѣ и сказалъ, что самъ выберетъ для нея самую смирную лошадь.

— Ну ужъ это, признаться, не женское дѣло, сказала Вѣра Ивановна.

— Вы ужасная трусиха, маменька, возразила Катя:— это вы говорите только потому, что боитесь за меня, а я вовсе не боюсь ѣздить верхомъ; право, тутъ нѣтъ ничего страшнаго.

Графъ началъ успокоивать Вѣру Ивановну, увѣрялъ ее, что лошадь, про которую онъ говорилъ Катеринѣ Павловнѣ, такъ смирна, что на ней можетъ ѣздить шестилѣтній ребенокъ, что онъ самъ будетъ присутствовать при урокахъ, что его берейторъ человѣкъ превосходно знающій свое дѣло и на котораго можно положиться вполнѣ. Въ заключеніе, онъ просилъ Вѣру Ивановну назначить день, когда ей будетъ угодно сдѣлать честь откушать у него, и замѣтивъ, что въ этотъ день Катерина Павловна, если только она захочетъ, можетъ взять первый урокъ, и тогда

Вѣра Ивановна собственными глазами убѣдится, что верховая ѣзда совсѣмъ не страшна.

Прощаясь, графъ просилъ Вѣру Ивановну быть съ нимъ безъ всякой церемоніи, какъ съ добрымъ сосѣдомъ, и, уходя, пожалъ руку Кати.

Въ передней графъ и Александръ Иванычъ встрѣтили Надежду Кондратьевну, которая все время занималась своимъ туалетомъ, чтобы предстать во всемъ блескѣ и очарованіи передъ графомъ. Отъѣздъ графа повергъ ее чуть не въ отчаяніе, и на поклонъ его, она присѣла съ плачевнымъ замѣшательствомъ. Когда они выѣхали за ворота, графъ обратился къ Александру Иванычу и сказалъ:

— Кажется, очень милые и добрые люди...

ГЛАВА II.

Когда графъ соскочилъ съ лошади у подъѣзда своего дома, Вихляевъ подбѣжалъ на встрѣчу къ нему.

— Вообрази, у насъ гости, сказалъ онъ:—*un monsieur qui est impayable.*

— Кто такой? спросилъ графъ.

— Тотъ самый, который писалъ къ тебѣ стихи... какъ бишь его?...

— Какъ, ужъ явился! Ай да стихотворецъ! Вотъ вы посмотрите, графъ, вѣрно ли я описалъ вамъ его.

— Посмотримъ, посмотримъ... А гдѣ Поль? онъ дома? спросилъ графъ у Вихляева, про господина съ неуловимыми глазками.

— Нѣтъ, онъ поѣхалъ кататься въ кабріолетѣ.

— А гдѣ этотъ господинъ?

— Въ большой залѣ.

Графъ въ сопровожденіи Вихляева и Александра Иваныча вошелъ въ залу.

У большаго зеркала, вставленнаго въ стѣну въ промежуткѣ оконъ, стоялъ господинъ, очень вѣрно описанный Александромъ Иванычемъ, смотрясь въ зеркало и поправляя массивную цѣпь, красовавшуюся на его бархатномъ жилетѣ. Увидѣвъ графа, онъ бросился къ своей шляпѣ, ко-

торая стояла на окнѣ, и, взявъ ее подъ мышку, подошелъ къ нему, нѣсколько разъ расшаркнувшись съ необыкновенною развязностію.

— Позвольте мнѣ имѣть честь рекомендовать себя вашему сіятельству, началъ онъ на распѣвъ и дѣлая сильныя ударенія на нѣкоторыя слова, которыя я буду отмѣчать курсивомъ: — помѣщикъ Сычовъ—по *офиціяльному положенію*, но артистъ въ душѣ—по *чувству*. Ваше сіятельство, изволите усмотрѣть, что и *здѣсь*, въ уединеніи провинціи, есть люди, которымъ доступно *изящное*,—*люди*, идущіе, такъ сказать, наравнѣ съ *потребностями* нашего образованнаго *XIX вѣка*. Я, ваше сіятельство, могъ бы жить и въ столицѣ, *но* предпочелъ себя изолировать въ деревнѣ, чтобы стать, если такъ можно выразиться, *лицомъ къ лицу* съ природой.

— Я очень желалъ съ вами познакомиться, сказалъ графъ, усиливаясь быть серьёзнымъ,—потому что много слышалъ объ васъ и долженъ еще благодарить васъ за ваши прекрасные стихи, которые вы мнѣ прислали.

Сычовъ опять началъ расшаркиваться и раскланиваться.

— Это, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ:—*плодъ* смиренной *музы*, вдохновленной особой вашего сіятельства. Достойный потомокъ *громкихъ* предковъ, вы начинаете теперь блистать уже не заимствованнымъ, а *собственнымъ* блескомъ. Вы, такъ, сказать, величавое, блестящее солнце, а мы—*маленькія звѣздочки*, исчезающія въ *вашемъ* свѣтѣ.

И проговоривъ это, Сычовъ вдругъ обратился къ Александру Иванычу.

— Пріятная встрѣча! воскликнулъ онъ:—*позвольте* отъ души обнять васъ.

И онъ началъ обнимать и цаловать его.

— Вотъ, графъ, сказалъ Александръ Иванычъ, освободившись отъ объятій Сычова и указывая на него:—какіе у насъ есть люди; истинно жаль только, что Илью Семеныча здѣсь не умѣютъ вполнѣ цѣнить, не умѣютъ отдать ему должной справедливости. Ну кто здѣсь понимаетъ поэзію?

— Александръ Иванычъ! возразилъ Илья Семенычъ съ чувствомъ:—*истинный поэтъ* презираетъ толпу; ему до-

вольно двухъ-трехъ *высокихъ*, просвѣщенныхъ цѣнителей, *аристократовъ* по мысли и по чувству, въ душахъ которыхъ онъ находитъ *сочувствіе*. Вотъ, напримѣръ, здѣсь я нахожусь въ *своей* сферѣ. Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, прочесть мои стихи, въ *которыхъ* я, смѣю думать, *вполнѣ* охарактеризовалъ нашего достойнаго Александра Иваныча.

— Это очень интересно, сказалъ графъ.

Илья Семенычъ положилъ шляпу, вынулъ изъ кармана золотую табатерку, ударилъ по ней указательнымъ пальцемъ, на которомъ красовался брильянтовый перстень, открылъ крышку, понюхалъ, принялъ торжественную позу и, размахивая правой рукой, продекламировалъ слѣдующіе стихи, обращаясь къ Александру Иванычу:

Онъ понялъ жизни *цѣль* и жизни *наслажденье*,
Философъ *истинный* и *рѣдкій* семьянинъ,
Во всемъ являетъ онъ и *смыслъ* и *разумѣнье*,
Сочувствуетъ всему, какъ *истый* гражданинъ!
Ему доступно *все;* онъ мыслію витаетъ
Высоко надъ землей и всѣхъ собой *живитъ:*
Поэта пѣснѣ онъ съ *волненіемъ* внимаетъ
И въ тоже время трудъ *оратая* цѣнитъ.

— Тутъ вы видите, ваше сіятельство, *всего человѣка*, въ этихъ стихахъ.

Александръ Иванычъ не безъ самодовольствія улыбнулся.

— Прекрасно! прекрасно! сказалъ графъ.

— Прекрасно! повторилъ Вихляевъ.

Илья Семенычъ поправилъ пуклю на своей накладкѣ, расшаркнулся и, вынувъ изъ кармана листокъ, на которомъ съ калиграфическими вычурами были написаны эти стихи, поднесъ ихъ Александру Иванычу.

За обѣдомъ Илья Семенычъ сдѣлался еще развязнѣе и разговорчивѣе, потому что господинъ съ неуловимыми глазками, сидѣвшій возлѣ него, безпрестанно подливалъ ему вина, а Илья Семенычъ безпрестанно опорожнялъ стаканъ за стаканомъ въ жару разговора.

— Я предлагаю, господа, сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками въ концѣ обѣда:—тостъ въ честь

поэтовъ вообще и въ особенности въ честь одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ—г. Сычова.

— Браво! закричали собесѣдники.

— Стократъ счастливъ, обрѣтшій мудрость и повѣдавшій ея во уши послушающихъ, возгласилъ Александръ Иванычъ.

Всѣ выпили за здоровье Ильи Семеныча.

Илья Семенычъ всталъ, раскланялся на всѣ стороны, съ чувствомъ посмотрѣлъ на господина съ неуловимыми глазками и произнесъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія, и даже со слезящимися глазами:

— *Хотя* я не имѣю удовольствія быть на короткой ногѣ съ вами, *но* я, если такъ можно выразиться, провижу *инстинктомъ* симпатію, связывающую наши внутреннія помышленія, и *потому*...

(Илья Семенычъ растопырилъ руки).

...и потому позвольте поблагодарить васъ за ваше *горячее* слово.

Илья Семенычъ заключилъ господина съ неуловимыми глазками въ свои объятія и впился въ его губы своими влажными губами. Господинъ съ неуловимыми глазками скорчилъ гримасу, неохотно покорившись этому вліянію чувствъ, и потомъ долго вытиралъ свой ротъ салфеткой.

— Чокнемтесь еще разъ, продолжалъ Илья Семенычъ, обращаясь къ нему: — еще разъ, вотъ эдакъ... Ваше сіятельство, и вы, милостивые государи... вы *понимаете* поэзію, вы сочувствуете всему... Позвольте, я прочту вамъ мои стихи, которые вылились у меня *экспромтомъ* третьяго дня.

— Пожалуста, пожалуста! закричали всѣ.

— Нелишнимъ считаю замѣтить, ваше сіятельство, что я часто не сплю по ночамъ отъ волненія, отъ столкновенія поэтико-сердечныхъ мыслей и отъ этого послѣ обѣда, такъ-сказать, досыпаю необходимую мнѣ *сумму сна*. Третьягодня, я заснулъ послѣ обѣда и, проснувшись, бросился тотчасъ къ перу и написалъ эти строки:

Поэзья—*даръ* возвышенныхъ сердецъ
И жизни *высшая* отрада, утѣшенье!
Насъ жизнь гнететъ и давитъ какъ *свинецъ*,
Но съ *ней* забудешь всѣ мірскія треволненья...

Кто, сердце доброе и чистое имѣя,
Залогъ *прекраснаго* въ душѣ своей хранитъ,
Къ тому она слетаетъ, словно фея,
Того она *всегда* животворитъ;
Съ амврозіей *фіялъ* тому она подноситъ,
Любовію избранника даритъ;
Съ ней незамѣтно онъ и *горе* переноситъ,
Какъ мимолетный и тяжелый сонъ,
И *радость* самую вкушаетъ слаще онъ!

Когда раздавшіяся послѣ этого браво и рукоплесканія смолкли, господинъ съ неуловимыми глазками обратился къ Ильѣ Семенычу.

— А знаете ли, сказалъ онъ ему: — что вы здѣсь между нами имѣете соперника? Вотъ этотъ господинъ тоже поэтъ.

И онъ указалъ на Вихляева.

— Да, да, я тоже поэтъ!

Илья Семенычъ пристально посмотрѣлъ на Вихляева.

— Тѣмъ лучше.—Потомъ онъ обратился къ господину съ неуловимыми глазками: — но вы употребили не то выраженіе... *соперниковъ* между нами нѣтъ: мы всѣ братья по *Апполону*... Ну чокнемтесь же...

И Илья Семенычъ протянулъ свою руку съ бокаломъ черезъ столъ къ Вихляеву. Вихляевъ, иронически улыбаясь, чокнулся съ нимъ.

— Теперь, продолжалъ Илья Семенычъ:—мы должны выпить на *ты*, потому что мы, такъ сказать, *свойственники* по поэзіи, *духовные* земляки. У насъ одна родина—Парнассъ!

— Разумѣется, вотъ прекрасная мысль! Это необходимо, замѣтили почти въ одно слово графъ и господинъ съ неуловимыми глазками.

Шутка эта была, однако, не совсѣмъ пріятна Вихляеву; но онъ скрылъ свое неудовольствіе подъ насильственнымъ хохотомъ и выпилъ съ Ильей Семенычемъ на ты.

— А ты что такое сочиняешь? спросилъ его Илья Семенычъ.—Въ *какомъ родѣ* твои стихи?

— Въ разныхъ родахъ, отвѣчалъ Вихляевъ, продолжая смѣяться насильственно.

— Въ комическомъ, дидактическомъ или *возвышенно-*

лирическомъ? Что преобладаетъ въ тебѣ — мысли или фантазія?

— Фантазія, отвѣчалъ за него господинъ съ неуловимыми глазками: — онъ большой мастеръ фантазировать... Ну, профантазируйте что нибудь, Вихляевъ; покажите вашъ талантъ.

Вихляевъ вдругъ сбился съ своей роли, нахмурился и сказалъ обиженнымъ голосомъ:

— Это совсѣмъ неостроумно.

— Но справедливо, замѣтилъ господинъ съ неуловимыми глазками, потому что отъ фантазіи до лжи только одинъ шагъ.

— Выслушай, выслушай, говорилъ Илья Семенычъ Вихляеву, дергая его за руку:—я тебѣ прочту мои стихи въ *возвышенно*-лирическомъ родѣ.

Вихляевъ начиналъ не на шутку оскорбляться тѣмъ, что его поставили на одну доску съ какимъ-то провинціяльнымъ шутомъ; такимъ по крайней мѣрѣ считалъ онъ Илью Семеныча, впрочемъ, совершенно неосновательно, потому что добрый Илья Семенычъ никогда, напримѣръ, не позволилъ бы для чьего бы то ни было удовольствія размазывать себѣ лицо жженной пробкой, или обливать себя холодною водою. Вихляевъ даже прошепталъ съ гримасой, когда Илья Семенычъ дернулъ его за руку:

— Ахъ, пожалуста, отстаньте!

Но Илья Семенычъ въ жару поэтическаго настроенія не слыхалъ и не видалъ ничего и продолжалъ:

— Эти стихи я написалъ въ *десять* минутъ... ровно въ *десять:* передо мной стояли часы.

На лирѣ я *бряцалъ* тревожною рукой,
Исполненный огня и *силы* вдохновеній;
Міръ *дольній* сей исчезъ передо мной
Со всею смутою *суетъ* и *треволненій*.
Въ эфирѣ я, *восторженный*, парилъ,
Міры вокругъ меня въ эфирѣ томъ вращались:
Я жизнію *иной*, *нездѣшней* жизнью жилъ,
И помыслы мои *невольно* просвѣтлялись!

— Затѣмъ стихъ «*міры* вокругъ меня въ эфирѣ томъ вращались»—это *высокій* стихъ!

— Такой стихъ могъ только написать, сказалъ Александръ Иванычъ, подмигнувъ значительно графу:—потомокъ Багрима, нашъ сѣверный бардъ—Гавріилъ Романычъ!

Илья Семенычъ выскочилъ изъ за стола и, размахивая рукой, въ которой держалъ салфетку, подбѣжалъ къ Александру Иванычу.

Онъ выставилъ правую ножку впередъ, подался нѣсколько назадъ всѣмъ туловищемъ, и размахнувъ снова рукой, подобно трагическому актеру, воскликнулъ:

Не мню съ потомкомъ я Багрима состязаться,
Во слѣдъ за нимъ не *въ силахъ* я летѣть,
Могу лишь имъ *всечасно* восхищаться
И *образцомъ* его передъ собой имѣть!

Когда встали изъ за стола и вышли изъ столовой въ другую комнату, графъ, куря сигару, подошелъ къ фортепьяно и взялъ разсѣянно нѣсколько акордовъ.

— Ваше сіятельство, закричалъ во все горло Илья Семенычъ:—позвольте мнѣ пропѣть мои *комико*-юмористическіе куплеты... Господа послушайте... *Кто* будетъ мнѣ акомпанировать? Они на музыку изъ «Любовнаго напитка:» *Adorata barcarolla.*

— Я къ вашимъ услугамъ, сказалъ графъ, садясь къ фортепьяно.

— Извольте начинатъ, ваше сіятельство, извольте... Извините, господа, я не совсѣмъ въ голосѣ... это ничего.

И онъ запѣлъ:

Коноводъ и *предводитель*...
Нашъ зоилъ и нашъ судья,
Онъ сердецъ всѣхъ *сокрушитель*,—
Ужъ про это знаю *я!*
На амуры *первый* дока,
Рездушенъ всегда амбре,
Вины пьетъ онъ отъ *Депре*
И волочится *жестоко*...

Илья Семенычъ остановился на минуту, обвелъ своимъ помутившимся взоромъ собраніе, ободрившее его рукоплесканіями, и сказалъ:

— Позвольте, позвольте, какъ дальше...

Точитъ... точитъ...

— Какъ бишь? Да, да...

Словно точитъ онъ балясы,
Про него несется гулъ,
Что онъ *даже* Ловеласа
Просто за поясъ заткнулъ...

Илья Семенычъ снова остановился.

— Ну, забылъ; а славные куплеты. Вотъ ужъ я лучше спою вамъ мой романсъ:

Сжала мнѣ руку она
И на меня поглядѣла,
Нѣжной любовью полна,
И... и... и...

Илья Семенычъ не въ силахъ уже былъ докончить этого романса, подошелъ къ столу, на которомъ стоялъ кувшинъ съ ликеромъ, налилъ ликеръ въ стаканъ, начиная уже совершенно терять сознаніе въ своихъ поступкахъ, и, поднявъ стаканъ къ кверху, закричалъ во все горло.

— Здоровье его сіятельства. Ура!

Затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, онъ опустился въ кресла и захрапѣлъ.

— Герой опочилъ на лаврахъ! замѣтилъ Александръ Иванычъ графу.

— Вотъ оригиналъ-то! сказалъ графъ.

— Я вамъ говорилъ, что это драгоцѣннѣйшій субъектъ. Но вы еще, графъ, видѣли его не со всѣхъ сторонъ. Онъ необыкновенно влюбчивъ, и надо посмотрѣть, какъ онъ ухаживаетъ за предметомъ своей страсти...

— А нѣтъ ли здѣсь въ сосѣдствѣ эдакихъ дамъ или барышенъ? перебилъ графъ:—онъ влюбится и тогда можно устроить забавныя сцены.

— Да вотъ твои сосѣдки-то, сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками:—чего же лучше?

— О нѣтъ, нѣтъ! возразилъ графъ: — это не то... а кстати, ты знаешь ли, что мы съ Александромъ Иваны-

чемъ у этихъ сосѣдокъ были сегодня съ визитомъ, и онѣ будутъ у насъ на дняхъ обѣдать?

— Вотъ какъ!

Господинъ съ неуловимыми глазками посмотрѣлъ на графа, и на его лицѣ едва замѣтно мелькнула улыбка.

— Это очень хорошее семейство, продолжалъ графъ:— очень почтенная старушка, а ея дочь очень миленькая и, кажется, недурно воспитана. Не правда ли, Александръ Иванычъ?

— Да я вамъ скажу, что это первая дѣвушка у насъ въ губерніи—по уму, образованію и красотѣ.

— Премилая, премилая, заболталъ Вихляевъ:—и другая дѣвушка, которая у нихъ живетъ... она не первой молодости, но прекрасный греческій типъ. Это вѣдь она сидѣла въ паркѣ, помните, я вамъ говорилъ, когда мы въѣзжали сюда... и что удивительно, вообразите, нога у нея шоссирована какъ нельзя лучше: прюнелевая ботинка, съ лакированнымъ носкомъ... *Charmant!* А эта дѣвушка, дочь помѣщицы, знаешь ли, имѣетъ сходство съ Пряхиной. Право.

— Какой вздоръ! сказалъ графъ.

Вихляевъ еще заболталъ что-то такое въ отвѣтъ, но въ эту минуту вошелъ человѣкъ.

— Изъ вашей деревни мужикъ пріѣхалъ, сказалъ онъ и подалъ Александру Иванычу письмо.

Александръ Иванычъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ, распечатывая это письмо, но, пробѣжавъ его, успокоился и даже пріятно улыбнулся.

Алена Ѳедоровна писала къ нему, замѣняя всѣ знаки препинанія однимъ тире, какъ обыкновенно пишутъ дамы.

«Я очень тронута и вполнѣ чувствую и умѣю цѣнить ту доброту и ласку — которую оказываетъ графъ Сергей Григорьевичъ нашему Васѣ, который, съ чѣмъ я совершенно согласна, можетъ быть ему всегда полезенъ—тѣмъ болѣе намъ надо показать графу, что мы все это цѣнимъ— вотъ отчего мы непремѣнно должны пригласить его къ себѣ и устроить по этому случаю обѣдъ — а вечеромъ танцы—я сама желаю лично благодаритъ графа также и за его вниманіе ко мнѣ — и должно показать, что мы

умѣемъ жить въ свѣтѣ, а графъ пусть самъ назначитъ день когда ему угодно будетъ удостоить насъ посѣщеніемъ— только надо все устроить такъ, чтобъ заранѣе всѣмъ можно было распорядиться, чтобы все было хорошо и чтобы не уронить себя въ глазахъ графа — для этого, какъ можно скорѣе, тебѣ надо пріѣхать домой—а я слава Богу здорова—староста приходилъ и спрашиваетъ...» и прочее.

«P. S. Также заѣзжай къ Вѣрѣ Ивановнѣ пригласи ее, Катерину Павловну и Надину—мнѣ бы не хотѣлось приглашать Кобелякову *c'est une femme que je déteste*, но нельзя избѣжать этого; да ктому же будутъ нужны кавалеры и все таки безъ ея сына обойдтись нельзя—танцующихъ кавалеровъ такъ здѣсь мало, хотя онъ порядочный *mauvais genre*».

Мысль Алены Ѳедоровны очень понравилась ея супругу, и фантазія его касательно устройства обѣда и бала разгорѣлась мгновенно. »Надо устроить—думалъ онъ—иллюминацію, зажечь смоляныя бочки... велѣть разрисовать Прошкѣ щитъ съ вензелевымъ изображеніемъ графа; я составлю самъ рисуночекъ: графская корона, лавровый вѣнокъ,— буквы готическія; оркестръ музыки—непремѣнно. Надо, чтобы вся губернія заговорила о томъ, какъ я угощалъ у себя графа, да чтобы и самъ графъ разсказывалъ потомъ въ Петербургѣ, что и въ провинціи есть люди, имѣющіе понятіе о томъ, какъ жить».

Графъ вывелъ Александра Иваныча изъ этихъ размышленій.

— О чемъ вы это такъ задумались?

— Да вотъ думаю о томъ, графъ, что я слишкомъ зажился у васъ... пора домой.

— Что вамъ вдругъ пришла въ голову эта странная мысль?

— Но...

— Я никакихъ *но* не принимаю, сказалъ графъ:—къ тому же я хочу послѣ-завтра звать обѣдать Бѣловыхъ, а безъ васъ имъ будетъ здѣсь въ первый разъ неловко.

— До послѣ-завтра, до вечера я пожалуй останусь, отвѣчалъ Александръ Иванычъ:—но никакъ не долѣе. Къ

тому же у меня до васъ есть просьба, графъ, и я увѣренъ, что вы не откажете мнѣ...

Александръ Иванычъ прищурилъ глазки и остановился на минуту.

— Просьба эта, продолжалъ онъ мѣрно и съ разстановками:—состоитъ въ слѣдующемъ: я и жена моя усерднѣйше просимъ ваше сіятельство удостоить чести своимъ посѣщеніемъ нашъ уголокъ, отвѣдать нашего хлѣба соли,—а хлѣбомъ мы васъ угостимъ въ сытость. Для этого благоволите назначить денекъ, а мы будетъ ожидать васъ съ нетерпѣніемъ, и, срѣтая васъ у себя, скажемъ: «Счастливы, видѣвшіе тебя и любовію твоею украшенные».

— Я очень радъ, и всегда къ вашимъ услугамъ, сказалъ графъ:—отъ васъ зависитъ назначить день.

— Съ тою же просьбою, продолжалъ Александръ Иванычъ, обращаясь къ господину съ неуловимыми глазками:—я обращаюсь и къ вамъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками кивнулъ головой.

— И къ вамъ, продолжалъ Александръ Иванычъ, обращаясь къ Вихляеву.

— Ваши гости-съ, отвѣчалъ Вихляевъ, пристукнувъ каблуками и кокетливо тряхнувъ головой, чтобы откинуть назадъ волосы.

На другой день утромъ графъ послалъ въ Березовку превосходно составленный букетъ для Кати и письмо къ старушкѣ, ея матери. Въ этомъ письмѣ графъ приглашалъ къ себѣ на слѣдующій день не только Вѣру Ивановну съ дочерью, но даже и Надежду Кондратьевну, совершенно за просто, по сосѣдски, замѣчая, что если Катеринѣ Павловнѣ будетъ угодно взять первый урокъ въ верховой ѣздѣ, то для нея приготовлена уже лошадь, и что онъ ей, какъ охотницѣ до цвѣтовъ, посылаетъ букетъ изъ своихъ оранжерей.

Посланіе графа и букетъ произвели большой эффектъ въ Березовкѣ.

— Каковъ букетецъ-то тебѣ прислалъ его сіятельство! посмотри-ка, да прочти—вотъ письмо его, сказала Вѣра Ивановна.

Катя взяла письмо нѣсколько дрожащей рукой. Когда она пробѣжала его, лицо ея вдругъ вспыхнуло.

Захаръ Лаврентьичъ во все это время пристально смотрѣлъ на нее. Онъ отошелъ къ окну и началъ безцѣльно смотрѣть въ окно.

ГЛАВА III.

Еще день чуть начиналъ заниматься, а Катя уже проснулась и не могла заснуть отъ волненія.

Она встала съ постели и открыла окно. Прохладный и росистый воздухъ пріятно пахнулъ въ ея комнату. Она накинула на себя кацавейку и сѣла у окна. На свѣтлой синевѣ неба слабо кое-гдѣ мерцали потухающія звѣздочки, еще за часъ передъ этимъ ярко сверкавшія на ней милліонами во мракѣ теплой іюньской ночи: легкія и прозрачныя облака, узкими и длинными полосами тянувшіяся отъ востока, чуть замѣтно начинали слегка окрашиваться блѣдно-розовымъ цвѣтомъ; густой, синеватый туманъ недвижно стоялъ надъ болотистою мѣстностію и какъ острова на широкомъ водяномъ пространствѣ выплывали изъ него холмы и пригорки, покрытые кустарникомъ; вправо, въ блѣдномъ разсвѣтѣ рождающагося утра, еще неопредѣленнымъ, темнымъ пятномъ начиналъ выказываться лѣсъ покровскаго парка; кустъ бузины передъ самымъ окномъ Кати, отягченный крупными каплями матовой росы, дремалъ, опустивъ свои вѣтки; необыкновенная тишина разлита была повсюду; никакого звука, ни малѣйшаго движенія. Катя вспомнила о Захарѣ Лаврентьичѣ и подумала: «можетъ быть, онъ теперь ужъ гдѣ нибудь ловитъ рыбу; онъ что-то вчера былъ очень грустенъ, или мнѣ такъ только показалось, потому что о чемъ грустить ему? развѣ о неудачномъ ловѣ?» Но мысль ея, правду сказать, недолго остановилась на Захарѣ Лаврентьичѣ... Она смотрѣла все въ ту сторону, гдѣ было Покровское... Покровскій лѣсъ выходилъ все яснѣй и яснѣй на голубѣвшемъ фонѣ неба; блѣдно-розовыя облака принимали болѣе густой и яркій колоритъ, переходившій почти въ пурпуровый; окраины

облаковъ начинали золотиться... и вдругъ все оживилось и встрепенулось при первыхъ лучахъ солнца: облака какъ будто разстаяли въ лазури отъ прикосновенія этихъ лучей; верхушки лѣса зазеленѣли; матовыя росинки на кустахъ и деревьяхъ загорѣлись какъ брильянты; раздалось чиликанье птицъ и громкая пѣсня жаворонка, высоко взвивавшагося въ поднебесье.

«Черезъ нѣсколько часовъ я буду въ Покровскомъ», подумала Катя, и сердце ея вдругъ болѣзненно сжалось при этой мысли, какъ будто тамъ ожидало ее что нибудь необыкновенное. Радостное нетерпѣніе смѣшивалось въ ней вмѣстѣ съ неопредѣленно-мучительною боязнію, можетъ быть потому, что нервы ея были раздражены безпокойными и странными снами...

Черезъ минуту она впрочемъ съ пріятностію занялась размышленіемъ о своемъ туалетѣ и начала въ сотый разъ разсматривать и нюхать великолѣпный и душистый букетъ, присланный ей графомъ и стоявшій въ кружкѣ на столикѣ, у ея постели.

Надежда Кондратьевна проснулась только немного позже Кати, потому что и она также не могла спать отъ волненія и ей также видѣлись тревожные сны, въ которыхъ являлись графъ, Вихляевъ и угреватый поэтъ.

Когда она увидѣла Катю, сидящую у окна, она вскрикнула:

— Ахъ, ma chère, вы ужъ проснулись? какъ я рада!

И затѣмъ начала совѣщаться съ Катей насчетъ туалета. Совѣщаніе это, продолжавшееся очень долго, кончилось тѣмъ, что Надежда Кондратьевна рѣшилась надѣть розовое буф-муслиновое платье, потому что день предвѣщалъ быть очень жаркимъ; а Катя сказала, что надѣнетъ бѣлое кисейное...

— Ахъ, да не будетъ ли это слишкомъ просто, душечка? возразила Надежда Кондратьевна.—А чтожъ, вы не станете брать сегодня урока въ верховой ѣздѣ?

— Да чтожъ дѣлать! я бы очень желала, отвѣчала Катя:—да вѣдь нельзя же безъ амазонки, а у меня ея нѣтъ.

— У Катеньки Прилуцкой прелестная амазонка: пошлите къ ней попросить на фасонъ. Она, вѣрно, въ этомъ не откажетъ вамъ.

— Я ужъ объ этомъ думала, замѣтила Катя.

Дамы наши не безъ сердечнаго волненія усѣлись въ четырехъ-мѣстную, огромныхъ размѣровъ карету, окрашенную ярко-жолтой краской и купленную Павломъ Васильичемъ въ тотъ счастливый день, когда онъ передъ лицомъ всѣхъ назвалъ себя женихомъ Вѣры Ивановны. Карета эта, запряженная четвернею на выносъ, рѣдко выдвигалась изъ сарая, потому что по своей тяжести была очень неудобна для своего назначенія и употреблялась Вѣрою Ивановною, какъ и шолковый капотъ ея, только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, такъ что когда Катя сѣла въ нее, она должна была тотчасъ же отворить окна, боясь задохнуться отъ тяжелаго и затхлаго запаху. Старый Игнатьичъ, въ ливреѣ съ галунами, блескъ которыхъ давно ужъ потухъ, захлопнувъ дверцы, прокричалъ: «въ Покровское!»—Высокій и уже не первой молодости форейторъ, съ серебристыми иглами на бородѣ, махнулъ кнутомъ, промычавъ: «ну, ну, ну», и экипажъ двинулся, застонавъ, заскрипѣвъ и задребезжавъ, какъ будто жалуясь на то, что его безпокоятъ на старости лѣтъ.

Вѣра Ивановна перекрестилась.

Дорогою дамы разговаривали между собою немного, и на лицахъ каждой изъ нихъ выражалось какъ бы нѣкоторое безпокойство. Скрипящая и бренчащая колымага, приводила Катю въ нѣкоторое смущеніе; пискъ и скрипъ ея дѣйствовали болѣзненно на нервы бѣдной дѣвушки. Когда же колымага повернула на великолѣпный дворъ покровскаго дома, Катя замѣтно измѣнилась въ лицѣ: ей казалось, что, встревоженные ея бренчаньемъ, стономъ и пискомъ, графъ, его пріятели и даже вся графская дворня насмѣшливо смотрятъ на ихъ въѣздъ. При громкомъ «пади!» форейтора съ серебристыми иглами на бородѣ, у Кати даже замерло сердце и она закрыла глаза... Вотъ колымага остановилась у подъѣзда, уставленнаго деревьями и цвѣтами... вотъ съ громомъ отворились тугія дверцы и начали отвертываться со стукомъ безконечныя подножки...

Графъ встрѣтилъ ихъ почти у самого входа, ввелъ въ одну изъ угольныхъ комнатъ, выходившую въ садъ, и усадилъ смущенную старушку на диванъ... Когда же онъ

подошелъ къ Катѣ, чтобы взять шляпку изъ ея рукъ, старушка почти съ испугомъ вскрикнула:

— Что это, батюшка, ваше сіятельство, вы изволите сами безпокоиться! Какъ это можно!

Затѣмъ Вѣра Ивановна и Катя начали благодарить графа за его букетъ.

Катя замѣтила, что они сидѣли въ той самой комнатѣ, на которую она смотрѣла нѣкогда изъ окна и гдѣ висѣла картина, которую она приписывала Ватто. Разговоръ мало по малу оживился. Графъ пригласилъ дамъ на галлерею, выходившую въ садъ; начались восхищенія видомъ, а между тѣмъ, къ великому удовольствію старушки, явился Александръ Иванычъ и подсѣлъ къ ней и къ Надеждѣ Кондратьевнѣ. Графъ, нѣсколько поодаль отъ нихъ, стоялъ возлѣ Кати.

— А вашъ урокъ въ верховой ѣздѣ? спросилъ онъ ее.

— Благодарю васъ, графъ, отвѣчала Катя:—я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ въ другой разъ...

— То-есть моимъ предложеніемъ? Попробуйте, право; это доставитъ вамъ развлеченіе.

— Мнѣ давно очень хотѣлось учиться ѣздить верхомъ, отвѣчала Катя.

— Тѣмъ лучше. Начните же ваши уроки скорѣе. Я вамъ покажу сегодня вашу лошадь.

Передъ Катею, у рѣшотки галлереи, стояли горшки съ пышными махровыми розами, и она въ нѣкоторомъ, на этотъ разъ впрочемъ пріятномъ замѣшательствѣ наклонилась чтобы понюхать цвѣтокъ. Графъ сорвалъ его и подалъ ей.

Когда явились господинъ съ неуловимыми глазками и Вихляевъ, за которымъ слѣдовалъ Илья Семенычъ, графъ представилъ ихъ дамамъ.

Илья Семенычъ очень граціозно и ловко началъ разшаркиваться передъ ними и сказалъ Вѣрѣ Ивановнѣ:

— Я уже *заочно* питалъ къ вамъ всегда уваженіе, *движимъ* былъ постоянно *искреннѣйшимъ* желаніемъ познакомиться съ вами... и съ вами... и съ вами, сударыни (онъ обратился, расшаркиваясь, къ Катѣ и Надеждѣ Кондратьевнѣ), и очень радъ, что по милости его сіятельства,

нашего гостепріимнаго хозяина, осуществляется теперь это желаніе...

— Его сіятельство, продолжалъ онъ, послѣ минуты молчанія и размахнувъ рукой съ торжественностью капельмейстера: — съ *очаровательнѣйшимъ*, такъ сказать, деспотизмомъ, которому столь отрадно *безусловно* подчиниться, соблаговолилъ оставить меня у себя... и вотъ я здѣсь, сударыня, гощу въ этой *поэтико*-роскошной виллѣ, какъ *Горацій* у Мецената...

Въ то время, какъ Илья Семенычъ объяснялся такимъ образомъ, а Вѣра Ивановна смотрѣла на него нѣсколько вопросительно, не совсѣмъ понимая его краснорѣчивыя фразы, господинъ съ неуловимыми глазками незамѣтно и быстро обозрѣлъ дамъ. Презрительно-насмѣшливая улыбка мелькнула на его тонкихъ губахъ при мгновенномъ взглядѣ на старушку и особенно на Надежду Кондратьевну, но его неуловимые глазки остановились на Катѣ и, казалось, всматривались въ нее съ любопытствомъ.

«Да, она ничего, недурна — подумалъ онъ — но не стоитъ того, чтобы изъ удовольствія видѣть ее пускать къ себѣ такихъ фигуръ, какъ ея спутницы. Я по крайней мѣрѣ не рѣшился бы на этотъ подвигъ. Это какія-то госпожи съ того свѣта!

Вихляевъ, у котораго не выходила изъ головы «пасторальная интрижка», подошелъ къ Надеждѣ Кондратьевнѣ и сказалъ ей по французски:

— А я ужъ не въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ? гдѣ же вы меня видѣли? спросила съ восхитительнымъ кокетствомъ Надежда Кондратьевна на томъ же діалектѣ.

— Первый разъ, продолжалъ Вихляевъ: — я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь недалеко, въ паркѣ, въ тотъ день, когда мы сюда пріѣхали, а второй разъ—у насъ въ саду, когда мы давали крестьянамъ праздникъ.

Надежда Кондратьевна, вѣроятно, вспыхнула бы отъ удовольствія, если бы только румянецъ могъ пройдти сквозь густой слой ея притираній. Играя своимъ двойнымъ брон-

зовымъ лорнетомъ, она нѣсколько прищурясь, взглянула на Вихляева и сказала:

— Я также васъ видѣла. Вѣдь вы ѣхали во второй коляскѣ? вы сидѣли одни? не правда ли?

— Да. Я въ дорогѣ всегда ѣзжу одинъ. Одному гораздо покойнѣе; но въ коляскѣ и одному какъ-то не совсѣмъ удобно. Я очень сожалѣю, что не взялъ сюда моего дормёза. Ничего не можетъ быть лучше: все подъ рукой, все такъ комфортно. За границей дѣлаютъ экипажи удивительно... я купилъ этотъ дормёзъ въ Лондонѣ и, вообразите, изъѣздилъ въ немъ почти всю Европу и ни одинъ винтикъ не расшатался. Правда, что я заплатилъ за него дорого...

«Очаровательный молодой человѣкъ» — подумала Надежда Кондратьевна, потупляя глаза, и потомъ, взглянувъ на него, спросила съ неописанно-пріятнымъ и вмѣстѣ хитрымъ выраженіемъ:

— А какъ вамъ нравятся здѣшнія мѣста? Вы, я думаю, скучаете по столичной жизни, гдѣ столько развлеченій и удовольствій?

— До сихъ поръ,признаться, мнѣ было скучно, потому что я слишкомъ привыкъ къ дамскому обществу, но теперь, когда мы имѣли удовольствіе познакомиться съ вами... въ сосѣдствѣ вашемъ скучать уже невозможно.

«Милый льстецъ! О, какіе же тонкіе эти свѣтскіе люди! подумала Надежда Кондратьевна.

— Благодарю васъ за комплиментъ, сказала она:—но гдѣжъ намъ, провинціалкамъ, замѣнить для васъ столичныхъ, свѣтскихъ женщинъ?

— Вы меня заставили забыть въ сію минуту, что я въ провинціи.

— Это ужъ слишкомъ! произнесла съ восторгомъ Надежда Кондратьевна. — Пожалуста, не думайте, чтобы мы были такъ легковѣрны, чтобы мы принимали обыкновенныя любезности за что нибудь болѣе серьезное.

— Могу васъ увѣрить, что я говорю очень серьезно...

Между тѣмъ какъ Вихляевъ любезничалъ, Илья Семенычъ подошелъ къ господину съ неуловимыми глазками.

— Не правда ли, сказалъ онъ ему, указывая на На-

дежду Кондратьевну: — во взглядѣ этой дѣвицы есть что-то *сердечно*-трогательное и говорящее воображенію?

— Да, это правда, отвѣчалъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— *Идеально*-изящна!... Мнѣ пріятно, что насъ, такъ сказать, соединяетъ *гармонія* въ воззрѣніяхъ и вкусахъ.

— И должно быть поэтическая дѣвушка?

— *Счастливая* мысль!...

Илья Семенычъ еще пристальнѣе началъ вглядываться въ Надежду Кондратьевну.

— У нея артистическое образованіе лба и, если такъ можно выразиться, *животворность* во всемъ существѣ. Къ такимъ существамъ чувствуется невольно *духовно*-родственное влеченіе...

— Надобно бы съ ней покороче познакомиться, замѣтилъ господинъ съ неуловимыми глазками: — она, право, стоитъ того.

— Я заговорю съ ней.

И съ этимъ словомъ Илья Семенычъ въ два прыжка очутился передъ Надеждой Кондратьевной и Вихляевымъ.

— Я всегда очень любила Покровское, говорила Надежда Кондратьевна Вихляеву: — наши любимыя прогулки всегда были сюда. Въ этихъ рощахъ и садахъ есть что-то поэтическое.

При словѣ: «поэтическое», у Ильи Семеныча забилось сердце.

— Прекрасно и *вѣрно* изволили замѣтить, сударыня, сказалъ онъ, ударяя какъ бы тактъ по своей золотой табакеркѣ: — именно, въ здѣшнихъ мѣстахъ есть это неуловимое *нѣчто*, говорящее артистическому чувству, что-то родное, близкое *восторженной* душѣ, *дѣйствующее* одинаково на всѣхъ людей съ *высокимъ* назначеніемъ...

Въ ту минуту, какъ Илья Семенычъ, къ неудовольствію Вихляева, такъ неожиданно вмѣшался въ разговоръ его съ Надеждой Кондратьевной, господинъ съ неуловивыми глазками взялъ графа за руку и вышелъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату.

— Я тебя поздравляю, Сережа, сказалъ онъ, остановившись: — мы можемъ устроить спектакль удивительный.

Намъ недоставало только женщины—и она нашлась. Этотъ шутъ, помѣшавшійся на поэзіи, начинаетъ уже чувствовать влеченіе къ нарумяненной барышнѣ съ балаболками. Мы устроимъ такъ, чтобы они влюбились другъ въ друга, или чтобъ хоть онъ влюбился въ нее,—все равно. А ужъ лучше барышни для этого шута придумать нельзя! Вихляевъ что-то за ней ухаживаетъ — это то же недурно: она можетъ влюбиться въ него... тутъ будетъ сцена ревности...

— Превосходно! сказалъ графъ, смѣясь и потирая руки отъ удовольствія.

— А знаешь ли, продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками, голосомъ мягкимъ и вкрадчивымъ:—дочь этой помѣщицы, твоя сосѣдка, очень, очень миленькая; я признаюсь, не ожидалъ этого... какія у нея манеры, какъ она мило одѣта...

— Не правда ли? перебилъ графъ:—я тебѣ говорилъ. И она очень неглупа...

— Такое сосѣдство невредно, и я пари держу, что ты ее съ ума сведешь.

Графъ улыбнулся.

— Наша деревенская жизнь начинаетъ становиться забавной, продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками:—ты вывезешь отсюда совершенно новыя впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, любовь провинціяльной барышни — это очень оригинально, тутъ есть что-то заманчивое по новости. Ну, что́, напримѣръ, для тебя любовь актрисы, танцовщицы, лоретки, даже любовь свѣтской женщины? все это такъ старо и скучно...

— А вѣдь это правда, сказалъ графъ задумчиво.

— Тебѣ надо испытать всѣ роды любви и потомъ рѣшить, который всѣхъ скучнѣе.

Послѣ обѣда Александръ Иванычъ настоятельно началъ просить графа, чтобы онъ назначилъ день, когда ему угодно будетъ утѣшить его своимъ посѣщеніемъ; но графъ рѣшительно объявилъ, что онъ самъ дня назначать не будетъ, и что такъ какъ, вѣроятно, всѣ присутствовавшіе тутъ будутъ приглашены Александромъ Иванычемъ, то этотъ вопросъ надобно рѣшить большинствомъ. По рѣ-

щенію большинства назначено было воскресенье, черезъ восемь дней.

— И прекрасно! сказалъ Александръ Иванычъ Вѣрѣ Ивановнѣ, когда графъ повелъ Катю смотрѣть назначаемую для нея лошадь и за ними отправились всѣ: — вы посмотрите, какое угощеніе я дамъ графу! Въ недѣлю приготовиться можно. У меня много затѣй въ головѣ... ну, конечно, это будетъ стоить дороговато, да ужъ для такого гостя я не пожалѣю ничего, и не потому, что онъ графъ: съ князьями и графами я таки, слава Богу, много обращался на своемъ вѣку,—но его я буду чествовать не за его аристократическое титло, а за то, что онъ...

(И Александръ Иванычъ закрылъ глазки).

... человѣкъ!

Разговоръ Александра Иваныча съ Вѣрой Ивановной былъ прерванъ графомъ, который предложилъ имъ, если угодно, проѣхаться по парку. Старушка все кланялась графу и повторяла:

— Какъ будетъ угодно вашему сіятельству.

— *C'est bien imaginé*, сказалъ Александръ Иванычъ:— надо показать Катеринѣ Павловнѣ *Belle-Vue:* видъ оттуда съ горы великолѣпный. Что̀, вы еще на *Belle-Vue*-то, кажется не были, Илья Семенычъ? а для васъ, какъ для поэта, тамъ надо побывать... Вы любите живописныя мѣстоположенія, а живописнѣе ужъ этого мѣста въ своемъ родѣ нѣтъ нигдѣ, ни въ Швейцаріи, ни въ Италіи, — я вамъ за это отвѣчаю...

— Я страстно люблю горы, возразилъ Илья Семенычъ;—это *побѣги праха въ небеса*, какъ *счастливо* выразился поэтъ. На гористомъ мѣстѣ ощущаешь себя *вдохновенные*, мысли рвутся и *улетучиваются*, весь, такъ сказать, превращаешься въ *гимнъ*. У меня есть восьмистишіе къ горамъ. Если позволите, messieurs et mesdames, я вамъ прочту его.

И онъ, обращаясь по преимуществу къ Надеждѣ Кондратьевнѣ, началъ декламировать:

Хочу я пѣть въ своихъ стихахъ
То, какъ на *удивленье* ока,
Изъ нѣдръ земли возставшій прахъ
Вознесъ главу свою—*высоко!*

Какъ возвышаете вы насъ,
Въ *прямомъ* и *косвенномъ* значеньи.
О, горы! Гдѣ же вдохновенье
Родилось? *на горѣ Парнасъ!*

— Отъ этого сударыня, продолжалъ онъ, обращаясь къ Надеждѣ Кондратьевнѣ:—и чувствуешь на возвышенныхъ мѣстахъ *особенное* поэтическое настроеніе...

— *Ce monsieur est insupportable!* прошепталъ Вихляевъ Надеждѣ Кондратьевнѣ, которая нѣжно и утвердительно кивнула ему головкой на это замѣчаніе.

— Что́ же? готовы ли экипажи? спросилъ графъ у своего камердинера.

— Сію минуту поданы, ваше сіятельство.

Большая линейка, англійскій кабріолетъ графа и верховая лошадь ожидали уже гостей у подъѣзда. Выйдя на крыльцо, они съ минуту остановились въ неудоумѣніи, какъ кому разсѣстся.

— Вы, графъ, произнесъ Александръ Иванычъ:—садитесь въ кабріолетъ, вотъ хоть, напримѣръ, съ Катериной Павловной... Ей будетъ пріятно прокатиться въ кабріолетѣ: это будетъ для нея новость... Ну, а мы усядемся на линейкѣ.

— Чтожъ, прекрасно, если такъ вамъ угодно.

Графъ обратился къ Катѣ.

Между тѣмъ гости начали уже усаживаться на линейку. Возлѣ Надежды Кондратьевны съ одной стороны сѣлъ Вихляевъ, а съ другой — Илья Семенычъ, а возлѣ Вѣры Ивановны—господинъ съ неуловимыми глазками и Александръ Иванычъ. Все это сдѣлалось такъ быстро, что графъ какъ будто случайно остался съ Катей.

— Поѣзжай впередъ къ Бель-Вю, закричалъ графъ кучеру.

Линейка двинулась. Грумъ вскочилъ на лошадь...

— Покойно ли вамъ? спросилъ графъ у Кати, трогая лошадь.

— Мнѣ хорошо, графъ, отвѣчала она.

Кабріолетъ графа слѣдовалъ сначала близко за линейкой, но черезъ нѣсколько минутъ графъ сдержалъ лошадь и сказалъ Катѣ:

— Мы немножко отстанемъ, потому что линейка очень пылитъ.

У подножія *Belle-Vue* графъ остановился, выскочилъ изъ кабріолета, предложилъ руку Катѣ и началъ взбираться съ нею по крутой тропинкѣ въ гору.

— Когда же начнутся уроки въ верховой ѣздѣ? сказалъ графъ.

— Черезъ недѣлю непремѣнно.

— Отчего не прежде?

— Потому что у меня не готова еще амазонка, графъ, отвѣчала простодушно Катя.

— Только поэтому, а не потому, что вы немножко боитесь и оттого все откладываете?

— Я совсѣмъ не такъ труслива, какъ вы полагаете... вотъ вы увидите. Если бы я и въ самомъ дѣлѣ боялась, то, разъ рѣшившись, я бы съумѣла пересилить въ себѣ боязнь. У меня бы достало на это характера.

— Въ самомъ дѣлѣ? такъ у васъ такой сильный характеръ?

— Я не знаю; но на такой подвигъ, мнѣ кажется, я была бы способна—отвѣчала Катя, улыбаясь.

Графъ остановился на небольшой площадкѣ, чтобы отдохнуть.

— Какой крутой всходъ. Вы устали? сказалъ графъ.

— Нисколько. Это вамъ трудно, потому что вы, я думаю, рѣдко ходите, а я съ дѣтства привыкла много ходить и взбиралась еще и не на такія горы.

Графъ улыбнулся и подумалъ:

«Право, она очень мила!»

— А вотъ и наши! вскрикнула Катя, услышавъ голоса наверху.

И скоро графъ съ Катей присоединились къ остальному обществу.

Гора, носившая названіе *Belle-Vue*, была въ четырехъ верстахъ отъ покровскаго дома, на извилистомъ берегу Верейки. Берегъ въ этомъ мѣстѣ былъ очень возвышенный, образовавшій на вершинѣ своей площадку, на которой былъ выстроенъ каменный павильонъ въ два этажа и съ бельведеромъ. Одинъ изъ владѣтелей покровскихъ,

какъ говорило устное преданіе, часто уединялся сюда, чтобы свободнѣе созерцать

Тайны прелести красотъ,
Гдѣ самъ пламенный Эротъ
Оттѣнилъ рукой своею
Розой дѣвственну лилею...

Въ этомъ павильонѣ, онъ, колѣнопреклоненный передъ какой нибудь Деліей или Хлоей, восторженно восклицалъ:

И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ тобой!
Тотъ кровъ соломенный чту крышей золотой,
Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Стократъ благословенъ!..

Теперь павильонъ этотъ представлялъ печальную картину полу-разрушенія. Окна его были заколочены досками; въ широкихъ промежуткахъ искривившихся плитъ, служившихъ нѣкогда ступеньками главнаго входа, росла густая трава; деревянная крыша во многихъ мѣстахъ провалилась и около этихъ проваловъ зеленѣли отросли рябины и березы. Задняя часть павильона была окружена лѣсомъ старыхъ дубовъ и вязовъ, величаво разросшихся на вершинахъ и на скатахъ холмовъ, образовавшихъ глубокіе овраги. Противъ павильона къ рѣкѣ сдѣлана была просѣка. Крутой берегъ *Belle-Vue* въ полу-верстѣ разстоянія отъ рѣчки, которая весною разливалась до этого берега, спускался сначала уступами, поросшими блѣдной травой, наростами въ видѣ свѣтло-зеленыхъ артишокъ и кустами орѣшника, а внизу вдругъ обрывался, обнаруживая корни тощей сосны и песчаный грунтъ.

Гора эта очень справедливо носила названіе *Belle-Vue*. Видъ съ нея въ самомъ дѣлѣ былъ необыкновенно живописный. Катя, чуткая къ впечатлѣніямъ природы, едва не вскрикнула отъ восторга, когда передъ нею открылись: рѣчка, отражавшая на своей гладкой какъ стекло поверхности ярко розовые, пурпуровые и огненные цвѣта горячаго заката; поемные луга, безконечно тянувшіеся за этою гладью позлащенной воды, — сливавшіеся вдали съ горизонтомъ и покрытые густою, высокою и тучною травою;

причудливо изгибавшіеся и крутые берега съ песчаными обрывами книзу, прерывавшіеся на своемъ протяженіи глубокими оврагами, мѣстами поросшіе высокимъ и темнымъ дубовымъ лѣсомъ, сквозь который въ эту минуту пылало зарево заката, а мѣстами обнаженные и желтѣвшіе рожью, только что начинавшею колоситься... Картина эта была оживлена пестрымъ стадомъ коровъ, спускавшихся къ водопою, и среди ничѣмъ не возмущаемаго, торжественнаго и успокоительнаго молчанія вечера раздавалась протяжная пѣсня пастуха, изрѣдка прерываемая громкимъ хлопаньемъ его бича, которому вторило эхо.

— Какъ такой вечеръ располагаетъ къ возвышеннымъ мечтамъ... не правда ли? говорила Надежда Кондратьевна, стоявшая на самомъ краю берега, устремляя значительный взглядъ на Вихляева, который безсмысленно смотрѣлъ на закатъ солнца въ свое стеклышко.

— О, это правда, отвѣчалъ лаконически Вихляевъ.

— Я вполнѣ сочувствую вамъ, сударыня, сказалъ Илья Семенычъ, стоявшій сзади: — вы превосходно выразились: именно къ *возвышеннымъ мечтамъ*. Природа, такъ сказать, въ *соприкосновеніи* съ внутреннимъ чувствомъ человѣка порождаетъ въ душѣ его *высокія* ощущенія. Вы, можетъ быть, помните это *идеально-мѣткое* описаніе вечера въ одной изъ нашихъ *лучшихъ* старинныхъ повѣстей.

И Илья Семенычъ началъ декламировать:

«Тихій и *прохладный* вечеръ заступалъ уже мѣсто палящаго дня, когда Усладъ, *молодой пѣвецъ*, приближался къ берегамъ Москвы-рѣки, на которой провелъ онъ дни своей *цвѣтущей* юности. Гладкая поверхность водъ, тихо *лобзаемая* легкимъ вѣтеркомъ, и проч.»

— Какой слогъ, продолжалъ онъ, продекламировавъ наизусть двѣ первыя страницы изъ «Марьиной Рощи:» — *жемчугомъ*, такъ сказать, нанизано! Современные наши писатели — *я не могу* это пропустить молчаніемъ — небрегутъ своимъ слогомъ. Такой *музыки* въ слогѣ у нихъ нельзя встрѣтить.

Надежда Кондратьевна пристально посмотрѣла на Илью Семеныча и иронически замѣтила:

— О, вы совершенно справедливы!

Но добрый Илья Семенычъ, все принимавшій всегда въ буквальномъ смыслѣ, бросилъ на Надежду Кондратьевну признательный взглядъ и сказалъ ей съ чувствомъ:

— Позвольте поцѣловать вашу ручку. Все высокое находитъ *отголосокъ* въ вашемъ сердцѣ.

И онъ съ энтузіазмомъ и крѣпко прижался своими губами къ ея костлявой рукѣ.

— Въ васъ слишкомъ много поэзіи, сказала Надежда Кондратьевна съ тончайшей улыбкой: — для нашего сухого и положительнаго вѣка. Вы рождены быть трубадуромъ.

— Вы поняли меня, воскликнулъ Илья Семенычъ:— поняли, какъ можетъ быть никто! *Любовь*, *поэзія*, *фантазія*—это мои *стихіи*. *Любить* и *пѣть*—мое истинное назначеніе. Что можетъ быть упоительнѣе, напримѣръ, въ этотъ часъ вечера, упиваясь взоромъ любимаго существа, когда всѣ *фибры*, такъ сказать, настроены подъ *поэтическій камертонъ*, сидѣть у ногъ любимой женщины...

— О, вы мастерски проникаете въ сердце человѣческое, сказалъ Илья Семенычъ, черезъ минуту послѣ этого, господину съ неуловимыми глазками, взявъ его за руку и отведя въ сторону:—вы *угадали* эту дѣвушку: точно, это *необыкновенно* замѣчательная дѣвушка. И знаете, какъ она меня назвала? *трубадуромъ*. *Удачное* и вѣрное названіе! Именно: родись я въ средніе вѣка, въ эти вѣка *самоотверженія и энтузіазма*, и я бы ничѣмъ другимъ не могъ быть, какъ трубадуромъ!

Полюбовавшись видомъ съ *Belle-Vue*, все общество отправилось назадъ къ экипажамъ.

Катя и графъ спускались послѣдніе по тропинкѣ.

— Это первый пріятный вечеръ, который провелъ я здѣсь въ деревнѣ, сказалъ ей графъ, пристально посмотрѣвъ на нее.

У Кати забилось сердце.

— Послушайте, продолжалъ графъ:—мы, какъ сосѣди, должны быть дружны и видаться чаще... Не правда ли?

Катя улыбнулась.

— Мы еще очень мало знаемъ другъ-друга, отвѣчала она:—а дружба можетъ существовать, мнѣ кажется, только

между людьми близкими, однихъ понятій, однихъ взглядовъ.

— Это правда, перебилъ графъ, все также пристально продолжая смотрѣть на нее.—Но вы по крайней мѣрѣ не отвергнете моей дружбы, когда ближе узнаете меня.

— Можетъ быть, сказала смѣясь Катя.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ графъ, пожавъ ея руку.

Вся кровь при этомъ пожатіи бросилась въ голову Кати; она, однако, усиливаясь скрыть свое волненіе, тѣмъ же шутливымъ, но все-таки нѣсколько дрожащимъ голосомъ сказала:

— Но для чего вамъ моя дружба?

Въ эту минуту они сошли съ горы, Вѣра Ивановна закричала: «Катя, Катя!» Катя подбѣжала къ ней и вопросъ этотъ остался безъ отвѣта.

— Ты бы надѣла что нибудь сверху. Къ вечеру-то теперь становится сыро, другъ мой, сказала ей Вѣра Ивановна:—да не лучше ли тебѣ сѣсть съ нами въ линейку.

Но графъ подошелъ къ нимъ въ эту минуту и подалъ руку Катѣ.

Катя взглянула на мать, Вѣра Ивановна не произнесла ни слова, и Катя отправилась съ графомъ къ кабріолету.

Послѣ чаю начались сборы.

Катя уже стояла въ шляпкѣ, совсѣмъ готовая къ отъѣзду, у окна и смотрѣла въ садъ. Окно было отворено. Садъ дремалъ въ сумракѣ теплой и росистой ночи, весь благоухающій дикимъ жасминомъ.

— До завтра, сказалъ въ полголоса графъ, подходя къ Катѣ.

Катя вздрогнула и съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Завтра, продолжалъ графъ:—вы мнѣ позволите быть у васъ, чтобы поблагодарить васъ за честь, которую вы мнѣ сдѣлали своимъ посѣщеніемъ.

Колымага Вѣры Ивановны и тарантасъ Александра Иваныча ожидали ихъ у подъѣзда.

— И такъ, ваше сіятельство, произнесъ Александръ Иванычъ, подходя къ графу:—въ воскресенье я имѣю честь видѣть васъ у своего домашняго очага.

Затѣмъ начались прощанія. Графъ проводилъ дамъ до

крыльца и, пожимая руку Кати, еще разъ сказалъ ей въ полголоса:

— До завтра.

Надежда Кондратьевна на крыльцѣ бросила на Вихляева взглядъ вмѣстѣ нѣжный и убійственный и очень ласково кивнула головкой Ильѣ Семенычу.

— Я высоко цѣню, сказалъ ей Илья Семенычъ, расшаркиваясь:—знакомство съ вами, сударыня. Если вѣрить, такъ сказать, *магнетическому* сродству *возвышенныхъ* душъ, то смѣю надѣяться на продолженіе вашего *благосклоннаго* ко мнѣ вниманія...

ГЛАВА IV.

На другой день графъ провелъ болѣе часа въ Березовкѣ. Онъ началъ посылать Катѣ почти каждый день букеты изъ своихъ оранжерей. Катя всякій разъ ожидала посланника графа съ замираніемъ сердца, а между тѣмъ письмо графа къ Вѣрѣ Ивановнѣ носила на груди и была бы въ отчаяніи, если бы это письмо, писанное его рукою, вдругъ какимъ нибудь образомъ пропало.

Катя не объясняла себѣ всѣхъ этихъ странныхъ явленій. Она какъ будто боялась самое себя и не доискивалась причины, почему сонъ ея сдѣлался съ нѣкотораго времени тревоженъ, почему она часто, принимаясь за книгу, должна была бросать ее...

Вообще, она охладѣла къ чтенію, зато почувствовала большое влеченіе къ стихамъ и часто въ полголоса и на распѣвъ произносила съ особеннымъ чувствомъ такого рода стихи:

. . . . . .
. . . . Oh! l'amour, c'est la vie!
C'est tout ce qu'on regrette et tout ce qu'on envie...

Она почти совсѣмъ перестала гулять съ Надеждой Кондратьевной и все больше ходила одна, мечтая о чемъ-

то очень неопредѣленномъ и туманномъ; она долго за полночь сидѣла у окна своей спальни, смотря на синее небо, усыпанное звѣздами и повторяя пѣвучимъ голосомъ:

Du mal qu'un amour ignorée
Nous fait souffrir,
J'en porte l'ame déchirée
Jusqu'à mourir.

Отъ Альфреда де-Мюссе она переходила къ Пушкину и твердила:

. . . . . унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце *такъ* горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

По утрамъ она занималась, впрочемъ, очень прилежно шитьемъ своей амазонки и приготовленіемъ платья къ празднику Александра Иваныча. Этого праздника она ожидала съ большимъ нетерпѣніемъ.

Въ день праздника, рано утромъ графъ прислалъ ей два бальныхъ букета изъ бѣлыхъ и китайскихъ розъ. Въ это утро Катя была необыкновенно весела и счастлива. и Вѣра Ивановна не могла нарадоваться, глядя на нее.

«Слава тебѣ Господи—думала она—что для нея есть теперь хоть маленькое развлеченіе... Она у меня стала теперь какъ будто совсѣмъ другая, оживилась моя голубушка...»

Но я долженъ возвратиться немного назадъ и представить читателю Александра Иваныча въ нѣдрахъ его семейной жизни, озабоченнаго и занятаго приготовленіями для пріема графа.

Александръ Иванычъ возвратился домой ночью и легъ въ своемъ кабинетѣ, который уже нѣсколько лѣтъ постоянно служилъ ему вмѣстѣ и спальнею.

Онъ долго не могъ заснуть, потому что разныя затѣи и сюрпризы для будущаго воскресенья не давали ему покоя. На осуществленіе всѣхъ этихъ затѣй и сюрпризовъ требовалось довольно значительное для него количество наличныхъ денегъ... но это обстоятельство не охлаждало

смѣлыхъ порывовъ его фантазіи. Если бы какими нибудь судьбами у Александра Иваныча очутился въ эту минуту подъ рукою капиталъ, онъ, ни мало не задумавшись, ухнулъ бы весь этотъ капиталъ и задалъ бы неслыханный праздникъ, единственно для того, чтобы заставить говорить о себѣ, чтобы озадачить всю губернію и пустить пыль въ глаза самому графу. И какъ счастливъ былъ бы тогда Александръ Иванычъ! Какъ величаво прохаживался бы онъ среди своихъ сюрпризовъ, радуясь изумленью своихъ гостей! Какъ торжественно щурилъ бы онъ свои маленькіе глазки, думая про себя: «знай нашихъ!» Какое краснорѣчіе лилось бы изъ медоточивыхъ устъ его! и въ эти минуты раздраженнаго и упоеннаго самолюбія, въ эти блаженныя минуты, ему бы и въ голову не могло прійдти, что на другой день своего торжества онъ останется безъ копейки, что сына надобно отправлять въ Петербургъ на службу, что мельница требуетъ поправокъ, что наступилъ срокъ платежа процентовъ въ опекунскій совѣтъ, — словомъ, вся эта жалкая проза жизни!

Хотя Александръ Иванычъ никогда не писалъ стиховъ, но онъ былъ, можетъ статься, болѣе поэтъ, чѣмъ его угреватый сынъ, или даже Илья Семенычъ. Кабинетъ Александра Иваныча уставленъ былъ различными рѣдкостями: полу-разбитыми фарфоровыми вазами, картинами, глиняными кувшинами, старинными подсвѣчниками, тростями, трубками, заржавленнымъ оружіемъ, и, обозрѣвая всѣ эти вещи, эффектно расположенныя на стѣнахъ, шкафахъ и этажеркахъ, онъ уже мысленно обращалъ вниманіе своихъ петербургскихъ гостей на всѣ эти рѣдкости и говорилъ имъ:

— Вотъ эта трость, графъ, вещь необыкновенно цѣнная. Она принадлежала бабушкѣ Кромвеля, и этою-то самою тростью она однажды въ дѣтствѣ поколотила его, ибо онъ съ самаго дѣтства уже обнаруживалъ необычайную строптивость характера,—и затѣмъ въ доказательство подлинности этой трости импровизировался разсказъ о томъ, какъ разъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, Александръ Иванычъ, прогуливаясь по берегу Темзы, встрѣтилъ человѣка, продававшаго эту палку, какъ онъ купилъ ее слу-

чайно, за безцѣнокъ, какъ потомъ открылась исторія этой знаменитой трости и какую неслыханную цѣну предлагалъ ему за нее его другъ, лордъ Стенлей (Джоржъ), и какъ онъ объявилъ лорду, что если бы онъ давалъ ему за нее сто-тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то и въ такомъ бы случаѣ онъ не разстался бы съ нею.

— Ну, а что вы думаете, ваше сіятельство, объ этой головкѣ? Вещичка, я вамъ скажу, недурная, настоящій, не подверженный ни малѣйшему сомнѣнію Гвидо — Рени! Это уже рѣшили всѣ первые знатоки въ Петербургѣ, которымъ показывалъ я эту картину. Я пріобрѣлъ ее также случайно. Иду разъ въ Петербургѣ по Садовой, около Толкучаго рынка, на встрѣчу мнѣ попадается какой-то оборванный человѣкъ и несетъ эту картину.—«Не хотите ли—говоритъ онъ мнѣ, поровнявшись со мною—купить?»—Покажи, братецъ. Смотрю—темно, ничего почти разобрать нельзя, вижу только, что стиль перваго мастера, необыкновенная грація въ позѣ, детали превосходныя.—«Что-жъ ты за нее хочешь взять, голубчикъ?—Двадцать рублей—говоритъ.—«Дорого, хочешь десять». Онъ мнѣ тотчасъ же и отдалъ. Привожу домой, пообчистилъ немного, да потомъ прямо съ нею въ академію. Тамъ всѣ такъ и ахнули... «Откуда—спрашиваютъ—вы взяли этакое сокровище?»—Это ужъ мое дѣло,—а ваше рѣшить, что̀ это такое и стоющая ли эта вещь?...—«Еще такого—всѣ въ одинъ голосъ говорятъ—Гвидо-Рени мы и не видали: это его *chef-d'oeuvre!*»... Въ самомъ дѣлѣ, взгляните, что это за прелесть. Кто же могъ написать это кромѣ того, про котораго итальянцы говорятъ, что у него грація и красота на концѣ пальцевъ—*au bout des doigts?*

— Вотъ эта трубка, изъ которой курилъ Понятовскій... и прочее, и прочее.

И какъ жемчугъ нанизывалъ свои фантазіи Александръ Иванычъ на длинную нить своего будущаго разсказа.

Онъ заранѣе составлялъ *меню* обѣда и ужина, въ размѣрахъ гомерическихъ. «Угощать—такъ угощать, думалъ онъ:—я не люблю ничего дѣлать въ половину; а хлопотъ будетъ довольно... Надо будетъ съ завтрашняго же дня приступить къ чисткѣ сада; пора-то, правда, рабочая, ну,

да ужъ куда ни шло. Вѣдь такіе случаи бываютъ рѣдко. Паркъ-то совсѣмъ заглохъ, и слѣда дорогъ не видать... Это досадно!» И Александръ Иванычъ глубоко вздохнулъ... «Службы надо непремѣнно покрасить, чтобы первое впечатлѣніе при въѣздѣ было благопріятное»...

И еще долго такимъ образомъ размышлялъ Александръ Иванычъ въ тишинѣ ночи.

— Все это будетъ стоить дороговато; да что̀ же дѣлать! Придется занимать у этого скряги Проскочина подъ залогъ будущаго хлѣба... И хоть бы проценты-то бралъ человѣческіе, а то... еще сосѣдъ! Грубѣйшее созданіе! вѣдь спитъ на деньгахъ, а спрашивается, для чего онѣ ему? Имѣетъ ли онъ хотя малѣйшее понятіе о томъ, что̀ такое жизнь? Живетъ въ неоштукатуренныхъ стѣнахъ, съ тараканами, въ засаленномъ халатѣ, ѣстъ такое, что при одной мысли тошнитъ.

Александръ Иванычъ плюнулъ.

— А придется ему кланяться, дѣлать нечего, да еще звать къ себѣ этакого грязнаго батрака! Поди же, ты толкуй ему, что деньги—не цѣль, а *средство*...

Несмотря на то, что Александръ Иванычъ заснулъ поздно, онъ проснулся гораздо прежде своей Алены Ѳедоровны, которая для *тону* никогда не вставала прежде десяти часовъ, а такъ маялась на постели, хоть ей вовсе спать не хотѣлось. Пройдясь по разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ: по столярнымъ, по ткацкимъ и другимъ, и осмотрѣвъ все съ видомъ глубочайшаго знатока и хозяина, побывавъ въ оранжереѣ, въ которой находилось между прочимъ два небольшихъ померанцовыхъ деревца, и полюбовавшись своими георгинами, Александръ Иванычъ возвратился ровно къ десяти часамъ, то-есть, прямо къ выходу Алены Ѳедоровны, которая обыкновенно сама разливала чай.

Алена Ѳедоровна сидѣла уже за чайнымъ столомъ.

Александръ Иванычъ подошелъ къ ручкѣ супруги и потомъ, потирая свои руки и потряхивая головкой, спросилъ у нея о здоровьѣ.

— Слава Богу, отвѣчала Алена Ѳедоровна, съ той милой афектаціей и жеманностію, которая во время оно

была неизбѣжною принадлежностію актрисъ, разъигрывающихъ роли герцогинь и княгинь въ высокой комедіи, едва открывая свой ротъ и какъ-то совсѣмъ сжимая губы:—меня по прежнему только безпокоитъ мигрень... Ну, а что же графъ? я надѣюсь, вы приглашали его? *Il a fixé le jour?*

— Графъ будетъ къ намъ въ воскресенье, произнесъ Александръ Иванычъ свѣтлымъ и звонкимъ голосомъ, загнувъ нѣсколько назадъ головку, съ чувствомъ достоинства и съ пріятнѣйшею улыбкою посмотрѣвъ на супругу.—Еще до полученія отъ тебя письма, графъ объявилъ мнѣ, что онъ очень желалъ бы побывать у меня и быть тебѣ представленнымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ воскресенье, разумѣется, черезъ недѣлю? продолжала она.—Я надѣюсь (на словѣ надѣюсь Алена Ѳедоровна сдѣлала значительное удареніе), что все будетъ устроено, какъ слѣдуетъ по барски для пріема такого гостя. Вѣдь это не то, что ваши Ушицыны, Проскочины, Зарубаевы и тому подобные... Это—*графъ*, человѣкъ деликатный, самаго высокаго тона... Надобно, чтобы ничто его не шокировало. Вы понимаете?

— Знаю, матушка, знаю, отвѣчалъ Александръ Иванычъ:—*soyez tranquille*, все будетъ устроено блистательно, на славу, я удивлю всю...

— Тутъ нужно, Александръ Иванычъ, дѣло, а не слова, прервала его Алена Ѳедоровна.—На словахъ-то, я васъ знаю, вы все дѣлаете блистательно. На словахъ-то вы должны бы были имѣть теперь тысячъ до пяти душъ, а на самомъ дѣлѣ вы только прожили и разстроили все имѣніе.

Александръ Иванычъ какъ-то весь непріятно съежился при этихъ словахъ и нетвердо произнесъ, да и то сквозь зубы:

— То есть *мы* прожили...

— *Вы*, а не *мы*, твердо произнесла Алена Ѳедоровна:—потому что *я* никогда не жила такъ, какъ бы слѣдовало, на барскую ногу, не пользовалась никакими удовольствіями. Вы завезли меня почти ребенкомъ сюда въ глушь, и я только мелькомъ, какъ сквозь сонъ видѣла столичныя

развлеченія... Вы никогда не заботились о томъ, чтобы доставить мнѣ хотя малѣйшее удовольствіе, все возились съ вашими проектами, съ какими-то фабриками, растратили состояніе, обманывали меня на каждомъ шагу, хвастали, волочились за всѣми...

Александръ Иванычъ съ поникшей головой и съ опущенными руками стоялъ у окна, боясь даже взглянуть въ ту сторону, откуда раздавались на этотъ разъ звуки голоса его супруги. Въ эту минуту его нельзя было узнать. Казалось, онъ постарѣлъ двадцатью годами и изъ бодраго и свѣжаго старичка какимъ-то чудомъ превратился вдругъ въ развалину.

Алена Ѳедоровна смолкла, однако, къ его совершенному счастію и удивленію, потому что, когда она заводила рѣчь о ихъ супружескихъ отношеніяхъ (что случалось очень часто), то эта рѣчь, возвышаясь обыкновенно *crescendo*, разражалась страшными громами и бурей надъ его обнаженной и беззащитной головой... Смягченная въ эти минуты мыслію о графѣ, она затаила свою внутреннюю бурю, начинавшую уже закипать, до перваго удобнаго случая; живописно привстала со стула, сняла чайникъ съ самовара, налила чашку чаю и сказала Александру Иванычу:

— Вотъ вашъ чай.

Александръ Иванычъ подошелъ къ столу такъ тихо и осторожно, какъ будто въ комнатѣ былъ больной, котораго онъ боялся обезпокоить, молча сѣлъ къ столу и занялся чаемъ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ царствовало молчаніе, по временамъ прерываемое только звукомъ ложечекъ о чашки.

— Надо будетъ разослать приглашенія, сказала наконецъ Алена Ѳедоровна:—нанять музыку, вамъ сегодня же надо ѣхать въ городъ, непремѣнно... Много ли осталось времени? одна недѣля... Да закажите людямъ ливрейные фраки: вѣдь нельзя же имъ будетъ служить за столомъ, подавать графу кушанье въ длиннополыхъ сюртукахъ изъ домашняго сукна!.. Гербовыя пуговицы можно спороть съ старыхъ ливрей, вычистить ихъ и нашить на новое платье.

Боюсь я только, поспѣетъ ли все это; а ливрейные фраки необходимы. Когда вы поѣдете, я вамъ дамъ списокъ, что̀ нужно купить...

— Все будетъ исполнено, другъ мой, будь покойна, мы не уронимъ себя лицомъ въ грязь, положись на меня.

— А есть ли у васъ деньги? спросила Алена Ѳедоровна.

Этотъ вопросъ кольнулъ въ самое сердце Александра Иваныча; однако, онъ старался пріободриться и отвѣчалъ довольно твердымъ голосомъ:

— Денегъ у меня хватитъ на все.

— То-то же, смотрите, вѣдь расходы будутъ немаловажные... Ну, разскажите, что̀ вы дѣлали въ Покровскомъ? что̀ графъ?...

Александръ Иванычъ, получившій позволеніе разсказывать, ожилъ, выпрямился и снова помолодѣлъ двадцатью годами; глазки его загорѣлись, и онъ залился какъ соловей.

Когда онъ дошелъ до того, что графъ ѣздилъ съ нимъ къ Вѣрѣ Ивановнѣ, и что Катя, Вѣра Ивановна и Надежда Кондратьевна провели цѣлый день въ Покровскомъ, Алена Ѳедоровна измѣнилась въ лицѣ:

— Вотъ какъ! произнесла она протяжно: — я думаю, такой чести Вѣрѣ Ивановнѣ и во снѣ не могло присниться. А, кстати, вы ее пригласили?

— Натурально, возразилъ Александръ Иванычъ: — я пригласилъ еще, между прочимъ, Сычова, который гоститъ теперь у графа и забавляетъ его...

— А! Алена Ѳедоровна одобрительно кивнула головой. — Такъ графъ ужъ былъ въ Березовкѣ, продолжала она съ нѣкоторымъ волненіемъ: — вѣжливый сосѣдъ, нечего сказать!... Ну, а когда они были въ Покровскомъ, чтожъ они дѣлали тамъ какъ проводили время?...

Голосъ у Алены Ѳедоровны почему-то немного дрожалъ.

Александръ Иванычъ разсказалъ обо всемъ подробно, какъ они были на *Belle-Vue* и, разумѣется, сообщилъ о томъ, что графъ съ Катей ѣздилъ въ кабріолетѣ.

— Каково!... Катя-то! Кто бы это могъ подумать, съ графами въ кабріолетахъ катается! Я нахожу, впрочемъ, что это неприлично.

Александръ Иванычъ не смѣлъ возражать, боясь подать поводъ къ бурѣ.

— Что-жъ? и графъ къ ней внимателенъ?

— Кажется.

— Алена Ѳедоровна улыбнулась съ ироніей и еще разъ повторила:

— Нѣтъ, это нейдетъ, это нехорошо! Да гдѣ же Василій Александрычъ?... Петрушка! — И Алена Ѳедоровна обратилась къ казачку, который съ вытаращенными глазами стоялъ неподвижно, прислонившись къ двери:—скажи Василью Александрычу, что маменька-молъ ждетъ ихъ чай кушать... слышишь?

Казачокъ вздрогнулъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Угреватый поэтъ съ заспанными глазами черезъ минуту явился передъ родителями. Онъ подошелъ сначала къ маменькиной ручкѣ и потомъ уже обратился къ папенькѣ.

— А! здравствуй, Василій!—и Александръ Иванычъ поцаловалъ его:—ну, что̀ подѣлываешь? какъ поживаешь? Ты, братъ, кажется, сейчасъ съ постели только поднялся?

— Да потому, что я поздно легъ, отвѣчалъ поэтъ:— я долго писалъ вчера.

— Дѣло, дѣло... Написалъ что нибудь хорошенькое?

— Нѣтъ... такъ... Я слышалъ, какъ вы вчера пріѣхали... Петрушка, подай трубку.

Петрушка закурилъ трубку въ передней и подалъ ее молодому барину.

— Какъ ты дымишь, это ужасъ! замѣтила Алена Ѳедоровна, поморщась:—что за охота курить эти несносныя трубки? Нынче никто не куритъ трубки...

— Я человѣкъ не свѣтскій, маменька...

— Да это очень дурно, мой милый; тутъ нечѣмъ хвастать. Порядочный молодой человѣкъ долженъ быть свѣтскимъ... Вѣдь не вѣкъ же ты будешь сидѣть здѣсь въ деревнѣ и сочинять... Это хорошо такъ, шутя; неужто-жъ ты въ самомъ дѣлѣ хочешь сдѣлаться сочинителемъ? Прекрасная карьера!

Угреватый поэтъ затянулся, выпустилъ изо-рту тучу дыма и сказалъ:

— Всякій человѣкъ рожденъ съ какимъ нибудь призваніемъ... Одинъ созданъ для внѣшней жизни, для того, чтобы натирать паркеты, другому дана въ удѣлъ высшая, внутренняя жизнь...

Слова эти возбудили величайшій гнѣвъ со стороны Алены Ѳедоровны—она приняла ихъ за грубость и бросила молніеносный взглядъ на Александра Иваныча.

— Это вы все потворствуете, закричала она:—глупостямъ и бреднямъ вашего сына, вы поощряете его нелѣпые планы, наконецъ я потеряла всякое терпѣніе, я...

И затѣмъ разразилась буря, страшная буря, которую вмѣсто того, чтобы укротить и отвлечь своимъ вмѣшательствомъ, Александръ Иванычъ только усилилъ и ускорилъ еще болѣе.

Черезъ часъ, однако буря стихла. Александръ Иванычъ, объяснившись съ супругой, уѣхалъ, а угреватый поэтъ цѣлый день не показывался на глаза маменькѣ и сочинялъ новые стихи такого содержанія:

Нѣтъ, я не измѣню высокому призванью,
Останусь вѣренъ я возвышеннымъ мечтамъ,
Всѣмъ существомъ отдамся я страданью,
Всю жизнь свою поэзіи отдамъ; и прочее.

И между тѣмъ какъ сынъ направлялъ свой путь къ высокой цѣли, отецъ направлялъ путь къ Проскочину съ цѣлію занять у него деньги для своего праздника въ честь графа. Деньги были заняты на самыхъ обременительныхъ условіяхъ, и Александръ Иванычъ съ полнымъ бумажникомъ, веселый и счастливый, будто пріобрѣтшій неожиданное наслѣдство, позабывъ совершенно домашнія бури и предаваясь своимъ необузданнымъ и раззорительнымъ фантазіямъ, отправился въ городъ для закупокъ и заказовъ.

ГЛАВА V.

— Это они!

— Нѣтъ, не они.

— Могу тебя увѣрить, *Hélène*, что они. Видишь ли, что-то блеснуло: это галунъ на фуражкѣ графскаго лакея...

— Какой вздоръ вы говорите!... Ну есть ли какая нибудь возможность, я васъ спрашиваю, такъ издалека замѣтить какой-то галунъ на фуражкѣ? Еще нельзя даже различить, что́ за экипажъ... Вѣдь ужъ скоро три часа... Что̀, если графъ почему нибудь не будетъ?

И при этой мысли у Алены Ѳедоровны потемнѣло въ глазахъ.

— Этого быть не можетъ.

— Да почему же не можетъ? Ну а какъ онъ вдругъ захвораетъ.

— Невѣроятно.

— Отчего-жъ невѣроятно? Вы вотъ только спорите. У васъ самая непріятная манера — вѣчно противорѣчить, — это признакъ самаго дурного тона, замѣтьте пожалуйста. Развѣ графъ не можетъ захворать? Вѣдь онъ хотя и графъ, а все такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы.

— Да отчего-жъ ему вдругъ захворать?

— Да оттого, что захвораетъ — простудится... мало ли что̀!

— Я твердо увѣренъ...

— Знаю я ваши увѣренія.

— Я твердо увѣренъ, что графъ будетъ, — это меня не безпокоитъ, а вотъ другое...

— Что̀ такое?

— А вонъ посмотри на эту синюю тучу: это весьма подозрительная туча! Ну, если погода измѣнится, чего Боже сохрани! Польетъ дождь — фейерверкъ отсырѣетъ, щитъ пропадетъ...

Александръ Иванычъ посоловѣлъ отъ этой мысли.

— Вздоръ! погода будетъ прекрасная: это совсѣмъ не дождевая туча... Онъ замолчалъ, но вдругъ черезъ минуту вскрикнулъ:

— Они! они! навѣрно они!... Видишь ли? А правъ-то вышелъ я! прибавилъ онъ, съ торжествующимъ лицомъ посмотрѣвъ на свою супругу.

— Ну, я васъ поздравляю; да къ тому же я и не думала спорить: я только говорила, что издалека нельзя было видѣть галуна на фуражкѣ. Алена Ѳедоровна, сдѣлавъ кокетливѣйшую улыбку приближавшемуся экипажу, —

сошла съ лѣстницы бельведера, на которомъ происходилъ этотъ разговоръ.

Съ видомъ величественнымъ и съ торжествующею улыбкою вошла она въ гостиную, гдѣ уже давно собрались всѣ гости.

— А вотъ и графъ пріѣхалъ, сказала, смотря на своихъ гостей, Алена Ѳедоровна.

Эти слова подѣйствовали какъ электрическая искра на всѣхъ гостей: два какіе-то господина немедленно вскочили со стульевъ, вытаращивъ глаза; нѣкоторыя барыни бросились къ окнамъ, выходившимъ на большой дворъ: одна толстая маменька начала торопливо пришпиливать сзади булавкой шарфъ своей тоненькой дочери и шепнула ей: «держись прямѣе». Волненіе было всеобщее. Даже Катя нѣсколько измѣнилась въ лицѣ; такъ по крайней мѣрѣ показалось Захару Лаврентьичу, который, незамѣчаемый никѣмъ, въ уголку, прислонившись къ стѣнѣ, не сводилъ съ нея глазъ.

Но до появленія виновника этого волненія я считаю не лишнимъ хотя нѣсколько познакомить читателя съ мѣстомъ дѣйствія этой главы.

Домъ Александра Иваныча, строеніе котораго началось было по его собственному плану въ широкихъ размѣрахъ, съ удивительными затѣями, представлялъ видъ очень странный. Великолѣпное начало этого дома — его каменная середина съ широкими балконами, съ обѣихъ сторонъ поддерживаемыми массивными колонами — этотъ, такъ сказать, намекъ на колоссальную затѣю совсѣмъ не гармонировалъ съ деревянными пристройками, примыкавшими къ нему. Казалось, съ высоты своего недоконченнаго величія онъ съ презрѣніемъ и изумленіемъ смотрѣлъ на скромные деревянные срубы, осмѣлившіеся какъ бы потихоньку пріютиться подъ его защиту съ обѣихъ сторонъ, и готовъ былъ съ негодованіемъ сбросить съ головы своей некрасивый маленькій бельведерчикъ, который шелъ къ нему также, какъ дѣтская шапочка идетъ къ головѣ великана. На этомъ бельведерчикѣ развѣвался торжественно флагъ съ изображеніемъ герба Александра Иваныча. Гербы

красовались также съ одной стороны надъ подъѣздомъ, а съ другой — надъ выходомъ въ садъ.

Зала эта была колоссальна въ сравненіи съ прилегавшими къ ней комнатами въ деревянныхъ постройкахъ, которыя передъ нею казались бѣдными и жалкими лачужками. На широкомъ, куполообразномъ плафонѣ ея долженствовалъ красоваться не только величественный и златокудрый богъ поэзіи, въ своей колесницѣ, но весь Олимпъ со всѣмъ своимъ причетомъ. Для этого Александръ Иванычъ вознамѣрился выписать изъ Петербурга художника. Онъ даже поговаривалъ, что самъ Брюловъ, съ которымъ онъ находится въ весьма короткихъ и дружескихъ сношеніяхъ, обѣщалъ пріѣхать къ нему для того въ Соколовку; но проходилъ годъ за годомъ, Брюловъ не являлся и плафонъ такъ и остался просто выбѣленнымъ. Зимою зала эта постоянно была заперта, да и лѣтомъ открывалась рѣдко. Ее никогда не топили, да и натопить не было возможности, потому что оконныя рамы огромныхъ размѣровъ подгнили, да и печи устроены были дурно. На голыхъ стѣнахъ, тщетно ожидавшихъ какихъ-то Рюисдалей, Теньеровъ, Рембрантовъ и Рубенсовъ, будто бы купленныхъ Александромъ Иванычемъ за безцѣнокъ въ Петербургѣ, выступали только пятна отъ сырости, которыя были, впрочемъ, забѣлены къ пріѣзду графа...

Къ пріѣзду графа измѣнилось многое. Парадный подъѣздъ, который былъ всегда на глухо заколоченъ, также открылся по этому торжественному случаю, и по сторонамъ его поставлены были два померанцовыя деревца, служившія украшеніемъ соколовской оранжереи. Все, что находилось въ оранжереяхъ и было забыто въ кладовыхъ— хотя, правда, забытаго было немного—появилось наружу, выступило съ величайшими претензіями на свѣтъ Божій: и два бронзовые, почернѣвшіе треножника, и полу-разбитая фарфоровая ваза, и люстра съ стеклянными балаболками. Садъ, живописно разросшійся на двухъ холмахъ, раздѣленныхъ оврагами, черезъ которые были перекинуты китайскіе мостики съ куклами, былъ вычищенъ наканунѣ, и Александръ Иванычъ, проснувшійся въ день своего праздника вмѣстѣ съ зарею, несмотря на многочисленныя за-

боты и хлопоты, обошелъ его и самъ выщипалъ собственными руками травку, которая осмѣлилась показаться впродолженіи ночи на дорожкахъ.

Во всю жизнь свою, можетъ быть, Александръ Иванычъ не обнаружилъ такой дѣятельности, какую обнаружилъ впродолженіе одной только недѣли передъ пріѣздомъ графа и, несмотря на это, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, ни малѣйшаго утомленія. Мысль, что у него въ гостяхъ будетъ графъ, придавала ему бодрость и силу необыкновенныя, оживляла и окрыляла его. Казалось, онъ помолодѣлъ десятью годами и, глядя на него въ эти дни, можно было подумать, что это самый дѣятельнѣйшій, неутомимѣйшій и распорядительнѣйшій изъ людей.

Впродолженіе какихъ нибудь пяти дней — наружность Соколовки приняла такой видъ, что ее почти нельзя было узнать: все въ ней было подчищено, подмазано, подкрашено и подстрижено, и на лицѣ Александра Иваныча, любовавшагося общностію этой подмалевки съ пригорка, со сложенными назадъ по-наполеоновски руками, сіяла такая улыбка, которая могла появиться только на лицѣ счастливѣйшаго человѣка въ мірѣ.

Вдругъ бросились ему въ глаза, по дорогѣ къ дому, двѣ полузасохшія березы, безлиственныя вѣтви которыхъ печально чернѣлись издалека на голубомъ безоблачномъ небѣ, нарушая, по мнѣнію Александра Иваныча, гармонію картины. Онъ поспѣшно сошелъ съ пригорка, кликнулъ людей и приказалъ тотчасъ срубить эти березы, и только тогда, когда онѣ рухнули подъ ударами топора, онъ совершенно успокоился. Александру Иванычу было необходимо, чтобы въ этотъ торжественный для него день все цвѣло, радовалось и было полно жизнію.

Для этого онъ сдѣлалъ между прочимъ распоряженіе, чтобы крестьяне и крестьянки, одѣвшись въ свои праздничныя платья, веселыми группами прохаживались по деревнѣ, около дома и даже въ саду, и непремѣнно пѣли пѣсни.

Чтобы вполнѣ понять, до какой степени удовлетворено было самолюбіе Александра Иваныча и Алены Ѳедоровны посѣщеніемъ графа, надобно было подсмотрѣть выраженіе

лицъ ихъ въ ту минуту, когда они встрѣчали своего гостя.

— Сердце мое и плоть моя возрадовались, узрѣвъ васъ. Благо мужу, который господинъ слова своего, сказалъ Александръ Иванычъ обнявъ графа.

Потомъ онъ началъ обнимать господина съ неуловимыми глазками и Вихляева и наконецъ повелъ ихъ въ приготовленную для нихъ комнату, гдѣ на столѣ разложены были всѣ принадлежности для туалета. Когда они переодѣлись, Александръ Иванычъ представилъ ихъ Аленѣ Ѳедоровнѣ, которая встрѣтила ихъ въ большой залѣ.

— Вотъ, графъ, сказалъ Александръ Иванычъ: — хозяйка, — жена моя, которая давно жаждала имѣть честь принимать васъ у себя, и про которую я смѣло могу сказать: жена добрая есть часть глаза...

Алена Ѳедоровна, не любившая такого рода выходокъ со стороны супруга, который, впрочемъ, никакъ не могъ удержаться отъ нихъ, едва могла скрыть свою досаду подъ пріятнѣйшей улыбкой, обращенной къ графу.

— Я должна прежде всего благодарить васъ, графъ, сказала она на французскомъ діалектѣ:—за ваше вниманіе и ласки къ моему сыну. Я это очень чувствую и умѣю цѣнить.

Затѣмъ Александръ Иванычъ представилъ ей господина съ неуловимыми глазками и Вихляева, которыхъ она привѣтствовала на томъ же діалектѣ.

И наконецъ изъ этой исполинской залы всѣ отправились въ гостиную, гдѣ находились остальные гости.

Графъ у дверей остановился съ Александромъ Иванычемъ и пустилъ впередъ Алену Ѳедоровну съ Вихляевымъ, который, воткнувъ въ глазъ свое стеклышко, шелъ возлѣ нея, нѣсколько разваливаясь, и очень громко болталъ, заложивъ палецъ за жилетъ.

Войдя въ гостиную, Вихляевъ началъ осматривать присутствующихъ мужчинъ и дамъ въ свое стеклышко. Большая часть изъ нихъ приняла его за графа, во-первыхъ потому, что онъ пошелъ впереди, а во вторыхъ потому, что имѣлъ очень смѣлый взлядъ и пріемы. Вихляевъ ощущалъ неизъяснимое блаженство. Онъ съ развязностію, кото-

рая походила просто на наглость, осматривалъ дамъ съ ногъ до головы.

— А славное у васъ мѣстоположеніе! говорилъ онъ небрежно Аленѣ Ѳедоровнѣ, смотря въ тоже время на какую-то воскокую барышню, обомлѣвшую отъ его взгляда:— очень мило... пригорки, овраги—все это я очень люблю. Это напоминаетъ мнѣ нѣсколько одну изъ моихъ деревень въ Орловской губерніи...

— Ахъ, какъ хорошъ! посмотрите, вѣдь сейчасъ видно что-то особенное — въ манерахъ и во всемъ, такъ и смотритъ вельможей, сказала г. Кобелякову сидѣвшая возлѣ него дама, пропитанная запахомъ сушенаго шиповника.

— А вотъ вы и ошибаетесь, забасилъ Кобеляковъ:— это совсѣмъ не графъ; это одинъ изъ его пріятелей.

— Можетъ ли быть? вскрикнула дама. — *Ву бадине!* что вы? да гдѣ же графъ?

— А вонъ онъ идетъ съ Александромъ Иванычемъ.

— Слышите, машеръ?—Она толкнула свою сосѣдку.— Это совсѣмъ не графъ; а графъ идетъ сзади... вотъ... вотъ...

— Неужели? возразила сосѣдка.

Сосѣдка передала это тотчасъ своей сосѣдкѣ, и черезъ минуту Вихляевъ, какъ второстепенное лицо, потерялъ значеніе и всѣ глаза впились въ настоящаго графа.

Графъ вошелъ просто, незамѣтно окинулъ взглядомъ всю гостиную, прежде всего подошелъ къ Вѣрѣ Ивановнѣ и Катѣ, какъ къ своимъ знакомымъ, и пожалъ на пути руку г. Кобелякову, который пробасилъ ему подъ самое ухо:

— *Же ву салю*, mon comte.

— Посмотрите, посмотрите, душечка, сказала маменька г. Кобелякова, бросая злобные взгляды на Вѣру Ивановну и Катю и толкая логтемъ сидѣвшую рядомъ съ ней даму:—посмотрите, ради Бога, графъ-то изволитъ разговаривать съ Вѣрой Ивановной Бѣловой! Каково, матушка!... наша Вѣра Ивановна въ знать лѣзетъ... и смѣхъ и горе!... Глупая женщина! продолжала она со вздохомъ: — жалко смотрѣть на нее: ей и не вдогадъ, къ чему ведетъ это граф-

ское-то знакомство... Послѣ, можетъ статься, кулакомъ будетъ слезы утирать...

— Правда ваша, матушка, правда! отвѣчала дама, печально качая головой и между тѣмъ не спускала глазъ съ графа.

Въ то время, какъ графъ разговаривалъ съ Вѣрой Ивановной и Катей, Александръ Иванычъ толковалъ что-то, по своему обыкновенію очень торжественно, господину съ неуловимыми глазками. А господинъ съ неуловимыми глазками, который чувствовалъ себя какъ-то не совсѣмъ ловко въ этомъ собраніи, кусая губы, посматривалъ на все совершавшееся передъ нимъ съ тонкимъ и едва уловимымъ презрѣніемъ. Въ эту минуту ему было даже немного досадно на себя, что онъ согласился ѣхать съ графомъ въ деревню. Здѣсь онъ принужденъ былъ знакомиться съ какими-то неслыханными господами, протягивать имъ руки, отвѣчать на ихъ вопросы или томиться въ однообразной и безвыходной скукѣ, тогда какъ онъ могъ бы очень пріятно скучать на островахъ, въ Павловскѣ или въ Петергофѣ, въ своемъ, въ самомъ избранномъ обществѣ— съ Колей, Ваней, Петрушей, Гришей, Сашей и проч. и проч.—Господинъ съ неуловимыми глазками не могъ быть героемъ провинціи, гдѣ гораздо болѣе долженъ былъ производить эффекта какой нибудь франтъ въ родѣ Вихляева, у котораго хлестаковскія наклонности выступали грубо и рѣзко. Вихляеву даже необходимо было общество простыхъ и добродушныхъ людей, не посвященныхъ въ таинства, тонкости и хитрости жизни, потому что передъ ними онъ могъ быть вполнѣ на распашку и пускать имъ такую пыль въ глаза своими аристократическими связями, великосвѣтскими похожденіями и продѣлками. Ему нужно было удивленіе чье бы то ни было, хотя бы удивленье собственной прачки или кухарки. Господинъ съ неуловимыми глазками хотя не совсѣмъ пренебрегалъ удивленьемъ простыхъ людей, но не дорожилъ имъ. Онъ могъ бы вынести къ себѣ презрѣніе всего человѣчества, и это презрѣніе не подавило бы его; но одинъ холодный взглядъ Коли, одно недоброе слово о немъ Петруши могли убить его. Всякій человѣкъ безъ имени былъ для него ничто и развѣ го-

дился бы только въ забавники или въ шуты; передъ всякимъ шутомъ съ именемъ онъ преклонялся внутренно и высоко цѣнилъ его мнѣніе о себѣ.

Онъ нехотя, едва отвѣчалъ на вопросы словоохотливаго хозяина дома и, разсѣянно слушая его краснорѣчивыя рѣчи, зѣвалъ очень безцеремонно, потому что ужъ Александръ Иванычъ начиналъ сильно надоѣдать ему.

— А я два раза имѣлъ честь раскланиваться съ вами, раздался голосъ Ильи Семеныча надъ самымъ ухомъ господина съ неуловимыми глазками: — два раза, но вы *не благоразсудили* обратить на меня вашего вниманія.

— Аа!... извините пожалуйста: я не видалъ васъ. И господинъ съ неуловимыми глазками прикоснулся къ протянутой ему рукѣ.

— Мысли ваши вѣроятно парили въ *иныхъ* сферахъ; я это понимаю: это *нерѣдко* случается и со мною. Въ такіе моменты я вамъ скажу, не замѣчаешь *ничего* окружающаго. Это натурально.

Господинъ съ неуловимыми глазками улыбнулся и утвердительно кивнулъ головой.

— Милостивые государи, продолжалъ Илья Семенычъ, обращаясь къ нему и къ Александру Иванычу, я хочу предложить одинъ вопросъ на ваше *благоусмотрѣніе*. Я приготовилъ въ честь его сіятельства стихи отъ *лица*, такъ сказать, всѣхъ его *земляковъ:* мы *смѣло* можемъ назваться его земляками, *ибо* имѣемъ честь принадлежать къ той губерніи, гдѣ находятся его владѣнія. Стихи *эти* я хочу прочесть ему за обѣдомъ: кажется, это будетъ *кстати* и ловко. Пусть графъ видитъ изліяніе нашихъ чувствъ, которыхъ я *осмѣлился* быть *смиреннымъ глашатаемъ*. Какъ *вы* объ этомъ думаете?

Александръ Иванычъ, боясь, чтобы праздникъ его не принялъ шутовскаго колорита, невольно нахмурилъ брови.

— Нѣтъ, я полагаю, что это будетъ неудобно, сказалъ онъ: — можно когда нибудь въ другой разъ...

— Помилуйте... *отчего же?* — празднество, которое угодно было дать Александру Иванычу, имѣетъ, сколько я предполагаю, или лучше сказать *провижу*, *высокую* цѣль сблизить графа съ здѣшнимъ обществомъ; *слѣдовательно*...

— Я согласенъ съ вами и нахожу, что это будетъ очень хорошо, перебилъ его господинъ съ неуловимыми глазками: — очень кстати, и графъ будетъ этимъ тронутъ.

За обѣдомъ графъ, разумѣется, посаженъ былъ на почетное мѣсто — возлѣ хозяйки дома. Столъ былъ накрытъ покоемъ въ большой залѣ и уставленъ букетами цвѣтовъ; оркестръ помѣщался на хорахъ. Кушаньямъ не было числа; вина было также много, но не одинаковаго достоинства. Въ серединѣ стола передъ почетными гостями стояли бутылки съ великолѣпными и пестрѣвшими ярлыками подъ золотыми и серебрянными печатями, а на концахъ стола, тамъ, гдѣ сидѣли Захаръ Лаврентьичъ и ему подобные,— безъ всякихъ ярлыковъ. Такъ что, когда человѣкъ вздумалъ было налить г. Кобелякову вина изъ бутылки, взятой на концѣ стола и въ стаканъ полилась какая-то густота мрачнаго цвѣта, то г. Кобеляковъ, сдвинувъ брови, сказалъ:

— Не туда, братецъ, заѣхалъ. Проваливай съ этимъ сандаломъ. Принеси-ка мнѣ вонъ эту бутылочку-то подъ золотою печатью.

За жаркимъ, когда появилось шампанское, Александръ Иванычъ началъ было поглядывать на графа съ видимымъ намѣреніемъ произнести рѣчь, но графъ предупредилъ его. Онъ всталъ съ своего стула и сказалъ:

— Господа! позвольте мнѣ предложить вамъ тостъ въ честь нашихъ любезныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ.

Илья Семенычъ первый закричалъ: «браво!» и махнулъ платкомъ музыкантамъ, чтобы они заиграли тушъ.

Затѣмъ раздались страшный стукъ и крики. Когда все смолкло, Александръ Иванычъ всталъ взволнованный и растроганный до слезъ и произнесъ къ графу длинную рѣчь, заранѣе сочиненную имъ и выученную наизусть. Рѣчь эта нѣсколько разъ прерывалась рукоплесканіями и возгласами Ильи Семеныча, въ родѣ слѣдующихъ:

«Мѣткое и *сильное* выраженіе... *Неподдѣльные* цвѣтки краснорѣчія... Выраженіе, вырвавшееся изъ *глубины* сердца», и тому подобное.

Даже почти всѣ дамы встали съ своихъ мѣстъ, когда

по окончаніи рѣчи начали пить здоровье графа, и долго оглушающій ревъ энтузіазма раздавался въ залѣ.

Четыре раза Илья Семенычъ приподнимался съ торжественною физіономіею и четыре раза опускался. Наконецъ, когда все стихло, онъ обратился къ графу, принялъ величественную позу и произнесъ:

Не *отъ себя,* отъ имени *всѣхъ насъ,*
Черезъ мои уста — прими благодаренье
О, ты! *всѣхъ доблестей* имѣющій запасъ
И посланный сюда намъ всѣмъ на утѣшенье!
Къ тебѣ любовію пылаютъ *всѣ* сердца
И съ умиленіемъ *всѣ* на тебя взираютъ,
И съ чувствомъ искреннимъ всевышняго Творца
О *счастьи дней твоихъ* прекрасныхъ умоляютъ.
Природа, какъ бы *міръ* желая поразить,
Всѣ вдругъ дары свои въ тебѣ совокупила...
Тебя *злодѣй* не можетъ не любить,
Ты привлекаешь всѣхъ къ себѣ *магнитной* силой.
Любуясь добротой *возвышенной* твоей,
Вниманіемъ твоимъ и лаской *упоенны,*
Тебѣ въ сердцахъ своихъ соорудимъ нетлѣнный
И *не вещественный — духовный* мавзолей!

Послѣ рукоплесканій, Илья Семенычъ раскланялся и продолжалъ уже прозой:

— Полагаю, милостивые государи, что въ этихъ стихахъ я выразилъ *общія* наши чувства къ его сіятельству графу Сергію Григорьевичу, хотя выразилъ *слабо,* — я это чувствую, и въ эти минуты *болѣе,* нежели когда нибудь, милостивые государи я сожалѣю, что мнѣ не дана лира *Пиндара*, чтобы *вполнѣ достойнымъ* образомъ воспѣть столь возвышенный предметъ.

— Стихи превосходны, удивительны! раздались искреннія и ироническія похвалы со всѣхъ сторонъ.

— Вы геній! закричалъ ему Вихляевъ, со смѣхомъ посматривая кругомъ себя.

— Благодарю, возразилъ Илья Семенычъ: — этотъ *болѣе* нежели лестный для меня возгласъ, вырвавшійся изъ твоей *поэтической* души, дорогъ мнѣ, — но не могу не замѣтить, что пустое *вы* мы замѣнили *сердечнымъ ты.* Для чего же снова употреблять это *охолаживающее вы?*

— А знаете ли, замѣтилъ господинъ съ неуловимыми глазками: — мы его въ наказаніе за эту ошибку, заставимъ выпить шесть стакановъ воды безъ роздыху, и это должно повторяться при каждой ошибкѣ.

Вихляевъ какъ будто не слыхалъ этого замѣчанія и господинъ съ неуловимыми глазками, вѣроятно, забылъ бы его, если бы послѣ различныхъ тостовъ, въ концѣ обѣда, Вихляевъ вдругъ не вздумалъ обратиться къ нему.

— Сколько же вы должны были бы выпить стакановъ воды? сказалъ онъ: — вы также пили со мной на *ты*, а между тѣмъ...

— Да вѣдь это вы говорите, этого никто не видалъ, и я не помню, перебилъ господинъ съ неуловимыми глазками, презрительно улыбнувшись: — вы же совсѣмъ другое: васъ мы заставимъ выпить.

— Кто же меня можетъ заставить?

— Я, отвѣчалъ господинъ съ неуловимыми глазками и, наливъ стаканъ воды, поднесъ къ Вихляеву, сидѣвшему противъ него.

Вихляевъ, не обращая никакого вниманія на этотъ стаканъ, началъ, смущенный, разговаривать о чемъ-то съ Надеждой Кондратьевной.

— Молодецъ! ужъ по глазамъ, по манерѣ вижу, что молодецъ! сказалъ Кобеляковъ своему сосѣду, указывая на господина съ неуловимыми глазками: — бьюсь объ закладъ, о бутылкѣ шампанскаго, что онъ заставитъ выпить этого фертика всѣ шесть стакановъ.

Когда Вихлявъ пересталъ говорить и потупилъ глаза въ тарелку, господинъ съ неуловимыми глазками сказалъ ему:

— Вы забыли: передъ вами стаканъ воды, — вы должны его выпить.

Вихляевъ молчалъ.

— Слышите ли, Вихляевъ?

— Какой вздоръ! сказалъ тотъ сквозь зубы.

— Я вамъ докажу, что не вздоръ. Чтожъ, вы будете пить?

Господинъ съ неуловимыми глазками предложилъ этотъ вопросъ какъ будто шутя, улыбаясь добродушно.

— Нѣтъ, не буду.

— Ну, мы увидимъ.

Этотъ разговоръ возбудилъ любопытство многихъ, въ особенности Надежды Кондратьевны, которая замѣтила смущеніе Вихляева.

Когда всѣ вышли изъ-за стола, любопытствовавшіе видѣть результатъ этого разговора, къ величайшему огорченію Вихляева, остались въ залѣ.

Господинъ съ неуловимыми глазками подошелъ къ нему.

— Извольте же выпить этотъ стаканъ, сказалъ онъ.

— Оставьте меня, пожалуста, произнесъ Вихляевъ тихо: — я выпью послѣ, если хотите; но здѣсь, при всѣхъ...

— Вы выпьете здѣсь... Илья Семенычъ, вамъ надобно присутствовать при наказаніи...

— О нѣтъ! возразилъ Илья Семенычъ: — я *врагъ* всѣхъ наказаній. Какъ можно взыскивать съ *милаго* поэта за простую обмолвку и заставлять его пить простую воду?... Если бы это была струя *Ипокрены* — это другое дѣло! Бога ради, не нужно!... А вотъ мы съ нимъ выпьемъ шэмпанскаго за здоровье *десятой* музы.

И Илья Семенычъ бросилъ косвенный и умильный взглядъ на Надежду Кондратьевну, которая стояла въ сторонѣ, разговаривая съ какой-то дамой.

— Послѣ онъ будетъ съ вами пить за чье угодно здоровье, а прежде онъ выпьетъ эту воду.

И господинъ съ неуловимыми глазками поднесъ стаканъ почти къ самому рту Вихляева.

— Браво! браво! прошепталъ себѣ подъ носъ Кобеляковъ и, обратясь къ стоявшему возлѣ него барину, продолжалъ:

— Это, знаете, напоминаетъ мнѣ одну мою продѣлку въ такомъ родѣ. Я однажды заставилъ вотъ такого же молодчика, который вздумалъ было ухаживать за дѣвицей, которая мнѣ нравилась, выпить не шесть, а... сколько бы вы думали?... пятнадцать стакановъ воды, не переводя духъ; такъ онъ у меня послѣ этого двѣ недѣли пролежалъ въ постели.

И г. Кобеляковъ захохоталъ.

— Ну, что-жъ такое... пожалуй, вотъ видите, я вы-

пилъ, сказалъ Вихляевъ, опорожнивъ стаканъ, и засмѣялся насильственно.

Господинъ съ неуловимыми глазками, налилъ ему другой стаканъ, который Вихляевъ также выпилъ. На третьемъ стаканѣ онъ было попризадумался, но, посмотрѣвъ на своего мучителя, выпилъ и его залпомъ. Отъ четвертаго стакана онъ рѣшительно отказался.

— Лучше пейте: на васъ всѣ смотрятъ, шепнулъ ему господинъ съ неуловимыми глазками.

Когда и четвертый стаканъ съ усиліемъ былъ выпитъ, господинъ съ неуловимыми глазками сказалъ:

— Я думаю, довольно; мнѣ только хотѣлось доказать вамъ, что я могъ заставить васъ выпить не только шесть, а двадцать-шесть стакановъ точно такимъ же образомъ. Теперь г. Вихляевъ, продолжалъ онъ, обратясь къ Ильѣ Семенычу: ужъ не будетъ ошибаться и говорить вамъ вмѣсто ты *вы*; я вамъ за это отвѣчаю.

И съ этимъ словомъ господинъ съ неуловимыми глазками вышелъ изъ залы.

— То есть, просто обнялъ бы тебя и расцаловалъ, пробасилъ Кобеляковъ, провожая его глазами.

Сцена эта нѣсколько повредила Вихляеву во мнѣніи свидѣтелей и особенно непріятно подѣйствовала на Надежду Кондратьевну, пламенное воображеніе которой надѣляло его между прочимъ самыми отважными рыцарскими наклонностями.

Послѣ этихъ четырехъ стакановъ воды, онъ для поддержанія себя очень громко и фальшиво запѣлъ что-то изъ «Роберта» и началъ съ неестественною смѣлостью посматривать всѣмъ въ глаза.

— Ненавижу *никакого* принужденія, воскликнулъ вдругъ Илья Семенычъ, бросившись обнимать Вихляева.

— Да я выпилъ эту воду очень охотно, перебилъ онъ:—если бы я не захотѣлъ, такъ разумѣется, не пилъ бы. Кто же смѣетъ меня принуждать? Это была просто пріятельская шутка!

— Ну, а теперь, продолжалъ Илья Семенычъ: — мы разопьемъ идеально, *по-дружески*, пополамъ — бутылку шампанскаго.

И, размахнувъ рукой, онъ запѣлъ:

Вино даруетъ *вдохновенье,*
Оно всегда насъ веселитъ,
Вотъ почему въ немъ утѣшенье
Находитъ *истинный* піитъ!

Но эти куплеты были прерваны голосомъ Александра Иваныча, который просилъ гостей своихъ перейдти въ другія комнаты, по случаю затѣянныхъ имъ въ залѣ приготовленій для бала.

— Тѣмъ лучше, замѣтилъ Илья Семенычъ:—мы разопьемъ бутылку шампанскаго на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ: это еще поэтичнѣе!

И онъ взялъ за руку Вихляева и, увлекая его противъ воли въ садъ, запѣлъ:

Какъ влага искрится, *сверкаетъ!*
Бокалъ мы выпьемъ весь *до дна...*
На днѣ *никакъ* не подабаетъ
Хоть *каплю* оставлять вина!

ГЛАВА VI.

Къ девяти часамъ зала была открыта и освѣщена свѣчами, лампами и даже шкаликами, разставленными вверху по карнизамъ. На стѣнахъ залы были развѣшаны гирлянды и фестоны изъ дубовыхъ листьевъ и цвѣтовъ... Музыканты уже заняли свои мѣста на хорахъ и настраивали инструменты... Дамы и барышни начали уже появляться въ бальныхъ туалетахъ и мало по малу составили живописную, пеструю группу. Кавалеры, стоявшіе отдѣльной группой, нѣсколько по-одаль, какъ-то искоса посматривали на барышень, натягивая свои перчатки, и разговаривали между собой въ пол-голоса, а барышни будто старались избѣгать этихъ взглядовъ. Эти двѣ группы походили на два враждебные лагеря. Между дамами всѣхъ болѣе бросалась въ глаза Надежда Кондратьевна пестротою своего наряда и пышностію своихъ юбокъ.

Вихляевъ вошелъ въ залу очень небрежно, то посви-

стывая, то напѣвая себѣ что-то подъ носъ; руки его были стянуты желтыми перчатками, а въ глазу торчало стеклышко. На все окружавшее его онъ смотрѣлъ очень свысока, желая своими взглядами и движеніями показать всѣмъ и каждому, что онъ призванъ быть героемъ не такихъ баловъ.

Не обращая никакого вниманія на мужчинъ, онъ прямо подошелъ къ группѣ дамъ, остановился, поправилъ въ глазу стеклышко и началъ разсматривать ихъ туалеты.

— Ахъ, это вы? сказалъ онъ, увидѣвъ Надежду Кондратьевну.

Надежда Кондратьевна вздрогнула.

— Вы дадите мнѣ первый контрдансъ, продолжалъ онъ и, не заботясь объ отвѣтѣ, поднялъ голову вверхъ.

Надеждѣ Кондратьевнѣ стоило только взглянуть въ эту минуту на Вихляева, чтобы мгновенно изгладить въ себѣ то нѣсколько непріятное впечатлѣніе, которое произвела на нее сцена съ стаканами воды. Вихляевъ былъ такъ изящно одѣтъ, такъ оригинально причесанъ, онъ такъ нагло смотрѣлъ, такъ искусно держалъ стеклышко въ глазу, принималъ такія беззастѣнчивыя позы, что нельзя было не прійдти отъ него въ восхищеніе. Къ тому же онъ ангажировалъ ее на *первую* французскую кадриль!... Протанцовать *первую* кадриль не съ какимъ-нибудь уѣзднымъ франтомъ, а съ петербургскимъ львомъ, передъ лицомъ избраннаго губернскаго общества, передъ всѣми этими барынями и барышнями, заставить всѣхъ ихъ поблѣднѣть отъ зависти... это—блаженство, выше котораго могло бы быть развѣ только счастіе танцовать съ самимъ графомъ!

И Надежда Кондратьевна отдала свою первую кадриль Вихляеву, сопровождая этотъ даръ такимъ взоромъ, который нечаянно, противъ воли ея, высказалъ, можетъ быть, гораздо болѣе, нежели она хотѣла высказать. Ободренный такимъ глубоко знаменательнымъ взглядомъ, Вихляевъ, отдалившись отъ группы дамъ съ Надеждой Кондратьевной, далъ безграничную и полную волю своей любезности, которая привела даже въ нѣкоторый испугъ скромность милой кокетки.

Незамѣченнымъ свидѣтелемъ всего этого былъ угрева-

тый поэтъ, изподтишка слѣдившій за взглядами и быстрыми измѣненіями лица Надежды Кондратьевны. Когда она и Вихляевъ отошли къ сторонѣ, чтобы свободнѣе разговаривать, поэтъ не выдержалъ и бросился къ нимъ. Онъ могъ только разслышать слѣдующія слова.

Вихляевъ говорилъ:

— Это просто наконецъ смѣшно... Ну, дайте мнѣ слово...

Надежда Кондратьевна отвѣчала:

— Бога ради, перестаньте... я васъ прошу...

Вихляевъ продолжалъ:

— Я не отстану до тѣхъ поръ, пока...

На этомъ словѣ разговоръ былъ неожиданно прерванъ. Надежда Кондратьевна совершенно смѣшалась, увидѣвъ вдругъ передъ собой угреватаго поэта. Поэтъ грызъ ногти и молча вперялъ въ нее пронзающіе взгляды. Вихляевъ не могъ скрыть своей досады и началъ озирать поэта съ ногъ до головы довольно насмѣшливо. Съ минуту эти три лица оставались безмолвными.

— А что̀, я думаю, скоро начнутся танцы, произнесла первая, Надежда Кондратьевна, обращаясь къ поэту.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ:—я надѣюсь, что вы еще никому не обѣщали первую кадриль, что вы танцуете со мною?

— Вы шутите, Базиль? Какъ! *вы* танцуете?

— Что̀жъ вы думаете, что я не умѣю танцовать? перебилъ поэтъ съ запальчивостью:—это не очень головоломная работа-съ!—Я не танцовалъ прежде потому, что не хотѣлъ, а теперь хочу...

— Но я не могу танцовать съ вами первую кадриль, потому что я дала слово *имъ*.

И Надежда Кондратьевна указала на Вихляева.

— А если хотите вторую...

— Я хочу первую, а не вторую, произнесъ поэтъ, почти не помня самого себя и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Это очень забавно, замѣтилъ Вихляевъ:—вамъ говорятъ, что уже первая кадриль отдана...

— Тутъ нѣтъ ничего забавнаго, милостивый государь, и притомъ я говорю не съ вами.

— Что это такое?

Вихляевъ посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на Надежду Кондратьевну и потомъ, обратившись къ угреватому поэту, сказалъ:

— Я повторяю вамъ, что первая кадриль отдана мнѣ, а потому не угодно ли вамъ будетъ послѣ объясниться со мною.

Онъ произнесъ эти слова рѣшительно и гордо, но едва они были выговорены, какъ сердце его замерло и дрожь пробѣжала по всему тѣлу, потому что ему вдругъ представилась дуэль со всѣми ея непріятными послѣдствіями. Онъ уже видѣлъ роковое дуло пистолета, намѣченное ему прямо въ сердце, и поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Очень хорошо, когда вамъ угодно, отвѣчалъ ему поэтъ, удаляясь и бросая взглядъ на Надежду Кондратьевну, который, казалось, говорилъ ей съ упрекомъ: «Я умру за тебя».

Все это было такъ неожиданно, до того поразило ее, что она едва не лишилась чувствъ.

— Я надѣюсь, что это шутка, что это ничѣмъ серьёзнымъ не можетъ кончиться? произнесла она, прійдя въ себя, но измѣнившимся голосомъ. — Не правда ли?

— Разумѣется, отвѣчалъ Вихляевъ, продолжая дрожать какъ въ лихорадкѣ и стараясь придать себѣ видъ сколько можно спокойный и безпечный.

Въ эту минуту въ залу вошелъ графъ, въ сопровожденіи хозяина и хозяйки дома. Всѣ гости были уже въ полномъ собраніи и въ полномъ блескѣ туалета.

Музыка грянула польскій, по приказанію Александра Иваныча, и графъ открылъ балъ въ первой парѣ съ хозяйкой дома. Сзади господинъ съ неуловимыми глазками велъ Катю. Катя была вся въ бѣломъ, одинъ букетъ изъ бѣлыхъ и китайскихъ розъ она держала въ рукѣ, а другой, изъ такихъ же розъ, былъ пришпиленъ у ней на груди. Катя была такъ хороша въ эту минуту, что даже господинъ съ неуловимыми глазками, позволявшій себѣ увлекаться только знаменитостями: свѣтскими, театральными, или какими бы то ни было, внутренно сознался, что эта никому неизвѣстная дѣвушка стоитъ того, чтобъ за нею ухаживать.

Вниманіе, которымъ окружали ее петербургскіе львы. не могло не быть замѣчено, особенно маменьками, которыя употребляли очень замысловатыя усилія, чтобы выставить передъ ними на показъ своихъ дочекъ. Уже и прежде не расположенныя къ Катѣ, онѣ въ этотъ вечеръ рѣшительно почувствовали къ ней враждебное чувство.

Злоба къ Катѣ усилилась еще болѣе, по поводу слѣдующаго, довольно оригинальнаго и никѣмъ не предвидѣннаго происшествія.

Графъ ангажировалъ Катю на третью французскую кадриль. Когда всѣ уже заняли мѣста для первой кадрили, хозяйка дома подошла къ графу.

— А вамъ, графъ, развѣ не угодно принять участіе въ танцахъ? спросила она его.

— Нѣтъ, я буду, отвѣчалъ графъ: — я ангажировалъ даму на третій контрдансъ.

— Почему же вы не танцуете первый? Какъ же можно начать безъ васъ, графъ?

— Нѣтъ ужъ, позвольте мнѣ дождаться третьяго...

— О, нѣтъ, нѣтъ! перебила его Алена Ѳедоровна: — это можно сейчасъ устроить...

И она бросилась на середину залы въ ту минуту. когда уже музыка заиграла, и произнесла громкимъ голосомъ, съ свойственною ей находчивостію:

— *Messieurs et mesdames*, позвольте просить васъ. чтобы вы танцовали теперь третью кадриль, а потомъ первую.

Дамы и кавалеры не безъ удивленія взглянули другъ на друга, не понимая, что это значитъ... Въ залѣ сдѣлалась суматоха отъ перестановки.

— Третью кадриль, третью! повторяла Алена Ѳедоровна.

Третья кадриль съ недоумѣніемъ начала устанавливаться на мѣсто, и когда графъ появился съ Катей, тогда догадались въ чемъ дѣло.

Всѣ глаза, разумѣется, устремились на графа и на Катю—и ея смертельный приговоръ былъ внутренно подписанъ въ эту минуту.

Илья Семенычъ появился въ залѣ довольно уже поздно, раздушенный и разукрашенный, но съ заспанными глазами.

Онъ натолкнулся на Вихляева, который былъ очень задумчивъ и блѣденъ.

— Балъ уже, кажется, *если* я не ошибаюсь, началъ онъ:—во всемъ, такъ сказать *разгаръ*, а меня какъ-то противъ воли увлекъ Морфей въ свое *фантастическое* царство... и въ этомъ, я полагаю, немножко помогъ ему *предатель* Бахусъ.

Илья Семенычъ засмѣялся.

Вихляевъ молчалъ, погруженный въ непріятныя думы.

— Ты что-то грустенъ? продолжалъ Илья Семенычъ, глядя на Вихляева съ участіемъ. У *порога* танцовальной залы, mon cher, надо оставить всѣ тяготящія насъ *внутреннія* заботы и духовныя размышленія... Здѣсь надо отдаться въ полное, *безусловное*, такъ сказать, распоряженіе богу *веселья*... танцовать, пѣть, любить.

И съ этими словами Илья Семенычъ съ легкостію молодого человѣка, веселый и беззаботный, подскочилъ къ кругу танцующихъ и началъ искать той, которая съ нѣкотораго времени сдѣлалась предметомъ его риѳмъ.

Она танцовала съ Кобеляковымъ. Илья Семенычъ, какъ прикованный, остановился противъ нея и долго любовался ею. Когда кадриль кончилась, онъ подошелъ къ ней, расшаркнулся и произнесъ голосомъ, исполненнымъ увлеченія:

— Я *много*, сударыня, видалъ въ свою жизнь танцующихъ — и въ этомъ дѣлѣ, *смѣло скажу*, могу быть судьею, потому что самъ былъ въ свое время не изъ *худшихъ* танцоровъ и ныньче еще могу *постоять* за себя— но такой граціи, какъ въ васъ, я скажу *утвердительно*, встрѣчалъ рѣдко. Это *врожденное*, какъ всѣ искусства, какъ поэзія, музыка, живопись... Я надѣюсь, что вы не откажете вашему *искреннему* почитателю удѣлить *хоть одинъ* контрдансъ... я уже не *смѣю* говорить о мазуркѣ... Но долженъ вамъ замѣтить, что я считался нѣкогда *первымъ* мазуристомъ и нахожу этотъ танецъ *самымъ* поэтическимъ изъ *всѣхъ* танцевъ.

Надежда Кондратьевна, прождавъ напрасно Вихляева, объявила, хотя правда не совсѣмъ охотно, что она готова отдать ему мазурку, потому что еще никому не дала на

нее слова, и между тѣмъ, однако, не безъ волненія осматривалась кругомъ. Передъ мазуркой хозяинъ дома предложилъ своимъ гостямъ смотрѣть фейерверкъ, который былъ устроенъ противъ дома. Всѣ двинулись изъ залы. Графъ предложилъ свою руку Катѣ.

Фейерверкъ, къ совершенному удовольствію хозяевъ и гостей, удался какъ нельзя лучше. Въ заключеніе появился предметъ особенной заботливости Александра Иваныча: щитъ съ вензелевымъ графскимъ изображеніемъ въ лавровомъ вѣнкѣ кругомъ и съ какою-то птицею на верху, которая ухитрилась держать въ своемъ клювѣ графскую корону.

Когда щитъ освѣтился, Александръ Иванычъ подошелъ къ графу и сказалъ:

— Сегодняшній день лучшій день въ моей жизни, графъ, потому что я имѣю у себя такого гостя; день этотъ никогда не изгладится изъ моей памяти.—Но для того, чтобы дѣти мои помнили этотъ день, я приказалъ въ саду поставить колонну, на мраморѣ которой будетъ вырѣзано золотыми буквами, что графъ Сергій Григорьичъ удостоилъ тогда-то своимъ посѣщеніемъ владѣтеля Соколовки.

И затѣмъ Александръ Иванычъ обнялъ графа съ такимъ чувствомъ, что даже на глазахъ его блеснули слезы...

Алена Ѳедоровна, отозвавъ, немного погодя, своего супруга въ сторону, шепнула ему:

— Графъ-то, кажется, приволакивается за Катенькой Бѣловой—не на шутку.

— Очень можетъ статься... возразилъ Александръ Иванычъ съ лукавою улыбкою.

— Не можетъ быть, а навѣрно: всѣ замѣтили. Вѣдь онъ только для приличія протанцовалъ одну кадриль съ Вѣрочкой Пильсуцкой... А Катеньку онъ *даже* и на мазурку ангажировалъ. Чѣмъ-то это только все кончится?— Утѣшительнаго тутъ для Вѣры Ивановны я ничего не предвижу,—ничего... напротивъ.

— И, матушка! что̀ загадывать впередъ!

— Да неужтожъ вы воображаете, что онъ на ней женится?

— Этого я не думаю. Но какъ будто всякое воло-

китство непремѣнно должно имѣть какой-нибудь результатъ. Если онъ волочится за нею, то это потому, что здѣсь ему скучно, дѣлать нечего; поволочится и уѣдетъ,— тѣмъ все и кончится.

— Дай Богъ, чтобъ только этимъ кончилось. Можетъ кончится и хуже! зловѣщимъ голосомъ воскликнула Алена Ѳедоровна...

Въ ту минуту, какъ такимъ образомъ разсуждали объ участи Кати, она, счастливая въ настоящемъ, безъ малѣйшей мысли о будущемъ, сидѣла возлѣ графа въ кружкѣ мазурки.

Графъ говорилъ ей:

— Я такъ начинаю свыкаться съ деревенскою жизнію, что мнѣ даже не хочется думать, что я когда-нибудь поѣду въ Петербургъ.

— Теперь, сказала Катя:—деревня занимаетъ васъ какъ новость, но когда вы немного привыкнете къ этой жизни, она наскучитъ вамъ, а зимой вы ужъ здѣсь рѣшительно не выдержите. Вы привыкли жить въ свѣтѣ, а здѣсь его нѣтъ. Сознайтесь, это общество не по васъ. вамъ неловко въ немъ.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь нравится.

— Не потому ли, что здѣсь передъ вами всѣ трепещутъ и льстятъ вамъ? возразила, улыбаясь, Катя.—Неужто у васъ такое мелкое самолюбіе?

Графъ засмѣялся.

— Такъ вы обо мнѣ такого дурного мнѣнія?

— Нисколько! я еще о васъ не имѣю никакого мнѣнія; это только предположеніе, я васъ только спрашиваю.

— Вы хотите, чтобъ я отвѣчалъ на вашъ вопросъ прямо?

— Разумѣется, отвѣчала Катя.

— Васъ удивляетъ, почему мнѣ нравится здѣсь?

— Да.

— Право, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказалъ графъ, понизивъ голосъ, но совершенно спокойно. какъ будто въ этомъ отвѣтѣ не заключалось ничего особеннаго: потому что вы здѣсь, потому что я люблю васъ.

Этотъ отвѣтъ былъ до такой степени неожиданъ, что

въ первую минуту вся кровь бросилась въ голову Кати. Она едва не упала со стула. Только мысль, что тысячи глазъ устремлены на нее, заставила ее собрать всю силу воли; но кровь выступила пятнами на лицѣ ея. «Что̀ это такое?—думала она—насмѣшка? и не подала ли я сама повода къ этой насмѣшкѣ? Какъ! онъ—обладатель милліоновъ, онъ—человѣкъ, принадлежащій къ высшему, къ избранному свѣту, онъ—можетъ полюбить меня? Нѣтъ! этого быть не можетъ, это невѣроятно». Но вотъ подъ громъ оглушающей музыки несутся передъ нею пара за парой... все знакомыя ей лица... всѣ эти бѣлыя и розовыя барышни съ безстрастными улыбками и безсмысленными взглядами... вотъ Кобеляковъ, отчаянно пристукивающій каблуками, весь выдавшійся впередъ и далеко оставившій за собою свою даму... Онъ вдругъ схватываетъ ее и вертится съ нею чуть не до упаду... вотъ Надежда Кондратьевна, гремящая своими балаболками, и Илья Семенычъ то вдругъ отскакивающій отъ нея, то вдругъ притягивающій ее къ себѣ и въ заключеніе становящійся передъ нею, какъ это дѣлалось въ старину, на одно колѣно. Вотъ раздаются смѣхъ и крики «браво!» и Катя вздрагиваетъ отъ ужаса: ей кажется, что всѣ онѣ, эти пары, несущіяся или кружащіяся по залѣ, всѣ эти мужчины и женщины смотрятъ на нее съ злобной улыбкой, и что этотъ смѣхъ и крики «браво» относятся къ ней... И вотъ чувствуетъ она, что кто-то беретъ ее за руку и увлекаетъ ее въ эту толпу на средину залы.—Она смотритъ: это онъ, это графъ! Она безсознательно повинуется ему; онъ обхватываетъ ея талію, кружится съ нею, и она, задыхаясь, падаетъ на стулъ...

Катя мало по малу начинаетъ приходить въ себя... «Но неужели онъ въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что онъ любитъ меня? Что̀ же это такое?»

Катя не смѣла поднять глазъ, не могла произнести ни одного слова.

— Теперь вы понимаете, сказалъ ей графъ тѣмъ же спокойнымъ, неизмѣняющимся голосомъ, придвигая къ ней свой стулъ:—*почему* мнѣ здѣсь нравится.

Катя ничего не понимала.

— Отъ васъ зависитъ, чтобы я или остался здѣсь, или сейчасъ же уѣхалъ отсюда... съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться...

Графъ посмотрѣлъ на Катю, какъ бы ожидая ея отвѣта.

Катя молчала.

— Скажите мнѣ одно слово, продолжалъ онъ:—остаться мнѣ здѣсь или уѣхать отсюда?

— Но графъ... проговорила Катя съ судорожнымъ движеніемъ и все не смотря на него.

Графъ ожидалъ, что̀ она скажетъ; но Катя замолчала.

— И такъ... можетъ быть, сказалъ графъ пристально смотря на нее и съ разстановкой:—можетъ быть... сегодня мы видимся въ послѣдній разъ.

Онъ немного наклонился къ Катѣ и прошепталъ:

— Неужли въ послѣдній?

При словѣ: въ *послѣдній* разъ, сердце ея вдругъ заныло, какъ въ минуту разлуки съ существомъ роднымъ и близкимъ, и она проглотила слезы, которыя готовы уже были показаться на глазахъ ея. По едва замѣтному движенію мускуловъ на лицѣ ея и по судорожному движенію въ рукахъ, можно было замѣтить, что въ ней совершалась тяжелая внутренняя борьба. И вдругъ она подняла голову и прямо взглянула на него, еще не произнеся ни одного звука, но въ ея горящихъ глазахъ, въ ея преобразившемся лицѣ было что-то рѣшительное и твердое, какъ будто въ эти мгновенія, стыда, отчаянія, сомнѣнія, надежды и счастія она пережила нѣсколько лѣтъ.

— Остаться мнѣ или ѣхать? повторилъ онъ.

— Остаться! произнесла она едва слышно.

— Графъ, сказала она черезъ минуту:—мнѣ душно... здѣсь такъ жарко въ залѣ. Я не могу больше. Дайте мнѣ вашу руку... я хочу выйдти на крыльцо.

Мазурка все еще продолжалась. Они вышли, незамѣченные, въ дверь, выходившую въ садъ. Темно-синее небо было усыпано безчисленными звѣздами, мѣсяцъ выплывалъ изъ-за лѣса, бросая окрестъ себя на бѣлыя и тонкія облака багровый отблескъ. Садъ дремалъ въ росистой мглѣ. Безмолвіе ночи нарушалось только однообразнымъ и громкимъ кваканьемъ лягушекъ въ ближайшемъ пруду.

Графъ крѣпко сжалъ и поцѣловалъ ея руку и остановился передъ нею.

— Я прошу васъ, графъ, оставьте меня на минуту одну.

— Но... началъ графъ.

— Я прошу васъ, повторила она рѣшительно.

Графъ вышелъ. Она прислонилась къ колоннѣ, незамѣтивъ одного человѣка, который слѣдилъ за каждымъ взглядомъ, и движеніемъ Кати во все время разговора ея съ графомъ. Этотъ человѣкъ былъ Захаръ Лаврентьичъ. Отъ него не ускользнуло ничего, и лицо его всякій разъ измѣнялось вмѣстѣ съ измѣненіемъ лица Кати. Въ немъ совершалась также внутренняя борьба, и борьба страшная. Онъ видѣлъ, какъ Катя пошла съ графомъ; онъ, незамѣченный, издали слѣдовалъ за ними; онъ видѣлъ какъ графъ сжалъ и поцѣловалъ ея руку; онъ видѣлъ, какъ она, оставшись одна, прислонилась къ колоннѣ и закрыла руками лицо. Поблѣднѣвъ какъ смерть, онъ бросился къ ней и дрожавшимъ отъ испуга голосомъ произнесъ:

— Катерина Павловна, вамъ дурно-съ!

Катя вздрогнула, отняла руки отъ лица и обратилась на этотъ голосъ.

— Вы бы выпили немного водицы-съ, Катерина Павловна, произнесъ онъ робкимъ и тревожнымъ голосомъ:— я сейчасъ сбѣгаю, принесу...

— Не нужно, Бога ради не нужно! вскрикнула Катя, схвативъ его за руку.—Благодарю васъ... Я ничего, это пройдетъ... у меня немного закружилась голова... въ залѣ такъ жарко... пройдемтесь по саду.

— Но вѣдь теперь сыровато-съ, возразилъ Захаръ Лаврентьичъ:—вонъ, видите, какая роса подымается-съ... Не простудитесь, Катерина Павловна-съ: вы вѣдь послѣ танцевъ-то разгорѣлись; сохрани Богъ, сейчасъ можно простудиться-съ.

— Ничего, пойдемте. Я чувствую, что мнѣ нуженъ воздухъ.

Катя сошла со ступенекъ крыльца. Захаръ Лаврентьичъ шелъ рядомъ съ нею. Нѣсколько минутъ они не говорили ни слова.

Катя первая прервала молчаніе.

— Какая чудесная ночь! сказала она.

— Да-съ.

Затѣмъ послѣдовало опять молчаніе.

— А мы съ вами давно не удили рыбы, Захаръ Лаврентьичъ. На дняхъ мы отправимся,—не правда ли?

— Я всегда готовъ-съ, когда вамъ будетъ угодно-съ, сказалъ Захаръ Лаврентьичъ грустно.

Нѣсколько шаговъ они прошли опять молча. Катя ощипывала листки своего полу-завядшаго букета.

— Вы что-то сегодня грустны, Захаръ Лаврентьичъ? сказала она случайно.

Захаръ Лаврентьичъ при этомъ вопросѣ началъ неловко обдергиваться.

— Нѣтъ-съ, ничего, отвѣчалъ онъ. — Это такъ...

— Какъ будто вы огорчены чѣмъ нибудь? разсѣянно продолжала Катя, вдыхая въ себя запахъ букета.

— О, нѣтъ-съ, нѣтъ, Катерина Павловна! А это на меня часто-съ находитъ раздумье... такъ...

Захаръ Лаврентьичъ остановился.

— Какое раздумье? спросила Катя, нисколько, впрочемъ, не заботясь объ отвѣтѣ.

— Да прійдетъ въ голову — думаешь себѣ: для чего ты, молъ, такъ болтаешься на Божьемъ свѣтѣ, просто что́ называется небо коптишь? ни для кого ты не нуженъ, всѣмъ ты чужой, для всѣхъ ты лишній... такъ и сдѣлается тяжело-съ...

Катя вдругъ на минуту забыла все, что волновало ее въ эти минуты, и сказала, обратившись къ Захару Лаврентьичу, съ горячимъ участіемъ:

— Нѣтъ, вы не для всѣхъ чужой, не для всѣхъ лишній... Тотъ, кто разъ узналъ васъ, не можетъ не привязаться къ вамъ, не можетъ не любить васъ. Вы сами не знаете себѣ цѣны. Для меня по крайней мѣрѣ вы не чужой, Захаръ Лаврентьичъ... Знаете ли, что послѣ моей матери я ни къ кому не чувствую такого уваженія, такой привязанности, какъ къ вамъ?

Глаза Захара Лаврентьича сверкнули на мгновеніе и

вдругъ всѣ наполнились слезами. Онъ произнесъ несвязно, задыхающимся голосомъ, почти захлебываясь:

— Благодарю васъ, Катерина Павловна... Благодарю васъ... Для васъ я готовъ... если когда нибудь... могло бъ случиться... еслибъ я могъ на что нибудь вамъ понадобиться... для васъ я на все готовъ... на все... я буду счастливъ, если... я...

Они уже были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома... Вздрогнувъ при звукѣ донесшейся до него музыки, Захаръ Лаврентьичъ быстро обернулся назадъ и бросился въ глубину сада, какъ будто преслѣдуемый кѣмъ нибудь.

Катя съ удивленіемъ посмотрѣла вслѣдъ ему. Она чувствовала потребность остаться одной, чтобы нѣсколько привести въ порядокъ свои мысли, и, спустившись по дорожкѣ къ пруду, бросилась на первую попавшуюся ей скамейку.

Мѣсяцъ, блѣднѣя, совсѣмъ уже вышелъ изъ-за рощи, осеребривъ часть пруда и плакучія ивы, купавшія въ темной водѣ свои гибкія вѣтви. Отъ скамейки, на которой сидѣла она, дорожка, изгибаясь вправо, исчезала въ густой зелени кустовъ и деревьевъ. Звуки музыки доходили сюда, замирая, и наконецъ совсѣмъ смолкли. Вдругъ ей послышался сзади неровный шелестъ шаговъ по песку и какъ будто звукъ сухой переломленной вѣтки. Катя оглянулась, но все смолкло и ничего не было видно. Черезъ минуту, однако, послышались ей другіе шаги, болѣе твердые, и грубый басъ:

— Богъ его знаетъ, куда онъ дѣвался! гдѣ его тутъ отъискивать?

Въ кустахъ что-то зашевелилось, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ голосъ.

— Да гдѣ вы? здѣсь, что̀ ли? раздался тотъ же басъ.

— Я здѣсь, Семенъ Николаичъ, отвѣчалъ тихій и нетвердый голосъ.

Катя притаила дыханіе и рѣшилась остаться на мѣстѣ.

— Да что́ у васъ такое произошло съ нимъ? сказалъ басъ.—Фу! съ меня еще до сихъ поръ потъ такъ и льетъ... Ужъ я сегодня такъ откалывалъ мазурку; да нельзя, воодушевитъ хоть кого: дѣвочка-то прелесть, такъ бы вотъ

и расцаловалъ ее, милашку... Ну, ну, разсказывайте, что́ такое, какъ это было.

Другой голосъ былъ такъ тихъ, что нельзя было ничего хорошенько разслушать; онъ иногда только возвышался въ волненіи, и до слуха Кати доходили отрывистыя фразы: «онъ воображаетъ, что ему все позволено, потому что онъ свѣтскій человѣкъ...» «Я давно замѣчалъ, что онъ обращается съ нею самымъ дерзкимъ образомъ...»

— Да вамъ-то что за дѣло до этого? сказалъ басъ.— Вѣдь охота же вступаться за этакую выдру! Ужъ не влюблены ли вы въ нее? Вотъ было бы забавно,—и басъ захохоталъ. — Погорячились, молодой человѣкъ, погорячились, напрасно. Ну, да теперь дѣлать нечего. Отступать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

— Такъ вы, Семенъ Николаичъ, согласны быть моимъ секундантомъ въ случаѣ вызова? возразилъ дрожавшій голосъ.

— Я отъ этого никогда не отказываюсь, отвѣчалъ басъ. — Только уполномочьте меня, а ужъ этотъ фертикъ отъ меня не увернется. Вы не безпокойтесь: онъ трусъ. Бьюсь о дюжинѣ шампанскаго, что онъ готовъ отказаться отъ дуэли; но я его заставлю стрѣляться, — будьте покойны...

— Но если онъ трусъ, такъ лучше оставить его въ покоѣ. Богъ съ нимъ...

— Какъ! отступать? закричалъ басъ: — что́ вы это? Ни подъ какимъ видомъ... Я сейчасъ пойду отъищу его... Мы не станемъ дожидаться его вызова.

— Нѣтъ, ужъ подождите немножко... Зачѣмъ же дѣлать шумъ? Здѣсь мнѣ неловко... вы понимаете. *Конте сюръ муа:* вѣдь я, батюшка, не на первой дуэли. Я ужъ это все устрою отличнѣйшимъ образомъ, безъ огласки, какъ аматёръ.

Затѣмъ послышались шаги. Разговаривавшіе удалялись, но голосъ баса еще долго звучалъ въ отдаленіи, хотя словъ уже невозможно было разслушать.

Оба эти голоса показались знакомыми Катѣ. Несмотря на собственное волненіе, Катя нѣсколько встревожилась такъ нечаянно подслушанною ею тайною и, не понимая,

за кого бы и съ кѣмъ могла быть эта дуэль, въ недоумѣніи встала черезъ нѣсколько минутъ со скамейки и пошла къ дому.

Вѣра Ивановна давно съ безпокойствомъ вездѣ искала ее.

— Катя моя, Катя! да гдѣ ты это была? говорила ей старушка, приглаживая волосы на ея вискахъ. — Ужъ намъ пора бы и домой, голубчикъ. Я велѣла закладывать лошадей...

— Я очень рада, маменька; поѣдемте.

— Да что́ ты такъ блѣдна, ей Богу? Ужъ здорова ли ты?

— Я ничего, я совершенно здорова, отвѣчала Катя, цалуя ее.

— А гдѣ этотъ Захаръ Лаврентьичъ? Ужъ я его тоже искала, искала — нигдѣ нѣтъ. Куда это онъ дѣвался? Лучше, кабы онъ въ одно время съ нами поѣхалъ: все было бы покойнѣе; а то ночью по дурной дорогѣ долго ли до грѣха!

— Онъ сейчасъ былъ въ саду; я съ нимъ говорила.

— Надобно бы отъискать его.

— О чемъ вы это безпокоитесь? спросилъ графъ, подойдя къ Вѣрѣ Ивановнѣ.

— Да вотъ разсуждаемъ о томъ, что пора домой, ваше сіятельство, отвѣчала старушка:—я ужъ ни за что не стану дожидаться ужина. Богъ съ нимъ... Тутъ вотъ есть нашъ сосѣдъ: такъ я его отъискиваю... Намъ по одной дорогѣ ѣхать: такъ все ночью какъ-то покойнѣе.

— Я тоже скоро, ѣду, сказалъ графъ: — мы выѣдемъ вмѣстѣ. Васъ проводитъ другой вашъ сосѣдъ... не все ли равно?

— Покорнѣйше благодарю васъ, графъ; но какъ это можно! да васъ и не отпуститъ такъ рано Александръ Иванычъ.

— Нѣтъ, я сейчасъ ѣду, сказалъ графъ рѣшительно. — Не безпокойтесь: я устрою такъ, что мы выѣдемъ вмѣстѣ.

— Какой онъ обязательный, услужливый! воскликнула Вѣра Ивановна, провожая удалявшагося графа глазами:— ужъ я не знаю, какъ и благодарить его за вниманіе къ намъ. Не правда ли онъ прекрасный человѣкъ, Катя?

— Да... но гдѣ Надежда Кондратьевна? быстро проговорила Катя, желая замять разговоръ о графѣ: — ей надобно сказать, что мы сейчасъ ѣдемъ. Я пойду, маменька, отъищу ее.

Отъискивая Надежду Кондратьевну, Катя замѣтила въ амбразурѣ окна Кобелякова, разговаривавшаго съ Вихляевымъ. Вихляевъ былъ въ совершенномъ замѣшательствѣ и блѣденъ какъ смерть. Она, впрочемъ, не обратила бы на это никакого вниманія, если бы не подслушанный ею нечаянно разговоръ въ саду.

Надежда Кондратьевна стояла у дверей залы, выходившихъ на подъѣздъ. Она была одна и очень задумчива.

— А я васъ вездѣ ищу, сказала ей Катя:—мы скоро ѣдемъ

— Ахъ, ma chère, я тоже васъ искала. Вы не повѣрите, въ какомъ я безпокойствѣ, произнесла таинственно шопотомъ Надежда Кондратьевна, отведя Катю въ сторону. — Ахъ, какой случай, еслибъ вы знали! страшно подумать...

— Что̀ такое?

— Вообразите... И Надежда Кондратьевна пересказала Катѣ сцену между угреватымъ поэтомъ и Вихляевымъ.

— Ну что̀, если они выйдутъ на дуэль? Это ужасно! ужасно! прибавила она въ заключеніе: — и представьте, что я невольной причиной всего этого. Я просто съ ума сойду отъ отчаянія...

И между тѣмъ, какъ она передавала все это Катѣ, Кобеляковъ велъ слѣдующій разговоръ съ Вихляевымъ.

— Вы понимаете, говорилъ Кобеляковъ, покручивая многозначительно усы:—что это не можетъ такъ остаться. *Се клеръ комъ ле журъ.* Вы сами потребовали отъ него объясненій, и онъ поручилъ мнѣ...

— Да я хотѣлъ, отвѣчалъ Вихляевъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, дѣлая всевозможныя усилія надъ собой, чтобы скрыть свою трусость: — я хотѣлъ очень миролюбиво объясниться... Это было недоразумѣніе съ обѣихъ сторонъ,—больше ничего... Помилуйте, зачѣмъ же намъ ссориться изъ какихъ нибудь пустяковъ? Это смѣшно... Разумѣется, разумѣется, если бы это было что нибудь серьез-

ное, если бы я чувствовалъ себя оскорбленнымъ... я на счетъ этого очень щекотливъ... оскорблять я себя, конечно, никому не позволю... я уже два раза въ своей жизни стрѣлялся... стрѣлять мнѣ не учиться... но согласитесь, что стрѣляться изъ пустяковъ...

— Извините меня, разсуждать объ этомъ не мое дѣло. Я только долженъ предупредить васъ, что Василій Александрычъ едва ли согласится кончить это такъ: онъ имѣетъ твердое намѣреніе просить у васъ удовлетворенія. *Же се сля пуръ сюръ.*

— Я, разумѣется, готовъ дать удовлетвореніе всякому, кто отъ меня его требуетъ законнымъ образомъ... но вы сами посудите... что̀ же онъ находитъ? ужъ скорѣй, если хотите, я могу быть на него въ претензіи... впрочемъ, я нисколько не въ претензіи.

Вихляевъ внутренно проклиналъ и пріѣздъ свой въ деревню, и желаніе пасторальной интрижки, и Надежду Кондратьевну, которая казалась ему въ эту минуту ужасно противною.

— Такъ что̀ же я долженъ отвѣчать Василью Александрычу? сказалъ Кобеляковъ настойчиво, вперяя въ Вихляева неумолимый и испытующій взглядъ, и какъ-то особенно страшно поводя усами: — во всякомъ случаѣ, если съ нашей стороны послѣдуетъ вызовъ, вы не откажетесь?

— Я не хотѣлъ бы имѣть серьезное дѣло изъ пустяковъ, но... но... Вихляевъ собралъ всѣ силы и произнесъ, закладывая свою дрожавшую руку за жилетъ, для приданія себѣ болѣе смѣлаго вида: — но я не имѣю привычки отказываться отъ вызововъ.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, позвольте мнѣ имѣть честь передать вамъ формальный вызовъ Василія Александрыча. Онъ удостоилъ меня выбора въ свои секунданты, и касательно условій я уже буду имѣть дѣло съ вашимъ секундантомъ. Впрочемъ я вамъ долженъ присовокупить, что *мы* съ своей стороны заранѣе согласны на всѣ условія.

«Нѣтъ спасенія, кончено!» подумалъ, замирая, Вихляевъ, прочитавъ приговоръ свой во взглядѣ Кобелякова и въ движеніи усовъ его.

— Мнѣ необходимо нѣсколько времени, сказалъ онъ:— я увѣдомляю на дняхъ о моихъ условіяхъ.

— Мы будемъ ожидать отвѣта, сказалъ, поклонившись, Кобеляковъ.

И потомъ вдругъ, какъ человѣкъ ловкій, перемѣнилъ разговоръ:

— А балокъ удался, очень удался... *сете тре з'аниме*... и много хорошенькихъ... Замѣтили вы эту барышню въ оранжевомъ платьицѣ — вонъ что̀ стоитъ тамъ? я съ ней танцовалъ мазурку... то есть просто душка.

Кобеляковъ началъ совершенно безцеремонно обращаться съ Вихляевымъ, на котораго онъ смотрѣлъ въ началѣ не безъ подобострастія, и потрепалъ его по плечу. Вихляевъ, который при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ не допустилъ бы съ собою такого обращенія и уничтожилъ бы дерзкаго однимъ взглядомъ въ свое стеклышко,— на этотъ разъ привѣтливо посмотрѣлъ на Кобелякова и отвѣчалъ безсознательно:

— Да, это правда, очень хорошенькая, — хотя онъ не видалъ ничего и не зналъ, о комъ идетъ рѣчь, потому что ему было вовсе не до душекъ: онъ чувствовалъ внутреннюю лихорадку и нестерпимую горечь на языкѣ.

— Гдѣ графъ? гдѣ графъ? твердилъ Александръ Иванычъ въ волненіи, всѣмъ попадавшимся ему и, увидѣвъ Вихляева, спросилъ:

— Говорятъ графъ сбирается ужъ ѣхать? Правда ли это?

— Я не знаю... не слыхалъ, отвѣчалъ Вихляевъ.

— Это невозможно! произнесъ Александръ Иванычъ.— Я его не пущу, ни за что не пущу!

Отъискавъ графа, онъ бросился къ нему:

— Ваше сіятельство, сказалъ онъ: — говорятъ будто вы сбираетесь ѣхать... Это невозможно... Позвольте мнѣ поступить съ вами деспотически... Прежде долгъ подобаетъ совершить вечернюю трапезу, ибо безъ васъ намъ вино не будетъ въ-сласть: *потребенъ бо ти есть*, какъ сказано гдѣ-то... Мы выпьемъ еще немного...

— Нѣтъ, благодарю васъ: я не могу пить...

— Немного выпить на дорогу не мѣшаетъ, графъ.

Невинно вино, укоризненно же піянство... Да нѣтъ, ужъ я не пущу васъ, ваше сіятельство, ни за что не пущу!

— Послушайте, Александръ Иванычъ, сказалъ графъ:— я готовъ всегда исполнять ваши желанія, но предоставьте мнѣ сегодня свободу... прошу васъ... я что-то чувствую себя не очень здоровымъ. Пожалуста не удерживайте меня...

— Да ужинъ будетъ готовъ въ одно мгновеніе ока...

— Нѣтъ, нѣтъ! благодарю васъ; я всегда, когда угодно, къ вашимъ услугамъ, только не теперь...

Несмотря на всѣ убѣжденія Александра Иваныча, графъ остался непоколебимъ.

— Ну, Богъ съ вами! дѣлать нечего! сказалъ Александръ Иванычъ, махнувъ въ отчаяніи рукою:—но вы этимъ старика очень огорчили.

— Ну, я когда нибудь въ другой разъ постараюсь чѣмъ нибудь утѣшить васъ.

Экипажи Вѣры Ивановны и графа поданы были къ крыльцу въ одно время. Начались проводы. Хозяинъ и хозяйка дома стояли на крыльцѣ, освѣщенномъ плошками... Небо начинало застилаться тучами, за которыми скрылся мѣсяцъ, а вдали виднѣлось зарево, отъ нѣсколькихъ смоляныхъ бочекъ, зажженныхъ по дорогѣ за деревнею. Тарантасъ Вѣры Ивановны былъ поданъ первый. Послѣ прощанія, поцалуевъ, поклоновъ и благодарностей дамы усѣлись въ тарантасъ. Илья Семенычъ, находившійся тутъ же, подсадилъ Надежду Кондратьевну и, обратясь къ Вѣрѣ Ивановнѣ, сказалъ:

— Вы *позволите* мнѣ, сударыня, *имѣть честь* явиться къ вамъ на сихъ дняхъ?

Тарантасъ двинулся. Вслѣдъ за нимъ подана была и коляска графа. Въ эту минуту какимъ-то образомъ вдругъ очутилась бутылка шампанскаго въ рукѣ Александра Иваныча.

— Эту бутылку непремѣнно здѣсь сейчасъ надо распить, сказалъ онъ.

— Урра! завопилъ Илья Семенычъ.

Дѣлать было нечего. Графъ и его спутники повиновались, но Вихляевъ едва только прикоснулся губами къ

своему стакану. Всѣхъ болѣе въ этой бутылкѣ участвовалъ Илья Семенычъ.

— Счастливый путь вашему сіятельству! кричалъ онъ во все горло.

— *Addio!* нѣсколько разъ повторилъ Александръ Иванычъ.

— *Adieu! m-r le comte*.. благодарю васъ... прокричала Алена Ѳедоровна...

— Пошелъ! закричалъ графъ кучеру.

Кучеръ тронулъ возжами... «Счастливый путь! ура!» раздалось на всю деревню...

— Понятно, сказала Алена Ѳедоровна, обратясь къ супругу и иронически прищуривая глаза: — почему графъ не хотѣлъ остаться. Ну какъ ты хочешь, мой другъ, а это немножко смѣшно!

Александру Иванычу было очень пріятно, когда Алена Ѳедоровна была съ нимъ на ты и обращалась къ нему въ разговорѣ съ нѣжными прибавленіями: *мой другъ*, *папаша*, и тому подобными. Онъ какъ рѣдкость высоко цѣнилъ такія ласкающія прозвища въ устахъ ея, и самъ обыкновенно разнѣживался въ эти минуты.

— Да, замѣтилъ онъ, сладко улыбаясь и покачивая головою:—ты Леночка, имѣешь вѣрный, мѣткій взглядъ... Отъ твоего взгляда, дружечекъ, ничто не укрывается... Да! дѣвку-то онъ, кажется, сведетъ съ ума!..

Коляска графа скоро нагнала тарантасъ.

Небольшія сѣрыя тучки постепенно застлали все небо, такъ что сдѣлалось довольно темно; начиналъ накрапывать мелкій дождикъ, но верхъ графской коляски и фор-декъ заранѣе были подняты... Слѣдуя за тарантасомъ, лошади бѣжали мелкой рысью по довольно гладкой проселочной дорогѣ, окаймленной небольшимъ кустарникомъ. Коляска какъ люлька покачивалась на покойныхъ англійскихъ рессорахъ. Господинъ съ неуловимыми глазками скоро задремалъ; графъ молча покуривалъ сигару; Вихляевъ не могъ ни говорить, ни спать, подавленный самыми черными и страшными мыслями. Дождикъ усиливался.

— Послушайте, господа, сказалъ графъ:—вѣдь намъ кажется изъ вѣжливости надобно уступить нашу коляску

дамамъ. Ихъ тарантасъ не можетъ защитить ихъ отъ дождя.

Отвѣта не было.

— Э! да вы ужъ спите...

— Нѣтъ, я не сплю, отозвался печально Вихляевъ.

Графъ разбудилъ господина съ неуловимыми глазками и передалъ ему свою мысль. Господинъ съ неуловимыми глазками потянулся, зѣвнулъ и спросилъ: «Что такое»? Графъ повторилъ ему, въ чемъ дѣло, но мысль графа ему не слишкомъ понравилась.

— Пожалуй, сказалъ онъ, поморщившись и снова лѣниво потягиваясь и зѣвая.

Но графъ наклонился къ его уху и что-то шепнулъ ему.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ онъ: я готовъ. Мы съ Вихляевымъ сядемъ въ ихъ тарантасъ.— Только вы пожалуста не болтайте, Вихляевъ: я спать хочу.

Тарантасъ былъ остановленъ. Графъ вышелъ изъ коляски и подошелъ къ Вѣрѣ Ивановнѣ съ своимъ предложеніемъ. Вѣра Ивановна, какъ и слѣдовало ожидать, начала церемониться, отказываться, благодарить, но графъ наконецъ послѣ довольно продолжительныхъ увѣщаній убѣдилъ ее. Онѣ перемѣстились въ его коляску и графъ сѣлъ напротивъ Кати.

Онъ приказалъ кучеру не торопиться, а ѣхать тише и осторожнѣе.

Послѣ первыхъ разговоровъ все смолкло... Вѣра Ивановна начала покачиваться и вздрагивать, а потомъ крѣпко заснула... Надежда Кондратьевна дремала... Катя тоже дремала или, можетъ быть, только сидѣла съ полузакрытыми глазами... Графъ не спалъ.

ГЛАВА VII.

Катя черезъ день брала уроки въ верховой ѣздѣ, въ графскомъ манежѣ, и графъ всякій разъ самъ присутствовалъ при этихъ урокахъ. Она ѣздила въ Покровское первые два раза въ сопровожденіи матери, а потомъ Вѣра

Ивановна стала отпускать ее съ Надеждой Кондратьевной, убѣдясь собственными глазами, что жизнь ея Кати не подвергается опасности. Катя дѣлала быстрые успѣхи. Она была очень смѣла на лошади и съ каждымъ днемъ болѣе привязывалась къ своей *миссъ Аннетъ*, благородная кровь которой обнаруживалась огнемъ глазъ, необыкновенною мягкостію движеній и соразмѣрностію и красотою всѣхъ частей. Часто послѣ урока Катя завтракала у графа и гуляла съ нимъ по саду. Графъ очень часто ѣздилъ въ Березовку и проводилъ тамъ всегда по нѣскольку часовъ. Вѣра Ивановна совсѣмъ привыкла къ нему и стала обращаться съ нимъ совершенно безъ всякой церемоніи.

— Вотъ если бы всѣ графы-то да князья были такіе, какъ вы, мой батюшка! говорила она, глядя на него съ умиленіемъ.

— Да что же, Вѣра Ивановна, вѣдь они всѣ такіе, замѣчалъ графъ.

— Какъ можно!... возражала старушка:—ты одинъ изъ нихъ такой уродился, ей Богу.

Вѣра Ивановна, часто не замѣчая того, начинала уже поговаривать ему ты.

— Я хоть немного, хоть и издалека, а видала-таки знатныхъ особъ. У! какіе неприступные, Господи Боже мой! На насъ, простыхъ людей, они и смотрѣть-то не хотятъ.

Графъ смѣялся, очень мило шутилъ съ нею и былъ внимателенъ даже ко всѣмъ гостямъ ея, съ которыми встрѣчался, особенно къ Захару Лаврентьичу, какъ къ самому близкому человѣку въ ея домѣ.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, графъ объявилъ Катѣ, что теперь она можетъ ѣздить и не въ манежѣ, и что на дняхъ, если она желаетъ, онъ выѣдетъ съ нею въ паркъ.

Между тѣмъ какъ графъ все болѣе и болѣе сближался съ Катею, въ его Покровскомъ,—гдѣ почти безъвыѣздно гостили Александръ Иванычъ, Илья Семенычъ и еще нѣкоторыя лица, исчезавшія на заднемъ планѣ,—совершались довольно драматическія и забавныя сцены, придававшія большое разнообразіе деревенской жизни графа и очень забавлявшія его и господина съ неуловимыми глазками.

Возвратясь отъ Александра Иваныча, Вихляевъ не спалъ всю ночь и весь слѣдующій день провелъ въ самомъ тревожномъ состояніи, дѣлая надъ собою страшныя усилія, чтобы скрывать свою внутреннюю тревогу. Но разстройство его прически, блѣдность лица, небрежность банта на галстухѣ, несвойственная ему задумчивость,—все это невольно выдавало его.

— Что это, Вихляевъ, вы какъ будто осовѣли? Что̀ съ вами? ужъ не влюблены ли вы, мой другъ? спросилъ его господинъ съ неуловимыми глазками, когда они сидѣли на балконѣ за вечернимъ чаемъ.

— Какіе пустяки! пробормоталъ Вихляевъ.—Это мнѣ нравится—влюбляться *здѣсь!!*

— Ахъ, извините! въ самомъ дѣлѣ, *здѣсь* нѣтъ васъ достойныхъ женщинъ. Васъ можетъ оцѣнить только такая женщина... Жаль! А я думаю, можно и здѣсь влюбиться... отчего же? прибавилъ онъ съ тонкою улыбкою.

— Какая любовь, что̀ за любовь! возразилъ Вихляевъ.

— А вы не вѣрите любви, мой другъ? Такъ рано, въ такія молодыя лѣта васъ ужъ мучатъ сомнѣнія,—вы разочарованы, вамъ все наскучило?

Господинъ съ неуловимыми глазками обратился къ графу.

— Сережа, посмотри на эту фигуру. На что онъ похожъ?

Графъ засмѣялся.

— Да что съ вами? прибавилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— Я не такъ здоровъ... Оставьте меня въ покоѣ. Что̀ вы ко мнѣ пристали?

— Въ васъ принимаютъ участіе, вами интересуются, а вы отвѣчаете грубостями.

Господинъ съ неуловимыми глазками подошелъ къ Вихляеву и взялъ его за подбородокъ.

— Не послать ли за докторомъ? Какъ вы блѣдны! Ужъ не отъ вчерашней ли воды?

— Сдѣлайте одолженіе, отстаньте... вы надоѣли.

— Ему не нравятся мое участіе и вниманіе!...

И господинъ съ неуловимыми глазками захохоталъ и началъ разсказывать графу исторію съ водою.

— Въ самомъ дѣлѣ, что̀ съ тобою? сказалъ графъ Вихляеву.

— Это такъ... право, ничего... голова что-то болитъ.

Подъ предлогомъ головной боли, онъ удалился къ себѣ ранѣе обыкновеннаго и принялся за перо и бумагу—орудія, которыя онъ употреблялъ очень рѣдко: только въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ своей жизни.

Отъ непривычки ли писать, или отъ волненія, онъ раздиралъ не разъ написанное. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, роковое письмо къ угреватому поэту—было окончено, вложено въ пакетъ и запечатано. Письмо это, по своей оригинальности, достойно того, чтобы сообщить его читателю.

Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь!

«Я получилъ вашъ вызовъ черезъ г. Кобелякова, хотя это, признаюсь, меня очень удивило, потому что между нами ничего такого, кажется, не было, что моглобы подать поводъ къ вызову, и я васъ не желалъ ничѣмъ оскорбить. Но я не привыкъ отказываться отъ вызововъ, и мнѣ не въ первый разъ быть на дуэли. Я не боюсь смерти—это ужъ я доказалъ. И такъ, принимая вашъ вызовъ, я только намѣренъ сдѣлать вамъ предложеніе, чтобы намъ стрѣляться безъ секундантовъ. Къ чему намъ впутывать постороннихъ людей и дѣлать имъ напрасныя безпокойства. Секунданты все-таки имѣютъ отвѣтственность передъ закономъ... Я знаю, что графъ не отказался бы быть моимъ секундантомъ, по его привязанности и дружбѣ ко мнѣ, и самъ бы еще вызвался, если бы узналъ объ этомъ; но я никакъ и ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на это. Къ тому же другихъ знакомыхъ здѣсь у меня нѣтъ, а къ незнакомымъ, вы сами согласитесь, явиться съ такимъ предложеніемъ странно; да и къ чему пустая огласка? Лучше все устроить такъ, безъ шуму, чтобы никто не зналъ и не подозрѣвалъ объ этомъ.

«Вы пріѣдете сюда съ вашимъ батюшкой, какъ будто для того только, чтобы гостить у графа. Мы, сговорив-

шись заранѣе, поѣдемъ куда-нибудь подальше отъ деревни, взявъ съ собой пистолеты, какъ будто бы для того, чтобы стрѣлять въ цѣль. Чтобы отвлечь всякое подозрѣніе кучера, дорогой мы заведемъ нарочно для него самый веселый, самый дружескій разговоръ, между прочимъ и о стрѣльбѣ въ цѣль. Остановясь въ томъ мѣстѣ, которое мы найдемъ удобнымъ, выйдемъ изъ экипажа; кто-нибудь изъ насъ намѣтитъ цѣль на деревѣ, для того, чтобы совершенно отстранить подозрѣніе; мы сдѣлаемъ сначала нарочно нѣсколько выстрѣловъ. Тотъ, кому выпадетъ жребій стрѣлять первому, заранѣе брошенный нами *(comme de raison)*, тотъ станетъ наконецъ на извѣстномъ разстояніи въ позицію; въ это время другой можетъ какъ бы нечаянно подбѣжать къ цѣли, сказавъ: разъ, два... и не отходя отъ цѣли. Онъ еще не проговоритъ: три, какъ долженъ раздастся выстрѣлъ; если онъ будетъ убитъ или раненъ, это будетъ, какъ бы нечаянно—во время стрѣльбы въ цѣль. Если же вы это найдете неудобнымъ, то можно устроить проще. Мы бросимъ жребій, кому изъ насъ умереть. Тотъ, кому выпадетъ этотъ жребій, обязанъ застрѣлиться не позже назначеннаго срока; необходимо, чтобы въ такомъ случаѣ при немъ была записка, что онъ застрѣлилъ себя добровольно, для отклоненія всякихъ подозрѣній и розысковъ мѣстнаго начальства. Послѣднее, какъ я полагаю, лучше всего. Во всякомъ случаѣ, я буду съ нетерпѣніемъ ожидать васъ сюда, для окончательнаго личнаго объясненія, и прошу васъ быть увѣреннымъ, что я отклоняться отъ вызова не желаю: рука моя довольно наметана въ стрѣльбѣ, особенно изъ пистолета; на твердость ея я надѣюсь.

«Въ ожиданіи васъ сюда, остаюсь...» и прочее.

«P. S. Письмо это я прошу васъ показать г. Кобелякову и передать ему мое почтеніе».

Утромъ Вихляевъ отдалъ письмо управляющему и просилъ его распорядиться, чтобы оно немедленно было отослано въ Соколовку.

— Только вы, Василій Иванычъ, сказалъ онъ: — не велите дожидаться отвѣта. Отвѣтъ не нуженъ. Просто скажите, чтобы это отдали сыну Александра Иваныча,—

и больше ничего. Онъ меня тамъ просилъ объ одной вещи: такъ я его увѣдомляю.

— Хорошо, сударь, хорошо, сказалъ управляющій: — будетъ сейчасъ послано; не безпокойтесь...

Управляющій посмотрѣлъ на Вихляева.

— Да что̀ это вы, батюшка, такъ вдругъ осунулись, какъ будто нездоровы, что ли?

— Точно, я нездоровъ: я желудокъ испортилъ, Василій Иванычъ; вотъ другой день чувствую себя что-то не очень хорошо.

— И, батюшка, сказалъ управляющій: — да что вы мнѣ не сказали прежде? Я давно бы васъ вылечилъ. Я, вотъ видите ли, хоть и простой, неученый человѣкъ, медицинѣ не обучался, а кое-что и по врачебной части маракую. Да я къ этимъ докторамъ никогда, я вамъ скажу, не прибѣгаю: если я прихворну, такъ самъ себя вылечу. Впрочемъ, *мы* вѣдь не то что *вы*, сударь: намъ признаться, и хворать-то когда... дѣла вотъ до сихъ поръ...

Управляющій показалъ рукою до губъ и потомъ вынулъ табакерку и, понюхивая, продолжалъ:

— Чуть чего не доглядишь, а у его сіятельства изъ кармана двѣ три тысячи вонъ: такъ это нехорошо... А лекарство я вамъ дамъ отличнѣйшее... Желудочныя капли называемыя. Теперь примете десять капелекъ въ рюмочкѣ воды да на ночь десять капелекъ; такъ завтра вы будете опять молодецъ-молодцомъ, — вотъ увидите. Погодите-ка, я вамъ принесу сейчасъ. Эти капли и мнѣ и женѣ моей, я вамъ скажу, удивительно какъ помогаютъ. Она тоже часто страдаетъ желудкомъ.

«Мнѣ онѣ не помогутъ!» подумалъ печально Вихляевъ...

Передъ самымъ полученіемъ письма отъ Вихляева, угреватый поэтъ мрачно прохаживался по отдаленной и полу-заросшей дорожкѣ сада, которая шла по берегу оврага, размышляя такимъ образомъ съ самимъ собою.

«Стрѣляться!... И изъ-за чего я буду стрѣляться? для чего я стану подставлять свою грудь подъ дуло пистолета, — грудь, полную высокихъ порываній и стремленій? для чего я позволю безсмысленно застрѣлить себя какому нибудь пустому и глупому мальчишкѣ, у котораго въ головѣ

не было никогда и признака мысли? и имѣю ли еще я право такъ опрометчиво располагать своею жизнію? Передо мной — богатое будущее. Мысль моя только начала крѣпнуть и развиваться, — и перервать все это, пренебречь всѣмъ этимъ, безумно опустить руку въ урну, изъ которой, можетъ быть вынется мнѣ билетъ смерти!... Умереть!... изъ-за кого? изъ-за чего? изъ-за женщины, которую я имѣлъ глупость считать выше обыкновенныхъ женщинъ, и которая оказалась вдругъ ничтожною, пошлою и пустою, ни на одинъ шагъ не выходящею изъ толпы!... Не безуміе ли это?... И я стану подчиняться нелѣпымъ общественнымъ предразсудкамъ и условіямъ?... Что̀ такое дуэль?»

Угреватый поэтъ сложилъ на-крестъ руки, покачалъ головою и улыбнулся съ горькой и ядовитой ироніей.

Видъ съ горы, на которой стоялъ онъ, былъ очень не дуренъ. Подъ ногами его, внизу горы и въ оврагѣ, росли старыя и густыя деревья, и сквозь ихъ темную, свѣжую зелень на самомъ днѣ свѣтился ручей; за оврагомъ, вдали, широко и привольно разстилались, на солнечномъ припекѣ, поля, желтѣвшія рожью; виднѣлись деревеньки, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ; ярко горѣлъ шпиль церковной колокольни; птицы весело носились въ воздухѣ съ своими пѣснями и чиликаньемъ; ближе къ пруду, за самымъ садомъ, передъ деревнею, слышенъ былъ плескъ воды, крики и взвизгиванье купающихся бабъ и дѣвокъ; надъ самымъ ухомъ поэта прожужжала пчела и, съ шумомъ покружившись надъ цвѣткомъ, жадно впилась въ его чашечку... Все жило такою полною, такою роскошною жизнію кругомъ него.

«Умереть! это ужасно!... Нѣтъ! я не покорюсь, я не долженъ покориться жалкимъ предразсудкамъ... Долгъ! условія чести! все это пустыя фразы!» думалъ онъ, возвращаясь къ дому медленными шагами.

У самаго крыльца ему подали письмо.

— Откуда это? спросилъ онъ, измѣняясь въ лицѣ.

— Изъ Покровскаго, изъ графскаго села привезъ мужикъ.

Угреватаго поэта точно кольнуло въ сердце при этомъ отвѣтѣ. Онъ положилъ письмо въ карманъ, не распечаты-

вая его, и, войдя къ себѣ въ комнату, бросился на постель, уткнувъ голову въ подушку.

Въ такомъ положеніи онъ задремалъ. Его тревожили странныя и мучительныя грёзы. Ему мерещилось, что онъ долженъ стрѣляться на небольшой площадкѣ скалы, какъ Печоринъ съ Грушницкимъ, что сзади его страшная пропасть, что спасенія нѣтъ никакого, что онъ стрѣлялъ первый и не попалъ въ Вихляева, и что Вихляевъ, вдругъ превратившись въ Печорина, говоритъ ему, направивъ дуло пистолета прямо въ его сердце:

— Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу.

Роковой выстрѣлъ раздался, и бѣдный поэтъ чувствуетъ, что онъ, раненый, летитъ въ пропасть, внизъ головою.

Онъ проснулся. Кровь сильно волновалась въ немъ.

«Какой вздоръ — сказалъ онъ самому себѣ — и отчего мнѣ пригрезился этотъ Печоринъ? Устарѣлый типъ пошлаго разочарованія и нелѣпаго фатализма! Для тебя выйдти на дуэль было все равно что выпить стаканъ воды; но это-то и показываетъ твою призрачность и ничтожество... Я понимаю идти на смерть за какую нибудь идею, но застрѣлить пошлаго фата или быть имъ застрѣленнымъ — это недостойно мыслящаго человѣка!

Онъ вынулъ изъ кармана письмо и сталъ медленно его распечатывать, потомъ, освободивъ его изъ пакета, сначала робко заглянулъ въ него, и наконецъ, да и то не совсѣмъ рѣшительно, началъ читать. Слова: мнѣ не въ первый разъ быть на дуэли... я не боюсь смерти... рука моя довольно наметана въ стрѣльбѣ, особенно изъ пистолета; на твердость ея я надѣюсь...» произвели на него тяжелое впечатлѣніе; при этихъ словахъ какъ будто какія-то ледяныя мурашки пробѣжали внутри его.

Онъ задумался, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, велѣлъ наконецъ заложить бѣговые дрожки и на этихъ дрожкахъ отправился къ Кобелякову, деревня котораго находилась только въ десяти верстахъ отъ Соколовки.

День былъ жаркій. Кобеляковъ лежалъ навзничъ въ своемъ кабинетѣ, въ желтой шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ и въ широкихъ красныхъ мериносовыхъ шараварахъ на ситцевомъ, оборванномъ и засаленномъ диванѣ.

Онъ занимался пусканіемъ изо рта табачнаго дыма кольцами, нѣсколько скосивъ глаза. Передъ нимъ, на маленькомъ столикѣ, стояла тарелка съ квассіей, покрытой чернымъ слоемъ мухъ, окончившихъ свое существованіе. Недвижныя мухи лежали кругомъ его на полу, на столикѣ и на краяхъ тарелки, а нѣкоторыя едва ползали вокругъ въ совершенномъ одурѣніи, будучи уже не въ состояніи шевелить крылышками. Утомясь пусканіемъ колецъ, Кобеляковъ начиналъ не безъ удовольствія слѣдить за слабыми и судорожными движеніями отравленныхъ насѣкомыхъ, приговаривая:

«Ништо вамъ, поганыя! погодите — всѣ переколѣете! Ну-ка, ну-ка, попробуй, пошевели крыломъ!... что призадумалась?... Нечего тереть ножку-то объ ножку. Что квассія-то видно не свой братъ?... опьянѣла шельма... ну-ка, хвати еще! И для чего спрашивается, созданы эти мухи? для чего?»

Когда и мухи переставали занимать его, онъ посвистивалъ, покрикивая отъ времени до времени:

— Человѣкъ — трубку!

Увидѣвъ передъ собою угреватаго поэта, онъ приподнялся немного съ дивана, протянулъ ему руку и произнесъ:

— *Бонжуръ, кесъ килья де нуво!*... Ну что, письмо получено? Фу, жарища-то какая!... Не хотите ли водки? Я вамъ скажу, что это единственное спасеніе въ жаръ... Удивительно то есть какъ прохлаждаетъ.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю. Я пріѣхалъ съ вами переговорить... посовѣтоваться... Письмо получено... вотъ оно... я вамъ прочту его...

— Читайте, читайте, скороговоркою и сильно затянувшись, произнесъ Кобеляковъ.

— Ну, что̀ вы думаете объ этомъ? прочитавъ письмо, сказалъ съ безпокойствомъ угреватый поэтъ.

— Трусъ — больше ничего, произнесъ съ важностію Кобеляковъ, потянувъ свои усы къ низу.

— Отчего же трусъ? Въ этомъ письмѣ я не вижу трусости.

— Вы не видите, а я вижу... Ужъ это значитъ по-

ѣхалъ на попятный дворъ... Стрѣляться безъ секундантовъ! застрѣлиться по жребію!.. вишь что̀ выдумалъ!

Кобеляковъ захохоталъ.

— А еще петербургскій левъ... хороши тамошніе львы! Какой онъ левъ — насѣкомое онъ этакое!.. да онъ слабѣе этой мухи.

И Кобеляковъ указалъ на шатавшуюся муху.

— *Пароль д'онѐръ, Же ву ди ке се комса...*

— Но какъ бы то ни было, а я стрѣляться не намѣренъ, сказалъ поэтъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Что̀?.. что̀ вы сказали? вскрикнулъ Кобеляковъ, вскакивая съ дивана.—Что̀?.. Да меня-то вы за кого же считаете? Вѣдь *я*, кажется, передалъ ему вашъ вызовъ...

— Послушайте, Семенъ Николаичъ...

— Стало быть *я* солгалъ? продолжалъ Кобеляковъ, не слушая его и размахивая чубукомъ. — Этого я никому не позволю не только сказать, даже подумать — тутъ же на мѣстѣ застрѣлю безъ всякихъ объясненій — возьму пистолетъ да и застрѣлю...

И Кобеляковъ схватилъ при этомъ со стѣны пистолетъ.

— Выслушайте меня, Семенъ Николаичъ, сказалъ угреватый поэтъ, бросая умоляющій взглядъ на храбраго штабъ-ротмистра:—оставьте этотъ пистолетъ, Бога ради, — вѣдь, можетъ быть, онъ заряженный; съ этимъ шутить нельзя: бывали такіе случаи...

Кобеляковъ вытянулъ руку съ пистолетомъ, прищурилъ одинъ глазъ и началъ цѣлиться въ кривой подсвѣчникъ, стоявшій на комодѣ.

— Выслушайте, повторилъ поэтъ, отскакивая назадъ.

— Ну, говорите; я слушаю...

Угреватый поэтъ началъ прерывающимся голосомъ и не совсѣмъ складно развивать ему свой образъ мыслей о людскихъ предразсудкахъ, о ложномъ пониманіи долга чести, и прочее и прочее.

— Смотрите-ка, смотрите-ка, закричалъ Кобеляковъ, не слушая: — разъ... два... три...

И онъ выстрѣлилъ.

Когда дымъ разсѣялся, онъ обратился къ поэту:

— Это вздоръ: это такъ, холостой зарядъ; а вотъ я однажды—свидѣтелемъ этого былъ весь полкъ, всѣ товарищи — попалъ въ туза изъ пистолета на двадцати-осьми шагахъ. Еще тутъ между прочимъ былъ ротмистръ Зоричъ—отчаянный бретёръ, первый стрѣлокъ, который, можетъ быть, въ свою жизнь до дюжинки народу-то положилъ на мѣстѣ!..

И Кобеляковъ прищурилъ правый глазъ и потрепалъ угреватаго поэта по плечу.

— Вотъ какъ!.. А на бретёра, я вамъ скажу, совсѣмъ былъ непохожъ: такой приземистый, блѣдный, самаго субтильнаго сложенія, — *тре делика*...

Угреватый поэтъ дѣлалъ только видъ, что слушаетъ Кобелякова, внутренно проклиная себя за то, что сдѣлалъ его своимъ посредникомъ. Мысли поэта заняты были другимъ, и когда Кобеляковъ кончилъ, онъ сказалъ:

— Я поѣду въ Покровское на дняхъ, съ батюшкой, и самъ объяснюсь съ Вихляевымъ. Какъ вы полагаете?

— Сохрани васъ Боже! Этого ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ дѣлать... Онъ еще подумаетъ, что вы струсили. Я тоже пріѣду къ графу — ужъ предоставьте это дѣло мнѣ... Я все улажу, какъ нельзя лучше... Отъ меня онъ не увернется: я заставлю его... или стрѣляться, или публично, при всѣхъ просить у васъ извиненія; что нибудь изъ двухъ.

— Да вѣдь онъ пишетъ, что онъ меня не хотѣлъ оскорбить...

— Вздоръ, помилуйте! Эхъ, юноша! вы ничего не понимаете въ такого рода дѣлахъ. Вызовъ сдѣланъ... что̀жъ тутъ разговаривать!.. не отступать же намъ... А позвольте, я еще васъ не спросилъ...

Кобеляковъ съ важностію надвинулъ брови.

— Хорошо ли вы стрѣляете-то изъ пистолета?

— Какое! Я ни разу въ жизни не выстрѣлилъ, сказалъ угреватый поэтъ жалобнымъ голосомъ.

— Можетъ ли это быть! воскликнулъ съ ужасомъ Кобеляковъ. — *Кель иде!* Вы шутите.

— Вовсе не шучу.

— Да помилуйте, какъ же это можно? *Кеске се донкъ?*

Ну вотъ эдакой случай... Впрочемъ не безпокойтесь: я вамъ успѣю дать нѣсколько уроковъ... Главное—твердость въ рукѣ и мѣткость во взглядѣ... Когда вы поѣдете въ Покровское?

— Батюшка хотѣлъ ѣхать дней черезъ шесть: такъ я ужъ поѣду вмѣстѣ съ нимъ.

— Ну и прекрасно! и я поѣду въ одно время съ вами.

— Но послушайте, Семенъ Николаичъ, я вамъ говорю, что, по моимъ понятіямъ, дуэль—это нелѣпость, это противорѣчитъ всѣмъ моимъ убѣжденіямъ.

— Да позвольте же васъ наконецъ спросить, перебилъ его Кобеляковъ: — послѣ этого каждый безнаказанно мнѣ можетъ плюнуть въ лицо. Помилуйте, вы умный и ученый человѣкъ: какъ же это вы говорите? еще стихи пишете!.. Не будь я въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ, мнѣ было бы все равно, какъ бы вы тамъ хотѣли, такъ и дѣлались,— теперь же это совсѣмъ другое дѣло. Тутъ ужъ дѣло, такъ сказать, касается и моей чести... и я не могу допустить.

— Ну дѣйствуйте, какъ хотите, безнадежнымъ голосомъ произнесъ угреватый поэтъ, махнувъ рукою.

— *Конте сюръ муа*, сказалъ Кобеляковъ, пожимая ему руку.

И поэтъ послѣ этого свиданія еще въ болѣе разстроенномъ состояніи духа возвратился домой. Черезъ нѣсколько дней онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и Кобеляковымъ, который тайно далъ ему нѣсколько уроковъ въ стрѣльбѣ, отправился въ Покровское.

Пріѣздъ ихъ повергъ Вихляева въ совершенную безнадежность. Закладыванье пальцевъ за жилетъ, вставленіе въ глазъ стеклышка, самодовольное выраженіе лица, гордое прищуриванье глазъ,—все это было забыто. Вихляевъ совсѣмъ растерялся. Онъ искоса посмотрѣлъ на угреватаго поэта, который взглянулъ на него также не совсѣмъ прямо, и они вѣжливо и сухо поклонились другъ другу. Оба они, казалось, избѣгали всякихъ объясненій. Зато Кобеляковъ былъ любезенъ до невѣроятности и болѣе нежели когда нибудь пересыпалъ свои разговоры французскими фразами.

Послѣ обѣда, когда Александръ Иванычъ, сидя на галлереѣ съ графомъ, покуривалъ сигару и прихлебывалъ кофе,

развивая какой-то политико-экономическій вопросъ, Кобеляковъ подошелъ къ господину съ неуловимыми глазками и многозначительно сказалъ ему:

— *Же а ву парле.* Пройдемтесь немного по саду.

Господинъ съ неуловимыми глазками взглянулъ на него такъ, какъ будто хотѣлъ сказать ему: «это что̀ такое? кто тебѣ далъ право заговаривать со мною. Я не люблю фамильярности... Между нами, любезнѣйшій, нѣтъ ничего общаго».

Но вмѣсто этого, онъ просто сказалъ ему:

— Что̀ вамъ угодно?

— Я имѣю кое-что сообщить вамъ безъ свидѣтелей, возразилъ Кобеляковъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками еще разъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, проговорилъ: «хорошо», и сошелъ со ступенекъ галлереи на дорожку сада, не заботясь слѣдуетъ ли онъ за нимъ... Кобеляковъ поровнялся съ нимъ, и они пошли по боковой аллеѣ. Господинъ съ неуловимыми глазками молчалъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на храбраго штабъ-ротмистра.

— Вы, вѣроятно, изволите знать, началъ Кобеляковъ, поглаживая свои усы: — о непріятной исторіи, которая произошла между Вихляевымъ и Василіемъ Александрычемъ—сыномъ Александра Иваныча?

— Я? О какой исторіи? что такое? Я ничего не знаю.

И маленькіе, неуловимые глазки его вдругъ забѣгали и загорѣлись любопытствомъ.

— Неужели вы не знаете?

— Нѣтъ.

Кобеляковъ разсказалъ ему все подробно и сообщилъ содержаніе письма Вихляева къ угреватому поэту. Впродолженіе этого разсказа лицо господина съ неуловимыми глазками постепенно оживлялось такъ, какъ будто онъ выслушивалъ какую-нибудь особенно радостную вѣсть, и когда дѣло дошло до письма, онъ не выдержалъ и разразился смѣхомъ.

— Что̀ же это такое—стрѣляться безъ секундантовъ, это противъ всѣхъ правилъ, воскликнулъ Кобеляковъ, съ

очень серьезною миною:—согласитесъ. что этого допустить никакъ невозможно. *Де куа се леръ,—же ву демандъ?*

Господинъ съ неуловимыми глазками не могъ выговорить ни слова отъ смѣха.

Кобеляковъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Это чудо какъ хорошо! едва проговорилъ господинъ съ неуловимыми глазками и снова залился смѣхомъ.

— Однакожъ, позвольте. чтòжъ тутъ хорошаго? *Експлике муа же ву при.* Вѣдь я въ этомъ дѣлѣ посредникъ: я секундантъ Василія Александрыча.

— Послушайте Кобеляковъ, сказалъ господинъ съ неуловимыми глазками: — всего этого принимать серьезно нельзя. Я буду говорить съ вами откровенно...

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я не знаю, что такое сынъ Александра Иваныча: но, сколько мнѣ кажется. онъ долженъ быть очень миролюбиваго характера. Чтò же касается до Вихляева, то это просто шутъ и съ нимъ нельзя имѣть никакого серьезнаго дѣла.

Кобеляковъ вытаращилъ при этомъ глаза отъ удивленія.

— Я полагалъ, началъ Кобеляковъ:—что онъ принадлежитъ къ вашему обществу.

Господинъ съ неуловимыми глазками остановилъ его отрицательною улыбкою.

— Какъ шутъ, сказалъ онъ:—его допускаютъ въ наше общество какъ развлеченіе, какъ забаву.

— Ааа! *Pardon*. я не зналъ этого.

— Какая же можетъ быть дуэль съ такимъ господиномъ? Онъ трусъ...

— Это дѣло другое, возразилъ Кобеляковъ—Въ такомъ случаѣ...

— Объ этомъ серьезно и говорить нечего, продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками:—но тутъ могутъ выйдти презабывныя сцены... Я. пожалуй, для шутки вызовусъ быть его секундантомъ. Мы его нѣсколько времени помучимъ. Я предвижу тутъ пропасть смѣшного; но вы не говорите теперь ни слова объ этомъ сыну Александра Иваныча, а то это можетъ не удастся. Потомъ мы

устроимъ примиреніе, разопьемъ съ ними нѣсколько бутылокъ вина...

Послѣднія слова очень понравились Кобелякову; лицо его, выражавшее все еще нѣкоторое недоумѣніе, вдругъ прояснилось, и онъ захохоталъ своимъ густымъ басомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это не дурно, сказалъ онъ:—*сетре з'оригиналь!*...

— Вамъ это нравится? возразилъ, не безъ ироніи, господинъ съ неуловимыми глазами.

— Прекрасно!

И Кобеляковъ снова захохоталъ, поощряемый смѣхомъ господина съ неуловимыми глазками, не подозрѣвая, что тотъ въ эту минуту смѣялся уже надъ нимъ.

Оставивъ Кобелякова въ такомъ веселомъ расположеніи, господинъ съ неуловимыми глазками пошелъ по широкой липовой аллеи, которая вела къ парку. Вдругъ изъ боковой аллей показался Вихляевъ. Онъ шелъ медленными шагами, безъ фуражки, не замѣчая ничего и никого. Господинъ съ неуловимыми глазками ударилъ его по плечу.

Вихляевъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— О чемъ вы такъ задумались?

Вихляевъ поправилъ свои волосы, насильственно улыбнулся и для поддержанія себя заложилъ палецъ за жилетъ.

— Ничего, я такъ, гулялъ, сказалъ онъ.

— Будто ничего?... Полноте, мой милый, къ чему скрываться! я вѣдь все знаю.

— Что такое вы знаете? вскрикнулъ испуганный Вихляевъ.

— Вашъ соперникъ васъ вызвалъ на дуэль...

— Какой соперникъ? Что за глупости!

— А эта дѣвица-то съ балаболками... Вѣдь это изъ-за нее... вѣдь вы за нею волочитесь...

— Вздоръ какой! Стану я за нею волочиться... Старая размалеванная фигура... Какъ будто у меня нѣтъ глазъ...

— Да какъ бы то ни было, а васъ вызвали за нее на дуэль.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Да вѣдь это правда, скажите.

— Совсѣмъ нѣтъ...

Вихляевъ остановился и потомъ вдругъ произнесъ:

— Не меня вызвали, а я вызвалъ и совсѣмъ не за нее.

— Вы? — Тѣмъ лучше: но я слышалъ, что вы предлагаете стрѣляться безъ секундантовъ. Какъ же это можно?... Развѣ вы не найдете себѣ секунданта?... Если вы хотите, я съ удовольствіемъ готовъ быть вашимъ секундантомъ.

— Покорно васъ благодарю.

— Чтожъ, вы не желаете этого?

— Нѣтъ, я... почему же... я очень радъ.

Вихляевъ не зналъ, какъ принять это неожиданное предложеніе—серьезно или за шутку.

— Такъ вы меня уполномочиваете объясниться съ секундантомъ вашего противника. Это Кобеляковъ, если не ошибаюсь?

Вихляевъ посмотрѣлъ подозрительно на господина съ неуловимыми глазками.

— Да что́ это вы все шутите? спросилъ онъ.

— Любезный другъ, возразилъ господинъ съ неуловимыми глазками: — за кого же вы меня считаете? Шутить можно, я часто съ вами говорю шутя; но когда дѣло идетъ о чести человѣка, о жизни или смерти, тутъ шутки вовсе неумѣстны. Я это очень хорошо понимаю.

Вихляевъ еще разъ взглянулъ на него, но на этотъ разъ въ лицѣ его выразилось болѣе удивленія, чѣмъ сомнѣнія.

— Хотите ли вы имѣть меня своимъ секундантомъ? Я васъ серьезно спрашиваю.

Вихляевъ схватилъ его руку и крѣпко пожалъ ее.

— Я вамъ дамъ свои лепажевскіе пистолеты, продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками: — условія, разумѣется, обыкновенныя: въ 30 шагахъ... Мѣсто мы выберемъ. Когда же вы хотите?

— Чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше... А графъ ничего не знаетъ?

— Нѣтъ еще, я переговорю съ нимъ.

— Да нужно ли ему говорить? какъ вы думаете?

— Отчего же? Нельзя же отъ него скрывать этого.

— И то правда! сказалъ со вздохомъ Вихляевъ.

Господинъ съ неуловимыми глазками едва подавлялъ въ себѣ смѣхъ, глядя на печальную и разстроенную физіономію Вихляева.

«Вотъ будетъ сюпризъ Сережѣ-то! — подумалъ онъ.— Что́ можетъ быть забавнѣе этого!»

И, оставивъ Вихляева, онъ пошелъ отыскивать графа.

Какъ ни было тяжко Вихляеву, — мысль, что господинъ съ неуловимыми глазками, передъ которымъ онъ преклонялся тайно, какъ передъ авторитетомъ, хотя и не любилъ его, обращался съ нимъ серьезно и самъ даже вызвался быть его секундантомъ, — эта мысль нѣсколько улыбнулась ему на мгновеніе.

«Если бы эта дуэль — вдругъ промелькнуло у него въ головѣ—кончилась для меня счастливо: это бы меня очень могло поднять въ глазахъ нашей молодежи... На меня стали бы смотрѣть совсѣмъ иначе, потому что человѣкъ, имѣвшій дуэль, пользуется всегда большимъ вѣсомъ, на него смотрятъ какъ то съ уваженіемъ...

Эта предполагаемая дуэль доставила величайшее удовольствіе графу. Онъ никогда не смѣялся такъ искренно, какъ въ ту минуту, когда господинъ съ неуловимыми глазками передавалъ ему свой разговоръ съ Кобеляковымъ и потомъ съ Вихляевымъ. Они рѣшили, подъ какимъ нибудь предлогомъ, откладывать эту дуэль, для того, чтобы доставить себѣ болѣе продолжительное удовольствіе наслаждаться мученіями Вихляева.

Когда Вихляевъ задумывался, графъ и господинъ съ неуловимыми глазками старались развлекать его такимъ образомъ:

— А что́ приготовилъ ли ты духовное завѣщаніе? распорядился ли съ своими дѣлами? это необходимо на всякій случай; я съ удовольствіемъ, если ты хочешь, буду твоимъ душеприкащикомъ.

— Не отчаявайся, Вихляевъ: еще, можетъ быть, ты останешься живъ.

— Я послалъ въ городъ за докторомъ, замѣчалъ графъ, подъ предлогомъ, что я не очень здоровъ.

При Вихляевѣ нарочно заговаривали о различныхъ дуэляхъ, о ранахъ, о смерти. Господинъ съ неуловимыми глазками при немъ нарочно подходилъ къ Кобелякову и шептался съ нимъ.

На бѣднаго Вихляева страшно и жалко было смотрѣть... Положеніе угреватаго поэта было не менѣе трогательно. Оба они проводили мучительныя, безсонныя ночи; оба они не могли смотрѣть на виновницу своихъ мученій — Надежду Кондратьевну, которая пріѣзжала въ Покровское вмѣстѣ съ Катей, и отъ которой не отходилъ Илья Семенычъ, страстно влюбившійся въ нее и сочинившій къ ней несчетное количество стихотвореній.

Такъ прошла недѣля страшныхъ томленій и ожиданій для Вихляева и угреватаго поэта. Наконецъ и графу и господину съ неуловимыми глазками надоѣло забавляться трусостью и страданіями этихъ господъ. Надобно было избрать какую нибудь новую потѣху, какое нибудь новое развлеченіе, и они занялись Ильей Семенычемъ и Надеждой Кондратьевной.

— Эта дуэль намъ ужь надоѣла, сказалъ однажды господинъ съ неуловимыми глазками Кобелякову: — я думаю, довольно,—пора это окончить и помирить ихъ; надо сознаться, что вашъ господинъ не лучше нашего: онъ такой же жалкій трусъ.

— *Се вре*, перебилъ Кобеляковъ: — просто фетюкъ, я въ этомъ вполнѣ убѣдился. Куда ему стрѣляться! пусть лучше наяриваетъ свои стишки.

— Помиримте ихъ сегодня же: уговорить ихъ не трудно. Если бы не мы, такъ они давно бы бросились въ объятія.

— Безподобно! воскликнулъ Кобеляковъ, которому очень хотѣлось выпить лишнее, подъ какимъ нибудь предлогомъ,

Господинъ съ неуловимыми глазками и Кобеляковъ свели двухъ враговъ въ бесѣдкѣ сада, въ присутствіи графа, гдѣ уже заранѣе было приготовлено нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Оба они были въ большомъ замѣшательствѣ и едва могли скрыть свою радость.

Вихляевъ, однако, никакъ не хотѣлъ подать руку первый.

Съ минуту они смотрѣли другъ на друга молча, привѣтливо, но неловко.

— Между вами, господа, сказалъ Кобеляковъ, покручивая свой усъ:—произошли нѣкоторыя непріятности отъ недоразумѣнія,—*се натюрель*. Мы съ Павломъ Владиміровичемъ (Кобеляковъ указалъ на господина съ неуловимыми глазками) не находимъ достаточной причины во всемъ этомъ для дуэли и считаемъ нашимъ долгомъ помирить васъ. Я надѣюсь, что вы объяснитесь между собою, и дѣло это кончится.

Кобеляковъ скорчилъ гримасу въ сторону.

Вихляевъ мгновенно оживился и принялъ всѣ свои прежнія манеры. Онъ небрежно вставилъ въ глазъ стеклышко, которое нѣсколько времени печально болталось на его груди безъ всякаго употребленія, и, пожимая руку, протянутую ему угреватымъ поэтомъ, сказалъ:

— Я очень радъ. Я стрѣляться никогда не прочь; напротивъ... но я самъ не находилъ достаточной причины для этого, точно также, какъ находятъ и наши секунданты; но если бы вы непремѣнно захотѣли стрѣляться и послѣ всего этого, то я готовъ хоть сейчасъ. Я на одной изъ моихъ ду...

Вихляевъ взглянулъ на графа, споткнулся на началѣ слова и замолчалъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ угреватый поэтъ:—если я въ горячности сказалъ вамъ что нибудь непріятное, то отъ души прошу у васъ извиненія.

— Ну и прекрасно! воскликнулъ Кобеляковъ:—*finis coronas opus*. Кажется, такъ? Я въ школѣ учился, ваше сіятельство, по латини, да теперь все позабылъ, совершенно безполезная вещь. Какъ прикажете, графъ—пора я думаю приступить и къ этому?

Сдѣлавъ сильное удареніе на послѣднее слово, Кобеляковъ указалъ на стоявшее во льду шампанское.

Графъ улыбнулся и кивнулъ головой.

Опорожнивъ одинъ за другимъ нѣсколько стакановъ, Кобеляковъ отвелъ въ сторону господина съ неуловимыми глазками и шепнулъ ему, указывая головой на Вихляева и угреватаго поэта:

— Что̀ это за люди... смотрѣть тошно. Ненависть, я вамъ скажу, питаю къ трусамъ, просто ненависть... Хоть бы для виду пострѣлялись,—пусть хоть бы на воздухъ выстрѣлили: все было бы легче, да и намъ послѣ порохового запаха, мнѣ кажется, пилось бы лучше.

Вихляевъ совершенно забылъ всѣ страданія, болталъ, хвасталъ и пилъ какъ будто совершенно ни въ чемъ не бывало.

Господинъ съ неуловимыми глазками долго смотрѣлъ на него, кусая нижнюю губу.

— Подите-ка сюда, сказалъ онъ ему, наконецъ не выдержавъ:—мнѣ нужно сказать вамъ два слова.

Вихляевъ бросился къ нему съ величайшимъ радушіемъ.

Они отошли на нѣсколько шаговъ отъ бесѣдки.

— Я долженъ васъ вывести изъ заблужденія, произнесъ господинъ съ неуловимыми глазками:—вы полагаете, что ваша дуэль, это примиреніе—все это серьезно? Дуэли никакой никогда не могло быть,—мы это очень хорошо знали, потому что вы жалкій трусъ, и только забавлялись вашей трусостью; когда намъ это надоѣло, мы окончили это шутовскимъ примиреніемъ; я никогда бы не пошелъ серьезно къ вамъ въ секунданты, даже если бы вы были и немножко получше того, что̀ вы есть... Васъ сюда взяли какъ развлеченіе отъ скуки, какъ забаву и, надо отдать вамъ справедливость, вы довольно порядочно исполнили свою обязанность. Я буду хвалить васъ въ Петербургѣ.

Вихляевъ поблѣднѣлъ какъ полотно, выслушавъ эту рѣчь, и схватилъ себя за голову...

— Послушайте, сказалъ онъ:—это ужъ слишкомъ... О, я буду стрѣляться! я хочу стрѣляться! это невыносимо! я докажу вамъ...

Эти слова были искренни. Если бы Вихляеву дать въ это мгновеніе пистолетъ, онъ стрѣлялся бы въ самомъ дѣлѣ, и даже безъ робости.

Господинъ съ неуловимыми глазками посмотрѣлъ на

него презрительно, отвернулся и, не произнеся ни слова, пошелъ къ бесѣдкѣ.

Онъ еще не успѣлъ дойдти до нея, какъ мгновенная вспышка смѣлости совсѣмъ оставила Вихляева; онъ въ совершенномъ разслабленіи опустился на скамейку, закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

«Какъ же будутъ смотрѣть на меня—подумалъ онъ—Ваня, Коля, Петруша, Гриша, если до нихъ дойдутъ слухи объ этомъ? Что̀, если они не будутъ пускать меня къ себѣ? Это ужасно! ужасно!..»

Когда Александръ Иванычъ узналъ о томъ, что сынъ его имѣлъ исторію съ Вихляевымъ и даже вызывалъ его на дуэль,—это чрезвычайно пріятно подѣйствовало на его родительское самолюбіе, и онъ часто повторялъ потомъ кстати и не кстати:

— Мой Василій надѣленъ отъ природы смѣлымъ, сильнымъ духомъ. Съ нимъ, я вамъ скажу, бѣда! чуть что нибудь—сейчасъ стрѣляться... Молодая кровь кипитъ... это натурально. Я былъ въ его лѣта таковъ же... Вотъ еще недавно вызвалъ было на дуэль одного изъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ съ графомъ... Что̀ съ нимъ будешь дѣлать?—горячая голова!..

ГЛАВА III.

Александръ Иванычъ передалъ постепенно владѣтелю Покровскаго и его пріятелямъ всѣ свои анекдоты, замѣтки и изреченія, которыя впродолженіе сорока лѣтъ повторялись каждому новому лицу, безъ малѣйшихъ измѣненій, съ одинаковымъ возвышеніемъ и пониженіемъ голоса, съ одинаковыми уловками и эффектами въ извѣстныхъ мѣстахъ. Онъ не только надоѣлъ господину съ неуловимыми глазками, но болѣе или менѣе всѣмъ его окружавшимъ, потому что никто уже не ждалъ отъ него новаго слова. Госпо-

динъ съ неуловимыми глазками вовсе не слушалъ его; графъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ только изъ вѣжливости; даже Вихляевъ началъ избѣгать его и называлъ пустымъ человѣкомъ. Александръ Иванычъ не могъ не замѣтить такого охлажденія и самолюбіе его пришло въ сильное безпокойство; но добрый старичокъ, для поддержанія къ себѣ графскаго вниманія и расположенія, готовъ былъ на все. Это расположеніе онъ рѣшился бы возвратить какою бы то ни было цѣною. У него оставалась еще надежда втереться въ довѣренность къ графу, сдѣлаться для него необходимымъ, и эта надежда какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не совсѣмъ обманула его.

Между тѣмъ Илья Семенычъ все болѣе и болѣе выдвигался на первый планъ, потому что безсознательно доставлялъ неистощимые поводы къ развлеченію, къ забавѣ и къ удовольствію графа и его пріятеля. Всепожирающій пламень любви, по собственному выраженію Ильи Семеныча, охватывалъ его сердце. Онъ не отходилъ отъ Надежды Кондратьевны, таялъ, вздыхалъ передъ нею, сочинялъ ей мадригалы и акростихи и признавался своимъ молодымъ друзьямъ (такъ онъ называлъ графа и его спутниковъ), что его жизнь *не полна* безъ ней, что она составляетъ, такъ сказать, *половину* его бытія. Онъ часто ѣздилъ съ графомъ въ Березовку и всякій разъ возвращался оттуда въ необыкновенно свѣтломъ и пріятномъ расположеніи духа, потому что Надежда Кондратьевна, совершенно оставленная Вихляевымъ и угреватымъ поэтомъ, не пренебрегала, кажется, постояннымъ искательствомъ и страстною любовію обладателя пяти-сотъ душъ.

Вихляевъ съ большой ироніей смотрѣлъ на Илью Семеныча и остроумно замѣчалъ, что *chaque vilain trouve sa vilaine*. Онъ началъ, по его словамъ, «отъ скуки» волочиться за Марфушей, дочерью садовника, за которой безуспѣшно бѣгалъ по саду Александръ Иванычъ.

Но въ то время, какъ всѣ обитатели Покровскаго въ самомъ дѣлѣ любили или играли любовью, вдыхая въ себя ароматы розъ или фіалокъ, сердце одного господина съ неуловимыми глазками оставалось нетронутымъ и празднымъ. Онъ ѣздилъ всякій день верхомъ, стрѣлялъ изъ

пистолета для упражненія, перелистывалъ французскіе романы, зѣвая; иногда ѣздилъ на охоту и большую часть времени развлекался Ильей Семенычемъ и своими двумя англійскими собаками, изъ которыхъ одна носила названіе *Manon*, а другая *Desgrieux*. *Manon* и *Desgrieux* постоянно доставляли ему большое удовольствіе, и онъ часто замѣчалъ, что самъ потерявъ способность любить, онъ еще можетъ, однако, наслаждаться любовью другихъ, смотрѣть съ удовольствіемъ на любящіяся сердца, напримѣръ, на Илью Семеныча и Надежду Кондратьевну или на своихъ *Manon* и *Desgrieux*.

Убѣдясь, что графъ не на шутку ухаживаетъ за Катей, онъ сталъ къ ней внимателенъ, удивлялся ея быстрымъ успѣхамъ въ верховой ѣздѣ, и замѣчалъ, что не знаетъ ни одной женщины, которая была бы граціознѣе ея на лошади...

Когда Катя въ первый разъ увидѣла себя верхомъ не подъ душной крышей манежа, не въ тѣсныхъ стѣнахъ, а среди широкихъ полей, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, сердце ея замерло отъ восторга. Быстро и смѣло пронеслась она болѣе версты по ровной и гладкой дорогѣ, окаймленной густою и высокою рожью, опередивъ своихъ спутниковъ, одна, какъ будто ей хотѣлось самой убѣдиться въ своей смѣлости; и вдругъ, сдержавъ свою лошадь и откинувъ отъ лица вуаль, обратилась къ графу, который въ эту минуту нагналъ ее, и взглянула на него съ такимъ чувствомъ упоенія и полноты, съ такою безконечною любовью и благодарностію, какъ будто хотѣла сказать ему этимъ взглядомъ:

«Я счастлива; видишь ли, какъ хорошо, какъ легко мнѣ, какъ мнѣ весело? и всѣмъ этимъ я обязана тебѣ!»

Не проходило дня, въ который бы графъ не видѣлъ Катю: утромъ она почти всякій день ѣздила въ его манежѣ, вечеромъ онъ пріѣзжалъ въ Березовку или приглашалъ старушку съ дочерью къ себѣ. По вечерамъ графъ и Катя занимались музыкой. Графъ слылъ за отличнаго музыканта; онъ очень бѣгло и ловко игралъ на фортепьяно, имѣлъ очень пріятный и небольшой голосъ и пѣлъ съ большимъ искуствомъ различные французскіе романсы

и итальянскія аріи. Графъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ съ Катей за фортепьяно. Онъ разъигрывалъ съ нею въ четыре руки цѣлыя оперы. Эти музыкальныя упражненія очень часто, разумѣется, прерывались замѣчаніями, разговорами, взглядами, нечаяннымъ прикосновеніемъ рукъ и прочее... Музыка и верховая ѣзда сближали ихъ болѣе и болѣе. Кавалькады устроивались все чаще и чаще, но графъ никогда не ѣздилъ вдвоемъ съ Катею. Если почему нибудь господинъ съ неуловимыми глазками не былъ расположенъ ѣхать, то добрый Александръ Иванычъ во всякій часъ былъ готовъ къ услугамъ графа и Кати. Онъ постоянно сопровождалъ ихъ въ этихъ прогулкахъ, подпрыгивая на сѣдлѣ по англійски. Онъ всегда пускалъ графа съ Катей далеко впередъ и ѣхалъ обыкновенно рядомъ съ грумомъ, очень серьёзно занимая его разговорами о выдержкѣ лошадей, о скачкахъ, о *steeple-chase*, о призахъ, о своихъ короткихъ знакомствахъ съ князьями, съ графами и съ лордами—первыми европейскими коннозаводчиками; о своихъ поѣздкахъ въ Лондонъ, гдѣ онъ никогда не былъ, и о другихъ тому подобныхъ предметахъ. Александръ Иванычъ необыкновенно ловко устроивалъ поѣздки Кати съ графомъ, цѣлыя вечера просиживалъ съ Вѣрой Ивановной, въ то время, когда графъ съ Катей занимались музыкой или гуляли по саду, и всячески способствовалъ ихъ свиданіямъ наединѣ, не давая, впрочемъ, этого замѣчать графу, и въ самомъ дѣлѣ умѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ.

Между ними зародилась тайная связь. Они молча понимали и угадывали другъ друга.

Графъ рѣшительно не могъ обходиться безъ него. Когда Александръ Иванычъ собирался ѣхать домой, графъ приходилъ въ безпокойство: ему это было непріятно; онъ не иначе отпускалъ его, какъ на короткій срокъ, и старичокъ, развалившись въ своемъ тарантасѣ, улыбался съ неописаннымъ самодовольствіемъ и говорилъ своему Флегонту, мрачно понюхивавшему табакъ:

— А вѣдь мы, братецъ, послѣ-завтра опять вернемся сюда. Дѣлать нечего! что̀ станешь дѣлать съ графомъ? Рѣшительно не отпускаетъ меня отъ себя ни на шагъ...

Такъ прошелъ мѣсяцъ послѣ праздника, даннаго Александромъ Иванычемъ. Іюль былъ на исходѣ. Однажды вечеромъ Вѣра Ивановна сидѣла съ Захаромъ Лаврентьичемъ у окна, поджидая свою Катю, которая съ графомъ и Александромъ Иванычемъ поѣхала верхомъ. Оба они молчали. Вѣра Ивановна только время отъ времени высовывала голову изъ окна и посматривала то вправо, то влѣво; но на дорогѣ никого не было видно. Захаръ Лаврентьичъ сидѣлъ облокотившись на руку, совершенно недвижный.

— Что̀ это ты, голубчикъ, сказала Вѣра Ивановна съ участіемъ, обратившись къ нему: — что̀ съ тобой? Ты съ нѣкотораго времени сталъ ни на что не похожъ, — точно въ воду опущенный?

Захаръ Лаврентьичъ, какъ будто испуганный этимъ замѣчаніемъ, встрепенулся.

— Нѣтъ-съ, ничего, проговорилъ онъ скороговоркою.

— Какъ ничего? продолжала старушка, качая головою:—ты и уженье-то свое забылъ совсѣмъ! или тебѣ не здоровится? ты бы, милый мой, посовѣтовался съ дохтуромъ, право. Можетъ быть, онъ бы тебѣ какое нибудь лекарство прописалъ.

— Точно, что я чувствую себя не совсѣмъ хорошо-съ, отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ: — да это ничего — пройдетъ-съ.

— То-то пройдетъ! возразила старушка:—хорошо какъ пройдетъ, а то, сохрани Господи, разболѣешься, тогда хуже. Вотъ и мой покойникъ говорилъ все: пройдетъ, да вдругъ такъ слегъ, что ужъ ни рукой, ни ногой не могъ пошевелить.

Вѣра Ивановна глубоко вздохнула и, по обыкновенію, прибавила:

— Ахъ, родимый онъ мой! не думала я съ нимъ разстаться такъ скоро!.. Впрочемъ, на все воля Божья.

— Охъ, охъ, охъ! продолжала она черезъ нѣсколько минутъ: — не будь у меня Кати, я и не перенесла бы, можетъ быть, этой потери. Что̀ бы была моя жизнь безъ нее? къ чему бы я стала одна мыкаться на бѣломъ свѣтѣ? Вѣришь ли ты, голубчикъ, какъ я подумаю иногда, что

мнѣ придется разстаться съ нею, что не сегодня, такъ завтра, можетъ сыскаться для нее добрый человѣкъ — нельзя же объ этомъ не думать: вѣдь ея лѣта такія... да, нѣтъ! нѣтъ! вскрикнула съ жаромъ старушка, вскочивъ со стула: — я брошусь къ ногамъ его, я скажу ему: батюшка, возьми и меня съ собою, дай мнѣ маленькій уголочекъ возлѣ моей Кати, чтобъ я могла жить подъ одной съ ней крышей; мнѣ ничего не надобно, только ужъ, воля твоя, я не разстанусь съ нею...» Да и она вѣдь не захочетъ оставить меня...

— Да какъ же васъ не любить, Вѣра Ивановна! вскрикнулъ Захаръ Лаврентьичъ, одушевившись:—надобно не имѣть никакого чувства-съ... Такой другой матери, какъ вы, кажется, и быть-то не можетъ.

— Ну, полно, полно, перебила она: — что́ я за невидаль въ самомъ дѣлѣ такая... Какая же мать не любитъ свое дитя?

Разговоръ прекратился. Черезъ нѣсколько минутъ Вѣра Ивановна снова высунула голову въ окно, но все, по прежнему, было тихо и на дорогѣ никого не было видно. Начинало смеркаться.

— Да что̀ они такъ долго не ѣдутъ? сказала она съ безпокойствомъ. — Ужъ не случилось ли съ ними, сохрани Господи, чего нибудь? Посмотри, совсѣмъ начинаетъ смеркаться, мѣсяцъ-то за тучами, и дороги-то вѣдь не различишь въ потемкахъ... долго ли до грѣха! лошадь можетъ споткнуться...

Скоро и совсѣмъ смерклось. Принесли свѣчей. Вѣра Ивановна въ волненіи ходила по комнатѣ, безпрестанно подходя къ окну и прислушиваясь къ лошадиному топоту.

— Ужъ не послать ли на встрѣчу имъ верхового?...

Прошло еще полчаса мучительнаго ожиданія для Вѣры Ивановны. Захаръ Лаврентьичъ также не безъ волненія ходилъ по комнатѣ... вдругъ послышался близкій лошадинный топотъ.

— Ну, слава Богу, прошептала старушка, перекрестившись.

Графъ и Александръ Иванычъ простились съ Катею у

крыльца. Вѣра Ивановна выбѣжала къ ней на встрѣчу. Катя уже стояла одна.

— Что̀ это, другъ мой, такъ поздно? говорила, обнимая ее старушка. — Ужъ я Богъ знаетъ чего не передумала... А гдѣ же графъ, гдѣ же Александръ Иванычъ?

— Они уѣхали, не хотѣли васъ безпокоить.

— Эхъ, эхъ! напрасно ты отпустила ихъ: я бы напоила ихъ чайкомъ.

Катя вошла въ комнату въ своей амазонкѣ, поклонилась Захару Лаврентьичу и молча опустилась въ кресла.

— Самоваръ давно кипитъ, начала старушка: — я сейчасъ налью тебѣ чаю.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, маменька, я ничего не хочу, отвѣчала Катя.

Вѣра Ивановна пристально посмотрѣла на нее и въ испугѣ вскрикнула:

— Боже мой! да что̀ съ тобой, Катенька? Что̀ это ты такая блѣдная? Ужъ сердце мое предчувствовало... Признайся, не случилось ли съ вами чего нибудь?

Катя вздрогнула при этомъ вопросѣ; въ рукѣ ея тревожно зашевелился хлыстикъ.

— Нѣтъ, ничего, ничего... я васъ увѣряю, отвѣчала она, вдругъ вскочивъ съ креселъ и какъ будто ища чего-то. — Мы только далеко ѣздили, и я немного устала.

— Выпей хоть чашечку: вѣдь у тебя, чай, въ горлѣ пересохло. Шутка ли — скакать на лошади столько часовъ!

— Нѣтъ, я не хочу чаю; я лучше выпью воды.

Захаръ Лаврентьичъ выбѣжалъ и принесъ ей стаканъ воды.

— Да не дурно ли тебѣ, Катя?

— Я вамъ говорю, что я только устала—больше ничего. Я пойду къ себѣ и лягу спать...

Когда Катя ушла, старушка обратилась къ Захару Лаврентьичу.

— Экая страсть родилась у нее къ верховой ѣздѣ! сказала она:—вѣдь чуть не до обморока заѣздилась. Мужчинамъ-то хорошо: мужчины привыкли; а дѣвушкѣ—гдѣ-жъ ей, помилуйте, гоняться за ними!

На другой день утромъ Вѣрѣ Ивановнѣ показалось,

что глаза у Кати распухли и были красны. Катя не поѣхала въ Покровское брать, по своему обыкновенію, урока въ манежѣ и весь день была грустна и задумчива, несмотря на желаніе скрыть это.

Вечеромъ пріѣхалъ графъ съ Александромъ Иванычемъ и Ильей Семенычемъ. Когда графъ, поздоровавшись и поговоривъ съ Вѣрой Ивановной, подошелъ къ Катѣ, она вся вспыхнула, и потомъ избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ.

Захаръ Лаврентьичъ тотчасъ послѣ пріѣзда графа отправился къ ближнему пруду. Онъ сѣлъ на берегъ, закинулъ удочку, но, кажется, вовсе не слѣдилъ за поплавкомъ, потому что поплавокъ нѣсколько разъ погружался въ воду, а онъ и не думалъ трогать удилище... Удилище лежало на землѣ, и конецъ его совсѣмъ погрузился въ воду... Захаръ Лаврентьичъ думалъ о чемъ-то; о чемъ думалъ онъ, я не знаю, только онъ воротился домой когда совсѣмъ смерклось, не поймавъ ничего. Гости уже уѣхали. Катя, жалуясь на головную боль, ушла къ себѣ. Надежда Кондратьевна сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ и мечтала надъ раздушеннымъ листикомъ почтовой бумажки, на которомъ рукою Ильи Семеныча было написано:

Стрѣлой амура уязвленный,
Невыразимо я страдалъ;
Одинъ предметъ во всей вселенной
Мои всѣ мысли занималъ.
И на брегу надежды стоя,
Всѣмъ существомъ я рвался *къ ней,*
Ища отрады и покоя
Душѣ болѣющей моей.
«Ту боль не вынесетъ натура—
Такъ разсуждалъ съ собою я—
И раны ѣдкія амура
Залечитъ *развѣ Гименей!*»

Вѣра Ивановна оставалась одна внизу, размышляя о своей Катѣ и время отъ времени покачивая про себя головою. Когда Захаръ Лаврентьичъ вошелъ въ комнату, она обратилась къ нему и спросила!

— Откуда ты это? гдѣ это ты пропадалъ?

— Да я ходилъ на прудъ поудить немного.

— Что̀жъ, много наловилъ? спросила Вѣра Ивановна, все еще погруженная въ свои размышленія.

— Нѣтъ, что-то не ловится-съ.

— Гм!...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Послушай, Захаръ Лаврентьичъ, сказала наконецъ Вѣра Ивановна, какъ бы собравшись съ мыслями: — тебѣ извѣстно, что я тебя почитаю больше, чѣмъ родного. Я знаю, какъ ты привязанъ и ко мнѣ и къ Катѣ; никакой родной не дѣлалъ для меня столько, какъ ты, послѣ смерти моего милаго друга. Я это очень чувствую, очень цѣню, голубчикъ... Ты дѣлилъ со мною все — и горе и радости. Ты знаешь, что я отъ тебя никогда ничего не скрывала, — все что̀ у меня есть на душѣ, глупое или умное, все повѣряю тебѣ... Знаешь ли, Захаръ Лаврентьичъ, что̀ мнѣ пришло въ голову?

Старушка замолчала на минуту.

Захаръ Лаврентьичъ весь превратился во вниманіе и не спускалъ съ нея глазъ.

— Что̀, ты не замѣчаешь никакой перемѣны въ Катѣ?

И предложивъ этотъ вопросъ, она устремила на него пристальный и испытующій взглядъ.

Захаръ Лаврентьичъ видимо смутился; въ лицѣ его выразилось что-то болѣзненное, какъ будто этотъ вопросъ неосторожно коснулся до самаго больного его мѣста.

— Я не знаю... нѣтъ... кажется... невнятно проговорилъ онъ.

— Не скрывай отъ меня ничего, Бога ради, я прошу тебя. Вѣдь я знаю, что ты любишь Катю, какъ сестру, что ты принимаешь въ ней участіе, можетъ статься, не меньше самой меня. Говори мнѣ все прямо. Можетъ, ты замѣтилъ что нибудь.

— Натурально-съ, Катеринѣ Павловнѣ теперь веселѣе: у нее теперь болѣе развлеченій..

— Я рада; пусть она моя голубушка, развлекается... только одного я боюсь, чтобы эти развлеченія не повели куда нибудь — вотъ чего я боюсь... Что̀, если... вѣдь не даромъ пословица-то: кошкѣ игрушки, а мышкѣ — слезы.

Ты видишь, какъ графъ-то за ней ухаживаетъ; сначала я думала, что онъ это такъ... онъ мнѣ казался добрый такой... и она... Да нѣтъ, что̀ ни говори, тутъ не одна верховая ѣзда... сердце мое чуетъ, что онъ ей кружитъ голову, ей Богу, такъ.

Старушка вздохнула.

— Сегодня она всю ночь проплакала; ужъ это я вижу: она не скроетъ этого отъ меня. Стало быть, у нее есть что нибудь на сердцѣ.

Захаръ Лаврентьичъ опустилъ голову, задумался и потомъ, проведя рукою по лбу и не глядя на Вѣру Ивановну, сказалъ не твердымъ, прерывающимся голосомъ:

— Ну, а что̀жъ, если они... если они и въ самомъ дѣлѣ другъ друга любятъ-съ?

— Какъ что̀? вскрикнула Вѣра Ивановна.

— Да онъ женится на ней... что̀-же другое-съ! произнесъ Захаръ Лаврентьичъ спокойнымъ голосомъ и отъ полноты убѣжденія: — дай Богъ ей счастья!

— Ты никакъ, батюшка, съ ума спятилъ? возразила Вѣра Ивановна, вытаращивъ глаза. — Что̀ это такое ты говоришь?

Захаръ Лаврентьичъ въ свою очередь посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Чему-жъ вы удивляетесь? Коли онъ ее любитъ... и она...

— Экой чудакъ! Да кто такой *онъ* и кто такая *она?*... Онъ знатный человѣкъ, онъ первый богачъ, посмотри въ какихъ палатахъ онъ живетъ. А мы что̀? мы люди темные, простые, бѣдные... вѣдь мы букашки передъ нимъ.

— Да если онъ точно любитъ? Развѣ любовь-то, Вѣра Ивановна, разбираетъ званія? Да къ тому же Катерина Павловна дворянка... Что̀жъ, что она бѣдная! зато онъ богатъ-съ.

— Съ тобой, я вижу, ничего не столкуешь: ты ничего не понимаешь, какъ будто не между людьми живешь, право. Ему и этикетъ не позволитъ жениться...

— Какой этикетъ-съ? спросилъ съ изумленіемъ Захаръ Лаврентьичъ.

— Вотъ поди толкуй съ нимъ! Какъ же бы тебѣ это

растолковать... Вѣдь нельзя бы, напримѣръ, Катѣ выйдти замужъ за какого-нибудь мастерового или мужика?

Захаръ Лаврентьичъ опять задумался.

— Да это потому, сказалъ онъ черезъ минуту:—что мастеровой, что̀ ли, или мужикъ какой-нибудь—человѣкъ грубый, необразованный. Необразованнаго человѣка Катерина Павловна не можетъ полюбить. Онъ ей не ровня-съ.

— Экой ты какой тугой, ей Богу! что съ тобой будешъ дѣлать? Ну да, однимъ словомъ, надо совсѣмъ рехнуться, чтобы вбить себѣ въ голову, что графъ можетъ жениться на моей Катѣ, если бы онъ и въ самомъ дѣлѣ любилъ ее.

— Я васъ не понимаю, Вѣра Ивановна, извините меня-съ; стало быть, вы его считаете за дурного человѣка-съ, а вы же сами всегда такъ хвалили его. Если онъ любитъ Катерину Павловну, то не посмотритъ ни на что-съ... Я такъ думаю-съ, что тотъ, кто точно любитъ, Вѣра Ивановна, пойдетъ въ огонь и въ воду за любимое существо; я не знаю, чего онъ не готовъ для него сдѣлать! а тотъ, кого остановитъ эдакой вздоръ, тотъ лжетъ-съ, тотъ не любитъ-съ, тотъ любитъ-съ только самого себя. Ужъ какая это любовь!

— Ахъ ты, Божій человѣкъ! сказала Вѣра Ивановна, взглянувъ на Захара Лаврентьича и съ сожалѣніемъ покачавъ головою.—Да что̀ пересыпать-то изъ пустого въ порожнее! продолжала она:—графъ никогда не женится на Катѣ: это невозможно... А если она-то, несмотря ни на что, такъ вотъ, очертя голову полюбила его—тогда что̀? Вотъ что̀ ты лучше скажи мнѣ.

— Она-съ... она всѣмъ для него пожертвуетъ, отвѣчалъ рѣшительно Захаръ Лаврентьичъ.

— Какъ? и мною? вскрикнула болѣзненно Вѣра Ивановна:—мною, матерью-то, которая любитъ ее больше всего на свѣтѣ, которая вынянчила, выкормила ее, не щадила для нее ничего, положила всю жизнь свою въ нее? Да вѣдь для меня и свѣтъ Божій не милъ безъ нея! Что̀ ты это? Катя-то, моя Катя промѣняетъ меня на посторонняго, она рѣшится убить меня? она пожертвуетъ мною?...

— Да, и вами! произнесъ печально Захаръ Лаврентьичъ.

— О! не дай Богъ мнѣ дожить до этого часа! простонала Вѣра Ивановна.

— Да нѣтъ, продолжала она, немного погодя и болѣе спокойнымъ голосомъ:—ты самъ не знаешь, что̀ говоришь, а я какъ дура тебя слушаю да вѣрю. Не самъ ли ты вчера говорилъ мнѣ, что она любитъ меня?

— Я въ этомъ не сомнѣвался-съ никогда.

— Какъ-же это—любитъ меня и броситъ меня, промѣняетъ меня на другого?

— Да, а можетъ и его промѣняетъ на васъ, только не на радость вамъ, Вѣра Ивановна. Ужъ тутъ что-нибудь изъ двухъ-съ: она или васъ убьетъ, или себя, если только она его любитъ-съ...

— Что̀ это ты, прости Господи, какъ воронъ каркаешь сегодня. Тьфу!... Вѣра Ивановна плюнула... Типунъ тебѣ на языкъ...

«Добрый, рѣдкій, услужливый человѣкъ Захаръ Лаврентьичъ—подумала она—а ужъ ничего-то въ толкъ обсудить не можетъ. Такая у него ералашь въ головѣ.

И Вѣра Ивановна нѣсколько успокоилась.

Въ то время, когда въ самомъ дѣлѣ что-то необыкновенное совершалось съ Катею, въ чувствительномъ сердцѣ Надежды Кондратьевны, хотя нѣсколько износившемся отъ разнообразныхъ ощущеній и порываній, происходили также рѣзкія и быстрыя измѣненія. Любовь ея къ угреватому поэту, развивавшаяся быстро, вдругъ была прервана появленіемъ Вихляева. Въ Надеждѣ Кондратьевнѣ всегда боролись два элемента: поэтическій и свѣтскій, и она отдавалась то тому, то другому, смотря по обстоятельствамъ. Элементъ свѣтскій всегда, впрочемъ, преобладалъ въ ней, и потому Вихляевъ долженъ былъ уничтожить въ ея сердцѣ угреватаго поэта и остаться въ немъ полнымъ властелиномъ.

Взвѣшивая въ своихъ мысляхъ талантъ и внутреннія достоинства угреватаго поэта съ свѣтскими манерами и изящною наружностію Вихляева, она невольно склонилась на сторону послѣдняго, когда замѣтила его расположеніе къ ней. Ея быстро воспламеняющееся воображеніе вызвало передъ ней блистательную картину. Она представляла уже

себя въ Петербургѣ счастливой супругой этого свѣтскаго молодого человѣка. У нея свой салонъ, который посѣщаетъ, разумѣется, высшее общество. Будуаръ ея отдѣланъ съ величайшею роскошью, на потолкѣ виситъ матовая лампа,—а она лежитъ въ полусвѣтѣ этой лампы... Ея орловскіе рысаки, ея бурнусы и шляпки, ея блестящіе, бросающіеся въ глаза экипажи обращаютъ на себя вниманіе всего Петербурга... Всѣ останавливаются и спрашиваютъ: «кто эта дама, одѣтая съ такою роскошью и съ такимъ вкусомъ? Чей это экипажъ?...» «Это *M-me Vichlaieff*» переходитъ изъ устъ въ уста, и въ Петербургѣ только и толковъ, что о *M-me Vichlaieff*. Какъ же можно промѣнять такой прелестный образъ жизни на неизвѣстную, неопредѣленную будущность съ человѣкомъ, который долженъ еще хлопотать о пріобрѣтеніи себѣ извѣстности и славы, заработывать деньги литературными трудами... и—кто знаетъ!—добьется ли онъ еще этой славы? Все это такъ или почти такъ думала Надежда Кондратьевна и, внутренно сожалѣя объ угреватомъ поэтѣ, готова была уже окончательно отдать свое сердце Вихляеву, какъ вдругъ оба они совершенно неожиданно отвернулись отъ нея... Тщетно усиливалась Надежда Кондратьевна, посредствомъ разныхъ, очень тонкихъ женскихъ уловокъ и самаго ядовитаго кокетства, возвратить хоть котораго нибудь изъ нихъ. Ничего не дѣйствовало: оба они обращались съ нею даже съ какою-то оскорбительною насмѣшливостію. Съ уязвленнымъ самолюбіемъ, съ погибшими мечтами и надеждами, она, какъ утопающій хватается за соломенку, ухватилась за Илью Семеныча, хотя Илья Семенычъ, какъ извѣстно читателю, вовсе не походилъ на соломенку, а имѣлъ наружность очень внушающую, и довольно округленный и выдавшійся животикъ, на которомъ живописно болтались различные брелоки и печатки. Вглядываясь въ него внимательнѣе, Надежда Кондратьевна нашла, что она была сначала къ нему несправедлива, что хотя онъ имѣетъ свои странности, но вовсе не смѣшонъ; она даже провѣдала стороною, что онъ человѣкъ характера чрезвычайно мягкаго и уклончиваго, и что его имѣніе хотя и разстроено, но его можно еще легко поправить; а быть вла-

дѣтельницей пяти-сотъ душъ, даже и заложенныхъ, все-таки, что ни говорите, пріятно!

«Надобно непремѣнно спасти этого добраго Илью Семеныча — подумала она. — Если не принять въ немъ участія, онъ непремѣнно раззорится. Я займусь его хозяйствомъ устрою его дѣла, успокою его подъ старость. Я чувствую, что способна на такое самоотверженіе!»

И рѣшившись на этотъ добродѣтельный подвигъ, Надежда Кондратьевна сдѣлалась необыкновенно внимательна къ Ильѣ Семенычу: она смотрѣла на него глазами томными и нѣжными, въ разговорѣ съ нимъ безпрестанно цитировала стихи, восхищалась вмѣстѣ съ нимъ красотами природы, вздыхала чаще обыкновеннаго и окончательно впродолженіе нѣсколькихъ дней свела его съ ума.

Графъ и господинъ съ неуловимыми глазками много также способствовали этому. Они при всякомъ случаѣ заводили съ нимъ рѣчь о Надеждѣ Кондратьевнѣ, объ ея умѣ, вкусѣ, образованіи, свѣтскости и о прочемъ.

— Что̀ *важнѣе* всего, восклицалъ Илья Семенычъ: — она *необыкновенно тонко* чувствуетъ поэтическіе красоты и *оттѣнки*, притомъ обладаетъ рѣдкою и обширною памятью. Я только два раза прочелъ ей мое стихотвореніе къ *Веснѣ*, и въ третій разъ она сама продекламировала мнѣ его *безъ одной ошибки*, сохраняя притомъ *необходимую интонацію*, *удачно* возвышая и понижая голосъ въ *извѣстныхъ* мѣстахъ. *Дивная* дѣвушка!..

— Мы вамъ всегда говорили, что эта дѣвушка замѣчательная, сказалъ однажды Ильѣ Семенычу господинъ съ неуловимыми глазками: — и знаете ли что̀? мнѣ кажется, она къ вамъ неравнодушна...

Илья Семенычъ скромно потупилъ глаза и началъ перебирать свои брелоки.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы это замѣтили? возразилъ онъ съ пріятнѣйшею улыбкою.

Онъ прошелся въ волненіи нѣсколько разъ по комнатѣ и потомъ, подойдя къ графу и господину съ неуловимыми глазками, наклонился къ нимъ и прошепталъ:

— Я люблю ее *страстно*, но это *покуда* между нами, господа...

— Что̀-жъ вы не сдѣлаете предложенія? спросилъ господинъ съ неуловимыми глазками.

— Это сдѣлается само собой, по *вдохновенію*, можно сказать, отвѣчалъ Илья Семенычъ.

— А вы позволите намъ быть вашими шаферами?

— Поставлю за *особую* честь.

— Я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ одной просьбѣ, сказалъ графъ.

— Смѣю ли я въ чемъ нибудь отказать вашему сіятельству? Ожидаю вашихъ приказаній...

— Мнѣ было бы очень пріятно, если бы ваша свадьба была здѣсь у меня, въ Покровскомъ.

— *Безпрекословно* будетъ исполнено, вскрикнулъ Илья Семенычъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Илья Семенычъ прогуливался съ Надеждой Кондратьевной въ Покровскомъ паркѣ. Утро было нестерпимо жаркое,—парило, какъ обыкновенно передъ грозой; небо было чисто, но горизонтъ окаймлялся недвижными тучами, которыя еще незамѣтно сливались съ синевою неба. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія... листы на деревьяхъ, отъ постоянной засухи потерявъ жизнь и свѣжесть, походили на искуственные; на днѣ самыхъ глубокихъ овраговъ не было ни капли воды; густая рожь, желтѣвшая за паркомъ, поднималась выше роста человѣческаго, и колосья ея, опустившіеся отъ тяжести, наливались и дозрѣвали на солнечномъ припекѣ. Тысячи васильковъ синѣли во ржи.

Лицо Ильи Семеныча раскалилось, и на огромномъ лбу его крупными каплями выступалъ потъ и ручьями лился изъ подъ его рыжей накладки. Онъ безпрестанно приподнималъ свою фуражку и вытиралъ лобъ пестрымъ фуляромъ съ изображеніемъ г-жи Зонтагъ. Напрасно Надежда Кондратьевна то обмахивала лицо свое вѣеромъ, то подносила осторожно платокъ къ лицу, боясь чтобы потъ не произвелъ на немъ слѣдовъ разрушенія, уже двѣ дорожки успѣли образоваться на немъ... Утомленная, она принуждена была сѣсть подъ дерево, въ концѣ парка, близь тропинки, протоптанной между окраиной парка и полемъ ржи... Илья

Семенычъ нарвалъ васильковъ и поднесъ ихъ ей, съ свойственною ему граціею.

— Merci! нѣжно прошептала она, разложила ихъ къ себѣ на платье и начала плесть изъ нихъ вѣнокъ. Илья Семенычъ, стоя противъ нея, любовался этой идиллической картиной.

— Что́-жъ вы не сядете? Садитесь сюда.

И она указала ему мѣсто подлѣ себя, взглянувъ на него съ тѣмъ очаровательнымъ кокетствомъ, противъ котораго слабый человѣкъ устоять не въ силахъ.

Илья Семенычъ, разнѣжась, опустился на дернъ, хотя это ему было не совсѣмъ легко.

— Ужасъ, какая духота! сказала Надежда Кондратьевна.

— А мнѣ такъ *легко* и *пріятно*, возразилъ онъ, чего, впрочемъ, нельзя никакъ было заключить по его неровному и тяжелому дыханію. — Я бы желалъ *постоянно* оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ *нахожусь теперь*...

Онъ сидѣлъ у ногъ Надежды Кондратьевны.

— Не говорите: вамъ бы это наскучило. Постоянство, кажется, совсѣмъ не въ характерѣ мужчинъ...

И Надежда Кондратьевна вздохнула.

— Я просилъ бы васъ сдѣлать исключеніе *хоть для одного изъ нихъ, именно* для человѣка, который *въ этотъ моментъ у ногъ вашихъ*, и который почелъ бы *высочайшимъ* счастіемъ и *лучшею* наградою провидѣнія, если бы оно *этотъ моментъ* превратило *для него въ вѣчность*.

Илья Семенычъ произнесъ это, взмахнувъ правой рукой, для приданія бо́льшей силы словамъ своимъ, и потъ еще болѣе закапалъ изъ подъ его фуражки.

— Будто вы такъ постоянны? спросила лукаво Надежда Кондратьевна, взглянувъ на своего обожателя исподлобья.

— Клянусь вамъ! воскликнулъ Илья Семенычъ и вдругъ схватилъ руку Надежды Кондратьевны, державшую василекъ, и поцаловалъ ее.

Надежда Кондратьевна, въ смущеніи, сама не зная что́ дѣлаетъ, слегка пожала ему руку.

Илья Семенычъ одушевился; онъ чувствовалъ прибли-

женіе рѣшительной минуты—торжественной минуты вдохновенія, и, не выпуская ея руки, продолжалъ:

— *Вы* моя *жизнь*, моя *надежда*, *отъ васъ* зависитъ сдѣлать меня *счастливѣйшимъ* человѣкомъ въ мірѣ.

— Отчего же отъ меня? спросила наивно Надежда Кондратьевна.

— Оттого, что жизнь моя безъ васъ—не жизнь, а *прозябеніе*. Вы, такъ сказать, *осмыслите* и *дополните* мое бытіе.

У Надежды Кондратьевны показались на глазахъ слезы, и она прошептала въ волненіи:

— Ахъ! что̀ вы это говорите?

— Скажите, могу ли я надѣяться хоть на малѣйшее сочувствіе съ вашей стороны? Скажите...

Но въ эту минуту онъ почувствовалъ вторичное и болѣе значительное пожатіе.

— Такъ эта рука можетъ принадлежать *мнѣ?* воскликнулъ внѣ себя Илья Семенычъ, уже не обращая вниманія на то, что потъ ручьями катился по лицу его.

— *Да*, вырвалось невольно изъ устъ Надежды Кондратьевны... И вслѣдъ за тѣмъ она произнесла замирающимъ голосомъ:—о, что̀ это со мной дѣлается? Боже мой... Ахъ!.. И, совсѣмъ ослабѣвъ, голова ея скатилась на плечо счастливаго Ильи Семеныча.

Нѣсколько минутъ она оставалась въ такомъ положеніи. Илья Семенычъ не дышалъ и не шевелился. Но какъ будто для того, чтобы привести ее въ чувство, вдругъ пахнулъ освѣжающій вѣтеръ.

Сначала заколыхались только вершины деревъ, потомъ зашелестили всѣ листья... и весь лѣсъ ожилъ и встрепенулся. Рожъ залоснилась волнами и туча двинулась съ горизонта... Вѣтеръ усиливался. Туча темнѣла и надвигалась. Въ воздухѣ запахло сыростью; вдали уже видны были полосы дождя... Илья Семенычъ объ руку съ Надеждой Кондратьевной отправились домой.

Черезъ часъ послѣ этого, когда проливной дождь хлесталъ въ окна, Надежда Кондратьевна, прижимая къ своему сердцу Катю, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ сообщила ей о случившемся.

— Такъ вы его любите? спросила удивленная Катя, выслушавъ ея признаніе.

Надежда Кондратьевна вздохнула.

— Онъ такой прекрасный человѣкъ! сказала она:—къ нему нельзя не привязаться. Ахъ, душечка, можетъ быть, это съ моей стороны и пожертвованіе, но онъ такъ любитъ меня, что мнѣ было бы жестоко не согласиться...

Узнавъ все отъ Ильи Семеныча, Вѣра Ивановна отъ всей души обрадовалась счастью Надежды Кондратьевны, такъ неожиданно пристроившей наконецъ свою скитальческую жизнь, и даже не могла, по привычкѣ, удержаться отъ слезъ, обнимая и поздравляя ее.

Возвратясь изъ Березовки въ Покровское къ самому обѣду, Илья Семенычъ вбѣжалъ впопыхахъ въ комнату, гдѣ были всѣ въ собраніи: графъ, Александръ Иванычъ, господинъ съ неуловимыми глазками, Вихляевъ и даже управляющій.

— Ваше сіятельство и вы, милостивые государи, можете поздравить меня, такъ *сказать, уже офиціяльно.* Я женюсь на Надеждѣ Кондратьевнѣ...

Лицо Ильи Семеныча лоснилось и сіяло, и отъ волненія и отъ пота накладка его съѣхала нѣсколько на сторону.

— Поздравляю! раздалось со всѣхъ сторонъ.

И Илья Семенычъ перецаловалъ всѣхъ, не исключая и управляющаго.

Вихляевъ, насмѣшливо улыбаясь, смотрѣлъ на Илью Семеныча, покручивая свой усикъ.

Александръ Иванычъ трижды поцаловалъ Илью Семеныча и произнесъ съ обыкновенною своею торжественностію.

— *Жены добрыя блаженъ есть мужъ и число дней его сугубо.*

Управляющій поцаловавъ Илью Семеныча и потомъ почтительно поклонившись ему, сказалъ:

— И прекрасно дѣлаете, батюшка Илья Семенычъ! Имѣю честь васъ поздравить. Безъ жены человѣку нельзя быть... и въ писаніи это сказано. Безъ хозяюшки и въ домѣ все не то: какъ будто не достаетъ чего-то... Что̀ вы изволите улыбаться, ваше сіятельство? Право такъ... Вотъ

когда ваше сіятельство обрадуете насъ вступленіемъ въ законный бракъ, такъ я просто съ ума сойду, кажется, отъ такого счастія... Эхъ! но ужъ не придется мнѣ старику послужить вѣрой и правдой вашему наслѣднику, какъ я вамъ служу.

Управляющій вздохнулъ, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ и протянулъ руку съ табакеркой Ильѣ Семенычу.

— Не прикажете ли, батюшка? — Настоящій французскій. Ихъ сіятельство привезли мнѣ въ подарокъ изъ Петербурга.

Затѣмъ двинулись всѣ въ столовую. За шампанскимъ начались снова поздравленія. Илья Семенычъ на радости пилъ еще болѣе обыкновеннаго, дикламировалъ, кричалъ и размахивалъ руками.

Свадьба Ильи Семеныча праздновалась чрезъ три недѣли въ Покровскомъ, и была устроена графомъ и господиномъ съ неуловимыми глазками съ очень забавною торжественностію. Они были шаферами жениха, а Вихляева и угреватаго поэта заставили быть шаферами невѣсты. Посаженными отцомъ и матерью со стороны невѣсты были Вѣра Ивановна и Александръ Ивановичъ, а со стороны жениха — два почетныя губернскія лица. Изъ церкви до дому молодыхъ везли въ парадной каретѣ екатерининскихъ временъ, которая была сдѣлана къ свадьбѣ дѣдушки графа и сохранялась въ Покровскомъ въ числѣ многихъ другихъ рѣдкостей. У подъѣзда дома молодые встрѣчены были музыкой. Весь домъ былъ великолѣпно освѣщенъ. Ихъ посадили къ столу, уставленному конфектами и фруктами, среди котораго возвышался храмъ любви изъ сахару, съ амурчикомъ внутри. Все это было приготовлено сюпризомъ для молодыхъ. Надежда Кондратьевна была, впрочемъ, нѣсколько смущена этими сюпризами. Она догадывалась, что во всей этой торжественности, окружавшей ее, есть какая-то задняя мысль; но Илья Семенычъ былъ до слезъ тронутъ всѣми распоряженіями графа.

Въ ту минуту, когда гости уже начинали разъѣзжаться, а молодые встали, чтобы отправиться въ приговленныя для нихъ комнаты во флигелѣ, Илья Семенычъ обратился къ графу и сказалъ:

— *Сердце мое*, ваше сіятельство, въ такомъ волненіи, что языкъ *отказывается* быть выразителемъ его *чувствъ*, переполненныхъ къ вамъ за все *горячею* благодарностію. Когда здѣсь переполнено (онъ указалъ на сердце), *уста* немѣютъ. Сегодняшній день — *вѣнецъ моей жизни*. Я удостовѣряюсь въ томъ, что *въ васъ* я пріобрѣтаю *высокаго покровителя* и если смѣю сказать, *друга*...

И при этомъ Илья Семенычъ обнялъ графа.

— *Въ ней*, продолжалъ онъ, указывая на жену: — ту, которая предназначена была *пополнить* мое бытіе и *освѣтить его любовію*.

Онъ поцаловалъ Надежду Кондратьевну.

ГЛАВА IV.

Съ тѣхъ поръ, какъ Надежда Кондратьевна сдѣлалась владѣтельницей и распорядительницей пятисотъ душъ и переселилась въ *Отрадное* — такъ звали деревню Ильи Семеныча — ежедневныя поѣздки Кати въ Покровское для уроковъ въ верховой ѣздѣ совсѣмъ прекратились. Зато графъ по прежнему не пропускалъ ни одного дня, чтобы не побывать въ Березовкѣ. *Миссъ Аннетъ* была подарена Катѣ, и Катя возилась и нянчилась съ нею какъ дитя съ любимою игрушкою: по нѣскольку разъ въ день бѣгала въ конюшню любоваться ею, ласкала, гладила ее и кормила хлѣбомъ. Поѣздки верхомъ продолжались по прежнему. Вѣра Ивановна успокоилась, потому что Катя сдѣлалась по веселѣе и въ обращеніи съ нею графа, по наблюденію старушки, не было ничего, кромѣ особенной внимательности и предупредительности. Но она не замѣчала, какъ грустила ея Катя, если графъ уѣзжалъ, вмѣстѣ съ своими пріятелями, куда нибудь на охоту на нѣсколько дней, что случалось, впрочемъ, довольно часто.

Катя научилась скрывать отъ другихъ свои внутреннія ощущенія, и только опытный наблюдатель могъ замѣтить въ ней большую перемѣну въ послѣднее время. Она поблѣднѣла. Глаза ея утратили спокойное и безпечное, хотя

всегда нѣсколько задумчивое выраженіе. Они сдѣлались живѣе, одушевленнѣе; они то жарко вспыхивали вдругъ, то какъ-то странно тускнѣли, погружаясь въ долгое, тяжелое раздумье. Во взглядѣ Кати, прежде ровномъ, отражавшемъ тишину внутреннюю, замѣтно было по временамъ что-то безпокойное и тревожное. Катя, когда не было никого постороннихъ, любила, вопреки своимъ прежнимъ привычкамъ, сидѣть больше въ своей комнатѣ и вообще избѣгала оставаться наединѣ съ своей матерью...

Однажды вечеромъ, въ Покровскомъ, когда Вѣру Ивановну занималъ своими разсказами предупредительный Александръ Иванычъ, Катя ходила съ графомъ въ саду. Начинало уже смеркаться. Солнце сѣло въ тучи. Послѣдняя пурпуровая полоса заката догорала на небѣ... Они поднялись по дорожкѣ въ гору и вышли на открытое мѣсто, гдѣ стояла скамейка и откуда открывался безконечный видъ на окрестность. Катя была грустна. Графъ, по видимому, старался развлечь ее и разсказывалъ ей разные, очень забавные анекдоты. Они сѣли на скамейку.

Поля, лѣсъ и деревни,—все принимало неопредѣленный видъ, все сливалось въ синеватыхъ сумеркахъ, отъ запада тянулись облака, заволокавшія небо; наконецъ сумракъ совсѣмъ охватилъ и сгладилъ все пространство. Ночь повисла чернымъ пологомъ, только кое-гдѣ мерцалъ отдаленный огонекъ, то исчезая, то снова показываясь, да въ густыхъ облакахъ, у самаго горизонта, по временамъ ярко вспыхивала зарница, охватывая на мгновеніе своимъ блѣднымъ, фосфорическимъ свѣтомъ жниву, установленную снопами. Лѣсъ дремалъ не шевелясь ни одной вѣткой, ни листочкомъ и безмолвіе ночи нарушалось только изрѣдка лаемъ собакъ въ окрестныхъ деревняхъ да стукомъ въ доску ночныхъ сторожей.

Катя грустно и задумчиво вперивъ свой взглядъ на чернѣвшую даль, разсѣянно слушала графа. Когда графъ кончилъ, нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Вы сегодня въ дурномъ расположеніи духа сказалъ онъ наконецъ, взявъ ее за руку.

Катя молчала; рука ея лежала холодно и безотвѣтно въ рукѣ графа.

— Васъ безпокоитъ что-то? вы грустны? говорилъ графъ, голосъ котораго становился все мягче и тише.

Онъ поцаловалъ ея руку и произнесъ почти шопотомъ:

— Скажи мнѣ...

— Что же я могу сказать вамъ? отвѣчала Катя. — Время идетъ такъ скоро... недалеко отъ осени: вы уѣдете отсюда... О, нѣтъ, мнѣ страшно думать объ этомъ! я не хочу объ этомъ думать, а между тѣмъ безпрестанно думаю... Что же мнѣ дѣлать? Отчего же вы удивляетесь моему безпокойству?

Графъ задумался на минуту и сказалъ съ разстановкою:

— Все это далеко... Для чего мнѣ ѣхать и куда? Я такъ счастливъ... мнѣ такъ хорошо.

Онъ жалъ руку Кати.

— Но вѣдь когда нибудь, рано или поздно, вы должны будете ѣхать? вы не останетесь же здѣсь вѣчно? спросила грустно Катя.

— Отчего же долженъ? Развѣ я не могу располагать самимъ собою какъ хочу?

— А развѣ вы можете отвѣчать за ваше расположеніе? Сегодня вамъ здѣсь хорошо и весело, завтра все это можетъ вамъ наскучить... и тогда...

— Не смѣйте это думать... я запрещаю вамъ... этого никогда быть не можетъ, произнесъ графъ вкрадчивымъ голосомъ и прикоснулся губами къ плечу Кати.

— Вы меня *точно* любите? спросила она, обратившись къ нему такъ, что ея волосы смѣшались съ его волосами.

— И *ты* можешь еще сомнѣваться? возразилъ графъ съ упрекомъ.

— Я не сомнѣваюсь, отвѣчала Катя: — но боюсь... я сама не знаю, что́ со мной... я вѣрю и невѣрю... мнѣ вдругъ то весело, то тяжело и грустно... Что́, если...

Графъ поцаловалъ ее и не далъ докончить.

— Никакихъ *если* я не хочу слышать... сказалъ онъ.— Я никого никогда такъ не любилъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? это правда? повтори мнѣ это еще разъ...

— Дитя! произнесъ графъ, пріятно улыбаясь и повторяя свои слова.

— Вотъ теперь въ сію минуту я счастлива, сказала Катя, склоняясь головой къ его плечу и глядя на него.

— И ты будешь меня любить долго, долго... продолжала Катя въ какомъ-то чудесномъ забытьи. — Не правда ли? Вѣдь я потому иногда сомнѣваюсь, мнѣ потому бываетъ грустно, что мнѣ все какъ-то не вѣрится своему счастью... За что̀ же я такъ счастлива? Скажи мнѣ, что̀ ты нашелъ во мнѣ? за что̀ ты любишь меня? Мнѣ часто, иногда въ раздумьѣ, приходитъ въ голову, не сонъ ли это, не грежу ли я... Право... И чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе мнѣ кажется все это невѣроятнымъ? Отчего это?

Катя сжала руку графа и снова взглянула на него... Дыханія ихъ смѣшивались. Графъ молчалъ.

— Отчего? повторила она.

— Оттого, что ты дитя, сказалъ графъ неровнымъ голосомъ.

— Какой вздоръ! Я совсѣмъ не дитя. Ты меня еще не знаешь... Развѣ дѣти въ состояніи такъ любить, какъ я люблю тебя? Скажи...

Но графъ ничего не отвѣчалъ, и разговоръ этотъ, постепенно замирая, перешелъ въ какой-то безсвязный, упоительный лепетъ.

Облака рѣдѣли и, легкія, прозрачныя какъ дымка, растягивались на темно-голубомъ небѣ, на которомъ ярко начинали свѣтиться звѣзды. Изрѣдка изъ этого милліона свѣтлыхъ точекъ отрывалась одна и, пронесясь блестящею чертою по темно-голубому пространству, вдругъ угасала... Окрестность выходила изъ мрака, облитая серебристымъ свѣтомъ звѣздной ночи... Свѣжій ночной воздухъ былъ пропитанъ благоуханіемъ травъ и цвѣтовъ и его едва замѣтное колебаніе приводило иногда въ легкое содраганіе листья на деревьяхъ...

Графъ долго послѣ отъѣзда своихъ гостей не ложился спать. Онъ, въ самомъ пріятномъ расположеніи, курилъ, лежа на балконѣ, сигару, а господинъ съ неуловимыми глазками ходилъ взадъ и впередъ, посвистывая.

— Ну, что̀ Сережа, сказалъ онъ вдругъ переставъ

свистать и обратившись къ графу:—доволенъ ты сегодняшнимъ вечеромъ?

— Очень, отвѣчалъ графъ, пустивъ вверхъ легкую струю дыма.

— Дѣла идутъ хорошо?

— Какъ нельзя лучше.

На лицѣ графа блеснула очень довольная улыбка.

— Да... въ *ней* есть много привлекательности, продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками: — знаешь, въ глазахъ что-то... во взглядѣ. . и эти вьющіеся, коротенькіе волосы на затылкѣ...

— Но надобно знать ее ближе, сказалъ одушевляясь, графъ:—сколько въ ней простоты, наивности... И если бы ты могъ вообразить, какъ она любитъ меня.

— Еще бы!.. ну, а ты?

— Она мнѣ очень нравится.

— Да это я вижу; но на долго ли?

— Какже загадывать впередъ?.. А знаешь ли, мнѣ кажется, что я не шутя и даже надолго могу привязаться къ ней...

— Пожалуйста, только не дальше сентября, сказалъ, смѣясь, господинъ съ неуловимыми глазками:—потому что дольше сентября здѣсь невозможно оставаться, какъ ты хочешь. Я, по крайней мѣрѣ, не въ состояніи.

Графъ улыбнулся.

— Все это, знаешь, хорошо Сережа, только на время. Вѣдь правда? Затягивать этого слишкомъ не слѣдуетъ, потому что начнутся потомъ слезы, жалобы, упреки; ну, а это ужъ скучно. Надобно умѣть въ пору останавливаться.

— Это правда, замѣтилъ графъ: — но мнѣ было бы жаль ее вдругъ оставить; по крайней мѣрѣ, мнѣ теперь такъ кажется...

— Ну, да, разумѣется, жаль; но не цѣлый же вѣкъ возиться съ нею! Это было бы смѣшно да и неприлично... Нѣтъ ничего тяжелѣе такого рода связей... Я надѣюсь, что ты не станешь приносить ей жертвы. Вѣдь не жениться же тебѣ на ней?..

Господинъ съ неуловимыми глазками опять засмѣялся.

Графъ молчалъ, держа потухшую сигару въ рукѣ...

Графъ чаще сталъ ѣздить на охоту... Въ Покровскомъ совершенно безцеремонно расположился Кобеляковъ, пользуясь широкимъ гостепріимствомъ графа. Кобеляковъ разъѣзжалъ на графскихъ лошадяхъ, нещадно палилъ графскія сигары вмѣсто своего Жукова и значительно способствовалъ къ истребленію графскаго погреба. Обращеніе его съ графомъ, въ началѣ почтительное и нѣсколько робкое, становилось съ каждымъ днемъ смѣлѣе и свободнѣе, особенно послѣ обѣдовъ и ужиновъ.

Кобелякову въ особенности нравились старый аракъ и золотая водка.

Однажды за ужиномъ Кобеляковъ выпилъ почти цѣлую бутылку араку и совершенно одурѣлъ... Вихляевъ все время подшучивалъ надъ нимъ.

— Ну-ка, сказалъ онъ ему, смѣясь:—хватите-ка еще... Смотрите, еще бутылка-то не вся... Покончите-ка ее... вотъ будете молодецъ...

Кобеляковъ немного отшатнулся назадъ, долго искоса и значительно смотрѣлъ на Вихляева, облизывая губы и покачивая головою.

— Ты что̀ такое? произнесъ онъ наконецъ коснѣющимъ языкомъ.—Я штабъ-ротмистръ... понимаешь ты это?.. понимаешь? И другую выпью... и все ничего... А ты что̀?.. Вотъ его сіятельство... онъ—графъ... понимаешь, графъ!.. За его сіятельство я готовъ сейчасъ жизнь положить, на плаху пойду за него... да, да!.. А ты что̀?

Онъ началъ ударять себѣ въ грудь.

— Да... за его сіятельство пойду на плаху. Онъ благодѣтель мой.

И Кобеляковъ заплакалъ.

— Я въ тридцати шагахъ въ туза изъ пистолета стрѣляю... а ты что̀? ну скажи, что̀... ну, ну, говори... трусъ, больше ничего... Я выпью еще двѣ бутылки, а ты что̀? я тебя сейчасъ щолкну по носу... вотъ и все... Ваше сіятельство, не сердитесь на меня: я съ нимъ раздѣлаюсь по своему—это ничего... Ну, душенька, не сердись... Смотри у меня!... не сердись! Ваше сіятельство, ничего, будьте покойны. Я его поцалую.

И онъ началъ обнимать и цаловать несчастнаго Вих-

ляева, который сидѣлъ смущенный и блѣдный, въ безсильной злости.

— Вотъ Василій Иванычъ, продолжалъ Кобеляковъ, указывая на управляющаго:—это... другъ мой, его я уважаю... у него голова, а у тебя что? (Онъ снова обратился къ Вихляеву). Для Василья Иваныча я готовъ все сдѣлать, все... Онъ, просто, душка—Василій Иванычъ.

Графъ и господинъ съ неуловимыми глазками терпѣли Кобелякова въ качествѣ хорошаго охотника. Никто вѣрнѣе его не указывалъ мѣста, гдѣ водилась дичь. Онъ исходилъ съ своимъ желтопѣгимъ Буяномъ всѣ болотистыя мѣста, всѣ лѣса, всѣ степи въ цѣлой губерніи съ ружьемъ въ рукѣ. Въ большихъ сапогахъ и съ патронташемъ за спиною, онъ вдругъ превращался изъ лежебока въ дѣятельнаго, неутомимаго смертнаго, по цѣлымъ суткамъ не ѣлъ, не пилъ, даже не помышлялъ ни объ аракѣ, ни о золотой водкѣ... Лицо его одушевлялось, глаза загорались въ ту торжественную минуту, когда собака его дѣлала стойку; онъ замиралъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ... его узнать было нельзя. Кобеляковъ на охотѣ возвышался до поэзіи...

Илья Семенычъ послѣ своего брака нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Березовку и въ Покровское... Илья Семенычъ странно измѣнился въ короткое время... Онъ расшаркивался гораздо менѣе, вовсе потерялъ развязность въ манерахъ, даже не декламировалъ своихъ стиховъ и, начиная говорить, взглядывалъ прежде вопросительно на Надежду Кондратьевну. А Надежда Кондратьевна совсѣмъ почти утратила свое сантиментальное и кроткое выраженіе, въ особенности въ обращеніи съ Ильей Семенычемъ. За то она пріобрѣла величавость нѣсколько жесткую, которая шла къ ней гораздо менѣе. Въ разговорѣ она безпрестанно употребляла такія фразы:

«Когда я еще была въ *дѣвицахъ;* конечно это для *дѣвицы* прилично, но для дамы... *Наше имѣніе*... наши 500 душъ... *мое* хозяйство...

Время шло. Дни становились короче, воздухъ свѣжѣе и рѣзче; небо—блѣднѣе... Показались первые ночные морозы; георгины противъ графскаго дома повисли и почер-

нѣли; дорожки сада и парка покрылись засохшими листьями; густая зелень парка начала рѣдѣть и окрашиваться различными цвѣтами. Темно-красный и ярко-желтый кленъ и дубъ рѣзко выступали въ темной зелени ольхи и ели. Рѣчка становилась бурливѣе и рябоватая поверхность ея принимала мутный, свинцовый оттѣнокъ; пронзительнѣй раздавался крикъ сторожевыхъ гусей, въ долгія ночи: дымъ гуще и чаще вился изъ трубъ... Время шло... Графъ начиналъ серьезно помышлять о томъ, что наступаетъ пора отъѣзда, но еще не говорилъ ни слова объ этомъ никому и какъ будто избѣгалъ этого разговора. Вихляева такъ и тянуло въ театръ и къ Дюссо; онъ мучился желаніемъ пройдтись по Невскому проспекту въ новомъ пальто, рядомъ съ Колей или Гришей, и говорилъ, что готовъ былъ дать сумасшедшія деньги за какой-нибудь десятокъ устрицъ. Господинъ съ неуловимыми глазками отъ нечего дѣлать, зѣвая и потягиваясь, прочелъ отъ начала до конца, не пропуская не одной строчки (что̀ съ нимъ никогда не случалось), какой-то романъ, попавшійся ему подъ руку. Ему надоѣло даже возиться съ своими *Manon* и *Desgrieux*. Охота въ эту осень была неудачная:—дичи мало; одинъ только Кобеляковъ обыкновенно возвращался съ туго набитымъ патронташемъ.

— Поѣдемъ въ Петербургъ, Сережа. Право, пора, говорилъ графу господинъ съ неуловимыми глазками.

— Да, въ самомъ дѣлѣ пора, отвѣчалъ разсѣянно графъ.

— Когда же мы ѣдемъ? Назначь день...

Графъ задумался и молчалъ.

— Когда же, въ самомъ дѣлѣ? заболталъ Вихляевъ:— вѣдь ужъ балетъ начался, устрицы привезли...

Графъ молчалъ.

— Здѣсь вѣдь ужъ рѣшительно нечего дѣлать, продолжалъ господинъ съ неуловимыми глазками,—по крайней мѣрѣ намъ, прибавилъ онъ, улыбнувшись иронически.

— И мнѣ, я думаю, также, какъ вамъ, возразилъ графъ довольно сухо.

— Однако тебѣ, кажется, не хочется ѣхать.

— Съ чего же это ты взялъ?.. Мы поѣдемъ чрезъ недѣлю, сказалъ графъ довольно рѣшительно.

— Честное слово?

— Да, непремѣнно...

Ужъ начались приготовленія къ отъѣзду. Графъ ни слова не говорилъ Катѣ, но онъ былъ постоянно въ тревожномъ и раздражительномъ состояніи духа. Чрезъ недѣлю поѣздка еще была отложена на нѣсколько дней, подъ какимъ-то предлогомъ.

Разъ вечеромъ графъ сидѣлъ за фортепьяно, возлѣ Кати. Оба они были мрачны. Музыка не шла... Графъ по временамъ бралъ отрывисто какіе-то странные аккорды. Въ комнатѣ кромѣ ихъ никого не было.

Графъ наконецъ обратился къ Катѣ и сказалъ, какъ будто сдѣлавъ усиліе надъ собой:

— Я получилъ письмо изъ Петербурга... мнѣ на дняхъ надобно будетъ ѣхать непремѣнно.

Катя поблѣднѣла.

— Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело, продолжалъ онъ:—какъ мнѣ не хочется ѣхать; я ни за что бы не поѣхалъ, если бы... но я долженъ...

Графъ былъ въ большомъ безпокойствѣ.

Катя посмотрѣла на него такими странными глазами, что графу стало страшно. Онъ взялъ ее за руку: рука ея была холодна какъ ледъ...

— Что̀ съ тобой? прошепталъ онъ, испуганный.

Катя ничего не отвѣчала.

— Тебѣ дурно?

— На дняхъ? произнесла она про себя. — На дняхъ! повторила она, схватывая себя за голову и крѣпко сжимая ее: — а я? что же будетъ со мною?

Слезы хлынули ручьемъ изъ глазъ ея, и послышалось чуть слышное, мучительно-сдерживаемое рыданіе.

Графъ два раза приподнимался на стулѣ — такъ ему было тяжело и неловко.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Катя взглянула на него, опустила голову, задумалась и потомъ вдругъ, судорожно схвативъ его руку, произнесла.

— Скажи, правда ли все то, что̀ ты мнѣ говорилъ? Бога ради, скажи мнѣ правду! отъ этого зависитъ все... не бойся, говори мнѣ прямо... не думай, что у меня не

достанетъ твердости выслушать тебя... говори правду... Можетъ быть, это было увлеченіе, — можетъ быть, тебѣ такъ казалось... можетъ быть... ты... говори мнѣ все, все... Видишь ли? я ничего... я покойна... я приготовилась выслушать...

Катя смотрѣла на него умоляющими глазами.

— Дитя! дитя! повторялъ графъ съ нѣжнымъ укоромъ: — и ты еще сомнѣваешься...

— Если такъ, сказала она твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ, взглянувъ на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ глазахъ ея сосредоточилась вся сила воли: — я не останусь здѣсь... я не могу остаться... Гдѣ бы ты ни былъ, я буду съ тобой... я...— Катя быстро схватила графа за руку.—Устрой мнѣ такъ, чтобы я могла уѣхать отсюда... скорѣй, скорѣй... Безъ тебя я не останусь ни одной минуты.

Графъ вздрогнулъ отъ этихъ неожиданныхъ словъ. Онъ посмотрѣлъ на Катю съ недоумѣніемъ и проговорилъ колеблющимся голосомъ:

— Но... твоя матушка... мое положеніе... Я возвращусь сюда, и тогда...

Катя снова поблѣднѣла.

— Ты меня не любишь, сказала она.

Графъ съ минуту молчалъ, какъ будто смущенный, но потомъ снова началъ увѣрять ее въ любви еще съ бо́льшей силой. Онъ смотрѣлъ на нее такъ нѣжно, онъ такъ увѣрительно жалъ ея руку. Можно ли было заглушить въ себѣ сомнѣнія? Когда онъ кончилъ, она сказала:

— Моя участь въ твоихъ рукахъ...

Послышались чьи-то шаги... Графъ ударилъ по клавишамъ. Раздался глухой и печальный звукъ... Въ комнату вошла Вѣра Ивановна...

Графъ возвратился домой въ волненіи. Онъ передалъ все въ подробности господину съ неуловимыми глазками.

— Ну, какъ ты думаешь обо всемъ этомъ? спросилъ онъ въ заключеніе.

Господинъ съ неуловимыми глазками выслушалъ разсказъ графа очень равнодушно и безъ малѣйшаго признака удивленія.

— Что же? возразилъ онъ.

— Но я этого никакъ не ожидалъ, сказалъ графъ: — въ этой дѣвушкѣ есть, въ самомъ дѣлѣ, что-то необыкновенное. Если бы ты слышалъ, какимъ голосомъ она говорила мнѣ, если бы ты видѣлъ ея лицо въ эту минуту. Признаюсь, я не ожидалъ въ ней такого характера.

Господинъ съ неуловимыми глазками улыбнулся, впрочемъ, едва замѣтно.

— Чтожъ тутъ необыкновеннаго? возразилъ онъ. Я ничего не вижу необыкновеннаго. Очень понятно, что ей хочется ѣхать въ Петербургъ за тобой, жить въ роскоши, пользоваться всѣми удовольствіями. Это доказываетъ только, что она ловка и умна. — больше ничего. Чѣмъ она жертвуетъ? что она оставляетъ здѣсь?

— А мать?

— Мать! чтожъ такое мать?... первое время она поплачетъ, покричитъ, а потомъ утѣшится, когда узнаетъ, что ея дочка живетъ въ Петербургѣ хорошо. Къ тому же она можетъ мать выписать къ себѣ: все это сдѣлается очень легко и просто. Вѣдь они не Богъ знаетъ кто такіе! Побѣгъ ея можно устроить очень ловко и тайно. Наскучитъ она тебѣ — ты оставишь ее, ну и, разумѣется, позаботишься потомъ объ ея участи. Съ твоими средствами все это сдѣлать нетрудно. Мать и дочь будутъ называть тебя своимъ благодѣтелемъ — тѣмъ все и кончится.

— Но если она не захочетъ оставить меня, — тогда что?

— Какой вздоръ! перебилъ господинъ съ неуловимыми глазками. — Какъ тебѣ не стыдно!... въ Петербургѣ, столько развлеченій. Да и чтожъ, ты вѣришь въ самомъ дѣлѣ въ вѣчную любовь что ли? На все это слишкомъ серьезно смотрѣть нельзя, повѣрь мнѣ.

— Ты думаешь? сказалъ графъ, повидимому нѣсколько успокоенный.

— Я увѣренъ... Вотъ будетъ сюрпризъ-то для Петербурга! И знаешь ли что? твои провинціальныя похожденія еще болѣе придадутъ тебѣ вѣса въ глаза многихъ. Я пари держу.

— Будто?

Графъ задумчиво улыбнулся.

Господинъ съ неуловимыми глазками началъ напѣвать:

Que de goguettes!
Que d'amourettes!
Jamais de dettes,
Point de noeuds constants.
Entre l'ivresse
Et la paresse
Notre jeunesse
Va jusqu'à cent ans...

ГЛАВА V.

На другой день графъ получилъ письмо отъ Кати. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Я всю ночь не спала... Вотъ ужъ свѣтаетъ... Я пишу къ вамъ, потому что не могу не писать: хочется передать все, что у меня за душою. Мнѣ тяжело, очень тяжело, и мнѣ надобно выскаться. Я люблю васъ... — вы это знаете... Тотъ день, когда я не вижу васъ, мнѣ чего-то недостаетъ, неловко и грустно, ничто меня не занимаетъ. Я и читать не могу: возьму книгу, начну читать, но строчки мелькаютъ, ничего не понимаю; я только и думаю о томъ, когда увижусь съ вами. Когда вы пріѣзжаете къ намъ, если бы вы знали, что дѣлается со мною!.. Въ первую минуту сердце мое замираетъ, но потомъ мнѣ сдѣлается такъ легко и хорошо, и только одна мысль мучитъ меня, что вы уѣдете, и что я до завтра не увижусь съ вами. Разстаться съ вами надолго, совсѣмъ не видать васъ — этого я перенести не въ силахъ! Когда вы мнѣ рѣшительно сказали вчера, что должны ѣхать, я убѣдилась въ томъ, что не могу оставаться здѣсь безъ васъ. Въ эту минуту я ни о чемъ и ни о комъ не думала и для меня никто не существовалъ, кромѣ васъ; но когда вы уѣхали, когда я очутилась, въ своей комнатѣ одна, я вспомнила о моей бѣдной матери... Вы не знаете, какъ она меня любитъ, до чего доходитъ ея привязанность ко мнѣ! Она живетъ и дышетъ мною. Она отдала мнѣ всю жизнь свою, она живетъ для меня, мною, для нея

другой жизни нѣтъ. И мнѣ оставить ее! Боже мой! Боже мой! что я дѣлаю? А между тѣмъ я рѣшаюсь, хотя видитъ Богъ, я не такова,—я, кажется, любила ее всѣми силами души... Что со мною? что же такое? Неужели я могла разлюбить ее? Да любила ли я ее точно, или это я говорю все фразы? Я всему вѣрю и во всемъ сомнѣваюсь въ тоже время... Неужели я безраздѣльно отдала всю любовь—тебѣ? И у меня ничего не осталось въ сердцѣ для матери, которая всю себя отдала мнѣ?...

«Для меня никого не существуютъ, кромѣ тебя и моей матери, но я чувствую, что я могу оставить ее, понимая всю жестокость, всю низость моего поступка, — а тебя я не могу оставить!

«При мысли, что ты меня любишь, у меня дыханіе захватываетъ отъ блаженства, и если находитъ на меня иногда сомнѣніе, то у меня кровь останавливается. Я, впрочемъ, повторяю все то, что ты знаешь, что̀ ты видѣлъ, что я говорила тебѣ... Я рѣшилась на все, твердо рѣшилась, что̀ бы ни было со мною, не оставлять тебя, если ты любишь меня...

«Подумай хорошенько еще разъ — на столько ли ты меня любишь, чтобы я не была тебѣ въ тягость, и будь откровененъ. Не бойся разувѣрить меня, я прошу тебя. Тогда я останусь здѣсь и ты отъ меня не услышишь ни упрека, ни жалобы; тогда мы не должны уже болѣе видѣться, и я теперь говорю тебѣ послѣднее прости!.. Откровенность эта не будетъ тяжела тебѣ... ты не увидишь меня болѣе, уѣдешь и забудешь,—вотъ и все...

«Если сердце твое скажетъ тебѣ, что я нужна для твоего существованія, я забуду все и все перенесу для тебя... Но если ты только увѣришь меня въ любви для моего утѣшенія, а потомъ станешь раскаяваться, тогда подумай, что будетъ со мною! Лучше сказать теперь... Но я все думаю только о себѣ, а моя бѣдная мать!

«У меня точно камень на груди... Отвѣчай мнѣ скорѣй, скорѣй... сегодня же... Впрочемъ, нѣтъ! лучше обдумай... я могу переждать до завтра»...

Графъ прочелъ это письмо, закурилъ сигару и началъ въ волненіи прохаживаться по комнатѣ. Сигара была до-

курена, а онъ все продолжалъ ходить. Выраженіе лица его нѣсколько разъ измѣнялось въ это время. Графъ, при всей добротѣ и мягкости своего сердца, дорожилъ своимъ внутреннимъ спокойствіемъ больше всего на свѣтѣ; онъ не любилъ ничего необыкновеннаго, рѣзкаго, исключительнаго, выходящаго изъ его обычной сферы, — такого, что̀ бы заставляло его слишкомъ задумываться, что̀ бы поставило его въ нѣкоторое недоумѣніе, въ разладъ съ самимъ собою. Въ жизни, которая текла для него беззаботно, ровно и гладко, безъ малѣйшихъ препятствій, онъ допускалъ только небольшія, пріятныя волненія и не любилъ ничего черезчуръ драматическаго ни на театрѣ, ни въ дѣйствительности. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы его сношенія съ Катею зашли за предѣлы чего нибудь обыкновеннаго и, имѣя привычку смотрѣть на все свысока, думалъ, что даже и въ случаѣ какихъ нибудь затруднительныхъ обстоятельствъ ему легко выпутаться изъ нихъ съ своими средствами. Не то, чтобы онъ не любилъ Катю, чтобы онъ обманывалъ ее: Катя въ самомъ дѣлѣ ему нравилась, онъ даже былъ увлеченъ ею, на столько, на сколько могъ увлекаться, и въ эти минуты увлеченія невольно высказывалъ ей, можетъ быть, болѣе того, нежели бы слѣдовало; но онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ эти увлеченія, внутренно упрекалъ себя за нихъ, даже немного стыдился ихъ и болѣе всего боялся сдѣлаться героемъ серьезнаго романа... Катя нѣсколько удивила и потревожила его своею смѣлостію и рѣшительностію. Такой любви графу не случалось испытывать... Если бы, напримѣръ, какимъ нибудь образомъ она могла перенестись въ Петербургъ, безъ всякой огласки, безъ всякаго шума, такъ, чтобы онъ не былъ нисколько замѣшанъ въ этомъ, графъ былъ бы очень радъ, потому что разстаться съ ней въ эту минуту ему было не совсѣмъ легко; но увезти ее отъ матери, возбудить говоръ и толки въ цѣлой губерніи — это значило выйдти изъ обыкновенной колеи, посягнуть на приличіе, и вотъ что̀ непріятно дѣйствовало на графа, вотъ что заставляло его тревожиться и нѣсколько мрачно расхаживать по комнатѣ. Прочитавъ письмо Кати, графъ долженъ

былъ войдти въ самого себя, чего онъ никогда не дѣлывалъ прежде, и спросить: на столько ли онъ любитъ ее, чтобы рѣшиться для нея жертвовать своимъ спокойствіемъ, своими привычками, нарушать то, что̀ онъ считалъ ненарушимымъ для порядочнаго человѣка? Это поставило графа въ величайшее затрудненіе, и онъ ощутилъ впервые несносные муки раскаянія и сожалѣнія...

Графъ еще разъ прочиталъ письмо:

«Уѣхать не видавшись съ нею?—думалъ онъ.—Она сама предлагаетъ мнѣ выходъ... Но теперь послѣ всего... это невозможно, я не могу и не долженъ такъ поступить...»

И эта мысль вызвала пріятнѣйшую улыбку на лицо графа.

«Впрочемъ, кажется, я принимаю самъ все слишкомъ трагически...»

Онъ вспомнилъ слова своего пріятеля, господина съ неуловимыми глазками.

«Все это можетъ обойтись гораздо проще—продолжалъ графъ разсуждать съ самимъ собою—она дѣвушка экзальтированная... Но въ Петербургѣ это пройдетъ... Всѣ эти ребяческія понятія о вѣчной любви... Одно только — ея мать... но современемъ и это обдѣлается... Она пріѣдетъ къ ней... Почему же?..»

Графъ опустился въ кресла, утомленный этими безпокойными мыслями и снова развернулъ письмо Кати.

«Какая, однако, дѣвушка!—подумалъ онъ.—Такъ любить могутъ только въ провинціи... Сколько самопожертвованія, преданности, нѣжности и сколько страданія!»

Графъ вздохнулъ, провелъ платкомъ по лицу, подошелъ къ растворенному окну, постоялъ нѣсколько времени у окна, позвонилъ, приказалъ просить къ себѣ Александра Иваныча и долго говорилъ съ нимъ о чемъ-то... Потомъ они вмѣстѣ сѣли въ тильбюри, приготовленное для господина съ неуловимыми глазками, и отправились въ Березовку.

Графъ объявилъ старушкѣ, что онъ пріѣхалъ проститься, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ черезъ два или три дня, и эти послѣдніе дни долженъ посвятить своему управляющему и заняться разными хозяйственными распоряженіями.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула старушка:—такъ ско-

ро?... И батюшка! пожили бы въ нашей сторонѣ еще немного. Еще вѣдь успѣете навеселиться то въ своемъ Петербургѣ.

— А знаете, Вѣра Ивановна, перебилъ ее Александръ Иванычъ: — что графъ, по добротѣ своей и по искренней привязанности ко мнѣ, беретъ съ собою въ Петербургъ моего Василья? Я вотъ за этимъ и ѣздилъ къ себѣ: все устроилъ для него, приготовилъ его къ отъѣзду, отдалъ ему мой дорожный вызолоченный несессеръ, подаренный мнѣ княземъ Кириломъ Андреичемъ Бѣжецкимъ, который былъ купленъ имъ въ Парижѣ въ 1819 году... Удивительнѣйшій несессеръ! Василій можетъ имъ щегольнуть въ Петербургѣ!.. Такъ вотъ какія дѣла-то!.. Василій завтра будетъ здѣсь... Жаль только, что моя *Hélène* не совсѣмъ здорова и не можетъ проводить его... А гдѣ ваша Катерина Павловна? что ея не видно?

— Да она у меня все что-то нездорова, отвѣчала съ безпокойствомъ старушка: — и не знаю, что съ ней дѣлается, ей Богу! Такъ вдругъ поблѣднѣла, осунулась, а говоритъ все: ничего... Эй, кто тамъ! Попросите сюда Катеньку! закричала она. — Скажите, что графъ пріѣхалъ проститься...

Катя увидѣла изъ окна своей комнаты тильбюри графа, подъѣзжавшій къ воротамъ ихъ дома, и въ первое мгновеніе изъ груди ея вырвался крикъ радости. Она нѣсколько времени какъ вкопаная стояла у окна въ сладкомъ забытьи и потомъ обернулась, чтобы идти внизъ... Въ эту минуту прямо бросился ей въ глаза портретъ ея матери... Этотъ портретъ освѣщался упадавшею на него полосою солнца. Катя вдругъ остановилась, пораженная какою-то мыслію, потомъ вдругъ бросилась къ нему, сорвала его со стѣны и, рыдая, начала покрывать поцалуями.

— Нѣтъ, нѣтъ, думала она, то смотря сквозь слезы на этотъ предметъ, то снова цалуя и прижимая его къ груди: — это безумство; я сама не знаю, что дѣлаю! Нѣтъ я не оставлю тебя, я не разстанусь съ тобою, родная! Это невозможно! Мнѣ оставить тебя? мнѣ убить тебя? Прости меня! прости меня! Какъ мнѣ могла прійдти такая мысль въ голову? Что будетъ со мною безъ тебя?.. Нѣтъ ужъ, любить

меня болѣе тебя никто не можетъ, никто на свѣтѣ! Я это чувствую... Ты носила меня подъ сердцемъ, ты кормила меня своею грудью, ты нянчила меня, ты отказывала себѣ во всемъ, лишала себя необходимаго, для того, чтобы угождать моимъ прихотямъ! И мнѣ оставить тебя? О, Господи! научи меня, вразуми меня, что мнѣ дѣлать?.. Неужели у меня въ самомъ дѣлѣ достанетъ силъ разорвать эти связи? Нѣтъ, это безуміе!

Катя твердо рѣшилась не сходить внизъ, не видать графа; она не спускала глазъ съ портрета, разложила передъ собою самые драгоцѣнныя для нея вещи — подарки матери; она опутала себя шарфомъ, который въ послѣднее время связала для нея старушка, какъ будто боялась за себя, какъ будто, окруживъ себя всѣми этими вещами, она хотѣла придать болѣе твердости своему рѣшенію. Нѣсколько времени просидѣла она въ такомъ положеніи. Тотъ, кто бы вдругъ взглянулъ на нее въ эти минуты, принялъ бы ее за помѣшанную. Глаза ея горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ, дыханіе было тяжело и неровно, грудь поднималась высоко, изрѣдка и съ усиліемъ. Наконецъ она медленно приподнялась, подошла къ своему письменному столу, поставила противъ себя портретъ старушки, судорожно схватила перо и написала:

«Все кончено... Будьте счастливы... Забудьте меня... Я остаюсь... я не могу, я не должна оставлять ее...»

Но въ эту минуту раздался сзади ея голосъ:

— Маменька васъ проситъ внизъ. Она приказала сказать, что графъ пріѣхалъ проститься.

Катя вздрогнула. Перо выпало изъ рукъ ея. Она разорвала листокъ, на которомъ были написаны эти слова, и, будто увлекаемая своею судьбою, сошла внизъ, сама не зная, что дѣлаетъ.

Графъ былъ вдругъ пораженъ, взглянувъ на Катю: такъ измѣнилась она въ одну ночь. Ему стало жаль бѣдную дѣвушку, и когда Вѣра Ивановна вышла изъ комнаты, онъ бросился къ Катѣ, взялъ ее за руку и сказалъ ей тихимъ голосомъ и съ увлеченіемъ, вовсе ему не свойственнымъ:

— Мы не должны разстаться, мы не разстанемся никогда!

— Никогда! какъ эхо повторила Катя, не отдавая себѣ отчета въ этомъ словѣ.

— Все приготовлено, продолжалъ графъ еще тише:— послѣ-завтра въ половинѣ перваго за околицей, по лѣвую сторону дороги, у большого вяза, тебя будетъ ожидать Александръ Иванычъ... Онъ тебѣ передастъ все... Я буду ждать тебя въ 30 верстахъ отсюда... Я выѣду прежде... Я сдѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ, для твоего счастія, для твоего спокойствія... Я не прощаюсь съ тобой. Черезъ два дня мы увидимся. До свиданія.

— До свиданія, проговорила Катя невольно.

Графъ уѣхалъ. Старушка простилась съ нимъ очень трогательно, проводила его съ благословеніями и со слезами. Когда она осталась наединѣ съ Катей, она долго, молча и съ безпокойствомъ смотрѣла на нее. Катя сидѣла на диванѣ, блѣдная какъ смерть, не шевелясь, ничего не видя и не понимая, что дѣлается вокругъ нея.

— Катя! сказала наконецъ старушка, садясь возлѣ нея:—Катя моя!... Не печалься, дитя мое...

И зарыдавъ, она бросилась къ ней на грудь.

— Ты у меня такая благоразумная, продолжала старушка, приподнимая свою голову и смотря на нее съ чувствомъ безпредѣльной материнской любви: — ты вѣдь любишь свою старуху... правда, Катя? Скажи мнѣ, вѣдь ты очень любишь меня?... Я понимаю все, мое сердце... Надо благоразуміе. Что дѣлать! Ахъ, Катя, Катя!... посмотри, какая у тебя горячая головка.

Лицо Кати вдругъ покрылось жаркимъ румянцемъ, и слезы крупными каплями закапали изъ глазъ ея.

Старушка молча жала ея холодную руку, понимая, что слова и утѣшенія въ эту минуту безполезны.

«Я ожидала этого, но все надо предоставить времени — думала она утѣшая себя—это пройдетъ.»

Катя не могла и не смѣла глядѣть на мать; она припала головой къ ея колѣнямъ, обливая ихъ слезами. Слезы нѣсколько облегчили ее. Она приподнялась и долго сидѣла молча, потупивъ голову.

— Мы какъ-то, другъ мой, Катенька, на дняхъ разговорились о тебѣ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, сказала Вѣра Ивановна:—я говорю ему, вотъ, я говорю, время-то какъ идетъ, подумаешь, давно ли Катя была ребенкомъ, а теперь?... Но если бы, современемъ — современемъ вѣдь все можетъ быть, Катенька!... я не говорю теперь—если бы, говорю я, Господь и пристроилъ бы ее за добраго, за хорошаго человѣка, ужъ Катя моя, я говорю, ни за что не оставитъ меня одну, ужъ она не захочетъ бросить свою старуху, она и меня возьметъ съ собою... Правда вѣдь? Мнѣ ничего не надо, только бы жить съ тобою подъ одной кровлей, только бы всякій день видѣть тебя...

Слова эти были прерваны воплемъ, вырвавшимся изъ груди Кати. Катя, какъ безумная, вскочила съ дивана, остановилась на минуту передъ матерью, вдругъ грянулась къ ногамъ ея, крѣпко охвативъ ихъ своими руками, и замерла въ этомъ положеніи.

Ее перенесли на постель. Когда она пришла въ себя и увидѣла у изголовья Вѣру Ивановну, она страшно вздрогнула и собрала всю силу воли, чтобы опять не лишиться чувствъ. Черезъ нѣсколько времени, однако, она встала съ постели. Къ вечеру у Вѣры Ивановны немного отлегло отъ сердца: ей показалось, что ея Катѣ полегче, и что она какъ будто немного попокойнѣе.

На другой день утромъ Катя сказала, что она совсѣмъ почти здорова, и просила мать не тревожиться о ней. Она разговаривала очень весело, даже смѣялась; только въ разговорѣ съ Захаромъ Лаврентьичемъ она вдругъ схватила его за руку и сказала:

— Послушайте, я знаю, какъ вы привязаны къ намъ, какъ вы любите матушку... ну что, если бы со мною что нибудь случилось, если бы я умерла, вы не оставите ее... не правда ли? Скажите мнѣ... вы замѣните ей меня?

Захаръ Лаврентьичь посмотрѣлъ на Катю испуганный.

— Что это вы? возразилъ онъ. — Какъ это можно?... Отчего это вамъ приходятъ въ голову такія мысли?

— Что-жъ! сказала задумчиво Катя: — развѣ я не могу умереть?... тутъ нѣтъ ничего страннаго; но отвѣчайте, если

бы это случилось, вы не оставите мою мать, вы будете беречь ее, покоить ея старость?...

Захаръ Лаврентьичъ снова посмотрѣлъ на Катю. Онъ поблѣднѣлъ, сердце его сильно забилось отъ предчувствія чего-то недобраго, и онъ произнесъ голосомъ, выходившимъ изъ глубины болящаго сердца:

— Я люблю вашу матушку какъ родную мать-съ; ей и вамъ, Катерина Павловна, я ужъ вамъ говорилъ это,— я готовъ отдать всю свою жизнь. Но какъ же можно-съ, что это вы сказали-съ, какъ же это я могу замѣнить для нея васъ! Развѣ вы не знаете, развѣ вы не видите-съ, какъ она васъ любитъ?

Лицо Кати подернулось при этомъ вопросѣ. Она ничего не отвѣчала.

— Катерина Павловна-съ, продолжалъ онъ прерывающимся отъ волненія и робости голосомъ: — вы чѣмъ-то разстроены-съ, у васъ что-то на сердцѣ-съ... вы не такъ, какъ всегда-съ... Что съ вами? Господи! еслибъ я могъ только вамъ все сказать, что у меня вотъ здѣсь. — Онъ ударилъ себя въ грудь. — Я вотъ готовъ на все для васъ, я умереть готовъ для васъ...

Катя опять схватила его руку и крѣпко пожала ее. Онъ прикоснулся губами къ этой рукѣ, и изъ глазъ его капнула слеза.

— Что съ вами? прошепталъ онъ. — Что съ вами? скажите мнѣ.

— Ничего, ничего, мой добрый, мой благородный другъ, отвѣчала она: — на меня такъ находятъ только грустныя минуты... О, я увѣрена, что вы не оставите мою мать... Дайте мнѣ слово, что вы никогда не измѣнитесь ко мнѣ, никогда... что вы до конца останетесь мнѣ другомъ.

— Никогда! сказалъ Захаръ Лаврентьичъ голосомъ, въ которомъ зазвучала вся нѣжная, вся безконечно любящая душа его.

Весь этотъ день Катя была въ какомъ-то странномъ, нервическомъ состояніи: лицо ея то вспыхивало, то покрывалось болѣзненною блѣдностію: она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ. Она-то выбѣгала въ садъ, усыпанный желтыми листьями, жадно вдыхая въ себя осеннюю свѣ-

жесть и благоуханіе увядающей зелени и послѣднихъ поблекшихъ цвѣтовъ, и смотрѣла на деревья, на кусты, на домъ, на все съ такимъ тяжелымъ и грустнымъ вниманіемъ, какъ будто все это она хотѣла сильнѣе запечатлѣть въ памяти, какъ будто прощалась со всѣмъ этимъ; то уходила въ свою комнату, рылась въ своихъ комодахъ и въ столѣ, отъискивала всѣ вещи, всѣ лоскутки, подаренные ей матерью еще въ дѣтствѣ, и которые она свято хранила, смотрѣла на нихъ, обливаясь слезами, и цаловала ихъ; прятала какіе-то лоскуточки, исписанные рукою Вѣры Ивановны, и ея письма къ себѣ на грудь. Она особенно любила одну крестьянскую дѣвочку-сироту, жившую у своей бабушки, и часто заходила къ нимъ въ избу. Катя пришла къ нимъ и въ это утро... Она еще съ большею нѣжностію нежели когда нибудь цаловала дѣвочку и, цалуя, говорила ей:

— Маша, люби свою бабушку... и никогда не оставляй ее... береги ее, ходи за нею, ничѣмъ не огорчай ее. За это Богъ будетъ любить тебя и пошлетъ тебѣ счастье.

Уходя отъ нихъ, она прижала Машу къ груди своей и долго держала ее такъ; она обняла потомъ старуху и всунула ей въ руку деньги.

Старуха, провожая ее и кланяясь до земли, бормотала: «Я за тебя молюсь, родимая, и денно и нощно...»

— Молись! прошептала Катя.

Вечеромъ пріѣхалъ Александръ Иванычъ. Улучивъ минуту, когда Катя осталась одна, онъ подошелъ къ ней, съ таинственною и необыкновенно значительною физіономіею, отдалъ ей тихонько письмо отъ графа и прошепталъ: «прочтите скорѣе теперь; это необходимо». И началъ озираться кругомъ не безъ афектаціи.

Дрожащей рукой Катя распечатала письмо, бѣгло прочла его, спрятала и молча кивнула головой.

— Половина перваго... произнесъ еще таинственнѣе и тише Александръ Иванычъ, продолжая озираться:—у большого вяза... вы знаете... Мы съ графомъ устроили все такъ...

— Хорошо, хорошо, перебила его нетерпѣливо Катя.

Александръ Иванычъ въ этотъ вечеръ болѣе нежели

когда нибудь балагурилъ и разсыпался передъ Вѣрой Ивановной и, уѣзжая, шепнулъ Катѣ:

— Будьте тверды. *Управи сердце твое*... И при этомъ онъ прищурилъ свои глазки и вытянулъ торжественно свою правую руку: — *Всякъ хитрый творитъ съ разумомъ*.

Прошелъ еще день. Погода была пасмурная и смерклось ранѣе обыкновеннаго... Принесли свѣчи... на столѣ зашипѣлъ самоваръ. У стола сидѣли Вѣра Ивановна и Захаръ Лаврентьичъ. Катя разливала чай. Захаръ Лаврентьичъ взглядывалъ на нее съ безпокойствомъ. Въ комнатѣ было мрачно. Нагорѣлыя свѣчи тускло мерцали въ пару отъ самовара. Стѣнные часы въ залѣ издавали по временамъ хриплый и шипящій звукъ, заставляя всякій разъ вздрагивать Катю. Разговоръ шелъ вяло, отрывисто. Никто не думалъ объ ужинѣ. Вѣра Ивановна отправилась въ свою спальню ранѣе обыкновеннаго... Она, какъ всегда прощаясь, начала крестить свою Катю на сонъ грядущій, — и эта роковая минута прошла наконецъ для Кати. Она пожала руку Захару Лаврентьичу и, прійдя въ свою комнату, отпустила свою горничную, сказавъ, что сама раздѣнется, и почти безъ памяти бросилась на постель, съ глухими рыданіями. Черезъ нѣсколько времени она поднялась, провела рукою по лицу и, шатаясь, подошла къ столу, на которомъ лежали часы. Было уже половина двѣнадцатаго. Въ домѣ все было такъ тихо, что Катя слышала стукъ своихъ маленькихъ часовъ и біеніе своего сердца. Катя взяла со стола портретъ матери, собрала всѣ вещи, драгоцѣнныя ей по воспоминанію о ней, и завязала все это въ узелокъ... Прошло еще нѣсколько минутъ. Она стояла посреди комнаты, какъ окаменѣлая... И вдругъ, среди этой мертвой тишины, раздались снизу хрипъ и шипѣнье, сопровождаемыя глухимъ, унылымъ, протяжнымъ, потрясающимъ нервы звономъ. Пробило три-четверти. Какъ бы приведенная къ жизни этимъ звономъ, Катя сдѣлала движеніе, но опять замерла и остановилась, испуганная какою-то мыслію... потомъ тихими, осторожными шагами начала спускаться съ лѣстницы. Ощупью прошла она на цыпочкахъ залу и гостинную и на минуту остановилась у дверей спальни Вѣры Ивановны. Дверь эта была полу-раство-

рена. Слабая полоса свѣта выходила изъ этой полу-растворенной двери. Катя перешла черезъ порогъ ея и остановилась у постели матери.

Мерцающая передъ кивотомъ лампадка едва обливала комнату красноватымъ полу-свѣтомъ. Старушка спала тихимъ, спокойнымъ сномъ — на лицѣ ея была улыбка; ровное дыханіе ея было едва слышно... Катя опустилась на колѣни и, прислонясь головой къ краю постели, скорѣе подумала нежели прошептала:

— Простите меня... не проклинайте меня!

Черезъ пять минутъ Катя уже выходила изъ дома робкими шагами, закутанная въ салопъ и съ узелкомъ въ рукѣ...

Ночь была темная и холодная. Въ нѣсколькихъ шагахъ невозможно было различить ничего. Молчаніе ночи нарушалось только изрѣдка свистомъ вѣтра, скрипомъ деревьевъ да воемъ собаки гдѣ-то въ отдаленіи. Катя вышла за околицу... Она была въ открытомъ полѣ... Вѣтеръ становился рѣзче и порывистѣе. Тучи рѣдѣли и быстро неслись, гонимыя и разрываемыя вѣтромъ, очищая мѣстами небо и тускло сквозь прозрачныя облака мерцающія на немъ звѣзды... Предметы неопредѣленно выходили на мгновеніе изъ мрака... Старый, одинокій вязъ близь дороги поднимался исполинскою черною тѣнью и съ шумомъ качалъ своими длинными, полу-обнаженными вѣтвями. Катя остановилась. Ей послышались шаги и показалось, что кто-то идетъ къ ней на встрѣчу.

Александръ Иванычъ уже болѣе получаса ждалъ ее. закинувъ, по испански, плащъ за плечо сверхъ своего тулупчика, сшитаго его домашнимъ портнымъ Фомкой, надвинувъ на глаза сѣрую шляпу съ длинными полями и помахивая изъ подъ плаща палкой, подаренной ему сэромъ Робертомъ Пилемъ. Александру Иванычу было необыкновенно пріятно играть роль въ такомъ романическомъ происшествіи. Онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по дорогѣ около вяза, придавъ себѣ таинственный видъ, принимая во тьмѣ различныя живописныя позы и улыбаясь про себя съ такимъ самодовольствомъ, какъ будто онъ хлопоталъ единственно для себя и ожидалъ, въ этотъ таинственный часъ,

своей возлюбленной. Онъ дорого бы далъ за лунную ночь и за то, чтобы кто нибудь изъ его знакомыхъ, какъ нибудь нечаянно проѣхалъ и увидѣлъ его...

Александръ Иванычъ замѣтилъ, впрочемъ, Катю только тогда, какъ она ужъ была въ двухъ шагахъ отъ него. Поправивъ плащъ и шляпу, онъ подошелъ къ ней съ большимъ эффектомъ, приложилъ руку къ полямъ и сказалъ:

— А! наконецъ!.. Я давно жду васъ... Будьте покойны. Все готово, я всѣмъ распорядился... Экипажъ ждетъ насъ недалеко отсюда...

И произнеся это, онъ подалъ ей руку, потомъ наклонился къ ея рукѣ и съ чувствомъ поцаловалъ ее.

Въ эту минуту Александръ Иванычъ былъ почти убѣжденъ, что главный герой романа—онъ, и что Катя бѣжитъ изъ родительскаго дома—для него.

Но эта фантазія разлетѣлась вдругъ отъ вопросовъ Кати:

— Гдѣ *онъ? онъ* ужъ уѣхалъ? *онъ* ужъ ждетъ меня?

— Графъ выѣхалъ изъ Покровскаго часовъ въ 9 вечера, отвѣчалъ Александръ Иванычъ. — Онъ будетъ ожидать васъ въ 35 верстахъ отсюда. Для васъ все приготовлено, все устроено, все придумано, какъ нельзя лучше: вы будете какъ у себя дома въ вашемъ дормезѣ... и доѣдете до Петербурга покойно и незамѣтно. Мы съ графомъ все это заранѣе обдумали... Мы выбрали для васъ отличную горничную. Она уже отправлена съ утра...

Катя слышала какія-то слова, но не понимала смысла ихъ. Она не знала, что̀ съ нею дѣлается, не отдавала себѣ отчета ни въ чемъ... Она двигалась безсознательно, опираясь на руку Александра Иваныча, не зная, сонъ ли это, или дѣйствительность.

Александръ Иванычъ продолжалъ:

— Я всегда былъ увѣренъ, что васъ ждетъ что нибудь необыкновенное. Вы—существо, выходящее изъ ряда вседневныхъ явленій. Вамъ нельзя было оставаться здѣсь, потому что эта сфера была узка и тѣсна для васъ... Вамъ надобно ширину, просторъ. Только въ Петербургѣ вы можете найдти удовлетвореніе своему духу, своимъ стремленіямъ и своимъ наклонностямъ. Вы заглохли бы здѣсь въ провинціи, какъ цвѣтокъ въ тѣни, безъ лучей солнца.

Александръ Иванычъ продолжалъ отпускать краснорѣчивыя фразы до той минуты, когда они дошли до экипажа.

Онъ посадилъ Катю въ карету, сѣлъ возлѣ нея и закричалъ человѣку.

— Пошелъ, и какъ можно скорѣй!

Карета двинулась.

Вѣра Ивановна проснулась ранѣе обыкновеннаго. Первый вопросъ ея былъ:

— Что Катя?... что она почиваетъ еще?

Горничная пришла въ странное замѣшательство и молчала.

— Да ты не знаешь, что ли?

— Не знаю, сударыня-съ.

Вѣра Ивановна одѣлась и вышла. Весь домъ былъ въ страшномъ смятеніи. Люди безъ толку суетились, бѣгали, шептались, какъ-то странно посматривали другъ на друга. Ее встрѣтилъ Захаръ Лаврентьичъ. На Захарѣ Лаврентьичѣ лица не было.

— Ну, что жъ самоваръ-то? закричала Вѣра Ивановна:—что вы сегодня всѣ точно какъ одурѣли? и къ чаю до сихъ поръ не собрано!... Вѣдь Катенька скоро проснется. Можетъ, она ужъ и проснулась. Пойду, посмотрю.

И старушка хотѣла идти, но Захаръ Лаврентьичъ вдругъ бросился къ ней и схватилъ ее за руку.

— Не ходите, сказалъ онъ.—Катерина Павловна вышла гулять... Она...

Вѣра Ивановна въ первый разъ взглянула на Захара Лаврентьича и въ испугѣ вскрикнула:

— Что это значитъ? гдѣ она? что съ нею? говорите!

Захаръ Лаврентьичъ молчалъ.

— Она больна?.. ей дурно, что ли?

Она съ силой вырвала свою руку изъ руки Захара Лаврентьича и бросилась къ дверямъ.

Захаръ Лаврентьичъ загородилъ ей дорогу.

— Оставьте меня, оставьте! Что съ нею?..

— Вѣра Ивановна, сказалъ Захаръ Лаврентьичъ: — позвольте... мнѣ нужно поговорить съ вами.

Она еще разъ посмотрѣла на него.

— Что такое? Бога ради... не мучьте... Я хочу ее видѣть... Пустите меня...

— Вѣра Ивановна, Вѣра Ивановна...

Но она ничего не хотѣла слушать и бросилась въ комнату дочери. Захаръ Лаврентьичъ побѣжалъ за нею.

Комната Кати была въ безпорядкѣ. Ящики у комодовъ и стола полу-растворены, вещи разбросаны... Вѣра Ивановна остановилась и дико, съ недоумѣніемъ осмотрѣлась кругомъ.

— Что это значитъ? прошептала она—и вдругъ, какъ бы внезапно пораженная мыслію, вскрикнула страшнымъ голосомъ:—она бѣжала съ нимъ? говорите!

Захаръ Лаврентьичъ молчалъ.

— Быть не можетъ!.. повторила она — и какъ помѣшанная начала бросаться по комнатѣ и шарить по всѣмъ угламъ, будто отъискивая ее; потомъ она остановилась по срединѣ комнаты и нѣсколько времени молчала, поводя глазами.

Захаръ Лаврентьичъ подошелъ къ ней.

— Она бѣжала... она... моя Катя... она оставила меня, меня!..

И, съ воплемъ схвативъ себя за голову, старушка рухнулась на руки Захара Лаврентьича.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЛЬВЫ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Октябрь былъ на исходѣ. Петербургъ оживился. Онъ былъ въ полномъ сборѣ. Начались балетъ и опера, привезли въ третій разъ устрицы. На Невскомъ проспектѣ появились уже всѣ болѣе или менѣе извѣстныя и неизвѣстныя лица, ежедневно встрѣчающіяся другъ съ другомъ отъ трехъ до четырехъ часовъ, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и смертельно надоѣвшія другъ другу. Ваня, Петруша, Коля, Гриша, и прочіе прохаживались уже подъ руки, занявъ безцеремонно почти весь широкій тротуаръ проспекта, какъ свою собственность. Они по прежнему дѣлали остроумныя замѣчанія по поводу разныхъ проходящихъ, смѣялись, разговаривали свободно и громко, какъ у себя дома, при встрѣчѣ останавливались шумными толпами, и возбуждали всеобщее вниманіе.

Орловскіе рысаки, запряженные въ кареты и коляски, сновали отъ Аничкова моста до Адмиралтейства и обратно, и изъ этихъ каретъ выглядывали закутанныя соболями и разукрашенныя цвѣтами и блондами госпожи—съ величественными и недоступными взглядами, которые смягчались

только, когда головки ихъ наклонялись слегка въ отвѣтъ на дружеское и безцеремонное киванье Ваней, Петрушъ, Гришъ и Колей. На козлахъ коретъ и колясокъ, рядомъ съ толстыми кучерами сидѣли тоненькіе и маленькіе грумы, сложивъ эффектно на-крестъ руки или подбоченясь одной рукой. Эти госпожи щеголяли одна передъ другой своими экипажами, грумами, кучерами, соболями, цвѣтами и блондами; а господа, платившіе деньги за этихъ грумовъ, за эти экипажи, соболи, цвѣты и блонды, очень пріятно раззорялись, утѣшая себя мыслію, что *она* произведетъ эффектъ на Невскомъ, въ театрѣ или въ маскарадѣ, и что вслѣдствіе этого всѣ будутъ удивляться *ему* и заговорятъ *о немъ*.

Одна изъ такихъ госпожъ, осенью, за годъ, въ который совершались описываемыя мною происшествія, обратила на себя вниманіе всего фешьонэбельнаго Петербурга и вообще всего празднаго и любопытнаго петербургскаго народонаселенія. Она возбудила въ короткое время худо скрытую зависть во всѣхъ другихъ госпожахъ, совершенно затмивъ и уничтоживъ ихъ своею роскошью, своими экипажами, туалетами и довольно ловко разсчитанною смѣлостію своего поведенія. Она явилась вдругъ, гордо, никѣмъ не предвидѣнная, никѣмъ не жданная, со всѣми своими побѣдоносными атрибутами, нанеся сокрушительный ударъ своимъ соперницамъ, не приготовившимся къ этой оборонѣ. Кто была она и откуда взялась — никто не зналъ положительно; объ ней носились только неопредѣленные слухи, за достовѣрность которыхъ я не ручаюсь. Она звалась Лидіей Александровной; но говорили, будто бы настоящее ея имя, — имя, данное ей при святомъ крещеніи, было Фекла, и что многіе знавали ее подъ именемъ Феклуши; что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ у Феклуши было одно барежевое лиловое платье, въ которомъ она появлялась на гуляньяхъ, въ танцклассахъ и въ театрахъ, въ мѣстахъ за креслами, и что Феклуша получила воспитаніе... въ какомъ-то магазинѣ въ Большой Морской.

Вѣрно только то, что Феклуша съ раннихъ лѣтъ обнаруживала большую хитрость и смѣтливость; что она, при врожденной ловкости и граціи, была удивительно хорошо

сложена, имѣла очень свѣжій цвѣтъ лица, прекрасный ростъ, нѣсколько продолговатые голубые глаза съ поволокой, пушистые и густые бѣлокурые волосы, роскошную грудь и плечи и небольшой, прямой носъ, чуть-чуть приподнятый кверху.

Фешьонэбельному Петербургу не суждено было узнать ее въ цвѣтущую пору ея ранней молодости и свѣжести. Въ эту счастливую пору она была совершенно въ тѣни, на заднемъ планѣ, и красотой ея могли любоваться... развѣ только сидѣльцы гостинаго двора и молодые купчики. Когда Феклуша изъ Феклуши преобразилась въ Лидію Александровну, несмотря на то, что отца ея звали, говорятъ, Егоромъ, и впервые появилась на Невскомъ проспектѣ въ коляскѣ на лежачихъ рессорахъ, въ трехъ-тысячной турецкой шали — ей было уже двадцать-восемь лѣтъ и она значительно утратила прежнюю свѣжесть. Впрочемъ, блѣдность и томность ея лица и небрежность движеній, по мнѣнію многихъ знатоковъ, имѣли неотразимую привлекательность. Когда Лидія Александровна прохаживалась по дворцовой набережной, едва прикасаясь къ плитамъ своими маленькими ножками, обутыми въ шелкъ, закутанная въ турецкую шаль или соболь, одѣтая съ безукоризненнымъ и тонкимъ вкусомъ, а за нею слѣдовала ея маленькая и легкая карета, только что привезенная изъ Лондона,— всѣ мужчины останавливались невольно и провожали ее глазами; всѣ женщины искоса и незамѣтно взглядывали на нее, съ ядовитою улыбкою. Не только вблизи—люди пріѣзжіе и мало знающіе Петербургъ, но даже издали— многіе опытные петербургскіе господа принимали ее за даму высшаго свѣта, и только одна ея походка, манера ходить немного раскачиваясь и, можетъ быть, ужъ черезъ чуръ гордый взглядъ нѣсколько измѣняли ей. Лидія Александровна имѣла абонированныя ложи на всѣхъ театрахъ, но она больше появлялась только въ балетѣ и оперѣ, и всегда съ роскошнымъ букетомъ камелій. Отъ этого въ Петербургѣ ее прозвали *дамой съ камеліями*, еще за долго до появленія въ Парижѣ знаменитаго романа *Dame aux Camélias*. Лидія Александровна не имѣла ни малѣйшаго понятія о музыкѣ и никакого слуха, но не могла обой-

тись безъ оперы, говорила что всякая фальшивая нота приводитъ въ раздраженіе ея нервы, была въ энтузіазмѣ отъ Рубини, Віардо и Альбони и снисходительно бросала свои дорогіе букеты этимъ великимъ артистамъ изъ своей ложи.

Всякій разъ, въ антрактахъ, въ небольшой комнатѣ передъ ея ложей, богато-меблированной, собирался раутъ, и она, съ большою, впрочемъ, разборчивостью, награждала своихъ безчисленныхъ поклонниковъ то улыбкой, то взглядомъ, то словомъ. Для этого нужно было носить или громкое имя и богатство, соединенныя вмѣстѣ, или пользоваться вообще, и между молодежью высшаго круга въ особенности, большою извѣстностію. Одно богатство безъ имени, безъ извѣстныхъ связей и знакомствъ оставлялось безъ всякаго вниманія въ публикѣ и награждалось благосклонностію и привѣтомъ только изподтишка, въ тайнѣ. Самая избранная толпа постоянно окружала ее въ маскарадахъ; только тѣ, которые въ живописныхъ позахъ останавливаются обыкновенно у большого зеркала въ залѣ дворянскаго собранія, и около которыхъ увиваются пискливыя маски, отягченныя кружевами,—только такого рода господа тѣснились около нея на загородныхъ пикникахъ; только такіе господа послѣ маскарадовъ ужинали съ нею у Дюссо или у Донона...

Ни одна женщина не могла сравниться съ нею, когда она, вспыхнувъ румянцемъ и наклонивъ немного головку, носилась по залѣ въ полькѣ или мазуркѣ, а ея пушистые волосы развѣвались и, развиваясь, упадали длинными шелковистыми прядями на грудь... «Charmante, charmante!» жужжали вокругъ нея, и глаза всѣхъ были устремлены на нее, и всякій желалъ бы въ эту минуту быть на мѣстѣ того, кто охватывалъ этотъ тонкій и гибкій станъ, хотя никто не сознавался въ этомъ, хотя всѣ, смотря на нее и говоря съ нею или объ ней, считали какъ будто необходимымъ принимать нѣсколько-ироническій тонъ, да кстати ужъ и намекнуть, такъ, слегка, что они пользуются или пользовались большой благосклонностію этой царицы бала.

Она никогда не позволяла себѣ въ танцахъ никакихъ

слишкомъ смѣлыхъ и беззастѣнчивыхъ выходокъ, какъ другія. Она посматривала на этихъ другихъ съ насмѣшливой и гордой улыбкой, и не сближалась съ ними. Но дома, когда ни кого не было, когда она была вполнѣ увѣрена, что никто изъ тѣхъ, которые составляютъ въ Петербургѣ славу, даютъ вѣсъ женщинѣ и возвышаютъ ей цѣну: ни Петруша, ни Коля, ни Гриша, не могутъ и въ щелочку подсмотрѣть за нею,—въ эти, рѣдкія, впрочемъ, минуты, она принимала къ себѣ съ полнымъ радушіемъ Катю и Машу, своихъ старыхъ подругъ, которыя, въ изношенныхъ салопахъ, приходили къ ней черезъ заднее крыльцо. Но она, въ своемъ роскошномъ платьѣ, въ шелку и батистѣ, бросалась къ нимъ, въ порывѣ радости, на шею, цаловала ихъ, насильно сажала возлѣ себя на свою мебель и съ участіемъ спрашивала:

— Что̀, Катя, какъ ты живешь теперь? Не нужно ли тебѣ, Катя? Вотъ возьми,—и давала ей деньги, не отнимая, впрочемъ, благодѣтельной руки, которую Катя и Маша цаловали.

Внутренно восхищенная тѣмъ, что Катя, вытаращивъ глаза отъ удивленія, смотрѣла на ея роскошь, Лидія Александровна показывала ей свои драгоцѣнности и говорила, сколько именно заплачено за такую-то вещь, иногда даже немножко прибавляя.

Квартира Лидіи Александровны была отдѣлана со всѣми прихотями и затѣями роскоши. Начиная отъ ея лѣстницы, обитой зеленымъ сукномъ, сверху котораго разостланъ былъ коверъ, до ея салона, обитаго небеснаго цвѣта шелковой матеріей, малиноваго бархатнаго будуара и ситцевой спальни, въ видѣ палатки, — все и въ цѣломъ и въ деталяхъ было роскошно. Божій свѣтъ, смягчаясь, проходилъ въ эти комнаты, сквозь вышитый цвѣтами тюль. Различныхъ формъ кресла, диваны и диванчики, разставленные въ этихъ комнатахъ, манили къ спокойствію и къ нѣгѣ; нога утопала въ пушистомъ коврѣ. Тутъ стояло и піанино Эврара, а возлѣ него, на этажеркѣ, груды нотъ; но рука хозяйки никогда не бралась за эти ноты и не оживляла клавиши. Три или четыре картины небрежной кисти новѣйшихъ французскихъ живописцевъ; портретъ хозяйки

работы Робильяра, въ круглой рѣзной, позолоченой рамѣ; бронзы на мраморныхъ и бархатныхъ каминахъ; японскія вазы, китайскій и севрскій фарфоръ, veiux Saxe... довершали украшеніе этихъ комнатъ. И когда, владѣтельница всего этого, въ сумерки осенняго дня, лежала на диванѣ, противъ ярко горѣвшаго камина, грѣя свои маленькія ножки, на которыхъ болтались туфли съ каблучками à la Louis XV, закрывъ отъ огня свое личико китайскимъ зонтикомъ,—въ эти минуты взглянувъ на нее, какой нибудь неопытный новичокъ, только что вырвавшійся изъ школы, готовъ бы былъ отдать ей всю жизнь свою, броситься за нее, не задумываясь, въ огонь и въ воду, а старый волокита, съ черными накрашенными усами, готовъ былъ отдать ей все свое достояніе, если бы у него осталось какое нибудь достояніе...

Лидія Александровна давала вечера съ великолѣпными ужинами (à la Régence) на золотѣ. Люди, служившіе за этими ужинами, были въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а одинъ изъ лакеевъ даже въ какой-то фантастической ливреѣ. Все, что́ было дорого по сезону, подавалось на этихъ ужинахъ, и самое тонкое вино роскошно лилось въ тончайшій хрусталь. На этихъ ужинахъ обыкновенно присутствовали и Ваня, и Коля, и Петруша, и Гриша; но и они, которымъ все, если не на свѣтѣ, то въ Петербургѣ, было извѣстно, не знали, откуда эти роскошь и богатство. Носились темные слухи о какомъ-то откупщикѣ или золотопромышленникѣ, но никто ничего не зналъ положительно, и никто никогда не видалъ у Лидіи Александровны никакого неизвѣстнаго и подозрительнаго лица. Она свободно приглашала къ себѣ во всякое время дня, начиная съ половины второго, когда она просыпалась, и послѣ театра часто привозила съ собой извѣстную молодежь и просиживала съ этими господами далеко за полночь, веселая и беззаботная, не вздрагивая и нимало не измѣняясь въ лицѣ при звукѣ неожиданнаго и поздняго звонка.

Съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ росла ея слава и увеличивалась толпа ея поклонниковъ. Всѣ модныя петербургскія извѣстности и знаменитости перебывали въ ея будуарѣ. Она сдѣлалась капризомъ, прихотью вели-

косвѣтской молодежи, самой дорогой камеліей изъ всего петербургскаго продажнаго цвѣтника. Для франтовъ средней руки она была рѣшительно недоступна и не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія, какъ они ни таращились передъ нею.

Господинъ съ неуловимыми глазками считался другомъ ея дома, хотя посѣщалъ ее рѣдко, занятый, по своему обыкновенію, пріѣзжими артистками; графъ почти не зналъ ее, потому что она заблестѣла въ Петербургѣ въ его отсутствіе, а Вихляевъ, при всемъ мучительномъ желаніи, никакъ не могъ добиться чести быть ей представленнымъ, что́, однакожъ, не мѣшало ему говорить своимъ темнымъ пріятелямъ, что онъ очень знакомъ съ нею.

Когда эти господа возвратились изъ деревни, ихъ встрѣтило первое слово о ней. Ваня, Петруша, Коля и Гриша объявили, что Лидія Александровна производитъ фуроръ во всемъ Петербургѣ. Петербургомъ они называли только свой кружокъ и немногое число людей, болѣе или менѣе имъ извѣстныхъ, а остальныхъ едва ли и причисляли не только къ петербургскимъ, но и къ какимъ-нибудь людямъ. Они разсказывали чудеса объ ея лѣтнемъ образѣ жизни, о ея дачѣ, объ ея экипажахъ, рысакахъ, объ англійскихъ закладкахъ, грумахъ, ея вечерахъ и о прочемъ. Всѣ эти разсказы были нѣсколько проникнуты ироніей; но сквозь эту иронію все-таки видно было, что Лидія Александровна въ большомъ ходу (en vogue) между ними. Господинъ съ неуловимыми глазками послѣ этихъ разсказовъ на другой же день сдѣлалъ ей визитъ. Графъ выслушалъ ихъ очень хладнокровно, не обнаруживая ни малѣйшаго интереса, и когда Коля сказалъ ему:

— Ты вѣдь, кажется, не знакомъ съ нею? Тебя надо непремѣнно познакомить.

Графъ, зѣвая и потягиваясь, отвѣчалъ:

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? возразилъ Петруша.—Да это очень забавно! хотя бы для того, напримѣръ, чтобъ послушать, какъ она говоритъ по-французски. Мы будемъ тамъ сходиться всѣ вмѣстѣ.

— Ого! она ужъ и по-французски говоритъ, сказалъ графъ.

— Да, comme une vache espagnole, отвѣчалъ Петруша.

— Еще какъ, братецъ! замѣтилъ Гриша:—безъ запинки и безъ предлоговъ. Бойкая барыня! Хочешь, поѣдемъ къ ней на дняхъ? Ей ужасно хочется съ тобой познакомиться. Она просила меня объ этомъ по крайней мѣрѣ разъ двадцать.

Графъ насмѣшливо улыбнулся и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, спасибо.

— Да что́ это ты, кажется одичалъ въ деревнѣ? сказалъ Петруша.

— Можетъ быть. Ну а ты, шалунъ, ты что́ здѣсь дѣлалъ? все повѣсничалъ?

Графъ дружески потрепалъ Петрушу по плечу.

— Ничаво, такъ себѣ, ваше сіятельство, произнесъ Петруша, почесывая въ затылкѣ.

Жилъ, пилъ, веселился,
Краснымъ дѣвкамъ полюбился...

— Хвастунъ! возразилъ графъ.

— Нѣтъ, а я вотъ тебѣ что скажу: какую я тройку собралъ, продолжалъ Петруша. — Вотъ троичка-то, братъ! Спроси у нихъ. Кони — вихорь, пыль вздымаютъ, людей удивляютъ...

И Петруша присвиснулъ.

— Такой, братъ, сборной тройки ни у кого нѣтъ. Я всѣхъ этихъ охотниковъ-то... за поясъ заткну. Вотъ оно что-съ!

И Петруша, неизвѣстно для чего, затянулъ во все горло, приложивъ руку къ щекѣ:

«Не бѣлы-то снѣги...»

— Довольно, довольно! закричали ему, въ одинъ голосъ, Коля, Ваня и Гриша, затыкая уши.

— Неисправимъ! замѣтилъ графъ, смѣясь.

— О, да еслибъ ты еще все зналъ, что онъ дѣлаетъ! Умора! сказали Гриша и Коля.

— Я воображаю! замѣтилъ Вихляевъ, стоявшій все время въ сторонѣ, никѣмъ не замѣчаемый.

— А что ты воображаешь, шутъ ты гороховый! воскликнулъ Петруша, презрительно взглянувъ на него: — я тебѣ еще и воображать-то ничего не позволю... Господа! я досталъ себѣ такого бульдога, что чудо! золъ какъ чортъ. Я приглашаю васъ всѣхъ къ себѣ на спектакль. Я буду на дняхъ травитъ Вихляева.

Всѣ захохотали.

— Какъ это остроумно! прошепталъ сквозь зубы сконфуженный Вихляевъ, и потомъ продолжалъ, оправляясь и принимая развязный видъ:

— А вотъ вмѣсто того, чтобы вздоръ-то говорить, лучше познакомьте-ка меня, господа, съ Лидіей Александровной.

— Что-жъ ты хочешь за ней волочиться? спросилъ насмѣшливо Гриша.

— А почему же и нѣтъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ графъ:—почему же? Вы знаете, господа, у него тысяча душъ въ Орловской губерніи; а мы не знали этого; онъ скрывалъ это отъ насъ. Сколько, Вихляевъ? вѣдь тысяча душъ... или больше?

При этомъ снова раздался хохотъ.

Вихляевъ покраснѣлъ до ушей и пробормоталъ что-то невнятно.

— А! Вихляевъ, браво! браво! закричали, въ одинъ голосъ Коля, Гриша и Петруша.

Вихляева окружили со всѣхъ сторонъ.

— Ну, сколько у тебя душъ, говори? кричалъ Петруша.

— Въ какой губерніи-то? кричалъ Гриша.

— А сколько десятинъ земли? кричалъ Коля.

— Сколько ты получаешь доходу, душка?

— Доволенъ ли ты своимъ управляющимъ? Кажется, онъ, подлецъ, тебя обкрадываетъ? Что-то мало высылаетъ тебѣ! а?

И тысячи такого рода вопросовъ посыпались на бѣднаго Вихляева. Онъ вертѣлся и твердилъ:

— Да полноте, господа! что́ за вздоръ! Я никогда не говорилъ, — ей Богу.

— Въ самомъ дѣлѣ, что́ вы пристали къ нему? Оставьте его, господа, сказалъ Петруша очень серьёзно.— Я навѣрно знаю, что у него только одна душа, но зато прескверная — своя собственная.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ послѣднимъ царскосельскимъ скачкамъ. По этому поводу очень долго и серьезно разсуждали о лучшихъ англійскихъ лошадяхъ въ Россіи, объ англійскихъ и здѣшнихъ конно-заводчикахъ, перебрали всѣхъ знаменитыхъ скаковыхъ лошадей, называя ихъ по именамъ. Графъ одушевился и говорилъ съ энтузіазмомъ, съ жаромъ и при этомъ обнаружилъ изумительную память, потому что зналъ наизусть чуть ли не всю Stock-Book, отъ доски до доски. Во все время этого разговора Петруша молчалъ, посматривая на всѣхъ иронически, и объявилъ наконецъ рѣшительно, что скаковыя лошади — дрянь, что на свѣтѣ должны существовать только однѣ рысистыя и сборныя тройки, и что онъ свою сборную тройку не промѣняетъ на лучшую скаковую лошадь, какая только есть въ Англіи. Отъ этого возникъ жаркій споръ, на Петрушу напали всѣ; но онъ отдѣлывался различными побасенками и прибаутками и въ заключеніе сказалъ на-отрѣзъ:

— Да ужъ вы тамъ что́ ни толкуйте, а я всетаки останусь при своемъ. То ли дѣло наша ямская тройка!

И накренивъ ухорски на бекрень свою шляпу, Петруша въ энтузіазмѣ бросился на стулъ, точно на облучокъ телѣги, замахалъ руками и закричалъ:

— Эй, вы соколики, голубчики!...

Вечеромъ этого дня, то есть, черезъ четыре дня послѣ пріѣзда графа, въ извѣстныхъ слояхъ Петербурга начали уже носиться различные слухи о немъ и о его деревенскихъ похожденіяхъ. Нѣкоторые говорили, что дочь какого-то помѣщика, красавица собой, безъ ума влюбившаяся въ графа, бѣжала вслѣдъ за нимъ и, неожиданно для него, сюпризомъ вдругъ явилась въ Петербургѣ, объявивъ торжественно, что она не можетъ существовать безъ него, и что графъ, который совершенно равнодушенъ къ ней, былъ непріятно пораженъ и смущенъ этимъ оригинальнымъ сюрпризомъ и не знаетъ, что́ дѣлать. Другіе разсказывали, будто бы графъ влюбился въ какую-то провинціальную барышню,

необыкновенно умную, хотя и дурно воспитанную, увезъ ее и тайно обвѣнчался съ нею: что онъ хочетъ скрывать этотъ бракъ, что онъ помѣстилъ ее въ одной изъ отдаленныхъ частей города, окруживъ ее всѣми прихотями роскоши, что все это заранѣе было приготовлено однимъ изъ друзей его, что графъ все время проводитъ у нея, хочетъ всего себя посвятить ей и совсѣмъ отказаться отъ свѣта. Третьи увѣряли, что графъ имѣлъ связь съ этой дѣвушкой, что этой связи способствовала ея мать, и что вообще это очень грязная исторія. Нѣкоторыя, очень нравственныя дамы, имѣвшія дочерей на возрастѣ, пришли въ справедливое негодованіе и по этому поводу разсуждали вообще о нынѣшней молодежи, о ихъ странныхъ и неприличныхъ связяхъ, о томъ, что они не умѣютъ поддерживать своего имени, и прочее и прочее. Онѣ очень, впрочемъ, сожалѣли о графѣ и замѣчали, вздыхая, что онъ слишкомъ рано остался безъ руководителей и началъ пользоваться свободой, которая никогда до добра не доводитъ; что, для его собственной пользы, имѣніе его надобно бы взять въ опеку, и что любопытно знать, какъ приметъ все это дядя его, графъ Л*, человѣкъ, какъ извѣстно, правилъ самыхъ строгихъ и безукоризненныхъ. Петербургскія львицы были очень заняты странными и таинственными толками о графѣ. Эти толки придали ему въ ихъ глазахъ еще болѣе интереса. Раздраженное любопытство и желаніе посмотрѣть на героиню этихъ толковъ доходило въ нихъ до болѣзненнаго раздраженія.

— Да что онъ, держитъ ее взаперти, прячетъ, или ее гдѣ нибудь показываютъ? спрашивали они у своихъ поклонниковъ.

— Говорятъ, она большая музыкантша, отвѣчали поклонники:—и вѣрно онъ абонируетъ ей ложу въ оперѣ.

— Да неужто вы, господа, не видали ее до сихъ поръ? И что она, въ самомъ дѣлѣ, что-ли, хороша, и онъ точно ее любитъ?

И неудовлетворенное любопытство выходило изъ границъ. Графъ, послѣ пріѣзда сдѣлавъ визиты, нигдѣ послѣ этого не показывался. Онъ не ѣздилъ ни въ оперу, ни въ балетъ; его рѣшительно нигдѣ не было видно. Разъ какъ-

то распустили слухи въ театрѣ, что онъ сидитъ съ *нею* въ крайней литерной ложѣ съ правой стороны. Въ этой ложѣ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣла одна, никому неизвѣстная и очень хорошенькая женщина, съ кокетливыми манерами и съ довольно беззастѣнчивымъ взглядомъ. Кому-то случайно забрело въ голову, что это должно быть непремѣнно *она* и, что за нею непремѣнно скрывается графъ. Господинъ, вообразившій это, сообщилъ свою фантазію другому господину, тотъ третьему, и въ антрактѣ весь театръ только и говорилъ объ этомъ... и всѣ бинокли изъ бель-этажа и перваго яруса были наведены на эту ложу, къ совершенному изумленію сидѣвшей въ ней незнакомки и прятавшагося за нею ея бѣлокураго кавалера, франта съ усиками.

Господинъ съ неуловимыми глазками былъ со всѣхъ сторонъ атакуемъ воспросами:

— Что, это *она*?

— Правда вѣдь — *она*?

— И, говорятъ, графъ тамъ въ ложѣ?

— Что, онъ точно тамъ?

Напрасно господинъ съ неуловимыми глазками увѣрялъ, что все это вздоръ, что они совершенно ошибаются, что въ этой ложѣ сидитъ неизвѣстная ему госпожа, что онъ знаетъ навѣрно, что графа нѣтъ въ театрѣ, и прочее: никто не хотѣлъ вѣрить ему, и всѣ были убѣждены, что онъ скрываетъ это изъ какой-то вовсе неумѣстной скромности... Но вдругъ, къ величайшему удивленію, огорченію и разочарованію всѣхъ, въ ложѣ, возлѣ этой неизвѣстной дамы, съ торжественнымъ видомъ и съ пріятной улыбкой, появился ея кавалеръ, съ необыкновенно развязными манерами и съ неслыханной величины биноклемъ, и началъ обводить всѣ ложи и партеръ и потомъ подсѣлъ къ этой дамѣ, закинувъ одну руку на ручку ея стула и всячески стараясь показать всей многочисленной и избранной публикѣ, что онъ находится въ очень близкихъ сношеніяхъ съ этой дамой, обратившей на себя ея лестное вниманіе...

Первое появленіе графа въ оперѣ — это было уже въ половинѣ декабря — произвело въ партерѣ и въ ложахъ перваго яруса значительное волненіе. Давали *Лучію*. Театръ былъ набитъ биткомъ. Духота была нестерпимая. Во время

антрактовъ въ партерѣ была давка. Петруша, Коля, Ваня и Гриша занимали мѣста въ первыхъ двухъ рядахъ, и около нихъ терся, увивался и вертѣлся Вихляевъ, съ стеклышкомъ въ глазу. Въ ближайшей къ сценѣ литерной ложѣ сидѣла, въ блескѣ изящнаго бальнаго туалета, Лидія Александровна, а передъ нею, на перилахъ ложи, лежалъ большой и великолѣпный букетъ изъ камелій, поднесенный ей въ это утро. Возлѣ нея сидѣла пожилая дама, съ сѣдыми пуклями, въ чепцѣ и шелковомъ платьѣ, въ видѣ родственницы, употреблявшаяся Лидіею Александровною исключительно для театровъ, для цирковъ и для другихъ публичныхъ мѣстъ, гдѣ неловко показываться одной. Нельзя не замѣтить, что пожилая дама Лидіи Александровны была одною изъ самыхъ удачныхъ пожилыхъ дамъ такого рода... Всѣ извѣстныя петербургскія лица обоихъ половъ присутствовали въ этомъ представленіи; начиная съ пожилыхъ и почтенныхъ господъ, не имѣющихъ никакого состоянія, но владѣющихъ даромъ издерживать ежегодно десятки и даже сотни тысячъ ассигнаціонныхъ рублей, — эти загадочныя лица, которыхъ вы встрѣчаете на первомъ планѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, которыя сидятъ въ театрѣ—въ великолѣпно меблированныхъ ложахъ, о которыхъ всѣ говорятъ съ подозрительной гримасой и которымъ, однако, всѣ пожимаютъ руку,—и оканчивая тѣми несчастными молодыми людьми, которые платятъ послѣдніе четыре рубля серебромъ за кресла, съ единственною цѣлію—показать публикѣ себя, свои желтыя перчатки и свое стеклышко, которые впрочемъ никого не удивляютъ и остаются никѣмъ не замѣченныя, потому что кто же не носитъ въ наше время желтыхъ перчатокъ и стеклышекъ? Тутъ были и другіе молодые люди, совершенно неизвѣстнаго происхожденія, высокіе, красивые и статные, — тѣ, которыхъ обыкновенно называютъ *бельомами*, одѣтые по послѣдней журнальной картинкѣ, съ шикомъ, какъ выражаются нѣкоторыя дамы,— господа, также не имѣющіе никакого состоянія, но ведущіе образъ жизни роскошный, имѣющіе мало знакомствъ, но очень много жилетовъ и фраковъ,—которыхъ едва ли кто нибудь пуститъ къ себѣ въ домъ, но которыхъ можно всегда встрѣтить во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ... на гуляньяхъ—

или верхомъ на англійской лошади, или въ узенькихъ и маленькихъ саняхъ, сотканныхъ изъ паутины, на рысакѣ, котораго едва сдерживаетъ кучеръ, или въ маленькой каретѣ, безпечно развалившихся, съ сигарою въ зубахъ, а въ театрѣ—съ торжественными и беззастѣнчивыми физіономіями, въ ложахъ такихъ дамъ, къ которымъ ѣздятъ, можетъ быть, всѣ, но съ которыми въ публикѣ не показывается никто... Тутъ были сыновья ни богатыхъ, ни бѣдныхъ родителей — не принадлежащіе собственно ни къ высшему, ни къ среднему свѣту, а какъ-то странно болтающіеся между тѣмъ и другимъ, съ чувствомъ и умиленіемъ кланяющіеся и благоговѣйно прикасающіеся къ рукѣ людей высшаго свѣта и едва удостоивающіе наклонять голову, на почтительные поклоны людей средняго класса и потомъ озирающіе этихъ послѣднихъ съ ногъ до головы съ лицомъ, подернутымъ ироніею. Эти господа, считающіе себя образцомъ такъ называемаго *comme il faut*, живущіе и дышащіе этимъ *comme il faut*, не имѣющіе никакой цѣли въ жизни, кромѣ *comme il faut*, не имѣющіе никакой мысли въ головѣ, кромѣ той, какъ бы не выйдти изъ за черты этого *comme il faut*, смотрящіе на людей, на жизнь, даже на природу, на всѣ предметы одушевленные и неодушевленные съ точки зрѣнія своего *comme il faut*. Эти *comme il faut*, у которыхъ все взвѣшено, все расчитано, все размѣрено: каждое слово, каждая улыбка, каждый взглядъ, каждое движеніе головы, брови, руки или ноги; которые всегда держатся прямо, головы во все не поворачиваютъ, а если иногда поворачиваются, то всѣмъ туловищемъ, — у которыхъ бантъ на галстукѣ повязанъ съ изумительною точностію и правильностію, воротнички точно приклеены къ щекамъ, и бакенбарды на щекахъ лоснятся точно широкая атласная лента; у которыхъ на фракахъ, сюртукахъ, пальто и панталонахъ нѣтъ никогда ни одной пушинки, у которыхъ все точно сейчасъ съ иголочки... Тутъ были и счастливыя дѣтки тѣхъ бородатыхъ отцовъ, которые скопили для нихъ деньгу трудомъ, сметкою, оборотливостію и другимъ кое-чѣмъ, цѣлый вѣкъ проходя въ одномъ длиннополомъ синемъ сюртукѣ и не зная другихъ прихотей, кромѣ чайку да лежанки, — дѣтки, облекшіяся въ кургу-

зый пиджакъ, расчесавшія себѣ по англійски волосы, заведшія для себя неслыханные у насъ заморскіе экипажи да и загулявшія по русски — широко, размашисто, обливаясь и опиваясь шампанскимъ, безъ счета горстями вынимая деньги изъ кармановъ и комодовъ, бросая ихъ на право и налѣво цыганамъ, трактирщикамъ и волтижеркамъ—и въ два, въ три года проматывающія то, что отцы скопляли имъ впродолженіе всей своей жизни... Тутъ еще были... но довольно: всѣхъ не перечтешь. Графъ явился передъ самымъ начатіемъ увертюры, не имѣя нужды обращать на себя вниманіе, которое и безъ его желаній преслѣдовало его всюду. Улыбаясь и кивая головой на право и на лѣво, онъ пробирался въ первый рядъ, на свое абонированное кресло, которое, къ огорченію многихъ, такъ долго оставалось незанятымъ.

Въ первомъ ряду графъ остановленъ былъ сѣдымъ господиномъ очень гордой и значительной наружности.

— А-а-а! воскликнулъ сѣдой господинъ, съ невыразимо благосклоннымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица, взглянувъ на графа. — Enfin te voila, mon cher!.. Очень, очень радъ тебя видѣть... Наконецъ...

И сѣдой господинъ поцаловалъ графа.

— Ну что... гдѣ ты? какъ?.. Ты, я слышалъ, вывезъ очень недурныя воспоминанія изъ деревни?.. Правда?.. всѣ говорятъ!

И сѣдой господинъ значительно и двусмысленно улыбнулся.

Графъ вспыхнулъ — но это было невольное и мгновенное смущеніе, которое онъ не успѣлъ предупредить — и отвѣчалъ очень равнодушно:

— Да, я провелъ время въ деревнѣ очень пріятно...

— Знаю, знаю, отвѣчалъ сѣдой господинъ потряхивая головой. — Ты мнѣ современемъ покажешь? познакомишь меня? не правда ли?

Графъ ничего не отвѣчалъ, подвинулся немного впередъ и остановился у своихъ креселъ. Въ минуту онъ былъ окруженъ Колей, Ваней, Петрушей, Гришей и прочими. Вихляевъ стоялъ у третьяго ряда, вертясь и лома-

ясь и не спуская съ нихъ глазъ; однако, пробраться къ нимъ у него недоставало смѣлости.

— Вотъ наконецъ и Сережа, сказалъ онъ, обращаясь къ полузнакомому ему господину, скромной наружности, стоявшему не подалеку.—Ну, я очень радъ!

И онъ началъ кивать головой и дѣлать издалека рукой знаки графу, Колѣ, Ванѣ, Петрушѣ и Гришѣ, но это киванье и знаки пропадали напрасно, незамѣчаемые.

— Сережа въ первый разъ въ театрѣ послѣ пріѣзда нашего изъ деревни, продолжалъ Вихляевъ.

— Про кого это вы изволите говорить? спросилъ господинъ скромной наружности.

— Про Сережу, отвѣчалъ Вихляевъ:—про графа Елецкаго... Вѣдь я съ нимъ нынѣшній годъ ѣздилъ въ его деревню... Вотъ, батюшка, провели время-то! чудно!... Вотъ деревня-то!.. Домъ тамъ—это просто pallazzo, великолѣпіе, вообразите, пять тысячъ душъ въ одномъ мѣстѣ, сады, мраморы... чортъ знаетъ что̀ такое!..

Опера шла удивительно. Громы аплодисиментовъ раздавались безпрестанно,—иногда даже не совсѣмъ кстати, потому что прерывали пѣвцовъ на половинѣ аріи. Наступила страшная сцена проклятія. Равенсвудъ, незваный и нежданный, является на брачное пиршество, какъ гнѣвъ Божій. Блѣдный, покрытый пылью, только что соскочивъ съ своего утомленнаго коня, вбѣгаетъ онъ въ залу, гдѣ собрались всѣ гости и гдѣ уже красуется великолѣпно разодѣтый женихъ... Равенсвудъ сбрасываетъ свой плащъ, останавливается, бросается къ Лучіи... онъ срываетъ кольцо съ руки ея... *Maledetto sia l'instante*, и раздирающіе звуки великаго артиста потрясаютъ театръ... Въ эту минуту изъ крайней къ сценѣ литерной ложи упадаетъ къ ногамъ его великолѣпный букетъ изъ камелій.

Графъ навелъ бинокль на ложу, изъ которой былъ брошенъ этотъ букетъ, и встрѣтился глазами съ Лидіей Александровной. Она смотрѣла все время на графа, не отводила отъ него своего лорнета, а онъ и не замѣчалъ, что она въ театрѣ, онъ только въ первый разъ обратилъ на нее вниманіе, и то по случаю этого букета... Туалетъ ея въ этотъ вечеръ былъ изящнѣе, нежели когда

нибудь, и удивительно шелъ къ ней. Графъ подумалъ: «Въ самомъ дѣлѣ, она хороша!»

Въ антрактѣ, послѣ неистовыхъ криковъ и безчисленныхъ вызововъ, Коля обратился къ графу и произнесъ вскользъ:

— А не пойдти ли развѣ къ Лидіи Александровнѣ?

— Пойдемъ вмѣстѣ. Представь меня ей, сказалъ графъ.

— Браво! воскликнулъ Коля:—давно бы такъ. Идемъ.

Лидія Александровна отдыхала отъ сильныхъ впечатлѣній, въ комнатѣ, передъ ложей, обмахиваясь вѣеромъ и равнодушно выслушивая любезности какихъ-то господъ, разсыпавшихся передъ нею. Пожилая дама въ родѣ родственницы сидѣла въ уголку на стулѣ, иногда вмѣшиваясь въ разговоръ, хотя на нее никто не обращалъ никакого вниманія. Когда занавѣсъ двери отдернулся и появился Коля, Лидія Александровна довольно небрежно вскрикнула:

— А-а!

— Имѣю честь вамъ представить, сказалъ Коля, полусерьезнымъ, полу-шуточнымъ тономъ:—графа Елецкаго.

И онъ указалъ рукой на графа, который только что вышелъ изъ-за занавѣса.

Лидія Александровна замѣтно вспыхнула, несмотря на то, что щеки ея и безъ того горѣли отъ жара, при этомъ имени и при видѣ того, кому оно принадлежало.

— Я очень рада, графъ, сказала она голосомъ даже нѣсколько смущеннымъ, немного приподнявшись съ дивана и протягивая ему руку:—я давно хотѣла съ вами познакомиться и просила объ этомъ вашихъ друзей, которые тоже и мои друзья... И при этомъ, играя вѣеромъ, она улыбнулась съ нѣкоторою торжественностію:—но вы, графъ... вы не хотѣли, по крайней мѣрѣ, я не знаю... я не вѣрила... но вотъ они говорятъ...

И она указала вѣеромъ на Колю.

Лидія Александровна говорила очень скоро, очень бойко и самоувѣренно и оттого, можетъ быть, иногда нѣсколько путалась въ разговорѣ.

— И прекрасно дѣлали, что не вѣрили, отвѣчалъ

графъ:—это вздоръ. Вотъ я сейчасъ просилъ его, чтобы онъ представилъ меня вамъ.

— Да, это правда, небрежно замѣтилъ Коля, поправляясь передъ зеркаломъ и что-то насвистывая въ тоже время.

— Я хочу, чтобъ и вы принадлежали къ моимъ друзьямъ, сказала Лидія Александровна, съ очаровательнымъ кокетствомъ взглянувъ на графа, указывая ему мѣсто возлѣ себя на диванѣ и протягивая на стулъ свою ножку, обутую въ неслыханный башмачокъ и шелковый чулокъ съ розовымъ оттѣнкомъ.—Слышите, графъ?

— Мнѣ очень лестно, сказалъ графъ, садясь возлѣ нея.

— Ахъ, Рубини! Что это за Рубини! Прелесть... Это невозможно долго слышать, продолжала Лидія Александровна:—ей Богу, знаете, я послѣ «Лучіи» не могу спать ночи... такъ все это, знаете, раздражаетъ нервы...

— Я тоже, отвѣчалъ графъ, улыбнувшись:—намъ хорошо бы это время проводить вмѣстѣ... лечиться отъ безсонницы... Можетъ быть, я и навелъ бы на васъ сонъ...

— Вы... никогда! перебила Лидія Александровна:—въ этомъ случаѣ вы плохой лекарь: вы совсѣмъ бы лишили меня сна...

И при этомъ она взглянула на графа выразительно.

Графъ поговорилъ нѣсколько минутъ и приподнялся съ дивана.

— Такъ вы будете принадлежать къ моимъ друзьямъ, графъ? сказала она, снова взявъ его за руку.—Дайте мнѣ ваше слово?... Что́ вы дѣлаете послѣ-завтра вечеромъ? Пріѣзжайте ко мнѣ. У меня будетъ кое-кто изъ вашихъ знакомыхъ... Вотъ между прочимъ и онъ...

Она указала на Колю.

— Коля, слушайте, привезите непремѣнно графа... Но на *ихныя* обѣщанія нечего, впрочемъ, надѣяться... Пріѣзжайте, графъ; дайте мнѣ слово, я буду ждать васъ непремѣнно... Коля, напомните графу, а не то я вамъ уши выдеру.

— Всенепремѣнно, будьте покойны, отвѣчалъ Коля, расшаркиваясь.

— Смотрите-же... Итакъ, до послѣ-завтра?...

И Лидія Александровна пожала графу руку.

Спектакль кончился; но Лидія Александровна еще долго стояла въ своей ложѣ, смотря на вызовы. Когда она вышла въ корридоръ, лакей второпяхъ небрежно накинулъ бархатный на соболяхъ салопъ на ея плечи и бросился впередъ очищать ей дорогу. Салопъ скатился у нея съ одного плеча, но въ эту минуту откуда ни взялся Вихляевъ, подбѣжалъ къ ней и поправилъ салопъ. Она гордо обернулась и молча, съ большимъ достоинствомъ, едва кивнула ему головкой.

Вихляевъ, недовольный, спустился съ лѣстницы и остановился на большомъ подъѣздѣ, вставивъ въ глазъ стеклышко, осматривая проходившихъ дамъ и въ тоже время какъ будто ожидая своей кареты.

— Чтó, mon cher, куда ты теперь? спросилъ его подошедшій къ нему какой-то франтъ.

— Къ Лидіи Александровнѣ, отвѣчалъ, не задумавшись, Вихляевъ:—она меня звала къ себѣ чай пить... А какъ она сегодня была мила!... Я, братецъ, жду здѣсь своей кареты.

Франтъ съ завистію посмотрѣлъ на Вихляева, кивнулъ ему головою, пробормоталъ себѣ подъ носъ: «вѣдь счастье же дуракамъ!» и, закутавшись мрачно въ шинель, исчезъ въ толпѣ.

Вихляевъ осмотрѣлся кругомъ, зѣвнулъ насильственно, произнесъ во все горло:

— Ah! Dieu... Dieu... Dieu!...

И выйдя на тротуаръ, закричалъ:

— Извозчикъ!...

ГЛАВА II.

Нельзя сказать, чтобы Лидія Александровна произвела слишкомъ пріятное впечатлѣніе на графа, однако онъ вспомнилъ ея приглашеніе и съ минуту думалъ, ѣхать или не ѣхать. Графъ, можетъ, и не поѣхалъ бы, если бы она не обращала на себя всеобщаго вниманія и если бы его пріятели не натолковали ему, что она безпрестанно гово-

ритъ и спрашиваетъ о немъ, если бы онъ не зналъ, что она употребляетъ всѣ мѣры, чтобы познакомиться съ нимъ, и если бы онъ не замѣтилъ, что всегда на гуляньяхъ, въ театрахъ, вездѣ, гдѣ онъ ни встрѣчался съ нею, — она для него берегла свои, самыя очаровательныя улыбки и самые упоительные взгляды. Графъ только дѣлалъ видъ, что не обращаетъ никакого вниманія ни на слова своихъ пріятелей, ни на эти очаровательныя улыбки и упоительные взгляды, а въ сущности все это довольно пріятно щекотало его самолюбіе, очень избалованное и прихотливое, но немножко мелкое, по замѣчанію нѣкоторыхъ, впрочемъ, строгихъ и наблюдательныхъ людей. Несмотря на свои успѣхи въ свѣтѣ—на сценѣ и за кулисами, дома и за-границей, несмотря на его наружныя холодность и равнодушіе ко всему, на его слова, «будто ему все надоѣло», стоило только немного польстить, немного затронуть его самолюбіе, чтобы заинтересовать его. Подъ свѣтской маской утомленія, равнодушія и холодности, въ немъ таились еще страсти и капризы, не вѣдавшіе границъ и мѣръ. По наружности человѣкъ извѣданный жизнію, который все испыталъ и которому все надоѣло, — графъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ только избалованный ребенокъ, для котораго безпрестанно были нужны новыя игрушки; и игрушка, забавлявшая его сегодня, ломалась или бросалась безъ особеннаго сожалѣнія завтра. Какъ всѣ люди безхарактерные, графъ часто обнаруживалъ большое упорство тамъ, гдѣ это упорство было вовсе безполезно и ненужно, именно для того только, чтобы показать, что у него есть характеръ; и совершенно подчинялся и позволялъ, не замѣчая, опутывать себя тѣмъ, которые употребляли немного хитрости и много лести, чтобы дѣйствовать на него. Вовсе не щедрый по натурѣ, онъ бросалъ между тѣмъ деньги безъ всякаго разсчета, изъ самолюбія и тщеславія, вовсе, по видимому, не дорожа общественнымъ мнѣніемъ, котораго онъ былъ рабомъ. Ему нужно было, чтобы о немъ безпрестанно говорили, чтобы ему безпрестанно удивлялись. Чѣмъ болѣе женщина избранная имъ возбуждала восторговъ и толковъ, тѣмъ болѣе онъ привязывался къ ней, и наоборотъ. Онъ жилъ

не для себя, а для другихъ: онъ не былъ, напримѣръ, большимъ охотникомъ до лошадей, но не уступалъ въ энтузіазмѣ ни одному самому отчаянному члену жокейскаго клуба; онъ вовсе не былъ охотникомъ до чтенія, но непремѣнно отъ доски до доски прочитывалъ всѣ книги, которыя, почему бы то ни было, возбуждали любопытство и говоръ въ свѣтѣ... Красота, внутреннія достоинства, умъ, образованіе, любезность, не обращавшія вниманія свѣта, проходили и мимо его незамѣченныя, но самое ничтожное явленіе, удостоившее обратить на себя вниманіе, возбуждало въ немъ тревожное любопытство.

Въ одиннадцать часовъ, когда графъ явился къ Лидіи Александровнѣ, ея салонъ уже ярко горѣлъ огнями. Всѣ карсели зажжены были на стѣнахъ, всѣ канделябры—на каминахъ. Общество, хотя еще не въ полномъ собраніи, но размѣстилось на различныхъ пате, козеткахъ и *эсахъ* (S) живописными группами. Сама хозяйка, въ туалетѣ утонченнѣйшаго кокетства, очень изящномъ, несмотря на свою изысканность, съ своими пушистыми, воздушными волосами и туманными глазками, была очаровательнѣе нежели когда нибудь. Она время отъ времени, не безъ волненія, посматривала на бронзовые каминные часы съ амурами и граціями, перепутанными гирляндами цвѣтовъ, и при всякомъ звонкѣ съ любопытствомъ взглядывала на дверь, въ какомъ-то нетерпѣливомъ ожиданіи. Общество составляло пять дамъ: двѣ француженки, двѣ русскія и одна нѣмка... Всѣ онѣ, казалось, находились въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ хозяйкою, хотя въ самомъ дѣлѣ не питали другъ къ другу большой привязанности и за глаза отзывались другъ о другѣ даже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ. Всѣхъ великолѣпнѣе и важнѣе изъ нихъ была m-lle Dupont. Она говорила всегда какъ будто нехотя, какъ будто дѣлая усиліе надъ собою, имѣла выраженіе въ лицѣ нѣсколько сентиментальное, предлагала иногда совершенно наивные, совсѣмъ почти дѣтскіе вопросы, хотя ей было уже за тридцать, употребляла, говорятъ, для лица какія-то притиранья, придававшія ей издали большую свѣжесть, была довольно полна, сильно тянулась и одѣвалась очень пестро. Движенія ея были медленны и

плавны. Она почему-то считала себя выше другихъ дамъ, и потому въ ея обращеніи съ ними изъ подъ личины любезности проглядывала сильная надменность. Другая француженка — m-lle Ernestine, высокая и худощавая, была очень жива и вертлява, говорила громко и скоро, размахивала руками, била себя по бокамъ, не садилась съ достоинствомъ, какъ m-lle Dupont, а обыкновенно бросалась на стулья, кресла и диваны; не затруднялась въ выборѣ выраженій и пѣла, безъ всякой застѣнчивости, различные романсы и пѣсенки. Русскія госпожи были очень недурны собой, хотя и не отличались большою живостію и разговорчивостію; онѣ не уступали, впрочемъ, своими туалетами ни въ чемъ француженкамъ, но въ ихъ фигурѣ и манерахъ было что-то... нельзя сказать: гордое, но что-то чопорное и накрахмаленное. Нѣмка была очень бѣла, полна, апатична, довольно богато, но безвкусно одѣта, имѣла видъ очень серьезный, говорила мало, вздыхала часто и была вообще очень скучна...

Изъ кавалеровъ, кромѣ извѣстныхъ читателямъ Вани, Петруши, Коли и другихъ, были всего замѣчательнѣе два господина. Одинъ—очень высокій, стройный, не красавецъ и не уродъ, но съ прелестнѣйшими и самой изящной формы бакенбардами, державшійся безукоризненно прямо. Его прекрасный станъ обтягивалъ синій фракъ съ блестящими пуговицами, а руки были какъ будто зашиты въ узкихъ перчаткахъ цвѣта сливочнаго масла; у него въ петлѣ фрака красовалась красная камелія... Въ покроѣ его фрака было что-то уже слишкомъ изысканное, въ его движеніяхъ — что-то ужъ слишкомъ натянутое, а во взглядѣ — что-то кокетливое, не совсѣмъ идущее къ мужчинѣ, особенно съ такими прекрасными бакенбардами и ростомъ. Своихъ перчатокъ, цвѣта сливочнаго масла онъ не снималъ впродолженіе цѣлаго вечера, ни за піанино, акомпанируя себѣ, ни за ужиномъ, разрѣзывая пулярку. Онъ былъ постояннымъ кавалеромъ Лидіи Александровны и ея пріятельницъ, госпожъ Дюпонъ и Эрнестинъ, двухъ русскихъ барышень и нѣмки. Онъ сопровождалъ ихъ на гуляньяхъ, танцовалъ съ ними безъ устали на пикникахъ, появлялся даже иногда мелькомъ въ ихъ ложахъ,

пѣлъ на ихъ вечерахъ французскіе и русскіе романсы и легкія итальянскія аріи. Онъ былъ русскій, но выговаривалъ русскія слова какъ иностранецъ, считая это хорошимъ тономъ, картавилъ на буквѣ *р* и слылъ между этими дамами самымъ жаркимъ поклонникомъ свѣтскости и милѣйшимъ изъ людей. Другой кавалеръ — лѣтъ подъ сорокъ, низенькаго роста, съ безцеремонными и лихими манерами, съ грубыми и рѣзкими чертами лица, съ длинными усами, былъ одѣтъ въ сюртукѣ и широкихъ панталонахъ; на шеѣ его былъ высокій галстухъ, а на тѣлѣ сомнительное бѣлье; онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ, обыкновенно, зовутъ *бон-виванами* и добрыми малыми, и къ разряду тѣхъ остряковъ, которые во всю жизнь не сказали ни одного остраго слова, но почему-то и давно когда-то имѣли счастіе пріобрѣсти репутацію остряковъ, оставшуюся за ними по преданію и по привычкѣ русскаго человѣка принимать все на слово, безъ повѣрки. Остроты усатаго господина, говорившаго густымъ басомъ, были такого рода. Онъ кричалъ, напримѣръ, лакею: «Человѣкъ! подай, братецъ, мою сигарочницу... Она въ шляпѣ, то есть въ *шапо*, то есть не шляпа въ сигарочницѣ, а сигарочница въ шляпѣ. Понимаешь?» И, говоря это, онъ корчилъ очень хитрую физіономію и улыбался самодовольно. Вслѣдъ затѣмъ раздавался обыкновенно одобрительный хохотъ и восклицанія: «*Il est charmant! il est impayable!*» и тому подобныя... и самъ усатый господинъ начиналъ смѣяться насильственнымъ смѣхомъ, какъ бы въ подтвержденіе своей остроты... Хотя онъ имѣлъ наружность *бон-вивана* но вовсе не имѣлъ отличительныхъ качествъ, принадлежащихъ людямъ этого разряда: не моталъ, не ставилъ послѣдней копѣйки ребромъ, не жилъ на авось, какъ живутъ многіе русскіе люди — широкія и размашистыя натуры; напротивъ, былъ кулакъ, человѣкъ себѣ на умѣ, расчитывалъ каждую копѣйку и имѣлъ завидную и рѣдкую способность прокутить всю молодость на счетъ друзей, пріятелей и пріятельницъ. Онъ всегда участвовалъ безденежно на всѣхъ пикникахъ и катаньяхъ, потому что, по мнѣнію Лидіи Александровны, госпожъ Дюпонъ, Эрнестинъ и другихъ, былъ необходимъ въ такихъ слу-

чаяхъ, какъ душа общества, и могъ платить за то, за что другіе платили пачками депозитокъ, своими всегда дешевыми остротами, своею неистощимою любезностію и своимъ насильственнымъ смѣхомъ.

— Послѣ-завтра у насъ пикникъ... Вы должны быть непремѣнно, мой милый... слышите? говорила ему Лидія Александровна.

— Слушаю-то, слушаю, обыкновенно отвѣчалъ онъ:— да оно того, знаете... и онъ почесывалъ въ затылкѣ: — вѣдь я знаю ваши пикники-то, барыня...

— Что́ такое? возражала Лидія Александровна:

— Да вѣдь послѣ вашихъ пикниковъ-то надо къ родителямъ отписывать, а у меня ихъ нѣтъ. Только больше ничего...

— Какой вздоръ! Лидія Александровна хохотала: *я* васъ приглашаю, вы *мой* гость.

— Ну, хорошо, хорошо, буду: съ вами вѣдь не сговоришь. Что́ съ вами дѣлать!.. Дайте ручку-то поцаловать...—Ухъ, какая! изъ мрамора самимъ Кановой выточена! прибавлялъ онъ, цалуя эту руку...

Когда человѣкъ отворилъ дверь и графъ появился въ дверяхъ, Лидія Александровна внутренно просіяла и не безъ тержества окинула взглядомъ своихъ пріятельницъ; но, скрывъ свою радость, она равнодушно, хотя съ пріятною улыбкой, кивнула вошедшему графу и протянула ему руку, произнеся: «Bonsoir!» какъ старому и короткому знакомому, къ которому привыкли и съ которымъ не церемонятся.

M-lle Dupont повела головкой въ отвѣтъ на легкій поклонъ графа и, поправляя свой браслетъ съ яхонтомъ и брильянтами, бросавшими ослѣпительные лучи и какъ бы обращая вниманіе на его цѣнность, сказала тихо m-lle Ernestine, голосомъ нѣсколько взволнованнымъ:

— Это что̀ значитъ?... Давно ли графъ ѣздитъ къ ней? Я никогда не видала его здѣсь... Это что-то странно. Mais qu'est ce qu'elle a donc cette femme! une figure de papier mâché et une taille comme une allumette!..

И подумала, но не сказала:

«Et on me préfère ça à moi!»

— Bas! je n'en sais rien, отвѣчала сухо m-lle Ernestine.

И подумала, но не сказала:

«Chipie!»...

Графъ сѣлъ возлѣ хозяйки, а Петруша—на скамейку, у ногъ ея. Общій разговоръ тянулся довольно вяло, говорили все больше о рысакахъ, объ экипажахъ, объ оперѣ. Петруша разсказывалъ, впрочемъ, очень забавные анекдоты о томъ, какъ Ваню лихо надулъ одинъ лошадиный барышникъ; какъ онъ бился объ закладъ съ Гришей, что у m-lle Dupont не зеленая, а синяя карета, и выигралъ дюжину шампанскаго.

M-lle Ernestine объявила Колѣ, во всеуслышаніе:

— Vois-tu, Коля, il m'est venu une fantaisie dans la tête et je veux la contenter à tout prix... à tout prix... повторила она, топая ножкой о коверъ.

— Какая фантазія? спросилъ Коля.

— Имѣть маленькую коричневую карету съ бѣлыми колесами, отвѣчала m-lle Ernestine:—j'espère que c'est assez chic?

Начались споры: многіе кавалеры и дамы находили, что это очень дурно и будетъ слишкомъ бросаться въ глаза; другіе приняли сторону m-lle Ernestine... Усатый господинъ замѣтилъ, что ужъ лучше карету окрасить бѣлой краской, а колеса—коричневой, и всѣ захохотали. Гриша, пріѣхавшій позже всѣхъ только-что отъ Дюссо, куда онъ заѣзжалъ на минуту послѣ театра, объявилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Вихляевъ имѣлъ тамъ довольно крупный разговоръ съ какимъ-то неизвѣстнымъ франтомъ, вслѣдствіе котораго неизвѣстный франтъ сдѣлалъ Вихляеву маленькую непріятность: щелкнулъ его по носу, или что-то въ родѣ этого. По поводу этого разсказали нѣсколько забавныхъ происшествій съ Вихляевымъ и между прочимъ о его дуэли въ деревнѣ у графа. А m-lle Dupont все спрашивала: «Qu'est ce que ça Viklaieff?»

Когда разговоръ истощился, хозяйка дома попросила господина съ камеліей въ петлицѣ фрака и въ перчаткахъ цвѣта сливочнаго масла пропѣть что нибудь. Господинъ съ камеліей началъ ломаться, увѣрять, что онъ не въ го-

лосѣ, но кончилъ, разумѣется, тѣмъ, что сѣлъ за піанино и затянулъ, ко всеобщему неудовольствію:

«Сто красавицъ черноокихъ»... и проч.

Въ это время Лидія Александровна вышла съ графомъ изъ салона и привела его въ свой будуаръ. Въ будуарѣ никого не было. Она кокетливо расположилась на диванѣ, посадила графа возлѣ себя, взяла его за руку и сказала:

— Это очень мило, графъ, что вы не забыли моей просьбы, что вы пріѣхали, что вы сдержали свое слово.

— Я всегда держу свое слово, отвѣчалъ графъ:—особенно, если даю его такой хорошенькой женщинѣ, какъ вы...

Лидія Александровна улыбнулась.

— Такъ вы находите, что я недурна? спросила она. пристально глядя на графа.

— Недурна? этого мало. Вы удивительно хороши. Это находятъ всѣ — не одинъ я.

— Всѣ! что мнѣ всѣ! перебила она съ живостію.— Мнѣ рѣшительно все ровно, что обо мнѣ думаютъ всѣ... Я хочу знать, что *вы* обо мнѣ думаете?

— Я?... Извольте я вамъ скажу; впрочемъ, въ моихъ словахъ вы не найдете ничего новаго, ничего такого, чего бы вы не слыхали тысячу разъ. Я нахожу, что вы самая милая, самая любезная, самая привлекательная изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я знаю.

— И между тѣмъ вы избѣгали меня, вы не хотѣли быть со мною знакомы?

Графъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но Лидія Александровна остановила его.

— Графъ, говорите правду, сказала она: — что̀ мнѣ въ этихъ комплиментахъ, которые мнѣ ужъ надоѣли! Я знаю, что я недурна; но что̀ мнѣ въ этомъ, если на меня смотрятъ равнодушно *тѣ*, которымъ я хочу нравиться...

— Кто же на васъ смотритъ равнодушно? Я не знаю такого человѣка.

— Вы, сказала, Лидія Александровна грустно.

— Я? да кто же вамъ сказалъ?...

— Я знаю очень хорошо, я вижу, я знаю, перебила

она съ нетерпѣніемъ: — что не могу вамъ нравиться... по крайней мѣрѣ теперь, потому что...

— Потому что? спросилъ графъ.

— Потому что... потому что вамъ нравится другая, которая, можетъ быть, и умнѣе, и лучше, и образованнѣе меня... и...

— Кто же это?

— О, полноте, графъ! вы думаете, что я ничего не знаю; но это говорятъ всѣ, это навѣрно... Вы *ее* очень любите?

— Кого?

— Вы не хотите понимать меня! вы очень хорошо знаете, о комъ я говорю...

Графъ улыбнулся.

— Любовь... любовь... сказалъ онъ неопредѣленно.— Я точно не совсѣмъ хорошо понимаю, что такое вы разумѣете подъ любовью. Есть разнаго рода любви... Любовь— въ романѣ, и любовь — въ жизни. Романическія любви вообще очень скучны, это любви съ требованіями, съ затаенными претензіями и страданіями...

Графъ сдѣлалъ гримасу.

— Любить — значитъ пользоваться жизнію. Вотъ въ сію минуту я не хочу, напримѣръ, никого любить, кромѣ васъ.

— И только на одинъ вечеръ? возразила, смѣясь, Лидія Александровна.

— Отчего-жъ на одинъ! Это можетъ продолжиться мѣсяцы, годы... Это будетъ зависѣть отъ насъ.

— А знаете ли, меня радуетъ мысль, что вы можете любить меня хоть одинъ вечеръ... Послушайте, графъ. Я женщина вообще откровенная, а съ вами, ужъ конечно, буду откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ нибудь, отъ васъ я не стану скрываться подъ *вуалью*...

При этомъ словѣ графа нѣсколько непріятно повело, но онъ скрылъ это и продолжалъ слушать.

— Я васъ знала давно, графъ, давно, давно, когда вы не имѣли понятія обо мнѣ, когда меня еще никто не зналъ вотъ изъ всѣхъ этихъ господъ, которые за мной теперь такъ ухаживаютъ; но, впрочемъ, что мнѣ въ *ихнемъ*

ухаживаньи!... Тогда они бы и смотрѣть на меня не захотѣли, потому что у меня было одно платье да одна комнатка, въ пятомъ этажѣ, гдѣ стояли кровать, столъ, сломаный диванъ да маленькое кривое зеркало; когда я не знала, буду ли я ѣсть завтра... Я васъ видѣла на гуляньяхъ, въ театрахъ, я не спускала съ васъ глазъ, а вы ни разу и не взглянули на меня, а я бы съ ума сошла, кажется, отъ радости, если бы вы обратили на меня какое-нибудь вниманіе; да какъ же вамъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было обратить на меня вниманіе? На мнѣ была шляпка изъ гостинаго двора... я сидѣла въ мѣстахъ за креслами...

Лидія Александровна говорила съ большимъ жаромъ, и графъ слушалъ ее не безъ интереса. Онъ полагалъ, что она, подобно нѣкоторымъ господамъ и госпожамъ, тщательно скрываетъ свое прошедшее и боится прикоснуться къ нему, и потому неожиданная откровенность ея, тонко въ тоже время польстившая его самолюбію, сильно подѣйствовала на него. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Лидію Александровну, и она показалась ему въ ту минуту еще привлекательнѣе и миловиднѣе, нежели когда-нибудь.

— Не подумайте, графъ, чтобы я тогда знала ваше имя: мнѣ было все равно, кто бы вы ни были; еслибъ вы были точно также бѣдны, какъ я, и сказали мнѣ въ ту минуту, что меня любите, и если бы мнѣ въ ту минуту кто-нибудь предложилъ всевозможныя роскоши, богатства, я не задумалась бы ни на минуту: я отдалась бы вамъ и не захотѣла бы посмотрѣть на эти богатства. Вотъ ужъ сколько времени прошло съ тѣхъ поръ; но это чувство...

Лидія Александровна остановилась на минуту и взглянула на графа. Онъ не безъ волненія протянулъ ей руку, которую она крѣпко сжала, и прибавила, потупивъ глаза:

— Но это чувство и теперь во мнѣ...

Она замолчала, и нѣсколько времени рука объ руку они сидѣли молча. Изъ другой комнаты доносился шумъ, пискъ и хохотъ... Ваня объяснялъ на колѣняхъ свои чувства m-lle Ernestine и училъ ее говорить по русски: «я васъ люблю», и другія слова, и m-lle Ernestine повторяла, коверкая эти слова, за Ваней. M-lle Dupont съ высокомѣр-

нымъ сожалѣніемъ смотрѣла въ двойной лорнетъ на свою веселую соотечественницу.

А между тѣмъ Лидія Александровна, прервавъ молчаніе, устремила на графа свои томные глазки и сказала:

— Признайтесь, графъ, вы вѣрно не ожидали выслушать сегодня объясненіе въ любви? Женщина, рѣшающаяся первая объясняться въ любви мужчинѣ! Не правда ли, это оригинально?... Но я сама не знаю, что со мною сегодня дѣлается...

Лидія Александровна приподняла кверху свои пушистые волосы, очень къ лицу разстроивъ свою прическу, еще разъ посмотрѣла на графа и прислонилась головой къ спинкѣ его кресла.

Въ эту минуту появилась въ дверяхъ m-lle Dupont.

— Pardon, ma très chère: я, кажется, вамъ помѣшала... у васъ секреты, произнесла она не безъ ироніи.

— Нисколько, отвѣчала Лидія Александровна, довольно бойкимъ, но дурнымъ французскимъ языкомъ: — у меня нѣтъ никакихъ секретовъ и тайнъ. Я все дѣлаю открыто.

И она встала съ дивана, подошла къ зеркалу и пригладила свои волосы.

— Васъ что-то очень давно нигдѣ не видать, графъ, сказала m-lle Dupont, жеманно обращаясь къ нему: — удовольствію васъ видѣть мы обязаны нашей милой хозяйкѣ.

И она съ улыбкой посмотрѣла на Лидію Александровну.

— Я былъ въ деревнѣ, отвѣчалъ сухо графъ, и вышелъ въ другую комнату, не желая продолжать разговора.

M-lle Dupont не слишкомъ благосклонно посмотрѣла ему вслѣдъ и съ досадой прошептала:

— Il est poli, ce *petit* comte!..

Когда человѣкъ доложилъ, что ужинъ готовъ, Лидія Александровна подошла къ графу и сказала ему:

— Дайте мнѣ вашу руку. Вы сядете возлѣ меня.

Господинъ съ камеліей предложилъ руку m-lle Dupont. Ваня—m-lle Ernestine, Коля русской дамѣ, которую звали Марьей Егоровной, и такимъ образомъ всѣ двинулись въ столовую, объ руку съ дамами. Усатый господинъ, притворившійся хладнокровнымъ при извѣстіи объ ужинѣ, но кинувшійся въ столовую съ жадностію въ глазахъ при

мысли о трапезѣ на шаромыгу, замыкалъ шествіе, потирая руки и приговаривая:

— Я никогда не ужинаю: мнѣ это вредно: но въ такой пріятной компаніи нельзя отказаться заморить червячка.

И за ужиномъ не только ѣлъ всего двойную порцію и пилъ не переставая, но даже, къ общему удивленію, уничтожилъ всѣ поданные къ жаркому пикули.

Ужинъ былъ очень хорошъ и отлично сервированъ. M-lle Ernestine чокалась со всѣми. M-lle Dupont жеманилась и смотрѣла на всѣхъ въ свой лорнетъ не безъ надменности. Нѣмка сдѣлалась еще сентиментальнѣе. Русскія дамы немного оживились и разговорились. Лидія Александровна довольно часто посматривала на графа, а графъ — на Лидію Александровну. Словомъ, все шло своимъ порядкомъ.

Послѣ ужина сидѣли еще довольно долго. Господинъ съ камеліей пѣлъ, а Петруша сзади дѣлалъ ему гримасы и передразнивалъ его.

Въ четвертомъ часу начали разъѣзжаться. Графъ послѣдній взялся за шляпу.

— Вы завтра будете въ оперѣ? спросила его Лидія Александровна въ полголоса.

— Буду.

— Ну, а послѣ оперы, что вы дѣлаете?

— Я... началъ было графъ.

— Послѣ оперы вы у меня пьете чай, непремѣнно, непремѣнно. Слышите?

— Хорошо, сказалъ графъ.

— Ваше слово... Вы даете слово?

— Даю...

— Смотрите же, графъ, вы мнѣ сказали, что вы всегда держите слово, особенно, если даете его мнѣ..

Они выразительно пожали другъ другу руки, и Лидія Александровна, оставшись одна, съ торжествующей улыбкой посмотрѣлась въ зеркало и невольно произнесла вслухъ:

— Онъ непремѣнно будетъ!

ГЛАВА III.

Въ тотъ самый вечеръ, когда графъ былъ у Лидіи Александровны, Катя ожидала его къ себѣ послѣ театра, хотя на вопросъ ея наканунѣ: будетъ ли онъ завтра? графъ отвѣчалъ довольно неопредѣленно:—«да, вѣроятно... развѣ что нибудь задержитъ меня.»

Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Катя жила въ Петербургѣ,—и сколько свершилось въ эти три мѣсяца, начиная съ той минуты, когда онъ сказалъ ей: «если бы ты знала, какъ мнѣ все наскучило, все,—кромѣ постоянно видѣть тебя, быть съ тобою... до этихъ: вѣроятно и развѣ что нибудь задержитъ меня!»

Катя жила въ улицѣ, прилегавшей къ одной изъ невскихъ набережныхъ, гдѣ стоялъ старинный и великолѣпный домъ графа, биткомъ набитый разными рѣдкостями, искусства и прихотями: картинами, серебромъ, антиками, бронзами, гобеленовскими обоями, севрскимъ, японскимъ и саксонскимъ фарфоромъ, венеціанскимъ хрусталемъ и проч. Графъ занималъ только небольшую часть этого дома: нѣсколько комнатъ, отдѣланныхъ въ новѣйшемъ вкусѣ,—не прикасаясь къ остальнымъ, которыя оставались живымъ памятникомъ вельможеской жизни временъ Екатерины. Жилыя комнаты графа были убраны такъ, какъ убираются всѣ богатые дома нашего времени въ Парижѣ, въ Петербургѣ и въ Лондонѣ. Тѣ же матеріи, тѣ же вазы, тѣ же ковры, тѣ же бронзовыя украшенія и вещицы, которыя отливаются въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; тѣ же бѣлые потолки, которые не совсѣмъ идутъ къ темнымъ обоямъ и пестрой обстановкѣ; словомъ, тѣ же комфортъ и мода, уступившіе мѣсто искусству... Характеръ человѣка, степень его образованія, его вкусы, его понятія выражаются, между прочимъ, во всемъ его окружающемъ, даже и въ его внѣшней обстановкѣ. Но глядя на убранство графскихъ комнатъ, нельзя было вывести что нибудь положительное о томъ, кому онѣ принадлежали. Въ этомъ убранствѣ, какъ и въ самомъ графѣ, было что-то неопредѣленное. На стѣнахъ были развѣшаны, въ вычурныхъ

рѣзныхъ четыреугольныхъ и круглыхъ рамахъ, картины великихъ стрринныхъ мастеровъ, рядомъ съ непосредственными новѣйшими произведеніями: разныя вѣщицы на письменномъ столѣ въ его кабинетѣ были разложены въ такомъ однообразномъ порядкѣ, какъ будто никто никогда не подходилъ къ этому письменному столу и какъ будто онъ поставленъ былъ для того только, что нельзя же не стоять письменному столу въ кабинетѣ; журналы и газеты, лежавшія на другихъ столахъ, хотя были разрѣзаны, но имѣли такой видъ, какъ будто ничья рука, кромѣ руки принесшаго и положившаго ихъ на столъ лакея, не прикасалась къ нимъ... кромѣ *Journal des chasses et des Haras*, который былъ постоянно и съ большимъ вниманіемъ прочитываемъ графомъ, отъ первой до послѣдней строки. Графъ покровительствовалъ русской литературѣ, то есть, выписывалъ всѣ русскіе журналы: но ихъ ужъ онъ положительно никогда не читалъ и однажды, на вопросъ одного изъ своихъ пріятелей:

— Зачѣмъ ты это выписываешь русскіе то журналы?

Графъ отвѣчалъ съ улыбкою:

— Для моего камердинера.

Небольшая подручная библіотека графа, стоявшая въ его кабинетѣ, заключала все, что́ когда-либо писалось на французскомъ и англійскомъ языкахъ о лошадяхъ и объ охотахъ, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ романовъ Дюма и Бульвера да книги Гизо о европейской цивилизаціи, въ которой постоянно два года лежала закладка на 42-й страницѣ... Судя по соединенію и размѣщенію картинъ, графъ не былъ большимъ знатокомъ въ искусствѣ; судя по выбору книгъ, графъ имѣлъ расположеніе болѣе къ лошадямъ, чѣмъ къ литературѣ; говорятъ, что графъ былъ большой любитель музыки и знатокъ, —но онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ разъигрывалъ на фортепьяно сонаты Бетговена и *pas de deux* или *pas de cinq* изъ «Сатаниллы» или изъ какого-нибудь другого балета. Графъ былъ прежде всего человѣкъ свѣтскій, имѣвшій понятіе почти обо всемъ и слегка слѣдившій за всѣмъ: за художествами, за литературой, за музыкой, но неимѣвшій страсти ни къ чему, даже и къ лошадямъ, которыми онъ

занимался потому только, что свѣтскій человѣкъ непремѣнно долженъ корчить прежде всего англичанина и имѣть совершенно англійскій складъ, всѣ англійскія наклонности, къ какой бы націи ни принадлежалъ онъ, и ѣздить верхомъ подпрыгивая на сѣдлѣ...

Но я совсѣмъ забылъ о Катѣ, заговоривши о графѣ.

Квартира Кати находилась недалеко отъ графскаго дома. Эта квартира состояла изъ четырехъ комнатъ. Меблировка этихъ комнатъ, начатая роскошно, не была докончена. Богатые ковры на полахъ, занавѣсы и портьеры—только въ одной комнатѣ: камины, обитые бархатомъ, а на каминахъ—ни вазъ, ни часовъ, ни канделябръ, никакихъ украшеній. Въ гостиной и столовой даже недоставало мебели. Вообще, въ этой квартирѣ не было той уютности и того комфорта, которые придаются окончательной отдѣлкой. Все тутъ имѣло видъ временного, случайнаго и, казалось, владѣтельница этой квартиры не заботилась объ устройствѣ ея оттого, что сомнѣвалась, можетъ быть, въ прочности своего будущаго, оттого что нѣсколько боялась думать о томъ, что́ ждетъ ее впереди, а можетъ быть и по другой какой-нибудь причинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, когда графъ заговаривалъ съ Катей о томъ, что пора же наконецъ окончить меблировку, что все это можно устроить въ два дня, что онъ пришлетъ ей бронзы для каминовъ, саксонскій фарфоръ для этажерокъ и консолей и прочее... она останавливала его словами:

— Бога ради, для чего это? Я прошу тебя, не дѣлай этого... Все хорошо, всего довольно... Мнѣ ничего не надо...

— Но... возражалъ обыкновенно графъ:—смѣшно же это оставить такъ, неконченнымъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... я не хочу... я... не могу... Катя не договарила, перемѣняла разговоръ, и потомъ, обращаясь къ графу и смотря на него съ недоумѣніемъ и съ любовью, какъ бы мучимая какою-то мыслію, какимъ-то вопросомъ, на который не находила отвѣта, она говорила:—мнѣ ничего не нужно кромѣ любви твоей, кромѣ мысли, что ты не разлюбишь меня, что я не наскучу тебѣ. Вѣдь у меня теперь никого нѣтъ кромѣ тебя. Serge! Я счастлива, когда

съ тобой, когда я возлѣ тебя; и покуда ты будешь любить меня, буду счастлива, очень счастлива; я забуду всѣхъ и все...

Но, часто повторяя это, она всегда задумывалась, какъ будто не вполнѣ была увѣрена въ словахъ своихъ... и на глазахъ ея показывались слезы...

Отчего это? Была ли она въ самомъ дѣлѣ счастлива? Богъ знаетъ. Безъ него иногда она проводила цѣлые часы въ безотрадной и мучительной тоскѣ, въ тяжеломъ раздумьи, съ глазами, покраснѣвшими и опухшими отъ слезъ; при его появленіи она оживлялась. Она всякій разъ бѣжала къ нему на встрѣчу съ свѣтлымъ и радостнымъ лицомъ, она такъ мило ласкалась къ нему, она ждала его съ такимъ нетерпѣніемъ; она вдругъ такъ радостно вздрагивала при звукѣ знакомаго ей звонка... Она предавалась любви съ такою полнотою, съ такимъ упоеніемъ; сквозь ея горячіе глаза выражалось все ея сердце, безконечно любящее; но и въ эти минуты, когда для нея существовалъ только одинъ онъ, никого, кромѣ его, въ цѣломъ мірѣ, когда она безраздѣльно отдавала ему всю свою душу... и въ эти минуты иногда вдругъ какое-то сомнѣніе оледеняло ея кровь и, поблѣднѣвъ, испуганная, она смотрѣла на него, какъ будто не находя въ немъ полнаго отзыва на эту душу, на это сердце, на эту страсть. Часто проводя съ нимъ цѣлые вечера съ глазу на глазъ, передавая ему свои ощущенія, мысли и чувства, спокойная и увѣренная въ любви его, она все-таки находила, что ей какъ будто недостаетъ чего-то... чего именно, она сама не знала; ей казалось, что графъ не можетъ дать отвѣта на многіе ея вопросы, и что она не во всемъ можетъ ему сочувствовать, точно такъ же, какъ и онъ ей.

Когда графъ привозилъ ей подарки, она постоянно принимала ихъ съ тяжелымъ, непріятнымъ ощущеніемъ и, краснѣя, говорила:

— О, къ чему это?... для чего это?... Не надо...

Она во все время только раза три или четыре выѣзжала въ театръ, и когда графъ предлагалъ ей ложу, она отрицательно качала головой, замѣчая, что ей дома гораздо веселѣе и лучше.

— Но вѣдь, наконецъ, сидѣть все дома и дома, возражалъ графъ:—это должно же тебѣ наскучить. Неужели тебѣ не хочется посмотрѣть Петербургъ... нѣсколько развлечься?

— Нѣтъ, отвѣчала она съ улыбкою:—что мнѣ Петербургъ! Я здѣсь потому, что ты здѣсь. Если бы я могла выѣзжать вездѣ съ тобою,—это другое дѣло: тогда бы, можетъ быть, меня это занимало; а теперь мнѣ все-равно...

Она подошла къ графу и, поправляя его волосы, смѣясь, спросила его:

— Признайся, я тебѣ очень надоѣла? вѣдь я тебя связываю?

Она предложила этотъ вопросъ не безъ кокетства, въ эту минуту вполнѣ увѣренная, что она нисколько не надоѣла ему и нисколько его не связываетъ, и потомъ продолжала, перебирая его волосы:

— Serge... ты мнѣ скажешь, когда я тебѣ очень надоѣмъ? Ты будешь со мною откровененъ?... Я хочу этого, я тебѣ приказываю...

Но, произнеся это: приказываю, она вся вспыхнула, какъ будто это слово, произнесенное шутя, нечаянно сорвавшееся у нея съ языка, показалось ей слишкомъ смѣлымъ...

Первое время послѣ пріѣзда въ Петербургъ графъ почти не выходилъ отъ Кати. Но когда воображеніе поуспокоилось и остыло, графъ, вѣроятно для того, чтобъ подстрекнуть его, непремѣнно захотѣлъ, чтобы о Катѣ, начинавшей возбуждать любопытство въ извѣстныхъ петербургскихъ слояхъ, заговорилъ весь Петербургъ; чтобы весь Петербургъ любовался ея красотою въ театрахъ, на гуляньяхъ, вездѣ; чтобы, глядя на нее, всѣ завидовали ему и говорили: «какой счастливецъ этотъ графъ!»... чтобы ея туалеты, ея экипажи сдѣлались образцомъ для другихъ женщинъ. Графъ не сомнѣвался, что онъ побѣдитъ застѣнчивость своей Кати, что онъ изъ уединенія и неизвѣстности выведетъ ее на публичную арену для собственной славы, придастъ ея имени ту громкую извѣстность, ту гласность, которой ищутъ и добиваются иныя женщины; что онъ постепенно образуетъ ее по своему, сдѣлаетъ изъ нее самую изящную и утонченную игрушку для выставки,

и что все это удастся ему очень легко при ея умѣ, вкусѣ, понятливости и особенно безпредѣльной любви къ нему. Графу и не приходило въ голову, что онъ можетъ оскорбить и унизить этимъ бѣдную дѣвушку, поставивъ ее на одну доску съ Лидіями Александровнами, съ г-жами Дюпонъ, Эрнестинами и другими, потому что графъ такъ разсуждалъ съ самимъ собою:

«Чтожъ такое! она будетъ жить отлично, пользоваться всѣми удовольствіями... Вѣдь она заглохла бы тамъ, въ глуши, въ деревнѣ, или вышла бы замужъ за какого-нибудь урода, обрюзгла бы, отупѣла... Неужели же эта жизнь завиднѣе и лучше той жизни, которую она будетъ вести здѣсь?»

Графъ даже былъ убѣжденъ, что, преобразивъ такимъ образомъ Катю, онъ сдѣлаетъ доброе дѣло, и что такая заботливость его о Катѣ вытекаетъ вовсе не изъ эгоистическаго тщеславія, а изъ привязанности къ ней.

Графъ, однако, ошибся въ своихъ разсчетахъ. Катя, съ непонятнымъ для него упорствомъ, отказывалась отъ всѣхъ его предложеній: ни экипажи на лежачихъ рессорахъ, ни орловскіе рысаки, ни гамбсовскія мебели, ни блестящіе наряды отъ Мальпаръ и Андріё... ничто на нее не дѣйствовало, ничто не соблазняло ее. Она была всегда одѣта просто и сама шила себѣ платья, прося графа, чтобы онъ не покупалъ ей этихъ великолѣпныхъ матерій, къ которымъ она вовсе не привыкла.

Однажды онъ вошелъ къ ней въ ту минуту, когда она кроила себѣ платье.

Графъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Это что́ такое? спросилъ онъ!—что́ это за глупости ты дѣлаешь?

— Отчего же глупости? сказала Катя, бросая ножницы и протягивая ему руку:—я крою себѣ платье.

— Разумѣется, глупости, потому что на это есть магазины, швеи...

— Магазины ваши очень дороги, возразила, улыбаясь, Катя.—Для чего же напрасно бросать деньги, когда я могу сдѣлать сама?

— Деньги! какой вздоръ!... Кто тебя проситъ забо-

титься о деньгахъ?... Послушай Катя, я тебѣ говорю рѣшительно: я не желалъ бы, чтобы ты вела такой образъ жизни, какой ты ведешь... къ чему это? Къ твоимъ услугамъ все—ложи въ театры, экипажи, полный кредитъ во всѣхъ магазинахъ... я ничего не пожалѣю для тебя.

— Хорошо, хорошо. Мы поговоримъ объ этомъ послѣ, мой другъ, сказала Катя задумчиво.

— Отчего же послѣ? У тебя одинъ отвѣтъ—послѣ! Когда же будетъ конецъ этому послѣ?

Катя молчала.

— Ты непремѣнно хочешь поставить на-своемъ... Вѣдь нельзя же тебѣ сидѣть все взаперти и кроить платья. Это смѣшно... Ты очень хорошо знаешь, что мнѣ было бы пріятно, если бы ты выѣзжала, пользовалась удовольствіями. Почему же не сдѣлать этого... ну хоть для меня? Почему?

— Ты непремѣнно хочешь, чтобы я сказала тебѣ почему?...

— Я знаю, перебилъ ее графъ:—изъ чувства ложной деликатности, которая больше ничего, какъ неумѣстная гордость. Если ты меня въ садомъ дѣлѣ любишь, такъ со мною ты, кажется, не должна бы считаться и церемониться...

— То, что я люблю тебя, ты знаешь: я тебѣ доказала это; но я люблю тебя и не люблю твоихъ денегъ. Знаешь ли что́, Serge? если бы у тебя не было ничего, такъ же, какъ и у меня, я любила бы тебя еще больше... если только это можно, прибавила она съ улыбкой.—Сказать ли тебѣ всю правду, все, что́ у меня на душѣ, что́ меня безпокоитъ и мучитъ? Мнѣ часто приходитъ на мысль, что если бы я могла содержать себя своими трудами, вести самую умѣренную и независимую жизнь, и если бы ты меня также любилъ, какъ теперь,—я была бы гораздо счастливѣе... Что́жъ мнѣ дѣлать, если мнѣ кажется, что жить на чужой счетъ... хоть бы на счетъ самаго любимаго и близкаго человѣка... не хорошо и стыдно. Я никакъ не могу выбить этой мысли изъ головы.

— Это пустой идеализмъ! сказалъ графъ:—все это ты вычитала въ этихъ утопическихъ романахъ, которые про-

повѣдуютъ всякій вздоръ и все хотятъ перевернуть по своему. Надо принимать жизнь такъ, какъ она есть, подчиняться ея условіямъ и обычаямъ, потому что мы ихъ измѣнить не можемъ.

— Какъ! и ты ужъ начинаешь нападать на эти романы? возразила Катя грустно: — но ты прежде о нихъ былъ другого мнѣнія.

— Я всегда говорилъ и теперь готовъ повторить тоже, что они написаны прекраснымъ языкомъ, очень увлекательнымъ... но...

— Да если этотъ прекрасный языкъ употребляется на выраженіе нелѣпыхъ мыслей, тогда что̀ въ немъ?

— Повѣрь мнѣ, сказалъ графъ рѣшительно и желая перемѣнить разговоръ, принимавшій оборотъ слишкомъ отвлеченный:—поэзія сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Поэзія—прекрасна въ книгахъ, какъ развлеченіе, а не въ жизни, не на практикѣ... Но дѣло не въ томъ! я не шутя прошу тебя, чтобъ ты перемѣнила свой образъ жизни...

— Для чего это? скажи мнѣ... Развѣ я тебѣ буду больше нравиться разряженная, въ каретѣ или въ ложѣ, нежели здѣсь, теперь, вотъ въ этомъ платьѣ?

— Нѣтъ, это не то; но я не знаю, какъ бы тебѣ объяснить. Какъ бы мы ни любили другъ друга, но при однообразной жизни... если мы будемъ вѣчно одни съ глазу на глазъ, безъ всякихъ развлеченій, мы можемъ скорѣе наскучить другъ другу. Мы наконецъ все передадимъ одинъ другому и будемъ по неволѣ молчать. Къ намъ незамѣтно подкрадется апатія...

Катя взглянула на графа и задумалась.

— Ты, можетъ быть, правъ, сказала она черезъ минуту:—я чувствую, что во мнѣ нѣтъ этой веселости, этой живости, того что̀ должно тебѣ нравиться, — того, чѣмъ вѣрно владѣютъ ваши свѣтскія женщины. Я не могу и не умѣю развлекать тебя... Я чувствую, что во мнѣ недостаетъ того, что̀ могло бы тебя привязать ко мнѣ надолго... Я должна быть ужасно скучна; но что же мнѣ дѣлать? Я только умѣю любить...

Глаза Кати разгорѣлись. Она схватила графа за руку,

— Я люблю тебя всѣмъ сердцемъ... ты видишь, какъ

люблю тебя... Знаешь ли, Serge, что эта любовь только и поддерживаетъ меня... я только и живу ею... У меня бываютъ такія тяжелыя, такія страшныя минуты... Когда я вспомню... Если бы не любовь моя къ тебѣ. продолжала она, судорожно сжимая его руку:—если бы не мысль, что ты тоже любишь меня, я бы не перенесла этого. я бы съ ума сошла. я не знаю. что́ бы со мною было... Не требуй же отъ меня невозможнаго, не будь ко мнѣ такъ строгъ... Я не могу быть такъ весела, какъ бы тебѣ хотѣлось... Нѣтъ! это невозможно, это выше силъ моихъ... Оставь мнѣ мою тоску: она мнѣ необходима. Что́ же я буду безъ нея?.. Не заставь меня презирать самое себя!

Въ голосѣ Кати было столько глубокаго страданія, что оно не могло не подѣйствовать на графа. Съ этой минуты онъ ничего уже не говорилъ ей о ея образѣ жизни, о развлеченіяхъ и о прочемъ. Его посѣщенія были также часты, но уже не такъ продолжительны. Съ каждымъ днемъ отношенія ихъ другъ къ другу становились болѣе ложными и тягостными.

Катя не могла не замѣчать его охлажденія. но она или увѣряла себя. что это ей такъ кажется, или предавалась совершенному отчаянію: въ эти минуты она нѣсколько разъ принималась писать къ матери, умоляла ее о прощеніи, о позволеніи воротиться къ ней: потомъ ей казалось, что это невозможно, что ея преступленіе такъ велико, что она не заслуживаетъ прощенія. что надъ ней совершается уже нравственная казнь... и она хотѣла бѣжать, сама не зная куда, только бы дальше отъ графа... Часто совсѣмъ странныя и безумныя мысли приходили ей въ голову. Письма къ матери оставались. впрочемъ, неконченными, а черныя мысли, мелькавшія въ минуты отчаянія вдругъ исчезали отъ одного нѣжнаго взгляда, отъ одного ласковаго слова графа... И Катя на время заглушала свои муки и успокоивала себя мыслію. что онъ нисколько не измѣнился къ ней. Графъ иногда чувствовалъ скуку, иногда какую-то тяжесть и неловкость наединѣ съ нею: но онъ постоянно считалъ необходимымъ увѣрять не только ее. но и самого себя въ своей любви къ ней,

хотя не могъ не сознаваться внутренно, что ему гораздо свободнѣе и легче безъ нея... Такъ тянулись дни за днями.

Въ тотъ вечеръ, когда графъ былъ у Лидіи Александровны, Катя то бралась за шитье, то за книгу, въ нетерпѣливомъ ожиданіи графа. Но шитье выпадало изъ рукъ, книга не читалась... Свѣчи тускло освѣщали комнату, оклеенную темными обоями. Уголья въ каминѣ болѣе дымились, чѣмъ горѣли. Катя бросила шитье и книгу. Завернувшись въ большой платокъ, она сидѣла, не шевелясь въ углу дивана, прислонившись головой къ его спинкѣ. Все знакомые, все родные, все близкіе ея сердцу образы проходили передъ нею, самыя свѣтлыя воспоминанія ея дѣтства и молодости...

Вотъ ея старая няня, давно покоящаяся въ могилѣ подъ двумя соснами, на томъ кладбищѣ, гдѣ Катя, бывало, ребенкомъ, въ праздничные дни, бѣгала и рвала желтые цвѣты, въ то время, какъ Вѣра Ивановна молилась за нее въ церкви. Окна церкви отворены, и несутся оттуда, замирая, звуки церковнаго пѣнія и смѣшиваются съ чиликаньемъ и щебетаньемъ птицъ. Воздухъ весь растворенъ смолистымъ запахомъ только что распустившихся березъ и ароматомъ черемухи, которая, какъ снѣгомъ, вся усыпана бѣлыми цвѣтами.

Служба кончается... пестрыя толпы народа выходятъ изъ церкви... За ними выходитъ и Вѣра Ивановна, съ просфорой въ рукѣ. Она ищетъ свою Катю... Катя бѣжитъ ей на встрѣчу... Вѣра Ивановна отламываетъ ей кусочекъ просфоры, цалуетъ ее и говоритъ: скушай голубушка; это освященная просфора; да не сори, не роняй крошекъ... Ахъ, радость ты моя, утѣшеніе ты мое—прибавляетъ она—когда-то ты у меня подростешь!.. дождусь ли я этого!» Вотъ умирающая няня смотритъ на нее своими мутными, потухающими глазами, креститъ ее ослабѣвшей рукой и говоритъ: «слушайся во всемъ маменьку, никогда не огорчай ее... видишь, какъ она тебя любитъ... Кто родителей почитаетъ да слушается, надъ тѣмъ всегда Божье благословеніе...» Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ: Катя выросла, она уже большая, а Вѣра Ивановна все ласкаетъ и лелѣетъ ее какъ пятилѣтняго ребенка... Еще утро едва

начинаетъ заниматься, еще лѣсъ не успѣлъ отряхнуть съ себя капли ночной росы, еще только что встрепенулись жаворонки, залились и начали виться кругами въ воздухѣ, а Катя, почувствовавъ утреннюю свѣжесть, чтобы крѣпче завернуться въ свое одѣяло, приподнялась и открыла глаза. Передъ нею Вѣра Ивановна, въ ночной кофточкѣ и въ ночномъ чепцѣ...

— Что́ это вы, маменька? спрашиваетъ удивленная Катя.

— Да вчера мнѣ показалось свечера, что ты не совсѣмъ здорова, дружочекъ, отвѣчаетъ Вѣра Ивановна: — такъ это меня безпокоило немножко, я и пришла на тебя посмотрѣть...

Вотъ прудъ, подернутый огненно-розовыми полосами вечерней зари, а надъ прудомъ Захаръ Лаврентьичъ, съ своей удочкой. Онъ отдаетъ ей удочку и учитъ ее закидывать...

Вотъ почернѣвшій отъ времени домикъ, въ которомъ родилась она, и крылечко о четырехъ покривившихся ступенькахъ; дворъ, поросшій травой, покрытый гусиными перьями. Гусыня, окруженная маленькими желтыми и пушистыми гусенятами, сидитъ, уткнувъ свой красный носъ въ перья, и рядомъ съ ней гусь, насторожѣ, гордо стоящій на одной ногѣ и съ крикомъ размахивающій крыльями при малѣйшемъ приближеніи къ нему. За домомъ заглохшій садъ, а за садомъ далеко уходящее поле ржи, и вправо, на песчаной горѣ, бѣлая церковь, обнесенная полу-обвалившейся оградой съ засохшими деревцами...

А этотъ вечеръ,—темный и теплый іюльскій вечеръ... Они возвращаются откуда-то изъ гостей. Тарантасъ быстро катится по ровной, узкой и мягкой проселочной дорогѣ, съ обоихъ сторонъ окруженной густой и высокой рожью... Едва различаешь предметы... Вотъ, кажется, рожь исчезла по сторонамъ и какъ будто дорога становится шире; тарантасъ, спускаясь осторожно подъ гору, прыгаетъ по засохшимъ кочкамъ грязи... Внизу подъ горою свѣтится огонекъ... Воздухъ становится свѣжѣе и сырѣе.

— Давайте паромъ!... перевощикъ! кричитъ протяжнымъ голосомъ старый Игнатьичъ...

— Идетъ! раздается въ отвѣтъ.

И вотъ тарантасъ спускается къ парому. По правой сторонѣ извилистаго берега рѣчки ярко пылаютъ костры; силуэты людей копышатся и двигаются у самой воды, съ зажженными лучинами. Вся рѣчка въ огнѣ, вся окрестность подернута огненнымъ заревомъ, и на этомъ заревѣ, на противоположномъ берегу, мрачную тѣнью выходитъ лѣсъ, нагибая свои вершины, шумя и качая своими вѣтвями...

Картины и образы изъ прошедшей жизни ярко и выпукло возстали передъ нею, быстро смѣняясь, и рвалась душа ея вслѣдъ за этими невозвратимыми, на одно мгновеніе воскресавшими для нея, призраками.

Вдругъ звонокъ... Катя вздрогнула,—призраки исчезли...

— Это онъ! прошептала она и бросилась къ нему навстрѣчу.

Но передъ нею стоялъ господинъ съ неуловимыми глазками. Она невольно отшатнулась назадъ.

— Я васъ, кажется, испугалъ! сказалъ онъ раскланиваясь: — простите меня... Я воспользовался только вашимъ позволеніемъ: иначе бы не смѣлъ явиться. Я хотѣлъ пріѣхать съ графомъ, но...

— Я очень рада, отвѣчала съ замѣшательствомъ Катя.—А гдѣ же графъ? прибавила она съ безпокойствомъ.

— Графъ? спросилъ онъ, какъ будто не слыхавъ хорошенько вопроса:—вы спрашиваете о графѣ? а онъ хотѣлъ быть у васъ сегодня?

— Я думаю, онъ заѣдетъ послѣ театра. Пожалуста, садитесь...

Господинъ съ неуловымими глазками поклонился, подставилъ кресло къ дивану, на которомъ сидѣла Катя, и своимъ бѣглымъ и неуловимымъ взглядомъ окинулъ всю комнату.

— Едва ли графъ будетъ у васъ сегодня, сказалъ онъ черезъ минуту:—я его видѣлъ сейчасъ въ оперѣ... я уѣхалъ послѣ перваго акта, потому что не смѣлъ пріѣхать къ вамъ поздно... Графъ сказалъ мнѣ, что онъ сегодня званъ на вечеръ; впрочемъ, очень вѣроятно, что онъ пріѣдетъ, потому что какой же вечеръ не промѣняешь на удо-

вольствіе провести съ вами... по крайней мѣрѣ такъ я думаю.

Эта любезность, однако, не очень пріятно подѣйствовала на Катю, и она ничего не отвѣчала на нее...

— Вы ведете совершенно уединенную жизнь, васъ нигдѣ не видно... вы не бываете даже въ оперѣ... и это странно, потому что вы понимаете и любите музыку, вы сами хорошая музыкантша.

— Кто же вамъ сказалъ это?

— Я имѣлъ удовольствіе слышать вашу игру. Вы разъиграли однажды при мнѣ grace изъ «Роберта», и разъиграли съ такимъ глубокимъ чувствомъ!... Такія минуты не забываются, прибавилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ и задумался. — Я хоть не музыкантъ, но понимаю музыку, продолжалъ онъ, немного погодя: — и страстно люблю ее. Самыя лучшія минуты въ моей жизни были тѣ, когда я слушалъ хорошую музыку, выполняемую настоящими, великими артистами, какъ Рубини, Гризи, Маріо. Я съ ума схожу отъ беллиніевской музыки... Что можетъ быть, напримѣръ, выше дуэта Нормы съ Поліономъ.

И онъ началъ напѣвать:

Qual cor tradisti.
Qual cor perdesti...

Глаза его сверкали и прыгали больше обыкновеннаго; онъ одушевился въ самомъ дѣлѣ или прикидывался одушевленнымъ и вдругъ спросилъ Катю:

— А вы поете?

— Нѣтъ, отвѣчала Катя: — я никогда не училась.

— А у васъ долженъ быть отличный голосъ. Я пари держу. Почему же вы не хотите взять уроковъ? Здѣсь есть отличные учителя.

— Потому что я не увѣрена, есть ли у меня голосъ, и потому, что объ этомъ не думала.

— Но съ такимъ музыкальнымъ расположеніемъ, какъ у васъ, такое равнодушіе непростительно. На мѣстѣ графа я непремѣнно убѣдилъ бы васъ брать уроки въ пѣніи.

Господинъ съ неуловимыми глазками произнесъ это безъ всякой задней мысли, очень просто, нисколько не

думая, что слова: на мѣстѣ графа, могутъ произвести какое-нибудь непріятное впечатлѣніе на Катю; но эти слова въ эту минуту болѣзненно отозвались въ ея сердцѣ и при этихъ словахъ она вся вспыхнула.

Господинъ съ неуловимыми глазками, несмотря на свою тонкость и проницательность, не замѣтилъ этого и очень спокойно продолжалъ:

— Сережа вообще немного странный человѣкъ... Я его очень люблю и считаю его однимъ изъ рѣдкихъ людей... у него такое прекрасное сердце, но меня иногда бѣситъ его равнодушіе ко всему; въ немъ какъ-то мало увлеченій, мало молодости... Вы какъ находите?

— Я не знаю, отвѣчала Катя:—вы его дольше и лучше меня знаете.

— Право, это такъ; онъ ни къ чему не можетъ привязаться со страстью. Для меня это просто непонятно. У него вѣдь также прекрасный музыкальный талантъ, но онъ нѣсколько времени занимался музыкой, а потомъ ему надоѣло и онъ совсѣмъ бросилъ. Вдругъ у него родилась любовь къ картинамъ... Мѣсяца два онъ только и думалъ объ этомъ: скупалъ картины на аукціонахъ, заказывалъ ихъ лучшимъ французскимъ и нашимъ живописцамъ, а когда картины были привезены къ нему, онъ даже и не посмотрѣлъ на нихъ. И вѣдь нельзя сказать, чтобы у него не было характера. Разъ какъ-то, за ужиномъ мы разговорились о томъ, сколько можно выдержать ночей не спавши, и дали другъ другу слово не смыкать глазъ пять ночей сряду... и если одинъ хоть чуть начнетъ дремать, чтобы другой сейчасъ же толкнулъ его... Я заснулъ мертвымъ сномъ на третью ночь, а онъ, вообразите, выдержалъ всѣ пять ночей... На это надобно же имѣть характеръ!... У него бываютъ разныя фантазіи: вдругъ придетъ ему въ голову собирать коллекціи, и онъ только этимъ и занятъ впродолженіе нѣкотораго времени, только объ этомъ и думаетъ. Зато, впрочемъ, онъ собралъ удивительныя коллекціи палокъ, тросточекъ и карманныхъ часовъ... Такихъ коллекцій вѣрно нѣтъ ни у кого. У него до шестидесяти часовъ различныхъ формъ и величинъ.

— Неужели графъ могъ когда нибудь заниматься такими глупостями? наивно спросила Катя.

— Почему же? C'est une fantaisie comme une autre, возразилъ, улыбнувшись, господинъ съ неуловимыми глазками:—вѣдь это все-таки лучше, нежели собирать ярлыки или пробки съ каждой выпитой бутылки шампанскаго; а вѣдь есть господа, которые занимаются и этимъ.

Потомъ онъ снова навелъ разговоръ на музыку, просилъ Катю напомнить ему увертюру изъ «Гугенотовъ», и когда она начала играть, онъ, облокотившись на рояль, не спускалъ съ нея глазъ, восхищался ея игрой, говорилъ ей разныя любезности и, прощаясь съ нею, просилъ позволенія бывать у нея, замѣтивъ, между прочимъ, что шумная и разсѣянная свѣтская жизнь, которой онъ отдавался по необходимости, совсѣмъ не въ его характерѣ, и что онъ бы считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, если бы чаще могъ проводить свои вечера такъ, какъ теперь провелъ этотъ вечеръ.

Катя не чувствовала симпатіи къ этому человѣку. Съ перваго взгляда онъ произвелъ на нее самое невыгодное впечатлѣніе. Его маленькіе, мутнаго, неопредѣленнаго цвѣта, безпрестанно бѣгающіе глазки не внушали ей ни малѣйшей довѣренности; его манера держать себя: то недоступно гордая и оледеняющая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ нѣкоторымъ классомъ людей, то уклончивая, льстивая, даже нѣсколько приторная въ другихъ случаяхъ и съ другого рода людьми, — все это не нравилось Катѣ. Ей казалось, что въ немъ нѣтъ ничего простого, ничего своего, натуральнаго: ни одного движенія, ни одного взгляда, ни одного слова, — все изученное, заимствованное, разсчитанное, — и неожиданное посѣщеніе этого господина, который передъ этимъ былъ у нея раза два или три только вмѣстѣ съ графомъ, даже нѣсколько разстроило ее.

Катя легла въ самомъ безпокойномъ расположеніи духа и, засыпая, подумала.

«А *онъ* не былъ сегодня».

Когда графъ пріѣхалъ къ ней на другой день, Катя спросила его:

— Гдѣ ты былъ вчера?

Графъ немного смѣшался и отвѣчалъ очень неопредѣленно, что ему было нельзя, что онъ званъ былъ на одинъ вечеръ, отъ котораго не могъ отказаться...

— Чтожъ, тебѣ было тамъ весело? спросила Катя.

— Какое веселье! сказалъ графъ, сдѣлавъ гримасу, и прибавилъ съ пріятнымъ выраженіемъ лица:—мнѣ весело только съ тобою.

Но Катя грустно улыбнулась на эти слова, потому что голосъ графа звучалъ какъ-то неискренно.

Когда она сказала ему, что вечеромъ у нея былъ господинъ съ неуловимыми глазками, что она была очень удивлена этимъ посѣщеніемъ, и что этотъ господинъ ей не нравится, графъ отвѣчалъ:

— Отчего же? напрасно. Онъ очень милый, умный и пріятный человѣкъ, un homme tout â fait comme il faut... У него только одна нѣсколько смѣшная сторона... Онъ немного стыдится своего происхожденія и ужъ слишкомъ важно ведетъ себя съ своими; но впрочемъ, замѣтилъ графъ снисходительно: — у кого же нѣтъ слабыхъ сторонъ?

— Но знаешь ли, что̀ мнѣ кажется? возразила Катя:— хоть онъ и близкій пріятель тебѣ, но на него вѣдь нельзя положиться.

— Можетъ быть, отвѣчалъ графъ: — да я собственно и не имѣю въ этомъ нужды... впрочемъ, я не думаю... про него иные говорятъ дурно; но про кого же не говорятъ дурно? Все-таки онъ очень милый малый и пріятный собесѣдникъ; и это ужъ много!...

Графъ началъ заѣзжать къ Катѣ только по утрамъ, всякій разъ почти отговариваясь, что вечеромъ онъ не можетъ быть, что онъ занятъ, что онъ долженъ бывать въ свѣтѣ; что хотя свѣтскія обязанности для него и тяжелы, но онъ по необходимости долженъ нести эту тягость, и прочее. Катя понимала это и вовсе не хотѣла отрывать его отъ этихъ обязанностей; но она начинала догадываться, что не одинъ свѣтъ вообще поглощаетъ его время, но что, можетъ быть, въ этомъ же свѣтѣ оно особенно посвящается кому нибудь. Она начинала яснѣе смотрѣть на свое положеніе... и какъ ни страшно, ни безвыходно оно казалось

ей, но она только во всемъ безпощадно обвиняла самое себя и оправдывала его.

«Это было безуміе думать, что онъ можетъ любить меня долго—разсуждала она сама съ собою — онъ можетъ привязаться только къ женщинѣ своего круга, къ образованной, блестящей свѣтской женщинѣ; а что̀ общаго между нимъ и мною?»

Но такого рода, можетъ быть и основательныя, разсужденія нисколько, разумѣется, не успокоивали ее... Она ревновала его къ неизвѣстной женщинѣ, къ своей тайной соперницѣ, которую окружала всѣмъ очарованіемъ красоты, молодости, ума, образованія и свѣтскаго блеска. Она составила себѣ идеалъ такой женщины, и эта женщина не давала ей покоя, тревожила даже ея сонъ; но Катя всѣ свои ощущенія, мысли и страданія начала таить въ самой себѣ, съ усиліемъ скрывая ихъ отъ графа, и въ одинъ мѣсяцъ пережила и перечувствовала болѣе, нежели во всю остальную жизнь. Она встрѣчала графа по прежнему съ лицомъ покойнымъ, хотя нѣсколько грустнымъ, она также привѣтливо улыбалась ему: но уже никакой довѣренности не существовало между ними. Они обманывали другъ друга.

Между тѣмъ, господинъ съ неуловимыми глазками довольно часто сталъ посѣщать Катю и даже проводилъ у нея цѣлые вечера, не замѣчая или не желая замѣчать ея недовѣрчиваго и холоднаго обращенія съ нимъ. Иногда онъ былъ очень любезенъ и разговорчивъ, передавалъ Катѣ разные городскіе анекдоты и новости, иногда казался грустнымъ, задумчивымъ и, по временамъ, сидя у фортепьяно, какъ бы въ разсѣяніи или какъ бы желая подавить въ себѣ какое-то внутреннее ощущеніе, бралъ причудливые аккорды, а его маленькіе глазки, устремленные на Катю, сверкали какимъ-то страннымъ огнемъ... Разъ, заведя рѣчь о графѣ, онъ замѣтилъ, какъ бы случайно, что графъ Богъ знаетъ гдѣ скрывается, что его нигдѣ не видно на вечерахъ, и что про него носятся очень странные слухи, которые, впрочемъ, невѣроятны.

— Какіе же это слухи? спросила Катя.

— Объ этомъ не стоитъ говорить. Это пустяки.

— Что же такое, однако?

Этотъ второй вопросъ вырвался у Кати невольно, какъ она ни удерживала себя.

— Я вамъ говорю, что пустыя сплетни, на которыя не должно обращать вниманія, отвѣчалъ, съ едва замѣтной, но довольно ядовитой улыбкой, господинъ съ неуловимыми глазками.—Здѣсь, въ Петербургѣ, есть одна женщина... очень извѣстная женщина, даже слишкомъ, которая, правда, недурна собой... Этимъ, впрочемъ, все и ограничивается, потому что въ ней нѣтъ ни образованія, ни особеннаго ума... и говорятъ, будто бы графъ съ нѣкотораго времени ухаживаетъ за нею... Какой вздоръ!... Въ Петербургѣ есть классъ людей особеннаго рода, которые отъ нечего дѣлать распускаютъ самые нелѣпые слухи, и находятся такіе простодушные господа, которые вѣрятъ отъ чистаго сердца всему.

Это замѣчаніе, брошенное вскользъ, между разговоромъ, этотъ нелѣпый, какъ говорилъ онъ, городской слухъ, произвели сильное впечатлѣніе на Катю и не выходили у нее изъ головы.

Дня черезъ три послѣ этого, графъ привезъ ей литерную ложу въ оперу и сказалъ, что онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нею.

Графъ точно заѣхалъ за нею и все время былъ у нея въ ложѣ; только все время онъ сидѣлъ въ углу, какъ будто боясь или не желая быть замѣченнымъ. Съ минуты появленія ея, одна великолѣпная дама, съ букетомъ камелій, сидѣвшая напротивъ во второмъ ярусѣ, не спускала съ Кати своего бинокля и глядѣла на нее съ такимъ ненасытнымъ любопытствомъ, которое не могло наконецъ не обратить вниманія Кати. Катя никакъ не могла понять сначала, что бы это значило и что въ ней особеннаго, почему бы она могла возбудить такое нескромное вниманіе великолѣпной госпожи. Дѣло, впрочемъ, объяснилось для нея въ первомъ же антрактѣ. Господинъ съ неуловимыми глазками явился къ ней въ ложу, и когда графъ вышелъ въ фойе, его другъ обратился къ Катѣ и сказалъ:

— Вы возбуждаете страшное любопытство въ одной дамѣ. Она даже въ антрактѣ не выходитъ изъ своей ложи,

и ея несчастные поклонники напрасно ждутъ ее въ комнатѣ передъ ложей... Она такъ и впилась въ насъ... Знаете ли, кто это?

— Кто? я никого не знаю.

— Это та женщина, о которой, кажется, я вамъ говорилъ... Эти слухи о графѣ, знаете...

— А! это она? сказала Катя, по видимому, хладнокровно, хотя сердце ея забилось болѣзненно и сильно...

Когда спектакль кончился, графъ, провожая Катю, остановился съ нею на лѣстницѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ передъ собою всегда блестящую и торжественную Лидію Александровну, въ соболяхъ и бархатѣ, которую онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить тутъ, потому что очень хорошо зналъ, что она подъѣзжала съ другого подъѣзда. Она гордо окинула Катю пронзительнымъ взглядомъ съ ногъ до головы, такъ-что Катя вздрогнула... потомъ, немного прищурясь и оборотивъ свою голову съ пушистыми волосами къ графу, сказала громко:

— Графъ! я надѣюсь, вы у меня сегодня вечеромъ?

И величественно спустилась съ лѣстницы.

Катя, блѣдная какъ полотно, взглянула невольно на графа, графъ взглянулъ невольно на Катю. Катя прислонилась къ периламъ лѣстницы: у нее потемнѣло въ глазахъ. Графъ тоже почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

ГЛАВА IV.

Графъ, однако, не поѣхалъ къ Лидіи Александровнѣ; весь остальной вечеръ онъ провелъ у Кати и былъ необыкновенно внимателенъ къ ней. Взглядъ, брошенный на Катю великолѣпною дамою, этотъ взглядъ, наглый и оскорбительный, и тонъ, съ которымъ она обратилась къ графу, не требовали объясненія. Все это говорило само за себя. Для Кати открылось все. Но ни упрека, ни жалобы не вырвалось изъ груди ея. На блѣдномъ лицѣ ея нельзя было прочесть ничего, какъ будто участь ея рѣшилась окончательно, какъ будто у нее не было болѣе ни сомнѣній, ни ожиданій, ни надеждъ, какъ будто внутренняя

жизнь совсѣмъ замерла въ ней. Она сидѣла молча, устремивъ свои потускнѣвшіе глаза на одну точку, не отвѣчая ни на ласки, ни на внимательность графа, холодная и неподвижная, какъ мраморъ.

Графъ цаловалъ эти тонкія, бѣлыя, холодныя руки, эти руки, формою которыхъ онъ восхищался всегда, немного удивляясь, впрочемъ, какимъ образомъ такія руки могли принадлежать деревенской барышнѣ, ибо онъ думалъ, что хорошая рука — непремѣнный признакъ чистой, аристократической крови; онъ объяснялъ Катѣ, кто такая эта великолѣпная дама, встрѣчившаяся съ ними на театральномъ подъѣздѣ, какимъ образомъ онъ знакомъ съ нею; онъ отзывался о ней очень насмѣшливо и зло; увѣрялъ, что она надоѣдаетъ ему что она преслѣдуетъ его, хотя онъ и не давалъ ей къ этому никакого повода; что, впрочемъ, на такихъ женщинъ и на ихъ дерзкія выходки не стоитъ обращать вниманія, и прочее. Графъ явно хотѣлъ оправдаться въ глазахъ Кати, хотя она не требовала ни его объясненій, ни его оправданій, хотя лицо ея по прежнему оставалось безъ всякаго выраженія, какъ будто она не слыхала или не понимала этихъ объясненій и оправданій.

Графъ наконецъ замолчалъ, съ удивленіемъ смотря на Катю, которая не замѣтила его взгляда. Эта неподвижность, это отсутствіе жизни испугали его. Онъ бросился къ ней, крѣпко сжалъ ея руку и, пристально смотря ей въ глаза, спросилъ:

— Бога ради, что съ тобою, Катя?

Она съ трудомъ приподняла свои вѣки, какъ будто послѣ тяжелаго сна, неопредѣленно взглянула на него и проговорила слабымъ голосомъ:

— Я... ничего...

— Но ты нездорова? ты такъ блѣдна? Что ты чувствуешь? скажи мнѣ.

Въ голосѣ графа въ эту минуту было искреннее участіе.

Катя молчала.

— Катя! Катя! повторялъ графъ, какъ будто пробуждая ее отъ сна.

Она провела рукой по лицу, еще разъ взглянула на него и, какъ бы дѣлая усиліе надъ собою. произнесла:

— Ничего, не безпокойся. Это пройдетъ, это такъ... мнѣ было тяжело...

— Я сейчасъ пошлю за докторомъ, сказалъ графъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно! Это ничего... вскрикнула Катя, и въ глазахъ ея въ первый разъ показался блескъ.

— Прошу тебя, скажи мнѣ, что̀ съ тобою? чѣмъ ты разстроена? Неужели эта женщина... Но послушай. Катя, это наконецъ смѣшно. Неужели ты думаешь...

— О! я ничего не думаю, отвѣчала Катя:—я не знаю, что̀ мнѣ думать и что̀ мнѣ дѣлать. Прости меня: я мучу тебя.

Черезъ минуту на помертвѣломъ лицѣ ея выступила яркая краска; все существо ея, казалось, начинало оживать; глаза одушевились мыслію и вдругъ вспыхнули огнемъ энергіи, предсмертной вспышкой растерзанной и болящей души. Она вскочила съ креселъ и грянулась на колѣни передъ графомъ.

Это было такъ быстро и неожиданно, что графъ не успѣлъ предупредить ее. Онъ бросился, чтобы поднять ее; но она схватила его руки съ невѣроятною силою и, держа ихъ въ своихъ рукахъ, сказала ему голосомъ, въ которомъ слышался подавленный вопль:

— Не обманывай меня, Serge! не обманывай! Я только одного прошу у тебя... Одной только правды, правды! Не бойся мнѣ высказать все прямо, открыто; не обольщай меня надеждами. Говори все, все... Можетъ быть, тебѣ это тяжело; но я умоляю тебя именемъ всего святого для тебя... рѣшись высказать мнѣ правду!.. Не успокоивай меня: это хуже, — не томи меня. Не бойся... я выдержу, я перенесу... лучше разомъ узнать все, нежели подозрѣвать, сомнѣваться, мучиться, изнывать... Я вижу, я чувствую, я знаю, что ты измѣнился ко мнѣ, что ты разлюбилъ меня, что я тебѣ въ тягость — я все это знаю; но видишь ли, Serge, я слабая женщина, я люблю безумно, страстно. Я иногда еще надѣюсь, иногда еще обманываю себя, я иногда еще вѣрю твоей ласкѣ, твоимъ словамъ, хотя сердце говоритъ мнѣ, что эти слова неискренни,

что ты не любишь меня, а только жалѣешь... Но если осталась въ тебѣ хоть капля жалости ко мнѣ, хоть одна капля, рѣши сейчасъ же мою участь, скажи мнѣ прямо все... Ты любишь другую? Говори! говори! у меня достанетъ силы выслушать тебя. Клянусь тебѣ. Я приготовилась. Посмотри на меня. Я съ твердостью тебя выслушаю.

Но графъ и безъ того не могъ отвести отъ нея глазъ. Ничего никогда не видалъ онъ и не могъ вообразить прекраснѣе этого пылающаго лица, этихъ горячихъ и какъ молнія сверкающихъ глазъ, этихъ густыхъ и волнистыхъ волосъ, упадавшихъ въ безпорядкѣ на лицо, всей этой фигуры, движимой силой отчаянія и жаромъ страсти... Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, какъ будто какое чудо совершилось передъ нимъ, какъ будто это была не Катя — робкая, тихая и застѣнчиво-любящая провинціяльная барышня, а другая какая-то женщина, озаренная величавой красотой, вся звучащая и дышащая любовью.

И эта женщина любитъ его! и она передъ нимъ на колѣняхъ!

Графъ онѣмѣлъ отъ удивленія. Онъ не зналъ, что можно любить такъ, что любовь своей силой преображаетъ людей, убиваетъ и оживляетъ ихъ; онъ полагалъ до этой минуты, что такая любовь бываетъ только въ однихъ романахъ, что это выдумка сочинителей, что въ жизни всѣ любятъ такъ, какъ любитъ онъ и его пріятели Петруша, Гриша, Коля и Ваня, и какъ любили ихъ—безъ особенныхъ безпокойствъ и страданій, сходясь и расходясь случайно, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, или даже вовсе безъ сожалѣнія. Графъ былъ большой скептикъ въ любви, какъ и его пріятели, и смотрѣлъ на всѣхъ женщинъ вообще очень легко, потому-ли, что судьба сводила его только съ болѣе или менѣе легкими женщинами, или потому, что его богатство нѣсколько мѣшало ему вѣрить безкорыстной любви и безкорыстной дружбѣ. Глядя на Катю, графъ смутно почувствовалъ (это я долженъ сказать къ его чести) въ эту минуту мелкость своихъ внутреннихъ ощущеній въ сравненіи съ чувствами этой дѣвушки и ея превосходство надъ собою. Въ то же время такая сильная, такая невиданная имъ любовь ласкала, нѣжила и льстила его само-

любіе. Это самолюбіе подогрѣло остывавшую страсть, и она сильнѣе чѣмъ когда нибудь вспыхнула на мгновеніе. Въ это мгновеніе все исчезло и сгладилось для графа, кромѣ Кати: онъ въ это мгновеніе точно любилъ ее. Онъ, съ небывалымъ и несвойственнымъ ему увлеченіемъ, сталъ увѣрять ее въ своей любви: никогда голосъ его не звучалъ нѣжнѣе; никогда слова не были искреннѣе и жарче; никогда глаза его не выражали болѣе страсти. Катя снова повѣрила ему.

Даже и въ первые дни любви она не была такъ счастлива, какъ въ этотъ вечеръ. Въ этомъ внезапномъ переходѣ отъ отчаянія и смерти къ жизни и счастію было что-то ненатуральное... Часы летѣли съ страшной быстротой, но для нихъ не существовало времени; а между тѣмъ катастрофа, невидимая и неизбѣжная, все приближалась къ Катѣ съ каждымъ ударомъ маятника, съ каждымъ движеніемъ часовой стрѣлки.

Графъ цѣлую недѣлю, почти не разставаясь, провелъ съ Катею и ни разу не былъ у Лидіи Александровны... Къ концу недѣли онъ началъ, однако, снова скучать. Однажды вечеромъ онъ даже просто не зналъ, что дѣлать отъ тоски: объѣздилъ безъ всякой цѣли полъ-города на своемъ рысакѣ, заѣхалъ въ театръ изъ театра отправился пить чай къ господину съ неуловимыми глазками, съигралъ съ нимъ въ *ланскене*, проигралъ ему двѣ тысячи и часовъ около двухъ пріѣхалъ къ Дюссо. Тамъ онъ нашелъ всю компанію въ полномъ сборѣ: и Ваню, и Петрушу, и Колю, и Гришу, и Андрюшу, и еще много другихъ, даже Вихляева, въ послѣднее время появлявшагося между ними рѣже, потому что Петруша, безпощадно обращавшійся съ нимъ, объявилъ ему наотрѣзъ, чтобъ онъ не смѣлъ показывать свою фигуру, наводящую на него уныніе. Всѣ эти господа, за исключеніемъ Вихляева, расположились въ большой комнатѣ, приказавъ сдвинуть нѣсколько столовъ вмѣстѣ. Ужинъ начался шумно и весело. Строй опорожненныхъ бутылокъ шампанскаго увеличивался съ каждой минутой, и въ каждую опорожняемую бутылку втыкался зажженный стеариновый огарокъ. Освѣщеніе было блистательное. Вихляевъ хотя очень порывался, но никакъ не осмѣливался

войдти въ эту комнату. Къ тому же людямъ дано было приказаніе не пускать постороннихъ. Онъ какъ тѣнь бродилъ въ коридорѣ, отъ времени до времени подходя къ дверямъ залы, отдергивая немного красную занавѣску и съ завистію смотря на пирующихъ. Петруша, какъ нарочно, сидѣлъ противъ самой двери. До Вихляева долетали различные крики, пѣсни и тосты, еще болѣе раздражая его. Когда человѣкъ отворялъ дверь, Вихляевъ вслѣдъ за нимъ немного высовывалъ голову въ дверь, но человѣкъ захлопывалъ дверь у него подъ носомъ, и Вихляевъ снова начиналъ бродить по коридору, не заказывая ужина, потому что все не терялъ еще надежды какимъ нибудь образомъ попасть въ эту комнату.

— Что вы это здѣсь, сударь, все у двери-то стоите? спросилъ у него, не безъ ироніи, лакей, несшій огромное блюдо.—Позвольте пройдти-съ.

— Да я, братецъ... я буду тамъ ужинать, отвѣчалъ, запинаясь, Вихляевъ.

— Нѣтъ-съ, туда нельзя: не приказано никого пускать-съ...

— Постороннихъ? а не меня же.

Лакей задѣлъ самолюбіе Вихляева, и онъ вдругъ рѣшился войдти, что бы ни было потомъ.

— Позвольте, сударь... вы мѣшаете пройдти.

— Мнѣ тоже принеси, Максимъ; я буду ужинать тамъ же, сказалъ онъ, какъ будто не слыхавъ словъ лакея.

— Ахъ, какой вы, сударь! да вѣдь говорятъ же вамъ, что нельзя. Вѣдь я не виноватъ. Чтожъ мнѣ дѣлать! не приказано пускать...

— Это, братецъ, не относится ко мнѣ.

Шумъ у дверей обратилъ вниманіе пирующихъ. Петруша увидѣлъ Вихляева въ дверяхъ, погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ:

— Смотрите! вы помните, что я вамъ сказалъ...

Нѣкоторые при видѣ Вихляева скорчили гримасы и отворотились, другіе закричали:

— Браво, Вихляевъ!... Что это у васъ тамъ за споръ съ Максимомъ?

— Да какъ же, помилуйте, отвѣчалъ Максимъ:—я имъ говорю, что не приказано впускать, а они лѣзутъ...

Раздался общій хохотъ.

— Подите сюда, очаровательный молодой человѣкъ! закричалъ Вихляеву одинъ изъ собесѣдниковъ.

Вихляевъ воспользовался этимъ восклицаніемъ, вбѣжалъ въ комнату довольно развязно: тряхнулъ головою, чтобы откинуть отъ лица волосы, вставилъ въ глазъ стеклышко и забормоталъ съ пріятною улыбкою: «Bon soir, bon soir», закивавъ головою направо и налѣво: но Петруша вскочилъ съ своего мѣста и закричалъ, указывая Вихляеву на дверь.

— Не угодно ли вамъ отсюда убираться?

Вихляевъ скорчилъ насильственную улыбку, чтобы скрыть свое замѣшательство, и сказалъ:

— Вѣчно шутитъ!... Bon soir, Пьеръ.

И протянулъ ему руку.

Петруша оттолкнулъ его руку и очень серьезно проговорилъ:

— Я вамъ говорю, уходите отсюда сейчасъ; иначе, вы знаете...

— Оставь его, Петруша! полно! заговорило вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Ну, пожалуй! для васъ я оставлю его; но удивительно, что вамъ за охота пускать къ себѣ этого...

— Милый мой, подите сюда, сказалъ Вихляеву, тотъ же господинъ, который пригласилъ его войдти—молодой человѣкъ, повидимому, очень веселаго нрава:—садитесь вотъ сюда, возлѣ меня: вы знаете, что я вашъ почитатель и заступникъ...

Вихляевъ сѣлъ, подставилъ себѣ приборъ, приподнялъ немного рукава своего пиджака, вытянулъ рубашку съ блестящими запонками, вставилъ въ глазъ стеклышко, посмотрѣлъ въ него на хлѣбъ, съ большою граціею отрѣзалъ себѣ ломоть и началъ, обращаясь къ веселому молодому человѣку:

— Да... сегодня... я сегодня, господа, встрѣтилъ такую красавицу, une beauté ravissante... какая ножка, какъ обута. Это было у Полицейскаго моста. Она шла одна и

повернула по Мойкѣ; я за нею, перегоняю ее, начинаю заговаривать; она отвѣчаетъ довольно мило; слово за слово — я узнаю, что это очень порядочная женщина.

— Ну и она назначила тебѣ, разумѣется, свиданіе, перебилъ Гриша.

— Честное слово... Завтра въ девять часовъ вечера... Жаль только, пропустишь балетъ!

— Счастливчикъ! сказалъ веселый молодой человѣкъ: — я знаю, вѣдь отъ васъ съ ума сходятъ всѣ женщины; да и нельзя: вы такой хорошенькій... Ну, выпьемте, Вихляевъ!

Онъ долилъ шампанскимъ стаканъ, въ которомъ была смѣсь различныхъ винъ, и поднесъ его Вихляеву. Вихляевъ въ разсѣяніи не замѣтилъ этого, чокнулся съ стаканомъ веселаго молодого человѣка и выпилъ залпомъ, потомъ нѣсколько поморщился.

— Фи! что это такое? что это за шампанское? сказалъ онъ.

Всѣ захохотали. Вихляевъ догадался, въ чемъ дѣло и закричалъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало:

— Максимъ! да чтожъ мнѣ не даютъ котлетъ? Это ни на что не похоже... вы заставляете ждать по часу. Кончится тѣмъ, что я перестану ѣздить сюда.

И когда котлета была принесена, онъ посмотрѣлъ сначала на нее въ свое стеклышко съ подозрительной гримасой, ткнулъ ее нѣсколько разъ вилкой, разрѣзалъ и произнесъ:

— Камень — что это за котлета! Гадость... Нѣтъ, съ нѣкораго времени Дюссо совсѣмъ избаловался.

И, произнеся это, принялся, однако, кушать съ большимъ аппетитомъ.

Въ эту минуту, встрѣченный всеобщими криками удовольствія явился графъ.

— Serge! Serge! Сережа... раздалось со всѣхъ сторонъ. — Сережа! воскликнулъ громче всѣхъ Вихляевъ, приподнявъ руки отъ восторга и бросаясь къ нему на встрѣчу.

— Bon soir, cher, сказалъ онъ и протянулъ къ нему руку; но эта рука, повисѣвъ на воздухѣ, грустно опустилась, не встрѣтивъ графской руки; однако, онъ не обезкуражился этимъ и, вертясь передъ графомъ, предлагалъ

ему различные вопросы, которые оставались безъ вниманія и отвѣта. Наконецъ, прибѣгнувъ къ мѣрамъ отчаяннымъ, онъ схватилъ графа обѣими руками и началъ толкать его, чтобы только обратить на себя его взоры. Графъ точно взглянулъ на него.

— Что такое? что тебѣ нужно? спросилъ онъ.

— Вообрази. Сережа, кто здѣсь.—тебѣ въ голову не придетъ. Я пари держу.

— Гдѣ здѣсь—у Дюссо?

— Нѣтъ, въ Петербургѣ; только сегодня пріѣхалъ... Нашъ короткій знакомый... Отгадай...

— Что за вздоръ! ну говори кто, сказалъ графъ нехотя.

— Я встрѣтилъ его въ Морской... онъ сбирается къ тебѣ, все тотъ же, заговорилъ, братецъ, меня...

— Кто же это?

— Александръ Иванычъ!

— Какой Александръ Иванычъ?

— Ахъ, Боже мой... да нашъ деревенскій краснобай, другъ маркиза Пуччи, Роберта Пиля, и прочее.

— А-а-а! произнесъ равнодушно графъ и обратился къ Гришѣ.

Пріѣздъ графа еще болѣе одушевилъ компанію: потребовали еще вина, освѣщеніе усиливалось быстро, разговоръ становился все шутливѣе и безсвязнѣе; всѣ кричали разомъ; крики прерывались хорами, довольно несогласными...

Графъ сидѣлъ въ сторонѣ отъ этого хора, затыкая по временамъ уши, окруженный Петрушею, Ванею и Гришею.

— А что это сдѣлалось съ Лидіей Александровной? вдругъ сказалъ Гриша:—представь себѣ, она цѣлую недѣлю не показывалась ни въ театрахъ ни на Невскомъ. Это чудеса!

— Неужели? спросилъ графъ.

— Я былъ у нее вчера, возразилъ Ваня:—она никого не принимаетъ. Говорятъ, нездорова.

«Бѣдная!... однако я такъ давно у нея не былъ... Это нехорошо... Завтра же поѣду», подумалъ графъ.

Крикливая и шумная бесѣда продолжалась еще часа два. Стали разъѣзжаться по домамъ, по обыкновенію, около

четырехъ часовъ, оставивъ въ комнатѣ тучи дыма, нѣсколько битаго стекла и надтреснутое зеркало, въ которое кто-то, бросилъ пустую бутылку. При разъѣздѣ Петруша кричалъ:

— Господа! куда вы? неужели по домамъ? Ну, на что это похоже! Еще рано... Только четыре часа! Для меня только теперь вечеръ и начинается... Я ни за что не поѣду домой. Ваня, поѣдемъ со мною.

Ваня сѣлъ къ нему въ сани.

— Пошелъ къ Красному мосту! закричалъ Петруша своему кучеру, закутываясь въ шинель, потому что морозъ былъ нестерпимый...

На другой день утромъ графъ засталъ Лидію Александровну совершенно разстроенную. Она лежала на темно-бархатной кушеткѣ, вся въ бѣломъ, въ батистовомъ пеньюарѣ, обшитомъ валансьенскими кружевами; ея манишка застегивалась тремя брильянтовыми запонками; ея ножки, въ шолковыхъ чулкахъ, въ расшитыхъ разноцвѣтными шелками туфляхъ, выглядывали изъ подъ узоровъ юбки; ея пушистые волосы были въ плѣнительномъ и искусно придуманномъ безпорядкѣ, какъ будто она только въ минуту звонка нарочно привела ихъ передъ зеркаломъ въ это поэтическое разстройство; обнаженная кисть, гладкой какъ атласъ и бѣлой какъ первый снѣгъ, руки ея висѣла нѣсколько откинутая.

Графъ тихонько подошелъ къ ней и остановился на минуту, молча, любуясь ею.

Лидія Александровна какъ будто не замѣчала графа; но грудь ея, при его приближеніи, начинала подниматься чаще и сильнѣе, и изъ этой груди вырвался тяжелый и болѣзненный вздохъ.

— Что съ тобой, Лидія? сказалъ графъ, наклоняясь къ ней.

— Я больна, отвѣчала она, не смотря на него:—я очень больна... У меня болитъ грудь, я кашляю...

И она тотчасъ же закашлялась.

— Я чувствую, что у меня чахотка, что я не буду долго жить, что скоро умру; да мнѣ, впрочемъ, все равно... я очень рада, я хочу умереть: мнѣ всѣ и все надоѣло...

У Лидіи Александровны выступилъ сильный румянецъ на лицѣ. Она была въ волненіи.

— Мнѣ жарко, мнѣ душно, сказала она:—у меня опять начинается жаръ...

Графъ придвинулъ кресло къ кушеткѣ.

— Ты простудилась? сказалъ графъ, прикасаясь къ ея опущенной рукѣ.

— Что вамъ до этого за дѣло? произнесла она слабымъ голосомъ, отдернувъ руку:—вамъ все равно, вы меня не любите, вы не заботитесь обо мнѣ, вы и забыли о моемъ существованіи... Я удивляюсь, какъ это вы вздумали вдругъ сегодня заѣхать ко мнѣ... я думала, что васъ не увижу болѣе...

Лидія Александровна опять закашлялась и начала рукою придерживать грудь.

— Впрочемъ, смѣшно и требовать. Вы не принадлежите самому себѣ, вы всего себя отдали *ей*... Но для чего же обманывать? для чего было давать надежду другой? У меня есть сердце, графъ, которое бьется, можетъ быть, такъ же сильно, какъ *ейное* сердце... Наконецъ я видѣла ее... она хороша, она, можетъ быть, лучше меня, умнѣе, воспитаннѣе; но вы мнѣ сказали, что вы къ ней равнодушны, что вамъ все равно она, а теперь вы сидите все у нее, вы не отходите отъ нее, а меня забыли, вы явно предпочли ее мнѣ, потому что не хотѣли пріѣхать ко мнѣ тогда вечеромъ изъ театра.. а я.... еслибъ вы знали, что со мною съ этого вечера! Зачѣмъ я вамъ вѣрила.

Лидія Александровна заплакала.

Графъ началъ оправдываться, почему онъ не былъ, увѣрялъ ее снова въ своей любви, далъ ей даже слово, что, разумѣется, не вдругъ, но современемъ онъ постарается какъ нибудь кончить съ Катею, и замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ надо дѣйствовать осторожно, чтобы не оскорбить ее, потому что Катя дѣвушка замѣчательная, достойная полнаго уваженія, что она страстно его любитъ, но что они не сошлись характерами. Миръ былъ заключенъ. Лидія Александровна почувствовала себя гораздо лучше. Прислонясь головкой къ плечу графа и смотря на его съ нѣжностію, она сказала:

— Ты думаешь, что я тебя не въ состояніи любить такъ, какъ она? Я не уступлю ей въ любви; да и что такое *ейная* любовь? первая любовь дѣвочки, ничего не испытавшей, не знающей. А я, съ того дня, когда въ первый разъ тебя встрѣтила... пять лѣтъ назадъ тому и до сей минуты, только о тебѣ и думала; ты не давалъ мнѣ покоя... Я, закрывши глаза, рѣшилась на все. Эти экипажи, мебели, наряды,—все это пріобрѣла для того только, чтобы обратить на себя твое вниманіе. Я знала, что безъ этого ты на меня и смотрѣть не сталъ бы... и теперь, когда я добилась до моей цѣли, я тебя не уступлю ни за что никому, никому на свѣтѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ графъ, улыбаясь не безъ самодовольствія.

— Да, да... въ самомъ дѣлѣ, никому, ни за что на свѣтѣ! повторяла она, положивъ ему на плечи свою руку и смотря на него пристально.

— О, какъ я теперича счастлива! прибавила она.

Лидія Александровна оживилась. Ей казалось въ эту минуту не болѣе двадцати лѣтъ. Она прыгала около графа какъ дитя, расчесывала его волосы, любовалась имъ, ласкалась къ нему, принимала передъ нимъ различныя живописныя позы, обнаруживая свою змѣиную гибкость и свой тонкій и стройный станъ.

Потомъ, сѣвъ на скамейку къ его ногамъ, она сказала вдругъ.

— Ахъ, знаешь ли какой сонъ я видѣла сегодня? Мнѣ приснилось, будто у меня новый экипажъ: темно-коричневая коляска, обитая такого же цвѣта сафьяномъ, и чудесная англійская закладка, англійскія лошади и англичанинъ на козлахъ съ длиннымъ бичомъ. Это было такъ живо, что проснувшись, я чуть не велѣла закладывать этотъ экипажъ... и потомъ мнѣ стало такъ досадно, что все это во снѣ.

Сонъ Лидіи Александровны былъ осуществленъ графомъ очень скоро, и когда въ одинъ прекрасный день, къ ея крыльцу подана была англичаниномъ точно такая коляска, она—то бросалась къ графу, то подбѣгала къ окну любоваться экипажемъ—потомъ опять къ графу.

— Это, впрочемъ, непростительное баловство, сказала она, нахмуривъ брови:—къ чему это? и потомъ улыбнувшись съ ядовитымъ и тонкимъ кокетствомъ, нѣсколько сердито прибавила:—послѣ этого я тебѣ не буду разсказывать моихъ сновъ...

Дружескія сношенія графа съ Лидіею Александровною вскорѣ послѣ этого сдѣлались извѣстны во всемъ Петербургѣ. Она начала вести образъ жизни еще роскошнѣе и прихотливѣе прежняго, отчего желчь, m-lle Dupont разлилась и черезъ мѣсяцъ послѣ этой обезображивающей болѣзни, она дошла до необходимости продавать свои экипажи, мебели и наряды и разыгрывать въ лотерею турецкую шаль. Нельзя не замѣтить, что Лидія Александровна, по добротѣ своего сердца, много способствовала успѣху этой лотереи и навязала своимъ знакомымъ огромное количество билетовъ...

Катю графъ посѣщалъ только изъ чувства состраданія и долга. Это было слишкомъ явно; а господинъ съ неуловимыми глазками также явно началъ ухаживать за нею, надѣясь, вѣроятно, побѣдить ея суровость и холодность... Но всѣ усилія его оставались напрасными. Кромѣ отвращенія, которое она питала къ этому господину, она находилась въ такомъ страшномъ, въ такомъ безчувственномъ состояніи, что почти не понимала, что дѣлается вокругъ нея... Тогда господинъ съ неуловимыми глазками рѣшился прибѣгнуть къ послѣднимъ, окончательнымъ мѣрамъ, думая, что, можетъ быть, изъ чувства мщенія Катя перемѣнится къ нему. Онъ объявилъ ей торжественно, что она убиваетъ себя изъ-за человѣка, который не стоитъ ея, который постоянно обманывалъ ее и никогда не любилъ... Онъ открылъ передъ нею всю картину прошедшей и настоящей жизни своего пріятеля, разобралъ до мельчайшихъ подробностей всѣ его поступки съ злобной насмѣшкой и, сначала съ робостію, потомъ съ жаромъ постепенно увеличивавшимся и дошедшимъ наконецъ до страсти, объяснилъ ей любовь свою; говорилъ, что пожертвуетъ для нея всѣмъ на свѣтѣ... подъ всѣмъ на свѣтѣ разумѣлись, конечно, деньги... что ей надо поправить свое здоровье и развлечься; что онъ поѣдетъ съ нею за-границу, и прочее.

Катя при этихъ словахъ вышла на минуту изъ своей обычной безчувственности.

— Я все знаю, сказала она господину съ неуловимыми глазками твердымъ голосомъ, взглянувъ на него съ презрѣніемъ, котораго не могла скрыть: — знаю, что графъ меня не любитъ; но если бы я могла на сколько нибудь привязаться къ вамъ, хоть это невозможно, — эта привязанность, повѣрьте, уничтожилась бы въ одну минуту послѣ всего, что я теперь выслушала отъ васъ.

И съ этими словами она вышла изъ комнаты, но едва переступила за порогъ, какъ твердость совсѣмъ оставила ее. Она бросилась передъ образомъ, которымъ еще въ дѣтствѣ благословила ее мать, и съ глухимъ рыданіемъ прошептала:

— Боже мой! Боже мой! до чего я дошла, что я должна выслушивать!.. Что будетъ со мною!

И безъ памяти упала на полъ.

. . . . . .

Господинъ съ неуловимыми глазками, когда она вышла, топнулъ съ досады ногою, глухо произнесъ: «ну, хорошо же!» и уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, онъ объяснялъ графу любовь свою, дружески упрекалъ его въ слабости характера и предлагалъ ему различныя средства, какъ бы ему поскорѣй и безъ большихъ хлопотъ освободиться отъ Кати.

ГЛАВА V.

Вихляевъ на этотъ разъ не солгалъ. Александръ Иванычъ точно былъ въ Петербургѣ. Онъ явился съ тремя сочиненіями, въ видѣ проэктовъ: 1) *О новомъ способѣ управленія имѣній и о быстромъ улучшеніи вслѣдствіе этого не только быта крестьянъ, но и обогащенія, въ самое короткое время, владѣльцевъ;* 2) *о томъ, какія выгоды можно извлечь изъ земледѣльческаго богатства Россіи съ точки зрѣнія географической, статистической, политико-экономической и сельско-хозяйственной* и, *наконецъ,* 3) *объ изобрѣтенномъ имъ*

новомъ, безпримѣрно-дешевомъ и доселѣ нигдѣ не употреблявшемся топливѣ, имѣющемъ важное вліяніе какъ на благосостояніе климата, такъ и на распространеніе народнаго богатства чрезъ сохраненіе лѣсовъ и прочее.

— Это все такъ философски-глубоко обдумано, говорилъ онъ при отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ:—такъ практически и ясно изложено, что должно рѣзко броситься въ глаза, какъ всякая истина; въ этихъ сочиненіяхъ заключаются результаты сорокалѣтнихъ моихъ наблюденій; тутъ я положилъ — всего себя...

И Александръ Иванычъ значительно зажмурилъ глазки и потомъ чрезъ минуту продолжалъ еще съ большею торжественностію.

— Если я получу привиллегію на изобрѣтенное мною топливо, то легко могу нажить въ два года до милліона ассигнаціями. Это разсчетъ вѣрный и ясный какъ Божій день...

И онъ начиналъ вычислять, и по его вычисленіямъ выходило еще, что онъ долженъ пріобрѣсти въ два года слишкомъ милліонъ.

— Привиллегію получить трудно; но я это легко устрою черезъ свои связи. Для меня князь Александръ непремѣнно возьмется за это дѣло: онъ свой человѣкъ съ княземъ Андреемъ Борисычемъ, а князю Андрею Борисычу стоитъ только слово сказать графу Владиміру Кирилычу, отъ котораго все зависитъ. Я и остановлюсь для этого нарочно въ Петербургѣ у князя Александра: у него для меня готова всегда цѣлая анфилада прекрасно меблированныхъ комнатъ... хоть я могъ бы остановиться и у сына, который зажилъ теперь въ Петербургѣ прекрасно и совершенно обезпечилъ себя. Я всегда былъ, впрочемъ, увѣренъ, что съ такой головой, какъ у него, не пропадешь! прибавилъ Александръ Иванычъ.

Однако, Александръ Иванычъ остановился не у князя Александра, въ анфиладѣ прекрасно-меблированныхъ комнатъ, а въ тѣсной квартиркѣ своего сына, въ четвертомъ этажѣ...

— Я остановился у сына потому, что не хотѣлъ огорчать моего Василья, останавливаясь у постороннихъ; да и

признаться, мнѣ самому хотѣлось быть поближе къ нему; а то и князь Александръ и князь Павелъ и графъ Сергій предлагали мнѣ у себя... повторялъ онъ своимъ петербургскимъ знакомымъ, которые вовсе и не интересовались, впрочемъ, знать, гдѣ онъ остановился...

Угреватый поэтъ уже около четырехъ мѣсяцевъ жилъ въ Петербургѣ, ни мало не помышляя объ опредѣленіи на службу, хотя родители отправили его въ Петербургъ именно съ этою цѣлію и хотя Александръ Иванычъ надавалъ ему множество рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ князьямъ и графамъ. Но эти рекомендательныя письма оставались въ портфелѣ угреватаго поэта безъ всякаго употребленія и ни князю Александру, ни князю Петру, ни графу Виктору не суждено было насладиться краснорѣчивыми фразами, латинскими цитатами и славянскими изрѣченіями, которыми были пересыпаны эти письма. Кромѣ этихъ краснорѣчивыхъ писемъ, стариннаго и совершенно негоднаго къ употребленію несессера да родительскихъ наставленій, Александръ Иванычъ почти ничего не далъ сыну, отправляя его въ Петербургъ.

— Въ Петербургѣ только совершенный дуракъ не съумѣетъ пріобрѣсти денегъ, говорилъ ему Александръ Иванычъ: — тамъ, братецъ ты мой, деньги подъ ногами; стоитъ вотъ только наклониться да взять. Кажется, трудъ небольшой. У кого есть *здѣсь*... (Александръ Иванычъ подставилъ указательный палецъ ко лбу) такъ ужъ *тутъ* (указательный палецъ перешелъ на карманъ) непремѣнно будетъ. Меня отецъ отправилъ въ первый разъ въ Петербургъ съ двумя бѣленькими... двадцати-пяти-рублевыми бумажками, обнялъ, благословилъ и сказалъ, какъ теперь помню: «Я тебѣ далъ умъ и воспитаніе: умъ для пріобрѣтенія денегъ, воспитаніе для пріобрѣтенія высшихъ связей и знакомствъ. Умъ и воспитаніе дороже всякой ходячей монеты». И точно, я жилъ въ Петербургѣ, почти ничего не получая отъ него, не хуже богатыхъ молодыхъ людей того времени, не отказывалъ себѣ ни въ чемъ: имѣлъ экипажи, француза-повара... Ну, Господь съ тобой! прощай, мой другъ! прибавилъ Александръ Иванычъ въ заключеніе, крестя и обнимая сына. Ты счастливѣе меня: я, от-

правляясь въ Петербургъ, не зналъ никого, въѣхалъ какъ въ лѣсъ; а ты уже имѣешь покровителя и руководителя въ лицѣ графа Сергія Григорьича, и кромѣ того — эти письма; все это съ перваго шагу доставитъ тебѣ знакомства въ первыхъ домахъ и связи. Но уже довольно и того, что ты *мой* сынъ, что ты носишь мое имя: это, братецъ, открытый листъ на участіе, вниманіе и ласку въ высшемъ обществѣ. Деньги я далъ тебѣ только на первое время, а потомъ вышлю...

Послѣднія слова произнесены были Александромъ Иванычемъ, впрочемъ, скороговоркою и довольно глухимъ голосомъ.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ Петербургъ, Василій Александрычъ оставался уже безъ гроша, несмотря на свою экономію, и хотя получилъ отъ отца очень нѣжное письмо, но въ этомъ письмѣ ни слова не упоминалось о деньгахъ. Просить денегъ у графа онъ не хотѣлъ и коекакъ просуществовалъ нѣсколько дней въ долгъ, не выходя изъ квартиры, занимаясь перелистываніемъ старыхъ русскихъ журналовъ и сочиненіемъ стиховъ. Къ счастію, въ Петербургѣ онъ нашелъ своего стараго школьнаго товарища, очень добраго малаго, который составлялъ въ разные журналы и газеты фельётончики и библіографическія статейки, считалъ себя однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литераторовъ и былъ знакомъ со всѣми журналистами, журнальными сотрудниками и книгопродавцами. Фельетонистъ питалъ большое уваженіе къ угреватому поэту... не потому, что онъ былъ поэтъ — надъ поэтами въ этомъ родѣ уже начинали подсмѣиваться журналы — но потому, что онъ носилъ въ себѣ, какъ говорили тогда, современные вопросы, и притомъ очень горячо разсуждалъ объ искусствѣ: о безотрадномъ скептицизмѣ Байрона, о субъективности Сенанкура, объ объективности Шекспира и Гете, котораго онъ сравнивалъ съ Юпитеромъ, и о прочемъ, о чемъ такъ прекрасно разсуждали тогда въ русскихъ журналахъ. Черезъ посредство фельетониста, угреватый поэтъ продалъ право на изданіе всѣхъ своихъ стихотвореній какому-то книгопродавцу за 25 рублей серебромъ и вступилъ, къ величайшему своему восторгу, на журнальную арену. Въ

это время понадобился одному изъ журналистовъ критикъ. Фельетонистъ предложилъ ему своего пріятеля.

— А что это за господинъ? спросилъ журналистъ: — годится ли онъ для этого?.. Тутъ нуженъ человѣкъ, который бы имѣлъ современный взглядъ на искусство... эстетическій вкусъ... тактъ... словомъ, чтобы это былъ образованный, дѣльный человѣкъ...

Произнеся это, журналистъ задумался, принявъ глубокомысленнѣйшее выраженіе, какъ будто какой-то важный вопросъ зашевелился въ его головѣ.

Фельетонистъ началъ превозносить передъ нимъ угреватаго поэта, говорить о его начитанности, о его взглядахъ и о прочемъ.

— Гм! промычалъ значительно журналистъ: — вотъ стишки-то онъ плохіе пишетъ... это не хорошо.

— Да, это правда; но его настоящее призваніе быть критикомъ, возразилъ фельетонистъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ журналистъ строго:—пришлите его ко мнѣ...

Угреватый поэтъ и кандидатъ въ критики не безъ робости явился передъ журналистомъ. Строгій видъ, глубокомысленная наружность, рѣзкій и отрывистый тонъ журналиста, его великолѣпный халатъ съ кистями, груды ученѣйшихъ книгъ и журналовъ на различныхъ языкахъ, которыми онъ былъ окруженъ. — все это еще болѣе смутило неопытнаго молодого человѣка. Онъ смотрѣлъ на журналиста съ замираніемъ сердца, какъ школьникъ, явившійся на экзаменъ передъ учителемъ...

Журналистъ внутренно былъ очень доволенъ, замѣтивъ эффектъ, произведенный имъ на своего будущаго сотрудника. Сначала разговоръ какъ-то не клеился; но когда молодой человѣкъ преодолѣлъ въ себѣ первое ощущеніе робости и коснулся искусства — рѣчь его, пересыпаемая, условными оборотами и терминами, полилась бойко, точно какъ будто онъ читалъ какую нибудь критическую статейку, выученную наизусть, изъ старыхъ русскихъ журналовъ.

Журналистъ отъ времени до времени только глубокомысленно кивалъ головой, повторяя.

— Ну да, да, да!..

Угреватый поэтъ произвелъ на него очень хорошее впечатлѣніе. «Это малый съ головой—замѣтилъ онъ фельетонисту — я пробовалъ его со всѣхъ сторонъ. Изъ него выйдетъ толкъ... выйдетъ, выйдетъ!»

Условія тотчасъ же были заключены, очень выгодныя для журналиста и не со всѣмъ выгодныя для сотрудника, но по крайней мѣрѣ сколько нибудь обезпечивавшія его существованіе.

Угреватый поэтъ торжествовалъ. Цѣль всѣхъ его надеждъ и мечтаній вдругъ и такъ неожиданно была достигнута. «Быть провозвѣстникомъ новыхъ мыслей — думалъ онъ — давать направленіе литературѣ»... Отъ этой мысли у него духъ захватывало отъ блаженства.

И онъ принялся дѣятельно и горячо за свою новую обязанность: по поводу какого-то лубочнаго романа написалъ огромную статью, въ которой говорилось сначала о древнемъ эпосѣ, потомъ о значеніи новѣйшаго романа. о Сервантесѣ, о Вальтеръ-Скоттѣ, да кстати ужъ и о Рене Шатобріана, о Вертерѣ Гете, объ Оберманѣ Сенанкура и объ Адольфѣ Бенжаменъ-Констана... Ни Гегель, ни Гервинусъ, ни Ретшеръ не были забыты въ этой превосходной статьѣ, которая была въ сущности вся сшита изъ старыхъ журнальныхъ статей, изъ одной нѣмецкой эстетики, изъ предисловій къ Оберману и къ французскому переводу Вертера и напичкана кстати и некстати выписками изъ Ретшера. По поводу игры какого-то посредственнаго актера, новый критикъ написалъ цѣлый трактатъ о драматическомъ искусствѣ, ставилъ этого актера въ параллель съ великими новѣйшими артистами: съ Мекреди, съ Фредерикомъ Леметромъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, всуе вызывалъ изъ могилъ тѣни Тальмы, Гаррика, Кина. и опять кстати ужъ завелъ рѣчь о Шекспирѣ, о значеніи Гамлета, и прочее и прочее.

Всѣ эти статьи—нельзя было не отдать имъ справедливости — обнаруживали большее трудолюбіе и усердіе, и написаны были тѣмъ восторженнымъ тономъ, который нѣкогда господствовалъ въ русскихъ журнальныхъ критикахъ.

Каждый періодъ въ этихъ статьяхъ начинался обыкновенно съ буквы *И*.

«И не понимаютъ *они*—восклицалъ угреватый поэтъ (къ кому относилась эта рѣчь, онъ утвердительно самъ не зналъ)—и не понимаютъ *они* высшаго значенія искусства, и недоступна имъ, скользящимъ по поверхности жизни, схватывающимъ однѣ верхушки, бездонная глубина его и...—и прочее.

За такими-то трудами засталъ сына Александръ Иванычъ.

Когда онъ узналъ, что его письма къ князьямъ и графамъ не были доставлены, и что его Василій во все пребываніе свое въ Петербургѣ всего только одинъ разъ былъ у графа и не имѣетъ никакихъ знакомствъ въ высшемъ кругу, это подѣйствовало на него непріятно; но Александръ Иванычъ скоро утѣшился мыслію, что сынъ его сдѣлался критикомъ и играетъ значительную роль если не въ свѣтѣ, то въ литературѣ...

— Каковъ мой Василій-то! говорилъ онъ: — первый критикъ у насъ въ настоящее время!... Вотъ что̀ значитъ дать малому-то хорошее воспитаніе, угадать наклонности въ ребенкѣ и развивать ихъ. Я съ самаго начала такъ и готовилъ его для литературы.

Между тѣмъ отношенія угреватаго поэта съ журналистомъ становились со дня на день холоднѣе. Василій Александрычъ, узнавъ покороче журналиста, убѣдился, что всѣми этими учеными книгами и журналами онъ окружалъ себя только для эффекта и для приданія себѣ важности; что онъ ничего не читаетъ; имѣетъ обо всемъ свѣдѣнія самыя поверхностныя, а въ дѣлѣ искусства совсѣмъ ничего не понимаетъ. Вслѣдствіе этого, Василій Александрычъ потерялъ къ нему всякій страхъ и уваженіе. Онъ началъ съ безполезнымъ негодованіемъ отзываться о немъ, разсказывалъ анекдоты, обнаруживавшіе его недальновидность въ дѣлѣ науки и искусства, и однажды, послѣ того, какъ журналистъ наотрѣзъ отказалъ ему въ деньгахъ, которыя онъ просилъ въ счетъ будущихъ трудовъ своихъ, взбѣшенный сотрудникъ написалъ на него даже презлую сатиру.

Все это было передано журналисту однимъ изъ литературныхъ сплетниковъ.

Кромѣ того, при появленіи каждой новой статьи угреватаго поэта, журналисту твердили со всѣхъ сторонъ, что онъ роняетъ свой журналъ такими статьями, дѣлаетъ его смѣшнымъ, и прочее и прочее.

Дѣло кончилось тѣмъ, что, въ одинъ прекрасный день, журналистъ объявилъ своему критику, очень рѣзко и грубо, что онъ уже болѣе въ немъ не нуждается. Это случилось черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Александра Иваныча въ Петербургъ. Василій Александрычъ съ своими критиками переселился было въ другой журналъ, но въ другомъ журналѣ вовсе не платили денегъ, да и журналъ этотъ появлялся изрѣдка въ неопредѣленные сроки, всякій разъ совершеннымъ сюрпризомъ для своихъ подписчиковъ, владѣвшихъ высокою добродѣтелью—долготерпѣнія. Книгопродавцы не принимали никакихъ предложеній Василія Александрыча, потому что стихотворенія его вовсе не расходились, а книгопродавецъ, купившій ихъ, посматривалъ на угреватаго поэта даже враждебно. Итакъ, отъ литературы ждать было нечего,—отъ отца еще менѣе, потому что Александръ Иванычъ пріѣхалъ безъ денегъ, имѣя въ виду привиллегію, и въ надеждѣ будущихъ благъ долженъ былъ занять у графа небольшую сумму. Изъ занятыхъ денегъ онъ ничего не могъ удѣлить сыну: ему надобно было имѣть ежедневно карету или коляску. Нельзя же было ходить пѣшкомъ къ князю Александру, къ князю Павлу, къ графу Виктору и къ другимъ...

— Потерпи, братецъ, немного, говорилъ Александръ Иванычъ сыну:—терпѣніе преодолѣваетъ все... Бери примѣръ съ меня,—вѣдь въ тебѣ течетъ моя кровь. *La vertu s'acquiert, comme le sang se donne*, сказалъ великій Корнель. Дѣла наши пойдутъ отлично, и мы непремѣнно разбогатѣемъ. Вспомяни мое слово: я выхлопочу тебѣ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, черезъ князя Александра; получу привиллегію... и тогда...

Но дни проходили за днями. Ни о мѣстѣ, ни о привиллегіи не было никакого слуху. Александръ Иванычъ даже пріунылъ немного, безъ толку проживаясь въ Пе-

тербургѣ, и только отрадная мысль, что сегодня онъ прошелся по Невскому съ такимъ-то княземъ, а завтра будетъ обѣдать у такого-то графа, поддерживала его и примиряла съ обстоятельствами. Но князьямъ и графамъ онъ ужасно надоѣлъ своими просьбами и проэктами, и они стали къ нему замѣтно холоднѣе. Видя, что дѣла его нисколько не подвигаются, а деньги, занятыя у графа, на исходѣ,—онъ принужденъ былъ за какую-то бездѣлицу продать свои сочиненія—результаты сорокалѣтнихъ наблюденій—журналисту, нуждавшемуся въ статьяхъ для отдѣла сельскаго хозяйства.

Между отцомъ и сыномъ начались безпрестанные споры... Александръ Иванычъ упрекалъ сына въ томъ, что онъ не умѣетъ или не хочетъ проложить себѣ дорогу, что сложа руки ничего сдѣлать нельзя, что онъ пренебрегаетъ высшими знакомствами, которыя необходимы для начинающаго молодого человѣка, не умѣетъ быть искательнымъ, что онъ ведетъ дружбу Богъ знаетъ съ какими людьми, что въ его лѣта многіе уже занимаютъ почетныя должности и имѣютъ званія при дворѣ, что онъ преисполненъ ложною гордостью и что истинная гордость состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о поддержаніи своего рода, и прочее. Василій Александрычъ съ своей стороны припоминалъ отцу, что онъ никогда не заботился о своихъ дѣлахъ, разстроилъ свое состояніе; что высшія связи, которыми онъ гордится и о которыхъ безпрестанно говоритъ, не только не принесли ему никакой пользы, но, напротивъ, способствовали къ его раззоренію, что онъ съ дѣтства бросилъ его, своего единственнаго сына, на произволъ судьбы, нисколько не думая о его воспитаніи; что если онъ что нибудь знаетъ, такъ этимъ обязанъ самому себѣ, и проч.

Литературныя неудачи и совершенное безденежье,—все это вмѣстѣ сильно подѣйствовало на угреватаго поэта. Онъ упалъ духомъ, бросилъ всѣ свои занятія и предался той бродячей и праздной жизни, которой предаются люди съ отчаянія... Онъ цѣлые дни бродилъ по трактирамъ и кафе-ресторанамъ, свелъ пріязнь съ постоянными посѣтителями этихъ заведеній—съ какими-то господами очень

сомнительной, если не совсѣмъ подозрительной наружности, и съ тѣми добрыми малыми, у которыхъ вѣчный отекъ на лицѣ, при блѣдно-зеленоватомъ колоритѣ, и матовые, безсмысленные глаза... Онъ зажилъ на счетъ одного изъ такихъ добрыхъ малыхъ—сынка разбогатѣвшаго овощнаго торговца, умершаго отъ паралича за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ. Получивъ въ наслѣдство до сотни тысячъ серебромъ, сынокъ бросилъ торговлю, одѣлся франтомъ и спился въ нѣсколько мѣсяцевъ.

— Ну, Вася, выпьемъ! говорилъ онъ угреватому поэту коснѣющимъ языкомъ, и потомъ вдругъ, совершенно неизвѣстно почему, затягивалъ:

Ты не повѣришь, ты не повѣришь,
Какъ ты мила!

— Вотъ видишь ли ты, душа моя, продолжалъ онъ, вынимая изъ кармана пукъ смятыхъ ассигнацій:—вишь, сколько денегъ; мы это все прокутимъ сегодня... махнемъ, Вася, за городъ или поѣдемъ къ цыганамъ. Жуировать, такъ жуировать... Крамбамбули, монъ-шеръ! Я за одно крамбамбули дамъ теперь пять-десятъ цѣлковыхъ,—честное слово, дамъ! Ну, Васинька, пей же, пей...

И Васинька пилъ; но постоянно такое веселое и безсознательное препровожденіе времени разстроивало и безъ того хилое его здоровье. Онъ впалъ въ совершенное разслабленіе и апатію и продолжалъ уже пить по привычкѣ, безъ всякаго удовольствія.

Однажды онъ воротился домой пѣшкомъ часу въ шестомъ утра, упалъ на постель почти безъ памяти въ своей мокрой шинели и уже съ тѣхъ поръ не вставалъ... Къ вечеру, на слѣдующій день, у него сдѣлался сильный бредъ. Маша съ пѣснію: «Мы двѣ цыганки»... Гервинусъ съ Ретшеромъ, Надежда Кондратьевна съ балаболками, журналистъ съ ученымъ и строгимъ видомъ, Вихляевъ съ пистолетомъ, купеческій сынокъ съ бутылкой и шекспировъ Гамлетъ съ вѣчнымъ сомнѣніемъ не давали ему покоя. Ихъ имена не сходили у него съ языка; онъ то метался на постели, то вскакивалъ и хотѣлъ съ крикомъ бѣжать, преслѣдуемый раздраженными Гервинусомъ и Рет-

шеромъ. Александръ Иванычъ перепугался, привезъ доктора; докторъ осмотрѣлъ больного, покачалъ головою и прописалъ лекарство. Лекарство не помогало. Александръ Иванычъ, не отходилъ отъ постели сына, и угреватый поэтъ черезъ два дня умеръ, на рукахъ его.

Долго блѣдный, понуривъ свою лысую голову, стоялъ Александръ Иванычъ надъ этимъ трупомъ, и въ головѣ его мелькали мысли, обращавшіяся въ горькіе упреки, что, можетъ быть, отчасти онъ и его Алена Ѳедоровна причиной этой рановременной смерти; что съ самаго ранняго дѣтства бросили они бѣднаго мальчика на произволъ нянекъ, лакеевъ, дѣвокъ и всей своей деревенской челяди, а потомъ на произволъ какого-то учителя, не заботясь, что это за учитель; что̀ не думали хлопотать они ни о развитіи сына, ни о его направленіи; что̀ ребенкомъ онъ служилъ для нихъ поводомъ къ хвастовству, а для гостей—забавою, коверкая передъ ними своимъ дѣтскимъ языкомъ различныя побасенки, которыми безъ толку обременяли его память,—а въ юношескомъ возрастѣ—игрушкою мелочного тщеславія; что̀ прокричали они на всю губернію о его геніяльности, потому что въ двѣнадцать лѣтъ онъ прочелъ нѣсколько романовъ, попавшихся ему подъ руку, и сочинилъ какіе-то стишки; что̀ натвердили они ему съ самаго дѣтства о томъ, что онъ баринъ, что у него хорошее состояніе; что ему не о чемъ заботиться и промотали это состояніе; что̀ не приготовили они его ни къ чему, развивъ въ немъ только самонадѣянность и самолюбіе; что̀ съ смутными и неопредѣленными инстинктами, съ безпокойными и неясными порывами, съ ограниченнымъ и поверхностнымъ образованіемъ, не имѣя въ самомъ себѣ никакой опоры, вступилъ онъ въ жизнь, мучимый этимъ самолюбіемъ, не зная, за что взяться, куда идти, и погибъ отъ перваго препятствія на пути, какъ погибаютъ эти блѣдныя, неестественно-вытянувшіяся оранжерейныя растенія отъ перваго дуновенія вѣтра на открытомъ воздухѣ; что при другихъ обстоятельствахъ, при другой обстановкѣ изъ него могъ бы выйдти дѣльный и порядочный человѣкъ...

Все это, смутно, неопредѣленно представилось Але-

ксандру Иванычу, и онъ упалъ на трупъ сына, залившись слезами, на этотъ разъ безъ всякаго преувеличенія и притворства. Но когда явились фельетонистъ и еще кое-кто изъ прежнихъ пріятелей его сына, его искренность мгновенно исчезла; онъ принялъ эффектную позу убитаго горестію отца и, пожимая имъ руки, произнесъ:

— Если бы не та несокрушимая внутренняя сила, которая поддерживаетъ меня на всѣхъ тяжкихъ испытаніяхъ жизни, я, можетъ быть, не перенесъ бы этого. Мало, что я лишился сына, но вмѣстѣ съ нимъ, господа, уничтожаются всѣ мои надежды на будущее; вмѣстѣ съ нимъ...

И Александръ Иванычъ глубоко вздохнулъ, остановился на минуту и, съ чувствомъ гордости, прибавилъ:

— Вмѣстѣ съ нимъ прекращается надежда на продолженіе нашего рода: имя наше вычеркивается изъ бархатной книги!..

Когда Александръ Иванычъ провожалъ сына на кладбище, онъ безпрестанно оглядывался съ безпокойствомъ кругомъ, чтобы его не увидалъ кто нибудь изъ его блестящихъ знакомыхъ за этимъ смиреннымъ гробомъ, безъ пѣвчихъ, безъ провожатыхъ, за гробомъ, который едва тащила пара клячъ и передъ которымъ шли всего только два факельщика въ загрязненныхъ мантіяхъ и оборванныхъ шляпахъ, нюхая по временамъ табакъ изъ тавлинки... Онъ совсѣмъ закрылъ лицо воротникомъ шубы, потому ли, что боялся быть замѣченнымъ, или потому, что мокрый снѣгъ падалъ хлопьями и рѣзкій вѣтеръ дулъ въ лицо. И думалъ онъ, слѣдуя за этимъ гробомъ: «Все бы, кажется, было мнѣ легче провожать его, если бы умеръ онъ въ довольствѣ, окруженный богатыми и знатными пріятелями, если бы этотъ гробъ везли четыре лошади съ гербами на попонахъ, подъ балдахиномъ, если бы впереди шли пѣвчіе, а сзади ѣхала моя карета, обитая чернымъ сукномъ, за нею тянулись бы графскіе и княжескіе экипажи... Бѣдный, бѣдный мой Василій!

И Александръ Иванычъ залился слезами...

Дня черезъ два послѣ похоронъ сидѣлъ онъ печально въ комнатѣ сына, за его письменнымъ столомъ, облоко-

тясь головою на руку и обдумывая, какъ бы осторожнѣе написать объ этомъ несчастіи Аленѣ Ѳедоровнѣ; но мысли его вдругъ были прерваны рѣзкимъ звонкомъ. Лакей былъ усланъ. Александръ Иванычъ поморщился и всталъ. Повернувъ замокъ, онъ отскочилъ отъ двери, чтобы отклонить подозрѣніе, что самъ отворяетъ дверь... Въ дверяхъ показался человѣкъ въ графской ливреѣ.

— Записка отъ его сіятельства графа Елецкаго, сказалъ онъ, посмотрѣвъ на Александра Иваныча.—Здѣсь, что̀ ли, живетъ г. Вязниковъ?

— А! это ко мнѣ, братецъ, сказалъ Александръ Иванычъ, ласково улыбаясь лакею, хотя въ головѣ его мелькнула непріятная мысль: ужъ не за деньгами ли... Подожди немножко, любезный!

Александръ Иванычъ не безъ трепета распечаталъ графскую записку и прочелъ:

«Любезный Александръ Иванычъ, если вамъ нечего дѣлать завтра, то пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать въ половинѣ шестого. У меня обѣдаютъ, между прочимъ, кое-кто изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, и я буду радъ васъ видѣть».

Александръ Иванычъ, несмотря на свою печаль, просіялъ. Наконецъ графъ вспомнилъ-таки о немъ! «Благородный, прекрасный человѣкъ этотъ графъ, я всегда говорилъ!—подумалъ онъ.—Сердце у него рѣдкое... Но какъ же, однако, мнѣ ѣхать на званый обѣдъ, въ этомъ положеніи, тотчасъ послѣ похоронъ сына?..»

Этотъ вопросъ непріятно подѣйствовалъ на Александра Иваныча и онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, нахмуривъ брови и перечитывая записку графа.

«Впрочемъ, что̀жъ такое?—продолжалъ онъ разсуждать съ самимъ собою, бережно положивъ графскую записку въ карманъ — «еще никто не знаетъ о моемъ несчастіи; къ тому же твердый — таитъ горе въ сердцѣ, только слабый обнаруживаетъ его внѣшними знаками. Во всякомъ случаѣ, я не побоюсь глупыхъ осужденій, потому что я выше предразсудковъ. Одинъ изъ героевъ Лопецъ-де-Вега прекрасно сказалъ: «Я смѣло могу стать лицомъ къ лицу со

всѣмъ меня осуждающимъ, ибо мечъ мой широкъ и грудь моя тверда!»

И утѣшась такою мыслію, Александръ Иванычъ вышелъ къ графскому лакею и сказалъ:

— Благодари, братецъ, графа и доложи ему, что я непремѣнно буду.

ГЛАВА VI.

Столовая графа, вся изъ рѣзного дуба, украшенная его гербами, также вырѣзанными изъ дуба, японскимъ фарфоромъ и стариннымъ серебромъ, ярко свѣтилась. Надъ столомъ висѣла серебряная люстра съ карселемъ въ серединѣ и со свѣчами кругомъ; на роскошно убранномъ столѣ стояли четыре массивные серебряные канделабра, легкаго и изящнаго рисунка, серебряныя бра на стѣнахъ... все это горѣло огнями, и эти огни солнцами блестѣли на серебрѣ и радугами отражались въ хрусталѣ. Ливрейные лакеи были въ полномъ парадѣ; въ расшитыхъ гербовымъ басономъ кафтанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ... Графъ давалъ обѣдъ, потому что ему хотѣлось показать свою столовую, только что совершенно заново отдѣланную, и свое старинное серебро: кубки, чаши, блюда и прочее, нѣсколько лѣтъ спокойно лежавшее въ кладовыхъ и вызванное оттуда вдругъ, по его прихоти, на свѣтъ и на удивленье его великосвѣтскихъ друзей. Послѣ пяти часовъ начался съѣздъ. Къ шести часамъ были всѣ приглашенные на лицо, всѣ салонныя знаменитости; весь тончайшій цвѣтъ петербургской великосвѣтскости, букетъ щеголей, около котораго прохаживался Александръ Иванычъ, съ неописаннымъ наслажденіемъ... Этотъ человѣкъ, еще наканунѣ, повидимому, убитый горестію, потерявшій единственнаго сына — надежду, подпору и утѣшеніе своей старости, — этотъ старикъ, тащившійся за два дня передъ тѣмъ, съ поникшею головою, на Волково за его гробомъ, въ эту минуту забылъ все: такъ велико было очарованіе окружавшаго его великолѣпія и высокаго общества, среди котораго онъ имѣлъ счастіе находиться. На лицѣ его не

осталось ни малѣйшаго слѣда горести, ни одной тѣни; взглянувъ на него, его можно бы было принять за счастливѣйшаго на землѣ человѣка, у котораго даже отъ чрезмѣрнаго счастія лицо приняло лоснящееся и сладкое выраженіе. Онъ съ умиленіемъ пожиралъ глазами появлявшіяся передъ нимъ свѣтскія знаменитости и кланялся имъ съ чувствомъ такого глубокаго подобострастія, что знаменитости, тронутыя этимъ, пріятнѣе обыкновеннаго улыбались ему, замѣтнѣе наклоняли свои гордыя и упругія головы и даже, что̀ уже считалось съ ихъ стороны знакомъ величайшаго вниманія къ простому человѣку, пожимали слегка его руку, а не просто прикасались къ ней. Судьба, нанесшая такой тяжкій ударъ Александру Иванычу, явно сжалившись надъ нимъ, хотѣла въ этотъ вечеръ загладить свою жестокость, доставивъ старику невообразимое блаженство, недосягаемую честь для подобныхъ ему. Одинъ изъ этихъ свѣтскихъ цвѣтковъ, лучшій и благоуханнѣйшій цвѣтокъ изъ всего букета, занимавшій середину и превышавшій по крайней мѣрѣ головой остальныхъ, великолѣпнѣйшій изъ великолѣпныхъ, господинъ, удостоивавшій своимъ вниманіемъ и изъ *своихъ* только немногихъ, говорившій всегда отрывисто и смотрѣвшій вверхъ, какъ будто на землѣ не было ничего достойнаго его взгляда, проходя мимо Александра Иваныча, удостоилъ взглянуть на него однимъ глазомъ въ ту минуту, какъ тотъ совсѣмъ согнулся передъ нимъ.

— Аа! это вы? произнесъ великолѣпный господинъ съ легкою улыбкою.

— Благодарю васъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ захлебнувшійся отъ восторга Александръ Иванычъ, кланяясь ему еще ниже.

— Ну что̀?.. ну какъ?.. продолжалъ лучшій и благоуханнѣйшій цвѣтокъ великосвѣтскости, не смотря, впрочемъ, на Александра Иваныча: — все еще здѣсь?.. долго пробудете?

— Я не могу ничего сказать опредѣлительнаго, ваше сіятельство, началъ Александръ Иванычъ: — это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ хода моихъ дѣлъ... Я пріѣхалъ хлопотать о привиллегіи...

Но Александръ Иванычъ говорилъ на воздухъ, потому что великолѣпный господинъ предложилъ ему вопросъ, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія выслушивать отвѣтъ, и давно уже разсматривалъ съ графомъ его серебро.

— У тебя славная коллекція серебра, Сережа! говорилъ онъ графу:—очень хорошая... Я думаю, не уступитъ коллекціи графа П*? Съ большимъ вкусомъ все разстановлено... У графа П* только, кажется, больше кубковъ...

И потомъ, обозрѣвъ величественнымъ взглядомъ всю столовую, онъ произнесъ:

— Прекрасно... ты мастеръ устроивать...

Великолѣпный господинъ обращался совершенно по пріятельски только съ хозяиномъ дома и съ тремя или четырьмя господами, которые вели себя съ такою же важностію, какъ онъ, составляя собою какъ бы недосягаемую вершину этого избраннаго общества. Съ Ваней, Петрушей, Колей, Гришей и другими они хотя были на ты, но тонкій и наблюдательный взглядъ могъ сейчасъ замѣтить въ ихъ обращеніи съ ними, нѣкоторое едва замѣтное чувство собственнаго превосходства, на что, впрочемъ, точно также, какъ и на нихъ самихъ, Ваня, Петруша, Коля и Гриша обращали мало вниманія. Петруша, отозвавъ даже графа въ сторону, сказалъ ему:

— Знаешь ли что, Сережа, еслибъ этихъ... и онъ указалъ небрежно головою на великолѣпныхъ господъ: — не было, было бы право гораздо лучше и веселѣе. На меня, по крайней мѣрѣ, они наводятъ уныніе.

Графъ одобрительно улыбнулся на эти слова, однако отвѣчалъ:

— Какой вздоръ!... отчего?

Изъ всѣхъ только господинъ съ неуловимыми глазками увивался и терся около великолѣпныхъ, безпрестанно улыбаясь имъ и заговаривая съ ними, да Александръ Иванычъ смотрѣлъ на нихъ издалека съ умилительнымъ и подобострастнымъ замираніемъ.

Петруша и тотъ самый веселый молодой человѣкъ, который за ужиномъ у Дюссо принялъ подъ свое покровительство Вихляева и заставилъ выпить его смѣсь различныхъ винъ вмѣсто шампанскаго, ухаживали больше

за Александромъ Иванычемъ, слегка подсмѣиваясь надъ нимъ.

Веселый молодой человѣкъ, который недавно познакомился съ Александромъ Иванычемъ и одинъ только разъ передъ этимъ обѣдалъ у графа, хотя уже успѣлъ выпить съ нимъ на ты, говорилъ ему, съ полу-улыбкою и ударяя его по плечу:

— Ну что̀, душенька, мы сегодня выпьемъ? Не правда ли?

— Выпьемъ, выпьемъ! отвѣчалъ Александръ Иванычъ.

— То-то, смотри же у меня! продолжалъ веселый молодой человѣкъ:—мы сядемъ за столомъ вмѣстѣ, подальше отъ этихъ... Я вѣдь тебя ужасно люблю, жить безъ тебя не могу просто. Гдѣ ты такъ давно пропадалъ? Я безъ тебя соскучился, хотѣлъ къ тебѣ пріѣхать, да не знаю, гдѣ ты живешь. Ты долженъ быть шалунъ? Правда вѣдь? несмотря на *это*...

И онъ прикоснулся рукой къ его головѣ, гладкой и глянцовитой, какъ фарфоровый чайникъ.

Петруша захохоталъ, Александръ Иванычъ не ловко засмѣялся.

Великолѣпные господа даже кушали съ необыкновеннымъ достоинствомъ и не пили, а какъ будто только вдыхали въ себя ароматы винъ и вели между собою разговоръ большею частію о предметахъ высокихъ и недоступныхъ для другихъ. Они рѣдко возвышали голосъ, рѣдко смѣялись, а бо̀льшею частію только улыбались; каждое слово ихъ было разсчитано и взвѣшено, каждый взглядъ размѣренъ, каждое движеніе заучено... Ваня, Петруша, Коля, Гриша и проч., напротивъ, мало заботились о своемъ происхожденіи. Съ дѣтства ведя разгульную и публичную жизнь, они имѣли случай встрѣчаться съ людьми разныхъ сословій, сводили съ ними знакомства иногда по нуждѣ, иногда добровольно, подъ часъ пили и гуляли съ ними вмѣстѣ и невольно и незамѣтно съ годами постерли свою гордость, этотъ внѣшній блескъ, этотъ ослѣпительный лакъ, который во всей чистотѣ сохранили великолѣпные господа, никогда не якшавшіеся съ людьми ниже себя, никогда не выходившіе ни на одинъ шагъ изъ своей ве-

ликолѣпной среды и только смотрѣвшіе иногда изъ любопытства съ высоты на остальныхъ людей. Но и между потертыми жизнію Ванями, Петрушами, Колями и проч. нѣкоторые подъ часъ были тревожимы воспоминаніями своего дѣтства и ранней молодости и при слишкомъ безцеремонномъ съ ними обращеніи простыхъ людей сжимались какъ листки цвѣтка *не тронь меня*. Ваня, Петруша, Коля и прочіе нисколько не стѣсняли себя за обѣдомъ: они шумѣли, кричали и болѣе нежели пили—какъ-то незамѣтно всасывали въ себя вино, будто вся внутренность ихъ не заключала въ себѣ ничего кромѣ губки. Одинъ изъ нихъ — господинъ, съ умнымъ и открытымъ лицомъ, съ беззастѣнчивыми манерами и съ пронзительно-звонкимъ голосомъ — въ половинѣ обѣда даже снялъ съ себя галстухъ, къ неудовольствію великолѣпныхъ господъ, которые искоса и иронически стали поглядывать на него. Веселый молодой человѣкъ не столько пилъ самъ, сколько заставлялъ пить Александра Иваныча, безпрестанно чокаясь съ нимъ и предлагая ему различные тосты. Петруша, корчившій русскаго ямщика, всталъ со стула и, обращаясь къ лучшему и благоуханнѣйшему цвѣтку великосвѣтскости, произнесъ, ударяя на букву *о*:

— Много лѣтъ здравствовать желаемъ вашему сіятельству... Что отецъ, никогда къ намъ въ хату не заглянешь?... Не красна изба углами, но красна пирогами: есть щи да каша, чарка вина да ложка толокна.

И, выпивъ за его здоровье залпомъ стаканъ шампанскаго, онъ утеръ усы и бороду, то есть пушокъ на усахъ и бородѣ, и нѣсколько иронически посмотрѣвъ на великолѣпнаго господина, поклонился ему въ поясъ.

— Аа!... это ты? Mercі... заѣду... заѣду, отвѣчалъ великолѣпный господинъ, насильственно улыбнувшись, сдѣлавъ привѣтливый знакъ рукою на воздухѣ — и въ ту же секунду обратясь къ своему сосѣду, то же изъ великолѣпныхъ.

Тотъ, къ кому онъ обратился, говорилъ, вѣроятно, для преданія себѣ еще большей значительности, почти не разжимая губъ, очень пріятно спотыкался на буквѣ *т* и произносилъ ее потомъ съ особенною мягкостію.

— Эти господа, сказалъ онъ, намекая на Ваню, Петрушу и проч.—ведутъ себя довольно странно... Не правда ли, странно?

Первый великолѣпный господинъ въ отвѣтъ на это замѣчаніе только съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Это ихъ испортило общество, продолжалъ второй великолѣпный господинъ: — гдѣ они бываютъ, знакомство съ такими... съ эдакими...

Второй великолѣпный господинъ говорилъ очень дурно по русски, несмотря на то, что носилъ русскую фамилію, и часто затруднялся въ выборѣ выраженій.

... которые Богъ знаетъ откуда и что! прибавилъ онъ наконецъ:—жаль, очень жаль!

— Правда, возразилъ первый великолѣпный господинъ:—отъ общества все зависитъ... дуное общество кладетъ печать... Они у насъ, въ нашемъ обществѣ, скучаютъ, отвыкли, сдѣлались грубы, не могутъ вести разговоръ, не понимаютъ этихъ тонкостей... les jouissances raffinées de l'esprit. Имъ только вино, буйная компанія... Да... жаль!

Къ концу обѣда Александръ Иванычъ значительно опьянѣлъ, по милости своего сосѣда, и сдѣлался смѣлѣе. Онъ велъ разговоръ отдѣльный съ господами, сидѣвшими около него; но это не удовлетворяло его самолюбія. Ему хотѣлось обратить на себя всеобщее вниманіе, заставить всѣхъ слушать себя, въ особенности великолѣпныхъ господъ, и онъ раза два пытался заговаривать во всеуслышаніе о какомъ-то серьезномъ предметѣ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ,—но всякій разъ неудачно. Великолѣпные господа взглядывали на него и потомъ продолжали свой разговоръ, не обнаруживъ ни малѣйшаго участія къ рѣчи его, а веселый молодой человѣкъ прерывалъ попытки эти разными замѣчаніями, въ родѣ слѣдующихъ:

— Ну полно, довольно философствовать: это скучно. Выпей-ка лучше вотъ съ нимъ на ты, и онъ указывалъ на Колю или на Ваню... Вотъ такъ... ну теперь три раза поцалуйтесь... поклонитесь другъ другу и скажите ваши имена. Въ стаканѣ не оставлять ничего, выпить все до капли... вотъ такъ... Молодецъ!... только тебя, душенька,

надо держать въ рукахъ, смотрѣть за тобой... ты большой плутъ!

Когда между великолѣпными зашелъ разговоръ о желѣзныхъ дорогахъ и о новой частной компаніи на сооруженіе какой-то дороги, Александръ Иванычъ придрался къ этому и началъ, зажмуривая глазки:

— Нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ открытій и изобрѣтеній. Благодаря наукѣ, раскрывшей предъ человѣкомъ неисчерпаемыя сокровища природы съ отеческою, такъ сказать, попечительностію, умъ человѣческій теряется въ выборѣ предметовъ, служащихъ для удовлетворенія непрестанно возрастающихъ человѣческихъ потребностей... Еще Тацитъ—этотъ, можно сказать, историкъ изъ историковъ—сказалъ, что человѣкъ—homo...

Великолѣпные господа переглянулись другъ съ другомъ, какъ бы спрашивая: это что такое? къ чему это? А одинъ изъ нихъ замѣтилъ другому:

— Кажется, этотъ старикъ лишнее выпилъ.

Петруша закричалъ:

— Браво!... по латыни!—ай да шалунъ!

Веселый молодой человѣкъ произнесъ:

— Полно, душенька, заниматься этими глупостями... Къ чему тутъ Тацитъ?...

И новая попытка Александра Иваныча заглушена была общимъ говоромъ и шумомъ.

Послѣ обѣда нѣкоторые изъ великолѣпныхъ господъ уѣхали, другіе сѣли играть въ карты по большой съ господиномъ съ неуловимыми глазками.

А Ваня, Петруша, Коля и проч. послѣ ликера снова занялись шампанскимъ и, окруживъ опьянѣвшаго Александра Иваныча, забавлялись на его счетъ... Графъ былъ въ числѣ ихъ.

— Ну, выпей еще за здоровье графа! кричалъ Петруша, подавая Александру Иванычу полный стаканъ.

— За здоровье графа всегда готовъ, произнесъ Александръ Ивановичъ, трогательнымъ голосомъ и взялъ стаканъ.

— Графъ, началъ онъ со стаканомъ въ рукѣ:—склоните слухъ вашъ къ словамъ, исходящимъ изъ глубины сердца...

Но видно въ этотъ вечеръ Александру Ивынычу не суждено было произносить рѣчей: едва только онъ началъ, какъ графскій камердинеръ перебилъ его, доложивъ графу: «что въ третій разъ приходитъ какой-то человѣкъ, что швейцаръ ему уже отказывалъ два раза, и что онъ не отходитъ отъ подъѣзда, говоря, что ему очень нужно видѣть графа».

— Что это такое? кто бы это могъ быть? что ему нужно? проговорилъ графъ, наморщась, и потомъ прибавилъ:— ну, позовите его въ пріемную.

— Склоните слухъ вашъ, продолжалъ Александръ Иванычъ, не замѣчая, что графъ вышелъ.

— Ты самъ-то, кажется, начинаешь склоняться, перебилъ веселый молодой человѣкъ, усаживая Александра Иваныча на диванъ.

Александръ Иванычъ молча повиновался и, опустившись на диванъ, тотчасъ задремалъ, подъ оглушительные звуки раздавшагося пѣнія. Молодые люди хоромъ затянули:

«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ...»

Выйдя въ пріемную, графъ увидѣлъ передъ собою человѣка странной наружности, съ круглымъ и рябоватымъ лицомъ, съ коротко подстриженными волосами, въ высокомъ галстухѣ, совершенно подпиравшемъ его подбородокъ, и во фракѣ покроя временъ чуть не екатерининскихъ, съ огромными пуфами на рукавахъ.

Графъ подозрительно измѣрилъ его съ ногъ до головы и спросилъ:

— Вы ко мнѣ? Что вамъ угодно?

Рябоватый человѣкъ какъ-то неловко задергался при этомъ вопросѣ и произнесъ:

— Извините-съ, ваше сіятельство, я бы не безпокоилъ васъ... но дѣло очень важное-съ; если бы я зналъ, тогда бы я не безпокоилъ васъ... но... ваше сіятельство, не изволили меня узнать-съ...

Графъ еще разъ при этихъ словахъ посмотрѣлъ ему въ лицо и въ самомъ дѣлѣ нашелъ въ немъ какъ будто что-то знакомое; но гдѣ и когда онъ видѣлъ этого человѣка, графъ никакъ не могъ отдать себѣ отчета.

— Я имѣлъ честь видѣть васъ, ваше сіятельство, продолжалъ рябоватый господинъ: — въ домѣ Вѣры Ивановны, матушки Катерины Павловны-съ...

Едва замѣтное непріятное движеніе обнаружилось въ лицѣ графа при этихъ словахъ.

— Ахъ, извините меня, сказалъ онъ:—я васъ совсѣмъ не узналъ...

Графъ протянулъ ему руку.

— Я очень радъ... пожалуйте сюда.

И графъ ввелъ его въ ближайшую комнату, гдѣ никого не было.

— Сдѣлайте одолженіе, садитесь, сказалъ онъ. придвигая къ нему кресла.

— Ничего-съ, я только на минутку-съ... покорно васъ благодарю.

Но графъ почти насильно посадилъ его и сѣлъ противъ него.

— Вы недавно пріѣхали сюда? спросилъ онъ.

— Ваше сіятелхство, отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ дрожащимъ голосомъ:—простите меня, что я потревожилъ васъ... я только еще нѣсколько часовъ, какъ пріѣхалъ сюда-съ... вотъ видите ли, ваше сіятельство, пріѣхалъ я по весьма нужному дѣлу-съ... мнѣ, ваше сіятельство, очень нужно видѣть Катерину Павловну... я здѣсь никого не знаю... я первый разъ... я не зналъ-съ, у кого бы справится, гдѣ она живетъ-съ и здѣсь ли она... поэтому я осмѣлился прійдти къ вашему сіятельству... можетъ быть вы...

Графъ вертѣлъ ключикъ отъ часовъ, въ нѣкоторомъ волненіи.

— Вы желаете знать ея адресъ? сказалъ онъ, когда Захаръ Лаврентьичъ замолчалъ:—Я могу исполнить ваше желаніе.

И графъ тотчасъ же написалъ его и подалъ Захару Лаврентьичу.

И Захаръ Лаврентьичъ поднялся съ своихъ креселъ.

Но графъ снова усадилъ его, съ большою любезностію.

— Куда же вы? такъ скоро?.. Извините меня, продолжалъ графъ, немного помолчавъ: — мнѣ бы хотѣлось знать, я принимаю большое участіе въ Катеринѣ Павловнѣ... если только это не секретъ... не случилось ли чего нибудь?

— Ихняя матушка-съ... она съ тѣхъ поръ, какъ... она все, знаете, хирѣла и хирѣла, а вотъ послѣднее время ей сдѣлалось хуже-съ: ужъ, кажется, она не жилица на этомъ свѣтѣ-съ. Она бы хотѣла проститься съ Катериною Павловною, свидѣться съ ней въ послѣдній разъ... вотъ за этимъ... вотъ поэтому мнѣ и нужно видѣть Катерину Павловну...

И Захаръ Лаврентьичъ снова поднялся съ креселъ и снова началъ извиняться передъ графомъ.

— Но что вы такъ спѣшите? Я очень радъ васъ видѣть, сказалъ графъ:—мнѣ очень пріятно принимать у себя моего деревенскаго сосѣда. Вы у меня найдете вашего знакомаго — Александра Иваныча.

Захаръ Лаврентьичъ весь какъ-то странно съежился при этой любезности.

— Нѣтъ-съ, ваше сіятельство, позвольте-съ... нѣтъ, ужъ я лучше пойду-съ; я очень чувствую ваше вниманіе-съ, но мнѣ, знаете, поскорѣй нужно видѣть Катерину Павловну-съ, потому что-съ... нѣтъ-съ ужъ, покорно васъ благодарю-съ.

— И полноте! я васъ не задержу. Прикажете чаю?

И не дождавшись его отвѣта, онъ позвонилъ.

— Велите подать намъ чаю.

И съ этими словами графъ взялъ за руку Захара Лаврентьича, несмотря на его сопротивленіе и корчи, и ввелъ въ комнаты, гдѣ пировали его пріятели.

Въ это время пѣніе уже кончилось. Гриша и Коля лежали на диванахъ, слушая забавные разсказы господина, оглушительный голосъ котораго раздавался далеко, смѣшиваемый съ громкимъ добродушнымъ хохотомъ, и потягивали отъ времени до времени изъ своихъ стакановъ; веселый молодой человѣкъ щекоталъ подъ носомъ у спящаго Александра Иваныча, а Петруша и Ваня, безъ сюртуковъ, по срединѣ комнаты, съ засученными рукавами рубашки, пробовали свою силу и показывали различные tour de force.

Когда графъ вошелъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, всѣ глаза вдругъ съ удивленіемъ устремились на послѣдняго. Ваня поставилъ на полъ стулъ, который онъ держалъ за одну ножку, и вставилъ въ глазъ стекло, измѣряя страннаго незнакомца съ ногъ до головы; Петруша взглянулъ на него и, обратясь къ своимъ пріятелямъ, сдѣлалъ очень смѣшную гримасу; Гриша и Коля приподняли головы съ дивановъ, посмотрѣли на вошедшаго и потомъ вопросительно переглянулись другъ съ другомъ; только одинъ господинъ съ оглушительнымъ голосомъ не обнаружилъ удивленія и не дѣлалъ гримасъ, и только онъ одинъ потомъ заговорилъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ безъ всякой ироніи, безъ всякой задней мысли, ибо изъ всѣхъ этихъ господъ, можетъ быть, онъ одинъ понималъ, что подъ странною наружностью, подъ старомоднымъ платьемъ, и подъ дикими манерами можетъ скрываться *человѣкъ*.

— Это мой сосѣдъ по деревнѣ, сказалъ графъ представляя Захара Лаврентьича своимъ пріятелямъ.

Захаръ Лаврентьичъ въ смущеніи началъ кланяться; но въ отвѣтъ на его поклоны эти господа едва пошевельнули своими головами.

Въ эту минуту Александръ Иванычъ вздрогнулъ, почесалъ затылокъ и открылъ глаза. Веселый молодой человѣкъ отскочилъ отъ него. Александръ Иванычъ, моргая, началъ озираться кругомъ.

— Знакомые... не правда ли? сказалъ графъ, подведя Захара Лаврентьича къ Александру Иванычу.

Александръ Иванычъ еще не совсѣмъ очнулся и продолжалъ протирать глаза. Когда онъ уже былъ въ состояніи различать предметы, онъ вытянулъ вдругъ физіономію, при видѣ стоявшаго передъ нимъ Захара Лаврентьича, и вытаращилъ на него свои изумленные глазки.

— Ба! ба! ба! воскликнулъ онъ, протягивая ему, однако, не безъ гордости, свою руку.—Кого я вижу? Ужъ не продолженіе ли это моего сна? Какими судьбами? Что̀, батюшка, соскучился видно въ своемъ захолустьѣ-то: захотѣлось посмотрѣть на Божій свѣтъ, попользоваться столичными удовольствіями? Дѣло, дѣло...

И Александръ Иванычъ, произнеся это тономъ покро-

вительства, посмотрѣлъ на молодыхъ людей, какъ будто хотѣлъ сказать: «я вѣдь, господа, ничего общаго не имѣю съ этимъ чудакомъ... я дѣлаю ему честь, удостоивая говорить съ нимъ».

— Нѣтъ-съ, я такъ, не на долго: кое-какія дѣлишки-съ, отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ, переминаясь.

— Гм! ну, а когда пріѣхалъ? спросилъ Александръ Иванычъ, поводя съ достоинствомъ своей головой.

— Сегодня утромъ только-съ.

— Гм!

Затѣмъ Александръ Иванычъ, боясь уронить свое достоинство передъ молодыми людьми, продолжая дальнѣйшій разговоръ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, обратился къ Петрушѣ, который наливалъ себѣ въ стаканъ вино, и закричалъ ему:

— Ну, князь, налей-ка и мнѣ стаканчикъ. Послѣ сна это освѣжаетъ.

И взглянулъ на Захара Лаврентьича, желая придать ему замѣтить свое фамильярное обращеніе съ князьями.

Веселый молодой человѣкъ обошелъ кругомъ Захара Лаврентьича, внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и потомъ подошелъ къ Александру Иванычу.

— Мнѣ этотъ господинъ очень нравится, сказалъ онъ вполголоса. Онъ долженъ быть тоже изъ нашихъ... шалунъ. Правда?

Александра Иваныча нѣсколько покоробило при словѣ изъ нашихъ, и онъ отвѣчалъ:

— Это деревенщина, это...

И онъ махнулъ рукой съ такой гримасой, какъ будто на языкъ его попало что нибудь кислое.

— Нѣтъ, право, онъ мнѣ нравится, продолжалъ веселый молодой человѣкъ: — онъ долженъ быть милый малый; съ нимъ можно пріятно провести время. Познакомь меня съ нимъ. Я хочу съ нимъ сойдтись.

— Что за мысль! возразилъ Александръ Иванычъ, не совсѣмъ понявъ шуточнаго тона веселаго молодого человѣка, который, впрочемъ, имѣлъ талантъ всегда говорить такъ, что съ перваго раза нелегко было понять, шутитъ ли онъ, или говоритъ серьезно: — что тебѣ съ нимъ дѣ-

лать? Это скучнѣйшее существо! съ нимъ и говорить не о чемъ. Онъ ничего не понимаетъ...

— Ну, за что̀ ты на него нападаешь? перебилъ веселый молодой человѣкъ:—нѣтъ. право, онъ милый. Пожалуста, сведи насъ.

— Пожалуй, если тебѣ хочется...

— Только сейчасъ же.

Александръ Иванычъ приподнялся съ дивана и вмѣстѣ съ веселымъ молодымъ человѣкомъ подошелъ къ Захару Лаврентьичу.

Захаръ Лаврентьичъ сидѣлъ въ сторонѣ, изрѣдка повертывая голову то на право, то на лѣво, посматривая на графа, привставая на стулѣ и опять опускаясь, какъ человѣкъ, чувствующій себя очень неловко и не знающій что̀ ему дѣлать: идти или оставаться, сидѣть или стоять.

— Вотъ, любезный Захаръ Лаврентьичъ, произнесъ Александръ Иванычъ, подведя къ нему веселаго молодого человѣка:—съ вами желаетъ познакомиться графъ Владиміръ Петровичъ Красногорскій.

Захаръ Лаврентьичъ, какъ будто испуганный чѣмъ-то, вскочилъ съ своего стула передъ веселымъ молодымъ человѣкомъ, зашевелилъ губами, началъ потирать руки и вообще обнаружилъ несказанное волненіе и безпокойство.

Веселый молодой человѣкъ взялъ его за руку и сказалъ:

— Вы понравились мнѣ съ перваго раза, и потому я желалъ быть вамъ представленнымъ и просилъ объ этомъ моего друга... и онъ указалъ на Александра Иваныча.— Мы съ нимъ познакомились недавно, но такъ сошлись, что не можемъ существовать одинъ безъ другого.

Захаръ Лаврентьичъ улыбался и кланялся.

— Я и съ вами, продолжалъ веселый молодой человѣкъ:—желалъ бы такъ же коротко сойдтись, какъ съ нимъ. Вамъ, я думаю, скучно здѣсь. Вы ни съ кѣмъ не знакомы? Хотите быть тоже моимъ другомъ?

Чѣмъ любезнѣе становился веселый молодой человѣкъ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, тѣмъ Захару Лаврентьичу становилось отъ этого тяжелѣе.

Но этотъ неожиданный вопросъ привелъ его въ совершенное замѣшательство. Онъ вытаращилъ глаза и сказалъ:

— Какъ-съ? что̀ вы изволите говорить?

— Хотите ли вы быть моимъ другомъ? повторилъ веселый молодой человѣкъ.

— Мнѣ-съ?.. вашимъ другомъ? возразилъ Захаръ Лаврентьичъ:—покорно васъ благодарю-съ... да какъ же это... я васъ первый разъ вижу, это никакъ нельзя-съ... я васъ совсѣмъ не знаю... Вы изволите вѣрно шутить.

Веселый молодой человѣкъ засмѣялся.

— Нисколько! Прежде всего мы должны выпить на *ты*.

Захаръ Лаврентьичъ заморгалъ глазами и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на веселаго молодого человѣка. Веселый молодой человѣкъ налилъ два стакана вина и одинъ изъ нихъ поднесъ Захару Лаврентьичу. Захаръ Лаврентьичъ взялъ стаканъ, поблагодарилъ и поднесъ его къ губамъ.

— Нѣтъ, позвольте, сказалъ веселый молодой человѣкъ: такъ просто нельзя: это дѣлается вотъ какъ... Надобно скрестить руки и въ одно время выпить залпомъ... вотъ такъ... допивайте все... ну, прекрасно! теперь поцалуемся...

— Первый шагъ къ дружбѣ сдѣланъ! закричалъ молодой человѣкъ:—а къ концу вечера эта дружба будетъ, надѣюсь, закрѣплена неразрывными узами... Господа! продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ и указывая на Захара Лаврентьича:—я пріобрѣлъ себѣ еще новаго друга. Съ этой минуты мы будемъ съ нимъ неразлучны.

При этихъ словахъ, нѣкоторые какъ-то странно улыбнулись, а другіе просто засмѣялись, и въ томъ числѣ Александръ Иванычъ, и всѣ въ одно время посмотрѣли на Захара Лаврентьича, который начиналъ догадываться, что веселый молодой человѣкъ хочетъ забавлять всю компанію на его счетъ.

Онъ два раза покушался уйдти, потому что ему становилось все тяжелѣе и душнѣе въ этой атмосферѣ; но веселый молодой человѣкъ слѣдилъ за нимъ и не пускалъ его. До слуха Захара Лаврентьича доходили странныя рѣчи и восклицанія; вино лилось, и молодые люди съ каждой минутой становились беззастѣнчивѣе.

Петруша подошелъ къ веселому молодому человѣку и, указывая на Захара Лаврентьича, шепнулъ:

— Надо бы напоить его, чтобы онъ былъ забавнѣе.

Веселый молодой человѣкъ кивнулъ головою въ знакъ совершеннаго одобренія этой мысли и черезъ минуту поднесъ Захару Лаврентьичу еще стаканъ. Захаръ Лаврентьичъ началъ отказываться, извиняться, увѣрять, что онъ совсѣмъ не пьетъ, но Петруша и веселый молодой человѣкъ стали увѣрять его, что отказаться нельзя и невѣжливо. Захаръ Лаврентьичъ выпилъ. Третій стаканъ онъ долженъ былъ выпить за ихъ здоровье, и такъ далѣе.

Голова его начала кружиться; всѣ предметы передъ глазами его подернулись точно дымкою; мысли его становились неопредѣленнѣе; сердце билось неровно и безпокойно, какъ будто въ болѣзненномъ снѣ; отяжелѣвшія вѣки опускались и приподнимались съ усиліемъ; въ ушахъ его раздавался глухой шумъ и гулъ. Онъ чувствовалъ мучительную, непреодолимую тоскливость; ему казалось, что всѣ эти молодые люди столпились около него, окружили его, и что онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, что всѣ глаза устремлены на него, что со всѣхъ сторонъ сыплются на него насмѣшки, что его превратили въ шута, и что вокругъ него раздается смѣхъ, заглушаемый громкимъ, оскорбительнымъ хохотомъ Александра Иваныча, который говоритъ:

— Ну, теперь онъ совершенно никуда не годится. Его можно приказать человѣку вынести вонъ.

И смѣхъ усилился при этихъ словахъ. Вѣки Захара Лаврентьича опустились, и онъ уже не въ силахъ былъ приподнять ихъ; глуше становились голоса; онъ не различалъ словъ, голова его упала на грудь, руки опустились безъ движенія, и только по временамъ онъ еще вздрагивалъ когда изъ однообразнаго гула нѣсколькихъ голосовъ вдругъ вырывались восклицанія или громкая пѣсня...

Нѣсколько минутъ, полу-раскрывъ глаза, не отдавалъ онъ себѣ отчета, гдѣ онъ и что съ нимъ; наконецъ сознаніе мало по малу начало возвращаться къ нему; предметы начинали выясняться передъ нимъ; ему показалось, что въ глубинѣ комнаты, на диванѣ, сидитъ какая-то дама

съ пушистыми бѣлокурыми волосами, съ полу-открытою грудью, нарядная и прекрасная, окруженная толпою этой молодежи; что графъ нѣжно наклоняется къ ней, а она, смотря на него своими влажными глазами, говоритъ ему:

— Я не буду вѣрить, Serge, ни словамъ твоимъ, ни твоимъ ласкамъ; ничему, ничему, покуда *она* будетъ здѣсь, въ Петербургѣ. *Она* или я—это надобно наконецъ рѣшить.

И нарядная дама энергически топаетъ ножкой объ полъ и хмуритъ брови.

— Опять глупая ревность! возражаетъ, улыбаясь, графъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, кричитъ хоръ молодежи:— ну, что̀ тебѣ за охота... тебѣ бы давно было пора развязаться съ этой барышней и отправить ее въ деревню къ ея матери или къ отцу... кто у нея тамъ есть.

— Да вотъ Александръ Иванычъ возьметъ ее съ собою, когда поѣдетъ, восклицаетъ веселый молодой человѣкъ.

— Пожалуй, я не прочь, отвѣчаетъ Александръ Иванычъ, съ обычною ему важностію:—съ хорошенькой женщиной путешествовать всегда пріятно.

— Serge, ты оставишь ее? дай мнѣ слово, продолжаетъ дама съ пушистыми бѣлокурыми волосами.

— Хорошо, хорошо, говоритъ графъ.

— Твою руку?

— Вотъ она.

И графъ протягиваетъ ей руку.

— Господа, вы всѣ свидѣтели, замѣчаетъ дама съ пушистыми волосами, обращаясь къ молодежи.

Въ эту минуту Захаръ Лаврентьичъ невольно вскочилъ со стула. Веселый молодой человѣкъ первый замѣтилъ это движеніе и бросился къ нему:

— А-а! проснулся? закричалъ онъ.—Прекрасно! теперь мы можемъ еще выпить... а потомъ...

Веселый молодой человѣкъ наклонился къ уху Захара Лаврентьича и что-то шепнулъ ему.

Захаръ Лаврентьичъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Бога ради, я васъ прошу, оставьте меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, непремѣнно! возразилъ молодой человѣкъ.—Ахъ, кстати: тебя надобно представить этой дамѣ. Ты вѣдь незнакомъ съ нею?

И веселый молодой человѣкъ, несмотря на сопротивленіе Захара Лаврентьича, подвелъ его къ Лидіи Александровнѣ.

— Имѣю честь вамъ представить моего друга, сказалъ онъ:—онъ выпилъ лишнее, заснулъ и не видалъ, какъ вы вошли. Онъ такой-же шалунъ, какъ и я.

Лидія Александровна осмотрѣла не безъ любопытства и очень внимательно съ ногъ до головы Захара Лаврентьича, какъ будто какую неодушевленную вещь, улыбнулась недвусмысленно и гордо кивнула головкой на его неловкій поклонъ.

На бѣдномъ Захарѣ Лаврентьичѣ не было лица. Графъ замѣтилъ это и отозвалъ въ сторону веселаго молодого человѣка.

Освобожденный Захаръ Лаврентьичъ прокрался тихонько до передней и, очутившись на улицѣ, пустился опрометью бѣжать по тротуару, какъ будто кто-нибудь еще преслѣдовалъ его... Ночь была такъ темна, что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего отличить; мокрый снѣгъ падалъ крупными хлопьями. Пробѣжавъ нѣсколько времени, Захаръ Лаврентьичъ, утомленный, остановился и осмотрѣлся кругомъ, какъ будто боясь, не скрывается-ли кто-нибудь въ этомъ мракѣ, и какъ будто спрашивая самого себя: сонъ или дѣйствительность все видѣнное и слышанное имъ?

Но это былъ не сонъ: это была дѣйствительность, и въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ комнаты, Александръ Иванычъ, становясь на колѣни передъ Лидіей Александровной, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, произнесъ:

— Я любуюсь вами, какъ артистъ любуется идеаломъ красоты и граціи, внезапно явившейся передъ нимъ. Вы прекраснѣе Венеры, вышедшей изъ волнъ морскихъ. Обладать такой женщиной, какъ вы, есть величайшее блаженство; и будь я помоложе—говорю вамъ, кладя руку на сердце—не было-бы жертвы, которой-бы я не принесъ для васъ.

— Браво, браво! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да, господа, отвѣчалъ Александръ Иванычъ съ торжественностію:—это такъ! не было-бы жертвы, которую-бы я не въ состояніи былъ принести для такой женщины. — Затѣмъ, обратясь къ графу и указывая на Лидію Александровну, онъ прибавилъ:—взгляните, вѣдь это

чисто рафаэлевская головка!... Позвольте прикоснуться къ этой ножкѣ, продолжалъ онъ, съ сладкимъ выраженіемъ смотря на Лидію Александровну: — къ ножкѣ, которая должна служить образцомъ для скульптуры.

ГЛАВА VII.

На слѣдующее утро Захаръ Лаврентьичъ проснулся еще гораздо до разсвѣта. Никогда сонъ его не былъ такъ тревоженъ и тяжелъ, какъ въ эту ночь. Ему снилась блѣдная какъ смерть Катя, съ распущенными волосами, съ страннымъ, полу-помѣшаннымъ взглядомъ, въ отчаяніи бросающаяся къ графу, который смотритъ на нее съ равнодушно-насмѣшливымъ и горькимъ взглядомъ, отталкиваетъ ее отъ себя и говоритъ ей: «Чего ты хочешь отъ меня? Ты вообразила, деревенская дурочка, что я въ самомъ дѣлѣ люблю тебя? Я никого никогда не любилъ: я не могу любить... У меня нѣтъ сердца... Внутри у меня—пустота».

Катя при этихъ словахъ пошатнулась и мертвая упала у ногъ графа, а Захаръ Лаврентьичъ хотѣлъ броситься къ нему... но вдругъ вмѣсто графа... передъ нимъ нарядная дама съ бѣлокурыми пушистыми волосами... Она присѣдаетъ ему и хохочетъ. И въ то-же время со всѣхъ сторонъ окружаютъ его пріятели графа—вся эта вѣчно шумная и вѣчно веселая молодежь, которая считаетъ Захара Лаврентьича шутомъ, открыто и нагло смѣется надъ нимъ, не желая, впрочемъ, нисколько оскорблять его, а такъ, для препровожденія времени и для собственной забавы.

Но вотъ вся эта шумная ватага исчезаетъ; остается одна Катя, мертвая, на полу, а передъ нею графъ съ равнодушно-насмѣшливымъ взглядомъ... «Гдѣ она? гдѣ она?» раздается крикъ, раздирающій душу, и Вѣра Ивановна съ воплемъ бросается къ дочери. Она еще не вѣритъ, что Катя умерла; она смотритъ на нее, и горячія слезы ея падаютъ на холодный трупъ. Она толкаетъ Катю, она хочетъ разбудить ее, хочетъ согрѣть ее своимъ дыханіемъ, она говоритъ ей: «Катя, моя бѣдная Катя! проснись, взгляни на меня... Я никогда не переставала любить тебя; я, какъ всегда, молилась за тебя, какъ

всегда, благословляла тебя. Дай мнѣ благословить тебя...» Но всѣ усилія несчастной матери напрасны... Катя холодна и недвижна... Нѣсколько минутъ, скрестивъ руки, безмолвная и помертвѣлая, старуха стоитъ на колѣняхъ передъ трупомъ, и вдругъ, какъ-бы въ припадкѣ нестерпимой муки, съ судорожными движеніями, обращается къ графу:

— Гдѣ моя Катя? спрашиваетъ она голосомъ, отъ звука котораго смертельный холодъ пробѣгаетъ по членамъ Захара Лаврентьича:—отдай мнѣ мою Катю, отдай мнѣ мою жизнь... Если бы ты могъ знать, что̀ я вытерпѣла это время... но Богъ съ тобой! я не проклинаю, не могу проклинать тебя, потому что тебя любила моя Катя!

И отъ звуковъ этого голоса Захаръ Лаврентьичъ просыпается...

Занимается утро. Блѣдный, слабый разсвѣтъ, болѣе похожій на сумерки, печально проникаетъ въ его комнатку и борется со свѣчей, догорающей на его столѣ. Небо все покрыто сплошною массою сѣрыхъ облаковъ. Накрапываетъ дождикъ пополамъ съ снѣгомъ; грязные ухабы на улицахъ задергиваются на мгновеніе бѣлыми пушинками; дымъ изъ трубъ стелется къ низу... Сонная улица мало по малу просыпается... Мелочная лавка уже открыта; нарумяненная охтенка показывается на тротуарѣ и останавливается передъ лавочкой: водовозъ переходитъ черезъ улицу по колѣно въ грязи, согбенный подъ своею тяжестію; чиновникъ въ шинели пробирается въ свой департаментъ... Давятъ Захара Лаврентьича эти каменныя грязныя стѣны, и думаетъ онъ, какъ-бы поскорѣй вырваться ему изъ нихъ на просторъ родимыхъ полей...

Время тянется для него мучительно-долго. Онъ безпрестанно посматриваетъ на часы съ безпокойствомъ. Нетерпѣніе видѣть Катю борется въ немъ съ какою-то безсознательною боязнію... Наконецъ онъ выходитъ изъ дому; онъ садится на извозчика и торопитъ его... Вотъ и домъ, гдѣ живетъ она!.. У него замираетъ сердце; онъ вынимаетъ деньги, чтобы расплатиться съ извозчикомъ, и рука его такъ дрожитъ, какъ будто его бьетъ лихорадка. Онъ ужъ у двери ея; но онъ долго стоитъ неподвижный, не рѣшаясь прикоснуться къ ручкѣ звонка... Вотъ наконецъ

онъ дотрогивается до него... звонокъ раздается... Захаръ Лаврентьичъ вздрагиваетъ; ему дѣлается такъ страшно, что онъ готовъ бы бѣжать куда нибудь и скрыться; но уже поздно.

— Кого вамъ? спросила горничная, подозрительно осматривая его.

— Катерина Павловна дома? произнесъ Захаръ Лаврентьичъ робкимъ и дрожащимъ голосомъ.

— Да вы отъ кого?

И горничная продолжала смотрѣть на него подозрительно.

— Скажите-съ, что старый знакомый Катерины Павловны желаетъ ее видѣть-съ: такъ и скажите; мнѣ очень нужно ихъ видѣть.

Горничная ввела Захара Лаврентьича въ залу и, еще разъ взглянувъ на него такъ, какъ будто она боялась, чтобы онъ не укралъ чего нибудь, пошла докладывать своей госпожѣ.

При малѣйшемъ шорохѣ у Захара Лаврентьича захватывало духъ... Онъ стоялъ не шевелясь, неподвижно устремивъ глаза на полу-растворенную дверь, въ которую вышла горничная.

— Кто же это? онъ не сказалъ своего имени? раздался голосъ за дверьми.

— Это ея голосъ! прошепталъ онъ, блѣднѣя.

Дверь тихо отворилась, и въ дверяхъ появилась женщина худая и блѣдная...

Захаръ Лаврентьичъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, при взглядѣ на нее. Изъ груди его вырвался крикъ:

— Катерина Павловна!

И онъ бросился къ ней.

Въ ту же самую минуту, Катя, увидѣвъ его передъ собою, также вскрикнула и ухватилась рукою за дверь.

Онъ подошелъ къ ней... Она тяжело вздохнула, потомъ начала смотрѣть на него, какъ бы не вѣря глазамъ своимъ...

— Это вы, другъ мой!.. это точно вы?.. произнесла она и, рыдая, бросилась на грудь къ Захару Лаврентьичу.

Захаръ Лаврентьичъ не могъ произнести ни одного слова, и только какіе-то неясные звуки вырывались изъ стѣсненной груди его.

Когда Катя подняла свою голову и еще разъ взглянула на него, изъ глазъ его закапали слезы на ея лицо...

— Вы не забыли меня? вы не оставили меня? сказала она, протягивая ему руку.

— Я... я... началъ Захаръ Лаврентьичъ; но слезы задушали его и онъ ничего не могъ сказать. Онъ только крѣпко сжалъ ея руку.

Катя сѣла и посадила его возлѣ себя; но они долго не въ состояніи были произнести ни одного слова. Отъ времени до времени они только взглядывали другъ на друга, и тишина въ комнатѣ нарушалась ихъ внутреннимъ воплемъ, который они не въ состояніи были сдержать и который вырывался наружу глухими всхлипываніями.

— Богъ наградитъ васъ за то, что вы не покинули меня! произнесла наконецъ Катя, задыхаясь, и снова зарыдала, прижимая руку къ груди, какъ бы усиливаясь сдержать ея волненіе.

— О, какъ я счастлива, что вижу васъ! Если бы вы знали, какъ я счастлива! продолжала она черезъ нѣсколько минутъ, взявъ его за руку, крѣпко сжимая ее и смотря на него такъ, какъ будто отъ него она ожидала своего приговора, какъ будто на устахъ его была ея жизнь или смерть. Нѣсколько разъ она порывалась спросить у него о матери; но это имя замирало на ея языкѣ... Захаръ Лаврентьичъ не рѣшался также заговорить съ ней о Вѣрѣ Ивановнѣ, потому что не зналъ, какъ начать. Онъ смотрѣлъ на исхудалое, блѣдное лицо Кати, на которомъ рѣзко отпечатлѣвались всѣ ея сомнѣнія, тревоги и страданія, и сердце его обливалось кровью. И нѣсколько мѣсяцевъ такъ страшно измѣнили ее!.. Это была уже не прежняя Катя, полная жизни и молодости, нѣсколько мечтательная и задумчивая деревенская барышня, передъ которой еще было много впереди таинственнаго и привлекательнаго: это была женщина съ разбитыми надеждами и мечтами, для которой уже не существовало будущаго... «Что̀ станется съ бѣдной Вѣрой Ивановной, если она увидитъ ее?» подумалъ Захаръ Лаврентьичъ, замирая отъ страха при одной этой мысли.

— Другъ мой... другъ мой! повторяла Катя, продол-

жая смотрѣть на него съ боязливымъ ожиданіемъ:—я все еще не вѣрю своему счастію... Я думала, что не увижу васъ болѣе!

— Отчего-же-съ? сказалъ Захаръ Лаврентьичъ голосомъ мягкимъ и полнымъ безпредѣльнаго участія, исходившимъ изъ глубины благороднаго, нѣжно-любящаго сердца:—повѣрьте, Катерина Павловна-съ, что ужъ никто не можетъ... и никто, никто такъ не любитъ васъ, какъ ваша матушка и я-съ...

— Моя матушка? произнесла Катя, дрожа и замирая при этомъ словѣ: — у меня нѣтъ матери! Я убила ее!.. Она не захочетъ видѣть меня... Моя матушка, моя бѣдная матушка! Но что̀ съ нею? скажите мнѣ, что̀ съ нею?.. Говорите мнѣ все, не щадите меня: я не стою пощады... О! если бы она позволила мнѣ одинъ разъ, только одинъ разъ, взглянуть на нее, упасть къ ногамъ ея, если бы она сказала только, что не проклинаетъ меня, если бы она позволила мнѣ умереть у ногъ ея... Господи!.. если бы вы знали, что̀ дѣлается внутри меня... Мой поступокъ ужасенъ, но я наказана; вы видите, какъ я наказана...

Это были уже не слова, а раздирающіе вопли невыносимыхъ внутреннихъ страданій. Онъ не выдержалъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ вслухъ...

— Успокойтесь, Бога ради, успокойтесь, сказалъ Захаръ Лаврентьичъ.—Вы знаете вашу матушку, знаете, что вѣдь она души въ васъ не слышитъ... Она все забыла, она все простила вамъ... Правда, ей было тяжело; на первыхъ-то порахъ она, можетъ, и упрекала васъ, но потомъ... потомъ, Катерина Павловна, она ни разу не упрекнула васъ и не жаловалась... нѣтъ-съ! я былъ при ней неотлучно; только ей было горько одно, что вы совсѣмъ забыли ее, что вы ее такъ вовсе покинули-съ, что вы во все время не написали къ ней ни одной строчки. «Вотъ видишь, Захаръ Лаврентьичъ, что мучитъ-то меня—говорила она мнѣ—она, говоритъ, совсѣмъ забыла о томъ, что я существую на свѣтѣ... Вотъ, говоритъ, что тяжело мнѣ, голубчикъ. Ужъ, говоритъ, коли такая ей судьба, Богъ съ ней!.. Но только бы какую нибудь мнѣ вѣсточку получить отъ нея; я бы больше ничего не хотѣла... Вѣдь я, говоритъ, денно и нощно молюсь о ней...»

— Она молилась за меня? вскричала Катя въ изступленіи:—молилась! Такъ она не проклинала меня, нѣтъ?.. говорите!..

Глаза у Кати дико сверкнули и устремились на одну точку. Она вскочила со стула и, простирая руки въ пустоту, какъ будто передъ нею было какое нибудь видѣніе.

— Матушка! моя бѣдная матушка... произнесла она задыхающимся голосомъ: — я не стою твоего прощенія, не стою твоей любви, я не стою твоихъ молитвъ... Господь не услышитъ твоихъ молитвъ, ты молишься за недостойную!..

И, схвативъ себя за грудь, она пошатнулась, съ закатившимися глазами.

Захаръ Лаврентьичъ бросился къ ней, поддержалъ ее и перенесъ на диванъ. Бѣдный Захаръ Лаврентьичъ былъ блѣденъ какъ смерть и самъ едва держался на ногахъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: хотѣлъ звать горничную, бѣжать за докторомъ, искалъ воды; онъ совершенно растерялся и бѣгалъ по комнатѣ, въ отчаяніи ломая руки.

Но черезъ нѣсколько минутъ Катя открыла глаза, провела рукой по лицу, осмотрѣлась кругомъ и, сдѣлавъ ему знакъ, чтобы онъ подошелъ къ ней, показала ему на небольшой образокъ, стоявшій въ кивотѣ, и просила его принести.

Когда Захаръ Лаврентьичъ исполнилъ ея желаніе, она взяла образокъ изъ рукъ его и сказала ему слабымъ и дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ этимъ образомъ она благословила меня въ дѣтствѣ... Для меня нѣтъ ничего дороже этого образа... Я клянусь имъ, что съ того дня, съ того часа, когда я оставила ее, у меня не было одной минуты, въ которую бы я не думала о ней... Я любила *его*, я не знаю, можетъ быть, люблю его и теперь; но я не была и не могла быть ни покойна, ни счастлива, если бы даже и онъ любилъ меня такъ, какъ я его любила. Я это чувствую... Я говорила ему, что для него забываю все на свѣтѣ; но я обманывала его и самое себя... Если бы я могла, думать о ея прощеніи, я давно была бы у ногъ ея; но

есть ли на свѣтѣ забвеніе и прощеніе для такихъ преступленій, какое сдѣлала я?

Захаръ Лаврентьичъ смотрѣлъ на Катю, покуда говорила она, не переводя дыханія. Лицо его вдругъ просвѣтлѣло и оживилось, и онъ схватилъ ея руку и, покрывая ее поцалуями и обливая слезами, произнесъ:

— Я былъ увѣренъ въ этомъ, Катерина Павловна, я былъ увѣренъ въ этомъ-съ. Я ни одной минуты не сомнѣвался въ васъ.

Катя молча пожала ему руку.

— Но, другъ мой, сказала она черезъ минуту, видя, что Захаръ Лаврентьичъ какъ будто хочетъ ей что-то сказать и не рѣшается:—говорите мнѣ все, все. Скажите мнѣ о ней—что она? что съ нею? Разсказывайте мнѣ все, все подробно... Я знаю, что вы не оставляли ее, что вы были ея ангеломъ-хранителемъ... Она, знала, что вы ѣдете сюда... Можетъ быть, она поручила вамъ что нибудь...

И Катя съ боязнію остановилась на этихъ словахъ, устремивъ безпокойный взглядъ на Захара Лаврентьича.

— Она поручила-съ мнѣ передать вамъ свое благословеніе: она желаетъ-съ васъ видѣть, хоть не надолго; она не будетъ ни въ чемъ стѣснять вашей воли... «пусть бы она дала мнѣ хоть послѣдній разъ взглянуть на себя,»— сказала она мнѣ...

— Какъ вы оставили ее? Она была здорова? перебила нетерпѣливо Катя.

Захаръ Лаврентьичъ нѣсколько заикнулся и отвѣчалъ:

— Не очень, не совсѣмъ-съ, впрочемъ...

И онъ замялся.

— Она больна? говорите мнѣ все, все, ничего не скрывайте отъ меня...

— Ея здоровье очень слабо-съ, произнесъ Захаръ Лаврентьевичъ нерѣшительно: — очень-съ... вамъ бы не надо откладывать свиданіе съ нею...

— Вы не хотите мнѣ высказать всего, я вижу это! вскрикнула Катя: — она больна и, можетъ быть, опасно больна? Я чувствую въ себѣ твердость; я приготовилась ко всему... говорите.

И Катя такъ энергически взглянула на Захара Лав-

рентьича, что у него невольно вырвались слова, которыя онъ боялся высказать ей опредѣлительно:

— Богъ милостивъ, но вамъ не надобно откладывать вашей поѣздки. Чѣмъ скорѣе вы рѣшитесь, тѣмъ лучше... Это даже необходимо-съ, прибавилъ онъ шопотомъ.

Катя вся передернулась судорожно.

— О, я знала это, я предчувствовала! произнесла она какъ будто про себя и потомъ, обратясь къ Захару Лаврентьевичу, сказала рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ:

— Я ѣду съ вами. Черезъ часъ я буду готова... не позже, какъ черезъ часъ... Поѣзжайте домой, приготовляйте все... скорѣе, Бога ради скорѣе... Гдѣ вы остановились?.. дайте мнѣ вашъ адресъ... Черезъ часъ я буду у васъ... Я не прощаюсь съ вами... Только скорѣе, какъ можно скорѣе.

Когда Захаръ Лаврентьичъ ушелъ, Кать собрала всѣ вещи, привезенныя ею изъ деревни, въ небольшой узелокъ и изъ всѣхъ подарковъ графа не взяла съ собой ничего. Сборы ея были недолги... Она сѣла къ своему письменному столу, написала нѣсколько строкъ, запечатала ихъ въ конвертъ, оставила этотъ конвертъ на столѣ и вышла изъ квартиры, въ которой жила, незамѣченная даже своей горничной, также какъ вошла въ нее, съ однимъ узелкомъ...

Вечеромъ графъ заѣхалъ къ ней. Онъ позвонилъ. Ему долго не отворяли. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ нетерпѣливыхъ звонковъ, дверь отворилась, и передъ графомъ явилась встревоженная и испуганная горничная.

— Что̀ это значитъ, что вы такъ долго не отворяете? сказалъ графъ съ досадою.

— Да... Катерина Павловна... я не знаю... ея нѣтъ... ваше сіятельство. Онѣ съ самаго утра куда-то уѣхали и до сихъ поръ не пріѣзжали...

— Какъ? гдѣ же она? Она, уѣзжая, ничего не велѣла мнѣ сказать?

— Я и не видала, какъ онѣ уѣхали-съ.

— Посвѣти мнѣ, сказалъ графъ и, не снимая съ себя шинели, вошелъ въ кабинетъ Кати.

Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ конвертъ, лежавшій на столѣ. Онъ взялъ свѣчу изъ рукъ

горничной и велѣлъ ей выйдти, потомъ съ нѣкоторымъ волненіемъ распечаталъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

«Меня ужъ нѣтъ въ Петербургѣ... Мы болѣе никогда не увидимся... Я не хотѣла терзать тебя своимъ прощаніемъ; я и безъ того такъ много терзала тебя... Не упрекай меня, такъ же, какъ я не упрекаю тебя... Можетъ быть, мнѣ остается жить немного и эти немногіе дни я хочу посвятить моей матери,—моей бѣдной матери... Во мнѣ все замерло... Въ сію минуту у меня только одна мысль, одна надежда, одно желаніе—увидѣть ее и умереть у ногъ ея. Если это исполнится, значитъ, что Богъ еще не совсѣмъ прогнѣвался на меня... Если ты когда нибудь вспомнишь обо мнѣ, то знай, что послѣднее слово той, которая тебя любила безумно, это слово будетъ молитва о твоемъ счастіи».

Графъ пробѣжалъ эти строки, опустился въ кресла передъ столомъ, не выпуская письма изъ руки, и недвижно просидѣлъ въ этихъ креслахъ болѣе часа, не снимая своей шинели. Что̀ думалъ онъ въ эти минуты я не знаю; только потомъ онъ быстро вскочилъ съ креселъ, выбѣжалъ такъ, какъ будто кто нибудь преслѣдовалъ его, бросился въ сани и на вопросъ кучера: «Куда прикажете?» отвѣчалъ:—«Все равно! пошелъ скорѣе!»

Черезъ три дня послѣ этого, кто-то встрѣтилъ его, однако, въ сумерки въ каретѣ съ Лидіей Александровной...

ГЛАВА VIII.

Когда въ губерніи распространился слухъ, что Катя увезена, что она бѣжала, этотъ поступокъ произвелъ, какъ и слѣдовало ожидать, всеобщее негодованіе и возбудилъ нескончаемые толки и разсужденія о томъ, что̀ такое нравственность вообще и чѣмъ должно быть нравственное воспитаніе—въ особенности. Всѣ воодушевились этимъ негодованіемъ съ примѣрнымъ единодушіемъ, всѣ отзывались о Катѣ съ справедливой, но безпощадной строгостью—не только люди зрѣлыхъ и почтенныхъ лѣтъ, имѣющіе вѣсъ и значеніе, но даже люди, неимѣющіе никакого вѣса и никакого значенія; не только пожилыя и средняго возра-

ста дамы, пользовавшіяся всеобщимъ уваженіемъ, и перезрѣлыя, изсохшія въ одиночествѣ, нѣсколько озлобленныя дѣвицы; но даже и молодыя дѣвушки, не успѣвшія еще заслужить уваженія и придти въ озлобленіе. Всѣ съ ужасомъ пожимали плечами, всѣ въ жару этихъ толковъ энергически размахивали руками, у всѣхъ глаза выражали въ эти минуты оскорбленіе, а у нѣкоторыхъ даже губы дрожали отъ гнѣва: до того щекотливо было ихъ нравственное чувство... Приговоръ надъ беззащитною дѣвушкою и ея несчастною матерью, смертельный приговоръ ихъ, былъ произносимъ съ сухою и холодною торжественностію, и въ голосѣ, произносившемъ его, не звучало ни одной скорбной ноты о паденіи человѣка, о проступкѣ ближняго, не обнаружилось ни малѣйшаго участія къ подсудимымъ, не выразилось тѣни состраданія...

Г-жа Кобелякова первая подняла тревогу, первая пріударила въ набатъ.

— Что, видите ли? не права я была? кричала она повсюду:—вѣдь вышло же по моему!.. Я всегда говорила, что мать—дура, баловница, а дочь—безпутная...

Кобеляковъ, женившійся совершенно неожиданно, недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда графа, на двадцати-девяти-лѣтней дѣвицѣ Прохвачовой, за которой онъ давно, впрочемъ, приволакивался, но безъ всякихъ видовъ, а такъ, какъ онъ говорилъ, *пуръ пасе ле танъ*, преисполненъ былъ также негодованія противъ Кати и ея матери. О нечаянномъ бракѣ его было много толковъ. Носились слухи, что однажды, въ ту самую минуту, какъ Кобеляковъ, сидя въ бесѣдкѣ съ дѣвицей Прохвачовой, велъ съ нею *пуръ пасе ле танъ*, очень откровенный разговоръ, изъ дверей бесѣдки высунулись рыжіе, щетинистые усы г-на Прохвачова, ея братца, человѣка съ характеромъ весьма энергическимъ, и что на другой день послѣ этого происшествія Кобеляковъ уже объявленъ былъ, ко всеобщему удивленію, женихомъ. Какъ бы то ни было, но поступокъ Кати сильно возмущалъ Кобелякова.

Наконецъ, когда толки о Катѣ и о ея матери достаточно надоѣли всѣмъ, рѣшено было окончательно исключить ихъ изъ списка живыхъ... Нѣкоторыя матери, имѣв-

шія дочерей на возрастѣ, не рѣшались даже проѣзжать черезъ Березовку, если имъ лежалъ прямой путь черезъ нее, а дѣлали крюкъ и объѣзжали эту деревню, какъ зачумленную. Всѣ бросили бѣдную старуху, исключая одного Захара Лаврентьича, который былъ при ней неотлучно, ухаживалъ за нею постоянно, занимался ея хозяйствомъ и забывалъ для нея даже свои собственныя дѣла. Такое поведеніе окончательно уронило его въ общемъ мнѣніи, и двери тѣхъ немногихъ домовъ, въ которыхъ нѣкогда принимали его довольно радушно, заперлись для него навсегда. Правда, кромѣ Захара Лаврентьича—этого нельзя не упомянуть—одинъ разъ посѣтилъ Вѣру Ивановну добрый Илья Семенычъ, тайно отъ всѣхъ и прежде всего отъ своей Надежды Кондратьевны... Илья Семенычъ даже шепнулъ однажды одному изъ пріятелей.

— Языкъ мой, между нами сказать, не пошевельнется на безпощадное обвиненіе Катерины Павловны. Любовь! Что дѣлать! Она всѣмъ пожертвовала этому чувству... У нея, если можно такъ выразиться, везувіанская натура!.. Только на мѣстѣ графа я непремѣнно устроилъ бы такъ, чтобы она ходила въ мужскомъ платьѣ, которое должно быть ей удивительно къ лицу. Это бы придало ей болѣе поэзіи!..

Захаръ Лаврентьичъ, видя, что здоровье Вѣры Ивановны становится съ каждымъ днемъ хуже и хуже, и очень хорошо понимая, что никакія медицинскія пособія не помогутъ ей, задумалъ отправиться въ Петербургъ, какъ ни страшна казалась ему, никогда не выѣзжавшему изъ своей губерніи, эта поѣздка. Петербургъ представлялся ему въ какихъ-то преувеличенныхъ, фантастическихъ размѣрахъ, и мысль когда нибудь быть тамъ казалась ему до этого совершенно невѣроятною; но для Кати и для Вѣры Ивановны онъ готовъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, идти въ огонь или въ воду, не только отправиться въ Петербургъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Катя тотчасъ броситъ все, когда узнаетъ о положеніи, въ которомъ находится ея мать, и однажды вечеромъ, когда Вѣрѣ Ивановнѣ казалось полегче, онъ, съ большою, впрочемъ, осторожностію, боясь разстроить ее, передалъ ей свой планъ.

При мысли увидѣть свою Катю, прижать ее еще разъ въ жизни къ груди своей,—при этой мысли, которая уже казалась ей несбыточной, Вѣра Ивановна вдругъ ожила. Желтое, испещренное морщинами лицо ея вспыхнуло; потухавшіе, матовые глаза, ослабѣвшіе отъ слезъ, засверкали. Она поднялась съ дивана и, взявъ руку Захара Лаврентьича, сначала какъ будто не довѣряя ему, какъ будто думая, что все это онъ говоритъ такъ только, для ея утѣшенія, пристально начала смотрѣть на него.

— Ты не шутишь? ты не обманываешь меня? спрашивала она его съ безпокойствомъ:—ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ѣхать въ Петербургъ?.. Ты думаешь, что она еще разъ захочетъ взглянуть на меня?.. Ахъ, если бы это все было такъ, какъ ты говоришь, голубчикъ!

Съ этой минуты Вѣра Ивановна почувствовала себя какъ будто немного лучше... Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Захара Лаврентьича, она начала понемногу бродить, имѣла даже силы подняться наверхъ, въ комнату Кати; распорядилась, чтобы прибрали эту комнату, сама, какъ въ прежнее время, постлала ей постель, перекрестила подушки, какъ будто ожидая ее съ часу на часъ; она всякій день заказывала ея любимыя блюда; оставаясь наединѣ, часто улыбалась, разговаривала шопотомъ, какъ дитя, и безпрестанно произносила имя Кати. При малѣйшемъ шумѣ на улицѣ она вздрагивала, вставала съ дивана, подходила къ окну, посылала смотрѣть людей: не видать ли кого нибудь? не ѣдетъ ли кто нибудь?.. съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидала посланнаго, и когда тотъ возвращался, говоря, что никого нѣтъ, никого не видно, что это вѣтеръ стучитъ ставнемъ, или что нибудь подобное, она снова опускалась на диванъ, слабѣе прежняго, встревоженная напраснымъ волненіемъ, печально опускала голову и лежала нѣсколько часовъ въ тяжеломъ раздумьи, до новой, также напрасной тревоги.

Это постоянно тревожное состояніе, быстрые переходы отъ надежды и радости къ сомнѣнію и мукамъ: что̀, если Катя разлюбила ее, что̀, если она не захочетъ взглянуть на нее въ послѣдній разъ? всѣ эти мелочныя хозяйственныя хлопоты, въ которые Вѣра Ивановна начала снова

входить, различныя приготовленія къ пріѣзду Кати, можетъ быть, напрасныя, какъ часто приходило ей въ голову,—все это совершенно разстроило ее. Ей сдѣлалось хуже и она слегла въ постель. Большую часть времени она лежала въ забытьи или вовсе въ безчувственномъ состояніи и только по временамъ выходила изъ этого состоянія, металась на постели, звала Катю, говорила съ ней, какъ будто Катя сидѣла у ея изголовья, стонала, плакала, молилась и потомъ снова впадала въ безчувственность...

А между тѣмъ Катя была все ближе и ближе къ ней... И нетерпѣніе и тревога бѣдной дѣвушки усиливались съ каждымъ поворотомъ колеса... Вотъ ужъ занялось и утро того дня, въ который она должна была броситься къ ногамъ матери,—печальное, сѣренькое утро... Какое-то страшное предчувствіе камнемъ легло на ея сердце; это сѣрое, свинцовое небо безъ просвѣта давило ее; однообразная гладь грязныхъ полей, подернутыхъ сверху только что выпавшимъ снѣгомъ; деревушки, полу-заваленныя снѣжными буграми, изъ-за которыхъ виднѣлись только ихъ крыши съ закопченными, деревянными трубами,—все это еще грустнѣе и мрачнѣе настроивало ея мысли. Мучительно ныло сердце бѣдной Кати, и дыханіе спиралось у ней въ груди... Вотъ ужъ начались и знакомыя ей мѣста. Вотъ и деревня Сытино, въ осьми верстахъ не доѣзжая Березовки, и деревянный барскій домикъ на самой проѣзжей дорогѣ, покривившійся на одну сторону, съ окнами, заколоченными на глухо досками... Вотъ и мостикъ съ обвалившимися перилами черезъ рѣчку Быструю, а вправо—березовая роща, гдѣ она такъ часто собирала грибы... Вотъ и небольшой выселокъ изъ ихъ деревни... и знакомое ей лицо старухи, высунувшееся изъ волокового окна... Сердце такъ сильно забилось у Кати, что она невольно схватилась рукою за бокъ, а Захаръ Лаврентьичъ, не могшій сдержать своего волненія, закричалъ ямщику: «стой!» и какъ будто хотѣлъ выскочить изъ кибитки.

Катя взглянула на него.

— Что́ такое случилось? спросила она замирая.

— Послушайте, Катерина Павловна, сказалъ Захаръ

Лаврентьичъ, блѣдный какъ смерть: — не лучше ли вамъ покуда-съ остановиться здѣсь, а я бы поѣхалъ впередъ и предупредилъ... приготовилъ бы Вѣру Ивановну-съ, а то боюсь... я думаю, что это будетъ лучше-съ для васъ обѣихъ. Какъ вы думаете, Катерина Павловна?

— Нѣтъ, отвѣчала Катя: — я не могу, не въ силахъ выдерживать болѣе... Бога ради скорѣй, поѣдемте скорѣй... я васъ прошу.

— Какъ вамъ угодно-съ, возразилъ Захаръ Лаврентьичъ:—но только позвольте на минуточку... меня мучитъ жажда... я схожу въ избу, напьюсь... я сейчасъ приду-съ.

Первое движеніе Кати было выйдти вмѣстѣ съ Захаромъ Лаврентьичемъ, броситься въ избу и спросить о своей матери; но страхъ услышать недобрыя вѣсти удержалъ ее, и она прислонилась къ задку кибитки, плотно закутавшись въ свой салопъ и закрывъ глаза. Она долго не открывала глазъ: она понимала, зачѣмъ вышелъ Захаръ Лаврентьичъ; ей было страшно взглянуть на него... Мгновенія казались ей часами.

Онъ наконецъ вышелъ изъ избы и остановился, какъ бы не зная, что̀ ему дѣлать; потомъ нерѣшительнымъ, нетвердымъ шагомъ подошелъ къ облучку, на которомъ дремалъ его лакей, заглянулъ въ кибитку, шепнулъ ямщику, чтобы онъ ѣхалъ какъ можно тише и сѣлъ.

Лошади двинулись, Катя вздрогнула и открыла глаза. Она посмотрѣла на Захара Лаврентьича. Захаръ Лаврентьичъ взглянулъ на нее и тотчасъ же отвернулся, высунувъ голову изъ кибитки, какъ будто смотря на что-то.

— Все кончено! участь моя рѣшена, сказала самой себѣ Катя.

Вотъ уже осталось не болѣе полуторы версты до Березовки. Вотъ и любимое дерево Кати, въ сторонѣ отъ дороги, на берегу пруда,—эта старая, кудрявая ольха, картинно развѣтвившаяся, въ густой тѣни которой отдыхала она, въ лучшіе, въ счастливые дни свои... Теперь она печально качаетъ своими черными обнаженными вѣтвями... Но Катя не замѣчаетъ ее... Всѣ предметы слились передъ нею. Она ничего не можетъ различить... Какіе-то страшные сумерки въ глазахъ у нея... А лошади все по немногу двигаются и двигаются впередъ.

— Катерина Павловна! сказалъ Захаръ Лаврентьичъ.

И она снова только вздрогнула, безотвѣтная на этотъ зовъ.

— Катерина Павловна! повторилъ онъ.

И остановился, кажется, чувствуя, что слова его безполезны... однако, продолжалъ:

— Минутъ черезъ двадцать мы будемъ въ Березовкѣ...

И снова замолчалъ.

Она взглянула на него такъ нетерпѣливо, какъ будто хотѣла сказать ему:

«Ну что́ же? Я знаю... я слушаю... говорите... говорите скорѣй... не мучьте меня...»

— Будьте благоразумны, Катерина Павловна, началъ Захаръ Лаврентьичъ; но слова съ мучительнымъ трудомъ сходили съ языка его. Онъ не зналъ, что ему говорить.— Будьте благоразумны, повторилъ онъ:—я узналъ... я слышалъ... что маменька ваша очень нехороша... что ей сдѣлалось гораздо хуже... что дѣлать!

— Договаривайте... Къ чему все это?..

Но Захаръ Лаврентьичъ замолчалъ. Языкъ его не пошевелился выговорить послѣднее слово. Онъ только прошепталъ про себя:

«На все Божья воля!»

Катя не могла слышать этого внутренняго шопота.

Въ эту минуту кибитка поднялась на гору, и съ горы, какъ черное пятно въ снѣжной лощинѣ, показалась Березовка.

Вотъ и околица, и рядъ избушекъ, ввалившихся въ землю и занесенныхъ снѣгомъ... Кибитка стучитъ объ ухабы... Изъ полу-замерзшихъ, покривившихся оконъ, сквозь оттаявшіе кружочки, выглядываютъ любопытные глаза... Уже виднѣется рѣшётка около барскаго дома... Вотъ и домъ; но никого не видать въ окнахъ... Кибитка въѣхала на дворъ и остановилась у крыльца; но никто не встрѣчаетъ пріѣзжихъ.

Когда Захаръ Лаврентьичъ выскочилъ изъ кибитки, на крыльцѣ показалась старуха, съ головою, повязанною платкомъ. Это была ключница Вѣры Ивановны. Узнавъ его, она бросилась къ нему съ воплемъ; но онъ остановилъ ее.

— Тише, тише, Пелагея Ефимовна, прошепталъ онъ:—

перестаньте. Я все знаю... Катерина Павловна пріѣхала... Она еще не знаетъ... Не кричите такъ, Бога ради.

Но старуха, не слушая его, бросилась къ кибиткѣ и завопила на весь дворъ:

— Матушка вы, сударыня наша! Господи! до какого несчастія мы дожили!... Что̀ мы будемъ теперь безъ нея, безъ голубушки нашей? Вѣдь она была всѣмъ намъ кормилица. Не услышимъ мы теперь ея звонкаго голоса, не увидимъ ея яснаго лица... Не привелъ ее Богъ видѣть тебя, проститься съ тобою, благословить родимое дѣтище... Охъ, охъ, охъ!...

Она все продолжала вопить, обнимая колѣни Кати, и на этотъ вопль сбѣжалась вся дворня, и въ главѣ ея старый Игнатьичъ. Захаръ Лаврентьичъ стоялъ на крыльцѣ ни живъ, ни мертвъ.

Безъ кровинки въ лицѣ поднялась Катя, ступила на родную землю, взошла на крыльцо, сопровождаемая всѣми сбѣжавшимися на крикъ ключницы людьми, которые кланялись ей въ поясъ и переглядывались между собою, отворила дверь... но въ эту минуту Захаръ Лаврентьичъ бросился къ ней и хотѣлъ остановить ее.

— Оставьте меня, сказала она:—оставьте меня всѣ.

И прямо вошла въ залу. Въ этой комнатѣ, на столѣ подъ образами, лежала Вѣра Ивановна. Казалось, она спала, точно какъ въ ту минуту, когда Катя стояла въ послѣдній разъ у изголовья ея постели.

Катя взглянула на нее и припала лицомъ къ ея лицу. Ни одного звука не вырвалось изъ груди Кати, ни одной слезы не выкатилось изъ глазъ... Она долго оставалась такъ, потомъ подняла голову, бросила кругомъ себя взглядъ безучастный и безсознательный, пошатнулась и упала на полъ. Захаръ Лаврентьичъ былъ настороже, но онъ не успѣлъ предупредить ее и вбѣжалъ въ комнату, когда она уже лежала распростертая на полу, какъ трупъ, возлѣ родного ей трупа...

Черезъ нѣсколько часовъ она пришла въ себя... Увидѣвъ Захара Лаврентьича, она молча пожала ему руку.

— Не убивайте себя, Бога ради, не убивайте прошепталъ Захаръ Лаврентьичъ: —покоритесь Божьей волѣ.

Она грустно покачала головой, горько улыбнулась и сказала:

— Убивать себя! Я не убила себя, а убила ее!

Послѣ этого она не произнесла ни слова до самаго вечера, не обращала ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ ее, не отвѣчала даже на вопросы ихъ.

Захаръ Лаврентьичъ почти все время не отходилъ отъ нея.

Къ ночи она какъ будто нѣсколько оживилась. На лицѣ ея появился румянецъ, дыханіе сдѣлалось легче и на глазахъ начали показываться слезы. Прощаясь съ Захаромъ Лаврентьичемъ, она сказала:

— Другъ мой, не безпокойтесь обо мнѣ, я прошу васъ. Если можно быть благоразумной на моемъ мѣстѣ, я буду, даю вамъ слово; но предоставьте меня самой себѣ, не бойтесь ничего... Берегите себя...

Черезъ часъ весь домъ былъ погруженъ въ глубочайшій сонъ, не исключая и читальщика надъ тѣломъ. Не спали только Катя и Захаръ Лаврентьичъ.

Захаръ Лаврентьичъ наединѣ далъ полную волю своему горю и рыдалъ, уткнувъ голову въ подушку... Катя осторожно приподнялась съ своей постели и тихими, почти неслышными даже въ тишинѣ ночи шагами, начала прокрадываться въ залу, безпокойно оглядываясь кругомъ, какъ-бы боясь, чтобы ее не остановили.

Она добралась до двери, полу-растворила ее, вздрогнула отъ ея скрипа и подошла къ усопшей.

Вѣра Ивановна была уже положена въ гробъ. Свѣтъ отъ свѣчей, стоявшихъ у гроба, въ высокихъ, церковныхъ подсвѣчникахъ, падалъ на лицо ея. На ней было ея парадное платье—тотъ самый шолковый капотъ, который былъ подаренъ ей мужемъ въ день именинъ, и въ которомъ она первый разъ ѣздила къ графу; а на головѣ—чепецъ съ бѣлыми лентами.

Катя взошла на ступеньки катафалка... Вѣра Ивановна мало измѣнилась, и никакихъ слѣдовъ страданія не было замѣтно на лицѣ ея. Оно какъ будто улыбалось...

Слезы хлынули изъ глазъ Кати, и голова ея склонилась на трупъ.

И долго такъ пролежала Катя, приподнимаясь по вре-

менамъ и смотря на усопшую... И вдругъ показалось ей, что рука ея, которую она покрывала своими поцалуями, какъ будто начинаетъ согрѣваться отъ ея дыханія и пальцы этой руки обнаруживаютъ едва замѣтное судорожное движеніе... Обрадованная и вмѣстѣ испуганная, она приподняла голову и начала не безъ страха вглядываться пристальнѣе въ лицо старушки...

«Нѣтъ, это сонъ, это мнѣ пригрезилось», подумала она, тихо рыдая и продолжая смотрѣть на нее...

Изъ глазъ Кати канула горячая слеза на лицо усопшей, и въ это самое мгновеніе вѣки старушки зашевелились и она полу-растворила глаза, а рука ея крѣпко сжала руку дочери.

«Она жива!... жива! это была только летаргія!» хотѣла закричать Катя, но голосъ не повиновался ей; она хотѣла бѣжать, чтобы звать Захара Лаврентьича, разбудить людей, но, несмотря на всѣ усилія, не могла пошевельнуть ни однимъ членомъ.

А между тѣмъ старушка совсѣмъ открыла глаза...

— Матушка!... матушка! прошептала, задыхаясь, Катя:— скажите мнѣ, увѣрьте меня, что это я не грежу... Вы живы?... Вы вѣдь будете жить?...

— Тише, тише, произнесла Вѣра Ивановна, и звуки этого голоса,—звуки, которые такъ долго не ласкали слуха ея, потрясли все существо ея и вся она превратилась въ слухъ, съ жадностію ловя эти звуки, воскресившіе для нея все прошедшее.—Я для всѣхъ умерла, кромѣ тебя, продолжала старушка:—о, не буди никого, не зови никого! я не хочу никого видѣть, кромѣ тебя, я хочу остаться съ тобой наединѣ... Твоя горячая слеза огнемъ упала на лицо мое... и я содрогнулась въ гробѣ отъ этихъ слезъ и онѣ пробудили меня на минуту къ жизни, только для тебя одной... Дай-же мнѣ благословить тебя, бѣдное дитя мое...

И Катя видѣла, какъ приподнялась правая рука покойницы, и она почувствовала на себѣ ея крестное знаменіе...

Катя почувствовала, что камень спалъ съ груди ея и потокомъ полились слезы изъ ея воспаленныхъ глазъ... Она вздохнула, открыла глаза, долго не видя ничего и не

понимая, что съ нею и гдѣ она... Она начала кругомъ озираться и увидѣла себя на ступенькахъ катафалка... Первое движеніе ея было броситься къ гробу...

Но Вѣра Ивановна лежала по прежнему бездыханна, съ своей недвижной улыбкой; руки ея были по прежнему сложены и глаза закрыты... Она прикоснулась къ ея рукамъ—онѣ были также холодны, какъ и прежде...

Вдругъ, среди могильной тишины ночи, послышалось ей какое-то движеніе... Въ комнатѣ никого не было, кромѣ ея и покойницы. Холодъ пробѣжалъ по спинѣ Кати; но это былъ трескъ свѣчи... и снова водворилась ничѣмъ ненарушаемая тишина...

Не смыкая глазъ, просидѣла она, до самаго разсвѣта, на ступенькахъ катафалка.

Блѣдный разсвѣтъ начиналъ показываться въ окна, разсѣевая грезы ночныя... Лицо усопшей освѣтилось утреннимъ свѣтомъ. Раздалось однозвучное, надрывающее душу чтеніе псалтиря надъ ея головою. Нѣтъ, это не сонъ, а страшная дѣйствительность!

Катя, блѣднѣе стоявшаго передъ нею трупа, какъ ночной призракъ, прогоняемый дневнымъ свѣтомъ, сошла со ступенекъ катафалка, дошла до своей постели и безъ рыданій, безъ стона, безъ слезъ, ухвативъ себя за голову, упала головой на подушки...

Вѣру Ивановну похоронили. Катя осталась одна въ своемъ старомъ, опустѣломъ домѣ... Дни шли за днями, и не проходило дня, въ который-бы она не побывала нѣсколько разъ на могилѣ матери... Приближалась весна... Домъ приходилъ въ такую ветхость, что въ немъ почти невозможно было жить; но Катя не хотѣла слышать, чтобы дѣлали въ немъ какія-нибудь поправки, починки или измѣненія.

— Все должно остаться такъ, какъ было при *ней*, говорила она Захару Лаврентьичу.

— Но надобно починить по крайней мѣрѣ крышу, возражалъ Захаръ Лаврентьичъ:—въ комнатахъ течь; законопатить щели: вѣдь посмотрите, какъ дуетъ. Вы можете простудиться.

— О, нѣтъ! нѣтъ: ничего... оставьте все какъ есть,

не прикасайтесь ни къ чему, повторяла она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Когда Захара Лаврентьича не было, Катя блуждала одна въ этомъ полу-развалившемся домѣ, переходя изъ комнаты въ комнату, гдѣ каждый предметъ напоминалъ ей о Вѣрѣ Ивановнѣ.

«Вотъ здѣсь сидѣла она по вечерамъ—думала Катя—когда я разливала чай... Вотъ ея любимое кресло... Вотъ на этомъ мѣстѣ она обняла меня, простилась и перекрестила, не думая, что это въ послѣдній разъ... Вотъ кивотъ, передъ которымъ она молилась за меня каждый вечеръ...»

Наединѣ, Катя перебирала ея старыя платья, ея любимыя вещи и цаловала ихъ, обливая слезами.

Она хотѣла было приняться за хозяйство, пробовала читать, но всякое занятіе утомляло ее, и ничто не могло развлечь ее или возбудить въ ней любопытство. Настоящее для нее перестало существовать: она вся жила въ прошедшемъ и, погружаясь въ свои воспоминанія, часто по цѣлымъ часамъ просиживала, не шевелясь на одномъ мѣстѣ.

Захаръ Лаврентьичъ ежедневно пріѣзжалъ къ ней, и она встрѣчала его всегда съ ласковой улыбкой, въ его присутствіи всегда старалась казаться покойною, даже веселою, но это усиліе было ей тяжело, и всякій разъ, когда онъ уѣзжалъ, она, обезсиленная, падала на свою постель и почти до разсвѣта не смыкала глазъ.

Здоровье ея видимо разстроивалось, иногда она даже ходила черезъ силу. Она скрывала это, но ея впалыя щеки и потухшіе глаза изобличали ее.

Наступила весна; но яркое солнце, изумрудная зелень лѣсовъ и полей, шумъ ручьевъ, пробиравшихся между камнями, неумолкаемый хоръ птицъ,—вся эта жизнь воскресшей и обновившейся природы, подѣйствовала на нее тяжело и раздражительно.

Захаръ Лаврентьичъ, всякій разъ ожидавшій весну съ такимъ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ ее въ этотъ разъ какъ-то равнодушно. Онъ принялся за свою удочку, но лѣниво и неохотно. Рыба, какъ нарочно, безпрестанно клевала; поплавокъ его безпрестанно погружался въ воду, а онъ и не думалъ слѣдить за его движеніемъ. Одиночество начинало

томить его, онъ чувствовалъ, что ему какъ будто недостаетъ чего-то; гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ вдали отъ Кати, ему все приходило въ голову: «а что-то она теперь? что-то съ нею? здорова ли она?» Не видя ее, онъ былъ въ постоянномъ безпокойствѣ, въ постоянной тревогѣ. И онъ бросалъ все—свои хозяйственныя занятія, свою удочку, и отправлялся въ Березовку. Сердце его всякій разъ начинало сильнѣе биться, когда онъ подъѣзжалъ къ этой деревнѣ и, завидя Катю, гулявшую около дома, онъ выскакивалъ изъ своего тарантаса и бросался къ ней съ такою радостію, съ такимъ волненіемъ, какъ будто Богъ знаетъ сколько времени не видалъ ее. Когда Катя говорила ему иногда: «А что, не поудить ли намъ, Захаръ Лаврентьичъ?» онъ приходилъ въ совершенный восторгъ, полагая, что это доставитъ ей удовольствіе, развлеченіе.

«Это хорошо, это добрый признакъ,» говорилъ онъ самъ себѣ и не подозрѣвалъ, что Катя дѣлала это только для него.

Странно, слѣдя за каждымъ движеніемъ Кати, за каждымъ ея взглядомъ, постоянно и ежедневно наблюдая за нею, онъ не замѣчалъ, что она разрушается съ каждымъ днемъ: онъ принималъ румянецъ, иногда ярко вспыхивающій на щекахъ ея, и странный блескъ въ глазахъ за призраки возвращающагося здоровья; тихую тоску и болѣзненное равнодушіе ко всему — за внутреннее спокойствіе. Онъ радовался, смотря на нее, и благодарилъ Бога за ея спасеніе.

Катя чувствовала совершенно братскую любовь къ Захару Лаврентьичу и, видя его горячую привязанность къ себѣ, его нѣжную заботливость о ней, скрывала отъ него свою болѣзнь, свое постепенное разрушеніе, котораго не могла не чувствовать. Но, привыкшая къ Захару Лаврентьичу, какъ къ брату, какъ къ другу, Катя никогда не задумывалась о томъ, какого рода любовь онъ питаетъ къ ней, а между тѣмъ въ его обращеніи съ нею было что-то странное. Онъ всякій разъ прикасался къ рукѣ ея съ робостью; среди самаго обыкновеннаго разговора съ нею онъ вдругъ впадалъ въ какую-то задумчивость, какъ будто какая тайная мысль тревожила его, какъ будто онъ хотѣлъ

сказать ей что-то, но не рѣшался; иногда, простившись съ нею, онъ вдругъ возвращался смущенный и блѣдный. Катя спрашивала его:

— Что, вы вѣрно забыли что нибудь, Захаръ Лаврентьичъ?

И онъ приходилъ еще въ бо́льшее смущеніе.

— Нѣтъ-съ, ничего... я такъ, бормоталъ онъ и снова прикасался къ рукѣ ея, прощался съ нею и выбѣгалъ изъ комнаты въ совершенномъ смущеніи.

Одинъ разъ, сидя съ нею, онъ былъ въ такомъ волненіи, что это наконецъ не могло не быть замѣчено ею. Онъ—то брался за книгу и оставлялъ ее, то выглядывалъ въ окно, какъ-то неловко перебиралъ руками, вскакивалъ со стула, прохаживался по комнатѣ и опять садился, и вдругъ на глазахъ его навернулись слезы, онъ схватилъ кончикъ ея шали и поцѣловалъ его, потомъ долго сидѣлъ съ потупленными глазами, не смѣя взглянуть на Катю и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Для Кати въ эту минуту открылось все: но это открытіе мучительно подѣйствовало на нее. Она бросила на него взглядъ полный участія, но вмѣстѣ глубокой скорби, и молчала. Онъ поднялъ на нее глаза какъ преступникъ и ждалъ ея слова, но она ничего не могла ему сказать утѣшительнаго и молчала.

Съ этого дня прибавились еще новыя страданія въ душѣ Кати,—страданія за человѣка, котораго она послѣ матери уважала и любила болѣе всего на свѣтѣ; — но не тою любовію, которою онъ хотѣлъ быть любимымъ.

Захаръ Лаврентьичъ все продолжалъ ѣздить къ Катѣ также часто, но уже ничего подобнаго предшествовавшему не повторялось. Онъ велъ себя въ отношеніи къ ней съ боязливою осторожностію, съ почтительностію, доходившею до высочайшей степени.

А между тѣмъ клеветы и сплетни не умолкали. Шли явные толки о томъ, что Захаръ Лаврентьичъ въ связи съ Катею и нѣкоторые при встрѣчѣ съ нимъ дѣлали ему даже остроумные намеки на его отношенія къ Катѣ.

Захаръ Лаврентьичъ, оскорбленный и встревоженный, сообщилъ объ этихъ толкахъ Катѣ и сказалъ, что послѣ

всего этого онъ не можетъ бывать у нея такъ часто, какъ бы желалъ.

Катя равнодушно выслушала его, улыбнулась и сказала:

— Какъ вамъ не стыдно, другъ мой, тревожить себя такимъ вздоромъ?.. Пусть они говорятъ, что̀ хотятъ. Какое намъ дѣло до нихъ и до ихъ толковъ? Неужели это можетъ лишить меня единственной отрады, единственнаго утѣшенія, оставшагося мнѣ—видѣть васъ, быть съ вами? Неужели вы можете оставить меня?

— О, нѣтъ, нѣтъ! произнесъ Захаръ Лаврентьичъ, и въ голосѣ его слышались слезы. — Мнѣ васъ оставить! мнѣ!.. Нѣтъ-съ, Катерина Павловна, нѣтъ-съ, это нельзя... Но какъ они смѣютъ такъ думать, какъ они смѣютъ такъ говорить про васъ!..

— Они имѣютъ полное право думать и говорить обо мнѣ дурно, перебила Катя,—оставьте имъ это удовольствіе и дайте мнѣ слово никогда не говорить объ нихъ...

Такъ прошелъ годъ. Наступила новая весна; все опять пробуждалось къ жизни и обновлялось кругомъ Кати, все кромѣ ея самой и этого стараго дома, въ которомъ жила она...

Катя съ какимъ-то необъяснимо-пріятнымъ чувствомъ смотрѣла на это разрушеніе, на эти развалины. Можетъ быть, ей не хотѣлось, чтобы родимый кровъ, въ которомъ заключалось все дорогое для нея, пережилъ ее. Она чувствовала, что силы совсѣмъ оставляютъ ее, и что съ весеннимъ воздухомъ она вдыхаетъ въ себя не жизнь, а смерть, и она съ наслажденіемъ и жадностію вдыхала его въ себя.

Однажды вечеромъ она сидѣла у растворенного окна. Шелъ теплый и частый весенній дождь; но уже на горизонтѣ стемнѣло, и облака, ходившія довольно низко, начали подниматься, принимая тонкіе розовые и лиловатые тоны; дождь пересталъ... Легкій, едва замѣтный вѣтерокъ чуть-чуть колыхалъ вѣтви деревъ и перебиралъ только что распустившимися листочками, на которыхъ еще дрожали капли дождя... Тѣни стлались по землѣ. Тонкій паръ поднимался съ луговъ; воздухъ, при каждомъ колебаніи вѣтки, становился душистѣе и раздражительнѣе, весь пропитанный ароматомъ травъ и цвѣтовъ. Катя смотрѣла въ окно.

Розовый свѣтъ заката придавалъ нѣжный оттѣнокъ ея блѣдному, прозрачному лицу, глаза ея горѣли тихимъ огнемъ, рука висѣла безъ движенія на ручкѣ креселъ, — исхудалая рука, утратившая красоту формы; грудь поднималась тяжело и медленно. Но на лицѣ ея въ эту минуту не было замѣтно никакого страданія. Оно оживлено было кроткой, едва уловимой улыбкой. Вся фигура ея выражала только усталость. Она какъ будто пріятно отдыхала въ этихъ креслахъ, утомленная долгой прогулкой, а между тѣмъ, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впродолженіе дня по своему заглохшему саду, она опускалась на скамейку. Захаръ Лаврентьичъ стоялъ не вдалекѣ отъ нея, не спуская съ нея глазъ.

— Какъ вы себя чувствуете, Катерина Павловна? спросилъ онъ: — вы что-то слабѣе сегодня-съ?

— О, нѣтъ, нѣтъ! быстро сказала Катя, встрепенувшись и стараясь придать себѣ бодрый видъ:—нѣтъ, нисколько... Напротивъ, я чувствую себя гораздо лучше... Мнѣ такъ пріятно дышать этимъ воздухомъ... Нѣтъ, я ничего, я только задумалась.

— Слава Богу, слава Богу, произнесъ Захаръ Лаврентьичъ, легко вздохнувъ:—но вы совсѣмъ почти не гуляете, продолжалъ онъ черезъ минуту: — а мнѣ кажется, это было бы очень полезно для васъ. Теперь такъ стало тепло-съ, воздухъ такой прекрасный: это самое лучшее лекарство-съ.

— Да, это время я была какъ-то не расположена, но я буду гулять, непремѣнно буду. Мы будемъ гулять вмѣстѣ... не правда ли?..

Она улыбнулась ему.

— Я очень радъ-съ, очень... когда вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ Захаръ Лаврентьичъ: — вотъ-съ, Катерина Павловна, когда Богъ дастъ вы ужъ совсѣмъ поправитесь, совсѣмъ соберетесь съ силами, тогда можно будетъ поѣхать на Озерки, вотъ что̀ за Сытинымъ-то-съ, верстахъ въ пяти отсюда; можно забраться туда, знаете, на цѣлый день, взять съ собой всѣ рыболовные снаряды-съ... Господи Боже мой, какой ловъ тамъ теперь, вы представить себѣ не можете! Тамъ и гулянье безподобное: въ двухъ шагахъ

роща такая чистая, точно какъ будто садъ, который въ холѣ... тамъ внутри рощи есть такія лужайки — чудо-съ!

— Хорошо, сказала задумчиво Катя:—мы поѣдемъ туда...

Захаръ Лаврентьичъ ожилъ. Утѣшенный мыслію, что здоровье Кати поправляется, что она становится веселѣе и начинаетъ принимать участіе во всемъ ея окружавшемъ, онъ далъ полную волю своей фантазіи, съ жаромъ разсказывалъ ей о лучшихъ, живописнѣйшихъ мѣстахъ въ губерніи, предлагалъ ей различныя поѣздки, заранѣе приходилъ въ восторгъ, какъ она, любящая природу, будетъ любоваться всѣми этими видами, какое сочувствіе найдетъ онъ въ ней, какой горячій отзывъ на всѣ его впечатлѣнія...

И одушевленный своими фантазіями, Захаръ Лаврентьичъ произнесъ въ заключеніе, съ тѣмъ внутреннимъ жаромъ, который дѣлаетъ краснорѣчивыми самыя простыя слова и проникаетъ до самой сокровенной глубины души:

— Природа-то лучше людей, Катерина Павловна, не въ примѣръ лучше, съ нею легче и пріятнѣе жить... И чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше увѣряешься въ этомъ... Ей-Богу такъ-съ... Есть въ ней что-то такое, что̀ такъ и тянетъ къ ней... Вы понимаете, что̀ я хочу сказать. Богъ не далъ мнѣ слова, я человѣкъ не воспитанный: многое чувствую и понимаю, да вотъ бѣда-то моя, сказать-то я этого не умѣю...

— Вы говорите лучше чѣмъ многіе, потому что всегда говорите отъ сердца, возразила Катя: — какъ ни горька и ни тяжела жизнь, но въ ней бываютъ такія минуты, которыя выкупаютъ всѣ страданія, которыя заставляютъ привязываться къ ней, и этими минутами въ моей жизни я обязана вамъ... Вотъ и теперь, произнесла она, погодя немного:—и теперь, видя васъ, слушая васъ, вдыхая въ себя этотъ воздухъ, тяжело думать о смерти, не хочется умирать...

У Захара Лаврентьича страшно заныло сердце при этихъ словахъ. Онъ съ боязливымъ недоумѣніемъ взглянулъ на Катю.

— О другъ мой, другъ мой! сказала Катя:—Я бы желала еще пожить немного!..

Слезы хлынули изъ глазъ бѣднаго Захара Лаврентьича.

— Боже мой! что̀ это вы говорите? для чего вы это говорите? Къ чему такія мысли? что съ вами?.. Не говорите этого, не говорите Бога ради, я прошу васъ... О, еслибъ вы знали только, каково мнѣ это слушать!.. Вѣдь вы сами сказали сейчасъ, что вамъ лучше, съ каждымъ днемъ лучше... что̀ это значитъ-съ? для чего же вы это сказали?..

У Кати вырвались эти слова нечаянно. Взглянувъ на лицо Захара Лаврентьича, она испугалась, протянула ему руку, которую онъ поцаловалъ, и произнесла, улыбаясь:

— Полноте, успокойтесь... это я такъ сказала; ничего, мнѣ лучше.

— Не говорите, не говорите же этого въ другой разъ, воскликнулъ Захаръ Лаврентьичъ, снова оживая:—никогда не говорите этого. Еще жизнь только началась для васъ. Богу угодно было испытать васъ... Что̀ дѣлать! но это прошло; не нужно вспоминать объ этомъ... Если бы я смѣлъ думать, если бы смѣлъ надѣяться, если бы я могъ быть чѣмъ нибудь для васъ въ жизни... Послушайте, Катерина Павловна, я давно хотѣлъ говорить съ вами...

Захаръ Лаврентьичъ остановился. Лицо и глаза его горѣли; губы его съ минуту шевелились безъ словъ, изобличая внутренній трепетъ и, не глядя на Катю, съ потупленными глазами, едва слышнымъ голосомъ, онъ продолжалъ:

— Я люблю васъ, Катерина Павловна, люблю такъ, какъ вотъ только можно любить, — я люблю васъ давно; но не смѣлъ, не зналъ, какъ вамъ сказать объ этомъ... Я чувствовалъ, очень чувствовалъ, что я совсѣмъ ниже васъ, что я не имѣю ни воспитанія, ни такого ума, ничего, что могло бы понравиться воспитанной, образованной дѣвушкѣ, какъ вы,—я это чувствовалъ, я все это передумалъ одинъ, съ самимъ собою: я хотѣлъ заглушить въ себѣ свои чувства, да не могъ этого сдѣлать... не могъ-съ. Сколько разъ я упрекалъ себя за эту любовь, сколько разъ хотѣлъ бѣжать отсюда куда нибудь, куда глаза глядятъ; да воли-то у меня недостало на это, Катерина Павловна! Не смѣйтесь надо мною. Я простой человѣкъ, у меня нѣтъ ничего кромѣ чувства; но если одно чувство

можетъ сдѣлать въ глазахъ вашихъ человѣка, хотя сколько нибудь сноснымъ, меня будетъ радовать и это... Я только и буду думать о вашемъ спокойствіи, о вашемъ счастіи...

— Вы унижаете себя передо мной, перебила Катя, съ пылающими глазами, дрожа отъ волненія:—вы чистый. вы святой человѣкъ, а я... что такое я? Вы знаете мою жизнь, вы знаете все? Развѣ я могу не краснѣя взлянуть вамъ въ глаза?

— Что мнѣ до этого? произнесъ Захаръ Лаврентьичъ. въ первый разъ взглянувъ на Катю:—ваше сердце также благородно и чисто, какъ оно было тогда, какъ вы дитятей еще бѣгали по этому саду... Мнѣ этого вы не должны были сказать: нѣтъ! вы можете прямо, не краснѣя смотрѣть мнѣ въ глаза, потому что никто лучше меня не знаетъ васъ. никто не можетъ цѣнить васъ такъ, какъ я. Вѣдь вы выросли на моихъ глазахъ, Катерина Павловна!..

— Я знаю, что вы добры ко мнѣ до пристрастія, что я вамъ кажусь лучше, нежели какова я въ самомъ дѣлѣ; но не въ томъ дѣло. Я разрушена, я убита жизнію... Вамъ надо чистое, нетронутое сердце, которое бы билось также горячо и сильно какъ ваше; вамъ нужна женщина, которая бы могла вполнѣ сочувствовать вамъ...

— Мнѣ ничего и никого не нужно, кромѣ васъ! вскрикнулъ Захаръ Лаврентьичъ и, схвативъ руку Кати, припалъ къ этой рукѣ лицомъ, обливая ее слезами. — Отвѣчайте, прямо отвѣчайте мнѣ, продолжалъ онъ задыхаясь:—я вамъ все сказалъ, болѣе мнѣ ничего не остается сказать.

Катя вдругъ ярко вспыхнула, и, съ сверкающими глазами, поднялась съ своихъ креселъ, движимая роковою рѣшимостію.

— Другъ мой! другъ мой!.. прошептала она и остановилась.

Захаръ Лаврентьичъ смотрѣлъ на нее, не переводя дыханія.

Она хотѣла сказать ему:

— Не утѣшайте себя напрасными надеждами. Лучше разомъ узнать все, чѣмъ мучиться, ожидать, обольщать

себя несбыточными мечтами, вглядитесь въ меня хорошенько, откройте глаза — вы думаете во мнѣ видѣть прежнюю Катю. Но передъ вами только тѣнь ея, передъ вами полу-живое существо, которое имѣетъ одни внѣшніе признаки жизни... Смотрите на меня, смотрите: неужели вы не видите, что во мнѣ осталось жизни на нѣсколько дней, можетъ быть на нѣсколько часовъ? Я чувствую смерть, а вы, странный человѣкъ, вы говорите мнѣ о любви, о будущемъ, о жизни...

Но эти слова замерли на помертвѣлыхъ губахъ ея. Она опустилась въ изнеможеніи, еле-дышащая, и прошептала:

— Мы подумаемъ объ этомъ; мы поговоримъ объ этомъ завтра.

— Завтра? какъ эхо, повторилъ печально Захаръ Лаврентьичъ..

Завтра?.. Настанетъ ли для тебя, бѣдный Захаръ Лаврентьичъ, это завтра?

Здѣсь я долженъ былъ бы остановиться... Дни Кати сочтены. Судьба ея совершилась. Что сталось съ Захаромъ Лаврентьичемъ я не знаю...

Но я не могу не сказать любопытному и любящему отчетливость читателю нѣсколько словъ объ остальныхъ дѣйствующихъ лицахъ этого разсказа.

Графъ, который все дѣлалъ или изъ тщеславія, или отъ нечего дѣлать, занялся картами также отъ нечего дѣлать и проигралъ господину съ неуловимыми глазками значительный капиталъ. Онъ не могъ заплатить его вдругъ и заключилъ условіе съ своимъ другомъ, по которому обязался выплачивать ему ежегодно по десяти тысячъ рублей серебромъ. Въ послѣднее время говорили, что состояніе графа разстроилось: одни приписывали это разстройство Лидіи Александровнѣ, другіе — безпорядку его дѣлъ и плутовству его управляющихъ. Послѣднее вѣроятнѣе перваго. Теперь, впрочемъ, эти слухи замолкли. Графъ женился на очень молоденькой дѣвушкѣ съ богатымъ приданымъ и съ громкимъ именемъ. Объ этой блестящей партіи много было толковъ въ Петербургѣ: одни говорили,

что графъ женился по разсчету, единственно для поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ, другіе увѣряли, что по любви. Я вѣрю скорѣе первымъ, чѣмъ послѣднимъ...

Господинъ съ неуловимыми глазками отправился заграницу, и дальнѣйшія похожденія его мнѣ неизвѣстны...

Александръ Иванычъ продалъ свое послѣднее имѣніе. Выручивъ за него очень немного, онъ принужденъ былъ пойдти въ управляющіе къ какому-то господину, вдругъ изъ ничего пріобрѣвшему милліоны, ко всеобщему удивленію и зависти...

Ваня, Петруша, Коля, Андрюша и прочіе и прочіе по прежнему гуляютъ на Невскомъ, ежедневно посѣщаютъ театры, рестораны, всѣ увеселительныя заведенія и иногда танцуютъ на вечерахъ у Лидіи Александровны, которая совсѣмъ не старѣется и продолжаетъ вести такую же жизнь, какъ и прежде...

Вихляевъ исчезъ... Его не видать нигдѣ: ни въ театрахъ, ни въ циркахъ, ни въ ресторанахъ... Впрочемъ, я встрѣтилъ его... это было, кажется, въ началѣ прошлой зимы... гдѣ-то далеко, на Екатерининскомъ каналѣ. На немъ было лѣтнее истертое пальто, порыжѣлая шляпа и облупившіеся лакированные сапоги. Шляпа его была надвинута ухорски на одинъ бокъ, а руки съ эффектомъ засунуты назадъ въ карманы пальто. Замѣтивъ меня, онъ въ туже секунду засвисталъ, вѣроятно, для поддержанія себя, отвернулся и продолжалъ путь все насвистывая, съ небрежною ловкостью льва, такъ какъ ходятъ обыкновенно Ваня, Петруша, Коля и прочіе.

Вихляевъ сошелъ со сцены, но на ней появились уже другіе экземпляры, можетъ быть, нѣсколько улучшенные и исправленные, новыя изданія той же книги, — жалкія порожденія той же пустоты, той же ничтожности и мелочности, послѣднія звѣнья той же цѣпи, первое звѣно которой, — герой этого разсказа...

РОДСТВЕННИКИ.

ГЛАВА I.

Въ селѣ Благовѣщенскомъ, числилось 232 души мужеска пола. Село Благовѣщенское, принадлежало шестерымъ владѣльцамъ, изъ которыхъ три имѣли въ немъ постоянное мѣстопребываніе: холостой и отставной армейскій поручикъ Брыкаловъ лѣтъ сорока; неслужившій дворянинъ Ардальонъ Игнатьичъ Стойковскій пятидесяти девяти лѣтъ, отецъ многочисленнаго семейства и слуга супруги своей Агафьи Васильевны, барыни толстой, съ бѣльмомъ на правомъ глазу, — и наконецъ, сестрица Ардальона Игнатьича — Олимпіада Игнатьевна, вдова лѣтъ пятидесяти шести, не безъ основанія пользовавшаяся уваженіемъ всего околодка за свои нравственныя и религіозныя правила. У Олимпіады Игнатьевны были сынъ и дочь — Петруша и Наташа. Петрушѣ было лѣтъ девятнадцать, Наташѣ двадцать два года.

Изъ 232 душъ села Благовѣщенскаго, Брюхатово тожъ, 62 души принадлежали Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, 85 душъ ея брату, 45 поручику Брыкалову, а остальныя за тѣмъ другимъ владѣльцамъ, о которыхъ упоминать здѣсь не для чего. Три барскіе дома красовались въ разныхъ концахъ села Благовѣщенскаго. Впрочемъ, красовался собственно только одинъ

барскій домъ, принадлежавшій Ардальону Игнатьичу, потому-что этотъ домъ былъ обитъ тесомъ, выкрашенъ краской и находился на самомъ завидномъ мѣстѣ, то есть, на небольшой площадкѣ противъ церкви. Домъ Олимпіады Игнатьевны былъ не то, чтобы совсѣмъ домъ, а такъ что-то среднее между домомъ и избою: старый, необшитый тесомъ, онъ стоялъ, одинокій и мрачный, покачнувшись на бокъ, на самомъ концѣ деревни. Ни одного дерева, ни одного кустика не было кругомъ его, — только сзади дворъ, обнесенный плетнемъ, голый дворъ, вызженный солнцемъ, и скользкій, во время лѣтней засухи, какъ паркетъ, а на дворѣ три или четыре людскія избушки, также дряхлыя. Поручикъ Брыкаловъ жилъ просто въ большой крестьянской избѣ, крытой соломой.

Грѣхъ сказать, чтобы владѣльцы села Благовѣщенскаго жили въ любви и мирѣ. Нога Ардальона Игнатьича три года не переступала порога его сестрицы Олимпіады Игнатьевны... И хотя онъ, по своему кроткому и богобоязливому характеру, каждый годъ на страстной недѣлѣ покушался примириться съ нею и каждый годъ начиналъ къ ней письмо слѣдующими строками:

«Милостивая Государыня любезнѣйшая сестрица. При«ступая нынѣ къ великому Дѣлу съ подобающимъ истин«ному Христіанину чувствіями нѣлицѣмѣрнаго смиренія и «покаянія въ своихъ проступкахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ «какъ Родственныя наши отношенія поколѣблѣны... то»...

Но на этомъ *то* Агафья Васильевна всякій разъ ловила его, выхватывала у него начатое письмо и рвала въ мелкіе кусочки.

Родственное согласіе Ардальона Игнатьича и Олимпіады Игнатьевны, возмущавшееся довольно часто Агафьей Васильевной, окончательно было прервано на полюбовномъ размежеваніи за какой-то клочокъ неудобной земли. Этотъ клочокъ Агафья Васильевна ни за что не хотѣла уступить Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, Олимпіада же Игнатьевна, въ свою очередь, ни за какія блага не хотѣла уступить Агафьѣ Васильевнѣ. Такимъ образомъ, не смотря на неимовѣрныя усилія посредника, полюбовное размежеваніе земли села Благовѣщенскаго, до сихъ поръ не состоялось. Долгъ спра-

ведливости заставляетъ. впрочемъ, замѣтить, что не однѣ Агафья Васильевна и Олимпіада Игнатьевна были препятствіемъ къ полюбовному размежеванію.—Поручикъ Брыкаловъ почему-то твердо вознамѣрился присвоить себѣ $4^1/_2$ десятины земли подъ строевымъ лѣсомъ. безспорно принадлежавшія Ардальону Игнатьичу и, не смотря ни на какіе доводы. объявилъ торжественно. что онъ слышать ничего не хочетъ, что хоть до ножей дѣло дойдетъ. а онъ не уступитъ эти $4^1/_2$ десятины. Разсказывали также (за достовѣрность этого я не могу однако поручиться), что поручикъ неоднократно подсылалъ крестьянъ своихъ по ночамъ рубить лѣсъ Ардальона Игнатьича и что Агафья Васильевна, завидѣвъ однажды изъ окна Пантелея, старосту поручика. изволила выбѣжать сама на дворъ въ одной кофточкѣ (нѣкоторые злые языки увѣряютъ. что даже и безъ кофточки) и съ грозными тѣлодвиженіями закричала вслѣдъ ему:

— Скажи, мошенникъ. своему барину, чтобы онъ мнѣ, грабитель. не показывался на глаза. а не то я ему всѣ его тараканьи усы выщиплю! Слышишь?..

Говорили, что Пантелей передалъ это поручику отъ слова до слова. и что поручикъ, выслушавъ Пантелея, очень хладнокровно замѣтилъ:—а вотъ погоди она у меня, я ее каналью затравлю собаками.

Говорили также... но нѣтъ возможности передать всѣхъ разсказовъ другъ о другѣ владѣльцевъ села Брюхатова. Этимъ разсказамъ не было бы конца. И благодаря только имъ, обнаруживались кое-какіе признаки жизни и движенія въ селѣ Брюхатовѣ... Такъ поверхность стоячаго болота, подернутаго зеленоватою плесенью. возмущается только тогда. когда мальчишки, забавляясь, бросаютъ въ него камешки.

Село Брюхатово не могло похвалиться живописными видами. Оно было расположено на ровномъ и низменномъ мѣстѣ, у рѣчки Вѣкши. Эта рѣчка нѣсколько оживляла грустныя и однообразныя его окрестности. Блестящая. какъ лезвіе меча, искусно выполированное, она быстро и весело сверкала и извивалась кольцами. какъ змѣя, среди тучныхъ, но плохо воздѣланныхъ пажитей, нисколько не

гордясь тѣмъ, что сливала воды свои съ водами одной изъ величайшихъ и красивѣйшихъ рѣкъ въ мірѣ. Вправо отъ селенія, у самого горизонта, показывался мелкій лѣсокъ на возвышеніи. На разстояніи семи верстъ въ окрестностяхъ не было ни одной горки, а только небольшія покатости и едва замѣтные холмы. Удобнѣе этой земли въ хозяйственномъ отношеніи не возможно было желать.

И еслибы село Брюхатово было въ однѣхъ и, какъ говорится, хорошихъ рукахъ, оно, вѣроятно, приносило бы значительныя выгоды, но раздробленное на мелкіе участки, при черезполосномъ владѣніи, при безпрестанныхъ распряхъ совладѣльцевъ, при ежедневныхъ ссорахъ и дракахъ разнопомѣщичьихъ крестьянъ, подобно господамъ, враждебно смотрѣвшихъ другъ на друга; при самой отчаянной безтолковости въ управленіи; — оно находилось въ жалкомъ состояніи. Полуразвалившіяся избы, на которыя безобразно навалены были кучи соломы, сгнившей и почернѣвшей отъ времени, растасканные и разрушенные плетни, нечистота на улицахъ, грязные и оборванные ребятишки, полунагія бабы вмѣстѣ съ поросятами и свиньями,—все это вмѣстѣ производило грустное и тяжелое впечатлѣніе.

Всегда печальное, еще печальнѣе обыкновеннаго казалось село Брюхатово въ тотъ весенній вечеръ, походившій, впрочемъ, болѣе на осенній, съ котораго начинается наше повѣствованіе.

Сѣренькое небо, мелкій и частый дождь, однообразный скрипъ обломанныхъ крыльевъ вѣтреной мельницы, вой дворной собаки, все страшно дѣйствовало на нервы и наводило тоску нестерпимую.

Наташа—дочь Олимпіады Игнатьевны, сидѣла у окна и смотрѣла на мальчишку пастуха, который по колѣно въ грязи, измокшій до костей, дрожа отъ холода и голода, съ длинной хворостиной въ рукѣ гналъ стадо овецъ и барановъ мимо барскаго дома.

Наташа была не дурна собой, высока и стройна.—На ней было ситцевое платьице, съ вырѣзкой на груди, со снурками и кистями, и сверху немного засалившаяся черная кацавейка, обшитая кошачьимъ мѣхомъ... Она все продолжала смотрѣть въ окно, хотя мальчикъ, гнавшій стадо,

давно прошелъ. и хотя смотрѣть ужъ рѣшительно было не на что. Потомъ она немного задумалась. облокотилась головой на руку и... зѣвнула.

Вслѣдъ затѣмъ. въ углу той же самой комнаты послышался долгій и глубокій вздохъ.

Въ этомъ углу на диванѣ у печки сидѣла маменька Наташи, въ бѣломъ чепцѣ и въ темно-пюсовомъ капотѣ.

— Что это. матушка. ты усѣлась тутъ у окна? произнесла маменька печальнымъ и болѣзненнымъ тономъ. — Иначе она не говорила.

— Что-съ?.. спросила разсѣянно Наташа.

— Ахъ, Боже мой, что ты оглохла что-ли?... я спрашиваю тебя, зачѣмъ ты усѣлась у окна?

— Да отчего же мнѣ не сидѣть тутъ?

— Хоть бы занялась чѣмъ нибудь.

— Да чѣмъ же мнѣ заняться. маменька?

— Чѣмъ? проговорила Олимпіада Игнатьевна: — ну. коли нѣтъ никакой работы. хоть бы чулокъ вязала. Все занятіе.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе.

Дождь продолжалъ стучать въ стекла.

Наташа еще разъ зѣвнула.

Олимпіада Игнатьевна. глядя на нее. также зѣвнула и прошептала со вздохомъ:

— Ахъ, Боже мой!... Ахъ. Господи. Боже мой! и перекрестила свой ротъ.

Черезъ минуту она снова обратилась къ Наташѣ.

— Да что это ты зѣваешь безпрестанно. Наташа?

— Скучно, маменька.

Олимпіада Игнатьевна печально покачала головой.

— Въ твои лѣта, мы не умѣли и не смѣли скучать, проворчала она... Такъ ты скучаешь съ матерью?

На глазахъ Олимпіады Игнатьевны показались слезы. Она, подобно многимъ барынямъ. владѣла искусствомъ вызывать слезы при всякомъ удобномъ случаѣ.

Наташа хотя и привыкла къ такого рода слезамъ, но, несмотря на это, считала обязанностію въ такихъ случаяхъ бросаться къ маменькѣ. утѣшать ее и цаловать ей ручки.

— Маменька. душенька! что это вы! полноте! — Какъ

вамъ не стыдно!.. Мнѣ такъ просто скучно, я сама не знаю отчего, а съ вами, маменька-съ, какъ это можно! съ вами мнѣ никогда не скучно.

На слова Наташи Олимпіада Игнатьевна улыбнулась съ пріятностію, хотя вполнѣ была убѣждена, что Наташа лжетъ и что она скучаетъ съ нею.

— А который часъ, Наташа?

Наташа побѣжала въ сосѣднюю комнату, въ которой тяжело шипѣли часы.

— Половина седьмого, маменька-съ, закричала она.

— Ну, коли половина седьмого, такъ вели Марфуткѣ собирать къ чаю, да позови эту негодницу Феньку... Гдѣ она тамъ это бѣгаетъ, скверная дѣвчонка?

Олимпіада Игнатьевна вздохнула. Она каждое слово сопровождала или вздохомъ, или легкимъ стономъ.

Явилась Марфутка, распространяя въ комнатѣ запахъ коровьяго масла, которымъ она мазала волосы. Марфутка собрала все, что слѣдуетъ къ чаю. За Марфуткой явился Ларька, низенькій и пожилой мальчишка, въ грязныхъ сапогахъ, въ которые были заправлены синіе кумачные панталоны,—и поставилъ на столъ нечищенный самоваръ. Вслѣдъ за Ларькою показалась двѣнадцатилѣтняя дѣвчонка, Фенька, обстриженная подъ гребенку, въ тиковомъ платьѣ съ таліей подъ мышками и въ башмакахъ, на босую ногу. Фенька неотлучно находилась при барынѣ для посылокъ и, стоя у дверей, вязала обыкновенно толстый и засаленный чулокъ, а иногда дремала, прислонясь къ стѣнѣ, но и во снѣ все таки шевелила спицами. Олимпіада Игнатьевна побранила Феньку, объявила ей, что если она вздумаетъ еще разъ убѣжать, то она ее, какъ собачонку, привяжетъ на веревку къ двери, и въ заключеніе прибавила, что ужь здоровья ея нестаетъ управляться со всѣмъ этимъ народомъ. Затѣмъ все пришло въ обыкновенный порядокъ: самоваръ закипѣлъ, Фенька прислонилась къ стѣнѣ и зашевелила спицами; Наташа принялась разливать чай. Къ чаю явился Петруша.

Петруша въ семнадцать лѣтъ корчилъ человѣка все понявшаго и разгадавшаго. Никакіе вопросы не останавливали его: онъ разрѣшалъ ихъ легко и смѣло. Онъ гово-

рилъ безъ умолку и съ жаромъ, обо всемъ:—о Байронѣ, Сен-Симонѣ, о Фурье, о гегелевскомъ примиреніи и о томъ, что нѣкоторое время онъ находился въ моментъ распаденія и сдѣлался вполнѣ человѣкомъ только тогда, когда вышелъ изъ этого момента. Петруша не читалъ ни Сен-Симона, ни Фурье, ни Гегеля; о Байронѣ онъ имѣлъ слабое понятіе по кое-какимъ русскимъ и французскимъ переводамъ. Всю свою мудрость Петруша почерпалъ изъ русскихъ журналовъ. Людей, четырьмя или пятью годами старше себя, онъ безъ церемоніи причислялъ уже къ старому поколѣнію и говорилъ: «Нѣтъ, они не въ состояніи понять насъ, они не могутъ сочувствовать нашимъ интересамъ. Они отстали!» Года три онъ приготовлялся въ Москвѣ къ университету, но, не выдержавъ вступительнаго экзамена, возвратился во свояси и зажилъ преспокойно въ селѣ Брюхатовѣ, почитывая журналы, пописывая стишки въ гейневскомъ родѣ, (этотъ родъ былъ тогда въ модѣ), покуривая трубку и посматривая на всѣхъ окружавшихъ его (не исключая и маменьки) съ ироническою улыбкою.

Когда Петруша вошелъ въ комнату задумчивый и блѣдный, Олимпіада Игнатьевна обратилась къ нему съ нѣжностію.

— Ахъ, Петинька, сказала она, вздыхая:—ты все занимаешься! побойся Бога, вѣдь у тебя грудь слаба, дружочекъ.

Петруша, ничего не отвѣчая, закурилъ трубку и развалился въ креслахъ.

— Да что ты такой скучный? спросила она его съ безпокойствомъ.

— Ахъ, да ничего, отстаньте пожалуйста.

Олимпіада Игнатьевна безпокойно посмотрѣла на него.

Напустивъ дыму полную комнату, Петруша всталъ съ креселъ и началъ прохаживаться по комнатѣ, мрачно завывая себѣ подъ носъ:

«Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы.
И въ аравійскомъ ураганѣ
И въ дуновеніи чумы!..»

— Вашъ чай, братецъ, совсѣмъ простынетъ, сказала Наташа.

Петруша, ничего не отвѣчая, подошелъ къ столу, отпилъ немного изъ своего стакана, пустилъ изо рта еще тучу дыма, и потомъ снова сталъ прохаживаться по комнатѣ, продолжая завывать стихи. Фенька, шевеля спицами, смотрѣла на него, вытараща глаза. Наташа начала разсказывать маменькѣ только-что передъ этимъ выслушанную ею отъ Федоры ключницы новость—о томъ, какъ дяденька Ардальонъ Игнатьичъ, по приказанію тетеньки Агафьи Васильевны, очень строго наказалъ своего кучера Петрушку и непремѣнно рѣшился отдать его не въ зачетъ въ рекруты; о томъ, какъ тетенька очень сердилась на дяденьку за то, что онъ избаловалъ всѣхъ людей, какъ дяденька оправдывался передъ тетенькою и прочее. Олимпіада Игнатьевна не безъ удовольствія и съ большимъ вниманіемъ слушала разсказы Наташи, отъ поры до времени только тяжело вздыхая и пожимая плечами... Наташа, не смотря на всѣ ея достоинства, имѣла небольшое поползновеніе къ пересудамъ и сплетнямъ, общее всѣмъ деревенскимъ барышнямъ.

Она отличалась отъ своихъ подругъ тѣмъ, что была большая охотница читать. Она прочла почти всѣ французскіе романы въ переводахъ.

Чтеніе, хотя довольно безтолковое, способствовало всетаки развитію ея понятій. Но многое въ книгахъ перетолковывала она странно, по своему; многаго совсѣмъ не понимала, а объяснить было некому. Наташа все таила въ самой себѣ и никому не довѣряла своихъ мыслей и ощущеній.

Петруша считалъ ее пустой дѣвочкой; онъ говорилъ, что у нея «одна изъ тѣхъ будничныхъ натуръ, на которыя природа не скупится...» и только такъ иногда, изъ милости, читалъ ей свои стишки.

Съ маменькой Наташа не была откровенна.

Олимпіада Игнатьевна, не смотря на доброту свою и привязанность къ дочери, всегда смотрѣла на нее съ высоты своего родительскаго величія. Сыну она дозволяла имѣть какой ему угодно образъ мыслей, ни въ чемъ не

стѣсняла его свободы и даже подчиняла себя его желаніямъ; но съ дочерью поступала деспотически. Дочь, по ея понятіямъ, не могла, не должна и не смѣла имѣть своей воли, своего образа мыслей. Наташа разсуждала съ маменькою только о домашнемъ хозяйствѣ, да развлекала ее разсказами и сплетнями о дяденькахъ, тетенькахъ, о сестрицахъ и братцахъ, о сосѣдяхъ и сосѣдкахъ...

Когда Наташа передала Олимпіадѣ Игнатьевнѣ всѣ новости о дяденькѣ и тетенькѣ, Олимпіада Игнатьевна, не пропустившая ни одного слова изъ ея разсказа,—тяжело простонала:

— Бѣдный братецъ!—бѣдный братецъ! погубили тебя, искоренили въ тебѣ всѣ родственныя чувства, голубчикъ!..

— Ужь есть о комъ жалѣть! перебилъ Петруша.

— А какъ не жалѣть, дружочекъ? Если бъ онъ былъ намъ чужой—дѣло другое, а то вѣдь онъ самый близкій нашъ родственникъ, вѣдь онъ родной братъ мнѣ, Петруша; родной дядя тебѣ...

Петруша, все продолжавшій ходить по комнатѣ, при этомъ возраженіи маменьки, вдругъ остановился и ударилъ кулакомъ по столу. — Дядя! дядя!.. повторялъ онъ. Да чтожь такое дядя?.. Я этого рѣшительно не понимаю... Ваши родственные предразсудки меня возмущаютъ...

И Петруша принялся доказывать маменькѣ, что одно кровное родство ничего не значитъ, что есть родство другое, высшее, духовное,—единственное, которое можетъ допустить человѣкъ мыслящій и развитой, что онъ ни съ дядюшкой своимъ и почти ни съ кѣмъ изъ родныхъ ничего не имѣетъ общаго, что они находятся въ состояніи дикомъ и болѣе походятъ на звѣрей, чѣмъ на людей.

Олимпіада Игнатьевна слушала сына, сомнительно покачивая головою.

Когда Петруша кончилъ, она возразила:

— Это можетъ быть такъ, по вашему, по нынѣшнему, а по нашему не такъ.

Петруша разсердился. Онъ непремѣнно хотѣлъ поставить маменьку на ту высшую точку, съ которой самъ смотрѣлъ на этотъ предметъ—и продолжалъ безпощадно уничтожать маменькины предразсудки и доказывать не-

логичность ея образа мыслей. Олимпіада Игнатьевна слушала его, не понимая ни слова, и между тѣмъ слѣдила за Фенькою, которая начинала, по своему обыкновенію, дремать, прислонясь къ двери, и грозила ей пальцемъ.

А Петруша все ораторствовалъ. Наконецъ Олимпіада Игнатьевна рѣшилась прервать его.

— Другъ мой, Петинька, сказала она:—ты бы лучше прочелъ мнѣ свои послѣдніе стишки. Ты знаешь, мой ангелъ, какъ я люблю всѣ твои сочиненія.

На лицѣ Петруши, при этихъ словахъ, выразилась горькая, ядовитая улыбка. И когда маменька повторила въ другой разъ о стишкахъ, онъ нехотя продекламировалъ:

Она сидѣла съ думой тайной,
А вѣтеръ листья шевелилъ.
И ликъ ея такъ мраченъ былъ,
И взоръ ея упалъ случайно
На желтый, высохшій листокъ;
Вдали посеребренъ луною,
Сквозь темный лѣсъ, сверкалъ потокъ...
Она кивала головою
И вздохъ ея былъ такъ глубокъ!

Отъ стиховъ маменька была въ восторгѣ и расцаловала за нихъ Петрушу, прибавивъ, однакожъ: зачѣмъ только ты пишешь, голубчикъ, все такое печальное?

Потомъ Олимпіада Игнатьевна выдрала Феньку за уши и послала ее за Ларькой и Марфуткой. Когда Ларька и Марфутка убрали чашки, въ комнатѣ снова водворилась тишина. Петруша молчалъ и курилъ трубку. Наташа машинально перебирала листы стараго календаря, лежавшаго передъ ней на столѣ. Олимпіада Игнатьевна, закутавшись въ платокъ, охала и кряхтѣла у печки... Только дождь все стучалъ въ окна.

Вдругъ раздался отдаленный звонъ колокольчика, и всѣ встрепенулись невольно при этомъ звонѣ. Петруша приподнялся съ креселъ, Олимпіада Игнатьевна и Наташа вздрогнули, всѣ въ одинъ голосъ вскрикнувъ: «кто бы это?» и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

ГЛАВА II.

Колокольчикъ между тѣмъ, приближался, заливаясь звучнѣй и звучнѣй... Наташа вскочила съ дивана, бросилась къ окну и сердце ея забилось шибко. Отчего? Не ждала ли она кого нибудь? Нѣтъ! кого ей ждать: сосѣди и сосѣдки ихъ были противные, по ея собственному выраженію, родственники скучные, а кромѣ сосѣдей, сосѣдокъ и родственниковъ пріѣхать нѐкому. Правда, Наташа была довольно дружна съ одной изъ своихъ двоюродныхъ сестрицъ, но эта двоюродная сестрица жила отъ нихъ верстахъ во ста и ѣздила къ нимъ очень рѣдко, потому что больная тетка не отпускала ее отъ себя. Сестрицы она не могла ждать; но Наташѣ было все равно,—лишь бы кто нибудь пріѣхалъ, хоть кто нибудь изъ противныхъ,—все бы веселѣе, все бы легче, все какое нибудь развлеченіе.

— Ахъ, маменька, радостно вскрикнула Наташа, глядя въ окно.

— Что такое?.. кого нелегкая принесла въ этакую погоду? простонала Олимпіада Игнатьевна, какъ будто нехотя приподнимаясь съ дивана, въ ту самую минуту какъ колокольчикъ задребезжалъ и смолкъ у самаго подъѣзда:—теперь добрый хозяинъ собаки не выгонитъ со двора.

— Маменька, продолжала Наташа:—посмотрите, какой чудесный тарантасъ, какія лошади! кто бы это?

— Братецъ, Сергѣй Александрычъ! вскрикнулъ Петруша:—это онъ, право онъ!

— Можетъ ли быть? откуда же? какъ? спросила Олимпіада Игнатьевна, оживляясь.

— И съ нимъ еще кто-то, замѣтилъ Петруша.

— Ахъ, маменька, въ самомъ дѣлѣ, и еще кто-то! закричала Наташа.

— Да не ужто, въ самомъ дѣлѣ, это онъ? повторила Олимпіада Игнатьевна, обращаясь къ Петрушѣ.—Вотъ нежданный-то гость, признаюсь! продолжала она нѣсколько иронически: прямо—изъ-за границы что ли изволилъ прикатить къ намъ въ глушь?—Видно ужь всѣ денежки прокутилъ, голубчикъ! Наташа, брось свою кацавейку-то,—

надѣнь какой нибудь платочекъ на шею, а то вѣдь тебя, глупую провинціалку, какъ разъ осмѣютъ. Вѣдь Сергѣй Александрычъ, матушка, не то что мы, дикари: онъ человѣкъ столичный, свѣтскій, за-границей жилъ, въ Парижѣ былъ.

Въ передней, между тѣмъ, послышался шумъ. Иронія исчезла съ лица Олимпіады Игнатьевны и мгновенно смѣнилась выраженіемъ истинно-родственнаго восторга. Съ этимъ выраженіемъ бросилась она въ переднюю на встрѣчу къ племяннику.

— Другъ мой, другъ мой!.. Она крѣпко прижала племянника къ своему сердцу.—Вы ли это, батюшка мой?— васъ ли я вижу?.. Ахъ, какая радость! какая неожиданная радость! Боже мой! Боже мой!.. и какъ вы стали похожи на покойника братца! точно вотъ какъ будто онъ голубчикъ передо мною!.. Знаете ли вы, какъ онъ любилъ меня?

Олимпіада Игнатьевна рыдала безъ слезъ, припавъ головой къ плечу родственника, обнимала и цаловала его.

Положеніе Сергѣя Александрыча (ибо это точно былъ онъ) было затруднительно. Минутъ пять, по крайней мѣрѣ, тетушка душила его въ своихъ горячихъ родственныхъ объятіяхъ, а братецъ Петруша такъ крѣпко и значительно жалъ ему руку, что Сергѣй Александрычъ единственно только изъ приличія не кричалъ отъ боли. Между тѣмъ, Наташа, еще не замѣченная братцомъ, стояла у входа въ переднюю. Наташа накинула на шею розовой платочекъ,— лучшій платочекъ, какой только былъ у нея, надѣла чистую манишку и даже украсила руку блестящимъ браслетомъ. Она была въ сильномъ волненіи, и смотрѣла на братца съ робкимъ любопытствомъ. Въ то же время, головы горничныхъ дѣвокъ поперемѣнно высовывались изъ полурастворенной половинки дверей. Ларька, выпуча глаза, розиня ротъ и почесываясь, смотрѣлъ на пріѣзжихъ. Возлѣ Ларьки стоялъ Петровичъ, буфетчикъ и дворецкій Олимпіады Игнатьевны, человѣкъ лѣтъ сорока, въ нанковомъ сюртукѣ вердепомоваго цвѣта съ пуфами на рукавахъ, съ длинными завитыми висками, съ огромнымъ хохломъ и съ сережкой въ ухѣ—лицо важное въ домѣ, пользовавшееся полною довѣренностію барыни. Онъ съ проницательностью

обозрѣвалъ пріѣзжихъ, изрѣдка только покрякивая, чтобы обратить на себя ихъ вниманіе. Но не успѣвъ въ этомъ, онъ принялъ другія, болѣе сильныя мѣры и, дернувъ Ларьку за руку, произнесъ громко:

— Экая дурачина! Ну, что же ты чешешься при господахъ? не видишь что ли? ахъ, вы деревенскіе олухи, невѣжественная чернь.

Но и эта выходка не удалась Петровичу.

Голосъ его былъ заглушаемъ слезами, всхлипываніемъ, восклицаніями и другими нѣжными родственными изліяніями.

Когда Олимпіада Игнатьевна, наконецъ выпустила племянника изъ объятій, — онъ представилъ ей пріѣхавшаго съ нимъ своего пріятеля.

Затѣмъ всѣ двинулись изъ передней въ залу.

— А что Наташа? гдѣ же она? спросилъ Сергѣй Александрычъ у тетушки.

Наташа все еще стояла на томъ же мѣстѣ, сердце ея забилось при этомъ вопросѣ:—ей было очень пріятно, что братецъ вспомнилъ объ ней.

— Наташа! Наташа! закричала Олимпіада Игнатьевна:— а, да вотъ она! Видите ли, какъ она перемѣнилась; — вы ее чай, и не узнали бы...

— Здравствуйте, сестрица, сказалъ Сергѣй Александрычъ, взявъ руку Наташи.

Наташа вся вспыхнула, у нея загорѣлись даже уши. Она неловко присѣла и прошептала что-то невнятно на это привѣтствіе.

По дорогѣ изъ залы въ гостиную, Сергѣй Александрычъ шелъ рядомъ съ Наташею.

— Какъ вы похорошели, сказалъ онъ ей: — какъ вы выросли!

Наташа не знала, что дѣлать отъ замѣшательства и кусала губы.

— А что вы скучаете въ деревнѣ?

— Нѣтъ-съ...

Въ гостиной, которая отъ другихъ комнатъ отличалась только тѣмъ, что стѣны ея были выштукатурены и выбѣлены, всѣ чинно разсѣлись на диванѣ и около дивана.

Надъ диваномъ висѣли два родственные портрета, безъ рамокъ, намалеванные крѣпостнымъ живописцемъ и загаженные мухами. Передъ диваномъ стоялъ неизбѣжный круглый столъ.

— Вы, вѣрно, прозябли въ дорогѣ, сказала Олимпіада Игнатьевна, обращаясь къ гостямъ: — какая погода-то!.. не прикажете ли горяченькаго?.. Наташа! вели скорѣй ставить самоваръ.

Наташа выбѣжала изъ комнаты.

Въ дѣвичьей она бросилась на стулъ и въ первый разъ свободно вздохнула.

Дѣвки обступили ее.

— Вотъ, сударыня, сказала одна изъ нихъ постарше: — Богъ намъ далъ нежданныхъ гостей. Ишь какіе два молодчика прикатили, — чай, сердечко-то, матушка, у васъ такъ и ёкаетъ теперь.

— Ахъ, Аннушка, Аннушка! проговорила Наташа.

— Ну, что охать-то, сударыня? братецъ-то какой добрый: женишка намъ привезъ...

Дѣвки засмѣялись.

— Какой вздоръ, перестань Аннушка!

— А нѐшто онъ вамъ не нравится?

— Кто?

— А баринъ-то, котораго братецъ привезъ?

— Да я на него и не смотрѣла.

— И не смотрѣли! видите! какъ, чать, ужь не посмотрѣть на такого красавчика? А знаете, матушка, вѣдь братецъ-то пріѣхалъ въ нашу сторону на долго. Вплоть до зимы слышь-ты останутся.

— А ты почемъ это знаешъ? спросила Наташа.

— Ужь коли мнѣ не знать, матушка! Я все знаю.

— Оттого-то она, сударыня, такъ скоро и состарѣлась, что все знаетъ, возразила одна изъ нихъ съ усмѣшкою...

Между тѣмъ, въ гостиной, Олимпіада Игнатьевна, вздыхая и охая, продолжала изливать свои родственныя чувства передъ племянникомъ, а Петруша распрашивалъ братца о заграничной жизни, о направленіи умовъ въ Европѣ, о литературныхъ новостяхъ, о Парижѣ и Римѣ.

— Вѣдь онъ у меня поэтъ! говорила Олимпіада Иг-

натьевна, съ любовію глядя на сына и обращаясь потомъ къ гостямъ:—сидитъ себѣ цѣлый день въ своей комнаткѣ, никуда не выходитъ и все или читаетъ, или сочиняетъ. Онъ пишетъ прекрасные стишки! Прочти, дружочекъ, которые нибудь изъ нихъ братцу.

Сергѣй Александрычъ и его пріятель съ любопытствомъ обратились къ Петрушѣ; но Петруша закусилъ губу, съ досадою посмотрѣлъ на маменьку и отвѣчалъ, что на заказъ онъ ни писать, ни читать не можетъ.

Остальной вечеръ до ужина прошелъ не замѣтно. Сергѣй Александрычъ былъ любезенъ. Онъ много разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ и о своей заграничной жизни. Наташа сидѣла противъ него, съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ слушая эти разсказы. Она сдѣлалась гораздо смѣлѣе и смотрѣла на братца уже безъ замѣшательства.

Ужинъ состоялъ, по деревенскому обычаю, изъ пяти или шести блюдъ, съ супомъ включительно, изъ которыхъ почти ни одного нельзя было взять въ ротъ. Сергѣй Александрычъ и его пріятель только изъ приличія брали по немногу на тарелку всего, что имъ подавали, но Олимпіада Игнатьевна, при каждомъ блюдѣ, говорила имъ, вздыхая:

— Вы ничего не кушаете, такъ мало берете,—покушайте, мой голубчикъ. Конечно, наши деревенскія блюда послѣ парижскихъ,—и прочее.

И гости должны были давиться и кушать.

Послѣ ужина скоро всѣ разошлись, только Сергѣй Александрычъ остался поневолѣ съ тетушкой, потому-что тетушка сочла необходимымъ передать ему съ подробностями и со слезами о своей ссорѣ съ братцемъ Ардальономъ Игнатьичемъ, прибавивъ, что ссора эта рѣшительно разстроила ея здоровье и что она скоро, можетъ быть, сойдетъ въ могилу, къ утѣшенію Агафьи Васильевны.

Разставшись, наконецъ, съ тетушкой (это было уже за полночь), Сергѣй Александрычъ отправился въ назначенную ему комнату по небольшому, узкому и грязному коридору, который слабо освѣщался ночникомъ.

Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ Наташу.

Наташа вздрогнула, увидавъ его...

— Ахъ, это вы, братецъ! сказала она.

Братецъ очень пріятно улыбнулся.

— Я, милая кузина. Онъ хотѣлъ взять ее руку, но Наташа ускользнула отъ него, и сказала:

— Прощайте, желаю вамъ покойной ночи, — хотѣла идти и вдругъ остановилась.

— Знаете ли вы этотъ браслетъ? Она указала ему на свой браслетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сергѣй Александрычъ, — а чѣмъ онъ замѣчателенъ?

— Посмотрите хорошенько.

Сергѣй Александрычъ взялъ руку Наташи и началъ внимательно разглядывать браслетъ.

— Прекрасный браслетъ! сказалъ онъ, поцаловавъ ея руку.

— Ну, а кто̀ подарилъ его мнѣ?

— Кто?

— Будто вы не знаете?

— Не знаю.

— Ахъ, Боже мой, это вы же мнѣ прислали его изъ чужихъ краевъ. Вы ужь забыли? прибавила Наташа съ упрекомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? я?..

Въ эту минуту гдѣ-то скрипнула дверь. Наташа еще разъ произнесла:—прощайте, братецъ, покойной ночи! — и исчезла.

— Какая милая! сказалъ про себя Сергѣй Александрычъ.

ГЛАВА III.

Но здѣсь я долженъ оставить на время Наташу и ея маменьку, и обратиться къ тѣмъ, которые такъ внезапно нарушили своимъ пріѣздомъ однообразіе и миръ ихъ деревенской жизни.

Сергѣй Александрычъ, родной племянникъ Олимпіады Игнатьевны и двоюродный братецъ Наташи, имѣлъ состояніе значительное. Этимъ значительнымъ состояніемъ онъ

былъ обязанъ своему родителю. Родитель Сергѣя Александрыча—кавалеристъ временъ Бурцова, широкоплечій, полный, удалой, забіяка, съ огромными усами и съ неменьшею самоувѣренностью, созданъ былъ на соблазнъ прекраснаго пола. Всѣ барыни и барышни чувствовали къ нему особенное поползновеніе и съ волненіемъ впивались въ него любопытными очами, когда онъ, бывало, прокатывался мимо ихъ оконъ на лихой караковой парѣ, самъ подхлестывая пристяжную, изгибавшуюся въ три погибели, или когда входилъ въ комнату, гремя саблей, постукивая шпорами и покручивая свой густо-нафабренный усъ. Но болѣе всѣхъ, при взглядѣ на него, билось сердце одной вдовы. И чаще всего встрѣчались взоры ея съ его взорами. Вдова эта была не простая вдова, — а вдова генерала, и дочь—да притомъ еще любимая дочь — извѣстнаго въ то время своимъ богатствомъ коммерціи совѣтника Пузина. Полная, слабонервная и сентиментальная, она проливала слезы надъ «Бѣдной Лизой» Карамзина и въ то же время немилосердно таскала за косы свою горничную Лизку. Между кавалеристомъ и вдовой завязались письменныя сношенія. Въ письмахъ она называла его *Эрастомъ*, хотя его звали Александромъ Игнатьичемъ, и требовала непремѣнно, чтобы онъ звалъ ее *Темирой*, хотя ее звали Палагеей Васильевной. Она страдала и вздыхала, и хотѣла, чтобы и онъ страдалъ и вздыхалъ,—и забіяка-кавалеристъ покорился волѣ женщины. Забывая и ромъ, и аракъ, съ твердостью перенося насмѣшки собутыльныхъ друзей своихъ,—онъ вздыхалъ, глядя на нее, меланхолически покручивая усъ и живописно опираясь на саблю. Мало этого: онъ даже написалъ ей въ альбомъ стишки, сочиненные его пріятелемъ, которые, разумѣется, выдалъ за свои:

Бряцай, уныла лира!
Покой свой погубя,
О, милая Темира!
Я буду пѣть тебя.

Ахъ, можетъ ли сравняться
Съ любовью что твоей?
За славою гоняться
Я не хочу, ей-ей...

Коль пѣсенка простая
Понравится тебѣ,
Темира дорогая!
Вотъ вся награда мнѣ.

Стишки порѣшили все: Темира не выдержала, разрыдалась, бросилась на шею къ своему милому, и сочеталась съ нимъ бракомъ. А Александръ Игнатьичъ достигъ своей цѣли, уплатилъ всѣ долги и зажилъ въ Петербургѣ великолѣпно и открыто, пріобрѣтя всеобщее уваженіе и сдѣлавшись кумиромъ всѣхъ своихъ родныхъ... Вскорѣ Богъ даровалъ ему дитя мужескаго пола, котораго въ св. крещеніи нарекли Сергіемъ. День рожденія Сергѣя Александрыча, былъ днемъ неописанной радости для его родителей, и съ этого дня Божіе благословеніе, никогда, впрочемъ, не оставлявшее Палагею Васильевну и ея супруга, еще явнѣе стало обнаруживаться надъ ними. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому служило, между прочимъ, и то, что ровно черезъ два мѣсяца послѣ этого дня, они пріобрѣли за бѣзцѣнокъ продававшееся съ аукціоннаго торга великолѣпное село Куроѣдово, принадлежавшее какому-то промотавшемуся князю и, по счастливой случайности, находившееся только въ восьми верстахъ отъ села Брюхатова, въ которомъ родился Александръ Игнатьичъ, и гдѣ покоился, до всеобщаго воскресенія, прахъ его родителей. Куроѣдово, въ честь Сергѣя Александрыча, было тотчасъ же переименовано въ Сергіевское.

Для того, чтобы удобнѣе наслаждаться супружескимъ счастіемъ и спокойствіемъ жизни, Александръ Игнатьичъ вышелъ въ отставку. Безпримѣрная любовь достойныхъ супруговъ возбуждала въ Петербургѣ, во время оно, всеобщій восторгъ и уваженіе. Палагея Васильевна никогда не говорила безъ слезъ о мужѣ. «Это ангелъ, настоящій ангелъ!» повторяла она: — «онъ обожаетъ меня»... И, въ подтвержденіе этого, разсказывала, какъ, однажды горничная нагрубила ей, и какъ Александръ Игнатьичъ, узнавъ объ этомъ, вдругъ весь измѣнился въ лицѣ, побагровѣлъ и ударилъ горничную изо всей силы, такъ что она изъ одного угла комнаты отлетѣла въ другой и чуть не разшибла себѣ головы объ уголъ печки...

О любви родителей къ Сергѣю Александрычу и о воспитаніи его мы распространяться не будемъ. Довольно сказать, что на него не жалѣли денегъ. И когда Сергѣй Александрычъ кончилъ курсъ въ университетѣ, онъ зажилъ блистательно.

Вскорѣ послѣ этого родители скончались. Отецъ Сергѣя Александрыча объѣлся устрицъ, а маменька не могла пережить его и послѣдовала за нимъ въ могилу. Сергѣй Александрычъ въ двадцать семь лѣтъ сдѣлался полнымъ властелиномъ имѣнія. Смерть родителей развязала ему руки. Послуживъ немного и проживъ года три въ Петербургѣ, онъ вышелъ въ отставку, и поѣхалъ въ деревню, чтобы собрать съ крестьянъ оброки, расплатиться съ долгами и потомъ отправиться за границу. За границею Сергѣй Александрычъ пробылъ три года. Въ Германіи на какихъ-то водахъ проигралъ тысячъ двадцать въ рулетку, въ Римѣ отдыхалъ отъ жизни, и волочился на развалинахъ Колизея за какой-то русской княгиней или графиней, а въ Парижѣ содержалъ лоретку, ту самую лоретку, къ которой, по его увѣренію, одинъ изъ bel esprit Café Anglais написалъ знаменитый куплетъ:

«Connaissez-vous dans la rue de Provence
Une femme, qu'on cite partout pour sa beauté,
Pour son esprit et pour son élégance?
Eh bien, messieurs, c'est moi, sans vanité...

Grande et brune à l'œil noir
C'est au bal qu'il faut me voir.
Je fais des maiheureux
Et même parfois des heureux...

Сергѣй Александрычъ вывезъ изъ Европы большую увѣренность въ собственныя достоинства, нѣсколько великолѣпныхъ и поэтическихъ фразъ объ Италіи (порядочно устарѣвшихъ въ наше время), щегольское платье изъ Лондона, и начало статьи: «О будущности Россіи и объ отношеніяхъ ея къ западной Европѣ».

Сергѣй Александрычъ имѣлъ мало общаго съ пріятелемъ и спутникомъ своимъ Григорьемъ Алексѣичемъ. Гри-

горій Алексѣичъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей, которые заботились мало о его воспитаніи. Патріархальная ихъ любовь къ нему ограничивалась только заботою о томъ, чтобы онъ былъ сытъ и здоровъ. Отецъ его даже былъ положительно увѣренъ, что образованіе больше вредно, чѣмъ полезно, потому что сынъ одного богатаго помѣщика ихъ губерніи, на воспитаніе котораго потратили десятки тысячъ, ничему не выучился и вышелъ негодяемъ, а другой молодой человѣкъ, сынъ другого помѣщика ихъ же губерніи, оставленный на произволъ Божій съ тринадцати лѣтъ, самъ, безъ учителей, всѣмъ наукамъ обучился, сдѣлался благонамѣреннымъ и добропорядочнымъ малымъ, собственными трудами добывалъ себѣ хлѣбъ и, впослѣдствіи, еще кормилъ своихъ престарѣлыхъ и промотавшихся родителей...

Свѣтлорусые волосы, завивавшіеся отъ природы, голубые глаза съ задумчивымъ выраженіемъ, блѣдность лица, нерѣшительная и медленная поступь, рано развивавшаяся страсть къ чтенію, — все это рѣзко отличало Григорья Алексѣича отъ всѣхъ остальныхъ деревенскихъ барченковъ-головорѣзовъ, его сверстниковъ. Григорій Алексѣичъ не занимался играми, свойственными его лѣтамъ, и гонялъ отъ себя прочь дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, которыхъ маменька посылала къ нему для забавы, и которыми мастерски помыкали и распоряжались старшія и меньшія его сестрицы. Деликатная натура Григорья Алексѣича приводила въ немалое изумленіе его достойныхъ родителей. Папенька, глядя на него, покачивалъ головою и пожималъ плечами, или иногда, въ веселый часъ, залившись добродушнымъ смѣхомъ, восклицалъ, обращаясь къ женѣ своей: «А что̀ матушка... ужь полно мой ли это сынъ?.. Я что-то, право, сомнѣваюсь въ этомъ! ха, ха, ха!..» Маменька, цалуя Григорья Алексѣича и осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, говорила обыкновенно, вздыхая: «Нелюдимое ты мое дитятко, дикарь ты мой милый»...

Григорью Алексѣичу уже было пятнадцать лѣтъ, когда одинъ молодой, богатый и образованный помѣщикъ, ближайшій сосѣдъ его родителей, обратилъ на него вниманіе. Иванъ Ѳедорычъ (такъ звали этого помѣщика), нашелъ въ

Григорьѣ Алексѣичѣ душу впечатлительную и поэтическую и притомъ большую любознательность. Жаль ему стало, что духовныя способности бѣднаго мальчика пропадаютъ, лишенныя средствъ къ развитію, и ему пришло въ голову взять его къ себѣ и заняться его воспитаніемъ. Ивану Ѳедорычу необходимо было какое нибудь развлеченіе, потому что прелесть деревенской праздности начинала нѣсколько тяготить его. Но слухъ о благодѣтельномъ намѣреніи Ивана Ѳедорыча достигъ какимъ-то образомъ преждевременно до отца Григорья Алексѣича, съ прикрасами и прибавленіями, отчасти оскорбительными для его родительскаго самолюбія...

— Ахъ, онъ разбойникъ, вольнодумецъ, христопродавецъ! восклицалъ, задыхаясь, отецъ Григорья Алексѣича:— вишь какую штуку откололъ! Отнять у меня сына хочетъ, — только!.. Да я лучше отдамъ его въ свинопасы, чѣмъ къ нему на воспитаніе, къ душегубцу! Пусть свиней лучше пасетъ съ подлецомъ Ермошкой!..

Но судьба Григорья Алексѣича рѣшилась вдругъ и совершенно неожиданно. Въ одно прекрасное утро, отецъ его внезапно скончался. Дѣла, по смерти его, оказались въ величайшемъ разстройствѣ. Положеніе вдовы было бѣдственно: Къ счастію ея, Иванъ Ѳедорычъ, котораго покойный звалъ христопродавцемъ, первый явился къ ней, принялъ въ ея положеніи участіе и упросилъ ее, чтобы она отдала ему Григорья Алексѣича на воспитаніе. Вдова рѣшилась на это, впрочемъ, не вдругъ.

Большой, старинный барскій домъ, отдѣльная комната, посвященная книгамъ и уставленная бюстами великихъ мужей древности; столъ, заваленный брошюрами, газетами и книгами; лакеи обутые, обритые и одѣтые прилично, хотя и смотрѣвшіе нѣсколько мрачно и изъ подлобья; — хозяинъ дома, обращавшійся очень тихо и кротко со всею дворнею,—все это приводило сначала Григорья Алексѣича въ немалое изумленіе. Но онъ не долго скучалъ по родительскомъ кровѣ и скоро привыкъ къ своей новой жизни, которая такъ рѣзко отличалась отъ жизни его семейства. Къ удовольствію наставника, ученикъ оказывалъ быстрые успѣхи и развивался. Черезъ два года Григорій Алексѣичъ

могъ свободно читать по французски и даже по нѣмецки. Онъ жадно и безъ всякаго разбора принялся за чтеніе. Особенно нравились ему французскія новѣйшія драмы и романы; но Иванъ Ѳедорычъ остановилъ его юношескій порывъ. Иванъ Ѳедорычъ не терпѣлъ новѣйшей французской литературы. Онъ боялся, что она произведетъ вредное вліяніе на его питомца, и съ особеннымъ наслажденіемъ вводилъ его въ таинственный и мистическій германскій міръ, такъ раздражающій нервы, такъ обаятельно дѣйствующій на юное воображеніе. Гофманъ, Тикъ, Уландъ, Жанъ-Поль-Рихтеръ были настольными книгами Ивана Ѳедорыча. Дѣйствительная, практическая жизнь не имѣла для него никакой поэзіи, никакого интереса. Высочайшимъ идеаломъ была для него рыцарская, средне-вѣковая Европа. Онъ бродилъ ощупью въ туманныхъ, фантастическихъ мірахъ и былъ совершенно глухъ и слѣпъ для дѣйствительной жизни, — рѣшительно не вѣдая, что дѣлается у него подъ носомъ. Добрый и кроткій отъ природы, искренно негодовавшій противъ всякаго притѣсненія и насилія, онъ вѣрилъ на слово своему управляющему—нѣмцу, который въ глазахъ его, самымъ безстыднымъ и наглымъ образомъ обиралъ и притѣснялъ крестьянъ его, увѣряя, что они благоденствуютъ. Четыре года сряду прожилъ онъ въ деревнѣ, съ намѣреніемъ поправить свои дѣла, разстроенныя еще его отцомъ и дѣдомъ, и впродолженіе этихъ четырехъ лѣтъ не могъ узнать положительно, ни сколько у него земли, ни сколько душъ. Врожденная безпечность и лѣнь,— широко развились въ Иванѣ Ѳедорычѣ, подъ благотворною сѣнію деревенскаго быта. Любо и вольно было ему въ халатѣ и туфляхъ, на широкомъ восточномъ диванѣ, лежать цѣлые дни съ книгою Жанъ-Поля-Рихтера въ рукѣ и съ янтаремъ въ зубахъ, изрѣдка прерывая чтеніе или мечту лѣнивымъ крикомъ: «Васька! трубку»... Одного только не доставало Ивану Ѳедорычу — человѣка, съ которымъ бы иногда, за чашкой чая, съ янтаремъ въ зубахъ, пофилософствовать и помечтать... Но вотъ, Григорій Алексѣичъ подросъ... Ему девятнадцать лѣтъ... съ нимъ можно говорить о чемъ угодно: онъ понимаетъ все; чего жь лучше? Надо замѣтить, что Иванъ Ѳедорычъ первые мѣсяцы, съ

горячностью принявшійся за образованіе своего питомца, отъ непривычки къ труду, скоро утомился и предоставилъ его собственному развитію. Ученику нельзя было не увлечься примѣромъ учителя... Удобства праздной, барской жизни— соблазнительны; Григорій Алексѣичъ обыкновенно такъ же лѣниво валялся по дивану съ Шиллеромъ, какъ Иванъ Ѳедорычъ съ Жанъ-Полемъ. Григорій Алексѣичъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на косогорѣ, близь рощи, и, мечтая о чемъ-то, слѣдилъ за полетомъ жаворонка и прислушивался къ его пѣснѣ.

— Боже мой! какъ хороша природа! какъ хороша жизнь! восклицалъ онъ, съ чувствомъ глядя на своего благодѣтеля. А тотъ, вздыхая, смотрѣлъ на него съ завистью, думая: «Когда-то и я также живо и страстно восхищался природою и жизнію»!... И бралъ дикіе и мрачные аккорды... на разстроенныхъ фортепьянахъ.

Однажды, утромъ, за кофеемъ Иванъ Ѳедорычъ какъ-то необыкновенно пристально и долго глядѣлъ на Григорья Алексѣича. Григорій Алексѣичъ былъ уже молодецъ хоть куда, высокій и статный. Онъ значительно пополнѣлъ на вольномъ воздухѣ и на даровомъ хлѣбѣ; его густые и волнистые волосы живописно падали до плечъ, а усы пробивались съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Иванъ Ѳедорычъ крѣпко задумался, глядя на него.

«Я взялъ на себя воспитаніе этого молодого человѣка», думалъ онъ:—«на мнѣ лежитъ высокая и святая обязанность въ отношеніи къ нему. А я съ моей отвратительной безпечностію эгоистически держалъ его при себѣ до этихъ лѣтъ. Это непростительно»!

Иванъ Ѳедорычъ, терзаемый этими мыслями, въ волненіи сталъ прохаживаться по комнатѣ — и вдругъ остановился передъ Григорьемъ Алексѣичемъ.

— Я виноватъ передъ тобой, Grégoire,—произнесъ онъ торжественно и не безъ волненія,—виноватъ страшно...

Онъ взялъ Григорья Алексѣича за руку и крѣпко пожалъ ее.

Григорій Алексѣичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Виноватъ потому, что я не заботился о тебѣ, потому, что понадѣялся на себя. Я думалъ, что могу

сколько нибудь подготовить тебя здѣсь къ университету, безъ посторонней помощи; эти годы тебѣ необходимо было ученье классическое, серьёзное,—а они прошли такъ, они потеряны для тебя безъ всякой пользы. Это убиваетъ меня, Grégoire!..

Иванъ Ѳедорычъ снова началъ прохаживаться по комкомнатѣ въ сильной тревогѣ...

— Боже мой! Боже мой! говорилъ онъ:—хотя бы одно намѣреніе мое, хотя бы одну мысль я могъ когда нибудь осуществить на дѣлѣ!.. А мнѣ уже 34 года! Нѣтъ, я не способенъ ни къ чему — ни къ любви, ни къ дружбѣ, а между тѣмъ, у меня сердце любящее, Grégoire, клянусь тебѣ!

У Ивана Ѳедорыча выступили на глазахъ слезы...

— Въ 34 года я немогу совладать съ самимъ собою, а беру на себя участь другихъ! Пожалѣй обо мнѣ.

Иванъ Ѳедорычъ бросился въ кресло и закрылъ лицо рукою.

— Но прошедшаго не воротишь, продолжалъ онъ черезъ минуту, болѣе спокойнымъ голосомъ: — намъ надобно ѣхать въ Москву сейчасъ же, не отлагая; время дорого. Ты еще тамъ можешь приготовиться къ университету, съ твоими способностями это легко... Все еще можно поправить... Не правда ли? Я самъ непремѣнно поѣду съ тобой, я не оставлю тебя, буду слѣдовать за твоими занятіями.

Григорій Алексѣичъ до глубины души былъ тронутъ словами своего благодѣтеля. Онъ бросился къ нему съ юношескимъ увлеченіемъ. Иванъ Ѳедорычъ крѣпко прижалъ его къ груди и прошепталъ: — прости меня!..

Затѣмъ начались приготовленія къ отъѣзду, продолжавшіяся ровно четыре мѣсяца. Извѣстно, до какой степени наши помѣщики, засидѣвшіеся въ деревнѣ, тяжелы на подъемъ. Наконецъ давножеланный день отъѣзда наступилъ. Григорій Алексѣичъ простился, съ матерью и, полный самыхъ блестящихъ надеждъ и фантазій, отправился въ Москву вмѣстѣ съ своимъ благодѣтелемъ.

ГЛАВА IV.

Во время óно существовалъ въ Москвѣ исключительный кружокъ молодыхъ людей, связанныхъ между собою высшими интересами и симпатіями, выражаясь языкомъ того времени. Кружокъ этотъ состоялъ изъ молодыхъ людей очень умныхъ и начитанныхъ, превосходно разсуждавшихъ объ искусствахъ, литературѣ и о предметахъ, относящихся къ области самаго отвлеченнаго мышленія; только избранные попадали въ этотъ кружокъ, потому-что попасть въ него было не легко. Отъ молодого человѣка вступающаго въ него требовалось философское проникновеніе въ сокровенныя таинства жизни...

Я живо помню это время: съ біеніемъ сердца, съ благоговѣйнымъ трепетомъ переступалъ я бывало, порогъ, за которымъ обсуживались великіе современные вопросы, гдѣ враждовали и примирялись съ дѣйствительностію, гдѣ анализировались малѣйшіе поступки человѣка съ безпощадною строгостію, гдѣ каждый сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи надъ собственнымъ *я* и любовался, какъ дитя игрушкою, собственными страданіями; гдѣ съ энергическимъ ожесточеніемъ преслѣдовалась всякая фраза и гдѣ безъ фразы не дѣлали ни шагу; гдѣ предавалась посмѣянію и позору всакая фантазія и гдѣ всѣ немножко растлѣвали себя фантазіями.

Давно разошлись въ разные стороны люди, составлявшіе кружокъ этотъ.

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече»...

Одни пали въ безсиліи подъ тяжелою ношей дѣйствительной жизни, или живутъ въ своихъ фантазіяхъ и совершенно удовлетворяются ими, другіе очень легко и дешево примирились съ дѣйствительностію, третьи... Но — это былъ все-таки замѣчательный для своего времени кружокъ, много способствовавшій нашему общественному развитію... Память объ немъ всегда сохранится въ исторіи русскаго просвѣщенія...

Когда Григорій Акексѣичъ пріѣхалъ въ Москву, кру-

жокъ былъ въ полномъ цвѣтѣ. Иванъ Ѳедорычъ самъ принадлежалъ къ нему нѣкогда и изъ него вынесъ свое туманное романтическое настроеніе и любовь къ мистицизму. Сердце Ивана Ѳедорыча сильно билось, когда онъ подъѣзжалъ къ Москвѣ, и нетерпѣніе увидѣть прежнихъ друзей своихъ возрастало въ немъ болѣе и болѣе. — Я съ ними провелъ лучшіе дни моей жизни, говорилъ Иванъ Ѳедорычъ своему питомцу:—ты увидишь, Grégoire, что̀ это за люди, какъ я духовно связанъ съ ними! Какія святыя отношенія всегда существовали между нами!... Ты увидишь ихъ! И у Ивана Ѳедорыча дрожали слезы на глазахъ, когда онъ говорилъ это.

Но Ивану Ѳедорычу готовилось разочарованіе. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ деревнѣ, все страшно измѣнилось въ его кружкѣ. Романтизмъ уже давно пересталъ быть въ ходу, о немъ отзывались друзья его съ ѣдкими насмѣшками, съ презрѣніемъ; на романтиковъ смотрѣли они уже, какъ на людей отсталыхъ и пошлыхъ. О Жанъ-Полѣ, Гофманѣ, Тикѣ, къ великой скорби Ивана Ѳедорыча, и помину не было. Всякая наклонность къ мистическому преслѣдовалась безпощадно. Порыванія *туда* (dahin), различныя праздныя сѣтованія и страданія были отброшены. Всѣ, напротивъ, кричали о примиреніи съ дѣйствительностію, о трудѣ и дѣлѣ (хотя, какъ и прежде того, никто ничего не дѣлалъ). Шиллеръ низвергнутъ былъ съ пьедестала; всеобъемлющій Гёте обожествленъ, послѣднее слово для человѣчества отыскано въ Гегелѣ и рѣшено, что далѣе его человѣческая мысль уже не можетъ идти... У Ивана Ѳедорыча закружилась голова отъ всѣхъ этихъ новостей и не разъ пробовалъ онъ вступаться за своихъ любимыхъ писателей, за прелесть созерцательной жизни, которую почиталъ неотъемлемою принадлежностію деликатныхъ натуръ, за готическіе храмы и за мистическую поэзію, но съ нимъ даже не спорили, ему отвѣчали только ироническими улыбками. Друзья его послѣ перваго свиданія съ нимъ, рѣшили въ тайнѣ, что онъ не способенъ ни къ какому развитію и, по ограниченности натуры, долженъ на вѣки погрязнуть въ романтизмѣ.

Итакъ, эти святыя отношенія, которыя нѣкогда связывали Ивана Ѳедорыча съ его друзьями и о которыхъ онъ съ такимъ чувствомъ говорилъ Григорью Алексѣичу,— уже не существовали. Иванъ Ѳедорычъ понялъ это и началъ хандрить и страдать, безпрестанно вспоминая о своемъ прошедшемъ, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ.

Между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ первые мѣсяцы по пріѣздѣ въ Москву, принявшійся за ученье съ большимъ жаромъ, успѣлъ уже утомиться, отложилъ намѣреніе вступить въ университетъ—и ходилъ только на лекціи къ нѣкоторымъ профессорамъ, которые ему особенно нравились. День, въ который Иванъ Ѳедорычъ представилъ его своимъ друзьямъ, въ качествѣ молодого человѣка, подающаго надежды,—этотъ день былъ торжественный для Григорья Алексѣича. У него замерло сердце, когда онъ въ первый разъ вступалъ въ этотъ кружокъ... И все въ немъ показалось ему необыкновеннымъ: на челѣ каждаго изъ присутствующихъ онъ читалъ высшее призваніе и съ жадностію ловилъ каждое слово. Правда, многое изъ слышаннаго имъ, было ему темно и непонятно, но это-то и нравилось ему. Въ простотѣ и незлобіи своего молодого сердца, онъ полагалъ, что вся глубина человѣческой мудрости заключается именно въ темномъ и непонятномъ.

Григорій Алексѣичъ, съ своей стороны, произвелъ на друзей своего благодѣтеля очень пріятное впечатлѣніе и принятъ былъ подъ ихъ покровительство. Способности его къ развитію признаны, нужно было только, какъ говорили, освободить его отъ вліянія Ивана Ѳедорыча, который своимъ болѣзненнымъ, романтическимъ настроеніемъ уже успѣлъ сдѣлать ему много вреда. Подъ руководствомъ своихъ новыхъ наставниковъ, Григорій Алексѣичъ начиналъ мало-по-малу посвящаться въ глубокія таинства науки, искусства и жизни... Онъ принялся изучать и переводить Гете и даже попробовалъ заглянуть въ Гегеля. — Первый и огромный шагъ къ будущимъ успѣхамъ былъ уже сдѣланъ. Съ этой минуты авторитетъ Ивана Ѳедорыча утратилъ для него все значеніе. На своего благодѣтеля онъ посматривалъ уже съ ироніею, какъ на человѣка отставшаго, и исподтишка, иногда подсмѣивался надъ нимъ до-

вольно остроумно. Благодѣянія Ивана Ѳедорыча сдѣлались ему тягостны. Григорій Алексѣичъ ощутилъ въ себѣ потребность выйдти изъ подъ его опеки и начать жизнь самостоятельную. Къ тому же, съ нѣкотораго времени, Иванъ Ѳедорычъ жаловался на своего управляющаго, который мало высылалъ ему денегъ. Надобно было на что нибудь рѣшиться. Григорій Алексѣичъ крѣпко призадумался о своемъ положеніи. Онъ понималъ, что вѣчно пребывая въ сферѣ отвлеченныхъ умствованій и созерцаній, легко можно умереть съ голоду, что необходимо ему избрать какой нибудь родъ жизни, начать трудиться на какомъ нибудь поприщѣ, для пріобрѣтенія себѣ независимости и насущнаго куска хлѣба. Григорью Алексѣичу, какъ и всякому русскому дворянину, предстояли на выборъ два обширныя, блестящія поприща для дѣятельности: воинское и гражданское... Но, увы! герой мой не былъ приготовленъ ни для того, ни для другого. Пойдти въ офицеры онъ не могъ, потому что не ощущалъ въ себѣ достаточно геройскаго духа и воинскихъ наклонностей; сдѣлаться чиновникомъ не хотѣлъ, потому что для этого нужно было прежде пріобрѣсть чинъ, а для пріобрѣтенія чина выдержать университетскій экзаменъ. Что же оставалось ему? Въ качествѣ недоросля изъ дворянъ, заняться литературой? И, въ самомъ дѣлѣ, Григорій Алексѣичъ, съ удовольствіемъ остановился на этой мечтѣ...

Такимъ образомъ, успокоивъ себя, Григорій Алексѣичъ сталъ лелѣять и развивать въ себѣ эту соблазнительную мечту, продолжая жить на счетъ своего благодѣтеля. Но Иванъ Ѳедорычъ вдругъ и совершенно противъ собственнаго желанія долженъ былъ оставить Москву. Онъ получилъ письмо отъ своего управляющаго, который ссылаясь: 1) на плохіе урожаи, 2) на дорогое содержаніе обширной дворни и 3) на необходимыя и значительныя издержки, какъ-то: на поправку двухъ вѣтряныхъ и одной водяной мельницъ и на перестройку службъ, пришедшихъ въ крайнюю ветхость,—объявлялъ на отрѣзъ, что впредь денегъ высылать вовсе не можетъ.

Горько было прощаніе Ивана Ѳедорыча съ Григорьемъ Алексѣичемъ.

— Можетъ быть, мы видимся съ тобою, Grégoire, въ послѣдній разъ, говорилъ онъ, едва удерживая слезы:—я, кажется, ужь никогда не ворочусь сюда; но участь твоя будетъ обезпечена. Не тревожься, — я отвѣчаю за это. У тебя... у тебя еще много надеждъ впереди, ты еще многое можешь сдѣлать, а мой путь уже конченъ...

Иванъ Ѳедорычъ глубоко вздохнулъ.

— Одинокій я долженъ погрязнуть въ деревенской глуши безъ дѣла и безъ мысли, окруженный не людьми, а медвѣдями. Дѣла мои съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разстроиваются. Меня кругомъ обманываютъ, теперь я все вижу ясно... Я всегда мечталъ о томъ, чтобы улучшить участь моихъ крестьянъ: это была любимая мечта моя! А между тѣмъ, они, говорятъ, раззорены—и раззорены въ глазахъ моихъ! И я, при всемъ моемъ желаніи помочь имъ,—не могу, потому что не знаю какъ... Вотъ гдѣ наше трагическое, Grégoire!.. Вотъ гдѣ!—Воля наша всегда въ противорѣчіи съ дѣломъ. Всѣ мы пустые и ничтожные фантазеры, неспособные ни къ чему.

Иванъ Ѳедорычъ обнялъ Григорья Алексѣича и горько заплакалъ.

— Не забывай меня, пиши ко мнѣ! произнесъ онъ едва внятнымъ голосомъ.

Григорій Алексѣичъ также плакалъ.

— Пиши же ко мнѣ, повторилъ Иванъ Ѳедорычъ:— Бога ради, пиши, хоть изрѣдка, хотя по нѣскольку строчекъ пиши... Прощай Grégoire... прощай... Иванъ Ѳедорычъ бросился въ тарантасъ, лошади двинулись. Онъ въ послѣдній разъ выглянулъ изъ тарантаса, махнулъ Григорью Алексѣичу рукою и упалъ на подушки.

Долго провожалъ его глазами Григорій Алексѣичъ, покуда тарантасъ совсѣмъ скрылся изъ глазъ, покуда колокольчикъ замеръ въ отдаленіи... И все стихло кругомъ Григорья Алексѣича. На широкой песчаной дорогѣ, разстилавшейся передъ нимъ, не было ни души человѣческой; ни одинъ листокъ не шевелился на тощихъ деревьяхъ, окаймлявшихъ дорогу; заря медленно замирала, всѣ предметы облекались тѣнью и сумракомъ, и стало грустно Григорью Алексѣичу...

— Странно, подумалъ онъ, возвращаясь въ Москву:— я не воображалъ, чтобы мнѣ было такъ тяжело разставаться съ этимъ человѣкомъ!

Въ первый разъ Григорій Алексѣичъ долженъ былъ завестись собственнымъ хозяйствомъ. Половину изъ занятой на дорогу суммы, Иванъ Ѳедорычъ оставилъ ему на его издержки и, кромѣ того, обѣщалъ при первой возможности выслать ему изъ деревни еще денегъ. Григорій Алексѣичъ не надѣялся, однако, на будущія блага. Съ похвальнымъ благоразуміемъ разсуждалъ онъ, какъ ему необходимо стараться всячески умѣрить свои расходы и не дозволять себѣ ни малѣйшей прихоти. Онъ полагалъ даже, что самыя лишенія, какъ побѣда надъ самимъ собою, будутъ ему пріятны. Но денегъ, оставленныхъ ему благодѣтелемъ его, съ присоединеніемъ небольшой суммы, присланной ему отъ матери, которыми, по его разсчету, можно было прожить, по крайней мѣрѣ, мѣсяцевъ пять, къ удивленію его самого, едва достало ему на два мѣсяца, и между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ не былъ мотомъ: онъ вовсе не имѣлъ отчаянной удали тѣхъ русскихъ людей, которые заломя шапку на бекрень, живутъ себѣ припѣваючи, на авось, и ставятъ послѣдній грошъ ребромъ, никогда ужь потомъ не жалѣя о немъ. Григорій Алексѣичъ былъ скупъ по натурѣ и вмѣстѣ расточителенъ по слабости воли. Малѣйшая борьба съ самимъ собою приводила его въ отчаяніе. Соблазнясь какою нибудь дорогою и совсѣмъ ненужною для него вещью и пріобрѣтя ее (а это случалось съ нимъ безпрестанно), онъ внутренно бранилъ себя и терзался раскаяніемъ. И эта вещь, за минуту соблазнявшая его, дѣлалась ему до того противной, что онъ тотчасъ же былъ готовъ отдать ее за полцѣны. Начиная сознавать собственное безсиліе, онъ, въ то же время, всѣми мѣрами старался оправдывать себя предъ самимъ собою и сваливать вину на другихъ...

— Я бы не страдалъ теперь такъ, какъ страдаю, часто говаривалъ онъ:—если бы мнѣ дано было надлежащее воспитаніе; но вмѣсто того, чтобы развивать, укрѣплять во мнѣ волю, — ее методически обезсиливали, — и

этимъ я обязанъ моему благодѣтелю... Мнѣ есть таки чѣмъ помянуть его!

Здѣсь нельзя не замѣтить, что Григорій Алексѣичъ относился такъ желчно о своемъ благодѣтелѣ большею частію въ такія минуты, когда у него не оставалось ни гроша въ карманѣ, изъ денегъ, занятыхъ имъ у пріятелей, и когда онъ по неволѣ, въ надеждѣ на будущіе труды свои, долженъ былъ снова прибѣгать къ займамъ. Напротивъ, нерѣдко онъ вспоминалъ объ Иванѣ Ѳедорычѣ съ любовью.

Григорій Алексѣичъ иногда поражалъ многихъ странными переходами отъ расположенія самаго кроткаго и нѣжнаго къ необъяснимой жесткости и нетерпимости. И не одно это,—у Григорья Алексѣича были и другія кое-какія странности, происходившія вѣроятно отъ развитія его въ исключительномъ кружкѣ и совершеннаго незнанія условій общественной жизни. Онъ очень любилъ болтать о самомъ себѣ и съ необыкновеннымъ діалектическимъ искусствомъ объяснялъ малѣйшія тонкости и оттѣнки собственнаго я.

За то, когда бывало, заготоритъ онъ о любви, о женщинѣ вообще или такъ о какой нибудь женщинѣ въ особенности, его можно было заслушаться. Казалось, ему была доступна вся сокровенная сердечность женщины, весь внутренній міръ ея. Гдѣ и когда могъ онъ такъ превосходно изучить женщину? я терялся въ догадкахъ; ибо мнѣ достовѣрно было извѣстно, что въ описываемую мною эпоху, кромѣ двухъ московскихъ гризетокъ съ Кузнецкаго моста, Григорій Алексѣичъ не видалъ вблизи никакой женщины.

Но какъ высоко, какъ свято понималъ онъ любовь, и какъ лицо его преображалось, когда онъ говорилъ о любви!.. Глядя на него и слушая его, каждый невольно могъ впередъ поручиться за полное безпредѣльное счастіе женщины, которую изберетъ онъ... Потребность любви съ каждымъ днемъ сильнѣе развивалась въ немъ (Григорью Алексѣичу было уже 25 лѣтъ), но будущая героиня его романа,—жила еще только въ его горячей фантазіи. Иногда казалось ему, что онъ, счастливецъ, уже владѣетъ своимъ

идеаломъ, что вечеромъ собрались къ нему его пріятели— и *она* въ простомъ, но изящномъ уборѣ, за круглымъ столомъ, сама разливаетъ имъ чай... Душистый паръ отъ чая разстилается по комнатѣ; въ серебрянной корзинѣ лежатъ сухари и бріоши, огонекъ сверкаетъ въ каминѣ и разговоръ не умолкаетъ ни на минуту. *Она* одушевляетъ всѣхъ и все и, съ необыкновеннымъ женскимъ тактомъ и проницательностію, разрѣшаетъ самые трудные вопросы. Пріятели дивятся ея многостороннему уму, ея обширнымъ познаніямъ, ея всепокоряющей граціи, а у Григорья Алексѣича захватываетъ духъ отъ полноты блаженства.

Болѣе года не получая ни денегъ, ни писемъ отъ Ивана Ѳедорыча и кое-какъ пробиваясь одними займами, Григорій Алексѣичъ дошелъ, наконецъ, до послѣдней крайности. Онъ продалъ всю свою движимость и переѣхалъ къ своему знакомому, который тяжкими трудами добывалъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и на котораго Григорій Алексѣичъ и всѣ его пріятели смотрѣли, какъ на ограниченнаго, жалкаго, узколобаго труженика, который далѣе долга ничего не видитъ. Письмо, полученное Григорьемъ Алексѣичемъ отъ матери, объяснило ему, наконецъ, непонятное молчаніе Ивана Ѳедорыча. Мать увѣдомляла его, между прочимъ, что благодѣтель его сочетался со вдовою Марѳою Ильинишной Бутеневой и что всѣ въ околодкѣ у нихъ не могутъ надивиться этому браку, ибо де Марѳа Ильинишна старше его семью годами и къ тому же подвержена нервному разслабленію.

Прочитавъ эти строки, Григорій Алексѣичъ иронически улыбнулся.

— Такъ и должно было ожидать! подумалъ онъ:— романтики и пустые идеалисты, обыкновенно мечтаютъ о Миньонахъ и Теклахъ, о возвышенной любви и свободѣ, а кончаютъ тѣмъ, что вступаютъ въ законное сожительство съ Марѳами Ильинишнами, которыя потомъ колотятъ ихъ и передъ которыми они пикнуть не смѣютъ.

Извѣстіе объ Иванѣ Ѳедорычѣ было вѣрно.

Иванъ Ѳедорычъ, убѣгая отъ одуряющей тоски и бездѣйствія, самъ не вѣдая какъ, очутился въ объятіяхъ вдовы-помѣщицы Бутеневой и потомъ сочетался съ нею

бракомъ. Марѳа Ильинишна не замедлила обнаружить удивительную распорядительность въ хозяйственныхъ дѣлахъ, соединенную съ необыкновенною твердостію характера и силою воли, не смотря на нервное разстройство. Еще до окончанія медоваго мѣсяца, управляющій Ивана Ѳедорыча, какъ носились слухи, былъ выгнанъ ею, и она торжественно приняла въ свои руки бразды правленія. Послѣ этого Григорій Алексѣичъ уже не получалъ никакихъ вѣстей о своемъ благодѣтелѣ, и дальнѣйшая исторія жизни Ивана Ѳедорыча остается покрытою мракомъ неизвѣстности.

Надежды Григорія Алексѣича на денежную помощь въ настоящемъ и на обѣщанное ему обезпеченіе въ будущемъ рушились. Тяжкая мысль, что онъ не можетъ опредѣлить своего существованія и, безпрестанно толкуя о дѣлѣ, ничего не дѣлаетъ, а все продолжаетъ жить на чужой счетъ, страшно давила его. Отъ матери своей онъ ничего не получалъ, кромѣ благословеній да мѣшковъ съ орѣхами и съ сушоной малиной. Старуха сама едва поддерживала свое существованіе. Григорій Алексѣичъ совсѣмъ было упалъ духомъ, но, къ счастію его, въ эту минуту, какому-то петербургскому журнальному антрепренеру понадобился сотрудникъ. Какъ ни жалки были условія, предложенныя антрепренеромъ, Григорій Алексѣичъ долженъ былъ согласиться на нихъ и отправиться въ Петербургъ, чтобы не умереть съ голода.

Въ Петербургѣ на одномъ литературномъ вечерѣ, Григорій Алексѣичъ познакомился съ Сергѣемъ Александрычемъ, котораго отъ нечего дѣлать иногда интересовала литература.

Сначала, въ обществѣ его, Григорій Алексѣичъ чувствовалъ неловкость и тяжесть, ничѣмъ непобѣдимую. Онъ въ первый разъ сошелся лицомъ къ лицу съ человѣкомъ свѣтскимъ. Онъ оробѣлъ передъ аристократическою обстановкою Сергѣя Александрыча; но самолюбію его было лестно знакомство съ богатымъ и свѣтскимъ человѣкомъ, хотя Григорій Алексѣичъ стыдился въ этомъ признаться самому себѣ...

Григорій Алексѣичъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, фантазировалъ о любви, о славѣ, о человѣчествѣ, громилъ

романтизмъ въ своихъ журнальныхъ статейкахъ и безпрестанно жаловался на безденежье. Онъ никакъ не могъ соразмѣрить свои расходы съ приходами. Къ тому же, журнальный антрепренеръ платилъ ему заработанную плату не аккуратно, и Григорій Алексѣичъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, принужденъ былъ занимать по мелочи у знакомыхъ. Однажды онъ рѣшился занять даже у Сергѣя Александрыча. Ему впрочемъ не легко было занимать... Долги страшно терзали его, а между тѣмъ—ни любви, ни славы! жизнь, нестерпимо однообразная, и ежедневныя записки антрепренера: «Да что же статейка? не лѣнитесь, Бога ради пишите поскорѣй. Дѣло стало въ типографіи» и прочее... Писать, когда ничего нейдетъ въ голову, писать по заказу, когда тоска грызетъ и давитъ, когда нѣтъ ни мысли въ головѣ и ни гроша въ карманѣ!—Литература опротивѣла Григорью Алексѣичу. Но въ это время неожиданное обстоятельство вывело его изъ мучительнаго положенія. Матушка его скончалась. Онъ продалъ доставшееся ему имѣньице своей старшей сестрѣ, выручилъ за него тысячъ двадцать,—и уѣхалъ за границу на одномъ пароходѣ съ Сергѣемъ Александрычемъ.

За границей Сергѣй Александрычъ сталъ ручнѣе, сбросилъ съ себя свѣтское петербургское величіе и велъ себя просто. Григорію Алексѣичу легко было сойдтись съ нимъ, и не смотря на то, что образъ мыслей ихъ былъ не совсѣмъ одинаковъ, они скоро до того сдѣлались необходимы другъ другу, что почти все время пропутешествовали неразлучно. Сергѣю Александрычу нужно было въ дорогѣ развлеченіе: одному ѣздить скучно. Онъ радъ былъ, что нашелъ въ Григорьѣ Алексѣичѣ живого и умнаго собесѣдника; Григорій Алексѣичъ, съ своей стороны, былъ чрезвычайно доволенъ проѣхаться по чужимъ землямъ съ роскошью и съ удобствомъ, о которомъ ему и во снѣ не грезилось.

Три года странствованія прошли для Григорья Алексѣича незамѣтно и быстро. Все въ Европѣ въ высшей степени интересовало его, и горячо сочувствовалъ онъ всѣмъ великимъ современнымъ вопросамъ, среди бурной и разнообразной парижской жизни. Кафе и театры, университетъ и цирки, публичные суды, балы и гулянья, про-

фессора и лоретки... все приводило его въ экстазъ, Григорій Алексѣичъ влюблялся на каждомъ шагу. Мысль о святой и высокой любви, о которой онъ такъ прекрасно грезилъ въ отечествѣ, въ Парижѣ ни разу не пришла ему въ голову.

И только на возвратномъ пути, приближаясь къ отечественной границѣ, Григорій Алексѣичъ началъ немного приходить въ себя и задумываться. Изъ двадцати тысячъ его единственнаго достоянія осталось у него тысячъ девять, не болѣе. Жить процентами съ этого капитала не было возможности, надобно было опять приниматься за журнальную работу, но уже Григорій Алексѣичъ безъ досады и горькаго смѣха не могъ вспомнить о своихъ литературныхъ статьяхъ, которыя казались ему нѣкогда образцами глубокомыслія. Онъ недоумѣвалъ, что ему предпринять и какимъ образомъ и на какомъ поприщѣ. съ его идеями и направленіемъ, сдѣлаться полезнымъ отечеству и самому себѣ. Эта трудная задача приводила его въ отчаяніе—и потому, онъ всячески старался отогнать отъ себя мысль о будущемъ. Но Сергѣй Александрычъ, располагавшій прямо изъ-за границы отправиться на лѣто къ себѣ въ деревню, сталъ звать его съ собою.

Сергѣю Александрычу необходимо было въ нѣдрахъ патріархальной русской жизни отдохнуть отъ путевыхъ впечатлѣній. и, главное, поправить свои нѣсколько разстроенныя финансы...

Любезное предложеніе Сергѣя Александрыча было скоро и охотно принято Григоріемъ Алексѣичемъ, потому-что оно избавляло его на время, отъ труда объ устройствѣ собственной участи.

Такимъ-то образомъ, оба пріятеля очутились въ селѣ Благовѣщенскомъ,—куда и намъ пора послѣдовать за ними...

ГЛАВА V.

Прибытіе ихъ привело въ страшное волненіе всѣхъ брюхатовскихъ обывателей вообще и Агафью Васильевну въ особенности. На широкомъ и кругломъ лицѣ ея выступили красныя пятна, трехъ-ярусный подбородокъ ея затрепеталъ и заколыхался, и лѣвый глазъ безъ бѣльма за-

сверкалъ дико. Съ громомъ отворила она дверь въ кабинетъ своего супруга. Ардальонъ Игнатьичъ почивалъ сладкимъ сномъ. Агафья Васильевна растолкала его съ трудомъ. Ардальонъ Игнатьичъ зѣвнулъ, потянулся и пробормоталъ сквозь сонъ:—Ахъ, если бы теперь, душенька, стаканчикъ брусничной водицы выпить! И зашевелилъ губами и языкомъ.

— Вставайте же! вскрикнула, задыхаясь, Агафья Васильевна, выведенная изъ терпѣнія:—проснитесь, опомнитесь... скорѣе, скорѣе...

Ардальонъ Игнатьичъ, испуганный, вскочилъ съ дивана, протирая глаза:

— Что такое, матушка? пожаръ?

Агафья Васильевна горько улыбнулась, обозрѣвъ супруга съ ногъ до головы.

— Вы скоро совсѣмъ одурѣете отъ сна. Что жь вы очнулись, наконецъ? Можете вы понимать-то, что вамъ будутъ говорить, или нѣтъ?

— А что такое?

— Что? Вы ничего не знаете и знать не хотите! Безъ меня вы пропали бы; я за васъ должна входить во все: расправляться съ людьми, смотрѣть за всѣмъ хозяйствомъ, ѣздить въ поля, бѣгать въ амбары, терпѣть оскорбленіе отъ какого нибудь подлеца Брыкалова,—и вы хоть бы разъ вступились за беззащитную женщину, за жену!.. Ну, да ужъ моихъ силъ не станетъ,—я скоро все брошу, это я вамъ говорю въ послѣдній разъ... Впрочемъ, теперь не въ этомъ дѣло... Знаете ли вы, напримѣръ, кто пріѣхалъ сюда?

— Къ намъ?

— Не безпокойтесь, не къ намъ. Кто станетъ ѣздить къ намъ? Вы не умѣли заслужить ни чьей любви, ни чьего уваженія. Васъ никто, ни посторонніе, ни родные въ грошъ не ставятъ,—вы...

— Да кто пріѣхалъ? къ кому? бормоталъ робко смущенный супругъ, въ недоумѣніи почесывая свою лысину.

— Вашъ родной племянникъ, Сергѣй Александрычъ... Слышите ли вы? Сергѣй Александрычъ! Онъ изволилъ прокатить сейчасъ мимо нашего дома и не удостоилъ даже

взглянуть на наши окна. Теперь онъ у вашей милой и доброй сестрицы, у Олимпіады Игнатьевны... Видно эта подлая притворщица чѣмъ нибудь особенно умѣла заслужить его любовь и уваженіе,—замѣтьте, онъ къ ней къ первой является съ визитомъ... Впрочемъ, и не мудрено... У нея въ домѣ есть недурная приманка для молодыхъ людей. Наташа дѣвочка смазливенькая, и къ тому же, умѣетъ дѣлать глазки... Что за бѣда, что двоюродный братецъ! Нынче все позволено. Двоюродные братья женятся же у нѣмцевъ на двоюродныхъ сестрахъ, а въ Парижѣ, и на родныхъ сестрахъ давно женятся. Онъ же вѣдь прямехонько изъ Парижа,.. Только слушайте, я заранѣе объявляю вамъ, Ардальонъ Игнатьичъ, если между вашимъ племянничкомъ и племянницей заведутся какія нибудь шашни, въ чемъ я не сомнѣваюсь,—я пяти минутъ не остаюсь здѣсь. У меня три дочери-невѣсты, дѣвушки нравственно-воспитанныя, съ благородными чувствами. Я не потерплю никакого скандала и, въ случаѣ крайности, сама все лично объясню губернатору и буду просить его защиты.

Агафья Васильевна такъ много наговорила ему, что Ардальонъ Игнатьичъ рѣшительно сталъ въ тупикъ. «Да что объяснять губернатору-то? подумалъ онъ.

— Ну что жь вы молчите? вскрикнула Агафья Васильевна.

— Я,.. ничего, отвѣчалъ Ардальонъ Игнатьичъ.

— Такъ васъ не трогаетъ, что вашъ родной племянникъ пренебрегаетъ вами, знать васъ не хочетъ?

— Отчего? спросилъ удивленный Ардальонъ Игнатьичъ.—Почему вы это знаете?

— Чтобы понять это, кажется, не нужно много имѣть тутъ. Агафья Васильевна ткнула себѣ въ лобъ: вы старшій въ ихъ родѣ,—слѣдовательно, къ вамъ онъ долженъ питать особую атенцію, долженъ почитать васъ вмѣсто отца, а онъ преспокойно проѣзжаетъ мимо вашего дома, какъ мимо дома посторонняго. Это явно показываетъ, что онъ и не заботится о васъ.

— Да онъ еще будетъ.

— Вы мнѣ жалки! Вы человѣкъ безъ амбиціи!.. вскри-

кнула Агафья Васильевна, всплеснувъ руками.—Вамъ ничего въ голову не вобьешь. Неужели вы не понимаете, что онъ къ вамъ къ первому долженъ пріѣхать? Коли вы сносите спокойно отъ всѣхъ афронты,—такъ я-то не могу и не хочу сносить ихъ! Понимаете ли вы? я ужъ и безъ того слишкомъ много терпѣла отъ вашихъ родныхъ.

Произнеся это, Агафья Васильевна вышла изъ кабинета своего супруга, съ гнѣвомъ захлопнувъ дверь за собою. Ардальонъ Игнатьичъ въ безпокойствѣ прошелся по комнатѣ, заложивъ руки назадъ, и потомъ опустился въ кресла, сказавъ самому себѣ:

— Жена права: ему бы дѣйствительно надо было мнѣ первому сдѣлать визитъ...

Между тѣмъ, такъ Агафья Васильевна вела разговоръ съ супругомъ, ея наперсница Стешка, весьма краснощекая и здоровая дѣвка, прибѣжала на дворъ къ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, чтобы собрать по-подробнѣе свѣдѣнія о пріѣзжихъ, отъ Петровича, который за нею сильно ухаживалъ.

Стешка въ тотъ же вечеръ все слышанное отъ Петровича передала барынѣ.

На другой день Сергѣй Александрычъ явился къ своему дядюшкѣ. Къ совершенному изумленію добраго Ардальона Игнатьича, Агафья Васильевна, не смотря на рѣзкій отзывъ свой объ Сергѣе Александрычѣ, приняла его съ почетомъ и угощала на убой. Домашнимъ вареньямъ, соленьямъ, настойкамъ, наливкамъ и водянкамъ не было конца. Старшая изъ дочерей Агафьи Васильевны, Любаша, по ея приказанію, послѣ завтрака пропѣла передъ братцомъ русскій романсъ, а двѣ меньшія—Ипочка и Зиночка, протанцовали танецъ съ шалью. Затѣмъ принесены были два ковра домашней фабрики и разосланы въ гостиной. Одинъ изъ этихъ ковровъ Агафья Васильевна подарила Сергѣю Александрычу и замѣтила со слезами, что она никого еще изъ родственниковъ своихъ не любила, не уважала такъ, какъ его, потому что ей извѣстны прекрасныя и рѣдкія качества души его...

Прогостивъ трое сутокъ въ селѣ Брюхатовѣ, Сергѣй Александрычъ отправился къ себѣ въ Сергіевское.

Вскорѣ затѣмъ, по его просьбѣ, переѣхала туда и Олимпіада Игнатьевна на все лѣто и со всѣмъ семействомъ, потому-что домъ ея, пришедшій въ ветхость, требовалъ значительныхъ и немедленныхъ поправокъ.

Слухи о пріѣздѣ Сергѣя Александрыча быстро распространились по всей губерніи. Толки о немъ и его пріятелѣ надолго заняли всѣхъ, не исключая самого начальника губерніи. Всѣ родственники Сергѣя Александрыча, близкіе и дальніе, даже и такіе, которые по нѣскольку лѣтъ не выѣзжали изъ своихъ деревень, пришли въ волненіе. И допотопныя колымаги, и тарантасы различныхъ формъ и величинъ потянулись по дорогѣ къ Сергіевскому. Вліяніе Сергѣя Александрыча на родственниковъ производило чудеса. Къ такимъ чудесамъ относилось, между прочимъ, примиреніе Агафьи Васильевны и Ардальона Игнатьича съ Олимпіадой Игнатьевной.

Олимпіада Игнатьевна упала на шею къ братцу съ раздирающимъ завываніемъ и стономъ. Братецъ хлопалъ глазами и всхлипывалъ. Агафья Васильевна кричала:—охъ, умираю, умираю, пособите, родные! и хлопнулась въ кресла... Дочери ея бросились къ ней съ визгомъ—Уксусу! уксусу! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Олимпіада Игнатьевна долго завывала безъ словъ, Ардальонъ Игнатьичъ долго молчалъ, всхлипывая и хлопая глазами. Наконецъ Олимпіада Игнатьевна произнесла слабымъ голосомъ, съ разстановками и вздохами:

— Батюшка —братецъ, голубчикъ ты мой, ты знаешь, какъ я всегда любила тебя... Родственныя чувства были внушаемы намъ съ дѣтства... Наше семейство особенно гордилось этимъ... Его ставили въ примѣръ другимъ... И я, видитъ Богъ, никогда не измѣнялась къ тебѣ, я не могла тебя разлюбить, не смотря на все...

— Сестрица, говорилъ Ардальонъ Игнатьичъ заикаясь отъ волненія:—сестрица, я чувствую... мнѣ больно было... я васъ всею душою уважаю, забудемте все, сестрица.

— Я давно все забыла, не поминай о прошедшемъ, голубчикъ, сказала Олимпіада Игнатьевна, нѣжно цѣлуя братца:—я тебя люблю такъ, какъ можетъ быть, тебя никто не любитъ.

— А! это камешекъ въ мой огородъ! подумала Агафья Васильевна, нюхая уксусъ, который старшая дочь держала у ней подъ носомъ: — хорошо же, голубушка, ужь коли дѣло пошло на это, такъ я тебя забросаю грязью и каменьями.

Агафья Васильевна во время обморока не пропустила мимо ушей ни одного слова Олимпіады Игнатьевны.

Открывъ глаза, она начала озираться кругомъ себя и спросила слабымъ голосомъ:—гдѣ я и что со мною? потомъ найдя нужнымъ совсѣмъ придти въ себя, привстала съ креселъ, опираясь на ручки, и посмотрѣла на Олимпіаду Игнатьевну. При этомъ, Олимпіада Игнатьевна, не смотря на горячія родственныя объясненія съ братцомъ, все время не выпускавшая изъ виду Агафьи Васильевны, — также привстала и посмотрѣла на нее. Обѣ онѣ въ одно время сдѣлали шагъ впередъ.

— Сестрица! простонала Олимпіада Игнатьевна.

— Сестрица! проговорила Агафья Васильевна со вздохомъ.

Обѣ растопырили руки для объятій и, сойдясь, взвизгнули въ одно время.

Ардальонъ Игнатьичъ, смотря на эту картину, не выдержалъ — и зарыдалъ.

Примирясь съ Олимпіадой Игнатьевной, Агафья Васильевна осталась на нѣсколько времени гостить въ Сергіевскомъ.

Она, повидимому, была отъ всего въ восторгѣ, и въ особенности отъ Григорья Алексѣича.

— Ахъ, родной вы мой! я не могу налюбоваться на вашего пріятеля, сказала она однажды Сергѣю Александрычу—этакого милаго, этакого пріятнаго, обходительнаго, кроткаго и скромнаго молодого человѣка я еще не встрѣчала. Точно красная дѣвушка; смотрѣть на него любо.

И вслѣдъ затѣмъ, она бросила нѣжный взоръ на Григорья Алексѣича, который игралъ въ это время на китайскомъ бильярдѣ съ Любашею...

Петруша «упивался поэзіею верховой ѣзды», какъ онъ самъ выражался, то есть, говоря просто, ѣздилъ верхомъ на двадцатилѣтнемъ конѣ, который едва передвигалъ ноги.

Наташа была гораздо бойчѣе своего братца. Она страстно любила верховую ѣзду и управляла лошадью смѣло и ловко. Кавалькады устраивались довольно часто. Всѣ были довольны и веселы. Только кавалькады начинали нѣсколько разстроивать Агафью Васильевну.

— Я не надивлюсь вамъ, Олимпіада Игнатьевна, говорила она: — какъ это вы позволяете дочери вашей ѣздить верхомъ. Долго ли до бѣды?.. Это ужь совсѣмъ, кажется, не женское дѣло. Откуда она, матушка, набралась у васъ такой смѣлости?.. Мои не таковы! Онѣ у меня всего боятся, отъ всего краснѣютъ,—такія глупыя. Я ужь ихъ частенько браню за это и всегда ставлю въ примѣръ вашу Наташу.

Присутствіе Наташи нарушало спокойствіе духа Агафьи Васильевны. Она во все время пребыванія въ Сергіевскомъ постоянно язвила ее насмѣшками, преслѣдовала наблюденіями и употребляла всевозможныя мѣры, чтобы не допускать до нея Григорья Алексѣича.

Когда вечеромъ, всѣ собирались въ кружокъ, Агафья Васильевна непремѣнно садилась возлѣ гостя и заливалась соловьемъ: о испорченности нынѣшнихъ нравовъ, о дурномъ воспитаніи дѣвицъ и о тому подобномъ; мимоходомъ замѣчала, что ея дочери воспитаны въ страхѣ Божіемъ и обращала вниманіе его (разумѣется косвенно) — на удивительную тонкость таліи и поразительную бѣлизну тѣла у Любаши. Она подзывала Любашу къ себѣ, дѣлала ей какое нибудь замѣчаніе, и въ это время поправляла ей напримѣръ бантикъ на груди, кушачокъ, перетягивавшій ея талію, — или что-нибудь подобное.

Григорій Алексѣичъ не зналъ, куда дѣваться отъ внимательности Агафьи Васильевны. Она и вообще всѣ родные Сергѣя Александрыча выводили его изъ терпѣнья. Онъ проклиналъ и ее, и дочерей ея, и Петрушу, который надоѣдалъ ему своей поэзіей и своими глубокими взглядами. Одна только Наташа примиряла его съ окружавшимъ. Наташа затронула его любопытство отсутствіемъ всякой манерности, своею безъискуственностью, живостью и свѣтлымъ, откровеннымъ выраженіемъ лица. Съ каждымъ днемъ открывалъ онъ въ ней какія нибудь новыя достоинства: поэтическую влажность въ глазахъ, особенную

привлекательность въ улыбкѣ, чистоту души въ простосердечномъ, звонкомъ смѣхѣ, и такъ далѣе. Неужели, думалъ онъ, эта дѣвушка должна заглохнуть, безъ любви и безъ мысли, среди жизни, ее окружающей, никѣмъ не замѣченная, никѣмъ неоцѣненная? Что суждено ей: преждевременно умереть отъ чахотки, или расплыться, отупѣть и превратиться въ толстую и неуклюжую барыню?

Наташа начинала не на шутку возбуждать его участіе. «Ей необходимъ человѣкъ», думалъ онъ, «который бы понялъ ее, который бы способствовалъ ея развитію, который бы пересоздалъ ее». Что же касается до хозяина дома, то онъ въ своемъ Сергіевскомъ, среди своихъ гостей родственниковъ и усердной челяди, чувствовалъ себя чуть ли не лучше, чѣмъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Петербургѣ или гдѣ бы то ни было.

Родственники смѣшили его, и онъ съ большимъ юморомъ передавалъ Григорью Алексѣичу свои разговоры съ ними и различные анекдоты объ нихъ.

Надъ Наташей онъ смѣялся также, какъ и надъ другими, впрочемъ, отдавалъ ей справедливость въ томъ, что она довольно ловка и ѣздитъ верхомъ не дурно, и замѣчалъ, что изъ нея, вѣроятно, могло бы выйдти что нибудь порядочное, если бы ей дано было хорошее воспитаніе.

ГЛАВА VI.

Первые дни пребыванія своего въ Сергіевскомъ, Наташа испытала много разнообразныхъ ощущеній, какихъ еще не случалось испытывать ей. Перемѣна мѣста, новыя лица, шумъ, движеніе, къ которому она не привыкла, роскошь, о которой не имѣла понятія, — все это сильно на нее подѣйствовало. Къ тому же, Олимпіада Игнатьевна, занятая родственниками и гостями своего племянника, не имѣла времени заниматься ею—и Наташа чувствовала себя свободною. Ей сдѣлалось легко и весело, какъ никогда не бывало, и она предалась свободѣ съ увлеченіемъ. Ей казалось, что на всемъ земномъ шарѣ не могло быть мѣста лучше и живописнѣе Сергіевскаго.

И въ самомъ дѣлѣ, Сергіевское живописно. Оно расположено на гористомъ мѣстѣ, въ полуторѣ верстѣ отъ Волги. Старинный, большой двухъ-этажный каменный домъ съ бельведеромъ, окруженный флигелями и пятиглавая церковь стоятъ у ската горы. Внизу передъ домомъ поемные луга, со стогами сѣна, съ молодыми рощами и кустарникомъ, сквозь который мѣстами плещутъ полосы воды. Луга эти тянутся вплоть до самой Волги—и картина замыкается ея утесистымъ и крутымъ берегомъ, на вершинѣ котораго виднѣются подвижныя точки вѣтреныхъ мельницъ. Весною, при разливѣ Волги, Сергіевское становится еще живописнѣе: вода, затопляя луга, доходитъ до самой подошвы горы, на которой стоятъ домъ и церковь, и на этомъ огромномъ водяномъ пространствѣ образуются голые, песчаные острова, выходятъ изъ воды круглыя, зеленѣющія вершины деревьевъ, или высовываются засохшія вѣтви кустарника, и мелькаютъ бѣлые паруса расшивъ и барокъ. Вправо за домомъ садъ и роща, носящая до-сихъ-поръ названіе звѣринца, хотя нынѣ этотъ звѣринецъ служитъ пріютомъ однимъ только робкимъ бѣлкамъ и зайцамъ. — Часть сада расположена въ старинномъ, классическомъ вкусѣ, но его прямыя и длинныя липовыя аллеи, нѣкогда тщательно подстригавшіяся, теперь разрослись на волѣ. Дорожки сада, въ отдаленныхъ отъ дома мѣстахъ, совсѣмъ заглохли; храмы славы и китайскіе павильоны развалились и обросли крапивой и репейникомъ; мостики, перекинутые черезъ овраги и ручьи, еле-держатся отъ гнилости; поверхность прудовъ подернулась зеленью и цвѣтами болотныхъ лилій, — но этотъ садъ сдѣлался еще гораздо лучше въ своемъ запустѣніи.

Наташѣ все нравилось въ Сергіевскомъ: — этотъ полузаглохшій садъ, густая разросшаяся роща, съ живописными тропинками и оврагами, съ сочною растительностію, съ вѣковыми дубами; горы освѣщенныя солнцемъ; поемные луга, съ душистыми стогами, и синѣющая вдали Волга.— Красота природы имѣла на нее сильное вліяніе, и потому она не чувствовала ни малѣйшей привязанности къ мѣсту своего рожденія, — къ плоскому и болотистому селу Брюхатову, гдѣ ничего не было передъ глазами, кромѣ избъ,

вросшихъ въ землю, да кучъ сгнившей соломы, среди необозримой глади.

Григорій Алексѣичъ, также любившій природу, часто сопутствовалъ Наташѣ въ ея прогулкахъ.

Агафья Васильевна отправилась во-свояси не совсѣмъ въ пріятномъ расположеніи духа. Выѣхавъ за околицу села Сергіевскаго, она завела съ своею Любашею весьма горячій разговоръ, который былъ заключенъ слѣдующею энергическою рѣчью:

«Я, сударыня, знать ничего не хочу... Что̀ ты думаешь, что женихи вотъ такъ сами, безъ всякой приманки, и побѣгутъ къ тебѣ? какъ же, дожидайся! Ты никого не умѣешь заинтересовать собой, никого... это правда, что за мной въ твои лѣта мужчины стадами бѣгали, ну, да это потому, что я умѣла привлечь ихъ къ себѣ! Впрочемъ, ужь какъ ты тамъ хочешь, а нынѣшній годъ должна будешь сыскать себѣ жениха. Я тебѣ не позволю вѣкъ въ дѣвкахъ сидѣть и торчать передъ моими глазами... Вонъ, посмотри на Наташу,—это правда, что ужь въ ней никакого пути нѣтъ и гадкая нравственность,—да за то, матушка, глазками да ласками возьметъ свое и, къ стыду моему, прежде тебя выйдетъ замужъ... Видѣла ли ты, что къ ней и Сергѣй Александрычъ и Григорій Алексѣичъ такъ и льнутъ, а ты между тѣмъ, какъ дура, все время сидѣла оплеванная...»

Агафья Васильевна говорила вздоръ. Наташа никогда не употребляла никакихъ стараній привлекать къ себѣ и вовсе не умѣла ласкаться и дѣлать глазки. Съ Сергѣемъ Александрычемъ обращалась она какъ съ роднымъ—свободно и просто. Не любить братца ей казалось невозможнымъ, потому что съ самой колыбели ежедневно все толковали ей о родственной любви, и она, совсѣмъ еще не зная Сергѣя Александрыча, поставляла уже себѣ за долгъ любить его. А присутствіе новаго незнакомаго ей лица производило на нее сначала даже тяжелое впечатлѣніе. Съ Григорьемъ Алексѣичемъ первые дни обращалась она совершенно какъ степная деревенская барышня: едва отвѣчала на его вопросы, и то не глядя ему въ лицо.

Но робость, которую она ощущала въ присутствіи Гри-

горья Алексѣича, была побѣждена въ ней скоро его тихимъ, льющимся въ душу голосомъ, его мягкимъ, кроткимъ и задумчивымъ выраженіемъ лица. Въ звукахъ его голоса слышалось Наташѣ, такъ по крайней мѣрѣ думала она, что-то родное, что-то давно знакомое. Его взглядъ пробуждалъ въ ней любопытство и участіе къ нему. «Онъ вѣрно испыталъ много несчастій, думала она, онъ вѣрно много страдалъ!» Наташа сравнивала его съ братцомъ, и Григорій Алексѣичъ еще болѣе выигрывалъ въ глазахъ ея отъ этого сравненія. Она начинала чувствовать къ нему несравненно бо̀льшую симпатію, чѣмъ къ Сергѣю Александрычу, и сама не понимала, какъ это случилось. Ей даже приходила въ голову мысль, что̀ еслибъ Григорій Алексѣичъ былъ ея братцомъ?

Сергѣй Александрычъ смущалъ Наташу своимъ слишкомъ смѣлымъ взглядомъ и постоянно насмѣшливымъ выраженіемъ, а барышни, особенно деревенскія, очень боятся насмѣшекъ. Сергѣй Александрычъ никогда и ни о чемъ не говорилъ съ ней серьезно, это оскорбляло ея самолюбіе: онъ часто какъ-то странно посматривалъ на нее, и пожималъ ей руку съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Это пожиманье руки всегда производило непріятное впечатлѣніе на Наташу и заставляло ее краснѣть. Наташа никакъ не подозрѣвала, что она сама подала невольный поводъ братцу къ этимъ страннымъ пожатіямъ и взглядамъ. Дѣло въ томъ, что Сергѣй Александрычъ былъ вообще не слишкомъ высокаго мнѣнія о женской добродѣтели и имѣлъ слабость (можетъ быть, очень простительную) думать, что никакая женщина не можетъ устоять противъ него. Эта мысль сильно укоренилась въ немъ,—и онъ былъ даже искренно убѣжденъ въ томъ, что и лоретка, съ которою онъ жилъ въ Парижѣ, чувствовала привязанность собственно къ нему, а не къ его деньгамъ. Совершенно случайная встрѣча съ Наташею въ корридорѣ и вопросы ея о браслетѣ въ первый день пріѣзда его къ тетушкѣ, истолкованные имъ не совсѣмъ по родственному, подали ему поводъ слегка приволакиваться за нею, впрочемъ, вѣроятно, безъ цѣли, а такъ, для развлеченія...

Любовь, которая начинала пробуждаться въ Наташѣ къ Григорью Алексѣичу, ставила ее впрочемъ совершенно внѣ всякой опасности въ отношеніи къ Сергѣю Александрычу. Сближеніе Наташи съ Григорьемъ Алексѣичемъ дѣлалось быстро. Григорій Алексѣичъ былъ необыкновенно внимателенъ къ ней. Онъ выбиралъ ей книги для чтенія, иногда переводилъ для нея самыя занимательныя страницы, объяснялъ ей темныя и непонятныя для нея мѣста и самъ читалъ ей по вечерамъ Руссо, подъ вліяніемъ котораго находился въ эту эпоху.

Олимпіада Игнатьевна, къ удовольствію Наташи, была, повидимому, очень расположена къ Григорью Алексѣичу и нисколько не думала препятствовать ни этимъ чтеніямъ, ни ея разговорамъ съ нимъ, однако же, не выпускала изъ виду и наблюдала за ней, съ материнскою внимательностію. Подъ руководствомъ Григорья Алексѣича, Наташа оказала замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и скоро стала понимать французскія книги, безъ всякаго затрудненія. Взглядъ ея, что нисколько не удивительно, постоянно становился яснѣе. Любовь, просвѣтляла ея мысли и облегчала ея пониманіе. Каждый день Григорій Алексѣичъ открывалъ для нея что нибудь новое. Съ каждымъ днемъ онъ незамѣтно способствовалъ ея развитію. Это были самыя свѣтлыя, самыя счастливыя минуты въ жизни Наташи. Григорій Алексѣичъ блаженствовалъ, любуясь успѣхами своей ученицы.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что она любитъ его, и для этого, конечно, не нужно ему было имѣть большой проницательности. Наташа такъ измѣнилась, въ короткое время, что даже строгій и смотрѣвшій на все съ высшей точки зрѣнія—Петруша, глубокомысленно замѣтилъ однажды, «что натура ея не такая дюжинная, какъ онъ думалъ прежде, что она начинаетъ прозрѣвать, вступаетъ въ моментъ сознанія» и что-то еще въ этомъ родѣ.

Даже и лицо Наташи приняло другой характеръ, болѣе серьезный. Присутствіе любви обнаружилось во всемъ существѣ ея. Такая перемѣна въ Наташѣ не укрылась между прочимъ и отъ наблюдательности Олимпіады Игнатьевны...

Однажды, Сергѣй Александрычъ, лежавшій на диванѣ и курившій сигару, вдругъ обратился къ Григорью Алексѣичу... Въ комнатѣ никого не было.

— А что, ты влюбленъ въ Наташу? признайся.

Этотъ неожиданный вопросъ засталъ Григорья Алексѣича въ расплохъ.

— Что-о? произнесъ протяжно Григорій Алексѣичъ.

— Я говорю, что ты влюбленъ въ Наташу, продолжалъ Сергѣй Александрычъ, потягиваясь на диванѣ.

— Какой вздоръ! кто это тебѣ сказалъ?—Григорій Алексѣичъ нѣсколько принужденно засмѣялся, схватилъ со стола какую-то книгу и началъ перелистывать ее.

— Будто вздоръ? продолжалъ Сергѣй Александрычъ... Отчего-жь? Въ Наташу можно влюбиться, если еще чувствуешь въ себѣ способность влюбляться! Она хорошенькая... У нея глаза не дурны, рука хороша... За тебя отдадутъ Наташу съ радостію,—и мнѣ будетъ очень пріятно имѣть тебя родственникомъ. Маменька ея серьезно уже поговариваетъ о томъ, что ее пора пристроить, и умильно поглядываетъ на тебя. Хочешь, я буду твоимъ сватомъ?

Григорій Алексѣичъ швырнулъ на столъ книгу, которую перелистывалъ, вскочилъ со стула и поблѣднѣлъ.

— Твои шутки совсѣмъ не остроумны, произнесъ онъ сквозь зубы...

Сергѣй Александрычъ внутренно улыбнулся.

— Если тебѣ не нравится мой разговоръ, я, пожалуй, замолчу... Но послушай... (Сергѣй Александрычъ совершенно перемѣнилъ тонъ и привсталъ на диванѣ). Наташа, въ самомъ дѣлѣ, дѣвушка добрая,—но знаешь-ли, я думаю, что ты,—разумѣется не хотя, но дѣлаешь ей много вреда. Ты насильно вырвешь ее изъ ея сферы, раздражишь ея воображеніе разными поэтическими бреднями, съ трагическимъ ужасомъ укажешь ей на безобразіе деревенской жизни, а потомъ преспокойно раскланяешься и уѣдешь въ Петербургъ.

— Никогда! Никогда! вскрикнулъ гордо Григорій Алексѣичъ, вскочивъ со стула.

— Такъ стало быть ты хочешь на ней жениться?

Григорій Алексѣичъ болѣзненно вздрогнулъ при этомъ вопросѣ, и въ безсильномъ страданіи опустился на стулъ.

— Ты вообще противорѣчишь себѣ, продолжалъ Сергѣй Александрычъ:—кричишь противъ идеализма, преслѣдуешь романтиковъ, которые тебѣ вездѣ мерещатся, даже и здѣсь, въ селѣ Куроѣдовѣ, которое въ честь мою названо теперь Сергіевскимъ, а самъ вѣчно бродишь въ идеалахъ; проповѣдуешь о необходимости яснаго, практическаго взгляда на жизнь, а смотришь на нее Богъ знаетъ какъ, и хочешь передѣлать ее по нелѣпымъ фантазіямъ разныхъ сумасбродовъ. По моему, тотъ только понимаетъ практическую жизнь, кто умѣетъ пользоваться ею. Что̀ за охота вѣчно страдать въ настоящемъ, безполезно мечтая о какомъ-то лучшемъ будущемъ? Ты на все смотришь мрачно, даже на Агафью Васильевну; тебя возмущаетъ даже Васька—мой приказчикъ, потому что онъ кланяется мнѣ до земли и не смѣетъ мигнуть въ моемъ присутствіи... Все это, конечно, глупо и нелѣпо, но смѣшно и забавно. Все это существуетъ, слѣдовательно, должно существовать. И повѣрь мнѣ, эта-же самая Наташа, которую ты хочешь теперь возвышать, развивать, и для которой, вѣрно, скоро не будетъ на землѣ достойныхъ идеаловъ,—безъ всякой церемоніи, вышла-бы замужъ за какого-нибудь толстаго и глупаго Федота Карпыча, рожала-бы, какъ и всѣ, каждый годъ дѣтей, солила-бы грибы, варила варенье, угощала-бы гостей наливками своей стряпни, называла-бы своего Федота Карпыча душкой, или Пульпультикомъ, какъ у Гоголя, или какъ нибудь въ новомъ родѣ, и была-бы въ своемъ миломъ невѣдѣніи очень довольна, спокойна и счастлива,—а, можетъ быть, Федотъ Карпычъ, въ первые-же мѣсяцы послѣ бракосочетанія, надоѣлъ-бы ей и опротивѣлъ—и это могло-бы очень случиться...

— Полно!.. закричалъ Григорій Алексѣичъ:—это несносно, ты имѣешь даръ осквернять все хорошее. Въ этомъ я не сомнѣвался...

И съ этими словами, онъ вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй Александрычъ спокойно проводилъ его глазами, закурилъ другую сигару и, протянувшись съ наслажденіемъ на диванѣ, подумалъ:

— Кажется, добрый и умный малый, а чудакъ!

ГЛАВА VII.

Послѣ разговора Сергѣя Александрыча у Григорія Алексѣича пропалъ сонъ и аппетитъ, лицо осунулось, глаза впали—и онъ нѣсколько дней одиноко и мрачно бродилъ въ саду и въ рощѣ, стараясь избѣгать всѣхъ, и въ особенности Наташи.—Я люблю ее, думалъ онъ, но чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, должна кончиться эта любовь? — бракомъ? И при этомъ вопросѣ, который до разговора съ Сергѣемъ Александрычемъ не приходилъ ему въ голову, дрожь пробѣжала по его тѣлу... — Бракомъ! повторялъ онъ: — бракомъ! въ волненіи взадъ и впередъ прохаживаясь по аллеѣ сада.—Тихія, безмятежныя картины брачной жизни, которыми нѣкогда восхищался онъ, въ эту минуту ему не являлись болѣе. Напротивъ, какъ нарочно, вся прозаическая сторона этой жизни выступила передъ нимъ во всей наготѣ: домашнія хлопоты и тревоги, раздирающій уши крикъ дѣтей, неизбѣжное охлажденіе къ женѣ, ея слезы и вздохи, его тоска и отчаяніе, и прочее. Григорій Алексѣичъ былъ убѣжденъ, что безумно связывать себя вѣчнымъ обѣтомъ, добровольно лишать себя свободы.—Но что же мнѣ дѣлать? спрашивалъ онъ самъ себя:—бѣжать отсюда? запереться въ самомъ себѣ, обречь себя на одиночество и влачиться по свѣту, безъ надеждъ и безъ цѣли! И куда бѣжать? Мысль объ одиночествѣ показалась ему еще страшнѣе мысли о бракѣ.—Нѣтъ, подумалъ онъ:—я не созданъ для одинокой, эгоистической жизни, мнѣ необходимо имѣть возлѣ себя существо любящее, близкое, родное по духу, съ которымъ бы я дѣлилъ и чувства, и мысли, и горе, и радости! Къ чему мнѣ моя постылая свобода?

И Григорій Алексѣичъ, колеблемый этими мыслями, то рѣшался объясниться съ Наташей и ея матерью—и разомъ кончить все, то хотѣлъ уѣхать изъ Сергіевскаго. Иногда минутами, казалось ему, что онъ вовсе не любитъ Наташу, что онъ просто увлекся ею, что между ними не существуетъ настоящей симпатіи, что въ ней нѣтъ достаточной теплоты, что она больше все понимаетъ головой,

чѣмъ сердцемъ,—и мало ли чего не казалось ему! Нѣсколько разъ въ день мѣнялъ онъ свои мысли и взгляды и часто совсѣмъ упадалъ духомъ въ горькомъ сомнѣніи и нерѣшительности.

Въ такомъ мрачномъ расположеніи духа забрелъ онъ однажды вечеромъ (это было въ половинѣ іюля) въ самую отдаленную и заглохшую часть сада и утомленный, болѣе мыслями чѣмъ ходьбою, бросился на траву между кустами орѣшника, спускавшагося у самыхъ ногъ его въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго между камнями лѣниво пробивался ручей съ глухимъ журчаньемъ. На другомъ берегу оврага была роща. Впереди и кругомъ Григорья Алексѣича все было дико и мрачно. Сквозь плотную, густую массу зелени, окружавшую его, не могъ проскользнуть лучъ солнечный. «Нѣтъ, думалъ Григорій Алексѣичъ: — нѣтъ, я напрасно обвиняю *ее* въ неспособности любить: у нея глубокое, любящее сердце; чѣмъ болѣе я наблюдаю ее, тѣмъ болѣе вижу, что она можетъ любить съ увлеченіемъ, съ страстію... Это широкая, избранная натура, которой доступно и понятно все... И я сомнѣвался въ ней! Какая глупость! Теплоты недостаетъ не въ ней, а во мнѣ — и Григорій Алексѣичъ при этомъ билъ себя въ грудь... Сердце мое съ каждымъ днемъ черствѣетъ болѣе и болѣе; никогда не испытавъ любви, я уже сознаю въ себѣ неспособность любить такъ, какъ бы слѣдовало, а бываютъ, впрочемъ, минуты, въ которыя мнѣ еще кажется, что я могу любить со всѣмъ жаромъ и полнотою молодости;— но это обманъ, ложь! я никогда не буду въ состояніи удовлетворить ея любви, для чего же напрасно смущать ея покой? Я рѣшительно не стою ея! Мнѣ слѣдуетъ быть съ ней какъ можно холоднѣе, какъ можно осторожнѣе. Но это опять глупость! я не выдержу... Нѣтъ, мнѣ просто нельзя оставаться здѣсь ни одной минуты, я долженъ бѣжать отсюда, куда нибудь, все равно, только какъ можно далѣе; каждая минута замедленія будетъ съ моей стороны преступною слабостію...

Но какъ будто это такъ легко?

Онъ задумался и черезъ минуту произнесъ почти вслухъ:

— Кончено. Сегодня же ѣду! и очень рѣшительно побѣжалъ по тропинкѣ.

Тропинка эта привела его на довольно открытое мѣсто. Тутъ онъ пріостановился и вздохнулъ свободнѣе. Зеленыя стѣны лѣса и его сумракъ душили его, ему необходимо были въ эту минуту свѣтъ и пространство.

— Я посмотрю въ послѣдній разъ, думалъ онъ, на эти луга, на Волгу; въ послѣдній разъ, потому что я никогда уже не ворочусь сюда.

И подумавъ это, Григорій Алексѣичъ пошелъ болѣе покойнымъ и ровнымъ шагомъ.

Подходя къ самому скату горы, съ которой виднѣлась Волга, Григорій Алексѣичъ вдругъ вздрогнулъ и какъ бы приросъ къ землѣ.

Въ десяти шагахъ отъ него сидѣла на скамейкѣ Наташа.

Не ней было бѣлое платье. Черные волосы ея локонами спускались до груди... Все вокругъ нея и вся она облита была розовымъ отблескомъ догарающей вечерней зари. Воздухъ дышалъ благоуханною свѣжестью. Все было тихо, вершины деревьевъ чуть колебались. Григорій Алексѣичъ долго стоялъ не шевелясь и едва переводя дыханіе. Наташа была очень хороша. Онъ смотрѣлъ на нее долго и благоговѣйно, и потомъ робко подошелъ къ ней.

Наташа обернулась, когда онъ стоялъ въ двухъ шагахъ етъ нея.

— Ахъ, это вы! сказала она.

Григорій Алексѣичъ молчалъ, опустивъ голову на грудь.

— Какой прекрасный вечеръ, замѣтила Наташа... А гдѣ вы были? Вѣрно въ рощѣ?

— Да, въ рощѣ... нѣтъ, впрочемъ, я ходилъ въ саду, отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ:—а вы давно здѣсь сидите?

— Это моя любимая скамейка, сказала Наташа: — я здѣсь часто сижу. Отсюда чудный видъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошій видъ. Мнѣ это мѣсто также нравится... но я, можетъ быть, помѣшалъ вамъ... можетъ быть, вы хотите быть однѣ?

— Нисколько, отвѣчала Наташа.

— Такъ вы мнѣ позволите сѣсть возлѣ васъ?

— Садитесь.

Григорій Алексѣичъ сѣлъ на скамейку.

Они нѣсколько минутъ молчали.

— Вамъ вѣрно надоѣла деревня? сказала первая Наташа,—вы не привыкли къ ней,—вы день ото дня становитесь скучнѣе.

— Вы замѣчаете это? возразилъ Григорій Алексѣичъ.

— Да. Чтожь, это вамъ кажется страннымъ? И не я одна, и другіе замѣчаютъ это.

— Что мнѣ за дѣло до другихъ!

Наташа посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Скажите, отчего вы такъ несмотрѣли на меня? спросилъ Григорій Алексѣичъ.

— Такъ... Наташа нѣсколько смѣшалась. — Ну, признайтесь, вѣдь вамъ скучно здѣсь?

— А отчего же вы думаете, что въ другомъ мѣстѣ мнѣ было бы веселѣе? Напротивъ, я люблю деревню. Деревенская жизнь для меня не такъ чужда, какъ вы думаете, потому что я постоянно, до 19-ти лѣтъ, жилъ въ деревнѣ. Здѣсь мнѣ и весело и грустно... Но мнѣ иногда кажется, что нѣтъ человѣка въ мірѣ счастливѣе меня, иногда я думаю, что я самый несчастный изъ людей...

Григорій Алексѣичъ самъ не зналъ, что говорилъ, онъ оторвалъ вѣтку отъ куста и бросилъ ее. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать и остановился.

Сердце Наташи замерло. Она предчувствовала что-то необыкновенное.

— Послушайте, сказалъ Григорій Алексѣичъ: — мнѣ давно хотѣлось говорить съ вами; вы простите меня, если я говорю нескладно... У меня нѣтъ болѣе силъ скрывать отъ васъ... Рано или поздно вы бы должны были узнать это...

Григорій Алексѣичъ вдругъ схватилъ руку Наташи.

У Наташи потемнѣло въ глазахъ, рука ея задрожала...

— Выслушайте меня,—пожалуйста... я долженъ сказать вамъ—я люблю васъ...

Легкій, едва слышный звукъ вырвался изъ груди Наташи.

— Я еще никого не любилъ въ жизни... я люблю въ первый разъ, продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ и смѣлостію:—еще за полчаса передъ этимъ, я упрекалъ себя въ холодности и неспособности любить, мнѣ казалось... но теперь мнѣ ясно, я не понималъ самого себя, теперь я чувствую, какъ горячо и сильно я люблю... безъ васъ для меня нѣтъ ничего въ жизни.

Наташа сидѣла недвижно. Слезы крупными каплями продолжали падать на ея грудь.

Она не вѣрила тому, что слышала: до этой минуты ей казалось почти невозможнымъ, чтобы онъ могъ полюбить ее.—онъ, по ея мнѣнію, достойный любви первой, лучшей женщины въ мірѣ!

— Скажите же мнѣ что нибудь... взгляните на меня!..

Наташа подняла голову, улыбнулась сквозь слезы и пожала его руку ..

— Только одно слово! повторялъ Григорій Алексѣичъ.

Наташа хотѣла сказать это слово, но разгорѣвшее лицо ея вдругъ поблѣднѣло.

Въ эту минуту, ей послышался шорохъ въ густыхъ кустахъ сзади скамейки...

ГЛАВА VIII.

Часа черезъ два послѣ этого Олимпіада Игнатьевна, Наташа, Петруша, Григорій Алексѣичъ и Сергѣй Александрычъ сидѣли всѣ вмѣстѣ въ гостиной въ ожиданіи ужина. Наташа была нѣсколько разсѣяннѣе обыкновеннаго и какъ-то все не впопадъ отвѣчала на вопросы Сергѣя Александрыча. Григорій Алексѣичъ, напротивъ, былъ въ самомъ пріятномъ и веселомъ расположеніи духа, и даже очень одобрительно улыбался, слушая Петрушу, декламировавшаго ему свои новые стихи.

Олимпіада Игнатьевна разкладывала гран-пасьянсъ, вздыхала, охала и изрѣдка поглядывала на дочь съ заботливымъ безпокойствомъ... Мѣсяцъ прямо смотрѣлъ въ

широкое окно, обливая комнату своимъ блѣднымъ свѣтомъ и бросая длинныя и серебрянныя полосы на полъ. Отъ времени до времени слышался въ комнатѣ доносившійся издалека однообразный и мѣрный стукъ ночного сторожа.

Олимпіада Игнатьевна оставила карты и обратилась къ дочери.

— Что съ тобой, Наташа? что ты, нездорова что ли?

И она приложила руку къ ея головѣ.

— У тебя въ лицѣ нѣтъ кровинки, а голова такая горячая!.. За тобой надо смотрѣть, какъ за ребенкомъ. По вечерамъ теперь сырость такая, а ты ходишь въ саду въ одномъ тоненькомъ платьицѣ. Того и гляди схватишь лихорадку...

— Я ничего, отвѣчала Наташа:—у меня такъ только немного болитъ голова. Это пройдетъ.

— То-то пройдетъ, ворчала Олимпіада Игнатьевна. — Поди-ка ты спать, напейся на ночь малины, да закутайся хорошенько; это будетъ лучше.

Наташа въ ту же минуту встала и подошла къ маменькиной ручкѣ. Олимпіада Игнатьевна перекрестила ее и поцаловала въ лобъ.

Сергѣй Александрычъ посмотрѣлъ на Наташу съ улыбкою и пожалъ ей руку. Григорій Алексѣичъ молча поклонился ей; и когда она вышла, Петруша отправился вслѣдъ за нею.

— Я провожу тебя до твоей комнаты, сказалъ онъ ей.

— Спасибо. Зачѣмъ же? Я могу дойдти и одна, отвѣчала Наташа.

— Мнѣ хочется поговорить съ тобою, сестра, произнесъ Петруша таинственно.

— О чемъ? спросила Наташа, вздрагивая:—пожалуй, когда нибудь послѣ, только не теперь. Я, въ самомъ дѣлѣ, не очень здорова.

Петруша нахмурился.

— Послушай, Наташа... голосъ Петруши дѣлался все таинственнѣе: — никогда еще я не чувствовалъ въ себѣ такой сильной потребности говорить съ тобой. Теперь я, можетъ быть, выскажу тебѣ то, что другой разъ мнѣ не

удастся высказать. Ты знаешь, что у меня минуты откровенія не часты.

Наташа ничего не отвѣчала.

Войдя въ свою комнату, она обратилась къ Петрушѣ, который все слѣдовалъ за нею.

— Тебя вѣрно, братецъ, ждутъ ужинать.

— Я не хочу ужинать, отвѣчалъ Петруша, располагаясь на диванѣ.

— А маменька-то? Она будетъ безпокоиться... ты вѣдь знаешь ее... ей Богъ знаетъ что придетъ въ голову... Она подумаетъ, что и ты нездоровъ.

— Оставь ее; пусть думаетъ себѣ, что хочетъ...

— Поди скажи, чтобы меня не ждали ужинать, сказалъ онъ, обращаясь къ горничной, которая ставила на столъ свѣчу.

Когда горничная ушла, Петруша подошелъ къ Наташѣ, съ чувствомъ посмотрѣлъ на нее и крѣпко пожалъ ея руку.

— Я понимаю тебя, Наташа, произнесъ онъ значительно:—отъ меня ты не должна ничего скрывать... Вѣрь мнѣ, я могу быть твоимъ другомъ; ты можешь смѣло высказать мнѣ все, что лежитъ у тебя на сердцѣ... тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей.

— Что такое? что ты хочешь сказать? спросила Наташа.

— Неужели ты думаешь, продолжалъ Петруша: — что отъ меня могла ускользнуть перемѣна, которая произошла въ тебѣ съ нѣкотораго времени? Неужели ты воображаешь, что я не понимаю сердца женщины? Отъ меня ты не утаишь ничего. Небойся. Я можетъ быть, объясню тебѣ многое, что еще ты сама не ясно сознаешь въ себѣ... Послушай, Наташа, я еще до-сихъ-поръ въ жизни не встрѣчалъ женщины, родственной мнѣ по духу, и можетъ быть никогда не встрѣчу. Что ожидаетъ меня въ будущемъ? Капля радостей и море страданій! У меня натура артистическая, субъективная, а такого рода натуры не могутъ быть счастливы въ настоящемъ обществѣ! Они находятъ удовлетвореніе только въ самихъ себѣ... Знаешь ли ты, что возможность любви, горячей, безпредѣльной лежитъ у меня здѣсь въ зародышѣ?

Петруша ударилъ себя въ грудь.

— Много чувствъ и мыслей безвыходно замкнуты въ этой груди. Меня считаютъ сухимъ и холоднымъ. Наружность моя точно такова, но наружность обманчива, сестра... Внутренній огонь пожираетъ меня! Родись я не здѣсь, среди этого пошлаго, безсмысленнаго, апатическаго общества, я могъ бы сдѣлать многое, я не безполезно прошелъ бы жизненное поприще; но здѣсь, сестра, здѣсь нѣтъ пищи для моей дѣятельности! Кому здѣсь понять меня? Въ глазахъ стараго отжившаго поколѣнія, я не болѣе, какъ сумасбродный мальчишка, нахватавшій самыхъ вредныхъ идей; но меня не понимаютъ многіе и изъ молодого поколѣнія, и тѣ, которые считаютъ себя развитыми, которые трактуютъ о современныхъ вопросахъ. А это нестерпимо. Напримѣръ, Сергѣй Александрычъ,—онъ обращается со мной совершенно какъ съ ребенкомъ и глядитъ на меня съ высоты величія. Онъ воображаетъ, что стоитъ на ряду съ вѣкомъ, потому-что былъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, а между тѣмъ, это человѣкъ отсталой; у него душа дряблая, старческая, неспособная сочувствовать, и какой пошлый взглядъ на жизнь! Искусство, поэзія для него не существуютъ, тонкія поэтическія черты для него рѣшительно неуловимы...

Петруша вскочилъ со стула и началъ прохаживаться по комнатѣ.

Наташа, замѣтно встревоженная началомъ разговора Петруши, почти не слыхала послѣднихъ словъ его. Мысли ея заняты были совершенно другимъ.

Петруша остановился передъ нею.

— Знаешь ли, продолжалъ онъ—если кто нибудь немного можетъ понимать меня, такъ это развѣ Григорій Алексѣичъ... по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

Наташа не пріобрѣла еще искусства владѣть собою. Лицо ея вдругъ измѣнилось при этомъ имени, и она съ любопытствомъ взглянула на брата.

— У Григорья Алексѣича сердце теплое: поэтическая сторона жизни доступна ему, но, кажется, и въ немъ начинаетъ остывать юношескій пылъ, энергія убѣжденія, и онъ начинаетъ расходиться съ новымъ поколѣніемъ. А это

жаль, очень жаль! Онъ тоже воображаетъ, что знаніе жизни пріобрѣтается только однимъ опытомъ... старческая, пошлая мысль!.. но я все таки уважаю этого человѣка, и всегда охотно протягиваю ему руку. Въ немъ есть хорошія стороны. Это одинъ изъ немногихъ людей, которые въ случаѣ нужды могутъ быть полезны... Ахъ, жизнь, жизнь!.. не многимъ дается ея свѣтлое пониманіе... Да!.. а люди не легко и не вдругъ познаются!.. А я, однако, съ перваго раза умѣлъ оцѣнить Григорія Алексѣича... Ему я даже обязанъ тѣмъ, что узналъ тебя.

— Какъ это? спросила Наташа.

— Безъ него я не подозрѣвалъ бы того, что ты способна къ развитію, къ воспринятію высшихъ идей. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, ты сдѣлала огромный шагъ. Ты многимъ обязана Григорью Алексѣичу.

Петруша взялъ снова руку сестры и еще крѣпче прежняго пожалъ ее.

— Ты любишь его, Наташа! признайся мнѣ. Я вижу все—и долженъ сказать тебѣ... эта любовь радуетъ меня, потому... потому-что она совершенно разумна.

Наташа молчала. Она не могла произнести ни одного слова, если бы и хотѣла отвѣчать на вопросъ Петруши. Грудь ея тяжело и неровно дышала, а сердце болѣзненно билось.

— Признайся мнѣ какъ другу, какъ духовному брату, говорилъ неотвязчивый Петруша съ экстазомъ:—о, я свято сохраню твою тайну, не оскорблю деликатность твоего чувства; я не захочу нагло ворваться въ святилище твоего сердца, для того, чтобы напрасно возмущать его... Ты любишь Григорья Алексѣича? скажи мнѣ.

— Да, да, прошептала Наташа, задыхаясь и закрывая лицо руками...

Долго оставалась она въ такомъ положеніи. Петруша смотрѣлъ на нее, скрестивъ руки на груди и усиливаясь какъ можно болѣе придать значенія и важности своей физіономіи, и когда Наташа открыла лицо и рѣшилась взглянуть на брата, онъ обнялъ ее и потомъ какъ-то вдохновенно началъ поводить глазами. — Съ этой минуты я твой, сестра, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ:—въ эту

минуту мы породнились съ тобой духовно. Располагай мной... Если матушка, почему бы то ни было, вздумаетъ препятствовать вашему соединенію или станетъ притѣснять тебя, она въ одно время лишится и сына и дочери!.. Это будетъ для нея нравственною казнію; никто, можетъ быть, не подозрѣваетъ здѣсь, на что̀ я способенъ въ крайнихъ случаяхъ!.. Намъ надо дѣйствовать смѣло, прямо... О, какъ весело вступать въ открытую борьбу съ предразсудками и невѣжествомъ! Сердце замираетъ отъ восторга при этой мысли.

Петруша продолжалъ говорить о Григорьи Алексѣичѣ, о маменькѣ, о будущей участи человѣчества, объ освобожденіи женщины, о міровой любви, о самомъ себѣ и о своихъ стихотвореніяхъ.

Когда онъ все высказалъ, простился съ сестрою и уже отворилъ дверь, чтобы выйдти изъ ея комнаты, Наташа бросилась къ нему и остановила его на минуту.

— Послушай братецъ, произнесла она, крѣпко и судорожно сжимая его руку: — то, что я сказала тебѣ, останется между нами... Бога ради! я прошу тебя...

— И ты еще можешь сомнѣваться во мнѣ, перебилъ Петруша оскорбленнымъ тономъ:—послѣ всего, что я говорилъ тебѣ? Я открылъ тебѣ всю мою душу, всѣ мои вѣрованія и убѣжденія. Стало быть, ты не поняла меня?

— О, нѣтъ! вскрикнула Наташа со слезами на глазахъ:—прости меня... я увѣрена въ тебѣ...

Дня черезъ три послѣ этого Петруша написалъ стихи къ Наташѣ, въ которыхъ онъ подтверждалъ, между прочимъ,—«что въ его груди, какъ въ могилѣ, навѣки замретъ ея святая тайна». Но онъ не выдержалъ и прочелъ эти стихи Сергѣю Александрычу. Сергѣй Александрычъ похвалилъ ихъ; Петруша смягчился и, разнѣженный этою похвалою, внутренно примирился съ нимъ на эту минуту и, самъ не чувствуя какъ, передалъ ему отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Наташей.

Между тѣмъ слухи о любви Наташи къ Григорью Алексѣичу съ различными прибавленіями и преувеличеніями распространялись быстро въ родственномъ кругу и, переходя изъ уѣзда въ уѣздъ, сдѣлались самою интересною новостію въ губерніи и для постороннихъ.

Толки эти были очень забавны и разнообразны. И кому бы пришло въ голову, что первая пустившая эти толки, одушевившіе всю губернію, была Стешка, горничная Агафьи Васильевны? Агафья Васильевна, нерѣдко посѣщавшая Сергіевское, съ каждымъ пріѣздомъ своимъ убѣждалась, что на сбытъ Любаши плоха надежда, что Григорій Алексѣичъ, «не соблюдая никакого приличія и благопристойности, такъ и подлипаетъ къ Наташѣ», и заключила изъ этого, что онъ долженъ быть самый безпутный человѣкъ. Агафья Васильевна затаила злобу свою до времени и начала наблюдать за ними изподтишка посредствомъ своихъ агентовъ. Стешка черезъ Петровича передавала ей все, что дѣлалось въ Сергіевскомъ.

Петровичъ, въ угоду Стешки и отчасти по собственной наклонности, исполнялъ ревностнымъ и добросовѣстнымъ образомъ должность шпіона. Рука, раздвигавшая вѣтви кустарника въ саду, въ минуту объясненія Григорья Алексѣича съ Наташею, принадлежала Петровичу, и на другой же день все видѣнное и слышанное имъ онъ передалъ Стешкѣ, которая, въ свою очередь, сейчасъ же, какъ слѣдуетъ, донесла объ этомъ своей барынѣ.

— А! такъ вотъ какъ! вскрикнула въ бѣшеномъ торжествѣ Агафья Васильевна:—вотъ оно что! Сама на шею бросается къ нему!.. сама обнимаетъ его! Она безчеститъ собою всю нашу фамилію, всю нашу губернію! Да ужь полно дворянская ли кровь течетъ въ ней?.. Ужь не согрѣшила-ли Олимпіада-то Игнатьевна?

Агафья Васильевна дала полную волю языку и начала вездѣ трезвонитъ о Наташѣ и о Григорьи Алексѣичѣ.

Но грозныя тучи клеветъ и сплетней, скоплявшіяся на губернскомъ горизонтѣ, еще не разразились надъ Сергіевскимъ. Тамъ было еще все ясно и безмятежно. Олимпіада Игнатьевна хорошо понимала, что дѣлалось кругомъ ея, и часто съ большимъ любопытствомъ распрашивала своего племянника о Григорьи Алексѣичѣ. Ей было непріятно только одно,—почему Григорій Алексѣичъ не служитъ.— Какъ же онъ не заботится о своей карьерѣ? спрашивала она: — развѣ онъ имѣетъ такое обезпеченное состояніе?.. Вотъ вы, батюшка, прибавляла она: — это другое дѣло,

Васъ Богъ благословилъ... У васъ полторы тысячи душъ крестьянъ. Слава Богу, вамъ не о чемъ заботиться. Ну, а молодому человѣку, не богатому, грѣшно не думать о службѣ и праздно проводить время...

Сергѣй Александрычъ старался объяснить тетушкѣ, что Григорій Алексѣичъ проводитъ время не совсѣмъ праздно, что онъ много читаетъ, занимается литературой, пишетъ статьи для журналовъ; но тетушка сомнительно и недовольно покачивала головой и говорила:

— Воля ваша, что же это за занятія такія? Вѣдь это онъ дѣлаетъ для своего удовольствія... Вѣдь это все же не то, что коронная служба... Вѣдь за эти занятія онъ не получитъ ни чина, ни награды, ни какого профита.

Глядя на дочь свою и на Григорія Алексѣича, когда они сидѣли вмѣстѣ, старушка иногда думала:

«Господи! буди воля твоя!

Случалось также, что глядя на нихъ, она думала: «какъ бы это узнать достовѣрно, есть ли у него состояніе, обезпеченъ ли онъ?» потому-что Сергѣй Александрычъ не далъ ей положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Съ Наташей при Григорьи Алексѣичѣ она обращалась гораздо нѣжнѣе и ласковѣе обыкновеннаго, и часто говорила ему въ ея присутствіи:

— Какъ я благодарна вамъ, батюшка, за то что вы занимаетесь съ ней, читаете ей, толкуете, учите ее.

Но наединѣ съ дочерью Олимпіада Игнатьевна давала ей другого рода наставленія.

— Ты пожалуйста, Наташа, говорила она:—не очень слушай то, что тебѣ разсказываетъ и нашептываетъ Григорій Алексѣичъ, не вѣрь всему, что тамъ написано въ этихъ книгахъ, которыя онъ тебѣ читаетъ.

ГЛАВА IX.

А вотъ что Григорій Алексѣичъ нашептывалъ Наташѣ:

— Если бы вы знали, какъ я теперь счастливъ! А была минута, когда я хотѣлъ бѣжать отсюда, бѣжать отъ васъ...

— За чѣмъ же бѣжать? перебила Наташа съ недоумѣніемъ.

— Я сомнѣвался во всѣхъ и во всемъ.—сомнѣвался въ самомъ себѣ, сомнѣвался въ васъ. Я думалъ, что вы не любите меня.

— Неужели вы думали это? спросила Наташа: — я могла думать, но это совсѣмъ другое. И до сихъ поръ... Скажите мнѣ, Бога ради, за что вы меня любите?.. Я и до сихъ поръ не понимаю этого!

— Вы не знаете самое себя, говорилъ Григорій Алексѣичъ, съ восторгомъ смотря на нее: — за что? вы дали смыслъ и содержаніе моей жизни. Вашъ взглядъ, ваше слово, одно присутствіе ваше разливаетъ святое чувство въ груди моей. Вы еще не знаете, на сколько вы выше этихъ людей, среди которыхъ родились и живете. Посмотрите хорошенько вокругъ себя, на самыхъ близкихъ родныхъ своихъ, на ихъ образъ жизни, на ихъ дикіе, нелѣпые предразсудки. Есть ли у васъ что нибудь общее съ ними? Вы, вѣрно, оставите ихъ безъ сожалѣнія?

— Если мнѣ придется когда нибудь оставить ихъ, отвѣчала она:—я, конечно, не буду жалѣть никого, кромѣ маменьки...

— Я понимаю, что вы привязаны къ ней по привычкѣ; но послушайте, я долженъ прямо сказать вамъ все, я долженъ быть откровененъ съ вами; вы не можете любить ее искренно, и если думаете, что ее любите,— вы обманываете самое себя.

— Что это вы говорите? съ ужасомъ сказала Наташа. Она—моя мать! Я знаю, что у нея доброе сердце и она очень любитъ меня. Какъ же мнѣ не любить ее?

— Да, она любитъ васъ до той минуты, покуда вы молчаливо и безусловно будете во всемъ покорятся ея требованіямъ, но если вы хоть разъ вздумаете обнаружить передъ ней собственную волю, которая будетъ противорѣчить ея воли, тогда эта любящая мать съ добрымъ сердцемъ явится передъ вами въ настоящемъ свѣтѣ... Она безъ жалости подавитъ васъ своею материнскою властію, она не позволитъ вамъ дохнуть свободно, прикинется еще въ добавокъ притѣсненною, будетъ стонать, охать и всѣмъ жаловаться на васъ. И никто не приметъ вашу сторону, всѣ будутъ за нее... Между ею и вами не можетъ суще-

ствовать никакой откровенности, никакой симпатіи. Вы должны, напротивъ, скрываться отъ нея, казаться передъ ней не тѣмъ, чѣмъ вы есть, приносить ей ежеминутныя жертвы, и для собственнаго спокойствія поступать по ея желанію противъ своихъ убѣжденій, противъ своей совѣсти...

— О, нѣтъ, прервала Наташа:—ни за что на свѣтѣ; теперь я чувствую, что никто не въ состояніи заставить меня сдѣлать что нибудь противъ моихъ убѣжденій.

— Но знаете ли вы, продолжалъ онъ:—можетъ быть, минута испытанія уже близка для васъ. Я бѣденъ, я почти ничего не имѣю; ваша матушка не подозрѣваетъ этого, она вѣрно думаетъ, что у меня есть какое нибудь состояніе, и только потому такъ благосклонно обращается со мною,—но я долженъ буду открыть ей все, вывести ее изъ заблужденія, и тогда...

— Вы слишкомъ дурно думаете объ ней. Вы не знаете ее. Она не захочетъ препятствовать моему счастію. Я скажу ей, что я люблю васъ, что я никого никогда не буду любить кромѣ васъ.

— Вы слишкомъ чисты душою, слишкомъ неопытны; но если мои подозрѣнія оправдаются—тогда что̀?

— Тогда... Наташа задумалась... Григорій Алексѣичъ впился въ нее своими глазами... А! она колеблется, мрачно подумалъ онъ.

— Тогда, сказала Наташа голосомъ спокойнымъ и твердымъ,—тогда у меня не останется никого кромѣ васъ.

Григорій Алексѣичъ при этихъ словахъ сталъ передъ Наташею на колѣни и началъ жарко цаловать ея руки въ безумномъ упоеніи.

— Бога ради, что вы дѣлаете? произнесла Наташа, которая, не смотря на волненіе, сохранила присутствіе духа:—вы забыли, гдѣ мы; васъ могутъ увидѣть...

Григорій Алексѣичъ поднялся медленно, отвелъ рукою длинные свои волосы, которые упадали ему на лицо, взглянулъ на Наташу млѣющими глазами и прошепталъ:

— Да, я совсѣмъ забылъ... простите меня, я не помню, что дѣлаю; я такъ счастливъ!

Онъ снова сѣлъ возлѣ нея и нѣсколько минутъ жадно вдыхалъ въ себя вечерній воздухъ.

— Мы не останемся здѣсь, продолжалъ онъ, успокоиваясь, разнѣживаясь и какъ будто мечтая вслухъ:—мы уѣдемъ отсюда, поселимся въ Петербургѣ, устроимъ маленькое хозяйство, будемъ допускать къ себѣ только немногихъ избранныхъ друзей. Я буду трудиться, и какъ легокъ и пріятенъ мнѣ будетъ всякій трудъ! Мысль, что я тружусь не для себя только, а для существа родного, близкаго мнѣ,—эта мысль будетъ одушевлять и вдохновлять меня... До этой минуты дѣятельность моя была въ усыпленіи, потому-что я не имѣлъ цѣли въ жизни, потому-что кругомъ меня было все безпривѣтно и пусто. До сихъ поръ я бродилъ во мракѣ и ощупью, воображалъ себя мудрецомъ, а между тѣмъ былъ глупъ, какъ ребенокъ. Только теперь я начинаю понимать и видѣть все ясно; только теперь я чувствую въ себѣ настоящую силу и желаніе дѣятельности. Человѣкъ никогда не любившій, хотя бы прожилъ сто лѣтъ, не имѣетъ права сказать, что онъ жилъ!

Григорій Алексѣичъ говорилъ долго, Наташа слушала его съ восторгомъ, и въ воображеніи ея уже развертывалась картина прекраснаго будущаго. Для Наташи каждое его слово дышало святой, непреложной истиной. Она смотрѣла на него съ полною вѣрой.

Но Григорій Алексѣичъ не могъ долго оставаться въ такомъ безмятежномъ и блаженномъ состояніи духа. Одно обстоятельство, совершенно, впрочемъ, ничтожное, вдругъ нарушило внутреннюю его гармонію.

Онъ лежалъ послѣ обѣда на диванѣ въ своей комнатѣ и мечталъ. Мечты его, мало по малу начинали спутываться и принимать неопредѣленные и туманные образы. глаза закрывались, и онъ готовъ уже былъ совсѣмъ заснуть, какъ вдругъ кто то сильно и выразительно крякнулъ надъ самою его головою.

Григорій Алексѣичъ открылъ глаза и съ досадою обернулся назадъ.

На порогѣ двери стоялъ Петровичъ съ свойственнымъ ему глубокомысленнымъ видомъ.

— Что тебѣ надо? спросилъ Григорій Алексѣичъ.

— Да, признаться, надо-то мнѣ Сергѣя Александрыча, отвѣчалъ Петровичъ, заглядывая въ комнату.

— Его нѣтъ здѣсь.

— То-то нѣтъ, я и вижу, что нѣтъ. Да гдѣ жь бы они это могли быть?

— Не знаю.

— Гм! Надо пойдти отыскивать ихъ. Барыня ихъ спрашиваетъ зачѣмъ-то...

— Поди отыскивай... Мнѣ что за дѣло.

Но Петровичъ не двигался съ мѣста.

— Ну, что жь тебѣ?

— Эхъ, батюшка, Григорій Алексѣичъ, проговорилъ Петровичъ, вздыхая:—то-ись, какъ я васъ люблю... вѣрите ли Богу... я много произошелъ въ своей жизни и много господъ видалъ на своемъ вѣку... Вотъ и Василій Васильичъ Бочкаревскій, знаете его? ужь на что баринъ,— да нѣтъ, куда до васъ, далеко! Все не то. Этакая счастливица наша барышня, въ сорочкѣ, видно, родилась, ей-богу!

— Это что значитъ? сказалъ Григорій Алексѣичъ, вскакивая съ дивана.

Петровичъ немного смутился.

— Вы простите меня, Григорій Алексѣичъ, то-ись, можетъ статься, я и глупое слово сказалъ, оно, можетъ, вамъ и непріятно, что я примѣчалъ ваши сердечныя чувствія, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, батюшка, ей-богу. Мы, то-ись всѣ, не иначе понимаемъ васъ, какъ женихомъ Натальи Николаевны и радуемся этому! Ежеминутно, такъ сказать, Бога благодаримъ...

Григорій Алексѣичъ кусалъ губы отъ нетерпѣнія и досады.

— И сама барышня, продолжалъ Петровичъ: — опомнясь приходитъ въ дѣвичью... и я тутъ случился, знаете... и говоритъ: ну, дѣвушки, говоритъ, будетъ вамъ работа... приданое, говоритъ, мнѣ шить...

— Она сказала это? вскрикнулъ Григорій Алексѣичъ, блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Ты лжешь!..

— Чего же вы батюшка, гнѣваетесь-то? Убей меня

Богъ. Вотъ тутъ и Палагея была, и Аннушка, и Матрена, все живые люди. Спросите у нихъ, коли мнѣ не вѣрите.

Петровичъ клялся и божился, но Григорій Алексѣичъ не слыхалъ уже ничего и не видалъ.

У Григорья Алексѣича помутилось въ глазахъ; онъ въ отчаяньи бросился на диванъ, потомъ вскочилъ и началъ бѣгать изъ угла въ уголъ, бормоча сквозь зубы несвязныя и отрывистыя фразы:

— Прекрасно!.. приданое... дѣвкамъ повѣрять свои тайны... это въ духѣ деревенской барышни!.. Какъ это мило!

Наташа вдругъ потеряла для него свое высокое значеніе и превратилась въ пустую, ничтожную дѣвочку.

— И я допустилъ себя такъ глупо увлечься ею! думалъ онъ—и я могъ вообразить, что она оторвалась отъ грязной и гадкой дѣйствительности, въ которой родилась и выросла! Это сумасбродство, нелѣпость! Сергѣй Александрычъ правъ; онъ ничѣмъ не увлекается; онъ смотритъ на вещи просто, положительно, и потому у него взглядъ бываетъ часто яснѣе и вѣрнѣе моего. И можетъ ли она любить, можетъ ли она понимать любовь въ ея святомъ, въ ея высокомъ значеніи, когда она ужь теперь начинаетъ хлопотать о приданомъ и разсуждаетъ объ этомъ со своими дѣвками? Ей, просто, хочется выдти замужъ, жениховъ нѣтъ, а я дуракъ тутъ кстати подвернулся,—она и расплылась передо мною и начала сентиментальничать...

Григорій Алексѣичъ цѣлый вечеръ дулся, не говорилъ съ Наташей ни слова и едва отвѣчалъ на ея вопросы. Ночь провелъ онъ безпокойно, проснулся ранѣе обыкновеннаго и одѣлся наскоро, чтобы идти гулять. Онъ боялся встрѣтить кого нибудь, особенно Сергѣя Александрыча, потому-что чувствовалъ потребность быть одному, потому-что не хотѣлъ, чтобы кто нибудь замѣтилъ его страданія. Григорій Алексѣичъ вышелъ на крыльцо. Утро было теплое, небо подернуто тонкими и блѣдными облаками. Роса крупными матовыми каплями лежала на листкахъ бузинныхъ кустовъ, разросшихся на дворѣ у самаго дома; лугъ передъ домомъ только что былъ скошенъ и воздухъ напитанъ запахомъ травы... На крыльцѣ, прислонясь къ

колоннѣ, стояла Наташа; глаза ея были красны и вѣки распухли.

Григорій Алексѣичъ увидѣлъ ее и хотѣлъ вернуться назадъ, но уже было поздно. Наташа обернулась къ нему. Григорій Алексѣичъ сухо поклонился ей, остановился въ раздумьи и не зналъ, что дѣлать. Встрѣча была съ обѣихъ сторонъ неожиданна. Ни Григорій Алексѣичъ, ни Наташа нѣсколько минутъ не знали, что сказать другъ другу.

— Какое прекрасное утро, произнесла наконецъ Наташа въ замѣшательствѣ.

— Да, отвѣчалъ Григорій Алексѣичъ разсѣянно и не глядя на нее.

— Отчего вы такъ рано встали сегодня? спросила она:

Григорій Алексѣичъ не отвѣчалъ ни слова.

Наташа повторила свой вопросъ.

— И вы, кажется, встали сегодня раньше обыкновеннаго? сказалъ онъ раздражительно.—Я, признаюсь, не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь... Вы, вѣрно, чѣмъ нибудь озабочены, какими нибудь хлопотами по хозяйству?.. Это дѣлаетъ вамъ честь. Заниматься хозяйствомъ очень полезно, полезнѣе даже чѣмъ читать.

— Что это значитъ? Что это за тонъ? спросила она.— Объясните мнѣ, что это значитъ? Вы такъ измѣнились со вчерашняго дня. Я не понимаю васъ...

— Вы меня не понимаете?.. возразилъ Григорій Алексѣичъ съ ядовитою улыбкою,—можетъ быть!

Но въ эту минуту онъ взглянулъ на Наташу. Ея разстроенный видъ, ея распухшіе отъ слезъ глаза, ея блѣдность,—все это вдругъ поразило его.

— Какое же однако я имѣю право оскорблять ее?.. подумалъ онъ. Къ тому же вѣрить словамъ глупаго лакея... Можетъ быть все это было не такъ, Онъ перевралъ. Григорій Алексѣичъ вдругъ бросился къ Наташѣ съ чувствомъ.

— Простите меня, сказалъ онъ:—не слушайте меня, я самъ не знаю, что говорю! я болѣнъ. И онъ, въ отчаяніи, судорожно ломалъ свои руки, какъ нервическая женщина.

— Что съ вами? спросила она, взявъ его руку и глядя на него съ участіемъ.

Григорій Алексѣичъ не только успокоился совершенно, но ему показалось, что въ ея невольномъ движеніи выразилась вся сила, вся безпредѣльность любви къ нему.

Весь этотъ и слѣдующій день онъ былъ необыкновенно доволенъ и веселъ. Можетъ быть, довольствіе это продолжалось бы и долѣе, если бы не Петруша. Петруша давно искалъ удобнаго случая сблизиться съ Григорьемъ Алексѣичемъ и серьезно поговорить съ нимъ о Наташѣ, о самомъ себѣ и о человѣчествѣ, которое сильно его тревожило. И когда случай этотъ, по мнѣнію Петруши представился,—онъ передалъ весь разговоръ свой съ сестрою.

— Такъ она вамъ призналась, что любитъ меня? вамъ? возразилъ Григорій Алексѣичъ, выслушавъ его и съ нѣкоторою злостью измѣряя его съ ногъ до головы.

— Да, отвѣчалъ Петруша гордо и торжественно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Григорій Алексѣичъ улыбнулся презрительно.

— Впрочемъ, продолжалъ Петруша:—впрочемъ, и безъ признанія Наташи я зналъ и видѣлъ все... ваша и ея тайна была давно угадана мною. Я понялъ васъ съ первой минуты вашего пріѣзда сюда. На меня вы можете положиться.

Григорій Алексѣичъ принужденно захохоталъ.

— Благодарю васъ: повѣрьте, мнѣ очень лестно быть понятымъ вами,—только я не совѣтую вамъ слишкомъ полагаться на вашу проницательность. Она легко можетъ обмануть васъ, молодой человѣкъ!

Петруша поблѣднѣлъ, закусилъ губу и отсталъ отъ него.

Григорій Алексѣичъ проводилъ Петрушу глазами и ударилъ себя въ лобъ.

— Я глупецъ, совершенный глупецъ! подумалъ онъ.— Неужели я цѣлый вѣкъ буду жить фантазіями? Послѣ всего, что мнѣ наговорилъ этотъ мальчишка, послѣ всего этого можно ли, наконецъ, сомнѣваться въ томъ, что̀ такое эта Наташа?.. нѣтъ, нѣтъ! Пора мнѣ отрезвиться отъ этой любви, выкинуть этотъ вздоръ изъ головы,—все это пошлые остатки глупаго романтизма!

Съ каждымъ днемъ Григорій Алексѣичъ болѣе и болѣе

впадалъ въ разладъ съ самимъ собою и безпрестанно измѣнялъ свое обращеніе съ бѣдною Наташею. Иногда казалось ему, что Сергѣй Александрычъ смѣется надъ его любовію и смотритъ на него съ сожалѣніемъ, иногда онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что ему разставили сѣти, что его ловятъ, что Сергѣй Александрычъ вмѣстѣ со всѣми своими родственниками въ заговорѣ противъ него и что его хотятъ заставить жениться на Наташѣ.

Наташа рѣшительно не понимала, что дѣлается съ Григорьемъ Алексѣичемъ. Все въ немъ послѣднее время было для нея необъяснимой загадкой. Безпокойство ея возрастало съ каждымъ днемъ. Но обстоятельство, никѣмъ не предвидѣнное, вдругъ вывело ее изъ неопредѣленнаго положенія...

ГЛАВА X.

Къ числу почетнѣйшихъ помѣщиковъ той губерніи, въ которой находится село Сергіевское, принадлежалъ Захаръ Михайлычъ Рулевъ. Онъ имѣлъ генеральскій чинъ, и 600 незаложенныхъ душъ. Окончивъ съ честію свое служебное поприще, украсивъ грудь свою орденами и получивъ генеральскій чинъ при отставкѣ, Захаръ Михайлычъ поселился въ своей деревнѣ. Ему было тогда 59 лѣтъ. Онъ средняго роста, волосы у него сѣдые, глаза свѣтлокаріе, лицо круглое, носъ широкій, губы толстыя, особыхъ примѣтъ никакихъ. Захаръ Михайлычъ человѣкъ прямой, положительный, дѣятельный, и никогда не заискивавшій ничьего покровительства. Для Захара Михайлыча все въ жизни ясно и просто, какъ дважды-два четыре.

Сельцо Красное, резиденція Захара Михайлыча отличалось необыкновеннымъ порядкомъ и устройствомъ. При въѣздѣ въ деревню, у околицы, вмѣсто обыкновеннаго, полусгнившаго и почернѣвшаго сруба, крытаго соломой, провалившейся внутрь, — каменная караульня, крытая желѣзомъ. По обѣимъ сторонамъ, вдоль прямой и широкой улицы, вытянутыя въ струнку крестьянскія избы. Въ серединѣ господская усадьба: одноэтажный каменный

выбѣленный домъ, нѣсколько похожій на казарму, и съ обѣихъ сторонъ въ видѣ полукруга флигеля, также выбѣленные, а на площадкѣ передъ домомъ небольшая каменная часовенка, около которой симметрически посажено нѣсколько липокъ, подпертыхъ палками. На каждомъ флигелѣ надписи: *больница*, *контора*, *ткацкія* и проч. Площадка всегда начисто подметена и усыпана желтымъ пескомъ.—Сельцо Красное болѣе походитъ на военное поселеніе, чѣмъ на деревню.

Всѣ крестьяне Захара Михайлыча ходятъ также по стрункѣ. Онъ самъ постоянно наблюдаетъ за всѣми работами и ежедневно прохаживается по своимъ владѣніямъ съ толстою сучковатою палкою въ рукѣ, которая, какъ и самъ онъ, не остается въ бездѣйствіи.

Захаръ Михайлычъ строгъ, но это не мѣшаетъ красносельцамъ любить его и называть добрымъ бариномъ.

И у Захара Михайлыча точно доброе сердце. Когда дѣло спорится и крестьяне его работаютъ охотно, дружно, онъ съ любовію смотритъ на нихъ, опираясь на свою палку и маленькіе глазки его прыгаютъ отъ удовольствія.

— Ай да ребята! покрикиваетъ онъ: — молодцы... Захаръ Михайлычъ часто употребляетъ поговорку, безъ которой коренной русскій человѣкъ обойдтись никакъ не можетъ. Поговорка эта имѣетъ необыкновенное свойство одушевлять и поощрять крестьянъ къ труду. Работа, ободряемая барскимъ словомъ, закипаетъ еще дружнѣе и веселѣе, и самъ Захаръ Михайлычъ иногда, расходившись, сбрасываетъ съ себя сертукъ и начинаетъ подмогать своимъ подданнымъ, да такъ что потъ дождемъ каплетъ съ его барскаго чела... Дворня въ сельцѣ Красномъ многочисленна, какъ и во всѣхъ нашихъ деревняхъ, но за то у Захара Михайлыча и изъ дворовыхъ никто не сидитъ безъ дѣла. Тунеядцамъ нѣтъ мѣста въ сельцѣ его. Онъ не гнушается надсматривать и за дѣтьми и за бабами, чтобы и они не проводили время въ праздности. Онъ никогда не выходитъ изъ дома безъ цѣли, и рѣшительно не понимаетъ, что такое прогулка для удовольствія. Красоты природы не существуютъ для него; онъ даже питаетъ просто что-то враждебное къ живописнымъ мѣстоположеніямъ.

До чтенья Захаръ Михайлычъ не охотникъ, онъ читаетъ мало, и то развѣ, когда бываетъ боленъ (что случается съ нимъ очень рѣдко), и ему все равно, что ни читать.

Въ обращеніи своемъ онъ простъ, охотно протягиваетъ руку всѣмъ и равнымъ себѣ и низшимъ, и со всѣми говоритъ одинаковымъ голосомъ и тономъ, не смотря на свое генеральство. Это, впрочемъ, не нравится никому — и про него говорятъ, что онъ не имѣетъ никакого обращенія и достоинства и не умѣетъ вести себя соотвѣственно своему званію.

Мужчины въ губерніи вообще его не слишкомъ жалуютъ, потому-что онъ любитъ рѣзать правду въ глаза, не соблюдая никакихъ приличій, и болѣе всѣхъ кричитъ и горячится на выборахъ; но за то дамы (и преимущественно маменьки) чрезвычайно расположены къ нему...

Захаръ Михайлычъ, какъ близкій сосѣдъ, часто посѣщалъ село Сергіевское. Онъ былъ очень доволенъ пріѣздомъ Сергѣя Александрыча, потому-что въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время любилъ поболтать съ хорошимъ человѣкомъ о суетѣ мірской. Захаръ Михайлычъ, вообще, сходился съ людьми скоро, потому-что не углублялся въ разборъ ихъ внутреннихъ качествъ. Люди въ понятіи его раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на честныхъ и безчестныхъ: другихъ раздѣленій онъ не признавалъ и не слишкомъ уважалъ умъ и образованность.

Фамильярное обращеніе Захара Михайлыча сначала не нравилось Сергѣю Александрычу, но потомъ онъ примирился съ этимъ.

Григорій же Алексѣичъ просто не терпѣлъ Захара Михайлыча

— Несноснѣе этого человѣка я ничего вообразить не могу, говорилъ онъ Сергѣю Александрычу:—я рѣшительно не пустилъ бы его на порогъ дома: болтаетъ безъ умолку, надоѣдаетъ глупыми вопросами, пошлая, самодовольная рожа...

День за днемъ уходилъ быстро, наступила осень. Поправка дома Олимпіады Игнатьевны пришла къ окончанію. Начались приготовленія къ переѣзду. Наташѣ тяжело было

оставлять Сергіевское. Наканунѣ переѣзда, она въ послѣдній разъ обошла весь садъ, прощаясь съ нимъ. Дорожки были устланы желтыми листьями; георгины, которыми она любовалась за три дня передъ этимъ, поблекли и почернѣли отъ мороза. Наташѣ было грустно, и она долго сидѣла и плакала на той полянѣ, гдѣ Григорій Алексѣичъ въ первый разъ признался ей въ любви.

Сергѣй Александрычъ, располагавшій возвратиться осенью въ Петербургъ, долженъ былъ остаться въ своей деревнѣ на неопредѣленное время. Онъ отъ нечего дѣлать занимался охотой и металъ банкъ двумъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, которые почти поселились у него. Григорій Алексѣичъ ѣздилъ въ село Брюхатово сначала довольно часто, но съ каждымъ разомъ возвращался оттуда все болѣе и болѣе въ мрачномъ расположеніи духа. Онъ уже не могъ говорить съ Наташей наединѣ, такъ свободно, какъ въ Сергіевскомъ.

Олимпіада Игнатьевна обращалась съ нимъ уже несравненно холоднѣе и начинала находить въ немъ большіе недостатки. Все это произошло, между прочимъ, отъ-того, что Петруша, оскорбленный Григорьемъ Алексѣичемъ, отзывался о немъ съ невыгодной стороны. Петруша даже наушничалъ маменькѣ на сестру. Онъ зналъ, что играетъ роль не совсѣмъ благородную, но находилъ для себя тысячу оправданій.

— Я долженъ спасти Наташу, утѣшалъ онъ самого себя: — и спасу ее во что̀ бы то ни стало! употреблю для этого всѣ средства. Къ доброй цѣли можно смѣло идти путями окольными и не совсѣмъ чистыми... Я уже, слава Богу, вышелъ изъ періода прекраснодушія... Наташа увлечена безумною страстію. Она стоитъ на краю бездны... но я сзади ея, я сторожу ея движенія, я не допущу ее до погибели... Нѣтъ! такіе фразеры, какъ этотъ Григорій Алексѣичъ, теперь не проведутъ меня!

Охлажденію Олимпіады Игнатьевны къ Григорью Алексѣичу невольно способствовалъ также и Захаръ Михайлычъ, который, послѣ переѣзда ихъ изъ Сергіевскаго, сталъ довольно часто посѣщать ихъ. Въ головѣ Олимпіады Игнатьевны блеснула новая, смѣлая мысль, что, можетъ

быть, Захаръ Михайлычъ ѣздитъ не даромъ, хотя онъ, правду сказать, не подавалъ ей ни малѣйшаго повода къ этой мысли. Захаръ Михайлычъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на Наташу и почти ни слова не говорилъ съ ней. Онъ все разсуждалъ съ самой Олимпіадой Игнатьевной, и по большой части о дѣлахъ хозяйственныхъ, а иногда раскладывалъ вмѣстѣ съ нею гран-пасьянсъ; но предчувствія любящаго материнскаго сердца рѣдко бываютъ обманчивы. Однажды Захаръ Михайлычъ сказалъ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ.

— Знаете ли вы, о чемъ я хочу поговорить съ вами?— Угадайте-ка... Бьюсь объ закладъ, что не угадаете...

— О чемъ же батюшка? спросила Олимпіада Игнатьевна.

— Я, — вѣдь вы меня знаете, — человѣкъ военный. продолжалъ онъ: — и не люблю никакихъ предисловій, а рѣжу всегда на прямикъ... Отдайте-ка за меня вашу дочку, Олимпіада Игнатьевна, право. Она мнѣ очень нравится: дѣвушка милая, скромная... Захаръ Михайлычъ остановился.

Олимпіада Игнатьевна смотрѣла на Захара Михайлыча. какъ будто не вѣря своимъ ушамъ.

— Ну, что же вы на это мнѣ скажете?

— Боже мой! воскликнула Олимпіада Игнатьевна, зарыдавъ:—дайте мнѣ немножко прійдти въ себя... Ахъ. батюшка мой, Захаръ Михайлычъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Я... я никогда и думать не смѣла о такой чести. Мнѣ этого и во снѣ-то пригрезиться не могло. Да стòитъ ли того моя Наташа?..

— Эхъ, къ чему это говорить, Олимпіада Игнатьевна. возразилъ Захаръ Михайлычъ, который не любилъ пустословья и слезныхъ сценъ. — Я вамъ скажу откровенно, у меня давно въ головѣ мысль: чтò же, въ самомъ дѣлѣ, для кого я тружусь, для кого все устраиваю, для кого наживаю деньги? Кто помянетъ меня за все это? Близкихъ родныхъ у меня нѣтъ. а дальняя родня... Богъ съ ней! Я знаю, что они какъ вòроны крови, ждутъ моей смерти; да къ тому же, чтò я за дуракъ, чтобъ оставить имъ свое состояніе? Къ тому же мнѣ, признаться. послѣднее время что-то скучновато стало жить одному. Я

человѣкъ простой, безъ затѣй, а Наташа ваша, кажется мнѣ, предобрая. Повѣрьте, что она не будетъ со мною несчастлива... Ну, хотите ли имѣть меня своимъ зятемъ? отвѣчайте просто.

— Повѣрьте, батюшка, произнесла Олимпіада Игнатьевна, голосомъ дрожавшимъ отъ волненія, и воздѣвъ руки горѐ:—повѣрьте, что предложеніе ваше я почитаю не иначе, какъ неизрѣченнымъ Божескимъ милосердіемъ къ намъ. Я не знаю... я...

— Такъ, стало быть, вы согласны? перебилъ Захаръ Михайлычъ:—это-то я и хотѣлъ знать... Ну, такъ, стало быть, по рукамъ, любезнѣйшая Олимпіада Игнатьевна,—такъ что ли?

Онъ протянулъ ей свою большую и жилистую руку, которую она пожала крѣпко и съ чувствомъ, и потомъ бросилась къ нему на шею обнимать и цаловать его.

Захаръ Михайлычъ посидѣлъ еще послѣ этого немного и потомъ взялъ свой картузъ.

— У меня есть кое-какія дѣлишки, сказалъ онъ, прощаясь съ Олимпіадой Игнатьевной: — прощайте любезная теща. Мнѣ нужно поспѣть домой засвѣтло.

Онъ уже сдѣлалъ шагъ къ порогу и вдругъ произнесъ: «Ба, ба, ба!» и вернулся, какъ человѣкъ, забывшій перчатки, шляпу, или что-нибудь подобное.

— Позвольте-ка, а согласится ли еще ваша Наташа-то быть моею женою? Это я и упустилъ совсѣмъ изъ виду. Вѣдь надо узнать ея согласіе, иначе нельзя.

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ? вскрикнула Олимпіада Игнатьевна.

Захаръ Михайлычъ нѣсколько призадумался.

— Ну, да вѣдь Богъ ихъ знаетъ! молодыя дѣвушки не больно жалуютъ нашу братью, стариковъ.

— Что это вы говорите такое? Ужь будто вы себя старикомъ почитаете? Какъ вамъ не грѣхъ!.. Наташа моя дѣвушка благоразумная и, притомъ, покорная дочь.

— То-то, то-то!.. Вы ужь, пожалуйста, переговорите съ ней обо всемъ, объясните ей все; я не берусь за это, я не мастеръ говорить, особенно съ дѣвушками.

Когда Захаръ Михайлычъ уѣхалъ, Олимпіада Игнатьевна

отправилась къ себѣ въ спальню. Тамъ у постели ея стоялъ кивотъ съ наслѣдственными образами въ старинныхъ окладахъ, передъ которыми теплилась неугасимая лампада. Она стала на колѣни передъ этими образами и молилась съ чувствомъ, горячо и долго.

Помолившись, она кликнула къ себѣ Наташу.

— Другъ мой, Наташенька, произнесла она въ волненіи:— другъ мой милый... и залилась слезами, прижавъ ее къ груди.

Давно, а можетъ быть и никогда, Олимпіада Игнатьевна не прижимала дочь къ своей груди такъ крѣпко.

— Господь услышалъ мои грѣшныя молитвы, продолжала Олимпіада Игнатьевна:—и награждаетъ тебя черезъ мѣру за твое послушаніе, за твою покорность матери. Папенька-то твой, голубчикъ, не дождался этой минуты. Ну, пусть онъ хоть оттуда порадуется нашему счастью.

Олимпіада Игнатьевна остановилась и утерла слезы.

Наташа съ безпокойствомъ смотрѣла на нее.

Но Олимпіада Игнатьевна взяла ее за руку и сказала нѣжнымъ голосомъ, указавъ на диванъ:

— Сядь сюда, ангелъ мой... потомъ осмотрѣлась кругомъ, приперла дверь и, наконецъ, сѣла возлѣ Наташи.— Я должна поговоритъ съ тобой серьезно. Ты у меня доброе, благоразумное дитя... и она погладила Наташу по головкѣ.— Ты всегда была моимъ утѣшеніемъ. Я увѣрена, что ты примешь такъ, какъ слѣдуетъ, то что я скажу тебѣ... Захаръ Михайлычъ пріѣзжалъ къ намъ сегодня затѣмъ, чтобы просить у меня руки твоей. Ты понимаешь, Наташа, какъ намъ должно быть лестно такое предложеніе. Захаръ Михайлычъ съ именемъ, генералъ, богатъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ и, притомъ, всѣмъ извѣстно, что у него доброе сердце. Лучшаго мужа тебѣ нельзя найдти. Съ нимъ ты будешь счастлива; онъ не то, что эта молодежь. Онъ человѣкъ солидный, прекрасныхъ правилъ, отличной нравственности. Что касается до меня, я уже дала ему полное согласіе и готова хоть сію минуту благословить васъ; но онъ желалъ, чтобы я переговорила съ тобою, другъ мой.

Олимпіада Игнатьевна, окончивъ это, посмотрѣла на Наташу, ожидая ея отвѣта.

Наташа молчала. Она какъ будто окаменѣла отъ словъ маменьки.

— Что же ты скажешь на это? спросила Олимпіада Игнатьевна.

— Да я не знаю его, я никогда не говорила съ нимъ двухъ словъ... сказала Наташа.

— Такъ чтожь?—Наговоришься послѣ, мой другъ.

— О. нѣтъ маменька! вскрикнула Наташа:—Я не могу любить этого человѣка, я не знаю его. Маменька... я должна теперь высказать вамъ все... Вы не захотите моего несчастья. Вы поймете меня...

Наташа, рыдая, бросилась на грудь къ Олимпіадѣ Игнатьевнѣ и произнесла:

— Я люблю Григорья Алексѣича, я никогда не пойду ни за кого на свѣтѣ, кромѣ его.

— Такъ ты рѣшишься выйдти замужъ безъ моего благословенія и согласія?

— Онъ также любитъ меня, продолжала Наташа:— онъ хотѣлъ говорить съ вами... Вы благословите насъ.

— Съ этой минуты нога его не будетъ на порогѣ моего дома, произнесла Олимпіада Игнатьевна рѣшительно:— потому что съ этой минуты ты невѣста Захара Михайлыча. Понимаешь?..

— Нѣтъ, сказала Наташа еще съ большею рѣшительностью и силою:—я никогда не буду его невѣстою...

Олимпіада Игнатьевна посмотрѣла на Наташу, какъ будто желая удостовѣриться, не помѣшалась ли она.

— Наташа! Наташа! что это значитъ! Ты хочешь убить меня? Наташа!

— Что̀ же вамъ угодно отъ меня? спросила Наташа, совершенно потерянная.

— Какъ! и ты еще спрашиваешь, что̀ мнѣ угодно?.. Я хочу чтобы ты повиновалась мнѣ! я больше ничего не хочу, больше ничего отъ тебя не требую...

— Маменька, простите меня. Я не могу, это не въ моей власти. Наташа бросилась къ ногамъ матери.

— Прочь отъ меня, неблагодарная! Ты убила меня, закричала Олимпіада Игнатьевна, шатаясь...

ГЛАВА XI.

Олимпіада Игнатьевна была точно убита. Она не выходила цѣлый день изъ своей спальни и ни съ кѣмъ не говорила, а только стонала охала и обращала отъ времени до времени, качая головой, слезящіе очи свои на темныя лики Божьихъ угодниковъ, къ которымъ всегда прибѣгала и въ минуту радости и въ минуту горя. Двадцать лѣтъ Олимпіада Игнатьевна постоянно употребляла всѣ средства, всѣ усилія, чтобы искоренить, уничтожить въ дочери самостоятельность и волю, чтобы сдѣлать изъ нея автомата, котораго она могла бы приводить въ движеніе только по собственному желанію; впродолженіе двадцати лѣтъ внушала она ей безусловную покорность, смиреніе, безотвѣтность, благоговѣніе передъ старшими, и всѣ возможныя христіанскія добродѣтели; впродолженіе двадцати лѣтъ она носила въ груди своей утѣшительную мысль, что вполнѣ достигла своей цѣли и что ея Наташа самая нравственная, самая примѣрная, самая безотвѣтная, нѣжная и послушная изъ дочерей,—и вдругъ такъ страшно разувѣриться во всемъ этомъ, увидѣть тщету своихъ двадцатилѣтнихъ усилій!..

Во всю ночь несчастная мать не смыкала глазъ и все утро ожидала Захара Михайлыча съ мучительнымъ нетерпѣніемъ. Но когда онъ пріѣхалъ, она, затаивъ въ себѣ свои тяжкія страданія, встрѣтила его съ пріятной и веселой улыбкой, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Она сказала Захару Михайлычу, что Наташа простудилась и занемогла и не можетъ выходить изъ своей комнаты, что она ничего еще съ ней не говорила, но что въ согласіи ея нисколько не сомнѣвается, что дѣло, можно считать рѣшеннымъ, и что на дняхъ, тотчасъ, какъ только ей будетъ немного по легче, она благословитъ ихъ. Олимпіада Игнатьевна не теряла еще надежды, что Наташа, впродолженіе нѣсколькихъ дней, или сама образумится и раскается, или изнеможетъ въ безсильной борьбѣ и принуждена будетъ покориться. Но, увы! къ удивленію Олимпіады Игнатьевны, ни угрозы, ни обмороки, ни прокля-

тія—эти могущественные атрибуты материнской власти,—ничего не дѣйствовало. Наташа оставалась непреклонною. И надобно было имѣть много любви, много твердости, много самоотверженія, чтобы устоять противъ всего этого!

Между тѣмъ, Григорій Алексѣичъ, очень хорошо и подробно знавшій обо всемъ происходившемъ въ селѣ Брюхатовѣ, впалъ въ безсильное отчаяніе. Совершенно растерявшись, онъ прибѣгнулъ, наконецъ, къ Сергѣю Александрычу за совѣтами.

— Мой совѣтъ, сказалъ ему Сергѣй Александрычъ:—поскорѣй все это чѣмъ нибудь кончить. Это ясно. Если ты ее любишь и хочешь жениться на ней, что, по моему, очень глупо,—то я готовъ тебѣ отъ души способствовать всѣми силами. Мы увеземъ ее, это будетъ очень легко, потому что она не станетъ сопротивляться. Я, разумѣется, разсорюсь на время по этому случаю съ тетушкой, что меня нисколько не приведетъ въ отчаяніе. Мы тайно обвѣнчаемъ васъ; послѣ этого, какъ водится, на васъ посыплются проклятія; тетушка запретитъ произносить передъ нею ваше имя, а потомъ мало по малу смягчится, помирится и благословитъ... Но если ты еще колеблешься, если ты сомнѣваешься въ своей любви, — я, признаться таки давно подозрѣваю это, — въ такомъ случаѣ отправляйся-ко поскорѣе въ Петербургъ... Я тоже ни за что не останусь здѣсь долго и пріѣду вслѣдъ за тобою. Наташа помучится, поплачетъ, а потомъ успокоится, покорится своей участи и, по необходимости, отдастъ свою руку и сердце Захару Михайлычу, съ которымъ она, право, будетъ счастливѣе, чѣмъ съ тобою...

Но Григорій Алексѣичъ не удовлетворился этими простыми совѣтами.

— Счастливый человѣкъ! Какъ ты легко обо всемъ судишь! какъ ты скоро рѣшаешь все! думалъ онъ, слушая Сергѣя Александрыча съ ироніей,—и продолжалъ терзаться въ бездѣйствіи и нерѣшительности.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. И чего не перенесла въ эти дни Наташа! — Петруша, на защиту котораго она надѣялась сначала, этотъ Петруша, который такъ горячо обѣщалъ нѣкогда воевать за нее со старымъ поко-

лѣніемъ, и онъ дѣйствовалъ теперь противъ нея, еще болѣе раздражая и поджигая маменьку. Наконецъ, Олимпіада Игнатьевна, измученная собственными слезами, припадками и обмороками, истощивъ весь запасъ материнскихъ средствъ для убѣжденія непокорной дочери, выбилась изъ силъ и прибѣгнула къ родственной помощи, какъ ни больно было это для ея самолюбія. Родственники, по просьбѣ ея, съѣхались къ ней на совѣщаніе.

Послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшено было общими силами усовѣщевать Наташу. Ее призвали. Родственники встрѣтили ее со строгими и печальными лицами. Олимпіада Игнатьевна сидѣла между ними, прислонясь головою къ подушкѣ. Она тяжело дышала и охала и не обратила никакого вниманія на вошедшую Наташу. Возлѣ нея находились, съ одной стороны невѣстка ея, вдова меньшого брата ея, а съ другой — двоюродная сестра Онѣ безпрестанно поправляли ея подушку, смотрѣли ей въ глаза и спрашивали съ плачевной гримасой: «Ну, что, какъ вы себя чувствуете, сестрица? Не хотите ли понюхать уксусу? Не приложить ли вамъ хрѣну за уши?» и прочее. Олимпіада Игнатьевна на все это только качала отрицательно головой и съ чувствомъ жала имъ руки.

— Садитесь, милая, сказала Наташѣ одна изъ тетушекъ суровымъ голосомъ и толкнула къ ней стулъ.

Наташа сѣла.

Съ минуту длилось молчаніе, но нельзя было сказать, чтобы въ эту минуту пролетѣлъ тихій ангелъ.

Дядюшка Наташи, съ отцовской стороны, лѣтъ пятидесяти пяти, съ физіономіей благонамѣренной и пріятной и съ брюшкомъ, на которомъ колыхалась огромная сердоликовая печатка,—первый прервалъ это молчаніе... Дядюшка былъ человѣкъ съ вѣсомъ. Онъ занимался винными откупами и владѣлъ замѣчательнымъ даромъ слова.

Дядюшка съ важностью раза два откашлялся и потомъ обратился къ племянницѣ.

— Всѣ глубоко и истинно тронуты, сказалъ онъ... я говорю не только о родственникахъ, но и о постороннихъ, до которыхъ дошли слухи объ этомъ...

Дядюшка любилъ вставочныя предложенія.

— ...Всѣ, я говорю, мы глубоко опечалены тѣмъ положеніемъ, въ которое повергнута достойная и всѣми по справедливости уважаемая матушка твоя, тѣмъ болѣе, что причиною этой горести... вѣрнѣе сказать, отчаянія,—ты, дочь ея, отъ которой она, конечно, кромѣ утѣшенія ничего не могла ожидать болѣе...

Дядюшка пріостановился и еще разъ откашлялся. Родственники слушали его, какъ оракула.

— Повиновеніе родителямъ, продолжалъ онъ: — есть высочайшая, скажу болѣе, священнѣйшая обязанность дѣтей. Дѣти, повинующіяся родителямъ, угодны Богу, и Господь всегда награждаетъ ихъ за это. Этому есть неоднократные примѣры въ исторіи. Къ тому-же, въ юныхъ годахъ, не пріобрѣтя опыта, не имѣвъ случая ознакомиться, такъ сказать, съ жизнію (что весьма натурально), мы не можемъ знать собственной пользы, не умѣемъ отличить вреднаго отъ полезнаго, и безъ руководства старшихъ, легко впадаемъ въ заблужденія. Но мать нѣжная, любящая, добродѣтельная (а сестрица именно такова, я смѣло скажу ей въ глаза и за глаза)...

При этомъ онъ указалъ рукою на Олимпіаду Игнатьевну.

— Такая мать, въ неусыпной заботливости о счастіи своихъ дѣтей, стоитъ, можно сказать, на стражѣ ихъ нравственности. Надобно умѣть цѣнить это, чувствовать, смотрѣть ей въ глаза и не только не противиться ея желаніямъ, но предупреждать ихъ. Ты всѣмъ обязана своей маменькѣ, безъ исключенія всѣмъ; она даровала тебѣ жизнь, она ухаживала за тобою съ колыбели, кормила, поила тебя, внушала тебѣ нравственныя правила, заботилась о твоемъ здоровьи—и чѣмъ-же (это не я одинъ, это скажутъ всѣ), какъ не послушаніемъ ты должна отблагодарить ее за все это? Никакая мать не можетъ желать дурного своей дочери, —согласись съ этимъ; слѣдовательно, какъ-же можно противиться матери въ чемъ нибудь, даже въ малѣйшихъ бездѣлицахъ,—не говорю уже о такихъ важныхъ предметахъ, гдѣ дѣло идетъ о твоей будущей участи? И можешь-ли ты въ твои лѣта располагать сама собою? Неужли ты можешь судить умнѣе и вѣрнѣе твоей маменьки? Вещь неестественная! Мое мнѣніе таково (увѣ-

ренъ, что съ этимъ мнѣніемъ безпрекословно согласятся всѣ), что ты сейчасъ-же должна раскаяться во всемъ, почувствовать свое преступленіе,—а это самое тяжкое преступленіе—огорчать своихъ родителей,—просить у маменькиныхъ ногъ прощенія. Этого мало... Маменька проститъ тебя (я знаю доброту ея, безконечную любовь къ тебѣ); но ты еще потомъ должна будешь много и долго молиться о томъ, чтобы Господь внушилъ тебѣ кротость и повиновеніе. Сегодня ты подъ крылышкомъ маменьки, подъ ея властію—завтра, можетъ быть, ты будешь подъ властію мужа—и точно также, какъ теперь маменькѣ, ты будешь обязана, какъ добрая жена, во всемъ безпрекословно повиноваться мужу и угождать ему, быть хорошей хозяйкой,—а потомъ доброй матерью; за послѣднимъ примѣромъ тебѣ недалеко ходить...

Дядюшка крякнулъ и указалъ рукою на Олимпіаду Игнатьевну.

— Представь-же себѣ, когда у тебя будутъ дѣти и если (чего Боже сохрани!) они станутъ не повиноваться тебѣ, огорчать тебя. Каково будетъ тебѣ? Размысли обо всемъ этомъ хорошенько, дѣльно и... Но я уже сказалъ, что̀ тебѣ остается дѣлать теперь.

Всѣ родственники были тронуты этою рѣчью, а Ардальонъ Игнатьичъ, присутствовавшій тутъ-же, прослезился. И потомъ, всѣ они, не выключая и Олимпіады Игнатьевны, обратились къ Наташѣ, желая узнать, какое впечатлѣніе произвела на нее эта трогательная и поучительная рѣчь.

Но на болѣзненномъ лицѣ Наташи невозможно было ничего прочесть.

— Что-же вы на это скажете? спросила ее одна изъ родственницъ, переглянувшись съ Олимпіадой Игнатьевной.— Извольте говорить.

Наташа молчала.

Родственница повторила ей свой вопросъ.

— Я не могу любить человѣка, котораго не знаю, произнесла Наташа тихимъ голосомъ: — а обманывать не умѣю... Богъ видитъ, я не хотѣла-бы огорчать маменьку, но...

— Боже мой, Господи! до чего я, несчастная, дожила! простонала Олимпіада Игнатьевна. — Лучше бы Господь прибралъ меня. Охъ, какъ тяжело мнѣ!

— Полноте, полноте, голубушка, не гнѣвите Бога, сквозь слезы и въ одинъ голосъ произнесли двѣ родственницы, сидѣвшія возлѣ нея.

— Наталья Николаевна! сжальтесь надъ вашею матерью! продолжала одна изъ нихъ, обращаясь къ Наташѣ:— посмотрите на нее; что̀ вы, въ самомъ дѣлѣ, убить ее что-ли хотите? Побойтесь Бога...

— Маменька! я умоляю васъ всѣми святыми, не принуждайте меня, сказала Наташа, бросаясь къ ногамъ матери.—Мое рѣшеніе твердо. Я люблю Григорья Алексѣича. Я вамъ сказала, что люблю его; если вы не захотите благословить насъ, я покорюсь вашей волѣ, останусь съ вами, я не оставлю васъ, но ни за кого на свѣтѣ не выйду замужъ, ни за кого!

— Мнѣ не нужно непокорной дочери, сказала Олимпіада Игнатьевна:—я отрекаюсь отъ тебя заранѣе при всѣхъ родныхъ. Вотъ всѣ свидѣтели. Прахомъ родителей моихъ клянусь тебѣ, что я отрекаюсь отъ тебя, если ты не исполнишь моей воли...

— И ты еще послѣ этихъ словъ будешь смѣть противиться священной для тебя волѣ? произнесъ строго дядюшка-откупщикъ:—и твое сердце не смягчится воплемъ матери, которая носила тебя подъ сердцемъ? И ты еще осмѣливаешься повторить, что любишь не того, кого избрала тебѣ мать?

Наташа молчала.

Всѣ родственники, исключая добраго и безмолвнаго Ардальона Игнатьича, съ ужасомъ взглянули на Наташу и потомъ, посмотрѣвъ другъ на друга, пожали плечами, какъ будто хотѣли сказать:

— Ну, это ужь пропащая дѣвушка!

— Если такъ,—съ этой минуты, у меня нѣтъ болѣе дочери! прошептала Олимпіада Игнатьевна умирающимъ голосомъ:—уведите ее отъ меня, друзья мои,—эта послѣдняя моя къ вамъ просьба, скажите ей, чтобы она ни-

когда не смѣла показываться мнѣ на глаза. Я ее не могу видѣть.

Наташа встала и хотѣла идти, но не могла. Она пошатнулась. Ардальонъ Игнатьичъ поддержалъ ее.

— Наташенька, другъ мой, сказалъ онъ, всхлипывая:— прошу тебя, покорись маменькиной волѣ. Не доводи себя до грѣха. Мнѣ очень жалко тебя.

Но Наташа уже ничего не могла отвѣчать на это. Она лежала безъ чувствъ на рукахъ его. Ее вынесли изъ комнаты.

Когда она пришла въ себя, родственники попытались еще разъ убѣждать ее, но все было напрасно. Дѣлать было нечего. Они разъѣхались и быстро разнесли вѣсти о Наташѣ по всей губерніи. Вся губернія приняла глубокое, искреннее участіе въ положеніи Олимпіады Игнатьевны и всѣ (въ особенности маменьки) дивились, какъ могла Захару Михайлычу, на старости лѣтъ, прійдти нелѣпая мысль просить руки безнравственной, наглой дѣвчонки, которая почти передъ его глазами амурилась не только съ Григорьемъ Алексѣичемъ, но даже и съ своимъ двоюроднымъ братомъ! Слухи о безнравственности Наташи заставили даже поручика Брыкалова, въ пьяномъ видѣ, дня три сряду прохаживаться мимо окна ея.—«А чортъ ее знаетъ: можетъ быть, я и приглянусь ей», думалъ онъ... И при этой мысли поручикъ Брыкаловъ прищолкивалъ языкомъ. Но сильнѣе всѣхъ дѣйствовала противъ Наташи Агафья Васильевна. Она неудовлетворилась клеветами и сплетнями, которыя распускала на ея счетъ, и послала безъименное письмо къ Захару Михайлычу, начинавшееся такъ: «нѣкто, особа принимающая въ васъ горячее участіе считаетъ долгомъ христіанскимъ предостеречь васъ, ибо дѣвушка, за которую вы сватаетесь, самаго дурного поведенія, что достовѣрно извѣстно особѣ пишущей сіи строки, и она находится въ связи съ Григорьемъ Алексѣичемъ Л** понынѣ», и прочее и прочее.

— Ужь не бывать ей генеральшей, не бывать, повторяла Агафья Васильевна: ужь я не допущу до этого! Нѣтъ, какъ своихъ ушей не видать ей генеральства! Вишь, на какую высоту хочетъ взобраться. Но ужь я втопчу ее въ грязь, достигну своей цѣли!

ГЛАВА XII.

Страшная, тяжелая тишина, предрекавшая новыя бури, водворилась во всемъ домѣ послѣ родственнаго совѣщанія. До Наташи только по временамъ долетали стоны ея несчастной матери. Ни къ обѣду, ни къ чаю, ни къ ужину никто не сходился. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней обѣдалъ только одинъ Петруша, да и то въ своей комнатѣ. Два дня Наташа была въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и только на третій день, къ вечеру, написала Григорью Алексѣичу:

«Вы были правы... Я обманывала себя. Мнѣ хотѣлось увѣрить себя, что маменька любитъ меня не для себя только,—но теперь, я все вижу ясно... Сколько времени я васъ не видала... и какъ страшно тянется для меня время, если-бы вы знали! Часы мнѣ кажутся днями, дни—мѣсяцами... Вы, я думаю, знаете все, что у насъ происходитъ... Я вотъ ужь третій день, какъ одна, совершенно одна. Для меня теперь все кончено. Маменька и всѣ родные отреклись отъ меня. У меня не осталось никого... Я не могу долѣе оставаться здѣсь... Если-бы не мысль, что вы любите меня,—съ этой мыслью я готова переносить еще больше,—я не знаю, что было-бы со мной! Спасите-же меня. Моя участь въ вашихъ рукахъ... Ваша».

Н.

«P. S. Поскорѣй отвѣчайте мнѣ на это. Отвѣтъ вашъ пришлите сюда съ надежнымъ человѣкомъ и велите отдать его Лизаветѣ, дочери нашей ключницы. Я въ ней увѣрена. Иначе письмо ваше могутъ перехватить».

Письмо это черезъ два часа было уже въ рукахъ Григорья Алексѣича...

Сергѣй Александрычъ, нѣсколько утомленный, въ пріятной нѣгѣ лежалъ передъ каминомъ въ своемъ кабинетѣ, въ ту минуту, когда Григорій Алексѣичъ вошелъ къ нему блѣдный, какъ смерть, сжимая въ рукахъ письмо Наташи.

— Прочти это, сказалъ Григорій Алексѣичъ, отдавая ему письмо.

— Bravo! произнесъ Сергѣй Александрычъ, прочитавъ его.—Ай-да Наташа! Я не ожидалъ отъ нея такой храбрости! Какова! Ну чтожъ? Похищать, такъ похищать! я къ твоимъ услугамъ. Вотъ надѣлаемъ мы суматоху въ губерніи-то!

— Умоляю, оставь свои шутки: они не у мѣста. Дѣло идетъ объ участи человѣка, о его будущности. Это игра на жизнь и смерть!

Григорій Алексѣичъ схватилъ себя за голову и началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Тебѣ легко такъ судить, говорилъ онъ, останавливаясь передъ Сергѣемъ Александрычемъ:—но если бы ты былъ на моемъ мѣстѣ!

— Я не желаю быть на твоемъ мѣстѣ, возразилъ Сергѣй Александрычъ.

— То-то и есть! Если бы ты могъ представить себѣ, что я перестрадалъ, перечувствовалъ въ эти дни...

— И какой же результатъ всего этого? возразилъ Сергѣй Александрычъ:—подвинулся ли ты хотя на одинъ шагъ къ рѣшенію гамлетовскаго вопроса: «Быть или не быть?» жениться или нѣтъ? Теперь ужь колебаться поздно. Рѣшайся на что нибудь.

— Рѣшаться! повторилъ Григорій Алексѣичъ мрачно.— Выслушай меня... Еще за нѣсколько минутъ передъ этимъ письмомъ, я сомнѣвался въ самомъ себѣ, колебался, не зналъ, что мнѣ дѣлать... Это письмо рѣшило, наконецъ, все; оно показало мнѣ самого меня въ настоящемъ свѣтѣ... Я не могу любить глубоко, съ самоотверженіемъ. Нѣтъ, не могу, я вижу это. Моя любовь въ головѣ, въ мечтѣ, а не въ сердцѣ, не въ дѣйствительности. Я принималъ экзальтацію за истинное чувство, точно такъ, какъ мальчишка, какъ какой нибудь Петруша, напримѣръ, принимаетъ «раздраженіе своей плѣнной мысли» за поэзію! Человѣкъ, истинно любящій, прочиталъ бы это письмо съ восторгомъ, онъ не задумался бы надъ нимъ ни одной секунды, а я... Меня бросило въ лихорадку отъ этого письма, какъ презрѣннаго труса. Когда дѣйствительность схватываетъ меня за руку и требуетъ рѣшительнаго отвѣта, я отступаю отъ нея съ ужасомъ, бракъ кажется мнѣ страшнѣе смерти.

Она съ полною довѣренностью бросается ко мнѣ, ищетъ во мнѣ своего спасенія, а я скрываюсь отъ нея, бѣгу отъ нее, оставляю ее на терзанье палачамъ. Я ничего не могу для нея! Я довожу ее до послѣдней крайности, и тутъ только въ первый разъ сознаю свое жалкое безсиліе, свое ничтожество сравнительно съ нею. Чѣмъ же я лучше своего благодѣтеля, этого Ивана Ѳедорыча, передъ которымъ я такъ гордился, считая себя вполнѣ человѣкомъ!.. Все это можетъ свести съ ума!—Я навсегда отравилъ собственную жизнь,—куда бы я ни скрылся теперь, какъ бы далеко ни убѣжалъ отсюда, эта дѣвушка будетъ преслѣдовать меня повсюду, — и куда я убѣгу отъ самого себя? куда? Если бы я могъ думать, что сдѣлаю ее счастливой,— тогда другое дѣло!.. Я не задумался бы о самомъ себѣ... Но я никогда не буду въ состояніи такъ любить, какъ она меня любитъ! Нѣтъ, что ни говори, наши женщины несравненно выше насъ. Мы не стоимъ ихъ, рѣшительно не стоимъ. Мы всѣ эгоисты, рефлектеры... Мы ни на что не способны, никуда не годны! Все поколѣніе наше заклеймено печатью отверженія, — дряблое поколеніе! Всѣ мы изнемогли подъ ношею сомнѣній и отрицаній! Мы окружены со всѣхъ сторонъ развалинами, и остановились въ бездѣйствіи и недоумѣніи среди этихъ развалинъ — и не въ силахъ очистить себѣ дорогу, чтобы идти впередъ, а только вопимъ и стонемъ, взывая съ чужого голоса къ будущему, котораго не достойны. Глубокія чувства и сильныя страсти не по плечу намъ, хотя мы безпрестанно толкуемъ объ нихъ. Нашъ вѣкъ—это вѣкъ великихъ маленькихъ людей. Всѣ мы поднимаемся на ходули и таращимся изо всей мочи, чтобы казаться выше, ни въ комъ изъ насъ нѣтъ ничего истиннаго... И страданія-то наши безплодны, потому-что они поддѣльны! Всѣ мы учились чему нибудь и какъ нибудь, кое-чего понахватали изъ европейскихъ журналовъ и вообразили себя учеными и философами! Всѣ мы сочувствуемъ современнымъ интересамъ Европы, а не имѣемъ никакого понятія о томъ, что дѣлается подъ нашимъ носомъ, передъ нашими глазами! Но лучшая и злѣйшая пародія на всѣхъ насъ, наша карикатура—это Пет-

руша. Если ужъ говорить правду, такъ вѣдь всѣ мы нѣсколько походимъ на Петрушу!

Григорій Алексѣичъ всталъ и началъ снова тревожно прохаживаться по комнатѣ.

— Чтожь ты отправляешься въ Петербургъ? спросилъ его Сергѣй Александрычъ.

— Да—и сейчасъ же. Я не долженъ и не могу оставаться здѣсь долѣе...

Григорій Алексѣичъ подошелъ къ Сергѣю Александрычу и крѣпко сжалъ его руку.

— Мы увидимся въ Петербургѣ... Скажи, ты ничего не имѣешь противъ меня? успокой меня... Будь со мной откровененъ... Поступокъ мой не такъ еще гадокъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Разсуди. Я люблю Наташу, но не настолько, на сколько она достойна быть любимой. И такая ли любовь нужна ей? А обманывать ее—преступленіе! Не правда ли? Объясни же ей все, не оправдывай меня, но объясни ей все, какъ есть!.. Я тебя прошу, этой услуги съ твоей стороны я никогда не забуду. Соглашаешься ли ты съ тѣмъ, что мнѣ не останется ничего болѣе, какъ бѣжать отсюда?

— Совершенно, отвѣчалъ Сергѣй Александрычъ, ты поступаешь какъ нельзя болѣе благоразумно. Я тебѣ безпрестанно повторялъ и теперь повторяю еще, что ты сдѣлалъ бы величайшую глупость, женившись на Наташѣ. Хоть мнѣ жаль, что ты уѣзжаешь, но дѣлать нечего, тебѣ неловко оставаться здѣсь, я понимаю... Поѣзжай съ Богомъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть ее въ послѣдній разъ, высказать ей все...

— Зачѣмъ? это вздоръ! перебилъ Сергѣй Александрычъ:—это свиданіе было бы для васъ обоихъ неловко.

— Что будетъ съ нею? что будетъ съ нею? воскликцалъ Григорій Алексѣичъ.

— Будь покоенъ... время, милый другъ, изглаживаетъ все и примиряетъ совсѣмъ...

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! произнесъ Григорій Алексѣичъ трагически.

Въ этотъ же вечеръ онъ написалъ Наташѣ слѣдующее:

«Я тысячу разъ перечиталъ ваше письмо и буду его перечитывать всю жизнь мою. Это письмо моя нравственная казнь. Вы отдаетесь мнѣ съ такою безконечною любовію, съ такою неограниченною довѣренностію, мнѣ!.. Но я недостоинъ вашей довѣренности. Оттого-то я и бѣгу отсюда, бѣгу отъ васъ, какъ преступникъ — и въ ту минуту, когда вы ищете спасенья во мнѣ! Сергѣй Александрычъ объяснитъ вамъ все. Я погибаю подъ тяжкимъ бременемъ собственнаго безсилія. Знаю, что впереди ожидаютъ меня безвыходныя страданія, но во всякомъ случаѣ лучше страдать и терзаться одному. Нѣтъ! никогда я не могъ бы удовлетворить вашей высокой любви: я обманывалъ васъ, обманывалъ самого себя, я еще вѣрилъ въ возможность для себя счастія!.. О, не проклинайте меня, Бога ради, не проклинайте... Я высказываю вамъ все, я не щажу самого себя, не оправдываюсь передъ вами... Вы говорите, что ваша участь въ рукахъ моихъ, — но я не могу, не смѣю, я не долженъ располагать ею. Кромѣ горя и страданій, я ничего бы не принесъ вамъ!.. Черезъ два дня меня не будетъ здѣсь. Я самъ не знаю, куда бѣгу; мнѣ все равно, куда не перенести мою постылую жизнь; только я не могу оставаться здѣсь, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ суждено было испытать столько отрадныхъ, столько святыхъ минутъ. Эти минуты никогда не изгладятся изъ памяти моего разстерзаннаго сердца. Прощайте — и забудьте меня. Это послѣднее къ вамъ слово».

Г. Л.

Агафья Васильевна ошиблась въ разсчетѣ. Она не знала Захара Михайлыча. Безъименное письмо ея произвело на него совершенно не то дѣйствіе, какое она ожидала. Сплетни, распускаемыя по губерніи о Наташѣ, не доходили до Захара Михайлыча, потому-что всѣ губернскіе сплетники страшно боялись его. Одинъ изъ такихъ, вскорѣ послѣ

пріѣзда его въ деревню, явился было къ нему съ различными навѣтами на счетъ ихъ общаго сосѣда. Захаръ Михайлычъ выслушалъ сплетника очень спокойно.

— Ну, чтожь, братецъ, сказалъ онъ: — и ты все это, что мнѣ наболталъ тутъ, перескажешь ему самому въ глаза, при мнѣ? а?

Сплетникъ смѣшался нѣсколько.

— Почему же, отвѣчалъ онъ: — извольте... я... я готовъ...

— Врешь, братецъ, не перескажешь, возразилъ ему Захаръ Михайлычъ:—ужь я вижу по глазамъ твоимъ, что не перескажешь. А вотъ я такъ тебѣ скажу въ глаза, что если ты ко мнѣ еще когда нибудь подъѣдешь съ такими балясами, на чей бы счетъ ни было, то ужь тогда прошу извинить: я, братецъ, тогда тебя на порогъ своего дома не пущу.

Человѣку такого характера, каковъ былъ у Захара Махайлыча, разумѣется, особенно не могли нравиться безъименныя письма. Прочитавъ письмо Агафьи Васильевны, очень ловко и скрытно доставленное къ нему, онъ покачалъ головою, внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и положилъ въ свой огромный кожаный бумажникъ.

— Дорого бы я далъ, сказалъ онъ самому себѣ, потирая руки: — чтобы узнать сочинителя этого письмеца! Надавалъ бы я ему голубчику публично оплеухъ. Не пиши впередъ этакихъ писемъ. Не смѣй марать репутацію честной дѣвушки. Вотъ тебѣ, братецъ, за это... вотъ тебѣ!

Однако, письмо это навело Захара Михайлыча на мысль, которая безъ того, конечно, никогда не могла бы прійдти ему въ голову.

— А что, если Наташа, подумалъ онъ:—точно любитъ этого Григорія Алексѣича? Вѣдь не мудрено... Онъ кажется, малый-то хорошій... Что̀, если я тутъ подвернулся для того только, чтобы помѣшать ихъ счастью? Можетъ, онъ еще прежде меня хотѣлъ сдѣлать предложеніе, да не рѣшался?.. Все это можетъ быть.

Захаръ Михайлычъ свиснулъ.

— Эй, Прошка!

Прошка вдругъ выскочилъ какъ будто изъ подъ пола, въ сѣрой курткѣ, съ волосами обстриженными подъ гребенку, руки по швамъ.

— Чего изволите-съ?

— Чтобы черезъ десять минутъ стоялъ у подъѣзда тарантасъ: красавчикъ въ корню, алексѣевская и бурая на пристяжкѣ. Слышишь?

— Слушаю, ваше превосходительство.

И Прошка повернулся на лѣво кругомъ.

Черезъ два съ половиною часа Захаръ Михайлычъ уже разговаривалъ съ Олимпіадой Игнатьевной.

— Нѣтъ, Олимпіада Игнатьевна, говорилъ онъ: — вы дѣйствуйте со мною откровенно, я прошу васъ. Если ваша Наташа не согласна идти за меня, если она, напримѣръ, любитъ кого нибудь другого, такъ вы мнѣ это скажите на-прямки, безъ церемоніи, я предложеніе мое возьму назадъ, а мы все-таки останемся съ вами по прежнену добрыми сосѣдями и друзьями. Вы не принуждайте ее: согласна она будетъ выйдти за меня—очень радъ, не согласна—что дѣлать...

Но почти въ то самое время, какъ Захаръ Михайлычъ говорилъ это Олимпіадѣ Игнатьевнѣ, Лизавета, дочь ключницы, подала Наташѣ письмо отъ Григорья Алексѣича.

Замирая, дрожащей рукой схватила Наташа это письмо и быстро пробѣжала.

На лицѣ ея выступили красныя пятна, въ глазахъ запрыгали огоньки, но она переломила себя, разорвала письмо на мелкія части и опустилась на стулъ. Болѣе часа просидѣла она неподвижно, потомъ встала и пошла къ матери.

— Маменька! сказала она:—простите меня; я виновата передъ вами. Я покоряюсь вашей волѣ—объявите Захару Михайлычу, что я согласна быть его женою.

Она даже и не замѣтила, что Захаръ Михайлычъ былъ тутъ въ комнатѣ...

Прошло 10 лѣтъ. Говорятъ, Наталья Николаевна счастлива. Мужъ ее обожаетъ. У нея сынъ и дочь—прекрасныя дѣти, въ которыхъ она души не чаетъ. Она цѣлый день занята или дѣтьми или хозяйствомъ и надо отдать ей честь—хозяйство идетъ у нее отлично.

О прошломъ она вспоминать, кажется, не любитъ, иногда впадаетъ въ тревожное состояніе, какъ будто въ ея довольствѣ ей еще недостаетъ чего-то. Она похудѣла и постарѣла немножко. Сыну своему она даетъ совершенно практическое направленіе...

Вотъ какъ хорошо повиноваться родителямъ и слушать родственниковъ!

ВСТРѢЧА НА СТАНЦІИ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ).

ГЛАВА I.

Около полудня я пріѣхалъ на станцію Лыткино. До Москвы оставалось еще верстъ около ста, а вечеромъ мнѣ непремѣнно хотѣлось поспѣть въ Москву... День былъ осенній, сѣренькій; мелкій дождикъ, болѣе похожій на туманъ, сѣялъ будто сквозь сито. Надобно замѣтить, что въ Лыткинѣ станціонный смотритель и трактирное заведеніе помѣщались въ одномъ домѣ: трактирное заведеніе въ верхнемъ, а станціонное въ нижнемъ этажѣ, и что все это происходило очень давно... Я вышелъ изъ кибитки, чтобъ закурить сигару; въ эту самую минуту надъ ухомъ моимъ раздался чей-то нѣсколько осипшій голосъ:

— Ваше сс-тво, пожалуйте сюда-съ, вотъ сюда... здѣсь отличное заведеніе, перекусить можетъ чего желаете?

И человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ съ стоячимъ воротникомъ, съ почтительной ужимкой приподнявъ свою засаленную фуражку, съ чувствомъ указывалъ на трактирную вывѣску.

— Закладывайте-ка, братцы, поскорѣй лошадей, ска-

залъ я ямщикамъ, которые обступили мою кибитку и глубокомысленно разсматривали ее, почесывая затылки.

— Ваше сс-тво, не извольте безпокоиться, возразилъ человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ:—лошади готовы-съ, то есть стриженая дѣвка не успѣетъ косы заплести, какъ вы ужъ изволите очутиться на той станціи. Духомъ представимъ-съ.

И потомъ онъ обратился къ ямщикамъ и закричалъ имъ, грозно нахмуривъ брови:

— Эй, вы тамъ, ротозѣи! Слышите ли, скорѣе лошадей шестерку изъ курьерскихъ. Да живо, слышь... Ѳедотъ! Кузьма! шевелись, что ли.

— Пожалуйте сюда, ваше сс-тво, продолжалъ онъ, устремляя на меня вкрадчивый и нѣжный взглядъ. — Здѣсь вамъ будетъ покойно... Вотъ сюда наверхъ... А ты что тутъ? закричалъ онъ мальчишкѣ, спускавшемуся съ лѣстницы къ намъ навстрѣчу:—пошелъ прочь съ дороги! Вотъ я-те, щенокъ! Развѣ не видишь, что баринъ идетъ?

Этотъ человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ показался мнѣ очень оригинальнымъ, и я безпрекословно слѣдовалъ за нимъ. Онъ привелъ меня въ небольшую комнату. Въ этой комнатѣ стояли три четырехугольные стола, покрытые салфетками, которыя имѣли видъ очень непріятный и скорѣе походили на половики, употребляемые для обтиранія ногъ, чѣмъ на салфетки, обыкновенно употребляемыя для обтиранія рта; нѣсколько стульевъ подъ красное дерево. обтянутые черной кожею, и такой же диванъ; пять или шесть раскрашенныхъ гравюръ, изображающихъ похожденія Малекъ-Аделя, въ рамкахъ краснаго дерева, довершали убранство этой комнаты.

Проводникъ мой остановился почтительно въ дверяхъ, вытянувшись въ струнку, и произнесъ скороговоркою:

— Что прикажете откушать, ваше сс-тво,—щи, супъ съ вермишелью, штексъ съ картофелемъ, ветчина, поросенокъ подъ хрѣномъ. Что угодно-съ? Здѣшнему трактирщику всѣ сосѣдніе помѣщики заказываютъ банкеты и свадебные столы. Онъ изъ нѣмцевъ, ваше сс-тво, можно сказать, первѣйшій французскій куфмистеръ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я:—мнѣ ничего

не нужно, я тороплюсь ѣхать; а велите-ка вы мнѣ лучше подать огня.

— Слушаю-съ.

Человѣкъ въ оборванномъ сюртукѣ живо повернулся направо кругомъ и вышелъ изъ комнаты.

— Эй, ребята, чтожь вы не закладываете лошадей? закричалъ я изъ окна ямщикамъ, которые все стояли возлѣ моей кибитки и все еще глубокомыслесленно разсматривали ее.

— Да лошадей, баринъ, нѣту, лошади въ разгонѣ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, флегматически почесывая, только ужь не затылокъ...

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту явился ко мнѣ самъ станціонный смотритель и началъ божиться и клясться, что лошадей точно нѣтъ, что у нихъ такой гонъ, что Боже упаси, что лошади не прежде придутъ, какъ часа черезъ три, что ему будто бы очень обидно задерживать проѣзжающихъ, да вѣдь и то сказать, не самому же запречься въ экипажъ, что у него на станціи всего только восемь троекъ, и прочее.

— А какъ же, возразилъ я:—вотъ тутъ сейчасъ былъ какой-то господинъ, который увѣрялъ меня, что лошади готовы, и что меня духомъ представятъ на слѣдующую станцію? Кто же онъ такой?

— Да это, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ смотритель:—просто отставной дибоширъ, который промышляетъ на счетъ проѣзжающихъ и только нарушаетъ субординацію у насъ на станціи...

Дѣлать было нечего. Пришлось покориться необходимости. Отставной дибоширъ привелъ ко мнѣ трактирщика, и я заказалъ ему обѣдъ.

— Ну, Карлъ Иванычъ, говорилъ онъ трактирщику:—поворачивайтесь... живѣе... Видите, какъ ихъ сс-тву кушать хочется. Не ударь себя лицомъ въ грязь, Карлъ Иванычъ!... Я ужь ихъ сс-тву докладывалъ, что такого другого куфмистера не сыщешь,—я это про васъ и въ глаза и за глаза всякому скажу... Такой штексъ приготовляетъ, ваше сс-тво, что просто всѣ пальчики оближешь.

Въ продолженіе этой рѣчи онъ все съ умиленіемъ по-

глядывалъ на меня, приподнявъ нѣсколько правую бровь кверху. Тутъ только въ первый разъ я внимательно разсмотрѣлъ его. Этотъ чудакъ былъ средняго росту, съ лицомъ опухшимъ и съ небритой бородою. Шея его была обвязана пестрымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, сюртукъ былъ весь въ заплатахъ; лѣвый лацканъ сюртука, подбитый краснымъ сукномъ, пристегивался къ третьей пуговицѣ праваго борта; на лѣвомъ бортѣ едва держались только двѣ пуговицы—верхняя и нижняя. Бѣлые холстинные шаровары, заправленные въ дегтярные сапоги, довершали его нарядъ.

— Что же вы здѣсь на станціи дѣлаете? спросилъ я у него:—откуда вы?

Отъ тотчасъ скорчилъ плачевную гримасу и дрожащей рукой началъ вынимать что-то изъ бокового кармана.

— Путковъ, ваше сс-тво, бѣдный и несчастный человѣкъ, произнесъ онъ, усиливаясь заплакать.—Ваше сс-тво, окажите великодушное состраданіе, примите отеческое участіе въ бѣдномъ и несчастномъ, но благородномъ человѣкѣ, окажите милосерднѣйшее вспомоществованіе, ваше высоко... выше сс-тво... бѣднаго и гонимаго неутолимою судьбою примите, благодѣтель, въ ваше благотворительное соболѣзнованіе.

И онъ подалъ мнѣ вчетверо сложенную и засаленную бумагу.

— Что же это такое?

— Голосъ въ пустынѣ вопіющаго къ сострадательнымъ покровителямъ, голосъ унынія... Не оставьте несчастную жертву зависти и ничтожества, обремененнаго семействомъ, бѣдностію и недугомъ; несчастному окажите ваше сердобольное благоволеніе...

Произнося это, онъ закрылъ лицо грязной тряпкой и зарыдалъ.

— Какимъ же образомъ вы дошли до такого состоянія? спросилъ я его.

— Нужда, крайность, треволненіе, ваше сс-тво, дѣти малъ-мала-меньше, жена на одрѣ страданія. Вотъ я ужь седьмой годъ, какъ нахожусь въ отставкѣ,—что дѣлать! подпалъ подъ осужденіе, собственно, такъ сказать, подъ

исключительное положеніе, по предательскому навѣту принужденъ былъ выйти въ отставку... Очернили меня злые люди,—покарай ихъ Богъ за невиннаго страдальца! Сказали, ваше сс-тво, будто я губомоченію придерживаюсь и склоненъ къ разнымъ азартнымъ случаямъ, а все пустяки, ей Богу, просто, я падучною одержимъ. И дивизіонная медицина такъ удостоила аттестатомъ... Пятнадцать лѣтъ, ваше сс-тво, фельфебелемъ прослужилъ, у поручика Латкова подъ особымъ покровительствомъ находился. Вотъ ужь, подлинно сказать, былъ начальникъ, дай Богъ ему здоровья! Истинный отецъ былъ,—за всякое малѣйшее художество наистрожайше взыскивалъ... Человѣка изъ меня сдѣлалъ... истинно скажу, но впослѣдствіи, будучи въ отставкѣ, увлекся, виноватъ. Что дѣлать! грѣшенъ...

— Ваше сс-тво, отецъ! продолжалъ Путковъ еще болѣе плачевнымъ голосомъ:—вы можетъ не довѣряете мнѣ; пусть языкъ у меня прилипнетъ къ гортани, если я въ чемъ-нибудь солгалъ передъ вами. Благодѣтель! позвольте открыть всю душу. Выслушайте великодушно. Я ничего не посмѣю утаить отъ васъ... Изволите знать Акулину Ефимовну, нашу майоршу-съ?..

— Ну-съ, что̀-же она?

— Ничего-съ...

Путковъ покачалъ головою и потомъ поднялъ свои слезящіеся глаза къ потолку.

— Вотъ по милости ея-то, моей покровительницы, я и нахожусь, какъ изволите видѣть-съ.

— Отчего-же?

— Да просто сказать по язычеству и ревностью баталіоннаго командира... Акулина Ефимовна его супруга съ... а, видитъ Богъ, аттестатъ замаранный неумышленно, но чистая душа... безвинно приревновалъ, яко-бы я... ну, да что̀ и говорить объ этомъ!

Онъ махнулъ рукой, снова поднесъ тряпку къ глазамъ и послѣ минуты молчанія произнесъ:

— Ваше с-ство, внемлите падшему моему духу, простите бѣдному и невинно гонимому руку помощи. Заставьте вѣчно за себя Богу молить... Сжальтесь надъ угнетеннымъ

и злосчастнымъ... У дѣтей сегодня крохи во рту не было, хлѣба не на что купить, ей Богу, не лгу!

И онъ протянулъ ко мнѣ свою грязную и опухшую руку.

Я положилъ въ нее двугривенный и возвратилъ ему его бумагу. Лицо его вдругъ просіяло.

— Великодушный герой и благотворитель! воскликнулъ онъ:—вѣкъ не забуду вашего благодѣянія,—по гробовую доску буду за васъ Бога молить.

И при этомъ восклицаніи онъ воздѣлъ правую руку къ потолку и продолжалъ съ особеннымъ увлеченіемъ:

— Молись Создателю—тварь праха недостойная! преклони выю твою, блудный сынъ, передъ десницею спасающею!

Онъ такъ размахнулся рукой, что послѣдняя пуговица на правомъ бортѣ его сюртука отскочила, сюртукъ распахнулся, и изъ дыряваго кармана его вывалились штопоръ и варганъ.

ГЛАВА II.

Обѣдъ, заказанный мною, приготовлялся болѣе часу. Путковъ безпрестанно бѣгалъ на кухню и возвращаясь говорилъ мнѣ:

— Не безпокойтесь, ваше сс-тво, сію минуточку подадутъ. Я препорядочно распекъ всѣхъ ихъ.—Какъ, я говорю, вы смѣете, канальи, заставлять дожидаться такую высокую особу? Вотъ кабы вы, говорю я, поручика Латкова заставили такъ дожидаться, такъ онъ-бы вамъ задалъ, вѣкъ-бы не забыли его. Онъ шутить не любилъ! Онъ-бы ужь, я говорю, давно въ кусочки самы мелки перебилъ всѣ ваши тарелки... Извините, ваше сс-тво, моему глупому язычеству, и стишки иногда свахляешь, ей Богу, что̀ дѣлать,—бѣдность всему научитъ, а касательно обѣда не извольте гнѣваться, сію секунду подадутъ.

Когда половой показался въ дверяхъ съ салфеткою, накинутою на плечо, и съ подносомъ, Путковъ, у котораго глаза замѣтно посоловѣли, вѣроятно отъ частаго бѣ-

ганья на кухню, сдернулъ салфетку съ плеча полового и самъ накрылъ ее.

— Ну, что суешься-то не въ свое дѣло? закричалъ на него половой.

— Молчи. Вася, прошепталъ онъ значительно, но такъ, что я слышалъ все отъ слова до слова:—молчи, ужь я самъ накрою... Вѣдь онъ былъ мой полковой командиръ; жена моя, братецъ, у него въ домѣ воспитывалась, вѣдь онъ, знаешь, всѣхъ моихъ дѣтей крестилъ. Ужь ты, дружокъ, оставь все это на мое попеченіе, ужь я самъ буду ему прислуживать.

Во все время обѣда Путковъ стоялъ передо мною съ тарелкою въ рукѣ и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— Хорошъ же, батюшка, вашъ хваленый кухмистеръ! сказалъ я ему.

— Точно, ваше сс—тво, отвѣчалъ онъ:—ужъ что это за обѣдъ! да главный куфмистеръ маненько позагулялъ-съ, а это, коли правду сказать, готовилъ каналья поваренокъ...

— Поросенокъ-то, знаете, не совсѣмъ свѣжій, замѣтилъ я.

Путковъ осмотрѣлъ кругомъ себя, и убѣдясь, что въ комнатѣ никого нѣтъ, произнесъ вполголоса, покачивая головою:

— Извѣстно мошенники, ваше сс—тво, то есть, осмѣлюсь доложить, просто грабители на большихъ дорогахъ; ни стыда, ни совѣсти, только и наровятъ какъ бы стянуть съ проѣзжающаго побольше...

Черезъ часъ послѣ этого обѣда я пошелъ отыскивать станціоннаго смотрителя, чтобы навѣдаться о лошадяхъ. Я нашелъ его въ грязной и вонючей стеклянной галлереѣ, выходящей на дворъ. Онъ не замѣчалъ меня и помиралъ со смѣху, глядя на слѣдующую сцену:

Нѣмецъ-трактирщикъ сидѣлъ у стола. Противъ него стоялъ Путковъ и размахивалъ руками. Онъ упрекалъ трактирщика въ неблагодарности къ нему за его службу...

— Да, Карлъ Иванычъ, говорилъ онъ: — хорошо! теперь я не нуженъ. Пошоль фонъ!.. А кто отрекомендовалъ ему твой штексъ? что̀, мой почтенный, небось не я?... кто расхваливалъ ему твой обѣдъ? а? Онъ вѣдь и не ду-

малъ здѣсь обѣдать... Кто уговорилъ его кушать здѣсь? а небось я не знаю, что̀ ли, какъ ты стряпаешь-то?.. Вѣдь это поросенокъ-то еще третьеводнишній...

— А ты все врешь, — это не правда, закричалъ съ досадою трактирщикъ.

— Позволь, позволь, душенька, не горячись... На это у меня нашлись бы доказательства, благодѣтель... Довольно того, что не присовѣтуй я имъ и откушать здѣсь, тебѣ бы не перепало задаромъ два цѣлковика... То-то! я вишь не въ тебя, нѣмецъ! я все наровлю какъ бы тебѣ въ пользу... Неужлижь все мое усердствіе не стоитъ какого-нибудь стаканчика настойки али хоть пѣнничку?.. Карлъ Иванычъ, почтеннѣйжій, мейнъ-герикъ! не откажи усерднѣйшему брудеру въ стаканчикѣ...

— Ну, чортъ съ тобой! возразилъ трактирщикъ: — такъ и быть!.. я дамъ тебѣ стаканчикъ, но съ тѣмъ, чтобы ты вытянулъ его изъ соломенки... Понимаешь?

— Ну-ка, братъ, ну-ка! закричали въ голосъ ямщики, стоявшіе тутъ же.

— Охъ, вы мнѣ, затѣйщики! произнесъ Путковъ, поглядывая то на трактирщика, то на ямщиковъ и почесывая затылокъ: — думаете запугать, что̀ ли? Анъ лихъ нѣтъ же! подавай сюда стаканъ Карлъ Иванычъ, — давай соломенку!

Стаканъ, полный сивухи, и соломенка были тотчасъ же принесены.

Путковъ прищурясь посмотрѣлъ на стаканъ, покачалъ головою, почесалъ въ затылкѣ и произнесъ: — ну, благослови Господи! и потомъ принялся тянуть сивуху соломенкою... Страшно и гадко было смотрѣть въ эту минуту на лицо бѣднаго Путкова... страшно за человѣка! Но всѣ присутствовавшія были очень довольны его кривляньями и изъявляли свое удовольствіе громкимъ хохотомъ. Во время роздыховъ, Путковъ бранился, просилъ пощады, вздыхалъ, а все-таки продолжалъ сосать — и до той минуты не выпустилъ соломенку изо рту, покуда въ стаканѣ ничего не осталось.

— Уфъ, кончилъ! воскликнулъ онъ, выпрямившись и обтирая потъ, который градомъ катился по лицу его.

— А что́ же, батюшка, лошади? закричалъ я смотрителю.

— Пришли, ваше высокоблагородіе, пришли, отвѣчалъ смотритель, сдерживая послѣдній порывъ смѣху: — только вотъ ихъ покормятъ немножко овсецомъ и сейчасъ же духомъ заложутъ... надобно только велѣть помазать колеса у вашей брички. Я сейчасъ распоряжусь... ужь вы не извольте безпокоиться...

Путковъ оборотился ко мнѣ, немного пошатываясь и облизывая губы.

— Ничего, ничего, ваше высоко... ваше сс—тво, не извольте безпокоиться. Мы сейчасъ смажемъ колеса, сейчасъ-съ.

Потомъ онъ пристально посмотрѣлъ на меня, заплакалъ и продолжалъ:

— Ваше сс—тво, милосердный покровитель, не взыщите съ бѣднаго и несчастнаго отца семейства... Виноватъ, съ горя, ей Богу, съ горя... не будь шестеро дѣтей малъ-мала-меньше, другой бы человѣкъ былъ, совсѣмъ другой, а то сами посудите, дѣти кричатъ: хлѣба, тятя! а тятѣ откуда взять хлѣба?.. Дѣти меня и сгубили, ваше сс—тво, ей Богу, дѣти, не будь ихъ, я бы не былъ такой. Простите за глупыя рѣчи... Сейчасъ побѣгу смазывать вашъ экипажъ..

— Куда тебѣ бѣжать? возразилъ смотритель.—Вишь, какъ ты нагрузился... Ну-ка пройди по одной доскѣ, попробуй-ка!

Путковъ посмотрѣлъ на смотрителя съ укоромъ.

— Охъ, ужь вы мнѣ, право, Евграфъ Семенычъ! сказалъ онъ, грозя ему пальцемъ: — нагрузился! да съ чего нагрузиться-то? Не только на двухъ, на одной ногѣ пройду по доскѣ. Вотъ какъ! Смотрите.

И Путковъ началъ прыгать на одной ножкѣ.

Черезъ минуту онъ, засучивъ рукава, уже суетился около моей брички и кричалъ ямщикамъ:

— Ну, что́ вы копаетесь, олухи? Я лучше васъ это дѣло смастерю. Я одинъ четыре колеса смажу скорѣе васъ... Я докажу мое усердствіе!

ГЛАВА III.

Въ дополненіе къ портрету Путкова—вотъ нѣкоторыя подробности о немъ, сообщенныя мнѣ станціоннымъ смотрителемъ.

Путковъ всякой день являлся на станцію для того, чтобы забавлять проѣзжающихъ, и этимъ кормится. Дѣти его оборванныя и грязныя, ничѣмъ не отличаются отъ крестьянскихъ дѣтей. Жена его также попиваетъ съ горя. Дома иногда Путковъ бьетъ жену свою, а иногда жена бьетъ его. На станціи онъ обыкновенно проводитъ время до вечера, а вечеромъ отправляется въ общественное заведеніе, украшенное елкою и остается тамъ до полуночи, заманивая туда разными штуками проходящихъ. Всѣ извѣстные пьяницы села Лыткина очень любятъ Путкова и не могутъ обойтись безъ него. Онъ ихъ душа и задоръ.

Когда заведеніе, украшенное елкою, наполняется гуляками, Путковъ кривляясь и балясничая, ставитъ глиняную лохань посреди стола, снимаетъ свой сюртукъ, вѣшаетъ его на крючокъ, беретъ гитару, пощипывая струны, затягиваетъ камаринскую и потомъ присвистывая пускается въ присядку. Въ то время какъ гуляки расходятся, Путковъ подходитъ къ лохани, смотритъ въ нее, прищуриваясь и поморщиваясь, и замѣчаетъ: — охъ, суховато, больно суховато! и ноготь обмочить нечѣмъ.

Тогда каждый изъ гулякъ поочередно подходитъ къ столу и, держа свою чарку надъ лоханью, произноситъ, смотря на Путкова:

— Подплеснуть, что ли? ась?

Путковъ вздыхая отвѣтствуетъ:

— Подплесни-ка, пріятель, верхушкой,
Да прикрой злой душкой!

И вслѣдъ затѣмъ каждый изъ гулякъ сплескиваетъ въ лохань нѣсколько изъ своей чарки, потомъ духомъ выпиваетъ чарку и, оставя на днѣ ея капли двѣ, опрокидываетъ ее въ лохань и говоритъ, обтирая усы и бороду:

— По добру—по здорову, вашему благородію!

Часто случается, что такимъ образомъ въ награду за потѣху наплескиваютъ Путкову въ лохань около штофа. Къ этому цѣловальникъ добавляетъ ему чарку или двѣ. Въ полночь Путковъ, напѣвая плясовую, возвращается къ себѣ домой, со штофомъ подъ мышкою...

ГЛАВА IV.

Когда колеса у кибитки моей вымазали и лошадей запрягли, Путковъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ.

— Ваше сс—тво, все готово-съ и экипажъ въ надлежащую исправность... Я самъ вымазалъ всѣ колесы... на ямщиковъ нельзя полагаться. Это такой народецъ, что Боже упаси!.. Имъ пальца въ ротъ не клади. Мошенникъ на мошенникѣ, плутъ на плутѣ. За ними надо глаза да и глаза.

Онъ проводилъ меня до кибитки, пособилъ сѣсть въ нее и произнесъ сквозь слезы:

— Милосердный благотворитель! не взыщите съ бѣднаго и несчастнаго, одержимаго падучною болѣзнію, прикиньте за смазку колесъ хоть гривенничекъ, дѣтямъ на сапожнижки.

Я исполнилъ его желаніе.

— Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать! бормоталъ онъ.—Вѣкъ не забуду вашихъ отеческихъ наставленій... Разрази меня Господь, если я хоть грошъ издержу на вино изъ вашихъ денегъ. Вѣдь я чувствую, очень чувствую, что вино вредно, что оно — самый злѣйшій врагъ человѣка... Чортъ его побери совсѣмъ! въ ротъ его никогда не возьму, проклятаго. Извѣстно, зачѣмъ пить? что̀ хорошаго губить себя? Ваше сс—тво, вѣдь тѣмъ люди не играютъ, отъ чего умираютъ!..

Когда колокольчикъ на дугѣ пошатнулся, зазвенѣлъ и кибитка моя тронулась, Путковъ закричалъ:

— Счастливаго пути вашему сс—тву. До могилы не забуду вашихъ благодѣяній!..

И съ этими словами онъ кинулъ вверхъ свою замасленную и оборванную фуражку.

Я выглянулъ изъ кибитки, чтобы посмотрѣть, что̀ онъ будетъ дѣлать.

Путковъ стоялъ подбоченясь, окруженный ямщиками, и говорилъ имъ:

— А что̀, не выпить ли, братцы? не пора ли? что золотое-то время терять понапрасну! идемъ, что́ ли? эхъ, куда не шло!.. Человѣкъ обѣщаній не сдержалъ, увидѣлъ вино и задрожалъ... За мною, ребята! маршъ!

Чарочки по столику похаживаютъ —
Яндова походя говоритъ,
Старымъ бабамъ полѣно сулитъ...

— Ну, ребятушки, что̀ же вы стоите рты-то розиня?

Вѣдь у нашего сосѣда
Весела бесѣда!..

— Эхъ, вы! и онъ пустился въ присядку, наигрывая на варганѣ...

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ПАНАЕВА.

Продаются отдѣльно слѣдующіе романы, повѣсти и разсказы:

	р.	к.
Спальня свѣтской женщины. Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ	—	25
Она будетъ счастлива. Эпизодъ изъ воспом. петербург. жизни	—	30
Сегодня и завтра. Повѣсть	—	25
Кошелекъ. Сцены изъ петербургской жизни	—	25
Какъ добры люди.—Раздѣлъ имѣнія. Два разсказа	—	30
Дочь чиновнаго человѣка. Повѣсть	—	40
Бѣлая горячка. Повѣсть	—	40
Прекрасный человѣкъ. Повѣсть	—	40
Онагръ. Разсказъ	—	40
Актеонъ. Физіологическій разсказъ	—	60
Петербургскій Фельетонистъ. Зоологическій очеркъ. **Литературная тля.** Разсказъ о томъ, какимъ образомъ распложаются на Руси сочинители	—	50
Барыня — Барышня. Два разсказа	—	40
Львы въ провинціи. Романъ въ 3 частяхъ. 3-е изданіе съ портр. автора	2	50
Маменькинъ сынокъ. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ съ портр. автора	1	—
Парижскія увеселенія.—Встрѣча на станціи. Два разсказа изъ дорожн. воспоминаній	—	25
Родственники. Нравственная повѣсть съ портр. автора	—	50
Хлыщи: 1) Великосвѣтскій хлыщъ 2) Провинціяльный хлыщъ 3) Хлыщъ высшей школы. 3-е изданіе съ портр. автора	1	50
Внукъ русскаго милліонера. Изъ петербург. воспоминаній	—	40
Дама изъ Петербургскаго полусвѣта. (Demi Monde)	—	25
Петербургскіе праздношатающіеся и Петербургскіе ростовщики. Физіологическія разсказы	—	30
Благонамѣренный господинъ и армейскій офицеръ	—	25
Дачникъ. Разсказъ изъ столичной жизни	—	25
Галерная Гавань. Повѣсть	—	25
На яву и во снѣ. Святочный полуфантастическій разсказъ	—	25
Святки. Разсказъ для дѣтей	—	20
Русскій джентльменъ оптимистъ	—	30
Очерки изъ Петербургской жизни новаго поэта. Въ 2 частяхъ Сорокъ четыре разсказа, съ портретомъ автора. 2-е изданіе	3	—
Петербургскій Монте-Кристо. Разсказъ для взрослыхъ	—	40
Шарлота Ѳедоровна. (Вовсе не дѣтскій разсказъ)	—	20
Стихотворенія и пародіи новаго поэта. 2-е изданіе	1	—
Ночь на Рождество. Святочный разсказъ	—	20
Литературныя воспоминанія, письма и воспоминанія о Бѣлинскомъ 1830—1847. Съ портретомъ автора. 3-е изд. дополн.	3	—

Изданія книгопродавца **Н. Г. Мартынова**

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Невскій, д. № 46.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

АКСАКОВЪ, С. Т., Первое полное собраніе сочиненій съ 2 портретами и статьями о его жизни и сочиненіяхъ А. С. Хомякова и М. Н. Лонгинова, 2 видами: Домъ въ Знаменскомъ «Аксаково», видъ мельницы на рѣкѣ Бугурусланѣ, и съ рисунками рыбъ и птицъ. 6 томовъ. Цѣна 12 р. 50 к., въ переп. 15 р., въ коленкоров. 16 р. 50 к.

ГОГОЛЬ, Н. В., со стороны отечественной науки. Двѣ статьи профессора Н. Я. Аристова: 1. Историческое значеніе сочиненій Гоголя. 2. Иноземное вліяніе въ Россіи, изображенное Гоголемъ въ его сочиненіяхъ.—Съ портретомъ Н. В. Гоголя. Цѣна. 1 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В., полное собр. сочиненій, съ портретомъ автора. 10 томовъ. Цѣна 15 р., въ переп. 17 р., въ коленкоров. переплетѣ 20 р.

МЕЙ, Л. А., Первое полное собр. сочиненій и переводовъ съ 2 портр. автора и критико-біографическимъ очеркомъ о его значеніи въ русской литературѣ, соч. В. Р. Зотова. 5 томовъ. Цѣна 12 р. 50 к., въ переп. 14 р. 50 к., въ коленкоров. перепл. 17 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. Н., собраніе сочиненій и переводовъ съ 2 портрет. автора. 12 томовъ. Цѣна 21 р., въ переп. 24 р., 25 р. въ коленкор. 28 р.

ОСТРОВСКІЙ въ его произведеніяхъ. Первый періодъ дѣятельности (до историческихъ хроникъ). Соч. Профессора А. И. Незеленова. Цѣна 1 р. 50 к.

ПАНАЕВЪ, И. И. Первое полное собраніе сочиненій съ 2 портретами автора. 6 томовъ. Цѣна 12 р. 50 к., въ переп. 14 р. въ коленкоров. перепл. 18 р. 50 к.

ПУШКИНЪ, А. С. въ его поэзіи. Критическій разборъ произведеній великаго поэта и его біографія. Сочиненіе профессора А. И. Незеленова 2 тома. Томъ 1-й 1799—1826—второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к. Томъ 2-й 1826—1837 появляется вновь. Ц. 1 р. 50 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Историческая библіотека для дѣтей. 9 томовъ съ портретами и рисунками:

Т. 1. Саардамскій плотникъ. Повѣсть съ 9 картинами и портр. 2-е изданіе. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 руб., въ изящномъ перепл. 1 р. 25 к.

Т. 2. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Историч. романъ для дѣтей въ 3-хъ частяхъ съ 14 карт. и порт. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Т. 3. Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. 2 части. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

Т. 4. Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. 2 части. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Т. 5. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ—Историческая повѣсть для дѣтей въ 2 частяхъ съ портретомъ Долгорукова. Ц. 50 к. въ папкѣ 75 к. въ переплетѣ 1 р.

Томы 6—9 приготовляются къ печати.

Гг. иногородные на пересылку прилагаютъ 10% съ общей стоимости.

Полное собраніе сочиненій

Ивана Ивановича ПАНАЕВА.

Изданіе Н. П. Мартынова.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ивана Ивановича

ПАНАЕВА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1888.

И. И. ПАНАЕВЪ.

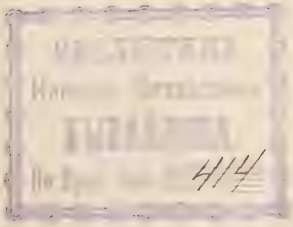
ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

II

ОЧЕРКИ.

1845—1858.

Хлыщи: Великосвѣтскій хлыщъ. — Провинціяльный хлыщъ. — Хлыщъ высшей школы. — Парижскія увеселенія. — Маменькинъ сынокъ—.Внукъ русскаго милліонера.



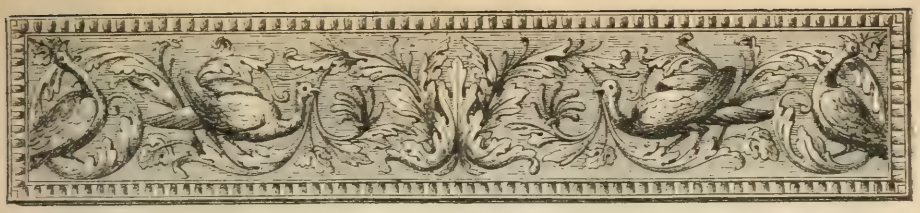
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1888.

Типографія В. П. Штенна (Почтамтская ул., 13).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стран.
1856.	Хлыщи:	Великосвѣтскій хлыщъ	1
„		Провинціяльный хлыщъ	120
„		Хлыщъ высшей школы	202
1846.	Парижскія увеселенія. Изъ дорожныхъ воспоминаній . .		255
1845.	Маменькинъ сынокъ. Повѣсть въ 2-хъ част.		287
1858.	Внукъ русскаго милліонера. Изъ петербургскихъ воспоминаній		489



ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ ХЛЫЩЪ.

ГЛАВА I.

ДАГЕРОТИПЪ СЪ АРТИСТИЧЕСКАГО СЕМЕЙСТВА И О ТОМЪ, КАКЪ ПРІЯТНО ПРОВОДИТЬ ВРЕМЯ ВЪ ТАКИХЪ СЕМЕЙСТВАХЪ.

Я знаю лѣтъ двадцать Грибановыхъ. Отличнѣйшее семейство, и притомъ съ артистическими наклонностями. Музыка, скульптура, живопись, литература составляютъ жизнь этого семейства. Оно совсѣмъ погружено въ изящное. Всякій артистъ, какой бы маленькій талантикъ ни имѣлъ, въ какой бы крошечной сферѣ ни дѣйствовалъ, хотя бы только искусно игралъ на балалайкѣ, навѣрно будетъ принятъ въ этомъ почтенномъ семействѣ съ распростертыми объятіями. Литераторъ бѣжитъ туда читать свое новое произведеніе, еще не оконченное; художникъ показать свои эскизы, только что набросанные небрежно карандашомъ, и въ которыхъ ровно ничего разобрать нельзя— и тотъ и другой увѣрены, что найдутъ глубочайшее сочувствіе. Хозяинъ дома, съ большимъ искусствомъ вырѣзывающій изъ бумаги силуэты; его свояченица, замѣнившая въ домѣ умершую хозяйку, превосходно лѣпящая цвѣты изъ воска; сынъ, пишущій стихи; дочь, занимающаяся живописью и музыкой, — всѣ ахаютъ и восхищаются, слушая новое произведеніе литератора и разсма-

тривая новые эскизы художника, и потомъ повторяютъ своимъ знакомымъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца, каждому по очереди: «Ахъ, какую повѣсть читалъ намъ N. N.!».. «Ахъ, какіе эскизы показывалъ намъ Д. Д.!...» «Ахъ, сколько у нихъ таланта!...» и проч. Доброта этихъ людей простирается до того, что они приходятъ въ восторгъ отъ всякаго, даже плохаго произведенія, если только оно въ первый разъ прочитано или показано въ ихъ домѣ. Правда, о произведеніяхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ, которыя не были имъ читаны или показаны, отзываются они хладнокровно, но это вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что ни одно замѣчательное произведеніе не можетъ не быть предварительно имъ извѣстно, что всѣ художники, поэты, музыканты, скульпторы, литераторы, пѣвцы и пѣвицы, знакомые имъ—люди, непремѣнно обладающіе высокими талантами, и что тѣ, которые не имѣютъ этой чести, едва ли могутъ имѣть и дарованіе. Нѣжная привязанность другъ къ другу, соединяющая членовъ этого семейства, по истинѣ замѣчательна. Отецъ обожаетъ своихъ дѣтей, дѣти обожаютъ отца, тетка обожаетъ племянника, племянникъ тетку... Въ этомъ домѣ всѣ обожаютъ другъ друга. Если отецъ вырѣжетъ какой-нибудь новенькій силуэтикъ, сынъ немедля приходитъ отъ него въ восхищеніе и бѣжитъ къ теткѣ.

— Посмотрите, говоритъ онъ:—какую удивительную вещицу вырѣзалъ папенька, съ какимъ вкусомъ, съ какимъ изяществомъ, это просто художественно!

— Ахъ, какая прелесть! восклицаетъ восхищенная тетка.

Если сынъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его отцу и теткѣ, отецъ, пожимая плечами отъ удивленія, со слезой на рѣсницѣ восклицаетъ:

— У, какъ это хорошо! Какой стихъ! Какая мысль! Я никогда ничего не слыхалъ лучше этого!

И при этомъ голосъ отца задребезжитъ, умиленный, какъ порванная струна.

— Это маленькій chef d'œuvre! вскрикнетъ тетка, всплеснувъ руками.

Затѣмъ оба они, отецъ и тетка, закричатъ:

— Пелагея Петровна! Пелагея Петровна! Пелагея Петровна!

Приживалка, въ родѣ ключницы, прибѣжитъ на этотъ крикъ, запыхавшись, но съ пріятной и подобострастной улыбкой, которая замерла на лицѣ ея и которая не оставляетъ ея даже въ самыя горькія минуты ея жизни.

— Что прикажете-съ?

— Послушайте-ка, матушка, скажетъ отецъ, прищелкнувъ языкомъ: — какіе новые стихи написалъ Иванъ.... лучше ничего не было написано на русскомъ!

— Ахъ, какіе стихи! повторитъ тетка.—Пожалуйста, другъ мой, не полѣнись, прочти еще разъ.

И она нѣжно взглянетъ на племянника. Племянникъ мгновенно повинуется и начнетъ читать: отецъ между тѣмъ качаетъ въ тактъ головой во время чтенія, и, смотря на Пелагею Петровну, говоритъ:

— Слушайте, слушайте! (хотя та и безъ того благоговѣйно слушаетъ, даже разиня ротъ отъ излишняго вниманія).—Каковъ стихъ-то! Каковъ стихъ-то. Замѣчаете, а?

И ударитъ по плечу Пелагею Петровну, а самъ такъ и зальется слезами, хоть бы стихи были комическаго содержанія.

Вечеромъ, когда явятся гости, сначала приживалка, разливая чай, шепнетъ непремѣнно каждому на ушко: «Иванъ Алексѣичъ написалъ новое безподобное стихотвореніе!» Потомъ отецъ, не болѣе какъ черезъ четверть часа послѣ приживалки, барабаня по столу, не утерпитъ и вдругъ брякнетъ среди разговора вовсе не кстати:

— Что, Иванъ ничего вамъ не показывалъ?

— Нѣтъ-съ, отвѣтитъ гость.

— Заставьте его прочесть: онъ написалъ новое стихотвореніе... Это вещь капитальная, необыкновенно хорошо! Изъ него вырабатывается что-то очень серьёзное!

И открытое, добродушное лицо старика выразитъ столько счастья при мысли, что онъ произвелъ на свѣтъ такое геніальное дитя, что и гость, даже самый нечувствительный, невольно разчувствуется.

Тетка въ свою очередь, съ свойственною ей любезностію и пріятностію занимая гостей, не упуститъ ввернуть словцо:

— Я знаю, m-r. такой-то, что вы любите поэзію, или интересуетесь литературой (что-нибудь въ родѣ этого).— Ахъ! если бы вы знали, какое Иванъ Алексѣичъ написалъ стихотвореніе! Мнѣ, какъ родной, совѣстно хвалить, но вы сами услышите. Погодите, я его упрошу прочесть.

И она начнетъ искать глазами племянника. Но племянникъ вдругъ какъ изъ-подъ полу выскочитъ передъ теткой, сладко улыбнется гостямъ, посмотритъ на нихъ заискивающими глазами и скажетъ:

— Нѣтъ, тетушка, это право не стоитъ того, довольно слабая вещица, когда-нибудь послѣ, не теперь.

Но тогда гости начинаютъ приставать къ нему:

— Пожалуйста прочтите, сдѣлайте одолженіе, мы такъ много слышали....

— Ну прочти же, братецъ, прочти, вскрикнетъ вдругъ откуда-то появившійся отецъ.

Около поэта составится кружокъ, и онъ начнетъ декламировать, изрѣдка прерываемый восклицаніями: «Превосходно, прекрасно!» Послѣ декламаціи, тетка отведетъ одного или двухъ гостей въ сторону и произнесетъ шепотомъ: «Не правда ли, какой талантъ?» На что гостямъ ничего болѣе не остается какъ отвѣчать: «О, удивительный!»

Иногда сынъ потащитъ гостей въ кабинетъ отца, и скажетъ имъ:

— Позвольте-ка, господа, я вамъ покажу чудную вещицу. Папенька вырѣзалъ недавно цѣлый пейзажъ.

И входя въ кабинетъ, онъ начнетъ рыться въ портфелѣ отца, приговаривая:

— Куда это старикъ зарылъ его? Не любитъ, чтобы смотрѣли... Чудакъ!... да мы отыщемъ... погодите... Вотъ, вотъ, вотъ!... Взгляните, какъ хорошо задумано, разсмотрите эту фигуру, сколько въ ней выраженія, а это дерево? Вѣдь это дубъ, настоящій дубъ!... Вглядитесь хорошенько... Какое искусство!

И гости разсматриваютъ и удивляются. Въ такія минуты всегда нечаянно входитъ отецъ:

— Иванъ, Иванъ, говоритъ онъ, грозя ему пальцемъ:— что это, полно, братецъ: ну стоитъ-ли это смотрѣть... Это такъ я шалю на старости, отъ нечего дѣлать.

— Помилуйте! восклицаютъ гости: — какая это шалость! Это чистѣйшее искусство!

— Оно таки точно недурно, замѣтитъ старикъ, постепенно увлекаясь, и продолжаетъ уже голосомъ, дрожащимъ отъ умиленія:—вотъ обратите вниманіе особенно на эту коровку, что наклонилась къ водопою. Поль-потеровская, коровка-то! Сколько жизни въ этомъ движеніи, замѣтьте, замѣтьте... Ахъ, кабы не лѣта, глаза ужь служить отказываются, не то бы я еще сдѣлалъ!

И у старика закапаютъ слезы...

Въ квартирѣ Грибановыхъ, за исключеніемъ будуара и гостиной, устройствомъ которыхъ занимается Лидія Ивановна (такъ зовутъ тетку), совершенно артистическій безпорядокъ: на столахъ валяются старыя рукописи, исписанныя стихами, клочки бумаги съ различными вырѣзками, краски, книги, рисунки, и все это покрыто постоянно слоемъ пыли; но за то будуаръ и гостиная, это, такъ сказать, небольшіе храмы изящнаго: занавѣсочки, этажерочки, куколки, дѣланный и настоящій плющъ, гравированныя картинки, коврики, вышитыя подушки съ кисточками, цвѣтные фонарики, пресъ-папье, бронзовыя ручки, ножи для разрѣзыванія книгъ, печатки — все это размѣщено съ замѣчательнымъ искусствомъ на весьма маломъ пространствѣ. Въ одномъ только углу будуара груда воску и краски; этотъ уголъ Лидія Ивановна называетъ своимъ *ателье*. Лидіи Ивановнѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, но при вечернемъ освѣщеніи она кажется несравненно моложе своихъ лѣтъ, чему не мало способствуютъ различныя украшенія ея туалета: пукольки, бантики, кружевца, цвѣточки, употребляемые ею въ большомъ количествѣ. Она говоритъ обыкновенно голосомъ тихимъ, болѣе походящимъ на шепотъ, и недосказанное или недослышанное договариваетъ глазами, на которые, кажется, значительно разсчитываетъ, потому что эти глаза, по замѣчанію старожиловъ, производили большое впечатлѣніе... Въ выраженіи лица и во всѣхъ ея движеніяхъ необыкновенная мягкость, которую только злые языки называютъ лицемѣрною сладостью.

Алексѣй Аѳанасьичъ (такъ зовутъ г. Грибанова) отли-

чается простотою обращенія, искренностью въ рѣчахъ и въ манерахъ, совершенною безцеремонностью, способностью отъ всего умиляться и постоянно слезящимися глазами. Онъ весь на распашку для всѣхъ вхожихъ въ его домъ... Ему и въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ дурной, насмѣшливый или подозрительный могъ перешагнуть черезъ порогъ его квартиры. Со всѣми одинаково простодушенъ и привѣтливъ, — онъ при всѣхъ, даже при постороннихъ дамахъ, является всегда по домашнему: въ затасканномъ сюртукѣ и въ старыхъ плисовыхъ туфляхъ, съ листомъ бумаги и съ ножницами. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ; но онъ кажется старѣе своихъ лѣтъ, потому что не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія бодриться и молодиться. Въ чертахъ его лица много пріятности, которая невольно располагаетъ къ нему съ перваго взгляда. Онъ не вмѣшивается ни во что въ домѣ, и если у него о чемъ-нибудь спрашиваютъ, то обыкновенно отвѣчаетъ: «Я не знаю, спросите у Лидіи Ивановны». Онъ не распоряжается ничѣмъ, не располагаетъ ни одною копѣйкою; все, что пріобрѣтаетъ, онъ несетъ къ Лидіи Ивановнѣ. Состояніе ихъ маленькое; но чтобы «прилично поддерживать себя», какъ выражается Лидія Ивановна, Алексѣй Аѳанасьичъ очень усердно трудится и служитъ, не имѣя ни малѣйшаго расположенія къ службѣ и труду. Будь онъ одинъ, онъ и не подумалъ бы о службѣ; зимой лежалъ бы себѣ цѣлый день на боку да вырѣзывалъ бы свои силуэтики, а лѣтомъ бродилъ бы по лѣсу за грибами. Свои служебныя занятія онъ считаетъ пустяками, а дѣломъ — вырѣзываніе фигурокъ изъ бумаги, и хотя служебныя занятія очень тяготятъ его, но онъ никогда на это не жалуется и никому не говоритъ, какъ это ему не по сердцу, для того, чтобы не огорчить Лидію Ивановну. Развѣ иногда только, когда ужъ придется не въ мочь, когда его завалятъ дѣлами, онъ вздохнетъ и промолвится пріятелю: «Ахъ, если бы побольше средствъ, бросилъ бы все это и посвятилъ бы себя исключительно одному искусству. Вѣдь у меня всѣ наклонности артистическія, вѣдь я рожденъ артистомъ!»

Для Алексѣя Аѳанасьича всѣ знакомые равны; у Ли-

діи Ивановны есть фавориты между знакомыми и между домашнею прислугой: она не можетъ существовать безъ фаворитовъ.

Сыну Алексѣя Аѳанасьича, Ивану Алексѣичу, двадцать-четыре года, но ему кажется лѣтъ подъ тридцать. Онъ не заботится о своей внѣшности, потому что весь погруженъ въ свой внутренній міръ, весь проникнутъ своимъ призваніемъ. И Лидія Ивановна, вовсе не пренебрегающая внѣшностію, не только прощаетъ ему его небрежность, но находитъ, что въ немъ это иначе и быть не можетъ, потому что всѣ люди высшихъ талантовъ, какъ извѣстно, мало занимались своимъ туалетомъ... Она въ этомъ случаѣ совершенно справедливо разсуждаетъ про племянника: «онъ чудакъ, потому что всѣ поэты немножко чудаки!» и при этомъ съ чувствомъ родственной гордости прибавляетъ: «повѣрите ли, онъ и галстуха даже повязать не умѣетъ, я всегда сама ему повязываю галстухъ.

На этомъ молодомъ стихотворцѣ, не умѣющемъ повязывать галстухъ, основано все счастье, всѣ надежды, вся гордость артистическаго семейства. Это блестящій талантъ, разливающій свой блескъ на все его окружающее; центръ, около котораго группируются остальные семейные талантики. Онъ даетъ тонъ и направленіе всему семейству... Отецъ и тетка, замѣнившая мать, только отражаютъ и распространяютъ его мысли. Тѣ изъ знакомыхъ, которые не безусловно раздѣляютъ этотъ образъ мыслей и имѣютъ неосторожность обнаружить нѣкоторое противорѣчіе, утрачиваютъ обыкновенно доброе расположеніе почтеннаго семейства и причисляются къ людямъ остановившимся, неспособнымъ идти впередъ—просто къ отсталымъ. Чтобы пользоваться его постоянною благосклонностью и радушіемъ, чтобы прослыть въ семействѣ за человѣка замѣчательнаго и умнаго, необходимо въ каждый данный моментъ стоять въ уровень съ Иваномъ Алексѣичемъ: останавливаться вмѣстѣ съ нимъ, идти впередъ или отодвигаться назадъ. Но и отодвигаясь назадъ, увѣрять и себя и другихъ, что двигаешься впередъ, и что тѣ, которые въ самомъ дѣлѣ идутъ впередъ, останавливаются или отодвигаются назадъ.

Приговоръ сына есть приговоръ окончательный для отца и для тетки. Онъ рѣшилъ, что у сестры Наденьки недостаетъ чувства (можетъ быть потому, что она не такъ восторгается его стихами, какъ остальные члены семейства), и они безусловно приняли этотъ строгій приговоръ, и никакіе факты не разувѣрятъ ихъ въ противномъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ въ первый разъ, глубоко огорчился... «Ахъ, жаль — думалъ онъ—Наденька моя дѣвочка славная и добрая, если бы у нея только чувства-то побольше, вотъ ея недостатокъ!» — «Но отчего же недостаетъ у нея чувства?» — робко въ то же время шепталъ ему внутренній голосъ:—«когда ты, напримѣръ, боленъ, она и днемъ и ночью ни на шагъ не отходитъ отъ твоей постели,она такъ заботливо ухаживаетъ за тобою...» Старикъ задумывается. У него слезы навертываются на глазахъ при воспоминаніи о томъ, что шепталъ ему внутренній голосъ. «Нѣтъ, что бы ни говорили, а у нея много чувства!» продолжаетъ смѣлѣе внутренній голосъ. Старику очень хочется повѣрить внутреннему голосу; но въ эту минуту, какъ нарочно, подвертывается сынъ и начинаетъ съ большимъ краснорѣчіемъ и убѣдительностію доказывать, *что такое чувство* и почему именно у сестры не достаетъ его. Старикъ мгновенно колеблется, слушая эти краснорѣчивыя рѣчи; онъ заглушаетъ внутренній голосъ и снова повторяетъ про себя: «Жаль мнѣ, очень жаль бѣдную Наденьку!»

Наденькѣ девятнадцать лѣтъ. Въ лицѣ ея много пріятности и много выраженія въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ. У нея есть голосокъ, и она недурно поетъ различные романсы, какъ-то: *Я видѣлъ дѣву на скалѣ. Цвѣтокъ. Сто красавицъ черноокихъ, Любила я*, и проч. Она хорошо сложена и отличается отъ всѣхъ своихъ подругъ простотою обращенія и совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ *прекрасныхъ манеръ*, которыя въ сущности не что иное, какъ жеманство и ломанье...

Все это я говорю въ настоящемъ, хотя этому прошло много лѣтъ, но я какъ будто теперь вижу передъ собою девятнадцати-лѣтнюю Наденьку въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ клѣтчатымъ шотландскимъ поясомъ, безпечную и ве-

селую, срисовывающую букетъ цвѣтовъ съ натуры, а противъ нея облокотившагося на столъ молодаго человѣка очень пріятной наружности, внимательно слѣдящаго за движеніемъ ея кисти. Она по временамъ взглядываетъ на него улыбаясь, и въ эти минуты лицо молодаго человѣка сіяетъ счастьемъ. Мнѣ всегда казалось, глядя на нихъ, что они созданы другъ для друга...

Я ѣзжалъ въ домъ Грибановыхъ раза два въ мѣсяцъ по четвергамъ. Это были ихъ дни. По четвергамъ сходились къ нимъ самые близкіе ихъ знакомые, по большей части артисты и литераторы. Невозможно передать, какое радушіе и гостепріимство царствовало въ этомъ домѣ, сколько искренности расточалось со стороны хозяина, сколько любезности со стороны хозяйки, сколько предупредительности, глубокомыслія и сладкихъ улыбокъ со стороны сына. На этихъ четвергахъ всякій этикетъ былъ изгнанъ; каждый чувствовалъ себя какъ бы дома: гости являлись запросто въ сюртукахъ, приводили съ собой своихъ знакомыхъ, не предупреждая даже объ этомъ хозяевъ, и вновь представленные не болѣе какъ черезъ полчаса ощущали, будто они вѣкъ знакомы въ домѣ... Всѣ засядутъ бывало за круглый столъ, на которомъ дымится исполинскій самоваръ, закурятъ трубки и папиросы, и пойдутъ толки объ искусствахъ и литературѣ. Кто-нибудь изъ присутствующихъ коснется поэзіи, и при этомъ знатокъ русской словесности и отчасти литераторъ, по фамиліи Пруденскій, имѣвшій въ семействѣ репутацію отличнаго декламатора, вскочитъ со стула и съ угрожающимъ жестомъ и густымъ басомъ продекламируетъ новое стихотвореніе Ивана Алексѣича, къ несказанному удовольствію его папеньки и тетеньки, и, окончивъ декламацію, съ тупою улыбкою обведетъ глазами собраніе, сядетъ, и вслѣдъ за тѣмъ посыплется градъ восклицаній: «Превосходно! чудо! какіе стихи и какъ вы декламируете!»

— Удивительно! замѣтитъ Лидія Ивановна, подкатывая глазки подъ лобъ:—а вотъ нашъ Иванъ Алексѣичъ совсѣмъ не умѣетъ читать своихъ стиховъ.

— Нечего сказать, таки не мастеръ, возразитъ Иванъ Алексѣичъ, пріятно усмѣхаясь.

— За то ужъ писать мастеръ!—прибавитъ непремѣнно Пруденскій.

— Пишетъ-то недурно, нечего сказать, недурно, промолвитъ съ самодовольствіемъ отецъ, взглянувъ на сына съ чувствомъ, и потреплетъ его по плечу.

А между тѣмъ приживалка Пелагея Петровна то и дѣло что наливаетъ стаканъ за стаканомъ, такъ-что потъ градомъ льется изъ подъ-чепца ея; паръ отъ самовара и дымъ отъ трубокъ и сигаръ гуще и гуще растилаются по комнатѣ, и въ этомъ чаду трудно уже наконецъ разбирать лица. Между чаемъ и ужиномъ Наденька сядетъ за фортепьяно, пропоетъ: «Сто красавицъ черноокихъ», а молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, станетъ сзади ея стула и дрожащей рукой начнетъ перевертывать ноты! Когда она кончитъ, Лидія Ивановна скажетъ ей бывало: «ну, довольно», кивнетъ головой и обратится къ одной изъ постоянныхъ посѣтительницъ этихъ вечеровъ, барынѣ лѣтъ подъ тридцать, одѣтой съ необыкновенной изысканностію и безпрестанно поводящей плечами и передергивающейся.

— Аменаида Александровна, душечка, спойте намъ что-нибудь... У васъ такой прелестный голосъ. Je vous prie...

— Pour rien au monde, ma chére, я не въ голосѣ, обыкновенно возразитъ на это Аменаида Александровна:— я не могу.

— Полноте, полноте, матушка, вы всегда въ голосѣ, замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ:—садитесь-ка, садитесь-ка, что тутъ много толковать...

— Я вамъ говорю, что я не могу. Comme c'est drôle!...

Тогда сынъ подойдетъ къ Аменаидѣ Александровнѣ и начнетъ упрашивать ее... Наконецъ барыня рѣшится, встанетъ, сброситъ съ себя мантилью, обнажитъ свои плечи, обдернется и подойдетъ къ фортепьяно. Здѣсь, впрочемъ, начнется опять: «ей Богу я не могу, у меня болитъ горло; я не знаю, сколько времени я не пѣла», и тому подобное... Но дѣло всегда кончится тѣмъ, что барыня затянетъ:

Цвѣтокъ засохшій, безуханный...

Или:

Коварный другъ, но сердцу милый, и проч.

И съ послѣдней ноткой обратится къ гостямъ: «Вотъ видите ли, я совсѣмъ не могу пѣть!» и коснется рукою до горла, какъ-будто желая показать, что ей тамъ мѣшаетъ что-то. — «Браво, браво!» воскликнетъ Алексѣй Аѳанасьичъ, и захлопаетъ въ ладоши, посматривая на гостей и поощряя ихъ къ тому же. Тогда раздастся громъ рукоплесканій, послѣ которыхъ Лидія Ивановна подойдетъ къ Аменаидѣ Александровнѣ, промолвитъ: «Восхитительно, ma chère!» и поцѣлуетъ ее.

Время между тѣмъ движется понемногу. Вотъ ужь и половина двѣнадцатаго.

— А что, замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ, потирая свой желудокъ и поглядывая на Лидію Ивановну: — не пора ли и закусить, что-то ѣсть смертельно захотѣлось.

— Ну что-жъ? прикажите, замѣтитъ Лидія Ивановна.

И тогда послышится гармоническій для гостей стукъ тарелокъ и ножей. На кругломъ столѣ, на которомъ за три часа передъ тѣмъ дымился чудовищный самоваръ, появится добрый кусокъ солонины, сыръ, масло, груда варенаго картофеля, а на другомъ столикѣ водка и тарелка съ солеными грибами.

— Ну-ка, господа, водочки... безъ этого нельзя, да закусите грибкомъ-то, чудные грибки! Я самъ собиралъ ихъ! воскликнетъ добродушный Алексѣй Аѳанасьичъ, наливая себѣ рюмку водки.—Садитесь, господа, садитесь... чѣмъ Богъ послалъ, не взыщите...

И всѣ размѣстятся, тѣснясь другъ къ другу, за столомъ: дамы и болѣе почетные изъ мужчинъ ближе къ тому краю, гдѣ Лидія Ивановна, а остальные около Алексѣя Аѳанасьича.

— Ахъ, какая солонина-то! непремѣнно замѣтитъ Алексѣй Аѳанасьичъ, приступая къ ея разрѣзыванію: — посмотрите, посмотрите, сокъ такъ и льетъ, а жиръ-то какой, настоящій янтарь!

— Изъ міра фантазій перейдемте-ка, господа, къ дѣйствительности, къ существенному, замѣтитъ Иванъ Алексѣичъ, глядя съ пріятностью на гостей, указывая съ жадностью на солонину и кладя себѣ на тарелку два огромныхъ куска.

И въ отвѣтъ на это домашнее остроуміе всегда бывало раздастся добродушный смѣхъ.

Всякій четвергъ повторялось тоже самое съ небольшими измѣненіями. Иногда только вдругъ, ненарокомъ появится какая-нибудь неслыханная пѣвица и прокричитъ какую-нибудь итальянскую арію, или невиданный дотолѣ сочинитель съ какою-нибудь ассирійскою драмою...

Но раза три или четыре въ годъ у Грибановыхъ бывали большія собранія въ день чьихъ-нибудь имянинъ или рожденья. Тогда зажигались лишнія лампы, гости мужскаго пола надѣвали фракъ, наѣзжало большое количество дѣвицъ и дамъ, одѣтыхъ по-бальному; также показывались два штатскихъ генерала со свѣздами и одинъ военный. Въ эти торжественные вечера, на которыхъ даже самъ хозяинъ являлся не въ туфляхъ, а въ сапогахъ, артистическія занятія отлагались въ сторону; молодежь танцовала подъ фортепьяно, а люди пожилые и чиновные и толстыя барыни въ беретахъ садились за карточные столы... Но и тутъ не обходилось безъ поэзіи. Въ какой-нибудь дальней комнатѣ, въ концѣ корридора, куда танцоры изрѣдка забѣгали затянуться, Иванъ Алексѣичъ собиралъ вокругъ себя небольшой кружокъ молодыхъ людей, не танцующихъ, самыхъ горячихъ любителей искусства, и декламировалъ имъ свои стихи. Молодые люди благоговѣйно слушали его, и если въ комнату входилъ лакей Макаръ съ подносомъ или забѣгала за чѣмъ-нибудь горничная, скрипя башмаками и дверью, молодые люди махали на нихъ обыкновенно руками, шикали, и потомъ на ключъ запирали двери, чтобы уже никто не могъ помѣшать ихъ эстетическимъ наслажденіямъ.

На этихъ вечерахъ разносили обыкновенно мороженое, конфекты, яблоки и варенья, и увеселенія оканчивались праздничнымъ ужиномъ. Ужинъ приготовлялся человѣкъ на тридцать, но гостей обыкновенно являлось человѣкъ пятьдесятъ. Добрые и гостепріимные хозяева приходили въ нѣкоторое безпокойство и все надѣялись, не уйдетъ ли авось кто либо изъ бездѣйствовавшихъ кавалеровъ до ужина, но эти кавалеры упорно держались въ своихъ позиціяхъ и на лицѣ ихъ можно было прочитать, что они

именно только и ожидаютъ ужина, что они явились единственно для ужина, что они въ тоскѣ по ужинѣ,и внутренно проклинаютъ эту нескончаемую мазурку, мучимые страшнымъ аппетитомъ.

Дѣло оканчивалось, однако, всегда благополучно, и всѣ возвращались домой, накушавшись до сыта. Этому не мало способствовала закуска передъ ужиномъ. Въ небольшой комнаткѣ, примыкавшей къ столовой, ставились, минутъ за десять до ужина, на двухъ ломберныхъ столахъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, водка и закуска, состоявшая изъ грудъ нарѣзанной икры, ветчины и сыра. Когда мазурка оканчивалась, всѣ кавалеры, подъ предводительствомъ отца и сына, съ нѣкоторою дикостію бросались обыкновенно въ эту комнату и разомъ осаждали столъ съ закуской. Натискъ бывалъ такъ силенъ, что многимъ въ эту минуту отдавливали ноги или зашибали руки, и три перемѣны этихъ грудъ икры, ветчины и сыра каждый разъ, при новомъ натискѣ, исчезали въ одно мгновеніе ока. Успокоенные такимъ образомъ, кавалеры приступали къ ужину уже съ гораздо меньшею алчностію.

Я чуть было не забылъ еще замѣчательный фактъ. Грибановыхъ нерѣдко посѣщалъ между прочими одинъ знаменитый литературный авторитетъ, которому все семейство изъявляло подобострастное уваженіе. Авторитетъ поощрялъ стихотворныя занятія Ивана Алексѣича, признавая въ немъ несомнѣнный талантъ. И въ благодарность за это авторитета сейчасъ же нарекли въ семействѣ высочайшимъ геніемъ, и горе было тому, кто осмѣливался обнаружить сомнѣніе въ томъ, что онъ ниже Шекспира или Гомера. На такого смѣльчака смотрѣли какъ на слабоумнаго, или сумасшедшаго. Если авторитетъ обѣдалъ въ семействѣ, передъ его приборомъ ставили граненый хрусталь розоваго цвѣта и большія мягкія кресла; ему подавали особыя кушанья. Когда онъ дѣлалъ видъ, что желаетъ заговорить, все смолкало, а когда послѣ обѣда онъ закрывалъ глаза, развалившись въ покойныхъ креслахъ, то мухѣ не позволялось пролетѣть мимо него: всѣ на цыпочкахъ выходили вонъ, и сынъ, махая рукой отцу, имѣвшему иногда привычку напѣвать себѣ подъ носъ: «Том-

тороромтомъ-томъ», или что-нибудь въ родѣ этого, шепталъ съ сердцемъ:

— Тсс! Папенька, Бога ради не шумите. Вѣдь Григорій Петровичъ начинаетъ засыпать.

— Ай-яй-яй! прошепчетъ, бывало, старикъ: — виноватъ, виноватъ!

И, затаивъ дыханіе, едва касаясь носкомъ своихъ туфель пола, удалится по стѣнкѣ въ свой кабинетъ.

У Лидіи Ивановны всякій разъ, когда она взглядывала на авторитетъ, захватывало дыханіе, и что̀ бы ни сказалъ онъ, хотя бы просто: «какая сегодня скверная погода!» или что-нибудь подобное, члены семейства значительно переглядывались между собою, какъ бы желая сказать этимъ взглядомъ: «У! какъ глубоко!»

Такъ, впрочемъ, всегда въ жизни: стоитъ только разъ пріобрѣсти себѣ репутацію геніальнаго, необыкновенно умнаго, ученаго или остроумнаго господина, и потомъ смѣло, хоть цѣлый вѣкъ говорить дичь, — всѣ будутъ слушать эту дичь, разиня ротъ, подозрѣвая, что подъ нею кроется что-нибудь необыкновенно глубокое. Въ одномъ домѣ, очень средней руки, какой-то тупоумный шутъ прослылъ почему-то за остроумнѣйшаго господина, и я самъ былъ однажды свидѣтелемъ, какъ онъ, вбѣгая въ гостиную, закричалъ хозяйкѣ дома: «холодновато, холодновато, чайку бы, сударыня, чайку бы выпить», и все общество, къ моему величайшему изумленію, такъ и покатилось отъ смѣха, а хозяинъ дома, ухвативъ себя за бока, закричалъ ему: «полно, братецъ, полно! Бога ради не смѣши!», и продолжалъ заливаться самымъ искреннимъ, самымъ непринужденнымъ смѣхомъ.

Надъ подобострастнымъ уваженіемъ семейства Грибановыхъ передъ авторитетомъ многіе подтрунивали, но мнѣ всегда казалось, что авторитетъ, допускавшій съ собою такое обращеніе, былъ гораздо смѣшнѣе самого семейства.

Грибановыхъ нельзя было не любить. Ихъ добродушіе и гостепріимство дѣйствовали на всѣхъ обаятельно. Бывало, часто становится смѣшно, глядя на нихъ, но въ ту же минуту внутренно говоришь себѣ: «Однако, все-таки какіе добрые и славные люди!»

Это былъ общій голосъ.

— Елейное семейство! прибавлялъ обыкновенно Пруденскій, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей Грибановыхъ, отличавшійся особенною ловкостью и смѣлостью при осадахъ на закуски въ имянинные дни.

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЕЛИКОСВѢТСКІЕ ХЛЫЩИ ПУСКАЮТЪ ПЫЛЬ ВЪ ГЛАЗА ПЕРЕДЪ ЛЮДЬМИ ПРОСТЫМИ, И КАКЪ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ РОБѢЮТЪ И ДѢЛАЮТСЯ НЕЛОВКИМИ ПЕРЕДЪ ВЕЛИКОСВѢТСКИМИ ХЛЫЩАМИ.

Вечеромъ въ одинъ изъ четверговъ я проѣзжалъ мимо квартиры Грибановыхъ и замѣтилъ въ ихъ окнахъ необыкновенное освѣщеніе. «Что́ бы это могло значить?— подумалъ я:—сегодня, кажется, нѣтъ ни имянинъ, ни рожденья». Эти огни подстрекнули мое любопытство, и я велѣлъ кучеру остановиться у подъѣзда. Вхожу на лѣстницу—лѣстница освѣщена двумя стеариновыми свѣчами въ фонаряхъ; это озадачило меня еще болѣе, потому что даже въ торжественные дни рожденья и имянинъ въ этихъ фонаряхъ обыкновенно горѣли сальныя свѣчи. Звоню съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Двери отворяются тотчасъ, что также случалось весьма рѣдко. Въ передней поражаетъ меня лампа, вмѣсто свѣчки, и сильное благовоніе отъ герковскихъ бумажекъ. «Эге! да тутъ въ самомъ дѣлѣ совершается что-нибудь необыкновенное»—подумалъ я. Удивленіе и любопытство мое возрастали съ каждымъ шагомъ впередъ. Въ залѣ, вмѣсто одной, зажжено было четыре лампы; въ гостиной сіялъ карсель, зажигавшійся разъ въ годъ и служившій болѣе для украшенія, нежели для освѣщенія комнаты; въ будуарѣ теплились всѣ фонарики, разливая красноватый и непріятный полусвѣтъ, и во всѣхъ комнатахъ было такъ накурено духами, что дѣлалась даже небольшая тошнота и головокруженіе. Лидія Ивановна была вся усыпана цвѣточками, бантиками и

букольками; цвѣтъ лица ея былъ необыкновенно ярокъ; дочка была одѣта также по праздничному; сынъ все улыбался и ходилъ, потирая себѣ руки; но что всего удивительнѣе—на хозяинѣ дома были сапоги; волосы его, постоянно растрепанные, были приглажены, новый атласный галстухъ подпиралъ его подбородокъ. Онъ видимо чувствовалъ какое-то безпокойство и неловкость, два раза хотѣлъ закурить сигару и, поднося къ свѣчкѣ, бросалъ ее и морщился.

— Да что съ вами, Алексѣй Аѳанасьичъ? спросилъ я его, осматриваясь кругомъ и не замѣчая въ числѣ гостей никакой особенности, ни даже авторитета:—вы какъ будто ждете, что ли, кого-нибудь? У васъ что-то сегодня необыкновенное....

— Ужь не говорите! возразилъ онъ, махнувъ рукой и улыбнувшись:—я не знаю собственно, для чего все это (онъ указалъ головою на лампы), и меня заставили прифрантиться, какъ видите. Къ намъ хотѣлъ сегодня пріѣхать баронъ Щелкаловъ.... вы, я думаю, слыхали про него? Ну, прекрасно.... да чтожь онъ за такая важная птица, чтобы для него и сапоги натягивать и галстухъ новый надѣвать, да и сигары наконецъ не кури! Что мнѣ за дѣло тамъ, что онъ принадлежитъ къ высшему кругу, вѣдь не я къ нему лѣзу, а онъ ко мнѣ, слѣдовательно онъ долженъ соображаться съ моими привычками... Ну, да женщины, знаете, онѣ на это смотрятъ иначе... А мы съ вами все-таки сигарочку выкуримъ.... я васъ угощу отличной сигарочкой, по случаю досталъ, пойдемте-ка ко мнѣ.

Мы хотѣли уже идти, какъ вдругъ раздался голосъ Лидіи Ивановны.

— Куда это, Алексѣй Аѳанасьичъ, полноте, останьтесь, послѣ накуритесь сколько угодно. Баронъ скоро пріѣдетъ, вѣдь вы хозяинъ дома.... кто же его встрѣтитъ?

Въ мягкомъ голосѣ, съ которымъ произнесены были эти слова, звучала, однако, какая-то пискливая и раздражительная нота. Алексѣй Аѳанасьичъ едва замѣтно поморщился, но вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же пріятно улыбнулся взглянувъ на Лидію Ивановну, и произнесъ:

— Ну, извольте, матушка, извольте. Быть по вашему, никуда не уйду отсюда.

И потомъ, обратясь ко мнѣ, замѣтилъ шопотомъ:

— Дѣлать нечего... будемъ сидѣть у моря и ждать погоды.

Начался общій разговоръ, но онъ какъ-то не клеился. Лидія Ивановна и Иванъ Алексѣичъ слушали разсѣянно, безпрестанно посматривая на часы. Лидія Ивановна нѣсколько даже вздрагивала при звонкѣ, и когда въ комнату входилъ обыкновенный четверговый гость, она съ равнодушіемъ кивала ему головой, протягивала руку и говорила: «А-а-а! Это вы? Здравствуйте».

Стѣсненіе и неловкость сообщились отъ хозяевъ къ гостямъ, которымъ къ тому же хотѣлось ужасно курнуть, и въ душахъ многихъ изъ нихъ, постоянно воспѣвавшихъ Лидіи Ивановнѣ гимны и мадригалы, зашевелились въ эту минуту на ея счетъ ядовитыя эпиграммы, а самолюбіе еще подстрекало къ этимъ эпиграммамъ, нашептывая: «да чѣмъ же вы хуже г. Щелкалова? Отчего же для г. Щелкалова вы должны себя подвергать стѣсненіямъ и лишеніямъ? Вамъ-то что за дѣло до него?... Пусть Лидія Ивановна, если угодно, ходитъ передъ нимъ хоть на четвереньках, да не стѣсняетъ для него васъ...» и тому подобное.

Пруденскій, наклоняясь къ своему сосѣду и поправляя глубокомысленно золотые очки, шепнулъ ему съ выраженіемъ глубочайшей ироніи:

— Что же этотъ достолюбезный гость заставляетъ такъ долго ждать себя! И зачѣмъ насъ не предупредили. Мы ужъ облеклись бы въ мундиры и съ треуголками пошли бы къ нему во срѣтеніе.

Внутренній ропотъ и неудовольствіе противъ хозяевъ накипали въ груди гостей съ каждой минутой, а къ барону Щелкалову они начинали чувствовать просто непріязненное расположеніе и ожидали его, какъ врага.

Уже было половина десятаго, но никакихъ признаковъ приготовленій къ чаю. Пелагея Петровна, въ чепцѣ съ голубыми бантами, повременамъ появлялась на минуту въ залу взглянуть на часы, и потомъ снова исчезала.

Одинъ изъ гостей поймалъ прижиналку:

— Послушайте, Пелагея Петровна, сказалъ онъ: — ужасно пить хочется. Что у васъ будетъ нынче чай, или нѣтъ?

— Ужъ не говорите! отвѣчала Пелагея Петровна: — помилуйте, два часа все приготовлено. Самоваръ ужъ давно кипитъ, да вотъ вишь ждутъ этого князя, что-ли, какого. Слыхано ли въ самомъ дѣлѣ, до десятаго часа эдакъ маяться безъ чаю!

— Да гдѣ же приготовлено, возразилъ гость:—еще и круглый столъ не поставленъ.

— Нынче у насъ все вѣдь по модѣ, такъ, какъ въ знатныхъ домахъ, замѣтила не безъ иронiи Пелагея Петровна:—чай будутъ разносить на подносѣ, а я разливаю въ задней комнатѣ.

Пелагея Петровна полагала, что въ знатныхъ домахъ наливаютъ всегда чай въ заднихъ комнатахъ.

Прошло еще четверть часа мучительныхъ для хозяевъ ожиданiй. Вдругъ въ исходѣ десятаго часа, въ ту минуту, какъ Лидiя Ивановна смотрѣла на часы, стоявшiе на каминѣ, раздался изъ передней рѣзкiй звонокъ. Она быстро взглянула въ зеркало, поправила свои пукольки, прищурила нѣсколько глаза и, обратившись къ Алексѣю Аѳанасьичу, сдѣлала ему головой значительный знакъ, указывая на переднюю.

Старикъ пошелъ на встрѣчу новоприбывшему.

Пруденскiй, глубокомысленно поправляя золотые очки, и другiе гости, въ томъ числѣ и я, съ любопытствомъ обратились къ двери, которая вела изъ залы въ переднюю.

Въ этихъ дверяхъ сначала показался господинъ лѣтъ за сорокъ, одѣтый щегольски, съ большими туго накрахмаленными воротничками и съ развязными манерами, — литературный диллетантъ, по фамилiи Веретенниковъ, изрѣдка появлявшiйся по четвергамъ и болѣе или менѣе уже знакомый всѣмъ намъ.

Онъ принадлежалъ къ тому петербургскому кружку, который немного повыше средняго и очень пониже высшаго. Двоюродная сестра этого господина была замужемъ за какимъ-то княземъ, двоюроднымъ братомъ одного зна-

чительнаго лица. Это было извѣстно всѣмъ, кому хоть сколько нибудь былъ извѣстенъ Веретенниковъ, безпрестанно употреблявшій въ разговорѣ такія фразы: *ma cousine princesse N**, мой зять князь *N**, графъ *C**—двоюродный братъ моего зятя князя *N**, и такъ далѣе.

Желая чѣмъ-нибудь обратить на себя особенное вниманіе своего кружка, Веретенниковъ пустился въ литературу, написалъ небольшой разсказъ изъ свѣтской жизни и прочелъ его въ одномъ салонѣ средней руки. Разсказъ былъ найденъ дамами прелестнымъ, и онѣ въ особенности были поражены тѣмъ, что на русскомъ языкѣ можно дѣлать недурные каламбуры: у Веретенникова было нѣсколько довольно удачныхъ. Разсказъ этотъ появился впослѣдствіи въ какомъ-то журналѣ, послѣ чего Веретенниковъ уже вообразилъ, что русская литература безъ него обойтись никакъ не можетъ, и что деньги такъ и посыплются къ нему. Ободренный этой фантазіей, онъ началъ замышлять романъ, приступилъ къ дѣлу и черезъ нѣсколько времени явился съ началомъ романа къ журналисту, съ тѣмъ чтобы запродать свое произведеніе за какую-то баснословную сумму, замѣтивъ впрочемъ, что эта сумма назначается имъ въ помощь одному бѣдному семейству, а что самъ онъ вовсе не нуждается въ деньгахъ, что ему нѣтъ необходимости жить собственными трудами, и проч. Начало оказалось впрочемъ такъ плохо, что его и даромъ напечатать не было никакой возможности. Съ этихъ поръ диллетантъ нѣсколько охладѣлъ къ литературѣ, не писалъ ничего болѣе, а на вопросы своихъ пріятелей: «Чтожъ, братецъ, твой романъ-то? скоро ли онъ будетъ печататься?» — отвѣчалъ обыкновенно: «Я право не знаю, мнѣ не хочется связываться съ этими журналистами.... я напечатаю его отдѣльно..... у нихъ тамъ свои какія-то партіи..... я хочу какъ можно подальше держать себя отъ этого міра. Вѣдь не литераторомъ же сдѣлаться мнѣ въ самомъ дѣлѣ!...»

Знакомство его съ Грибановыми совпадаетъ съ эпохою печатанія его знаменитаго разсказа. Много лѣтъ прошло послѣ того; всѣ, разумѣется, давно забыли о его существованіи, а Веретенниковъ до сей минуты еще повторяетъ при всякомъ случаѣ: въ моей повѣсти, моя повѣсть, и пр.

Литераторы не любятъ Веретенникова, потому что передъ ними онъ корчитъ свѣтскаго человѣка и все толкуетъ о своихъ пріятеляхъ князьяхъ, графахъ и баронахъ; а свѣтская молодежь смѣется надъ нимъ, потому что въ кругу ея онъ корчитъ литератора.

— Имѣю честь представить.... Баронъ Щелкаловъ! сказалъ Веретенниковъ хозяину дома, указавъ на господина, слѣдовавшаго за нимъ, поправивъ свои воротнички и выставивъ одну ножку въ лакированномъ сапогѣ впередъ.

Щелкалову казалось лѣтъ подъ тридцать. Онъ былъ высокаго роста и недуренъ собой: черные и волнистые густые волосы, черные довольно выразительные глаза, небольшой, немного приподнятый кверху носъ и въ глазу стеклышко, съ которымъ онъ какъ будто бы родился. Одѣтъ онъ былъ съ тою щегольскою небрежностью, къ которой тщетно стремятся нѣкоторые франты всю жизнь и такъ и умираютъ, не достигая ея; сложенъ былъ очень недурно, но держался странно, какъ будто бы всѣ члены его ослабли, завяли или развинтились: голова, казалось, едва держалась на плечахъ, руки болтались, опущенныя, спина была нѣсколько сгорблена. Съ перваго раза можно, пожалуй, было принять его за больнаго, но стоило только попристальнѣе взглянуть на него, чтобы совершенно разубѣдиться въ этомъ. Смуглое лицо его выражало, напротивъ, цвѣтущее здоровье и несомнѣнную силу. Человѣкъ простой призадумался бы при этомъ странномъ явленіи, а для человѣка свѣтскаго оно не казалось нисколько страннымъ и объяснялось очень легко и просто довольно страннымъ словомъ—*шикъ* (du chic). Въ самомъ дѣлѣ, эта слабость, завялость или развинченность, какъ хотите, была—*шикъ*.

Веретенниковъ сіялъ отъ удовольствія, представляя барона Щелкалова. Въ глубинѣ своей онъ благоговѣлъ передъ Щелкаловымъ и смотрѣлъ на него какъ низшій на высшаго, потому что Щелкаловъ посѣщалъ такіе дома, которые были недосягаемы для Веретенникова, и говорилъ свободно, зѣвая, заложивъ пальцы за жилетъ, съ такими дамами, при одной мысли о которыхъ у Веретен-

никова захватывало дыханіе; но свое благоговѣніе, свою внутреннюю подчиненность передъ Щелкаловымъ онъ скрывалъ усильно: смертельно боялся, чтобы какой нибудь наблюдательный глазъ не подмѣтилъ ее, и поэтому обращался съ нимъ неестественно фамильярно.

Хозяинъ дома крѣпко пожалъ руку Веретенникова и протянулъ ее къ барону, не безъ чувства. Баронъ слегка и разсѣянно пожалъ ее и началъ смотрѣть на стѣны въ свое стеклышко.

— Милости просимъ, пожалуйте въ гостиную, говорилъ старикъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ: — сдѣлайте одолженіе.

— Что это? спросилъ Щелкаловъ, не слушая приглашеній старика и остановя свое стеклышко на картинѣ, изображавшей какую-то дѣтскую головку. — Копія съ Грёза что ли?

— Съ Грёза, воскликнулъ обрадованный старикъ. — Вѣдь прекрасная вещь, не правда ли?

Онъ растрогался и началъ смотрѣть на картину слезящими глазами.

— Недурная копія, продолжалъ Щелкаловъ съ видомъ знатока, закладывая руку за жилетъ и слегка искрививъ въ сторону нижнюю губу, какъ бы желая зѣвнуть.—Вы охотникъ что-ли до картинъ?... Заходите когда нибудь ко мнѣ. У меня есть настоящій Грёзъ... Ты знаешь, Веретенниковъ, князь Чамбаровъ мнѣ давалъ за женскую головку три тысячи рублей, но я ее не отдамъ и за десять.

Лидія Ивановна, выглядывавшая изъ дверей гостиной, слѣдила съ любопытствомъ за движеніями гостя и прислушивалась къ его рѣчамъ, стараясь, впрочемъ, скрыть это отъ другихъ гостей и казаться совершенно равнодушною.

— У моего пріятеля есть настоящій портретъ Грёза, писанный имъ самимъ.... Удивительный портретъ.... Ты знаешь, Веретенниковъ — у Левушки?

Проговоривъ это, какъ будто бы кто нибудь заставлялъ говорить его насильно, Щелкаловъ, лѣниво волоча ноги, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился въ самыхъ дверяхъ гостиной.

Веретенниковъ юркнулъ впередъ и представилъ его Лидіи Ивановнѣ.

Щелкаловъ, не выпуская изъ глазъ стеклышка, слегка наклонилъ голову въ отвѣтъ на ея французское привѣтствіе.

— Вотъ, баронъ, моя дочь, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ:—а вотъ и сынъ, вы съ нимъ, кажется, ужъ знакомы; милости прошу садиться; и старикъ подставилъ ему кресла.—Теперь пора бы и чайку, продолжалъ онъ, взглянувъ на Лидію Ивановну.

Лидія Ивановна бросила косвенный взглядъ на Алексѣя Аѳанасьича и чуть-чуть пожала плечами, какъ бы желая сказать этимъ: «да когда же вы будете умѣть себя вести при чужихъ, какъ слѣдуетъ?»

Между тѣмъ Щелкаловъ протянулъ руку сыну и заговорилъ, не обращаясь, впрочемъ, ни къ кому и все посматривая на потолокъ въ свое стеклышко, хотя потолокъ не представлялъ ничего особеннаго.

— Какъ же, мы старые знакомые.... Ну что, батюшка, не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?... У васъ славный стихъ!

Стеклышко барона съ потолка перешло на хозяевъ и потомъ на гостей... Онъ началъ всѣхъ насъ разсматривать съ такою беззастѣнчивостью, съ какою обыкновенно разсматриваютъ неодушевленные предметы. Въ это время Веретенниковъ заливался, какъ соловей: разсказывалъ анекдоты, цитировалъ извѣстныя рукошеныя эпиграммы и вообще блисталъ любезностью. Зашла между прочимъ рѣчь о странностяхъ покойнаго Крылова. Лидія Ивановна ловко этимъ воспользовалась, обратилась къ барону съ пріятнѣйшею улыбкою и сказала по-французски:

— Я слышала, баронъ, что вы также занимаетесь поэзіей?

— Да, такъ иногда, отъ нечего дѣлать, отвѣчалъ баронъ по-русски.—У меня есть маленькая способность писать стихи... вашъ сынъ находитъ тоже.

Щелкаловъ писалъ стихи въ альбомы разнымъ дамамъ и былъ, говорятъ, совершенно убѣжденъ, что ему стоило только небольшаго усилія, маленькаго труда для того, что-

бы стать на ряду съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Этимъ отчасти объяснялось его внезапное появленіе въ литературномъ и артистическомъ семействѣ Грибановыхъ.

— Я надѣюсь, баронъ, что вы будете такъ добры, прочтете намъ что-нибудь, продолжала Лидія Ивановна, заигравъ глазами, какъ во время оно, и устремляя ихъ на Щелкалова.

— Пожалуй, произнесъ небрежно Щелкаловъ; не смотря на нее и закинувъ голову назадъ, продолжалъ, какъ будто про себя: —У меня много стиховъ... что́ бы вамъ прочесть?... постойте... постойте....

— Прочти, братецъ, возразилъ Веретенниковъ:—послѣдніе твои стихи въ альбомѣ графини Воротынцевой... c'est charmant! charmant!

— Да, какъ бишь они начинаются?.. У меня такая плохая память...

Я вамъ скажу, я вамъ скажу...

— О, нѣтъ, не такъ, перебилъ Веретенниковъ:—ты врешь.

„Сказать, графиня, что вы милы....

— Ахъ, да, да, да!

Сказать, графиня, что вы милы,
Что вами *нашъ* гордится кругъ;
Что вы какъ солнце; что свѣтилы
Всѣ остальныя меркнутъ вдругъ,
Поглощены огнемъ и свѣтомъ
Чудесной вашей красоты,
Что ароматомъ вы и цвѣтомъ
Затмили лучшіе цвѣты, —
Цвѣтокъ роскошный и прелестный!
Но это всѣмъ давно извѣстно.
Нѣтъ! лучше это позабыть
И съ безмятежностію чинной
Любовью кроткой и невинной,
Любовью братской васъ любить!

Продекламировавъ эти стихи съ сильными удареніями и съ нѣкоторою торжественностію, Щелкаловъ обвелъ взоромъ все собраніе съ такимъ самодовольствіемъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Вѣдь вотъ вы здѣсь вѣрно все литераторы, ну, а попробуйте написать такъ!»

— Ахъ, какъ это граціозно! воскликнула Лидія Ивановна, обращаясь ко всѣмъ намъ.

Иванъ Алексѣичъ смотрѣлъ въ глаза Щелкалову во время декламаціи съ большою пріятностью, покачивая въ тактъ головою, что не помѣшало ему однакоже замѣтить сосѣду шопотомъ:

— Пошлые стишонки.... И вѣдь вотъ чѣмъ забавны эти господа: напишутъ какой-нибудь мадригальчикъ, думаютъ, что сдѣлали дѣло, и счастливы.

Всѣ мы, за исключеніемъ Веретенникова и дамъ, присутствовавшихъ тутъ, раздѣляли, кажется, о стихахъ Щелкалова мнѣніе, сообщенное на ушко Иваномъ Алексѣичемъ. Всѣ мы съ нѣкоторымъ внутреннимъ негодованіемъ и отчасти даже со злобою, смотря на него, думали: «Вотъ пустѣйшій-то господинъ!» но если Щелкаловъ обращался во время разговора къ кому нибудь изъ насъ, онъ встрѣчалъ и привѣтливый отвѣтъ, и привлекательную улыбку.... Признаться, мы нѣсколько завидовали его смѣлости. Мы, которые были чуть не съ дѣтства знакомы въ домѣ, чувствовали себя несовсѣмъ свободными съ Надеждой Алексѣевной и даже иногда не находили предмета для разговора съ нею: а онъ, въ первый разъ въ жизни видѣвшій ее, уже сидѣлъ возлѣ нея, наклонясь къ самому ея плечу, принявъ живописно небрежную позу, и такъ свободно разговаривалъ, какъ будто бы вѣкъ былъ знакомъ съ нею, такъ смѣло и дерзко глядѣлъ на нее, что бѣдная дѣвушка должна была даже вспыхивать и потуплять глаза.

— У васъ, говорятъ, очень пріятный голосъ. Правда это? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, отвѣчала Наденька:—я пою дурно.

— О! Будто?... Ну спойте что-нибудь: я вамъ скажу правду.

— Ни за что.

— Вы капризничаете. А вотъ я пожалуюсь на васъ папенькѣ, или тетенькѣ... Это ваша тетенька?... Что! вы, я думаю, боитесь ее?... Хотите, я буду вамъ аккомпанировать?

И Щелкаловъ подошелъ къ роялю, взялъ нѣсколько аккордовъ, самъ что-то такое промурлыкалъ и между тѣмъ смотрѣлъ на Наденьку, какъ бы вызывая ее.

Лидія Ивановна начала упрашивать барона, чтобы онъ спѣлъ, говоря, что она очень много наслышана объ его удивительномъ голосѣ; Алексѣй Аѳанасьичъ присоединилъ къ этому свою просьбу.

— Пожалуй, но съ условіемъ, возразилъ Щелкаловъ, обратясь къ старику:—чтобы потомъ намъ спѣла что-нибудь ваша дочь... Иначе я не пою.

— Слышишь, Наденька? сказалъ старикъ, обращаясь къ ней съ улыбкою...

— Я надѣюсь, Nadine, что ты исполнишь просьбу барона? прибавила Лидія Ивановна.

Наденька была въ замѣшательствѣ и молчала.

— Она будетъ пѣть, я вамъ даю за нее слово, произнесла Лидія Ивановна.

— Ну, въ такомъ случаѣ, хорошо... Видите ли, я не такъ капризенъ, какъ вы, прибавилъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ, и пробѣжавъ руками по клавишамъ, запѣлъ:

Я вспылъ душу на скалы...

У Щелкалова былъ не столько пріятный, сколько сильный голосъ, и пропѣлъ онъ не безъ эффекта.

Какъ водится, раздался громъ рукоплесканій, когда онъ кончилъ, и даже Пруденскій, все время искоса смотрѣвшій на него въ свои очки, воскликнулъ: «Превосходно!» и замѣтилъ мнѣ шопотомъ: «Хотя пустой человѣкъ, но несомнѣнно обладающій свѣтскими талантами....», и при этомъ глубокомысленно поправилъ свои золотые очки.

Наденька пропѣла какой-то романсикъ дрожащимъ голосомъ. Щелкаловъ перевертывалъ ноты и говорилъ ей вполголоса одобрительнымъ тономъ: «Bravo! Bravo! Charmant!... только посмѣлѣе!» А молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, стоялъ какъ убитый, прислонившись къ печкѣ, и отъ времени до времени бросалъ сердитые взгляды на Щелкалова. Другой романсъ Наденька спѣла уже гораздо лучше. Щелкаловъ торжественно объявилъ, что у нея голосъ превосходный, чистѣйшій *soprano*, и что ему не достаетъ только методы и обработки... Въ заключеніе онъ спѣлъ съ ней дуэтъ, не помню, изъ какой-то италь-

янской оперы и сказалъ, пристально взглянувъ на нее въ свое стеклышко, взявъ ея руку и крѣпко пожавъ ее:

— Право недурно!... Учитесь, продолжалъ Щелкаловъ:—у васъ отличныя музыкальныя способности. Хотите взять меня въ учители? прибавилъ онъ, улыбаясь и ни мало не обращая вниманія на ея замѣшательство.

Лидія Ивановна была въ восторгѣ отъ барона: онъ былъ героемъ этого вечера: Веретениковъ— его наперстникомъ, а всѣ мы остальные—статистами.

Этотъ вечеръ живо врѣзался мнѣ въ память со всѣми мелкими подробностями. У меня какъ теперь передъ глазами Макаръ, единственный лакей Грибановыхъ,—рослый, неуклюжій, нечистый, всегда ходившій въ длинномъ сюртукѣ и съ голыми руками,—вдругъ появившійся во фракѣ, въ нитяныхъ перчаткахъ, съ серебрянымъ подносомъ и съ особенною торжественностью на лицѣ, прямо направлявшій шаги свои мимо дамъ къ Щелкалову, и невиданный до тѣхъ поръ въ домѣ казачекъ также въ нитяныхъ огромнѣйшихъ перчаткахъ, слѣдовавшій за Макаромъ съ другимъ подносомъ, усыпаннымъ различными хитрыми сухариками, крендельками и печеньями. Я никогда не забуду удивленія Макара, когда Щелкаловъ отказался отъ чая, и его вопросительныхъ взглядовъ, переходившихъ отъ барона къ Лидіи Ивановнѣ и обратно: трехъ безмолвныхъ барышень, сидѣвшихъ рядомъ и какъ двѣ капли воды похожихъ одна на другую, переглядывавшихся между собою при каждомъ словѣ и движеніи Щелкалова, и четвертую, постарше первыхъ трехъ, пребойкую особу съ двойнымъ золотымъ лорнетомъ на цѣпочкѣ, съ взбитыми спереди и закинутыми назадъ волосами, которая послѣ *Дѣвы на скалѣ*, пропѣтой Щелкаловымъ, шепнула первымъ тремъ такъ, что я могъ ясно слышать: «Ахъ, mesdames, просто чудо, душка!...»

Щелкаловъ, разлегшись въ креслахъ, началъ что-то разсказывать, и всѣ слушали его, затаивъ дыханіе: потомъ онъ всталъ, разсѣянно подошелъ опять къ роялю, заигралъ польку и вдругъ остановился, не кончивъ ея; сталъ посреди залы, осмотрѣлъ барышень въ свое стеклышко съ ногъ до головы, и обращаясь къ Лидіи Ивановнѣ, сказалъ:

— А что изъ нихъ кто-нибудь полькируетъ?

Всѣ мы были поражены этимъ страннымъ вопросомъ, особенно тономъ, съ которымъ онъ былъ предложенъ, а Пруденскій, поправивъ свои очки, замѣтилъ:

— Это уже, кажется, переходитъ за ту черту, которая раздѣляетъ свѣтскость отъ наглости.... И при этомъ прибавилъ съ ироническою улыбкою:—Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ.

Даже восхищенныя Щелкаловымъ барышни, повидимому, нѣсколько оскорбились этимъ вопросомъ, и бойкая барышня, съ двойнымъ лорнетомъ, ловко играя имъ, замѣтила по-французски, нѣсколько прищуривъ глаза и не обращаясь къ барону:

— Да чтожъ за новость танцовать польку? (Хотя полька, надобно замѣтить, была точно въ то время еще новостью).

— А вы танцуете? спросилъ Щелкаловъ, обратясь къ ней.

Барышня засмѣялась громко и не безъ аффектаціи обвела взоромъ все собраніе, какъ бы желая обратить вниманіе на свою смѣлость, и сказала очень рѣзкимъ тономъ:

— Ну да. Что же изъ этого?

— Ничего особеннаго, возразилъ Щелкаловъ:—кромѣ того, что въ такомъ случаѣ я желалъ бы сдѣлать съ вами одинъ туръ.

И онъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, обвилъ одною рукою станъ барышни и, повернувъ голову назадъ, спросилъ:

— Ктожъ будетъ играть?

— Nadine, сыграй ты! воскликнула Лидія Ивановна.

Наденька сѣла за рояль. Всѣ отодвинули свои стулья къ стѣнѣ. Раздались звуки польки, и Щелкаловъ, не выбрасывая изъ глаза стеклышка, началъ извиваться по комнатѣ со своею дамою. Это продолжалось довольно долго, потомъ онъ нѣсколько разъ перевернулъ ее и почти бросилъ на стулъ.

— Съ вами полькировать очень ловко, сказалъ онъ:— послѣ графини Высоцкой вы полькируете лучше всѣхъ, съ кѣмъ я танцовалъ.

Бойкая барышня замерла отъ восторга при этомъ замѣчаніи. Она подошла къ своимъ безмолвнымъ и робкимъ

подругамъ и что-то шепнула имъ, закативъ зрачки подъ лобъ отъ умиленія, и потомъ нахмурила брови, и съ презрительною гримасой кивнула головой въ нашу сторону.

Я угадалъ этотъ шопотъ.

Барышня шептала:

«Отъ него (т.-е. отъ барона) можно съ ума сойти, это ужъ не то, что ваши неуклюжіе-то ученые (т.-е. мы)».

Часу въ первомъ въ исходѣ, въ то время, когда уже въ залѣ накрывали на столъ и Пелагея Петровна бѣгала впопыхахъ за кулисами, бранясь съ Макаромъ и подирая за уши казачка, Щелкаловъ взялся было за шляпу. У Лидіи Ивановны выступилъ холодный потъ ужаса.

— Баронъ, что это вы? куда вы? воскликнула она.— Сейчасъ подадутъ ужинъ... Не угодно ли вамъ будетъ чего-нибудь закусить, такъ, запросто, по-домашнему?

— Я никогда не ужинаю, отвѣчалъ баронъ: — и къ тому же, что-то нехорошо себя чувствую... да и пора уже.

Баронъ взглянулъ на часы и зѣвнулъ.

— Я прошу васъ, останьтесь, баронъ, продолжала Лидія Ивановна: —можетъ быть, вамъ придетъ аппетитъ, и вы чего нибудь скушаете. Мг. Веретенниковъ, я васъ ни за что не пущу.

И Лидія Ивановна съ любезностью отняла у него шляпу.

— Попросите барона, чтобы онъ остался, прибавила она самымъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

— Послушай, сказалъ Веретенниковъ барону, отведя его нѣсколько въ сторону:—въ самомъ дѣлѣ останься, неловко... Они вѣдь для тебя, я думаю, состряпали неслыханный ужинъ, раззорились!.... Ты, если не хочешь ѣсть, то хоть посмотри на него. Все же имъ будетъ легче. Зачѣмъ этихъ бѣдныхъ людей приводить въ отчаяніе?... Останься...

— Ты думаешь? возразилъ Щелкаловъ, зѣвая:—пожалуй.

И онъ бросилъ свою шляпу, къ несказанному удовольствію Лидіи Ивановны.

— А знаете, произнесъ Пруденскій, обращаясь къ сидѣвшимъ возлѣ него, въ томъ числѣ и ко мнѣ, и понюхивая табакъ съ разстановкой и глубокомысленно, потому

что Пруденскій дѣлалъ все, даже и нюхалъ табакъ, глубокомысленно:—знаете, что нѣтъ худа безъ добра. Пословицы всегда вѣрны, это практическіе выводы народной жизни. Если бы здѣсь не было сегодня этого ловкаго свѣтскаго фата, мы не имѣли бы такого ужина, который насъ ожидаетъ. Я предвижу, что это будетъ нѣчто въ родѣ фестеня.

Ужинъ былъ дѣйствительно необыкновенный: четыре блюда подъ различными, весьма хитрыми украшеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя представляли видъ бастіоновъ, а другія походили на готическія башни; нога ветчины была завернута въ султанъ, искусно вырѣзанный изъ цвѣтной бумаги, а желе было иллюминовано стеариновымъ огаркомъ, вставленнымъ внутрь его дрожащихъ стѣнокъ. Поваръ обнаружилъ, если не поварской, то по крайней мѣрѣ архитектурный талантъ. Первое почетное мѣсто по правую руку отъ Лидіи Ивановны приготовлено было для барона. Лидія Ивановна указала ему рукой на это мѣсто, приглашая его сѣсть; но онъ искусно отдѣлался отъ этого, посадивъ вмѣсто себя Веретенникова, а самъ сѣлъ между Наденькой и смѣлой барышней съ двойнымъ лорнетомъ. Онъ не ѣлъ почти ничего и даже не снималъ салфетки съ своего прибора, къ великому огорченію Лидіи Ивановны, которая безпрестанно обращалась къ нему.

— Отвѣдайте этого, баронъ... Вотъ это блюдо самое легкое... выкушайте вотъ этого вина... и прочее.

Но баронъ не слушалъ этихъ любезныхъ приглашеній: онъ что-то такое нашептывалъ въ это время своимъ сосѣдкамъ, изъ которыхъ одна все краснѣла, а другая все фыркала отъ смѣха. Несмотря на это, Лидія Ивановна безпрестанно мигала Алексѣю Аѳанасьичу, чтобы тотъ наливалъ вино барону. Всѣ рюмки и стаканы, стоявшіе передъ Щелкаловымъ, уже были полны, и Алексѣй Аѳанасьичъ принужденъ былъ наливать ему въ стаканы барышень.

— Что это за батарея? вдругъ воскликнулъ Щелкаловъ, улыбаясь и взглянувъ въ свое стеклышко на стоявшіе передъ нимъ стаканы и рюмки, наполненные разноцвѣтнымъ виномъ:—Это все мнѣ?... Вы полагаете, что я все это выпью?

— Отвѣдайте вотъ хоть красненькаго, отличный лафитецъ, отвѣчалъ добродушно Алексѣй Аѳанасьичъ:—тончайшее винцо!

И какъ бы соблазняя барона, старикъ отпилъ изъ своего стакана, чмокая губами

Щелкаловъ поднесъ свой стаканъ ко рту и только помочилъ губы... Зато Пруденскій, не угощаемый никѣмъ особенно, ѣлъ и пилъ съ величайшимъ аппетитомъ, придерживаясь изъ винъ въ особенности мадеры.

«Это вино здоровое, укрѣпляющее, полезное для желудка,—замѣчалъ онъ—способствующее пищеваренію», хотя укрѣплять Пруденскаго и способствовать пищеваренію его желудка было совершенно излишне, потому что этотъ желудокъ могъ переварить камни.

Къ концу ужина Лидія Ивановна значительно взглянула на Макара; Макаръ утвердительно кивнулъ ей головой въ отвѣтъ и явился черезъ минуту съ бутылкой, обернутой въ салфетку. Ему былонастрого приказано отъ Лидіи Ивановны откупорить бутылку безъ шума, но Макаръ не выдержалъ искушенія: пробка выстрѣлила и взлетѣла къ потолку съ такимъ эффектомъ, что всѣ гости, не исключая даже Пруденскаго, вздрогнули, а Лидія Ивановна помертвѣла, бросивъ глубоко значительный взглядъ на Алексѣя Аѳанасьича и пожавъ плечами.

Щелкаловъ чокнулся своимъ бокаломъ съ бокаломъ Наденьки, а молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, сидѣвшій напротивъ и слѣдившій за малѣйшимъ ея движеніемъ, безпрестанно измѣнялся въ лицѣ отъ внутренней тревоги. Онъ видѣлъ, что Наденька перестала дичиться Щелкалова, что она свободно и непринужденно разговариваетъ съ нимъ, что его общество даже пріятно ей. Онъ видѣлъ, что Щелкаловъ особенно ухаживаетъ за Наденькой; но онъ не видѣлъ того, что, въ добавленіе всего этого, видѣлъ я, хладнокровный наблюдатель: досады, выражавшейся на лицѣ смѣлой барышни съ двойнымъ лорнетомъ, оттого, что Щелкаловъ болѣе оказывалъ вниманія Наденькѣ, нежели ей, и тѣхъ ироническихъ взглядовъ, которые барышня иногда бросала на Наденьку.

Послѣ ужина Щелкаловъ, съ шляпой въ рукѣ, вдругъ сказалъ, обращаясь къ Наденькѣ:

— Ахъ, да! я вамъ говорилъ давича о романсѣ, который я положилъ на музыку. Хотите имѣть понятіе о моемъ музыкальномъ дарованіи?

И не дожидая отвѣта, снялъ перчатку, бросилъ шляпу, сѣлъ къ роялю, остановился на минуту, задумался и запѣлъ:

Любилъ твой голосъ кроткій, нѣжный,
Задумчивый, туманный взглядъ,
Твой локонъ, вившійся небрежно,
И твой обдуманный нарядъ...
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ я слушать твои рѣчи,
Твои движенья подмѣчать,
Смотрѣть на станъ твой и на плечи
И взглядъ твой пламенный встрѣчать...
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ, когда въ разгарѣ бала,
По скользкимъ лаковымъ поламъ,
Ты, упоенная, летала,
Взглядъ посылая гордый намъ...
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Любилъ, когда въ уединеньи,
Въ таинственный полночи часъ,
Ты говорила мнѣ въ смятеньи:—
„Скажи, кто счастливѣе насъ?"
Тебя любилъ, тебя любилъ!

Всегда, вездѣ—и въ залѣ шумной,
Въ каретѣ, въ ложѣ, на конѣ
И на яву и въ сладкомъ снѣ,
Любовью страстной и безумной
Тебя любилъ, тебя любилъ!

При послѣднемъ повтореніи: *тебя любилъ!* голосъ Щелкалова обратился въ неистовый крикъ и вопль, который однако произвелъ невообразимое впечатлѣніе на слушателей.

— Bravo! bravo! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ravissant! шепнула бойкая барышня съ лорнетомъ.

— Bravissimo! прибавилъ многозначительно Пруденскій.—И въ словахъ много страсти. Позвольте, это ваши собственныя слова? сказалъ онъ, обратясь къ Щелкалову.

Щелкаловъ не замѣтилъ этого вопроса.

— Этотъ романсъ, произнесъ онъ какъ будто про себя:—напоминаетъ мнѣ очень многое!

И онъ провелъ рукою по лицу, всталъ со стула, схватилъ шляпу, съ нетерпѣливымъ волненіемъ началъ натягивать перчатку, разорвалъ ее и бросилъ, взглянулъ на часы, проговорилъ себѣ подъ носъ: «Пора!», раскланялся Лидіи Ивановнѣ, пожалъ руку Наденькѣ и, кивнувъ остальнымъ головою, обратился къ Веретенникову:

— Ѣдемъ... Ты вѣдь меня везешь въ своемъ экипажѣ?

— Я надѣюсь, баронъ, что это не въ послѣдній разъ, сдѣлайте одолженіе, мы всегда рады, раздавалось вслѣдъ за нимъ.

Алексѣй Аѳанасьичъ, проводивъ почетныхъ гостей, возвратился изъ передней, неся въ рукѣ галстухъ и дыша какъ будто свободнѣе. Намъ всѣмъ также стало полегче.

Наступила минута молчанія.

— Вотъ нападаютъ на свѣтскихъ людей, произнесла наконецъ Лидія Ивановна въ раздумьи:—а нельзя не сознаться, что въ нихъ много ума и талантовъ!

— Да, это правда, возразилъ Алексѣй Аѳанасьичъ:—только все-таки эти господа хороши изрѣдка.

— Это почему? спросила Лидія Ивановна недовольнымъ голосомъ.

— Потому, матушка, что хорошенькаго понемножку, отвѣчалъ онъ улыбнувшись.

ГЛАВА III.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ БАРОНА ЩЕЛКАЛОВА, ИЗЪ КОТОРАГО НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТЪ ДОГАДАТЬСЯ, ЧТО ТАКОЕ ПОДРАЗУМѢВАЕТСЯ ПОДЪ СЛОВОМЪ «ХЛЫЩЪ».

У меня есть знакомый—человѣкъ очень богатый, свѣтскій и умный. Въ свѣтѣ его не любятъ, и говорятъ, что у него злой языкъ, но свѣтъ за нимъ ухаживаетъ именно потому, что онъ богатъ и золъ. Свѣтъ его боится. Имѣетъ ли онъ злой языкъ дѣйствительно —я не знаю: онъ просто видитъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ, владѣетъ юморомъ и высказываетъ свое мнѣніе обо всемъ и обо всѣхъ прямо, не входя ни въ какія соображенія и разсчеты.

Черезъ нѣсколько времени послѣ знаменитаго вечера у Грибановыхъ, я встрѣтился у него съ барономъ Щелкаловымъ. Это было утромъ.

Щелкаловъ лежалъ, развалясь въ креслахъ, съ сигарой въ зубахъ и съ стеклышкомъ въ глазу. Хозяинъ дома назвалъ насъ другъ-другу по имени.

Баронъ слегка приподнялся, сдѣлалъ движеніе головою и потомъ снова упалъ въ кресло и началъ меня разсматривать въ свое стеклышко съ ногъ до головы.

— Я, кажется, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ недавно, сказалъ я.

Онъ сначала вопросительно и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, потомъ сказалъ сквозь зубы:

— Очень можетъ быть... гдѣ же это?

— У Грибановыхъ, продолжалъ я.

Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто припоминаетъ, что это такое Грибановы.

— Ахъ, да, проговорилъ онъ черезъ минуту: — я былъ тамъ.

Въ этотъ разъ Щелкаловъ показался мнѣ проще. Онъ ломался несравненно менѣе: все что говорилъ, говорилъ неглупо, но хотя разговоръ былъ общій, онъ рѣдко обращался ко мнѣ, и то всякій разъ какъ будто нехотя.

Въ третій разъ я почти нечаянно натолкнулся на него въ театрѣ, въ тѣснотѣ, во время антракта, и поклонился. Онъ едва кивнулъ мнѣ въ отвѣтъ головой, потомъ взглянулъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ спросить:

«Что ты за человѣкъ и какимъ образомъ я могу быть знакомъ съ тобой? и зачѣмъ ты безпокоишь меня?»

Послѣ этого я часто встрѣчался съ нимъ въ театрѣ, на улицѣ, у нашего общаго знакомаго, но я уже не кланялся ему и не говорилъ съ нимъ. Онъ также не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія.

Такъ прошло мѣсяца два. Въ одинъ вечеръ, въ фойе Большаго театра кто-то положилъ мнѣ руку на плечо. Я обернулся и увидѣлъ передъ собою Щелкалова.

— Ну что, какъ вы поживаете? Васъ что-то не видно... А вы любите музыку?

И прежде нежели я успѣлъ удивиться, онъ продѣлъ

свою руку въ мою, потащилъ меня за собою по заламъ и началъ разсказывать мнѣ о частной жизни примадонны, которая производила тогда фуроръ въ Петербургѣ, объ ея умѣ, образованіи, о его дружбѣ съ нею, о томъ, какъ она цѣнитъ его музыкальныя познанія и какъ слушается его замѣчаній. Надобно замѣтить, что это было при самомъ началѣ антракта, когда въ залахъ почти еще не было никого. Вдругъ въ самомъ жару его разсказа появился въ концѣ залы какой-то молодой человѣкъ въ мундирѣ съ аксельбантами. Щелкаловъ, увидѣвъ его, остановился на полсловѣ, бросилъ мою руку, какъ будто испуганный чѣмъ-то, и пошелъ къ нему на встрѣчу, дѣлая привѣтливые знаки рукою.

Онъ прошелся съ нимъ раза два по залѣ, и когда молодой человѣкъ съ аксельбантами оставилъ его, Щелкаловъ, остановившись среди залы, обозрѣлъ ее кругомъ въ свое стеклышко, опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ужасно душно... пить хочется... У васъ есть мелочь, дайте мнѣ... я забылъ.

Я молча подалъ барону четвертакъ, и онъ направилъ шаги къ буфету.

Такое поведеніе барона Щелкалова казалось мнѣ въ то время, по неопытности, необъяснимымъ. Я мало тогда видалъ такого рода господъ, и его личность казалась мнѣ даже оригинальною. Впослѣдствіи я коротко уже познакомился съ этою личностью, въ разныхъ экземплярахъ.

Вотъ кое-какія свѣдѣнія, собранныя мною отъ разныхъ лицъ о Щелкаловѣ, перемѣшанныя съ тѣмъ, что я самъ видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

Какимъ образомъ, когда и почему къ фамиліи Щелкаловыхъ присоединенъ баронскій титулъ — этого я не знаю: дѣло въ томъ, что его дѣдушка нажилъ вдругъ огромное состояніе. Говорятъ, большія богатства никогда не наживаютъ правдой; но это говорятъ тѣ, у которыхъ ничего нѣтъ. Отецъ Щелкалова прожилъ почти все, что нажилъ дѣдъ. Отецъ задавалъ неслыханные обѣды и ужины, съ персиками, сливами, земляниками и клубниками, середи зимы, въ лѣсу изъ померанцовыхъ деревьевъ; миѳологи-

ческія празднества, о которыхъ до сихъ поръ разсказываютъ старики молодому поколѣнію какъ о седьмомъ чудѣ. Щелкаловъ былъ счастливъ мыслію, что ни одна изъ извѣстностей и знаменитостей того времени не миновала его порога, что даже самъ князь X., не удостоившій посѣщать никого въ теченіи по крайней мѣрѣ тридцати лѣтъ, изволилъ посѣтить одинъ изъ его праздниковъ, ко всеобщему изумленію и, уѣзжая, приложилъ руку къ губамъ, сказавъ ему:

— Прекрасно, очень хорошо: ты человѣкъ со вкусомъ.

Причемъ у Щелкалова брызнули слезы изъ глазъ... Въ городѣ въ теченіи по крайней мѣрѣ мѣсяца только и разговоровъ было, что о праздникѣ барона Щелкалова, на которомъ присутствовалъ самъ князь X., да о словахъ, сказанныхъ барону княземъ X. Баронъ послѣ этого началъ пользоваться еще большимъ уваженіемъ: на него стали слаще глядѣть, ему стали крѣпче жать руку и говорили, значительно покачивая головою:

— Съ нимъ, батюшка, шутить нечего. Къ нему ѣздитъ самъ князь X.!

Баронъ до конца жизни съ умиленіемъ разсказывалъ объ этомъ необыкновенномъ событіи. Еле движущійся отъ паралича, въ долгахъ, полузабытый всѣми, старикъ повторялъ со вздохомъ:

— Ну, по крайней мѣрѣ пожилъ! самъ князь X. удостоилъ однажды мой праздникъ!

Единственный сынъ барона Щелкалова воспитанъ былъ въ баловствѣ и роскоши. Изъ кружевовъ и изъ блондъ онъ ужъ въ колыбели смотрѣлъ гордо. Съ четырехъ лѣтъ начали ему втолковывать нянюшки, мамушки, приживалки и дядьки, что отецъ его лицо необыкновенно важное, что къ нему ѣздитъ самъ князь X., что у нихъ несмѣтное богатство, что онъ единственный наслѣдникъ, и прочее, и прочее... Его предполагали воспитывать не иначе, какъ за границей; по крайней мѣрѣ баронесса-мать непремѣнно требовала этого. За границу уѣхали, но по прошествіи трехъ лѣтъ должны были воротиться въ отечество, потому что дѣла барона пришли въ разстройство. Въ это время малюткѣ было лѣтъ десять. Щелкаловы продолжали

жить. хотя не съ прежнею роскошью, но еще довольно открыто. Между тѣмъ имѣніе за имѣніемъ продавалось.

Десяти-лѣтній наслѣдникъ этихъ незамѣтно таявшихъ богатствъ былъ очень хорошенькій мальчикъ. Ему всякій день завивали волосы пуклями, которыя спускались до плечъ; водили его въ шелку, въ батистѣ, въ бархатѣ, въ перьяхъ и въ соболяхъ по Невскому проспекту. Онъ обнаруживалъ при томъ значительные таланты: болталъ на нѣсколькихъ языкахъ, прекрасно танцовалъ и на дѣтскихъ балахъ производилъ фуроръ: влюблялся, волочился и во всемъ очень искусно передразнивалъ большихъ. Отъ него всѣ были въ восторгѣ.

Лѣтъ шестнадцати онъ поступилъ въ высшее учебное заведеніе: это было послѣ смерти его матери, которая, говорятъ, не могла перенести разстройства состоянія. Товарищи не полюбили барона, потому что онъ не умѣлъ обращаться ровно: то поддѣлывался къ нимъ неизвѣстно для чего, то вдругъ начиналъ важничать и принималъ гордыя позы. Средства у него въ то время были небольшія, но онъ всегда терся около тѣхъ, которые побогаче и позначительнѣе, и началъ прибѣгать къ займамъ у мелкихъ ростовщиковъ, за огромные проценты. Окончивъ воспитаніе, онъ появился въ свѣтѣ и былъ замѣченъ. Нашли, что онъ воспитанъ недурно. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ по-французски какъ французъ, игралъ на фортепьяно и пѣлъ, сочинялъ русскіе и французскіе стишки, отличался въ всѣхъ спортахъ: ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ, плавалъ: былъ вообще очень смѣлъ и развязенъ, умѣлъ одѣватся съ шикомъ и безъ гроша въ карманѣ казаться богачемъ. Всѣ эти достоинства и молодежь, которою онъ былъ окруженъ, доставили ему кредитъ, который онъ первое время послѣ смерти отца нѣсколько поддерживалъ продажею пятисотъ заложенныхъ душъ изъ восьмисотъ, доставшихся ему.

Эта продажа дала ему еще возможность блеснуть въ Петербургѣ на короткое время—орловскими рысаками, англійскою кобылой, гамбсовскими мебелями, своимъ стариннымъ серебромъ, лакеемъ въ ливреѣ съ гербами и въ плюшевыхъ красныхъ панталонахъ съ штиблетами.

Онъ носился по Невскому на рысакахъ, которые бро-

сали молніи изъ-подъ копытъ, подпрыгивалъ на англійской кобылѣ какъ истый спортсмэнъ; игралъ на вечерахъ и въ клубѣ въ карты по большой, съ людьми значительными или съ извѣстными игроками, и велъ жизнь такого рода до тѣхъ поръ, покуда средства его почти совсѣмъ истощились. Тогда онъ началъ закладывать вещи.

Заложивъ свое старинное серебро и кубки, баронъ въ первый разъ встревожился, но его прежде всего обезпокоило то, что въ столовой опустѣли этажерки; онъ долго думалъ, чѣмъ бы установить ихъ, и отправился наконецъ къ Нигри, купилъ дюжину японскихъ тарелокъ, севрское блюдо и нѣсколько китайскихъ куколъ на деньги, отложенныя для уплаты какого-то долга. На минуту позабавивъ себя этими игрушками и полюбовавшись эффектомъ, который они производили на этажеркахъ, Щелкаловъ повѣсилъ голову и призадумался о своемъ положеніи. Онъ думалъ довольно долго, потомъ вскочилъ со стула, махнулъ рукой и сказалъ самому себѣ:

— Э! да впрочемъ, чтожъ такое? все какъ нибудь обойдется. Люди съ такими связями и съ такимъ именемъ, какъ у меня, не погибаютъ!

Несмотря однако на эту счастливую мысль, онъ рѣшился вести жизнь поразсчетливѣе и поумѣреннѣе, поддерживая, разумѣется, насколько можно свое достоинство, то-есть тѣ аксессуары, безъ которыхъ нельзя же существовать порядочному человѣку. Онъ далъ себѣ слово не играть въ карты и опредѣлилъ въ головѣ очень благоразумно не только вообще свой бюджетъ, но даже и свои дневныя издержки. Баронъ не держалъ у себя стола и почти постоянно обѣдалъ у Леграна, который тогда только-что появился. Осуществленіе своихъ экономическихъ плановъ онъ рѣшился тотчасъ же начать съ Леграна, и отправился обѣдать съ намѣреніемъ спросить обыкновенный обѣдъ съ полу-бутылкой столоваго вина.

Войдя въ первую комнату, баронъ пріостановился на минуту; не снимая шляпы, кивнулъ небрежно хозяину ресторана и съ своимъ стеклышкомъ въ глазу медленно и раскачиваясь направилъ шаги свои въ слѣдующую комнату, гдѣ обыкновенно обѣдалъ. Въ этой комнатѣ, какъ

нарочно сидѣли два господина, да еще знакомые ему. При видѣ ихъ, экономическіе планы барона разлетѣлись мгновенно, какъ дымъ. Щелкаловъ почувствовалъ неудержимое желаніе, во что бы то ни стало, блеснуть передъ этими господами и озадачить ихъ. Онъ прикинулся, будто бы не узнаетъ ихъ, и, остановясь посреди комнаты и не снимая шляпы, сталъ разсматриватъ ихъ въ свое стеклышко; потомъ промычалъ длинное:—*Аа!* сбросилъ съ себя пальто и, все-таки еще не снимая шляпы, подсѣлъ къ ихъ столу.

— Я могу обѣдать за этимъ столомъ? произнесъ онъ небрежно и потягиваясь.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчали знакомые.

Человѣкъ поднесъ ему карту, но онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ ее и закричалъ:

— Позвать Леграна. Что ты мнѣ суешь карту?.. Развѣ ты не знаешь, что я никогда не обѣдаю по этой глупой картѣ?

Легранъ явился передъ барономъ, съ несовсѣмъ, впрочемъ, довольной физіономіей.

— Ну, что у васъ есть сегодня? спросилъ его Щелкаловъ по-французски.

Легранъ началъ ему пересчитывать различныя блюда. Онъ слушалъ его разсѣянно, дѣлая повременамъ гримасы, а между тѣмъ глубокомысленно обдумывалъ обѣдъ. Это продолжалось по крайней мѣрѣ минутъ десять. Наконецъ, изобрѣтя обѣдъ идеальной тонкости, онъ велѣлъ подать лафитъ рублей въ восемь, поставить на ледъ бутылку шампанскаго, и закричалъ на людей:

— Что съ вами? вы сегодня, какъ сумасшедшіе... Развѣ вы не знаете, что я не пью изъ этого стекла? Принести тонкое стекло.

И завернувъ рукава своего сюртука, изъ-за котораго выглядывало тончайшее бѣлье, съ драгоцѣнными запонками, принялся кушать.

Встрѣча съ знакомыми обошлась ему рублей въ двадцать... Когда послѣ ликера ему подали счетъ, онъ вынулъ изъ кармана своихъ панталонъ пукъ смятыхъ ассигнацій, бросилъ на столъ сторублевую бумажку и, наливая бокалы знакомымъ, сказалъ:

— Я здѣсь всегда плачу чистыми деньгами... Эти счеты преопасная вещь... Мнѣ разъ подали счетъ и приписали рублей пятьсотъ лишнихъ.

Когда барону принесли сдачи, онъ далъ человѣку цѣлковый на водку.

Потомъ, увидѣвъ другихъ знакомыхъ, болѣе пріятныхъ, т.-е. болѣе значительныхъ, тѣхъ, которыхъ баронъ обыкновенно звалъ уменьшительными именами, онъ отправился въ ихъ компанію, спросилъ еще бутылки двѣ шампанскаго, приказалъ эти уже записать на счетъ, потомъ заѣхалъ на минутку, по дорогѣ въ театръ, къ одному изъ нихъ, сѣлъ играть въ карты и остался до глубокой ночи: проигрывалъ, бѣсился, проклиналъ свою слабость и продолжалъ играть, въ надеждѣ отыграться, забывъ всѣ свои благоразумные планы, оперу и все на свѣтѣ.

У Щелкалова были еще тогда абонированныя кресла во второмъ ряду. Я особенно любилъ его въ театрѣ. Онъ никогда не входилъ въ театральную залу прежде половины перваго акта. Со своимъ вѣчнымъ стеклышкомъ, всегда во фракѣ, а иногда въ бѣломъ галстухѣ, въ такіе вечера, когда были большіе балы, онъ волочитъ бывало ноги, нѣсколько раскачиваясь, и посматриваетъ безпечно кругомъ на ложи и на кресла въ свое стеклышко. Дорогою поклонится какой-нибудь великолѣпной дамѣ, дружески кивнетъ головой въ пухъ разряженной m-lle Камилль, улыбнется съ едва замѣтною гримасой также въ пухъ разряженной Дарьѣ Александровнѣ, скажетъ пріятелю, сидящему въ креслахъ, довольно громко, такъ чтобы всѣ слышали: «А ты сегодня на балѣ? Ѣдемъ отсюда вмѣстѣ...» И довольный произведеннымъ имъ эффектомъ, разляжется въ кресла. Во время спектакля онъ еще непремѣнно начнетъ разговоръ знаками съ m-lle Камилль или съ Дарьей Александровной, такъ что бы это всѣ замѣтили и всѣ видѣли его отношенія къ этимъ дамамъ. Щелкаловъ въ каждую данную минуту рисовался и усиливался обращать на себя вниманіе. У него было разсчитано каждое движеніе, каждое слово, каждый взглядъ: онъ какъ будто безпрестанно боялся, чтобы его хоть на мгновеніе не смѣшали со всѣми, и, казалось, говорилъ

толпѣ: «Между мною и вами нѣтъ ничего общаго. Не подходите ко мнѣ близко, но, если хотите, любуйтесь мною издали!» Онъ въ то же время добивался изъ всѣхъ силъ, чтобы казаться совершенно равнодушнымъ ко всему и нѣсколько утомленнымъ жизнію, боялся обнаружить какое нибудь внутреннее движеніе или чему-нибудь удивиться... Но увы! никакъ не могъ постоянно выдерживать такой роли и, сознавая это, мучительно завидовалъ одному тупому господину, который, вслѣдствіе неусыпнаго стремленія къ хорошему тону, достигъ наконецъ до того, что превратился въ совершенную куклу, въ автомата, едва удостоившаго своимъ взглядомъ людей и природу, едва говорившаго, едва слушавшаго, недоступнаго ни къ какимъ человѣческимъ движеніямъ и ощущеніямъ и не позволившаго бы себѣ, изъ уваженія къ хорошему тону, моргнуть лишній разъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ міръ вдругъ сталъ разрушаться...

Щелкаловъ понималъ всю нелѣпость этого господина, весь его комизмъ, всю смѣшную сторону такъ называемаго хорошаго тона. Онъ очень остроумно смѣялся надъ свѣтомъ, надъ его обыкновеніями и приличіями, даже изрѣдка надъ самимъ собою, и, между тѣмъ, боялся на шагъ отступить отъ этихъ условій, и безпрекословно подчинялся имъ: запутывался, раззорялся, лгалъ, обманывалъ, и все изъ одной мысли не быть смѣшнымъ въ глазахъ этого свѣта, надъ которымъ самъ смѣялся. Благоразумныя намѣренія его вести жизнь поскромнѣе и поумѣреннѣе, заняться какимъ-нибудь дѣломъ, служить—откладывались со дня на день. Ни одинъ изъ его опытовъ не удавался. Одинъ разъ онъ болѣе мѣсяца занимался службой очень усердно. Это замѣтили и ему поручили какое-то дѣло, но, какъ нарочно, въ это самое время m-lle Камилль потребовала, сама не зная зачѣмъ, чтобъ онъ каждое утро непремѣнно являлся къ ней... Щелкаловъ бросилъ дѣло и ѣздилъ къ ней каждое утро, самъ не зная зачѣмъ, хотя всѣмъ и каждому говорилъ, что эта Камилла до того надоѣла ему, что онъ не знаетъ, куда отъ нея дѣваться. По мѣрѣ того какъ обстоятельства его дѣлались хуже и стѣснительнѣе, его манеры и тонъ становились важнѣе и нестер-

пимѣе. Они доходили даже до нѣкотораго цинизма и наглости, подъ которыми баронъ хотѣлъ скрыть свои плохія обстоятельства. Онъ продалъ своихъ лошадей и экипажи, говоря одному, что хочетъ ѣхать въ чужія края, другому — что ѣдетъ въ свои деревни, третьему — что ему досталось имѣніе отъ какого-то небывалаго родственника, и онъ отправляется за полученіемъ этого имѣнія. Онъ путался на каждомъ шагу и занималъ уже безъ всякой застѣнчивости и совѣсти у кого ни попало, по большей части у молодыхъ и богатыхъ людей, только-что вышедшихъ изъ-за школьной скамейки. Онъ промѣнялъ общество своихъ сверстниковъ, которые начинали смотрѣть на него не совсѣмъ привѣтливо, на ватагу шумной молодежи, которая приняла его съ распростертыми объятіями и передъ которой онъ хвасталъ и ломался немилосердно, не прибѣгая даже къ хитростямъ, для закрытія этого хвастовства. Онъ пріобрѣлъ между ними значительный авторитетъ, потому что представилъ ихъ ко всѣмъ возможнымъ Камилламъ и Дарьямъ Александровнамъ, гдѣ былъ какъ дома. Подъ тридцать лѣтъ сдѣлался для этихъ господъ театраломъ и не пропускалъ ни одного балета, неразлучно обѣдалъ и ужиналъ съ ними въ ресторанахъ и для укрѣпленія своего авторитета даже пилъ вмѣстѣ съ ними, хотя не чувствовалъ никогда къ вину ни малѣйшаго расположенія.

Иногда, во время обѣда или ужина, онъ вдругъ обращался къ пріятелямъ:

— Господа, нѣтъ ли у кого изъ васъ денегъ? Дайте мнѣ.

Пріятели никакъ не могли подозрѣвать, чтобы баронъ нуждался и чтобы онъ былъ способенъ прибѣгать къ такимъ опошлившимся и устарѣлымъ продѣлкамъ, и наивно спрашивали:

— Сколько?

— Разумѣется, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Давайте сколько у васъ есть, отвѣчалъ Щелкаловъ.—Мнѣ не хочется заѣзжать домой, а я вамъ послѣ скажу, на что мнѣ нужны деньги.

Всѣ бумажники вынимались и всякій наперерывъ спѣшилъ удовлетворить его желаніе. Щелкаловъ безъ цере-

моніи забиралъ деньги. съ величайшимъ презрѣніемъ и небрежностью засовывая ихъ въ карманъ, какъ будто какую нибудь дрянь, вовсе безполезную ему.

— Я сейчасъ съѣзжу только на минутку, говорилъ онъ:—а вы подождите меня здѣсь.

— Нѣтъ, не ѣзди... Останься... послѣ... раздавалось со всѣхъ сторонъ.

И баронъ оставался, не возвращая, однако, взятыхъ имъ денегъ.

Потомъ, мѣсяца два или три послѣ этого, онъ повторялъ имъ отъ времени до времени:

— Господа, я вамъ что-то долженъ, кажется?... сколько? Пожалуйста напомните мнѣ когда-нибудь у меня...

Сколько разъ бывало, это ужъ я видѣлъ и слышалъ самъ: онъ въ маскарадахъ, не находя своей обычной компаніи, безъ гроша и безъ кредита, только съ однимъ аппетитомъ, шляется бывало на верху тамъ, гдѣ ужинаютъ, со своимъ стеклышкомъ и высматриваетъ въ него знакомыхъ, тѣхъ, которые позастѣнчивѣе. Высмотритъ такихъ и подойдетъ къ ихъ столу.

— Что, господа, произнесетъ онъ съ необыкновенною важностью и еще искривитъ нѣсколько ротъ для улыбки:—кто изъ васъ хочетъ меня угостить ужиномъ? а?...

— Очень рады, баронъ, садитесь, отвѣтятъ ему нѣсколько застѣнчивыхъ голосовъ.

— Вѣдь я вамъ обойдусь дорого, господа, я предупреждаю... прибавитъ онъ съ обязательною и пріятною улыбкой, разсаживаясь важно, выбирая блюда по картѣ и морщась, какъ будто дѣлая одолженіе позволеніемъ себя угощать. А начавъ ѣсть, непремѣнно еще замѣтитъ:—какая гадость! здѣсь нельзя ужинать... и чортъ знаетъ, что за вино!..

Въ общихъ обѣдахъ или пикникахъ Щелкаловъ участвовалъ постоянно, требовалъ еще обыкновенно увеличенія цѣны, а когда дѣло приближалось къ разсчету, уѣзжалъ, говоря, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ, или обращаясь небрежно къ кому-нибудь изъ присутствующихъ, говорилъ:

— Ѳедя, или Саша, или Коля (кто случится), заплати за меня. Я отдамъ послѣ.

Новички, робкіе и неопытные, были всегда у барона въ запасѣ.

Однажды онъ поймалъ одного изъ такихъ въ корридорѣ при разъѣздѣ изъ театра. Новичекъ, переставъ быть новичкомъ, самъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Саша, сказалъ онъ ему:—ты куда ѣдешь?

— Да я, право, не знаю, отвѣчалъ новичекъ.

У барона постоянно былъ прекрасный аппетитъ. Онъ не ѣлъ изъ важности только у такихъ людей, какъ Грибановы.

— Поѣдемъ ужинать къ Леграну. Хочешь?

— Да мнѣ что-то ѣсть не хочется, сказалъ Саша.

— Вздоръ, братецъ, еще захочется, возразилъ Щелкаловъ увѣрительно:—я тебѣ дамъ самый тонкій ужинъ (и онъ приложилъ пальцы къ губамъ), чудо какой! ты увидишь. Ѣдемъ.

Молодые люди сговорчивы. Саша подумалъ съ минуту и отвѣчалъ:

— Ну, пожалуй.

— У тебя есть здѣсь экипажъ?

— Есть.

— Ну, такъ ѣдемъ вмѣстѣ.

Щелкаловъ сѣлъ съ Сашей въ его коляску и приказалъ кучеру ѣхать къ Леграну.

Баронъ заказалъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпный ужинъ: съ устрицами, съ трюфелями, съ замороженнымъ шампанскимъ, поилъ Сашу, разсказывалъ ему анекдоты, не умолкалъ ни на минуту и все становился любезнѣе и остроумнѣе. Былъ ужъ часъ третій въ исходѣ. Сашѣ захотѣлось спать.

— Подай счетъ, что слѣдуетъ съ меня? сказалъ онъ лакею, полагая, что баронъ, пригласившій его, не допуститъ его платить, но Щелкаловъ молчалъ.

Счетъ былъ принесенъ. Сашѣ слѣдовало отдать за себя рублей около пятнадцати. Саша взглянулъ на счетъ, отдалъ его лакею и сказалъ, чтобъ этотъ ужинъ записали, потому что у него нѣтъ съ собой денегъ.

А баронъ все разсказывалъ какое-то презабавное происшествіе и вдругъ остановился въ ту минуту, когда Саша возвращалъ счетъ лакею, сказавъ очень спокойно:

— Вели и мой ужинъ записать на свой счетъ. Мы съ тобою послѣ сочтемся.

И тотчасъ же продолжалъ прерванный разсказъ, какъ ни въ чемъ не бывало...

Тотъ, кто не зналъ Щелкалова коротко, а видалъ его только въ обществахъ издали и слышалъ его разсужденія, ни за что не повѣрилъ бы всѣмъ этимъ фактамъ,—столько ненависти, столько желчи, столько презрѣнія обнаруживалъ онъ, когда рѣчь шла о какомъ нибудь низкомъ поступкѣ.

Какъ понималъ онъ назначеніе человѣка и дворянина, какъ клеймилъ недостойныхъ потомковъ знаменитыхъ родовъ, какъ превосходно разсуждалъ о томъ, въ какой чистотѣ и неприкосновенности должно хранить имя, переданное отъ предковъ, и прочее, и прочее.

Въ это время я уже довольно хорошо зналъ его, но, несмотря на это, онъ приводилъ меня иногда въ недоумѣніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о моихъ знакомствахъ съ различными господами, которыхъ онъ звалъ, какъ я уже замѣтилъ, уменьшительными именами, Щелкаловъ совершенно перемѣнился со мною, сдѣлался очень любезенъ и простъ. Разъ какъ-то я его встрѣтилъ на Невскомъ.

— Куда вы? пойдемте вмѣстѣ, сказалъ онъ продѣвая свою руку въ мою.

Расхаживая довольно долго рука-объ-руку, мы разговаривали о разныхъ предметахъ. Я не разъ сомнѣвался въ его умѣ, но въ этотъ разъ долженъ былъ сознаться, что мои сомнѣнія были несправедливы, что онъ точно уменъ; что у него только слово и дѣло были въ постоянномъ разладѣ—и даже не имѣли ничего общаго между собою. Баронъ остроумно и очень ядовито преслѣдовалъ иногда въ другихъ то, чего самъ въ себѣ не видѣлъ или не умѣлъ видѣть и въ чемъ самого его можно было поймать на каждомъ шагу.

На встрѣчу намъ попался какой-то господинъ, полный, высокій, съ правильными чертами лица, съ орлинымъ носомъ, съ важною поступью, съ самодовольною улыбкой, повидимому, одинъ изъ самыхъ гордыхъ и недоступныхъ на видъ. Онъ сдѣлалъ Щелкалову на воздухѣ какіе-то

знаки рукою и чуть-чуть шевельнулъ головою, слегка улыбнувшись.

Щелкаловъ спросилъ у меня, знаю ли я этого господина? Я сказалъ, что нѣтъ.

— Какъ, неужели? возразилъ онъ, лицо его подернулось ироніей.—Это, батюшка, лицо замѣчательное... у насъ въ свѣтѣ, въ нашемъ муравейникѣ... Это такой-то (онъ назвалъ мнѣ его имя со всѣми принадлежащими къ нему украшеніями), видите ли первое—bel homme, второе—богатъ, третье—глупъ и скученъ,—совершенно въ равной степени. Отъ важности и довольства самимъ собою онъ какъ будто не идетъ по землѣ, а плыветъ по воздуху. Онъ очень хитеръ на различныя изобрѣтенія; онъ долго занимался теоріей поклоновъ и дошелъ въ этомъ до высочайшей тонкости, надо сознаться. Онъ кланяется съ удивительнымъ разнообразіемъ, смотря по степени важности и значенія человѣка въ свѣтѣ. Въ Китаѣ онъ былъ бы великимъ человѣкомъ. Ему бы надо родиться въ Пекинѣ, а не въ Петербургѣ. Самымъ значительнымъ кланяется онъ, наклоняя голову въ поясъ и потомъ медленно приподнимая ее и смотря имъ прямо въ глаза съ выраженіемъ въ зрачкѣ умиленія, смѣшаннаго съ безграничною преданностью; передъ менѣе значительными онъ наклоняетъ голову до ложечки, а на лицѣ у него въ это время изображается улыбка, выражающая глубочайшее почтеніе; равнымъ себѣ онъ только трясетъ головою, пріятно улыбается и въ то же время прикладываетъ руку къ губамъ: для низшихъ и малозначительныхъ у него тысячи оттѣнковъ въ поклонѣ: инымъ онъ кланяется, прикасаясь рукою къ полямъ шляпы и сохраняя строгую важность въ физіономіи; другимъ—только до половины приподнимая руку; а при встрѣчѣ съ самыми послѣдними, съ самыми маленькими, по его мнѣнію, онъ только дѣлаетъ видъ, что желаетъ пошевельнуть руку для поднесенія ее къ шляпѣ. У него, впрочемъ, еще больше этихъ подраздѣленій; я вамъ говорю только о самыхъ характеристическихъ! Мнѣ онъ поклонился какъ человѣку, котораго онъ знаетъ съ дѣтства, съ которымъ встрѣчается въ свѣтѣ—это выражается у него болтаньемъ руки на воздухѣ и легкою улыбкой. Хитрый вѣдь господинъ!.... Не правда ли?

Произнеся это, баронъ вдругъ поднялъ голову и началъ смотрѣть на вывѣски.

— Зайдемте вотъ въ этотъ магазинъ на одну минуту, сказалъ онъ мнѣ, оставивъ мою руку и поднимаясь на ступеньки.

Я пошелъ за нимъ.

Простота Щелкалова и его умъ внезапно оставили его у порога магазина. Передо мною очутился уже совсѣмъ другой человѣкъ, или, вѣрнѣе, передо мною опять былъ настоящій баронъ, не имѣвшій ничего общаго съ тѣмъ человѣкомъ, который разговаривалъ со мною за минуту передъ тѣмъ.

Онъ началъ съ того, что толкнулъ дверь магазина ногою, такъ что она съ силой хлопнула о прилавокъ и чуть не разбила стекла ящика, за которымъ хранились вещи.

— Пару перчатокъ... мой номеръ! закричалъ онъ по-французски и, засунувъ руку за жилетъ, началъ зѣвать принужденно и вслухъ, небрежно разсматривая разныя вещи въ свое стеклышко.

— Какого цвѣта перчатки, господинъ баронъ? спросилъ магазинщикъ.

— Gris-perle... А вѣдь это недурно! пробормоталъ онъ, обращаясь ко мнѣ и ткнувъ своей палкой какую-то черепаховую шкатулку съ бронзой.—Сколько стоитъ?

— Сто рублей серебромъ, господинъ баронъ, отвѣчалъ магазинщикъ.

— Это дорого.... Ну, чтожъ перчатки?

— Вотъ, господинъ баронъ!

И магазинщикъ подалъ ему перчатки, завернутыя въ бумажку.

Баронъ взялъ ихъ, положилъ къ себѣ въ карманъ, проговорилъ: «на счетъ», опять зѣвнулъ въ слухъ и, едва передвигая ноги, какъ-то еще особенно шаркая ногами, направился къ выходу, потомъ остановился, полуобернулся и сказалъ магазинщику, провожавшему его:

— На-дняхъ... я зайду... меня просили... Я у васъ куплю рублей на пятьсотъ.

И съ этими словами вышелъ, захлопнувъ дверь и чуть не прихлопнувъ еще меня.

Когда баронъ пересталъ абонироваться на оперу, онъ сдѣлался въ театрѣ еще замѣтнѣе. Онъ не пропускалъ ни одного представленія, хотя ужъ потомъ никогда не покупалъ креселъ. Онъ зналъ почти всѣ абонированныя кресла первыхъ рядовъ, потому что они всѣ принадлежали его знакомымъ; зналъ, кто изъ нихъ пріѣзжаетъ въ какое время, и поэтому разсчету садился на чье нибудь кресло, а при появленіи его владѣтеля пересаживался на другое, и такимъ образомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, наконецъ успокоивался на какомъ нибудь пустомъ, никѣмъ не занятомъ креслѣ, потому что въ оперѣ въ первыхъ рядахъ бываетъ такихъ много. Если же театръ бывалъ полонъ, то онъ войдетъ обыкновенно въ партеръ, обведетъ стеклышкомъ ложи: знакомыхъ окажется, разумѣется, довольно и онъ въ продолженіе спектакля кочуетъ изъ ложи въ ложу.

Я сблизился съ Щелкаловымъ въ то время, когда у него уже не было ни креселъ въ театрѣ, ни лошадей на конюшнѣ, ни экипажей въ сараѣ, хотя одинъ изъ лакеевъ его все еще красовался въ красныхъ плюшевыхъ штанахъ и въ гербовой ливреѣ, которая, впрочемъ, была уже значительно поношена. Квартира его въ это время заключалась только въ трехъ небольшихъ пріемныхъ комнатахъ, въ которыхъ, впрочемъ, отъ мебели не было проходу. Тутъ была и мебель работы лучшихъ мастеровъ, за которую еще не были заплачены деньги, хотя матерія, ее покрывавшая, давно истрепалась и испачкалась, и старинная сборная мебель, до которой баронъ былъ большой охотникъ, купленная имъ на чистыя деньги въ разныхъ лавочкахъ на толкучемъ, и старинныя бронзы, и фарфоры, и ковры, и драпри у дверей и оконъ.

Однажды я зашелъ къ нему. Ливрейный лакей, по обыкновенію, побѣжалъ докладывать. Баронъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу въ китайскомъ шелковомъ халатѣ съ цвѣтами и птицами и въ туфляхъ съ загнутыми носками. Онъ, шлепая туфлями, лѣниво передвигалъ ноги.

— Очень радъ, сказалъ онъ, взявъ меня за руку и пожавъ ее.—Извините, что я принимаю васъ въ такомъ костюмѣ (и баронъ распахнулъ свой халатъ и засмѣялся).

Пойдемте ко мнѣ, въ мой кабинетъ: тамъ мы можемъ усѣсться покойнѣе.

(Это было мѣсяцевъ черезъ пять послѣ вечера у Грибановыхъ).

Онъ усадилъ меня въ покойное кресло, сѣлъ противъ меня и распахнулъ грудь, вѣроятно для того, чтобы обратить мое вниманіе на свое превосходное бѣлье; онъ ничего не дѣлалъ безъ намѣренія.

— Вы курите? спросилъ онъ меня.

Я кивнулъ утвердительно головою.

— Сигары или турецкій табакъ?

— Сигары, отвѣчалъ я.

— И прекрасно дѣлаете, возразилъ Щелкаловъ:—съ хорошей сигарой ничто въ свѣтѣ не сравнится, я вамъ дамъ отличнѣйшую. Они, правда, дороги, мнѣ обошлись рублей по двадцати за сотню; но вѣдь все хорошее, къ сожалѣнію, дорого!

Баронъ позвонилъ и, когда человѣкъ явился, онъ приказалъ ему придвинуть старинную шкатулку съ перламутровыми инкрустаціями, въ которой лежало нѣсколько сигаръ.

— Вещь не дурная, замѣтьте, сказалъ онъ мнѣ, указывая на шкатулку.—Этотъ ящикъ подаренъ моему отцу княземъ N., и достался ему отъ его бабушки графини Анны Петровны. Историческая вещь!

Баронъ открылъ ящикъ, вынулъ сигару, придвинулъ ко мнѣ свѣчу и началъ разсказывать мнѣ о пирахъ и празднествахъ своего отца, о князѣ N., который ѣздилъ къ нему одному, былъ съ нимъ очень друженъ, и прочее, и прочее. Разсказъ его показался мнѣ очень интереснымъ, но впослѣдствіи онъ повторялся при мнѣ неоднократно и, какъ я замѣтилъ, съ различными прибавленіями и украшеніями, что заставило меня нѣсколько усомниться въ его исторической достовѣрности.

— У меня есть много любопытныхъ данныхъ, прибавилъ Щелкаловъ въ заключеніе, подойдя къ шкафу, открывъ дверцы и указавъ на какія-то бумаги, перевязанныя веревкой:—записки моего дѣда, отца, переписка его съ княземъ... Я когда-нибудь на досугѣ примусь за этотъ

хламъ, изъ всего этого можно составить интересную статью... Ну, а что, сигары хороши?

— Отличныя, отвѣчалъ я.

Онѣ въ самомъ дѣлѣ были таковы. Онъ самъ закурилъ пахитоску, выпустилъ тонкую струю дыма и вдругъ предложилъ мнѣ вопросъ совершенно неожиданный:

— А что, вы часто бываете у нашихъ *общихъ* знакомыхъ... у Грибановыхъ?

До этой минуты онъ не только ни слова не говорилъ о нихъ, даже, казалось, избѣгалъ и напоминанія.

— Бываю довольно часто, отвѣчалъ я:—они люди очень добрые.

— Да, кажется, возразилъ Щелкаловъ:—хотя надо признаться, что немного смѣшные, вѣдь правда? И барыня мнѣ эта не совсѣмъ нравится... тетка, что ли? Она ужъ очень чувствительна и все говоритъ на французскомъ діалектѣ. Впрочемъ, у всѣхъ такого рода барынь слабость къ французскому діалекту.

Щелкаловъ помолчалъ съ минуту.

— А дочка... она вѣдь миленькая, кажется?

— Очень, отвѣчалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ?... И у нея такъ себѣ есть голосокъ для домашняго обихода... Да что, про нее можно говорить? Вы не влюблены въ нее?...

— Нисколько, продолжайте смѣло.

— Да-съ... ну, а скажите пожалуйста, можно за нею эдакъ... приволокнуться?

— То-есть какъ, *эдакъ?* Это семейство очень честное и почтенное.

— О, да я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь! воскликнулъ Щелкаловъ:—я разумѣю волочиться самымъ невиннымъ образомъ... А то, пожалуй еще, эти тетеньки и папеньки, они будутъ косо смотрѣть на это, а? Вѣдь я мало знаю эти буржуазные нравы.

— Очень можетъ быть, сказалъ я, хотя подумалъ, что тетенька была бы отъ этого въ совершенномъ восторгѣ.

— Развѣ приволокнуться мнѣ, на старости лѣтъ! проговорилъ онъ черезъ минуту, зѣвнувъ и потянувшись:—потому что *это* уже все надоѣло мнѣ.

Съ этимъ словомъ Щелкаловъ придвинулъ къ себѣ китайское блюдо, стоявшее на столѣ у него подъ рукою, и тотчасъ же оттолкнулъ его. На этомъ блюдѣ была груда разноцвѣтныхъ записочекъ и писемъ: кружевныхъ, съ бордюрчиками, съ вензелями, съ именами, съ гербами, и прочее. До этой минуты я не обратилъ на него вниманія.

— А что это такое? спросилъ я нарочно.

— Это? возразилъ онъ съ принужденною улыбкой: — различныя мои воспоминанія, глупости, billets-doux это матеріалы для моей біографіи, если я когда-нибудь и за что-нибудь удостоюсь ея. Здѣсь есть, впрочемъ, много любопытнаго. Я иногда роюсь въ этихъ воспоминаніяхъ не безъ удовольствія... Лучше имѣть хоть какія-нибудь воспоминанія, чѣмъ ничего; правда?

— Я думаю.

Баронъ опять придвинулъ блюдо къ себѣ и началъ перебирать записки, не упуская случая подсовывать мнѣ подъ носъ, какъ будто нечаянно, тѣ, на которыхъ красовались гербы и короны. Двѣ или три записки на французскомъ языкѣ безъ запятыхъ и точекъ онъ тутъ же бросилъ въ каминъ, показавъ мнѣ предварительно первыя строки.

Въ этихъ запискахъ Щелкалова называли: *mon petit Sacha*, и вслѣдъ за тѣмъ рѣчь начиналась о деньгахъ.

— Это отъ Камишки, прибавилъ онъ съ улыбкою.

Я слышалъ, что Щелкаловъ съ этой m-lle Камиллой имѣлъ какую-то непріятную исторію, что онъ будто взялъ у нея брилліанты для того, чтобы отвезти ихъ въ починку, заложилъ ихъ и проигралъ эти деньги, что-то въ родѣ этого; что она вездѣ объ этомъ кричала, но потомъ примирилась съ нимъ, потому что онъ не только выкупилъ эти брилліанты и возвратилъ ихъ ей, но еще въ добавокъ поднесъ ей какой-то браслетъ довольно значительной цѣны.

— А вотъ письмо, сказалъ Щелкаловъ, выбравъ одно изъ груды и подавая его мнѣ: — прочтите, это стоитъ того.

Письмо это было написано самымъ изящнымъ французскимъ языкомъ и почеркомъ и было проникнуто самою безумною страстью.

— Ну что? каково? возразилъ онъ, когда я возвратилъ ему письмо: — и если бы вы знали, что̀ это была за женщина! Я не стоилъ ее, не зналъ ей цѣны. Мнѣ всякій разъ становится досадно и больно за себя...

И онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Въ этой женщинѣ было все—и красота, и умъ, и поэзія; отъ выраженія глазъ ея можно было съума сойти; за нею волочились всѣ, все было безумно влюблено въ нее... Я, знаете, рѣдко могу чѣмъ-нибудь увлечься: но, говоря объ ней, вспоминая объ ней, вы видите, я не могу быть равнодушнымъ.

Щелкаловъ точно представлялъ видъ человѣка взволнованнаго.

— Вы ее не знали, продолжалъ онъ: — вамъ могу я показать это, не компрометируя ея памяти.

Онъ отворилъ столъ, вынулъ изъ стола коробку, а изъ коробки медальонъ и подалъ его мнѣ.

Въ этомъ медальонѣ былъ вдѣланъ портретъ женщины, красоты почти идеальной; по крайней мѣрѣ мнѣ не случалось встрѣчать такихъ женщинъ.

— Не правда ли, хороша? спросилъ Щелкаловъ.

— Даже невѣроятно, отвѣчалъ я.

— Именно невѣроятно... c'est le mot! Да, она была во всѣхъ отношеніяхъ *невѣроятна*.

Онъ взялъ отъ меня медальонъ, посмотрѣлъ на него, спряталъ въ столъ и задумался.

— А не правда ли? сказалъ онъ черезъ минуту:—мы живемъ глупою, изломанною, исковерканною жизнію?

— Да, это правда, отвѣчалъ я.

— Эге! вскрикнулъ вдругъ Щелкаловъ, взглянувъ на часы.—Да ужъ половина втораго... Я въ это время всегда завтракаю. Не хотите ли вмѣстѣ со мною?

Я отвѣчалъ, что никогда не завтракаю, но баронъ позвонилъ, не обративъ вниманія на мой отвѣтъ.

— Дайте намъ чего-нибудь позавтракать, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ минуту на серебряномъ подносѣ принесенъ былъ только-что початой страсбургскій пирогъ, различныя холодныя закуски на китайскихъ тарелкахъ и двѣ

бутылки: одна съ лафитомъ, другая съ мадерой, также початыя.

Нашъ общій знакомый, господинъ съ злымъ языкомъ, увѣрялъ меня, что эти закуски, этотъ пирогъ и вина— все это театральное; что это не болѣе, какъ пуфъ, выставка серебрянаго подноса и китайскихъ тарелокъ, для поддержанія кредита.

Я самъ, впрочемъ, не могъ убѣдиться въ этомъ, потому что ни къ чему не прикасался, а баронъ тоже едва ковырнулъ только страсбургскій пирогъ и выпилъ менѣе полрюмки мадеры.

Когда я уходилъ, онъ сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, соберемся когда-нибудь къ Грибановымъ... а?

— Пожалуй, отвѣчалъ я:—но они скоро переѣзжаютъ на дачу.

— Право? а куда?

— Къ выборгской заставѣ.

— А-а! это кстати, а я буду жить на Черной рѣчкѣ. Это недалеко. Я люблю ходить, и хожу очень много... Я буду заходить къ нимъ. Я надѣюсь, что мы будемъ тамъ видѣться.

И онъ пожалъ мою руку.

Но еще до переѣзда его на дачу мнѣ было суждено сойтись съ нимъ у нашего пріятеля, господина съ злымъ языкомъ.

Господинъ съ злымъ языкомъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ очень извѣстномъ намъ обоимъ промотавшемся лицѣ, которое имѣло привычку занимать деньги, бросаясь на колѣни и повторяя: «Семейство, дѣти, казенныя деньги затратилъ... Завтра ревизія... я погибъ!» Эта штука дѣйствовала на нѣкоторыхъ, и это лицо выползывало себѣ довольно значительныя суммы, на которыя потомъ задавало тону и блестѣло между своими пріятелями, соря деньгами.

Во время этого разсказа явился Щелкаловъ.

По шуму, съ которымъ онъ вошелъ, по его болѣе чѣмъ когда-либо неприступнымъ замашкамъ, по его веселости—онъ напѣвалъ какую-то бравурную арію—надобно

было предполагать, что онъ перехватилъ значительныя деньги у какого-нибудь новичка.

Онъ разлегся въ кресло, посвистывая; началъ выбивать пыль изъ панталонъ своей палочкой и прислушиваться къ нашему разговору.

— А-а! да я знаю, о комъ идетъ рѣчь, перебилъ онъ.— Вотъ шутъ-то!....

— Такихъ шутовъ много, замѣтилъ нашъ пріятель.

— Да и то правда! возразилъ безпечно Щелкаловъ.— Ахъ, господа, продолжалъ онъ:—вы любители артистическихъ вещей и знатоки. Я вамъ покажу вещицу со вкусомъ.

Говоря это, онъ вытаскивалъ что-то изъ кармана своего пальто. Вытащивъ сафьянную коробочку, онъ открылъ ее, вынулъ изъ нея какую-то небольшую игрушку и показалъ намъ. Это была печать съ его гербомъ, ручка которой изображала фигуру, превосходно вычеканенную изъ серебра.

— Не правда ли, артистически сдѣлано? прибавилъ онъ.—Какая тонкая работа! а? Бенвенуто-Челлини!

— Хорошо, хорошо! сказалъ хозяинъ дома, разсмотрѣвъ печатку и отдавая ее Щелкалову.—Ба! да это еще что у тебя за новое украшеніе?

Онъ взялъ его руку и началъ разсматривать перстни, украшавшіе одинъ изъ его пальцевъ.

— Тутъ только одинъ новый, сказалъ Щелкаловъ и указалъ на отличнѣйшую жемчужину, обдѣланную въ золотѣ.

— Недурная вещь! а признайся, мой милый, вѣдь ты соришь деньгами въ родѣ того господина, о которомъ мы сейчасъ говорили?

— Какой вздоръ! воскликнулъ Щелкаловъ, сдѣлавъ гримасу и пожавъ плечами.—Что жъ тутъ общаго? Хорошо сравненіе!... Очень любезенъ, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ и смѣясь:—ставитъ меня на одну доску съ эдакимъ бариномъ!

— А что жъ? онъ бросалъ деньги на однѣ глупости, ты бросаешь на другія. Оба вы занимаете. Или, можетъ

быть, ты получилъ наслѣдство? Въ самомъ дѣлѣ, откуда у тебя всѣ эти драгоцѣнности?

Щелкаловъ сдѣлалъ гримасу.

— Какое наслѣдство? что ты бредишь? что съ тобой сегодня?... Во-первыхъ, эти вещи мнѣ подарены, а во-вторыхъ, если бы я и купилъ ихъ, то это такая дрянь, такая бездѣлица, для пріобрѣтенія которой не нужно, кажется, получать наслѣдства.

— Ахъ, да я и забылъ, замѣтилъ съ улыбкою пріятель:—что ты необыкновенно счастливъ на женщинъ... Можетъ быть это сувениры?

Разговоръ принималъ для Щелкалова направленіе нѣсколько щекотливое, и онъ вдругъ прервалъ его:

— Ну, полно вздоръ говорить... Скажите-ка, господа, лучше, гдѣ вы завтра обѣдаете? вы не дали никому слова?

— Зачѣмъ тебѣ это? спросилъ хозяинъ дома.

— Затѣмъ, отвѣчалъ онъ:— что я зову васъ обоихъ передъ переѣздомъ на дачу отобѣдать со мной завтра въ какомъ-нибудь кабакѣ... Я васъ угощаю, разумѣется... Будетъ еще человѣка два нашихъ общихъ знакомыхъ.

— Нѣтъ, сказалъ хозяинъ дома рѣшительно:—я не буду, это пустяки.

— Почему? Что такое?...

— Разумѣется, пустяки, потому что ты деньги эти можешь употребить съ бо́льшею пользою, — напримѣръ, уплатить ими какой-нибудь изъ долговъ.

Баронъ весь вспыхнулъ.

— Я не прошу тебя входить въ мои дѣла и распоряжаться ими, я съумѣю это сдѣлать и безъ тебя. Если же тебѣ нужны деньги, которыя я у тебя взялъ, ты могъ бы сказать это прямо, не прибѣгая къ наставленіямъ и къ морали, которую я не терплю... Вотъ твои деньги.

Онъ вытащилъ пачку ассигнацій изъ кармана панталонъ, смялъ ихъ въ рукѣ и гордо бросилъ на столъ.

— Мнѣ деньги эти теперь вовсе ненужны, а тебѣ онѣ, вѣроятно, пригодятся; возьми ихъ назадъ и успокойся. Человѣку хорошаго тона ни въ какомъ случаѣ неприлично такъ выходить изъ себя.

— Но... началъ-было баронъ мрачно.

И вдругъ остановился, захохоталъ громко и принужденно, схватилъ своего пріятеля за плечи и сквозь этотъ натянутый смѣхъ произнесъ, глядя на него пристально:

— Чудакъ! ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ сержусь? ты принялъ это серьёзно?

— Нѣтъ! Я знаю, что ты бросилъ эти деньги для того только, чтобы показать намъ, что у тебя есть деньги. Я тебя вижу насквозь, любезный!

— Что же удивительнаго?... и не одного меня, надѣюсь? возразилъ Щелкаловъ, улыбаясь принужденно. —Ты, братъ, видишь всѣхъ насквозь...

Онъ обратился ко мнѣ и продолжалъ какимъ-то торжественнымъ тономъ, указывая на нашего пріятеля:

— Да, батюшка, передъ нимъ всѣ мы мальчишки! Онъ имѣетъ полное право читать намъ мораль, потому что онъ смотритъ на жизнь просто и здраво: онъ не зараженъ этими предразсудками, которые уродуютъ всѣхъ насъ; онъ не спутанъ ими, какъ мы... Вы знаете, что онъ всѣмъ высказываетъ въ глаза прежестокія истины; онъ безпощаденъ... Это бичь нашихъ слабостей, нашъ Ювеналъ.

— Эхъ, господа! перебилъ его хозяинъ дома:—Ювеналъ слишкомъ великъ для васъ, а вы слишкомъ мелки для него. Какіе вамъ Ювеналы! вы не стоите не только сатиры, даже мелкихъ эпиграммъ; васъ и порядочной эпиграммой нельзя прихлопнуть, такъ вы плоски! Вотъ хоть напримѣръ ты—у тебя сердце доброе, ты малый неглупый...

Баронъ иронически улыбнулся и поклонился.

— Я вѣдь говорю тебѣ теперь не шутя... ну, на что ты похожъ, въ самомъ дѣлѣ, что ты изъ себя сдѣлалъ? Въ тебѣ вѣдь нѣтъ ни одного движенія, ни одного взгляда, ни одного слова искренняго и истиннаго; ты весь исковерканъ и изломанъ и наружно, и внутренно. Никакому порядочному человѣку въ голову не придетъ, чтобы подъ этою пошлою маской, которую ты носишь съ такимъ самодовольствіемъ, могли скрываться умъ, чувство или хоть что-нибудь человѣческое... А въ тебѣ еще есть слабые остатки и того, и другого, но до нихъ добраться трудно.

Щелкаловъ, слушая это, ходилъ по комнатѣ, безпрестанно мѣняясь въ лицѣ. Слова эти на него подѣйствовали. Онъ былъ взволнованъ, и волненіе это было непритворно, потому что онъ вдругъ сдѣлался простъ и натураленъ.

— Я тебѣ скажу, началъ онъ, все продолжая ходить, голосомъ, въ которомъ не слышалось уже ни одной фальшивой ноты, и какъ бы забывъ о моемъ присутствіи. — Я тебѣ скажу болѣе: чортъ знаетъ, я иногда самъ въ себѣ не могу ни до чего добраться.... такая внутренняя путаница во мнѣ. Что жъ съ этимъ дѣлать?.... Во мнѣ было, ей Богу, много порядочнаго, но воспитаніе и жизнь все, все изуродовали.

— Да не ломайся хоть передъ нами, возразилъ господинъ съ злымъ языкомъ.—Мы, продолжалъ онъ:—знаемъ всѣ эти штуки наизустъ.

И онъ мастерски очеркнулъ передъ Щелкаловымъ жизнь его и ему подобныхъ. Мнѣ даже стало жаль барона. Онъ высказывалъ ему такія горькія и ядовитыя истины, что мнѣ становилось неловко при этой дружеской бесѣдѣ. Я развернулъ какую-то книгу и уткнулъ въ нее носъ, однако не могъ удержаться, чтобы изъ-подъ книги не взглядывать на Щелкалова. Мнѣ показалось, что у него навертывались на глазахъ слезы.

— Ну, что жъ? все это правда, горькая правда! произнесъ онъ, когда тотъ кончилъ.—Слабость моего характера возмутительна... Я, братецъ, проклинаю себя за его ничтожность... Ну, вѣришь ли, прибавилъ онъ послѣ минуты молчанія уже въ самомъ дѣлѣ со слезами на глазахъ (я это видѣлъ ясно):—вѣришь ли, что я иногда бываю противенъ самому себѣ?

— Очень вѣрю, отвѣчалъ безпощадный пріятель.

Щелкаловъ опять началъ ходить по комнатѣ въ большой тревогѣ, не видя никого и ничего передъ собою, и вдругъ почти наткнулся на меня, такъ-что я долженъ былъ отодвинуться. Лицо его какъ-то странно передернулось, когда его глаза встрѣтились съ моими, и онъ въ то же мгновеніе принялъ великолѣпную позу и произнесъ, лѣниво растягивая слова, какъ-будто у него вдругъ языкъ распухъ или что-нибудь мѣшало ему говорить:

— Что, батюшка, каковò? а-а? Не правда ли, мнѣ задали порядочную баню? О, да вѣдь онъ ужасенъ! (Щелкаловъ указалъ головой на нашего пріятеля.) А вѣдь это время отъ времени, знаете, полезно.... а? Правда?... Я къ нему иногда хожу какъ къ доктору; иногда самъ прошу, чтобы онъ хорошенько меня отдѣлалъ. Я чувствую, что это мнѣ нужно. И не меня одного, онъ всѣхъ насъ такъ обработываетъ!

Щелкаловъ дѣлалъ надъ собой явное усиліе, чтобы смѣяться, и былъ дѣйствительно жалокъ въ эту минуту.

— Однако, мнѣ пора, проговорилъ онъ, взглянувъ на часы. — Я послѣ этой бани долженъ еще немного отдохнуть, а потомъ мнѣ надо сдѣлать кое-какіе визиты... А что жъ завтрашній обѣдъ? мнѣ не позволяется васъ угощать? а?... Ну такъ въ такомъ случаѣ ты, что ли, меня угощаешь?...

Онъ взялся за шляпу.

— Деньги-то возьми, сказалъ ему хозяинъ дома, улыбаясь и указывая на пачку смятыхъ ассигнацій, брошенныхъ на столѣ.

— Ахъ, да!

Щелкаловъ взялъ преспокойно эту пачку, засунулъ ее въ карманъ, надѣлъ шляпу, пожалъ намъ руки и вышелъ, мурлыча ту же арію, съ которой вошелъ.

— Какóвъ!... сказалъ господинъ съ злымъ языкомъ, обращаясь ко мнѣ и смѣясь:—а вѣдь могъ бы быть порядочнымъ человѣкомъ, еслибъ его взять въ хорошія руки, лѣтъ десять тому назадъ; теперь, конечно, поздно, онъ ужъ никуда не годится... и навѣрно кончитъ плохо...

— Вы его, однакожъ, жестоко отдѣлали! замѣтилъ я.

— Да чтó! ему это нипочемъ, съ него все какъ съ гуся вода; онъ сначала какъ-будто тронулся немножко, а потомъ опять сталъ кобениться... Я его знаю съ дѣтства; человѣкъ онъ въ самомъ дѣлѣ не глупый, но отъ пошлости и пустоты жизни у него уже начинаютъ тупѣть и слабѣть умственныя способности и, что всего хуже, стираться чувство чести. Онъ теперь не можетъ сосредоточить свои мысли ни на чемъ, ни надъ чѣмъ не въ состояніи задуматься серьёзно—хоть на четверть часа...

Рысакъ, кольцо, старая саксонская или китайская кукла, Дарья Александровна—мгновенно изгоняютъ изъ его головы всякую мысль. Сердце у него также доброе, но что въ этомъ сердцѣ?... Съ нимъ часто бываетъ такъ, что у него одинъ цѣлковый въ карманѣ, встрѣтится нищій—и онъ отдастъ ему этотъ послѣдній цѣлковый... мнѣ это случалось видѣть неразъ, и отдастъ именно по влеченію сердца... развѣ съ небольшою примѣсью другого ощущенія, никогда не оставляющаго его—желанія показать, что ему деньги нипочемъ. А иногда у него набитъ карманъ деньгами, вотъ какъ сегодня—занятыми, но это, правда, рѣдко, и онъ не дастъ гривенника человѣку, умирающему съ голоду; у него все случайно, все зависитъ отъ минуты. Передо мной онъ не скрываетъ своихъ плохихъ дѣлъ и на-дняхъ меня ужасно разсмѣшилъ: говоритъ, что непремѣнно займется дѣломъ... какимъ бы вы думали? вы не угадаете ни за что... будетъ писать статьи для журналовъ: у него, видите ли, много историческихъ матеріаловъ, напечатаетъ свои стихи, и за все это получитъ довольно значительныя деньги! И онъ въ самомъ дѣлѣ отъ души вѣритъ, что это возможно. Такія признанія онъ дѣлаетъ, впрочемъ, только мнѣ одному. Онъ пришелъ бы въ отчаяніе, если бы кто-нибудь другой узналъ, что ему приходится трудомъ добывать деньги. Ему за трудъ получить деньги—стыдно, а обмануть кого-нибудь, занять и не отдать—ничего. Хороша среда, которая вырабатываетъ такого рода господъ!...

ГЛАВА IV,

въ которой описывается прелесть дачной петербургской жизни, дачная природа и дачныя препровожденія времени и увеселенія.

Семейство Грибановыхъ переѣхало на дачу въ концѣ мая... Кстати о петербургскихъ дачахъ. Вотъ какъ характеризуетъ эти дачи одинъ мой пріятель въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ сочиненій... Этотъ отрывокъ я беру *съ его дозволенія*. У насъ, впрочемъ, бывали при-

мѣры, что пріятельскія сочиненія брали безъ дозволенія и, измѣнивъ нѣсколько словъ, подписывали подъ ними свое имя. Я нахожу, что это неделикатно.

«... Большая проѣзжая дорога, надъ которой поднимается бѣловатое облако пыли, разносимое вѣтромъ то направо, то налѣво, а во время дождей непроходимая грязь. По сторонамъ этой дороги деревянные домики съ зубцами и башенками: подражаніе готическимъ средневѣковымъ замкамъ, болѣе, впрочемъ, похожіе на высокіе пироги изъ миндальнаго тѣста. Домики эти имѣютъ также сходство съ балаганами, которые въ Петербургѣ строятся на Адмиралтейской площади, а въ Москвѣ подъ Новинскимъ, тѣмъ болѣе, что они сколочены также изъ досокъ и барочнаго лѣса. Передъ ними палисаднички, обнесенные рѣшетками и заборами. Въ каждомъ палисадничкѣ тощая березка или липка съ засохшей вершинкой, кусты какой-нибудь зелени, прижженные солнцемъ и напудренные пылью, и цвѣтничекъ также съ напудренными цвѣтами, не издающими ни малѣйшаго аромата. Сзади небольшой прудъ, подернутый плѣсенью, и всегда плоское поле съ мохомъ и кочками, или просто болото. Палисадникъ возлѣ палисадника, балаганъ возлѣ балагана, почти стѣна объ стѣну, или, правильнѣе, доска объ доску, такъ-что, если, напримѣръ, въ одномъ балаганѣ дама чихнетъ отъ пыли или отъ сырости, изъ другого балагана кавалеръ на это чиханье можетъ пожелать ей громко здоровья... Часовъ въ восемь вечера все это плоское пространство покрывается болотными испареніями, бѣловатымъ туманомъ, изъ котораго только торчатъ зубцы и башенки. Когда луна поднимется изъ этихъ испареній и освѣтитъ это пространство, оно издали покажется моремъ, а башенки мачтами барокъ, и если дама въ пріятномъ сообществѣ неосторожно засидится на своемъ балконѣ при этомъ лунномъ освѣщеніи, то ея пышно накрахмаленный кисейный капотъ превратится непремѣнно въ мокрую тряпку...

«Но не всѣ петербургскія дачи построены на болотистыхъ пространствахъ, и тотъ, кто полагаетъ, что кругомъ Петербурга нѣтъ ничего кромѣ воды и болота, находится въ совершенномъ заблужденіи. Близъ Петербурга есть и возвышен-

ности, и на этихъ возвышенностяхъ торчатъ также миндальныя башенки. Въ какую бы, впрочемъ, сторону не выѣхать за черту Петербурга—башенки будутъ преслѣдовать повсюду. Петербургскій житель не можетъ никакъ лѣтомъ обойтись безъ башенокъ, въ которыхъ вѣтеръ продуваетъ его насквозь, а дождь сквозь щели крышъ льетъ ему на голову. Любители сухаго воздуха отыскали себѣ близь самаго города сухой оазисъ, гдѣ нѣтъ ни капли воды: гдѣ только песокъ и сосны—сосны и песокъ; гдѣ нога тонетъ по колѣно въ пескѣ или скользитъ на сосновыхъ иглахъ, или спотыкается на сосновыхъ шишкахъ; гдѣ нѣтъ ни одного сочнаго, свѣжаго и свѣтлаго листка, и гдѣ природа вся колется какъ ежъ. Здѣсь тѣ же башенки и зубчики, и тѣ же палисадники, выходящіе на пыльныя улицы, но отъ этой пыли ужъ не чихаешь... это не шоссейная пыль, превращенная въ мелкій порошокъ и ядовитая, какъ табакъ,—это массивная и густая пыль, тяжело висящая въ воздухѣ, отъ которой можно задохнуться... Въ палисадникахъ кромѣ сосны попадается иногда только-что пересаженная откуда-то рябина, липа или березка, тонкія и робкія, на которыя мрачно ощетинившаяся сосна, кажется, смотритъ враждебно, какъ на незаконно попавшихъ въ ея исключительное владѣніе, въ это царство песку, гдѣ она разростается и плодится самовластно.

«На этихъ-то пескахъ или на этихъ болотахъ проводятъ петербургскіе жители три мѣсяца въ своихъ миндальныхъ башенкахъ, выглядывая на природу по большей части изъ теплыхъ салоповъ и ваточныхъ пальто.—Но когда петербургская природа улыбнется, когда солнце освѣтитъ эти башенки, все дачное народонаселеніе высыпаетъ на поля и на улицы наслаждаться природой.

«Барыни и барышни, затянутыя и закованныя въ корсеты, въ накрахмаленныхъ юбкахъ, въ кисеяхъ и въ батистахъ, въ прозрачныхъ шляпкахъ, подъ зонтиками и вуалями, чинно гуляютъ по пыльному шоссе, по песку или по мху и кочкамъ, въ сопровожденіи штатскихъ или военныхъ кавалеровъ, и наслаждаются природой, называя холмикъ—горою, прудъ, вырытый для поливки цвѣтовъ—озеромъ, группу деревъ—лѣсомъ, четыре дерева—рощею,

и такъ далѣе. Иногда вдругъ барышнѣ вздумается побѣгать на вольномъ воздухѣ, что весьма натурально... Она взглянетъ на маменьку и побѣжитъ, а кавалеръ, военный или штатскій, сейчасъ за нею—догонять ее. Онъ, разумѣется, тотчасъ же поймаетъ ее за талію, потому что она бѣжать не можетъ, барышня вскрикнетъ или взвизгнетъ: «ахъ!» и, запыхавшись и разкраснѣвшись, возвратится къ своей компаніи, которая встрѣтитъ ее веселымъ смѣхомъ. Пройдя такимъ образомъ извѣстное пространство, компанія повертываетъ домой. Барышни и барыни, возвратясь съ прогулки, стряхаютъ и смываютъ съ себя пыль, вытираются и притираются и возвращаются на балконъ или на террасу очаровывать своихъ кавалеровъ, которые любезничаютъ и курятъ, курятъ и любезничаютъ... Зимой не дозволяется курить при дамахъ: это для мужчинъ также одно изъ дачныхъ наслажденій—барыни, барышни и папироски...

«За готическимъ домикомъ изъ барочнаго лѣса бываетъ иногда садикъ шаговъ во сто длины и шаговъ пятьдесятъ ширины. Семейство пьетъ чай или обѣдаетъ въ этомъ садикѣ на свѣжемъ воздухѣ, хотя свѣжій воздухъ пахнетъ конюшней, гнилью и еще чѣмъ-то болѣе непріятнымъ, потому-что съ одной стороны къ садику прилегаетъ зданіе конюшенъ, а съ другой какія-то развалившіяся домашнія строенія. Верстахъ въ полуторахъ бываетъ обыкновенно какой-нибудь большой садъ съ паркомъ, съ прудами, гдѣ водятся караси: съ бесѣдками, стѣны которыхъ исписаны различными остроумными русскими и нѣмецкими надписями карандашомъ, мѣломъ и углемъ и изрѣзаны ножомъ: съ памятниками, съ мостиками, съ парнасами и съ другими барскими затѣями. Это—любимое мѣсто для прогулокъ окрестныхъ дачныхъ обитателей, и у каждой дачной барышни и барыни есть непремѣнно любимое мѣсто въ этомъ саду: скамейка, съ которой видъ на поле, или уединенная бесѣдка въ тѣни акацій и липъ, драгоцѣнныя ей по какимъ-нибудь воспоминаніямъ... Здѣсь на скамейкѣ, на деревѣ или на колоннѣ, украдкой ото всѣхъ, барышня вырѣзала начальную букву имени *его*, иногда годъ, число и мѣсяцъ, незабвенный для нея мѣсяцъ и еще болѣе незабвенное число. Здѣсь есть горка,

съ которой обыкновенно любуются закатомъ солнца; аллея, въ которой гуляютъ при лунѣ, — и на горкахъ, въ аллеяхъ, въ бесѣдкахъ, вездѣ звуки нѣмецкаго языка, неизбѣжнаго на всѣхъ лѣтнихъ публичныхъ гуляньяхъ.

«На петербургскихъ дачахъ,—гдѣ бы ни были эти дачи, въ болотѣ или на пескѣ, на высохшей рѣчкѣ, черезъ которую куры переходятъ въ бродъ, или у моря за сорокъ верстъ отъ города, гдѣ дачная жизнь принимаетъ уже широкіе размѣры, гдѣ вѣетъ запахомъ полей, гдѣ въ лѣсахъ, рощахъ и паркахъ встрѣчаются столѣтнія деревья,— на одно русское семейство непремѣнно десять нѣмецкихъ. Самый бѣдный нѣмецъ не можетъ обойтись безъ дачи; лѣтомъ его такъ и тянетъ *in's Grüne*. Гдѣ есть только подозрѣніе природы, слабый намекъ на зелень, какія-нибудь три избушки и одна береза, одну изъ этихъ избушекъ нѣмецъ непремѣнно превратитъ въ дачу: оклеитъ ее дешевенькими обоями, привѣситъ къ окнамъ кисейныя занавѣсочки, поставитъ на подоконники ерань и лимонъ, который посадила въ замуравленный горшокъ сама его Шарлотта; передъ окномъ избы выкопаетъ клумбочку, насадитъ бархатцовъ и ноготочковъ... и устроитъ свое маленькое хозяйство такъ аккуратно и такъ уютно, какъ-будто лѣто должно продолжаться вѣчность. Тогда-какъ иной русскій и съ деньгами найметъ себѣ огромную и дорогую дачу, да и живетъ цѣлое лѣто настежь, на распашку, какъ ни попало, безъ занавѣсокъ, безъ сторъ, въ крайнемъ случаѣ защищаясь отъ солнца салфеткой, которую прикрѣпитъ къ окну чѣмъ нипопало, хоть вилкой, если вилка попадется подъ руку. «Что—думаетъ онъ—стоитъ ли устраиваться: вѣдь лѣто-то коротко. Не увидишь, какъ и пройдетъ. Авось проживемъ какъ-нибудь и такъ.»

«Имянины или рожденья на дачахъ празднуются обыкновенно съ большимъ шумомъ и блескомъ, особенно нѣмцами: въ эти торжественные семейные дни балконы убираются гирляндами цвѣтовъ, а вечерюмъ вся дача освѣщается разноцвѣтными фонариками; знакомые привозятъ иногда съ собой сюрпризы въ видѣ карманныхъ фейерверковъ. Эти же знакомые лазятъ по лѣстницамъ и развѣшиваютъ цвѣтные фонари, подъ главнымъ надзоромъ какого-

нибудь друга дома Адама Карлыча, и когда все готово, выводятъ хозяина и имянинницу хозяйку полюбоваться этими сюрпризами, которые повторяются лѣтъ двадцать сряду. Тогда начинаются крики «браво!»; кричатъ гости, дѣти, младенцы, все кричитъ и радуется, и вдругъ изъ этой толпы раздается одинъ какой-нибудь голосъ: «качать Адама Карлыча!» Другіе голоса подхватятъ: «качать, качать его!» Смущенный Адамъ Карлычъ обращается въ бѣгство, его преслѣдуютъ, его ловятъ, его догоняютъ, его наконецъ качаютъ, при усилившемся крикѣ и смѣхѣ, а за палисадникомъ на улицѣ тоже хохотня и пискъ.

«Такъ веселятся на петербургскихъ дачахъ средней руки, но около Петербурга есть другого рода дачи—съ цѣльными стеклами до пола, съ террасами, съ галлереями, съ балконами, уставленными деревьями и цвѣтами, съ удивительными фонарями: съ садами, въ которыхъ дорожки усыпаны краснымъ пескомъ, а травка подкошена и подчищена, гдѣ вмѣсто заборовъ подстриженный кустарникъ, красивѣе ширмъ, гдѣ мраморныя вазы, ванны и бассейны, гдѣ не только нельзя лечь на траву, но не рѣшишься даже плюнуть на дорожку, гдѣ просто ходить опасно по дорожкамъ, ибо на этомъ красномъ пескѣ, красиво и искусно подметенномъ, нѣтъ ни одного слѣда человѣческаго. Хозяинъ и хозяйка этой великолѣпной обстановки, этой изящной декораціи, называющейся дачею, много что раза два въ лѣто пройдутся по этому саду. Они ходятъ мало, они природой любуются свысока, изъ своихъ экипажей, съ сѣделъ своихъ верховыхъ англійскихъ лошадей, или съ своихъ великолѣпныхъ балконовъ и террасъ...»

Мой пріятель, какъ замѣтилъ уже, вѣроятно, читатель, смотритъ на петербургскія дачи съ юмористической точки зрѣнія. Я этой точки не люблю, я смотрю на дачи очень серьёзно и нахожу, что онѣ составляютъ существенную потребность въ жизни петербургскаго жителя; но дѣло не въ томъ. Дача, которую нанимали Грибановы, одна изъ ближайшихъ дачъ за выборгской заставой, по дорогѣ, ведущей къ Парголову, была построена безъ особенныхъ затѣй. На ней не торчали миндальныя башенки и не было видно ни одного зубчика: это былъ просто домикъ съ

мезониномъ, съ обыкновенной крышей и съ крылечкомъ, выходившимъ въ палисадникъ. Такая простота нѣсколько смущала Лидію Ивановну, которая, смотря на этотъ домъ, обыкновенно говорила: «Что это за постройка! это совсѣмъ не похоже на дачу, точно какъ-будто домъ въ уѣздномъ городѣ... никакой архитектуры!» За то ей чрезвычайно нравилась дача, которая была почти напротивъ ихъ, принадлежавшая какому-то золотопромышленнику, въ которой готизмъ доведенъ былъ до невѣроятнаго. Къ дому приклеены были семь небольшихъ башенокъ и восьмая большая, съ часами, у которыхъ бой былъ съ музыкой... Кромѣ того вся она была изукрашена зубчиками и фестончиками, а кругомъ ея были вырыты рвы и черезъ нихъ устроены подъемные мостики. Садъ, окружавшій ее на маломъ пространствѣ, представлялъ множество разнообразнѣйшихъ и затѣйливѣйшихъ выдумокъ: фонтанчики, гроты, пруды съ островками, паромы и прочее. Лидія Ивановна говорила, что этотъ садъ и дача—маленькій эрмитажъ, но ни Алексѣй Аѳанасьичъ, ни Иванъ Алексѣичъ не раздѣляли въ этомъ случаѣ ея мнѣнія. Алексѣй Аѳанасьичъ называлъ эту дачу вербной игрушкой, а Иванъ Алексѣичъ приходилъ отъ нея даже въ негодованіе:

— Такъ искажать, говорилъ онъ съ важностію:—и обезображивать природу, и превращать архитектуру въ кондитерское издѣліе—непозволительно.

По поводу этой дачи возникали даже въ этомъ образцовомъ семействѣ споры, доходившіе иногда до размолвокъ.

— Кажется, болѣе меня ужъ никто не любитъ природы, замѣчала Лидія Ивановна:—но я восхищаюсь равно и природой, и искусствомъ, и дикимъ мѣстоположеніемъ, и обдѣланною и украшенною мѣстностью. Все хорошо въ своемъ родѣ.

— Помилуйте, какое тутъ искусство! возражалъ Иванъ Алексѣичъ:—это не искусство, а оскорбленіе искусства, пародія на искусство. Рыцарскія замки изъ барочныхъ досокъ, раскрашенные и вымазанные сусальнымъ золотомъ!...

— Ну, стало быть, я ничего не понимаю, перебивала Лидія Ивановна:—стало быть, я не умѣю цѣнить искусства?

Алексѣй Аѳанасьичъ приходилъ при этомъ въ безпокойство и вступался въ разговоръ.

— Нѣтъ, не то, матушка, говорилъ онъ самымъ мягкимъ и примирительнымъ голосомъ:—вы очень хорошо понимаете искуство. Иванъ это знаетъ: но у васъ есть страстишка къ игрушкамъ, это вамъ и нравится какъ игрушка.

— Какія игрушки! что за *страстишка!* какія у васъ выраженія! вскрикивала Лидія Ивановна:—развѣ я ребенокъ, чтобы мнѣ нравились игрушки? и прочее.

Но когда раздражительность Лидіи Ивановны стихала, когда она успокоивалась и принималась лѣпить свои цвѣточки, а Иванъ Алексѣичъ принимался декламировать свое новое стихотвореніе и когда потомъ они принимались восхищаться произведеніями другъ друга, тогда Алексѣй Аѳанасьичъ чувствовалъ то внутреннее умиленіе, отъ котораго на глазахъ у него, обыкновенно, проступали слезы.

Все семейство, постоянно восхищавшееся природой, предавалось съ увлеченіемъ различнымъ дачнымъ наслажденіямъ. Алексѣй Аѳанасьичъ всѣ свободныя свои минуты проводилъ въ окружныхъ лѣсахъ, отыскивая грибы, и для грибовъ забывалъ даже свои силуэтки. Сынъ, какъ поэтъ, бродилъ со стихомъ и риѳмой на устахъ по окрестнымъ полямъ и рощамъ. Лидія Ивановна занималась уже болѣе настоящими, нежели восковыми цвѣтами. Она устроивала клумбы въ своемъ палисадникѣ, садила цвѣты, ухаживали за ними, поливала ихъ — и *изучала*, по ея собственному выраженію. Наденька, обыкновенно, помогала ей въ этомъ занятіи; а Палагея Петровна все собирала васильки во ржи: наберетъ цѣлую охапку васильковъ и начнетъ, бывало, плесть изъ нихъ вѣнки, сплететъ вѣнокъ и украситъ имъ соломенную шляпку Лидіи Ивановны, которая непремѣнно замѣтитъ ей, съ пріятной улыбкой:

— Merci, милая! но только, право, мнѣ это не по лѣтамъ.

Когда Алексѣй Аѳанасьичъ возвращался изъ лѣса, и когда походъ его былъ удаченъ, онъ сзывалъ всѣхъ домашнихъ, улыбался и потиралъ руки, а вслѣдъ за нимъ приносили обыкновенно корзину съ грибами.

— Посмотрите, говорилъ онъ, тая отъ умиленія:—какіе березовики-то... молоденькіе, бѣленькіе... а подосиновичекъ-то! каковъ?... а бѣлый-то грибочекъ, посмотрите, Палагея Петровна, какой махонькій!... Вотъ это вы велите изжарить, да со сметаной... Чудное будетъ блюдо... А эти вотъ отобрать да посолить.

И когда на столѣ являлась сковорода съ его грибами, плававшими въ сметанѣ, Алексѣй Аѳанасьичъ, смакуя ихъ, обращался поочередно ко всѣмъ.

— Каковы грибки-то! восклицалъ онъ въ умиленіи.

И при этомъ глаза его немного увлаживались.

На дачѣ Алексѣй Аѳанасьичъ становился обыкновенно еще болѣе мягкосердеченъ и чувствителенъ. Это должно было приписать дѣйствію природы.

Когда я, бывало, пріѣду къ нимъ на дачу, онъ встрѣтитъ меня первый, обниметъ, расцалуетъ...

— Ну, очень радъ, очень радъ, непремѣнно скажетъ онъ:—и прекрасно сдѣлалъ, что пріѣхалъ. Что въ городѣ-то задыхаться отъ пыли и жара! Видишь, какое здѣсь раздолье, какой воздухъ!.... а погода-то какая стоитъ—чудо!.. посмотрите на небо, ни одного облачка... Да ты бы къ намъ на нѣсколько дней, погостилъ бы у насъ, мы вмѣстѣ пошли бы за грибками... и прочее.

Потомъ онъ также непремѣнно прибавитъ:

— Какой цвѣтничекъ развела Лидія Ивановна, посмотри, вѣдь это просто прелесть. Не правда ли?...

Покажетъ на высокую и кудрявую ольху, которая росла у нихъ за домомъ, хотя я ужъ двадцать разъ видѣлъ ее, и воскликнетъ:

— Какая здѣсь растительность-то необыкновенная! гдѣ ты подъ Петербургомъ найдешь такое дерево? Да вѣдь здѣсь и воздухъ какой!... Нигдѣ въ окрестностяхъ нѣтъ такого воздуха!... Повѣрь мнѣ... это я и на себѣ чувствую, да вотъ Лидія Ивановна и дѣти находятъ то же.

Если польетъ дождь, Алексѣй Аѳанасьичъ и отъ дождя приходитъ въ восхищеніе.

— Какъ хорошо, говоритъ:—теперь цвѣточкамъ-то и зелени! Они обмоются, освѣжатся.

Старикъ всегда и всѣмъ былъ доволенъ, его только

немного смущали и тяготили церемонныя знакомства, и когда Щелкаловъ въ первый разъ появился у нихъ на дачѣ, никѣмъ нежданный, въ расплохъ, Алексѣй Аѳанасьичъ, лежавшій въ эту минуту на травѣ подъ деревомъ, безъ галстуха и въ туфляхъ, наморщился, почесалъ затылокъ и произнесъ вполголоса:

— Ахъ! зачѣмъ это его принесла нелегкая!

Потомъ онъ улыбнулся и обратился ко мнѣ, приподнимаясь неохотно:

— Что, дѣлать нечего, видно придется натягивать сапоги и галстухъ.

Дамы, сидѣвшія на крылечкѣ, первыя увидали Щелкалова, вскрикнули и бросились въ домъ, для того, чтобы принарядиться. Я остался одинъ въ палисадникѣ и пошелъ на встрѣчу нечаянному гостю.

Онъ стоялъ у калитки, посматривая кругомъ въ свое стеклышко.

— А, здравствуйте! закричалъ онъ, отталкивая ногой калитку.—Да у кого вы здѣсь? Тутъ, что ли, живутъ Грибановы? Я ихъ ищу.

— Тутъ, отвѣчалъ я.

— Вотъ это очень кстати, что я васъ нахожу здѣсь... Однакожь, это довольно далеко. Я, любезнѣйшій, пѣшкомъ съ своей дачи!... а? порядочное путешествіе!...

Говоря это, баронъ вошелъ въ палисадникъ, осмотрѣлъ все кругомъ въ свое стеклышко, бросился на скамейку, стоявшую у калитки, и, чертя на пескѣ тросточкой, сказалъ:

— Ну-съ, а гдѣ же хозяева?

— Они дома. Мы подождемъ ихъ тутъ; они сейчасъ придутъ.

Я боялся Щелкалова пустить въ домъ, гдѣ должна была, по моимъ догадкамъ, происходитъ суматоха.

— А что, вы знаете толкъ въ англійскихъ лошадяхъ? вдругъ спросилъ меня Щелкаловъ, приподнявъ немного голову и потомъ снова опустивъ ее, и продолжая чертить на пескѣ.

— Ни малѣйшаго, отвѣчалъ я.

— Неужто?

Баронъ опять приподнялъ голову и взглянулъ на меня, улыбнувшись, съ выраженіемъ сожалѣнія. Я зналъ, что, по мнѣнію его, первымъ признакомъ *порядочнаго* человѣка, *настоящаго* джентльмена, была страсть къ лошадямъ и охотѣ, къ этимъ двумъ важнѣйшимъ отраслямъ *спорта*,—единственная, впрочемъ, страсть, допускавшаяся джентльмену. Говоря о лошадяхъ и объ охотѣ, джентльменъ могъ даже выходить изъ себя. Онъ непремѣнно обязанъ былъ хоть прикидываться лошадинымъ знатокомъ, и знать наизусть всѣхъ лошадей извѣстной породы, внесенныхъ въ знаменитую *Stud-Book*. Я не разъ слышалъ барона, краснорѣчиво развивавшаго цѣлыя теоріи о лошадяхъ, выученныя имъ наизусть изъ *Bell's Life*, англійскаго спортсменскаго журнала. И хотя вопросъ Щелкалова, несмотря на его неожиданность, не удивилъ меня, потому-что онъ часто предлагалъ вопросы еще неожиданнѣе и еще страннѣе, я однако спросилъ его:

— Съ какой точки зрѣнія васъ можетъ интересовать, знаю ли я толкъ въ лошадяхъ или нѣтъ?

— Такъ, отвѣчалъ онъ:—если бы вы знали въ нихъ толкъ, я показалъ бы вамъ удивительную англійскую лошадь, которую я теперь торгую,—породистую лошадь, кровную... чудо лошадь! Немного дорогонько просятъ, впрочемъ, я думаю, придется раззориться.

Разговоръ о лошади, нимало не интересовавшій меня, къ моему счастію, прекратился появленіемъ Лидіи Ивановны и Наденьки, а вслѣдъ за ними и Алексѣя Аѳанасьича въ сапогахъ и въ галстухѣ. Увидѣвъ ихъ, Щелкаловъ лѣниво приподнялся со скамейки, небрежно поклонился дамамъ, сказалъ Алексѣю Аѳанасьичу: «Здравствуйте», и протянулъ ему два пальца.

— А знаете, какъ я къ вамъ сюда явился? угадайте!...

Всѣ молчали, не зная, что на это отвѣчать.

— Пѣшкомъ-съ, продолжалъ баронъ, смѣясь:—съ своей дачи. Это по крайней мѣрѣ верстъ пять.... какъ вамъ это нравится, а?

И Щелкаловъ посмотрѣлъ на всѣхъ, какъ бы ожидая знаковъ удивленія.

— Неужели? воскликнула Лидія Ивановна первая: возможно ли это?

Она была точно поражена этимъ. По ея мнѣнію, ноги такой особы могли только прикасаться къ паркету или къ обдѣланнымъ дорожкамъ, усыпаннымъ толченымъ кирпичомъ.

— Вы устали, баронъ? продолжала Лидія Ивановна съ безпокойствомъ:—пожалуйста садитесь. Да, скажите, что это за фантазія пришла вамъ—пѣшкомъ?

Щелкаловъ засмѣялся.

— Я могу отвѣчать вамъ на это: *у всякаго барона своя фантазія.* Мнѣ такъ вздумалось; я хотѣлъ сдѣлать опытъ; но, я думаю, въ другой разъ я не повторю этого... Ну, что, какъ *наша* музыка? прибавилъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

Наденька вспыхнула и улыбнулась. Въ этой улыбкѣ было видно, что ей очень пріятно вниманіе Щелкалова.

— Лѣтомъ я совершенно свободенъ, я буду заѣзжать къ вамъ часто, и мы будемъ съ вами заниматься музыкой. Хотите?

Наденька покраснѣла еще больше и отвѣчала на это только пріятнымъ наклоненіемъ головы.

— Музыка и природа, хоть съ иглами, а всетаки природа! замѣтилъ Щелкаловъ, указывая на сосну, торчавшую передъ крыльцомъ.—Лѣтомъ нѣтъ другихъ развлеченій.... А гдѣ вашъ сынъ?

Баронъ при послѣднихъ словахъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стоялъ Алексѣй Аѳанасьичъ.

— Да Богъ его знаетъ, отвѣчалъ старикъ:—онъ иногда пропадаетъ по цѣлымъ днямъ. Вѣдь онъ артистъ, поэтъ, бродитъ себѣ по полямъ, по лѣсамъ; говоритъ, будто бы лѣтомъ онъ всегда живетъ растительною жизнію; да это не правда, тутъ-то у него и зараждаются различные поэтическіе планы... Я подозрѣваю, что онъ теперь пишетъ какую-то большую вещь; отъ насъ это онъ еще держитъ въ секретѣ. Вывѣдайте-ка его, баронъ, когда вы увидитесь съ нимъ. Онъ вамъ вѣрно проговорится.

Старикъ оживился, говоря это. Голосъ его уже дребезжалъ, и слеза блестѣла на рѣсницѣ.

Баронъ остался довольно долго, любезничалъ съ Наденькой, акомпанировалъ ей и пѣлъ вмѣстѣ съ нею. Палагея Петровна разливала, разумѣется, чай въ задней комнатѣ, а Макаръ, въ нитяныхъ перчаткахъ, разносилъ его на серебряномъ подносѣ. Часовъ въ двѣнадцать, среди общаго разговора, Щелкаловъ обратился ко мнѣ:

— А что, у васъ здѣсь есть какая-нибудь колымага? вы меня довезете?

— Пожалуй, отвѣчалъ я.

Дорогой Щелкаловъ больше дремалъ. Когда ужь мы подъѣхали къ его дачѣ, онъ зѣвнулъ, потянулся и сказалъ:

— А, право, эта дѣвочка премиленькая! а?... Какъ она сложена славно. Если бы дать ей манеры, воспитать въ хорошемъ домѣ, она произвела бы эффектъ въ свѣтѣ! Не правда ли?

Я не счелъ нужнымъ что-нибудь отвѣчать на это, да къ тому же въ эту минуту мы подъѣхали къ дачѣ, и Щелкаловъ закричалъ моему кучеру:

— Стой!

Выскочилъ изъ коляски, сдѣлавъ мнѣ привѣтливый знакъ рукою, и сказалъ, кивнувъ головой:

— Благодарствуйте...

Послѣ этого я не былъ мѣсяца полтора у Грибановыхъ. Съ Щелкаловымъ въ это время я также нигдѣ не видѣлся. Разъ на какомъ-то загородномъ гуляньѣ я встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, влюбленнымъ въ Наденьку.

— Ну что, какъ поживаютъ Грибановы? спросилъ я его.

— Я не знаю, отвѣчалъ онъ сухо.

— Какъ! вы не знаете? Полноте! а Надежда-то Алексѣевна? возразилъ я.

— Что жь мнѣ такое Надежда Алексѣевна?

— Какъ что? вѣдь вы влюблены въ нее? И она въ васъ. Полноте, не скрывайтесь. Я вѣдь все знаю.

— Плохо же вы знаете! отвѣчалъ молодой человѣкъ съ раздраженіемъ:—влюблена она не въ меня, да мнѣ и не нужно ея любви... Она съ ума сходитъ отъ этого франта, отъ этого барона, который приволакивается за нею не на шутку.

— Будто? да развѣ онъ часто бываетъ у нихъ?

— Чуть не всякій день. Вы можете постоянно найдти

его тамъ. Ужь онъ сдѣлался у нихъ совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ: Палагея Петровна и чай разливаетъ при немъ, даже иногда дѣло обходится и безъ серебрянаго подноса, и Макаръ ужь начинаетъ появляться безъ перчатокъ, какъ бывало при насъ, запросто. Лидія Ивановна, натурально, въ восторгѣ, что такой аристократъ сдѣлался у нихъ въ домѣ своимъ, и у нея только и на языкѣ, что баронъ:—баронъ сдѣлалъ то-то, баронъ сказалъ то-то, баронъ купилъ то-то, а этотъ баронъ лжетъ передъ ними и ломается. Даже и этотъ добрый Алексѣй Аѳанасьичъ доволенъ, кажется, обществомъ барона: ему позволяется теперь снимать галстухъ въ его присутствіи, и старикъ разсказываетъ о немъ уже со слезами на глазахъ отъ умиленія.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я.

— Я васъ могу увѣрить, продолжалъ молодой человѣкъ, одушевляясь.—И этотъ баронъ еще привозитъ съ собою своего друга, этого противнаго господина Веретенникова, который ему необходимъ, потому-что онъ занимаетъ Лидію Ивановну и Алексѣя Аѳанасьича въ то время, какъ тотъ занимаетъ Надежду Алексѣевну....

— Полноте, вамъ это все такъ кажется! возразилъ я.

— Нѣтъ, не кажется, а все это такъ есть... спросите хоть у Пруденскаго. Но всѣхъ противнѣе это ужь, конечно, Иванъ Алексѣичъ. Онъ очень хорошо видитъ, что тотъ волочится за его сестрою, очень хорошо знаетъ, что это волокитство ни къ чему не поведетъ, что баронъ вѣдь не женится на ней: а способствуетъ еще ихъ сближенію, льститъ ему, а намъ всѣмъ ругаетъ его, говоритъ, что онъ всѣхъ этихъ свѣтскихъ людей презираетъ... И знаете ли, изъ-за чего это онъ льститъ барону и потакаетъ своей сестрѣ? Какъ бы вы думали? Изъ-за того, что тотъ выслушиваетъ его стихи, восхищается ими, кричитъ о нихъ, обѣщаетъ ему устроить чтеніе въ какомъ-то аристократическомъ домѣ, познакомилъ его съ какимъ-то княземъ. Иванъ Алексѣичъ такъ и растаялъ отъ всего этого, а намъ не хочетъ, разумѣется, показать этого и говоритъ, что онъ все это дѣлаетъ не для себя, а единственно для того только, чтобы заинтересовать аристократическій кругъ русской литературой. Комедія да и только!

— Вотъ какъ! а я этого ничего не зналъ. Я ужъ у Грибановыхъ не былъ больше мѣсяца.

— Я тоже не былъ у нихъ дней десять, перебилъ молодой человѣкъ:—да тамъ просто противно бывать теперь, и они оба — и баронъ, и Веретенниковъ смотрятъ на насъ свысока, едва говорятъ, едва удостоиваютъ взгляда. Пруденскій все навязывается къ нимъ съ своими разговорами, а они чуть не отворачиваются отъ него. Охота же ему! Я не понимаю этихъ людей, а еще все толкуютъ о чувствѣ собственнаго достоинства и о томъ, что никому не позволятъ себѣ наступить на ногу, ни передъ кѣмъ не уронятъ себя!...

Я на другой же день отправился къ Грибановымъ. Мнѣ, признаюсь, любопытно было повѣрить все это собственными глазами.

Я пріѣхалъ къ нимъ на дачу часовъ въ восемь. Это было уже въ августѣ мѣсяцѣ; солнце садилось. Вечеръ былъ ясный, съ небольшимъ холодкомъ. Я нашелъ все общество въ гостиной. Лидія Ивановна сидѣла на диванѣ передъ круглымъ столомъ, на которомъ стояла уже зажженная лампа, потому что въ комнатѣ было темно отъ деревьевъ. Лидія Ивановна находилась, повидимому, очень въ пріятномъ расположеніи, и одѣта была очень пестро и нарядно. На Алексѣѣ Аѳанасьичѣ были галстухъ и сапоги. Лицо его было все подернуто умиленіемъ, а глаза слезой; значитъ онъ былъ совершенно доволенъ собой и окружающими. Иванъ Алексѣичъ просто сіялъ и какъ-то все сладко улыбался. Постороннихъ было четверо: Веретенниковъ, Пруденскій, влюбленный въ Наденьку молодой человѣкъ и бойкая барышня. Послѣ обыкновенныхъ любезностей:—Что вы подѣлываете?—Какъ давно васъ не видно.—Вы насъ забыли... и тому подобнаго, я сѣлъ и, осмотрясь кругомъ, спросилъ:

— А что Надежда Алексѣевна? Здорова ли она?

— Славу Богу, покорно васъ благодарю, отвѣчала Лидія Ивановна:—она поѣхала кататься съ барономъ, въ его англійскомъ экипажѣ; они, я думаю, скоро вернутся. Какой прелестный экипажъ у барона!—вы не видали этого экипажа? Совершенно какъ игрушка... И какая ло-

шадь! Удивляться, впрочемъ, нечего, у барона столько вкуса!

Во время этихъ восклицаній, влюбленный молодой человѣкъ, разговаривая съ бойкой барышней, все посматривалъ на Лидію Ивановну, иронически улыбаясь.

— Да! другаго такого экипажа нѣтъ въ Петербургѣ, замѣтилъ Веретенниковъ, и потомъ обратился ко мнѣ, поправляя свои воротнички:—А я вчера былъ у графа Петра Николаича... Какъ онъ, батюшка, перемѣнился, исхудалъ—ужасъ!... однако, теперь ему, слава Богу, гораздо лучше.

Кто такой былъ этотъ графъ Петръ Николаевичъ и почему Веретенниковъ полагалъ, что его здоровье можетъ интересовать меня, я рѣшительно не зналъ, но спросилъ:

— Чѣмъ же онъ былъ боленъ?

— Какъ! развѣ вы не слыхали? Страшное воспаленіе въ горлѣ. Онъ не могъ ничего глотать, его жизнь была въ опасности. Съ мѣсяцъ тому назадъ, мы были вмѣстѣ на дачѣ у графини Вѣры Васильевны. Вечеръ былъ неслыханно хорошъ. Графиня вздумала кататься на лодкѣ, а ужь графъ чувствовалъ себя не очень хорошо. Я ему и говорю: „Петруша, ты, братецъ, не ѣзди, ты можешь простудиться, все-таки сыро... особенно на водѣ...“

Веретенниковъ, кажется, хотѣлъ пуститься въ длинную исторію. Я предупредилъ его:

— Да о комъ это вы говорите? Кто же это такой графъ Петръ Николаичъ?...

— Графъ Красногорскій! возразилъ Веретенниковъ:— двоюродный братъ моего зятя, князя Петра... да развѣ вы его не знаете?... Pardon! а мнѣ казалось, что я васъ встрѣчалъ у него...

И онъ отъ меня обратился къ Лидіи Ивановнѣ и продолжалъ ей доказывать, вѣроятно, прерванный моимъ приходомъ разсказъ, который такъ и кишилъ аристократическими именами.

Я подошелъ къ Алексѣю Аѳанасьичу.

— Сколько времени носу не показываешь! какже не стыдно! сказалъ онъ мнѣ съ упрекомъ. Алексѣй Аѳанасьичъ мнѣ и другимъ своимъ короткимъ знакомымъ говорилъ

иногда *ты*, когда ужъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа.

— А мы, братецъ, продолжалъ онъ:—превесело проводимъ время; у насъ всякій день кто-нибудь изъ добрыхъ пріятелей.

Алексѣй Аѳанасьичъ всталъ, взялъ меня за руку и вывелъ на крыльцо.

— Ты знаешь, началъ онъ:—баронъ-то вѣдь почти своимъ человѣкомъ сдѣлался у насъ, какъ ты, ей Богу... И вѣдь онъ прекрасный и предобрый человѣкъ, простой такой! Это онъ съ виду только кажется такимъ гордымъ: ну, да въ ихъ кругу у нихъ у всѣхъ такія манеры, а я тебѣ говорю, что онъ прерадушный, пребезподобный человѣкъ! какъ онъ смѣшитъ насъ! Мастеръ разсказывать... въ немъ бездна юмора, это совершенно справедливо замѣчаетъ Иванъ.

Не трудно было догадаться, что мнѣніе о Щелкаловѣ было внушено отцу сыномъ.

— Ахъ, я, братецъ, главнаго-то тебѣ не сообщилъ! (Старикъ вдругъ весь встрепенулся.) Ты не знаешь новость объ Иванѣ-то?

— Нѣтъ, что такое?

— Вѣдь онъ читалъ свое сочиненіе на вечерѣ у княгини Воротынской! Вѣдь нарочно для него былъ устроенъ литературный вечеръ! Вся знать была, рѣшительно вся! Эффектъ былъ такой произведенъ, что и разсказать нельзя. Всѣ были въ восторгѣ, жали ему руки, не вѣрили, чтобы на русскомъ языкѣ можно было такъ хорошо писать стихи... Княгиня-то умнѣйшая дама и съ величайшимъ вкусомъ. Иванъ говоритъ, что это просто замѣчательнѣйшая женщина, что ея салонъ напоминаетъ историческіе салоны, о которыхъ дошли до насъ извѣстія... вотъ, какъ, напримѣръ, Рамбулье, что ли? Иванъ такъ обласканъ княгинею, она такъ полюбила его!...

У старика закапали слезы.

— Ты вѣдь знаешь Ивана, онъ съ характеромъ, онъ достоинства своего не уронитъ ни передъ кѣмъ—нѣтъ! Заискивать ни въ комъ не станетъ; онъ гордъ; онъ нисколько не увлекается этимъ, и теперь говоритъ, что ни

за что не поѣхалъ бы въ большой свѣтъ, даже къ такой женщинѣ, какъ княгиня, если бы не предвидѣлъ отъ этого пользы для русской литературы... Это онъ приноситъ жертву литературѣ. И точно, надобно теперь сближать, братецъ, общество съ литературой, объ этомъ должно заботиться прежде всего... это главное.

Алексѣй Аѳанасьичъ разгорячился, говоря это, и размахивалъ руками. Мнѣ было нѣсколько и смѣшно, и тяжело слушать эти нашептанныя ему фразы, значеніе которыхъ онъ едва ли могъ ясно растолковать себѣ.

— Баронъ говоритъ, продолжалъ старикъ все со слезами на глазахъ:—что Иванъ всѣмъ очень понравился; нашли, что онъ, кромѣ таланта, чрезвычайно благовоспитанный молодой человѣкъ, умѣетъ держать себя въ обществѣ... Ну, слава Богу! это меня радуетъ, наши старанія о немъ были по крайней мѣрѣ не даромъ. Да это все, впрочемъ, вздоръ, главное-то талантъ, это ужь отъ Бога! А какой талантъ-то! Что онъ написалъ третьяго дня! Онъ прочтетъ тебѣ... Лучше этого ничего еще онъ не писывалъ, по моему мнѣнію: такъ вотъ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, какъ слушаешь... Ходитъ да бродитъ по полямъ да по лѣсамъ, да вотъ и выходитъ этакое стихотвореніе... Княгиня-то живетъ на дачѣ, онъ былъ у нея тамъ. Какіе, говоритъ, у нея бананы, цвѣты, бронзы! роскошь неслыханная! Знаешь ли, сколько у нея дохода-то? Около милліона! Намъ съ тобой хоть бы десятую долю этого, и тѣмъ были бы довольны! Ей Богу такъ.

И старикъ сквозь слезы залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, ударивъ меня по плечу.

Когда я возвратился въ гостиную, Лидія Ивановна встрѣтила меня вопросомъ:

— А вы слышали, какой успѣхъ имѣлъ нашъ Иванъ Алексѣичъ въ большомъ свѣтѣ?

Иванъ Алексѣичъ какъ бы съ упрекомъ посмотрѣлъ на тетушку и, наклонясь ко мнѣ и взглянувъ на Пруденскаго, сказалъ вполголоса съ своею вкрадчивою и сладкою улыбкою:

— Всѣ похвалы и восторги этихъ господъ я, право, сейчасъ промѣняю на одно умное и дѣльное замѣчаніе

добраго пріятеля, потому-что эти великолѣпные господа не понимаютъ и не могутъ понимать и цѣнить искусства такъ, какъ мы, простые люди, понимаемъ его и цѣнимъ.

— «Dixi!» произнесъ Пруденскій, поправивъ свои золотыя очки.

Скоро послѣ этого Щелкаловъ и Наденька возвратились съ прогулки. Въ Наденькѣ я нашелъ большую перемѣну: мнѣ показалось, что она похорошѣла, и что въ ея лицѣ было гораздо болѣе живости и одушевленія. Щелкаловъ не измѣнился ни на волосъ. Онъ вошелъ въ комнату, напѣвая, бросился на стулъ, положилъ нога на ногу, такъ-что носокъ его сапога коснулся края круглаго стола, за которымъ сидѣла Лидія Ивановна, осмотрѣлся въ свое стеклышко, увидѣлъ меня, промычалъ свое длинное— а-а-а! и протянулъ мнѣ руку черезъ голову, а я думалъ: откуда это у тебя, любезный другъ, снова англійскіе-то экипажи и лошади?—Но въ послѣдствіи оказалось, что все это не принадлежало Щелкалову, а было взято имъ у пріятеля, и что Щелкаловъ бросалъ пыль въ глаза, какъ и всегда, на чужой счетъ.

— Ваша Надежда Алексѣевна, началъ Щелкаловъ:— большая трусиха; она боится, если лошадь побѣжитъ рысью; а моя *Бьютти* смирна какъ ягненокъ и выѣзжена такъ, что ею можетъ управлять не только такой взрослый и пожилой человѣкъ, какъ я (баронъ улыбнулся), но восьмилѣтній ребенокъ; къ тому же, Надежда Алексѣевна увѣряетъ, что у нея голова кружится, потому-что она не привыкла сидѣть на высотѣ.

Щелкаловъ обернулся къ Наденькѣ и посмотрѣлъ на нее насмѣшливо.

— Конечно! возразила, улыбаясь, Наденька:—вы не повѣрите, ma tante, какъ это страшно сидѣть такъ высоко!

Я замѣтилъ во-первыхъ, что Наденька кокетничала съ Щелкаловымъ и, во-вторыхъ, что дѣйствительно присутствіе его нимало уже не стѣсняло остальныхъ членовъ семейства. Щелкаловъ за чаемъ даже свысока подтрунивалъ надъ Палагеей Петровной, какъ надъ извѣстнымъ уже ему лицомъ; а Палагея Петровна безъ малѣйшей застѣнчивости, какъ знакомаго, угощала его кренде-

лями и сухарями, да и Макаръ поглядывалъ уже на него очень фамильярно, почти какъ на всѣхъ насъ.

За чаемъ Щелкаловъ вдругъ шуточнымъ тономъ произнесъ, обращаясь къ намъ:

— Знаете, мнѣ вдругъ пришла въ голову блестящая мысль! Ее надо будетъ осуществить непремѣнно, а осуществленіе ея будетъ зависѣть отъ всѣхъ васъ, милостивые государи и милостивыя государыни!

Всѣ посмотрѣли на него, а Лидія Ивановна прибавила:

— Говорите, говорите, баронъ: вы мастеръ на выдумки. Мы заранѣе согласны подчиниться вашей фантазіи.

Когда Щелкаловъ заговорилъ, мнѣ показалось, что Наденька вспыхнула.

— Да-съ... ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Надобно, какъ можно, разнообразить *лѣтнія* удовольствія. Противъ этого, я надѣюсь, вы спорить не будете?...

— Нисколько, произнесъ съ сладкой улыбкой Иванъ Алексѣичъ.

— *Тѣмъ болѣе*, замѣтилъ Щелкаловъ: — *что уже теперь осень*.

Пруденскій и Иванъ Алексѣичъ захохотали этой остротѣ.

— Я предлагаю устроить пикникъ, продолжалъ Щелкаловъ:—мѣсто для этого пикника назначается превосходное — *Дубовая Роща*, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ: тамъ парки, сады, цѣлые лѣса, озера, отличная поляна и, наконецъ, весь домъ, если хотите, къ вашимъ услугамъ, потому-что его хозяинъ—мой другъ.

— И мой! перебилъ Веретенниковъ.

— А управляющій знаетъ меня чуть не съ дѣтства, продолжалъ Щелкаловъ.—Мы тамъ охотимся всякую осень: къ тому же это недалеко отсюда... не болѣе пятнадцати верстъ, кажется. Ну-съ, какъ вы объ этомъ думаете?

Мысль эта въ самомъ дѣлѣ, кажется, улыбнулась всѣмъ, потому-что всѣ въ одинъ голосъ воскликнули— прекрасно! исключая молодого человѣка, влюбленнаго въ Наденьку, который при этомъ предложеніи поблѣднѣлъ, такъ-что бойкая барышня начала махать ему въ лицо вѣеромъ, сложеннымъ изъ бумаги, и, засмѣявшись, сказала довольно громко:

— Что съ вами? вамъ дурно?

Щелкаловъ, не обращая вниманія на эти эпизоды, продолжалъ:

— И такъ, вамъ эта мысль нравится, судя по вашему одобрительному восклицанію? Теперь остается дѣло за назначеніемъ дня и за устройствомъ всего. Устройство я беру на себя, и обѣщаю вамъ, господа, что будетъ все устроено недурно.

— Можно ли въ этомъ сомнѣваться! воскликнула Лидія Ивановна.

— Ай-да баронъ! Ей Богу, молодецъ! воскликнулъ добродушно Алексѣй Аѳанасьичъ и потеръ себѣ руки отъ удовольствія, прибавивъ:—а тамъ въ лѣску я еще поохочусь за грибками!

— Назначайте же день, сказалъ Щелкаловъ.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше, возразилъ Пруденскій:— вы теперь, баронъ, какъ Гомеровъ Девкалидъ и про васъ можно сказать:

„Такъ говорилъ онъ: и всѣ, устремившися съ духомъ единымъ,
Стали кругомъ Девкалида, щиты къ раменамъ преклонивши...“

Цитата пропала даромъ, потому-что Щелкаловъ даже зрачкомъ глазъ не повелъ въ ту сторону, гдѣ былъ Пруденскій.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ: во вторникъ, въ среду, четвергъ, когда хотите.

— Въ четвергъ? сказала Лидія Ивановна, обращаясь ко всѣмъ намъ.—Угодно вамъ?

Мы всѣ, кромѣ влюбленнаго молодого человѣка, изъявили согласіе наклоненіемъ головъ.

— Прекрасно! Теперь обратимся къ существенному— къ деньгамъ. Это не касается до дамъ, господа, это ужъ наше дѣло. Охотниковъ изъ вашихъ знакомыхъ вѣрно наберется довольно. Я полагаю, двадцать рублей съ человѣка будетъ достаточно. Какъ ты думаешь, Веретенниковъ?

— Я думаю, довольно.

— За двадцать рублей я васъ такъ накормлю и напою, что, надѣюсь, вы скажете мнѣ спасибо. Я пошлю

къ управляющему наканунѣ моего повара, вина, фрукты и прочее. Ну, подавай-ка деньги, Веретенниковъ,—я начинаю съ тебя.

Веретенниковъ вынулъ двадцать рублей и подалъ ихъ Щелкалову. Щелкаловъ разложилъ ихъ на столѣ, пригладилъ рукою и посмотрѣлъ на насъ.

— Вы согласны. Вы изъ *нашихъ?* спросилъ онъ, обратясь ко мнѣ.

— Да, отвѣчалъ я, подавая ему деньги.

Пруденскій, услыхавъ о цѣнѣ, наморщился въ первую минуту, однако отошелъ въ сторону, вынулъ деньги, отсчиталъ двадцать рублей, помуслилъ палецъ и потеръ одну депозитку, которая ему показалась потолще другихъ, полагая, не склеились ли какъ-нибудь двѣ, и потомъ, снова пересчитавъ, подалъ деньги Щелкалову.

— Камни для фундамента уже есть, замѣтилъ Щелкаловъ, продолжая складывать депозитки одна на другую и потомъ разглаживая ихъ рукою.

— А ты-то, братецъ? что же? сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ влюбленному молодому человѣку:—если у тебя нѣтъ съ собой денегъ, хочешь, я за тебя отдамъ?

— Нѣтъ, я не поѣду, я не расположенъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ сухо, замѣтивъ радость на лицѣ Наденьки, что все такъ скоро устроилось.

— Вздоръ, теперь поздно, вѣдь ты не протестовалъ противъ этого, когда говорили.

— Ѳедоръ Васильичъ, отчего же? сладко произнесъ Иванъ Алексѣичъ, гладя по плечу молодого человѣка:— зачѣмъ же отставать отъ друзей?

Бойкая барышня взглянула на молодого человѣка такъ нѣжно, какъ бы умоляла его согласиться. Онъ нѣсколько минутъ колебался, и, наконецъ, рѣшился.

— На сколько же можно разсчитывать? спросилъ Щелкаловъ:—это мнѣ нужно знать заранѣе. Насъ здѣсь семь человѣкъ.

— Еще за пять я вамъ смѣло отвѣчаю, сказала Лидія Ивановна.—Мы, знаете, кого можемъ пригласить между прочимъ? (Лидія Ивановна обратилась къ Алексѣю Аѳанасьичу)... Астрабатова!... Не правда ли?

— Почему же нѣтъ? Онъ еще возьметъ съ собою гитару, и безподобно!

— Семь и пять—двѣнадцать, продолжалъ Щелкаловъ: ну что жь, и довольно; а коли найдете еще кого-нибудь, тѣмъ лучше. Итакъ, дѣло въ шляпѣ. Щелкаловъ сунулъ деньги въ карманъ и прибавилъ, оборотившись къ намъ:—разумѣется, господа, каждый въ своемъ экипажѣ... собираются здѣсь... въ четвергъ, ровно въ одиннадцать часовъ.... такъ ли? не рано ли?

Щелкаловъ посмотрѣлъ на Лидію Ивановну.

— О, нѣтъ, баронъ! даже еще пораньше не мѣшало бы, отвѣчала она.

— Только во всякомъ случаѣ не позже одиннадцати, прибавилъ онъ.

Мы всѣ согласились на это....

— Посмотрите, какая прелесть—луна-то, луна-то! вскрикнулъ сзади меня Алексѣй Аѳанасьичъ, указывая на луну, которая глядѣла въ окно сквозь вѣтви сосны:—пойдемте, господа, на крылечко.

И онъ всѣхъ насъ вытащилъ на крыльцо, за исключеніемъ Щелкалова и Веретенникова, которые остались съ дамами.

— А знаете ли что, Иванъ Алексѣичъ? сказалъ Пруденскій въ то время, какъ Алексѣй Аѳанасьичъ восхищался луной:—мысль пикника безъ сомнѣнія прекрасна, это не подлежитъ спору; но цѣна дороговата, какъ хотите! Эти господа привыкли швырять деньгами, такъ имъ двадцать рублей нипочемъ, а нашему брату, воля ваша, это чувствительно.

— Правда, правда! подтвердилъ Иванъ Алексѣичъ, почесывая въ затылкѣ и поморщиваясь, но потомъ, сладко улыбнувшись, прибавилъ:—ну ужъ куда, впрочемъ, не шло! вы не будете послѣ жалѣть объ этихъ деньгахъ. Вы посмотрите, какъ это все будетъ устроено; повѣрьте, баронъ на это мастеръ.

— Предполагать должно, но вѣдь и то сказать, двадцать рублей съ брата!

— Вы увидите, что этотъ пикникъ не удастся, сказалъ мнѣ молодой человѣкъ, влюбленный въ Наденьку:—

всѣ будутъ женированы, согласія не будетъ ни малѣйшаго; эти господа, по обыкновенію, станутъ ломаться; повѣрьте, пикники хороши только между своими, между очень близкими.

Молодой человѣкъ былъ не въ духѣ. Мы вмѣстѣ съ нимъ раньше всѣхъ отправились домой, тихонько отъ хозяевъ дома.

— Ну, что, сказалъ онъ въ волненіи, когда мы сѣли въ дрожки:—вы теперь собственными глазами убѣдились въ справедливости моихъ словъ?

— Да, почти, отвѣчалъ я.

— И какъ вамъ это нравится! отпускаютъ дѣвочку одну съ этимъ господиномъ! Ну, скажите, прилично ли это?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ я.

— А когда гуляютъ, такъ онъ всегда уйдетъ съ ней впередъ или отстанетъ отъ всѣхъ и никто какъ-будто не замѣчаетъ этого. Ольга Ивановна—вотъ эта барышня, что у нихъ гоститъ—говорила мнѣ, что Надежда Алексѣевна только и бредитъ этимъ барономъ....

Молодой человѣкъ, незамѣтно увлекаясь, признался мнѣ дорогою, что Надежда Алексѣевна ему точно очень нравилась, что и она, повидимому, была расположена къ нему и что онъ даже имѣлъ намѣреніе просить ея руки.

— Теперь я вижу, прибавилъ онъ въ заключеніе своихъ признаній:—что я сдѣлалъ бы ужаснѣйшую глупость. Она пустая, вѣтренная дѣвушка, которую увлекаетъ только одинъ внѣшній блескъ; она помѣшана на свѣтскости. Этотъ баронъ подвернулся на мое спасеніе, чтобы открыть мнѣ глаза.

Молодой человѣкъ въ эту минуту былъ еще все влюбленъ въ Наденьку, потому-что онъ говорилъ о ней съ раздраженіемъ и горячностью. Я было вступился за нее, но онъ не хотѣлъ ничего слышать.

— Да что, скажите, перебилъ онъ меня: — что, *онъ* богатъ, что ли? Вѣдь между этими господами трудно отличить богатаго отъ тароватаго.

— Это правда, отвѣчалъ я:—но у Щелкалова едва ли есть что-нибудь.

— То-то и мнѣ кажется. Вы знаете, что съ мѣсяцъ назадъ тому онъ занялъ у Алексѣя Аѳанасьича двѣ тысячи?

— Кто же это вамъ сказалъ?

— Мнѣ сказала Палагея Петровна, это навѣрно. Алексѣй Аѳанасьичъ воображаетъ, что у него груды золота. И точно, если судить по его манерамъ да по разсказамъ, такъ сдуру примешь его пожалуй за милліонера. Но я боюсь, что бѣдный Алексѣй Аѳанасьичъ не только капитала, да и процентовъ-то не увидитъ!...

— Не мудрено, возразилъ я.

На другой день я обѣдалъ въ ресторанѣ. Въ одной со мною комнатѣ сидѣли два господина—военный и штатскій. Они разговаривали такъ откровенно и громко, какъ-будто были одни въ комнатѣ. Рѣчь сначала шла о какомъ-то Колѣ и о Дарьѣ Александровнѣ. Военный находилъ, что Дарья Александровна одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Петербургѣ. Штатскій перебилъ его.

— Нѣтъ, любезный другъ, сказалъ онъ:—я недавно видѣлъ дѣвочку, такъ вотъ дѣвочка! Удивительная, прелесть что такое! передъ ней твоя Дарья Александровна просто дрянь... Ты знаешь Щелкалова?

— Еще бы! отвѣчалъ военный:—ну такъ что жь?

— Я его раза два встрѣтилъ по парголовской дорогѣ съ этою госпожею. Прежде я рѣшительно никогда и нигдѣ не видалъ ее. Третьяго дня онъ попадается мнѣ на Невскомъ, я и вцѣпился въ него: «Кто это, братецъ, такая хорошенькая, съ которой я тебя встрѣтилъ?» —«Гдѣ? когда?» Онъ, знаешь, прикинулся, какъ-будто не догадался. «На парголовской дорогѣ», я говорю. Тутъ онъ промычалъ «а-а!», остановился на минуту и говоритъ: «Это одна моя знакомая». Я къ нему присталъ, ну и онъ, разумѣется, мнѣ во всемъ признался: но кто она такая и гдѣ онъ скрываетъ ее—это неизвѣстно: ужь какъ я къ нему не приставалъ, онъ ни за что не говоритъ, а чудо что за дѣвочка!

— Каковъ Щелкаловъ-то! воскликнулъ военный.

— Да не глупъ! прибавилъ штатскій.

Дальнѣйшаго разговора я не слышалъ и не желалъ слышать. Въ эту минуту я окончилъ свой обѣдъ и вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА V.

ИЗЪ КОТОРОЙ ПРОНИЦАТЕЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ УСМОТРИТЪ МНОГОЕ, ВО-ПЕРВЫХЪ: ЧТО ХЛЫЩИ БЫВАЮТЪ РАЗЛИЧНЫХЪ РОДОВЪ: ВО-ВТОРЫХЪ: ЧТО ВЕЛИКОСВѢТСКІЕ ХЛЫЩИ ВЪ СВОЮ ОЧЕРЕДЬ РОБѢЮТЪ И ИНОГДА ДѢЛАЮТСЯ НЕЛОВКИМИ. И ВЪ-ТРЕТЬИХЪ: ЧТО ОНИ РАЗОБЛАЧАЮТСЯ И ОБНАРУЖИВАЮТЪ СЕБЯ ВДРУГЪ, СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННО ДАЖЕ ДЛЯ САМИХЪ СЕБЯ. ПРИ ЧЕМЪ ТАКЖЕ ВПОЛНѢ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ЧИТАТЕЛЮ ЗНАЧЕНІЕ НЕ ВСѢМИ УПОТРЕБЛЯЕМАГО, НО ПРІЯТНАГО ДЛЯ СЛУХА СЛОВА ХЛЫЩЪ.

Въ четвергъ ровно въ одиннадцать часовъ я уже былъ у Грибановыхъ, и нашелъ тамъ довольно многочисленную компанію. Весь дворъ былъ заставленъ экипажами. Почти всѣ были въ сборѣ, за исключеніемъ Щелкалова и Веретенникова. День былъ прекрасный, даже довольно жаркій для осени. На небѣ ни одного облака... Я засталъ мужчинъ и дамъ въ разныхъ комнатахъ: мужчинъ въ залѣ, а дамъ въ гостиной въ ожиданіи минуты отъѣзда.

Въ залѣ ораторствовалъ господинъ небольшаго роста, коренастый и уже не первой молодости, завитой, весь въ перстняхъ и въ цѣпяхъ. Это былъ Астрабатовъ. Я вошелъ тихо и остановился, никѣмъ незамѣченный, потому-что все вниманіе въ эту минуту было обращено на Астрабатова.

— Главное—въ душѣ, говорилъ онъ:—остальное все вздоръ и вниманія не стоитъ. Когда вотъ эдакъ, какъ мы, соберемся по душѣ, когда все люди подходящіе, такъ натурально и весело, и ѣсть будешь лучше, и пить больше... Вѣдь вотъ хоть бы этотъ старикъ-то...

Астрабатовъ съ хитрою улыбкою направилъ свой указательный палецъ, плоскій, широкій и четвероугольной формы, украшенный перстнемъ съ бриллiантовымъ солитеромъ, на Алексѣя Аѳанасьича.

— Это рѣдчайшей души старикъ, первый сортъ, это человѣкъ со вздохомъ, у него все на чистоту, все на ладони, безъ задоринки; а вѣдь иной эдакъ и вылощенъ съ

виду-то, комъ-ильфо, а попробуй погладить, такъ и занозишься!...

Астрабатовъ повелъ головою кругомъ и вдругъ остановился на мнѣ.

— Вотъ этотъ (онъ пальцемъ указалъ на меня), этотъ тоже подходящій къ намъ.

Я зналъ Астрабатова давно, хотя совсѣмъ не коротко и встрѣчался съ нимъ рѣдко. Онъ говорилъ мнѣ какъ и всѣмъ *ты*, потому-что принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые, черезъ полчаса послѣ знакомства съ человѣкомъ, говорятъ уже ему непремѣнно *ты*...

— Здравствуйте, душенька, продолжалъ онъ, приближаясь ко мнѣ съ намѣреніемъ заключить меня въ объятія:—то есть, разутѣшилъ, что пріѣхалъ, ей Богу! Ну чмокнемся, братецъ... Сто лѣтъ не видалъ тебя.

И онъ обнялъ меня.

— Чортъ его знаетъ, продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ и ударяя меня по плечу: — самъ не знаю, за что люблю его... Вотъ здѣсь-то у него, правда, горячо, такъ и пышетъ!

И онъ приложилъ свою широкую ладонь къ моему лѣвому боку.

Освободясь отъ Астрабатова, я поздоровался съ хозяевами дома и съ остальными гостями.

— Ну, теперь только дѣло за барономъ, замѣтилъ Алексѣй Аѳанасьичъ:—мы всѣ, кажется, въ сборѣ, вѣдь ужь четверть двѣнадцатаго... никакъ не можетъ не опоздать!... А пора бы ужь и въ путь.

Щелкаловъ съ Веретенниковымъ пріѣхали около двѣнадцати.

— Баронъ, сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ, встрѣчая его.—Не стыдно ли, а еще самъ все толковалъ, чтобы собраться ровно къ одиннадцати.

— Что такое? развѣ я опоздалъ? развѣ теперь больше одиннадцати? возразилъ онъ разсѣянно, важно кивнувъ намъ всѣмъ головою и проходя въ гостиную, гдѣ были дамы.

Астрабатовъ подошелъ ко мнѣ и, указавъ головою на Щелкалова, сказалъ вслѣдъ ему:

— Не узнаетъ! Вишь какъ голову-то загнулъ. Да насъ, братъ, этимъ не удивишь! Мы видали и почище тебя! На плечахъ-то шелкъ, а въ карманѣ щолкъ!... Ахъ, душа моя! продолжалъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо:—чортъ ли въ человѣкѣ, когда у него теплоты нѣтъ. Терпѣть не могу эдакихъ...

Веретенниковъ, пожавъ мнѣ руку и какъ бы не замѣтивъ Астрабатова, стоявшаго возлѣ меня, хотѣлъ отправиться вслѣдъ за Щелкаловымъ въ гостиную. Но Астрабатовъ схватилъ его за фалду сюртука.

— Куда! сказалъ онъ ему:—нѣтъ, братъ, постой! Что у тебя темная вода въ глазахъ, что ли, что ты не видишь старыхъ знакомыхъ?

Веретенниковъ съ едва замѣтной, но иронической улыбкой измѣрилъ Астрабатова.

— А-а! здравствуй, произнесъ онъ довольно сухо:—ты какъ попалъ сюда?

— Я, братъ, вездѣ, гдѣ хорошіе люди съ теплотой!... Охъ, ужь вы мнѣ бонтоны! Туда же шпильки подпускаютъ, да нѣтъ, вѣдь меня не оцарапаешь, не таковской! Я этихъ загвоздокъ терпѣть не могу, душа моя: по-моему, коли дѣйствуй, такъ дѣйствуй на чистоту.

— Оригиналъ! воскликнулъ Веретенниковъ, обратясь ко мнѣ, поправивъ свои воротнички и принужденно засмѣявшись:—не правда ли?... И съ этимъ словомъ ускользнулъ въ гостиную.

Астрабатовъ проводилъ его глазами, покачалъ головой и произнесъ:

— Положимъ, что оригиналъ, да не накрахмаленная обезьяна, какъ ты!

Онъ скорчилъ гримасу и вздохнулъ, потомъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Пойдемъ, душа моя, туда за ними, посмотримъ на этихъ бонтоновъ-то, какъ они тамъ ломаются передъ барынями и отпускаютъ имъ закорючки на розовомъ маслѣ. Мы, братецъ, люди несвѣтскіе: надо поучиться у нихъ толочь лоделаванъ въ ступѣ. Мы напрямикъ: коли заговорило здѣсь (Астрабатовъ указалъ на сердце), такъ, не думая долго, бухъ на колѣни... и безъ всякой эдакой рето-

рики: «У меня-де сердце на ладони, сударыня; я человѣкъ со вздохомъ». и мы по опыту знаемъ, душа моя. что это дѣйствуетъ на барынь вѣрнѣе. Какъ ты думаешь?

Онъ прищолкнулъ языкомъ, зажмурилъ правый глазъ. схватилъ меня за руку и потащилъ въ гостиную.

Тамъ Щелкаловъ, лежа въ волтеровскомъ креслѣ, съ розаномъ въ бутоньеркѣ и съ пахитоской въ зубахъ, разсказывалъ что-то дамамъ, которыя окружили его кресло.

Мы застали его на слѣдующихъ словахъ:

— Это была минута ужасная, говорилъ онъ:—лошадь закусила удила и мчала графиню прямо къ рѣкѣ; берегъ этой рѣки крутой и почти отвѣсный; она была уже не болѣе, какъ шагахъ въ пятидесяти отъ берега, но въ это мгновеніе я пускаю свою лошадь за нею во весь карьеръ. не сознавая ничего, нисколько не думая объ опасности... Передняя нога ея лошади ужъ висѣла надъ бездной въ ту минуту, какъ я поровнялся съ нею. Я схватилъ графиню одною рукою за талію, перебросилъ ее къ себѣ на сѣдло и въ то же мгновеніе другой рукою съ такой силой осадилъ свою лошадь, что она совсѣмъ грянулась на заднія ноги. Я соскочилъ съ нея и положилъ графиню на землю. Она была, разумѣется, безъ памяти... Ну въ это время къ намъ подоспѣли остальные: мою лошадь схватили, а лошадь графини рухнулась въ рѣку и тутъ же пала, разбившись грудью о камни....

Щелкаловъ, произнеся послѣднее слово, вставилъ въ глазъ свое стеклышко и обозрѣлъ своихъ слушательницъ. Лидія Ивановна, барыня, поводящая глазами и передергивающая плечами, по имени Аменаида Александровна, бойкая барышня съ двойнымъ золотымъ лорнетомъ, Наденька и другія барыни и барышни — всѣ въ одинъ голосъ невольно ахнули съ послѣднимъ словомъ Щелкалова: такъ поразилъ ихъ его геройскій подвигъ; а Астрабатовъ, наклонясь къ моему уху, шепнулъ:

— Да это онъ, братецъ ты мой, кажется, лупитъ чистаганомъ изъ *не люба не слушай*...

— Ахъ ты Малекъ-Адель эдакой! воскликнулъ онъ громко, глядя на Щелкалова, и потомъ продолжалъ, обратясь къ дамамъ:—то есть ухъ! какой тонкости, я вамъ

доложу, человѣкъ по амурному отдѣленію.—бѣда! Слава Богу, десять лѣтъ его знаю, не десять дней...

— Послушай, баронъ (онъ снова поглядѣлъ на Щелкалова), а помнишь ли третьягоднишнюю лебедянскую сказку? Забылъ, что ли?

Въ голосѣ Астрабатова послышалось внутреннее раздраженіе.

— Тогда безъ Астрабатова не обходился никто... обѣдъ ли, ужинъ ли, или что-нибудь эдакое—подавай сюда Астрабатова! Астрабатова обнимали, качали: Астрабатовъ, моншеръ, душу свою отдавалъ вамъ безъ залога и безъ процентовъ.. Астрабатовъ, сдѣлай то: Астрабатовъ, дай это (онъ указалъ на карманъ): Астрабатовъ, съѣзди туда; Астрабатовъ, спой. Астрабатовъ все дѣлалъ для васъ — и ѣздилъ, и хлопоталъ, и пѣлъ... Какъ заговоритъ, бывало, тутъ въ лѣвомъ боку, сейчасъ гитару въ руки, щипнулъ два-три аккорда со слезой, да какъ потомъ зальешься эдакъ задушевно, изнутри; такъ, я думаю, ты самъ помнишь.—люди, у которыхъ были нервы изъ вязиги—и тѣ, душа моя, рыдали, потому-что хоть методы нѣтъ, да душа есть, а въ душѣ—главное... Астрабатовъ—это всѣмъ извѣстно—въ пять дней пять тысячь рублей серебромъ просадилъ. Да! вотъ каковъ Астрабатовъ-то!

Онъ вынулъ изъ кармана огромный сафьянный бумажникъ и хлопнулъ по немъ рукою.

— Пять тысячъ, моншеръ, вотъ изъ этого бумажника вынулъ, какъ одну копѣйку, въ пять дней! потомъ, вздохнувъ, прибавилъ:—Въ немъ таки перебывало порядочно деньжонокъ! И нынче, благодаря Бога, водятся... А въ Петербургѣ Астрабатова на улицѣ или въ гостяхъ встрѣчаютъ: не узнаютъ. Здѣсь Астрабатовъ не нуженъ, потому-что здѣсь фаетоны да бонтоны, здѣсь вытанцовываютъ па-де-дё на столичныхъ деликатностяхъ въ вершокъ ширины; а задушевности, моншеръ, вотъ отсюда-то идущей, изъ глубины, теплоты-то этой.—этого не нужно! Все Фребеліусы да Гамбсы, а о чувствѣ не спрашивай... А въ сущности все это помпадурство, по-моему, самое пустое дѣло.

Астрабатовъ пріостановился на минуту, посмотрѣлъ,

нѣсколько прищурясь! на дамъ, удивленныхъ его импровизаціею, вынулъ изъ кармана пестрый раздушенный фуляръ, высморкнулся и сказалъ, улыбаясь:

— Pardon, mesdames! я человѣкъ со вздохомъ, люблю попросту, безъ всякихъ эдакихъ закорючекъ, сердечно высказать все, когда закипитъ внутри; а тамъ, знаешь, каждый получай по адресу...

Щелкаловъ въ первую минуту, когда Астрабатовъ заговорилъ, обернулся на этотъ голосъ, взглянулъ на него и потомъ въ продолженіи всей его рѣчи измѣрялъ его съ ногъ до головы въ свое стеклышко съ презрительной улыбкой. Когда же Астрабатовъ кончилъ, баронъ захохоталъ, всталъ съ кресла, протянулъ ему руку, какъ бы удостоивая его особенной чести, и сказалъ, не глядя впрочемъ на него:

— Здравствуй... Ну, что, все такой же, какъ всегда?... особенный, свой языкъ, какъ ни у кого? оригинально... очень! И потомъ, обратясь къ Лидіи Ивановнѣ, прибавилъ:—большой чудакъ! Не правда ли? А я и не зналъ, что вы съ нимъ знакомы...

Астрабатовъ значительно посмотрѣлъ на него.

— Полно, душенька, эръ-фиксы-то выпускать, произнесъ онъ:—съ старыми-то пріятелями эдакъ не встрѣчаются. Вотъ лучше-ка по душѣ, запросто безъ закорючекъ, обнимемся и поцѣлуемся.

Онъ безцеремонно обнялъ Щелкалова и протянулъ къ нему свои губы. Щелкаловъ поморщился, несовсѣмъ охотно позволилъ поцѣловать себя и потомъ, отойдя отъ него, сказалъ мнѣ:

— Вотъ, батюшка, типъ-то! Не правда ли? Каковъ молодчикъ?... Но какъ же можно пускать этакого господина въ домъ?...

Вскорѣ послѣ этого экипажи были поданы, и всѣ начали собираться въ путь. Передъ самымъ отъѣздомъ Астрабатовъ схватилъ за руку Ивана Алексѣича, который бѣжалъ къ коляскѣ съ какимъ-то узломъ.

— Постой, душа моя, сказалъ онъ ему: — ты вѣдь меня знаешь, и мы, кажется, понимаемъ другъ друга. Ты поэтъ; а я, братецъ, хоть и не пишу стиховъ, но здѣсь

у меня въ груди кипитъ поэзія: и слеза, и вздохъ, и пѣсня—все тутъ! Такъ ли? скажи...

— Еще бы! возразилъ Иванъ Алексѣичъ, крѣпко пожавъ руку Астрабатова съ свойственнымъ ему сладкимъ выраженіемъ:—я знаю, что ты поэтъ въ душѣ; но пора, братецъ, ѣхать; мы и безъ того ужъ опоздали... Надо вотъ еще уложить этотъ узелъ...

— Нѣтъ, погоди, братъ, погоди! перебилъ его Астрабатовъ:—тебѣ извѣстно, что я дѣйствую на чистоту, на прямки, *этикеты* только уважаю на бутылкахъ, а церемоній терпѣть не могу; такъ вели-ка ты, душенька, на дорогу-то подать мнѣ бальзамчику да кусочикъ чернаго хлѣба съ солью. Какъ набальзамируешь эдакъ слегка желудокъ передъ обѣдомъ, такъ и аппетитъ лучше, и на душѣ покойнѣе, да и отъ сырости предохранишь себя. Нельзя безъ этого. Вѣдь въ воздухѣ нынче эпидеміи такъ и хлещутъ!

Астрабатовъ выпилъ двѣ большія рюмки водки, крякнулъ, закусилъ чернымъ хлѣбомъ и произнесъ:

— Ну, вотъ, теперь хоть на край свѣта!

Въ это время происходила страшная суматоха. Дамы въ шляпахъ и бурнусахъ толпились на крыльцѣ и на дорожкѣ палисадника, которая вела къ калиткѣ; мужчины—одни кричали своихъ кучеровъ, другіе отыскивали свои пальто и шляпы; Макаръ, въ ливреѣ травянаго цвѣта съ галунами, о чемъ-то очень хлопоталъ и суетился съ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ; горничныя совались безъ толку изъ угла въ уголъ....

Коляска Щелкалова, запряженная четверкою въ рядъ, которою управлялъ кучеръ страшной толщины съ огромною крашеною бородою, подъѣхала первая къ калиткѣ. Щелкаловъ предложилъ садиться Лидіи Ивановнѣ и Наденькѣ и сѣлъ напротивъ нихъ самъ съ Веретенниковымъ. Его ливрейный лакей, въ красныхъ плюшевыхъ штанахъ, ловко захлопнулъ дверцы коляски, оттолкнулъ Макара, который подсунулся было ему подъ руку, вскочилъ на козлы, гордо сѣлъ, подбоченясь лѣвой рукой, и закричалъ: «Пошелъ!» Когда коляска двинулась, бойкая барышня съ лорнетомъ шепнула что-то влюбленному въ Наденьку мо-

лодому человѣку, который измѣнился въ лицѣ и хоть улыбнулся, но очень печально. Затѣмъ всѣ начали разсаживаться въ свои экипажи.

Мнѣ пришлось ѣхать съ бойкой барышней и съ влюбленнымъ молодымъ человѣкомъ. Дорогою я замѣтилъ, что между ними происходило что-то особенное. Она какъ-то необыкновенно выводила глазами, глядя на него, и кокетничала немилосердно, играя своимъ двойнымъ лорнетомъ.

Когда мы проѣхали уже верстъ пять, сзади насъ послышался звонъ бубенчиковъ и страшный крикъ «Правѣе! правѣе! Эй вы, соколики, голубчики! вытягивай дружно... Правѣе!» И вслѣдъ затѣмъ пронесся мимо насъ, чуть не задѣвъ колесомъ о наше колесо, небольшой охотничій тарантасъ, запряженный тройкой съ бубенчиками и съ разными балаболками на сбруѣ. Этой тройкой правилъ стоя молодой ямщикъ въ плисовой поддёвкѣ, въ плоской шляпѣ почти безъ полей, набекрень, украшенной вѣнкомъ разноцвѣтныхъ георгинъ. Въ этомъ тарантасѣ сидѣли Аменаида Александровна съ Астрабатовымъ.

Астрабатовъ, поровнявшись съ нами, вскочилъ на ноги, снялъ свою бархатную фуражку и, помахивая ею въ воздухѣ, закричалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Что, душа моя, какова троечка-то? У меня, братецъ, русская душа. Вотъ она наша поэзія-то!...

Мы пріѣхали въ «Дубовую Рощу» въ началѣ третьяго часа. Первое лицо, попавшееся намъ, былъ Астрабатовъ, который у подъѣзда флигеля, гдѣ были приготовлены для насъ комнаты, расхаживалъ съ кнутомъ въ рукѣ, всѣхъ встрѣчая и хвастая своей троечкой и своей русской душой.

Щелкаловъ по знакомству съ хозяиномъ и управляющимъ «Дубовою Рощею» устроилъ все съ величайшимъ эффектомъ и комфортомъ. Намъ отданъ былъ въ распоряженіе цѣлый флигель, съ пятью комнатами. Въ первой большой комнатѣ, украшенной дубовыми гирляндами, былъ накрытъ длинный столъ, уставленный хрусталемъ, фруктами и цвѣтами; направо двѣ небольшія комнаты, также всѣ въ цвѣтахъ, назначались для дамскихъ уборныхъ;

комната налѣво для мужчинъ; а въ стеклянной галлереѣ за этой комнатой помѣщался буфетъ.

Лидія Ивановна, Наденька, а за ними всѣ остальныя дамы поочередно приходили въ восторгъ отъ вкуса барона и осыпали его благодарностями и похвалами. Щелкаловъ принималъ эти изъявленія довольно равнодушно, гордо прохаживался съ своимъ стеклышкомъ, кричалъ на людей и дружески трепалъ по плечу толстаго управляющаго съ печатками на животѣ, который явился къ нему узнать, доволенъ ли онъ его распоряженіями. Я замѣтилъ въ то-же время, что этотъ управляющій посматривалъ на всѣхъ насъ остальныхъ, на дамъ и на мужчинъ, съ какой-то подозрительной гримасой недоумѣнія, которую можно было растолковать такъ: «Да откуда же это такихъ господъ и госпожъ навезъ съ собою баронъ? Я такихъ съ роду не видывалъ».

Иванъ Алексѣичъ подходилъ ко всѣмъ съ своей сладкой улыбкой и съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: «Каковъ баронъ-то? Я вѣдь говорилъ, что онъ все съумѣетъ устроить, какъ никто. Оно хотя дороговато, да вѣдь зато, посмотрите, какъ все хорошо».

И затѣмъ одному онъ указывалъ, облизывая губы, на огромную грушу, другому на вазу со сливами, третьяго приводилъ въ буфетъ, гдѣ былъ выставленъ строй бутылокъ, и такъ далѣе.

У Пруденскаго разгорались на все глаза, и, казалось, онъ совершенно начиналъ забывать потраченные имъ двадцать рублей: поправляя очки, онъ разглядывалъ съ глубокомысленнымъ вниманіемъ и ананасъ и персикъ; читалъ на бутылкахъ ерлыки; бралъ бутылку въ руку, разсматривая ее со всѣхъ сторонъ, и улыбался про-себя.

Поваренки, бѣгавшіе по двору, также немало занимали его.

— Вишь, замѣтилъ онъ съ удовольствіемъ: — плуты, бѣгаютъ, и сколько ихъ! Видно работы-то много! Полагать должно по всему, что намъ предстоитъ недурной обѣдецъ, а возліятельная часть въ наилучшемъ устройствѣ. Лафитъ и сотернъ подъ золотыми и серебряными печатями!

И потомъ продолжалъ, пародируя Гомера:—Мы будемъ за пиршествомъ—

Мирно бесѣду вести; посреди насъ цвѣтущая Геба—

(онъ указалъ на проходившую въ эту минуту Наденьку)

Нектаръ кругомъ разольетъ... и кубки пріемля златые,
Чествовать будемъ другъ друга, на лугъ сей зеленый взирая...

(При этомъ онъ указалъ пальцемъ въ окно и осклабился самою довольною улыбкою).

Астрабатовъ ударилъ его своей широкой ладонью по спинѣ и сказалъ:

— Полно ораторствовать-то! вѣдь ты здѣсь не въ школѣ, а вотъ выпьемъ-ка лучше бальзамчику. Слышишь? Я уже хватилъ дважды передъ отъѣздомъ и одинъ разъ послѣ пріѣзда, да чувствую потребность еще: что-то щемитъ подъ ложечкой. Хватимъ-ка, дружище, по рюмочкѣ.

Пруденскій очень поморщился при словѣ школа, но потомъ однако улыбнулся и отвѣчалъ съ юмористическимъ выраженіемъ по-малороссійски:

— Добрѐ...

Когда дамы поправили свои туалеты послѣ дороги, всѣ отправились гулять въ паркъ. Баронъ подъ руку съ Наденькой; молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, съ бойкой барышней; Астрабатовъ съ Аменаидой Александровной; остальные въ разсыпную, въ томъ числѣ и я. Когда въ глубинѣ парка мы очутились съ обѣихъ сторонъ среди густаго березняка и когда Алексѣй Аѳанасьичъ увидалъ грибъ, у него такъ и загорѣлись глаза. Онъ бросился къ нему, дрожащей рукой оторвалъ его отъ корня, съ восторгомъ вскрикнулъ: «О, да здѣсь, я вижу, должно быть пропасть грибовъ! Господа, кто хочетъ со мной на охоту?» И, перепрыгивая съ кочки на кочку, -какъ молодой человѣкъ, онъ въ минуту скрылся отъ насъ въ чащѣ лѣса. За нимъ послѣдовали Пруденскій, Иванъ Алексѣичъ и еще два мнѣ неизвѣстные господина, а мы отправились далѣе по дорогѣ парка.

Дорога все шла подъ гору, и когда мы спустились съ горы, направо передъ нами открылось озеро, замыкавшееся съ одной стороны крутымъ и лѣсистымъ берегомъ, а съ другой болотистымъ пространствомъ, поросшимъ частымъ, высоко вытянувшимся, но тощимъ березнякомъ и осиною. Почти по срединѣ озера возвышался небольшой островъ, густо заросшій мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, въ зелени котораго виднѣлась бесѣдка, сложенная изъ березы. У самаго спуска къ озеру, куда мы подошли, къ периламъ небольшой пристани привязана была лодочка, и здѣсь по распоряженію предупредительнаго управляющаго ожидалъ насъ мужикъ съ багромъ и веслами, въ случаѣ если бы кому-нибудь изъ насъ захотѣлось покататься на озерѣ.

Мы остановились здѣсь, потому-что дамы заахали отъ восхищенія, когда передъ ними сюрпризомъ открылось озеро.

— Ахъ! и лодочка! воскликнула Наденька.

— А вы не боитесь кататься на лодкѣ? спросилъ ее Щелкаловъ.

— Отчего же? если такъ тихо, какъ теперь...

— Ну такъ поѣдемте.

— А кто же будетъ гресть?...

— Гресть буду я.

— Да развѣ вы умѣете?

— А вотъ вы увидите. Хотите, что ли?

Наденька въ нерѣшительности посмотрѣла на Лидію Ивановну.

— Поѣзжай, мой другъ, отчего же? возразила Лидія Ивановна:—вѣрно кто-нибудь еще изъ дамъ пожелаетъ покататься.

И она обратилась къ дамамъ съ пріятной улыбкой.

— Ахъ, нѣтъ, какъ можно! страшно на такой маленькой лодочкѣ! воскликнуло въ одинъ голосъ нѣсколько дамъ.

Щелкаловъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на Лидію Ивановну, ни на этихъ дамъ, велѣлъ отцѣпить лодку, вскочилъ въ нее, взялъ отъ мужика багоръ и вёсла и протянулъ руку Наденькѣ.

— Ну прыгайте, сказалъ онъ:—докажите, что вы не трусиха и имѣете довѣренность къ гребцу.

Наденька колебалась съ минуту и наконецъ прыгнула въ лодку.

— Больше никого взять нельзя, сказалъ Щелкаловъ рѣшительно:—опасно, потому-что лодка очень мала. Мы проѣдемся немного, я выпущу Надежду Алексѣевну, и потомъ, если кто-нибудь захочетъ....

Щелкаловъ пробормоталъ послѣднія слова, упираясь багромъ о пристань и отталкивая лодку отъ берега, и, не докончивъ фразу, бросилъ багоръ въ лодку, снялъ съ себя шляпу, сѣлъ, тряхнулъ головой, взмахнулъ веслами, которыя блеснули на солнцѣ,—и легкая лодочка, разсѣкая синеватую и гладкую поверхность воды, понеслась быстро по направленію къ острову. Все это совершилось въ одно мгновеніе, такъ-что никто изъ насъ не успѣлъ опомниться.

Для молодаго человѣка, влюбленнаго въ Наденьку, это была, кажется, рѣшительная минута, потому-что онъ съ этихъ поръ почти пересталъ говорить съ нею и началъ, вѣроятно въ отмщеніе ей, уже совершенно явно ухаживать за бойкою барышнею съ лорнетомъ.

Мы всѣ остались на берегу, за исключеніемъ Аменаиды Александровны и Астрабатова, которые или отстали отъ насъ, или ушли впередъ.

Бѣлыя облака, густыми грядами тѣснясь другъ къ другу, тянулись по небу; солнце вскорѣ скрылось за ними; синева постепенно пропадала съ поверхности озера, и оно принимало свинцовый оттѣнокъ. Сѣроватое небо, сѣроватая вода и мелкій болотистый обрѣдѣвшій лѣсъ, со всѣхъ сторонъ окружавшій насъ,—все это было нѣсколько печально. Говоръ вдругъ смолкъ, порывистый вѣтеръ повременамъ сильно качалъ вершинами деревъ, съ которыхъ слетали пожелтѣвшіе листья, и пробѣгалъ рябью по поверхности озера.

Мы молча слѣдили за движеніемъ лодочки, и мнѣ, я самъ не зналъ отчего, вдругъ стало жаль Наденьку.

Лодка причалила къ острову. Мы видѣли, какъ Щелкаловъ выпрыгнулъ изъ нея и протягивалъ руку На-

денькѣ, какъ Наденька соскочила на землю, какъ потомъ Щелкаловъ привязывалъ лодку къ дереву и какъ они отправились наконецъ въ глубину острова и скрылись за деревьями.

Это даже подѣйствовало не совсѣмъ пріятно и на Лидію Ивановну, потому-что она сказала очень серьёзно и съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ:

— Какія глупости! къ чему это они вышли на берегъ?

И начала кричать: «Наденька! Наденька!»

Но крикъ этотъ пропадалъ напрасно.

Прошло четверть часа ожиданія, но ни Щелкалова, ни Наденьки не показывалось. Потерявъ терпѣніе, всѣ разбрелись по парку; остались только на берегу Лидія Ивановна, Веретенниковъ и я. Это происшествіе разстроило прогулку: дамы нѣсколько надулись на Лидію Ивановну. Лидія Ивановна чувствовала также какую-то неловкость и когда прошло еще четверть часа, она не могла уже долѣе скрывать своего волненія.

— Однако, это ни на что не похоже, сказала она, обращаясь къ намъ.—Peut-on faire des choses comme-ça? Я непремѣнно Наденькѣ вымою голову. Ну можно ли, что изъ-за нея все гулянье разстроилось?

Мы начали успокоивать Лидію Ивановну, какъ умѣли. Наконецъ, лодочка, къ нашему удовольствію, снова пришла въ движеніе, но подвигалась къ намъ очень лѣниво: гребецъ едва шевелилъ веслами. Мы ужь начали махать платками и кричать:

— Скорѣй! Скорѣй!

Лидія Ивановна встрѣтила Наденьку очень мрачно. Она обратилась къ Щелкалову хотя и съ пріятною улыбкою, но не безъ ироніи:

— Вы видите, баронъ, изъ пятнадцати насъ осталось только трое—это самые терпѣливые; мы таки дождались васъ...

— Что такое? возразилъ Щелкаловъ: — развѣ мы ѣздили такъ долго? Я показывалъ Надеждѣ Алексѣевнѣ бесѣдку на островѣ. Тамъ такая дичь, что мы насилу

добрались до этой бесѣдки... Да развѣ ужь такъ поздно? Мы опоздали, что ли, куда-нибудь?

— Нѣтъ, но это разстроило немного нашу прогулку.

— Отчего? сказалъ Щелкаловъ:—что за вздоръ! пусть они тамъ гуляютъ, гдѣ хотятъ; что намъ за дѣло до нихъ, мы будемъ гулять сами по себѣ. Не правда ли?

Онъ засмѣялся, поглядѣлъ на всѣхъ насъ, предложилъ свою руку Лидіи Ивановнѣ и отправился съ ней впередъ, значительно смягчивъ этимъ поступкомъ ея неудовольствіе.

Мы пошли за ними. Я взглянулъ на Наденьку. Она была въ большомъ замѣшательствѣ и едва отвѣчала на мои вопросы.

Обѣдать было назначено въ четыре часа; оставалось до обѣда еще три четверти часа, и мы возвратились, по предложенію Щелкалова, назадъ осмотрѣть комнаты большаго дома, гдѣ, по словамъ его, было нѣсколько недурныхъ картинъ.

Взглянувъ на эти картины, очень, впрочемъ, сомнительнаго достоинства, и пройдя по комнатамъ, которыя были меблированы въ новѣйшемъ вкусѣ и не представляли ничего особенно любопытнаго, мы возвратились въ нашъ флигель.

Щелкаловъ отправился въ столовую осматривать, все ли въ порядкѣ. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Онъ съ видомъ знатока бросилъ взглядъ на столъ въ свое стеклышко, потомъ обозрѣлъ кругомъ всю комнату, крикнулъ раза два на лакеевъ, велѣлъ позвать къ себѣ француза-повара и началъ о чемъ-то его распрашивать, качаясь на стулѣ и не смотря на него, но внутренно наслаждаясь тѣми знаками благоговѣнія, которые оказывали ему поваръ и вся прислуга.

Въ столовой давно уже прохаживались Пруденскій съ Иваномъ Алексѣичемъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда.

Пруденскій подошелъ ко мнѣ и, показывая часы, сказалъ:

— На моихъ безъ пяти минутъ четыре. Пора бы уже приступить и къ трапезѣ, да, кажется, еще не всѣ въ сборѣ. Посмотрите, Алексѣй Аѳанасьичъ непремѣнно про-

моритъ насъ, я увѣренъ. Онъ, чего добраго, до ночи проходитъ за своими грибами и забудетъ обо всѣхъ насъ. Мы съ Иваномъ Алексѣичемъ аукали его, аукали, такъ и не дозвались. Пожалуй, еще заблудится въ лѣсу. Чего добраго? Ужь его ждать невозможно, какъ хотите: семеро одного не ждутъ. Сама народная мудрость, выражающаяся въ этой пословицѣ, послужитъ для насъ достаточномъ оправданіемъ въ такомъ случаѣ.

— Разумѣется, папеньку ждать нечего, возразилъ Иванъ Алексѣичъ, прохаживаясь около стола, уставленнаго разнообразнѣйшими закусками и бросая на нихъ жадные взгляды:—старикъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ можетъ проходить до вечера; отъ него это легко станется, онъ для грибовъ точно забываетъ часто обѣдъ и все на свѣтѣ. Посмотрите, Пруденскій, какая жирная и бѣлая селедка-то, а съ балыка такъ и каплетъ! Удивительный балыкъ! Эдакихъ я не видывалъ здѣсь.

— Кажется, все будетъ хорошо, сказалъ Щелкаловъ, подходя къ Ивану Алексѣичу.

— У, баронъ! что и говорить, перебилъ Иванъ Алексѣичъ, придерживая барона за талію обѣими руками и бросая на него совсѣмъ сахарный взглядъ:—мастеръ, мастеръ все устроить.

— Такимъ тонкимъ знатокамъ въ гастрономіи, замѣтилъ Пруденскій:—позавидовалъ бы и древній Римъ. Вы воскрешаете для насъ, баронъ, лукулловскія времена... А ужь, признаться, пора бы, совершивъ омовеніе и возложивъ на главы вѣнки, возлечь за пиршественный столъ.

Щелкаловъ вкось взглянулъ на Пруденскаго, удержавшись отъ улыбки, потому-что онъ не хотѣлъ удостоивать его даже и улыбки.

— Да! вѣдь ужь почти четыре часа, вкрадчиво произнесъ Иванъ Алексѣичъ.

— Обѣдъ черезъ четверть часа будетъ готовъ, мнѣ сейчасъ сказалъ Дюбо.

— А этотъ Дюбо долженъ быть художникъ въ своемъ дѣлѣ! опять ввернулъ свое словцо Пруденскій.

— Да вѣдь, кажется, еще не всѣ собрались? спросилъ

Щелкаловъ, по обыкновенію не замѣчая Пруденскаго и обращаясь къ намъ съ Иваномъ Алексѣичемъ.

— Я не знаю, отвѣчалъ Иванъ Алексѣичъ: — но во всякомъ случаѣ отца ждать нечего; онъ будетъ даже очень доволенъ, что его не ждали, я ужъ знаю его натуру...

Щелкаловъ не дослушалъ Ивана Алеѣсѣича и, напѣвая себѣ что-то подъ носъ, направилъ шаги въ комнату передъ буфетомъ, сдѣлавъ знакъ лакею, чтобы слѣдовалъ за нимъ.

— Надо пойдти узнать, всѣ ли возвратились, сказалъ Иванъ Алексѣичъ: — и объявить, что обѣдъ сейчасъ будетъ готовъ. Ужасно ѣсть хочется, у меня сегодня кромѣ чашки кофею ничего во рту не было.

Иванъ Алексѣичъ обратился ко мнѣ съ своею улыбкою.

— Я, знаете, нарочно ничего не завтракалъ, имѣя въ виду такой обѣдъ.

— И благоразумно поступили! воскликнулъ Пруденскій:—а я такъ нарочно по этому случаю два дня діэту держалъ. Мнѣ-то еще больше вашего ѣсть хочется.

И точно Пруденскій долженъ былъ чувствовать сильный голодъ, потому-что, ходя по комнатѣ и разговаривая со мною, онъ не могъ отвести своихъ очковъ отъ стола съ закусками.

Мало-по-малу начинали собираться въ столовую, по приглашенію Ивана Алексѣича. Въ комнату же, назначенную для мужчинъ, по распоряженію Щелкалова, до обѣда не велѣно было никого впускать. Для этого былъ поставленъ даже лакей у двери.

— Да пусти же, братецъ, хоть на минутку, я забылъ тамъ сигарочницу, говорилъ влюбленный молодой человѣкъ лакею, стоявшему у дверей.

— Никакъ нельзя-съ, отвѣчалъ лакей.

— Это отчего?

— Баронъ не приказали никого впускать.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Убирайся ты къ чорту съ твоимъ барономъ! закричалъ онъ, оттолкнувъ лакея, и хотѣлъ взяться за ручку замка.

Но лакей сталъ поперегъ двери и произнесъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Воля ваша, сударь, никакъ нельзя.

Молодой человѣкъ началъ было горячиться, но мы всѣ бросились его успокоивать.

— Да что жь такое тамъ дѣлается? спросило нѣсколько голосовъ у лакея.

— Не могу знать-съ.

— Вѣдь ты врешь, дуракъ, ты знаешь, говори же! закричалъ кто-то.

Лакей глупо улыбнулся и отвѣчалъ:

— Не могу знать-съ.

Шумъ увеличивался.

Въ эту минуту вошелъ Щелкаловъ. Всѣ обратились къ нему.

— Господа, сказалъ онъ:—ваши вещи, которыя въ той комнатѣ, вамъ сейчасъ принесутъ, но туда не войдетъ ни одинъ изъ васъ до обѣда. Вы меня выбрали распорядителемъ, слѣдовательно должны мнѣ повиноваться и вѣрить, что я все устроиваю къ вашему же удовольствію.

И, произнеся это съ необычайною важностью, онъ отправился далѣе.

— Вѣрно какой-нибудь сюрпризъ готовится, сказалъ Иванъ Алексѣичъ, провожая пріятною улыбкою барона и въ то же время близясь къ столу съ закусками.

Онъ взялъ кусочикъ селедки, положилъ его въ ротъ и, какъ-будто желая скрыть отъ другихъ такой преждевременный поступокъ, началъ смотрѣть въ окно, напѣвая что-то; потомъ, проглотивъ кусочикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обратился къ намъ, осмотрѣлъ всѣхъ и сказалъ:

— Что жь? Мы теперь, кажется, всѣ на лицо, кромѣ папеньки?

— Астрабатова нѣтъ, замѣтилъ съ безпокойствомъ Пруденскій.

Иванъ Алексѣичъ поморщился, но Астрабатовъ въ эту же минуту вошелъ въ столовую.

— Вотъ легокъ-то на поминѣ! закричали ему Пруденскій и Иванъ Алексѣичъ.

— А что?

— Да ужь и обѣдать пора, отвѣчалъ Иванъ Алексѣичъ:—пятый часъ въ началѣ...

— Обѣдать? возразилъ Астрабатовъ, потирая подбородокъ:—почему жь? это дѣло подходящее... Ну, душа моя, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, вполголоса: — какую мы съ этой барыней учинили прогулку, то есть я тебѣ скажу! Она, знаешь, пѣвица, я вѣдь тоже пѣвецъ, такъ мы тамъ подъ березками такой дуэтецъ пропѣли, что любо-дорого, безъ фальшу, братецъ, чудо какъ согласно! Она было, знаешь: «да я не могу, да я не въ голосѣ», а я ей напрямикъ: «полноте, сударыня, я терпѣть не могу этихъ закорючекъ. Попробуемъ: споемся—такъ хорошо, нѣтъ—ну на нѣтъ и суда нѣтъ...» Ужь зато какже и спѣлись, душенька!

Астрабатовъ приложилъ пальцы къ губамъ, чмокнулъ, прищурилъ лѣвый глазъ и прибавилъ:

— Теперь, братецъ ты мой, надо пропустить внутрь укрѣпительной.

За обѣдъ сѣли въ половинѣ пятаго, не дождавшись Алексѣя Аѳанасьича. Въ ту минуту, когда дамы вошли въ столовую, дверь, охранявшаяся лакеемъ, отворилась, и хоръ полковыхъ музыкантовъ грянулъ увертюру изъ «Сомнамбулы». Дамы пришли въ неописанный восторгъ отъ этого сюрприза, да и кавалеры остались очень довольными. Тайна охраняемой двери была для насъ разгадана.

Иванъ Алексѣичъ съ салфеткою въ рукѣ и съ замасленными губами, потому-что у него весь ротъ былъ набитъ сардинками, бросился въ порывѣ неудержимаго чувства къ Щелкалову, съ намѣреніемъ, кажется, обнять его, но тотъ ловко отклонилъ угрожавшій его поцалуй, и порывъ окончился только крѣпкимъ пожатіемъ рукъ и сладкимъ взглядомъ со стороны Ивана Алексѣича. Обѣдъ и вина были превосходные. Все это вмѣстѣ съ музыкой привело присутствующихъ въ самое веселое расположеніе духа, а нѣкоторыхъ болѣе нежели въ веселое. Еще обѣдъ не дошелъ до половины, какъ Пруденскій началъ уже обниматься съ своими сосѣдями, а Астрабатовъ отпускать

невѣроятныя любезности сидѣвшимъ противъ него дамамъ, къ счастію, заглушавшіяся громомъ музыки.

Щелкаловъ очень неблагосклонно посматривалъ повременамъ въ свое стеклышко на тотъ конецъ стола, гдѣ сидѣли Пруденскій и Астрабатовъ. Онъ обратился къ Веретенникову и ко мнѣ и, скорчивъ гримасу, произнесъ:

— Нельзя сказать, чтобы мы находились въ очень избранномъ обществѣ. Какъ вы думаете, господа?

— Да! чортъ знаетъ что такое! возразилъ Веретенниковъ, охорашиваясь и поправляя свои воротнички.

Между тѣмъ Иванъ Алексѣичъ, удовлетворивъ свой аппетитъ нѣсколькими блюдами, которые онъ накладывалъ въ значительномъ количествѣ на тарелку, и заливъ ихъ виномъ, изъявилъ безпокойство объ отсутствіи папеньки. Лидія Ивановна начала также приходить отъ этого въ нѣкоторое смущеніе, а Наденька съ самаго начала обѣда все съ безпокойствомъ посматривала на двери. Наконецъ въ половинѣ обѣда, къ общему удовольствію, старикъ появился съ двумя огромнѣйшими котомками, наполненными грибами, весь въ паутинѣ.

— Уфъ! произнесъ онъ, складывая котомки на стулъ:— какъ ни торопился, а все-таки опоздалъ, зато вотъ вамъ еще лишнее блюдо.

И онъ указалъ на свои грибы.

— Мы никакъ бы не сѣли безъ васъ, замѣтилъ Щелкаловъ:—если бы не вашъ сынъ и не Лидія Ивановна.

— И прекрасно сдѣлали, что не ждали меня, я этого терпѣть не могу; а вотъ я теперь вымоюсь да выпью потомъ водочки, да и догоню васъ. Вѣдь вы еще не съѣли всего? Вѣдь для меня что-нибудь осталось?... Да мнѣ, пожалуй, вашихъ-то утонченныхъ блюдъ и не нужно. У меня есть свое блюдо.

Старикъ улыбнулся и потомъ обратился къ Щелкалову:

— А вотъ ты окажи-ка мнѣ услугу, баронъ: такъ-какъ ужь ты распорядитель, вели-ка повару-то хорошенько изжарить намъ на сковородкѣ эти грибки со сметаной. Грибки всѣ какъ на подборъ молоденькіе, свѣженькіе. Это блюдо будетъ лучше всѣхъ вашихъ заморскихъ блюдъ-то, и вы мнѣ за него скажете спасибо, я знаю.

— Превосходная мысль! воскликнулъ Щелкаловъ: — Дюбо жаритъ грибы удивительно... Послать сюда повара!

Дюбо, низенькій и полный, въ пышной бѣлой фуражкѣ и въ курткѣ снѣжной бѣлизны, съ огромнѣйшимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, во вкусѣ Астрабатова, вошелъ въ столовую и расшаркался передъ барономъ.

— Что прикажете, господинъ баронъ? сказалъ онъ по-французски.

— Приготовьте намъ сейчасъ эти грибы, сказалъ Щелкаловъ, указавъ на котомки съ грибами:—какъ слѣдуетъ по-русски со сметаной, на сковородѣ, помните, такъ, какъ вы подали ихъ намъ въ прошломъ году на обѣдѣ, который давалъ графъ Красносельскій.

— Очень хорошо, господинъ баронъ будетъ доволенъ.

— Мусье Дюбо, сметанка-то чтобы была эдакъ поджарена, понимаете? сказалъ Алексѣй Аѳанасьичъ на русскомъ языкѣ, поглаживая Дюбо по плечу:—а грибки-то были бы въ соку, чтобы не слишкомъ были засушены.

Дюбо посмотрѣлъ съ любопытствомъ на Алексѣя Аѳанасьича и пробормоталъ:

— Корошо, корошо.

— Вы не безпокойтесь, онъ знаетъ свое дѣло, замѣтилъ Щелкаловъ, которому вмѣшательство Алексѣя Аѳанасьича было не совсѣмъ пріятно.

Дюбо отправился къ тому мѣсту, гдѣ лежали грибы, но на полдорогѣ былъ остановленъ Пруденскимъ, который, обтеревъ губы салфеткою, всталъ и счелъ необходимымъ, пожавъ руку повара крѣпко и съ чувствомъ, сказать ему по-французски латинскимъ произношеніемъ:

— Vous êtes un véritable artiste, мусье Дюбо!

— Fichtre! je crois b'en, m'sieur, отвѣчалъ Дюбо съ достоинствомъ.

— C'est mon ami! воскликнулъ Астрабатовъ, указывая на Дюбо, и, погрозивъ ему пальцемъ, прибавилъ:—ахъ ты, плутъ, французъ!

— Ah! bon jour, m'sieur Astrabat! закричалъ Дюбо, протянувъ безъ церемоніи руку Астрабатову.

Алексѣй Аѳанасьичъ между-тѣмъ обчистился, вымылся и приступилъ къ обѣду. Грибы были приготовлены, къ

совершенному его удовольствію, отлично, и всѣ, кушая ихъ, обращались съ похвалами къ нему, а онъ кивалъ головой и улыбался самой счастливой улыбкой, приговаривая:

— Нѣтъ, ей Богу, этотъ Дюбо молодецъ! Я никакъ не ожидалъ, чтобы французъ умѣлъ такъ хорошо приготовлять грибы!

Когда розлили шампанское, Иванъ Алексѣичъ всталъ, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ и началъ импровизировать слѣдующіе стихи:

Здѣсь дружба насъ соединила,
И пиръ нашъ весело кипитъ:
Въ немъ есть и блескъ, и шумъ, и сила....

Онъ на минуту остановился, и, обратясь къ Щелкалову, съ пріятнѣйшимъ выраженіемъ въ лицѣ продолжалъ:

Хвала тебѣ, нашъ сибаритъ!
Твои—и мысль, и исполненье...
И пиръ ты создалъ какъ поэтъ!...
Тебѣ отъ насъ благодаренье!
Тебѣ нашъ дружескій привѣтъ!
Друзья! съ поклономъ поднимите
Бокалы полные вина,
И въ честь барона осушите
Вы молодецки ихъ—до дна!

Послѣднему стиху Иванъ Алексѣичъ придалъ особенную торжественность, выпилъ свой бокалъ до дна и съ такою силою поставилъ его на столъ, что тотъ разлетѣлся въ дребезги.

У Алексѣя Аѳанасьича при стихахъ сына, разумѣется, тотчасъ же закапали слезы изъ глазъ.

— Браво! раздалось со всѣхъ сторонъ. — Здоровье барона!

— Браво! закричалъ громче всѣхъ Пруденскій, немилосердно стуча ножомъ о столъ.—Музыканты, тушъ!

Тушъ заиграли.

Щелкаловъ поклонился всѣмъ, всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Ивану Алексѣичу, пожалъ ему руку и, обратясь къ намъ, произнесъ важно:

— Господа! позвольте мнѣ въ свою очередь предложить вамъ тостъ.... я заранѣе увѣренъ въ этомъ, онъ будетъ принятъ вами единодушно: за здоровье того, господа, который оживляетъ и украшаетъ въ настоящую минуту своими произведеніями русскую поэзію.... за здоровье того, чье имя должно быть дорого всѣмъ, кому близко къ сердцу родное слово... Я не назову вамъ этого имени, господа, потому-что каждый изъ васъ внутренно назвалъ его въ сію минуту...

— За здоровье Ивана Алексѣича! подхватилъ Пруденскій.

И всѣ бокалы съ криками: «Тушъ! здоровье Ивана Алексѣича!» устремились къ бокалу растроганнаго поэта.

Въ эту минуту Алексѣй Аѳанасьичъ всхлипывалъ и вмѣсто платка утиралъ слезы салфеткой.

Затѣмъ начались тосты въ честь дамъ, въ честь Алексѣя Аѳанасьича, какіе-то отдѣльные тосты и даже потомъ тостъ въ честь повара.

Когда вышли изъ-за стола, многіе, и въ томъ числѣ Иванъ Алексѣичъ первый, пристали къ Астрабатову съ просьбою, чтобы онъ спѣлъ что-нибудь.

Астрабатовъ обвелъ всѣхъ глазами и, положивъ руку на плечо Ивана Алексѣича, сказалъ:

— Изволь, душа моя, для тебя спою, ты понимаешь поэзію, у тебя тамъ кипитъ внутри-то, какъ и у меня же, я знаю; у насъ тамъ, братецъ ты мой, внутренняя гармоника... ну, вели подать мою гитару.

Гитара была принесена.

Астрабатовъ взялъ ее, щипнулъ пальцами струны и обвелъ глазами мужчинъ и дамъ.

Въ ту минуту, когда мы столпились около Астрабатова, управляющій, приходившій за чѣмъ-то, остановился и началъ взглядывать на него съ любопытствомъ изъ-за плеча Пруденскаго. Астрабатовъ тотчасъ замѣтилъ это и, подойдя ко мнѣ, шепнулъ, поведя на управляющаго глазомъ:

— Это, моншеръ, что такое за энциклопедія?

Когда я ему объяснилъ, кто это, онъ взглянулъ на управляющаго еще разъ, положилъ гитару на столъ, по-

чесалъ въ затылкѣ, отодвинулъ въ сторону Пруденскаго, вытащилъ изумленнаго и сконфуженнаго управляющаго впередъ и закричалъ:

— Вина!

Потомъ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, какъ-бы любуясь имъ, погладилъ его съ нѣжностію по лысинѣ и сказалъ, все продолжая разсматривать его:

— Просто, душка! (и приложилъ пальцы къ губамъ). Мы съ нимъ чокнемся и выпьемъ въ знакъ дружбы.

Управляющій началъ кланяться, благодарить и увѣрять, что не пьетъ.

— Эти, братъ, закорючки ты оставь, я терпѣть не могу, возразилъ Астрабатовъ.—Вотъ тебѣ бокалъ!

Онъ подалъ ему бокалъ.

— Ну, пей, пей!... Вотъ такъ, смотри!

И онъ залпомъ выпилъ свой бокалъ.

Управляющій на минуту призадумался и потомъ послѣдовалъ его примѣру.

Астрабатовъ поцѣловалъ его.

— Ну, теперь мы друзья, я къ тебѣ еще пріѣду, душенька, въ вашу «Дубовую-то Рощу» поохотиться. Теперь, кажется, постороннихъ никого нѣтъ. Такъ слушайте, если хотите, я спою вамъ.

Онъ взялъ гитару, задумался на мгновеніе, откинулъ назадъ свои кудрявые волосы, въ которыхъ проглядывала уже сѣдина, посмотрѣлъ на потолокъ, какъ-бы ища вдохновенія, ударилъ по струнамъ и запѣлъ, обратившись къ дамамъ и закативъ глаза:

„На зарѣ ты ее не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ,
Утро дышетъ у ней на груди...“

Теноръ Астрабатова не отличался ни свѣжестью, ни чистотою, но онъ былъ не безъ пріятности; въ немъ было что-то раздражающее, производившее сильное впечатлѣніе на тѣхъ, которые не были слишкомъ взыскательны въ музыкѣ и предпочитали Моцарту и Бетховену всякую русскую заунывную или цыганскую плясовую пѣсню.

И потому, когда Астрабатовъ кончилъ, раздались самыя искреннія «браво» и рукоплесканія; въ особенности Пруденскій и управляющій были сильно растроганы. Даже и Щелкаловъ съ Веретенниковымъ воскликнули:

— Браво! прекрасно!

Астрабатовъ взглянулъ на нихъ, покачалъ головою и сказалъ:

— Да что вы тамъ ни толкуйте, а у Астрабатова есть внутри и слеза и вздохъ; онъ вашей ученой музыки не понимаетъ; онъ не учился тамъ этимъ разнымъ пунктамъ да контрапунктамъ вашимъ, онъ самоучка и дѣйствуетъ не на голову, а на сердце. Не такъ ли, mesdames?

Астрабатовъ немного прищурилъ одинъ глазъ, ударилъ по струнамъ и запѣлъ:

„Горныя вершины
Спятъ во тмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой...“

— Ну, теперь, братцы, хоровую, да дружно! вскрикнулъ онъ, становясь въ позицію знаменитаго Ильюшки:— mesdames, je vous prie.

Онъ взмахнулъ гитарой и запѣлъ:

„Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,—
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ...
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
И цыганы, молодцы,
Ни о чемъ не тужатъ...“

При этомъ остановился, повелъ плечами, выставилъ правую ногу, обвелъ глазами поющихъ мужчинъ и дамъ, тряхнулъ головою, поднялъ гитару, махнулъ ею, и хоръ грянулъ:

„Гей, цыганы! гей цыганки!
Живо, веселѣе!...“

Хоръ этотъ составляли Щелкаловъ, Веретенниковъ, Надежда Алексѣевна и Аменаида Александровна; остальные, кажется, только шевелили губами, да, правда, Пруденскій еще подтягивалъ густымъ басомъ.

— Лихо! Ай да барыни! сказалъ онъ, кладя гитару:— да за это вамъ надо непремѣнно рученьки разцѣловать. Дайте-ка приложиться.

Онъ поцѣловалъ руку Надежды Алексѣевны и Аменаиды Александровны и обратился къ намъ:

— А я вамъ скажу, что пѣвцу-то слѣдуетъ теперь горло промочить. Пойдемъ-ка, друзья, къ этому *моншеру* въ гости.

Онъ указалъ пальцемъ на проходившаго буфетчика, взялъ за руки меня и Щелкалова и потащилъ насъ, говоря Щелкалову:

— Ну-ка, распорядитель, распорядись, чтобъ бутылку раскупорили.

Пруденскій послѣдовалъ за нами и, хватая сзади Астрабатова за плечо, кричалъ:

— Мы, carissime, выпьемъ за твое здоровье.

Когда бутылка была подана, Астрабатовъ налилъ четыре стакана. Пруденскій, поправивъ очки, взялъ свой и воскликнулъ:

— Отъ души пью за твое здоровье! У тебя дивный голосъ, проникающій до глубины.

И опорожнилъ свой бокалъ разомъ.

Мы также чокнулись своими стаканами со стаканомъ Астрабатова и отпили немного.

Астрабатовъ, выпивъ свой стаканъ, снова налилъ себѣ и Пруденскому и, остановившись съ бутылкой надъ нашими стаканами, сказалъ:

— Что же? Ну, допивайте же.

Но ни Щелкаловъ, ни я не могли болѣе пить и объявили объ этомъ наотрѣзъ Астрабатову.

Онъ вздохнулъ и посмотрѣлъ на насъ съ выраженіемъ глубочайшаго сожалѣнія.

— Ахъ, вы! (и махнулъ рукой). Ну, положимъ, вотъ этотъ (онъ указалъ на Щелкалова) все выѣзжаетъ на тонкостяхъ, на *экскюзе* да на *пермете*, а ты-то, душенька!

Онъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ: — и ты туда же!... Что жь, по вашему выпить эдакъ дружески, задушевно съ теплымъ человѣкомъ—это не комъ-иль-фо? Ну да чортъ съ вами, какъ хотите! Мы выпьемъ вотъ съ этимъ.... (Астрабатовъ указалъ на Пруденскаго). Онъ хоть эдакой *hic, haec, hoc*, а малый-то въ сущности съ теплотой. Ну, душа моя, продолжалъ онъ, обращаясь къ нему: — оставимъ ихъ, не нравится имъ вино, пусть пьютъ воду; de ustibus non est disputandum.... такъ, что ли, по вашему-то?

Щелкаловъ благосклонно улыбался, съ высоты посматривая на Астрабатова.

— Ваше сіятельство, сказалъ лакей (всѣ лакеи вездѣ величали почему-то Щелкалова сіятельнымъ, и онъ не противорѣчилъ этому), мусье Дюбо васъ проситъ.

— Что ему нужно? позвать его сюда!

Дюбо явился, съ извиненіями подошелъ къ барону и что-то шепнулъ ему.

Баронъ сдѣлалъ гримасу.

— Хорошо, сказалъ онъ:—сейчасъ!

И въ ту же минуту обратился къ Астрабатову:

— Астрабатовъ, нѣтъ ли у тебя пятидесяти рублей? Я тебѣ ужо отдамъ. Ему вотъ нужны зачѣмъ-то эти деньги.

Онъ указалъ на повара.

Астрабатовъ украдкой взглянулъ на меня и кивнулъ головой на Щелкалова, прищуря глазъ, потомъ вынулъ свой огромный бумажникъ, положилъ его на столъ, раскрылъ, досталъ изъ него пачку ассигнацій, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ и сказалъ, обращаясь къ Щелкалову, не безъ ироніи:

— Пятьдесятъ? Да ужь возьми, душа моя, лучше для круглаго счета, сто.

И онъ отложилъ двѣ пятидесятирублевыя бумажки.

Первое движеніе Щелкалова было взять эти деньги; онъ уже протянулъ къ нимъ руки, но вдругъ глаза его встрѣтились съ моими; что-то мелькнуло въ головѣ его, можетъ быть воспоминаніе разговора, при которомъ я присутствовалъ,—онъ нахмурилъ брови и сказалъ важно:

— Къ чему мнѣ твои сто рублей? Убирайся съ ними. Мнѣ нужно только пятьдесятъ, чтобы отдать ему.

Онъ взялъ со стола пятидесятирублевую бумажку и передалъ ее Дюбо.

— Я тебѣ отдамъ эти деньги черезъ полчаса. У меня нѣтъ мелкихъ, надо размѣнять.

— Да что у тебя серіи, что ли, или банковый билетъ? возразилъ Астрабатовъ.—Давай, моншеръ, я размѣняю.

Но Щелкаловъ не слыхалъ этого предложенія. Онъ въ эту минуту заговорилъ съ кѣмъ-то и вышелъ изъ комнаты.

Астрабатовъ проводилъ его глазами, потеръ себѣ подбородокъ и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— А напрасно не взялъ ста, ей Богу, такъ бы ужь я и считалъ за нимъ ровно полторы тысячи. Онъ третьяго года проигралъ мнѣ въ Лебедяни тысячу четыреста, обѣщалъ отдать на другой день, да вотъ такъ и отдаетъ до сихъ поръ. Да мнѣ деньги—вздоръ! Я за деньгами не гонюсь, и эти пропадутъ, я знаю: пусть не отдаетъ, да будь вѣжливъ, носъ-то не задирай... Вѣдь этими эрфиксами нынче никого не удивишь! Мы ничѣмъ не хуже тебя, братъ, еще, пожалуй, посчитаемся родословными-то. Мое происхожденіе-то идетъ отъ персидскихъ шаховъ, такъ мы еще чуть ли не почище тебя, душенька!

Астрабатовъ остановился и посмотрѣлъ кругомъ.

— А французъ-то ужь улизнулъ съ деньгами... Подавай-те его сюда, Дюбо! Дюбо!

— Monsieur? раздался голосъ изъ корридора.

— Сюда, мусье, сюда поскорѣй! Дайте-ка намъ еще бутылочку. Ну, мусье Дюбо, продолжалъ Астрабатовъ по-русски, кладя свою ладонь на плечо француза:—мы съ тобой, душенька, выпьемъ. Слышишь? Ты ужъ не отнѣкивайся, Вѣдь ты меня знаешь. Возьми стаканчикъ-то.

Дюбо, улыбаясь, взялъ стаканъ и поглядѣлъ на насъ.

— Monsieur Astrabat шутъ-никъ... il est très gai.

— Ты вѣдь, душенька, артистъ, продолжалъ Астрабатовъ, прищелкнувъ языкомъ:—вѣдь ты не то, что какіе-нибудь только фрикасе да финьзербы, нѣтъ! ты и пломъ-пудингъ англійскій и какіе-нибудь россійскіе грибки со сметанкой на сковородкѣ представишь въ такомъ видѣ,

что пальчики оближешь. Ну, cher ami, поцѣлуемся и выпьемъ еще стаканчикъ. Вотъ такъ! Я вотъ какъ женюсь, такъ возьму тебя къ себѣ въ повара. Слышишь? Ужь мы съ тобой будемъ такіе банкеты задавать, то есть, *екски*, вотъ какіе...

Астрабатовъ приложилъ пальцы къ губамъ и чмокнулъ.

— Весь городъ ахнетъ! Я тебѣ дамъ двѣсти цѣлкачей въ мѣсяцъ жалованья. Будешь доволенъ?

— Très-bien, très-bien, бормоталъ французъ, кивая головой.

— Ну, а теперь съ Богомъ, проваливай.

Когда Дюбо ушелъ, Астрабатовъ зѣвнулъ, почесалъ въ головѣ и потомъ вскрикнулъ:

— Хлопецъ, гитару!.... Что-то тамъ зашевелило внутри, прибавилъ онъ, обращаясь къ намъ.—Погодите-ка, я вамъ спою эдакую задушевную.

Онъ взялъ гитару и запѣлъ:

„Полюби меня, дѣва милая,
Радость дней моихъ, ненаглядная!
Еслибъ знала ты весь огонь любви,
Всю тоску души моей пламенной!...
Грустно въ мірѣ жить одинокому,
Безъ любви твоей, дѣва милая!
Полюби меня, черноокая!
Ты звѣзда души беззакатная!
И любовь твоя обовьетъ меня
Своимъ пламенемъ упоительнымъ,
Я умру тогда смертью чудною,
И завидною даже рыцарямъ!“

Въ ту минуту, какъ Астрабатовъ смолкъ, Иванъ Алексѣичъ вбѣжалъ въ буфетную.

— Господа, сказалъ онъ:—васъ дамы приглашаютъ идти гулять, а въ залѣ, покуда мы гуляемъ, устроятъ, что нужно для танцевъ.

Мы всѣ отправились за Иваномъ Алексѣичемъ, въ томъ числѣ и Астрабатовъ, уже нѣсколько покачиваясь.

Рѣшили пойти въ ту часть сада, гдѣ мы еще не были—въ бесѣдку на горѣ, съ которой открывался видъ

на окрестныя поля, болота и деревни и откуда была видна даже черта моря у самаго горизонта. Здѣсь, при закатѣ солнца, представлялась картина великолѣпная, и многіе нарочно дѣлали parties de plaisir въ «Дубовую Рощу», чтобъ только посмотрѣть на закатъ солнца изъ этой бесѣдки.

Щелкаловъ взялъ опять подъ руку Наденьку. Онъ былъ послѣ обѣда въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, сдѣлался очень простъ и любезенъ со всѣми, въ разговорѣ относился даже къ Пруденскому и два раза предложилъ ему какой-то вопросъ. Мы всѣ шли вмѣстѣ толпой по широкой дорогѣ парка. Астрабатовъ рядомъ съ Наденькой. Онъ безпрестанно перебивалъ Щелкалова своимъ балагурствомъ, и баронъ нисколько не сердился за это и даже смѣялся отъ чистаго сердца, какъ и всѣ мы.

— Ахъ вы, моя барышня! говорилъ Астрабатовъ, прищуриваясь на Наденьку:—то есть просто первый сортъ, пышный розанчикъ въ густыхъ сливкахъ, эдакой bouquet de l'Impératrice тончайшаго аромата, чтобы нюхать только съ осторожностью на колѣняхъ, въ табельные дни... И вы вѣдь не знаете, продолжалъ онъ, обращаясь къ намъ: — сколько тамъ въ этой внутренности заложено слезъ, вздоховъ, восторговъ, эдакихъ улыбочекъ, отъ которыхъ у человѣка дѣлается боль въ сердцѣ и головокруженіе... какая у нея тамъ эдакая калифорнія съ музыкой въ сердцѣ....

Слушая разсказы Щелкалова, перемѣшанные съ балагурствомъ Астрабатова, мы незамѣтно дошли до подошвы горы, на которой была выстроена бесѣдка.

Вечеръ сдѣлался удивительный, даже ни одинъ осиновый листокъ не шелохнулся. Солнце, выглянувъ изъ облаковъ, за которыми скрывалось, тихо спускалось къ безоблачному горизонту, обѣщая картину заката въ полномъ блескѣ. Было такъ сухо и тепло, какъ въ началѣ лѣта, и только опредѣленность въ очертаніяхъ облаковъ, сухость въ тонахъ и рѣзкость въ колоритѣ заката, да кусты и деревья, мѣстами подернувшіеся золотомъ, пурпуромъ и темно-вишневымъ цвѣтомъ, говорили о наступившей осени.

— Господа, сказалъ вдругъ Веретенниковъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, поправляя свои воротнички:—

тамъ въ бесѣдкѣ, на горѣ, какое-то общество. — Я вижу мужчинъ и дамъ.

— Что жь, очень можетъ быть, возразилъ Щелкаловъ:— кто-нибудь съ сосѣднихъ дачъ, какіе-нибудь нѣмцы прибыли въ чухонскихъ таратайкахъ наслаждаться закатомъ солнца. Въ хорошій вечеръ тутъ всегда можно найдти какихъ-нибудь любителей природы.

— Да, это правда, пробормоталъ Веретенниковъ, успокоиваясь.

И мы начали подниматься въ гору со смѣхомъ, съ пѣснями и со стихами, которые декламировали Иванъ Алексѣичъ и Пруденскій.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ площадки горы намъ послышался довольно ясно французскій говоръ и можно было даже различить голоса, въ особенности одинъ мужской, довольно громкій и рѣзкій голосъ.

Щелкаловъ вдругъ весь измѣнился въ лицѣ и остановился.

— Что съ вами? спросила его Наденька.

— Что жь вы остановились? кричали имъ, опережая ихъ.

— Я немного усталъ, отвѣчалъ Щелкаловъ, нахмурясь и неохотно подвигаясь впередъ.

Я догадывался отчасти, въ чемъ дѣло, и убѣдился вполнѣ, что баронъ, несмотря на свою смѣлость и заносчивость, не имѣлъ ни малѣйшей способности владѣть собой и при всемъ своемъ желаніи никакъ не могъ скрывать своихъ ощущеній.

Мои догадки оправдались, когда, взойдя на гору, я увидѣлъ человѣкъ восемь мужчинъ и дамъ, — мужчинъ, между которыми красовался господинъ, изобрѣтшій теорію поклоновъ; дамъ, при видѣ которыхъ у Веретенникова захватывало дыханіе. Щелкаловъ долженъ былъ встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу. Они подъѣхали къ горѣ съ противоположной стороны парка, и экипажи ихъ, стоявшіе за горою, не могли быть видимы нами.

Щелкаловъ взошелъ на гору, все еще держа Наденьку за руку, и очутился, какъ нарочно, прямо противъ одной блистательной дамы, которая изъ бесѣдки вышла на дорожку.

Я не спускалъ съ него глазъ, стоя въ сторонѣ.

Въ первое мгновеніе онъ помертвѣлъ; глаза его тупо остановились, стеклышко выпало изъ глаза, рука, державшая Наденьку, опустилась. Онъ походилъ на человѣка, внезапно захваченнаго въ преступленіи, которое лишаетъ чести и добраго имени; это было, впрочемъ, только мгновеніе, послѣ котораго онъ оправился, вставилъ въ глазъ стеклышко, приподнялъ шляпу и улыбнулся, но такой натянутой улыбкой, которая болѣе походила на гримасу.

— Madame la comtesse.... произнесъ онъ, сдѣлавъ шагъ къ великолѣпной дамѣ.

— Est-ce vous, monsieur le Baron? сказала графиня съ полуулыбкой, измѣривъ Наденьку съ ногъ до головы бѣглымъ взглядомъ и обведя всѣхъ насъ остальныхъ головою.

Болѣе я ничего не слыхалъ, потому-что баронъ пошелъ рядомъ съ графиней, удаляясь отъ насъ и разговаривая съ ней очень тихо. Они скоро присоединились къ своему обществу и я видѣлъ, какъ онъ, совершенно смущенный, началъ пожимать руки великолѣпныхъ мужчинъ и дамъ, которыя, какъ можно было догадаться, распрашивали его объ насъ, потому-что въ то же время бросали косвенные взгляды въ нашу сторону.

Наденька нѣсколько минутъ какъ вкопаная стояла на мѣстѣ, оставленная своимъ кавалеромъ.

Веретенниковъ же только-что взошелъ на площадку, какъ тотчасъ попятился назадъ, побѣжалъ съ горы и скрылся.

Астрабатовъ показалъ мнѣ на него.

— И эта разкрахмаленная кукла туда же! сказалъ онъ, качая головой:—прячется въ кусты, тоны задаетъ, боится, видишь ли, чтобы его не замѣтили съ нами; мы, душа моя, недостаточно комъ-иль-фо для него. А вѣдь я полагаю, что эдакого мухортика и не замѣтили бы эти Талейраны-то! (Онъ мигнулъ на великолѣпнаго господина, изобрѣтшаго теорію поклоновъ). Ну, а что касается до вонъ этихъ маркизъ, которыя кидаютъ на насъ эдакіе *косвенные* съ подходцемъ, такъ онѣ и во снѣ-то не видали, что такое мусье Веретенниковъ, даромъ что его четвероюродный братъ женатъ на какой-то мамзели, троюродная

сестра которой жила въ компаньонкахъ у барыни, которая приходится въ седьмомъ колѣнѣ родственницей какой-то графинѣ.... Чего жь тутъ въ кусты-то прятаться?

Эта встрѣча вдругъ совершенно разстроила все общество; всѣ пришли въ какое-то замѣшательство, всѣмъ сдѣлалось неловко, всѣ притихли, всѣ оробѣли, сами, впрочемъ, не зная, отчего; наши дамы изподтишка съ подобострастіемъ начали пожирать глазами тѣхъ дамъ: ихъ шляпки, бурнусы, мантильи, движенія, взгляды и прочее. Закатъ солнца былъ совершенно забытъ.

А между-тѣмъ солнце уже только вполовину было видно изъ-за горизонта. Охвативъ часть лѣса своимъ красноватымъ огнемъ, оно быстро скрылось, но еще на облакахъ долго потомъ отражался закатъ его рѣзкими красноватыми полосами; и было что-то успокоительное въ тишинѣ синѣющей ночи, нарушавшейся звонкимъ трещаніемъ стрекозы, и въ необозримой дали, исчезавшей въ бѣловатыхъ парахъ.

Наденька все стояла одна, поодаль отъ всѣхъ, блѣдная и потерянная, и смотрѣла въ эту даль....

Щелкалова мы не видали болѣе; онъ не только не подходилъ ни къ кому изъ насъ, но какъ-будто боялся даже взглянуть въ нашу сторону и отправился съ великолѣпнымъ обществомъ.

Мы возвратились въ нашъ флигель уже безъ стиховъ и пѣсенъ... Дорогою всѣхъ говорливѣе былъ Астрабатовъ, всѣхъ молчаливѣе Наденька и Лидія Ивановна.

У порога флигеля насъ встрѣтилъ Веретенниковъ.

— Что, душа моя, сказалъ ему Астрабатовъ: — ты такъ вдругъ какъ-будто въ воду канулъ, а объ тебѣ тамъ всѣ эти княгини и графини очень безпокоились. Онѣ узнали, что ты съ нами, и все говорили: да-гдѣ же это мусье Веретенниковъ? Подавайте намъ мусье Веретенникова!

Астрабатовъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Ты, канашка, знаешь видно, гдѣ раки-то зимуютъ. Тебѣ подавай все эдакихъ въ амбре да въ валансьенскихъ кружевахъ!

Веретенниковъ поправилъ свои воротнички, приподнялъ

голову, взглянулъ на Астрабатова и пробормоталъ сквозь зубы:

— Это остроуміе, что ли?

И потомъ обратился ко мнѣ:

— А вы слышали, что Щелкаловъ уѣхалъ? говорятъ, графиня Софья Александровна увезла его съ собою.

— Это, я думаю, не совсѣмъ деликатно со стороны его, замѣтилъ я.

Въ самомъ дѣлѣ, минутъ черезъ пять управляющій явился къ Лидіи Ивановнѣ и объявилъ ей, что «баронъ приказали-де очень извиниться передъ всѣми, что они должны были уѣхать съ ихъ сіятельствомъ графиней Софьей Александровной и что они-дескать просятъ г. Веретенникова вмѣсто нихъ распорядиться танцами и всѣмъ».

— Мг. Веретенниковъ, вы слышали? сказала Лидія Ивановна съ иронической улыбкой:—извольте же исполнить порученіе барона. Примите на себя всѣ распоряженія. Вѣрно ужь встрѣтилось какое-нибудь очень непредвидѣнное обстоятельство, что баронъ такъ неожиданно оставилъ насъ.

Лидія Ивановна въ высшей степени была оскорблена поступкомъ Щелкалова и едва могла скрывать это; Иванъ Алексѣичъ пришелъ отъ того также въ немалое замѣшательство, тѣмъ болѣе, что всѣ приставали къ нему съ барономъ.

— Я, господа, говорилъ онъ:—не отвѣчаю ни за кого, кромѣ самого себя. Что мнѣ такое баронъ? Я всегда зналъ, что онъ пустой человѣкъ и, какъ всѣ свѣтскіе люди, разсѣянный; онъ не можетъ отвѣчать за себя; но всетаки онъ имѣетъ свои достоинства. Притомъ, что ни говорите, онъ очень уменъ, господа!

И Иванъ Алексѣичъ значительно покачалъ головою.

Начались танцы, но они шли какъ-то вяло. Веретенниковъ не умѣлъ или не хотѣлъ дирижировать ими. Онъ важно расхаживалъ по залѣ, поправляя свои воротнички и повременамъ взглядывая на себя въ зеркало. На бѣдную Наденьку жалко было смотрѣть—она усиливалась казаться веселою и безпрестанно измѣняла себѣ. Ея волненіе и разстройство бросались всѣмъ въ глаза. Только двѣ пары

веселились отъ души и танцовали съ жаромъ—влюбленный молодой человѣкъ съ бойкой барышней, для которой онъ, казалось, уже совершенно забылъ Наденьку, и Аменаида Александровна съ Астрабатовымъ, который, танцуя, выдѣлывалъ различныя штуки: поводилъ плечами и глазами, дѣлалъ удивительныя антраша, прижималъ руку своей дамы къ своему сердцу и даже становился передъ нею на колѣни.

Несмотря на это, все какъ-то не клеилось, и мы разъѣхались въ исходѣ одиннадцатаго часа....

Съ этого дня Богъ-знаетъ какіе слухи и сплетни начали распространять про бѣдную Наденьку.

Прошло двѣ недѣли послѣ этого пикника. Грибановы уже перебрались въ городъ. Я зашелъ къ нимъ и нашелъ все семейство въ разстройствѣ: Наденька была нездорова; Лидія Ивановна не имѣла той пріятности и предупредительности въ лицѣ, какъ обыкновенно; Иванъ Алексѣичъ былъ раздраженъ, и старикъ даже немного грустенъ....

Послѣ обыкновенныхъ разспросовъ о здоровьѣ и о прочемъ, Лидія Ивановна съ довольно ядовитою усмѣшкою объявила мнѣ новость о томъ, что Ѳедоръ Васильичъ (молодой человѣкъ, влюбленный въ Наденьку) уже объявленъ формально женихомъ Ольги Ивановны (бойкой барышни) и что у него есть богатый дядя, который даетъ ему, говорятъ, сто тысячъ.

— Подцѣпила женишка хоть куда! прибавила въ заключеніе Лидія Ивановна:—и не мудрено. Ужъ такая бойкая особа, что бѣда!

— А вы знаете, какую штуку сыгралъ съ нами этотъ баронъ-то? сказалъ Иванъ Алексѣичъ, ходя по комнатѣ и вдругъ остановившись передо мною.

— То, что онъ тогда убѣжалъ-то отъ насъ?

— Что́! это бы еще ничего! Нѣтъ, послушайте. Вчерашній день является къ папенькѣ этотъ поваръ французъ Дюбо. Папенька, натурально, удивился, зачѣмъ... Что же

оказывается, какъ вы думаете?—Надобно вамъ сказать, что этотъ Дюбо теперь безъ мѣста: онъ въ продолженіе нынѣшняго лѣта бралъ на себя устройство пикниковъ, различныхъ загородныхъ parties de plaisir и прочее. Онъ давно извѣстенъ почти всей этой богатой молодежи и по ней знаетъ барона и, разумѣется, считаетъ его также богачомъ. Баронъ адресовался къ нему насчетъ нашего пикника, и Дюбо обязался устроить все самымъ лучшимъ образомъ, какъ и было, за пятьсотъ рублей. Баронъ далъ ему сто рублей задатку, да въ день самаго пикника пятьдесятъ,—тѣмъ все и кончилось. За остальными триста-пятидесятью рублями онъ ходилъ къ нему ежедневно, и баронъ все говорилъ: «завтра», наконецъ объявилъ ему, что еще не собралъ деньги, что у него теперь нѣтъ своихъ, что будто бы... слышите? папенька взялся собирать и что онъ ждетъ этихъ денегъ съ часу на часъ, да на другой день и улизнулъ въ Москву. Дюбо, разумѣется, пришелъ къ папенькѣ, объяснилъ все: говоритъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что съ него требуютъ и погребщики, и фруктовщики, что на него хотятъ подать жалобу, и прочее. Хорошо, что у папеньки случилось триста-пятьдесятъ рублей, онъ отдалъ послѣдніе. Какъ вамъ это нравится?... Папенька сдѣлалъ еще неосторожность, прибавилъ Иванъ Алексѣичъ, немного пріостановившись: — онъ далъ ему двѣ тысячи въ займы. Вотъ худо, если эти деньги пропадутъ, а послѣ всего, очень можетъ статься....

— Ну, полно, Иванъ! возразилъ старикъ, нѣсколько нахмурясь, и махнулъ рукой.—Богъ съ нимъ! Нѣтъ, онъ отдастъ всѣ эти деньги.... я увѣренъ.... немножко замотался, знаешь, да не съумѣлъ вывернуться во-время. Это, конечно, нехорошо; но онъ поправитъ все, я увѣренъ. Вы, пожалуйста, только никому не разсказывайте этого, сказалъ мнѣ Алексѣй Аѳанасьичъ самымъ убѣдительнымъ голосомъ.

Но я, однакоже, не выдержалъ и все разсказалъ господину съ злымъ языкомъ. Тотъ выслушалъ меня, улыбнулся и сказалъ:

— Я вѣдь говорилъ вамъ, что онъ кончитъ дурно.

Теперь еще какая-то Армансъ въ два дня вскружила ему голову, и онъ чортъ знаетъ зачѣмъ поѣхалъ съ нею въ Москву. Неисправимъ, батюшка, ничѣмъ неисправимъ... Впрочемъ, вы успокойте этого господина Грибанова; его деньги не пропадутъ, я вамъ за нихъ отвѣчаю.

И, въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ по возвращеніи Щелкалова изъ Москвы и черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я видѣлся съ нашимъ пріятелемъ, Алексѣй Аѳанасьичъ получилъ триста-пятьдесятъ рублей, но при самомъ, впрочемъ, грубомъ письмѣ, да еще съ наставленіями.

«Я не привыкъ—писалъ ему Щелкаловъ—чтобы кто-нибудь сомнѣвался въ моей чести—и никому не позволю этого. Вамъ не слѣдовало платить деньги Дюбо ни въ какомъ случаѣ и вмѣшиваться въ мои съ нимъ счеты: отвѣчалъ за все я; а отдавъ ему эти деньги, вы показали свое сомнѣніе въ отношеніи ко мнѣ.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ томъ, что я никогда не былъ и не буду несостоятельнымъ должникомъ, въ чемъ вы убѣдитесь, получивъ аккуратно въ день срока деньги, которыми вы меня ссудили, съ причитающимися на нихъ процентами.

«Имѣю честь быть....» и прочее.

Алексѣй Аѳанасьичъ нисколько, впрочемъ, не оскорбился этимъ: онъ отдалъ намъ письмо, улыбаясь.

— Спрашивается, какъ же назвать такого молодца? спросилъ глубокомысленно Пруденскій, пробѣжавъ письмо черезъ свои очки и возвращая его Алексѣю Аѳанасьичу.

Въ числѣ присутствующихъ тутъ въ эту минуту находился одинъ господинъ, чрезвычайно веселый, юмористъ и славный разсказчикъ.

— Я знаю, какъ, возразилъ онъ.—Это *хлыщъ!* Такихъ господъ надобно непремѣнно звать *хлыщами*.

— Что такое? воскликнулъ Алексѣй Аѳанасьичъ, расхохотавшись;—какъ? какъ? повтори-ка еще.

— *Хлыщъ!*

— Да что́ же такое это значитъ? Какое это слово? откуда оно? Я первый разъ его слышу.

— Ну, объ этимологіи его вы меня, пожалуйста, не спрашивайте. Я не знаю. Это слово сорвалось у меня съ языка; но мнѣ кажется, что оно совершенно характеризуетъ такого рода господъ, какъ, напримѣръ, вашъ баронъ.

Намъ всѣмъ очень понравилось это слово; мы приняли его безъ возраженій и пустили въ ходъ. Теперь оно, по нашей милости, начинаетъ распространяться.

— Ну, а Астрабатовъ—это что́ такое? спросилъ Иванъ Алексѣичъ.

— Это также хлыщъ, отвѣчалъ веселый господинъ:—только баронъ великосвѣтскій хлыщъ, а этотъ—трактирный. Вѣдь хлыщи бываютъ различныхъ родовъ.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЙ ХЛЫЩЪ.

I.

ДѢТСТВО.

Мнѣ было тринадцать лѣтъ, когда меня рѣшили отдать въ благородный пансіонъ. День отъѣзда моего изъ дома останется незабвеннымъ въ моей жизни. Карета уже была заложена и стояла у крыльца. Маменька, въ шляпкѣ съ цвѣтами, весело разговаривала съ приживалкой въ залѣ, гдѣ собралась вся наша дворня: лакеи, горничныя, казачки, судомойки, поломойки и проч., провожать меня. Я стоялъ, совсѣмъ уже готовый къ отъѣзду, возлѣ моей старой няни, которая заливалась слезами и отъ времени до времени цѣловала меня, произнося задыхающимся голосомъ: «Голубчикъ ты мой!» Сердце мое болѣзненно билось, слезы безпрестанно выступали на глаза. Мысль, что я разстаюсь съ роднымъ кровомъ, со всѣмъ близкимъ мнѣ, съ моимъ добрымъ дѣдушкой, съ няней; что я не буду ночевать въ своей комнатѣ, на своей постели, подъ своимъ одѣяломъ, не увижу кота Ваньку, мурлыкающаго противъ на лежанкѣ—все это вмѣстѣ казалось мнѣ ужаснымъ, и я едва удерживался, чтобы не зарыдать вслухъ. Дверь

изъ кабинета въ залу отворилась, и на порогѣ появился дѣдушка. На немъ былъ фракъ съ стоячимъ воротникомъ, бѣлый галстукъ, рубашка съ манжетами, панталоны, застегнутые у колѣнъ пряжками, и сверхъ бѣлыхъ чулокъ высокіе сапоги: волосы его были тщательно причесаны по старинной модѣ и напудрены. Свѣтлое лицо его, полное кротости, любви и доброты, было серьёзнѣе обыкновеннаго. Дѣдушка, какъ-будто не замѣчая никого, прямо подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, крѣпко поцѣловалъ, перекрестилъ и произнесъ: «Господь съ тобою! учись прилежно, этимъ ты утѣшишь свою мать и меня... Въ субботу я самъ за тобой пріѣду....» И онъ еще разъ поцѣловалъ и перекрестилъ меня. Всѣ на минуту присѣли и потомъ поднялись. Няня начала укутывать меня, не выдержала и зарыдала. Всѣ люди смотрѣли на меня жалостливо. «Полно, няня, полно», говорилъ дѣдушка, «какъ тебѣ не стыдно! Вѣдь я черезъ шесть дней привезу его тебѣ... О чемъ плакать?» Но голосъ дѣдушки нѣсколько дрожалъ, на глазахъ его также показались слезы, хотя онъ старался удерживать ихъ и улыбался своей привлекательной, симпатичной улыбкой... Я цѣловалъ руку дѣдушки и какъ ни крѣпился, а мои слезы крупными каплями падали на его морщинистую руку.

— Ну, поѣдемъ, мой другъ! сказала маменька, вытирая глаза платкомъ.—Простись со всѣми людьми.

Я кланялся имъ, всхлыпывая: они кланялись мнѣ: нѣкоторыя изъ женщинъ плакали: появился и котъ Ванька, который также смотрѣлъ на меня какъ-то жалостливо. «Простись съ Ванькой-то, батюшка!» сказала мнѣ няня, утирая слезы.... Я наклонился къ Ванькѣ, погладилъ и его и поцѣловалъ. Дѣдушка надѣлъ шубу и шапку и вышелъ провожать меня на крыльцо; за нимъ двинулась вся дворня. Няня не выпускала моей руки до той минуты, когда я занесъ ногу на ступеньку кареты.

— Няня, няня! кричалъ дѣдушка:—поди въ комнату. Ты простудишься: ты въ одномъ платьѣ.

Но няня не слышала ничего. Съ выбившимися изъ-подъ платка сѣдыми волосами, съ глазами, распухшими отъ слезъ, она не спускала глазъ съ окна кареты, въ

которое глядѣлъ я, дѣлала мнѣ различные привѣтливые знаки, крестила меня и кричала мнѣ:

— Шейку-то закрой, батюшка. шейку-то! у тебя шейка открыта.

Дѣдушка также все смотрѣлъ на меня. улыбался и кивалъ мнѣ головой,

Карета двинулась.... Я въ послѣдній разъ высунулся изъ окна. Людей уже никого не было. На крыльцѣ оставались только дѣдушка и няня,—дѣдушка. осѣнявшій меня крестнымъ знаменіемъ, няня, кричавшая мнѣ въ совершенномъ отчаяніи: «Прощай, голубчикъ ты мой! прощай, родной ты мой!»

У меня замерло сердце, и я упалъ головою къ колѣнямъ, зарыдавъ и залившись слезами.

На полдорогѣ, когда я пришелъ въ себя и вытеръ глаза, маменька поцѣловала меня и сказала:

— Ну, перестань! полно... хорошо ли, пріѣдешь въ пансіонъ съ распухшими глазами? Вѣдь надъ тобой всѣ будутъ смѣяться. И о чемъ такъ плакать. я не понимаю! Вѣдь не вѣчно же тебѣ сидѣть съ дѣдушкой и нянькой... Тебѣ ужь, кажется, пора отвыкать отъ няньки. И тебя отдаютъ не въ какую-нибудь народную школу: ты вступаешь въ пансіонъ, гдѣ все дѣти богатыхъ и знатныхъ отцовъ, все генеральскія. графскія и княжескія дѣти; тебѣ должно быть пріятно имѣть такихъ товарищей. Эта мысль должна утѣшать тебя. Старайся понравиться товарищамъ, заслужить ихъ любовь. Это можетъ быть тебѣ полезно со временемъ.

Маменька вздохнула и прибавила. какъ-будто про-себя:

— Въ жизни главное—хорошія знакомства и связи.

Когда мы вышли изъ кареты и всходили на лѣстницу къ директору, съ семействомъ котораго маменька уже предварительно познакомилась. съ лѣстницы навстрѣчу къ намъ сбѣгалъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, мой будущій товарищъ, съ бѣлымъ, румянымъ и круглымъ лицомъ. съ карими масляными глазками. съ волосами. густо напомаженными и тщательно приглаженными. въ форменномъ собственномъ сюртукѣ очень тонкаго сукна. съ перетянутой таліей.

Маменька остановила его вопросомъ:

— Позвольте васъ спросить, миленькій, господинъ директоръ дома?

Мальчикъ очень ловко раскланялся и отвѣчалъ:

— Дома-съ; я сейчасъ только отъ него.

— А я вамъ привезла новаго товарища, продолжала маменька съ любезною улыбкою: — это сынъ мой. Полюбите его.

Мальчикъ взглянулъ на меня, наклонилъ голову, улыбнулся, вынулъ изъ кармана тонкій платокъ, который пахнулъ духами, поднесъ его къ носу, пробормоталъ: «очень радъ-съ», еще разъ раскланялся маменькѣ и побѣжалъ.

— Какой прелестный мальчикъ! замѣтила маменька:— и какія у него манеры! Вотъ тебѣ образецъ. Сейчасъ видно, что это благовоспитанное дитя, изъ хорошаго дома.

Мальчикъ, дѣйствительно, въ первое время моего пребыванія въ пансіонѣ былъ для меня образцомъ, къ удовольствію моей доброй маменьки.

Фамилія его была Летищевъ — фамилія не совсѣмъ аристократическая, но онъ имѣлъ довольно важное, хотя отдаленное родство съ материной стороны. Маменька его причиталась троюродной сестрой одному графу, занимавшему значительную должность при дворѣ, котораго она называла всегда *кузеномъ*. Отецъ Летищева умеръ въ чинѣ гвардіи полковника, за нѣсколько лѣтъ до вступленія сына въ пансіонъ, оставивъ въ наслѣдство женѣ и сыну огромные долги. Г-жа Летищева, по смерти мужа, несмотря на затруднительныя обстоятельства, не стѣсняла образа своей жизни. Когда, говорятъ, одинъ изъ родственниковъ ея мужа, вошедшій въ ея дѣла по ея просьбѣ, рѣшился деликатно замѣтить ей, «что если все опять пойдетъ такъ, то можетъ кончиться худо», она захохотала, измѣрила его съ ногъ до головы и сказала:

— Напримѣръ? что вы разумѣете—худо?

— Да векселя будутъ представлены ко взысканію, имѣніе продано съ аукціоннаго торга, вы останетесь ни съ чѣмъ, и, можетъ быть...

— Что же можетъ быть?

— Вы меня извините, но можетъ кончиться тѣмъ, что васъ посадятъ въ тюрьму.

— Меня? въ тюрьму? воскликнула она. — Это мнѣ нравится! Во-первыхъ, кто же сажаетъ порядочныхъ женщинъ въ тюрьмы? Сажаютъ бродягъ... вонъ что ходятъ по улицѣ. А къ тому же я—вы, вѣрно, не взяли этого въ соображеніе—по рожденію графиня Каленская... Александръ Федорычъ мой... cousin...

— Все это я знаю, возразилъ родственникъ:—все это очень хорошо, но только законъ не беретъ ничего этого въ соображеніе.

— Какой законъ! Что такое? Богъ знаетъ, что́ вы говорите! Позвольте мнѣ вамъ сказать, что всѣ порядочные люди въ долгу, какъ въ шелку, однакожь, всѣ, слава Богу, живутъ, даютъ балы, выѣзжаютъ, и никого не сажаютъ въ тюрьмы...

Послѣ такихъ убѣдительныхъ возраженій, разсуждать было нечего: родственнику оставалось только раскланяться родственницѣ и оставить ее въ покоѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Все это я узналъ впослѣдствіи. Въ пансіонѣ же мы считали Летищева страшнымъ богачомъ, потому-что онъ уѣзжалъ изъ пансіона и пріѣзжалъ въ пансіонъ въ каретѣ четверней на выносъ, привозилъ изъ дому множество конфектъ и разныхъ сластей, разсказывалъ о томъ, какой у маменьки бываетъ пріѣздъ, сколько у дяденьки-графа орденовъ, звѣздъ и комнатъ, какъ дяденька его любитъ, и проч., при чемъ прибавлялъ, что у дяденьки нѣтъ наслѣдниковъ и что маменька говоритъ, что онъ будетъ дяденькинымъ наслѣдникомъ. Нѣкоторые товарищи не совсѣмъ довѣряли Колѣ Летищеву, особенно касательно его дяденьки, зная привычку Коли все нѣсколько преувеличивать и пускать пыль въ глаза; но когда однажды самъ дяденька, во всемъ блескѣ и во всѣхъ украшеніяхъ, явился въ пансіонъ, произведя величайшее смущеніе и суматоху, и, потрепавъ племянника по щекѣ, отдалъ ему, въ присутствіи директора и столпившихся кругомъ учениковъ, билетъ въ ложу и произнесъ:

— Вотъ тебѣ, Ѳедя, ложа въ театръ. Пригласи своихъ

говарищей. Г. директоръ отпускаетъ васъ на сегодняшній спектакль. по моей просьбѣ.

Послѣ этого никто уже въ пансіонѣ, начиная съ директора до послѣдняго сторожа. не сомнѣвался. что Летищевъ его наслѣдникъ. и не только начальство, даже многіе изъ товарищей начали поглядывать на Летищева какъ-то иначе. гораздо привѣтливѣе. а сторожа обнаруживать передъ нимъ большую угодливость и вѣжливость.

Коля. послѣ дяденькинаго визита, возмечталъ о себѣ ужасно: его смущало только одно. что графъ назвалъ его при всѣхъ Ѳедей, вмѣсто Коли. и далъ поводъ нѣкоторымъ товарищамъ подтрунивать надъ тѣмъ, что дядя не знаетъ его имени. что онъ вѣрно видитъ его въ первый разъ въ жизни, и тому подобное.

Впрочемъ. къ Колѣ и приставали умѣренно. Всѣ—не то, чтобы любили его, а такъ чувствовали къ нему особое пріятное расположеніе. безсознательно образовавшееся вслѣдствіе четверни на выносъ. пріѣзжавшей за нимъ въ пансіонъ. его тонкаго собственнаго сюртука. стклянки духовъ и банки съ помадой. которыя лежали въ шкапчикѣ у его постели. вмѣстѣ съ щеткой изъ слоновой кости. и знатнаго родственника съ украшеніями.

Коля не отличался ни особенными умственными способностями. ни большимъ прилежаніемъ; но онъ имѣлъ даръ показываться всегда на первомъ планѣ. Онъ вдругъ бралъ смѣлостью то. что́ другіе пріобрѣтали постепенно усиленными трудами. Онъ озадачивалъ и приводилъ въ совершенное смущеніе учителей. Когда доходила очередь до него. онъ вскакивалъ со своей скамейки. съ самоувѣренностью отрѣзывалъ урокъ безъ остановки. не запнувшись ни на одномъ словѣ, и. не давая учителю времени опомниться. садился на скамейку торжествующимъ. Учитель. послѣ минуты сомнѣнія. покачивалъ обыкновенно головою и ставилъ ему хорошіе балы. Послѣ классовъ, Коля умѣлъ очень ловко вступать въ разговоръ съ учителемъ и вставлять въ этотъ разговоръ имя дяденьки-графа. Вслѣдствіе всего этого. Коля, плохо учившись. умѣлъ прослыть прилежнымъ ученикомъ, и его ставили въ примѣръ товарищамъ. которые были во всѣхъ отноше-

ніяхъ несравненно лучше его. Директоръ звалъ его не иначе, какъ Николаемъ Андреичемъ, а директорша, величайшая охотница до танцевъ, была отъ него въ восхищеніи, потому-что на ея танцовальныхъ вечерахъ, которые бывали довольно часто, Коля отличался, какъ большой, угождалъ ей и ея дочерямъ, любезничалъ съ дамами и танцовалъ, какъ никто...

— Что́ это за чудный мальчикъ! хоромъ твердили обыкновенно гости директорши, жены учителей, гувернеровъ и инспекторовъ.—Нельзя налюбоваться имъ.

— О, да! и притомъ говоритъ по-французски, какъ французъ! Онъ пойдетъ далеко, замѣчала директорша: — и не мудрено: онъ родной племянникъ и наслѣдникъ графа Каленскаго.... Притомъ, онъ одинъ сынъ у матери, которая обожаетъ его. Ахъ, какая она милая дама и, притомъ, съ какимъ богатствомъ, съ какимъ вкусомъ одѣвается!... Что́ мудренаго: она ѣздитъ ко двору, она была фрейлиной.... У насъ много княжескихъ и графскихъ дѣтей, но Колю Летищева ведутъ такъ, что онъ ни въ чемъ не уступитъ ни графскимъ, ни княжескимъ дѣтямъ. Его еще лучше держатъ.

— Онъ, замѣчала при этомъ инспекторша: — я слышала отъ ихней компаньонки, Луизы Ивановны, дома носитъ не иначе, какъ батистовое бѣлье....

Колю не жаловали только тѣ, очень, впрочемъ, немногіе изъ товарищей, которые на аристократовъ поглядывали вообще мрачно. Эти немногіе причисляли къ аристократамъ вообще всѣхъ тѣхъ, которые говорили по-французски, занимались своимъ туалетомъ и имѣли, какъ говорится, хорошія манеры. Одинъ изъ этихъ преслѣдователей аристократіи, молодой человѣкъ, коренастый и косой, которому на видъ можно было дать лѣтъ двадцать, ужасно перепугалъ однажды колину маменьку. Онъ былъ въ пріемной комнатѣ въ ту минуту, когда она пріѣхала и прямо вошла въ эту комнату, вся въ соболяхъ и въ бархатахъ.

— Вызовите мнѣ пожалуйста моего сына, произнесла она по-французски, обращаясь къ нему.

Ученикъ, ненавистникъ аристократовъ, взглянулъ изъ-

подлобья своими косыми глазами на барыню въ соболяхъ и бархатахъ, сжалъ свои кулаки, что́ онъ дѣлалъ только въ минуты совершеннаго замѣшательства, и произнесъ густымъ басомъ:

— Кё?

Барыня чуть не упала въ обморокъ при этомъ *кё* и при этихъ кулакахъ; но, къ счастію, въ эту минуту вбѣжалъ директоръ, узнавшій о ея пріѣздѣ. Директоръ, грознымъ голосомъ и страшно нахмурясь, закричалъ на косаго ученика:

— Что́ вы здѣсь дѣлаете? Подите вонъ!...

И бросился, съ низкими поклонами и пріятнѣйшими улыбками, къ барынѣ, мгновенно измѣнивъ свой грубый голосъ въ самый мягкій и вкрадчивый.

— Quelle horeur! произнесла колина маменька, приходя въ себя:—какъ онъ меня перепугалъ! Неужели это вашъ воспитанникъ—товарищъ моего сына?...

— Да-съ, что́ дѣлать! Къ сожалѣнію, отвѣчалъ директоръ съ глубокимъ вздохомъ: — это какой-то Митрофанъ, прямо привезенный къ намъ изъ деревни.

— Ты, пожалуйста, мой милый, повторяла она потомъ своему сыну: — держи себя подальше отъ этого страшнаго вашего ученика, который говоритъ: *кё*.... Это какое-то чудовище.... И какой онъ ученикъ? ему пора жениться.

Колѣ, впрочемъ, не для чего было дѣлать эти наставленія, потому-что Коля и безъ того держался въ кругу самомъ избранномъ, т. е. между товарищами съ именами и съ деньгами. Что же касается до косаго ученика, произнесшаго *кё*, то онъ вовсе не былъ такъ страшенъ, какъ полагала колина маменька: кроткій, трудолюбивый, прямой и честный по натурѣ, онъ не могъ выносить только одного:—когда видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ его товарищей ухаживали за аристократами, льнули къ нимъ, сіяли счастьемъ, прохаживаясь съ ними подъ руку по корридорамъ, въ виду всѣхъ. При такомъ зрѣлищѣ, косой ученикъ всегда плевалъ и произносилъ:

— Ахъ, подлипалы поганые, сволочь!

Бо́льшая часть товарищей смотрѣли на него, какъ на

юродиваго. Ученики низшихъ классовъ бѣгали за нимъ и дразнили его: показывали ему языки, корчили гримасы, дергали его за фалды, и тогда, выведенный изъ терпѣнія, онъ схватывалъ перваго попавшагося ему подъ руки и начиналъ его такъ ломать, что у бѣднаго только кости хрустѣли. Оттого онъ получилъ прозваніе *костолома;* но у этого костолома было самое мягкое и нѣжное сердце: разъ, когда, играя въ лапту, онъ нечаянно хватилъ палкой по носу одного ученика и чуть не проломилъ ему кости на носу, онъ притворился больнымъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти въ больницу; втеченіе мѣсяца не отходилъ отъ его постели, ухаживалъ за нимъ, какъ сидѣлка, измѣнился, похудѣлъ и чуть самъ не слегъ въ постель, успокоясь только тогда, когда подбитый имъ товарищъ началъ выздоравливать.

Однажды, во время гулянья—это было въ половинѣ августа—послѣ каникулъ, воспитанники играли, бѣгали и ходили по широкому двору, усыпанному пескомъ и обнесенному липовой аллеей. На этомъ дворѣ, между двухъ выдавшихся флигелей, расположенъ былъ небольшой садикъ съ клумбами цвѣтовъ—фантазія инспектора, имѣвшаго большія наклонности къ садоводству. Косой ненавистникъ аристократовъ, Скуляковъ, котораго, кромѣ костолома, товарищи звали также Кулаковымъ, занимался копаніемъ грядки: земляная работа была его страсть. Нѣкоторые изъ его враговъ аристократовъ и между ними Коля прогуливались подъ руку по дорожкамъ садика. Коля нечаянно, а можетъ быть и съ намѣреніемъ, проходя мимо Скулякова, толкнулъ его и, не обращая на него вниманія, прошелъ дальше. Скуляковъ воткнулъ лопатку въ землю, скосилъ глаза болѣе обыкновеннаго и закричалъ Колѣ:

— Эй вы, послушайте! что вы толкаетесь-то?

Коля продолжалъ идти, не удостоивъ даже обернуться на эти слова.

Скуляковъ поблѣднѣлъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу и остановился прямо передъ нимъ. Коля взглянулъ на него, измѣнился въ лицѣ, но старался принять на себя видъ беззаботный и равнодушный.

— Я вамъ говорю, какъ вы смѣете толкаться! повторилъ Скуляковъ.

— Извините! пробормоталъ Коля небрежно, взглянувъ съ улыбкою на товарища, съ которымъ прогуливался:— я нечаянно, я васъ вовсе не замѣтилъ.—и сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы продолжать свой путь.

Скуляковъ загородилъ ему дорогу.

— Вы думаете, продолжалъ онъ: —что у васъ тонкій сюртукъ, что вы душитесь и помадитесь, да височки прилизываете, да хвастаетесь своимъ дядей, да по-французски болтаете, такъ вы можете толкаться, не извиняясь... а это на что?—Скуляковъ засучилъ рукавъ своего сюртука, сжалъ посинѣвшій отъ синяго казеннаго сукна свой огромный кулакъ и подставилъ его передъ глазами Коли.—Видите?

На эту сцену сбѣжалось нѣсколько любопытныхъ, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ.

Коля сказалъ:

— Что жь, вы воображаете, что испугаете меня, что ли, вашимъ кулакомъ?

— Да ужь я тамъ не знаю, а я вотъ только что вамъ скажу... вотъ всѣ будутъ свидѣтелями. — И Скуляковъ обвелъ своими косыми глазами собравшихся.—Если только вы когда-нибудь посмѣете сдѣлать мнѣ какую-нибудь грубость, то я вамъ кости переломаю.... слышите? Недаромъ же вы зовете меня костоломомъ.... Помните же!

Произнеся это, Скуляковъ обернулся назадъ, очень спокойно возвратился къ своей грядкѣ, взялъ лопатку и продолжалъ свою работу.

Коля былъ нѣсколько минутъ послѣ этого въ страшномъ волненіи. Онъ вышелъ изъ садика, сопровождаемый двусмысленными улыбками свидѣтелей этой сцены; видѣлъ эти улыбки, и самолюбіе его было страшно уязвлено, тѣмъ болѣе, что Скуляковъ, несмотря на свои лѣта, былъ ниже его классомъ. Коля выходилъ изъ себя, ужасно горячился и черезъ минуту послѣ этого, въ своемъ классѣ, ударивъ рукою по столу, закричалъ:

— Съ этимъ мужикомъ я не могъ ничего сдѣлать.... Вѣдь нельзя же мнѣ связываться съ нимъ, когда онъ

лѣзетъ съ кулаками.... Если бы у меня была шпага или пистолетъ—это другое дѣло. Но это ему не пройдетъ даромъ: я вамъ даю честное слово, господа, что послѣ выпуска я буду съ нимъ стрѣляться.

И Коля, говоря это, расхаживалъ по классу пѣтушкомъ, вздиралъ голову кверху, гордо улыбался и корчилъ совершеннаго героя. Воображеніе успокоило нѣсколько его самолюбіе. Однако, послѣ этого онъ вообще старался избѣгать встрѣчъ съ Скуляковымъ, а при неизбѣжныхъ встрѣчахъ очень осторожно обходилъ его и при этомъ даже нѣсколько смягчалъ выраженіе своего лица. Послѣ этой сцены Коля, впрочемъ, нѣсколько понизился во мнѣніи товарищей, а на Скулякова даже и нѣкоторые изъ аристократовъ начали посматривать иначе и вели себя въ отношеніи къ нему гораздо осторожнѣе.

Ко мнѣ Коля чувствовалъ расположеніе, хотя посматривалъ на меня свысока, какъ воспитанники старшихъ классовъ обыкновенно смотрятъ на младшихъ. Онъ протежировалъ меня, вѣроятно, потому, что видѣлъ мои усилія подражать его манерамъ, походкѣ и прическѣ. Коля былъ только двумя годами старше меня; но эти два года неизмѣримо раздѣляли насъ. Ему было уже шестнадцать лѣтъ, и онъ подбривалъ пушокъ, едва показывавшійся на его усахъ, когда разъ въ субботу, передъ роспускомъ, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Если васъ отпустятъ завтра изъ дому, пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать. У меня обѣдаютъ наши—князь Броницынъ и еще кое-кто.... Отпроситесь изъ дому. Я васъ познакомлю съ маменькой.

Я отвѣчалъ:

— Непремѣнно буду.

Непремѣнно я не могъ сказать, потому-что еще не совсѣмъ былъ увѣренъ, отпустятъ ли меня; но это слово невольно сорвалось у меня съ языка, потому-что я хотѣлъ показать, что уже не ребенокъ и пользуюсь нѣкоторою независимостью.

Отправляясь домой, я все мечталъ о слѣдующемъ днѣ: но при мысли быть представленнымъ колинькиной маменькѣ, которая на видъ была такая гордая, робость

овладѣла мной, и желаніе быть у Коли начало бороться во мнѣ съ этою робостью.

Я объявилъ дѣдушкѣ и маменькѣ о полученномъ мною приглашеніи, упомянувъ, между прочимъ, имя князя Броницына.

Дѣдушка, выслушавъ меня, посмотрѣлъ на меня очень пристально, и, когда я кончилъ просьбою отпустить меня, онъ произнесъ своимъ мягкимъ голосомъ, потрепавъ меня по плечу:

— Если тебѣ очень хочется, дружочикъ, пожалуй: но ты лучше сдѣлалъ бы, если бы остался съ твоимъ старикомъ-дѣдушкой.

— Нѣтъ.... почему же ему не ѣхать? отпустите его, папенька! возразила маменька:—надо же привыкать ему быть въ хорошемъ обществѣ, пріобрѣтать манеры, развязность...

Дѣдушка едва замѣтно нахмурился.

— Какія манеры, матушка? перебилъ онъ:—ему надобно прежде всего думать объ ученьѣ, а не о манерахъ. Какія это манеры у васъ, я не понимаю!

Маменька замолчала, но, какъ мнѣ показалось, нѣсколько иронически взглянула на дѣдушку и улыбнулась.

Однако, маменька поставила на своемъ, потому-что дѣдушка, на другой день утромъ, когда я съ нимъ поздоровался, поцѣловалъ меня и объявилъ, что я могу ѣхать обѣдать къ товарищу.

Маменька, вообще мало занимавшаяся мной, передъ отъѣздомъ сама одѣвала меня съ величайшею заботливостью, входила въ мельчайшія подробности моего туалета: завивала, помадила и расчесывала мнѣ волосы и даже дала мнѣ свой батистовый платокъ и надушила его своими духами, чего прежде никогда не случалось.

— Смотри же, сказала маменька, когда я былъ уже совсѣмъ готовъ:—веди себя хорошенько и будь какъ можно ласковѣе и предупредительнѣе со всѣми.

Я поцѣловалъ ея ручку. Она пріятно улыбнулась и съ нѣкоторою гордостью осмотрѣла меня съ ногъ до головы.

Колинькина маменька жила, сколько я припоминаю, что называется, на барскую ногу: ковры, бронзы, рядъ комнатъ, люди въ ливреяхъ и проч.

Коля встрѣтилъ меня радушно и повелъ къ ней. Она, въ изысканномъ и нарядномъ туалетѣ, сидѣла въ угольной, небольшой комнатѣ, уставленной цвѣтами и рѣшетками, обвитыми плющемъ. Окруженная плющемъ, на возвышеніи, въ большихъ готическихъ креслахъ съ рѣзной спинкой, она имѣла недоступность и торжественность, отъ которыхъ у меня сжалось сердце. Одна ея рука, вся въ кольцахъ, шевелила листами какой-то книжки въ раззолоченномъ переплетѣ, которая лежала передъ нею на маленькомъ столикѣ.

Коля подвелъ меня къ возвышенію и представилъ ей.

Она приподняла голову, взглянула на меня, обнаруживъ на лицѣ движеніе въ родѣ улыбки, и произнесла по-французски:

— Мой сынъ мнѣ говорилъ объ васъ....

Потомъ обратилась къ Колѣ:

— Поди сюда, Коля!

Коля подошелъ къ ней.

Она посмотрѣла на сына въ лорнетъ.

— У тебя волосы дурно лежатъ, мой другъ!

И съ этими словами она пригладила ему височки и въ то же время шепнула что-то.

Коля сошелъ съ возвышенія и сѣлъ возлѣ меня.

Наступила минута молчанія, послѣ которой она повела на меня глазами и спросила:

— Ваши родители живутъ здѣсь, въ Петербургѣ?

— Здѣсь-съ.

— А!...

Послѣ этого «а!» опять послѣдовало молчаніе, скоро, впрочемъ, прерванное приходомъ какого-то адъютанта, который только и дѣлалъ потомъ, что побрякивалъ шпорами, крутилъ усы и смотрѣлъ, щуря глаза, въ висѣвшее противъ него зеркало. Повидимому, это былъ родственникъ или очень близкій человѣкъ въ домѣ. Колинькина маменька звала его Пьеромъ.

— Какая это у васъ книга? спросилъ ее адъютантъ, входя на возвышеніе и садясь противъ нея.

— Это? (разговоръ былъ на французскомъ языкѣ). Что́ за вопросъ? Развѣ вы не знаете, что это книжка,

съ которой я никогда не разстаюсь; это мой милый Ламартинъ. Это поэтъ, какихъ немного! У него все—гармонія стиха, нравственныя мысли, и, къ тому же, читая его, чувствуешь, que c'est un gentilhomme!

— Это правда, замѣтилъ адъютантъ, крутя усы.

— Ну, а что́ вашъ французскій учитель говоритъ вамъ о Ламартинѣ?

Она взглянула на сына.

— Да-съ, онъ упоминаетъ и о немъ, отвѣчалъ Коля:— но у насъ больше говорится въ исторіи литературы о Корнелѣ и о Расинѣ.

— О Корнелѣ? да, это прекрасно! По моему мнѣнію, молодые люди должны быть воспитаны на Корнелѣ и на Ламартинѣ: Корнель внушаетъ высокія понятія о чести, а Ламартинъ—религію.... Не спа, Пьеръ?

Пьеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Я очень внимательно и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на колинькину маменьку, и она такъ сильно врѣзалась въ моей памяти, какъ-будто теперь передо мною, хотя я видѣлъ ее потомъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ.

Ей было лѣтъ сорокъ; она была высока и стройна. Черты лица ея были некрупны и тонки; небольшой орлиный носъ, сѣренькіе глазки, брови нѣсколько дугой. Она—я соображаю это теперь по воспоминаніямъ—должна была смолоду производить большія побѣды, и ей, видно, нелегко было разставаться съ молодостью, потому-что слѣды разрушающаго времени она тщательно и очень искусно замазывала, закрашивала и затирала, подцвѣчая себя всевозможными косметическими средствами. Объ этомъ сообщилъ намъ Коля, который иногда, въ сердцахъ на маменьку за отказы въ деньгахъ, очень мѣтко подтрунивалъ надъ нею. Коля вообще не отличался скромностью. Чуть не всему пансіону было извѣстно, что его маменька сидитъ всякій день по три часа за туалетомъ и, кромѣ своихъ нарядовъ, ничѣмъ не занимается. Перечисляя насмѣшливо ея наряды, Коля, въ то же время, имѣлъ и другую цѣль: прихвастнуть богатствомъ маменьки и ея роскошью.

Смотря на эту барыню, разговаривавшую съ адъютантомъ (я это живо помню), меня поразила, между прочимъ, ея странная и ненатуральная манера говорить и какое-то неловкое и принужденное выраженіе ея лица во время разговора. Причину этого мнѣ объяснилъ князь Броницынъ, который, несмотря на ея особенное вниманіе къ нему, отлично ее передразнивалъ: у г-жи Летищевой верхній рядъ зубовъ совсѣмъ сгнилъ и искрошился, и, чтобы не обнаружить этого, она, во время разговора, постоянно держала верхнюю губу неподвижной, шевеля только нижнею.

Въ то время, какъ рѣчь отъ Корнеля и Ламартина круто повернула къ городскимъ новостямъ и сплетнямъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги. Коля заглянулъ въ дверь.

— Вотъ и Броницынъ! сказалъ онъ, взглянувъ на меня, и потомъ, обратясь къ матери, вскочилъ со стула.

— Maman, князь пріѣхалъ.

— Аа! произнесла она, слегка пошевеливъ головой.— Его товарищъ, князь Броницынъ, замѣтила она, обратясь къ адъютанту, который загнулъ голову назадъ, чтобы посмотрѣть на вошедшаго.

Броницынъ былъ недуренъ собой, очень развязенъ и, также, какъ и Коля, корчилъ уже молодаго человѣка совершенныхъ лѣтъ. Сравнительно съ ними я чувствовалъ себя ребенкомъ, стыдился этого и завидовалъ имъ.

Г-жа Летищева пожала Броницыну руку, съ большою пріятностью улыбнулась ему, спросила его о здоровьи князя, его отца, княгини-матери, все время обнаруживала къ нему исключительное вниманіе и за обѣдомъ посадила возлѣ себя.

Разговоръ казался очень одушевленнымъ. Болѣе всѣхъ говорила сама хозяйка. Я слушалъ внимательно; но изъ всего, что говорили, осталось у меня въ памяти только пять словъ: князь, балъ, графъ, графиня, княгиня.

Я во все время чувствовалъ страшное стѣсненіе и неловкость; два раза зацѣпился за коверъ и чуть не упалъ; отвѣчалъ на вопросы невпопадъ, боясь сдѣлать ошибку по-французски, и внутренно завидовалъ развязности и смѣ-

лости князя Броницына, который такъ и заливался на французскомъ языкѣ.

Вскорѣ послѣ обѣда хозяйка дома исчезла и явилась только къ семи часамъ, въ другомъ туалетѣ, еще болѣе блистательномъ, съ прибавленіемъ новыхъ пуколекъ, брошекъ, кружевцовъ и браслетъ и распространяя на нѣсколько шаговъ кругомъ себя благоуханіе лѣсной фіалки.

— Я ѣду въ театръ, сказала она, натягивая перчатку.—Je vous laisse, mes enfants, amusez-vous bien...

— Какой у васъ прекрасный туалетъ! перебилъ Броницынъ, глядя на нее:—и какъ онъ идетъ къ вамъ!

Она улыбнулась пріятно, нѣсколько прищуривъ глаза. Броницынъ поцѣловалъ ея руку и, какъ мнѣ показалось, что-то шепнулъ ей. Она прикоснулась осторожно двумя пальчиками къ его уху, произнесла вопросительнымъ тономъ: «Paul?», еще разъ и еще пріятнѣе улыбнулась ему и потомъ погрозила пальцемъ.

Адъютантъ между тѣмъ смотрѣлся въ зеркало и поправлялъ свои волосы. Школьникъ совершенно затмилъ въ этотъ день адъютанта своею любезностью и ловкостью, такъ что онъ только время отъ времени поглядывалъ на него иронически, покручивая усы. Въ нашемъ мнѣніи Броницынъ возвысился послѣ этого еще болѣе.

— Господа! ну, теперь ко мнѣ! закричалъ Коля, подпрыгнувъ, когда маменька уѣхала.

Кромѣ Броницына и меня, у Коли обѣдали еще два или три нашихъ товарища изъ старшихъ классовъ.

Мы всѣ побѣжали въ Колину комнату, и Броницынъ впереди всѣхъ, напѣвая:

Amis, il est une coquette
Dont je redoute ici les yeux,
Que sa vanité qui me guette,
Me trouve toujours plus joyeux.

Коля закричалъ:

— Вина!

Человѣкъ принесъ намъ бутылку мускатъ-люнеля и бисквиты, и школьная попойка началась. У меня отъ двухъ рюмокъ закружилась голова; но товарищи мои, ко-

торые пили очень усердно и потребовали другую бутылку, стали смѣяться надо мной, когда я отказался отъ третьей рюмки, и принудили меня пить, щеголяя другъ передъ другомъ, кто кого перепьетъ.

— Господа! сказалъ Броницынъ, поднимая свою рюмку: —за здоровье военныхъ...

— Браво! ура! закричали всѣ, и я вслѣдъ за другими.

— А знаете ли, что я скоро разстанусь съ вами, любезные друзья? продолжалъ Броницынъ: — я перехожу въ школу, въ кавалергарды. Стóитъ ли у насъ кончать курсъ, и для чего? Я ни за чтó не хочу быть рябчикомъ...

— Я тоже, я тоже! крикнулъ Коля: — ни за чтò! Я не разстанусь съ тобой, Paul: мы вмѣстѣ выйдемъ. Къ тому же и maman непремѣнно хочетъ, чтобы я вступилъ въ кавалергарды. Я прослужу нѣсколько времени въ полку, а потомъ мой дядя, графъ Каленскій, возьметъ меня въ адъютанты. Онъ ужь обѣщалъ maman... Господа! я вамъ предлагаю тостъ за кавалергардовъ!

— Très bien, bravo! воскликнулъ Броницынъ.

И всѣ мы снова и сильнѣе прежняго стали кричать: «Браво! ура!...» и топать ногами.

Товарищи мои долго продолжали еще шумѣть, пѣть, кричать, болтать о лошадяхъ, о военныхъ формахъ и еще о чемъ-то. Все это мнѣ представлялось неясно. Я сидѣлъ молча. У меня въ глазахъ было мутно и голова кружилась. Я чувствовалъ, что не могу стоять твердо на ногахъ, что не могу сдѣлать двухъ шаговъ не пошатнувшись... Обводя кругомъ комнату, я остановился на часахъ, висѣвшихъ на стѣнѣ: намъ оставался только одинъ часъ до пансіона. Двѣ мысли: чтó, если бы меня увидалъ въ такомъ видѣ дѣдушка? и какъ я явлюсь къ директору? привели меня въ ужасъ. Сердце мое сильно забилось при этомъ; я вскочилъ со стула, попробовалъ пройтись, чтобы удостовѣриться, могу ли я ходить, сдѣлалъ два шага, но меня откинуло въ сторону къ дивану, голова закружилась еще сильнѣе, и я незамѣтно упалъ на диванъ, вдругъ потерявъ всякое сознаніе.

Я очнулся отъ непріятнаго ощущенія холода и дрожи, почувствовавъ, что по лицу моему течетъ что-то... я

открылъ глаза. Товарищи, чтобы привести меня въ чувство, смѣясь, обливали мнѣ голову холодной водой...

Какъ мы отправились потомъ въ пансіонъ, какъ представились директору — этого я не помню; но какъ никто изъ насъ не былъ наказанъ, изъ этого я заключаю, что мы явились довольно въ приличномъ видѣ. Я одинъ только на другой день заплатилъ дань этой первой попойки, занемогъ и отправился въ больницу.

Летищевъ и князь Броницынъ, дѣйствительно, черезъ полгода вышли изъ пансіона. Послѣ этого я видѣлъ Летищева всего раза четыре. Онъ приходилъ къ намъ въ пансіонъ, разъ вмѣстѣ съ княземъ, а потомъ одинъ, въ мундирѣ, въ каскѣ, звеня шпорами и гремя палашомъ,— явно только для того, чтобы щегольнуть собой передъ старыми товарищами. Мы всѣ съ любопытствомъ и участіемъ окружали его... Коля немного важничалъ и ломался передъ нами, разсказывая намъ, что его дядя даритъ ему лошадь въ шесть тысячъ (тогда еще считали на ассигнаціи), что мать даетъ ему двадцать тысячъ на первое обзаведеніе, что лошадь его будетъ одна изъ первыхъ въ полку и что даже у князя Броницына не будетъ такой лошади.

Мы слушали его разиня рты и любовались имъ, потому-что румяный, плечистый и толстый Коля былъ, дѣйствительно, какъ-будто созданъ для того, чтобы быть кирасиромъ.

Прошелъ еще годъ. Летищевъ не показывался. Онъ, вѣроятно, забылъ о насъ. Мы забыли о немъ. Наступилъ день нашего выпуска, торжественный день въ жизни каждаго изъ насъ. Мы проснулись рано, потому-что волненіе не давало намъ спать. Солнце ярко сіяло; изъ отворенныхъ оконъ нашего класса, куда мы собрались въ послѣдній разъ, неслось благоуханіе отъ инспекторскихъ левкоевъ и резеды, вмѣстѣ съ свѣжимъ утреннимъ воздухомъ; голуби—охота одного изъ нашихъ гувернеровъ, расхаживавшіе по двору, ворковали звучнѣе обыкновеннаго; четыре липки, торчавшія передъ окнами въ садикѣ, на которыя мы никогда не обращали вниманія, ярко и весело зеленѣли, облитыя солнцемъ; всѣ начальники смо-

трѣли на насъ съ особенно привѣтливымъ выраженіемъ въ лицѣ: товарищи, оставшіеся въ пансіонѣ, окружали насъ съ завистливымъ любопытствомъ и повторяли намъ: «Счастливые!» Сторожъ, котораго мы, обыкновенно, посылали украдкой за завтракомъ въ мелочную лавку, при встрѣчѣ поклонился намъ съ такимъ уваженіемъ, какъ онъ кланялся только инспектору или директору, и потомъ все поглядывалъ на насъ съ заискивающею улыбкою, какъ бы ожидая чего-то. За утреннимъ чаемъ мы не прикасались ни къ чему, отдали свой чай и булки товарищамъ и разговаривали шумно, свободно и весело, не боясь замѣчаній и выговоровъ. Мысль, что черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ внѣ этихъ стѣнъ, на просторѣ, на волѣ, безъ всякаго надзора, что мы пойдемъ куда угодно, будемъ дѣлать все, что намъ вздумается, что передъ нами театры, гулянья, всевозможныя увеселенія, погружала насъ въ упоительное одурѣніе... Все передъ нами казалось широко, свѣтло и безконечно. Сердца наши бились сильно, глаза сверкали счастьемъ, грудь, переполненная ощущеніями, волновалась... Двери параднаго подъѣзда отворены были настежь, у подъѣзда стояли наши экипажи, на лѣстницѣ толпились ожидавшіе насъ люди.

— Господа! закричалъ одинъ изъ насъ: — мы теперь свободные люди! Ура!... Дѣлай, что хочешь!

Онъ схватилъ первую попавшуюся ему подъ руку учебную книжку, разорвалъ ее пополамъ и бросилъ, потомъ схватилъ со стола чугунную чернильницу и съ какимъ-то ожесточеніемъ швырнулъ ее въ клумбу съ инспекторскими цвѣтами.

— Ура! раздалось вслѣдъ за нимъ, и чернильницы одна за другой полетѣли за окна, на цвѣты.

— Теперь долой эти платья! кричалъ другой:—прочь эту дерюгу!... Смотрите, господа!...

И онъ разрывалъ пополамъ свой сюртукъ, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ и крикахъ.

Послѣ первой минуты этихъ буйствъ и разрушенія, этого опьяненія радости, осмотрясь кругомъ, мы увидѣли Скулякова. Онъ сидѣлъ у стола, облокотясь на руку. Лицо его, и безъ того всегда блѣдное, имѣло въ эту минуту

какой-то зеленоватый, болѣзненный оттѣнокъ. а его косые глаза неопредѣленно и грустно смотрѣли куда-то. Онъ, казалось, не видѣлъ и не слышалъ ничего, что дѣлалось кругомъ него.

— Что жь ты сидишь? сказалъ ему кто-то изъ насъ: вставай, братецъ: пора одѣваться.

— Зачѣмъ? проговорилъ онъ мрачно и вполголоса.

— Какъ зачѣмъ? закричало нѣсколько голосовъ: — отправляться по домамъ.

— У меня нѣтъ дома, отвѣчалъ онъ, махнувъ рукой:— съ Богомъ, отправляйтесь себѣ: мнѣ нѐкуда.

Шумная ватага разбѣжалась. Я остался съ нимъ одинъ; мнѣ стало жаль его. Я зналъ, что Скуляковъ бѣденъ, что у него не было никого, кромѣ старухи-матери, которая жила далеко отъ Петербурга въ своей деревенькѣ; что въ Петербургѣ у него былъ только одинъ знакомый, къ которому онъ ходилъ по праздникамъ, и то изрѣдка.

— Отчего же ты не пойдешь къ своему знакомому? спросилъ я. — Развѣ ты не можешь прожить у него до тѣхъ поръ, покуда пришлютъ за тобой изъ деревни?

— Онъ уѣхалъ изъ Петербурга, отвѣчалъ Скуляковъ, видимо недовольный моими вопросами.

— Послушай, Скуляковъ, сказалъ я:—я прошу тебя, сдѣлай одолженіе, поѣдемъ ко мнѣ. Всѣ наши будутъ тебѣ рады.... Всетаки до отъѣзда въ деревню тебѣ лучше и веселѣе будетъ прожить у насъ, чѣмъ оставаться здѣсь одному въ пансіонѣ.

И я съ горячностью протянулъ ему руку.

Скуляковъ пожалъ ее и взглянулъ на меня.

— Нѣтъ, спасибо, отвѣчалъ онъ: — я не хочу быть никому въ тягость.... я не могу, братъ....

Я не совсѣмъ тогда хорошо понималъ значеніе словъ: «быть въ тягость», и деликатность натуры этого человѣка, котораго звали «костоломомъ», казалась мнѣ только упрямствомъ. Я сталъ еще сильнѣе уговаривать его.

— Нѣтъ, ужъ ты лучше и не говори, перебилъ онъ меня:—я не поѣду; я ужъ сказалъ, я останусь... Спасибо тебѣ. Прощай! Будь счастливъ....

Въ его голосѣ, обыкновенно грубомъ, было въ эту

минуту столько мягкости и задушевности, что я не могъ удержаться отъ слезъ. Мнѣ вдругъ въ первый разъ стало совѣстно, что я во все время вмѣстѣ съ другими товарищами, и, можетъ быть, болѣе другихъ, приставалъ къ нему и смѣялся надъ нимъ.

— Прости меня за прошлое, сказалъ я:—я виноватъ передъ тобою.

Скуляковъ вдругъ соскочилъ со скамейки, остановился на минуту въ недоумѣніи, какъ бы желая сказать мнѣ что-то,—и вдругъ бросился ко мнѣ на шею, обнялъ меня еще разъ и еще крѣпче пожалъ мнѣ руку и прошепталъ:

— Ну, прощай, прощай, братецъ!

Выходя изъ класса, я обернулся назадъ. Скуляковъ закрылъ лицо руками и прислонился къ краю стола. Мнѣ показалось, что онъ плакалъ....

Но черезъ десять минутъ, на дорогѣ изъ пансіона домой, я забылъ о Скуляковѣ и о всемъ на свѣтѣ. Широкое и радостное чувство свободы эгоистически овладѣло мною; мнѣ казалось, что горе, несчастіе и прочее — все это людскія выдумки, и что жизнь—вѣчный праздникъ.

Я не предчувствовалъ, что готовилось для меня впереди, и едва удерживалъ мое нетерпѣніе, завидѣвъ нашу дачу, нашъ старый домъ, окруженный столѣтними деревьями.... Я былъ увѣренъ, что скорѣе лошадей добѣгу до крыльца, и мнѣ хотѣлось выскочить изъ коляски, чтобы броситься на шею къ дѣдушкѣ.... Когда коляска остановилась, я едва могъ дышать отъ волненія. У крыльца стояли маменька, приживалки, лакеи и горничныя, въ ожиданіи меня.—всѣ, кромѣ моей няни, которой уже не было на свѣтѣ, и дѣдушки.

— Гдѣ же дѣдушка? было первое мое слово.

— Дѣдушка нездоровъ. Тише: онъ почиваетъ, отвѣчали мнѣ.

Эти слова болѣзненно отозвались у меня въ сердцѣ, и я вошелъ въ домъ на цыпочкахъ, понуря голову. Черезъ часъ меня позвали къ дѣдушкѣ. Онъ улыбнулся мнѣ, пожалъ мнѣ руку своей ослабѣвшей рукой и произнесъ съ усиліемъ:

— Ну, поздравляю тебя, поздравляю...

Онъ велѣлъ мнѣ сѣсть къ себѣ на постель и сталъ смотрѣть на меня, держа меня за руку, съ такою любовью и съ такою грустью, что я зарыдалъ....

— Полно, голубчикъ! Богъ дастъ, я еще поправлюсь. Не плачь, дружочикъ! шепталъ мнѣ дѣдушка, самъ глотая слезы.

Но сердце мое говорило мнѣ, что все кончено. Я вышелъ отъ дѣдушки и упалъ на диванъ, захлебываясь слезами.

Къ вечеру дѣдушкѣ сдѣлалось хуже, вѣроятно, отъ волненія; а черезъ два дня послѣ этого онъ лежалъ на столѣ. Онъ какъ-будто заснулъ на минуту: такъ лицо его было спокойно и свѣтло: ни одна черта его не была искажена страданіемъ, и на губахъ его замерла улыбка,— та симпатическая улыбка, съ которою онъ всегда встрѣчалъ меня... Неужели это смерть?...

Я стоялъ, пораженный этимъ явленіемъ, не спуская глазъ съ усопшаго. Мнѣ казалось невозможнымъ, что я уже никогда не увижу его кроткаго взгляда, никогда не услышу его голоса, звучавшаго любовью... Смерть! когда все кругомъ меня кипѣло жизнью, свѣтомъ, радостью....

Окна комнаты, въ которой дѣдушка былъ положенъ, выходили въ садъ... Солнце бросало на все ослѣпительный блескъ, совсѣмъ поглощая свѣтъ погребальныхъ свѣчъ. Вѣтка шиповника въ полномъ цвѣту врывалась въ одно изъ оконъ, и однообразный, тихій голосъ чтеца заглушался звонкимъ пѣніемъ, свистомъ и чиликаніемъ птицъ.

II.

МОЛОДОСТЬ.

Прошелъ годъ. Я уже привыкъ къ моей свободѣ. Она мнѣ даже надоѣла немножко, потому-что я не находилъ, какое употребленіе сдѣлать изъ нея. Летищева, который уже былъ офицеромъ, я видалъ довольно часто на Невскомъ: то въ коляскѣ, то въ дрожкахъ на рысакахъ, то верхомъ, то на тротуарѣ, подъ руку съ другими офице-

рами. Онъ холодно кивалъ мнѣ головою при встрѣчахъ; я ему отвѣчалъ тѣмъ же. Мы нигдѣ не сходились. Я услышалъ стороною, что мать его давно умерла, что все оставшееся послѣ нея движимое и недвижимое имѣніе отдано было за долгъ, и что графъ Каленскій хотя былъ довольно внимателенъ къ нему, но денегъ не давалъ. Несмотря на это, Летищевъ, служившій въ самомъ дорогомъ полку, жилъ не хуже своихъ товарищей, которые получали большія деньги и имѣли въ виду огромныя состоянія. Говорили, будто онъ поддерживаетъ такое блестящее существованіе одними займами, распуская слухи, что онъ единственный наслѣдникъ графа, и занимаетъ 50 на 100, а иногда и капиталъ на капиталъ. До какой степени слухи эти были основательны, я не зналъ. Несомнѣнно было только то, что Летищевъ проживаетъ много, что онъ цвѣтетъ, толстѣетъ, сіяетъ самодовольствіемъ и отличается полною безпечностью.

Въ одно изъ представленій балета *Кіа-Кингъ*, во время антракта, когда всѣ поднялись, чья-то рука изъ перваго ряда креселъ упала на мое плечо—я сидѣлъ во второмъ—и знакомый звонкій, нѣсколько пронзительный голосъ произнесъ скороговоркою:

— Здравствуй, mon cher! какъ я радъ тебя видѣть! сколько времени мы не видались!... Гдѣ ты пропадаешь?

Это былъ Летищевъ. Я молча поклонился ему; онъ схватилъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее.

— Да что̀ ты, не узнаешь меня, что ли?

— Нѣтъ, узнаю, отвѣчалъ я.

— А развѣ такъ встрѣчаются старые товарищи? Я тебя всегда очень любилъ и очень, очень радъ тебя видѣть.

Такую внезапную горячность ко мнѣ Летищева я не могъ разгадать вдругъ.

— Пойдемъ въ буфетъ, продолжалъ онъ:—мнѣ хочется и покурить, и поговорить съ тобою... А ты ничего не мѣняешься: точно какъ былъ въ пансіонѣ.

Мы пришли въ буфетъ.

— Ну, несравненная madame Піацци! сказалъ онъ, обращаясь къ черноглазой и черноволосой дамѣ, стоявшей

за буфетомъ: — велите-ка намъ подать бутылку клико, да похолоднѣе, и мою трубку съ янтаремъ (тогда еще папиросы не были въ употребленіи) въ маленькую комнату... знаете? — Это мой другъ, прибавилъ онъ, указывая на хозяйку буфета: — у меня, братецъ, вездѣ друзья... Это необходимо, безъ этого нельзя... Скорѣе вина...

— Да къ чему? началъ-было я.

— Нѣтъ, нѣтъ! ты мнѣ ужь этого и не говори, перебилъ Летищевъ громко, обращаясь то ко мнѣ, то къ мадамъ Піацци: — мы должны выпить. Встрѣча съ тобою мнѣ такъ пріятна. А знаешь ли, сколько мы выпили вчера съ Ѳедей Рагузинскимъ и Броницынымъ (ты вѣдь его помнишь)? Ну, какъ ты думаешь?

— Я не знаю.

— Девять бутылокъ!... по три на брата. Не глупо?

M-me Піацци съ пріятностью улыбалась, слушая Летищева и покачивая головою.

Когда въ отдѣльную комнату мальчикъ принесъ трубки и шампанское, Летищевъ крикнулъ ему: «Ну, косой, откупори, да безъ шуму, и убирайся вонъ!» и потомъ обратился ко мнѣ, потрепавъ меня по плечу, и сказалъ:

— Сколько съ того времени, mon cher, воды утекло, какъ мы разстались!... Ты знаешь, что мать моя умерла... Я теперь одинъ, вольный казакъ, проживаю тридцать тысячъ; у меня лучшая лошадь въ полку, десятитысячный жеребецъ... Но это все вздоръ! Ты знаешь, что я сдѣлался театраломъ съ ногъ до головы, вся моя жизнь здѣсь, на Большомъ театрѣ; я не пропускаю ни одного балета. Знаешь ли, сколько разъ я видѣлъ «Бронзоваго Коня»? — 54 раза! а послѣзавтра 55-е представленіе... Общество театраловъ недавно поднесло мнѣ похвальный листъ, за подписью всѣхъ своихъ членовъ, и во главѣ всѣхъ подписей имя нашего doyen d'âge между театралами — князя Арбатова... Какой чудный человѣкъ! Что за душа! Ты не знаешь его? тебѣ, mon cher, непремѣнно надо сдѣлаться театраломъ... и всѣ наши... вѣдь это удивительные ребята!.. Если бы ты посмотрѣлъ наши сходки: чудо!... Мы преслѣдуемъ, братецъ, и презираемъ всѣхъ этихъ свѣтскихъ франтиковъ, паркетныхъ шаркуновъ...

Изъ насъ никто ни ногой въ свѣтъ, хотя мы всѣ имѣемъ на это полное право... Свѣтъ, эти всѣ дамы косятся на насъ, да чортъ съ ними!... Что̀, напримѣръ, выше наслажденія провожать театральныя линіи, видѣть въ окно прелестное личико съ платкомъ на головѣ, которое высунулось для того, чтобы взглянуть на тебя... понимаешь? Ты перекидываешься съ нею нѣсколькими словами, рискуя попасть подъ огромное колесище и быть расплющеннымъ... Впрочемъ, у меня кучеръ такъ наловчился подъѣзжать близко къ линіи, что полозъ моихъ саней совсѣмъ сходится вплоть съ обручемъ колеса... и ничего, видишь, я до сихъ поръ живъ и здоровъ... Одинъ разъ я чуть не попалъ, однако, подъ колесо: но зато чѣмъ же я и былъ вознагражденъ за это!... Изъ окна раздался голосокъ: «Васъ задавятъ... ахъ, страсти!» И она упала, братецъ, въ обморокъ: ее безъ чувствъ привезли домой. Она любитъ меня до безумія; а я... я ужъ и говорить нечего... я съ ума схожу... такой дѣвочки нѣтъ на свѣтѣ другой... Что̀ за глаза, что̀ за бюстъ, какая ножка!... Царица между всѣми... И посмотри, какая у насъ идетъ перестрѣлка во время представленія, замѣть... Всѣ говорятъ, что она первая, и точно... Какой талантъ!... Не правда ли?...

— Да я не знаю, о комъ ты говоришь, возразилъ я.

— Какъ? Неужели?—Летищевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и недовѣрчивостью.—Будто ты ничего не слыхалъ? Ты не знаешь, за кѣмъ я ухаживаю? Да объ этомъ кричитъ весь городъ... И чортъ знаетъ, какъ все это узнаютъ, я не понимаю! Дамы въ обществѣ объ этомъ толкуютъ—вѣдь вотъ до чего дошло,—ей Богу!... Мнѣ это ужасно непріятно: дядя на меня злится... ну, да пусть его злится... Если ты хоть разъ былъ въ балетѣ, хоть одинъ разъ въ жизни, ты долженъ знать Торкачеву...

— Понятія не имѣю, отвѣчалъ я.

Хотя Торкачева была одна изъ самыхъ хорошенькихъ молодыхъ танцовщицъ того времени, но мой глазъ не былъ такъ опытенъ, чтобы отличать Торкачеву отъ Пряхиной, Бѣлоусову отъ Каростинской, и т. д.

— Что̀? съ ужасомъ воскликнулъ Летищевъ.—Ты не знаешь Торкачевой? Ахъ ты, варваръ!... Послушай, ты

лучше не признавайся въ этомъ: это нехорошо, просто стыдно. Не знать Торкачевой!.. mais, mon cher, c'est impardonable, c'est un crime.... Четвертая корифейка съ края съ правой стороны.... средняго роста, съ такими огненными бирюзовыми глазками....

— А! такъ это она?....

— Она! она! вскрикнулъ Летищевъ:—да вотъ смотри!... Онъ разстегнулъ мундиръ, потомъ рубашку, вытащилъ золотой медальонъ, висѣвшій на тоненькой цѣпочкѣ на его груди, открылъ его и показалъ мнѣ ея портретъ. — Не правда ли, прелесть? Не правда ли, отъ этакой дѣвочки простительно съ ума сойти?... Вѣдь это, братецъ, счастье быть ею любимымъ?

И онъ съ жаромъ поцѣловалъ портретъ, спряталъ его, застегнулся, взялъ стаканъ и прибавилъ:

— Ну, теперь выпьемъ же за ея здоровье, за здоровье моей чудной Кати! только, смотри, до капли...

Мы выпили.

— Я ее такъ устрою, продолжалъ Летищевъ:—чтобы всѣ ахнули: я ее окружу всевозможной роскошью, ничего не пожалѣю для нея, ухну все, что имѣю.... чортъ возьми! А тамъ... вѣдь дядя же мой не будетъ жить вѣчно.... тогда мнѣ ужь горевать будетъ не о чемъ: двѣсти тысячъ дохода, un revenu nette... вѣдь изрядно?...

Летищевъ долженъ былъ знать, что у графа Каленскаго есть ближайшіе родственники; что имѣніе графа по прямой линіи перейдетъ къ нимъ; что ему достанется что-нибудь, и то невѣрно: но онъ до того нахвасталъ всѣмъ, что онъ его единственный наслѣдникъ, что наконецъ почти самъ сталъ вѣрить этому.

Когда Летищевъ высказалъ мнѣ все, что̀ ему хотѣлось высказать, онъ вдругъ нѣсколько охладѣлъ ко мнѣ.

— Однако, пора; заболтался. Бѣда, если я пропущу ея выходъ: мнѣ за это достанется.... Пойдемъ.... M-me Піацци! запишите за мной бутылку.... Замѣть же... ты сидишь, кажется, сзади меня... какая пойдетъ перестрѣлка!.. Смотри, ты поусерднѣй и погромче хлопай *нашимъ-то*, по старому товариществу.

Лишь только Торкачева съ компаніей появились на сцену, Летищевъ обратился ко мнѣ и показалъ мнѣ ее.

— Ну, что̀, какова? не правда ли, чудо? — Браво! браво! закричалъ онъ, отвернувшись отъ меня и захлопавъ.

Затѣмъ весь первый рядъ правой стороны началъ кричать вполголоса: «браво! браво!» усиливая это браво постепенно и доведя его наконецъ до неистовыхъ криковъ, съ громовымъ акомпаниментомъ рукоплесканій; послѣ криковъ и хлопаній всѣ эти господа впились въ свои бинокли, и я замѣтилъ, что между Торкачевой и Летищевымъ точно существовали какіе-то телеграфическіе знаки и что послѣ каждаго пируэта она обращалась съ особенно значительной улыбкой къ тому креслу, на которомъ сидѣлъ онъ.

Когда Торкачева съ компаніей скрылись за кулисами, Летищевъ опять обратился ко мнѣ.

— Перестрѣлку-то замѣтилъ? — Вотъ теперь появится Иванова.—такъ ужь ей надо хорошенько шикнуть: это нашъ смертельный врагъ...

— Отчего? спросилъ я:—она славная танцовщица.

— Какое! дрянь!... да все равно, хотя бы она была первый геній: ужь ей, по нашему, слѣдуетъ шикать....

И точно, при появленіи Ивановой въ первыхъ рядахъ раздалось шиканье. Это шиканье произвело въ публикѣ неудовольствіе, обнаружившееся громомъ рукоплесканій. Какъ люди въ своемъ дѣлѣ опытные, театралы смирились передъ бурей; когда же буря начала стихать, они воспользовались первой секундой затишья, чтобы шикнуть снова. Но снова ихъ шиканья были заглушены еще сильнѣйшимъ громомъ и сопровождались вызовомъ ненавистной имъ танцовщицы.

Несмотря на это, они выходили изъ театра очень довольные, съ полною увѣренностію, что уничтожили ее: а князь Арбатовъ, пропуская ихъ мимо себя, повторялъ каждому: «Славно, ребята!» и каждый отвѣчалъ на лестное одобреніе: «Рады стараться, ваше сіятельство!»

У театраловъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, были очень усердные помощники, исправлявшіе должность театраловъ изъ различныхъ побужденій и разсаженные въ разныхъ

концахъ и углахъ залы. Они состояли, первое, изъ господъ, надсаживавшихъ горло и отбивавшихъ руки изъ того только, чтобы имѣть честь попасть въ кружокъ театраловъ, потереться около аристократовъ; второе—изъ нахлѣбниковъ этой молодежи, ихъ прихлебателей, и третье—просто изъ наемныхъ хлопальщиковъ и шикальщиковъ, которые, когда театралъ, ихъ патронъ, проходилъ мимо ихъ, обыкновенно выставляли впередъ свои подобострастныя фигуры и шептали съ почтительною улыбкою: «Ну, ужь мы сегодня похлопали, ваше сіятельство! во второмъ-то актѣ какой залпъ задали!»

Всѣ театралы и исправлявшіе должность театраловъ того времени, которое я описываю, были подъ командой князя Арбатова.

Князь Арбатовъ пользовался значительною извѣстностью въ Петербургѣ, и тѣ немногіе, которые не были съ нимъ знакомы, навѣрно знали о немъ хоть по наслышкѣ. Я принадлежалъ къ послѣднимъ. Еще когда я былъ школьникомъ, мнѣ указали на него однажды въ балетѣ. Князю казалось на видъ лѣтъ сорокъ слишкомъ. Онъ былъ мужчина довольно видный, полный, высокаго роста, съ круглымъ лицомъ, нижняя часть котораго выдавалась впередъ, съ большими карими глазами, съ маленькимъ лбомъ, съ рѣдкими подкрашенными волосами и съ короткими щетинистыми усами, также подкрашенными. Туалетъ его не отличался изысканностью: сюртукъ былъ почти всегда застегнутъ на всѣ пуговицы, галстухъ высокій, на пряжкѣ сзади, съ торчащими изъ подъ него маленькими воротничками отъ рубашки. По всему было замѣтно, что съ статскимъ платьемъ ему свыкнуться было нелегко, что оно было для него ново и что онъ презиралъ его. Плечи князя, гордо вздернутыя кверху, привыкшія къ большимъ и густымъ эполетамъ, безпрестанно приподнимались и вздрагивали. Князь былъ въ театрахъ, какъ у себя дома: всѣ театральныя власти были его друзьями и пріятелями; всѣ сильфиды, амуры и граціи считали его за роднаго: бутафоры и ламповщики глядѣли на него съ чувствомъ; капельдинеры встрѣчали его при входѣ съ особенною торжественностью и почтительно отворяли передъ нимъ двери

храма искусства, въ который онъ вступалъ повелителемъ, раздавателемъ сценической славы, непогрѣшительнымъ судьею — протекторомъ или карателемъ, передъ глазами котораго прошли десять поколѣній самой богатой и блестящей молодежи, по одному его мановенію рукоплескавшей и шикавшей, — десять поколѣній, имъ взлелѣянныхъ и воспитанныхъ.

Его давно уже нѣтъ на свѣтѣ, этого почтеннаго мужа; но до-тѣхъ-поръ, покуда будутъ существовать театралы, имя его, вѣроятно, будетъ благоговѣйно произноситься ими, начертанное неизгладимыми буквами въ ихъ лѣтописяхъ, и предпослѣднее поколѣніе, имѣвшее счастье еще застать его, можетъ произнести о немъ, какъ Пушкинъ о Державинѣ:

Старикъ *Арбатовъ* насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ!

Старикъ! Но Арбатовъ никогда не былъ старикомъ: въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ онъ сошелъ въ могилу такимъ, какимъ былъ въ девятнадцать. Онъ былъ вѣренъ себѣ до послѣдней минуты и вѣчно-юнъ, несмотря на свои морщины, рѣдкіе подкрашенные волосы и вставные зубы. Время дѣйствовало нѣсколько тлетворно на его внѣшность, не измѣняя ни въ чемъ его внутреннихъ убѣжденій, взглядовъ и понятій и нимало не охлаждая его пламенной любви къ театру вообще и балетному искусству въ особенности. За два дня передъ смертію, въ представленіи «Катарины — дочери разбойника», нѣжное и любящее сердце его такъ же горячо и сильно билось, при видѣ порхающихъ красавицъ-внучекъ, какъ оно билось при появленіи порхавшихъ нѣкогда красавицъ — ихъ бабушекъ въ «Коро и Алонзо», «Дѣвѣ Солнца», или въ «Пажахъ герцога Вандомскаго». Бабушкамъ и внучкамъ онъ рукоплескалъ съ равнымъ энтузіазмомъ и такъ же вѣрно зналъ имянины и рожденія бабушекъ, какъ имянины и рожденія внучекъ, съ одинаково теплымъ чувствомъ поздравляя тѣхъ и другихъ.

Летищевъ, который послѣ представленія «Кіа-Кинга» сталъ заѣзжать ко мнѣ изрѣдка, разсказывалъ мнѣ объ

Арбатовѣ съ увлеченіемъ и посвятилъ меня во всѣ подробности театральства.

— Такой любви къ искусству, говорилъ онъ:—такого благороднаго жара ты не встрѣтишь ни въ комъ. Повѣришь ли, что въ каждомъ изъ насъ князь принимаетъ такое горячее участіе, какъ въ самыхъ близкихъ родныхъ. Да что́ ему родные! Весь міръ его заключается въ насъ и въ *отвицахъ*. Онъ ихъ и насъ любитъ, какъ отецъ. Когда князь Броницынъ завелъ стрѣльбу съ Пряхиной, онъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ Арбатову.... Мы ничего отъ него не скрываемъ: всѣ малѣйшія движенія наши извѣстны ему. «Я не знаю, чего бы я не далъ, сказалъ ему Броницынъ:—если бы я гдѣ-нибудь могъ съ нею видѣться!» Тогда Броницынъ только-что вышелъ изъ школы... Это было въ первые мѣсяцы нашего театральства... Мы тогда еще не знали, какъ приступиться, ходили какъ въ потьмахъ. Арбатовъ только-что принялъ насъ подъ свое покровительство, и мы еще не были совершенно посвящены во всѣ тайны театральства: еще старые театралы смотрѣли на насъ, какъ на мальчишекъ... Мы трепетали передъ Арбатовымъ, какъ передъ авторитетомъ. Что же ты думаешь? — этого я никогда не забуду, это было при мнѣ: Арбатовъ крѣпко пожалъ ему руку и пристально взглянулъ на него испытующимъ взглядомъ. «Вы ее очень любите, князь?» спросилъ онъ его. «До безумія», отвѣчалъ Броницынъ. Арбатовъ задумался на минуту. «Знаете ли», возразилъ онъ — и надобно было видѣть въ эту минуту серьёзное, даже нѣсколько строгое выраженіе лица его — «знаете ли, что это дѣвочка необыкновенная.... кроткая, скромная, милая.... Выборъ вашъ дѣлаетъ вамъ честь; но послушайте, князь, вы должны оцѣнить ее вполнѣ и сдѣлать счастливой...» — «Я вамъ отвѣчаю за это», перебилъ съ горячностью Броницынъ. «И я вамъ отъ души вѣрю, князь! Уже одно ваше имя служитъ мнѣ ручательствомъ за то, что вы дорожите вашимъ словомъ. Къ сожалѣнію — и Арбатовъ вздохнулъ — я обманулся во многихъ въ теченіе моего театральнаго поприща; многіе, говоритъ, изъ театраловъ бросили тѣнь на это имя, которымъ мы должны всѣ дорожить, которое должны носить съ гордостью.» Мы

были всѣ почти до слезъ тронуты этими словами и поклялись въ чистотѣ сохранять почетное имя театрала. Арбатовъ расцѣловалъ насъ и сказалъ: «На-дняхъ мы окончательно посвятимъ васъ, и тогда (онъ обратился къ Броницыну) я займусь вашимъ дѣломъ... soyez tranquille... мы все устроимъ: я переговорю сначала съ нею, а потомъ съ ея матерью серьёзно.»

Если кому-нибудь изъ насъ дѣвица *не отвѣчала*, Арбатовъ былъ просто въ отчаяніи; онъ начиналъ ее усовѣщевать, уговаривать, выставлять передъ нею достоинства ея обожателя. «Поймите вы свою пользу — говорилъ онъ ей — я для васъ же хлопочу, васъ же хочу устроить. Повѣрьте мнѣ, вы созданы другъ для друга»,—и достигалъ своей цѣли. Дѣвицы всегда хороши съ тѣми, съ кѣмъ онъ хорошъ. Надобно видѣть, братецъ, когда онъ между ними: всѣ при его появленіи одушевляются, и большія и маленькія, и корифейки, и танцовщицы, и тѣ даже, которыя *пляшутъ у воды*, — всѣ, подпрыгивая и хлопая рученками, глядя на него, кричатъ: «дядя, дядя!...» Онъ всѣхъ порядочныхъ людей вербуетъ въ театралы. Чуть у кого-нибудь замѣтитъ маленькое влеченіе къ балету—и подсядетъ сейчасъ къ нему. Вотъ онъ еще недавно завербовалъ намъ графа Красносельскаго, который мѣсяцъ назадъ бредилъ свѣтомъ, былъ самымъ упорнымъ паркетнымъ шаркуномъ. Арбатовъ подсѣлъ къ нему разъ въ балетѣ и говоритъ: «Смотрите-ка, какъ Бѣлокопытовато стрѣляетъ въ васъ. Она только вами и бредитъ. Она недавно сказала мнѣ: «Я бы, кажется, съ ума сошла, если бы графъ *отвѣчалъ* мнѣ.» Бѣдная дѣвочка! мнѣ жаль ее. А какое у нея сердце, если бы вы знали! и вѣдь красавица! Сколько за ней ухаживали, а она никому еще не *отвѣчала* до-сихъ-поръ. Вы первые тронули ее... Vous fairez une bonne action, если обратите вниманіе на эту дѣвочку, и скажете мнѣ за нее потомъ спасибо.» Эти слова подѣйствовали на самолюбіе графа Красносельскаго: мало-по-малу онъ началъ увлекаться, завелъ съ нею телеграфическіе знаки; ну, а потомъ и пошло, и пошло, и въ одинъ мѣсяцъ онъ сдѣлался самымъ отчаяннымъ театраломъ, совсѣмъ пересталъ ѣздить въ свѣтъ,

выдержалъ страшныя исторіи за это дома, перессорился со всѣми родными, и теперь для него ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ балета, а въ балетѣ — Дашеньки Бѣлокопытовой!... Вотъ каковъ Арбатовъ! Я тебѣ говорю, это необыкновенный, чудный человѣкъ, первый сортъ! И какъ ненавидятъ его всѣ маменьки и дяденьки! Да ему что? онъ гордится этою ненавистью.

Летищевъ открывалъ для меня новый міръ, и я слушалъ его съ любопытствомъ.

— Да что, продолжалъ Летищевъ, все съ большимъ одушевленіемъ: — Красносельскій молодъ: насъ, у которыхъ кровь кипитъ, завлечь, mon cher, немудрено: а онъ завербовалъ недавно въ театралы семидесятилѣтняго старца, у котораго дѣти уже брѣютъ бороды лѣтъ десять или двѣнадцать!... Вотъ какія чудеса творитъ Арбатовъ!... У Прохоровой былъ вечеръ. Весь балетъ тамъ былъ и всѣ наши. Арбатовъ все обдумалъ заранѣе. Ему давно хотѣлось устроить Капылову. Она ужь не первой молодости и собой-то не очень; но тѣло у нея чудесное и сложена отлично. Она такъ пропадала въ одиночествѣ и бѣдности, а дѣвица славная и добрая; всѣ наши ее ужасно любятъ: и Катя, и Пряхина, и Натарская, и Каростицкая, — всѣ, всѣ... Арбатовъ давно ей говорилъ: «Дайте мнѣ срокъ, несравненная моя Наталья Ивановна,— и, знаешь, рукой ее этакъ по таліи — ужь я пристрою васъ, матушка, будьте покойны»: да и намекнулъ ей на старичка, а старичокъ богатъ и скупъ, какъ чортъ... «Это, говоритъ, ничего, мы съумѣемъ порастрясти его карманы.» Онъ и привезъ его на вечеръ къ Прохоровой. Капылова разодѣлась въ пухъ и прахъ и давай стрѣлять въ старичка: а Арбатовъ толкаетъ его и говоритъ: «Смотрите, смотрите, Петръ Иванычъ, глазъ съ васъ не спускаетъ: побѣда, да еще какая! Поздравляю васъ, искренно поздравляю! Первая по сложенію въ балетѣ.» Старичокъ поднесъ, дрожа, лорнетъ къ глазамъ и началъ смотрѣть на нее. Глядь, черезъ часъ ужь онъ танцуетъ съ нею мазурку, со всѣми старинными затѣями: съ припрыжкой, съ усами: вертитъ ее, становится передъ ней на колѣни... просто умора. Мы надрывались со смѣху. Съ-тѣхъ-поръ,

братецъ, не пропускаетъ ни одного балета, сошелся со всѣми нами на *ты*, туда же телеграфическіе знаки дѣлаетъ, несмотря на то, что руки дрожатъ и всѣ въ морщинахъ, точно сплоены; въ венгеркѣ ѣздитъ верхомъ мимо ея оконъ, пудами посылаетъ ей конфекты и, въ довершеніе всего, сочиняетъ къ ней стихи. Я помню первые три стишка:

На Араратъ Наташу я поставлю
И весь міръ думать заставлю:
Вотъ та, которую люблю!

Дальше не помню, а недурно! Онъ мерзнетъ съ нами у театральнаго подъѣзда, пьетъ съ нами. Надобно было видѣть, когда его посвящали въ театралы, когда его въ первый разъ привезли на нашу главную квартиру. Арбатовъ ввелъ его съ особенною торжественностью, въ сопровожденіи всѣхъ насъ, въ ту комнату, гдѣ хранятся всѣ наши атрибуты. У насъ, братецъ, все это устроено чудо какъ! Въ эту комнату никто не входитъ, кромѣ посвященныхъ или посвящаемыхъ. Тамъ, на возвышеніи, лежитъ шлемъ изъ «Возстанія въ Сералѣ» и башмакъ Тальйони, который былъ на ея ногѣ въ первое представленіе, когда она танцовала на петербургской сценѣ. На столѣ передъ возвышеніемъ рядъ башмаковъ всѣхъ извѣстныхъ нашихъ танцовщицъ, книга съ нашими постановленіями, въ великолѣпномъ переплетѣ, и другая книга, въ которой внесены имянины и рожденія всѣхъ танцовщицъ, имена всѣхъ бывшихъ и настоящихъ театраловъ и всѣ важныя событія, случавшіяся въ различные періоды театральства; по сторонамъ двѣ доски на треножникѣ: одна—красная, на которой записаны имена всѣхъ нашихъ, тѣхъ, которыя отвѣчаютъ намъ; другая—черная, и на ней имена нашихъ враговъ, тѣхъ, которымъ мы шикаемъ. Старика подвели къ возвышенію, надѣли ему на голову шлемъ, заставили поцѣловать башмакъ Тальйони. Онъ поклялся быть неизмѣнно вѣрнымъ всѣмъ правиламъ театральства, никогда не нарушать ихъ, во всемъ помогать товарищамъ, и проч., и, когда онъ говорилъ это, голосъ его дрожалъ и на глазахъ его показа-

лись слезы. Броницынъ, глядя на него, язвительно улыбался, подтрунивалъ надъ нимъ и называлъ его шутомъ. У Броницына, между нами, нѣтъ сердца. Я съ нимъ чуть не поругался за это. На меня эта сцена подѣйствовала совсѣмъ иначе: меня это тронуло. Повѣришь ли, я полюбилъ послѣ этого старика. Теперь его и узнать нельзя: онъ такъ измѣнился — о скупости и помину нѣтъ, онъ ведетъ себя молодцомъ, такъ держитъ себя, что чудо, и насчетъ подарковъ никому, братецъ, изъ насъ не уступаетъ. Сначала, покуда онъ ограничивался стишками и конфектами, всѣ театральные подшучивали надъ Капыловой. «Славнаго, Наталья Ивановна — говорили они ей — подтибрили вы себѣ обожателя!» И ей было какъ-то неловко и совѣстно: ну, а теперь, я тебѣ скажу, какъ увидали на ней тысячный салопъ, да браслеты съ изумрудами и яхонтами, да ея карету, которая подкатила къ подъѣзду послѣ репетиціи, такъ всѣ прикусили язычки. И она стала смотрѣть не такъ, да и на нее стали смотрѣть иначе. Старикъ души въ ней не чаетъ. «Я — говоритъ — теперь только начинаю жить: я — говоритъ — теперь только понялъ, что̀ такое любовь.» Разумѣется, онъ отчасти смѣшонъ, коли ты хочешь; но какъ бы то ни было, а это доказываетъ, что въ немъ есть жизнь, что въ немъ не совсѣмъ очерствѣло сердце, что онъ способенъ еще понимать изящное, и все это, однако, замѣть, пробудило въ немъ театральство! Арбатовъ отъ него въ восторгѣ; онъ не нарадуется, глядя на счастье Натальи Ивановны, и нынѣшней зимой устроитъ у нея танцовальные вечера, куда будутъ съѣзжаться всѣ балетныя и, разумѣется, *наши*, послѣ выпуска. Мы сходимся на нашей главной квартирѣ непремѣнно ужь разъ въ недѣлю послѣ балета, и старичокъ всегда съ нами: мы къ нему привыкли, безъ него какъ-будто чего-то недостаетъ. На этихъ сходкахъ у насъ — это ужь такъ положено — всѣ должны только говорить о театрѣ и о томъ, что̀ касается до театра; если же кто заговоритъ о чемъ-нибудь постороннемъ, съ того берется штрафъ, — и, вообрази, нашъ старикъ еще ни разу не заплатилъ штрафа! Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ строгихъ блюстителей нашихъ

порядковъ. По-моему, такъ его просто нельзя не уважать!

Затѣмъ Летищевъ перешелъ къ своей Катѣ, передавалъ мнѣ слова, которыя она бросала ему налету, восторгался отъ ея ума, красоты, повторялъ, какъ онъ ее любитъ, и фантазировалъ о будущемъ.

Онъ привозилъ ко мнѣ различныя покупки, развертывалъ передо мною куски бархатовъ и шелковыхъ матерій, вынималъ изъ кармановъ сафьянныя коробки съ часами, брошками и браслетами, приставая ко мнѣ съ вопросами: «Не правда ли, это хорошо?... Не правда ли, это съ большимъ вкусомъ?... Какъ ты думаешь, что́ это сто́итъ?..» и прибавлялъ къ этому, что его подарки лучше подарковъ Броницына, и что ужь у него такой характеръ, что онъ никому и ни въ чемъ не позволитъ себя перещеголять.

Онъ объявилъ мнѣ, между прочимъ, что Катя переѣзжаетъ къ своей старшей сестрѣ; что онъ для того, чтобы жить съ Катей въ одной улицѣ, перемѣняетъ свою квартиру; что отыскать квартиру въ ея улицѣ стоило ему величайшихъ усилій; что онъ уговорилъ хозяина дома выжить какого-то жильца, заплатилъ за три скверныя комнаты, которыя занималъ этотъ жильцъ, тысячу-пятьсотъ рублей впередъ; что онъ отдѣлываетъ ихъ совершенно заново; что все это обойдется ему въ двадцать тысячъ; что онъ хочетъ, чтобы ни у кого изъ театральныхъ не было такихъ платьевъ, шляпокъ, браслетовъ и прочаго, какъ у его Кати. При этомъ онъ прыгалъ, хохоталъ, пѣлъ, обнималъ меня, цѣловалъ и жалъ мнѣ руки. Послѣ этихъ неистовствъ, онъ стихалъ на минуту, прохаживался по комнатѣ и спрашивалъ меня:

— Ты мнѣ другъ? скажи—другъ? Ты, братецъ, понимаешь меня? не правда ли?

Я, по обыкновенію, молча кивалъ головою.

— Отъ тебя я ужь не могу скрывать ничего: только, Бога ради, это между нами: ты единственный человѣкъ, которому я это показываю.

И онъ, притворяя дверь, вынималъ изъ кармана письма къ нему Кати и читалъ ихъ. (Впослѣдствіи я узналъ, что

вся петербургская молодежь почти наизустъ знала эти письма).

— Я даже еще Арбатову не показывалъ этого письма, замѣчалъ онъ каждый разъ: — даже Арбатову! понимаешь?...

Въ этихъ письмахъ Торкачева очень наивно и довольно безграмотно выражала ему свою любовь; но письма, покрайней мѣрѣ, мнѣ казалось тогда, были проникнуты теплотою, обнаруживавшею сквозь безграмотныя и смѣшныя фразы неподдѣльное чувство.

Окончивъ чтеніе, онъ подносилъ обыкновенно эти письма къ моимъ глазамъ, потомъ складывалъ ихъ, цѣловалъ и пряталъ въ карманъ.

— Это драгоцѣнности, говорилъ онъ: — съ которыми я никогда не разстанусь. Ихъ положатъ въ гробъ со мною. Видишь ли, какъ она меня любитъ! Не правда ли, каждое слово дышетъ любовью?

— Да, возражалъ я:—такая любовь пріятна, но разорительна.

Летищевъ хмурился.

— Какъ тебѣ не стыдно! кричалъ онъ: — денежные разсчеты,—какая гадость! Фи!.. Я не стоилъ бы ея, если бы разсчитывалъ, какъ лавочникъ, поэкономнѣй да подешевле. Я не могъ бы перенести, если бы она была устроена бѣднѣе Пряхиной: мнѣ стыдно было бы тогда взглянуть въ глаза Броницыну... Что́ дѣлать! Noblesse oblige, mon cher... Конечно, я не въ состояніи бросать столько денегъ, сколько Броницынъ, тягаться за нимъ; но не могу же я и уступить ему. Мои дѣла немного запутаются,—я не скрываю этого. Мнѣ будетъ немножко тяжело... Ну, а дядя-то?.. Мнѣ вѣрятъ наконецъ. Я имѣю кредитъ. Да здравствуетъ кредитъ! Съ кредитомъ можно жить отлично.

Послѣ такихъ разсужденій, Летищевъ насвистывалъ, обыкновенно, аріи изъ «Бронзоваго Коня», напѣвалъ вальсы и подъ свои звуки одинъ кружился по комнатѣ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей новой квартиры: окна его кабинета выходили прямо противъ оконъ комнаты Кати. Показывая мнѣ на эти окна, онъ говорилъ:

— Ты понимаешь, я могу теперь видѣть отсюда все, что она будетъ дѣлать; она можетъ видѣть все, что дѣлается у меня. Я вооружился телескопами, зрительными трубами...

Дней черезъ десять послѣ этого, онъ заѣхалъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ:

— Ну, братецъ, я плаваю въ морѣ блаженства! Я былъ у нихъ. Сестра приняла меня отлично, а Катя — съ какимъ восторгомъ она меня встрѣтила, если бы ты видѣлъ! Какая перестрѣлка у насъ пошла черезъ улицу, часовъ по пяти сряду каждый день. Я подарилъ сестрѣ турецкую шаль.... Ахъ, Катя, Катя!... Ты непремѣнно долженъ видѣть ее; я тебѣ покажу ее.... ѣдемъ ко мнѣ....

Онъ привезъ меня къ себѣ.

— Она не должна подозрѣвать, сказалъ онъ:—что у меня кто-нибудь есть: иначе все пропало, и мы ее не увидимъ. Становись у окна за этотъ занавѣсъ и смотри въ щелку, вотъ въ это пространство. Ты увидишь все, а тебя оттуда никто не увидитъ.

Я повиновался безмолвно, потому-что мнѣ любопытно было посмотрѣть на эти продѣлки.

Летищевъ отворилъ окно, у занавѣса котораго я притаился, наставилъ свою зрительную трубу и припалъ къ ней глазомъ. День былъ весенній, ясный и теплый, Окно катиной комнаты было уставлено цвѣтами. Минуту спустя, черезъ зелень этихъ цвѣтовъ протянулась ручка: ея окно также отворилось, и въ этомъ окнѣ, между фіолями и розами, показалась прелестная женская головка съ темно-каштановыми густыми волосами, съ тонкими и необыкновенно привлекательными чертами лица, съ нѣсколько приподнятымъ кверху носикомъ и съ продолговатыми, синими глазками. Я въ первый разъ видѣлъ ее такъ близко. Она показалась мнѣ въ эти минуты несравненно лучше, чѣмъ на сценѣ, несмотря на то, что лицо ея имѣло блѣдно-желтоватый колоритъ, что, впрочемъ, нисколько не портило ее; румянецъ менѣе бы шелъ къ этому лицу. Когда Летищевъ пересталъ смотрѣть въ свою трубу, она впилась своими синими, нѣсколько туманными глазками въ лоснившееся, полное и румяное лицо моего пріятеля, кивнула

ему дружески головкой и вся просіяла улыбкой любви, довѣрія и счастья. Затѣмъ между ними начались какіе-то непонятные для меня переговоры руками. Когда все это кончилось и я отошелъ отъ занавѣси, Летищевъ обратился ко мнѣ:

— Что̀, братъ, какова? спросилъ онъ.

— Прелесть! я поздравляю тебя, отвѣчалъ я: — ты счастливецъ!

Въ эту минуту я нешутя завидовалъ Летищеву, и мнѣ было какъ-то досадно смотрѣть на него: мнѣ показалось, что онъ не въ состояніи любить ее, что онъ вовсе не любитъ ее, и что имъ движутъ одна суетность, одно тщеславіе. Я не утерпѣлъ и замѣтилъ ему это. Замѣчанія мои, довольно рѣзкія, не произвели на него впечатлѣнія; онъ улыбался очень пріятно. Самолюбіе его было удовлетворено тѣмъ, что я съ такимъ жаромъ относился о Катѣ. Отъ него, вѣроятно, не скрылось, что я немного завидовалъ ему.

— А не правда ли, счастливецъ? говорилъ онъ, потирая руки и смѣясь:—и какую чепуху ты несешь, что я не могу любить! Съ чего ты это взялъ? Ну, клянусь тебѣ, что я люблю ее больше всего на свѣтѣ и готовъ всѣмъ пожертвовать для нея!...

Первый мѣсяцъ прошелъ и для нея, и для Летищева въ чаду, въ упоительномъ одурѣніи. Онъ показывалъ ей себя ежедневно со всѣхъ сторонъ и во всевозможныхъ видахъ: верхомъ, въ ботфортахъ и въ каскѣ, въ коляскѣ, на рысакахъ, съ развѣвавшимся султаномъ, въ дрожкахъ въ одиночку и парой съ пристяжкой; въ окнѣ въ фантастическомъ домашнемъ костюмѣ. Она только и дѣлала дома, что подбѣгала къ окну, любоваться имъ, а отъ окна переходила къ его подаркамъ—любоваться ими. Она была засыпана букетами и конфектами, завалена бархатами, шелками, различными тканями и драгоцѣнными украшеніями. Ей было такъ весело! Она была вполнѣ увѣрена, глядя на все это и слушая самыя страстныя фразы, что она любима такъ, какъ ни одна женщина не была никогда любима; что этой любви, этимъ букетамъ, этимъ тканямъ, этимъ драгоцѣнностямъ, всѣмъ этимъ сюрпризамъ не будетъ конца.... А ко всему этому сестрица, также

театральная дѣвица, извѣданная опытомъ жизни, безпрестанно нашептывала ей:

— Какъ онъ хорошъ! чудо! какой душка! какъ онъ богатъ и какой у него дядя—милліонеръ!.... Какіе у него рысаки!... ахъ, какіе рысаки! Какъ онъ тебя обожаетъ!... Счастливица, Катя! ты въ сорочкѣ родилась!... Онъ на тебѣ непремѣнно женится!... Онамедни цѣлуетъ мою руку и говоритъ: «вѣдь вы сестрица моя? я васъ не иначе буду звать, какъ сестрицей, какъ хотите, говоритъ, сестрица...» Ты будешь, Катя, дворянкой, заживешь въ чертогахъ, станешь выѣзжать въ самые знатные дома, давать у себя балы! Ай да сестричка моя!...

И она ухаживала за Катей, льстила ей, цѣловала руки, называла красавицей и при этомъ выпрашивала у нея различныя вещи.

— Вотъ это матерія-то, сестрица, попроще, говорила она:—ты бы ее, голубчикъ, мнѣ подарила. У тебя и безъ того платьевъ будетъ столько, что некуда дѣвать.... Всѣ комоды ломятся отъ подарковъ....

Катя, впрочемъ, готова была, говорятъ, все отдать сестрѣ и раздарить подругамъ, и только мысль, что это *его* подарки, удерживала ее отъ этого.

Между тѣмъ, проходили мѣсяцы за мѣсяцами. Летищевъ становился какъ-то задумчивѣе. О немъ начинали носиться недобрые слухи; ко мнѣ онъ почти пересталъ ѣздить. Я гдѣ-то встрѣтился съ Броницынымъ. Броницынъ, скрывавшій страшную гордость подъ утонченною вѣжливостью съ своими старыми товарищами, съ которыми онъ встрѣчался рѣдко, обратился ко мнѣ первый.

— Что Летищевъ? спросилъ я у него.

При этомъ имени на лицѣ Броницына показалась холодная и язвительная гримаса, замѣнявшая у него улыбку.

— Летищевъ? повторилъ онъ. — Онъ ищетъ ста тысячъ, которыя ему очень нужны. Онъ у васъ еще не просилъ?... Ему повѣрить можно: вѣдь онъ наслѣдникъ такого богатаго дяди! Если онъ не найдетъ ста тысячъ, то ему придется жениться. Я совѣтую ему жениться. Онъ будетъ отличный мужъ, право: у него нѣжное сердце!

— Какъ, жениться? на комъ? спросилъ я.

— На предметѣ своей любви. Что жъ? это будетъ бракъ по страсти. Я люблю такіе браки, тѣмъ болѣе, что въ наше время они рѣдки. Оно, конечно, непріятно породниться съ какимъ-нибудь поваромъ или съ какой-нибудь дворничихой, да зато, батюшка, — любовь.

Броницынъ снова улыбнулся и разсказалъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ и очень подробно всѣ отношенія Летищева къ Торкачевой. По его словамъ, у нея оказалась какая-то тетка, которая объявила Летищеву наотрѣзъ, что если онъ желаетъ свободно видѣться съ ея племянницей, то обязанъ: или обезпечить ея участь, или жениться на ней, что въ противномъ случаѣ тетка будетъ на него жаловаться; что между теткой и племянницей происходятъ всякій день сцены; что старшая сестра Торкачевой перешла на сторону тетки, и прочее.

Разсказъ Броницына скоро подтвердился словами самого Летищева. Однажды вечеромъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ (я передъ этимъ не видалъ его мѣсяца два) въ страшномъ волненіи.

— Я къ тебѣ, братецъ, за совѣтомъ, сказалъ онъ: — въ тебѣ я найду участіе, въ этомъ я увѣренъ; послѣ князя Арбатова я тебя считаю лучшимъ другомъ.... Отъ другихъ нечего ждать: всѣ такіе эгоисты, что ужасъ; а Броницынъ— entre nous soit dit — совсѣмъ бездушное существо: онъ хочетъ, кажется, отдѣлаться отъ Пряхиной,—ужь я вижу, что къ тому идетъ. Онъ говоритъ, что у нея большія, красныя руки, а для него, видишь, руки главное въ женщинѣ... Онъ ужь тайкомъ заводитъ перестрѣлку съ Прохоровой, у которой ручки выточены точно изъ слоновой кости.... Это просто гадко, нечестно!... Арбатовъ по этому случаю въ довольно холодныхъ отношеніяхъ съ нимъ.... И если бы ты зналъ, какимъ скаредомъ оказывается Броницынъ! разсчитываетъ каждую копѣйку при своемъ богатствѣ... Да будь у меня такое состояніе, какъ у него, я еще, братецъ, не такъ бы показалъ себя. Обо мнѣ осталась бы страничка въ театральныхъ лѣтописяхъ! Ахъ, кабы мнѣ его деньги!

Летищевъ передалъ мнѣ о теткѣ Торкачевой почти то же, что Броницынъ, и остановился на минуту въ отчая-

ніи, схватилъ себя за голову, бросился на диванъ, ломая себѣ руки, и потомъ продолжалъ:

— Этотъ аспидъ, эта подлая кухарка переѣхала къ нимъ. Она сторожитъ ее, не позволяетъ ей видѣться со мною, всячески терзаетъ, притѣсняетъ ее, пилитъ, мучитъ, не позволяетъ ей даже подходить къ окну.... Ну, откуда же мнѣ вдругъ взять сто тысячъ, согласись? Я предлагалъ вексель, Арбатовъ ходилъ къ старушонкѣ, уговаривалъ, усовѣщевалъ ее—ничего не беретъ; слышать, проклятая, не хочетъ, подавай ей или деньги, или ломбардные билеты.... то есть у меня просто голова, братецъ, трещитъ, я не знаю, что̀ дѣлать! Я съ удовольствіемъ бы далъ заемное письмо въ 200,000, если бы кто-нибудь далъ мнѣ теперь сто.... Мнѣ остается одинъ выходъ, если я не достану—жениться, потому-что не могу же я оставаться въ такомъ глупомъ положеніи, по мѣсяцамъ не видать Катю и знать, что ее мучатъ — это ужасно! Я вчера съ Арбатовымъ имѣлъ серьёзное объясненіе. Онъ говоритъ, что дѣлать нечего — надо выйдти въ отставку и жениться.... Что̀ ты мнѣ скажешь на это?...

Летищевъ не безъ труда произнесъ послѣднія слова и съ безпокойствомъ взглянулъ на меня.

— Ты самъ, отвѣчалъ я: — можешь это рѣшить лучше, нежели кто-нибудь. Если ты ее точно любишь, если не увлекаешься подражаніемъ или чѣмъ-нибудь другимъ, то женись: а иначе лучше поступи откровенно, разомъ прерви все и уѣзжай на время изъ Петербурга.

— Какое предложеніе! возразилъ Летищевъ, нѣсколько оскорбленный этимъ словомъ. — Я просто безъ нея пропалъ. Но дѣло не въ томъ: въ себѣ я не сомнѣваюсь.... а тутъ другое.... Будь она одна на свѣтѣ, безъ роду, безъ племени, безъ всякихъ этакихъ тетокъ, сестеръ, тогда бы я не задумался ни на минуту: а то.... породниться чортъ знаетъ съ кѣмъ! Конечно, если бы я женился, я не пустилъ бы этихъ сестеръ и тетокъ на порогъ моего дома.... Но все какъ-то неловко.... Согласись, вѣдь я ношу старинное дворянское имя, мой дядя—ты знаешь, какую роль играетъ, къ тому же онъ лишитъ меня наслѣдства—вотъ вѣдь что̀! Я знаю, напримѣръ, что Арбатовъ или ты, если

я женюсь, будете уважать мою жену такъ же, какъ если бы она была урожденная какая-нибудь княжна: вы люди порядочные, безъ предразсудковъ; я отъ этого ничего не потеряю въ вашихъ глазахъ.... Ну, а что скажутъ какіе-нибудь Красносельскіе, Броницыны и имъ подобные? какими глазами они будутъ смотрѣть на меня?... Послушай, еслибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ, скажи только откровенно, если бы ты любилъ, ты женился бы?

— Я думаю...

— Ты думаешь?... Гм!...

Онъ началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Я думаю тоже.... да оно какъ-то... человѣкъ преглупо устроенъ.... Ахъ, я забылъ показать тебѣ ея письмо.... Я получилъ его вчера. Вотъ оно.... читай....

Я прочелъ:

«Господи если бы ты зналъ что со мной дѣлается, я просто сойду съ ума, значитъ ты меня не любишь если ты такъ долго можешь со мной не видаться, а это зависитъ отъ тебя рѣши мою участь, тетенька говоритъ что если ты дашъ слово что женишься на мнѣ то можешь пріѣхать къ намъ хоть сегодня, она всю измучила меня говоритъ что ты меня обманывалъ и никогда не любилъ что она мнѣ желаетъ добра—если ты черезъ три дня не пріѣдешь къ намъ значитъ ты меня не любишь и я несчастная, тогда все кончено и я возвращу тебѣ всѣ твои подарки и ужь никогда не увидимся съ тобою—что будетъ сомной я не знаю, Богъ тебѣ судья, а я безъ тебя жить немогу, нѣтъ нельзя намъ такъ разстаться я дольше терпѣть немогу, все сердце изныло. Одинъ бы какой-нибудь конецъ — мнѣ не нужно твоихъ подарковъ и денегъ я люблю тебя не изъ за этого и Богъ свидѣтель что я брошу все не посмотрю нинакого, и прибѣгу къ тебѣ если ты меня необманывалъ и точно любишь — дѣлай со мной что хочешь у меня есть свой характеръ, и я никого не послушаю только люби меня, мнѣ ничего ненужно—не томи меня больше».

«Твоя до гроба

«Катя Торкачева».

— Ну что́? спросилъ Летищевъ, когда я отдалъ ему письмо.

— Она тебя любитъ, это видно.

— А я не люблю ее, что́ ли? Вотъ я докажу же тебѣ. Ты увидишь... слушай... ѣдемъ сейчасъ ужинать къ Фёльету, заѣдемъ за Арбатовымъ, возьмемъ его съ собою. И тамъ порѣшимъ все. Такъ и быть: пропадай все—и дяди и тетки, кузины и весь свѣтъ, со всѣми его глупостями и предразсудками! Катя будетъ моею, на зло всѣмъ имъ.

И Летищевъ снова просіялъ при этой мысли, началъ танцовать, напѣвать и прыгать.

— Ну, ѣдемъ. Одѣвайся.

Когда мы сходили съ лѣстницы, онъ взглянулъ на меня, улыбаясь.

— Такъ ты во мнѣ сомнѣваешься? — и запѣлъ изъ Роберта: «Обидное сомнѣнье!»

Мы ужинали втроемъ. Послѣ трехъ бутылокъ Летищевъ, съ разгорѣвшимися щеками и сверкающими глазами, всталъ со своего стула и, обратясь къ Арбатову, произнесъ торжественно, съ замѣтнымъ, впрочемъ, волненіемъ въ голосѣ:

— Князь! сегодня рѣшительный день въ моей жизни! Я долго думалъ... выносить моего положенія въ отношеніи Кати я не могу больше. Я женюсь на ней, потому-что безъ нея существовать не могу. Я подаю въ отставку, устрою мои дѣла, а черезъ три мѣсяца обвѣнчаюсь. Завтра же ѣду къ ней и объявляю объ этомъ ея сестрѣ и теткѣ. Вы знаете, что безъ вашего совѣта я ничего не дѣлаю. Я васъ считаю своимъ отцомъ и другомъ. Благословите меня, князь!...

Арбатовъ былъ тронутъ до глубины этими словами. Онъ прослезился и бросился обнимать Летищева. Послѣ этихъ объятій, Летищевъ закричалъ:

— Вина! вина!

Мы просидѣли у Фёльета до разсвѣта.

На другой день онъ отправился къ Торкачевой. Выслушавъ предложеніе Летищева, тетка, сестра и Катя залились слезами отъ восторга, а тетка, въ приливѣ чувствъ, говорятъ, даже поцѣловала его руку. Вечеромъ

объ этомъ событіи знали всѣ театральные. до послѣдняго ламповщика. Катя была внѣ себя, убѣдясь, до какой степени Летищевъ ее любитъ. И съ этого дня они были почти неразлучны.

Слухи о томъ, что Летищевъ женится на танцовщицѣ, быстро распространились по всему городу и дошли до графа Каленскаго. За неимѣніемъ болѣе существенныхъ интересовъ, городъ нашелъ себѣ довольно серьёзную пищу даже въ этой новости. Графъ Каленскій былъ взбѣшенъ до послѣдней степени. Мысль, что его родственникъ (хотя и дальній) наноситъ такой позоръ своему имени, что онъ сдѣлался городскою сказкою, нанесла страшный ударъ его самолюбію. Онъ написалъ къ Торкачевой письмо, исполненное угрозами и самыми оскорбительными для нея выраженіями и эпитетами: объявлялъ, что, покуда живъ, не допуститъ такого позора и не остановится ни передъ какими мѣрами, чтобы образумить безумнаго молодаго человѣка; прибавлялъ ко всему этому, что Летищевъ ничего не имѣетъ, что онъ нищій, что до него дошли вѣсти, будто онъ распускаетъ ложные слухи, что онъ его наслѣдникъ, для поддержанія своего кредита, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что его прямые наслѣдники такіе-то, и что даже если бы онъ и имѣлъ намѣреніе оставить ему что-нибудь послѣ своей смерти, то гнусное поведеніе и поступки Летищева уничтожили бы это намѣреніе, и проч., и проч.

Письмо это было доставлено домашнимъ секретаремъ графа въ собственныя руки Торкачевой.

Катя прочитала его, вскрикнула и покатилась на полъ. Летищевъ явился къ ней черезъ полчаса послѣ этого, блѣдный, разстроенный. Онъ зналъ обо всемъ, потому-что самъ получилъ письмо отъ дяденьки, въ которомъ, между прочимъ, было упомянуто, что вмѣстѣ съ симъ послано имъ письмо и къ его *сообщницѣ*.

Когда онъ вошелъ къ ней въ комнату, Катя сидѣла блѣдная, какъ полотно, со взглядомъ, безсмысленно устремленнымъ на одну точку, и съ письмомъ, судорожно сжатымъ въ рукѣ. Услышавъ его шаги, она вздрогнула, взглянула на него и молча протянула руку съ письмомъ.

Летищевъ взялъ у нея письмо, разорвалъ его съ негодованіемъ на мелкіе кусочки, бросился передъ нею на колѣни, началъ цѣловать ея руки, успокоивать ее, клясться ей въ любви, плакать, увѣрять, что дядя ничего не можетъ сдѣлать, что ему наслѣдства дяди не нужно, что ему надо только устроить немного свои дѣла, что, послѣ уплаты кое-какихъ долговъ, у него останется еще довольно и что они могутъ жить вмѣстѣ спокойно и обезпеченно.

Катя выслушала его и сказала:

— Я вѣрю тебѣ, Коля! Я только боюсь твоего дяди; а мнѣ все равно, хотя бы у тебя ничего не было. Теперь все кончено: я твоя... Ты не бросишь же меня, голубчикъ Коля! только кончай поскорѣй. Мнѣ что-то страшно.

Летищевъ снова принялся ласкаться къ ней и успокоивать ее, сестру, тетку, клясться Катѣ въ любви, бить себя въ грудь, кричать: «Тебя никто не отниметъ у меня, никто!...»

И Катя повеселѣла. Она улыбалась ему, обнимала его и цѣловала.

— Мы поѣдемъ въ деревню къ тебѣ. Тамъ ужь нечего будетъ бояться твоего дяди: онъ будетъ далеко... У тебя есть, Коля, оранжереи съ цвѣтами?...

— Превосходныя! перебилъ Летищевъ: — такихъ камелій нѣтъ и въ Петербургѣ.

— Ну и прекрасно! Я лѣтомъ приглашу къ себѣ Пряхину и Каростицкую... вѣдь можно? ты позволишь?...

— Еще бы!...

Летищевъ продолжалъ ѣздить къ Катѣ всякій день. Собственные рысаки его и экипажи, впрочемъ, исчезли: вмѣсто нихъ появились ямскія лошади и коляска довольно плохая. Онъ съ каждымъ днемъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Она спрашивала его:

— Коля, да что́ съ тобой? скажи.

— Какой вздоръ! ничего. Это тебѣ такъ кажется, отвѣчалъ онъ.

А дѣло-то было, въ самомъ дѣлѣ, плохо. Всѣ заемныя письма, данныя Летищевымъ, были поданы ко взысканію ростовщиками въ тотъ самый день, какъ онъ получилъ

отставку. Когда Катя въ первый разъ увидѣла его въ статскомъ платьѣ, это ее нѣсколько опечалило. «Фи! какъ это нехорошо—безъ эполетъ и султана!» сказала она. Но она примирилась съ этою перемѣною при мысли, что дѣла ихъ идутъ къ развязкѣ.

Прошло послѣ этого два дня, и Летищевъ не показывался. Это ее встревожило, и на третій день она послала къ нему письмо. Горничная, относившая письмо, возвратилась съ письмомъ назадъ и, какъ полоумная, вбѣжала къ Катѣ.

— Ахъ! барышня, барышня! закричала она: — вѣдь они уѣхали совсѣмъ отсюда!

— Какъ! кто уѣхалъ? куда? Что ты врешь!...

Въ домѣ поднялась суматоха. Тетка и сестра подняли крики, сами побѣжали къ нему на квартиру. Квартира была заперта. Онѣ бросились съ ругательствомъ къ Катѣ. Катя твердила одно: «Не можетъ быть, онъ не уѣхалъ, вздоръ!» Она не хотѣла этому вѣрить. Прошла недѣля. Оказалось, что дѣйствительно Летищевъ бѣжалъ изъ Петербурга отъ долговъ. Что̀ было съ Катей, когда она удостовѣрилась въ этомъ, я не знаю; только, говорятъ, послѣ страшной сцены съ теткой и сестрой, она отослала всѣ подарки Летищева къ его дядѣ, несмотря на всѣ ихъ сопротивленія. Графъ возвратилъ ей эти вещи, при очень вѣжливомъ письмѣ, въ которомъ умолялъ ее, чтобы она не печалилась о его негодяѣ-родственникѣ, что онъ принимаетъ въ ней искреннее участіе, что отъ нея зависитъ жить въ богатствѣ и счастіи и что онъ за высочайшее для себя наслажденіе почтетъ удовлетворять всѣ ея малѣйшія желанія и прихоти, и проч.

Катя прочла это письмо и вмѣстѣ съ возвращенными вещами бросила ихъ въ физіономію его домашняго секретаря, который уже смотрѣлъ на нее съ подобострастіемъ.

Съ-этихъ-поръ Катѣ, говорятъ, не было житья ни отъ тетки, ни отъ сестры. Подруги ея, жившія въ богатствѣ и спокойствіи на содержаніи, прекратили съ ней всякія сношенія, какъ съ безнравственной дѣвушкой. Катя слегла въ постель, потомъ немного поправилась; потомъ

ей сдѣлалось хуже, и черезъ три мѣсяца она умерла въ чахоткѣ.

Если бы, при своей пустотѣ и легкомысліи, она не имѣла любящаго сердца, она бы вѣрно осталась жива, была бы спокойна, счастлива, весела; она, подобно своимъ подругамъ, съ самодовольствомъ и гордостью до сихъ поръ порхала бы по сценѣ, встрѣчаемая восторженными рукоплесканіями своихъ обожателей, принимая эти рукоплесканія за должную дань своему таланту; она, подобно имъ, живописно развалясь въ коляскѣ, летала бы по петербургскимъ улицамъ; она, подобно имъ, могла бы пріобрѣсти дома, капиталы или выйдти замужъ за какого-нибудь статскаго полковника и на склонѣ дней своихъ, еслибы Богъ благословилъ ее дѣтьми, увидѣть еще ихъ, пожалуй, въ блестящихъ мундирахъ.

Но Катѣ не суждено было этого: вся бѣда ея заключалась въ любящемъ сердцѣ!...

Мнѣ сказывали — за вѣрность этого я не ручаюсь — что Летищевъ отказался отъ большей части своихъ векселей, отзываясь тѣмъ, что они подписаны были имъ до его совершеннолѣтія; что онъ написалъ письмо къ дядѣ и, раскаяваясь въ своемъ прошедшемъ, умолялъ спасти его, избавить отъ тюрьмы, отъ позора и уплатить за него по тѣмъ векселямъ, которые онъ далъ, будучи уже совершеннолѣтнимъ; что великодушный дядя, тронутый его раскаяніемъ и покорностью, пригрозивъ сначала ростовщикамъ, уплатилъ по этимъ векселямъ по 20 коп. за рубль, и что Летищеву осталась одна маленькая деревенька, въ которой онъ скрылся отъ всѣхъ треволненій.

Арбатовъ долго безъ ужаса не могъ говорить о немъ. «Такого пятна — говорилъ онъ — и весь трясся отъ волненія — какое нанесъ Летищевъ театраламъ, еще въ лѣтописяхъ нашихъ не было примѣра. Это ужасно!»

По его настоянію, имя Летищева было исключено изъ лѣтописи театраловъ, и до-сихъ-поръ ни одинъ театралъ не произноситъ этого имени безъ благороднаго негодованія.

III.

ЗРѢЛЫЙ ВОЗРАСТЪ.

Послѣ бѣгства изъ Петербурга Летищева и смерти Кати Торкачевой прошло нѣсколько лѣтъ. Графъ Каленскій умеръ, оставивъ свое имѣніе прямымъ своимъ наслѣдникамъ, съ обязательствомъ выплатить, между прочимъ, французской артисткѣ Кларѣ Бовалонъ единовременно двадцать-пять тысячъ серебромъ и Летищеву, также единовременно, десять тысячъ; «ибо (такъ сказано было въ духовномъ завѣщаніи касательно Летищева) еще при жизни моей уплачены были мною значительныя суммы по его заемнымъ письмамъ, снисходя его молодости и легкомысленнымъ поступкамъ, что составитъ, съ нынѣ завѣщаемыми мною десятью тысячами рублей, такой капиталъ, который могъ бы обезпечить жизнь человѣка скромнаго и нравственнаго, дорожащаго именемъ своихъ предковъ и честью; слѣдовательно, въ отношеніи сего свойственника моего, я все сдѣлалъ, что повелѣвала совѣсть...»

Князь Арбатовъ, доставшій эту выписку изъ духовнаго завѣщанія, показывалъ ее всѣмъ своимъ знакомымъ и прибавлялъ:

— Почтенный старикъ и въ могилу-то сошелъ преждевременно по милости этого пустаго мальчишки. Когда старику сказали, что имя Летищева выставлено на черной доскѣ въ нашей главной квартирѣ и вымарано изъ книги театраловъ, онъ поблѣднѣлъ и едва, говорятъ, устоялъ на ногахъ!...

Новыя поколѣнія театраловъ смѣнялись одно за другимъ. О Летищевѣ никто бы и не подозрѣвалъ изъ этихъ господъ, еслибъ не князь Арбатовъ, который, въ поученіе новичкамъ, считалъ священнымъ долгомъ передавать каждому его исторію съ Катей Торкачевой, и при этомъ, описывая красоту Кати, всякій разъ растрогивался до слезъ. Однако, въ послѣднія минуты, какъ истинный христіанинъ, прощая враговъ своихъ, онъ простилъ, говорятъ, между прочимъ, и Летищева...

Я рѣшительно забылъ о существованіи Летищева: въ театры я ѣздилъ рѣдко, съ княземъ Арбатовымъ почти не встрѣчался, и ничто окружавшее меня не могло напомнить мнѣ ни о театральствѣ вообще, ни о моемъ старомъ товарищѣ въ особенности, — какъ вдругъ однажды я получаю письмо, распечатываю, почеркъ какъ-будто знакомъ, смотрю на подпись: Летищевъ. Письмо было довольно длинно, и я приступилъ къ чтенію его не безъ любопытства.

Вотъ оно, слово въ слово:

«Старый товарищъ и любезный другъ! Я увѣренъ, что ты не совсѣмъ забылъ обо мнѣ въ шумныхъ удовольствіяхъ столицы. Я, покрайней-мѣрѣ, очень помню о тебѣ, потому-что всегда любилъ тебя искренно. Сколько времени прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались! Стыдно тебѣ, что ты не написалъ мнѣ ни одной строки о себѣ. Вы, люди столичные, ужасные эгоисты, а мы, провинціялы, не таковы. Я тебѣ разскажу о моей прошедшей жизни и сообщу тебѣ мою настоящую радость, которую, вѣрно, ты раздѣлишь, по старой памяти ко мнѣ. Живу я, братецъ, благодаря Бога, недурно, въ довольствѣ, даже въ роскоши (по нашему, по провинціяльному); но мы во многомъ, можетъ быть, не уступимъ и вамъ, столичнымъ. Имѣніе мое порядочное: я устроилъ его такъ, что въ хорошій годъ получаю до восьми тысячъ серебромъ: къ тому же оно расположено на одномъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ въ цѣлой губерніи. Я знаю, что ты, какъ поэтъ, пришелъ бы въ восторгъ отъ Никольскаго — моей резиденціи. Окрестности — это просто маленькая Швейцарія. Домъ мой устроенъ со вкусомъ, — ты, вѣрно, отдалъ бы мнѣ справедливость, если бы увидѣлъ его: у меня махровыя розы величиною съ піоны. О такихъ у васъ, въ Петербургѣ, не имѣютъ понятія. Я сдѣлался страшнымъ любителемъ флоры. Словомъ, я здѣсь устроился такъ, какъ нельзя лучше: я перенесъ въ деревню весь столичный комфортъ, безъ котораго, признаться, я не могъ бы нигдѣ жить. На-дняхъ были у меня губернаторъ и предводитель дворянства, съ которыми я очень хорошъ, и вообще меня здѣсь всѣ любятъ. Губернаторъ сказалъ

мнѣ: «Признаюсь, ваше Никольское — маленькій рай. Не выѣхалъ бы изъ него.» Поваръ у меня отличный, такъ что губернаторъ просилъ меня прислать къ нему своего мальчика въ ученье. Вина я выписываю отъ Депре. Послѣ обѣда мы втроемъ разсѣлись на балконѣ. День былъ чудесный, жаркій. Я велѣлъ подать бутылку редерера, и мы, попивая, наслаждались очаровательнѣйшимъ видомъ. Нѣтъ, братъ, что ни говори, а и деревенская жизнь имѣетъ свои пріятности. Надобно тебѣ сказать, что я выбранъ уѣзднымъ предводителемъ, единогласно: ни одного чернаго шара. Это показываетъ тебѣ, какъ расположено ко мнѣ все дворянство. Соперникомъ моимъ былъ нѣкто Расторгуевъ, человѣкъ очень богатый и съ вѣсомъ, наживщійся взятками; однако, его лихо прокатили на черныхъ. У меня, любезный другъ, такое собраніе Vieux Sax'овъ, какому бы позавидовали многіе изъ нашихъ аристократовъ: штукъ до полутораста тончайшихъ. Комнату, въ которой они разставлены на консоляхъ, я назвалъ Саксонской. Жаль только, что здѣсь некому цѣнить моей коллекціи: всѣ эти помѣщики люди добрые, но страшные невѣжды и не умѣютъ отличить саксовъ отъ мальцовскихъ фарфоровыхъ издѣлій... чортъ знаетъ, что за народъ! Отгадай, кто мой ближайшій сосѣдъ.... тебѣ, вѣрно, никакъ не придетъ въ голову... Скуляковъ! помнишь, котораго мы называли въ пансіонѣ *костоломомъ*. У него, въ пяти верстахъ отъ меня, душъ тридцать или сорокъ, онъ одинъ-одинехонекъ, мать его умерла,—все такой же чудакъ. Живетъ въ простой крестьянской избѣ, два сруба сдвинулъ вмѣстѣ — и очень доволенъ, ни къ кому не показывается, но ко мнѣ заглядываетъ частенько: меня любитъ. Я его просилъ переселиться ко мнѣ, соблазнялъ своимъ поваромъ; но онъ отказался.— Вообрази, какъ-то на-дняхъ онъ обѣдалъ у меня; подали трюфели à la serviette (я провизію выписываю изъ Москвы).... онъ попробовалъ и ѣсть не сталъ. «Точно — говоритъ — пробки», а трюфели были отличные французскіе, присланные мнѣ Морелемъ. «Ты—говоритъ—извини меня, но я наши русскіе грибы предпочитаю.» Я не знаю человѣка, у котораго менѣе былъ бы развитъ вкусъ: квасъ

предпочитаетъ лафиту, а трюфели груздямъ! Впрочемъ, малый онъ вышелъ славный и страшный патріотъ. Онъ много читаетъ, даже выписываетъ ваши петербургскіе журналы, несмотря на то, что по его средствамъ это уже роскошь. Онъ философъ, потому-что вообще довольствуется малымъ. Что касается до меня, я философіи никогда не понималъ, и меня удивляютъ люди, подобные Скулякову. Можетъ быть, они и счастливы по своему; но мы, привыкшіе съ дѣтства жить какъ порядочные люди, не въ состояніи, братецъ, понять этого грубаго счастья; намъ — что съ нами будешь дѣлать! — нужны и саксы, и трюфели, и бутылка добраго стараго лафита. Избалованы мы, дружокъ, страшно избалованы!...

«Но я заболтался, а не сказалъ еще тебѣ самаго главнаго—моего счастія, моей радости. При всѣхъ удобствахъ моей деревенской жизни, я всетаки страшно скучалъ: въ деревнѣ долго жить одному нѣтъ никакой возможности. Несмотря на то, что валяешься на мягкихъ мебеляхъ, смотришь на хорошія картины (у меня, братецъ, есть, между прочимъ, два настоящихъ *Перуджино* и одинъ великолѣпный *Грёзъ*), несмотря на то, что ѣшь и пьешь хорошо, а все недостаетъ чего-то.... Я началъ это чувствовать особенно сильно въ послѣднее время и понялъ, что въ домѣ безъ хозяйки плохо. Въ верстахъ сорока отъ меня есть село— пятьсотъ душъ и пропасть земли, въ одной межѣ: десятинъ по двѣнадцати на душу; а это въ нашихъ мѣстахъ рѣдкость. Село это именуется Шмелево. Рагузино тожь. Барскій домъ, каменный, старинный. Крестьяне зажиточные. Проѣзжая чрезъ это имѣніе, я всегда любовался имъ. Я зналъ, что оно принадлежитъ старушкѣ, вдовѣ генералъ-майора Рагузина, которая, года два назадъ тому, возвратясь изъ-за границы съ своей единственной дочерью, поселилась тутъ. Я много слышалъ о нихъ отъ нашего губернскаго предводителя и отъ губернатора. Оба они отзывались о матери и въ особенности о дочери съ величайшею похвалою. Предводитель не разъ говорилъ мнѣ, что дочь просто красавица и получила самое утонченное европейское образованіе, и при этомъ всегда потреплетъ меня, бывало, по брюху (а надобно тебѣ сказать, что я порас-

толстѣлъ таки-порядочно на вольномъ воздухѣ) и прибавитъ: «Вотъ бы вамъ, батюшка, невѣста!» Я смѣялся. Невѣста да невѣста — такъ она и прослыла моею невѣстою почти въ цѣлой губерніи, хотя мы другъ друга въ глаза не видали. И всякій разъ, когда при мнѣ заговаривали о ней, я чувствовалъ, самъ не знаю отчего, какое-то невольное волненіе, а знакомство все откладывалъ да откладывалъ. Меня останавливала, правду тебѣ сказать, боязнь, чтобы не подумали, что я хочу жениться по разсчету. Бракъ по разсчету всегда казался мнѣ отвратительнымъ, на такой бракъ я никогда не былъ способенъ... Мѣсяца два тому назадъ, наканунѣ Петра и Павла (приходскій праздникъ въ Шмелевѣ), возвратясь вечеромъ послѣ прогулки домой, я думаю: «а что, не поѣхать ли мнѣ завтра въ шмелевскую церковь къ обѣдни?...» Какъ мнѣ пришла эта мысль въ голову, я и до-сихъ-поръ не могу понять. Всю ночь я грезилъ шмелевской барышней, всталъ рано, да и велѣлъ закладывать лошадей. Подъѣзжая къ Шмелеву, у меня такъ и забилось сердце. Вхожу въ церковь — всѣ разступились передо мною; я прохожу впередъ и становлюсь у праваго клироса. Помолясь усердно, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, такъ-какъ давно не молился, я осмотрѣлся кругомъ. Вижу у лѣваго клироса, на коврѣ, стоятъ мать и дочь. Какъ я взглянулъ на дочь, такъ и обомлѣлъ: всѣ описанія ее оказались жалки и блѣдны сравнительно съ тѣмъ, что она на самомъ дѣлѣ. Вообрази себѣ въ полномъ смыслѣ красавицу: больше, чѣмъ средняго роста, талія — чудо, волосы какъ смоль и коса ниже колѣнъ, каріе дивные глаза, аристократическій профиль, нѣкоторая блѣдность въ лицѣ. Одѣвается—прелесть! Словомъ, совершенство!... Чтобы дать тебѣ о ней еще болѣе ясное понятіе, я скажу тебѣ, что она напоминаетъ портреты Маріи-Антуанетты, — только en beau. И какъ она горячо и усердно молилась, если бы ты видѣлъ! Это обстоятельство меня окончательно расположило въ ея пользу. Смотря на нее молящуюся, я увидѣлъ, что эта дѣвушка получила нравственное, солидное, религіозное воспитаніе, что это именно одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которая можетъ составить счастіе человѣка. Теперь, когда я уже близко знаю

ее, я вполнѣ убѣдился въ этомъ. Она добра и кротка, какъ ангелъ. Скуляковъ ее знаетъ, — и даже этотъ мизантропъ отъ нея въ восторгѣ. По рожденію она аристократка. Мать Рагузиной — ближайшая родственница князьямъ Волынцевымъ. Послѣ обѣдни я подошелъ къ старухѣ и самъ представилъ ей себя, а старуха представила меня дочери и пригласила провести этотъ день съ ними. Я, разумѣется, не отказался. Старуха — тоже прелесть, настоящаго стараго аристократическаго закала, съ сѣдыми пуклями подъ чепцомъ. Когда онѣ были въ Парижѣ, къ нимъ ѣздили всѣ сенъ-жерменскія знаменитости, вся старая французская аристократія.... Вѣришь ли, съ перваго взгляда на мою Alexandrine я почувствовалъ такую страстную, такую горячую любовь, о какой я до-тѣхъ-поръ не имѣлъ никакого понятія. Какая-то непреодолимая симпатія вдругъ привлекла меня къ ней. Нельзя не вѣрить сочувствію душъ. Тутъ только я понялъ, что къ Катѣ Торкачевой я никогда не чувствовалъ настоящей любви, что это было мальчишеское увлеченіе, что я волочился за нею такъ только, чтобы не отставать отъ другихъ, и вспомнилъ твои слова, за которыя я, бывало, на тебя сердился. Да, ты былъ правъ, тысячу разъ правъ! Мнѣ теперь стыдно и совѣстно вспоминать о моихъ глупостяхъ и продѣлкахъ. А вѣдь Катя меня любила, дѣйствительно любила!... Бѣдная дѣвушка!... Въ день ея смерти я аккуратно каждый годъ служу по ней панихиду.

«Съ незабвеннаго для меня дня Петра и Павла я началъ чаще и чаще ѣздить къ Рагузинымъ, и всякій пріѣздъ къ нимъ открывалъ въ Alexandrine какія-нибудь новыя достоинства. Представь себѣ! У нея чистѣйшій парижскій выговоръ и такая ножка, какой никогда и во снѣ не видала ни одна изъ нашихъ танцовщицъ. Всѣ башмаки, которые хранятся въ главной квартирѣ театраловъ, не исключая и башмака Тальйони, ей не годятся даже для туфлей. О, если бы Арбатовъ увидалъ эту ножку, что́ онъ сказалъ бы!... Кстати, видаешь ли ты Арбатова, и неужели онъ все еще вооруженъ противъ меня и смотритъ на глупость молодости, какъ на преступленіе?... Что́ Броницынъ? все лѣзетъ въ гору?... Что́, онъ все еще

живетъ съ Прохоровой или ужь забылъ о своемъ театральствѣ?... Напиши обо всемъ... А для меня, братецъ, все это прошедшее кажется теперь чѣмъ-то баснословнымъ, хотя, признаться, если бы я пріѣхалъ въ Петербургъ и отправился въ Большой театръ, то мои старыя театральныя кости, мнѣ кажется, еще расходились бы....

«Но все это глупость, mon cher. Истинное счастіе — счастіе семейное, а Катя никогда не могла бы составить моего счастія, потому-что насъ раздѣляла бездна, и мы не могли понимать другъ друга. Рожденіе и воспитаніе много, милый другъ, значатъ... Только одинаково рожденные и воспитанные могутъ чувствовать настоящую симпатію другъ къ другу... И если бы ты зналъ, какъ твоего толстаго пріятеля любитъ его невѣста!..

«Поздравь же меня: я счастливъ, я женюсь, я начинаю, братецъ, гордиться собой и находить, что во мнѣ есть, дѣйствительно, что-нибудь: иначе, я не возбуждалъ бы къ себѣ чувства любви. Въ то же время я чувствую, что я не стою моей Alexandrine: она и умнѣе, и образованнѣе меня во сто разъ... Всю эту вашу литературу и политику знаетъ наизустъ. Не смѣйся, ей-Богу, правда... Она меня просто удивляетъ. Въ приданое за ней мать отдаетъ Шмелево, пятьсотъ душъ, и, кромѣ того, земли въ Крыму, овцеводство и значительный капиталъ; но я объ этомъ мало забочусь, потому-что имѣю свой кусокъ хлѣба и ни на минуту не задумался бы жениться на ней, если бы она ровно ничего не имѣла. Порадуйся же, эгоистъ, счастію твоего стараго товарища. Въ моей женитьбѣ есть какое-то предопредѣленіе свыше: знакомство съ нею въ церкви — это тоже добрый знакъ. Я на-дняхъ ѣздилъ въ Ипатьевскую пустынь по обѣщанію. Я наложилъ на себя этотъ обѣтъ заранѣе, если все счастливо кончится. Бесѣдовалъ съ игумномъ. Онъ и меня, и ее давно знаетъ, поздравлялъ меня и сказалъ, что Богъ благословитъ нашъ бракъ, потому-что «ваша невѣста (это его собственныя слова) богобоязливая и прибѣжная къ церкви...» И это, дѣйствительно, справедливо. Ахъ, какъ она молится, если бы ты видѣлъ!... Теперь у меня хлопотъ полны руки: разныя закупки и выписки изъ Москвы и

изъ Петербурга. Карету я выписываю отъ Фребеліуса... карета темно-синяя, а обивка внутри цвѣта Marie-Louise: это будетъ недурно... Помѣщики здѣшніе, провѣдавъ о моихъ затѣяхъ, удивляются и ахаютъ: имъ все въ диковину, и каждая вещь кажется имъ раззореніемъ. Совершенные дикари! — Что́ дѣлать? Моя слабость, чтобы все было у меня порядочно, по-барски. Прощай! Обнимаю тебя. Можетъ быть, увидимся въ Петербургѣ, и скоро, а до-тѣхъ-поръ не забывай меня и напиши мнѣ, гадкій эгоистъ, въ отвѣтъ на мое длинное посланіе, хоть нѣсколько строчекъ... Когда мы свидимся въ Петербургѣ, ты увидишь, что я еще, впрочемъ, не совсѣмъ опровинціялился и, какъ говорится, не лѣвой ногой носъ сморкаю. Еще разъ обнимаю тебя отъ души и повторяю: пиши! пиши!

«P. S. Я о тебѣ много говорилъ моей нареченной. Она тебѣ кланяется и горитъ нетерпѣніемъ тебя увидѣть, потому-что, по моимъ словамъ, полюбила тебя заочно.»

Послѣ этого письма я втеченіе многихъ лѣтъ ни отъ кого не слыхалъ о Летищевѣ и не получалъ уже болѣе отъ него никакихъ писемъ.

Года три тому назадъ, въ одно солнечное и морозное утро, я зашелъ въ какой-то кафе-ресторанъ на Невскомъ проспектѣ и въ ожиданіи чашки кофе перелистывалъ газету, лежавшую передо мною. Вдругъ дверь ресторана съ шумомъ отворилась, ударившись объ уголъ стола, такъ что всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и я, невольно обратились на этотъ шумъ. Въ двери съ трудомъ влѣзала медвѣжья шуба и, распахнувшись, обнаружила пыхтящее тѣло неимовѣрной толщины, за которымъ слѣдовалъ жиденькій и бѣлобрысенькій молодой человѣчекъ съ застывшей на лицѣ улыбкой. Тѣло въ медвѣжьей шубѣ остановилось посреди комнаты, осмотрѣлось кругомъ и, полуоборотомъ взглянувъ на молодаго человѣка, слѣдовавшаго за нимъ, произнесло:

— Фу, какая жара! фу!... А что̀, братецъ, закусить хочешь? спрашивай себѣ, что̀ хочешь, дружечикъ. Мнѣ смертельно ѣсть хочется....

Молодой человѣчекъ наклонилъ на эти слова свою головку и придалъ своей неподвижной улыбкѣ пріятность посредствомъ расширенія рта.

— Эй, ты, мусье! вырвался пронзительный, тоненькій голосокъ изъ тучнаго тѣла, которое обернулось къ лакею: — подай карту, покажи, что̀ у васъ тамъ есть; накорми насъ, милый другъ, посытнѣе да повкуснѣе: мы вотъ съ нимъ проголодались... Фу! фу!

Этотъ голосокъ, выходившій изъ тучнаго тѣла, показался мнѣ будто нѣсколько знакомымъ.

— Ба, ба, ба!... При этихъ звукахъ изъ медвѣжьей шубы высунулись руки и простерлись ко мнѣ. — Вотъ встрѣча, вотъ встрѣча!... Фу!... Да что̀ ты такъ выпучилъ-то на меня глаза? Не узнаёшь, въ самомъ дѣлѣ, что ли?... Летищевъ, братецъ... онъ самъ, своей персоной.

И онъ навалился на меня, обнимая и цѣлуя меня.

Послѣ этихъ объятій я долго не могъ оправиться.

«Неужели это, дѣйствительно, Летищевъ—думалъ я,— тотъ самый, который нѣкогда, въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ, съ перетянутой таліей, живой и вертлявый, волочился за Катей Торкачевой?...»

— Я, кажется, привелъ тебя въ изумленіе моей корпоренціей? продолжалъ Летищевъ.—Что жь? фигура, братецъ, почтенная, не правда ли? настоящая предводительская! Ну, какъ ты, голубчикъ, поживаешь? Ты не мѣняешься ничего.... Сразу узналъ тебя. Я на тебя, братецъ, сердитъ, очень сердитъ.... Фу.... экая жара! Ну, какъ это можно, впродолженіе пятнадцати лѣтъ ни строчки! На что̀ это похоже!... А я все-таки хотѣлъ къ тебѣ сегодня же заѣхать. Я вѣдь только третьяго дня ввалился въ вашу Сѣверную Пальмиру, еще никого не видалъ, ни у кого не былъ. Вчера цѣлый день отдыхалъ послѣ дороги. Charmé, charmé de te voir mon cher, очень, очень радъ!

И онъ жалъ мнѣ руку.

— Однако, братъ, дружескія изліянія сами по себѣ, а желудокъ самъ по себѣ. Желудка дружбой не накормишь... Я страшно отощалъ, должно быть, оттого, что прошелся.... Я вѣдь, братецъ, ходить не привыкъ, въ деревнѣ мы ходимъ мало.... У меня тамъ этакой кабріолетикъ на лежа-

чихъ рессорахъ.... я нарочно, по своему вкусу, заказалъ въ Москвѣ.... вотъ спроси у него....

Онъ ткнулъ пальцемъ на молодаго человѣка.

— Прекрасный экипажецъ! проговорилъ молодой человѣкъ.

— А я тебѣ не рекомендовалъ еще этого юношу-то? Имѣю честь представить: это, братъ, мой секретарь... Я безъ него пропалъ бы здѣсь. Всѣ эти покупки, закупки, счеты и разсчеты—это ужь его дѣло.... Мусье! любезнѣйшій! ну, что жь карту-то!...

— Карты нѣтъ-съ; а что̀ прикажете, отвѣчалъ лакей: — вотъ закуски здѣсь на столѣ-съ.

— Ну, какія у васъ тамъ закуски! мерзость какая-нибудь! а вели-ка мнѣ изготовить лучше двѣ хорошія сочныя котлеты.... да вотъ и юношѣ-то подай чего-нибудь.... Чего ты хочешь?...

Секретарь переминался и ухмылялся.

— Да полно церемониться-то! этакой ты гусь, право! ѣшь, что̀ душѣ угодно, спрашивай себѣ, чего хочешь и плати, сколько вздумаешь. Деньги вѣдь въ твоемъ распоряженіи... Я, братецъ, и денегъ съ собой не ношу: все у него, онъ у меня и министръ финансовъ.... Эй, вы, котлетъ-то подайте мнѣ скорѣй! а покуда, чтобъ заморить червяка, дайте хоть двѣ-три тартинки съ чѣмъ-нибудь.... Ну, ужь вашъ Петербургъ! бѣда! продолжалъ онъ, разжевывая тартинку: — съ ума сойдешь отъ этихъ однихъ визитовъ ... бабушки, да тетушки, да министры, да гофмейстеры, да церемоніймейстеры.... Рожу-то мою всѣ знаютъ: не скроешь ее отъ нихъ.... Сегодня утромъ въ десять часовъ ужь напялилъ на себя мундиръ и успѣлъ побывать у двухъ почетныхъ старцевъ и принятъ былъ, братецъ, ими просто—вотъ какъ!

Онъ приложилъ свои пальцы къ губамъ и чмокнулъ.

— Любятъ меня почему-то, помнятъ.... дай Богъ имъ здоровья. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ: «Я, говоритъ, еще помню тебя юнкеромъ: тебя, говоритъ, фельдмаршалъ называлъ всегда молодцомъ и очень любилъ тебя.» Старецъ, а вѣдь память-то какая!... Ну, однако,

разскажи, какъ ты поживаешь, какъ идутъ твои дѣлишки?...

— Ничего, такъ себѣ.... Ты пріѣхалъ надолго?

— Да самъ не знаю, голубчикъ! надо представляться разнымъ высокимъ особамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, судя по намеку почетнаго старца, изъявляютъ сильное желаніе меня видѣть. На что̀ я имъ? вотъ спроси! Объѣзжу весь вашъ петербургскій monde и, закончивъ эту процедуру, займусь своимъ дѣльцомъ: вѣдь у меня процессъ еще, братецъ, въ триста тысячъ рублей серебромъ— bagatelle! Ты знаешь, что значитъ процессъ?... А! да вотъ и котлеты!

При видѣ котлетъ, глаза Летищева заискрились, и онъ началъ безпокойно облизывать губы, тыкая нетерпѣливо за галстухъ салфетку.

— Нельзя, братецъ, безъ этого, а то закапаешь себѣ рубашку: возвышеніе-то это проклятое мѣшаетъ.

Онъ указалъ на свой животъ и залился добродушнымъ смѣхомъ, обнаруживъ при этомъ десны и маленькіе, гнилые и почернѣвшіе зубы, едва въ нихъ державшіеся.

— Экое дерево! сказалъ онъ, ткнувъ вилкой котлетку:— не умѣютъ и котлетку-то порядочно приготовить, — а еще Петербургъ!... Не стыдно тебѣ это?

Онъ посмотрѣлъ на лакея.

— Да знаешь ли, что у меня, въ деревнѣ, послѣдній поваренокъ приготовитъ лучше этого?.. Эхъ, вы!... Я, братецъ, вчера вечеромъ (онъ обратился отъ лакея ко мнѣ) задалъ такую гонку вашему Дюссо. Я вѣдь его не знаю: при мнѣ еще былъ Фёльетъ и Легранъ.... Слышу отъ всѣхъ пріѣзжихъ: Дюссо да Дюссо! Ну, думаю себѣ, попробую я этого хваленаго Дюссо. Пріѣзжаю. Заказалъ ужинъ. Говорю: «Дайте мнѣ всего, что̀ есть у васъ лучшаго.» Кажется, ясно?... Подаютъ мнѣ первымъ блюдомъ филе изъ ершей.... Ну, что̀ жь это, братецъ, за блюдо? просто какой-то воздухъ съ травой и прованскимъ масломъ, и масло-то еще не свѣжее. Я на сцену моего стараго друга Симона. «Позови-ка мнѣ, говорю я, твоего Дюссо-то: я съ нимъ потолкую кое-о-чемъ.» Приходитъ этакая призе-

мистая фигурка, вертится передо мною и говоритъ: «Monsieur qu'y a t'il à votre service?...»

Я посмотрѣлъ на него и говорю:

— Вы меня не знаете, а?

— Non, monsieur, pardon.

— То-то pardon! А вотъ вы спросите-ка обо мнѣ лучше вашего Симона, такъ онъ вамъ поразскажетъ кое-что, кто я и прочее.... Я вотъ тоже не имѣю удовольствія знать васъ, потому-что проживаю въ своихъ деревняхъ и въ Петербургъ ѣзжу рѣдко; а предмѣстниковъ вашихъ Фёльета и Леграна зналъ коротко, и они меня коротко знали и любили. Я здѣсь оставилъ тысячъ до пятнадцати, — слѣдовательно, хоть на столько пріобрѣлъ вкуса, чтобы отличить дурное масло отъ хорошаго.... Вы понимаете меня?... Я купилъ, говорю, себѣ право этими пятнадцатью тысячами быть нѣсколько взыскательнѣе другихъ.... Ни Фёльетъ, ни Легранъ мнѣ такого масла не смѣли подавать; а вы думаете, что вотъ пріѣхалъ человѣкъ, вамъ неизвѣстный, въ первый разъ, провинціялъ какой-нибудь, такъ-дескать и подсуну ему что̀ ни попало. Ошибаетесь, я говорю, г. Дюссо, ошибаетесь, не на такого напали: я таки въ гастрономіи кое-что смыслю. Вотъ спросите обо мнѣ у князя Броницина, у графа Красносельскаго, у графа Бержицкаго: это мои короткіе пріятели. Вы, чай, ихъ знаете?... Какже, говоритъ, *же лонёръ*.... а самъ переконфузился, кланяется, извиняется, затормошилъ всѣхъ лакеевъ, самъ побѣжалъ на кухню и, дѣйствительно, ужь накормилъ меня превосходно. Выходя, я потрепалъ его по плечу и говорю: «Ну, Дюссо, теперь я не сомнѣваюсь, что ты артистъ въ своемъ дѣлѣ!...» И онъ былъ этимъ, братецъ, ужасно доволенъ!... Мой юноша-то все удивляется, глядя на меня. «Вы, говоритъ, Николай Андреичъ, въ Петербургѣ распоряжаетесь точно какъ у себя въ Никольскомъ....»

— Это правда-съ, замѣтилъ молодой человѣкъ, торопливо проглатывая кусокъ и спѣша улыбнуться.

— Чудакъ ты! чему тутъ удивляться? замѣтилъ Летищевъ, посмотрѣвъ на него благосклонно. — Вѣдь я, слава Богу, Петербургъ-то знаю, пожилъ-таки въ немъ, позна-

комился съ нимъ, вотъ спроси-ка у него (онъ указалъ на меня). Я тысячъ до ста серебромъ бросилъ въ его ненасытную пасть: такъ ужь послѣ этого церемониться съ нимъ не могу, прошу извинить... Однако, не пора ли намъ, господинъ секретарь? который часъ?

Онъ вынулъ толстые золотые часы на толстой цѣпочкѣ и произнесъ:

— Эге-ге! ужь около трехъ... Вотъ, братецъ, часы-то, рекомендую: этихъ часовъ само солнце спрашивается. Посмотри, внутренность-то какая.

Летищевъ попробовалъ открыть внутреннюю дощечку.

— Нѣтъ, не открываются, чортъ ихъ возьми! пробормоталъ онъ: — боюсь, еще ноготь сломишь. — И онъ положилъ ихъ въ карманъ, прибавивъ: — за эти часы мнѣ пятьсотъ рублей серебромъ давалъ въ Москвѣ Митька Перелѣзинъ. Ты знаешь его?... Ну, секретарь, отправимся путешествовать по магазинамъ.... Столько коммиссій надавали! А пуще всего меня безпокоитъ это модное тряпье: блонды да гипюры, да шляпки, да эти разныя фалбалы. Еще, пожалуй, не угодишь. Впрочемъ, нѣтъ, моя жена не такова... Мы съ ней живемъ душа въ душу.... вотъ спроси у него.... Это ангелъ доброты, et c'est une femme distinguée, mais tout à fait distinguée, mon cher. Я увѣренъ, что ты былъ бы отъ нея въ восторгѣ и полюбилъ бы ее... Поручила мнѣ, братецъ, цѣлую библіотеку закупить... Куда это мы все уложимъ только въ Москвѣ, я не знаю: вѣдь въ дормезъ намъ не помѣстить всего?... какъ ты думаешь, юноша?

— Да-съ, трудновато будетъ-съ, отвѣчалъ секретарь.

— То-то, братецъ! Надо будетъ объ этомъ серьёзно подумать.

— Не безпокойтесь, возразилъ секретарь:—ужь какъ-нибудь устроимъ.

— То-то, смотри же....

Летищевъ отвелъ меня нѣсколько въ сторону и произнесъ вполголоса, кивая головой на секретаря:

— Un bon enfant, excellent.... Я взялъ его, братецъ, къ себѣ мальчишкой, нищимъ. Онъ и выросъ у меня въ домѣ и привязанъ ко мнѣ и къ женѣ, какъ собаченка. И вѣдь

какой аккуратный, дѣловой малой! онъ у меня заправляетъ всей моей канцеляріей.... Ну, до свиданья, мой милый! Я къ тебѣ первому непремѣнно пріѣду, когда окончу всѣ мои важные визиты; надѣюсь, что и ты заѣдешь ко мнѣ. Я остановился у Кулона, занимаю два нумера: 22-й и 23-й; вѣдь одного мнѣ мало, по моему сложенію. Въ Москвѣ такъ я всегда останавливаюсь въ «Дрезденѣ» и всегда занимаю 1-й нумеръ. Тамъ ужь такъ и берегутъ его для меня: огромная комната, настоящая танцовальная зала; да я, признаться, терпѣть не могу маленькихъ комнатъ: въ нихъ какъ-то тяжело дышать.... Но я заболтался съ тобой.... Прощай, прощай, до свиданья.... Расплатился, юноша?

— Да-съ....

— Ну такъ маршъ.... Au revoir, mon cher, au revoir.

И Летищевъ вышелъ изъ кафе-ресторана съ тѣмъ же эффектомъ и шумомъ, съ какимъ вошелъ, весь сіяя самодовольствіемъ и произведя сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ того, во время пребыванія его въ Петербургѣ, я встрѣчался съ нимъ довольно часто, у нашихъ общихъ знакомыхъ. Онъ разсказывалъ намъ о различныхъ политическихъ и административныхъ проектахъ, которые, будто бы, переданы ему были самими министрами, по секрету: о томъ, какъ онъ разнымъ значительнымъ особамъ рѣжетъ, не церемонясь, правду въ глаза, и какъ эти особы взяли съ него честное слово, чтобы онъ прямо писалъ къ нимъ обо всемъ и не стѣсняясь ничѣмъ; какъ петербургскіе князья и графы, его старые пріятели и товарищи, обрадовались его пріѣзду; какъ одинъ изъ нихъ, еще бывшій при немъ въ полку юнкеромъ, объявилъ ему, что назначенъ полковымъ командиромъ того же самаго полка, и какъ онъ отвѣчалъ ему на это: «Полно, Миша, полно! Врешь, братецъ, ни за что не повѣрю. Что ты мнѣ этакую фанаберію несешь? За кого ты, голубчикъ, меня принимаешь?» И какъ потомъ, удостовѣрясь въ этомъ, онъ обнялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: «Ну, Мишукъ, отъ души поздравляю тебя; но признаюсь откровенно, что послѣ этого нѣтъ въ мірѣ чудесъ, которымъ бы я не повѣрилъ!»

Мнѣ особенно памятна длинная рѣчь, произнесенная однажды Летищевымъ, когда при немъ зашли толки о трудности управленія имѣніями и о характерѣ русскаго крестьянина. Онъ вдругъ прервалъ разговоръ двухъ господъ, очень серьёзно разсуждавшихъ объ этихъ предметахъ.

— Это все не то, господа! сказалъ онъ: — вы, говоря откровенно, увлекаетесь различными фантазіями и фантасмагоріями. Я желалъ бы, чтобы кто-нибудь изъ васъ заглянулъ въ мои имѣнія. Я смѣло могу сказать, что каждый изъ моихъ крестьянъ благословляетъ свою судьбу. Правда, у нихъ все есть, что̀ имъ нужно: по три, по четыре лошади на тягло, по двѣ коровы,—ну, и прочаго скота въ той же пропорціи; избы у нихъ выстроены изъ хорошаго лѣса, прочно, бо̀льшею частью.... въ имѣніи жены моей (у меня, правда, этого нѣтъ), на каменныхъ фундаментахъ; оброкъ съ нихъ берется умѣренный.... Чего же имъ?... Да если бы я, напримѣръ, не родился тѣмъ, что я есть, я желалъ бы быть моимъ старостой Васильемъ Антипычемъ, ей Богу: у него, говорятъ, тысячъ пятнадцать рублей серебромъ капитала. Для мужика это, надѣюсь, деньги! Онъ ходитъ въ синемъ сукнѣ, отпустилъ себѣ такой же животъ, какъ у меня, такой видный изъ себя, сѣдая огромная борода.... Эта вся мелюзга однодворцы, мелкопомѣстные кланяются ему чуть не въ поясъ.... Дѣти его всѣ переженились, и всѣ молодецъ къ молодцу, народили дѣтей въ свою очередь. Внучаты пищатъ и копошатся около дѣдушки, а онъ только ухмыляется да поглаживаетъ себѣ бороду.... Патріархъ, настоящій патріархъ!... Я часто захожу къ нему въ гости. Изба у него чистая, прекрасная. Онъ всегда угощаетъ меня солеными груздями или сотовымъ медомъ.... чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.... У него все это подается отлично, и всегда еще красную ярославскую салфетку разстелетъ на столъ.... Я однажды этакъ сижу у него и говорю ему:

— Славно ты поживаешь, Василій Антипычъ: всего у тебя вдоволь, всѣмъ Богъ тебя благословилъ; а денегъ-то у тебя, я чай, и куры не клюютъ.

— И, батюшка Николай Андреичъ! говоритъ (плутъ страшный—прикинулся этакимъ смиреннымъ и кланяется мнѣ

въ поясъ):—Что́ изволите, говоритъ, шутить: ужь какія у насъ деньги, откуда взять мужику денегъ!

— Ну полно, полно! говорю: знаемъ мы тебя. Что́ скрываться-то. Я вѣдь у тебя денегъ твоихъ не отниму...

— Да что̀, говоритъ, батюшка, я вамъ правду скажу, какъ передъ Богомъ: вы отцы наши, отъ васъ скрываться не приходится. По милости вашей, скопилъ маленько.

— Ну, я говорю: — отчего же ты, братецъ, у меня не откупишься со всей семьей, али боишься, что я съ тебя сдеру много?

Старикъ мой такъ и расходился.

— Да помилуйте, говоритъ, батюшка! зачѣмъ мнѣ откупаться отъ васъ? да сохрани меня Господи и помилуй отъ этого! Я, говоритъ, честью служилъ вашему дѣдушкѣ, вашему родителю, вамъ теперечa служу: да мы у васъ, какъ у Христа за пазухой... Что̀ это вы говорить изволите! На что̀ мнѣ, говоритъ, воля-то, на что̀? Мы, говоритъ, искони-де къ вашему роду приписаны: такъ, говоритъ, съ вами и останемся на вѣки вѣчные... Я и дѣтямъ-то своимъ заказалъ, да и внучатамъ-то закажу служить вашимъ дѣтямъ и внучатамъ.

— Да дѣтей-то у меня, старина, нѣтъ, — вотъ мое горе...

—Помолитесь-ка, говоритъ, поусерднѣй, батюшка, такъ Господь пошлетъ... И мы, грѣшные, ваши рабы, объ этомъ помолимся. — А у самого слезы на глазахъ, и меня тронулъ до слезъ.

Летищевъ произнесъ послѣднія слова дрожащимъ голосомъ и прибавилъ черезъ минуту:

— Вотъ онъ, господа, неиспорченный-то русскій человѣкъ, какъ есть и какимъ долженъ быть!

Нѣкоторые смотрѣли на Летищева съ негодованіемъ, другіе какъ на шута; находились и такіе, которые принимали его серьёзно. Онъ не замѣчалъ этихъ различныхъ впечатлѣній, производимыхъ имъ, и обращался ко всѣмъ одинаково радушно и сіяя самодовольствіемъ.

Однажды, когда мы сидѣли съ нимъ вдвоемъ, онъ сталъ передавать мнѣ о своей женѣ, о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и любви другъ къ другу, по поводу получен-

наго отъ нея письма. Онъ былъ дѣйствительно взволнованъ и разстроганъ, и слезы такъ и капали у него изъ глазъ.

— Нѣтъ, душенька, говорилъ онъ: — здѣсь у васъ хорошо, всѣ ваши тузы здѣшніе меня ласкаютъ; но дома все-таки лучше. Такъ и тянетъ въ деревню. Признаться тебѣ откровенно, я, братъ, соскучился безъ жены; иной разъ такъ взгрустнется безъ нея, что просто мочи нѣтъ.

И онъ почти давился слезами. Онъ даже разстрогалъ меня.

Я думалъ: «А можетъ-быть въ этой тушѣ и въ-самомъ-дѣлѣ еще таится что-нибудь человѣческое; можетъ-быть, подъ этимъ мясомъ бьется еще не совсѣмъ испорченное сердце; можетъ-быть, онъ нешутя хорошій семьянинъ и добрый помѣщикъ?...»

Въ его мелкомъ тщеславіи для меня было болѣе забавнаго, чѣмъ оскорбляющаго.

Всякій разъ, напримѣръ, когда мы выходили откуда-нибудь вмѣстѣ и когда онъ влѣзалъ въ ямскую карету (въ саняхъ и особенно на простомъ извощикѣ онъ низачто не рѣшился бы проѣхать), онъ непремѣнно кричалъ извощику: «Пошелъ къ князю такому», или «къ графу такому-то. Знаешь?» И извощикъ его всякій разъ отвѣчалъ утвердительно: «Знаю-съ!» Впослѣдствіи оказалось, что каждый изъ знакомыхъ Летищева носилъ непремѣнно названіе какого-нибудь князя или графа. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Летищева, этотъ извощикъ перешелъ къ одному барину, выѣзжавшему въ большой свѣтъ. Баринъ приказалъ ему однажды везти себя къ княгинѣ Б. Извощикъ отвѣчалъ: «Знаю-съ», и махнулъ кнутомъ.

Онъ везъ его, везъ и наконецъ остановился. Баринъ вышелъ изъ кареты и, къ изумленію своему, увидалъ себя въ какой-то незнакомой улицѣ.

— Что́ это значитъ? куда ты привезъ меня, болванъ?

Баринъ очень разсердился.

— Какъ куда! къ княгинѣ Б*... Слава Богу, я вѣдь знаю. Я ѣздилъ съ Николай Андреичемъ....

— Что́ ты врешь? Какой Николай Андреичъ? вскрикнулъ баринъ.

— Какой? Летищевъ Николай Андреичъ. Да ужь не извольте, батюшка, безпокоиться: княгиня тутъ живетъ. Мы съ Николай Андреичемъ у ихъ сіятельства-то почитай всякій день бывали: какъ не знать!

Извощика трудно было убѣдить, что княгиня живетъ не тутъ: онъ твердилъ все одно: «Николай Андреичъ.... они ужь всѣхъ князей знаютъ, у нихъ ужь все знакомство такое». Баринъ отъ гнѣва перешелъ къ смѣху, и черезъ нѣсколько дней это сдѣлалось извѣстно всему Петербургу и самой княгинѣ Б*, которая и не подозрѣвала о существованіи Летищева.

Слабость моя къ Летищеву доходила до того, что мнѣ даже было больно смотрѣть на него, когда онъ, на улицѣ, въ ресторанахъ и въ театрахъ, бросался къ своимъ старымъ товарищамъ, князьямъ и разнымъ свѣтскимъ людямъ, съ растопыренными руками, съ криками, съ восторгомъ, съ простодушными улыбками, и былъ встрѣчаемъ холодными словами и полу-поклонами. На него, однако, ничто не дѣйствовало: онъ продолжалъ лѣзть къ нимъ и кричать: mon ami prince *Броницынъ*, или *Павлуша Броницынъ*.

Я былъ свидѣтелемъ одинъ разъ встрѣчи Летищева, вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ, съ барономъ Щелкаловымъ въ театрѣ во время междудѣйствія. Онъ былъ съ Щелкаловымъ нѣкогда въ пріятельскихъ отношеніяхъ и на *ты*. Пробираясь и пыхтя въ толпѣ, Летищевъ наткнулся животомъ своимъ на Щелкалова, шедшаго ему на встрѣчу. Щелкаловъ сдѣлалъ движеніе назадъ, бросилъ на него взглядъ свысока, отвернулся и началъ смотрѣть на ложи.

— Душенька! здравствуй, братецъ! какъ я радъ!

И Летищевъ ухватился за обшлагъ его фрака, не замѣчая, что тотъ отворачивается отъ него. Щелкаловъ сдвинулъ брови и вставилъ въ глазъ стеклышко, осмотрѣвъ его съ недоумѣніемъ.

— Вотъ что̀ значитъ запастись этакою горкою! завизжалъ Летищевъ простодушно и обвелъ рукою кругомъ себя:—и старые друзья не узнаютъ!... Летищева помнишь?...

Щелкаловъ сдѣлалъ движеніе губами, еще разъ свысока взглянулъ на него и произнесъ сухо и рѣзко: «А!»

пробормотавъ нѣсколько несвязныхъ словъ: «очень радъ... да... потолстѣлъ... откуда?...»

Летищевъ хотѣлъ обнять его; но Щелкаловъ почти отвелъ отъ себя его руки и, сдѣлавъ шагъ впередъ, натолкнулся на Броницына, коснулся его плеча и, кивнувъ назадъ головой на Летищева, произнесъ громко: «Каковъ? недурёнъ баринъ», и самодовольно прошелъ дальше, не подозрѣвая того, что Броницынъ, въ свою очередь, обратился къ какому-то своему пріятелю и, съ язвительной гримасой указавъ на Щелкалова, произнесъ:

— Тоже хорошъ!...

Летищевъ пробылъ въ Петербургѣ около мѣсяца, и наканунѣ отъѣзда, ввалясь ко мнѣ въ квартиру, чуть не оборвалъ звонка у двери, нахвасталъ мнѣ съ три короба, простился со мною съ величайшею нѣжностью и взялъ съ меня слово, если я когда-нибудь буду проѣзжать черезъ Н*, непремѣнно заѣхать къ нему въ деревню.

— Ужь угощу, милый, дорогаго гостя, прибавилъ онъ въ заключеніе:—вотъ какъ угощу! такимъ старымъ бургонскимъ попотчую, какого ты отродясь не пивалъ!...

— Ну, а процессъ-то твой? спросилъ я.

— Процессъ? какой процессъ?... Ахъ, да, да! Онъ еще нескоро, но непремѣнно кончится въ мою пользу. Дѣло приняло такой оборотъ. Это, между нами, мнѣ шепнулъ на ухо одинъ почетный старецъ!....

IV.

ЗАКАТЪ.

Въ началѣ лѣта 185* года, я по дѣламъ, совершенно неожиданно, долженъ былъ ѣхать въ Н* губернію. Въ Н* я пробылъ только одинъ день и оттуда отправился въ Р*, уѣздный городъ этой губерніи, гдѣ долженъ былъ прожить, покрайней-мѣрѣ, около двухъ недѣль. Жить въ уѣздномъ городѣ, возиться съ дѣлами и съ приказными не забавно. Я вспомнилъ о Летищевѣ и о своемъ обѣща-

ніи побывать у него. Уѣздный судья на мои разспросы отвѣчалъ, что имѣніе Летищева верстахъ въ двадцати отъ города, что дорога туда прекрасная и что меня могутъ доставить менѣе, чѣмъ въ два часа.

— А вы знакомы съ Николаемъ Андреичемъ? спросилъ меня судья и, какъ мнѣ показалось, съ какою-то странною улыбкою.

— Онъ мой школьный товарищъ, отвѣчалъ я:—а что̀?

— Нѣтъ, ничего. Онъ хорошій человѣкъ, весельчакъ и любитъ жить шибко. Кабы ему только денегъ побольше. Онъ былъ у насъ предводителемъ одно время, такъ ужь такіе пиры задавалъ.... и.... такъ немножко....

Судья остановился.

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь: говорите прямо, возразилъ я.

— Поразстроился немножко, позапутался.... А мы любимъ Николая Андреича: у него доброе сердце, хорошій человѣкъ. Дай Богъ, чтобы все только кончилось хорошо.

— А развѣ съ нимъ случилось что-нибудь особенное?

— Особеннаго ничего; только вотъ, по случаю послѣднихъ обстоятельствъ, насчетъ сукна маленькая исторія. Его надули сукномъ: подсунули гнилое. Теперь на немъ денежный начетъ: обвиняютъ его въ сдѣлкѣ съ поставщикомъ и забаллотировали на послѣднихъ выборахъ... Жалко... Конечно, и то сказать, что̀ жь дѣлать дворянству? вѣдь это падаетъ на дворянство....

На другой день послѣ этого, часу въ одиннадцатомъ, я отправился проселкомъ въ деревню Летищева. День былъ солнечный, солнце пекло сильно. Извилистая дорога шла между пашнями, прерывавшимися кустарниками. Въ это лѣто въ Н* губерніи были ужаснѣйшія засухи. Мелкая и черная пыль поднималась отъ движенія лошадей и колесъ тарантаса густымъ столбомъ, останавливалась въ недвижномъ воздухѣ, пронизываемая палящими солнечными лучами, ложилась густыми слоями на поднятый верхъ тарантаса, на подушки, на шинель мою, на фуражку, на лицо, щекотала носъ и забивалась въ ротъ. Я задыхался отъ жара, безпрестанно отмахивался отъ пыли, отъ неотвязчивыхъ и вялыхъ мухъ и, при всемъ

желаніи, никакъ не могъ наслаждаться окружавшей меня природой, — однообразными, но милыми сердцу видами. Дорога мнѣ показалась ужасно длинною.

— Скоро ли Никольское-то? спросилъ я у ямщика.

— Теперь недалеко: съ версту али съ двѣ—только, отвѣчалъ онъ, лѣниво помахивая кнутомъ надъ измученными лошаденками и приговаривая:—но-но-но!

Я высунулся изъ тарантаса и посмотрѣлъ на обѣ стороны: однообразная, мертвящая гладь кругомъ. «Гдѣ же эта маленькая Швейцарія-то?» подумалъ я, вспомнивъ невольно письмо ко мнѣ Летищева.

Проѣхавъ немного, ямщикъ мой сказалъ: «А вотъ и Никольское!» и указалъ мнѣ кнутовищемъ на небольшую деревеньку, вправо отъ дороги, расположенную на совершенно ровномъ мѣстѣ, на самомъ припекѣ, и не защищенную ни однимъ деревцомъ отъ солнца. При взглядѣ на эту кучку почернѣвшаго и полусгнившаго лѣса, съ закопченой соломой на верху, мной овладѣло тоскливое чувство.

Барскій домъ, длинный и неуклюжій, въ одинъ этажъ, съ мезониномъ въ серединѣ и съ полукруглымъ окномъ, выкрашенный темно-желтой краской, съ зелеными ставнями и красной крышей, стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни, окруженный службами и покривившимся некрашенымъ рѣшетчатымъ заборомъ, передъ небольшимъ прудомъ, поросшимъ осокой и съ одного края подернутымъ плѣсенью. Передъ домомъ и за домомъ нѣсколько тоненькихъ молодыхъ, полузасохшихъ деревьевъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ дома значительное пространство срубленнаго лѣса.

Вотъ каково было Никольское въ дѣйствительности.

Подъѣзжая къ дому, я увидѣлъ у подъѣзда двухъ безобразныхъ, алебастровыхъ львовъ, болѣе похожихъ на собакъ, въ родѣ тѣхъ, которые украшаютъ ворота московскихъ домовъ. На срединѣ двора, передъ подъѣздомъ, торчала клумба съ длинными синими цвѣтами, перемѣшанными съ другими, имѣвшими видъ желтыхъ пуговокъ.

«Гдѣ же эти розы, величиною съ піоны?» подумалъ я.

Наконецъ лошади остановились у подъѣзда. Я вылѣзъ

изъ тарантаса и осмотрѣлся кругомъ: у одного изъ флигелей стоялъ какой-то мальчишка, въ грязной рубашенкѣ, съ вымазаннымъ лицомъ, и смотрѣлъ на меня, зѣвая; кромѣ этого мальчишки и пѣтуха, разрывавшаго землю въ клумбѣ и отъ времени до времени гордо приподнимавшаго свою головку съ хохломъ и подергивавшаго ее въ сторону, на дворѣ не было души человѣческой. Когда я поднялъ ногу на ступеньку подъѣзда, изъ ближайшаго къ подъѣзду окна высунулась какая-то растрепанная и старая женская фигура и тотчасъ же спряталась. Я отворилъ дверь. Въ передней на прилавкѣ лежалъ лакей, спавшій богатырскимъ сномъ и храпѣвшій съ какимъ-то особеннымъ трескомъ. Я растолкалъ его. Онъ вскочилъ, протеръ глаза и началъ тупо смотрѣть на меня, сквозь невольно и снова опускавшіяся вѣки, принимая меня, вѣроятно, за продолженіе своего сна. Я насилу могъ растолковать ему, что я пріѣзжій гость, пріятель его барина.

— Гдѣ же твой баринъ? веди меня къ нему.

— Баринъ?.... Николай Андреичъ? спрашивалъ онъ съ разстановками: —вамъ Николая Андреича надо?.. Николай Андреичъ почиваютъ.

— Все равно. Веди меня къ нему.

Лакей почесался, зѣвнулъ, еще разъ взглянулъ на меня и сказалъ:

— Пожалуй. Ступайте за мной.

И привелъ меня въ комнату, стѣны которой были увѣшаны старинными граведоновскими, раскрашенными женскими головками, нѣкогда украшавшими всѣ столичные кабинеты и потомъ перешедшими въ провинцію. Въ простѣнкѣ стоялъ столъ, а на столѣ чернильница, разныя письменныя принадлежности, дагеротипный женскій портретъ и книжка какого-то романа Пиго-Лебрёня въ старинномъ переплетѣ,—все покрытое густою пылью. Шторы въ комнатѣ были опущены, а на большомъ кожаномъ диванѣ лежалъ навзничъ самъ баринъ, покрытый халатомъ, который сбился къ его ногамъ, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, изъ-за которой виднѣлась широкая грудь, заросшая густыми волосами. Грудь и животъ, воз-

вышавшійся горою, мѣрно колыхались отъ его тяжелаго дыханія, оживленнаго небольшимъ носовымъ свистомъ. Ротъ его былъ полу-раскрытъ; потъ выступалъ на лбу крупными каплями. У головы его, на полу, лежалъ чубукъ и нѣсколько въ сторонѣ трубка, съ разсыпавшимся около нея пепломъ. Эта груда волновавшагося тѣла представляла непріятное зрѣлище. У меня даже дрожь пробѣжала при мысли, во что̀ превратился этотъ нѣкогда хорошенькій мальчикъ, бывшій въ пансіонѣ моимъ образцомъ и плѣнившій своими изящными манерами мою маменьку.

Я разбудилъ его. Онъ сначала тяжело приподнялъ отекшія вѣки, спокойно и безсмысленно взглянулъ на меня сонными глазами, потомъ вдругъ вскрикнулъ, какъ-будто испуганный видѣніемъ, и началъ приподниматься съ дивана, опираясь на ладони рукъ и дико смотря на меня. Наконецъ онъ совсѣмъ пришелъ въ себя и бросился обнимать меня.

Я нашелъ въ немъ большую перемѣну: онъ весь какъ-то обвисъ и опустился, волосы его на вискахъ совсѣмъ посѣдѣли, на лицѣ показались морщины. Но румянецъ все еще игралъ на щекахъ, или, можетъ, это было только со сна.

— Я сдержалъ свое слово, сказалъ я.—Ты, вѣрно, не ждалъ меня?

— Никакъ! никакъ! повторялъ онъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ:—признаюсь тебѣ, это такой сюрпризъ для меня.... Какъ будетъ рада жена!... Просто подарилъ, утѣшилъ, душенька!... Только вотъ что̀ обидно: ты застаешь-то насъ врасплохъ. Вѣдь съ нами случилось, братецъ, величайшее несчастіе.... ты ничего не слыхалъ? Мы прежде жили въ другомъ моемъ имѣніи, неподалеку отсюда.... тамъ у меня и домъ, и садъ.—все это было прелесть.... и, вообрази, все до-тла сгорѣло, все начисто, хоть бы что-нибудь на смѣхъ осталось. Мы сами съ женой едва спаслись въ томъ, въ чемъ были.... Такое несчастіе! Ты можешь себѣ представить, это меня ужасно разстроило... И загорѣлось отъ поганой папироски: кто-то бросилъ на коверъ папироску; а у меня на парадной лѣстницѣ разо-

стланы были ковры во всю ширину. Коверъ-то тлѣлъ, тлѣлъ, да вдругъ какъ вспыхнетъ, и весь домъ загорѣлся, какъ свѣча. Всѣ мои саксы погибли, вся женина библіотека, старинныя дорогія вещи, бѣлье, платья, посуда, — ну, словомъ, все, все до-чиста.... Вотъ, братецъ, мы и поселились поневолѣ въ этой деревушкѣ и въ этомъ скверномъ домишкѣ на голомъ мѣстѣ.... и сами голые. Пуще всего мнѣ жаль моихъ саксовъ и моего Перуджино: остальное все наживное, а ужь этого, братъ, ты знаешь, скоро не наживешь!... Ужь ты, душенька, извини насъ, если мы не угостимъ тебя такъ, какъ бы желали. Что̀ дѣлать! Теперь чѣмъ Богъ послалъ. Да, пожалуйста, ты не говори ничего женѣ о пожарѣ. Она, братецъ, слышать до-сихъ-поръ не можетъ объ этомъ несчастіи; это ее такъ разстроило, что она все еще не въ своей тарелкѣ, все не очень здорова, похудѣла и измѣнилась ужасно; она у меня вообще нервическая, а съ нервическими женщинами, mon cher, бѣда: съ ними надо имѣть большую осторожность.... Такъ не говори же ей объ этомъ ни слова, пожалуйста, не проговорись.

Я успокоилъ его увѣреніями, и онъ принялся кричать:

— Трошка! Трошка! воды! умываться, одѣваться!...

И потомъ опять обратился ко мнѣ:

— Ты, братецъ, совсѣмъ въ арапа превратился отъ нашего чернозема.... Скорѣй воды! Трошка!... Я, братецъ, горю нетерпѣніемъ представить тебя женѣ моей.... Поди скажи барынѣ, что я, дескать, сейчасъ приведу къ ней нежданнаго дорогаго гостя... Какъ я радъ тебѣ! ты не повѣришь, какъ радъ! А знаешь ли, что̀ мнѣ взбрело въ голову? Не послать ли за Скуляковымъ. Онъ сейчасъ прикатитъ, онъ тебѣ обрадуется, — я знаю: вмѣстѣ проведемъ время, вспомнимъ старину...

— Я тебя только хотѣлъ просить объ этомъ, перебилъ я.

— Ну, и прекрасно!... Трошка! Трошка!

Трошка долго не являлся на крикъ барина.

Баринъ началъ свистать, хлопать въ ладоши, стучать ногой въ полъ, кричать: «Эге! эй, вы!» и проч. и взбудоражилъ своими криками весь домъ. Тогда не только

Трошка, сбѣжалась вся дворня, тоже какъ-будто со сна. Распоряженія о посылкѣ экипажа за Скуляковымъ были сдѣланы. Мы умылись, одѣлись и отправились въ гостиную. Сборная мебель въ этой комнатѣ была разставлена въ умышленномъ безпорядкѣ, такъ что почти проходу не было; на столѣ лежали какія-то книжки съ картинками и стоялъ рыцарь въ коротенькой кацавейкѣ съ капишономъ, съ позолоченными ляжками и икрами и со вздернутыми кверху носками туфлей, державшій на палкѣ солнечную лампу; передъ среднимъ диваномъ разостланъ былъ коврикъ, а по угламъ торчали какія-то засохшія растенія. Во всемъ претензія и хватовство, при отсутствіи средствъ, все напоказъ для другихъ, а не для себя, нигдѣ уюта и удобства. Въ этомъ домѣ охватывала новаго человѣка тоска и чувствовалось отсутствіе жизни. Въ гостиной никого не было. Летищевъ подошелъ къ закрытой двери, которая, вѣроятно, вела на половину хозяйки, началъ стучать въ дверь и кричать:

— Душенька, душенька! я привелъ къ тебѣ гостя...

Слабый голосъ отвѣчалъ на этотъ крикъ:

— Сейчасъ....

Въ ожиданіи хозяйки, я подошелъ къ двери, выходившей въ садикъ. Въ этомъ садикѣ, вмѣсто деревьевъ, торчали тоненькія палки съ засохшими и скорчившимися на нихъ листиками, между кое-гдѣ прорывавшеюся зеленью. Противъ этой двери шла дорожка, усыпанная пескомъ, упиравшаяся въ некрашеный заборъ; а по срединѣ ея стояла какая-то печальная фигура женщины съ поднятою рукою, на пьедесталѣ, который былъ закрытъ цвѣтами, повѣсившими головки.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяйка дома вошла въ комнату. Ей казалось на видъ лѣтъ около тридцати. Черты лица ея были неправильны, но имѣли выраженіе симпатическое. Густые и темные волосы, зачесанные гладко, но волнистые отъ природы, украшали ея болѣзненное лицо, въ которомъ не было кровинки. Въ ея свѣтло-карихъ, небольшихъ глазахъ выражались не то тоска, не то утомленіе, — трудно было рѣшить съ перваго взгляда. Эти глаза изрѣдка вспыхивали, какъ я замѣтилъ потомъ, но

не оживляясь, тусклымъ пламенемъ, какъ-будто отъ внутренней боли, и опять потухали черезъ мгновеніе... Она казалась высока отъ страшной худобы, и во всей ея фигурѣ обнаруживалось повременамъ нервическое подергиванье, которое особенно было замѣтно въ движеніи ея блѣдныхъ и тонкихъ пальцевъ.

Летищевъ, представляя меня, назвалъ своимъ первымъ другомъ. Затѣмъ начались обыкновенные въ такихъ случаяхъ разспросы: «Давно ли я пріѣхалъ? надолго ли? живалъ ли я прежде въ деревнѣ?» и прочее. Голосъ ея былъ необыкновенно слабъ, она, говоря, какъ-будто дѣлала нѣкоторое усиліе, иногда останавливалась посрединѣ фразы и глухо кашляла, приставляя платокъ къ губамъ. Все это съ перваго раза поразило меня, возбудивъ участіе къ этой женщинѣ, и отбило всякое снисхожденіе къ моему товарищу.

Летищевъ отпускалъ безпрестанно неумѣстныя шуточки, хохоталъ отъ нихъ самъ во все горло и хвасталъ передъ женою своими великосвѣтскими знакомыми, безпрестанно предлагая мнѣ вопросы о разныхъ князьяхъ и графахъ — нашихъ товарищахъ и знакомыхъ, которыхъ онъ называлъ Васьками, Ѳедьками, Сашками и такъ далѣе. Здѣсь, рядомъ съ своею женою, въ своей домашней жизни, онъ уже показался мнѣ просто гадокъ, такъ что мнѣ стоило величайшихъ усилій скрывать это. Когда разговоръ прерывался, Летищевъ спѣшилъ поддерживать его такого рода выходками:

— Ну, милый другъ, скажи откровенно, вотъ при ней (онъ смотрѣлъ на меня и тыкалъ пальцемъ на жену), находишь ли ты во мнѣ способность вѣрно списывать портреты?... Помнишь, братецъ, мое письмо къ тебѣ о ней?... Ну, вотъ, теперь оригиналъ передъ тобою: находишь сходство?

И потомъ обращался къ ней по-французски:

— Я, когда былъ еще женихомъ, такъ описывалъ ему тебя. Не думай, чтобы я льстилъ тебѣ, ma chère, нѣтъ!... съ-тѣхъ-поръ прошло, конечно, много времени; однако, ты мало измѣнилась, ей-Богу, мало... немножко похудѣла и поблѣднѣла въ послѣднее время. Блѣдность, впрочемъ, тебѣ къ лицу.

И когда эту женщину начинало подергивать при такихъ выходкахъ, онъ бросался къ ней съ участіемъ и говорилъ, смотря ей прямо въ глаза:

— Что́ это, душенька, ты, кажется, нехорошо себя чувствуешь? Ты приняла бы этихъ капель, что̀ прописалъ тебѣ Карлъ Ивановичъ...

Около обѣда пріѣхалъ Скуляковъ. Онъ такъ измѣнился, что если бы я встрѣтился съ нимъ гдѣ-нибудь случайно, я не узналъ бы его съ перваго взгляда. Волосы его посѣдѣли, лицо вытянулось. Глаза были какъ-будто менѣе косы; но эти глаза, несмотря на свою косину, имѣли привлекательность, потому-что въ нихъ замѣтенъ былъ умъ. Кротость и спокойствіе, смѣшанныя съ грустью, выражались на этомъ лицѣ, которое никакъ нельзя было назвать дурнымъ. Въ его манерахъ, неловкихъ и грубоватыхъ, не было ничего ложнаго и искусственнаго. При немъ становилось легче и веселѣе, хотя онъ ничего не говорилъ веселаго; онъ вносилъ съ собою одушевленіе, хотя самъ былъ одушевленъ рѣдко и говорилъ мало. Только по своимъ манерамъ да по сжатію кулаковъ онъ напоминалъ мнѣ прежняго Скулякова. Онъ встрѣтилъ меня радушно, но безъ всякихъ восторговъ.

Мнѣ показалось, что хозяйка дома обрадовалась, когда онъ вошелъ; у нея даже на мгновеніе вспыхнулъ румянецъ, и она протянула ему руку съ такою пріятною улыбкою, которая еще болѣе расположила меня къ ней. Такъ улыбаться могла только хорошая женщина.

Летищевъ обращался съ Скуляковымъ съ нѣсколько покровительственнымъ тономъ, на что, повидимому, Скуляковъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Когда мы съ нимъ разговорились въ первыя минуты, вспоминая наше прошедшее, Летищевъ безпрестанно перебивалъ насъ разными тупыми шуточками и восклицалъ, ударяя его по плечу и глядя на меня:

— Ну что̀, вѣдь такой же все чудакъ, какъ былъ въ пансіонѣ, не правда ли?... А помнишь, какъ я на дуэль-то хотѣлъ его вызвать? Онъ меня не любилъ въ пансіонѣ, знаю. Ну, что, дружокъ, хорошенькаго? говорилъ онъ, хватая Скулякова за талію и какъ бы подсмѣиваясь надъ

нимъ.—Какія новости ты привезъ намъ изъ своей Бологовки.... Долговки.... чортъ знаетъ! я всегда путаюсь въ имени твоей резиденціи....

— Новаго? возразилъ Скуляковъ: — видишь, вонъ дождикъ пошелъ.

— Аа! слава Богу, слава Богу... Вотъ ты этой нашей радости не понимаешь, братецъ (онъ обратился ко мнѣ); а мы съ нимъ хозяева, владѣтели помѣстьевъ: такъ намъ это любо!... Правда, Василій Васильичъ?

Крикливый и пронзительный голосъ Летищева раздавался безпрестанно. Послѣ пріѣзда Скулякова, онъ каждыя пять минутъ повторялъ:

— Да скоро ли обѣдать? давайте обѣдать.

И насилу дождался этой блаженной минуты. Обѣдъ былъ порядочный, съ обыкновеннымъ столовымъ виномъ, которое онъ выдавалъ за лафитъ, и вызывалъ меня на похвалы каждому блюду, указывая притомъ на жену и повторяя:

— Это все она, она у меня хозяйка; несмотря на то, что занимается литературой вашей и разными серьёзными предметами, а и хозяйственною частью не пренебрегаетъ....

— Полно, пожалуйста, какая я хозяйка! перебивала она умоляющимъ голосомъ.

— Ну, сдѣлай милость! Къ чему излишняя скромность? кричалъ Летищевъ. — Мы съ ней во многомъ сходимся, продолжалъ онъ, жуя, облизывая губы, прерывая слова глотаньемъ и глядя на меня: — только вотъ у насъ съ ней вѣчные споры насчетъ этой... терпѣть ее не могу, проклятую... Жоржъ-Сандъ... въ этомъ мы никакъ сойтись не можемъ.... Я, просто, отвращеніе, братецъ, чувствую къ этимъ блумеристкамъ, femmes émancipées. Женщина должна быть женщиной, по-моему.

Летищева не отвѣчала на это ни слова; но лицо ея приняло такое выраженіе, что мнѣ хотѣлось броситься на ея супруга, приколотить его и зажать ему ротъ. Онъ самъ замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на жену его послѣдними словами, и произнесъ:

— Ну, полно, душечка, полно.... я шучу.

Вечеромъ, сидя на крылечкѣ дома, выходившемъ въ

такъ-называемый садикъ. Летищевъ началъ разсказывать намъ, какъ онъ распространитъ этотъ садъ, выроетъ въ немъ пруды, построитъ мостики, подсадитъ деревьевъ.

— Все это приметъ надлежащій видъ и будетъ очень мило.... Право, душенька, прибавилъ онъ, смотря на жену:— когда все это устроится и разростется, ты мнѣ скажешь спасибо, я увѣренъ въ этомъ.

— Я ужь не увижу этого, прошептала она.

— Опять!... Летищевъ вздрогнулъ при этомъ шопотѣ, и лицо его приняло боязливо-плачевное выраженіе. — Что̀ это ты, ma chère! произнесъ онъ слезливо, поцѣловалъ ея руку и сладко посмотрѣлъ ей въ глаза.

Драма, развивавшаяся въ этомъ домѣ, была замѣтна даже для глазъ ненаблюдательныхъ. Всякій посторонній человѣкъ долженъ былъ чувствовать стѣсненіе при видѣ этой жены и этого мужа.

Мнѣ, покрайней-мѣрѣ, становилось нестерпимо тяжело, и я чрезвычайно обрадовался, когда, на другой день вечеромъ, Скуляковъ предложилъ мнѣ отправиться къ нему въ деревню. Летищевъ сталъ было противиться этому, хотѣлъ даже прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, отдавъ приказаніе своему Трошкѣ, чтобы не смѣли закладывать моего тарантаса. Я отговаривался дѣлами, желаніемъ побывать у Скулякова и наконецъ-таки настоялъ на своемъ. Мы простились съ хозяевами часовъ около восьми вечера. Тарантасъ мой отправился впередъ, а мы съ Скуляковымъ пошли пѣшкомъ. Летищевъ проводилъ насъ съ полверсты, пыхтя и задыхаясь, обнялъ меня на прощаньи, расцѣловалъ и даже разрюмился.... Когда онъ исчезъ изъ виду, мнѣ стало легче, и это ощущеніе все постепенно усиливалось по мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Никольскаго.

Вечеръ былъ чудесный. Все воскресло и оживилось послѣ дождя, который шелъ ночью и въ полдень. Воздухъ былъ пропитанъ пріятною влажностью. По очистившемуся небу проходили легкія, волокнистыя облака, принимавшія различные тоны и краски. Вся тяжесть спала съ души моей, когда охватили меня просторъ полей и безмолвіе вечера. Я жадно впивалъ въ себя благоуханныя испаренія

земли и травъ; я съ наслажденіемъ, котораго давно не испытывалъ, смотрѣлъ на розовыя, какъ-будто таявшія въ лазури облака, на мошекъ, которыя тучами вились передъ нами. Мнѣ было пріятно, что мы только двое въ этомъ просторѣ, что ни души не было окрестъ и никакого признака человѣческаго жилья.... Съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ мѣстность становилась холмистѣе и разнообразнѣе. Мы спустились подъ гору, перешли черезъ мостикъ, перекинутый черезъ небольшую рѣчку, поворотили направо по ея берегу и потомъ взяли влѣво къ дубовой рощѣ, которая вся облита была огнемъ заката и сквозила золотомъ.

Мы во все время ни слова не сказали другъ другу: намъ не приходило въ голову занимать другъ друга, и когда, выходя изъ рощи, Скуляковъ первый произнесъ: «Ну, вотъ и моя деревушка!», я даже вздрогнулъ отъ его голоса, послѣ этой тишины. Роща отдѣлялась отъ деревни глубокимъ оврагомъ, заросшимъ кустами и деревьями. Деревья эти переходили на другой берегъ къ задамъ избъ. Домикъ изъ двухъ срубовъ, въ которомъ жилъ Скуляковъ, совсѣмъ новенькій, изъ толстаго и прочнаго лѣса, ничѣмъ не обшитаго, стоялъ почти у самаго берега оврага и отличался только отъ другихъ избъ своей величиною да тесовой крышей, выкрашенной красной краской. Домикъ этотъ поставленъ былъ наравнѣ съ другими избами и отдѣлялся отъ нихъ, какъ каждая изба отъ другой, только невысокимъ плетнемъ.

Здѣсь не было и признака того, что̀ называется барской усадьбой. Послѣ смерти матери, Скуляковъ сломалъ старый, полусгнившій барскій домъ, а землю изъ-подъ усадьбы отдалъ своимъ крестьянамъ. Новый домикъ его, прикрытый съ задней стороны лѣскомъ, выходилъ, какъ вся деревня, переднимъ фасомъ на дорогу, за которой до самаго горизонта тянулись холмистыя пажити, прерываемыя шероховатыми пространствами срубленнаго лѣса, съ остатками вывороченныхъ пней, грудами хвороста и уродливо торчавшихъ корней.... Влѣво чуть-чуть виднѣлась колокольня какого-то села.

Мы поднялись по лѣсенкѣ подъ навѣсомъ и вошли въ домъ.

Онъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ съ оштукатуренными и выбѣленными стѣнами. Старинная кожаная мебель съ гвоздиками, оставшаяся ему послѣ матери, была перемѣшана въ этихъ комнатахъ съ прочною, но грубою мебелью работы домашняго столяра. Сидѣть и лежать на этихъ диванахъ и стульяхъ было съ непривычки жестковато. Когда мы усѣлись, чтобы отдохнуть, Скуляковъ сказалъ мнѣ:

— Извини, у меня нѣтъ мягкой мебели. Я самъ вырубленъ грубо изъ простаго дерева, такъ завелъ и мебель по себѣ.

Стѣны комнатъ его были голыя: въ нихъ не было никакихъ украшеній, ничего безполезнаго. Шкапъ съ книгами и токарный станокъ стояли въ первой комнатѣ, служившей ему кабинетомъ. Надъ постелью въ слѣдующей комнатѣ висѣли два ружья; въ комнатѣ, гдѣ онъ обѣдалъ, разставлены были на простыхъ деревянныхъ полкахъ самоваръ и разныя хозяйственныя принадлежности. Вездѣ было свѣтло и чисто. Вся дворня Скулякова заключалась въ одномъ человѣкѣ, который былъ вмѣстѣ его камердинеромъ и поваромъ. Скуляковъ велѣлъ поставить самоваръ.

— А здѣсь душно, сказалъ онъ:—пойдемъ-ка лучше посидимъ на вольномъ воздухѣ. Я не привыкъ къ комнатному, мнѣ въ четырехъ стѣнахъ неловко; а намъ чай принесутъ туда.

Я съ охотой принялъ это приглашеніе, и мы усѣлись на скамейкѣ передъ домомъ.

Наступали сумерки; заря догорала; облака блѣднѣли и тускли; на темнѣвшемъ небѣ мѣстами показывались звѣздочки; паръ начиналъ подниматься надъ полями, и тѣни ложились на росистую землю все шире и шире.

Намъ принесли чай, и я закурилъ сигару.

— Какъ у тебя хорошо здѣсь! сказалъ я. — Я завидую твоей простой, неизуродованной жизни.... Вотъ какою я всегда воображалъ деревню....

Онъ улыбнулся.

— Да вольно же вамъ уродовать свою жизнь! замѣтилъ онъ и произнесъ послѣ минуты молчанія: — нѣтъ,

это вѣдь тебѣ такъ кажется... Два-три дня ты проживешь здѣсь съ удовольствіемъ,—я повѣрю,—а потомъ начнешь скучать. Вы люди избалованные: вамъ простота нравится, какъ диковинка; вы ужь сложились, господа, не такъ; вы и въ деревню вносите съ собой ваши затѣи и прихоти и портите ее... Нѣтъ, что ни толкуй, ты долго не выдержалъ бы здѣсь. Это такъ только ты увлекаешься деревней въ первую минуту...

— Не всякой же деревней, отвѣчалъ я:—вотъ въ деревнѣ Летищева, напримѣръ, я ни за что бы не согласился жить... А онъ погорѣлъ, бѣдный?

— Какъ погорѣлъ?

Я началъ-было передавать разсказъ Летищева о пожарѣ, но Скуляковъ не дослушалъ меня и перебилъ:

— Это ложь, глупая и безстыдная ложь. Этотъ человѣкъ весь изолгался. Никакой такой деревни и ничего подобнаго у него никогда не существовало... Онъ совсѣмъ раззоренъ, а все еще носъ поднимаетъ; хочетъ корчить богатаго; да теперь у насъ не найдешь въ цѣлой губерніи такого дурака, котораго онъ могъ бы надуть,—а ихъ довольно у насъ. Онъ потерялъ всякій стыдъ, всякую совѣсть, крестьянъ раззорилъ въ прахъ, все обобралъ у нихъ, хлѣбъ запродаетъ на корню разнымъ лицамъ въ одно время и беретъ съ нихъ задатки. Для этихъ продѣлокъ онъ нарочно ѣздитъ въ Москву, потому-что здѣсь съ нимъ никто дѣла не хочетъ имѣть. Въ прошломъ году продалъ онъ на срубъ отличную дубовую рощу, которая росла у него за домомъ; теперь только одни пни торчатъ. Долженъ всѣмъ кругомъ и на заемныя письма, и на честное слово; вездѣ запакостилъ себѣ дорогу; всѣ бѣгутъ отъ него,—а онъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ходитъ гоголемъ, оретъ, хохочетъ, лѣзетъ ко всѣмъ; въ карты садится съ незнакомыми, выигрываетъ — беретъ, проигрываетъ — не платитъ.... Э, да всѣхъ продѣлокъ его и не пересчитаешь!.... Пусть бы губилъ себя.... чортъ съ нимъ!... а онъ загубилъ....

Скуляковъ не договорилъ и замолчалъ.

— Жена его... началъ я, послѣ минуты молчанія:— это, по всему видно, отличная женщина... Но на нее

смотрѣть тяжело... Она, кажется, еле дышетъ... Неужели же она вышла за него по любви?

— Ее полумертвую притащили подъ вѣнецъ—вотъ по какой любви! прервалъ меня Скуляковъ, вспыхнувъ:—маменька промоталась изъ барскаго тщеславія и хотѣла поправить дочернимъ бракомъ свои дѣлишки, а Летищевъ—деньгами жены хотѣлъ поправить свои. Оказалось, что ни у той, ни у другаго ничего не было: теща надула зятя, зять надулъ тещу.... И какія были между ними сцены послѣ этого брака!... Нѣтъ! лучше ужь объ этомъ и не вспоминать. Маменька умерла: ея барская спѣсь не перенесла того, когда она узнала, что ея афера не удалась. Кабы одно несчастіе дочери, это бы еще ничего: пусть бы дочь чахла,—только бы съ деньгами, которыя бы она у нея обирала: тогда бы маменька до-сихъ-поръ благоденствовала.... И родятся же у такихъ матерей такія дочери! Я зналъ жену Летищева еще дѣвочкой: это было чудесное, необыкновенное дитя. Съ раннихъ лѣтъ она обнаруживала прямоту, твердость и благородство, и, несмотря на то, что мать употребляла всѣ усилія, чтобы изуродовать и исказить ее, она не успѣла въ этомъ. Воспитаніе ей давали самое пустое, самое внѣшнее, для блеска; денегъ на нее не щадили, за границу возили, и все изъ того, чтобы сдѣлать изъ нея бездушную свѣтскую куклу—ничего не взяло: она сама себя перевоспитала. Натура-то значитъ настоящая!... И чего только она не перенесла, бѣдняжка! одинъ Богъ знаетъ.... Первую минуту, когда ей объявили, что она должна быть непремѣнно его женою, она не могла перенести этой мысли и чуть было не посягнула на жизнь: она хотѣла утопиться; за ней слѣдили, ее спасли.... Лучше бы, кажется, было не спасать!... Потомъ маменька, убѣдясь, что угрозой съ ней ничего не сдѣлаешь, притворилась умирающею, убитою, несчастною, призвала на помощь все свое лицемѣріе и всю свою хитрость. Дѣлать было нечего. Вышла она замужъ.... думала покориться обстоятельствамъ, но когда разглядѣла поближе своего мужа.... ахъ, страшно вспомнить!... я былъ невольный свидѣтель всего этого.... вся природа ея возмутилась противъ этого человѣка, она

почувствовала къ нему непреодолимое отвращеніе: его голосъ, звукъ его шаговъ въ сосѣдней комнатѣ приводили ее въ содроганіе.... Она все это подавляла въ себѣ, скрывала; да иногда силъ не хватало: упадетъ, бывало, безъ чувствъ и валяется въ судорогахъ по полу; а онъ ничего не понимаетъ, бѣгаетъ около нея въ отчаяніи, плачетъ, молится, крестится, ладонку ей свою на грудь вѣшаетъ, суетъ ей спиртъ подъ носъ, обливаетъ голову холодной водой.... Она очнется, взглянетъ, да какъ увидитъ его передъ собою—еще хуже.... Когда все это пройдетъ, она убѣжитъ въ свою комнату и спрячетъ голову подъ подушку; а онъ за ней—это разъ было при мнѣ, начинаетъ хныкать, кричать: «Взгляни на меня.... Что̀ съ тобой, Сашенька? Я тебя, говоритъ, люблю больше жизни, а ты меня не любишь.... Я, говоритъ, несчастный!», бьетъ себя въ грудь, валяется у нея въ ногахъ, цѣлуетъ ея ноги.... Онъ вѣдь не злой, сердце у него доброе.... и нельзя сказать, чтобы совсѣмъ былъ глупъ, а легкомысліе и мелочность довели его до совершенной глупости и превратили въ зловреднѣйшаго человѣка. Такого рода добрыя сердца во сто разъ хуже злыхъ!... Теперь ужь онъ не пристаетъ къ ней такъ, какъ первое время: онъ, мнѣ кажется, догадывается, что она его переносить не можетъ, да боится въ этомъ сознаться самому себѣ и обольщаетъ себя увѣреніями, что ему это такъ кажется. Онъ боится дѣйствительности, какъ огня, онъ не живетъ дѣйствительною жизнью, а пребываетъ все въ какихъ-то глупыхъ фантазіяхъ, которыя довели его до совершеннаго нравственнаго разслабленія.... У нея прекратились обмороки и припадки, потому-что у нея жизнь прекращается. Теперь у нея только вздрагиванья да замиранья въ сердцѣ.

Скуляковъ махнулъ рукой и отвернулся.

— Дай Богъ только, продолжалъ онъ, чтобы ей дали умереть спокойно; а то я начинаю бояться, что и этого не будетъ. Не сегодня, завтра, земскій судъ нахлынетъ къ нему, опишутъ все. Дворянство противъ него озлоблено, и подѣломъ: онъ послѣднее время такую скверную штуку сдѣлалъ.... Впрочемъ, хорошо и дворянство, выбирающее такого рода людей!

Мы проговорили съ нимъ чуть не до разсвѣта.

Я пробылъ у Скулякова три дня, которые останутся навсегда самыми чистыми воспоминаніями въ моей жизни. Ни откуда не выѣзжалъ я съ такимъ сожалѣніемъ и ни съ кѣмъ не разставался съ такою грустью.

Съ мѣсяцъ назадъ тому, я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Обстоятельства заставляютъ меня прибѣгнуть къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ невозможно оставаться въ деревнѣ, и я рѣшился переѣхать въ Петербургъ, а для того, чтобы имѣть средства къ существованію, долженъ посвятить себя службѣ. У тебя много знакомыхъ: не пріищешь ли ты черезъ нихъ какого-нибудь мѣстечка для меня? Тебѣ извѣстно, что я довольствуюсь малымъ и честно исполняю обязанности, которыя беру на себя. Для меня *долгъ* прежде всего. Выручи меня, Бога ради, отсюда. Я здѣсь оставаться не могу. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ты этимъ меня крайне обяжешь... Жена Летищева умерла.»

На-дняхъ я узналъ, что не задолго до ея смерти земскія власти должны были приступить къ описыванію движимаго имущества Летищева. Скуляковъ предупредилъ это. Онъ отдалъ весь свой маленькій капиталъ Летищеву,—не для того, чтобы спасти его отъ неизбѣжнаго позора, но для того, чтобы дать ей умереть спокойно.

ХЛЫЩЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.

(DE LA HAUTE ÉCOLE.)

Вмѣсто вступленія.

Я хочу изобразить.... чуть было не сказалъ *воспѣть*, потому-что предметъ достоинъ поэмы, — самаго утонченнѣйшаго и безукоризнѣйшаго изъ всѣхъ хлыщей—хлыща *высшей школы* (de la haute école), передъ которымъ мой великосвѣтскій хлыщъ долженъ показаться жалкимъ, неуклюжимъ и грубымъ, потому-что между нимъ и хлыщомъ высшей школы почти такая же разница, какая между простымъ, хотя и породистымъ пуделемъ, бѣгающимъ по улицѣ, и тѣмъ изящнымъ пуделемъ высшей школы, развившимся подъ ученымъ руководствомъ г. Эдвардса, который показывается въ циркѣ г-жи Лорры Бассенъ и Комп. Если бы всѣ въ мірѣ лошади, собаки, люди, насѣкомыя проходили чрезъ высшую школу—Боже мой! въ какую изящную, утонченную игрушку превратился бы тогда міръ, но, къ несчастію міра, не всѣ одинаково способны подвергаться этой школѣ. И странно! всѣхъ неспособнѣе и непокорнѣе въ этомъ случаѣ—человѣкъ—

существо разумное. Его иногда труднѣе вышколить, чѣмъ какую-нибудь блоху — это едва-замѣтное, неуловимое и неразумное насѣкомое; но зато когда человѣкъ оказывается способнымъ пройти черезъ высшую школу—онъ становится прекрасенъ, великъ—и всѣ шавки, пудели, лошади и блохи высшей школы блѣднѣютъ и уничтожаются передъ нимъ!...

Если бы какой-нибудь предпріимчивый и почтенный господинъ, въ родѣ г. Барнума, вздумалъ, вмѣсто ученыхъ собакъ, блохъ, лошадей, дѣвицъ-альбиносокъ, сиренъ и Томъ-Пусовъ, развозить на удивленіе Стараго и Новаго Свѣта любопытнѣйшіе и отборнѣйшіе сорты хлыщей, этотъ новый и оригинальный родъ промышленности доставилъ бы ему, я убѣжденъ въ этомъ, колоссальное богатство. Нѣтъ сомнѣнія, что особенную выгоду могли бы, въ этомъ случаѣ, представлять хлыщи высшей школы. На ихъ изящнѣйшія манеры, на ихъ утонченную выправку, на ихъ безподобную недоступность и исполненную чудной граціи величавость стекались бы смотрѣть милліоны народа, потому-что народъ вообще падокъ на всѣ великолѣпныя зрѣлища, любитъ глазѣть на все высшее, на все выходящее изъ-подъ обыкновеннаго уровня.

Я желалъ бы вывести передъ любознательной публикой моего хлыща высшей школы во всемъ его блескѣ и красотѣ, такъ, какъ выставляютъ дѣвицъ-альбиносокъ, великановъ и другія чудныя явленія природы, поставить его на вертящіяся подмостки, устланныя бархатомъ или мокетомъ и уставленныя бананами и другими тропическими растеніями, и, тихо повертывая подмостки, доставить почтеннымъ посѣтителямъ случай въ подробности разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ. Но, увы! это невозможно. Такія совершенныя созданія, къ какимъ принадлежитъ мой настоящій хлыщъ, не отдаютъ себя на прокатъ, какъ это случается съ хлыщами другаго рода,—и для того, чтобы дать понятіе о немъ, я поневолѣ долженъ прибѣгнуть просто къ его описанію, чувствуя заранѣе, что предлагаемый поверхностный снимокъ не передастъ и десятой доли тѣхъ красотъ и совершенствъ, которыми обладаетъ несравненный оригиналъ.

I.

Если вы, мой читатель, принадлежите къ жителямъ Петербурга, вамъ, вѣроятно, случалось встрѣчать въ театрѣ, въ клубѣ (разумѣется англійскомъ), на улицахъ или въ салонахъ (если вы ѣздите въ большой свѣтъ) высокаго, полнаго, среднихъ лѣтъ господина, держащаго себя очень прямо, одѣтаго съ изящною и строгою простотою, безъ всякихъ изысканныхъ и бросающихся въ глаза украшеній и нововведеній: безъ стеклышекъ, англійскихъ проборовъ и тому подобнаго, съ движеніями медленно-важными, съ взглядами вѣчно холодными и даже нѣсколько суровыми, съ лицомъ неподвижнымъ, но проникнутымъ высокимъ сознаніемъ своего превосходства, на которомъ появляется только легкая тѣнь пріятной улыбки, когда господинъ этотъ заговариваетъ съ значительнымъ лицомъ или когда значительное лицо съ нимъ заговариваетъ... Вы, вѣрно, замѣтили, что не только его безстрастно-прекрасное лицо, но даже его туловище, шея, ноги и руки— все одинаково проникнуто сознаніемъ своихъ совершенствъ; что онъ поворачиваетъ шею только въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ, только тогда, когда очень значительное лицо обращается къ нему или онъ обращается къ очень значительному лицу; что онъ протягиваетъ руку только избраннѣйшимъ изъ избранныхъ; что онъ ходитъ такъ, какъ-будто дѣлаетъ честь тротуару или паркету, къ которому прикасается.... Если вы видѣли такого господина,— то вы уже имѣете нѣкоторое понятіе о наружности моего хлыща высшей школы. Его монументальная и торжественная фигура даже напоминаетъ нѣсколько Командора въ «Донъ-Жуанѣ»...

Не подумайте, мой провинціяльный читатель, чтобы я преувеличивалъ передъ вами совершенства моего героя— изъ благоговѣйнаго уваженія къ нему. (Я употребляю возвышенное слово *герой*, вышедшее нынѣ изъ употребленія, потому-что говорю о возвышенномъ предметѣ). Какое преувеличеніе, помилуйте!... я ссылаюсь на весь великосвѣтскій Петербургъ... Всѣ, имѣющіе счастье пользоваться

знакомствомъ его, подтвердятъ вамъ, что онъ ведетъ себя съ такою безукоризненностью, съ какою можетъ только вести себя господинъ, прошедшій чрезъ всѣ искусы высшей школы. Никто и никогда не видѣлъ его ни на улицѣ, ни въ театрѣ, ни въ клубѣ съ человѣкомъ, не принадлежащимъ къ высшему свѣту, съ incognu; никто и никогда не видалъ его смѣющимся, онъ позволяетъ себѣ только слегка улыбаться въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ замѣчено выше; никто и никогда не видѣлъ его удивляющимся,—онъ ничему не удивляется, какъ всѣ люди безукоризненнаго тона; никто и никогда не замѣтилъ, чтобы въ разговорѣ онъ возвышалъ или понижалъ голосъ,—онъ говоритъ плавно, ровно, спокойно и каждое слово, вылетающее изъ устъ его, должно, кажется, осчастливить того, къ кому относится; никто и никогда не видалъ его аплодирующимъ въ театрѣ, потому-что аплодируютъ люди увлекающіеся, т. е. люди плохо вышколенные или, просто, люди дурнаго тона. Даже и въ такія исключительныя минуты, когда, бывало, Рубини въ «Лучіи», въ сценѣ проклятія, потрясалъ весь театръ своими раздирающими душу звуками и невольно извлекалъ слезы даже изъ глазъ людей хорошаго тона, и ихъ заставлялъ забываться, аплодировать и кричать вмѣстѣ съ толпою, — даже и тогда онъ оставался въ своемъ обыкновенномъ, безподобномъ и величавомъ равнодушіи.

Надобно видѣть, съ какою почтительною ловкостью, тихо, не суетясь, его изящная прислуга подаетъ ему шинель или пальто, когда онъ выѣзжаетъ изъ дома; съ какимъ благоговѣніемъ провожаетъ его гордый и толстый швейцаръ и усаживаетъ въ сани; съ какимъ глубокимъ уваженіемъ капельдинеръ, кланяясь, отворяетъ ему дверь его абонированной ложи; какъ увивается около него дворецкій Англійскаго клуба въ тотъ день, когда онъ кушаетъ въ клубѣ. Но всѣ эти знаки почтенія, благоговѣнія, подобострастія пропадаютъ даромъ. Онъ, кажется, не подозрѣваетъ о существованіи на свѣтѣ лакеевъ, швейцаровъ, капельдинеровъ, дворецкихъ и прочаго, и полагаетъ, что все является и отворяется передъ нимъ, все снимается съ него и надѣвается на него по мановенію волшебнаго жезла.

Одинъ только разъ онъ чуть-чуть повелъ глазомъ на своего лакея, у котораго бѣлый галстукъ былъ нѣсколько измятъ и имѣлъ не совсѣмъ свѣжій видъ, и, обратясь къ своему мажордому, произнесъ строго-спокойнымъ голосомъ: «чтобъ *этого* сегодня же не было здѣсь....»

Въ клубъ герой мой пріѣзжаетъ обыкновенно позже всѣхъ и садится за особенный столъ..... За обѣдомъ онъ кажется еще прекраснѣе. Онъ кушаетъ съ большимъ аппетитомъ, но не обнаруживаетъ его ни взглядами, ни движеніями, какъ люди грубые и дурно воспитанные; вино, кажется, онъ не пьетъ, а только вдыхаетъ въ себя его ароматъ, хотя его бутылка опорожняется къ концу обѣда также, какъ и у другихъ, которые просто пьютъ. Послѣ обѣда онъ садится за карты и играетъ по большой и съ людьми значительными. Онъ къ картамъ не имѣетъ особенной страсти (да и вообще онъ не имѣетъ никакихъ страстей, потому-что страстями одержимы только люди *вульгарные*), а играетъ по разсчету, для поддержанія своихъ связей и значенія, сохраняя постоянно величавое равнодушіе и спокойствіе при выигрышѣ и при проигрышѣ.... Но виноватъ, — я, кажется, увлекаясь моимъ героемъ, забѣгаю немного впередъ и заранѣе прошу у читателя извиненія только за небольшое отступленіе по поводу картъ. Я не могу на минуту не остановиться на этомъ предметѣ. Карты вещь очень серьёзная. Если вы не умѣете играть въ карты, мой благосклонный читатель, учитесь, учитесь скорѣй, не теряя времени. Посредствомъ картъ въ Петербургѣ (я не знаю, какъ въ другихъ европейскихъ столицахъ) завязываются наитѣснѣйшія связи, пріобрѣтаются значительныя знакомства, упрочивается тѣснѣйшая дружба и, что́ важнѣе всего, получаются выгоднѣйшія мѣста. Пріобрѣтя опытъ жизни, я очень сожалѣю теперь, что не посвятилъ себя въ началѣ моего поприща изученію ералаша, преферанса съ табелькой, пикета и *палокъ*. Кто знаетъ, по примѣру многихъ другихъ, я черезъ карты легко могъ бы сдѣлать прекрасную карьеру и, вмѣсто того, чтобы подвизаться на неблагодарномъ и скользкомъ литературномъ поприщѣ, я уже пользовался бы теперь значеніемъ, имѣлъ бы приличный моимъ лѣтамъ чинъ, былъ бы окруженъ

подчиненными, смотрящими мнѣ въ глаза, распоряжался бы участью нѣсколькихъ сотъ подвѣдомственныхъ мнѣ людей (что̀ очень пріятно) и преслѣдовалъ бы всѣхъ сатирическихъ писателей, которые раскрываютъ, какъ говоритъ Гоголь, «наши общественныя раны»...

Однако, все это нейдетъ къ дѣлу, и мнѣ давно пора сказать, какое общественное положеніе занимаетъ мой утонченный герой въ свѣтѣ, и познакомить любознательныхъ читателей съ его біографіей.

II.

Онъ сынъ очень почетнаго отца, который умомъ, трудолюбіемъ и, какъ прибавляютъ люди злоязычные, вкрадчивостью и лицемѣріемъ самъ проложилъ себѣ блистательную карьеру. Почтенный родитель прозывался Бѣлогривовымъ, отъ села Бѣлыя Гривы, въ которомъ родился, и оттого еще можетъ быть, что волосы его въ дѣтствѣ были бѣлы, какъ ленъ. Это прозвище такъ и осталось за нимъ, и никто, конечно, не подозрѣвалъ, что со временемъ оно обратится въ громкую и блестящую фамилію. Въ лѣтахъ отрочества онъ бѣгалъ еще по деревнѣ въ затрапезномъ халатѣ, а въ сорокъ-пять лѣтъ пользовался уже значеніемъ въ Петербургѣ и вступилъ въ бракъ съ дѣвицею довольно извѣстной дворянской фамиліи, за которою взялъ 500 душъ. На шестидесятилѣтнемъ возрастѣ онъ достигъ всего, къ чему съ такою жадностью стремятся люди: чиновъ, окладовъ, почета, уваженія, связей. Въ новый годъ и свѣтлый праздникъ столы его были завалены визитными карточками съ самыми блестящими именами, а въ передней лежали груды листовъ, исписанныхъ посѣтителями. Въ домашней жизни Богъ также благословилъ его. Супруга его была дама очень привлекательной наружности и пріятныхъ формъ, кромѣ того, обладала замѣчательными нравственными достоинствами: характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ, вслѣдствіе котораго держала бразды домашняго правленія очень туго, и глубочайшимъ знаніемъ свѣтскаго такта и всѣхъ мелочныхъ свѣтскихъ

обычаевъ и привычекъ. Ея любовь къ супругу и заботливость о немъ не имѣли границъ: она сама распоряжалась всѣми его деньгами; сама разбирала отчеты по имѣнію; сама назначала ему камердинеровъ и смѣняла ихъ по своему произволу; самаежедневно клала въ его бумажникъ извѣстную сумму денегъ; приказывала, какихъ лошадей закладывать въ его карету; безусловно распоряжалась постоянно находившимся при немъ курьеромъ, — и одинъ взглядъ генеральши имѣлъ силы несравненно болѣе, чѣмъ слово генерала, повторенное десять разъ.... «Другъ мой,—говорила она съ чувствомъ супругу: ты слишкомъ занятъ важными государственными дѣлами и я не допущу тебя входить ни въ какія домашнія дрязги. Это ужъ мое дѣло.» Дѣти (имъ Богъ даровалъ двухъ прелестныхъ малютокъ—мальчика и дѣвочку) развивались также подъ ея исключительнымъ и неусыпнымъ наблюденіемъ.

Нѣжная и любящая мать въ мысляхъ своихъ приготовляла для нихъ блистательную будущность и все воспитаніе ихъ направила на то, чтобы сдѣлать ихъ безукоризненными въ свѣтскомъ отношеніи. Имъ предстояла важная обязанность, высокій долгъ поддерживать честь и славу рода Бѣлогривовыхъ.

Въ характерѣ этихъ дѣтей, съ самаго ранняго дѣтства, обнаружилась рѣзкая разница. Викторъ, любимецъ матери и герой этого разсказа, былъ истиннымъ утѣшеніемъ родителей. Его называли необыкновеннымъ ребенкомъ, и онъ былъ дѣйствительно необыкновенный ребенокъ, потому-что, къ удивленію взрослыхъ, не кричалъ, не шалилъ и не рѣзвился, какъ обыкновенныя дѣти. Прекрасный, румяный и полный малютка во всемъ обнаруживалъ что-то въ родѣ разсудительности, сдержанности и какъ-будто чувства собственнаго достоинства. Онъ входилъ въ комнату, раскланивался, танцовалъ, игралъ въ куклы, говорилъ съ другими дѣтьми и даже каталъ обручъ по дорожкѣ сада съ серьёзностью и важностью, приводившею въ восторгъ не только его родителей, но даже и постороннихъ. Викторомъ всѣ восхищались и всѣ отзывались о немъ съ похвалою, исключая, впрочемъ, домашней прислуги, съ которою онъ обращался, несмотря на свой

нѣжный возрастъ, такъ повелительно и съ такимъ пренебреженіемъ, что маменька даже принуждена была останавливать его замѣчаніями, что съ людьми надо быть повѣжливѣе. Но, останавливая его, она въ то же время думала съ тайнымъ удовольствіемъ и гордостью, что такъ рано обнаруживающееся въ немъ отвращеніе ко всему *низшему* — признакъ благородной крови Балахиныхъ, которая течетъ въ его жилахъ (генеральша была урожденная Балахина). Лакеи и горничныя, не принимая этого въ соображеніе, смотрѣли на барченка съ совершенно другой точки зрѣнія и такъ отзывались о немъ: «Вишь, щенокъ, еще чуть отъ земли видно, еще молоко на губахъ не обсохло, а туда же, какъ большой хорохорится и горло деретъ.»

Сестра Виктора, Соничка, была дѣвочка худенькая, блѣдная, слабая здоровьемъ и ничѣмъ особеннымъ не отличавшаяся отъ другихъ дѣтей. Она, въ противоположность своему брату, пользовалась большимъ благоволеніемъ всей дворни за свою доброту и мягкость, которыя выражались въ ея блѣдныхъ карихъ глазахъ и во всѣхъ чертахъ ея привлекательной бѣлокурой головки. Но зато Соничка, несмотря на то, что была старше брата двумя годами, не умѣла вести себя съ достоинствомъ, не имѣла того такта, которымъ такъ изумительно владѣлъ Викторъ чуть не съ колыбели; она была одинаково привѣтлива и радушна съ маленькой княжной Мери, своей сверстницей, и съ Катюшкой, дочерью ключницы. Ни попечительная мать, съ тайнымъ сокрушеніемъ смотрѣвшая на нее, ни неподвижная миссъ Генріетта, ея гувернантка, воспитывавшая нѣкогда, по ея словамъ, миссъ Арабеллу, дочь какого-то лорда, и исполненная самыхъ аристократическихъ претензій, не могли внушить Соничкѣ того чувства гордаго сознанія, которое безспорно должно было одушевлять дѣвушку, — дочь отца, такъ высоко стоявшаго на ступеняхъ общественныхъ почестей, дѣвушку, предназначенную для высшаго свѣта... Кровь Балахиныхъ еще молчала въ ней.

Однажды, на дачѣ, гуляя съ миссъ Генріеттой, Соничка (ей было уже въ это время лѣтъ 13) повстрѣчала

нищую, хорошенькую дѣвочку лѣтъ восьми, въ лохмотьяхъ, которыя едва прикрывали ее. Дѣвочка эта очень понравилась Соничкѣ, которая остановила ее. съ участіемъ распрашивала — откуда она, и кто она? и сказала ей, чтобы она зашла къ нимъ на дачу. Бѣдная дѣвочка эта цѣлый день не выходила у нея изъ головы, даже снилась ей ночью. На слѣдующее утро она не отходила отъ окна, поджидая ее, и когда та явилась, Соничка чуть не вскрикнула отъ радости, побѣжала ей навстрѣчу и тихонько провела ее въ свою комнату. Она надарила ей разныхъ вещей, и такъ растрогала дѣвочку своею добротою и ласкою, что та со слезами бросилась къ ней и схватила ея руку, чтобы поцѣловать; но Соничка отдернула руку и поцѣловала дѣвочку... Въ минуту этого поцѣлуя, на порогѣ двери появилась строгая и неподвижная миссъ Генріетта. Такое зрѣлище привело бывшую воспитательницу дочери лорда въ страшное негодованіе... Она приказала сейчасъ нищей выйдти вонъ и, обратясь къ своей воспитанницѣ, прочла ей длинное, строгое и краснорѣчивое наставленіе, мысль котораго заключалась въ томъ, что хотя благотворительность — дѣло похвальное, и хотя помогать бѣднымъ должно, но водить къ себѣ въ комнату нищихъ, обниматься и цѣловаться съ ними дѣвушкѣ столь высокаго происхожденія неприлично и непростительно. Миссъ Генріетта ссылалась на свою бывшую воспитанницу, миссъ Арабеллу, умѣвшую всегда соединять похвальныя движенія сердца съ чувствомъ своего аристократическаго достоинства, и наконецъ привела Соничкѣ въ примѣръ ея собственнаго брата, который, несмотря на то, что моложе ея, могъ уже служить для нея во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ. Соничкѣ постоянно всѣ безпрестанно ставили въ примѣръ брата; она не могла не видѣть, что вся нѣжность родителей была обращена къ нему и, несмотря на это, ни малѣйшее чувство зависти не смущало ее. Она чувствовала къ нему самую нѣжную привязанность съ дѣтства.

До пятнадцати лѣтъ она обнаруживала характеръ очень воспріимчивый, сообщительный, живой и пылкій. Она передавала брату всѣ впечатлѣнія, ощущенія и мысли, на-

чинавшія зарождаться въ ней. Она искала въ немъ отзыва и сочувствія, но всякій разъ послѣ своихъ задушевныхъ признаній чувствовала какую-то внутреннюю неловкость. Братъ выслушивалъ ее спокойно и равнодушно, безъ всякаго участія, и Соничка объясняла это тѣмъ, что онъ не можетъ еще понимать ее, потому-что слишкомъ молодъ.

Пылкость ея начинала однако охлаждаться съ лѣтами, можетъ-быть, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, которое усиливалось въ ней вмѣстѣ съ ея раннимъ и быстрымъ нравственнымъ развитіемъ, на которое никто не обращалъ вниманія. Въ восемнадцать лѣтъ у нея обнаружились такія грудныя страданія, которыя она, при всей своей терпѣливости, не могла скрывать. Созванъ былъ консиліумъ. Доктора рѣшили, что она имѣетъ расположеніе къ чахоткѣ, и что поэтому за ней необходимо имѣть строгій медицинскій надзоръ. Домашній докторъ Бѣлогривовыхъ, очень важный господинъ, пользовавшійся въ городѣ огромною репутаціею и довѣренностью, представилъ къ нимъ въ домъ одного молодаго доктора, который долженъ былъ, подъ его главнымъ руководствомъ, имѣть постоянное наблюденіе за ходомъ ея болѣзни. Молодой докторъ началъ ѣздить въ домъ Бѣлогривовыхъ всякій день. Онъ ухаживалъ за больною съ необыкновенною заботливостью и вниманіемъ и, черезъ нѣсколько времени, она замѣтно стала поправляться. Докторъ продолжалъ однако навѣщать ее такъ же часто. Онъ былъ человѣкъ образованный, большой поклонникъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта и, кромѣ того, страстный охотникъ до музыки. Онъ скоро сдѣлался у Бѣлогривовыхъ почти домашнимъ человѣкомъ. Генералъ и генеральша оказывали ему большое вниманіе, видя его заботливость о больной; миссъ Генріетта полюбила его за то, что онъ говорилъ съ нею по-англійски и декламировалъ наизусть монологи изъ «Гамлета» и «Отелло»; Софья Александровна (въ это время никто уже не называлъ ее Соничкой) обнаруживала къ нему также большую симпатію: она была тронута его участіемъ и вниманіемъ къ ней; притомъ его образованіе, умъ и расположеніе къ музыкѣ,—все это производило на нее сильное впечатлѣніе. У нея были очень замѣчательныя музыкальныя способности и она играла на

фортепіано съ большимъ вкусомъ, тонкостью и чувствомъ. Докторъ также игралъ на фортепіано недурно, и они иногда вмѣстѣ разучивали любимыя пьесы. Она до того привыкла къ доктору, что въ тотъ день, когда онъ не пріѣзжалъ, чувствовала, что ей какъ-будто недостаетъ чего-то.

На ея привязанность къ нему, усиливавшуюся постепенно, не обращалъ никто вниманія. Генералъ видался съ дѣтьми два раза въ день: на минуту утромъ, когда они приходили съ нимъ здороваться, и за обѣдомъ. Генеральша привыкла смотрѣть на доктора, какъ на домашняго человѣка, какъ на своего дворецкаго или на свою ключницу, и подозрѣніе о привязанности къ нему ея дочери не могло даже придти ей въ голову. Къ тому же, она приняла доктора подъ особое свое покровительство, потому-что онъ лечилъ даромъ всю генеральскую дворню.

Когда здоровье Софьи Александровны поправилось, ее вывезли въ свѣтъ, но, послѣ двухъ или трехъ баловъ, болѣзненные припадки ея снова возобновились, — и эти выѣзды должны были прекратиться къ ея величайшему удовольствію, потому-что, послѣ каждаго бала, маменька, недовольная ею, дѣлала ей очень жесткіе выговоры и читала предлинныя морали. Генеральша огорчена была тѣмъ, что появленіе въ свѣтъ ея дочери не произвело того впечатлѣнія, какого она желала и могла надѣяться. Выговоры эти обыкновенно оканчивались упреками, что на ея воспитаніе не щадили ничего, что на нее потратили тысячи, и что она, несмотря на все вниманіе и заботливость о ней, не оправдываетъ ожиданіе родителей, и такъ далѣе.

Софья Александровна выслушивала эти упреки и выговоры молчаливо и переносила ихъ съ покорностью и твердостью. Иногда только, когда гнѣвъ ея маменьки, по какому-нибудь незначительному поводу, выходилъ изъ предѣловъ и разражался оскорбительными и вовсе несвѣтскими выходками (генеральша была горяча), Софья Александровна прибѣгала къ брату и высказывала ему свое огорченіе. Викторъ Александрычъ былъ въ это время уже студентомъ. Онъ обыкновенно молча выслушивалъ ее

и, съ свойственною ему разсудительностью не по лѣтамъ, говорилъ, что если маменька и не совсѣмъ справедлива въ отношеніи къ ней, оскорбляя ее нѣкоторыми словами и замѣчаніями, которыя бы, конечно, не слѣдовало произносить, то въ сущности она все-таки права, потому-что желаетъ ей добра, и безпрестанно твердилъ ей, какъ и маменька, о томъ, что ей необходимо выѣзжать чаще въ свѣтъ.

Послѣ одного изъ такихъ объясненій съ братомъ, ей пришла въ первый разъ въ голову мысль, что онъ человѣкъ холодный, безъ сердца. Какъ ни отгоняла она отъ себя этой мысли, но она неотвязчиво преслѣдовала и мучила ее нѣсколько дней. Софья Александровна старалась, впрочемъ, всячески оправдывать брата и увѣряла себя, что эта мысль совершенно нелѣпая; что Викторъ напротивъ имѣетъ прекрасное сердце, порывы котораго онъ только боится обнаруживать, и что эту наружную холодность и недоступность онъ заимствовалъ отъ своего воспитателя, имѣвшаго на него большое вліяніе, бездушнаго формалиста г. де-Шардона, который былъ помѣшанъ на старой французской аристократіи, разъигрывалъ какого-то маркиза и не признавалъ никакихъ авторитетовъ, кромѣ Лагарпа, Баттё, Буало и Генриха V. Она не принимала въ соображеніе, что неподвижная и суровая миссъ Генріетта не успѣла же задушить въ ней, несмотря на всѣ свои усилія, человѣческія увлеченія и порывы сердца. Сваливая всю вину на г. де-Шардона, Софья Александровна обыкновенно нѣсколько успокоивалась. Несмотря на это, она перестала быть откровенной съ братомъ. Характеръ ея замѣтно измѣнялся, она становилась серьёзнѣе, сосредоточеннѣе, начинала, кажется, чувствовать пустоту и холодъ блестящей среды, ее окружавшей, и свое одиночество. Единственный человѣкъ, которому иногда она высказывалась, былъ докторъ.

Софьѣ Александровнѣ былъ уже 21 годъ. Здоровье ея было слабо и поэтому выѣзжала она въ свѣтъ рѣдко. Маменька, глядя на нее, начинала приходить въ безпокойство и помышлять, какимъ бы образомъ прилично устроить ея участь.

Викторъ Александрычъ, окончивъ между-тѣмъ курсъ въ университетѣ, опредѣлился въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и въ первый разъ явился въ свѣтѣ на балѣ княгини Красносельской. На этомъ первомъ дебютѣ онъ имѣлъ счастіе быть замѣченнымъ одной очень почетной старушкой, которая нашла, что онъ прекрасно держитъ себя: съ тактомъ, съ почтительностью къ старшимъ и между-тѣмъ съ достоинствомъ, и что многіе молодые люди, гораздо поважнѣе его происхожденіемъ, могли бы взять съ него примѣръ....

Однажды, когда Викторъ Александрычъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, только-что окончивъ обдѣлку своихъ ногтей и машинально перелистывая Готскій альманахъ, свою любимую настольную книгу, мечталъ о своихъ будущихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, въ комнату его вошла сестра. Ея блѣдное и болѣзненное лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, въ ея глазахъ, почти всегда задумчивыхъ и грустныхъ, выражалась сила и энергія, тогда какъ въ движеніяхъ и въ походкѣ была нерѣшительность и почти робость. По всему было замѣтно, что въ душѣ Софьи Александровны совершалось что-то необыкновенное и что это посѣщеніе было не даромъ.

Викторъ Александрычъ слегка приподнялъ голову, взглянувъ на сестру. Онъ не замѣтилъ въ ней однако ничего особеннаго, слегка кивнулъ своей прекрасной головой и протянулъ къ ней свою бѣлую и полную руку, съ искусно обдѣланными ногтями въ формѣ миндалинъ.

Софья Александровна сѣла возлѣ него.

— Что́ скажешь? произнесъ онъ, переворачивая страницы альманаха, который онъ не выпускалъ изъ рукъ....

— Я пришла съ тобою поговорить объ одномъ дѣлѣ, отвѣчала она:—объ дѣлѣ, которое касается до меня.... Скажи мнѣ искренно, любишь ли ты меня?

Викторъ Александрычъ взглянулъ на сестру и нижняя губа его подернулась немного насмѣшливо.

— Что это за вопросъ? Что съ тобою?

— Я хочу убѣдиться въ томъ, что ты меня любишь, мнѣ это нужно потому, что я должна сообщить тебѣ....

Она остановилась, (Разговоръ ихъ, надобно замѣтить, происходилъ на французскомъ языкѣ).

Викторъ Александрычъ еще взглянулъ на сестру и въ этотъ разъ ужъ вопросительно.

— Я ничего не понимаю, проговорилъ онъ своимъ обыкновеннымъ равнодушнымъ тономъ, не обращая вниманія на ея волненіе: — развѣ случилось что-нибудь особенное?

У Софьи Александровны на глазахъ показались слезы, она съ минуту ничего не отвѣчала, но потомъ вдругъ бросилась къ брату, обняла его съ увлеченіемъ и почти задыхающимся голосомъ сказала:

— Скажи мнѣ, братъ.... принимаешь ли ты во мнѣ участіе?...

— Что съ тобой однако? спросилъ онъ съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ, оправляясь послѣ этихъ неожиданныхъ объятій.

Софья Александровна сказала ему, что она любитъ доктора....

При этомъ признаніи, лицо Виктора Александрыча вспыхнуло, онъ вскочилъ со стула, выпрямился всѣмъ своимъ станомъ и даже нѣсколько выгнулся и обозрѣлъ съ ногъ до головы Софью Александровну....

— Что? Кого? спросилъ онъ, не вѣря ушамъ своимъ

Она повторила свои слова твердымъ голосомъ.

Викторъ Александрычъ улыбнулся, заложилъ руку за жилетъ и произнесъ:

— Что за шутки! Это совсѣмъ не забавно.

Софья Александровна вспыхнула въ свою очередь, оскорбленная этимъ замѣчаніемъ, высказала ему съ горячностью все, что́ было у ней на душѣ, и въ заключеніе объявила, что она рѣшилась выйдти замужъ за доктора.

Викторъ Александрычъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, чтобы придти въ себя, и наконецъ остановился противъ сестры.

— Что съ тобою, Sophie? Ты съ ума сходишь, произнесъ онъ въ волненіи, которое ужъ не могъ скрыть при всей своей выдержанности:—откуда могли придти къ тебѣ такія мысли, такія дикія понятія? Ты забываешь, *кто*

ты, какое имя ты носишь. Что можетъ быть общаго между тобою и какимъ-нибудь аптекаремъ или лекаремъ? Пожалуйста приди въ себя. Опомнись, одумайся. Ты хочешь нанести позоръ нашей фамиліи, сдѣлать насъ городскою сказкою, ты хочешь убить батюшку и матушку. Это какое-то безуміе, которое нельзя оправдать ничѣмъ. Благовоспитанной дѣвушкѣ даже во снѣ не могутъ придти въ голову такія мысли, такія понятія....

Викторъ Александрычъ остановился запыхавшись. Онъ никогда не говорилъ вдругъ такъ много и съ такимъ жаромъ.

— Я люблю его, я на все рѣшилась, произнесла она.

Лицо и глаза ея горѣли. На этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ выражалось что-то гордое и рѣшительное. Это была уже не дѣвочка грустная, болѣзненная и застѣнчивая, но женщина съ сознаніемъ и силою воли.

— Рѣшилась!... повторилъ Викторъ Александрычъ, не обращая на нее вниманія, блѣднѣя и закусивъ нижнюю губу:—это мнѣ нравится! Что такое твое рѣшеніе?—у тебя отецъ и мать, у тебя братъ, ты забываешь объ нихъ, кажется.

— Нѣтъ, я не забываю. Если въ тебѣ есть хоть капля участія и состраданія ко мнѣ,—я прошу тебя, братъ, — будь посредникомъ между мною, батюшкой и матушкой, ты имѣешь вліяніе на нихъ. Тебѣ легче....

— Посредникомъ! перебилъ Викторъ Александрычъ:— подумай же наконецъ, что́ ты хочешь дѣлать.... въ чемъ? Но это неприличіе, эта безнравственность, это сумасшествіе... И ты думаешь, что я буду посредникомъ твоимъ у отца и у матери, что у меня повернется языкъ сказать имъ, что ты любишь... Сдѣлай одолженіе, выкинь все это изъ головы. Серьёзно говорить объ этомъ нельзя, и мнѣ досадно на себя, что я принялъ это серьёзно. Дай мнѣ слово, что ты весь этотъ вздоръ выкинешь изъ головы,—и что объ этомъ никогда не будетъ болѣе слова.

Софья Александровна съ большимъ усиліемъ надъ собою приняла наружность холодную и спокойную и отвѣчала:

— Хорошо, я подумаю, я только прошу тебя объ одномъ, чтобы это покуда осталось между нами....

Когда она вышла, Викторъ Александрычъ не на шутку призадумался. Мысль, что его сестра можетъ быть женою какого-то лекаря, привела его въ негодованіе и ужасъ. Онъ живо вообразилъ всѣ неизбѣжныя послѣдствія этого: язвительныя улыбки его великосвѣтскихъ пріятелей; тѣнь, которую броситъ этотъ безумный бракъ на ихъ фамилію; оскорбительные для нихъ толки и замѣчанія по этому поводу высшаго свѣта; шумъ, который надѣлаетъ въ городѣ этотъ неслыханный скандалъ и проч. При мысли, что все это можетъ сильно повредить его свѣтской и служебной карьерѣ, дрожь пробѣжала по его тѣлу и румянецъ исчезъ съ его полныхъ и пушистыхъ щекъ. «Этого нельзя оставить такъ», подумалъ онъ, «честь нашего дома въ опасности, надо принять заранѣе мѣры, и тотчасъ же предупредить объ этомъ батюшку и матушку.»

Викторъ Александрычъ отправился къ родителямъ и имѣлъ долгое объясненіе съ ними, вслѣдствіе котораго докторъ уже не появлялся въ ихъ домѣ. Съ Софьей Александровной не было никакихъ объясненій, но генералъ и генеральша стали обращаться съ нею очень сухо и холодно. Викторъ Александрычъ избѣгалъ всякихъ столкновеній и объясненій съ сестрою. Такъ прошло около мѣсяца....

Въ одно прекрасное весенное утро въ домѣ Бѣлогривовыхъ произошло неописанное смятеніе. Весь домъ переполошился, начиная съ самого генерала до послѣдняго конюха. Генеральша лежала въ обморокѣ; генералъ совершенно потерялся; Викторъ Александрычъ вдругъ такъ поблѣднѣлъ и осунулся, какъ-будто только-что всталъ съ постели послѣ болѣзни; люди совались безъ толку изъ угла въ уголъ, какъ сумасшедшіе; доктора перебѣгали отъ генеральши къ генералу. — Софья Александровна исчезла изъ родительскаго дома!... Стоны, слезы, крики, рыданія, проклятія потрясали весь домъ.... Она бѣжала, покрывъ стыдомъ и позоромъ маститую, сѣдую голову заслуженнаго старика-отца, всѣми уважаемаго, убивъ мать, которая съ такою нѣжностью заботилась о ея воспитаніи. Ужасно!...

Буря утишилась не скоро, да и могла ли она скоро утишиться? Истерики и крики смѣнялись вздохами, стонами, покачиваніемъ головъ, всхлипываніями и жалобами на судьбу.

Вдругъ, въ одинъ день, генералу подали письмо. Онъ взглянулъ на конвертъ и измѣнился въ лицѣ. Письмо было отъ Софьи Александровны. Въ этомъ письмѣ она объявляла о томъ, что она замужемъ, умоляла о прощеніи, просила благословенія и прочее. Но генеральша не допустила генерала распечатать конвертъ, выхватила его изъ рукъ супруга и бросила въ каминъ.

— У насъ нѣтъ болѣе дочери, произнесла она торжественно:—а у тебя, мой другъ, нѣтъ сестры, прибавила она съ рыданіемъ, обращаясь къ сыну и обнимая его:—чтобы въ домѣ никто и никогда не смѣлъ произносить ея имя, какъ-будто бы она никогда не существовала!

Вскорѣ послѣ этого неслыханнаго событія, генералъ, который постоянно страдалъ сильною подагрою и въ послѣднее время еле двигался отъ старости, занемогъ и скончался, оставивъ все, что имѣлъ, женѣ и сыну и ни слова не упомянувъ въ духовномъ завѣщаніи о дочери. Генеральша, рыдая надъ его трупомъ, произнесла: «Это она его убійца! Она!»

— Мое несчастное существованіе, говорила она съ нѣжностью сыну:—поддерживаешь одинъ ты, — ты — моя гордость, ты — мое утѣшеніе! Безъ тебя мнѣ ничего не оставалось бы, кромѣ могилы....

Но генеральшѣ не суждено было долго наслаждаться и радоваться своею гордостью, своимъ дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ сыномъ. Генеральша умерла въ тифусѣ черезъ полтора года послѣ смерти своего супруга, а когда кто-то изъ ближнихъ въ минуту кончины осмѣлился ей напомнить о дочери, она прошептала: «У меня нѣтъ дочери.»—Это были ея послѣднія слова.

Всѣ рѣшили, что Софья Александровна была убійцею отца и матери. На это нельзя даже было сдѣлать никакихъ возраженій, потому-что въ такомъ случаѣ легко можно было прослыть за человѣка неблагонамѣреннаго и безнравственнаго....

Такимъ образомъ, Викторъ Александрычъ, въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, сдѣлался полнымъ властелиномъ самого себя и единственнымъ наслѣдникомъ состоянія, оставшагося послѣ его родителей, которое состояло въ 900 душахъ и въ капиталѣ, простиравшемся, говорятъ, до 200,000 рублей серебромъ.

III.

Въ то время, какъ великосвѣтскіе товарищи и сверстники Виктора Александрыча, всѣ болѣе или менѣе еще зависѣвшіе отъ своихъ родителей, предавались, несмотря на это, съ излишествомъ всѣмъ увлеченіямъ и безумствамъ молодости, всѣмъ соблазнамъ, которые представляетъ большой городъ: вступали въ клику театраловъ, волочились за танцовщицами, мерзли у театральныхъ подъѣздовъ, провожали *линіи*, тридцать разъ въ утро на рысакахъ и на парахъ съ пристяжными проѣзжали по такъ-называемой «Улицѣ Любви», мимо оконъ, изъ которыхъ украдкою выглядывали ихъ возлюбленныя; подымали гвалтъ вечеромъ въ театральной залѣ, когда ихъ богини, порхая, появлялись на сценѣ; бросали деньги на вино и женщинъ; дѣлали долги, занимая сто на сто; цѣлыя ночи просиживали за картами или за лото; пили у Фельёта до разсвѣта и хвастали тѣмъ, кто кого перепьетъ, и потомъ ночью, для забавы, скакали на тройкахъ по улицамъ, останавливая бѣдныхъ запоздалыхъ пѣшеходовъ, придираясь къ нимъ, обсыпая ихъ мукой и сажей, или предавались какимъ-нибудь не менѣе остроумнымъ занятіямъ и, къ величайшему огорченію своихъ блестящихъ родителей и родственниковъ, совершенно пренебрегали свѣтскими отношеніями и условіями,—Викторъ Александрычъ, пользовавшійся полною, безграничною свободою, велъ такой образъ жизни, которому могъ позавидовать даже человѣкъ перебѣсившійся и остепенившійся, зрѣлыхъ лѣтъ, несмотря на все свое благоразуміе, все-таки впадающій иногда въ промахи, заблужденія и увлеченія. Но несравненный герой мой, какъ уже могъ замѣтить читатель, принадлежалъ къ тому раз-

ряду людей, которые не имѣютъ заблужденій и увлеченій, то-есть не имѣютъ молодости. Въ самомъ ребячествѣ онъ походилъ уже, какъ мы видѣли, на разсудительнаго и важнаго взрослаго человѣка въ миніатюрѣ. Такія натуры многіе обыкновенно обвиняютъ въ сухости, въ крайнемъ эгоизмѣ и даже въ жестокости, замѣчая, что люди, предающіеся въ молодости самымъ неслыханнымъ и непростительнымъ буйствамъ, впослѣдствіи еще могутъ сдѣлаться настоящими людьми въ полномъ и благородномъ значеніи этого слова, а что отъ людей, незнавшихъ молодости, нельзя ждать ничего добраго. До какой степени справедливо такое мнѣніе и кто правъ — господа ли, такъ разсуждающіе, или тѣ почтенныя особы, которыя, въ противоположность этому мнѣнію, считали Виктора Александрыча образцомъ молодыхъ людей и ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ,—я предоставляю рѣшать читателямъ....

Викторъ Александрычъ, послѣ смерти родителей, прежде всего озаботился о сооруженіи двухъ великолѣпныхъ монументовъ изъ мрамора съ бронзовыми фигурами и гербами на ихъ могилѣ на кладбищѣ Невскаго монастыря. Онъ въ извѣстные сроки послѣ ихъ кончины, какъ слѣдуетъ почтительному сыну, уважающему память своихъ родителей, заказывалъ панихиды и самъ присутствовалъ на нихъ въ глубокомъ траурѣ, который чрезвычайно шелъ къ нему, рѣзко оттѣняя удивительную бѣлизну его лица. И до-сихъ-поръ, ежегодно, въ дни ихъ кончины, его можно видѣть въ Невскомъ монастырѣ. Богомольныя барыни и барышни, живущія подъ Невскимъ, постоянно присутствующія на всѣхъ церковныхъ обрядахъ, похоронахъ, панихидахъ и проч., глядя съ восхищеніемъ на Виктора Александрыча, гордо стоящаго — ибо и въ храмѣ Божіемъ гордость не оставляетъ его—и съ достоинствомъ молящагося о упокоеніи душъ своихъ родителей, восклицаютъ съ чувствомъ: «Ахъ, какой интересный, просто чудо! и несмотря на то, что такая знатная особа, а какой примѣрный сынъ! этакихъ сыновей нарѣдкость въ нынѣшнемъ свѣтѣ!»

Шесть недѣль послѣ кончины матери, которыя были исключительно посвящены печальнымъ созерцаніямъ, исполненію обрядовъ и прочаго, Викторъ Александрычъ съ

свойственнымъ ему благоразуміемъ приступилъ къ разсмотрѣнію и устройству своихъ дѣлъ: онъ перемѣнилъ квартиру; распустилъ многочисленную дворню и оставилъ при себѣ только четырехъ человѣкъ: камердинера, лакея, кучера и повара. Квартиру онъ нанялъ небольшую, но въ лучшей части города, и устроилъ ее, не истративъ на нее ни копѣйки; искусно уставилъ ее старою родительскою мебелью, которая была получше, доставшимися ему разными вещами: саксонскимъ и китайскимъ фарфоромъ, старинными кубками съ двуглавыми орлами, стопами и чашами, увѣсилъ стѣны старинными картинами, разложилъ на столахъ книги, которыхъ онъ, впрочемъ, никогда не читалъ, и иллюстрированныя изданія. Квартира его приняла видъ совершенно аристократическій. Въ кабинетѣ его прежде всего бросался въ глаза, въ круглой великолѣпной рѣзной рамѣ, портретъ его отца въ полномъ мундирѣ и со всѣми знаками отличій, и большая подушка на диванѣ, на которой были вышиты два соединенные герба фамиліи Бѣлогривовыхъ и Балахиныхъ. Въ годъ траура Викторъ Александрычъ почти никуда не показывался. Онъ выѣзжалъ въ свѣтъ только на обыкновенные вечера и всего чаще посѣщалъ почетную и важную старушку, которая удостоила его не только замѣтить, но даже отличить на балѣ у княгини Красносельской. Онъ умѣлъ поддержать ея высокое расположеніе и сдѣлаться для нея почти необходимымъ лицомъ: онъ просиживалъ у нея по цѣлымъ вечерамъ, читалъ ей французскія газеты (почетная старушка любила заниматься политикой), и исполнялъ съ быстротою и аккуратностью различныя ея порученія. Объ исторіи его сестры давно уже перестали говорить, такъ что Викторъ Александрычъ совершенно успокоился касательно этого предмета и почти забылъ о существованіи Софьи Александровны. О ней не было никакого слуху, и онъ не желалъ узнавать, гдѣ она и что съ нею. Правда, иногда вдругъ, совершенно независимо отъ его воли и безъ всякаго повода, его внутренній голосъ будилъ въ немъ воспоминаніе о ней и нашептывалъ ему ея имя, но онъ задушалъ въ себѣ этотъ голосъ мыслью, что поступокъ его сестры не заслуживаетъ ни снисхожденія, ни состраданія

и что этимъ поступкомъ она навсегда разорвала съ нимъ кровныя отношенія и связи.

Успѣхъ Виктора Александрыча въ свѣтѣ укрѣплялся съ каждымъ годомъ. Этому успѣху онъ былъ обязанъ вообще женщинамъ, и преимущественно протекціи почетной старушки. Онъ предпочиталъ дамское общество и бесѣду съ людьми значительными, солидными и пожилыми буйнымъ сходкамъ молодежи, которая, въ свою очередь, не чувствовала къ нему особеннаго расположенія и называла его *накрахмаленнымъ господиномъ*. Дамы почти всѣ были на его сторонѣ и защищали его отъ насмѣшекъ и нападокъ съ большою тонкостью и ловкостью, хотя нѣкоторыя изъ нихъ втайнѣ признавались, что, несмотря на всѣ его нравственныя достоинства, отъ него вѣетъ холодомъ и скукою, и чувствовали несравненно болѣе влеченія ко многимъ изъ тѣхъ, которые вовсе не пользовались нравственной репутаціей. Викторъ Александрычъ дѣйствительно не могъ возбудить страсти, но онъ внушалъ къ себѣ невольное расположеніе всего прекраснаго пола за свой глубоко-свѣтскій тактъ, за свое непогрѣшительное comme il faut и за ту полную увѣренность въ своихъ достоинствахъ, которыя одною чертою отдѣлялись отъ наглости. При этомъ онъ обладалъ всѣми маленькими талантами, которые въ глазахъ женщинъ имѣютъ большое достоинство. Онъ умѣлъ срисовать пейзажъ для альбома, пропѣть романсъ, или даже какую-нибудь итальянскую арію, довольно удачно набросать каррикатуру; но всѣ эти таланты онъ обнаруживалъ только для немногихъ избранныхъ. Онъ не принадлежалъ къ записнымъ свѣтскимъ танцорамъ, которые танцами пріобрѣтаютъ себѣ славу и извѣстность въ свѣтѣ и дѣлаютъ блестящую карьеру; ему гораздо пріятнѣе было съ высоты своего величія, заложивъ руку за жилетъ, обозрѣвать великолѣпную и пеструю толпу, кружившуюся и двигавшуюся въ бальной залѣ; онъ не любилъ танцы для танцевъ, но считалъ за непремѣнную обязанность танцовать съ тѣми, на которыхъ обращено было особенное вниманіе свѣта, которыя выходили на первый планъ красотою, знатностью рода и особенно богатствомъ. Онъ танцовалъ прекрасно, но безъ блеска и быстроты, безъ веселости и увле-

ченія, потому-что никогда и ни въ какомъ случаѣ не измѣнялъ своему холодному величію. Танцы нашего времени, для которыхъ нужна быстрота и извѣстная степень увлеченія, не подходили къ его строгому характеру, но онъ былъ бы превосходенъ въ минуэтѣ и вообще въ старинныхъ танцахъ, которые требовали плавности въ движеніяхъ, спокойствія, медленности и достоинства. Ему вообще надо было бы родиться столѣтіемъ ранѣе, потому-что какое-нибудь сукно, трико и полотно не шли къ его торжественной фигурѣ,—для нея были необходимы глазетъ, шолкъ, атласъ, батистъ, кружева и брильянты. Впрочемъ, я думаю, что люди, подобно моему герою, прошедшіе черезъ всѣ тонкости высшей школы, не нуждаются ни въ какомъ внѣшнемъ украшеніи. Если бы Викторъ Александрычъ не имѣлъ той привлекательной и величественной наружности, которая доставила ему прилагательное къ его фамиліи: «*le superbe*», онъ всетаки былъ бы оцѣненъ за его умственныя и нравственныя качества... Объ его умѣ говорили въ свѣтѣ очень много, вѣроятно потому, что онъ говорилъ очень мало, но зато ужъ если говорилъ, то всегда обдуманно и разсчитанно: каждое слово и фраза заранѣе были взвѣшены въ его головѣ и потомъ уже пускались въ ходъ съ такимъ значеніемъ и съ такою важностью, что самая пустая и ничтожная фраза, которая прошла бы незамѣтной въ устахъ другаго, въ его устахъ казалась необыкновенно дѣльною и серьёзною. Онъ пользовался еще между прочимъ, даже между великосвѣтскою молодежью, которая отвергала всѣ его другія достоинства, репутаціею замѣчательнаго дипломата—вѣроятно, потому, во-первыхъ, что служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а во-вторыхъ потому, что въ наружности и въ манерѣ его дѣйствительно было что-то дипломатическое. Глядя на холодное, безстрастное, серьёзное, и оттого какъ-будто глубокомысленное, лицо Виктора Александрыча, на его важность и на его плавныя, сдержанныя манеры, можно было подумать, что онъ носитъ въ себѣ глубочайшіе политическіе планы, соображенія и тайны. Бальзакъ очень хорошо сказалъ про такого рода дипломатовъ: «они считаютъ себя великими людьми, потому-что дипломатія очень удобное

знаніе для тѣхъ, которые не имѣютъ никакихъ знаній и отличаются глубиною своей пустоты; потому-что она, требуя людей, умѣющихъ держать тайны, даетъ прекрасный случай невѣждамъ значительно пожимать плечами, принимать таинственный видъ и молчать». — Но если Викторъ Александрычъ и не былъ дипломатомъ въ прямомъ значеніи этого слова и ограничивался собственно только перепискою депешъ (онъ имѣлъ превосходный почеркъ), то въ жизни, въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, обнаруживалъ замѣчательныя дипломатическія способности. Начальство обращало на него особенное вниманіе, потому-что онъ пользовался высокой протекціей почетной старушки, и при этомъ имѣлъ нравственныя достоинства, рѣзко отличавшія его отъ другихъ молодыхъ людей. Оттого онъ перегналъ въ чинахъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и при первой возможности былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ.

Какой-нибудь молодой человѣкъ съ обыкновеннымъ самолюбіемъ, съ ограниченными взглядами и съ легкомысліемъ, которое такъ свойственно молодости, будучи на мѣстѣ Виктора Александрыча, совершенно бы удовлетворился и успокоился; но Викторъ Александрычъ былъ не таковъ. Несмотря на то, что средства его доставляли ему возможность вести жизнь не только приличную, но даже роскошную, онъ считалъ себя чуть не бѣднякомъ и постоянно былъ озабоченъ мыслью объ устройствѣ своей будущности въ блестящихъ и широкихъ размѣрахъ. Эта потребность росла въ немъ съ каждымъ годомъ, не давая ему покоя. Ему было уже подъ тридцать лѣтъ. Его взгляды на жизнь сдѣлались еще основательнѣе и положительнѣе, онъ съ внутреннею болью сознавалъ, что, несмотря на нѣкоторое значеніе, которымъ уже онъ пользовался въ большомъ свѣтѣ, онъ не имѣетъ съ нимъ кровной связи: что онъ все-таки *выскочка*, — parvenu; что его свѣтскіе пріятели какіе-нибудь князь Драницынъ или графъ Ветлицкій, съ которыми онъ былъ на ты, какъ и со всѣми молодыми людьми большаго свѣта, не имѣющіе и сотой доли его ума, его способностей и его нравственныхъ качествъ, все-таки считаютъ себя выше его, потому-что они

ведутъ свой родъ чуть не отъ Рюрика, тогда какъ его отецъ, несмотря на почетныя титлы, съ которыми онъ сошелъ въ могилу, вышелъ неизвѣстно откуда; что его сестра замужемъ за какимъ-то лекаремъ и что хотя по матери онъ принадлежитъ къ извѣстному и старинному дворянскому роду, но все-таки что̀ такое какіе-нибудь Балахины передъ Драницыными! Викторъ Александрычъ понималъ, что ему необходимо большое богатство, чтобы возвысить родъ Бѣлогривовыхъ, придать ему блескъ и заставить забыть о его темномъ началѣ. Богатство можно было пріобрѣсти не иначе, какъ черезъ выгодную женитьбу. Трудная задача. Ему необходимо было, чтобы его будущая невѣста имѣла и богатство, и имя, или покрайней-мѣрѣ какія-нибудь связи съ высшимъ обществомъ. Богатство найти еще не трудно, но имя, соединенное съ богатствомъ, такая рѣдкость въ настоящее время! Немногія богатыя невѣсты знатнаго рода еще въ колыбели назначаются немногимъ богатымъ женихамъ такого же рода. Какой-нибудь мильонеръ откупщикъ, золотопромышленникъ или купецъ, конечно, почелъ бы за величайшую честь отдать дочь свою за Виктора Александрыча, но на дочь какого-нибудь откупщика, несмотря ни на какія ея достоинства, несмотря ни на какое воспитаніе и несмотря ни на какое богатство, высшій свѣтъ смотрѣлъ бы все-таки свысока и оказывалъ бы ей только снисходительное покровительство, если бы и допустилъ въ свой кругъ. Князь Драницынъ, напримѣръ, могъ въ крайнемъ случаѣ, для поправленія своихъ совершенно разстроенныхъ дѣлъ, рѣшиться на такой подвигъ, потому-что княгиню Драницыну, кто бы она ни была, поморщившись, конечно, но все-таки признали бы *своей*, а Виктору Александрычу надобно было еще добиваться того, чтобы самому пустить корни въ аристократическую почву, раскинуться и утвердиться на ней, потому-что самъ онъ въ большомъ свѣтѣ походилъ на молодое деревцо, пересаженное на новое мѣсто, которое, правда, уже принялось и распустилось, но еще за прочное существованіе котораго ручаться было нельзя. Обдумавъ и разсчитавъ все это, Викторъ Александрычъ съ терпѣніемъ, осторожностью и ловкостью опытнаго охот-

ника, крадущагося за дичью, началъ слѣдить за богатыми невѣстами и сторожить ихъ. Но, несмотря на всю его осторожность и тонкость въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, неблагосклонная къ нему свѣтская молодежь тотчасъ подмѣтила его маневры и прозвала его *искателемъ богатыхъ невѣстъ*. «У него это на лбу написано», говорили они. Это прозвище изъ высшаго свѣта перешло въ другія общества, и какой-нибудь г. Вихляевъ — этотъ омерзительный типъ крайней пустоты, пошлости и обезьянства, гуляя по Невскому проспекту съ своими пріятелями, при встрѣчѣ съ Викторомъ Александрычемъ, котораго онъ, разумѣется, зналъ только по имени, — всегда говорилъ: «А! вотъ искатель богатыхъ невѣстъ.»

До Виктора Александрыча не могли не доходить слухи о томъ, какъ зло его пріятели отзывались объ немъ за глазами и какіе ядовитые анекдоты распускали о немъ въ городѣ, но онъ нимало не смущался этимъ, продолжалъ самымъ дружескимъ образомъ обращаться съ однимъ изъ жесточайшихъ своихъ тайныхъ враговъ, княземъ Драницынымъ — и шелъ упорно и твердо къ своей цѣли.

Людямъ такого характера, каковъ былъ у Виктора Александрыча, все удается — и удачи эти зависятъ отъ нихъ самихъ, а не отъ слѣпаго счастья, которое имъ приписываютъ люди тупоумные и неразсуждающіе.

Однако всѣ старанія Виктора Александрыча къ отысканію богатой невѣсты въ свѣтѣ долго оставались безплодными. Въ виду для него, кромѣ пожилой княжны Зарайской, съ большими связями и съ большимъ, но разстроеннымъ состояніемъ, никого не было. Викторъ Александрычъ, въ ожиданіи чего-нибудь лучшаго, сталъ ухаживать за княжною. Начинали даже поговаривать, что онъ женится на ней, какъ вдругъ въ то самое время, когда шли эти толки, совсѣмъ нежданно появилась въ свѣтѣ дѣвушка безъ блестящаго имени, но, какъ говорили, съ огромнымъ богатствомъ, довольно близкая родственница одному изъ самыхъ важныхъ и значительныхъ лицъ въ городѣ. Двоюродная сестра этого лица отдана была совершенно прожившимися родителями замужъ за какого-то незначительнаго господина, нажившаго себѣ мильоны

посредствомъ не совсѣмъ честныхъ, но чрезвычайно удачныхъ спекуляцій, пріобрѣтшаго имѣнія, большія земли на югѣ Россіи и желѣзные заводы въ Сибири. Отъ этого брака родилась дочь, которая на девятнадцатомъ году лишилась отца (мать ея умерла еще прежде) и сдѣлалась единственной наслѣдницей всѣхъ этихъ богатствъ. Годъ своего послѣдняго траура она провела въ Москвѣ, въ домѣ своей родственницы по матери, и по окончаніи траура вызвана была въ Петербургъ важнымъ и значительнымъ лицомъ, который принялъ ее подъ свое родственное покровительство и въ домѣ котораго она поселилась. Она также считалась въ родствѣ, хотя довольно дальнемъ, съ почетной старушкой, которая протежировала Виктора Александрыча.

Появленіе этой дѣвушки въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ надѣлало шуму, и слухи объ ея состояніи, можетъ быть нѣсколько преувеличенные, быстро распространились по всему городу. Она сдѣлалась извѣстна подъ именемъ *богатой невѣсты*. Наружность ея не имѣла ничего замѣчательнаго: она была небольшаго роста, худощава, имѣла цвѣтъ лица изжелта-смуглый, густые черные волосы, черные блестящіе глаза и очень быстрыя порывистыя и и не совсѣмъ тонкія манеры. Въ ней не было признака того, что̀ зовется *породою*, она походила болѣе на отца, чѣмъ на мать. Воспитаніе она получила хорошее, но безъ всякой великосвѣтской выдержки, и людей свѣтскихъ, кровныхъ и породистыхъ смѣшила своею наивностью. Несмотря на все это, свѣтъ принялъ ее довольно благосклонно, какъ богатую наслѣдницу и родственницу значительнаго лица.

Викторъ Александрычъ съ первой минуты ея появленія, хотя она далеко не удовлетворяла своею наружностью и манерами того тонкаго идеала женщины, который онъ носилъ въ себѣ, рѣшилъ, что это именно та, которую онъ ищетъ. На первомъ ея свѣтскомъ дебютѣ, на балѣ у графини Рябининой, онъ танцовалъ съ ней мазурку и съ этой минуты все свое вниманіе преимущественно сосредоточилъ на ней, не упуская, впрочемъ, совершенно изъ виду княжну Зарайскую, изъ боязни злаго языка раздра-

женной пожилой дѣвушки, чтобы не вдругъ открыть свои настоящіе виды. Богатая невѣста сначала какъ-будто нѣсколько робѣла передъ Викторомъ Александрычемъ, но потомъ начала постепенно привыкать къ нему и даже видимо чувствовать нѣкоторое расположеніе.

— Знаете ли, что я васъ первое время ужасно боялась, сказала она ему однажды, съ свойственною ей живостью, улыбаясь и прямо смотря ему въ глаза.

— Будто? отчего же это? спросилъ Викторъ Александрычъ.

— Оттого, отвѣчала она:—что вы держите себя такъ важно и недоступно, какъ-будто все, что кругомъ васъ, недостойно вашего вниманія. Скажите, зачѣмъ вы это дѣлаете?

Этотъ наивный вопросъ и тонъ, которымъ онъ былъ произнесенъ, не понравились Виктору Александрычу; однако, онъ скрылъ это и произнесъ съ едва замѣтной улыбкой:

— Вы ужъ никакъ не можете сказать, чтобы я не обращалъ *ни на кого* особеннаго вниманія. Вы должны, покрайней-мѣрѣ, исключить изъ всѣхъ *себя*....

— Мнѣ очень лестно, что я попала въ исключеніе, сказала она: — но я въ-самомъ-дѣлѣ принадлежу къ исключеніямъ въ вашемъ свѣтѣ. Я еще не могу привыкнуть къ нему, мнѣ все какъ-то еще неловко и странно.... Здѣсь какъ-то и дышать трудно, прибавила она, засмѣявшись: — какъ-будто мнѣ недостаетъ воздуху.... Я привыкла къ болѣе свободной жизни.

«Ты отвыкнешь отъ нея!» подумалъ Викторъ Александрычъ.

Къ окончанію бальнаго сезона, въ городѣ начали носиться слухи о разныхъ бракахъ, и, между прочимъ, о бракѣ Бѣлогривова съ богатой невѣстой. Послѣдній слухъ былъ несправедливъ, хотя и имѣлъ нѣкоторое основаніе, потому-что виды на нее Виктора Александрыча не были уже тайною для тѣхъ, которые ѣздятъ въ свѣтъ.

Этимъ видамъ въ особенности способствовала его покровительница — почетная старушка. Еще вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ богатой невѣсты, она сказала Вик-

тору Александрычу съ разстановками и понюхивая табакъ изъ своей золотой табакерки, съ портретомъ на эмали Императрицы Екатерины:

— Тебѣ, батюшка, пора бы ужъ подумать о томъ, чтобы завестись своимъ домомъ..... ты человѣкъ такой порядочный, солидный... къ тебѣ нейдетъ холостая жизнь... Вотъ тебѣ невѣста... пріѣзжая-то эта... Лиза Карачевская. Право. Чего же лучше? Она богата... Ея отецъ... я его не знала, онъ, говорятъ, былъ такъ, изъ какихъ-то изъ простыхъ, аферистъ какой-то былъ... онъ оставилъ ей огромное состояніе; ну, а по матери она имѣетъ хорошее родство... Она и мнѣ вѣдь какъ-то доводится... мы съ матерью-то ея были троюродныя... ну, а дядя ея, князь Андрей Ѳедорычъ — теперь важное лицо... а помню еще, какъ мальчишкой въ курточкѣ бѣгалъ... Ты какъ ее находишь?...

Викторъ Александрычъ отвѣчалъ, что она ему нравится.

— Да, она ничего... вертлявая только такая... ну да что жь требовать?... Дѣвочка порядочнаго общества еще не видала.

Мѣсяца черезъ три послѣ этого, въ одно утро, Викторъ Александрычъ сидѣлъ у почетной старушки и по обыкновенію читалъ ей газеты, только-что полученныя съ почты. Когда чтеніе окончилось, она, по обыкновенію, понюхала табаку и начала, по поводу этихъ газетъ, дѣлать свои критическія замѣчанія.

— Вотъ, говорила она: — этого Гизо называютъ умникомъ..... Что жь въ немъ умнаго?... Богъ знаетъ, что теперь дѣлается во Франціи... Шумятъ, кричатъ въ этихъ палатахъ, безъ всякаго толку... Всѣхъ бы ихъ выгнать по шеямъ и призвать бы на престолъ законнаго короля Генриха V... Ахъ, какой безалаберный, пустой народъ эти французы!... Ну, да Богъ съ ними.... Скажи-ка мнѣ лучше, какъ идутъ твои дѣла?

— Какія дѣла? спросилъ Викторъ Александрычъ, притворяясь, что не понимаетъ вопроса.

— Какъ какія? возразила старушка, вертя табакерку между двумя морщинистыми пальцами, изъ которыхъ на одномъ горѣлъ старинный брильянтовый перстень: — а

Лиза-то Карачевская? Она была у меня... я спрашивала у нее про тебя. — «Что, я говорю, нравится ли онъ тебѣ?.... да говори правду...» Сначала замялась, ну, а потомъ призналась, что ты ей очень нравишься. Что же, ты бы ужъ кончалъ это дѣло... Зачѣмъ въ долгій ящикъ откладывать.... Хочешь, чтобы я переговорила предварительно съ дядей-то ея?... Вѣдь его нельзя обойти.

— Я хотѣлъ васъ проситъ объ этомъ, сказалъ Викторъ Александрычъ съ почтительнымъ наклоненіемъ головы.

— Хорошо, мой другъ, я постараюсь тебѣ устроить это дѣло.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, значительное лицо заѣхало къ ней съ визитомъ. Старушка (которая была большая говорунья) завела рѣчь о скверномъ петербургскомъ климатѣ; о нынѣшней молодежи, которая, по ея мнѣнію, ни на что не похожа; удивлялась княгинѣ Л*, которая допускаетъ въ свой парижскій салонъ Гизо и еще дружится съ нимъ, несмотря на то, что онъ министръ незаконнаго короля, и, послѣ минуты отдыха, понюхавъ табаку, завертѣла свою табакерку между двумя пальцами.

— Ну, а что, князь, твоя Лиза? спросила она.

Князь отвѣчалъ, что ничего и что она понемногу начинаетъ привыкать къ свѣту, къ обществу.

— Что, ей, я думаю, лѣтъ ужь двадцать слишкомъ? Ей бы и замужъ пора. Отъ жениховъ-то, я чай, нѣтъ отбоя.

Князь отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ и не слыхалъ ни о какихъ женихахъ.

— Нѣтъ, ей пора, пора замужъ, произнесла старушка настоятельнымъ тономъ, посмотрѣла на князя значительно и остановилась на минуту. — У меня есть въ виду для нея женихъ....

— Въ-самомъ-дѣлѣ? отвѣчалъ князь, улыбнувшись.— Кто же это?

— Отличный молодой человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ— умный, скромный, порядочный... un homme tout à fait comme il faut..... только не въ нынѣшнемъ смыслѣ... онъ не похожъ на эту молодежь, которая безпутничаетъ, шляется

по трактирамъ и волочится за плясуньями. Онъ сынъ почтеннаго отца и человѣкъ, который можетъ сдѣлать карьеру. Ты, вѣдь, князь, знаешь его.... я говорю о Бѣлогривовѣ.

— А-а!.... онъ точно очень достойный молодой человѣкъ, возразилъ князь: — но я полагаю, что Lise можетъ сдѣлать партію болѣе видную.

Табакерка съ портретомъ Императрицы Екатерины быстро завертѣлась между двумя пальцами почетной старушки, морщинистая голова ея затряслась и все туловище ея пришло въ движеніе.

— Я любопытна знать, произнесла она дребезжащимъ отъ волненія голосомъ: — почему же Бѣлогривовъ ей не партія, чѣмъ онъ ниже ея.... что же такое былъ ея отецъ?... Вспомните, князь... надо же смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ есть.... Онъ можетъ составить счастіе этой дѣвочки.

Почетная старушка пользовалась столь сильнымъ авторитетомъ и значеніемъ, что даже такое значительное лицо, какъ князь, передъ которымъ все разступалось, кланялось и благоговѣло, пришелъ въ нѣкоторое смущеніе отъ ея гнѣва. Онъ началъ какъ-будто оправдываться, говорилъ, что ему еще и въ голову не приходило о замужествѣ племяницы и что онъ сдѣлалъ возраженіе это такъ.

Старушка приподнялась съ своихъ креселъ, величаво выпрямилась и, обратясь къ значительному лицу, произнесла съ чувствомъ подавляющей гордости:

— Бѣлогривовъ дѣлаетъ предложеніе вашей племянницѣ, князь, *черезъ меня*....

— Я долженъ переговорить съ нею, перебилъ князь.

— Дѣлайте, какъ знаете, но если вамъ не угодно будетъ по какимъ-нибудь вашимъ разсчетамъ принять его предложеніе, то вы ему откажите, князь, *черезъ меня*, потому-что я принимаю участіе въ этомъ дѣлѣ.

Произнеся это, старушка поклонилась князю и, несмотря на свои лѣта и уже нѣсколько согбенный станъ, торжественно, какъ власть имѣющая, вышла изъ комнаты.

На другой день Викторъ Александрычъ былъ объявленъ женихомъ богатой невѣсты.

Почетная старушка держала въ страхѣ всѣхъ, отъ большихъ до маленькихъ, она не терпѣла никакихъ возраженій, ея просьба была почти приказаніемъ, потому-что никто и никогда не осмѣливался отказывать ей ни въ чемъ; значительныя лица за глазами подсмѣивались надъ нею, но въ глаза показывали ей знаки глубочайшаго уваженія; про ея странности, капризы и деспотическій характеръ ходили въ городѣ безчисленные разсказы.

Однажды, говорятъ, ея родной племянникъ, извѣстный генералъ, увѣшанный знаками отличій, пріѣхалъ къ ней съ визитомъ. Она сидѣла въ своей маленькой гостиной на своемъ старинномъ волтеровскомъ креслѣ и съ своей неразлучной табакеркой въ рукѣ. Племянникъ раскланялся, поцѣловалъ ея руку, она указала ему на кресло противъ себя, онъ сѣлъ и въ жару какого-то разсказа, забывшись, облокотился о спинку креселъ и положилъ ногу на ногу. Старушка долго смотрѣла на него и на его ноги съ вниманіемъ, которое не обѣщало ничего добраго, и наконецъ вдругъ прервала его рѣчь.

— Что это такое? вскрикнула она. — Посмотрите на себя, батюшка, какъ вы сидите передо мною? вы забываетесь! Я васъ прошу выйдти вонъ.

И три мѣсяца послѣ этого не пускала къ себѣ генерала на глаза.

Пользоваться покровительствомъ такой особы удавалось не всякому и было не такъ легко. Викторъ Александрычъ принадлежалъ къ немногимъ счастливцамъ. Почетная старушка, которая въ послѣднее время почти никуда не выѣзжала и изрѣдка только удостоивала чести своимъ посѣщеніемъ немногихъ избранныхъ, сама вызвалась быть посаженой матерью Виктора Александрыча. О такой высокой чести кричалъ съ удивленіемъ весь городъ и это обстоятельство значительно подняло Виктора Александрыча во мнѣніи свѣта. Посаженый отецъ, конечно, выбранъ былъ подъ пару посаженой матери. Свадьба, совершившаяся въ церкви одного аристократическаго дома, была вообще необыкновенно блистательна и надѣлала въ свое время большаго шуму въ городѣ.

— Vous savez la grande nouvelle, mon cher?—искатель

богатыхъ невѣстъ и накрахмаленный господинъ достигъ таки своей цѣли, сказалъ князь Драницынъ адъютанту, только-что вернувшемуся изъ какой-то поѣздки, съ которымъ онъ встрѣтился на Невскомъ:—мы его вчера обвѣнчали на богатой невѣстѣ. Я былъ его шаферомъ, а княгиня Анна Васильевна посаженой матерью.... сама княгиня Анна Васильевна!

— Bah! воскликнулъ адъютантъ, разинувъ ротъ отъ удивленія при этомъ имени и остановившись на этомъ bah.

IV.

Черезъ полтора мѣсяца послѣ брака Виктора Александрыча, супруга его вручила ему полную и неограниченную довѣренность на управленіе всѣмъ ея имѣніемъ. Черезъ годъ онъ купилъ домъ на собственное имя и началъ устраивать его съ великолѣпіемъ, не уступавшимъ первымъ домамъ столицы. Домъ этотъ, отдѣланный снаружи въ растрелліевскомъ стилѣ, въ родѣ дома князей Бѣлосельскихъ, считается теперь однимъ изъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ.

Первые мѣсяцы послѣ своего замужества Лизавета Васильевна, такъ звали супругу Виктора Александрыча, казалась совершенно счастливою: ее все радовало, все занимало, все удивляло и, вслѣдствіе своего живаго характера, она обнаруживала свое удивленье и свою радость прямо, съ добродушіемъ и искренностью. Лизаветѣ Васильевнѣ не приходило въ голову, что благовоспитанныя свѣтскія женщины не высказываютъ своихъ внутреннихъ движеній и что въ свѣтѣ всякое увлеченіе считается отсутствіемъ такта и неприличіемъ. Лизавета Васильевна иногда вдругъ, въ порывѣ своего чувства, бросалась на шею къ своему супругу, обнимала его и объяснялась ему въ любви.

— Я не хочу, Victor, говорила она ему: — чтобы ты былъ такой мрачный, серьезный, неподвижный.... Мнѣ все кажется, что ты сердишься на что-нибудь, или чѣмъ-нибудь недоволенъ. Если ты любишь меня, ты долженъ быть

теперь такъ же веселъ и счастливъ, какъ я. Вѣдь ты любишь меня? ну, скажи мнѣ, любишь?... да?...

Эти вопросы о любви, съ которыми приставали къ нему, производили на него самое непріятное впечатлѣніе... Но въ устахъ жены они казались ему еще непріятнѣе, чѣмъ въ устахъ сестры.

— Что за объясненія! возражалъ онъ со своимъ обычнымъ холоднымъ достоинствомъ. — Ты знаешь, что я тебя люблю, я знаю, что ты меня любишь. Любовныя фразы говорятъ только въ романахъ и на театрѣ.... Порядочные люди говорятъ молча....

— Какой ты несносный, Victor! перебила она полушутя, полу-серьёзно: — что̀ мнѣ за дѣло до твоихъ порядочныхъ людей... Богъ съ ними! я знаю, что я не порядочная, потому-что я не могу скрывать того, что̀ чувствую.

При словѣ *не порядочная*, Виктора Александрыча какъ-то всего невольно передернуло и брови его вдругъ сдвинулись.

— Это дурно, очень дурно, возразилъ онъ, сдерживая себя.—Ты не дѣвочка ужъ, не пансіонерка какая-нибудь... Ты имѣешь положеніе въ свѣтѣ...

Лизавета Васильевна отъ нетерпѣнія хлопала ножкой....

— Ахъ, какъ это скучно, мораль! говорила она, нахмуривъ брови, но улыбаясь въ то же время: — ты меня убиваешь.... Отчего ты такой холодный, Victor, скажи мнѣ?

— Ты смотришь на все какъ-то странно, отвѣчалъ Викторъ Александрычъ: —для тебя радость должна непремѣнно выражаться смѣхомъ, любовь нѣжными объясненіями, фразами и ласками, печаль слезами, и я тебѣ кажусь холоднымъ потому только, что умѣю владѣть собой: это необходимо, ты скоро сама поймешь это..... Людей, которые не умѣютъ владѣть собой въ свѣтѣ, называютъ неблаговоспитанными.

— Положимъ, возражала Лизавета Васильевна: —надо умѣть владѣть собой въ свѣтѣ, положимъ, что смѣшно и неприлично обнаруживать свои чувства передъ людьми посторонними, но зачѣмъ мы будемъ скрывать другъ отъ друга свои чувства, впечатлѣнія, мысли—когда мы вдвоемъ, когда мы наединѣ? Я не понимаю этого.

Такого рода разговоры обыкновенно оканчивались замѣчаніями Виктора Александрыча, что вмѣсто того, чтобы разсуждать, гораздо лучше вести себя такъ, какъ ведутъ всѣ.

Одинъ разъ Лизавета Васильевна, которая старалась замѣтно, съ нѣкотораго времени, сдерживать свои внутреннія ощущенія (она ужъ не такъ часто бросалась на шею къ супругу), послѣ обыкновеннаго съ нимъ разговора, на минуту задумалась и потомъ вдругъ обратилась къ нему:

— Я давно хотѣла тебя спросить, сказала она, дѣлая нѣкоторое усиліе надъ собою:—но я не знаю, меня что-то останавливало... у тебя, говорятъ, есть сестра, а я ничего не знала объ этомъ.

Въ голосѣ, которымъ она произнесла это, было болѣе грусти, чѣмъ упрека.

Надобно было пройти сквозь всѣ искусы высшей школы, чтобы не обнаружить при этомъ неожиданномъ вопросѣ ни движеніемъ, ни взглядомъ, ни восклицаніемъ ни малѣйшаго волненія. Вопросъ этотъ кольнулъ Виктора Александрыча въ самое больное мѣсто, но онъ отвѣчалъ на это равнодушнымъ и спокойнымъ тономъ:

— Кто тебѣ сказалъ?...

— Для чего тебѣ это знать? Впрочемъ, это мнѣ было передано не за тайну и я могу тебѣ сказать кто..... но скажи мнѣ прежде, правда это или нѣтъ?

Викторъ Александрычъ отвѣчалъ, что у него точно была сестра и что она можетъ быть жива еще, но, вслѣдствіе ея ужаснаго поступка, для него она уже болѣе не существуетъ. И онъ разсказалъ всю исторію ея: какъ она бѣжала изъ родительскаго дома, убила отца и мать и прочее.

Лизавета Васильевна не могла скрыть своихъ ощущеній при этомъ разсказѣ: сдерживаемыя слезы крупными каплями выступали на ея глазахъ и лились по ея смуглымъ щекамъ.

— Отчего же ты мнѣ не сказалъ о ней прежде? спросила она съ горячностью и волненіемъ:—отъ меня ты, казалось бы, не долженъ былъ скрывать этого....

— Для чего бы я сталъ говорить объ этомъ! отвѣчалъ

онъ. — Между ею и мною всѣ сношенія прерваны; ни я, ни ты, надѣюсь, никогда ее не увидимъ.

Лизавета Васильевна вздрогнула.

— Но если она сдѣлала дурной поступокъ, сказала она черезъ минуту: — то это было по увлеченію, по страсти. И Богъ прощаетъ, — неужели же ты никогда не простишь этого сестрѣ?

— Я тебя прошу *никогда* болѣе не говорить мнѣ объ этомъ, сказалъ Викторъ Александрычъ твердо.

Лизавета Васильевна повиновалась его волѣ, но этотъ разговоръ оставилъ въ ней тяжелое и горькое впечатлѣніе и мысль объ этой отверженной долго преслѣдовала ее.

Викторъ Александрычъ, въ началѣ останавливавшій легкими замѣчаніями порывы и увлеченія своей супруги, противорѣчившіе совершенно великосвѣтскому понятію о благовоспитанности, видѣлъ, что противъ этого надобно принять мѣры болѣе серьёзныя. Онъ сознавалъ опасность этихъ порывовъ, если имъ дать полную волю, необходимость охладить горячность ея сердца, затушить ея *идеальныя, романическія* стремленія и не дозволить имъ развиваться.... Викторъ Александрычъ всѣ глубокія человѣческія чувства, всѣ горячія убѣжденія сердца называлъ идеальными и романическими стремленіями... Онъ понималъ необходимость дисциплинировать ее, дать ей практическое направленіе, перевоспитать на свой манеръ, подвергнуть ее всѣмъ пыткамъ высшей школы, чтобы сдѣлать изъ нея настоящую свѣтскую женщину, достойную носить фамилію Бѣлогривовыхъ. Все это было, конечно, не совсѣмъ легко, но онъ успокоивалъ себя мыслью, что такіе характеры, каковъ былъ у Лизаветы Васильевны, имѣющіе много горячности, но мало твердости, легко вспыхивающіе, но скоро охлаждающіеся, — должны безъ большихъ препятствій подчиняться постороннему вліянію, особенно если дѣйствовать на нихъ постепенно и не слишкомъ рѣзко.

Викторъ Александрычъ приступилъ къ своей цѣли съ осторожностью и ловкостью и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Онъ зналъ, что Лизавета Васильевна имѣла наклонность

къ чтенію, и хотя самъ былъ убѣжденъ, что книги, исключая весьма немногихъ, приносятъ болѣе вреда, нежели пользы, но онъ не вооружался противъ ея наклонности: напротивъ, самъ взялся устроить ей библіотеку, исключивъ изъ нея современные романы, которые, по его мнѣнію, были наполнены нелѣпыми фантазіями и утопіями, располагающими къ пустому идеализму и вредной экзальтаціи.... Особеннымъ презрѣніемъ его пользовалась Жоржъ-Сандъ, произносить имя которой онъ считалъ даже неприличнымъ; о классическихъ писателяхъ Викторъ Александрычъ отзывался, напротивъ, съ большою благосклонностью и особенно о Корнелѣ, котораго называлъ не иначе, какъ le grand Corneille и замѣчалъ, что онъ внушаетъ высокія, героическія чувства. Изъ боязни, однако, чтобы въ библіотеку его супруги не попало что-нибудь проникнутое безнравственнымъ современнымъ направленіемъ и не вполнѣ полагаясь въ этомъ случаѣ на себя, онъ прибѣгнулъ къ совѣту одного очень извѣстнаго въ свѣтѣ пожилаго господина, глядѣвшаго изъ подлобья, но съ выраженіемъ сладкимъ и вкрадчивымъ, пользовавшагося репутаціей человѣка необыкновенно умнаго, многосторонне-образованнаго и глубоко-нравственнаго и состоявшаго при многихъ великосвѣтскихъ барыняхъ въ качествѣ директора ихъ совѣсти. Говорили, что этотъ господинъ велъ сначала жизнь довольно безпутную, промотался, потерялъ всякое значеніе въ свѣтѣ, и превратился въ утонченнаго лицемѣра и ядовитаго ханжу, для того, чтобы возстановить свою репутацію. Но Викторъ Александрычъ не вѣрилъ этимъ толкамъ, очень уважалъ его и питалъ полную довѣренность къ его душевнымъ качествамъ.

Дамскій руководитель принялъ съ большою радостью предложеніе Виктора Александрыча и дѣятельно занялся составленіемъ библіотеки для Лизаветы Васильевны. Это обстоятельство сблизило его съ нею и онъ, послѣ первыхъ неудачъ, незамѣтно началъ вкрадываться въ ея душу и пріобрѣтать ея довѣренность. Викторъ Александрычъ не только не препятствовалъ этому, напротивъ, былъ очень доволенъ. Онъ зналъ, что этотъ господинъ преслѣдовалъ съ неутомимымъ упорствомъ всякаго рода увлеченія и

порывы, и проповѣдывалъ о необходимости для женщины нравственной дисциплины, состоявшей въ полномъ смиреніи, безусловной подчиненности и покорности передъ мужемъ, каковъ бы онъ ни былъ, и передъ свѣтомъ и его уставами. Викторъ Александрычъ зналъ, что всякій протестъ, малѣйшее проявленіе воли были, по мнѣнію этого почтеннаго лица, преступленіемъ; что онъ придавалъ словамъ своимъ еще бо́льшую силу слезами на глазахъ и дрожаніемъ въ голосѣ, что, какъ извѣстно, очень сильно дѣйствуетъ на женскіе нервы и на впечатлительныя и слабыя натуры.

Но въ то время, какъ дамскій руководитель употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы дисциплинировать душу Лизаветы Васильевны, — Викторъ Александрычъ съ своей стороны предпринималъ всѣ мѣры, чтобы придать своей супругѣ безукоризненную великосвѣтскую наружность и подчинить ее всѣмъ условіямъ высшей школы. Каждый шагъ ея, каждое слово, каждый взглядъ, каждое движеніе подвергались его утонченнѣйшему контролю. Онъ дошелъ до того, что останавливалъ ее иногда на полсловѣ однимъ едва замѣтнымъ движеніемъ своей брови.

Бѣдная женщина не безъ внутренней борьбы, не безъ тайныхъ страданій покорялась своимъ нравственнымъ великосвѣтскимъ руководителямъ. Всѣ ея благородные инстинкты возставали противъ этого нестерпимаго деспотизма. Она понимала посягательство на свою свободу, чувствовала, что въ ней убиваютъ все живое, все искреннее, все человѣческое во имя какихъ-то законовъ и условій неумолимаго и безпощаднаго приличія и, вырываясь отъ своихъ наставниковъ, втайнѣ, наединѣ, облегчала нѣсколько боль притѣсненной души рыданіями, свободно вырывавшимися изъ груди, и потоками слезъ.

Привязанность ея къ Виктору Александрычу начала колебаться подозрѣніями, что онъ не любитъ ее и не любилъ, что онъ женился не на ней, а на ея богатствѣ, что онъ человѣкъ холодный, эгоистъ, — и, въ порывахъ своего негодованія на него, въ отчаяніи, она кокетничала съ какимъ-то офицеромъ, который особенно ухаживалъ за нею. Иногда, впрочемъ, она старалась оправдывать Вик-

тора Александрыча и утѣшать себя мыслью, что ея подозрѣнія несправедливы, что все это ей такъ только кажется, что онъ любитъ ее и въ-самомъ-дѣлѣ желаетъ ей добра — и тогда она обвиняла себя въ непростительной и преступной подозрительности, въ безнравственномъ кокетствѣ; находила, что ей дѣйствительно нужно перевоспитать себя для свѣта, что ее нельзя любить такъ, какъ она есть. Дамскій руководитель казался ей то лицемѣромъ и шпіономъ, приставленнымъ къ ней мужемъ; то человѣкомъ, въ-самомъ-дѣлѣ достойнымъ полнаго уваженія за свои нравственныя правила. Всѣ понятія, мысли, взгляды, убѣжденія, которыя начинали зарождаться въ ней,— все это было поколеблено: она чувствовала хаосъ внутри себя. То, что она считала нравственнымъ, называли безнравственнымъ; то, въ чемъ она видѣла благородныя стремленія, отъ чего радостно билось ея сердце, во что она желала горячо вѣрить, называлось опаснымъ заблужденіемъ, ложнымъ и пустымъ идеализмомъ и такъ далѣе. Всѣ любимые ея писатели, которыми она увлекалась прежде и которыхъ читала съ жадностью, предавались неслыханнымъ обвиненіямъ, считались растлителями нравовъ, посягающими на все высокое и прекрасное. Лизавета Васильевна совершенно потерялась, въ ней все перепуталось и смѣшалось, она не знала, гдѣ добро и гдѣ зло, что нравственно и что безнравственно. Ея веселость и живость пропали, у нея обнаружились нервическіе припадки; ей было тяжело, какъ человѣку, вдругъ ослѣпнувшему и бродящему ощупью.

Викторъ Александрычъ видѣлъ въ ней наружную перемѣну, но не подозрѣвалъ, какія внутреннія муки переносила она, потому-что самъ никогда не испытывалъ ихъ; онъ былъ доволенъ тѣмъ, что она держала себя серьёзнѣе, приличнѣе и съ бо́льшимъ достоинствомъ. Но отъ дамскаго руководителя не укрылось то, что совершалось въ душѣ Лизаветы Васильевны. Это была самая удобная для него минута, чтобы дѣйствовать на нее. Она стояла на распутіи, въ недоумѣніи, по какой дорогѣ идти — и ей надо было указать эту дорогу и поддержать ее. Съ необыкновенною вкрадчивостью и во всеоружіи онъ приступилъ

къ своему подвигу... Для убѣжденія ея въ ходъ было выпущено все: краснорѣчіе, цитаты изъ книгъ, слезы на глазахъ, дрожаніе въ голосѣ и проч.

Противъ всего этого слабой женщинѣ устоять было невозможно; борьба была слишкомъ неравная, и Лизавета Васильевна, послѣ долгихъ сопротивленій и колебаній, должна была признать себя побѣжденной и покориться.

— Благодарю васъ, сказала она однажды своему наставнику, послѣ долгой бесѣды съ нимъ:— вы успокоили мою душу и примирили меня съ самой собою.

— Это самая лучшая минута въ моей жизни, произнесъ онъ, приподнимая зрачки къ потолку:—но вы должны прежде всего благодарить не меня,— я только слѣпое орудіе высшей воли....

Спокойствіе точно возвратилось въ душу Лизаветы Васильевны, но прежняя веселость, простота и искренность уже не возвращались къ ней. Зато, къ совершенному удовольствію Виктора Александрыча, она начинала усвоивать себѣ понемногу всѣ пріемы великосвѣтскихъ дамъ. Въ ней и слѣдовъ не осталось тѣхъ порывовъ и увлеченій, которые такъ оскорбляли тонкое чувство приличія въ ея супругѣ: она ужъ не ласкалась къ нему и не говорила ему о своей любви. Лизавета Васильевна дошла до того, что не знала, любитъ ли она его или нѣтъ, да и не старалась анализировать свое сердце, — онъ былъ ея мужъ и она склонялась передъ авторитетомъ мужа, сохраняя, впрочемъ, свое внѣшнее достоинство. Первый искренній пылъ любви и молодости исчезъ въ ней, уступивъ мѣсто суровому и непреклонному долгу. Болѣе ничего и не требовалъ отъ нея Викторъ Александрычъ. Она начинала осуществлять его идеалъ жены. Но этотъ внутренній переломъ, которому подверглась Лизавета Васильевна, не могъ остаться безъ послѣдствій, потому-что онъ совершился не безъ борьбы. Она чувствовала первое время послѣ своего обновленія страшную пустоту, томленье и тоску, которыя всячески старалась подавлять въ себѣ. Въ этомъ положеніи она обратилась къ общественной благотворительности и сдѣлалась попечительницей какого-то пріюта. Пріютъ этотъ, процвѣтавшій подъ ея бдительнымъ

и неусыпнымъ надзоромъ, скоро достигъ до такого совершенства, что обратилъ на себя вниманіе всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ благотворителей и благотворительницъ. Его ставили въ образецъ. Въ свѣтѣ заговорили о Лизаветѣ Васильевнѣ, какъ о женщинѣ, достойной уваженія и истинной христіанкѣ.

— Вотъ что значитъ имѣть хорошаго мужа, говорили про нее въ одинъ голосъ всѣ люди, извѣстные въ Петербургѣ своею неоспоримою благонамѣренностью и нравственностью: — что она была такое, когда выходила замужъ? — ничтожная дѣвочка, дурно воспитанная, пустая вертушка, неумѣвшая себя вести прилично, — а теперь во всѣхъ отношеніяхъ примѣрная женщина — и кому всѣмъ этимъ обязана? мужу!

Когда отношенія Виктора Александрыча съ женою опредѣлились и приняли именно тотъ великосвѣтскій приличный характеръ, который они должны были имѣть, Викторъ Александрычъ въ свою очередь, для развлеченія (потому-что онъ немного скучалъ дома), началъ посѣщать довольно часто одну даму, которая извѣстна была въ Петербургѣ подъ именемъ Дарьи Васильевны. Вскорѣ послѣ этого Дарья Васильевна переѣхала на новую, прекрасно меблированную квартиру. Несмотря однако на то, что Викторъ Александрычъ не подавалъ ни малѣйшаго повода къ какимъ-нибудь неблаговиднымъ заключеніямъ относительно сношеній своихъ съ этою дамою, многіе увѣряли, что новая квартира Дарьи Васильевны была будто бы меблирована на его счетъ и что за ея лошадей платилъ будто его секретарь — г-нъ Подберезскій, извѣстному Пахомову, который для нѣкоторыхъ дамъ поставляетъ, вмѣстѣ съ экипажами, разодѣтыхъ дѣтей. Разсказывали между прочимъ, будто Викторъ Александрычъ держитъ очень строго Дарью Васильевну и не позволяетъ ей слишкомъ выставляться. Всѣ эти слухи большею частію распространялъ князь Драницынъ. Я имъ никогда не вѣрилъ, потому-что строго-нравственныя правила Виктора Александрыча совершенно противорѣчили этимъ слухамъ.... Но если и допустить справедливость ихъ, то и тогда нельзя все-таки не замѣтить, что Викторъ Александрычъ велъ себя какъ истинный джентльменъ,

какъ достойный представитель высшей школы: онъ не щеголялъ своею безнравственною связью, не пускалъ пыль въ глаза экипажами и нарядами своей возлюбленной, не показывался вмѣстѣ съ нею на публичныхъ гуляньяхъ, какъ это дѣлаютъ тѣ, которые считаютъ себя безукоризненными джентльменами. Викторъ Александрычъ могъ и въ этомъ служить образцомъ для многихъ великосвѣтскихъ господъ съ громкими именами.

Карьера Виктора Александрыча быстро двигалась впередъ. Онъ уже имѣлъ значительное званіе. Черезъ четыре года послѣ своей женитьбы, онъ переѣхалъ въ свой новый домъ и открылъ свои великолѣпные салоны. Онъ давалъ роскошные, тонкіе обѣды и блистательные вечера, на которые съѣзжалось самое избранное общество, начиная съ княгини Анны Васильевны.

Княгиня, смотря однажды на хозяйку дома, которая съ необыкновенною привѣтливостью и любезностью, соединенною съ достоинствомъ, принимала своихъ блестящихъ гостей, подозвала ее къ себѣ.

— Ну, Lise, признаюсь тебѣ, сказала она: — я не узнаю тебя. Ты переродилась. Поздравляю тебя. Я любуюсь тобой, мой другъ. Вотъ что значитъ имѣть такого мужа, какъ ты. Ты должна умѣть цѣнить его.

Старушка понюхала табаку и продолжала:

— Немногимъ выпадаетъ на долю такое счастье, какъ тебѣ.... очень немногимъ....

Старушка при этомъ покачала значительно головой, которая у нея и безъ того качалась отъ старости.

— Чувствуешь ли ты это.... а?... Ну, скажи мнѣ, мой другъ, вѣдь правда.... ты очень счастлива? прибавила она, улыбаясь.

— Очень, отвѣчала Лизавета Васильевна съ спокойнымъ достоинствомъ и съ холодною улыбкою, — и въ ту же минуту обратилась къ только-что вошедшему въ комнату какому-то старому военному генералу, съ грудью, украшенною орденами и звѣздами.

V.

Въ одно утро, Викторъ Александрычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ въ особенно пріятномъ расположеніи духа. Онъ выпускалъ изо рта благовонный дымъ гаванской сигары, слѣдилъ за синеватою струйкою дыма и съ пріятностью потягивался въ своихъ креслахъ. Душевное спокойствіе его было такъ полно, что оно придавало въ эту минуту его лицу, обыкновенно строгому и даже нѣсколько суровому, совершенно несвойственное ему выраженіе, мягкое и кроткое. Онъ былъ доволенъ всѣмъ — своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, своею служебною карьерою, своимъ здоровьемъ, своимъ аппетитомъ, своими доходами, своимъ новымъ домомъ, своимъ выигрышемъ (онъ наканунѣ выигралъ въ Англійскомъ клубѣ 8,000 руб.), своей женою и, можетъ быть, Дарьею Васильевною, если допустить городскія сплетни....

Но такъ-какъ самый счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, которому, повидимому, не остается уже ничего желать, все еще непремѣнно желаетъ чего-нибудь,—то и Викторъ Александрычъ, несмотря на свое совершенное довольство, желалъ получить одно довольно видное мѣсто, которое ему было обѣщано.

Въ ту самую минуту, когда онъ погрузился въ размышленія объ этомъ мѣстѣ, передъ нимъ вдругъ какъ-будто выскочилъ изъ-подъ пола ливрейный лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежало письмо. Шаговъ лакея нельзя было слышать на мягкомъ и толстомъ коврѣ. Лакей стоялъ нѣсколько минутъ незамѣчаемый Викторомъ Александрычемъ и наконецъ рѣшился слегка кашлянуть. Викторъ Александрычъ сдѣлалъ движеніе головою, при чемъ кроткое выраженіе его лица мгновенно исчезло и приняло свое обычное, строгое достоинство.

Онъ молча взялъ письмо съ подноса и сдѣлалъ движеніе головою. Лакей вышелъ. Викторъ Александрычъ взглянулъ на конвертъ.... На немъ былъ штемпель городской почты, почеркъ женскій и какъ-будто знакомый ему; онъ оборотилъ письмо и посмотрѣлъ на печать: на сургучѣ

была одна буква Б. «Что это такое? Откуда это?» подумалъ Викторъ Александрычъ. Онъ надломилъ печать, вынулъ письмо не безъ любопытства (оно было писано по-французски), и началъ читать:

«Я долго не рѣшалась писать къ тебѣ,—впродолженіе двухъ мѣсяцевъ, каждый день я бралась за перо и бросала его, и только страхъ голодной смерти заставляетъ меня прибѣгать къ тебѣ....»

Викторъ Александрычъ поблѣднѣлъ немного и, остановившись на этихъ первыхъ строкахъ, взглянулъ на подпись. Письмо было отъ его сестры. Брови его невольно надвинулись на глаза. Онъ продолжалъ читать:

«Страхъ смерти! когда я сознаю, что мнѣ ничего не остается, кромѣ смерти, но слабая человѣческая природа подвержена такимъ страннымъ противорѣчіямъ.... Я хочу умереть, я знаю, что умру скоро и, между-тѣмъ, боюсь голодной смерти.... Я чувствую, что я унижаюсь, прося милостыни и подаянія, и въ то же время упрекаю себя за гордость и утѣшаю себя мыслью, что прошу не у посторонняго, а у брата.... Ты все-таки братъ мнѣ и, несмотря на бездну, которая насъ раздѣляетъ теперь, несмотря на то, что ты совсѣмъ бросилъ меня, забылъ обо мнѣ, несмотря на то, что между нами нѣтъ ничего общаго, я все-таки люблю тебя, какъ брата. Этой любви, о которой ты вѣрно не заботишься, ничто не могло искоренить во мнѣ.... Но я люблю тебя не въ теперешнемъ твоемъ богатствѣ и блескѣ.... Мы теперь и не узнали бы другъ друга при встрѣчѣ.... сколько лѣтъ мы не видались!... Ты мнѣ все представляешься тѣмъ Викторомъ, съ которымъ мы выросли вмѣстѣ, съ которымъ мы играли въ куклы.... Я люблю въ тебѣ прежняго Виктора, моего маленькаго брата.... Но, можетъ-быть, въ тебѣ изгладились всѣ воспоминанія прошедшаго и я тревожу твое счастье, твое спокойствіе напоминаніемъ о себѣ. Прости мнѣ!... Я чувствую, что мнѣ не слѣдовало бы писать къ тебѣ. Я знаю, что богатые не любятъ докучливости бѣдныхъ... Ты можешь мнѣ сказать, что я терплю должное наказаніе за мой поступокъ и что я не заслуживаю состраданія. Ты можешь подумать, что я вижу теперь безразсудность этого

поступка и раскаяваюсь въ немъ.... О, нѣтъ.... нѣтъ! Клянусь тебѣ, я не могу раскаяваться, я была счастлива на столько, на сколько можетъ быть счастлива женщина, любимая благороднымъ, прекраснымъ человѣкомъ, который дѣлалъ все, что только можетъ дѣлать человѣкъ для доставленія ей довольства и спокойствія. При немъ я ни въ чемъ не нуждалась. Онъ жилъ мной и трудился для меня. Я гордилась его любовью, я была счастлива такъ, какъ можетъ быть счастлива женщина, — я повторяю тебѣ.... Два года, какъ его ужъ нѣтъ. Можетъ-быть, отнимая его у меня, Богъ наказывалъ меня за то, что я вышла замужъ безъ благословенія отца и матери.... Можетъ-быть, я не знаю этого. — я знаю только, что я страдаю, и съ терпѣніемъ, какое только можетъ имѣть слабая женщина, переносила до сей минуты это наказаніе. До-сихъ-поръ я не прибѣгала ни къ чьей помощи. Я молча несла свою нищету до послѣдней возможности. Мужъ мой не могъ мнѣ оставить ничего, потому-что у него ничего не было; то, что онъ пріобрѣталъ, доставало намъ только для безбѣдной жизни. Послѣ его смерти, я кое-какъ поддерживала себя своей работой и тѣмъ, что продавала кое-какія вещи, оставшіяся отъ нашего прежняго хозяйства.... въ сію минуту мнѣ уже продавать нечего, я такъ слаба и больна, что не могу работать, а умереть голодною смертью все-таки страшно!... Спаси меня и помоги мнѣ, если не изъ состраданія къ бѣдной сестрѣ, то изъ чувства христіанскаго состраданія. Мнѣ остается не долго жить, — я больна.... Если бы не моя болѣзнь, которая лишила меня возможности работать, я не прибѣгала бы къ помощи.... Но что же мнѣ дѣлать?—я не знаю.... Я еще что-то хотѣла сказать тебѣ, но я не могу, я ничего не помню.... мысли мои путаются, голова моя такъ слаба! О, если бы ты зналъ, чего мнѣ стоило написать это письмо и чего мнѣ стоило рѣшиться послать его къ тебѣ....»

Въ концѣ письма былъ адресъ.

Прочитавъ письмо, Викторъ Александрычъ опустилъ голову, которую, какъ извѣстно, онъ всегда держалъ прямо, и задумался.

Черезъ минуту онъ всталъ, подошелъ къ своему письмен-

ному столу, выписалъ адресъ изъ письма, а письмо бросилъ въ топившійся каминъ и дернулъ за звонокъ.

— Послать ко мнѣ сейчасъ Подберезскаго, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ четверть часа г. Подберезскій явился.

Это былъ бѣлокурый молодой человѣкъ, съ румянцемъ на щекахъ, съ маленькими глазами, съ сладкой улыбкой и съ подобострастными ужимками. Онъ вошелъ въ комнату съ такою осторожностью, какъ-будто полъ былъ подъ нимъ хрустальный.

— Любезный Викентій Станиславичъ, сказалъ Викторъ Александрычъ своему секретарю, который въ знакъ глубочайшаго вниманія почтительно вытянулъ шею нѣсколько впередъ и сжалъ губы:—вотъ вамъ адресъ одной дамы, которой нужна скорая помощь. Поѣзжайте къ ней сейчасъ и отвезите ей пятьсотъ рублей; кромѣ того, распорядитесь, чтобы каждый мѣсяцъ ей выдавали по полутораста рублей. Вы не должны говорить ей, отъ кого эти деньги и не должны упоминать при ней моего имени. Вы, просто, отдайте ей деньги, не вступая ни въ какія объясненія. Вообще, я васъ прошу, чтобы это было между нами. Слышите?

При этихъ словахъ Викентій Станиславичъ опустилъ вѣки, раскрылъ ротъ, какъ-будто хотѣлъ что-то произнести, но не произнесъ ничего, а только приложилъ руку къ сердцу.

— Поѣзжайте сейчасъ, прибавилъ Викторъ Александрычъ.

— Слушаю-съ. Я сейчасъ же это съ точностью исполню, произнесъ секретарь тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ, поклонился и вышелъ изъ кабинета своего принципала съ такою же почтительною осторожностью, съ какою вошелъ.

Черезъ часъ Викентій Станиславичъ возвратился и доложилъ, что отвезъ деньги.

— Вы не говорили, отъ кого? спросилъ Викторъ Александрычъ.

— О, нѣтъ, помилуйте! я буквально исполнилъ ваше приказаніе...

— Вы ее видѣли? отдали ей самой эти деньги?

— Я все исполнилъ такъ, какъ вы приказали, въ точности... Она спросила, отъ кого, но я сказалъ ей такъ глухо, что отъ неизвѣстнаго благотворителя...

— Ну, хорошо, хорошо! нетерпѣливо перебилъ Викторъ Александрычъ, останавливая дальнѣйшія объясненія своего секретаря.

Виктора Александрыча безпокоила нѣсколько мысль, чтобы секретарь не узналъ какимъ-нибудь образомъ о томъ, какія отношенія связываютъ его съ этою дамою, и когда секретарь явился къ нему съ отвѣтомъ, онъ посмотрѣлъ на него пытливымъ взглядомъ; но въ лицѣ Викентія Станиславича было столько простодушія и тупоумной подчиненности, что Викторъ Александрычъ совершенно успокоился; а между-тѣмъ Викентій Станиславичъ тотчасъ же все разузналъ въ подробности, и думалъ, смѣясь внутренно и глядя на своего принципала: «ну ты, конечно, хитеръ, но я все-таки буду похитрѣе тебя!»

Обезпечивъ существованіе Софьи Александровны, по чувству долга, Викторъ Александрычъ успокоилъ свою совѣсть, и думалъ, что этимъ онъ совершенно отдѣлался отъ своей сестры, какъ вдругъ былъ встревоженъ новымъ письмомъ отъ нея — мѣсяца черезъ четыре послѣ перваго. Въ этотъ разъ онъ не хотѣлъ безпокоить себя непріятнымъ впечатлѣніемъ и, не распечатывая, бросилъ его на столъ.

Софья Александровна начинала нарушать гармоническое настроеніе духа Виктора Александрыча. При мысли, что какимъ-нибудь образомъ дойдутъ до свѣта слухи о томъ, что его сестра содержала себя трудами рукъ своихъ, какъ какая-нибудь швея, что она жила въ нищетѣ,— холодный потъ выступалъ на его лбу.

Безпокойство его продолжалось, впрочемъ, недолго, потому-что черезъ недѣлю послѣ непрочитаннаго имъ письма г. Подберезскій, являвшійся къ нему каждое утро за приказаніями, доложилъ ему, что дама, пользовавшаяся его благотворительностью, та самая, которой, по его приказанію, выдавалось по полутораста рублей въ мѣсяцъ, въ эту ночь скончалась, что онъ утромъ былъ у нея для

того, чтобы отвезти ей слѣдуемыя деньги, и засталъ ее уже на столѣ.

Г. Подберезскій произнесъ это съ почтительною осторожностью, съ потупленными глазами, съ печальнымъ выраженіемъ, и прибавилъ со вздохомъ, что эта дама была очень нездорова послѣднее время.

Викторъ Александрычъ выслушалъ своего секретаря такъ хладнокровно и спокойно, какъ-будто онъ донесъ ему о самомъ обыкновенномъ вседневномъ происшествіи, несмотря на то, что внутренно былъ сильно взволнованъ двумя совершенно противоположными ощущеніями: смерть эта пробудила въ немъ что-то похожее на участіе къ бѣдной женщинѣ, такъ много страдавшей, и въ то же время ему было какъ-будто пріятно, что всѣ его безпокойства и опасенія уничтожаются этою смертью.

— Очень жаль, сказалъ Викторъ Александрычъ своему секретарю голосомъ спокойнымъ: — я васъ прошу распорядиться насчетъ ея похоронъ... Я желаю, чтобы все было устроено прилично и чтобы на могилѣ былъ поставленъ памятникъ. Эти дни вы можете отложить всѣ другія дѣла и заняться этимъ. Я васъ не удерживаю. Вамъ сейчасъ же надобно отправиться туда.

Секретарь еще разъ вздохнулъ, поклонился и вышелъ.

Оставшись одинъ, Викторъ Александрычъ вспомнилъ о письмѣ къ нему сестры и распечаталъ его. Въ немъ заключалась послѣдняя ея просьба пріѣхать къ ней проститься.

Викторъ Александрычъ не сжегъ этого письма, онъ положилъ его въ тотъ ящикъ стола, гдѣ хранились самыя важныя его бумаги. Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ облокотившись на столъ.

«Да проститъ ее Богъ, какъ я ее прощаю! — подумалъ онъ. — Она искупила своими страданіями свой проступокъ. Ей ничего не оставалось, кромѣ смерти, потому-что она избавила ее отъ укоровъ совѣсти и прекратила ея страданія.»

И Викторъ Александрычъ при этомъ перекрестился...

Печальное извѣстіе это не помѣшало однако обыкновеннымъ занятіямъ Виктора Александрыча. Въ этотъ день

онъ, напротивъ, обнаружилъ бо́льшую дѣятельность: — утромъ былъ въ министерствѣ, передъ обѣдомъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, а вечеромъ появился вмѣстѣ съ своей супругой въ своей ложѣ въ оперѣ. Онъ казался въ этотъ день еще торжественнѣе обыкновеннаго, какъ-будто боясь, чтобы кто-нибудь не открылъ его семейную тайну и не проникъ въ его сокровенныя мысли.

На слѣдующее утро онъ проснулся ранѣе обыкновеннаго, не могъ заниматься ничѣмъ и до девяти часовъ вечера не выѣзжалъ никуда. Несмотря на все его умѣнье скрывать свои внутреннія ощущенія, можно было замѣтить, что его нѣсколько тревожитъ что-то, но этого никто не замѣтилъ, кромѣ г-на Подберезскаго.

Въ девять часовъ онъ сѣлъ въ свои сани и приказалъ кучеру ѣхать на Пески, къ церкви Рождества. Близъ Рождественской церкви, на углу одной изъ улицъ этого глухаго и бѣднаго квартала, онъ приказалъ кучеру остановиться у будки и спросилъ у часоваго, гдѣ домъ Савельева.

— Вонъ маленькій такой деревянный домишка, за фонаремъ-то, отвѣчалъ часовой: — второй будетъ отъ угла, и указалъ алебардою въ ту сторону, гдѣ находился домъ.

Было темно, рѣдкіе фонари на улицѣ не освѣщали ее, а только едва мерцали, распространяя кругомъ себя печальный, красноватый блескъ; начиналъ падать снѣгъ большими и мокрыми хлопьями.

Кучеръ остановился у домика, на который показалъ часовой. Викторъ Александрычъ вышелъ изъ саней, споткнулся о деревянные мостки, которые покоробило въ этомъ мѣстѣ, и чуть не упалъ. Онъ открылъ калитку, наклонился и вошелъ въ нее, едва отыскавъ въ темнотѣ крылечко дома, и постучался въ дверь. — Дверь отворилась. Передъ нимъ, съ сальной свѣчкой въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, явилась старуха съ заплаканными глазами.

— Кого вамъ? спросила она.

— Я хочу проститься съ покойницей, сказалъ Викторъ Александрычъ, всунувъ въ руку старухи два золотыхъ.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и пропустила его. Онъ сбросилъ съ себя шинель и спросилъ, куда идти.

— Вотъ сюда, сюда, батюшка, сказала старуха, указывая ему дорогу.—Сюда пожалуйте. И, качая головой и всхлипывая, заговорила о томъ, какъ бѣдная барыня страдала, какъ она неслышно заснула, какъ праведница, и какъ она ей, голубушкѣ, закрыла глазки....

Она провела его черезъ узенькій корридоръ и отворила дверь комнатки, въ которой лежала Софья Александровна.

Онъ переступилъ порогъ и остановился, опустивъ голову и закрывъ глаза, какъ-будто не рѣшаясь вдругъ взглянуть на лицо умершей.

Небольшой катафалкъ, обтянутый чернымъ истертымъ сукномъ, закапаннымъ воскомъ, стоялъ поперегъ бѣдно убранной, но чистой комнатки, въ переднемъ ея углу. Свѣчи въ большихъ церковныхъ подсвѣчникахъ, обтянутыхъ флеромъ, довольно ярко освѣщали комнатку. Старичекъ-чтецъ въ очкахъ читалъ псалтирь звучнымъ, внятнымъ голосомъ, нараспѣвъ, и эти звуки, печально и торжественно раздаваясь въ тишинѣ, производили глубокое, потрясающее дѣйствіе.

Когда Викторъ Александрычъ вошелъ въ комнату, старичекъ-чтецъ на минуту остановился, снялъ свои очки, протеръ ихъ, снова надѣлъ, взглянулъ на него — и скорбные звуки раздались снова. Онъ читалъ:

«Что хвалишися во злобѣ силне, беззаконіе весь день, неправду умысли языкъ твой: яко бритву изощрену сотворилъ еси лесть. Возлюбилъ еси злобу паче благостыни, неправду, неже глаголати правду. Возлюбилъ еси вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ. Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца: восторгнетъ тя и переселитъ тя отъ селенія твоего, и корень твой отъ земли живыхъ. Узрятъ праведніи, и убоятся, и о немъ возсмѣются, и рекутъ: се человѣкъ, иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею....» (Псаломъ 51, ст. 1—9).

Викторъ Александрычъ пріѣхалъ поклониться тѣлу

сестры, примириться съ ея прахомъ, проститься съ ней и простить ее. Это была, по его мнѣнію, христіанская обязанность, и онъ былъ очень доволенъ, выполняя ее, и придавалъ своему поступку большую цѣну. Всю дорогу онъ былъ спокоенъ — и только ощутилъ небольшое внутреннее волненіе, подъѣзжая къ домику, гдѣ жила она. Но когда онъ переступилъ за порогъ его, когда онъ увидѣлъ бѣдность лицомъ къ лицу, когда онъ подумалъ, что въ этой гнили, сырости и нищетѣ жила его сестра, онъ почувствовалъ такое тяжелое, болѣзненное ощущеніе, котораго никогда въ жизни не испытывалъ. Подавляемыя и забитыя великосвѣтскою, высшею школою, утонченною comme il faut'ностью, тщеславіемъ, эгоизмомъ и суетностью, его совѣсть и человѣческое чувство вдругъ съ воплемъ вырвались на свободу и заговорили въ немъ такъ громко, что потрясли на минуту до основанія все существо его. Торжественныя слова святой книги, поразившія слухъ его: *Се человѣкъ иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего и возможе суетою своею*, — показались ему голосомъ свыше, осуждавшимъ его. Онъ почувстовалъ, что голова его кружится, что туманъ застилаетъ его глаза, еще минута и онъ упалъ бы безъ чувствъ, но вдругъ слезы потокомъ хлынули изъ глазъ его; онъ зарыдалъ и закрылъ лицо руками.... Груди его стало легче, онъ вздохнулъ свободнѣе, сдѣлалъ робко нѣсколько шаговъ впередъ и, еще все не смѣя взглянуть на ту, которая лежала въ гробу, упалъ на колѣни передъ гробомъ и смиренно приникъ головою къ ступенямъ катафалка.... Это былъ ужъ не человѣкъ, *пришедшій прощать, а просившій о прощеніи*. Онъ взошелъ на ступеньки катафалка и взглянулъ на усопшую. На ея исхудаломъ и осунувшемся лицѣ было выраженіе полнаго спокойствія и какъ-будто улыбка на губахъ. Онъ склонился головой къ ея холодному лицу, поцѣловалъ его, сошелъ со ступенекъ, опять сталъ на колѣни, помолился, всталъ и быстро вышелъ изъ комнаты....

Онъ не помнилъ, какъ вышелъ на улицу и какъ сѣлъ въ сани, и когда кучеръ подвезъ его къ дому, спросилъ:

— Зачѣмъ ты остановился?

— Вы приказали ѣхать домой, отвѣчалъ кучеръ.

Тутъ только Викторъ Александрычъ совершенно пришелъ въ себя, взялъ верхъ надъ собою и принялъ ту гордую и спокойную осанку, которая такъ шла къ нему.

Онъ прошелъ прямо на свою половину, послалъ своего камердинера просить у Лизаветы Васильевны извиненія, что не зашелъ къ ней, потому-что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ; тотчасъ раздѣлся и легъ въ постель. Онъ долго не могъ заснуть и сонъ его былъ безпокоенъ; всю ночь его преслѣдовала сестра. То являлась ему она въ томъ видѣ, какъ была дѣвушкой, съ гладко зачесанными густыми, волнистыми напереди волосами, въ бѣломъ платьѣ; она сидѣла возлѣ него на скамейкѣ въ какомъ-то саду и смотрѣла на него своими блѣднокарими глазами; взглядъ этотъ производилъ на него пріятное и неиспытанное имъ впечатлѣніе, какъ-будто лучи этого взгляда проникали его насквозь, разливали теплоту по всему его тѣлу, заставляли биться его сердце и призывали его къ новой, лучшей жизни, о которой ему никогда не грезилось. То ему казалось, что она въ гробу, и что въ то время, когда онъ подходилъ къ ней и наклонялся, чтобы поцѣловать ее, она приподнималась, обнимала его и такъ крѣпко сжимала въ своихъ холодныхъ объятіяхъ, что онъ задыхался. То она гонялась за нимъ на балѣ, среди великолѣпно разубранной и блестящей толпы, при ослѣпительномъ освѣщеніи, въ лохмотьяхъ и рубищѣ и кричала всѣмъ: «я сестра его!» и онъ не зналъ, куда скрыться отъ нея, и его преслѣдовали всеобщій ропотъ, негодованіе, язвительныя насмѣшки и презрительные взгляды....

Онъ проснулся въ сильномъ волненіи, свѣтъ уже проникалъ сквозь темныя шторы и двойныя занавѣски его спальни, всталъ, выпилъ стаканъ воды и началъ ходить по комнатѣ.

Черезъ часъ онъ совершенно успокоился, пришелъ въ свое нормальное состояніе и никто не замѣтилъ въ лицѣ его ни малѣйшей перемѣны. Онъ упрекалъ себя за непростительную слабость и употребилъ всѣ усилія, чтобы задушить въ себѣ окончательно человѣческое чувство, которое такъ неожиданно и дерзко обезпокоило его наканунѣ...

Онъ не поѣхалъ на похороны сестры. За ея гробомъ шли до кладбища нѣсколько старушонокъ и женщинъ изъ того околодка, гдѣ она жила, и сзади въ каретѣ ѣхалъ г. Подберезскій.

Спустя два дня послѣ этихъ похоронъ, Викторъ Александрычъ былъ на одномъ раутѣ. Онъ встрѣтилъ тамъ своего главнаго начальника, который поздравилъ его съ полученіемъ того мѣста, о которомъ онъ такъ мечталъ.

Это извѣстіе окончательно изгладило всѣ непріятныя впечатлѣнія Виктора Александрыча.

О новомъ его назначеніи только съ мѣсяцъ назадъ тому было напечатано въ газетахъ—и потому мнѣ ничего не остается сказать болѣе.

ПАРИЖСКІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

«Sans danser peut-on vivre un jour?
Du Parisien c'est la devise».

I.

На другой день по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ, въ ожиданіи обѣда у Вери, я гулялъ въ Пале-Роялѣ. Утро было теплое. Солнце свѣтило ярко. Лужайки сада, несмотря на позднюю осень, сохраняли свой изумрудный блескъ. Фонтанъ билъ со всею силою. Около бассейна фонтана толпами бѣгали, играли и рѣзвились дѣти очень граціозныя и ловкія. Ихъ няньки были одѣты чисто и со вкусомъ и обращались съ дѣтьми кротко и внимательно. Глядя на этихъ дѣтей и на этихъ нянекъ, я вспомнилъ, не знаю почему-то, другихъ дѣтей и другихъ нянекъ, не зараженныхъ тлетворнымъ дыханіемъ Запада, которыя, утирая грязными лапами носики своихъ питомцевъ, приговариваютъ обыкновенно съ сердцемъ: «Ахъ, ты сопливый этакой чертенокъ, прости Господи!» или что-нибудь въ родѣ этого. И еще вспомнилъ я.... Но здѣсь, я думаю, вовсе некстати передавать то, о чемъ припоминалъ я въ эту минуту.... У кафѐ, извѣстной подъ именемъ *Ротонды*, на плетеныхъ,

соломенныхъ стульяхъ сидѣло нѣсколько господъ съ сигарами въ зубахъ и съ огромными листами газетъ въ рукахъ. Въ галереяхъ была давка. Всѣ эти рестораны, блистающіе бронзою и зеркалами (а ихъ до тридцати, если не болѣе, въ одномъ Пале-Роялѣ) были полны народомъ. *Гарсоны* (неимѣющіе, впрочемъ, ничего общаго съ нашими Фильками и Васьками), въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, галстухахъ, манишкахъ и фартукахъ и въ черныхъ курткахъ, перебѣгали отъ одного посѣтителя къ другому съ криками: «V'la, M'sieur, v'la»—и, что необыкновенно странно,—успѣвали удовлетворять требованіямъ каждаго. Блескъ и изящество живописно развѣшенныхъ и разставленныхъ за зеркальными стеклами товаровъ и особенно дамы, сидѣвшія за конторками, останавливали вниманіе проходящихъ на каждомъ шагу. Длинный хвостъ народа шевелился у входа въ пале-рояльскій театръ, на которомъ въ этотъ вечеръ давали новый водевиль съ *Левассоромъ* и *Ривелемъ*. Повсюду движеніе, какъ у насъ наканунѣ свѣтлаго праздника: повсюду живыя и говорящія лица и ослѣпляющая роскошь, о которой нельзя дать и приблизительнаго понятія тому, кто не бывалъ въ Парижѣ.

Два раза обошелъ я кругомъ галереи и остановился у лавки довольно скромной наружности, неподалеку отъ пале-рояльскаго театра. Надъ входомъ въ эту лавку—простая и короткая надпись: *Change*, да еще другая на стеклѣ: *Exchange-office*, а за зеркальнымъ стекломъ ея колонны серебра, груды золота въ деревянныхъ чашкахъ и во всю длину широкаго окна въ нѣсколько рядовъ пятисотфранковые банковые билеты. У этого соблазнительнаго окна, въ одно время со мною, остановился человѣкъ среднихъ лѣтъ, худой и блѣдный, но съ рѣзкими и благородными чертами лица, съ такими, которыя, если не навсегда, то надолго запечатлѣваются въ памяти. На немъ была синяя изорванная блуза ремесленника. Долго и пристально, съ грустною ироніею, смотрѣлъ онъ на богатства, выставленныя передъ нимъ будто въ насмѣшку, и потомъ съ судорожнымъ движеніемъ надвинулъ на глаза козырекъ своей истасканной фуражки и пустился бѣжать, точно преслѣдуемый кѣмъ-то, махнувъ рукой съ такимъ

отчаяніемъ, котораго передать нѣтъ возможности. Онъ уже исчезъ въ толпѣ, а я все стоялъ еще на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ вслѣдъ ему....

— Боже мой, Боже мой,—кого я вижу! вдругъ раздается голосъ сзади меня...—Какъ я радъ!... Да давно ли вы у насъ здѣсь въ мѣстечкѣ Парижѣ-съ?

Я вздрагиваю при звукахъ роднаго языка и оборачиваюсь назадъ.

Передо мною человѣкъ небольшаго роста съ густой рыжеватой бородой, одѣтый не совсѣмъ ловко, хотя съ большею щеголеватостью.

Я осматриваю его съ ногъ до головы.

Онъ смѣется.

— Вы, вѣрно, не узнаете меня-съ? Немудрено, немудрено-съ. Парижъ хоть кого измѣнитъ. Поживите-ка у насъ, такъ сами увидите.... Ну, очень радъ, очень радъ-съ!

И онъ протягиваетъ ко мнѣ обѣ руки.

Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ встрѣтить на чужбинѣ и еще такъ неожиданно роднаго человѣка и услышать родные звуки. Отъ всего сердца желаю вамъ, дорогой читатель, когда-нибудь испытать это наслажденіе.... Я крѣпко и съ большимъ чувствомъ жалъ руки, протянутыя мнѣ такъ радушно моимъ добрымъ соотечественникомъ.

— Что́, вы все не узнаете меня-съ? продолжаетъ онъ.

— Признаюсь.....

Онъ снова смѣется, дружески треплетъ меня по плечу—и наконецъ произноситъ свое имя, отчество и фамилію.

— Такъ это вы?.... Я такъ давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

— И вотъ гдѣ Богъ привелъ свидѣться-съ... скажите!... Да мы еще, кажется, съ вами земляки-съ... Шарме, шарме...

И онъ опять схватываетъ меня за руку.

Здѣсь, можетъ-быть, не лишнее замѣтить, что этотъ господинъ—отставной кавалеристъ и казанскій помѣщикъ... Въ отечествѣ я видѣлъ его не болѣе десяти разъ и, кажется, раза четыре говорилъ съ нимъ.

— Я никакъ не ожидалъ васъ встрѣтить въ Парижѣ...

Соотечественникъ мой, котораго мы будемъ звать Николаемъ Александрычемъ, немного смущается и обижается отъ моего замѣчанія.

— Почему же-съ? Что жь тутъ удивительнаго-съ... Я полагаю, что я могу путешествовать такъ же, какъ и другіе-съ.

Впрочемъ это у него такъ, мгновенная вспышка. Онъ черезъ минуту дружески беретъ меня подъ руку и увлекаетъ съ собою.

— Я здѣсь совершенно ожилъ-съ, говоритъ онъ мнѣ дорогою: — самъ себя не узнаю, просто.... И это натурально-съ: повсюду, знаете, такія развлеченія... кафѐ, палаты-съ, театры... ну все это вмѣстѣ, знаете-съ.... журналы, и какіе вѣдь журналы-то! какъ пишутъ-то! какимъ слогомъ-то-съ!... Siècle-съ, напримѣръ... вѣдь прелесть что за журналъ!... Утромъ этакъ сядешь и за чашкою кофе читаешь... наслажденіе-съ!

Такимъ-образомъ разговаривая, Николай Александрычъ довелъ меня до cabinet Montpensier. Это въ Парижѣ самый полный и богатый кабинетъ для чтенія. Въ немъ, между прочими рѣдкостями, и наша *Сѣверная Пчела*, но объ этомъ уже, кажется, неоднократно говорилъ Николай Иванычъ Гречь въ своихъ занимательныхъ письмахъ изъ-за границы... Противъ этого кабинета—лавочки съ разными мелкими галантерейными товарами, которые продаются дамами очень галантерейнаго обращенія.

Одна изъ этихъ дамъ съ большою пріятностью улыбнулась и кивнула головкой Николаю Александрычу... Николай Александрычъ не могъ скрыть при этомъ своего удовольствія.

— Видите ли-съ, сказалъ онъ мнѣ: — я ужь здѣсь пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность-съ.... Всѣ эти гризеточки-съ меня знаютъ.... Вотъ одна, что сейчасъ кивнула мнѣ головкой, — это мамзель Эмма-съ.... Плутовочка! большая плутовочка-съ!... Подойдемте къ ней, поговоримте-съ.... Онѣ вѣдь всѣ, я вамъ скажу, прелюбезныя, образованныя такія: какой угодно разговоръ могутъ поддержать-съ.

Мы подходимъ къ прилавку, за которымъ сидитъ мамзель Эмма.

— Бонжуръ, мамзель Эмма! — Николай Александрычъ расшаркнулся передъ нею.

— Bon jour, M'sieur! отвѣчала ему мамзель Эмма скороговоркою.

— А! ву зетъ комъ тужуръ жоли. Это Николай Александрычъ произнесъ нараспѣвъ.

— Est-ce pas?... Ecoutez.... achetez quelque chose....

— Мерси.

— Allons donc! Soyez aimable.

— Гм! А когда же вы, мамзель Эмма, будете со мной любезны?

— Plus tard.... nous verrons.... Мамзель Эмма улыбнулась.

— Охъ ужь мнѣ эти плютаръ!... Знаемъ мы ихъ.... проворчалъ сквозь зубы Николай Александрычъ....

— А кто это такой? воскликнула мамзель Эмма, указывая на меня. — Я въ первый разъ вижу этого господина. Это тоже русскій, вашъ соотечественникъ?

— *Вуй*, — отвѣчалъ ей лаконически Николай Александрычъ.....

Мамзель Эмма взглянула на меня.

— Вы вѣрно не такъ скупы, какъ м'сьё *Эрнестъ?*

— Кто такой?

— М'сьё Эрнестъ.

Мамзель Эмма показала на Николая Александрыча.

Николай Александрычъ отказался въ Парижѣ отъ имени, даннаго ему въ Россіи при святомъ крещеніи, и нарекъ себя Эрнестомъ.

— Купите у меня что-нибудь, продолжала мамзель Эмма:—вотъ эту гребеночку для усовъ или хоть вотъ эту щетку съ зеркаломъ. Она чудесно сдѣлана и стоитъ бездѣлицу,—только 4 франка.... (Щетка стоила, впрочемъ, не болѣе франка)... Вы возьмете ее? Не правда ли?

И мамзель Эмма, не дожидаясь моего отвѣта, завертываетъ щетку въ бумагу, отдаетъ мнѣ и прибавляетъ: «Merci, m'sieur».

Дѣлать нечего,—я плачу ей 4 франка.

Мамзель Эмма обратилась потомъ къ м'сьё Эрнесту, или къ Николаю Александрычу, что одно и то же, съ вопросами:

— А вы будете завтра въ Valentino?... А что, у васъ въ Россіи танцуютъ польку? La polka doit faire le tour du monde! прибавила она съ важностью—и вдругъ вскрикнула:

— Dame! le v'là le mauvais sujet.... Gustave! Gustave!....

Но тотъ, къ кому относились эти возгласы — молодой человѣкъ очень красивой наружности, въ мундирѣ политехнической школы, прошелъ мимо, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мамзель Эмму.

— Кто это такой? спросилъ ее Николай Александрычъ.

— C'est mon cousin Arthure, отвѣчала, нимало не задумавшись, мамзель Эмма.... И такъ завтра въ Valentino?

— О, непремѣнно!...

Николай Александрычъ дружески простился съ мамзель Эммою, пожалъ ей руку, и мы отправились далѣе...

Чрезъ минуту онъ обратился ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня очень сладко и произнесъ:

— Ну не правда ли, премиленькая плутовочка-съ?

II.

Въ Парижѣ множество публичныхъ баловъ и на каждомъ изъ этихъ баловъ, по увѣренію афишъ, собирается l'élite de la fashion.

Самые замѣчательные изъ нихъ: *лѣтніе* — la Grande-Chaumière, продававшаяся за 500,000 фр., Ranelagh, le Château-Rouge и Мабиль (въ Елисейскихъ Поляхъ); *зимніе* — Valentino (въ улицѣ Сент-Оноре) и Прадо (на лѣвой сторонѣ Сены, въ Латинскомъ кварталѣ). Меньшею извѣстностью пользуются залы — d'Antin, Montesquieu и Vivienne. Впрочемъ, во всѣхъ этихъ мѣстахъ танцуютъ до упаду отъ 8 до 12 часовъ ночи, пять дней въ недѣлю. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, зимою 1844 г. въ Парижѣ и около Парижа находилось 427 публичныхъ заведеній: театровъ, бальныхъ залъ и салоновъ у рестора-

торовъ и виноторговцевъ, гдѣ народъ, съ дозволенія правительства, веселился, подъ присмотромъ или муниципальнаго стража, или городскаго сержанта, или жандарма extra muros.

Въ каждомъ изъ этихъ заведеній есть непремѣнно своя героиня, своя царица, своя polkeuse d'honneur. Имена ихъ сдѣлались громкими въ Европѣ. Въ Chaumière пользуются большою славою *Клара* и *Марія*, раздѣлившія публику на два враждующіе лагеря — на Кларинетовъ (Clarinettes) и Маріянетовъ (Marionettes). Мабиль справедливо передъ всѣми гордится знаменитою *Королевою Помаре* (la Reine Pomaré) и ея пріятельницею—Céleste Mogador. Біографія королевы Помаре издана въ Парижѣ въ началѣ 1844 года. Изъ этой біографіи мы узнаемъ, что королева Помаре родилась въ парижскомъ циркѣ отъ бѣдныхъ, но знатныхъ родителей... Родная племянница m-lle Franconi, съ самаго дѣтства дышала она олимпійскою пылью, и еще до-сихъ-поръ сохранилось истинно-олимпійское величіе въ ея манерахъ и въ ея обращеніи съ *полькёрами* (polkeurs). «Mille cornets à piston! говоритъ она имъ, небрежно покуривая сигарку,—vous m'appelez tous Pomaré.... Je suis déjà reine du Ranelagh, princesse de Mabille, du Prado et autres chaumières!»—Longue vie à Pomaré la belle! восклицаютъ въ одинъ голосъ восторженные полькёры,—que son règne soit une polka sans fin! Однако прошлою зимою звѣзда королевы Помаре начала тускнѣть. Соблазненная предложеніями директора пале-рояльскаго театра, она вступила-было на театральные подмостки. Дебютъ ея былъ неудаченъ. Ее проводили со сцены свистками и шиканьемъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ публичныхъ заведеній, гдѣ неограниченно владычествуетъ королева Помаре, какъ напримѣръ Ranelagh и la Grande-Chaumière, существуютъ болѣе полувѣка.

Балъ *Prado*—на томъ мѣстѣ, гдѣ была нѣкогда церковь св. Варѳоломея—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ среднихъ вѣковъ въ Парижѣ...

Valentino — танцовальная зала въ улицѣ Saint-Honoré, хотя основана не болѣе 8 лѣтъ, но пользуется большою

славою. Сюда-то мамзель Эмма пригласила Николая Александрыча.

Я, какъ путешественникъ любознательный и праздный, непремѣнно хотѣлъ видѣть всѣ публичныя парижскія увеселенія, а Николай Александрычъ непремѣнно хотѣлъ въ этомъ случаѣ быть моимъ чичероне, ибо онъ зналъ Парижъ «какъ свои пять пальцевъ-съ», по его собственному выраженію. — И вотъ, въ половинѣ десятаго, мы отправились съ нимъ въ улицу Сент-Оноре и на пути пріобрѣли довольно большой букетъ лиловыхъ фіалокъ за 2 франка.

— Кому же этотъ букетъ предназначается? спросилъ я у моего земляка: — конечно, мамзель Эммѣ?

— Ей, или какой-нибудь другой-съ... Вѣдь она не одна у меня знакомая-съ.

Мы вошли въ залу.

Зала большая, освѣщенная газомъ; кругомъ ея хоры. Танцующіе запросто въ сюртукахъ или въ пальто и въ шляпахъ, нѣкоторыя дамы даже съ муфтами. Полька во всемъ разгарѣ. Мы пробрались впередъ, чтобъ посмотрѣть на полькирующихъ вообще и полюбоваться мамзель Эммою въ особенности. Въ послѣднія 12 лѣтъ, парижане, говорятъ, сдѣлали величайшій прогрессъ въ танцахъ, благодаря генію Вестрисовъ публичныхъ баловъ. Теперь уже, конечно, нельзя упрекнуть парижанъ въ томъ, что они танцуютъ *ходя*, съ небрежнымъ и утомленнымъ видомъ... и теперь, правда, *ходятъ* въ публичныхъ балахъ, — но только по ногамъ любопытныхъ, что я самъ испыталъ, къ величайшему моему прискорбію, потому-что у меня на ногахъ мозоли...

Послѣ польки, въ которой и кавалеры, и дамы предавались вполнѣ своей фантазіи бурной и необузданной, начался кадриль съ легкимъ канканомъ (petit cancan léger).

Не находя мамзель Эммы, Николай Александрычъ въ нетерпѣніи повертывалъ свой букетъ и обнаруживалъ сильное безпокойство; но въ началѣ второй фигуры, онъ вдругъ дернулъ меня за сюртукъ и радостно вскрикнулъ:

— Вотъ она, вотъ она-съ!... смотрите!

— Кто? Королева Помаре?

— Нѣтъ, — Эмма-съ.

— Гдѣ?

— Да вотъ направо-то-съ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ эту минуту мамзель Эмма съ большою легкостью и не безъ граціи, въ зебровомъ crispin, въ чорной бархатной шляпкѣ и съ муфтой, нагнувъ головку, летѣла навстрѣчу своему кавалеру, который, также нагнувъ голову, устремлялся на нее со всею яростью разъяреннаго быка. — Это avant-deux du taureau furieux, замѣтилъ кто-то возлѣ меня.

Эмма и ея кавалеръ тотчасъ были всѣми замѣчены. Рукоплесканія раздались имъ со всѣхъ сторонъ.

Лицо моего Николая Александрыча просвѣтлѣло, какъ-будто эти рукоплесканія относились собственно къ нему.

— Какова Эмма-то-съ! шепнулъ онъ мнѣ въ восторгѣ.

Когда кадриль кончился, онъ подошелъ къ ней и поднесъ ей букетъ, произнеся какой-то комплиментъ, явно вытверженный имъ заранѣе.

Эмма, улыбаясь, взяла букетъ, слегка ударила имъ по лицу Николая Александрыча, объявила, что находитъ его очень любезнымъ и что найдетъ еще любезнѣе, если онъ напоитъ ее чѣмъ-нибудь... хоть шампанскимъ, напримѣръ, потому-что ей ужасно пить хочется.

Николай Александрычъ безпрекословно повиновался, предложилъ мамзель Эммѣ свою руку и полетѣлъ съ нею на хоры, напѣвая что-то неопредѣленное себѣ подъ-носъ. Я послѣдовалъ за ними.

На хорахъ они расположились у столика, возлѣ самыхъ перилъ, чтобъ удобнѣе видѣть танцующихъ. Николай Александрычъ закричалъ торжественно:

— Гарсонъ, une bouteille de champagne!!

При этомъ возгласѣ, мамзель Эмма не безъ гордости подняла голову и не безъ величія посмотрѣла кругомъ себя. — На сосѣднихъ столахъ кавалеры угощали ея пріятельницъ пивомъ и шипучимъ лимонадомъ.

Шампанское принесено. Николай Александрычъ ловко раскупорилъ бутылку и осторожно вынулъ пробку, замѣтивъ мнѣ, что онъ терпѣть не можетъ громогласныхъ

оттычекъ и что такого рода оттычки въ Парижѣ *не приняты*.

Мамзель Эмма залпомъ осушила налитый ей бокалъ, и, вслѣдъ затѣмъ, выпила еще два... Она болтала безъ умолку, критиковала и пародировала танцовавшихъ внизу дамъ и замѣтила, между-прочимъ, что танцуя—elle se livre toujours à toute l'improvisation de son génie и что въ Valentino одна только Pauline можетъ быть ея соперницей.

— Pauline очень мила и умна, продолжала мамзель Эмма, обращаясь ко мнѣ: — считается въ Парижѣ одною изъ лучшихъ полькистокъ. Хотите, я васъ съ нею познакомлю?

Я поблагодарилъ мамзель Эмму за ея участіе и вниманіе ко мнѣ.

— Вотъ она, — посмотрите, — танцуетъ съ Анатолемъ... съ этимъ высокимъ и курносымъ господиномъ съ усами... О! Анатоль славный танцоръ!

Я привсталъ, чтобъ посмотрѣть на мамзель Полину.

Въ это самое мгновеніе курносый господинъ, дѣлая en avant-deux, обнялъ ее, а она прижала его къ своему сердцу.

— Bravo! вскрикнула мамзель Эмма: — c'est galant, c'est de bon goût, c'est vraiment frrrançais!

Выпивъ еще бокала два, она встрепенулась при звукахъ галопа, говоря, что никакъ не можетъ равнодушно сидѣть на стулѣ, когда другіе галопируютъ, и съ этими словами бросилась внизъ.

— Что за дѣвочка! что за живчикъ-съ!.. сказалъ Николай Александрычъ, провожая ее глазами. — Ахъ, эти француженки!... Выпьемте-съ ей-Богу еще бутылочку шампанскаго... Эхъ, куда ни шло!

И, не дожидаясь моего отвѣта, онъ велѣлъ подать другую бутылку. Поливая, онъ описывалъ мнѣ прелести парижской жизни, а я, слушая его, смотрѣлъ на танцующихъ.

Поодаль отъ этой скакавшей и прыгавшей толпы, только два человѣка, съ видомъ апатическимъ, недвижно стояли, прислонясь къ столбамъ, вполнѣ сохраняя строгую важность своего сана. То были муниципальные стражи,

наблюдающіе за 25 су въ ночь надъ общественнымъ порядкомъ и нравственностью.

Только слишкомъ энергическіе и слишкомъ увлекающіеся танцоры тревожатъ иногда этихъ почтенныхъ людей. И въ такихъ случаяхъ, выходя изъ обычной своей недвижности, они чрезвычайно вѣжливо подходятъ къ нарушителямъ приличія *) и напоминаютъ имъ объ одномъ очень замысловатомъ правительственномъ инструментѣ, называемомъ *скрипкою* (le violon) **).

До 2 часовъ, то-есть до окончанія бала, мамзель Эмма танцовала безъ отдыха.

— Что, вы не устали? спросилъ я ее.

— M'sieur, отвѣчала мнѣ съ достоинствомъ мамзель Эмма: — je suis encore capable de faire le tour du champ-de-Mars en cinq minutes, et de gagner le prix royal, si ce genre de course était encouragé par le gouvernement.

За симъ Николай Александрычъ попросилъ позволенія у мамзель Эммы проводить ее до дома. Она очень охотно приняла его предложеніе, а такъ-какъ идти съ ними мнѣ было по пути, то мы отправились всѣ вмѣстѣ пѣшкомъ, потому-что не нашли ни одного фіакра.

Въ первомъ часу, когда спектакли и публичные балы оканчиваются, неугомонный Парижъ успокоивается. Рестораны и кафé запираются. Стукъ и громъ экипажей смолкаютъ, и повсюду, даже на самыхъ главныхъ улицахъ, водворяется такая мертвая тишина, какъ въ Москвѣ въ 10 часовъ вечера.

Мы шли, не встрѣчая ни одного человѣка. Мамзель Эмма подъ ручку съ Николаемъ Александрычемъ; я сзади нихъ, потому-что тротуары въ Парижѣ очень узки.

Вдругъ мамзель Эммѣ пришла охота обучать Николая Александрыча полькѣ. Она заставила его обвить свою талію и пустилась съ нимъ полькировать по грязнымъ плитамъ. Николай Александрычъ поскользнулся, едва не упалъ и не уронилъ свою даму. Неловкость моего соотечествен-

*) Полиція въ Парижѣ строга и дѣятельна, но вмѣстѣ съ этимъ чрезвычайно вѣжлива съ людьми всѣхъ классовъ, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ.

**) Арестъ.

ника забавляла мамзель Эмму и она отъ всего сердца и во все горло хохотала надъ нимъ.

На углу улицы Ришльё я простился съ моими спутниками. Мамзель Эмма дружески протянула мнѣ руку и произнесла съ комическою важностью:

— Recevez mes adieux, mon cher m'sieur....

Они повернули направо, я налѣво. На поворотѣ она громко запѣла:

Deux fois elle eut équipage,
Dentelles et diamants,
Et deux fois mit tout en gage
. . . . . .
Larifla! fla! fla! larifla! fla! fla!

И долго голосъ ея, впрочемъ очень пріятный, раздавался въ пустынной улицѣ, замирая въ отдаленіи.

III.

Николай Александрычъ посѣщалъ меня довольно часто. Не знаю почему, я пріобрѣлъ его расположеніе и вслѣдствіе того откровенность. Однажды, какъ-то къ случаю, онъ разсказалъ мнѣ о своей прошедшей жизни: о суровости нрава своего покойнаго родителя, державшаго его при себѣ въ деревнѣ лѣтъ до семнадцати; о плеткѣ, съ которою старичокъ его никогда не разставался, и грозя которой, онъ обыкновенно приговаривалъ: «Вотъ, братецъ ты мой, самый лучшій учитель для мальчика. Я это испыталъ на самомъ себѣ. Эта плетка у насъ переходила изъ рода въ родъ—и ей-то именно я и обязанъ тѣмъ, что сдѣлался *человѣкомъ*»; о неукротимомъ жеребцѣ Полканѣ, на котораго родитель впервые посадилъ его—двѣнадцатилѣтняго ребенка, дрожащаго отъ страха и плачущаго; о томъ, какъ Полканъ понесъ его; какъ полумертвый ухватился онъ ручонками за гриву коня, и какъ родитель, глядя на него, кричалъ, надрываясь отъ смѣха: «Ничего, братецъ ты мой, ничего; не бойся! Полканъ мой выбьетъ изъ тебя бабій духъ; онъ сдѣлаетъ изъ тебя *человѣка*».

Николай Александрычъ сообщилъ мнѣ много также

любопытнаго о разстригѣ, который обучалъ его грамотѣ и пилъ ерофеичъ съ его почтеннымъ родителемъ, и еще кое-о-чемъ не менѣе любопытномъ.

— Лѣтъ десять, говорилъ онъ мнѣ: — прослужилъ я въ конницѣ и чего только не натерпѣлся въ это время-съ, особенно при жизни отца. Какъ я перебивался-съ, право, и до-сихъ-поръ понять не могу. Я всего получалъ только отъ него 400 рублей въ годъ на содержаніе.... Вѣрите ли вы этому-съ?... Ну, правда, послѣ его смерти я поотдохнулъ и пожилъ-таки изрядно — и, слава Богу, вотъ вышелъ въ отставку съ чиномъ ротмистра.

Николай Александрычъ улыбнулся.

— До майора, признаться, я не хотѣлъ добираться. И служба, знаете, понаскучила-съ, да и чинъ майорскій какъ-то не нравится прекрасному полу-съ.... Дѣвицы и дамы-съ всегда воображаютъ почему-то майора съ брюшкомъ-съ, съ шляпой на затылкѣ-съ.... А я, нечего грѣха таить-съ, всегда былъ немножко падокъ къ прекрасному полу. Въ отставкѣ случай свелъ меня съ людьми учеными и образованными-съ. Какъ я посмотрѣлъ на нихъ, да послушалъ ихъ-съ, такъ мнѣ ей-Богу совѣстно стало за самого себя-съ.... У меня тутъ только открылись глаза-съ. Принялся было читать.... да нѣтъ, — чувствовалъ, что поздненько хватился.... однако всетаки кое-чему понаучился-съ. Въ деревнѣ я больше охотой занимался, да все было что-то скучно-съ. Одинъ сосѣдъ мой—человѣкъ образованный и богатый, отправлялся за границу-съ. А у меня всегда была какъ-то страстишка посмотрѣть на Божій свѣтъ, да и себя показать. Я подумалъ-подумалъ, заложилъ имѣніе, да и махнулъ сюда-съ. Теперь я такъ привыкъ къ здѣшней жизни-съ, что, право, часто мнѣ приходитъ въ голову: ужъ не напрасно ли я пріѣхалъ сюда?.. Что же я буду дѣлать-съ, возвратясь къ себѣ въ Кобелевку-съ? Ужъ лучше бы я, право, и понятія не имѣлъ объ этой жизни.... Все легче бы было.

Николай Александрычъ задумался и прошелся по комнатѣ.

— А вѣдь и то сказать-съ, и здѣсь-то я что такое, при чемъ я? Конечно, что я ожилъ здѣсь, ну, просто,

воскресъ... объ этомъ что и говорить: но, признаться, и здѣсь на меня изрѣдка находитъ этакая, какъ бы вамъ сказать, хандра-съ.... Ахъ!

Николай Александрычъ махнулъ рукой, и мнѣ даже показалось, что глаза его сдѣлались влажны.

— Все какъ-то тяжело-съ, пусто-съ, чего-то не достаетъ. Пробовалъ я ходить и въ Сорбону, и въ Collége de France.... Оно, конечно, любопытно-съ.... Ну да и профессора-то здѣсь, вы сами знаете, безподобнѣйшіе профессора-съ.... Ясно, отчетисто все это такъ читаютъ-съ, съ жаромъ съ такимъ-съ.... Да учиться-то мнѣ ужь лѣта прошли-съ....

Николай Александрычъ покачалъ головою.

— Собственно мнѣ и здѣсь-то дѣлать нѣчего!

Онъ бросился на кресло, облокотился о ручку и нѣсколько минутъ молча пробылъ въ этомъ положеніи.

— На что моя жизнь? Кому она полезна? Ни себѣ ни другимъ... Эхъ! да что впрочемъ думать объ этомъ-съ... Вѣдь ничего новаго не выдумаешь-съ... Поговоримте-ка лучше объ Эммѣ-съ....

Мамзель Эмма очень нравилась Николаю Александрычу, а мамзель Эммѣ очень нравились завтраки Николая Александрыча, и потому она посѣщала его каждое утро. Она влетала къ нему въ комнату всегда беззаботная и веселая, съ пѣснею на устахъ, бросала муфту и шляпку на диванъ, придвигала кресла къ камину и, приподнявъ платьице, начинала обыкновенно грѣть ножки у камина. Ножки у мамзель Эммы были маленькія и всегда, какъ у всѣхъ парижанокъ, прекрасно обутыя. И несмотря на то, что мамзель Эмма большею частію ходила пѣшкомъ, на ея черныхъ прюнелевыхъ ботинкахъ, съ кончикомъ изъ лакированной кожи, никогда не было ни одной брызги грязи.

Николай Александрычъ, глядя на эти грѣвшіяся у камина ножки, умилительно покачивалъ головою и говорилъ своимъ пріятелямъ:

— Экая ножка-то-съ, посмотрите, ради Бога! Вѣдь вотъ чѣмъ хорошъ этотъ проклятый Парижъ, вѣдь вотъ

отчего нигдѣ нельзя жить, кромѣ Парижа-съ.... Нѣтъ, лучше бы я не пріѣзжалъ сюда-съ!

Когда портье являлся съ устрицами и съ бутылкою бургонскаго, мамзель Эмма вскакивала съ креселъ, встрѣчала его съ рукоплесканіями, сама накрывала на столъ, тотчасъ принималась кушать и пить—и кушала съ большимъ аппетитомъ, какъ всѣ француженки, вышивала стакана два бургонскаго, не умолкала почти ни на минуту, а въ заключеніе непремѣнно пускалась полькировать съ кѣмъ-нибудь изъ присутствовавшихъ.

Если мамзель Эммѣ нравилась у Николая Александрыча, или у кого нибудь изъ его гостей, какая-нибудь вещь: напримѣръ—булавка, печатка, ключикъ отъ часовъ, или даже носовой платокъ,—она безъ церемоніи обращалась къ хозяину этой вещи, хотя бы этого господина видѣла въ первый разъ.

— Tiens, comme c'est joli! восклицала она, разсматривая понравившуюся ей вещь:—подарите мнѣ это.

Отказъ, впрочемъ, нимало не смущалъ ее: но если ей дарили вещь, она прыгала отъ радости, какъ ребенокъ. Впрочемъ на Николая Александрыча она иногда очень сердилась, если онъ не исполнялъ ея желаніе. Въ такомъ случаѣ она схватывала съ горячностью свою муфту, надѣвала шляпку и дѣлала нѣсколько шаговъ къ двери. Николай Александрычъ бросался ее удерживать, но она, принявъ на себя серьезный и важный видъ, восклицала:

— Ah! bah! laissez-moi donc! vous êtes un monstre!

Затѣмъ слѣдовало тотчасъ же примиреніе и Николай Александрычъ отправлялся съ мамзель Эммою обѣдать въ какой-нибудь изъ маленькихъ ресторановъ, а послѣ обѣда въ какой-нибудь изъ бульварныхъ театровъ. Бѣдная гризетка, она не имѣла понятія объ отдѣльныхъ великолѣпныхъ кабинетахъ Вери, или Café Anglais—гдѣ свирѣпствуютъ *лоретки*, и не любила ни Théâtre Français, гдѣ, по собственному ея сознанію, она была только одинъ разъ въ жизни, да и то чуть не умерла со скуки, ни Итальянскаго театра, въ которомъ никогда не бывала. *Délassement comique* предпочитала она всѣмъ парижскимъ театрамъ—

и для нея *m-lle Eléonore* *) была несравненно лучше и забавнѣе г-жъ *Плесси* и *Рашель*.

Комната мамзель Эммы, какъ вообще комнаты гризетокъ, не отличалась особеннымъ убранствомъ: четыре или пять плетеныхъ стульевъ, столъ, кровать съ ситцевою занавѣскою, небольшое зеркало на стѣнѣ и литографированный портретъ *Hyacinthe*—актера театра Variétés, знаменитаго въ Парижѣ не столько по своему таланту, сколько по огромному носу.

Къ этой мебели Николай Александрычъ прибавилъ диванъ и два мягкіе стула. Онъ не жалѣлъ денегъ для мамзель Эммы. И она скоро оставила свою лавочку въ Пале-Роялѣ, бросила свой зебровый crispin, облачилась въ черный бархатный, и даже кошачью муфту замѣнила горностаевой. И глядя на нее въ этомъ нарядѣ, такъ и хотѣлось запѣть:

Quoi! Lisette, est-ce-vous?
Vous, en riche toilette!
Vous, avec des bijoux!
Vous, avec une aigrette!
Eh! non, non, non,
Vous n'êtez plus Lisette.
Eh! non, non, non,
Ne portez plus ce nom.

Зато, по мѣрѣ умноженія расходовъ мамзель Эммы, Николай Александрычъ уменьшалъ свои собственные и наконецъ дошелъ до того, что, уходя изъ дома, обсыпалъ пепломъ полѣно, чтобъ оно не горѣло въ его отсутствіе.

— Этакъ, пожалуй, совсѣмъ просвищешься-съ, говорилъ онъ:—надобно же хоть въ чемъ-нибудь соблюдать экономію-съ. Здѣсь вѣдь дрова ужасно какъ дороги.

Разъ какъ-то мамзель Эмма лежала у него на диванѣ и курила папироску, а онъ, смотря на нее, мрачно прохаживался по комнатѣ—и потомъ обернулся ко мнѣ.

— А что, вѣдь она меня не любитъ-съ? Какъ вы думаете?

---

*) M-lle Eléonore занимаетъ роли гризетокъ въ Délassement comique—въ одномъ изъ маленькихъ бульварныхъ театровъ.

— Это, право, вамъ лучше знать, чѣмъ мнѣ.

— Ужь это я знаю-съ; да и къ тому же, мнѣ кажется, француженки не способны къ настоящей любви-съ... Онѣ привыкли къ разсѣянію-съ, къ безпрестаннымъ перемѣнамъ-съ, или, можетъ-быть, онѣ насъ, русскихъ, просто любить не могутъ, потому-что нравы-то наши-съ очень различны отъ ихъ-съ.... Ужь Богъ знаетъ, а только мнѣ все что-то какъ-будто неловко съ нею-съ.... Отчего-бы это?

— Опять при мнѣ на этомъ варварскомъ языкѣ, небрежно проговорила мамзель Эмма, пуская дымъ въ глаза Николаю Александрычу.—Сколько разъ я повторяла тебѣ, что это невѣжливо.... О чемъ ты сейчасъ говорилъ?

— Гм! Все объ одномъ и томъ же.... О томъ, что ты меня не любишь.

Мамзель Эмма расхохоталась.

— Фи! какъ это старо. Нѣтъ ли чего-нибудь поновѣе?...

— Что жъ.... Вѣдь это правда.... вѣдь ты меня не любишь? сказалъ Николай Александрычъ, подходя къ мамзель Эммѣ и глядя на нее умоляющими глазами.

— Je t'adore, mon p'tit chat! отвѣчала мамзель Эмма, захохотавъ во все горло.

Николай Александрычъ вспыхнулъ.

— Видите ли-съ, воскликнулъ онъ опять по-русски (въ минуты волненія онъ ужь рѣшительно не могъ говорить по-французски), вотъ онѣ, вотъ онѣ каковы, эти француженки-то-съ! Имъ бы только надо всѣмъ хохотать-съ, имъ все смѣшно-съ; просто у нихъ никакого чувства нѣтъ-съ.

Наивность добраго Николая Александрыча трогала меня. Я сталъ его утѣшать, разумѣется, общими мѣстами. Утѣшенія мои не дѣйствовали. По его разстроенному виду, мамзель Эмма, вѣроятно, догадалась, что ея смѣхъ непріятно на него дѣйствовалъ.

Она взглянула на него очень нѣжно и съ большимъ участіемъ. Онъ просіялъ въ ту же минуту.

— Дитя! сказала ему мамзель Эмма: — ты совершен-

ное дитя, Эрнестъ. Потомъ она наклонилась къ его уху и что-то шепнула ему.

— Vraiment? vraiment? пролепеталъ Николай Александрычъ съ полнымъ довѣріемъ.

Въ этотъ же вечеръ онъ подарилъ мамзель Эммѣ золотую браслетку, висѣвшую у окна одного магазина въ Passage vivienne, мимо которой она никогда не могла проходить равнодушно....

Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ, бывшихъ тогда въ Парижѣ, подсмѣивались надъ моимъ Николаемъ Александрычемъ и называли его пустымъ человѣкомъ. Правда, Николай Александрычъ не занимался *глубокими вопросами* и не разсуждалъ вкривь и вкось о предметахъ, которые были выше его разумѣнія,—но иногда безсознательно понималъ то, чего не понимали многіе изъ подсмѣивавшихся надъ нимъ.

Онъ никогда не проходилъ равнодушно и безотвѣтно мимо увѣчнаго или нищаго, который, съ боязнію озираясь кругомъ, не подсматриваетъ ли за нимъ городской сержантъ, судорожно протягивалъ къ нему изсохшую руку. Николаю Александрычу не приходила, напримѣръ, въ голову мысль, что до французскихъ нищихъ намъ, русскимъ, нѣтъ дѣла....

Николай Александрычъ не карабкался на колокольню собора Парижской Богоматери единственно для того, чтобъ изречь оттуда проклятія Парижу.

Онъ не издавалъ такъ-называемыхъ *Путевыхъ Записокъ*, т. е. выкрадокъ изъ «Дорожниковъ», съ примѣсью кое-какихъ собственныхъ пошлыхъ и устарѣлыхъ мыслей и возгласовъ....

Онъ не ѣздилъ показывать свою физіономію разнымъ европейскихъ знаменитостямъ....

И, несмотря, на это, мой герой-путешественникъ кажется мнѣ оргинальнѣе и забавнѣе всѣхъ *вышеисчисленныхъ* путешественниковъ!...

Какъ *вы* объ этомъ думаете, мой читатель?...

IV.

Карнавалъ приближался. Не одна мамзель Эмма ожидала его съ нетерпѣніемъ. Карнавалъ впродолженіе одиннадцати мѣсяцевъ любимая мечта всѣхъ парижанъ и парижанокъ. Скакать и прыгать шесть или семь часовъ сряду—это любимое отдохновеніе ихъ послѣ трудовъ. Минута, когда по календарю г. Делессера (префекта полиціи) можно безнаказанно облечься въ костюмъ и явиться на балъ къ г. Мюзару—это минута высочайшаго блаженства для парижанина.

Итальянцы говорятъ: кто видѣлъ Неаполь, тотъ можетъ умереть. Парижане говорятъ: «быть Пьерро и потомъ умереть!» (Etre Pierrot et puis mourir!).

Одни только старые портье и ихъ жоны ненавидятъ карнавалъ, потому-что въ это время имъ безпрестанно приходится *дергать шнурокъ* (tirer le cordon) послѣ полуночи. Съ заспанными глазами, ворча, эти мегеры проклинаютъ и г. Мюзара, и его поклонниковъ—ловкихъ и буйныхъ *дебардеровъ* мужскаго и женскаго пола (débardeurs et débardeuses), которыхъ мой другъ Николай Александрычъ вообще называлъ *дебардерчиками*.

Еще за недѣлю до перваго маскарада, Николай Александрычъ заказалъ для мамзель Эммы великолѣпный черный домино съ кружевами, бархатную черную маску и удивительный букетъ у цвѣточницы въ Passage de l'Opéra, и заранѣе воображалъ, какъ она будетъ прохаживаться съ нимъ подъ руку въ фойе Большой оперы и какъ его пріятели-соотечественники будутъ приставать къ нему съ разспросами: съ кѣмъ это ты, mon cher? кто это такая? и какъ они, вѣроятно, примутъ ее за какую-нибудь изъ извѣстныхъ лоретокъ. Всѣ эти фантазіи очень щекотали самолюбіе Николая Александрыча.

Наконецъ желанный вечеръ наступилъ. Балъ въ оперѣ открывается ровно въ полночь. Въ одиннадцать часовъ явился къ Николаю Александрычу парикмахеръ. Онъ завилъ его, какъ барашка. Николай Александрычъ облекся въ лучшія свои одежды, раздушился и очень довольный

собою началъ прохаживаться по комнатѣ, отъ поры до времени поглядывая на себя въ зеркало.

— А что, знаете, не выпить ли намъ-съ en attendant бутылочку шампанскаго? сказалъ онъ, вдругъ обратясь ко мнѣ.

— Для чего же?

— Да такъ, знаете, для смѣлости-съ.... Языкъ какъ-то послѣ этого сдѣлается развязнѣе, свободнѣе объясняешься по-французски, и вообще какъ-то ловче чувствуешь себя, ей-Богу-съ....

Шампанское принесено было старымъ портье.

Николай Александрычъ налилъ бокалъ и поднесъ его портье.

— А ма санте́, мосье Франсуа!

Портье поблагодарилъ Николая Александрыча, выпилъ бокалъ за его здоровье, всполоснулъ его водой, вытеръ полотенцемъ, поставилъ на столъ и собирался идти.

— Же сюи комъ иль фо? Неспа, мосье Франсуа? сказалъ Николай Александрычъ, остановясь передъ нимъ и охорашиваясь.

Портье улыбнулся, посмотрѣлъ на Николая Александрыча съ ногъ до головы и произнесъ:

— Dame! Je crois b'en.

Въ эту минуту мамзель Эмма вбѣжала въ своемъ новомъ домино, съ букетомъ и съ маской въ рукѣ. Николай Александрычъ бросился къ ней навстрѣчу. Мамзель Эмма отступила шагъ назадъ, точно такъ же какъ портье, съ ногъ до головы осмотрѣла Николая Александрыча и вскрикнула:

— Tiens! que tu est beau comme ça, mon chéri!

— Насмѣшница! замѣтилъ Николай Александрычъ съ чувствомъ удовольствія, котораго онъ никакъ не могъ скрыть.

— А каковъ домино-то-съ? сказалъ онъ, подмигивая мнѣ: — не правда ли, прелесть? Около 100 франковъ стоилъ-съ, да и букетецъ-то не дуренъ.... Я увѣренъ, что ее никто не узнаетъ изъ нашихъ-съ.

Между-тѣмъ мамзель Эмма закурила папироску, на-

лила себѣ бокалъ шампанскаго, чокнулась съ Николаемъ Александрычемъ и развалилась на креслахъ, напѣвая:

Tant qu'on le pourra
L'on trinquera,
Chantera,
Aimera
La fillette....

Я просидѣлъ у Николая Александрыча около часа.

Шампанское точно придало ему нѣкоторую развязность. Онъ былъ очень любезенъ, мамзель Эмма была имъ очень довольна. Все шло хорошо. Около часа они отправились на балъ въ ситадинѣ (citadine)....

На балахъ Большой оперы сосредоточивается въ настоящее время весь парижскій карнавалъ. И несмотря на огромныя издержки: освѣщеніе и плату директору оперы 40,000 франковъ за наемъ залы,—въ прошедшую зиму оперные балы принесли чистаго дохода въ 2 мѣсяца 70,000 франковъ. Сборъ каждаго бала простирался до 15,000 франковъ. Парижъ во всемъ его блескѣ и движеніи является въ маскарадныя ночи. Съ десяти часовъ вечера бульвары принимаютъ уже праздничный видъ. Аристократическій газъ зажигается въ формѣ трехугольниковъ передъ зданіемъ Большой оперы, подъѣздъ Ambigu освѣщается скромными шкаликами. Маски появляются на бульварахъ. Блузники со скамейками, съ ваксой, съ щеткой и съ фонарями располагаются при входѣ въ Passage de l'Opéra. Всѣ рестораны до разсвѣта блещутъ огнями. Громъ экипажей не умолкаетъ всю ночь. Отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ всѣ бульварные кафе полны народомъ. Это самый затруднительный часъ, часъ ожиданія; надобно же какъ-нибудь убить его. Почтенные отцы семейства, оставившіе для бала женъ и дѣтей и бумажные колпаки свои, безпрестанно посматривая на стрѣлку часовъ, занимаются чтеніемъ *Messager*, или просто дремлятъ, склонясь своими лысыми головами къ мраморнымъ столамъ; юноши дебардеры, въ порывахъ нетерпѣнія, предаются разнымъ буйствамъ, ломаютъ бильярдные кіи, курятъ, болтаютъ о политикѣ, о любви и о канканѣ съ dames de comptoirs и перебраниваются съ *гарсонами*, кото-

рые скромно осмѣливаются замѣчать имъ, что у нихъ-де въ кафе нельзя курить.... Въ полночь Passage de l'Opéra превращается въ маскарадную залу. Дебардеры канканируютъ, черныя домино пищатъ... Шумъ, крикъ и пѣсни... Но это только еще преддверіе храма...

На другой день послѣ бала мы сошлись съ Николаемъ Александрычемъ у Вефура. Николай Александрычъ былъ не въ духѣ. Онъ спросилъ пополамъ съ какимъ-то своимъ знакомымъ порцію *Jullienne* и *barbue à la Hollandaise*, говоря, что больше ничего не можетъ ѣсть, оттого что у него желудокъ разстроенъ послѣ вчерашняго ужина.

— А кстати, какъ вы вчера веселились?

— Очень, очень-съ.... Да отчего же вы-то не были-съ! Это вѣдь не то, что наши маскарады-съ. Тутъ столько для наблюденія-съ и для прочаго другаго-съ.

— Ну ужь въ слѣдующій разъ я непремѣнно поѣду.

— Поѣзжайте-съ, поѣзжайте. А я, признаться сказать, вчера ужасно разсердился на Эмму-съ.

— За что же?

— Да помилуйте! какже-съ.... увѣряетъ, что она надѣла въ первый и послѣдній разъ домино, что въ домино ей скучно и душно, что она женирована въ немъ-съ; что, видите ли, костюмъ дебардерчика гораздо лучше-съ... а вѣдь сама же просила у меня домино.... Зачѣмъ же я бросилъ 100 франковъ? И потомъ все время ходила съ этимъ уродомъ *Гіацинтомъ-съ (Hiacynthe)*... Что жь это такое-съ? И наши всѣ ее тотчасъ узнали-съ: не умѣла скрыть себя. Да еще за ужинъ я долженъ былъ заплатить 50 франковъ-съ, несмотря на то, что мы ужинали у Броджія *) а вѣдь у него гораздо дешевле, чѣмъ въ этихъ во всѣхъ ресторанахъ-съ.

— 50 франковъ?... Отчего же такъ дорого?

— Да она пригласила съ собою ужинать-съ своихъ пріятельницъ, какую-то Клару и Фифину.... Кабы хорошенькія-съ, такъ куда бы не шло, а то рожи-съ... Еще Фифина туда-сюда-съ.... вертлявенькая-съ такая, славно, знаете, всѣ ихныя пѣсни поетъ-съ, только не въ моемъ

---

*) Итальянскій ресторaторъ противъ Большой оперы.

вкусѣ: этакая спичка-съ, — ну а Клара пуасардка-съ какая-то, старая, толстая....

Николай Александрычъ помолчалъ немного, пощипалъ усъ и вздохнулъ.

— Такъ вотъ какъ, батюшка, вы и въ Парижѣ, да еще во время карнавала вздыхаете?

— Расходы-то эти непредвидимые дѣйствуютъ этакъ, понимаете, какъ-то непріятно-съ... За что же мнѣ угощать этакихъ Фифинъ, Кларъ? Кобелевка моя и безъ этого трещитъ-съ.... Этакъ и въ отечество придется вернуться прежде срока.

Николай Александрычъ засмѣялся.

Нѣсколько дней послѣ этого онъ не показывался въ Пале-роялѣ, потому-что для экономіи обѣдалъ въ маленькомъ ресторанѣ въ rue Helder.

На слѣдующій маскарадъ я взялъ ложу съ нѣсколькими знакомыми. Николай Александрычъ отправился вмѣстѣ съ нами.

— А что же ваша мамзель Эмма? спросилъ я его дорогою.

— Осталась дома. Она несовсѣмъ здорова. Я, признаться, и радъ этому-съ... Одному свободнѣе-съ, а мнѣ хочется нынѣшній маскарадъ провести по-холостому-съ.

Экипажъ нашъ остановился у ярко освѣщеннаго подъѣзда оперы. Широкая лѣстница и корридоры устланы краснымъ ковромъ. Давка ужаснѣйшая; духота нестерпимая. Мы едва добрались до фойе. Въ фойе прохаживаются только такъ-называемые порядочные люди, то-есть господа въ черныхъ фракахъ и желтыхъ перчаткахъ подъ руку съ черными домино.

Въ фойе царство интригъ. Въ фойе бѣдные юноши-путешественники съ растрепанными волосами и чувствами и со сложенными руками, почти колѣнопреклонные передъ своими замаскированными богинями, объясняютъ имъ пламень страстей, ихъ пожирающихъ. И тутъ же почтенные господа, страшно разѣвающіе рты отъ зѣвоты, которую наводитъ на нихъ утонченная любезность ихъ домино.

Въ фойе пискъ и визгъ, раздирающій уши, и вѣчные возгласы: Je te connais, beau masque!

Въ корридорахъ вольнѣе. Тамъ уже появляются разнохарактерные костюмы и дебардеры обоего пола. Тамъ я встрѣтился даже съ какимъ-то крикуномъ огромнаго роста, который махалъ руками, вымазанными сажей, направо и налѣво, очищая себѣ такимъ образомъ дорогу.

Пройдясь по фойе и по корридорамъ и задыхаясь отъ жара, вошелъ я отдохнуть къ себѣ въ ложу. Но картина, открывшаяся передо мною, заставила меня забыть и утомленье, и жаръ.... Только одинъ Мартинъ — творецъ *Потопа* и *Бальтазарова пира*—могъ бы достойно воспроизвести эту картину.

Зала гигантская, вмѣщающая болѣе шести тысячъ человѣкъ, освѣщенная тридцатью огромными люстрами, затопленная свѣтомъ газа.... И эти шесть тысячъ мужчинъ и женщинъ, въ самыхъ фантастическихъ костюмахъ, не ходятъ, не танцуютъ, — а прыгаютъ, скачутъ, бѣснуются въ самозабвеніи, подъ неистовую музыку Мюзара.... Это великій раутъ у сатаны, если только у сатаны бываютъ рауты.

И вотъ онъ самъ, съ жезломъ въ рукѣ.... не сатана, а г. Мюзаръ, на возвышеніи, царящій надъ всѣми, опьяняющій своими звуками эти массы.... Вотъ онъ, во всей красотѣ своей, онъ, про котораго сказалъ какой-то поэтъ:

Enfin Musard parut, et le premier en France
Fit sentir dans nos pas une juste cadence!

Говорятъ, Мюзаръ триста-сорокъ-пять разъ въ своей жизни носимъ былъ въ тріумфѣ. И несмотря на то, по увѣренію Charivari, великій маэстро обладаетъ необыкновенною скромностью: онъ удостоиваетъ иногда поклонами Мейербера, и даже пожимаетъ руку Россини.

И надобно видѣть, съ какою благоговѣйною любовью окружаютъ его на балѣ толпы. Съ какимъ восторгомъ каждый и каждая изъ этой толпы созерцаютъ его благородный профиль, его величавое чело.

Самые отчаянные дебардеры едва осмѣливаются прикасаться къ складкѣ его одеждъ; самыя дерзкія лоретки никогда не рѣшаются сказать ему ты, хотя во время карнавала никто и никому не говоритъ вы.

Налюбовавшись Мюзаромъ и общимъ эффектомъ залы, я занялся разсматриваніемъ костюмовъ и отдѣльныхъ группъ.

Почти подъ самой нашей ложей необыкновенно величественный геркулесъ танцуетъ канканъ съ скромною пастушкою. Немного подалѣе чопорный маркизъ XVIII столѣтія идетъ дружески подъ руку съ *тити*.

Затѣмъ выступаютъ важно и медленно, съ чувствомъ собственнаго достоинства, герои знаменитаго романа *Juif errant:* — *Марокъ* — великій укротитель звѣрей, съ двумя львами подъ мышками, самъ *Вѣчный жидъ*, растрепанный, съ бородою до пятъ, въ сапогахъ безъ подметокъ, поднявшихся выше колѣнъ и съ дубиной въ рукѣ — и наконецъ *Дагоберъ* съ огромнымъ накладнымъ носомъ и усами, въ чудовищныхъ ботфортахъ, которые служили колыбелью двумъ близнецамъ. Ему, какъ г. Вильмену, повсюду мерещутся іезуиты; онъ отъискиваетъ ихъ даже на балѣ Мюзара и пристаетъ къ дебардерамъ съ своимъ вѣчнымъ вопросомъ: — La rue St-François, s'il vous plait?...

Налѣво гусаръ танцуетъ съ поселянкою венгерскій танецъ съ примѣсью національнаго канкана.

Передъ нимъ господинъ весь въ галунахъ и въ трехугольной шляпѣ съ чудовищнымъ перомъ. Онъ выдѣлываетъ какое-то невѣроятное па.... а сзади его рисуется человѣкъ пожилой, въ костюмѣ дебардера, съ высокою шляпою, украшенною разноцвѣтными лентами.... Около нихъ канканируютъ двѣ гризетки, на которыхъ масляными глазками посматриваютъ два Фальстафа....

Въ самой срединѣ зала раздаются нестройные крики: «Pritschard!... à la porte!... Pritschard!...» *) и толпа съ ожесточеніемъ преслѣдуетъ и гонитъ какого-то франта, вздумавшаго нарядиться въ британскій красный мундиръ.

---

*) Бывшій англійскій консулъ на островѣ Таити, по наущенію котораго (въ 1843 г.), если вѣрить французскимъ журналамъ, туземцы самымъ предательскимъ образомъ зарѣзали до 300 человѣкъ французовъ. Французскій консулъ вслѣдствіе этого арестовалъ Притшарда, а англійское правительство, оскорбленное поступкомъ французскаго консула, потребовало 25 т. фр. вознагражденія Притшарду, которые и заплачены французскимъ правительствомъ. Имя Притшарда Французы не могутъ слышать безъ негодованія.

(Примѣчаніе для незанимающихся политикой.)

Между-тѣмъ всеобщее вниманіе привлекаетъ ложа авансцены съ правой стороны. Тамъ нѣсколько паръ отплясываютъ польку. Имъ аплодируютъ и бросаютъ снизу букеты. Одинъ изъ дебардеровъ, стоящихъ внизу, вспрыгиваетъ на плечо своего сосѣда и карабкается въ эту ложу.... Онъ уже стоитъ на перилахъ — и раскланивается публикѣ. Возлѣ самой нашей ложи раздается крикъ — браво! повторяющійся сотнею голосовъ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ, худой и блѣдный, первый закричавшій это браво, очень ловко танцуетъ кадриль. Къ его стройному стану чрезвычайно идетъ живописный костюмъ дебардера. Лицо его какъ-будто мнѣ знакомо. Я начинаю вглядываться въ него, — и въ немъ, въ этомъ самомъ человѣкѣ, такъ беззаботно веселящемся, узнаю того самаго блузника, котораго я видѣлъ у стекла мѣняльной лавки въ Палероялѣ на другой день по пріѣздѣ моемъ въ Парижъ.

Вскорѣ послѣ этого бала случай заставилъ меня въ третій разъ встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ — и вотъ какимъ образомъ.

Я, по долгу путешественника, забрелъ изъ любопытства въ одну изъ камеръ исправительной полиціи. Передъ трибуналъ приведена была женщина съ лицомъ измозженнымъ, въ рубищѣ. — Эту женщину я часто видѣлъ сидѣвшую на углу Итальянскаго бульвара и улицы Chaussée d'Antin, съ младенцемъ на рукахъ и съ коробочками спичекъ на колѣняхъ. Она была схвачена наканунѣ городскимъ сержантомъ за то, что просила подаяніе. Президентъ предложилъ ей вопросъ: извѣстенъ ли ей законъ, запрещающій это? Она отвѣчала утвердительно. — Что же заставило тебя быть ослушницею закона? — Голодъ. Я продавала спички; спички у меня всѣ вышли; вновь ихъ купить мнѣ было не на что. Мой ребенокъ и я не ѣли цѣлыя сутки и я рѣшилась просить милостыню у добрыхъ людей.... — Мнѣ очень жаль тебя, возразилъ президентъ, потому-что, несмотря на все это, ты должна, по закону, подвергнуться на мѣсяцъ тюремному заключенію, если кто-нибудь изъ присутствующихъ не возьметъ тебя на поруки, или не возьмется содержать тебя. Минута молчанія. Президентъ обвелъ взоромъ собраніе... — Я, я беру ее на

поруки! вдругъ раздается чей-то голосъ и изъ толпы зрителей выходитъ мой старый знакомецъ — человѣкъ въ оборванной блузѣ, въ той самой блузѣ, въ которой я видѣлъ его въ первый разъ передъ окномъ мѣняльной лавки. — Я берусь прокормить ее и ея ребенка, г. президентъ, продолжалъ блузникъ, остановившись передъ президентомъ: — хоть я такой же нищій, какъ она, но у меня есть силы, я еще молодъ. Мы трое какъ-нибудь да прокормимся. Я отвѣчаю вамъ за то, что она впередъ не будетъ просить милостыню.

Онъ взялъ нищую подъ руку и вышелъ вмѣстѣ съ нею, сопровождаемый рукоплесканіями и восторженными криками присутствующихъ *).

Но перейдемъ къ оперѣ... Вотъ еще чудесная сцена! Испанецъ схватываетъ гризетку, одѣтую дебардеромъ, сажаетъ ее къ себѣ на плечо и бѣгаетъ съ ней кругомъ всей залы. Пуговицы на ея рубашкѣ разстегнуты, грудь полуобнажена, фуражка едва держится на головѣ. Она что-то такое кричитъ и размахиваетъ руками. Изъ ложъ раздается хохотъ. Вдругъ испанецъ останавливается передъ нашей ложей. Надобно замѣтить, что рядомъ съ нами сидятъ арабскіе шефы, привезенные въ Парижъ г. Бюжо. (Въ эту минуту они привлекали вниманіе всего Парижа, какъ впослѣдствіи генералъ Томъ-Пусъ и дикіе...). Гризетка, сидящая на плечѣ у испанца, кланяется, махаетъ платкомъ и дѣлаетъ ручки арабамъ. На суровыхъ бронзовыхъ лицахъ африканцевъ, къ которымъ такъ идутъ ихъ снѣжные бурнусы, показывается что-то въ родѣ улыбки — и они съ достоинствомъ, медленно помаваютъ головами въ отвѣтъ на безцеремонное привѣтствіе гризетки... Раздается страшный громъ, шесть тысячъ человѣкъ рукоплещутъ этой сценѣ. Дама съ кавалеромъ (должно-быть супруги благочестивые) черезъ ложу отъ насъ, преспокойно почивавшіе все время, — вздрагиваютъ и просыпаются отъ этого грома.

Потомъ все смолкаетъ на одну минуту. Впрочемъ, эта тишина только предвѣстница новой, грозной бури. Вотъ

*) Это фактъ. Любопытные могутъ справиться объ этомъ въ февральскихъ номерахъ Gazette des Tribunaux 1845 года и въ другихъ журналахъ.

уже вдохновенный Мюзаръ поднимаетъ торжественно свой жезлъ, и, по его мановенію, музыка начинаетъ адскій галопъ. «Ohé! les amis! Ohé!» кричатъ дебардеры... «en avant le galop infernal! vive la polka! vive la mazurka!» И пары за парами несутся въ дикомъ, безумномъ весельи, неудержимыя, бѣшеныя, какъ разнузданные кони, съ криками, съ пѣснями, съ восклицаніями.... Пыль поднимается столбомъ. Шляпа моя изъ черной превращается въ сѣрую. Глазамъ становится больно отъ свѣта и пыли...

Вдругъ раздается пронзительный стонъ. Это какая-то несчастная упала въ галопѣ...

Черезъ нѣсколько минутъ городскіе сержанты поднимаютъ ее и, полумертвую, вытаскиваютъ изъ залы.

Въ это самое время я чувствую, что кто-то толкаетъ меня въ плечо. Я обертываюсь. Сзади меня Николай Александрычъ.

— Каковы-съ?

— Хороши, нечего сказать! Ну, признаюсь, я до-сихъ-поръ не имѣлъ понятія о томъ, какъ веселятся люди!

— Да нѣтъ-съ, я не о томъ говорю. — Посмотрите-ка направо: въ ложѣ-то у арабовъ — два дебардерчика-то-съ... Что-съ, каковы-съ? Вотъ милашечки-то, канальство!... И вѣдь изобрѣли же этакій адскій костюмъ?!... Обратите-ка вниманіе на ту, которая въ розовыхъ панталончикахъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, двѣ гризетки, очень стройныя и недурныя собой, съ масками въ рукахъ, окостюмированныя съ большимъ вкусомъ и кокетствомъ, вертѣлись и прыгали около неподвижныхъ африканцевъ. Онѣ гладили ихъ бронзовыя щеки и черныя какъ смоль бороды своими маленькими, бѣлыми ручками, играли орденомъ почетнаго легіона, пришитымъ къ ихъ бѣлымъ бурнусамъ, смѣялись и что-то такое болтали: а арабы только помавали имъ головами, поглядывали на нихъ, какъ тигры на добычу, глазами, налившимися кровью, и отъ поры до времени издавали какое-то странное мычанье.

Николай Александрычъ, пожиравшій взглядами этихъ женщинъ, самъ въ эту минуту походилъ болѣе на араба, чѣмъ на славянина.

— А знаете ли, какая мысль мнѣ пришла въ голову? сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Напримѣръ?

— Что, если бы подхватить этакого дебардерчика-съ?

— За чѣмъ же дѣло стало? Попробуйте счастья.

— Да нѣтъ-съ, я лучше, знаете, отворю дверь ложи въ корридоръ: авось либо этакъ сама налетитъ... а?... какъ вы думаете?

— Что жъ, прекрасно.

Не прошло пяти минутъ, какъ на его счастье, или несчастье, влетѣла въ нашу ложу самая отчаянная изъ отчаянныхъ гризетокъ. Фуражка ея была на бекрень, волосы растрепаны, одной рукой она молодецки подпиралась въ бокъ, а другою схватила моего Николая Александрыча и два раза повернула его, присвистывая, — потомъ вскочила на стулъ и, махая платкомъ, закричала во все горло:

— Je suis Française! je suis libre! je gagne 30 sous par jour! Vive la France, vive Paris!

Всѣ обратились къ нашей ложѣ со смѣхомъ и аплодисманами. Я прижался въ уголъ. Она продолжала кричать и прыгать на стулѣ. Когда она соскочила со стула, Николай Александрычъ шепнулъ ей на́-ухо (разумѣется на французскомъ діалектѣ):

— Не хотите ли чего-нибудь, оршадца или стаканчикъ сахарной воды?

— Fichtre! que c'est fade! отвѣчала гризетка: — Ça soulève le coeur, mon cher; je prendrai de l'absinthe.

Николай Александрычъ значительно мигнулъ мнѣ и, торжественно улыбнувшись, вышелъ съ нею изъ ложи. Впрочемъ, они скоро возвратились. Въ рукѣ у нея была огромнѣйшая палка sucre de pomme. Она выпила двѣ рюмки absinthe.

— Что жь, мы будемъ вмѣстѣ ужинать? спросилъ у нея Николай Александрычъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Certainement, mon p'tit chat.... et même... nous allons faire une noce ce soir....

Съ этимъ словомъ, она приподняла свою маску и захохотала во все горло.

Николай Александрычъ, въ испугѣ, отскочилъ на два шага назадъ.—Это была мамзель Эмма.

— Ah! monstre, tu me fais des infidélités! закричала мамзель Эмма, продолжая хохотать.—Хорошо же! я тебѣ сейчасъ отомщу въ твоихъ глазахъ!

И мамзель Эмма подпрыгнула съ легкостью кошки къ старшему изъ арабскихъ шефовъ, обняла его сзади, опрокинула въ нашу ложу и начала цѣловать.

Африканецъ зарычалъ.

Николай Александрычъ не зналъ, что дѣлать отъ замѣшательства. Онъ кусалъ губы, грозно поглядывалъ на мамзель Эмму и дергалъ ее за концы кушака, стягивавшаго ея талію.

Вдругъ кто-то три раза стукнулъ въ дверь нашей ложи. Мамзель Эмма высвободила африканца изъ своихъ объятій.... Африканецъ, грозно сверкая очами, отряхивался.... Стукъ въ дверь раздался снова и сильнѣе прежняго. Николай Александрычъ отворилъ дверь....

Въ дверяхъ стоялъ городской сержантъ — безмолвный и неумолимый. Онъ манилъ къ себѣ рукой мамзель Эмму.

Мамзель Эмма взглянула на сержанта и, также безмолвная, покорно и робко послѣдовала за нимъ съ палкой sucre de pomme въ рукѣ.

Николай Александрычъ посмотрѣлъ на меня.

Я посмотрѣлъ на Николая Александрыча.

Николай Александрычъ присвистнулъ—и мы вышли изъ ложи. Было около 5 часовъ.

Послѣ этого мамзель Эмма уже не показывалась къ Николаю Александрычу, да и Николай Александрычъ не хотѣлъ объ ней слышать.... Я только раза два встрѣтилъ ее на бульварѣ подъ руку съ m-r Hyacinthe. Съ недѣлю Николай Александрычъ ходилъ очень мрачный, но потомъ совершенно утѣшился, отыскавъ гдѣ-то и какую-то мамзель Иду, которая, по его словамъ, обладала необыкновеннымъ умомъ, отличнымъ образованіемъ и сверхъ-того различными, очень замѣчательными талантами.

Маскарадъ оканчивался. Всѣ расходились и разъѣзжались по домамъ и ресторанамъ.

Передо мною по лѣстницѣ медленно спускался стари-

чокъ въ очкахъ, весьма строгой наружности, со сложенными на-крестъ руками, погруженный, вѣроятно, въ какое-нибудь важное размышленіе. Вдругъ сзади къ нему неслышно подкрался гуманный генералъ, ловко сорвалъ съ его лысой головы круглую шляпу и вмѣсто нея надѣлъ свою трехугольную съ галунами и съ огромнымъ перомъ....

Старичокъ вскрикнулъ, схватился за голову и въ бѣшенствѣ обратился назадъ; но уже генерала и слѣдовъ нѣтъ.... Передъ носомъ старичка лоретка съ ощипаннымъ букетомъ подъ руку съ полькеромъ.... Она напѣваетъ....

Je déjeune chez Dorsay;
Je dîne au Café Anglais;
Je soupe chez Deffieux
Et je . . . . . .

а вслѣдъ за нею молодой англичанинъ, почтительно поддерживающій даму въ домино.... Онъ въ восторгѣ отъ своей bonne fortune.... и навѣрно отправляется съ нею ужинать въ Maison-d'Or, гдѣ также навѣрно должны увѣнчаться всѣ его надежды....

Я вышелъ на улицу. По бульварамъ разсыпались толпы народа. У Café Anglais и у другихъ знаменитыхъ ресторановъ была давка.... Всѣ *отдѣльные кабинеты* были заняты. Тамъ разрѣшались интриги этой ночи—и нѣкоторыя, можетъ-статься, очень трагически.

V.

Часу въ шестомъ вечера, нынѣшнею осенью, я шелъ въ Казани по Вознесенской улицѣ.

Навстрѣчу мнѣ — знакомое лицо.

Глядь. — да это мой Николай Александрычъ, только безъ бороды.

— Ба, ба, ба! Какими судьбами? Давно ли изъ-за границы, батюшка?

— Да вотъ ужь скоро три мѣсяца-съ.

— Право? Гдѣ же вы хотите поселиться?

— У себя въ Кобелевкѣ-съ.... Милости прошу ко мнѣ-съ.

— Покорно васъ благодарю. Что жь, вы скучаете, чай, по Парижѣ?

— Первое время такъ скучалъ-съ, что, вѣрите ли, мѣста нигдѣ не находилъ-съ, — ну, а теперь ничего-съ, попривыкъ маленько.... Отыскалъ здѣсь новое мѣстечко для охоты-съ.... удивительнѣйшее! Чохова-Грива прозывается.... Знаете, вправо отъ Мордохеевки по Камѣ-то....

— Знаю, знаю.... Ну, что жь вы намѣрены теперь съ собой дѣлать?

— Да ничего-съ.... Жениться хочу.

— Вотъ что̀!

Мы пожали другъ другу руки и разстались.

МАМЕНЬКИНЪ СЫНОКЪ.

«Старо то, что давно было ново; старинным называется то, что ведется издавна. Давно то, чему много времени прошло. Въ настоящемъ употребленіи ветхимъ называется то, что отъ старости истлѣло, обвалилось. Древне то, что происходило въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. *Заматерѣло* то, что временемъ сильно окоренѣло и огрубѣло».

(*Изъ «Опыта Россійскаго Сословника» Фонъ-Визина.*)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ... Около меня толпа нянекъ и мамушекъ, шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ попеременно таскать меня во весь духъ, въ коляскѣ, съ барскаго на черный дворъ...»

(*«Русскія Странности» А. Пушкина.*)

Глава I.

Родители моего героя были богатые помѣщики. Папенька его, по единогласному сознанію всѣхъ своихъ товарищей, считался нѣкогда славнымъ малымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ былъ славный малый, то-есть, отчаянный кутила и притомъ обладалъ многосторонними талантами. Безъ пособія стакана или бокала, впродолженіи пяти минутъ, онъ выпивалъ, напримѣръ, на-тощакъ двѣ бутылки

шампанскаго и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, приступалъ вмѣстѣ съ друзьями къ завтраку или къ обѣду и за обѣдомъ не отставалъ ни отъ кого, то-есть преисправно осушалъ стаканъ за стаканомъ. Въ верховой ѣздѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго. По собственному его сознанію, для него дороже всего въ жизни была его любимая кобыла-парадёръ, по прозванію *Настойка*. Часто, въ красной шелковой рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ широкихъ нанковыхъ шальварахъ, онъ вскакивалъ на Настойку и летѣлъ на ней по полю, какъ стрѣла, пущенная изъ лука рукою твердою и мѣткою, и на всемъ конскомъ лету то вдругъ становился на сѣдло, то вдругъ припадалъ къ землѣ и уже снова въ мгновеніе ока сидѣлъ, какъ прикованный къ сѣдлу. Громъ рукоплесканій раздавался обыкновенно въ слѣдъ лихому наѣзднику, а онъ, махая рукой, въ знакъ привѣта, и заломивъ на бекрень фуражку, беззаботный и счастливый, скрывался вдали. Важное мѣсто также въ его понятіяхъ занимала женщина. Не то, чтобъ онъ особенно любилъ женщинъ, «а такъ, братецъ (говаривалъ онъ), нельзя же не приволокнуться отъ нечего дѣлать. Просто, по мнѣ, какъ-то жаль упустить этакую, какую-нибудь, красоточку! Еще поутру ничего, а вотъ этакъ, послѣ завтрака или послѣ обѣда, когда... (при этомъ онъ обыкновенно прищуривалъ правый или лѣвый глазъ и щолкалъ по воротнику сюртука)... ну, тутъ, признаюсь, невольно такъ и лѣзутъ въ глаза, проклятыя!»

Какъ человѣкъ истинно-русскій, любилъ онъ также поэтическую тройку съ заливнымъ валдайскимъ колокольчикомъ, съ погремушками и бубенчиками. У него былъ полный нарядъ ямщика, и когда, бывало, такъ, безъ причины, взгрустнется ему, онъ велитъ запречь тройку въ пошевни или телѣгу, одѣнется ямщикомъ, взмахнетъ кнутомъ по воздуху, гаркнетъ зычнымъ голосомъ: «охъ, вы, соколики удалые!» — и грусть какъ рукой сниметъ, и мчится онъ, самъ не вѣдая куда, въ сладостномъ опьяненіи, такъ-что духъ занимается.

Такъ мчалась его молодость лихо и быстро, какъ русская тройка, и думалъ онъ, что не будетъ конца этой молодости, что никогда не истощатся его силы, какимъ

бы истязаніямъ онъ ни предавалъ ихъ; что никогда не истощится его кошелекъ, несмотря ни на какія азіятскія прихоти и затѣи, рождавшіяся въ его праздной головѣ...

Однако, къ величайшему его изумленію, скоро и кошелекъ, и здоровье его значительно поистощились. Въ тридцать-пять лѣтъ онъ заложилъ половину своего имѣнія въ ломбардъ, вышелъ въ отставку, поселился у себя въ деревнѣ, сначала занялся псовой охотой, а потомъ молодой и богатой вдовой, своей ближней сосѣдкой, съ которой вскорѣ и сочетался законнымъ бракомъ. Отъ этого брака родился у него сынъ—герой предлагаемой повѣсти... Но прежде, чѣмъ я заведу рѣчь о сынѣ, считаю необходимымъ покороче познакомить читателя съ его маменькою...

Говорятъ, будто бы велико и свято назначеніе женщины на землѣ; говорятъ, будто нравственное вліяніе матери на дитя безгранично. Недаромъ Наполеонъ замѣтилъ что будущность ребенка всегда въ рукахъ его матери, и прибавилъ, что онъ испыталъ это на самомъ себѣ. Кантъ былъ того же мнѣнія. Онъ съ благодарностью и благоговѣніемъ вспоминалъ о своей матери. «Я никогда не забуду ее, говорилъ онъ въ старости: «она развила сѣмена добра, таившіяся въ душѣ моей...»

Не знаю, походила ли на мать Наполеона или на мать Канта маменька моего героя—Елена Терентьевна.

Елена Терентьевна была *барыня* въ полномъ и безграничномъ смыслѣ этого прекраснаго слова. Правда, сначала она была *барышней*—такой, какой бываетъ большая часть барышень. Дочь богатыхъ родителей, окруженная съ дѣтства безчисленною свитою для прислуги: бабами, дѣвками, дѣвчонками, компаньонками и гувернантками, самовластно управлявшая этимъ маленькимъ міромъ, она постепенно и незамѣтно развивала въ себѣ чувство барскаго достоинства, а родители, глядя на нее съ умиленіемъ, восклицали: «Наша Леночка не по лѣтамъ горда. Вотъ ужь будетъ настоящая барыня!» Леночку выдали замужъ за барина, да еще за чиновнаго, стараго и богатаго барина. Чиновный

и старый баринъ сдѣлался покорнымъ и нижайшимъ слугою своей молодой барыни. Молодая барыня пользовалась полною свободой и не отказывала себѣ ни въ чемъ. За ней всегда тянулась толпа обожателей; около нея непрестанно раздавалось бренчанье шпоръ и сабель. Она страстно любила блестящіе мундиры, сабли, шпоры, бѣлые султаны и усы, завитые въ кольцо. Часто, съ небрежною ласкою, ударяя мужа по морщинистой щекѣ и называя его нѣжнымъ именемъ «папаши», она между-тѣмъ устремляла долгіе и пронзительные взоры на эти соблазнительные усы и на эти роскошные, бѣлые султаны. А ея пріятельницы-барышни, глядя на ея семейное счастье, шептали про-себя, сгарая отъ зависти: «Ахъ, счастливица! Какую блестящую партію она сдѣлала! Ка́къ она богата! Ка́къ она вертитъ своимъ мужемъ! Ка́къ *всѣ* за ней ухаживаютъ!...»

Но чиновный и старый баринъ вскорѣ послѣ женитьбы скончался, оставивъ супругѣ значительный капиталъ. Полтора года послѣ смерти супруга она была неутѣшна и не хотѣла снимать траура и безпрестанно ѣздила на его могилу съ однимъ своимъ дальнимъ родственникомъ — молодымъ кавалерійскимъ офицеромъ. При имени покойнаго, у нея всякій разъ навертывались на глазахъ слезы. Она называла его своимъ незабвеннымъ другомъ, своимъ благодѣтелемъ, своимъ вторымъ отцомъ... Ее, говорятъ, нельзя было видѣть безъ состраданія. Матери указывали на нее своимъ дочерямъ и говорили: «Вотъ эта дама можетъ служить вамъ образцомъ. Посмотрите, какая она молоденькая, голубушка, а какъ чтитъ память своего мужа, и ка̀къ въ свѣтѣ умѣетъ держать себя, ка́къ соблюдаетъ все должное, ка̀къ почтительна къ родственникамъ покойнаго. И замѣтьте, что ея мужъ не былъ какой-нибудь изъ этакихъ вѣтрогоновъ, у которыхъ нѣтъ копѣйки за душою и которые кружатъ вамъ головы. Онъ былъ человѣкъ чиновный, солидный, пожилой; онъ, независимо отъ ея состоянія, оставилъ еще ей *кусокъ хлѣба* и *имя*, которымъ она по справедливости гордится. Вотъ ее-такъ можно назвать примѣрной и во всѣхъ отношеніяхъ *нравственной* женщиной!»

Извѣстно, что въ нашемъ обществѣ слово *нравствен-*

ность имѣетъ весьма эластическое значеніе... Но не въ томъ дѣло...

Елена Терентьевна переселилась въ деревню, говоря, что свѣтскій, столичный шумъ утомляетъ ее, что она рѣшительно не можетъ выносить его; что въ уединеніи она свободнѣе будетъ размышлять о своей невозвратимой потерѣ, и прочее.

Черезъ нѣсколько времени, Елена Терентьевна обрюзгла, отяжелѣла и поручила управленіе имѣніемъ своимъ уѣздному судьѣ — человѣку среднихъ лѣтъ, который славился своимъ ростомъ, дородствомъ и силою.

Семь лѣтъ безвыѣздно она жила въ деревнѣ; уѣздный судья постоянно пользовался ея довѣріемъ и благосклонностью; въ губернскомъ городѣ начали поговаривать, Богъ знаетъ почему, что она имѣетъ намѣреніе выйдти замужъ за уѣзднаго судью; уже многіе господа, претендовавшіе на ея руку, стали искоса посматривать на счастливаго судью; уже нѣкоторыя губернскія барыни съ ироническою улыбкою поздравляли его съ ожидающимъ счастьемъ; но всѣ эти сплетни, къ величайшему огорченію цѣлой губерніи, должны были прекратиться совершенно-неожиданно. Уѣздный судья потонулъ, переѣзжая на паромѣ чрезъ рѣку весною во время разлитія. Разсказывали, будто Елена Терентьевна, получивъ извѣстіе о смерти судьи, начала кричать, метаться и рвать на себѣ волосы, что она будто бы поклялась не выходить ни за кого замужъ. Не знаю, справедливы ли были эти разсказы; вѣрно только то, что чрезъ четыре мѣсяца послѣ смерти судьи она вышла замужъ за того, который долженствовалъ быть отцомъ моего героя.

Герой мой родился однимъ мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго срока. Но, несмотря на то, что онъ былъ недоносокъ, — величина, сила и здоровье его привели въ изумленіе повивальную бабушку. — Ну, ужь признаюсь, батюшка, молодецъ! нѐчего сказать, молодецъ! сказала бабушка, взвѣшивая младенца на рукахъ и обращаясь къ родителю. — Вишь какого произвелъ на свѣтъ! какой большой да тяжелый... Этакого ребенка, признаюсь, еще я и не видывала.

Новорожденный былъ, однако, причиной первой размолвки между супругомъ и супругою. Супруга непремѣнно хотѣла, чтобъ его нарекли Аркадіемъ, въ честь отца ея матери; она увѣряла при томъ, что всѣ носившіе въ ихъ родѣ имя Аркадія были необыкновенно-счастливы. Супругъ, напротивъ, хотѣлъ дать ему имя Александра, на томъ основаніи, что въ его родѣ не переводилось имя Александра. Послѣ долгихъ споровъ, криковъ и слезъ, супруга однако поставила на своемъ. Младенецъ названъ былъ Аркадіемъ.

Попечительность и нѣжность Елены Терентьевны къ сыну превосходили всякое описаніе... Она слыла въ цѣлой губерніи образцовою матерью. — Съ-тѣхъ-поръ, какъ Богъ даровалъ намъ дитя, говорила она губернскимъ барынямъ:— съ-тѣхъ-поръ я и трехъ разъ въ гостяхъ не была; только выѣдешь въ церковь Божію помолиться, да сейчасъ же и домой; такъ, кажется, и не спускала бы глазъ съ моего Аркаши... Этакое безподобное дитя! и вѣдь обожаетъ меня, повѣрите ли, просто обожаетъ. Какъ увидитъ меня еще издалека, такъ и протягиваетъ ручонки, «мама!» кричитъ, «мама!» Отца, — куда! далеко такъ не любитъ, какъ меня. Къ отцу и на руки не пойдетъ. — «Ужъ мы всѣ удивляемся вамъ», возражали барыни. «Вѣдь дѣти, конечно, очень забавны, но съ ними надобно ужъ такое терпѣніе!.... Заботъ-то, знаете, около нихъ тьма-тьмущая, а вѣдь радости-то когда еще отъ нихъ дождешься, Богъ знаетъ!» При этомъ барыни вздыхали. — «Вотъ не дурно бы, еслибъ наша вице-губернаторша съ васъ примѣръ взяла; а то она съ утра до ночи или въ гостяхъ, а если и дома, такъ въ карты играетъ, а дѣти въ дѣтской съ няньками... Она ихъ и въ глаза не видитъ; у нея и сердце не болитъ, ей горя мало, хоть всѣ они себѣ лбы расшиби... Вотъ ужъ, можно сказать, никакихъ чувствъ... видно, ей съ дѣтства не внушена была нравственность, а безъ нравственности худо жить!.... Только и хвастаетъ, что нарядами, которые ей присылаютъ изъ Петербурга... Экая диковина!.... И намъ мужья выписываютъ многое изъ Петербурга... Что жь такое Петербургъ!... А видѣли вы у нея послѣдній чепецъ изъ самаго моднаго петербургскаго

магазина? Прелестный! Я просила у нея на фасонъ... Ленточки радужнаго цвѣта, гирляндочки изъ розовыхъ, съ боку кокардочка изъ такихъ же лентъ...»

Тутъ барыни обыкновенно забывали и о нравственности, и о любви къ дѣтямъ, и обо всемъ, и пускались въ подробнѣйшія и мельчайшія описанія послѣднихъ петербургскихъ модъ. Но Елена Терентьевна, наговорясь о модахъ, снова заводила рѣчь о дѣтяхъ и о материнской любви.

— И то сказать, продолжала она: — вѣдь дѣти дѣтямъ рознь... къ иному такъ невольно и лежитъ сердце... Ну, натурально, потому-что послушное, ласковое дитя; иной еще крошка, отъ полу не видать, а ужь угождать старается, такъ, кажется, и смотритъ матери въ глаза, — вотъ какъ мой Аркаша, напримѣръ; другія же дѣти родятся, знаете, такими бутусами, такъ что никакого чувства не возбуждаютъ къ себѣ. Отъ этихъ ужь не жди проку. Въ такихъ случаяхъ нéчего винить родителей. Родители, что ни дѣлай, не исправятъ такого ребенка... Тутъ ни розга, ни что не поможетъ. На все, я вамъ скажу, судьба... Ужь какъ кому суждено родиться! Горбатаго только могила исправитъ.

— Это совершенно справедливо, приговаривали барыни: —ныньче, впрочемъ, ужь такъ не разсуждаютъ: ныньче коли дѣти дурны, такъ все обвиняютъ родителей. Бѣдные родители!...

Супругъ Елены Терентьевны, слушая такого рода разговоры и покуривая изъ своего коротенькаго чубука, обремененнаго различными украшеніями и кистями, изрѣдка только ввертывалъ свое словцо или замѣчаніе, въ родѣ слѣдующаго:

— А по моему разсужденію, коли хочешь, чтобъ изъ дѣтей вышелъ толкъ: мальчишекъ отдавай на воспитаніе отцу, а дѣвчонокъ матери...

Елена Терентьевна обыкновенно въ такомъ случаѣ бросала ироническій взглядъ на мужа...

— Чтó это у тебя за странныя выраженія! говорила она, качая головой. — «Мальчишки, дѣвчонки!» Чтó это

такое? Ты, кажется, говоришь про дворянскихъ дѣтей, а не про деревенскихъ ребятишекъ...

— Э, матушка, что́ дѣлать? Я къ свѣтскимъ терминамъ не привыкъ, отвѣчалъ обыкновенно супругъ.

Вообще, со времени рожденія Аркаши, семейное счастіе супруговъ и тишина ихъ домашней жизни нарушались довольно часто. При гостяхъ они отпускали другъ другу колкости; наединѣ спорили, кричали, ссорились; но побѣда всегда оставалась на сторонѣ Елены Терентьевны. Супругъ обыкновенно, послѣ пораженія, вздыхалъ, затягивался и думалъ:

— Нѣтъ, что̀ ни говори, а, право, легче разомъ двумя полками управлять, чѣмъ ладить съ одной бабой!

Впрочемъ, онъ покорялся своей участи безропотно, ибо былъ въ полной увѣренности, что всѣ жоны на свѣтѣ не хуже и не лучше его Елены Терентьевны — и въ этомъ случаѣ утѣшалъ себя пословицею: «коли взялся за гужъ (т. е. коли женился) — такъ не говори, что не дюжъ». Елена Терентьевна тогда только выводила его изъ терпѣнія, когда, поссорясь съ нимъ, восклицала въ порывѣ гнѣва (а это повторялось нерѣдко):

— Ну, за что я прогнѣвила Бога? За что Онъ посылаетъ мнѣ такое испытаніе? Ужь я въ своемъ домѣ никакой власти не имѣю!... Слыхано ли это?

— Полно грѣшить-то, матушка... Ну, чего ты раскричалась-то? Власти не имѣешь, а дѣлаешь все, что́ хочешь...

— Я, я дѣлаю все, что́ хочу?... И Елена Терентьевна выступала при этомъ восклицаніи на два шага впередъ и съ величественнымъ упрекомъ кивала головой, устремляя огненные глаза на мужа.— Я дѣлаю все, что́ хочу? И ты смѣешь мнѣ это говорить?... Вотъ до чего я дожила!... Сама дура... Сама должна на себя пенять... Безчувственный вы послѣ этого человѣкъ!... Я для васъ пожертвовала всѣмъ, рѣшительно всѣмъ... У меня было званіе, титло... имя... я была сама себѣ госпожа... а теперь что́? Ахъ, я несчастная!

— Да что жь это въ-самомъ-дѣлѣ? Титло, имя... Да развѣ я недоросль какой? развѣ я человѣкъ безъ имени?... Ты ужь не помнишь сама, что́ говоришь...

— Нѣтъ, я очень помню, что́ говорю... Я, слава Богу, не сумасшедшая. Я была генеральша... понимаете ли вы, генеральша! а теперь что? Теперь я, можно сказать, въ такомъ ничтожествѣ... Мнѣ вездѣ были двери открыты, въ первые дома; покойникъ предупреждалъ мои малѣйшія желанія: бывало, голубчикъ мой, онъ такъ и смотритъ, чѣмъ бы утѣшить меня... Посмотрѣлъ бы онъ теперь на мое счастье... я думаю, прахъ-то его шевелится теперь въ могилѣ!...

Послѣ этихъ словъ слѣдовало обыкновенно рыданіе... и вслѣдъ затѣмъ плаксивый тонъ Елены Терентьевны переходилъ въ торжественный. — Къ намъ въ домъ ѣздили князья и графы...

Супругъ, выслушивая такія рѣчи, или просто кусалъ себѣ отъ досады губы, или иногда порывисто разстегивалъ казакинъ, закладывалъ руки назадъ и произносилъ въ сильномъ волненіи:

— Часъ-отъ-часу не легче!... Продолжайте... продолжайте. Да что жь послѣ этого моя жизнь? Это не жизнь, а каторга!...

— Такъ еще по-вашему вы правы, а я виновата?... Такъ я должна страдать и не смѣть языка пошевелить, не смѣть пикнуть передъ вами?... Прекрасно! Вы хотите меня въ гробъ вогнать?... Ужь, конечно, лучше одинъ конецъ... Я охотно умерла бы, еслибъ не мой Аркаша... Онъ одинъ только привязываетъ меня къ жизни... Охъ... дурно... дурно! Настька! Настька!...

Настька прибѣгала сломя голову на крикъ барыни... и барыня обыкновенно падала безъ чувствъ въ объятія Настьки. Настька подносила спиртъ къ носу барыни; а баринъ, махнувъ рукой, выходилъ изъ комнаты, отправлялся на конюшню, заставлялъ кучера осѣдлать себѣ лошадь, или запречь себѣ бѣговыя дрожки — и до вечера не являлся домой. По уходѣ барина, барыня тотчасъ приходила въ себя, а Настька говорила:

— Ахъ, сударыня! что́ это съ вами-съ?... Ужь этотъ баринъ! какъ ему не грѣхъ огорчать васъ!... Господи! какъ вы поблѣднѣли... На васъ лица нѣту-съ... Страсти смо-

трѣть. Вы совсѣмъ не бережете себя... Да понюхайте, сударыня, еще спирту-то... Сердце надрывается, глядя на васъ.

Настька при этомъ обыкновенно терла себѣ ладонью глаза, будто бы вытирая слезы.

— Намъ только при васъ и пожить, сударыня, а безъ васъ намъ плохо будетъ-съ.

Герой нашъ былъ нерѣдко свидѣтелемъ такого рода небольшихъ размолвокъ между папенькой и маменькой. И ему всегда было жаль маменьку, потому-что маменька кричала и плакала, а у папеньки никогда не было ни одной слезинки въ глазѣ. Къ тому же, маменька послѣ обморока всегда брала Аркашу на руки, цѣловала его, съ чувствомъ прижимала его къ своей материнской груди и слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ спрашивала:

— Что, тебѣ жаль меня, голубчикъ?

— Жаль, маменька.

— Охъ ты, мое сокровище, милое ты мое дитя! Вотъ же тебѣ за то, что жалѣешь свою маменьку...

И, вслѣдъ за этимъ, маменька осыпала сына конфектами и различными лакомствами.

Аркаша со дня на день становился холоднѣе къ папенькѣ. «Папенька нехорошій», говорилъ онъ нянѣ. «Папенька обижаетъ маменьку». И ка́къ Аркашѣ было не любить маменьки? Она ничего не жалѣла для него. Она одѣвала его *прелестно, просто какъ куколку*, — по выраженію губернскихъ барынь... все въ различныя гусарскія курточки: то въ синія съ желтыми шнурочками, то въ красныя съ черными, то въ зеленыя съ малиновыми...

— Я гусаръ! кричалъ Аркаша, бѣгая по комнатѣ верхомъ на палочкѣ и размахивая саблей, которую только-что подарила ему маменька. — Я офицеръ... а вы солдаты... продолжалъ онъ, обращаясь къ четыремъ дворовымъ мальчишкамъ, которые бѣгали за нимъ также верхомъ на палочкахъ...

— Тише, тише, батюшка! замѣчала няня:—не размахивай такъ саблей-то, вѣдь этакъ ты Петькѣ глазъ можешь выколоть.

— Ужь чего ты не выдумаешь, няня! замѣчала ма-

менька.—Пусть его играетъ; дѣтскимъ играмъ никогда не должно мѣшать... Это еще не бѣда, если онъ задѣнетъ, или оцарапаетъ его немножко. Не безпокойся! у этихъ мальчишекъ не такая нѣжная кожа... Да и что такое? развѣ они хрустальные, что ужь до нихъ дотронуться нельзя? Смотри лучше, чтобъ какъ-нибудь Аркаша не упалъ да не ушибся...

— Прочь съ дороги... заколю! восклицалъ Аркаша, занося саблю на одного изъ мальчишекъ...

Несчастный мальчишка хваталъ себя ручонками за голову и вскрикивалъ отъ страха; барыня выводила мальчишку за ухо изъ комнаты, приговаривая:

— А вотъ я тебя, пискунъ, а вотъ я тебя... Коли ты не умѣешь играть съ бариномъ, такъ пошелъ вонъ... Вишь нѣженка какой!... Баринъ чуть до него дотронулся, а ужь онъ и разрюмился. Погоди, я скажу отцу, чтобъ онъ тебя выпоролъ...

— Этого глупаго мальчишку, продолжала барыня, обращаясь къ нянѣ: — никогда не впускайте сюда. Какъ-будто въ цѣлой дворнѣ нельзя выбрать двухъ-трехъ порядочныхъ мальчишекъ, чтобъ занимать ребенка. Слава Богу, у насъ не маленькая дворня: мальчишкамъ и дѣвчонкамъ этимъ счета нѣтъ!... У одной Матрешки—кажется, семеро или восьмеро мальчишекъ... А у Акульки-то! Вѣдь только и слышишь, что родятъ... Не знаешь, право, куда дѣваться съ ними. Что одной мѣсячины-то выходитъ на этихъ дармоѣдовъ!....

Аркаша былъ почти цѣлый день на глазахъ у нѣжной маменьки; и нѣжная маменька никуда въ гости не выѣзжала безъ Аркаши. При ней одѣвали и раздѣвали ребенка... Она по праздникамъ сама завивала и расчесывала его волосы, или при себѣ поручала этимъ заняться Марьѣ Андреевнѣ.

Марья Андреевна (я долженъ обратить вниманіе благосклоннаго читателя на это лицо) была бѣдная и пожилая барышня, дочь какого-то умершаго чиновника, которую Елена Терентьевна приняла къ себѣ изъ состраданія и на которую возложена была обязанность разливать чай для гостей, гадать для своей благодѣтельницы въ карты,

вырѣзывать изъ картъ для Аркаши домики и солдатиковъ, шить ему панталончики и гусарскія курточки, а благодѣтельницѣ—платья и капоты. Марья Андреевна до нѣкоторой степени могла назваться образованною,—и, нечего грѣха таить, любила при удобномъ случаѣ похвастать своимъ образованіемъ. Она въ молодости своей прочла два романа, случайно найденные ею въ кладовой дома, гдѣ отецъ ея былъ управителемъ. И эти два романа, *Малекъ-Адель или Крестовые Походы* и *Викторъ или Дитя въ Лѣсу*, сильно подѣйствовали на ея дѣвственное воображеніе и глубоко запечатлѣлись въ ея памяти. Она вполнѣ была убѣждена, что на свѣтѣ, кромѣ этихъ романовъ, не существуетъ никакихъ другихъ книгъ, и бывало, если увидитъ у кого-нибудь на столѣ книжку, ужь непремѣнно предложитъ хозяину этой книжки слѣдующій вопросъ: «Ахъ, это вѣрно у васъ «Малекъ-Адель или Крестовые Походы»? и потомъ непремѣнно продолжаетъ: «Какая это безподобная книжка! Я еще читала ее, какъ мнѣ было семнадцать лѣтъ... Ка́къ тутъ прекрасно описано странствованіе его въ пустынѣ, ка́къ онъ голодомъ тамъ томился и какой онъ былъ необыкновенной красоты... А вотъ еще есть другая книжка: «Викторъ или Дитя въ Лѣсу», — тоже прекрасная книжка.» И словоохотливая барышня непремѣнно перескажетъ содержаніе этихъ двухъ романовъ отъ начала до конца, совершенно перемѣшавъ и перепутавъ похожденія Малекъ-Аделя съ похожденіями Виктора или Дитя въ Лѣсу. При случаѣ, она любила также похвастать тѣмъ, что въ ней не простая какая-нибудь, а дворянская кровь, что отецъ ея былъ коллежскій ассессоръ и имѣлъ анненскій орденъ въ петлицѣ. Горничнымъ дѣвкамъ въ дѣвичьей (надо замѣтить, что барышня очень любила сидѣть въ дѣвичьей и разсуждать съ горничными) она обыкновенно показывала патенты своего отца... «Вотъ, видите ли тутъ», говорила она, указывая на патенты: «и орелъ, и печать казенная... все какъ слѣдуетъ... Это все папенькѣ отъ Государя пожаловано. У папеньки также было пропасть чиновниковъ подъ командой и они, вѣрите ли вы Богу, любили его какъ отца и ужь такъ боялись, что и сказать нельзя. А, бывало, какъ они къ намъ

приходили, то маменька всегда ихъ кофеемъ подчивала, а безъ кофею ужь никогда не отпускала отъ себя.» И когда рѣчь доходила до кофея, глаза барышни принимали чрезвычайно вдохновенное выраженіе, и она пускалась самыми яркими и живописными красками описывать *ихнюю* прежнюю жизнь: какъ ея папенька и маменька любили угощать гостей, какіе чиновники къ нимъ въ гости хаживали; какъ эти чиновники говорили и папенькѣ и маменькѣ: — «ну, ужь можно сказать, что у васъ домъ полная чаша»; какъ они за нее сватались; по скольку стакановъ кофею они выпивали, и прочее. Барышня прибавляла къ тому, что вообще кофей у нихъ считался ни-почемъ; что кофею у нихъ было всегда разливанное море. Послѣ этого, она обыкновенно вздыхала и печально произносила: «Какъ подумаешь, все-то это прошло!... Ну, хоть старики мои ничего мнѣ не оставили, да ужь зато хорошо пожили... ужь при жизни, что называется, не ударили себя лицомъ въ грязь; покрайней-мѣрѣ, дѣвушки, есть чѣмъ помянуть старину! Теперь, конечно, совсѣмъ не то, теперь мое сиротское дѣло... Впрочемъ, что жь Бога гнѣвить, и теперь меня всѣ любятъ и уважаютъ... и вездѣ принимаютъ какъ родную, всѣ вельможи, и Матильда Осиповна, и Анна Кузминишна, и...»

Барышня высчитывала всѣхъ по имени и по отчеству, начиная отъ жены уѣзднаго предводителя до любовницы уѣзднаго засѣдателя включительно.

Барышня, надо сказать, была величайшая охотница таскаться по гостямъ; но, къ величайшему ея прискорбію, Елена Терентьевна неохотно отпускала ее отъ себя.

Елена Терентьевна до такой степени привыкла къ ней, что рѣшительно не могла существовать безъ нея... «Я, во-первыхъ, за то ее люблю», говаривала Елена Терентьевна: «что она привязана къ моему Аркашѣ, а во-вторыхъ, за то, что умѣетъ угодить... эту честь ей надо отдать... такъ вотъ и смотритъ, чтобъ предупредить малѣйшія мои желанія.»

— Какъ же ей не угождать вамъ! возражали на это барыни: — вы съ ногъ до головы ее облагодѣтельствовали.

— Ахъ! замѣчала обыкновенно съ чувствомъ Елена

Терентьевна.—Вѣдь это наша обязанность, по мѣрѣ силъ помогать бѣднымъ. Зато насъ Богъ не оставитъ. Я только исполняю христіанскій долгъ...

— А ужь какая она у васъ мастерица въ карты гадать, продолжали барыни:—просто на удивленье! А намедни Петру Агѣичу она всю подноготную высказала. Мы такъ и ахнули.

— Она у меня, можно сказать, на всѣ руки... Какъ сны безподобно толкуетъ! Третьягодни, вообразите, я видѣла во снѣ всю ночь напролетъ свѣжія яйца... Только-что проснусь... засну—опять свѣжія яйца... Это меня очень обезпокоило. Думаю: что̀ бы это значило? къ чему это? Приходитъ Марья Андреевна; я у нея спрашиваю: скажите, душенька, что̀ это значитъ, что я видѣла во снѣ свѣжія яйца?....—Ахъ, Боже мой, отвѣчаетъ она:—не безпокойтесь, это ничего не значитъ: это просто къ снѣгу. Что жь бы вы думали? чрезъ полчаса повалилъ снѣгъ, да вѣдь какой! и цѣлый день не переставалъ идти.

Барыни, разумѣется, восклицали въ одинъ голосъ: «скажите, пожалуйста!» и отъ удивленія качали головами...

Елена Терентьевна не любила заниматься ничѣмъ: ни чтеніемъ, ни рукодѣліемъ. Все это она считала для себя неприличнымъ. «Въ книгахъ ныньче пишутъ все такой вздоръ», говорила она, — а правду сказать, врядъ ли она и знала, что̀ такое пишутъ въ книгахъ, потому-что съ самаго дѣтства чувствовала неопреодолимое отвращеніе ко всему печатному; «рукодѣльемъ», думала она, «заниматься мнѣ вовсе нѐ для чего; слава Богу,—я не нищая, чтобъ самой на себя шить; у меня полонъ домъ рукодѣльницъ, которыя всѣ обучались въ первыхъ московскихъ магазинахъ». Къ хозяйству она также не чувствовала особеннаго влеченія, хотя любила подъ-часъ прихвастнуть своими хозяйственными свѣдѣніями и всѣмъ толковала, что хозяйство у ней въ домѣ идетъ, какъ заведенные часы... Она, какъ настоящая барыня, баловала сына, ссорилась съ мужемъ, взыскивала очень строго съ лакеевъ и дѣвокъ и сидѣла большею частью сложа ручки, погруженная въ пріятное созерцаніе своихъ богатствъ. Когда же совершенная пустота и бездѣйствіе начинали нѣсколько

тяготить ее. она посылала за Марьей Андреевной и говорила ей:

— А что, не погадаете ли вы мнѣ, душенька, въ карты?

— Если прикажете, отвѣчала обыкновенно Марья Андреевна и тотчасъ же раскладывала на столѣ передъ нетерпѣливыми взорами своей благодѣтельницы засаленныя и истертыя карты и пророчила ей исполненіе всѣхъ обѣщаній, неожиданный интересъ, нечаянную радость, скорое свиданіе съ бубновымъ королемъ, т. е. съ какимъ-то блондиномъ, который между прочимъ всегда ложился на сердцѣ у барыни, и прочее.

И барыня, жадно внимая сладкимъ рѣчамъ Марьи Андреевны, и убаюканная этими рѣчами, улыбалась съ неописаннымъ умиленіемъ. Послѣ гаданья, ловкая барышня занимала обыкновенно свою благодѣтельницу такими разговорами, которые льстили ея самолюбію и упоительно щекотали ея нервы. Барышня, напримѣръ, безпрестанно называя ее своею благодѣтельницею и второю матерью, цѣловала ей руки, приговаривая: «Что это, какія у васъ ручки-то! вѣкъ бы любовалась ими: бѣленькія, пухленькія, точно у семнадцатилѣтней дѣвушки! О, эта ручка много дѣлала благодѣяній на своемъ вѣку, помогала бѣднымъ!... Зато ужь какъ васъ любимъ мы! Вы мать наша; всѣ, можно сказать, благословляютъ васъ...

Но черезъ полчаса послѣ этого, барышня, сидя въ дѣвичьей и грызя орѣхи, такъ разсуждала съ дѣвками:

— Только и дѣла, что гадай ей... Вишь Богъ далъ какую княгиню, сидитъ-себѣ цѣлый день, развалясь на диванѣ, да важничаетъ... занимай вишь ее отъ скуки! Что такое, въ-самомъ-дѣлѣ... я не крѣпостная ея: я такая же благородная, какъ и она, — ничѣмъ не хуже ея, тоже дворянская дочь. Покойница генеральша Четвертакова была почище ея, да и та хотѣла взять меня къ себѣ въ домъ вмѣсто дочери. Она, бывало, говоритъ мнѣ: «вы», говоритъ, «никакого различія, милая, не будете имѣть съ моею дочерью, съ Любочкой, и платья такія же будете носить, какъ она, и вездѣ со мною выѣзжать, намѣсто дочери...»

И слово-за-слово... чего, бывало, не наскажетъ о себѣ барышня, а изумленныя дѣвки слушаютъ ее разиня рты и только по-временамъ вскрикиваютъ: «Ахъ, ты, Господи! Да неужьто это взаправду вы говорите, барышня?» А вечеромъ, за ужиномъ въ людской, со смѣхомъ разсказываютъ объ ней судомойкамъ и поломойкамъ. Судомойки и поломойки, въ свою очередь, приходятъ въ изумленіе. «Да вы только послушайте ее...» прибавляютъ горничныя: «это еще что! еще мы половину того не сказали, что она намъ наболтала.» — Да ужь такая мастерица прилыгать, что просто наше вамъ почтенье! восклицаютъ лакеи.—«А какъ она честитъ барыню, еслибъ вы знали», перебиваютъ дѣвки... «а барыня...» И, вслѣдъ за симъ, вся дворня воспламенялась и начинались нескончаемые толки и пересуды о барынѣ, и о баринѣ, и даже объ Аркашѣ, котораго не терпѣли ни лакеи, ни дѣвки, и котораго они иначе не звали, какъ *баловникомъ*.

Между-тѣмъ, баловникъ подросталъ незамѣтно, и его вліяніе въ домѣ съ каждымъ днемъ становилось ощутительнѣе: дворовые мальчишки терпѣли отъ него горькую участь; на лакеевъ и на дѣвокъ онъ то-и-дѣло жаловался маменькѣ... и горе было тѣмъ, которые осмѣливались, въ чемъ бы то ни было, противорѣчить барченку. Барыня являлась передъ ними съ такими сверкающими очами, что становилось страшно. Ея угрозы, какъ громъ, потрясали стѣны... Въ такихъ обстоятельствахъ, баринъ запирался въ своемъ кабинетѣ и затыкалъ уши. Вообще, участи барина нельзя было позавидовать. Онъ разыгрывалъ въ домѣ роль довольно страдательную. Ему, бѣдному, нельзя было и пожаловаться вслухъ на свою судьбу... Его малѣйшія рѣчи и движенія переносились тотчасъ супругѣ съ различными прикрасами и прибавленіями... Если кто-нибудь изъ гостей сидѣлъ у него, то всегда или барышня, или нянюшка вертѣлись около его кабинета и прилипали жаднымъ ухомъ къ дверямъ, а часто и любопытный сынокъ вслѣдъ за нянюшкой подсматривалъ въ замочную скважину, что дѣлаетъ папенька, чтобъ передать это маменькѣ. Наконецъ, папенька, скрѣпя сердце, махнулъ рукой на все это и прибѣгнулъ снова, какъ во дни своей

юности, къ тому спасительному зелью, къ которому обыкновенно прибѣгаетъ русскій человѣкъ и въ горѣ, и въ радости....

Нравственное вліяніе маменьки, няни и барышни рѣзко отпечатлѣвалось на Аркашѣ. Онъ всасывалъ въ себя постепенно ихъ образъ мыслей, ихъ вѣрованія и понятія — и развивался не по лѣтамъ. Въ девять лѣтъ онъ уже хвасталъ тѣмъ, что у него будетъ полторы тысячи душъ крестьянъ...

— Я буду богачъ, говорилъ онъ. — Маменька оставитъ мнѣ, кромѣ всего, много денегъ, много; она сама обѣщала мнѣ...

— Ну, а если родится еще сестрица или братецъ? лукаво возражала барышня: — такъ вотъ ты ужь и не будешь такой богачъ. Тогда у тебя и денегъ будетъ меньше, и крестьянъ меньше...

— Какже не такъ! кричалъ Аркаша сквозь слезы.—Я не хочу ни братца, ни сестрицы!... Не хочу!... Нянюшка!.. вѣдь у меня не будетъ ни братца, ни сестрицы?

— Не будетъ, голубчикъ, не будетъ, отвѣчала нянюшка.

— Ахъ, матушка-сударыня, съ чего это тебѣ пришло на умъ досаждать ребенку? продолжала добрая нянюшка, обращаясь къ барышнѣ. — Никакъ ты съ ума спятила? Статочное ли дѣло, чтобъ на старости лѣтъ у барыни и у барина были еще дѣти? Нѣтъ, мой голубчикъ; ты единственный наслѣдникъ и у папеньки, и у маменьки: все тебѣ останется.

Этотъ разговоръ переданъ былъ барынѣ отъ-слова-дослова нянею, и барыня пришла въ совершенное восхищеніе отъ необыкновенной сметливости и ума Аркаши. Она сообщила объ этомъ тотчасъ же черезъ двухъ своихъ пріятельницъ всей губерніи, и въ заключеніе своего разсказа прибавила:

— Не забудьте, что это говорилъ девятилѣтній ребенокъ, девятилѣтній! Признаюсь, хоть свое дитя и стыдно хвалить, но вѣдь вы сами согласитесь, что это что-то необыкновенное, это просто феноменъ! Подумайте, этакій негодный, ужь теперь знаетъ цѣну деньгамъ! Разумѣется,

я его слегка пожурила за это, но внутренно, какъ мать, не могла не порадоваться его уму. Удивительно! просто непостижимо!

— Ахъ, что за милашка! вопили въ одинъ голосъ барыни:—да гдѣ онъ? да дайте намъ обнять его! да дайте намъ расцѣловать его!

Маменька ежедневно твердила при Аркашѣ объ его красотѣ.

— Не правда ли, душенька, говорила она, относясь къ барышнѣ: — не правда ли, онъ у насъ будетъ красавецъ?

Лицо маменьки пылало въ эту минуту самодовольствіемъ...

— Вотъ будетъ кружить-то головы со-временемъ... Вотъ, я думаю, надѣлаетъ-то несчастныхъ!....

— Ужь я воображаю! произносила барышня. — И, вспомните мое слово, Аркадій Иванычъ не дастъ промаха...

— О, я увѣрена въ этомъ! съ торжественностью вскрикивала маменька.

— И онъ все день-ото-дня хорошѣетъ, продолжала барышня: — щечки у него, какъ персикъ; глаза, у! какіе плутовскіе глазки! брови дугой... Ей-Богу, иной разъ только смотришь на него, да дивуешься. Настоящій херувимъ!

Елена Терентьевна обращалась, смѣясь, къ сыну:

— Слышишь, что́ про тебя говорятъ? Ты будешь у меня большой волокита? а? Много будешь ухаживать за барышнями?

— За хорошенькими буду волочиться, маменька, отвѣчалъ Аркаша, пустивъ шарикъ изъ хлѣба въ лицо старой барышнѣ и тихонько высунувъ ей языкъ.

Къ-счастію, барышня не замѣтила этого; маменька полушутя, полусерьёзно погрозила Аркашѣ пальцемъ, потомъ схватила его на руки.

— Милый ты другъ мой! лепетала она въ порывѣ материнскаго восторга, осыпая его поцѣлуями. — Умное ты дитя мое! Что у него за милые отвѣты! каждое слово его, право, хоть записывай. Видно, Богъ хотѣлъ меня утѣшить имъ за всѣ мои страданія!... Ты меня очень любишь, голубчикъ?

— Очень, очень, маменька.

— Ангелъ мой! Ну, а послѣ меня кого ты больше всего любишь? Только скажи правду, не солги... спрашивала маменька, опуская его на полъ. — Папеньку?

— Нѣтъ, не папеньку.

— Кого жь, мой другъ? Няню?

— Нѣтъ, не няню, а Наденьку.

— Прокурорскую дочку?.. Слышите, душенька? Каковъ! Покорно прошу, съ этихъ лѣтъ ужь влюбляется!... То-то я замѣчала, когда Наденька здѣсь, онъ все около нея увивается... Плутишка!

— Я хочу жениться на ней, мамаша...

— Пора, пора, голубчикъ! вскрикивала, смѣясь, маменька.

— Сокровище вы наше! шептала барышня, съ подобострастіемъ цѣлуя руку барченка и съ умиленіемъ взглядывая на его маменьку.

— Со-временемъ, конечно, ты женишься, говорила Елена Терентьевна, какъ-бы мечтая вслухъ: — только ужь вѣрно не на какой-нибудь прокурорской, а на генеральской или на княжеской дочкѣ, на богатой, на красавицѣ... Ты вѣрно тогда будешь адъютантомъ съ аксельбантами, съ саблей, съ бѣлымъ султаномъ. У тебя будутъ маленькіе завитые усики... Ты станешь жить, разумѣется, въ столицѣ; жена твоя будетъ въ родствѣ со всею знатью... Ты будешь гулять съ нею подъ-ручку по Невскому проспекту... На ней будетъ бархатный капотъ, пятитысячная шаль и шляпка съ перомъ и цвѣтами... За вами будетъ ѣхать чудесная карета съ гербами, запряженная четвернею вороныхъ или сѣрыхъ... Всѣ проходящіе будутъ заглядываться на васъ и любоваться вами... а мнѣ, мнѣ останется только молиться за васъ, мои голубчики, да благодарить Бога за то, что Онъ даровалъ мнѣ такого сына и такую невѣстку... Ужь я и умру на вашихъ глазахъ; вѣрно ни ты, ни жена твоя не откажете мнѣ въ маленькомъ уголочкѣ... Мнѣ только и будетъ нуженъ одинъ уголокъ. Я не стану мѣшать вамъ въ вашей великолѣпной квартирѣ... Ты вѣрно успокоишь свою мамашу на старости за всѣ ея попеченія и заботы о тебѣ?...

И слезы брызнули изъ глазъ нѣжной матери при этой

роскошной фантазіи... И она, отеревъ слезы, еще съ минуту стояла неподвижно, устремивъ взоры на одну точку. Вѣроятно, упоительное видѣніе, смутившее ее, исчезало медленно, медленно, и душа ея рвалась вслѣдъ за этимъ видѣніемъ. Потомъ, когда она пришла въ себя, когда фантазія ея развѣялась, и она вдругъ очутилась въ мірѣ дѣйствительности, глаза ея искали сына; но будущій адъютантъ давно уже бѣгалъ по двору, погоняя кнутомъ мальчишку, который бѣжалъ впереди его.

Елена Терентьевна назначила сына въ военную службу. и именно въ кавалерію.—Ни за что не хочу, думала она, чтобъ онъ пропадалъ въ ничтожествѣ, безъ всякаго блеска. въ какой-нибудь канцеляріи. По статской совсѣмъ и въ люди нельзя выйти... и, признаюсь, я терпѣть не могу этихъ статскихъ чиновъ!.. Къ-тому же, онъ у меня, слава Богу, и не чувствуетъ ни малѣйшей наклонности къ статской службѣ. Онъ такой молодецъ, какъ-будто рожденъ быть военнымъ!

И въ-самомъ дѣлѣ, Аркаша смотрѣлъ героемъ. Онъ почти не разставался съ своей саблей и съ киверомъ; онъ все игралъ въ солдаты — это была любимая игра его. У него была груда весьма искусно нарѣзанныхъ барышнею офицериковъ; три или четыре ящика оловянныхъ гусаръ, уланъ и кирасиръ; большой барабанъ и ружье, изъ котораго онъ стрѣлялъ въ мальчишекъ горохомъ. Онъ имѣлъ голосъ пронзительный и сильный и кричалъ такъ, что старушка-няня и барышня затыкали себѣ уши, причемъ барышня шептала себѣ подъ-носъ: «Вишь какъ разорался, чертенокъ!» Расположеніе же Аркаши преимущественно къ кавалерійской службѣ доказывалось тѣмъ, что онъ рѣдко ходилъ или бѣгалъ просто, а всегда верхомъ на палочкѣ.

Глава II.

Когда Аркашѣ минуло десять лѣтъ, къ нему приставили дядьку. Этотъ дядька былъ старый заслуженный крѣпостной слуга, давно уже жившій на пенсіи и ничѣмъ

незанимавшійся. Его всѣ звали Никитой Савельичемъ, не исключая и господъ, и всѣ дворовые лакеи, бабы, дѣвки и даже крестьяне питали къ нему особенное уваженіе. Никита Савельичъ былъ величайшій резонёръ, или лакейскій оракулъ, и около него всегда собирался кружокъ лакеевъ и дѣвокъ, которые слушали съ величайшимъ любопытствомъ его розсказни о прежнемъ барскомъ житьѣ-бытьѣ.

— Что́, говорилъ обыкновенно Никита Савельичъ: — ныньче! Ныньче господа и жить совсѣмъ не умѣютъ. Это что̀ за жисть! Прежде, бывало, при старомъ баринѣ, у насъ одной дворни было до пятисотъ человѣкъ... Однихъ конюховъ пятьдесятъ человѣкъ, да въ комнатахъ человѣкъ тридцать, выключая казачковъ, да казачковъ сверхъ-того было штукъ до десяти. Вотъ какъ было прежде! А охотниковъ-то видимо-невидимо; этихъ тамъ разныхъ ловчихъ, доѣзжачихъ, стремянныхъ... да и всѣ названія-то ихъ въ часъ не пересчитаешь... Вотъ что́! Бывало, какъ самъ-то выѣдетъ со всей этой свитой въ отъѣзжее поле, такъ это что̀ такое, Боже мой!.. При однѣхъ собакахъ, я вамъ скажу, было двадцать человѣкъ приставлено! А какія собаки-то были: лягавыя, гончія, борзыя... Примѣрно какой-нибудь муругій съ подпалинами кобель *нахалъ*, или сѣрокрапчатая сука *обжигало*, по тысячѣ рублей стоили! И все-то это прахомъ пошло!

Никита Савельичъ умолкалъ на мгновеніе, покачивалъ головой съ грустью, вынималъ изъ кармана большую круглую табакерку съ чьимъ-то изображеніемъ на крышкѣ, которое совершенно вытерлось отъ времени, со скрипомъ поворачивалъ крышку и, понюхавъ съ разстановкой и съ чувствомъ, снова принимался расхваливать доброе старое время.

— Вотъ ныньче, примѣрно, многіе и грамотѣ изъ васъ знаютъ, и книги читаютъ, а что́ въ этомъ проку? А мы, въ старину, и грамотѣ не учились, да своимъ господамъ лучше чѣмъ вы служили. Вотъ что! Въ наше время, я вамъ скажу, у всякаго человѣка была своя амбиція. Всякій человѣкъ чувствовалъ себя. У стараго-то барина, бывало, все по стрункѣ ходитъ. Бывало, онъ

выйдетъ: вскочишь, да и стоишь, какъ вкопаный, смигнуть не смѣешь. Да что̀ я! я еще тогда былъ мальчишка, а и старые-то слуги также держали себя. Не́чего сказать, царство ему небесное, ужь настоящій баринъ былъ; нынѣшнимъ куда противъ него! и награждать умѣлъ, да и взъискивать умѣлъ. Разумѣется, гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. А ужь тяжеленька была ручка — не́чего сказать! Бывало, какъ примется, только держись. Ну, зато вѣдь и слуги были. Правду пословица говоритъ: за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

Никита Савельичъ пріостанавливался, снова вынималъ изъ кармана табакерку и со вздохомъ прибавлялъ:

— То-то!.. а ныньче что̀?

Дворня внимала Никитѣ Савельичу разиня ротъ, и, почесываясь, восклицала отъ поры до времени:

— Правда ваша, Никита Савельичъ... ужь ныньче что̀!

Въ наружности Никиты Савельича было «что-то», какъ говоритъ Гоголь, «внушающее». Это былъ послѣдній изъ славной стаи прежнихъ русскихъ слугъ. Огромнаго роста, сухощавый, съ сѣдыми какъ лунь волосами, съ серебряной серьгой въ правомъ ухѣ, всегда съ нѣсколько-нахмуренными бровями, въ бѣломъ, отчасти засаленномъ галстукѣ, нѣсколько разъ обвернутомъ кругомъ шеи; въ синемъ сюртукѣ, почти до пятъ, довольно тонкаго сукна, но уже порядочно поистершемся; въ гусарскихъ сапогахъ безъ кисточекъ сверхъ широкихъ синихъ же панталонъ; съ голубымъ бисернымъ шнуркомъ отъ часовъ на бѣломъ пожелтѣвшемъ пикейномъ жилетѣ, — онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ слугъ новаго поколѣнія.

Чувство собственнаго лакейскаго достоинства проявлялось въ его походкѣ и тѣлодвиженіяхъ, нелишенныхъ своего рода граціи, и въ лицѣ его, немного хитромъ и отчасти суровомъ, на которомъ, казалось, ясно начертаны были слова: «мы знаемъ, что́ знаемъ!»

Такому-то человѣку барыня ввѣрила надзоръ надъ барченкомъ.

— Теперь мой Аркаша въ такихъ лѣтахъ, говорила

маменька: — что женщинѣ ходить за нимъ я считаю неприличнымъ.

— И, матушка! возражала огорченная няня: — вы ужь это затѣваете напрасно. Еще Аркашечка совсѣмъ ребенокъ... Да что̀ жь такое, хоть бы онъ и большой былъ, я бы за нимъ и за большимъ не постыдилась ходить. Вѣдь я его, моего крошечку, выняньчила, такъ чего же мнѣ его стыдиться-то?

И няня всетаки потихоньку отъ барыни продолжала ухаживать за своимъ питомцемъ, несмотря даже на Никиту Савельича, который говорилъ ей:

— Эй, Кузьминишна, полно дурачиться... Ну, слава Богу, поняньчила довольно, будетъ съ тебя. Теперича тебѣ при немъ быть не слѣдъ. Ужь теперича онъ на моихъ рукахъ... Ужь я за него господамъ отвѣчаю. Вотъ что̀!

— И, батюшка, Никита Савельичъ! да гдѣ жь тебѣ такъ усмотрѣть за нимъ? Мое, ужь самъ ты знаешь, привычное дѣло ходить за ребенкомъ, да и я часто не доглядываю за нимъ.

— Авось и безъ тебя справимся какъ-нибудь! замѣчалъ Никита Савельичъ, значительно понюхивая табакъ: — одинъ дядька постоитъ за семерыхъ нянекъ... Извѣстное дѣло, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Мнѣ не учиться-стать за барскими дѣтьми ходить, слава Богу... Ученаго учить только портить... я ужь эту науку произошелъ, Кузьминишна!...

Такого рода рѣчи не нравились нянѣ. И она, бывало, занимаясь вязаніемъ чулка, такъ разсуждаетъ съ барышней:

— Вспомни мое слово, матушка! погубятъ ребенка. Дядька! только слава, что дядька, а онъ и обращаться-то съ нимъ совсѣмъ не умѣетъ... Старый балясникъ! цѣлый вѣкъ только на печи лежалъ да наушничествомъ занимался. Этимъ и въ почетъ попалъ къ старому барину... Первый человѣкъ въ домѣ!... дядька! Эка птица! а мнѣ наплевать на него...

И, постепенно разгорячаясь, няня обыкновенно спускала петлю за петлей.

— А, чтобъ ему проклятому!... еще петлю спустила... Бѣсъ этакой!... Подыми-ка, родная...

И няня отдавала чулокъ барышнѣ.

Барышня подымала петли и говорила:

— Правда твоя, нянюшка. У меня тоже къ нему что-то сердце не лежитъ... Ужь, признаться, такой искаріотъ, что ужасти!

Однако барышня, по свойственной ей слабости къ сплетнямъ, обыкновенно пересказывала Никитѣ Савельичу все, что говорила про него няня, а иногда и то, чего вовсе она не говорила.

Никита Савельичъ выслушивалъ барышню и махалъ рукой.

— А пусть ее, старая хрычовка, замѣчалъ онъ:—болтаетъ, что ей на умъ взбредетъ. Вы, сударыня, не прогнѣвайтесь, что́ я вамъ скажу: у бабы-то волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Вотъ что!

Аркаша скоро привыкъ къ Никитѣ Савельичу, ибо Никита Савельичъ, какъ человѣкъ себѣ-на-умѣ, не слишкомъ противорѣчилъ барченку, зная, что этимъ онъ угодитъ барынѣ. Ребенокъ пользовался полной свободой: кушалъ съ утра до ночи, при малѣйшемъ замѣчаніи кричалъ: «не говорите противнаго!», колотилъ мальчишекъ, безнаказанно билъ и ломалъ все, что ему ни попадалось подъ руки, и, къ величайшему прискорбію птичницы, безпощадно преслѣдовалъ по двору куръ и индѣекъ. И если птичница, выведенная наконецъ изъ терпѣнія, жаловалась на него дядькѣ, дядька говорилъ:

— Эка важность! Что жь такое, вѣдь онъ барское дитя. Пусть его забавляется.

Когда же дитя утомлялся къ вечеру, и всѣ игрушки надоѣдали ему, Никита Савельичъ занималъ его сказками о кіевскихъ вѣдьмахъ, о русалкахъ и объ оборотняхъ, въ существованіи которыхъ самъ былъ убѣжденъ твердо, потому-что не разъ ихъ видывалъ собственными глазами. Больше всего любилъ онъ разсказывать о томъ, какъ однажды ночью на сѣнникѣ давилъ его домовой, и еще, какъ домовой не взлюбилъ одну любимую лошадь стараго барина, и какъ всякую ночь взбивалъ ей гриву, и какъ кучера́ ни за что не могли распутать работу хозяина (домоваго онъ также называлъ хозяиномъ и дѣдушкой).

Эти разсказы дядьки барченокъ слушалъ не безъ страха, но всегда съ напряженнымъ вниманіемъ и любопытствомъ. Особенно боялся онъ домоваго, и Никита Савельичъ часто стращалъ его домовымъ, — иногда для того, чтобъ унять ребенка отъ шалостей, а иногда просто для собственной забавы. Впрочемъ, и то сказать: безъ домоваго Савельичъ рѣшительно не могъ бы справиться съ барченкомъ; одно только имя домоваго и дѣйствовало магически на Аркашу, который рѣшительно считалъ ни во что ни папеньку, ни маменьку и не хотѣлъ внимать ни совѣтамъ, ни увѣщаніямъ, ни мольбамъ, ни угрозамъ своего дядьки.

Но не только дядька, даже учитель Аркаши прибѣгалъ къ домовому, чтобъ сколько-нибудь дѣйствовать на своего ученика. Этотъ учитель былъ выключенный изъ какого-то университета казеннокоштный студентъ духовнаго званія, скитавшійся года три безъ мѣста и наконецъ нанятый Еленою Терентьевною для обученія Аркаши за самую ничтожную плату.

— Онъ былъ бы всѣмъ хорошъ и учитъ прекрасно, говорила о немъ Елена Терентьевна: — и можетъ преподавать не только первоначальныя правила, но даже всѣ эти, знаете, высшія науки, да только имѣетъ одинъ порокъ: отъ него всегда немножко припахиваетъ виннымъ спиртомъ. Я сначала-было испугалась, подумала, что онъ пьетъ, но, къ счастью, онъ меня успокоилъ на этотъ счетъ, сказавъ, что у него сильныя головныя боли, и что поэтому докторъ предписалъ ему постоянно примачивать голову виннымъ спиртомъ.

Студентъ, отъ котораго нѣсколько припахивало виннымъ спиртомъ, кромѣ другихъ разныхъ дарованій, владѣлъ еще даромъ стихотворства. Въ наше время этотъ даръ считается ничемъ, потому-что теперь въ Россіи столько же стихотворцевъ, сколько людей, умѣющихъ держать въ рукахъ перо. Это истина неоспоримая. Теперь у насъ всѣ пылаютъ вдохновеніемъ, уносятся въ поднебесную, и оттуда бряцаютъ на лирахъ и громятъ въ своей поэзіи неумѣющихъ цѣнить ихъ призванія — зоиловъ, то есть журналистовъ.

Я не боюся васъ, Зоилы! (восклицаютъ обыкновенно эти стихотворцы)
Ничтоженъ мнѣ вашъ дерзкій крикъ.
Во мнѣ кипятъ младыя силы,
Мнѣ свыше данъ боговъ языкъ!

Въ часъ благодатный вдохновенья
Поэтъ уносится въ эѳиръ.
Ему ничтожны дѣти тлѣнья,
Ничтоженъ сей подлунный міръ!...

Но тридцать лѣтъ назадъ, когда поэты не были еще такъ ожесточены противъ журналистовъ, когда ихъ цѣнили гораздо снисходительнѣе и уважали несравненно болѣе, въ то блаженное и увы! безвозвратно минувшее время, направленіе русской поэзіи не отличалось такою заносчивостью. Тогда поэзія была болѣе кротка и нѣжна, и студентъ, учитель Аркаши, питавшій безнадежную страсть къ какой-то уѣздной дѣвѣ, за которой было пятнадцать душъ приданаго, все воспѣвалъ ее на манеръ Карамзина:

Другъ сердечный, другъ мой милой,
Какъ лишиться мнѣ тебя?
Непонятной, чудной силой
Все къ тебѣ влекуся я...

Мнѣ съ тобой, — съ тобой разстаться
Значитъ сердце потерять,
Вѣчно плакать и метаться,
Вѣчно радостей не знать...

Такія чувствительныя стихотворенія учителя вовсе, впрочемъ, не соотвѣтствовали его наружности. Онъ былъ сложенъ довольно аляповато, имѣлъ голосъ грубый, лицо одутловатое и крошечные неопредѣленнаго цвѣта глазки, совершенно заплывшіе жиромъ. Большую часть дня онъ проводилъ въ домѣ управителя Елены Терентьевны, — ея крѣпостнаго человѣка, у котораго онъ также обучалъ дѣтей; за что тотъ, въ знакъ благодарности, всегда угощалъ его барскими наливками и настойками. Учитель душевно любилъ управителя и, по собственному сознанію, съ большою пріятностью проводилъ время въ его семействѣ.

Причиною этому, кромѣ настоекъ и наливокъ, была также Настя, дочь управителя, дѣвка лѣтъ восемнадцати, умѣвшая читать и даже писать — здоровая, полная, съ

круглымъ и краснощекимъ лицомъ, на которую учитель поглядывалъ съ неописаннымъ выраженіемъ и которой читалъ свои стихотворенія, сочиненныя имъ къ той жестокосердой, за которой было пятнадцать душъ приданаго. Послѣднее учитель, однако, скрывалъ отъ Насти. и обыкновенно, прочитавъ ей свое стихотвореніе, спрашивалъ у нея:

— Ну, а какъ это вамъ нравится, Настасья Ѳедотовна?

— Прикрасно-съ.

— А знаете ли вы, для кого это мною написано?

— Нѣтъ-съ.

— Собственно для васъ.

— А мнѣ это на что-съ?

— Я тутъ, такъ-съ, піитически выразилъ мои чувства къ вамъ, мою любовь.

— Такъ что же-съ?

— Такъ-съ; ну, а вы... Настасья Ѳедотовна... вы, можетъ-быть, кого-нибудь ужъ любите?

— Ахъ, Боже мой, да я и не знаю еще, что такое любовь-то!

И Настя сердито отворачивалась отъ учителя... Настя лгала. Настя понимала любовь и даже всю прелесть тайной и взаимной любви; оттого, вѣроятно, садовникъ Гришка такъ страшно и поглядывалъ на учителя и, говорятъ, даже грозился, въ случаѣ чего-либо, дать ему почувствовать себя...

Но да проститъ мнѣ читатель всѣ эти отступленія и подробности; они, можетъ-быть, не безполезны и со-временемъ послужатъ къ объясненію многаго въ жизни моего героя. Теперь обратимся къ нему.

Аркаша сидѣлъ съ учителемъ часа по три въ день; занимался же собственно науками не болѣе половины этого времени. Остальные полтора часа ученикъ обыкновенно потягивался, глазѣлъ въ окно на драку пѣтуховъ, на бабъ, развѣшивавшихъ бѣлье на дворѣ, на бѣгавшихъ дѣвчонокъ и мальчишекъ; на гусей, щипавшихъ траву и полоскавшихся въ лужѣ, потому-что все занимало его любознательное вниманіе. Для сокращенія часовъ ученья,

онъ безпрестанно предлагалъ учителю вопросы, вовсе некасавшіеся до наукъ; а иногда упрашивалъ его сдѣлать ему новую дудку или змѣя изъ бумаги: учитель былъ большой мастеръ дѣлать бумажные змѣи и дудки изъ стволовъ различныхъ растеній и деревьевъ.

— Ну что́, скажите, Аркашечка успѣваетъ въ наукахъ? спрашивала маменька у учителя.

— Какже-съ; все идетъ, какъ слѣдуетъ, отвѣчалъ учитель: — Аркадій Ивановичъ обладаетъ обширными способностями, только подверженъ небольшому разсѣянію.

— Очень натуральное дѣло, что онъ немножко разсѣянъ. Вѣдь онъ ребенокъ! возражала маменька. — Вы и не утомляйте его слишкомъ; вѣдь ему ученымъ не нужно быть... Къ-тому же, онъ такъ молодъ. Еще передъ нимъ, батюшка, времени много впереди. Успѣетъ всему выучиться...

Аркаша никогда не спускалъ бумажнаго змѣя безъ учителя. Учитель всегда до поту лица помогалъ ему въ этомъ упражненіи и, казалось, самъ радовался, глядя на подымающагося змѣя, не менѣе ученика. А маменька, сидя на галлереѣ съ гостьей или съ барышней, говорила:

— Очень хорошій человѣкъ этотъ учитель. Ей-Богу, спасибо ему, спасибо; какъ онъ всегда старается развлечь ребенка, доставить ему удовольствіе! Это много значитъ. Конечно, есть у него кое-какія дурныя привычки. Да, впрочемъ, вѣдь всѣ мы отъ Адама родились. Что дѣлать? Кто жъ безъ грѣха?

Еленѣ Терентьевнѣ непремѣнно хотѣлось, чтобъ Аркаша въ совершенствѣ изъяснялся на французскомъ языкѣ, и потому она начала хлопотать о гувернёрѣ. И гувернёръ-французъ былъ выписанъ чрезъ одну ея родственницу изъ Петербурга за три тысячи рублей въ годъ. Сверхъ званія гувернёра, онъ принялъ еще на себя обязанность преподавать своему питомцу французскую литературу, исторію и музыку, не требуя за то особенной платы. Въ условіи, заключенномъ между нимъ и барынею, наслышась о русскихъ провинціальныхъ нравахъ, французъ не счелъ лишнимъ включить, между прочимъ, слѣдующіе пункты:

1) чтобъ съ нимъ всегда обращались учтивымъ и приличнымъ образомъ; 2) чтобъ ему отведена была чистая и свѣтлая комната съ необходимою мебелью; 3) чтобъ онъ постоянно пользовался барскимъ столомъ и имѣлъ право обѣдать, пить кофе и чай вмѣстѣ со всѣми, или отдѣльно въ своей комнатѣ, — смотря по расположенію; 4) чтобъ ежедневно отпускалось ему не менѣе полубутылки краснаго или бѣлаго столоваго вина, ибо, по его словамъ, онъ не могъ употреблять ни кваса, ни кислыхъ щей, ни другихъ какихъ-либо варварскихъ напитковъ; 5) чтобъ ему назначенъ былъ человѣкъ для прислуги, какъ-то: для чищенія платья, сапогъ, для уборки его комнаты и проч.; 6) чтобъ, въ случаѣ желанія, онъ могъ покрайней-мѣрѣ въ мѣсяцъ одинъ разъ отлучиться дня на два или на три или въ гости къ сосѣднимъ помѣщикамъ, или въ губернскій городъ, и чтобъ въ такомъ случаѣ ему давали надежный и приличный экипажъ, и 7) чтобъ впродолженіи каникулярнаго времени (отъ 1-го іюня до 1-го августа) онъ пользовался полной свободой и на эти мѣсяцы могъ отлучаться куда заблагоразсудитъ.

Этотъ гувернёръ, котораго вся дворня, не исключая и барышни, звала *мусьё*, несмотря на свою молодость, принадлежалъ къ французамъ стараго времени. Онъ былъ, что называется, душа холостаго общества. Беззаботный весельчакъ, несмотря на ограниченность ума, всегда легкій, пріятный и неутомимый говорунъ, особенно за бутылкою шампанскаго; несмотря на ограниченность средствъ — всегда щегольски-одѣтый; несмотря на совершенную ограниченность образованія и бѣдность свѣдѣній — умѣвшій вдругъ озадачить и, что называется, пускать пыль въ глаза; немного разсѣянный, очень вѣтренный, волокита, отчаянный легитимистъ, славный бильярдный игрокъ, — онъ пріѣхалъ въ Россію съ полною увѣренностью какими бы то ни было средствами въ нѣсколько лѣтъ нажить себѣ капиталъ. Онъ готовъ былъ сдѣлаться чѣмъ угодно: гувернёромъ, парикмахеромъ, компаньономъ, танцмейстеромъ, актеромъ, шефомъ оркестра (потому-что умѣлъ играть немножко на флейтѣ и немножко на скрипкѣ), камердинеромъ знатнаго и богатаго барина

и даже любовникомъ старой и богатой барыни. Два года прожилъ онъ въ Петербургѣ и впродолженіе этого времени успѣлъ быть сначала гувернёромъ въ какомъ-то домѣ, потомъ музыкальнымъ учителемъ, потомъ прикащикомъ въ книжной лавкѣ, наконецъ прикащикомъ въ музыкальномъ магазинѣ, — и нигдѣ не могъ ужиться. Ему безпрестанно отказывали отъ мѣстъ, потому-что нигдѣ онъ не исполнялъ своихъ обязанностей. Бильярдъ, домино, шампанское, трактирныя знакомства рѣшительно губили его... Однако, несмотря на стѣсненное положеніе, онъ не унывалъ нисколько и попрежнему шутилъ, острилъ, каламбурилъ, разсказывалъ анекдоты и съ совершенно одинаковою важностью разсуждалъ о военныхъ дѣйствіяхъ Наполеона, котораго, разумѣется, ненавидѣлъ, и о способѣ приготовленія салата, который, по мнѣнію знатоковъ, онъ точно приготовлялъ превосходно. Въ провинцію поѣхалъ онъ не совсѣмъ-охотно, но дѣлать было нечего, потому-что послѣднія средства его истощились... И хотя русскіе провинціяльные нравы отчасти пугали его, онъ однако утѣшалъ себя мыслью — сдѣлать въ провинціи свою карьеру: плѣнить какую-нибудь богатую русскую барыню-вдову, жениться на ней, заставить ее обратить въ капиталъ ея несмѣтное имущество (богатство русскихъ представлялось ему не иначе, какъ въ чудовищныхъ размѣрахъ), перевести этотъ капиталъ во Францію, купить себѣ современемъ графство, и проч. «Что жь такое?» думалъ онъ: «c'est une idée comme une autre!»

Не знаю, какое впечатлѣніе произвела на француза Елена Терентьевна, но французъ произвелъ на нее самое выгодное и пріятное впечатлѣніе.

— Бель-омъ, бель-омъ! говорила она про него барышнѣ. — Прелесть, что за мужчина! Посмотрите, милая, какіе у него глаза... голубые и нѣсколько на-выкатѣ! А какіе волосы... бѣлокурые и курчавые... Не правда ли, бѣлокурые мужчины лучше брюнетовъ?... Носъ орлиный, манеры самаго лучшаго тона... Прелесть! прелесть!... Ну, признаюсь, я рада за моего Аркашу; я увѣрена, что онъ вполнѣ образуетъ его и сдѣлаетъ свѣтскимъ человѣкомъ... А замѣтили ли вы, душенька, какой онъ веселый, какой

говорунъ и какой, кажется, вѣтренникъ. Ну, словомъ, настоящій французъ! настоящій!

Еще до-сихъ-поръ у насъ многіе, даже очень умные и образованные люди, понимаютъ французовъ такъ, какъ понимала ихъ моя Елена Терентьевна. Я полагаю, что эти господа не совсѣмъ правы. По двумъ или тремъ выходцамъ нельзя дѣлать заключеніе о характерѣ цѣлаго народа, особенно такого народа, который можетъ указать на Декарта, на Жанъ-Жака Руссо, Бернардена-де-Сен-Пьера, а въ наше время на Жоржъ Зандъ, Ламартина и другихъ.

Въ эпоху, описываемую мною, натурально, сердца всѣхъ русскихъ живѣе бились при воспоминаніи о незабвенномъ двѣнадцатомъ годѣ: ибо это воспоминаніе еще было свѣжо. Буря утихла, но страшно-взволнованное ею море еще сердито колыхалось. Еще народная ненависть не успѣла опочить, и многіе русскіе патріоты очень неблагосклонно посматривали на французовъ. Къ числу такихъ патріотовъ принадлежали Никита Савельичъ, дядька Аркаши, и студентъ-учитель.

— Врагу отечества поручить дитя! разсуждалъ Никита Савельичъ. — Ну, есть ли тутъ разумъ? Ну, чему доброму онъ его научитъ? Хоть бы баринъ вступился въ это дѣло, да выгналъ изъ дома этого безбожника въ-зашей.

— Правда ваша, Никита Савельичъ, возражалъ учитель: — и посмотрите, какъ онъ ведетъ себя! какъ-будто баринъ какой: разляжется-себѣ на диванѣ при господахъ: смотритъ, знаете, на всѣхъ съ презрѣніемъ; а вѣдь, я думаю, просто изъ фурлейтовъ. Еще, можетъ, каналья, нашу кровь проливалъ. Чего добраго!... Аркадію Ивановичу главное, Никита Савельичъ, вы сами понимаете, нравственность, такъ-сказать, надо вложить; образовать его умъ и сердце, то-есть, какъ слѣдуетъ русскому дворянину... ну, а гдѣ жь какому-нибудь этакому подбитому вѣтеркомъ французу понимать такія священныя обязанности? Профессоромъ себя называетъ!... Ахъ онъ, съ позволенія сказать... да, что тутъ много толковать!

онъ, я думаю, и свою-то грамоту съ грѣхомъ пополамъ знаетъ...

— И какую барыня власть дала этому прощалыгѣ, продолжалъ Никита Савельичъ: — просто даже смотрѣть гадко. Всѣ, вишь, по его дудкѣ пляши! Ахъ, ты Господи! Господи!... Вотъ до какой участи дожили: французу повиноваться! Да что, еслибъ старый-то баринъ посмотрѣлъ на это?

Въ-самомъ-дѣлѣ, французъ пользовался полною довѣренностью и неограниченною благосклонностью Елены Терентьевны. Она даже выписала нарочно для него изъ Москвы порядочный запасъ лафита и шампанскаго; кромѣ того, онъ безпрестанно получалъ отъ нея подарки: то шелковую матерію на жилетку, то самаго тонкаго англійскаго сукна на фракъ, то бобровый воротникъ на бекешь.

— Все это я дѣлаю, говорила она: — для его поощренія, чтобъ онъ больше занимался моимъ Аркашей; а для Аркашечки мнѣ ничего не жаль! Онъ вѣдь у меня одинъ, единственное сокровище, единственное утѣшеніе, оставшееся мнѣ на землѣ... Видитъ Богъ, для него я готова на всѣ пожертвованія!

Когда же губернскія барыни спрашивали у нея:

— А что, Елена Терентьевна, довольны ли вы вашимъ гувернёромъ?

— То-есть, такъ довольна, отвѣчала она: — что вы себѣ и представить не можете... Онъ ужь такъ внимателенъ къ ребенку, такъ — что этого и сказать нельзя. И какіе успѣхи Аркашечка сдѣлалъ въ короткое время! Въ мои именины онъ, вообразите, принесъ мнѣ поздравительные стихи на французскомъ языкѣ... А какой у него становится выговоръ!... Онъ со-временемъ, я увѣрена, будетъ говорить по-французски, какъ настоящій французъ, *р* немножко картавитъ, точно такъ, какъ его гувернёръ... Вѣдь это, можно сказать, необыкновенный ребенокъ; онъ сейчасъ съ разу все перейметъ. И гувернёръ имъ не нахвалится. Онъ мнѣ откровенно признавался, что еще не видывалъ ребенка съ такими способностями, а надобно вамъ сказать, что вѣдь въ Петербургѣ онъ былъ гувернёромъ все при княжескихъ и при графскихъ дѣтяхъ...

Елена Терентьевна, несмотря на свои нравственныя правила, несмотря на то, что твердила безпрестанно: *по моему хвастовство — это самый гнусный порокъ въ человѣкѣ*, иногда позволяла себѣ прихвастнуть немножко. Гувернёръ вовсе не думалъ восхищаться способностями ея сына; напротивъ, Аркаша выводилъ его изъ терпѣнія своими шалостями, невнимательностью во время уроковъ и лѣнью. Гувернёръ иначе не звалъ его, какъ mon petit tyran, и не одинъ разъ принужденъ былъ жаловаться на него маменькѣ. И, къ величайшему изумленію всей дворни, маменька, скрѣпя сердце, наказывала Аркашу безъ обѣда, но няня всякій разъ тихонько отъ гувернёра и отъ маменьки до того изъ жалости кормила его булочками и пирожками, что дитя едва могло дышать, и даже однажды чуть не слегло въ постельку. Наказаніе Аркаши обнаруживало вполнѣ, какую власть и какое вліяніе гувернёръ имѣлъ на Елену Терентьевну. Впрочемъ, впослѣдствіи, гувернёръ пересталъ быть строгъ и взыскателенъ къ своему питомцу, во-первыхъ, потому, что нашелъ это безполезнымъ; во-вторыхъ, потому, что не хотѣлъ огорчать маменьку, а въ-третьихъ, потому, что не хотѣлъ изъ пустяковъ волновать и тревожить самого себя. Онъ занимался съ Аркашей не болѣе двухъ часовъ въ день, и то больше для виду; прочее же время оставлялъ его на попеченіе Никиты Савельича, а самъ или разговаривалъ съ Еленой Терентьевной, или отправлялся съ ружьемъ на охоту, или ѣздилъ верхомъ, или игралъ въ бильярдъ съ хозяиномъ дома. Вообще, онъ пользовался полной свободой, понемногу привыкалъ къ однообразной и утомительной деревенской жизни, постепенно копилъ себѣ деньги, чего бы никакъ онъ не могъ сдѣлать въ Петербургѣ, и утѣшалъ себя мыслью черезъ нѣсколько лѣтъ отправиться на родину, если не съ огромнымъ капиталомъ, то покрайней-мѣрѣ съ такою суммою, которая могла вполнѣ его обезпечить. Онъ выучилъ нѣсколько фразъ по-русски; и всегда, когда встрѣчался съ Настей, горничной Елены Терентьевны (а это случалось довольно часто), произносилъ очень чисто: «Здрастуйте́, какъ ви поживаете́? Можно тебья поцаловать? Я очень тебья люблю... Ты очень прекрасна», и

потомъ обнималъ Настю, которая всякій разъ, вырываясь изъ его объятій, вскрикивала:

— Ахъ полноте... какіе вы баловники!

Настя сначала была фавориткой барыни, но потомъ барыня вдругъ безъ всякой причины не взлюбила ее, начала рѣшительно гнать и противъ воли заставила выйдти замужъ за кривобокаго и стараго кузнеца Доримидошку. Этотъ кузнецъ былъ характера дикаго и непреклоннаго. Въ припадкахъ ревности онъ, говорятъ, немилосердно колотилъ бѣдную Настю, и она чрезъ годъ послѣ брака умерла въ чахоткѣ.

Между-тѣмъ, Аркаша толстѣлъ и возрасталъ значительно. Уже вмѣсто гусарскихъ курточекъ ему шили сюртучки и фрачки; уже онъ пересталъ ѣздить верхомъ на палочкѣ, а ѣздилъ на настоящей небольшой лошадкѣ, которую ему подарила маменька; уже онъ кое-какъ болталъ по-французски и порядочно пиликалъ на скрипкѣ, потому-что къ музыкѣ чувствовалъ бо́льшее расположеніе, чѣмъ къ наукамъ; уже онъ съ особеннымъ любопытствомъ поглядывалъ на горничныхъ, особенно въ то время, когда тѣ мыли бѣлье на рѣкѣ... «Господи Боже мой! Ка́къ время-то идетъ!» говорила, глядя на него, маменька: «давно ли еще онъ, мой голубчикъ, былъ на рукахъ у кормилицы, а теперь вонъ какой молодецъ выросъ. Все-то такъ на свѣтѣ!»

Для него наняли новаго учителя, потому-что прежній часто вдругъ пропадалъ и Богъ знаетъ гдѣ скрывался по цѣлымъ недѣлямъ, а возвращался въ такомъ видѣ, что его рѣшительно нельзя было допустить къ ученику. Впрочемъ, Елена Терентьевна, по свойственной ей добротѣ, позволила ему оставаться въ домѣ и даже дала пять рублей какому-то мужику изъ сосѣдней деревни, который взялся его вылечить отъ пьянства. А благодарный учитель написалъ въ честь своей благодѣтельницы диѳирамбъ, который начинался такъ:

Слети, о ты волшебна сила!
На лиру скромную мою...
Въ честь добродѣтели свѣтила
Внуши мнѣ гимнъ, — да воспою!...

Но лекарства мужика не пособили учителю... Бѣдный все-таки кончилъ свое поприще трагически. Онъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не выходилъ никуда; кромѣ воды и кваса ничего не пилъ, крѣпился, тосковалъ, — и вдругъ исчезъ снова. Это было вечеромъ наканунѣ крещенья, въ жесточайшій морозъ. Наутро нашли его замерзшимъ въ канавѣ, на полдорогѣ отъ барскаго двора къ питейному дому.

Аркаша новаго своего учителя слушался точно такъ же, какъ и стараго. Ученье казалось ему невыносимой пыткой, и всякій разъ, вырываясь изъ класса, какъ изъ тюрьмы, съ позволенія гувернёра, онъ бѣжалъ, разсѣкая воздухъ хлыстикомъ, на конюшню, приказывалъ осѣдлать свою лошадку и черезъ минуту скакалъ верхомъ, въ сопровожденіи конюха, по большой деревенской улицѣ. Мужики, бабы, дѣвчонки и мальчишки кланялись въ поясъ, завидя своего барченка, и смотрѣли на него съ подобострастіемъ, разинувъ рты и вытаращивъ глаза; а барченокъ съ самодовольной и гордой улыбкой едва кивалъ имъ головой и мчался, закидывая грязью или пескомъ деревенскихъ ребятишекъ и младенцевъ, которыхъ заботливые родители преспокойно оставляли на улицѣ почти посреди дороги.

Папенька Аркаши рѣшительно ничего не хотѣлъ знать, что̀ дѣлается въ домѣ, и не вступался въ воспитаніе своего сына; только, замѣтивъ его страсть къ лошадямъ, непремѣнно самъ захотѣлъ учить его ѣздить верхомъ. Быстрые успѣхи Аркаши въ верховой ѣздѣ отъ души радовали папеньку...

Однажды, въ манежѣ, онъ былъ необыкновенно имъ доволенъ. Глядя на сына, его кавалерійское сердце сильно забилось въ груди и въ немъ проснулась память о прежнихъ беззаботныхъ, счастливыхъ годахъ. Онъ схватилъ Аркашу на руки и крѣпко прижалъ къ груди.

Аркаша обнялъ его. Ему въ первый разъ отчего-то стало жаль папеньку. Папенька вдругъ измѣнился въ лицѣ, какъ-будто чувство отца начинало побѣждать въ немъ чувство кавалериста — и слезы вдругъ невольно хлынули изъ глазъ его. — Ахъ, если бы не твоя мать! проговорилъ

онъ глухимъ голосомъ, но вырвавшимся изъ глубины души... Ну, да впрочемъ она какъ и всѣ онѣ! — Онъ не договорилъ и махнулъ рукой. — Люби меня, Аркаша! И произнеся эти послѣднія слова почти шопотомъ, онъ быстрыми шагами вышелъ изъ манежа. Аркаша проводилъ отца глазами и задумался. Этого прежде съ нимъ также не случалось... Какъ-будто что-то съ болью пошевельнулось въ груди его, и онъ вздрогнулъ; но въ эту минуту прибѣжавшая въ манежъ маменька закричала:

— Насилу-то я тебя нашла, мой ангелочекъ!... Неужто ты до-сихъ-поръ все ѣздилъ верхомъ? Посмотри-ка, на тебѣ лица нѣтъ... Бога не боится папенька... Онъ совсѣмъ тебя замучитъ... Да что это ты такой скучный? Не обидѣлъ ли тебя папенька?

— Это еще что̀ вы выдумали? отвѣчалъ Аркаша: — папенька меня никогда не обижалъ. — Аркаша, къ удивленію маменьки, въ первый разъ вступился за папеньку.

— Ну, не сердись, мое сердце, не сердись на свою мамашу. Будь веселѣе... Ужь какъ я не люблю, когда ты не веселъ... Мнѣ Богъ ужь знаетъ что̀ представляется, что ужь ты и боленъ-то... и что тебя ужь кто-нибудь огорчилъ... Надо быть всегда веселымъ. Да и о чемъ тебѣ скучать, дружочекъ? Мамаша души въ тебѣ не слышитъ, исполняетъ всѣ твои желанія, живетъ, можно сказать, только единственно для тебя; куда ни обернись — все твое, все къ твоимъ услугамъ, все тебѣ повинуется... Я только объ одномъ прошу тебя... будь ласковъ и внимателенъ къ своему гувернёру и во всемъ слушайся его... Онъ безподобный человѣкъ и безъ памяти любитъ тебя... Его совѣтами слѣдуетъ дорожить, душа моя, и пользоваться ими... Ты вѣдь этимъ утѣшишь свою мамашу? Не правда ли?

Аркаша, чтобъ поскорѣй отдѣлаться отъ наставленій маменьки, обѣщалъ исполнить ея волю и сломя голову убѣжалъ въ садъ. Тамъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ любимыхъ мальчишекъ, онъ занимался раззореніемъ птичьихъ гнѣздъ, забывая папеньку, и маменьку, и гувернёра, и всѣхъ на свѣтѣ. Вообще, страсть къ раззоренію и разрушенію, обнаружившаяся въ барченкѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, развивалась въ немъ съ каждымъ

годомъ подъ вліяніемъ благодѣтельнаго воспитанія..... Аркаша подавалъ блестящія надежды въ будущемъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Аркашѣ минуло четырнадцать лѣтъ, папенька его послѣ долгой и трудной болѣзни скончался, въ совершенной памяти, простясь съ женою, съ сыномъ и со всѣми старшими людьми въ домѣ... Лицо умирающаго выражало страшное внутреннее страданіе. Казалось, какая-то мысль тревожила его — и онъ хотѣлъ передать эту мысль и не находилъ словъ для ея выраженія. Потухавшіе глаза его попеременно обращались съ безпокойствомъ то къ женѣ, то къ сыну... Елена Терентьевна стонала, хватала себя за голову и ломалась ужасно. — Помогите мнѣ! кричала она: — помогите мнѣ... Охъ, дурно... Чувствую, что съ ума сойду... Другъ ты мой! на кого ты меня покидаешь?... И, качая головой, она съ плачевной гримасой смотрѣла на умирающаго. Но въ послѣднюю минуту, казалось, все вниманіе онъ сосредоточилъ на одномъ сынѣ и крѣпко держалъ его за руку. Губы его шевелились... Усиливался ли онъ сказать что-нибудь и не могъ, или читалъ про-себя молитву — Богъ знаетъ. Рука его замерла въ рукѣ сына. Аркаша горько плакалъ. —Такъ ужь его нѣтъ, моего роднаго?—вдругъ вскрикнула Елена Терентьевна и бросилась къ Аркашѣ. — Сироточка мой... сироточка!... Но крикамъ, восклицаніямъ и обморокамъ Елены Терентьевны не было конца...

Послѣ смерти супруга, она долгое время, разумѣется, была неутѣшна и обыкновенно говорила тономъ отчаянія:

— Чего только я не перенесла въ жизни? Удивляюсь, именно удивляюсь, какъ меня стало на все. Отца, матери лишилась, двухъ мужей схоронила, — двухъ мужей, да еще какихъ! Настоящихъ ангеловъ!

Вскорѣ послѣ потери папеньки, Аркаша былъ нѣсколько огорченъ смертью няни. Впрочемъ, онъ скоро забылъ и папеньку, и няню.

Елена Терентьевна держала при себѣ сына сколько могла, то-есть лѣтъ до шестнадцати. Долѣе оставлять его дома она уже сочла неблагоразумнымъ, особенно послѣ того, когда до слуха ея начали доходить различные подвиги Аркаши. Къ-тому же, гувернёръ рѣшительно поже-

лалъ возвратиться на родину. Мечты его отчасти осуществились: онъ, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ и, кромѣ того, собственной бережливости, уѣхалъ изъ Россіи съ порядочнымъ капиталомъ. Нѣсколько дней сряду послѣ его отъѣзда Елена Терентьевна не поднималась съ постели: дотого она чувствовала себя нездоровою.—Ахъ, милая, я такъ простудилась, — говорила она барышнѣ,— что ужасъ... жаръ такой, такъ вся и горю. — Знаемъ мы твою простуду-то!... думала про-себя барышня, — а между-тѣмъ цѣловала ей ноги и, по обыкновенію, смотрѣла на нее съ умиленіемъ и, вздыхая, повторяла: — Ахъ, благодѣтельница вы наша! голубушка вы наша! какъ это вамъ не грѣхъ хворать!

Командиръ **... гусарскаго полка, сослуживецъ мужа Елены Терентьевны, старинный знакомый ея, нѣкогда даже страдавшій по ней, опредѣлилъ Аркашу къ себѣ въ полкъ юнкеромъ.

Съ той минуты, какъ рѣшена была участь его, Аркаша не ходилъ иначе, какъ въ сѣрыхъ рейтузахъ, подшитыхъ кожей, въ сапогахъ съ длинными шпорами, въ венгеркѣ съ кистями и съ хлыстомъ въ рукѣ. Ему очень было досадно, что у него нѣтъ усовъ, — однако, для большаго эффекта, онъ безпрестанно крутилъ вмѣсто волосъ пушокъ, едва-едва показавшійся на томъ мѣстѣ, гдѣ долженствовали современемъ красоваться усы — и даже въ нетерпѣніи принялся за бритву... Книги онъ бросилъ въ сторону и цѣлый день проводилъ на конюшнѣ...

— Другъ мой Аркашечка! говорила ему маменька: — что ты не посидишь съ своей мамашей? я тебя цѣлый день не вижу, а намъ ужь не долго остается быть вмѣстѣ. Когда-то еще Богъ приведетъ намъ увидѣться?... Здоровье мое что-то слабѣетъ день-ото-дня... Вчера я видѣла во снѣ твоего папашу — и такъ явственно; онъ, какъ живой, голубчикъ, стоялъ передо мною... говоритъ мнѣ: «я», говоритъ, «скоро возьму тебя къ себѣ», и все манилъ меня рукой... Этотъ сонъ что-нибудь да значитъ!...

И Елена Терентьевна зарыдала и упала на грудь сына.

За три недѣли до отъѣзда Аркаши, начались сборы и приготовленія. Впродолженіе этого времени, слезы безпре-

станно навертывались на глазахъ доброй матери, и она смотрѣла на сына съ особеннымъ выраженіемъ, которое невозможно описать никакимъ перомъ... Барышня не отходила отъ нея прочь, цѣловала ей руки и утѣшала ее:

— Полноте, родная, не убивайте себя! повторяла она. — Аркадій Иванычъ пойдетъ далеко; онъ до всего дослужится, будетъ вашимъ утѣшеніемъ подъ старость. Посмотрите-ка, черезъ годъ пріѣдетъ къ намъ съ бѣлымъ султаномъ, будетъ гремѣть саблей, — а я ему скажу: помните, Аркадій Иванычъ, какъ я носила васъ на рукахъ и вырѣзывала вамъ солдатиковъ изъ картъ? — То-то будетъ у насъ веселье въ домѣ!

Въ день отъѣзда Аркаши, весь домъ, вся дворня и вся деревня съ самаго рапняго утра были въ неописанномъ волненіи. У подъѣзда дома стояла коляска, запряженная четвернею въ-рядъ... Двое слугъ и Никита Савельичъ были уже въ дорожныхъ платьяхъ... Дѣвки, лакеи и кучера суетились около экипажа... Елена Терентьевна сама уложила подушки въ коляскѣ, чтобъ Аркашѣ было покойнѣе сидѣть... Потомъ она повела его на могилу къ отцу и, припавъ къ могилѣ, стонала и рыдала... Потомъ начался молебенъ, послѣ молебна завтракъ. За завтракомъ она ничего не могла кушать, а сидя возлѣ сына, только сквозь слезы шептала: «не забудь же меня! не разлюби меня, мой другъ!» и цѣловала его въ плечо и въ грудь и даже подносила къ своимъ устамъ его руки... Завтракъ кончился, — настала торжественная минута... Передъ отъѣздомъ, по обыкновенію, всѣ на одну секунду усѣлись... Затѣмъ Елена Терентьевна первая привстала и, едва передвигая ноги, подошла съ образомъ къ сыну... Сынъ упалъ передъ нею на колѣни и заплакалъ... Она его благословила образомъ, передала образъ на руки Никитѣ Савельичу, съ страшнымъ воплемъ заключила Аркашу въ свои объятія и ровно четверть часа держала его на груди своей, а всѣ присутствовавшіе, глядя на это, рыдали, въ особенности барышня.

— Будь ласковъ, вѣжливъ и почтителенъ къ старшимъ! говорила Елена Терентьевна прерывающимся голосомъ, крестя сына дрожащей рукой: — слушайся началь-

никовъ, угождай имъ, будь искателенъ, предупредителенъ; надобно во всѣхъ, дружочекъ, *умѣть найдти* — это первое; надобно, чтобъ всѣ тебя любили... Съ этими правилами не пропадешь... Я всегда держалась этихъ правилъ и, благодаря моего Бога, умѣла нажить себѣ истинныхъ друзей... Проводи большую часть времени въ семействѣ твоего командира... Холостая компанія до добра не доводитъ... Не забудь отдать ему мое письмо... Старайся понравиться, пріобрѣсти расположеніе его супруги... Она, говорятъ, женщина необыкновенно-умная и тонкаго обращенія... Пуще всего пиши къ мамашѣ каждую почту, не забывай... Никита Савельичъ, пожалуйста, напоминай ему объ этомъ. Ну, да благословитъ тебя Господь, дружочекъ мой!

И вслѣдъ за этими словами, Елена Терентьевна снова обняла сына и такъ взвизгнула, что всѣ присутствовавшіе невольно вздрогнули.

Поддерживаемая съ одной стороны барышнею, съ другой дѣвкою, она вышла на крыльцо... На дворѣ уже собралась вся любопытная дворня смотрѣть на отъѣздъ барченка... На крыльцѣ снова начались объятія и лобызанія.

— Сбереги же мнѣ моего Аркашу, Никита Савельичъ! произнесла Елена Терентьевна, прощаясь съ дядькою, который подошелъ къ ея рукѣ. — Я тебѣ въ цѣлости сдаю ребенка съ рукъ-на-руки... Ты мнѣ во всемъ будешь за него отвѣчать...

— А вы (барыня обратилась къ двумъ лакеямъ, которые отправлялись съ молодымъ бариномъ)—вы смотрите у меня... служите барину хорошенько, ничѣмъ не огорчайте его; не забудьте, что ваша участь въ моихъ рукахъ, что я все что хочу могу съ вами сдѣлать... Смотри за ними Бога ради, Никита Савельичъ, не давай имъ баловаться!...

Вслѣдъ затѣмъ барышня, а вслѣдъ за барышнею вся дворня стали прощаться съ барченкомъ... Наконецъ барченокъ усѣлся въ коляску.

— Покойно ли тебѣ сидѣть, мое сердце? спрашивала маменька. — Дай посмотрѣть. И она сѣла на минуту въ коляскѣ возлѣ сына и опять начала обнимать, цѣловать его и плакать...

Между-тѣмъ, Никита Савельичъ и два отъѣзжавшіе лакея въ свою очередь обнимались, цѣловались и прощались съ своими родственниками и съ остальною дворнею.

Когда Елена Терентьевна вышла изъ коляски, Никита Савельичъ сѣлъ на ея мѣсто, и лошади двинулись...

— Прощайте! прощайте!...—Прощай, мой дружочекъ!— Христосъ съ тобой!

— Прощайте, маменька!...

— Прощай, мое сердце!...

— Не забыли ли чего-нибудь? кричали лакеи и дѣвки.

— Нѣтъ, все взято...

— Ну, съ Богомъ!...

Коляска выѣхала изъ воротъ...

Аркаша въ послѣдній разъ выглянулъ изъ коляски.

Маменька кивала ему головой и крестила его.

Коляска скрылась изъ вида.

Маменька безъ чувствъ упала на руки дѣвокъ...

Къ вечеру, когда Елена Терентьевна немного успокоилась и пришла въ себя, она сказала барышнѣ:

— Ахъ, какъ тяжело мнѣ, душенька! если бы вы знали, какъ грустно! какая пустота въ домѣ безъ него, безъ моего голубчика!... Погадайте-ка мнѣ объ немъ.

Барышня тотчасъ разложила карты. По картамъ вышло, что Аркаша въ самомъ скоромъ времени будетъ произведенъ въ офицеры и получитъ тьму наградъ. — Да это еще что! замѣтила барышня: — посмотрите... ему выходитъ, кромѣ того, такое удивительное счастье... такое, что и сказать нельзя! Что-то просто необыкновенное...

Утѣшась немного предсказаніями барышни, Елена Терентьевна, утомленная душевными тревогами, легла въ постель ранѣе обыкновеннаго и все придумывала, какое же бы это такое необыкновенное счастье ожидало ея Аркашу?

Глава III.

Аркаша, котораго отнынѣ я буду называть Аркадіемъ Иванычемъ, первое время своего юнкерства находился въ нѣкоторой зависимости отъ Никиты Савельича. Старый

дядька распоряжался всѣмъ и съ большою умѣренностью и осторожностью выдавалъ деньги своему барченку.

Среди незнакомыхъ ему людей, въ мірѣ для него новомъ, Аркадій Иванычъ еще не успѣлъ развернуться. Полный, съ румяными щеками, еще нѣсколько застѣнчивый и робкій, — онъ, въ сравненіи съ своими товарищами, казался красною дѣвушкою: за то товарищи и прозвали его *маменькинымъ сынкомъ*. Они подшучивали надъ нимъ безпрестанно.

— Какъ же маменька-то отпустила тебя безъ няньки? спрашивали его. — Что, братъ, говорили ему: — ты дядьки-то, кажется, боишься порядочно? а? Онъ тебя держитъ въ рукахъ... Ты безъ него вѣдь ничего не смѣешь дѣлать?

Аркадій Иванычъ краснѣлъ и бѣсился.

— Вотъ вздоръ какой! обыкновенно отвѣчалъ онъ. — Съ чего это вы взяли? Я все, что хочу, дѣлаю...

— Ну, братъ, докажи-ка; посмотримъ.

Самолюбіе Аркадія Иваныча подстрекали такимъ образомъ ежеминутно.

— Ну, да чѣмъ же вамъ доказать? спрашивалъ онъ.

— Коли ты смѣешь безъ его позволенія дѣлать, что хочешь, — ну, такъ угости насъ сегодня шампанскимъ.

— Пожалуй, хоть сейчасъ.

И Аркадій Иванычъ бѣжалъ домой, ласкался къ своему дядькѣ и выпрашивалъ у него денегъ. — Никита Савельичъ, вынимая деньги изъ кованаго сундучка, поморщивался и обыкновенно говорилъ:

— Слава Богу, опять! Да на васъ, сударь, не напасешься денегъ. Давно ли вы у меня взяли, — а ужь ничего нѣтъ! На что еще понадобились? Ужь я знаю, куда эти деньги пойдутъ! ужь вы меня лучше и не обманывайте! Стыдно, сударь! что, вы ихъ удивить думаете, что ли? Они, пожалуй, рады на чужой счетъ кутить. Знаемъ мы ихъ! Вѣдь все голь такая, прости Господи; какъ имъ не пощечиться около васъ! Вишь, какой кладъ нашли! — Они настоящая, я вамъ скажу, бездонная бочка: на нихъ сколько ни трать, все мало, и спасибо не скажутъ;

а вмѣсто спасиба, васъ же осмѣютъ. Вотъ что! Ахъ, Аркадій Иванычъ, жаль мнѣ васъ, батюшка! ужъ научатъ они васъ добру!

— Никита Савельичъ! да нѣтъ, ты не знаешь, возражалъ неопытный юнкеръ: — ей-Богу, это совсѣмъ не для нихъ, это я для себя... это мнѣ нужно, знаешь, вотъ для того, чтобы...

— Полноте вертѣться-то, батюшка! перебивалъ Никита Савельичъ: — я знаю васъ: что̀ говори, что̀ нѣтъ — все равно... Ну да ужь это я въ послѣдній разъ вамъ даю такую сумму... Вамъ извѣстно дѣло и горя мало: вѣдь не вамъ, а мнѣ передъ маменькою-то отвѣчать. Она спроситъ... Отчего это, Савельичъ, у васъ такъ скоро деньги выходятъ? Это, дескать, скажетъ, твое несмотрѣніе, какой же ты дядька послѣ этого! — да еще подумаетъ: старый дуракъ, я ему все на его отвѣтственность, такъ-сказать, препоручила, а онъ не знаетъ, куда и деньги дѣвались, и отчета мнѣ не умѣетъ отдать. Вотъ что̀! Меня, батюшка, изъ-за васъ и оконфузятъ на старости лѣтъ...

Но ворчанье дядьки не дѣйствовало на Аркадія Иваныча. Деньги, получаемыя имъ отъ Никиты Савельича, всѣ тотчасъ издерживались въ трактирѣ на угощенье товарищей... Товарищи безъ церемоніи осушали бутылку за бутылкой и, подмигивая, шопотомъ говорили другъ другу: «А что̀, мы славно надули маменькина-то сынка!»

Сначала Аркадій Иванычъ боялся вина, какъ новичокъ, и пилъ очень умѣренно.

— Посмотрите, господа: онъ не допиваетъ своего бокала! кричали товарищи: — онъ не хочетъ пить съ нами. Да что̀ ты, боишься вина, что ли? или, можетъ-быть, дядьки боишься? Какой же ты гусаръ послѣ этого!

— Оставьте его, господа: онъ привыкъ пить молочко вмѣсто вина. Маменька все отпаивала его молочкомъ!...

Стрѣла, пущенная товарищами, мѣтко попадала въ самое сердце Аркадія Иваныча. Онъ вскакивалъ со стула, поднималъ бокалъ кверху и восклицалъ удалымъ тономъ:

— Полноте, господа! коли на то пошло, такъ уже я ни отъ кого не отстану!

И въ-самомъ-дѣлѣ, онъ начиналъ пить не отставая ни отъ кого.

— Лихо! ай-да молодецъ! кричали товарищи... Браво! Вотъ это по-гусарски! А что, господа, вѣдь онъ подаетъ надежды? вѣдь онъ будетъ славный товарищъ! Его стòитъ только подзадорить. Это хорошо: значитъ, у него есть *амбиція*.

И Аркадій Иванычъ, вѣроятно, для доказательства, что у него точно есть *амбиція*, чаще и чаще сталъ возвращаться домой въ такомъ видѣ, что у бѣднаго Никиты Савельича, глядя на него, слезы навертывались на глазахъ...

— Ахъ, они варвары, безбожники этакіе! ворчалъ онъ, укладывая его спать. — До чего они довели ребенка! Да чтò, еслибъ барыня увидѣла его въ этакомъ положеніи?... Ну, а мнѣ что дѣлать? какъ за нимъ усмотришь! Не на привязи же его держать. Говоритъ, въ манежъ иду учиться; говоритъ, надо верхомъ ѣздить; а самъ, вмѣсто манежа, и улизнетъ въ трактиръ. Ужь такъ навострился лгать, что...

Никита Савельичъ махалъ рукой, вынималъ изъ кармана табакерку, нюхалъ, покачивая головой... потомъ подходилъ къ постели Аркадія Иваныча, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на спящаго барченка, прикладывалъ руку къ головѣ его и опять начиналъ ворчать:

— Вѣдь этакъ они его совсѣмъ уморятъ. Чего добраго! Пожалуй, еще занеможетъ... Ну, гдѣ жь ребенку за ними тягаться? Они ужь на томъ стоятъ... а онъ... вишь какъ головка-то у него горитъ... и какъ дышетъ-то тяжело... Не слушаетъ меня... чтò съ нимъ будешь дѣлать?

И Никита Савельичъ, бывало, ложился спать возлѣ постели своего питомца и впродолженіе ночи нѣсколько разъ просыпался, смотрѣлъ на него и прислушивался къ его дыханію.

Такого рода привязанность и заботливость Никиты Савельича очень не нравилась Аркадію Иванычу, потому-что страсть къ независимой и разгульной жизни съ каждымъ днемъ овладѣвала имъ болѣе и болѣе; но онъ еще не рѣшался освободиться отъ своего *ментора* и продолжалъ, для собственнаго оправданія, а иногда просто такъ,

обманывать его на каждомъ шагу. Вообще, ложь и хвастовство сдѣлались его необходимыми принадлежностями, безъ которыхъ онъ, какъ безъ хлѣба, не могъ обойтись. Онъ съ дѣтства привыкъ лгать и хвастать, безъ сознанія, что это дурно, потому-что дышалъ въ атмосферѣ лжи и хвастовства: и маменька, и няня, и барышня, и лакеи, и дѣвки,—всѣ лгали и хвастали при немъ, нимало не краснѣя: маменька обманывала папеньку; папенька обманывалъ маменьку; барышня, няня, лакеи и дѣвки обманывали и маменьку, и папеньку... Какъ же было винить ребенка за то, что онъ не проложилъ себѣ новаго пути,— а пошелъ по той избитой тропинкѣ, по которой всѣ шли передъ нимъ? Да и не одинъ герой мой, и не одна его маменька, — всѣ мы подъ-часъ любимъ прихвастнуть немножко... Почему же не сознаться въ этомъ, благосклонный читатель и благосклонная читательница? У всѣхъ у насъ есть, можетъ-быть, тайное поползновеніе блеснуть чѣмъ бы то ни было передъ ближнимъ и озадачить ближняго. Всѣ мы любимъ отчасти смотрѣть выше своего состоянія... Но все это я осмѣлился замѣтить единственно для того, чтобъ хоть нѣсколько оправдать моего героя...

Ему—и, право, это было очень простительно—хотѣлось также блеснуть передъ своими товарищами, какъ его товарищамъ хотѣлось иногда блеснуть передъ нимъ... Онъ увѣрялъ всѣхъ, что у него двѣ тысячи пятьсотъ душъ крестьянъ и, кромѣ того, болѣе милліона денегъ, хотя зналъ навѣрное, что ему можетъ достаться тысяча пятьсотъ душъ, и то только послѣ смерти маменьки; а о количествѣ денегъ положительно ничего не зналъ, потому-что это была ея тайна. Товарищамъ, въ свою очередь, хотѣлось блеснуть передъ нимъ, и они говорили:

— Вообрази, братецъ, мы вчера втроемъ выпили дюжину шампанскаго... каково?...

А между-тѣмъ, они навѣрное знали, что выпили только двѣ бутылки.

И товарищи догадывались, что Аркадій Иванычъ нѣсколько преувеличиваетъ свои богатства, и Аркадій Иванычъ догадывался, что товарищи его нѣсколько преувеличиваютъ число выпитыхъ ими бутылокъ, а между-тѣмъ

все-таки они постоянно продолжали такимъ образомъ блестѣть другъ передъ другомъ.

Мнѣніе товарищей о моемъ героѣ все улучшалось помѣрѣ-того, какъ онъ развивался и входилъ въ таинства своей новой жизни. Надъ нимъ почти уже не смѣялись; его начали любить; безъ него не проходила ни одна попойка...

— Каковъ онъ у насъ становится? говорили товарищи, указывая на него.—Онъ скоро насъ перещеголяетъ. Его узнать нельзя... Посмотрите, какой красавчикъ сталъ!...

И въ-самомъ-дѣлѣ, Аркадія Иваныча нельзя было узнать,—такъ измѣнился онъ впродолженіи года. Щеки его осунулись и поблѣднѣли; онъ значительно выросъ; голосъ его погрубѣлъ; пушокъ на бородѣ и на усахъ сдѣлался гораздо замѣтнѣе; онъ уже носилъ фуражку измятую на-бекрень и нарочно забрызганную грязью; онъ уже не выпускалъ изо рта трубки и безпрестанно затягивался; онъ уже занималъ деньги, хотя, правда, еще тихонько отъ своего дядьки.

— Боже мой! Боже мой! на что онъ сталъ похожъ теперь? часто думалъ Никита Савельичъ, печально глядя на него.—Привезли мы его сюда: былъ полный, здоровый — ну просто кровь съ молокомъ; бывало, любо смотрѣть на него... а теперь?... Да какъ же я въ этомъ видѣ представлю его барынѣ? да что̀ она скажетъ, взглянувъ на него, а что̀ обо мнѣ-то подумаетъ?...

И старикъ, который становился съ каждымъ днемъ дряхлѣе, пасмурнѣе и ворчливѣе, потуплялъ въ землю голову, долго оставался безмолвно въ такомъ положеніи и потомъ прибавлялъ:

— Эхъ, право, не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій!

Никитѣ Савельичу особенно обидно было то, что его питомецъ съ нѣкотораго времени началъ обращаться съ нимъ не только невнимательно, но даже грубо.

— Ужь я чувствую, говорилъ ему старикъ: — что становлюсь вамъ, батюшка, неугоденъ, что я вамъ вотъ какъ бѣльмо на глазу. Богъ съ вами! Я бы давно васъ бросилъ; дѣлайте себѣ, что̀ хотите... Что̀ мнѣ здѣсь? весело, что ли, на чужой-то сторонѣ?... Здѣсь и глаза-то

мнѣ нѐкому будетъ закрыть, и пожалѣть-то обо мнѣ будетъ нѐкому!... Не забудьте, батюшка, что я еще дѣдушкѣ вашему служилъ, что покойникъ (царство ему небесное) жаловалъ меня съ собственнаго плеча, то-есть, можно сказать, предпочтеніе оказывалъ мнѣ передъ всѣми въ домѣ,—а вы нисколько ничѣмъ и уважить меня не хотите на старости лѣтъ! Чтó дѣлать? Насильно милъ не будешь... Право, давно бы васъ бросилъ, сударь, да жаль только вашей маменькѣ огорченіе нанести. Вотъ чтó! А васъ мнѣ не жалко. Что, въ-самомъ-дѣлѣ? кто васъ урезонитъ? Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить...

Но всего чаще ссорился Никита Савельичъ съ своимъ питомцемъ за то, что тотъ лѣнился писать къ маменькѣ. Наканунѣ почтоваго дня, дядька обыкновенно являлся въ комнату Аркадія Иваныча и молча, нахмуривъ брови, заложивъ руки назадъ, съ необыкновенною важностью останавливался у дверей.

— Чтó тебѣ нужно? спрашивалъ у него Аркадій Иванычъ, потягиваясь на диванѣ и зѣвая...

— Чтò мнѣ нужно? повторялъ Никита Савельичъ тономъ упрека. — А мнѣ нужно то, чтобъ вы, сударь, сегодня написали письмецо къ маменькѣ. Завтра почта отходитъ. Вотъ чтó мнѣ нужно!...

— Ахъ, Савельичъ, какая лѣнь, еслибъ ты зналъ!

И Аркадій Иванычъ продолжалъ потягиваться и ломаться на диванѣ.

— Вѣдь письмецо-то, сударь, кажись бы, недолго было написать.

— Да о чемъ же писать?... Я и то недавно писалъ... Вели-ка, Савельичъ, разсольцу принести, да ужь кстати и трубочку набей... что-то смерть хочется затянуться...

— Бога вы не боитесь, сударь! ворчалъ Никита Савельичъ, вычищая трубку и потомъ набивая ее:—недавно писали! Да ужь этому недѣли три прошло. Вамъ совсѣмъ, я вижу, не жаль маменьки; а она-то, бѣдняжка, я чай, сокрушается по васъ, думаетъ: чтò съ нимъ сталось, съ моимъ голубчикомъ, что онъ совсѣмъ забылъ меня? Не боленъ ли онъ? А голубчикъ-то, вонъ онъ, валяется по

дивану, да трубочку покуриваетъ-себѣ, да разсолецъ попиваетъ... Нехорошо, сударь, воля ваша, нехорошо! Родителей должно любить и почитать, за тѣмъ, что они жизнь намъ даровали; они насъ поятъ и кормятъ. Коли родителей кто забудетъ, такъ того и Богъ забудетъ. Это и въ законѣ такъ написано. Вы вѣдь всему обучены; кажись бы, лучше нашего брата должны это знать... Извольте трубку!

И дядька до-тѣхъ-поръ не оставлялъ его въ покоѣ, пока онъ не принимался за письмо.

Но Никита Савельичъ мучилъ его недолго. Никита Савельичъ умеръ черезъ полтора года послѣ выѣзда своего изъ деревни на семьдесятъ-пятомъ году отъ рожденія и, увы! не дождался счастья видѣть своего барченка офицеромъ.

Его смерть совершенно, какъ говорится, развязала руки Аркадію Иванычу. Послѣ его смерти, квартира Аркадія Иваныча сдѣлалась притономъ всѣхъ кутилъ, и въ ней начали совершаться всевозможныя шалости, какія только можетъ изобрѣтать юношеское необузданное воображеніе. Аркадій Иванычъ пріобрѣлъ скоро лестное титло *славнаго малаго*, какимъ пользовался во время оно его папенька; но сынокъ готовился перещеголять родителя. Лицо его принимало постепенно выраженіе дерзости и самохвальства. Онъ ходилъ по городскимъ улицамъ не иначе, какъ присвистывая или напѣвая такого рода стишки и куплетцы, которые не печатаются; толкалъ прохожихъ, не извиняясь, и заглядывалъ подъ шляпки всѣхъ безъ изъятія встрѣчавшихся ему барынь и барышень. Онъ зналъ имена почти всѣхъ хорошенькихъ горничныхъ города К*, которыя, по его словамъ, всѣ были влюблены въ него. Онъ хвасталъ своими побѣдами безпрестанно, игралъ въ карты съ утра до вечера и большею частію, разумѣется, на мѣлокъ, и былъ чрезвычайно доволенъ, когда товарищи, ударяя его дружески по плечу, говорили:

— Ну, признаюсь, братецъ, ты отчаянная голова, нѣчего сказать! кутила въ полной формѣ!

Черезъ два года послѣ смерти дядьки, Аркадій Иванычъ произведенъ былъ въ корнеты. День его производства ознаменовался, какъ водится, страшной пирушкой. Товарищи качали вновь произведеннаго на рукахъ и под-

брасывали его къ потолку. Одинъ изъ товарищей, при началѣ пира, выпивъ поздравительный бокалъ и чокнувшись съ Аркадіемъ Иванычемъ, тотчасъ же разбилъ бокалъ въ дребезги. Аркадію Иванычу это очень понравилось, и онъ послѣдовалъ его примѣру. Примѣру Аркадія Иваныча послѣдовали другіе, и на полу въ минуту очутилась груда битаго стекла.

Вино лилось при крикахъ и восклицаніяхъ, и тучи табачнаго дыма носились по комнатѣ...

— Ну, господа, признаюсь, говорили товарищи Аркадія Иваныча:—признаюсь, угостилъ! на славу угостилъ!

И самъ Аркадій Иванычъ, какъ онъ сознавался при концѣ своего поприща, почиталъ этотъ день лучшимъ днемъ своей жизни. Онъ всегда вспоминалъ о немъ съ особеннымъ восторгомъ, и говорилъ обыкновенно съ глубокимъ вздохомъ:

— Не многимъ такъ удастся покутить на свой вѣкъ, какъ я покутилъ. Ужь вотъ можно-то сказать, что не даромъ пожилъ! Ужь повеселился, нѐчего сказать. Но все это ничего; а вотъ одинъ день... такъ вотъ ужь этотъ день я до могилы не забуду: это—когда я былъ произведенъ въ корнеты... И прежде, и послѣ кутилъ... да нѣтъ, такого денька не выдавалось. Ахъ, что̀ это былъ за денёкъ!

Аркадій Иванычъ, черезъ нѣсколько времени послѣ производства въ корнеты, былъ отпущенъ въ отпускъ, и отправился прямо въ деревню къ своей маменькѣ, въ надеждѣ поправить свои разстроенные финансы... Можно вообразить необычайную радость Елены Терентьевны при видѣ нѣжно-любимаго сына, въ полномъ, обшитомъ золотомъ гусарскомъ мундирѣ, съ ташкою, съ саблей, въ киверѣ. Аркадій Иванычъ непремѣнно хотѣлъ предстать передъ маменькою во всемъ блескѣ и переодѣлся въ какой-то деревушкѣ, не доѣзжая нѣсколько верстъ до своего села.

Елена Терентьевна, какъ водится, прежде всего съ визгомъ бросилась на грудь сына и залилась радостными слезами; потомъ, отеревъ глаза и отступя отъ него на нѣсколько шаговъ, съ минуту безмолвно любовалась его

нарядомъ; потомъ изъ устъ ея полились восторженныя восклицанія:

— Ахъ, какъ это прекрасно!... Ахъ, какъ къ тебѣ идетъ этотъ мундиръ, мое сердце, красавецъ ты мой!... Боже мой, Боже мой! Да посмотрите на него, душенька... Что̀ это за прелесть!

Елена Терентьевна обращалась къ барышнѣ, которая, по-прежнему, пользовалась ея благосклонностью и находилась при ней неотлучно. Барышня начинала ахать и восторгаться въ свою очередь... Горничная дѣвка, фаворитка барыни, пораженная величіемъ барина, пожирала его глазами. Остальные лакеи и дѣвки дивовались, глядя на него изъ полураскрытыхъ дверей и вообще изо всѣхъ щелей, находившихся въ комнатѣ... Маменька осматривала съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ каждый кантикъ, каждый шнурочекъ, каждую пуговку, каждый галунчикъ на мундирѣ сына и, осматривая, продолжала восклицать:

— Ахъ, это самый счастливый день въ моей жизни! Мнѣ кажется, я съ ума сойду отъ радости... Другъ ты мой сердечный!... Другъ ты мой милый!... Не могу опомниться отъ восторга!... (И маменька тяжело и прерывисто дышала). Утѣшеніе ты мое!... Ну, теперь я могу сказать, что я счастливая мать... Видно я угодила Богу!... Надѣнька киверъ-то, голубчикъ мой... Ахъ, какой молодецъ!... Да смотрите же на него, душенька!... Такъ даже вотъ сердце замираетъ!... Этакимъ сыномъ можно гордиться... А какъ наши барыни-то, и барышни его увидятъ, что̀ съ ними будетъ?... Шутка ли, три года не видала его!... А какъ ты выросъ-то! Какіе у тебя усики! Какъ ты возмужалъ!... Только что-то онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ... Не правда ли, душенька?

Барышня вздохнула и, исподлобья бросивъ на гусара умилительный взглядъ, произнесла:

— Блѣдный цвѣтъ лица къ Аркадію Иванычу чрезвычайно-какъ идетъ. Онъ такъ еще гораздо интереснѣе... Къ пунцовому мундиру блѣдность—это безподобно. Ужь что касается до его красоты, такъ ужь объ этомъ никто не будетъ спорить. Но главное у него, у нашего голуб-

чика, добродѣтельное сердце, а это лучше всякой красоты. Онъ, наше сокровище, бѣдныхъ не забываетъ!

— Благодѣтель мой, продолжала барышня, подходя къ гусару и цѣлуя его въ плечо:—я только, можно сказать, и жизнью пользуюсь по вашей милости и по милости вашей маменьки — моей единственной благодѣтельницы. Я это очень чувствую. Богъ васъ не оставитъ за то, что вы не оставляете бѣдныхъ. Если вы, вельможи этакіе, не будете оказывать намъ вспомоществованія, не прострете руки помощи, такъ кто же другой и приметъ участіе въ нашемъ бѣдственномъ положеніи? Вѣдь вы знаете, Аркадій Иванычъ, пословицу: бѣдному кусокъ за цѣлый ломотокъ...

Дней черезъ пять послѣ пріѣзда Аркадія Иваныча въ деревню, вся губернія узнала объ этомъ событіи... Всѣ маменьки, у которыхъ были дочки-невѣсты, встрепенулись, а у всѣхъ дочекъ затрепетали сердца.

— Да вѣдь какой, говорятъ, красавецъ, какой молодецъ! кричали маменьки:—какія у него манеры!.. просто, говорятъ, очаровательный молодой человѣкъ, совершенно восхитительнаго обращенія. А давно ли, кажется, еще былъ чуть-чуть отъ земли видѣнъ! Да! да! я вотъ какъ-будто теперь вижу, какъ онъ ѣздилъ верхомъ на палочкѣ! А теперь шутите съ нимъ! теперь онъ ѣздитъ верхомъ не на палочкѣ, а, я думаю, галопируетъ не иначе, какъ на пятитысячной лошади... Ахъ, какъ бы я желала на него посмотрѣть! И я тоже! И я!.... Машенька, помнишь, какъ ты съ нимъ въ горѣлки бѣгала?....—А какъ онъ любилъ мою Катишь! бывало, прочь отъ нея не отходитъ... Мы, бывало, съ Аленой Терентьевной только любуемся, глядя на нихъ... Вотъ, говоримъ мы, женихъ съ невѣстой... Помнишь, Катишь? Посмотри-ка теперь на своего жениха: ты теперь его, я думаю, и не узнаешь.

Катишь краснѣла, потупляла глазки и восклицала:

— Ахъ, маменька, что́ это вы говорите?

— Вотъ еще что́ выдумала! говорили между собою другія маменьки, иронически поглядывая на катенькину маменьку. — Какже! такъ вотъ сейчасъ и согласится Алена Терентьевна имѣть такую невѣстку! Захочетъ ли

она породниться Богъ знаетъ съ кѣмъ? Да и Аркадій Иванычъ, мы увѣрены въ этомъ, и смотрѣть не захочетъ на какую-нибудь этакую перезрѣлую Катишь! Онъ, говорятъ, слишкомъ знаетъ себѣ цѣну. Ну, какъ бы то ни было, гусарскій офицеръ, молодецъ, богачъ... Что ему, помилуйте! Онъ можетъ сдѣлать отличную партію... (при этомъ каждая изъ маменекъ какъ-будто нечаянно взглядывала съ чувствомъ материнской гордости на свою дочку); онъ, вѣрно, выберетъ себѣ жену благовоспитанную, съ хорошими манерами, съ именемъ, съ нравственностью, жену, которая не уронила бы его въ свѣтѣ, которою бы онъ всегда могъ блеснуть! Съ его состояніемъ онъ можетъ жить открыто, по-барски... Къ-тому же, маменька оставитъ ему еще, кромѣ всего, порядочный капиталецъ. У ней, говорятъ, тьма-тьмущая ломбардныхъ билетовъ, доставшихся ей еще послѣ перваго мужа. Вѣдь она женщина претонкая — въ случаѣ нужды умѣетъ и показать себя, а въ случаѣ нужды и притаиться. Отъ нея все станется! Но сына своего она просто боготворитъ и для него ничего не жалѣетъ.

— А что онъ, блондинъ или брюнетъ? спрашивали дочки, когда оставались наединѣ съ маменьками.

— Онъ былъ свѣтлорусый прежде, отвѣтствовали маменьки:—ну, да вѣдь тогда онъ былъ ребенокъ, а теперь, можетъ-быть, онъ совсѣмъ измѣнился; только всегда волосы у него были какъ шолкъ премягкіе, а ужь это вѣрный признакъ сердечной доброты...

— Мы воображаемъ, продолжали маменьки:—радость доброй Алены Терентьевны. Ужь, вѣрно, она теперь и не отходитъ отъ сына... Ужь, вѣрно, она имъ и налюбоваться не можетъ. Это очень натурально! Счастливая женщина! чего ей не достаетъ? и богатство этакое, и сынъ такой безподобный молодой человѣкъ... Непремѣнно надо ѣхать погостить къ ней!—Да когда же?—Ужь, конечно, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! А знаете, вѣдь Аркадій Иванычъ, говорятъ, отпущенъ въ отпускъ не надолго.—То-то же и есть!—Надо ее, голубушку, поздравить съ его пріѣздомъ.—Разумѣется! какъ же безъ этого?—Этого и приличіе требуетъ. — Къ-тому же, въ ея домѣ всегда такъ пріятно

проводить время... Она такая обязательная! — Она такая предупредительная!—Она такая мастерица угощать!

И маменьки хоромъ прославляли добродѣтели Елены Терентьевны, той самой Елены Терентьевны, которая за нѣсколько времени передъ этимъ, по ихъ словамъ, была «женщина самыхъ дурныхъ правилъ, незаслуживающая никакого уваженія.»

Послѣ толковъ, возгласовъ, восклицаній и криковъ, начинались сборы въ путь. Каждая изъ маменекъ тщательно осматривала всѣ принадлежности туалета своей дочки. При этомъ завязывался жаркій споръ у нѣкоторыхъ маменекъ съ дочками, въ такомъ родѣ:

— Пожалуйста, не забудь, возьми съ собою малиновое платье съ букетами, говорила маменька:—это платье къ тебѣ чрезвычайно идетъ. Ты блѣдна, а малиновый цвѣтъ даетъ оттѣнокъ лицу.

— Что̀ это, маменька! возражала дочка. —Пунцовое! Да голубое платье гораздо лучше ко мнѣ идетъ.

— Вотъ еще! перестань умничать, сдѣлай одолженіе. Я очень хорошо знаю, что къ тебѣ идетъ, и что не идетъ. Слава Богу, на столько у меня достанетъ вкуса! А ты, ты никогда не съумѣешь одѣться къ лицу. Ужь я увѣрена, что Матрены Васильевны Саша затмитъ тебя, несмотря на то, что у нея совершенно незначительное лицо.

— Да голубое платье на мнѣ и сидитъ лучше, чѣмъ малиновое.

— Вздоръ, вздоръ! Ты вотъ всегда только нарочно противорѣчишь мнѣ, чтобъ досадить...

— Чѣмъ же я вамъ досаждаю?... Ну, пожалуй, по мнѣ все равно, что малиновое, что голубое!... съ сердцемъ ворчала дочка.

— Знаю, матушка, знаю! Ты никогда не стараешься отличиться передъ другими, никогда не стараешься выказать себя; у тебя этого ничего нѣтъ, никакой гордости... рѣшительно никакой!... У другихъ дѣвицъ гардеробъ во сто разъ хуже твоего, а посмотри, какъ онѣ умѣютъ принарядиться, любо смотрѣть на нихъ... а ты... да ты ужь не выйдешь замужъ—и не воображай себѣ этого; вѣкъ,

матушка, останешься въ дѣвкахъ, на моей шеѣ: сердце мое это предчувствуетъ!...

И маменька съ дочкою ссорились—и однако, несмотря на презрѣніе, которое дочка изъявляла къ малиновому платью, она брала съ собою и малиновое, и голубое, и желтое, и всѣ свои лучшіе наряды... Наканунѣ отъѣзда, всю ночь и дочкѣ, и маменькѣ снился молодой гусаръ то верхомъ, то пѣшкомъ, то въ сюртукѣ, то въ мундирѣ... И все казалось маменькѣ, что гусаръ хочетъ о чемъ-то говорить съ ней по секрету, и все казалось дочкѣ, что гусаръ смотритъ на нее нѣжно и пламенно, крутя свой темный усъ...

Странно! почти точно такіе же сны снились и другимъ маменькамъ и другимъ дочкамъ наканунѣ ихъ отъѣзда къ Еленѣ Терентьевнѣ.

Наконецъ, въ село Кривухино столько наѣхало барынь и барышень, съ дѣвками, съ лакеями, съ приживалками, съ казачками и съ моськами, что Елена Терентьевна, несмотря на обширность своего дома, пришла въ совершенное затрудненіе, какъ и куда размѣстить дорогихъ гостей. И по всему было замѣтно, что дорогіе гости располагались погостить въ селѣ Кривухинѣ не день и не два, потому-что вслѣдъ за ними прибыли ихъ подводы, нагруженныя чемоданами и кордонками.

Хозяйка дома встрѣчала гостей съ пріятнѣйшею улыбкою и съ распростертыми объятіями, восклицая:

— Настасья Ивановна! Боже мой! какъ я вамъ рада, вы представить себѣ не можете!

— Марья Григорьевна, вы ли это? Насилу-то, душенька, я дождалась васъ къ себѣ.

— Ангелъ мой, Агнея Александровна! вотъ ужь истинно обязали своимъ пріѣздомъ.

— Ахъ, мои милые, мои дорогіе гости!...

Но черезъ пять минутъ, въ дѣвичьей, Елена Терентьевна говорила барышнѣ:

— Каково? Вотъ, можно сказать, безстыдство-то!... Какъ-будто нарочно сговорились, наѣхали съ этакой ордой... Да они меня этакъ въ одну недѣлю объѣдятъ! Я

понимаю, чего имъ хочется, — очень хорошо понимаю! У нихъ губа-то не дура; да нѣтъ, не туда заѣхали...

И хотя Елена Терентьевна въ цѣлой губерніи не находила достойной невѣсты для своего Аркадія Иваныча, и вполнѣ была увѣрена, что онъ женится не иначе, какъ въ Петербургѣ, или на генеральской, или на княжеской дочкѣ, однако она не обнаруживала этой увѣренности передъ барынями; она, можетъ-быть, отчасти даже льстила ихъ видамъ и все это для того только, чтобъ онѣ въ свою очередь льстили ей и ухаживали за нею. Что дѣлать? Елена Терентьевна пріучена была къ лести: въ младенчествѣ ей льстила кормилица; въ дѣтствѣ—маменька, нянюшка и гувернантка; а въ зрѣломъ возрастѣ—мужъ, вся дворня и всѣ окружавшіе ее... Впрочемъ, безъ лести никакая барыня не можетъ существовать—ни столичная, ни провинціальная: это уже дѣло рѣшеное.

Маменьки и дочки пришли въ восторгъ отъ Аркадія Иваныча, особенно, когда увидѣли его въ полной парадной формѣ. «Онъ нисколько не обманулъ нашихъ ожиданій», говорили онѣ между собою: «напротивъ, превзошелъ всѣ ожиданія...»

Каждая изъ дочекъ находила въ моемъ героѣ особенную красоту.

Одна думала:—Какіе у него усики! ахъ, что за усики!

Другая думала:—Ахъ, какіе глаза! Нѣтъ, глаза у него лучше всего!

Третья думала:—Ахъ, какой у него мундиръ! Это просто восхищеніе!

Четвертая думала:—А талія-то! талія-то! Ахъ, какая талія!

И такъ далѣе.

Разумѣется, каждая изъ маменекъ употребляла всевозможныя старанія, чтобъ выставить передъ женихомъ свою дочку-невѣсту съ самой лучшей и выгоднѣйшей стороны. Приступы къ этому были очень замысловаты.

Маменька, у которой, напримѣръ, дочка пѣла и бренчала на фортепьяно, говорила:

— Вы вѣдь, Елена Терентьевна, кажется, любите музыку?

— Ахъ, милая, обожаю! восклицала Елена Терентьевна.—Музыку нельзя не обожать.

— Слышишь, Вѣрочка? (маменька обращалась къ дочкѣ). Доставь же удовольствіе Еленѣ Терентьевнѣ: спой что-нибудь, душенька... Она вѣдь, знаете, у меня музыкантша и мастерица пѣть... у нея не большой, но очень пріятный голосокъ; — ну, или съиграй что-нибудь... Знаешь, ту штучку-то, какъ бишь она называется, что ты аномеднясь дома-то играла. А вотъ Аркадій Иванычъ вѣрно бы вызвался тебѣ акомпанировать на флейтѣ или на скрипкѣ... Аркадій Иванычъ! вы вѣдь, говорятъ, въ совершенствѣ музыку знаете?

— Нѣтъ-съ, я давно бросилъ все, отвѣчалъ гусаръ:— мнѣ некогда этимъ заниматься. Я четыре года ни флейты, ни скрипки въ руки не бралъ. Да и, признаться сказать, надоѣло все это...

— Можетъ ли это быть? Вы вѣрно только не хотите показать намъ своихъ талантовъ.

— Нѣтъ, что я!... а вотъ пусть лучше Вѣра Александровна споетъ намъ что-нибудь.

И гусаръ, прищурясь и крутя усъ, обращался къ барышнѣ-музыкантшѣ.

Маменька торжествовала, а дочка краснѣла, потупляла глазки и начинала ломаться.

— Да нѣтъ... Ахъ, какъ это можно? да я не умѣю... Полноте, maman!... И поломавшись, и покривлявшись, барышня садилась за фортепьяно и затягивала *соловья*, который былъ тогда въ большой модѣ.

Въ такомъ родѣ дѣйствовали и другія маменьки, — и всѣ онѣ хоромъ кричали при Еленѣ Терентьевнѣ и при ея сынѣ, что онѣ ничего не щадили на воспитаніе своихъ дочерей, что онѣ все принесли имъ въ жертву, нанимали имъ отличныхъ учителей и гувернантокъ и, что главное, ничего не упустили относительно ихъ нравственности.

Аркадій Иванычъ не оказывалъ предпочтенія ни одной барышнѣ. Около нихъ онъ увивался такъ, отъ нечего-дѣлать, но за ихъ горничными волочился съ большею ревностью и не безъ успѣха.

— Что, братецъ, говорилъ онъ одному помѣщику, своему сосѣду, съ которымъ вмѣстѣ кутилъ: — вѣдь это я знаю, что такое, зачѣмъ эта вся сволочь-то къ намъ наѣхала... Нѣтъ, тутъ надо вести себя осторожно: пожалуй, этакъ немножко забудешься, такъ вѣдь какъ разъ скрутятъ... Тутъ взятки-то гладки, знаемъ мы ихъ!... Да не на такого дурака напали... Я покорный слуга... Женатый человѣкъ ужь это что такое? это просто пропащій человѣкъ; это ужь не нашего поля ягода... Богъ съ ними, съ этими барышнями! я въ эти игрушки, братецъ, не играю; а вотъ субреточки, это другое дѣло, субреточки—по нашей части...

Нельзя не замѣтить, что Аркадій Иванычъ при словѣ *субреточка* истинно одушевлялся и вдохновлялся, какъ одушевлялась и вдохновлялась Марья Андреевна при словѣ *кофей*...)

Между-тѣмъ, питаясь сладостными надеждами, маменьки и дочки продолжали гостить въ селѣ Кривухинѣ... Каждый вечеръ дочки обязаны были отдавать подробный отчетъ маменькамъ, о чемъ впродолженіи дня говорилъ съ ними Аркадій Иванычъ и какъ онъ смотрѣлъ на нихъ: каждый день барышня раскладывала карты которой-нибудь изъ маменекъ или изъ дочекъ и непремѣнно говорила дочкѣ:

— Ну, посмотрите, Бога ради, трефовый король отъ васъ не отходитъ; это чудное дѣло!...

— Неужели не отходитъ? съ восторгомъ вскрикивали маменьки, и потомъ, смотря на карты, погружались въ пріятную мечту.

— У васъ въ домѣ непремѣнно будетъ *марьяжъ*, продолжала барышня:—и очень въ скоромъ времени.

При словѣ *марьяжъ*, лицо маменьки внезапно просвѣтлялось; она взглядывала на свою дочку съ нѣжною грустью, какъ-будто этимъ взглядомъ хотѣла сказать: — «стало-быть, другъ мой, мы скоро съ тобой разстанемся; стало-быть, ты у меня гостья, ангелъ ты мой!» Послѣ гаданья маменька обращалась къ барышнѣ и говорила:

— Благодарю васъ, добрая Марья Андреевна, за трудъ. Я, признаюсь, гаданьямъ не вѣрю, но вы всегда такъ

чудесно угадываете, что вамъ нельзя не вѣрить. У васъ особенный даръ... Я васъ сердечно люблю и принимаю въ васъ самое искреннее участіе. Вотъ спросите хоть у нея...

И маменька указывала на дочку. Вслѣдъ за симъ, маменька пожимала руку гадальщицѣ и оставляла въ ея рукѣ или пять рублей, или цѣлковый, прибавляя:

— Возьмите, милая,—это на что-нибудь вамъ пригодится...

Барышня восклицала:

— Ахъ, помилуйте! да зачѣмъ это? да на что это? да какъ это можно?... да вы меня пристыдить хотите!...

И въ то же время цѣловала щедрой барынѣ ручку или прикладывалась къ ея плечу...

Деньги же, получаемыя ею, употребляла впослѣдствіи на покупку кофея.

Съ недѣлю маменьки и дочки провели въ селѣ Кривухинѣ довольно-мирно и тихо; но тучи незамѣтно мало-по-малу сгущались надъ ними, неизбѣжная гроза собиралась и близилась.... Одна изъ барышень, которая была пополнѣе и поцвѣтнѣе другихъ, чувствовала, по словамъ ея маменьки, большую страсть къ верховой ѣздѣ и привезла съ собою дамское сѣдло и амазонское платье... Аркадій Иванычъ, можетъ-быть, посматривавшій на эту полненькую барышню съ бо́льшею пріятностью, нежели на другихъ барышень, тотчасъ выбралъ ей самую смирную лошадь изъ всей конюшни и, кромѣ того, цѣлое утро самъ объѣзжалъ ее. Съ этого дня, барышня въ амазонскомъ нарядѣ каждый вечеръ прокатывалась верхомъ и, разумѣется, не одна, а въ сопровожденіи Аркадія Иваныча. Такое вниманіе, оказанное амазонкѣ молодымъ гусаромъ, показалось чрезвычайно обидно всѣмъ остальнымъ барышнямъ и ихъ маменькамъ. Барышни стали обращаться съ амазонкою холодно, едва удостоивали ее вниманія, и при появленіи ея шушукали между собою. Маменьки ихъ... о! маменьки выходили изъ себя и безпрестанно чѣмъ-нибудь кололи и язвили бѣдную амазонку... Маменька амазонки должна была наконецъ вступиться за дочку... Гроза разразилась.... Начались объясненія, крики, ссоры, слезы, клеветы, сплетни... Елена Терентьевна, подстрекаемая барынями и испуган-

ная мыслью, что сынъ ея, неравнодушный къ амазонкѣ, пожалуй, въ-самомъ-дѣлѣ еще вздумаетъ жениться на ней, вдругъ и очень круто перемѣнила съ ней обхожденіе. Маменька амазонки пришла отъ этого въ бѣшенство, торжественно побранилась съ Еленой Терентьевной и тотчасъ уѣхала съ своею дочкою во-свояси. Другія маменьки вскорѣ также разъѣхались, потерявъ надежду уловить гусара въ свои сѣти,—и, озлобленныя противъ него, стали распускать о немъ по цѣлой губерніи самые невыгодные слухи.

Село Кривухино опустѣло... Елена Терентьевна успокоилась. Аркадій Иванычъ выпросилъ у нея столько денегъ, сколько ему было нужно, и уѣхалъ въ полкъ очень счастливый и вполнѣ довольный собою. Впрочемъ, черезъ три дня послѣ своего пріѣзда туда, онъ проигралъ половину привезенной имъ суммы. Это его взбѣсило. На слѣдующій день онъ вознамѣрился непремѣнно отыграться и проигралъ еще. Господинъ, метавшій ему банкъ, забастовалъ и потребовалъ съ него денегъ. Такая грубость со стороны банкомета привела Аркадія Иваныча въ совершенное бѣшенство, и онъ пустилъ въ него изо всей силы шандалъ. Къ-счастью, шандалъ, вмѣсто своего назначенія, попалъ въ дверь и разлетѣлся на нѣсколько частей. Банкометъ, полный благороднаго негодованія, грозился въ первыя минуты убить Аркадія Иваныча; потомъ смягчился и только хотѣлъ вызвать его на дуэль; потомъ, на слѣдующій день помирился съ нимъ и, по случаю примиренія, роспилъ съ нимъ вдвоемъ четыре бутылки шампанскаго, а послѣ шампанскаго два графина водки. При первомъ бокалѣ, они обнимались, цѣловались и говорили другъ другу:

— Все, братецъ, забудемъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Ну, что, душа моя, полно! что́ толковать объ этомъ! Я знаю, вѣдь ты добрякъ, у тебя чудесное сердце! Одна бѣда: ты горячка. Что́ съ тобой будешь дѣлать, душа моя!.....

Глава IV.

Прошелъ годъ. Аркадій Иванычъ начиналъ скучать. Однообразіе губернскаго города надоѣло ему; волокитства за губернскими субретками и попойки съ товарищами уже перестали удовлетворять его самолюбіе. Онъ сталъ помышлять о разгулѣ болѣе смѣломъ и широкомъ. Ему захотѣлось и въ Москву, и въ Петербургъ... На короткое время ѣхать туда не стоило, въ отпускъ на долгое время его не пустили бы, и онъ, поразмысливъ хорошенько, рѣшился выдти въ отставку. Это былъ первый ударъ, нанесенный имъ маменькѣ.

Когда Елена Терентьевна получила вовсе неожиданное ею извѣстіе объ отставкѣ сына, она поблѣднѣла, какъ полотно; голова ея закружилась; она успѣла только вскрикнуть: «спирту! спирту!» и упала на руки барышни.

— Вотъ, душенька, говорила она барышнѣ, придя въ себя:—вотъ, думала ли я это!... Утѣшилъ, нéчего сказать, утѣшилъ маменьку!... Прекрасный сюрпризъ сдѣлалъ мнѣ!... Слава Богу, послужилъ довольно!... Безподобно кончилъ свою карьеру!... Безподобно!... нечего сказать... И хоть бы такъ, для приличія, спросилъ у матери совѣта!... Впрочемъ, къ чему? вѣдь ныньче дѣти не-въ-примѣръ умнѣе родителей... ныньче родители ничего не значатъ! стоитъ ли на нихъ обращать вниманіе?...

— Признаться, такого поступка никакъ нельзя было ожидать отъ Аркадія Иваныча, со вздохомъ замѣтила барышня.

— Отчего же? Помилуйте! Чтó ему такое мать? Онъ обо мнѣ и знать не хочетъ; онъ и забылъ, что у него есть мать! Да и стоитъ ли помнить о такой бездѣлицѣ?... А я, вы сами знаете, душенька, я вѣдь, можно сказать, всю себя принесла ему въ жертву, только единственно и жила для него!... А какъ онъ былъ боленъ-то, вы свидѣтельница: я шесть ночей сряду глазъ не осушала, плакала, плакала,—думала, что совсѣмъ ослѣпну; не раздѣвалась, не разувалась; помните, какъ у меня ноги-то отекли! ни въ чемъ, кажется, ему не отказывала; сколько долговъ-то

переплатила за него въ послѣднее время! Вотъ и дождалась благодарности за все это!... Очень хорошо! ай-да Аркашенька, спасибо ему!... А все этотъ старый дуракъ дядька, не умѣлъ обращаться съ нимъ, совсѣмъ не смотрѣлъ за нимъ. Ребенку дать полную власть! На что же это похоже! Будь онъ у меня на глазахъ, совсѣмъ бы другое дѣло было... Но я же не могла сама ѣхать за нимъ въ полкъ. Вы сами согласитесь, душенька!... Да нѣтъ, что тутъ говорить? ужь видно моя участь такая: ужь видно мнѣ не суждено радоваться въ жизни!

— Но вѣдь еслибъ Аркадій Иванычъ зналъ, сказала барышня:—что онъ этимъ такъ огорчитъ васъ, онъ вѣрно бы не сдѣлалъ этого.

— Онъ, онъ не зналъ, что этимъ огорчитъ мать? Опомнитесь... Вы сами не понимаете, что вы говорите!... Не зналъ? вишь какой невинный!... Вѣрно, онъ думалъ угодить мнѣ тѣмъ, что вышелъ въ отставку бить баклуши?... Какъ вы думаете?... Не правда ли? Да не одинъ Аркадій Иванычъ! всѣ хороши, нечего сказать... Отъ кого я видѣла утѣшеніе или благодарность въ моей жизни, позвольте спросить?...

Послѣднія слова барышня приняла на свой счетъ.

— Ужь вамъ грѣхъ, кажется, на меня пожаловаться произнесла она обиженнымъ тономъ. — Что касается до меня, я всегда какъ могла старалась угождать вамъ. Коли вы мною не довольны, такъ послѣ этого я ужь и не знаю...

— Господи Боже мой, вамъ ныньче сказать ничего нельзя! перебила Елена Терентьевна, презрительно осматривая барышню съ ногъ до головы:—что вы за княгиня такая? Развѣ я говорила что-нибудь о васъ? Что вы придираетесь-то къ моимъ словамъ?... Вы видите, кажется, что я и безъ того огорчена, а вы еще тутъ съ вашими пустыми претензіями!... Оставьте меня въ покоѣ, сдѣлайте одолженіе...

— За что жь вы гнѣваетесь? Чѣмъ я провинилась?... Впрочемъ, позвольте сказать, что я благороднаго отца дочь и никому не захочу быть въ тягость. Я не лакейка какая-нибудь...

Съ этими словами, бросивъ значительный взглядъ на свою благодѣтельницу, барышня вышла изъ комнаты...

— Марья Андревна! Марья Андревна!... закричала ей въ слѣдъ благодѣтельница.—Пожалуйте сюда, сдѣлайте одолженіе...

Барышня вернулась.

— Не фыркайте, пожалуйста; я не люблю, чтобъ передо мною фыркали... Избавьте меня отъ этого... Да, я вспомнила... Вѣдь вы, кажется, гадали мнѣ объ Аркашѣ и увѣряли меня, что ему по картамъ выходили Богъ знаетъ какія почести... что-то необыкновенное? Прекрасно угадали, прекрасно! Да, онъ теперь въ отставкѣ будетъ пользоваться удивительными почестями! Вашимъ гаданьямъ, послѣ этого, признаюсь, можно вѣрить!... Какая необыкновенная гадальщица!... Такъ-вотъ всю правду и угадала!...

Кончилось тѣмъ, что барыня совершенно поссорилась съ барышней и цѣлый день не пускала ее къ себѣ на глаза. Барышня цѣлый день проплакала въ дѣвичьей и цѣлый день сквозь слезы ругала барыню.

На слѣдующее утро, Елена Терентьевна, соскучась безъ барышни, помирилась съ нею. Барышня снова вступила въ исполненіе своихъ обязанностей, и вечеромъ, по просьбѣ барыни, снова гадала ей о какомъ-то королѣ...

Надо замѣтить, что, несмотря на видимое разрушеніе, Елена Терентьевна все еще не переставала мечтать о короляхъ, по старой привычкѣ. Желаніе нравиться еще не оставляло ее. Правда, дома сидѣла она въ грязномъ чепцѣ и въ грязномъ шлафрокѣ, но зато, выѣзжая въ гости, одѣвалась съ величайшею изысканностью и притомъ необыкновенно пестро и ярко: подкрашивала свои волосы, нѣсколько подрумянивала щеки, по которымъ неумолимое время провело уже не одну морщину, и даже подрисовывала себѣ брови. Все это однако не мѣшало ей очень смѣло говорить про другихъ барынь, ея пріятельницъ:

— Ахъ, Боже мой! что это такое! Да на нихъ смотрѣть гадко... На три пальца наложатъ румянъ, набѣлятся такъ, что бѣлилы у нихъ съ лица сыплются, какъ мука, насурмятъ брови и воображаютъ, что помолодѣли!.... Ну, приличное ли дѣло въ наши лѣта думать о красотѣ!

Кажется, ужь наше время прошло; намъ ужь бы не тѣмъ слѣдовало заниматься: пора бы и о душѣ подумать.

Елена Терентьевна любила при случаѣ ввернуть словцо о суетѣ міра и тому подобныхъ отвлеченныхъ предметахъ, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ получила извѣстіе объ отставкѣ сына. Однако, съ Аркадіемъ Иванычемъ она внутренно помирилась, по полученіи отъ него письма изъ Москвы, потому-что это письмо нѣсколько удовлетворило ея самолюбіе. Онъ писалъ ей между-прочимъ:

«Вы не огорчайтесь, любезная маменька, тѣмъ, что я вышелъ въ отставку Будьте увѣрены, что я опять вступлю въ службу. Теперь я здѣсь нахожусь въ Москвѣ, въ нашей древней столицѣ. Славный городъ Москва бѣлокаменная, съ золотыми маковками: не даромъ Пушкинъ сказалъ про нее: «Какъ не любить нашей родной Москвы?» Мнѣ очень нравится здѣшнее хлѣбосольство. Всякій Божій день зовутъ куда-нибудь то обѣдать, то ужинать; время рѣшительно не видишь, какъ идетъ; но лучше обѣда нѣтъ, какъ въ Англійскомъ клубѣ. Театръ здѣшній также очень хорошъ, и костюмы, и декораціи безподобны. Я познакомился со всѣми первыми домами въ Москвѣ. Меня вездѣ здѣсь ласкаютъ. Барышни здѣшнія очень милыя и образованныя всѣ безъ исключенія, и много есть богатыхъ невѣстъ; лучше изъ нихъ изъ всѣхъ княжна Берестинская. Просто—настоящій ангелъ! Вообразите, за ней и на гуляньяхъ, и вездѣ ходятъ толпами, а она ни на кого и смотрѣть не хочетъ, всѣхъ считаетъ ниже себя; впрочемъ, со мной она обошлась очень любезно. Я намѣренъ чаще ѣздить въ домъ къ нимъ; и отецъ, и мать ея также со мною особенно ласковы. У отца три звѣзды, и домъ у нихъ настоящій дворецъ: вся лѣстница устлана ковромъ и уставлена цвѣтами. Пожалуйста, любезная маменька, пришлите мнѣ денегъ, потому-что теперь мнѣ деньги особенно нужны. Вы сами знаете, надобно же показать себя, особенно ѣздивши въ такіе дома. Чтобъ принадлежать къ хорошему тону, здѣсь иначе нельзя ѣздить, какъ четверкой.»

Елена Терентьевна тотчасъ по полученіи этого письма выслала къ Аркадію Иванычу деньги, при слѣдующихъ строкахъ:

«Денегъ я для тебя не жалѣю, любезный всегда сердцу моему другъ, Аркаша. Ты пишешь, что отдашь мнѣ отчетъ въ деньгахъ: я не требовала отъ тебя отчета тогда, когда должна была требовать, мой ангелъ; а теперь, въ твои лѣта, ужъ будетъ смѣшно требовать: ты, вѣрно, не на пустяки будешь мотать, другъ мой, а на то, что̀ надо и необходимо; на прихоти немножко можешь также издержать; впрочемъ, ты благоразуменъ, совѣтовъ немного нужно давать тебѣ.

«Конечно, тебѣ надо показать себя передъ родителями княжны, — я это понимаю, и совершенно апробую. Ѣзди же только почаще къ нимъ и старайся понравиться княжнѣ, и угождай и ласкайся къ ея родителямъ. Если князь играетъ главную роль въ домѣ, то ты болѣе ласкайся къ князю и будь къ нему почтителенъ; а если княгиня, то къ княгинѣ, а лучше всего съищи въ нихъ въ обоихъ: когда увидятъ, что ты хорошъ, они и обо мнѣ получатъ хорошее понятіе. Вникни во все это, ангелъ мой, и дѣйствуй осторожно и благоразумно. Также, если есть кто-нибудь посторонній, пользующійся силою въ ихъ домѣ, то ты старайся сблизиться и съ нимъ. Разузнай обо всемъ объ этомъ хорошенько. Благословляю тебя, мое сокровище, и желаю тебѣ полнаго успѣха. У меня только ты одинъ на свѣтѣ, одно счастіе мое; чувства мои нераздѣлены ни съ кѣмъ, а въ тебѣ, мой ангелъ, въ одномъ. Я денно и нощно молюсь за тебя, мой другъ. Если ты составишь такую партію, то этимъ меня вполнѣ утѣшишь и вознаградишь за всѣ тѣ заботы и попеченія, которыя я имѣла о тебѣ въ дѣтствѣ твоемъ. Не скрою, я таки-посердилась на тебя за то, что ты вышелъ въ отставку безъ моего совѣта, но теперь ты можешь поправить все дѣло, женившись на княжнѣ. Войдя въ родственныя связи съ такимъ знатнымъ семействомъ, ты и мнѣ сдѣлаешь честь, да и свою карьеру устроишь легко. Ужъ, конечно, князь и княгиня тотчасъ выведутъ въ люди своего зятя, и имъ ничего не будетъ стоить. Увѣдомляй меня обо всемъ подробно. Цѣлую тебя, моего ангела, и еще разъ благословляю...

«Безъ тебя мнѣ все становится скучнѣе, другъ мой,—

не могу никакъ привыкнуть къ разлукѣ; я никакъ не предполагала, чтобъ грусть мною такъ овладѣла; теперь я чувствую, что жить розно съ тобою все равно, что лечь живой въ могилу..... для меня это такъ легко! Марья Андревна тебѣ кланяется, и всѣ люди цѣлуютъ тебѣ ручки. Когда я получаю твои письма, то они бѣгутъ ко мнѣ,— привязанность ихъ къ тебѣ меня очень утѣшаетъ.»

Аркадій Иванычъ смекнулъ, какимъ образомъ надо дѣйствовать на маменьку — и не ошибся. Доказательства тому были предъ нимъ.

— Ай-да княжна! подумалъ онъ, пересчитывая полученныя отъ маменьки деньги: — спасибо ей. Безъ нея, признаться, я былъ бы въ критическихъ обстоятельствахъ... Мы теперь не упустимъ случая пользоваться ею!...

Княжна, разумѣется, не имѣла ни малѣйшаго понятія о моемъ героѣ, да и герой мой видѣлъ ее, признаться, только два раза мелькомъ на Тверскомъ бульварѣ, а между тѣмъ вся *** губернія толковала уже объ его бракѣ съ княжною, потому-что Елена Терентьевна, тотчасъ по полученіи отъ сына письма, отправилась въ гости къ тремъ или къ четыремъ своимъ закадычнымъ пріятельницамъ-сосѣдкамъ.

— Вообразите, милая, мою радость, шептала она каждой пріятельницѣ поочереди, съ таинственнымъ видомъ: — только нѣтъ, я боюсь еще говорить объ этомъ...

— Что̀, что̀ такое? вскрикивала каждая изъ пріятельницъ, сгарая любопытствомъ.

— Это большой секретъ...

— Ужь вы меня, кажется, знаете довольно, возражала каждая изъ пріятельницъ: — я переносить терпѣть не могу... Ужь то, что̀ вы мнѣ откроете, повѣрьте, никто не узнаетъ; это умретъ во мнѣ...

— Ради Бога, я васъ прошу объ этомъ; я только вамъ одной и скажу это, потому-что въ васъ увѣрена. Вообразите... да нѣтъ, мнѣ кажется, я нехорошо дѣлаю, что открываю это до времени...

— Какъ вамъ не стыдно! Ужъ вамъ грѣхъ не имѣть ко мнѣ довѣренности. Я всѣмъ, чѣмъ хотите, поклянусь,

что никому не заикнусь объ этомъ... У меня, душечка, языкъ не поворотится разсказывать чужія тайны... я не то, что какая-нибудь Авдотья Васильевна... Вы, ради Христа, не вздумайте сказать ей,—а то вѣдь она сейчасъ разблаговѣститъ...

— Сохрани Боже!... Ну, такъ вообразите... мой Аркаша... только Бога ради никому объ этомъ ни слова... мой Аркаша, кажется, женится—и какую партію дѣлаетъ!... Вообразите, княжна Берестинская!... страшная богачка!... какія связи!... Этимъ бракомъ онъ, просто, со всею знатью породнится. И дѣло почти слажено; только ея родители послали въ Петербургъ эштафетъ испросить согласія на этотъ бракъ у одного министра, который, видите ли, приходится княжнѣ дѣдушкой... Они, понимаете, безъ него ничего важнаго не предпринимаютъ: онъ у нихъ главный членъ въ семействѣ. Это очень натурально, что безъ согласія такого лица и обойтись невозможно...

И между-тѣмъ, какъ вся губернія ахала отъ этой новости, Аркадій Иванычъ совершенно забылъ о существованіи княжны, которая случайно взбрела ему въ голову, когда онъ писалъ письмо маменькѣ, и именемъ которой воспользовался впослѣдствіи, какъ вѣрнымъ средствомъ для добыванія себѣ денегъ. Аркадію Иванычу и нѐкогда, и нѐзачѣмъ было думать о княжнѣ, потому-что всѣ мысли его были обращены... но прежде, нежели я скажу, на кого были обращены его мысли, да позволитъ мнѣ благосклонный читатель обратиться назадъ.

Аркадій Иванычъ, пріѣхавъ въ Москву, остановился въ самомъ лучшемъ трактирѣ и тотчасъ послалъ за самымъ моднымъ московскимъ портнымъ. Черезъ два дня, по милости этого моднаго портнаго, Аркадія Иваныча невозможно было узнать. Портной одѣлъ его совершенно по *послѣдней картинкѣ*... Въ пестромъ галстукѣ съ огромнымъ бантомъ, зашпиленнымъ брильянтовою булавкою; въ пестромъ жилетѣ, на которомъ болталась толстая золотая цѣпочка; въ пестрыхъ панталонахъ со складками; въ сюртукѣ съ округленными фалдами; въ какой-то фантастической фуражкѣ съ предлинною кистью на макушкѣ; съ толстой палкой въ рукѣ, украшенной вычурнымъ набал-

дашникомъ—Аркадій Иванычъ, подобно всѣмъ московскимъ франтамъ средней руки, невольно бросался въ глаза... Съ усами онъ, разумѣется, не разстался, «потому-что», говорилъ онъ: «по-моему, усы есть лучшее украшеніе человѣка; только съ ними съ проклятыми возни много.»

Разодѣвшись такимъ образомъ, Аркадій Иванычъ, присвистывая и крутя усы, явился первый разъ у *Кона* за общимъ столомъ и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей. Выкушавъ рюмку водки, онъ значительно посмотрѣлъ на опорожненную рюмку и обратился къ лакею.

— Это что́ такое, братецъ? спросилъ онъ, указывая на рюмку.

— Рюмка-съ, сами изволите видѣть, отвѣчалъ лакей.

— Такъ это по-вашему называется рюмкою?... а по-нашему такъ это просто, братецъ, наперсточекъ...

И, произнеся это, Аркадій Иванычъ обвелъ самодовольнымъ взоромъ собраніе, захохоталъ во все горло и потомъ уже усѣлся за столъ. Выкушавъ тарелку супа, онъ снова обратился къ лакею:

— Шампанскаго! Слышишь?

— Слушаю-съ.

Лакей хотѣлъ было идти.

— Ну, куда же ты идешь, дуракъ? Постой... Подай бутылку шампанскаго,—самаго лучшаго, какое только у васъ есть... Понимаешь? Самаго лучшаго...

— Понимаю-съ.

Лакей снова хотѣлъ идти.

— Да нѣтъ, постой, братецъ, лучше бутылку-то прежде поверти во льду,—понимаешь? этакъ хорошенько поверти, а потомъ ужь принеси ее сюда... Да у меня смотри живо,—поворачивайся!

— Сію минуту-съ...

Лакей побѣжалъ.

— Постой, постой! закричалъ въ слѣдъ ему Аркадій Иванычъ:—воротись... Подай лучше мнѣ прейсъ-курантъ... На васъ, на ословъ, положись только, вы чортъ-знаетъ какой бурды принесете... я самъ лучше выберу...

И Аркадій Иванычъ съ глубокомысліемъ началъ раз-

сматривать прейсъ-курантъ. Послѣ этого онъ снова обратился къ лакею:

— Эй ты, поди сюда!... куда жь ты ушелъ, братецъ? Вели поставить въ ледъ вотъ этого вина... «креману»... видишь ли, вотъ тутъ напечатано (Аркадій Иванычъ тыкалъ прейсъ-курантъ пальцемъ). Понимаешь, «креману»? по пятнадцати рублей бутылка... Да не ошибись, смотри... Ну, пошелъ же, живо!... Слышишь, того, которое по пятнадцати рублей бутылка.

Когда пятнадцатирублевая бутылка была принесена, Аркадій Иванычъ самъ раскупорилъ ее, значительно посмотрѣлъ на пробку, налилъ себѣ бокалъ, отпилъ немного, задумался, прошепталъ себѣ подъ-носъ: «да, это винцо доброе!» и закричалъ лакею:

— Что жъ ты стоишь разиня ротъ? подавай, болванъ, еще бокаловъ.

Лакей явился съ бокалами. Аркадій Иванычъ налилъ другой бокалъ и обратился къ своему сосѣду:

— Милостивый государь, не угодно ли вамъ? Сдѣлайте одолженіе.

Сосѣдъ не отказался. Ободренный этимъ, Аркадій Иванычъ началъ потчивать всѣхъ присутствовавшихъ безъ изъятія, приговаривая:

— Пожалуйста, безъ церемоніи...

Только одинъ изъ всѣхъ, старичокъ важной наружности, съ юношескимъ восторгомъ во все время обѣда разговаривавшій на французскомъ языкѣ объ удивительныхъ ножкахъ какой-то актрисы,—когда дошла очередь до него, посмотрѣлъ на Аркадія Иваныча очень пристально, улыбнулся едва-замѣтно, и на восклицаніе моего героя: «позвольте васъ попотчивать», молча отблагодарилъ его легкимъ наклоненіемъ головы.

— Пожалуйста, безъ церемоніи, произнесъ Аркадій Иванычъ, указывая на бокалъ.

— Я не пью вина, покорно васъ благодарю, сказалъ старичокъ выразительно, и, отвернувшись отъ моего героя, продолжалъ свой разсказъ.

— Какъ угодно! замѣтилъ Аркадій Иванычъ, нѣсколько обиженный. — Что жь такое? продолжалъ онъ впол-

голоса, обернувшись къ своему сосѣду.—Тѣмъ лучше: намъ же лишній бокалъ останется. Церемонныхъ людей я, признаюсь вамъ, терпѣть не могу... Да это и невѣжество отказываться, сами вы согласитесь... Не пьетъ вина! Что жь, онъ воду пьетъ, что ли? Да вѣдь если бы онъ мнѣ предложилъ стаканъ воды, я хоть воды и въ ротъ не беру, да, изъ учтивости, ужь не отказался бы... не правда ли?

Слово за̀ слово, къ концу обѣда, Аркадій Иванычъ совершенно сошелся съ своимъ сосѣдомъ и еще съ двумя какими-то франтами. Тѣ, разумѣется, въ свою очередь начали потчивать его шампанскимъ. Послѣ обѣда къ нимъ присоединились еще нѣсколько весельчаковъ, которые, въ свою очередь, потребовали шампанскаго. Такимъ-образомъ они пропировали до полуночи, а въ полночь, съ шумомъ и съ пѣснями, неизвѣстно куда отправились изъ трактира цѣлой гурьбой.

Съ этого дня кругъ знакомства Аркадія Иваныча постепенно все увеличивался, и имя его скоро сдѣлалось громкимъ и славнымъ между записными и отчаянными московскими кутилами. Новые друзья его раздѣлялись на двѣ партіи: на *театраловъ* и на *цыганистовъ*. Эти партіи искони враждуютъ между собою. Театралы смотрятъ съ презрѣніемъ на цыганистовъ; цыганисты смотрятъ съ презрѣніемъ на театраловъ, потому-что убѣжденія и вѣрованія тѣхъ и другихъ неколебимы и несокрушимы. Впрочемъ, цыганисты, надо отдать имъ справедливость, отличаются большею настойчивостью и твердостью характера: ни одинъ изъ нихъ рѣшительно никогда не заглядываетъ въ балетъ, тогда-какъ нѣкоторые изъ театраловъ, тайкомъ отъ своихъ, появляются по ночамъ у цыганъ и проводятъ тамъ время съ большою пріятностью!

— Что вашъ балетъ? говорилъ цыганистъ театралу:— дрянь! не стоитъ и времени-то терять на ваши волокитства. А это, смотрите, это вѣдь, чортъ возьми, поэзія! На это не жаль тратить денегъ. Глядя на это, такъ-вотъ невольно всѣ косточки пошевеливаются.

И полупьяный поклонникъ цыганъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, пускался въ присядку вслѣдъ за Ильюшкой, потомъ обнималъ, цѣловалъ его и кричалъ:

— Съ вами и умереть не захочется. Вѣкъ бы съ вами не разстался. Эй, шампанскаго! Ахъ. Ильюшка! то-есть ей-Богу, оболью тебя съ головы до ногъ шампанскимъ!

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ обращался съ нѣжнымъ взглядомъ къ Танюшѣ или къ Грушѣ. бралъ гитару и, пощипывая струны. затягивалъ хриплымъ голосомъ:

Ты не повѣришь, ты не повѣришь.
Какъ ты мила!

Цыгане принимались «величать» расходившагося барина. а баринъ, совершенно довольный и счастливый. осыпалъ цыганъ бѣленькими. синенькими и красненькими. и кричалъ:

— Ловите. братцы, ловите! все отдамъ: ничего себѣ не оставлю! Вотъ и всѣ карманы опустошилъ. смотрите!

И баринъ выворачивалъ карманы своего сюртука.

— Для васъ ничего не жаль. Вы мнѣ дороже отца и матери!

Цыгане подбирали деньги и затягивали хоромъ:

Наша доля не богата,
Но веселье лучше злата...
Бѣдны, да поемъ!...

— Именно такъ. веселье лучше злата! восклицалъ расходившійся баринъ, принимаясь уже пить прямо изъ бутылки.

Театралы непремѣнно хотѣли завербовать Аркадія Иваныча въ свою шайку и представляли ему въ самомъ соблазнительномъ видѣ свои театральныя похожденія; цыганисты ни за что не хотѣли уступить его театраламъ, и яркими красками описывали ему свои разгульныя ночи.

— Онъ нашъ! кричали театралы.

— Вздоръ, онъ будетъ нашъ! перебивали цыганисты.

Аркадій Иванычъ долго въ нерѣшимости колебался между тѣми и другими: наконецъ, театралы одержали верхъ. Онъ торжественно присоединился къ театраламъ — и явился въ ихъ ложѣ съ огромной зрительной трубой.

— Ну, что же. господа, сказалъ онъ своимъ новымъ товарищамъ, смотря въ трубу на прыгавшихъ фигуран-

токъ:—рѣшите, за которой же изъ нихъ мнѣ волочиться? Которая же изъ нихъ, этакъ, свободна?

Одинъ изъ театраловъ указалъ ему на четырехъ совершенно свободныхъ, говоря:

— Вотъ, братецъ, выбирай любую изъ нихъ. Вѣдь всѣ прехорошенькія, просто, какъ на подборъ. Но если правду тебѣ сказать: Даша Хрипунова, по-моему, всѣхъ ихъ за поясъ заткнетъ. Это такая марѳуточка, что я тебѣ скажу! Не будь у меня Наташи, я бы непремѣнно волочился за Дашей.

Аркадій Иванычъ навелъ трубку на Дашу, долго и внимательно разсматривалъ ее и остался вполнѣ ею доволенъ. Съ этой минуты Даша Хрипунова сдѣлалась главною цѣлью всѣхъ его помышленій и мечтаній. Онъ абонировалъ себѣ кресла, не пропускалъ ни одного балета и, во время представленія, являлся попеременно то въ своихъ креслахъ, то въ общей ложѣ театраловъ, смотря по надобности. Дѣла его шли превосходно. Даша всякій разъ, выскакивая изъ-за кулисъ на сцену, дѣлала ему глазки и выразительно улыбалась... Самолюбіе Аркадія Иваныча блаженствовало. «Она въ меня страстно влюблена», думалъ онъ и посылалъ ей подарокъ за подаркомъ.

Скоро Даша Хрипунова, разряженная въ пухъ, начала прокатываться въ великолѣпныхъ каретахъ и коляскахъ. Очень часто Аркадій Иванычъ выѣзжалъ вмѣстѣ съ нею и, завидя на улицѣ знакомаго, нарочно высовывался изъ кареты или изъ коляски, чтобъ дать себя замѣтить, посылалъ знакомому дружескій поцѣлуй и подмигивалъ ему, указывая головой на Дашу.

— Что это за дѣвочка! говорилъ онъ про нее всякому встрѣчному:—то-есть такой дѣвочки во всей бѣлокаменной Москвѣ не отыщешь другой. Клянусь честью, въ ней и чувство, братецъ... и все, что хочешь... а ноги такой... да я бьюсь объ закладъ, что другой такой маленькой ножки не найдти на тысячу верстъ въ окружности. Клянусь честью! Вотъ смотри, коли не вѣришь...

И Аркадій Иванычъ вынималъ изъ кармана башмакъ, который у него былъ всегда въ запасѣ, для того, чтобъ хвастать имъ передъ своими пріятелями.

— А! что? каковъ башмачокъ-то?... Да пріѣзжай, душа моя, ко мнѣ... У меня по середамъ собирается много народа. Перекинемъ въ штосикъ, пожалуй... Она всегда намъ разливаетъ чай... Вотъ ты увидишь, что̀ это за канашка!... Кладъ, братецъ, нашелъ, просто кладъ! Я тебя съ ней познакомлю... Зато, сколько я посадилъ въ нее, братецъ,—страхъ подумать... ну, да нельзя же!...

Знакомые Аркадія Иваныча совершенно соглашались съ тѣмъ, что *нельзя же*, и отзывались о немъ вообще съ величайшими похвалами.

— Нечего сказать, — разсуждали они о немъ между собою: — умѣетъ пользоваться жизнью. Надо отдать ему эту честь. Настоящій баринъ: и пообѣдать любитъ хорошо, и попить; ну, къ тому же, и премиленькую танцовщицу содержитъ, ничего для нея не жалѣетъ, словомъ, все какъ слѣдуетъ, ни въ чемъ его упрекнуть нельзя... Мастеръ показать себя!...

Такъ прожилъ Аркадій Иванычъ въ Москвѣ болѣе полутора года. Онъ продолжалъ увѣрять свою добродушную маменьку, что постоянно и съ успѣхомъ ухаживаетъ за княжной Берестинской: что княжна неравнодушна къ нему; что ея родители день-ото-дня болѣе привязываются къ нему; что онъ уже у нихъ въ домѣ совершенно какъ родной, и что князь обѣщалъ ему выхлопотать и то и другое и третье, а восхищенная Елена Терентьевна писала къ нему:

«Какъ нѣжная мать и другъ благодарю тебя за любовь твою ко мнѣ. Когда же ты, другъ мой, обрадуешь меня извѣстіемъ, что все кончено, и напишешь мнѣ о своей помолвкѣ? Мнѣ кажется, что я съ ума сойду отъ радости при этомъ извѣстіи; увѣдомь меня, между-прочимъ, какіе у княжны волосы и какого цвѣта глаза у нея, а также какого она роста. Пуще всего береги свое драгоцѣнное здоровье. Я молюсь за тебя, мой ангелъ, ежечасно и благодарю моего Создателя за то, что имѣю такого сына. А деньги, по твоей просьбѣ, высылаю...»

Но, несмотря на щедрость маменьки, Аркадій Иванычъ долженъ былъ безпрестанно прибѣгать къ займамъ, потому-что прихоти Даши Хрипуновой день-ото-дня умно-

жались. Къ-тому же, между театралами существуетъ своего рода благородное соперничество. Они стараются блеснуть одинъ передъ другимъ своими возлюбленными и для этого разукрашаютъ ихъ наперерывъ. Разумѣется, эти Даши и Наташи умѣютъ очень искусно подстрекать самолюбія своихъ любовниковъ.

Если Даша видѣла, напримѣръ, на Наташѣ новую дорогую шаль, она скучала, едва удостоивала вниманія Аркадія Иваныча, а иногда даже плакала.

Аркадій Иванычъ приходилъ отъ этого въ безпокойство и спрашивалъ ее:

— Что̀ съ тобою, Даша? отчего ты такая скучная?

— Отчего? такъ, ни отчего!

— Да что такое? скажи...

— Отвяжитесь!

— Вѣрно тебѣ чего-нибудь хочется?

— Еще бы не хотѣлось! Я ничѣмъ не хуже какой-нибудь Натальи Васильевны, а посмотри, какъ всегда она одѣта!... Мнѣ даже стыдно передъ ней.

— Что такое? какимъ образомъ? вскрикивалъ Аркадій Иванычъ.—Чтобъ ты была одѣта хуже Наташи?

— Посмотри, *ея-то* какую ей подарилъ шаль: прелесть! тысячи двѣ стоитъ. Вотъ ужъ онъ ее любитъ, такъ можно сказать, что любитъ.

— Только въ этомъ-то дѣло? Ахъ, ты, дурочка! Такъ вздоръ! я же тебѣ докажу, что я тебя больше люблю. Я не потерплю, чтобъ на комъ-нибудь было что-нибудь лучше твоего... Сегодня же у тебя будетъ точно такая же шаль, какъ у Наташи, еще лучше...

И, если у Аркадія Иваныча не было денегъ, онъ занималъ, платилъ шестьдесятъ процентовъ на сто, и вечеромъ являлся къ Дашѣ съ шалью.

Часто театралы перебивали дорогія вещи другъ у друга для своихъ возлюбленныхъ. Если Паша говорила на репетиціи Дашѣ:

— Знаешь ли, *мой* обѣщалъ мнѣ купить такой браслетъ, что чудо! Я вчера только увидѣла этотъ браслетъ у брильянщика... прелесть!... большой опалъ и весь кру-

гомъ осыпанъ брильянтиками. Мнѣ такъ хочется этого браслета!...

— А у какого это брильянщика? спрашивала Даша совершенно хладнокровно.

Простодушная Паша называла Дашѣ имя брильянщика; и. черезъ два часа послѣ этого, браслетъ съ опаломъ красовался уже на рукѣ Даши.

Даша торжествовала; Паша приходила въ бѣшенство, а Аркадій Иванычъ говорилъ ея возлюбленному, показывая на браслетъ:

— Что, братецъ, вещичка-то славная! А мы ее у тебя перебили. Прозѣвалъ, голубчикъ, прозѣвалъ!...

Аркадію Иванычу день-ото-дня все болѣе и болѣе нравилась московская распашная и широко-разгульная жизнь; и онъ, часто, тихонько отъ своей Даши (потому-что Даша самовластно управляла имъ) проводилъ у цыганъ цѣлыя ночи. О Петербургѣ онъ пересталъ думать, и даже, подобно нѣкоторымъ кореннымъ москвичамъ, отзывался о немъ немного съ предубѣжденіемъ.

— Что Петербургъ? говорилъ онъ. — Богъ съ нимъ! Тамъ нашему брату нѐчего дѣлать. Тамъ, говорятъ, все больше по паркетамъ прохаживаются, да на свѣтскости выѣзжаютъ... *Пермете муа де ву презанте*, да *же лонёръ!* Тамъ вѣдь все этакіе дипломаты! Съ ними не сваришь каши. То ли дѣло наша Москва бѣлокаменная!...

Между-тѣмъ, какъ Аркадій Иванычъ предавался московскому разгулу съ полнымъ увлеченіемъ, долги его все росли невидимо, а сроки платежей наступали, и никогда-недремлющіе кредиторы являлись передъ нимъ грозно съ его просроченными векселями. Тогда Аркадій Иванычъ бросался къ своимъ пріятелямъ.

— Выручите, братцы! говорилъ онъ имъ: — эти анаѳемы не даютъ мнѣ покоя...

— А намъ-то что̀ дѣлать? возражали пріятели. — Мы сами въ долгу, какъ въ шелку; намъ самимъ надо какъ-нибудь вывернуться. Вѣдь ты знаешь, что своя рубашка къ тѣлу ближе!

— Что правда, то правда! И Аркадій Иванычъ отправлялся къ своимъ кредиторамъ, съ надеждою умолить ихъ

объ отсрочкѣ. И онъ убѣждалъ, упрашивалъ, умолялъ ихъ, и въ то же время хвасталъ, лгалъ передъ ними ужасно; клялся и божился, что болѣе не будетъ просить объ отсрочкѣ; что ужь это въ послѣдній разъ; что онъ скоро вступитъ во владѣніе своимъ несмѣтнымъ имѣніемъ и тогда, пожалуй, самъ будетъ давать имъ взаймы деньги, и прочее.

— Ну, что, почтеннѣйшій, говорилъ онъ, между прочимъ, одному изъ своихъ кредиторовъ, извѣстному процентщику, который торговалъ шалями и имѣлъ ужасно горбатый и большой носъ, черные вытаращенные глаза и длинную черную бороду. — Смягчите-ка свое сердце, ей-Богу! Вѣдь я, видите, малой добрый: ужь насчетъ процентовъ, сами вы знаете, никогда ни полслова! Какіе хотите, такіе и берете. Ну, что вамъ стоитъ отсрочить еще на годъ? Вамъ же выгоднѣе. Да къ тому же, вѣдь мы, можно сказать, свои люди. Вѣдь у меня маменька, такъ же какъ и вы, азіатскаго происхожденія, одной съ вами націи.

(Аркадій Иванычъ лгалъ, потому-что маменька его была чисто русская).

Мрачный и неподвижный азіатецъ лѣниво приподнялъ голову и взглянулъ на Аркадія Ивановича.

— А какая она такая была по фамиліи?... спросилъ онъ съ признакомъ нѣкотораго любопытства.

Аркадій Иванычъ заикнулся-было, и потомъ вдругъ произнесъ скороговоркою:

— Урожденная княжна Мухраханова.

— Этакой фамиліи я не знаю, сказалъ армянинъ, и снова погрузился въ совершенную апатію.

— Ну, такъ по рукамъ, любезнѣйшій Нерсесъ Іоанессычъ? возразилъ Аркадій Иванычъ, схватя за руку армянина.—Не правда ли? вы отсрочиваете на годъ?

Армянинъ хладнокровно вырвалъ свою руку изъ руки Аркадія Иваныча и покачалъ отрицательно головою.

— Не упрямьтесь, Нерсесъ Іоанессычъ, я васъ угощу такимъ пилавомъ, что вы, просто, всѣ пальчики оближете. Мой крѣпостной поваръ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Тифлисѣ и тамъ, каналья, навострился чудесно дѣлать пилавъ!

(Аркадій Иванычъ прихвастнулъ. У него не было въ Москвѣ крѣпостнаго повара).

При словѣ *пилавъ*, глаза армянина сверкнули на мгновеніе, потомъ лицо его снова приняло неподвижное выраженіе.

— У меня дома лучше пилавъ, замѣтилъ онъ рѣшительно.

— Съ вами никакъ не сговоришь... Ну, послушайте: хотите, я припишу къ векселю, кромѣ тѣхъ процентовъ, что вы съ меня взяли, еще десять процентовъ за годъ?

При словѣ *проценты*, лицо армянина вдругъ совершенно одушевилось.

— Десять процентовъ мало!

— Ненасытная душа! ну, сколько же вамъ?

— Двадцать-пять.

— Ну, такъ и быть! вскрикнулъ Аркадій Иванычъ, махнувъ рукою...

— Хорошо, произнесъ армянинъ, и въ этотъ разъ самъ протянулъ свою обросшую волосами руку Аркадію Иванычу и даже пожалъ его руку...

Дѣло было кончено. Такимъ способомъ Аркадій Иванычъ соглашалъ и другихъ своихъ кредиторовъ на отсрочку, и даже у нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно болѣе снисходительныхъ, занималъ еще денегъ, но ужь просто за неслыханные проценты.

Несмотря на все это, Аркадій Иванычъ не унывалъ. Занявъ вновь деньги, онъ покупалъ для Даши какую-нибудь вещь, стоившую полцѣны занятой имъ суммы, или такъ, ни съ того, ни съ сего, давалъ обѣдъ своимъ пріятелямъ, на которомъ являлись самыя дорогія и рѣдкія блюда и шампанское лилось уже не въ бокалы, а на скатерть и на полъ. На другой день послѣ такого обѣда Аркадій Иванычъ оставался безъ гроша денегъ, но зато съ чувствомъ гордости и безконечнаго самодовольствія кричалъ по цѣлой Москвѣ:

— У меня за обѣдомъ вчера было выпито пять ящиковъ шампанскаго!... Мы, батюшка, полы моемъ шампанскимъ!...

Одно только обстоятельство нѣсколько потревожило моего героя. На два послѣднія письма къ маменькѣ, въ

которыхъ, по обыкновенію, рѣчь шла о высылкѣ денегъ, онъ долго не получалъ никакого отвѣта. Наконецъ, письмо отъ нея было получено, но безъ денегъ.

Маменька писала Аркадію Иванычу:

Любезный сынъ,

«Я не отвѣчала тебѣ такъ долго, потому-что была очень слаба и не могла писать послѣ болѣзни, которую я насилу перенесла, и теперь еще едва ноги таскаю: думала, что Господь приберетъ меня къ себѣ, да нѣтъ, видно Ему угодно, чтобъ я еще влачила на землѣ свое несчастное существованіе,—пусть будетъ Его святая воля! покорюсь ей безъ ропота, хотя жизнь моя, кажется, ни для кого и ни для чего ненужна, и я живу и себѣ и другимъ только въ тягость. Одинъ Богъ видитъ, какъ мнѣ тяжело и скучно; одна мысль только и утѣшаетъ меня въ моемъ горѣ и одиночествѣ, что я исполнила весь долгъ въ отношеніи къ тебѣ и всегда все дѣлала и дѣлаю, кажется, такъ, чтобъ не осталось чего на душѣ. За претерпѣнные мною въ жизни перевороты, Аркадій Иванычъ, я имѣла бы право на лучшую участь. О, зачѣмъ я, несчастная, пережила твоего голубчика-папеньку! Лучше бы мнѣ умереть, оттого, что папенька былъ бы для тебя полезнѣе меня. Дѣло твое съ княжною, видно, не ладится; вѣрно, ты въ ней не успѣлъ; у насъ здѣсь болтаютъ даже, будто бы княжна помолвлена за какого-то графа и что, будто, объ этомъ вся Москва уже знаетъ; надо думать, впрочемъ, что это сплетни. Вѣдь въ провинціи то-и-дѣло, что сплетничествомъ занимаются; нечего другаго дѣлать-то! Напиши мнѣ все, какъ есть, какія теперь твои отношенія къ княжнѣ и къ ея родителямъ; не обольщай меня пустою надеждою и, главное, не обманывай меня: будь со мною откровененъ такъ, какъ я съ тобою. Если съ княжной у васъ все кончено, въ чемъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія, то тебѣ надо подумать, не шутя, о службѣ, а въ отставкѣ съ этихъ лѣтъ оставаться стыдно. Извини, что я тебѣ такъ говорю прямо и чистосердечно. Коли самъ не чувствуешь необходимости служить, такъ ты, мнѣ кажется, долженъ сдѣлать это для меня. Принеси же

хоть какую-нибудь жертву матери, которая не щадила для тебя ничего; хоть чѣмъ-нибудь утѣшь ее на старости лѣтъ! Я думала всегда, что ты меня собою возвысишь: Богъ знаетъ, будетъ ли это! Ты все пишешь о деньгахъ ко мнѣ. Кажется, ты бы долженъ размыслить, что у меня нѣтъ золотыхъ рудниковъ, и я безъ того высылала тебѣ больше, чѣмъ могла, а теперь у меня и у самой нѣту денегъ и взять нѐ откуда. Хлѣбъ за прошлый годъ еще не проданъ, и когда продамъ, тогда вышлю. Если дѣла твои въ Москвѣ не клеятся, то лучше бы ты на время пріѣхалъ ко мнѣ: обо всемъ бы лично переговорили. Увѣрена, что ты, размысливъ хорошенько, не захочешь потерять свою карьеру и нанести мнѣ ударъ: но я не могу смотрѣть на тебя во всякомъ случаѣ въ черное стекло. Сердце родительское такъ слабо, Аркаша, къ дѣтямъ, что оно, по предубѣжденію, можетъ видѣть въ нихъ скорѣй незаслуженную лучшую сторону, нежели дурную, и я столько имѣю собственной гордости, что ежели бы и хотѣла, то не могла бы смотрѣть на то, что̀ произвела, въ черное стекло, а если бы и были между нами какія-нибудь неудовольствія, то въ нихъ было бы не что другое, какъ неограниченное желаніе матери улучшить будущность сына, а отнюдь не предубѣжденіе. И такъ, прежде всего призвавъ на помощь Того, Который блюдетъ всѣ наши дѣла и помышленія, посылаю тебѣ мое материнское благословеніе, которое да наставитъ тебя на добрыя дѣла и мысли.

«P. S. Ты вѣрно помнишь Палагею Максимовну Трухину? Она прекрасная и преблагородная женщина; прошу тебя, съѣзди къ ней самъ (адресъ прилагаю), поблагодари ее отъ меня за исполненіе моихъ коммиссій и скажи ей, что я ей выберу самую лучшую изо всей деревни дѣвочку и пришлю ей въ подарокъ по первому пути.»

Тонъ этого письма сухой и отчасти колкій, отсутствіе въ немъ нѣжныхъ прозвищъ: *дружечикъ, ангелъ мой, сокровище мое* и другихъ, а главное, отказъ въ присылкѣ денегъ, — все это явно показало Аркадію Иванычу, что маменька гнѣвается на него, что до нея, можетъ-быть,

дошли какимъ-нибудь образомъ темные слухи объ его образѣ жизни въ Москвѣ и о прочемъ, касательно княжны. Фразы въ письмѣ: *не обманывай меня, не обольщай меня пустою надеждою, если съ княжной у васъ все кончено, въ чемъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія*, и жалобы на болѣзнь, были также очень подозрительны. Къ тому же, княжна, въ-самомъ-дѣлѣ, выходила замужъ за какого-то петербургскаго графа. Объ этомъ кричала вся Москва.

— Ужь не проклятая ли эта шлюха Палагея Максимовна? А она у меня совсѣмъ изъ головы вонъ! подумалъ Аркадій Иванычъ, бросивъ съ досадою на столъ письмо маменьки. — Ужь я же отдѣлаю ее! Я это ей такъ не пропущу!

Ложь Аркадія Иваныча точно открылась. Елена Терентьевна узнала все, и вотъ какимъ образомъ.

Когда она распустила по губерніи слухи о женитьбѣ своего сына на богатой московской княжнѣ, всѣ барыни обомлѣли сначала при этомъ извѣстіи и долго не могли придти въ себя. Елена Терентьевна сдѣлалась для нихъ предметомъ невыразимой зависти. За-глаза онѣ отзывались о ней хуже, чѣмъ когда-нибудь, но въ-глаза льстили ей болѣе обыкновеннаго. Такъ прошелъ годъ. По прошествіи этого времени, барыни какъ-то вдругъ спохватились, и закричали въ одинъ голосъ:

— А что, вѣдь Алена-то Терентьевна прихвастнула намъ о своемъ сынишкѣ! И въ-самомъ-дѣлѣ! А мы сдуру-то и повѣрили ей, какъ-будто не знали, что этакой хвастуньи поискать! Да и гдѣ, помилуйте... отдадутъ за него княжну! Стоитъ ли онъ этого? Ахъ, Боже мой! съ княгиней хотѣла породниться! въ знать вздумала попасть! Она—въ знать! Да кто она такая? да что она такое?

И какъ-будто нарочно, въ это самое время, одна изъ барынь получила письмо изъ Москвы отъ своей пріятельницы, въ которомъ пріятельница, сообщая ей различныя московскія новости, между прочимъ упоминала и о томъ, что княжна Берестинская выходитъ замужъ за графа. Письмо это немедля было пущено въ ходъ въ губернскомъ городѣ. Барыни были въ восторгѣ... Съ этого письма списывались копіи и разсылались по всѣмъ уѣздамъ. Надъ

головой Елены Терентьевны шпильки, колкости и насмѣшки разразились внезапно. Можно представить себѣ, до какого отчаянія доведена была Елена Терентьевна!...

— Вотъ дѣти! кричала она: —вотъ что они такое!... Холишь ихъ, лелѣешь ждешь отъ нихъ благодарности, утѣшенія, да и дождешься до того, что они преждевременно въ могилу сведутъ своими поступками!... Несчастная я, несчастная!... За что же Богъ-то наказываетъ меня такъ, скажите? Безсовѣстный Аркадій Иванычъ! обманываетъ мать! родную мать!... да еще какую мать, которая въ немъ души не слышала!... И Елена Терентьевна рвалась и металась и бросала въ огонь письма Аркадія Иваныча. Впродолженіе нѣсколькихъ дней никто въ домѣ не могъ угодить на нее—ни барышня, ни лакеи, ни дѣвки; но въ особенности страдали бѣдныя дѣвки: двѣ или три изъ нихъ ходили даже съ подвязанными щеками, ссылаясь на зубную боль...

Въ первыя минуты гнѣва, она было-написала къ сыну громовое посланіе: но на другой день, одумавшись, разорвала его и прежде рѣшилась развѣдать хорошенько стороною обо всѣхъ его московскихъ похожденіяхъ. Но черезъ кого? Елена Терентьевна думала, думала — и наконецъ придумала. Она вспомнила о своей старой знакомой Палагеѣ Максимовнѣ Трухиной, о которой совсѣмъ было-забыла. Палагея Максимовна была дѣвица лѣтъ пятидесяти-пяти. Она имѣла тысячъ до шести капитала, носила подъ чепцомъ изъ кокетства рыжеватый парикъ, скрывавшій ея сѣдые волосы, и хотя имѣла постоянную коморку въ домѣ какихъ-то своихъ родственниковъ около Дѣвичьяго-Поля, но, по страсти своей къ кочевой жизни, никогда почти не жила дома, а все гостила по знакомымъ и переносила изъ дома въ домъ вѣсти. Никто лучше и подробнѣе Палагеи Максимовны не могъ бы удовлетворить любопытства Елены Терентьевны касательно ея сына, потому-что Палагея Максимовна владѣла особеннымъ даромъ разузнавать и вывѣдывать,—и никто болѣе ея не любилъ вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла. Она ссорила и мирила родителей съ дѣтьми, женъ съ мужьями и наоборотъ, сестеръ съ братьями, дядей съ племянниками, а

сама всегда оставалась въ сторонѣ и разъигрывала роль совершенной невинности.

Елена Терентьевна тотчасъ написала къ ней самое чувствительное и ласковое письмо, въ которомъ просила ее, по старой дружбѣ, неотлагательно выполнить небольшія коммиссіи, на которыя нарочно высылала ей денегъ вдвое болѣе того, что могли стоить эти коммиссіи; а въ заключеніе, будто мимоходомъ, поручила ей разузнать о поведеніи сына, и о томъ, ѣздитъ ли онъ въ домъ князя Берестинскаго? на какой ногѣ принятъ въ этомъ домѣ? и прочее.

Палагея Максимовна съ неимовѣрною быстротою и точностью выполнила всѣ порученія Елены Терентьевны; половину высланной на покупки суммы оставила у себя въ ридикюлѣ, упомянувъ въ своемъ отвѣтѣ, что *нынче* въ Москвѣ страшная дороговизна на всѣ товары, оттого, что на все наложена тройная противъ прежняго пошлина, и расписала яркими красками всѣ похожденія Аркадія Иваныча съ небольшими еще прикрасами отъ себя... Рѣзко отозвалась она *о подлой танцоркѣ*, которая обираетъ его кругомъ, и о его пріятеляхъ, въ которыхъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти, и напрямки объявила, что Аркадій Иванычъ ни въ какіе семейные дома не показывается, а все водится съ *холостежью* и никогда не былъ *вхожъ въ домъ* князя Берестинскаго. Послѣднее было ей очень хорошо извѣстно, потому-что она пользовалась большою пріязнью жены дворецкаго князя. Заключительныя строки письма Палагеи Максимовны были необыкновенно трогательны:

«Искренно могу сказать, больно», писала она, «наносить вамъ, добродѣтельная Елена Терентьевна, огорченіе насчетъ милаго вашего Аркадія Иваныча, который самъ ничѣмъ не виноватъ, а попалъ въ дурную компанію: вся его тутъ вина. Такой добродѣтельной матери, какъ вы,— ваше нѣжное сердце мнѣ очень извѣстно, непріятно слышать что ни-на-есть дурное о сынѣ, и меня это за васъ убиваетъ, а я бы это отъ васъ и скрыла, если бы не брала въ васъ кровнаго участія и не помнила вашу хлѣбъ-соль и всѣ ваши ко мнѣ ласки, которыя по гробъ не забуду оттого, что съ-дѣтства пріучена быть благодарною и цѣнить людей,

и оттого, что такой дамы во всѣхъ отношеніяхъ отличныхъ правилъ, какъ вы, ныньче рѣдко можно найдти—и когда я вамъ писала это, то повѣрите ли у меня сердце кровью обливалось»... и проч.

Прочитавъ это посланіе, Елена Терентьевна слегла въ постель. Два дня она не вставала съ постели, стонала и охала на цѣлый домъ и безпрестанно подносила платокъ къ глазамъ, если кто-нибудь изъ домашнихъ появлялся въ ея спальнѣ. На третій день, она написала къ Аркадію Иванычу то письмо, которое помѣщено выше, нѣсколько разъ перечла его, смягчила кое-какія рѣзкія выраженія и потомъ отправила его на почту. Елена Терентьевна очень благоразумно разочла, что ей не слѣдовало слишкомъ раздражать сынка, потому-что онъ, какъ совершеннолѣтній, имѣлъ полное право взять отъ нея въ собственное управленіе отцовскія семьсотъ душъ, и кромѣ того потребовать еще у ней отчета по этому имѣнію за все время ея попечительства. Когда письмо было отослано, Елена Терентьевна сказала со вздохомъ барышнѣ:

— Я хотѣла къ нему написать самое строгое письмо; словомъ, такое письмо, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ; но вѣрите ли, душенька, никакъ не могла. Хоть онъ и не умѣетъ цѣнить меня, хоть онъ кругомъ виноватъ противъ меня, а все-таки мнѣ жаль его. Вотъ что значитъ материнское сердце!

Въ P. S. этого письма Елена Терентьевна, не безъ умысла, упомянула о Палагеѣ Максимовнѣ. Еленѣ Терентьевнѣ нарочно хотѣлось намекнуть Аркадію Иванычу, что у нея въ Москвѣ есть надежный источникъ, изъ котораго она можетъ почерпать о немъ свѣдѣнія.

Положеніе Аркадія Иваныча было ужасно. Разсчитывая на присылку денегъ изъ деревни, онъ заказалъ для Даши модную коляску и, кромѣ того, обѣщалъ заплатить кое-какіе ея долги. Коляску безъ денегъ ему не отдавали, а Даша не хотѣла иначе выѣзжать, какъ въ модной коляскѣ... Она выходила изъ себя, бранилась и кричала:

— Ты только хвастаешь, что у тебя Богъ-знаетъ какія богатства, а видно, у тебя ничего нѣтъ, видно, ты живешь на-фуфу!... Зачѣмъ же ты меня обманывалъ? За

что я должна изъ-за тебя мучиться? Меня какіе богачи хотѣли взять... Да если бы ты меня не сманилъ, такъ я бы теперь по горло въ золотѣ была!... Мнѣ бы теперь всѣ завидовали!

И Аркадія Ивановича попеременно терзали, такимъ-образомъ, то Даша, то ростовщики, то полиція. На письмо своей маменьки онъ написалъ слѣдующее:

«Любезная маменька,

Вы пишете, чтобъ я былъ съ вами откровененъ: повинуюсь вашей волѣ. Мнѣ не отказали въ рукѣ княжны, а я самъ увидѣлъ, что ея родители болѣе расположены къ новопріѣзжему изъ Петербурга графу, чѣмъ ко мнѣ. Что же до меня касается, я столько гордъ, что не хотѣлъ играть роль второстепенную въ ихъ домѣ, и, несмотря на просьбы княжны, которая была влюблена въ меня безъ памяти и признавалась мнѣ въ этомъ, пересталъ къ нимъ ѣздить» (Аркадій Иванычъ хотѣлъ непремѣнно поддержать свою ложь. Лгать ему было нипочемъ: онъ считалъ ложь дѣломъ обыкновеннымъ, но сознаться во лжи считалъ величайшимъ стыдомъ и никому бы безнаказанно не позволилъ назвать себя въ глаза лжецомъ).

«Впрочемъ, продолжалъ Аркадій Иванычъ, я не сожалѣю, коли правду вамъ сказать, о томъ, что всѣ планы мои касательно княжны разстроились. Я къ ней ничего не чувствовалъ, а вы сами знаете, любезная маменька, что какой бракъ безъ любви можетъ существовать! Къ тому же, въ Москвѣ невѣстъ знатныхъ фамилій еще много; я здѣсь всѣмъ извѣстенъ и всѣми любимъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что за меня отдадутъ любую московскую невѣсту. Будьте въ этомъ увѣрены.

«Но такъ-какъ я велъ здѣсь жизнь вполнѣ свѣтскую и вездѣ выѣзжалъ, и столько притомъ самолюбивъ, что не хотѣлъ быть хуже другихъ, то, натурально, много долженъ былъ издерживать, и отъ этого сдѣлалъ долги. Вы же денегъ мнѣ не высылаете, и я нахожусь въ совершенной крайности, безъ копѣйки, и не знаю, что дѣлать. Ради Бога, вышлите мнѣ деньги съ первою почтою. Мнѣ надо, покрайней-мѣрѣ, тысячъ пятнадцать, только для того, чтобъ раздѣлаться съ долгами (Аркадій Иванычъ

лгалъ, потому-что у него было болѣе пятидесяти тысячъ долгу), да кромѣ того надо жить прилично. Если же вы не можете выслать мнѣ вдругъ пятнадцати тысячъ, то вышлите мнѣ, съ первою почтою, покуда хоть пять тысячъ и всѣ нужныя бумаги на залогъ остальныхъ незаложенныхъ трехъ-сотъ-пятидесяти душъ моего имѣнія. Съ нетерпѣніемъ буду ждать, милая маменька, исполненія моей просьбы въ наискорѣйшемъ времени. Не думайте также, чтобъ я безъ толку разстроилъ свои дѣла. Этого никогда не будетъ, да къ тому же, если я немножко и задолжалъ, что жь за бѣда? Все можно поправить выгодной женитьбой, а ужь я не женюсь на комъ-нибудь и не уроню себя! Повторяю мою просьбу о высылкѣ денегъ и бумагъ для залога имѣнія и тысячу разъ цѣлую ваши ручки...»

Елена Терентьевна выслала ему безъ всякихъ приложеній и даже безъ письма свидѣтельство на залогъ трехъсотъ-пятидесяти душъ; но прежде, нежели Аркадій Иванычъ получилъ это свидѣтельство, Даша оставила его и перешла къ какому-то почтенному старичку, который прибавилъ ей въ годъ тысячу рублей лишнихъ противъ того, что̀ она получала. Аркадій Иванычъ взбѣсился на Дашу, потребовалъ отъ нея назадъ свои подарки; клялся, что если она не возвратитъ ему всѣхъ его вещей дочиста, то онъ ихъ непремѣнно вытребуетъ у нея черезъ полицію; что съ нимъ шутки плохи, и прочее. Но Даша не возвратила ему ничего и еще смѣялась надъ нимъ, а Аркадій Иванычъ дня два покричалъ, погорячился, пофанфаронилъ, и потомъ, какъ водится, успокоился. Получивъ изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта тысячъ до семидесяти, онъ заплатилъ свой долгъ, а остальныя деньги, за уплатою долга, промоталъ въ два мѣсяца на вино, на женщинъ и преимущественно на цыганъ. Для того же, чтобъ пустить пыль въ глаза Дашѣ и показать, что у него есть деньги, онъ ежедневно прокатывался мимо ея оконъ въ отличной ямской коляскѣ, запряженной лихою четвернею, за которую платилъ въ день по пятидесяти рублей.

Когда у него осталось всего только тысяча рублей, онъ вознамѣрился ѣхать въ деревню, съ тою цѣлью, чтобъ

накопить денегъ и снова возвратиться въ Москву кутить... Въ день отъѣзда онъ задалъ пріятелямъ прощальный обѣдъ съ цыганами, который ему стоилъ семьсотъ рублей. На разсвѣтѣ пріятели съ крикомъ и съ пѣснями уложили его въ дорожную коляску. Но Аркадій Иванычъ ничего не слыхалъ, потому-что спалъ сномъ непробуднымъ, и очнулся только на четвертой станціи отъ Москвы. Очнувшись, онъ съ удивленіемъ началъ озираться кругомъ себя, протирая глаза.

— Филька! Филька!

— Чего изволите-съ?

— Да куда жь это мы ѣдемъ?

— Къ маменькѣ въ деревню, сударь: мы ужь восемьдесятъ верстъ отъ Москвы отъѣхали-съ.

— Ахъ, да!

Аркадій Иванычъ махнулъ рукой, зѣвнулъ во все горло, потянулся и снова заснулъ.

Глава V.

Елена Терентьевна приняла сына очень холодно. Она обняла его только одинъ разъ и, смотря на него съ грустію и качая головою, говорила:

— Наконецъ-то таки Богъ привелъ намъ свидѣться! Какъ ты это, голубчикъ, вздумалъ заѣхать сюда? Я, признаюсь, этого никакъ не ожидала. Я думала, что ты и забылъ о моемъ существованіи. Вѣдь, шутка ли, пять мѣсяцевъ о тебѣ не имѣла ни слуху, ни духу, строки даже не написалъ ко мнѣ! А, кажется, я не много требую, не такъ, какъ другія матери: хоть бы только написалъ въ двѣ недѣли разъ: «я, маменька, слава Богу, живъ и здоровъ...» мнѣ больше ничего не нужно,—покрайней-мѣрѣ, я была бы покойна... Ну, да что говорить объ этомъ! (Елена Терентьевна вздохнула.) Я все-таки благодарна тебѣ и за то, что хоть когда-нибудь вспомнилъ обо мнѣ...

Барышня все увивалась около Аркадія Иваныча и, глядя на него, съ восторгомъ восклицала отъ поры-до-времени:

— Ангелъ вы нашъ! сокровище вы наше! красное вы наше солнышко! насилу-то мы дождались васъ къ себѣ!

И потомъ, обращаясь къ Еленѣ Терентьевнѣ, продолжала, указывая на Аркадія Иваныча:

— Да посмотрите, родная вы наша, кто сидитъ-то тутъ! Полноте теперь скучать; теперь вамъ нѐ о чемъ скучать. Вотъ онъ, *предметъ*-то вашъ!

— Что, милый мой, я думаю, ты повеселился въ Москвѣ? замѣтила Елена Терентьевна.—Вѣдь тамъ вѣрно для молодаго человѣка развлеченій тьма!... (Елена Терентьевна при этомъ обмѣнялась съ барышней значительнымъ взглядомъ.) Почему же, конечно, молодому человѣку и не веселиться?... Развлеченіе молодому человѣку необходимо; только надобно, чтобъ это развлеченіе было благородное... Разскажи же, другъ мой, какъ ты проводилъ время? Ты знаешь, какъ меня интересуетъ все, что̀ касается до тебя...

Благосклонный читатель, имѣющій уже теперь достаточное понятіе о моемъ героѣ, можетъ представить себѣ всю красоту и оригинальность его разсказа; я долженъ замѣтить только, что въ этомъ разсказѣ вообще блистательно разъигралась фантазія Аркадія Иваныча, и что въ нѣкоторыхъ эпизодахъ онъ просто превзошелъ самого себя. Разумѣется, о Дашѣ онъ не упомянулъ ни слова, но зато какъ поэтически умѣлъ распространиться о княжнѣ и о ея любви къ нему!...

Елена Терентьевна все время слушала сына съ иронической улыбкой и безпрестанно значительно поглядывала на барышню. Когда онъ кончилъ, Елена Терентьевна сказала:

— Прекрасно, прекрасно, мой другъ! Стало-быть, ты не даромъ провелъ время въ Москвѣ? Такъ ты тамъ со всѣми первыми домами познакомился?..... Да! конечно, пріобрѣсти такое знакомство пріятно и лестно. Ну, а еще были у тебя знакомства какого-нибудь другаго рода? кромѣ княжны, ты за кѣмъ-нибудь ухаживалъ?...

Елена Терентьевна устремила на сына ястребиный взоръ. Она напрасно усиливалась скрыть внутреннее волненіе: голосъ измѣнялъ ей, и губы ея дрожали.

Аркадій Иванычъ немного смѣшался. — Э-ге! до маменьки-то видно дошли подробныя вѣсти! подумалъ онъ.

Барышня поспѣшила къ нему на помощь.

— А я думаю, ужь сколько тамъ особъ за нимъ, за нашимъ голубчикомъ, ухаживали! замѣтила она, смѣясь. — Предупреждаю васъ, я тоже намѣрена вамъ строить куры, непремѣнно!...

Аркадій Иванычъ, немного оправясь, обратился къ маменькѣ:

— Да я и не за одной княжной волочился, отвѣчалъ онъ: — отчего же не волочиться? Ну, а вы что̀ подѣлывали, маменька?

— Я? ты обо мнѣ спрашиваешь? Ахъ, Боже мой, что моя за жизнь! Я съ каждымъ днемъ чувствую себя хуже и хуже, болѣзни совсѣмъ одолѣли меня! Я только и молю моего Спасителя о смерти! Такъ нѣтъ! кому надо умереть, тѣ живутъ, а кому бы только жить да радоваться, тѣ умираютъ. Это всегда такъ. Моей жизни, Аркашенька, никто не позавидуетъ! Вотъ она (Елена Терентьевна указала на барышню) свидѣтельница, какъ я страдаю... Да, впрочемъ, зачѣмъ трогать эту струну?... Обо мнѣ пожалѣть некому! Ужь тѣхъ нѣтъ на свѣтѣ, кто бы пожалѣлъ обо мнѣ!...

И Елена Терентьевна, говоря это, всхлипывала.

Барышня, желая предупредить непріятную сцену, перемѣнила разговоръ и начала по-своему любезничать. Между-тѣмъ лакей пришелъ доложить, что готовъ ужинъ. Елена Терентьевна отерла слезы и повела сына въ столовую. За ужиномъ Елена Терентьевна кушала довольно аппетитно, а послѣ ужина проводила сына въ приготовленную для него комнату.

— Хорошо ли тебѣ здѣсь будетъ, покойно ли? говорила она.—Я знаю, ты любишь кожаныя подушки: я потому и велѣла ихъ приготовить тебѣ... Хоть ты и разлюбилъ меня, голубчикъ, а я все тебя люблю по-прежнему... и помню всѣ твои привычки и вкусы!

Аркадій Иванычъ цѣловалъ маменьку и увѣрялъ ее, что онъ никогда не переставалъ любить ее...

— Вѣрю, вѣрю, мой другъ, возразила маменька тономъ

недовѣрчивости. — Ну, теперь тебѣ пора успокоиться, отдохнуть послѣ дороги... Я тебѣ, думаю, ужь надоѣла своимъ хныканьемъ! Завтра я велю для тебя нарочно истопить баню: послѣ дороги это необходимо... Христосъ съ тобой, ложись почивать!... Желаю тебѣ пріятнаго сна. Дай, я тебя перекрещу, какъ крестила въ прежніе годы!...

Когда Елена Терентьевна возвратилась къ себѣ въ спальню, она уже нашла тамъ барышню.

— А! что, милая? сказала она ей.—Каковъ? Хоть бы въ шутку привезъ матери какой-нибудь рублевый подарокъ, чтобъ только показать вниманіе: вотъ-дескать вамъ, милая маменька, видите ли, я помню объ васъ! И того нѣтъ! А вѣдь, я думаю, этой бестіи танцоркѣ какія вещи дарилъ!... Вотъ вамъ чувства дѣтей! Что̀ вы послѣ этого скажете? Выкормила, выростила, воспитала себѣ на радость!... Вотъ и радуюсь теперь, обливаясь кровавыми слезами!... Видѣла ли я до-сихъ-поръ отъ него какое-нибудь утѣшеніе?... Сдѣлалъ ли онъ мнѣ въ угодность хоть что-нибудь?... Вы все знаете... Скажите по совѣсти.

Барышня молчала. Это молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Но Елена Терентьевна не удовольствовалась этимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ.

— Скажите же, я васъ спрашиваю, вскрикнула она повелительно:—видѣла ли я отъ него какое-нибудь утѣшеніе?

Барышня испустила глубокій вздохъ и вслѣдъ затѣмъ произнесла печальнымъ голосомъ:

— Ужь, конечно, до-сихъ-поръ, кромѣ огорченія, вы ничего отъ него не видали. Мы всѣ этому свидѣтели! Ужь какъ намъ всѣмъ жаль васъ, голубушка вы наша, еслибъ вы знали.

Барышня также пылала злобою противъ Аркадія Иваныча за то, что онъ ни разу не сдѣлалъ ей никакого подарка. Она, въ свою очередь, кричала о немъ въ дѣвичьей:

— Вотъ этого чертенка-то, прости Господи, няньчила, ухаживала за нимъ, угождала ему! Вишь выросъ какой балбесъ! А что въ немъ толку-то? Хоть бы когда-нибудь бездѣлицу какую-нибудь подарилъ! Къ намъ-то скупъ, а на своихъ актёрокъ, небось, не жалѣлъ денегъ!...

— Богъ ему судья! продолжала Елена Терентьевна.—

Пусть онъ увидитъ со-временемъ такое же утѣшеніе отъ своихъ дѣтей, какое я отъ него видѣла. Онъ славную себѣ будущность приготовляетъ, вспомяните мое слово! Пожалѣетъ еще и обо мнѣ, когда меня не будетъ! Страшно подумать! вѣдь въ немъ всѣ чувства искоренены: его узнать нельзя!... И добро бы еще въ письмахъ, а то безстыдно лжетъ матери въ-глаза, да еще и не краснѣетъ! Заложилъ отцовское имѣніе въ угодность плясуньи! Это для меня такой поступокъ, такой, который извинить нельзя... Значитъ, у него нѣтъ никакого уваженія къ памяти отца, ничего святаго!... А сколько онъ денегъ-то промоталъ въ Москвѣ! И въ кого онъ такой мотъ, — я рѣшительно не понимаю. Отецъ проживалъ прежде много, но мотомъ никогда не бывалъ; я, кажется, не мотовка, дурныхъ примѣровъ онъ въ дѣтствѣ никакихъ не имѣлъ предъ глазами. Это, я думаю, пріятели совратили его съ пути! И какое у него лицо сдѣлалось — ни на что не похоже! А помните, какой онъ, можно сказать, красавецъ былъ, когда первый разъ пріѣхалъ сюда въ офицерскомъ мундирѣ? Тогда всѣ формально имъ любовались; а теперь что это такое? я просто не могу на него смотрѣть въ этомъ гадкомъ штатскомъ платьѣ!... Многія находили, что онъ похожъ на меня: точно, можетъ-быть, прежде онъ и имѣлъ небольшое сходство со мною, а теперь у него ни одной черты прежней не осталось; теперь онъ напоминаетъ больше отца, какъ тотъ былъ въ послѣднее время... Не правда ли?

Барышня, разумѣется, согласилась съ этимъ вполнѣ. И Елена Терентьевна долго такимъ-образомъ разсуждала съ барышнею объ Аркадіи Иванычѣ. Онѣ разстались за полночь. Лишь только барышня вышла, явилась горничная раздѣвать барыню.

— Ну, что, Машка, спросила у нея барыня: — говорила ты что-нибудь съ Филькой?... Что̀, доволенъ онъ своимъ бариномъ?

— Объ этомъ-съ онъ ничего не говорилъ, сударыня, отвѣчала горничная: — онъ все разсказывалъ намъ, какъ баринъ изволилъ жить въ Москвѣ-съ, сколько они изволили издерживать на эту мамзель-то-съ, что̀ у нихъ была,

какіе они банкеты задавали-съ... ну и все это какъ у нихъ тамъ было-съ.

— А не говорилъ ли Филька, привезъ ли баринъ съ собою сколько-нибудь денегъ?... Осталось ли у него что-нибудь послѣ того, какъ онъ заложилъ свое имѣніе?...

— Какое, сударыня! Филиппъ Андреичъ разсказываетъ, что они все спустили въ Москвѣ до копѣечки, что они такъ жили богато, что ужасти; что у нихъ тысячъ сто долговъ было-съ, и что они передъ отъѣздомъ сюда просто сорили деньгами-съ.

Елена Терентьевна прошептала себѣ подъ-носъ:

— Такъ я и думала, все это такъ и должно быть. Чего добраго ждать отъ него! И потомъ сказала горничной:

— Послушай, ты у Фильки-то все хорошенько развѣдай и потомъ передай мнѣ. А завтра позови его ко мнѣ потихоньку, такъ, чтобъ объ этомъ баринъ не зналъ и чтобъ онъ не смѣлъ заикнуться объ этомъ барину. Слышишь ли?

— Слушаю, сударыня-съ.

Когда горничная ушла, Елена Терентьевна помолилась Богу, поплакала и легла почивать.

На слѣдующій день, она имѣла продолжительный разговоръ съ Филькой, по окончаніи котораго подарила ему пять рублей.

Первые дни Аркадій Иванычъ очень скучалъ въ деревнѣ и не зналъ, что дѣлать. Одна только трубка немного развлекала его, и потому онъ не выпускалъ ее изо рта. Маменька избѣгала почему-то рѣшительнаго объясненія съ сыномъ; только въ обыкновенныхъ разговорахъ съ нимъ дѣлала ему безпрестанныя колкости и осыпала его обидными намеками, къ которымъ онъ, впрочемъ, никакъ не могъ придраться. Этимъ она отчасти удовлетворяла себя. О чемъ бы у нихъ, напримѣръ, ни заходила рѣчь, хоть о погодѣ, маменька, разсуждая и о погодѣ, умѣла кстати ввернуть словцо о безнравственности нынѣшней молодежи, о неограниченной любви родительской къ дѣтямъ, о неблагодарности дѣтей, о тѣхъ жалкихъ молодыхъ людяхъ, которые не хотятъ служить и надъ которыми всѣ смѣются, и о прочемъ тому подобномъ.

Часто она сочиняла цѣлыя исторіи и выдумывала удивительные анекдоты, которыми хотѣла или уязвить сына, или просто только подѣйствовать на его воображеніе. Эти исторіи и анекдоты разсказывала она, обыкновенно, своимъ пріятельницамъ только въ присутствіи Аркадія Иваныча.

— Слышали вы, милыя, говорила она пріятельницамъ: — какое происшествіе случилось недавно въ Петербургѣ? Тамъ, говорятъ, теперь только и толковъ, что объ этомъ.

— Ахъ, разскажите, пожалуйста! что́ такое? возражали пріятельницы. — Это должно быть очень интересно.

— Да: это такое происшествіе, продолжала Елена Терентьевна торжественнымъ и мрачнымъ голосомъ: — надъ которымъ *многіе* должны были бы призадуматься. При словѣ *многіе*, она устремляла значительный взглядъ на сына. — Вообразите, одна петербургская дама средняго круга... позвольте... мнѣ называли и фамилію ея... какъ бишь ее?... ахъ, какая досада, совсѣмъ забыла!... вѣдь вы знаете, у меня такая скверная память: ну, да не въ томъ дѣло, все равно... видите ли: у этой дамы... а надобно вамъ сказать, что эта дама пользуется въ Петербургѣ всеобщею любовью и всеобщимъ уваженіемъ: это, говорятъ, ангелъ доброты, безподобнѣйшихъ правилъ, съ рѣдкими чувствами,—словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ примѣрная женщина... У ней, видите ли, было два сына, въ которыхъ она души не слышала, для которыхъ она, можете себѣ представить, всѣмъ на свѣтѣ пожертвовала; ну, однимъ словомъ, такая мать, на которую всѣ указывали, какъ на образецъ. Воспитаніе дѣтямъ она дала отличное: по-французски оба они такъ, говорятъ, и рѣзали. Вотъ они стали, знаете, подростать помаленьку... и выросли, и въ службу вступили: одинъ въ статскую, другой въ военную; натурально, она и ждетъ отъ нихъ утѣшенія, думаетъ себѣ: «ну, теперь я отдохну; теперь я буду только жить да радоваться, глядя на нихъ; теперь они будутъ меня покоить, лелѣять... ужь теперь пришелъ ихъ чередъ за мною ухаживать.» Все это, знаете, что каждая изъ насъ передумала и перечувствовала. А надобно вамъ ска-

зать, что она хоть обоихъ сыновей равно любила и никакого между ними отличія не дѣлала, но все-таки сердце у нея больше лежало къ тому, который опредѣлился въ военную службу, оттого, что онъ былъ такой кроткій, послушный, безпрестанно къ ней ласкался, и когда не былъ на службѣ, то все сидѣлъ возлѣ нея, — и не одна мать, всѣ знакомые обожали его. Извѣстно, что ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ! Вотъ, бывало, она и говоритъ ему: «что это ты, мой ангелъ, не съѣздишь никуда, не развлечешься ничѣмъ? Вѣдь тебѣ, я чай, со мной, со старухой, сидѣть скучно? Вотъ, посмотри, какъ братъ твой веселится!» А онъ бросится, бывало, къ ней, начнетъ цѣловать ей руки и говоритъ: «Маменька-голубушка, повѣрьте, мнѣ съ вами гораздо веселѣе, чѣмъ въ обществѣ брата; я, говоритъ, такъ думаю, что для молодаго человѣка ничего не можетъ быть вреднѣе холостой компаніи... я, говоритъ, маменька, предпочитаю семейные дома, въ семейныхъ домахъ, говоритъ, видишь нравственные примѣры...» И, повѣрите ли? Онъ ничего не дѣлалъ безъ совѣта матери и никуда даже не выѣзжалъ безъ нея въ гости, несмотря на то, что былъ не маленькій, — замѣтьте это, ужъ ему было двадцать-четыре года.

— Ахъ, какой голубчикъ! перебили пріятельницы: — скажите!... да вѣдь это на рѣдкость!... Этакихъ молодыхъ людей ужь ныньче и встрѣтить трудно!...

— Да, къ сожалѣнію, возразила Елена Терентьевна съ глубокимъ вздохомъ. — Счастливы родители, которые имѣютъ такихъ дѣтей! И вообразите себѣ, онъ и брата-то своего уговаривалъ, чтобъ тотъ не огорчалъ матери и перемѣнилъ свой образъ жизни; но тотъ куда себѣ! и слушать не хотѣлъ. Тотъ былъ, знаете, этакой забулдыга: пилъ, кутилъ, проматывалъ на актрисъ деньги и забылъ о томъ, что у него существуетъ мать... (Фразы: *проматывалъ на актрисъ деньги* и *забылъ, что у него существуетъ мать* Елена Терентьевна старалась произнести съ особеннымъ эффектомъ.) Его съ утра до ночи не было дома. Вы можете себѣ представить, какъ это сокрушало бѣдную мать; но она сначала дѣйствовала на него кроткими мѣрами, со слезами увѣщевала его, — куда! еще

хуже: онъ, не сказавъ матери ни слова, потихоньку бухъ въ отставку. Съ ней чуть ударъ не сдѣлался, ей тотчасъ кровь пустили. «Ну», подумала она: «дѣлать нéчего, если кроткія мѣры не берутъ, надобно прибѣгнуть къ строгости.» Сами согласитесь, какая бы мать равнодушно видѣла свое дитя на краю пропасти и не употребила всѣхъ средствъ, чтобъ спасти его!... Она, знаете, призываетъ его къ себѣ и начинаетъ мыть ему голову; ну, и мылила, мылила ему голову, вычитывала ему все, все... такъ-что каменное сердце могло бы тронуться, а у него... что жь бы вы думали? ни слезинки! Онъ еще началъ спорить съ матерью, грубить, и такихъ вещей насказалъ ей, что она въ обморокъ.

— Ахъ, какой извергъ! вскрикнули пріятельницы Елены Терентьевны въ одинъ голосъ.

— Но не безпокойтесь, продолжала Елена Терентьевна:—это ему не прошло даромъ. Нѣтъ! дѣти, убивающія своихъ родителей, не остаются безнаказанными. Богъ справедливъ!... Онъ не хотѣлъ и помощи подать матери, когда та упала въ обморокъ; онъ оставилъ ее такъ, но зато только-что вышелъ на лѣстницу, споткнулся, упалъ, да вискомъ о каменный полъ—и тутъ же отправился на тотъ свѣтъ... Собакѣ собачья и смерть! никто и не жалѣлъ его; только мать же одна и поплакала о немъ. Но Богъ ее, голубушку, утѣшилъ. Представьте, черезъ нѣсколько дней послѣ этого ужаснаго происшествія, какъ-будто за послушаніе и покорность къ матери,—другой ея сынъ получилъ значительную награду по службѣ и, кромѣ того, былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ...

Пріятельницы, выслушавъ эту исторію, сочиненную Еленою Терентьевною, прославляли судьбу и, по поводу этой исторіи, заводили свой любимый разговоръ объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ... А Аркадій Иванычъ внутренно подсмѣивался и надъ исторіей, разсказанной маменькою, и надъ нею самою, и надъ ея пріятельницами, и, покуривая трубочку, думалъ: «какъ-бы этакъ провести время въ деревнѣ, чтобъ не было скучно!»

Между несмѣтнымъ количествомъ дворовыхъ дѣвокъ и горничныхъ онъ замѣтилъ трехъ или четырехъ, которыя были, по его собственному выраженію, *такъ-себѣ*, *ничего*,

а одну даже, очень хорошенькую, принадлежавшую собственно Еленѣ Терентьевнѣ. За тѣми, которыя были *такъ-себѣ, ничего*, баричъ ухаживалъ недолго... Ему не нравилось то, что онѣ бѣгали босикомъ, въ грязныхъ и оборванныхъ платьяхъ и имѣли такія грубыя руки, до которыхъ, какъ до необструганной доски, невозможно было дотронуться не занозившись. Очень хорошенькая была вообще понѣжнѣе и почище всѣхъ—и носила, правда, хоть бѣлевые и дырявые, но все-таки чулки. Безъ чулокъ она почти никогда не ходила. Ее звали Анюткой. Анютка славилась отважностью и рѣшительностью своего характера, вслѣдствіе чего вся кривухинская дворня смотрѣла на нее съ уваженіемъ. Анютка не любила никому спускать, и многихъ изъ своихъ обожателей отправляла отъ себя съ полновѣсными оплеухами. Носились слухи, будто бы въ числѣ подвергшихся этой горькой участи находился одинъ почтенный канцелярскій чиновникъ, долго и безуспѣшно ухаживавшій за нею. Разсказывали, будто бы, послѣ нанесеннаго ему Анюткою оскорбленія, онъ пришелъ въ величайшую ярость, замахнулся на нее и грозился согнуть ее въ бараній рогъ, но что она, нимало не испугавшись этой угрозы и ставъ въ оборонительное положеніе, изо всей силы закричала:

— Вотъ только подойди!... Вотъ только сунься!... Вѣдь я тебѣ сказала, что я ужь не посмотрю на то, что ты называешься бариномъ... Еще погоди... Я тебя при всѣхъ такъ выругаю... старый ты подлипало...

Лакеи толковали про Анютку, плюя отъ досады:

— Да что! это не дѣвка, это чортъ!

А барышня даже, Богъ знаетъ почему, подольщалась къ ней и говорила про нее другимъ дѣвкамъ:

— Ну, дѣвушки, вспомяните меня, ужь изъ нее выйдетъ что-нибудь необыкновенное. Посмотрите, какъ она высоко смотритъ! Я еще помню ее маленькую: она и тогда все въ вельможи играла. Ужь это не даромъ!

Даже самъ Аркадій Иванычъ испыталъ упорство и твердость характера Анютки. Она сначала оказывала къ нему совершенное равнодушіе и въ продолженіи мѣсяца на всѣ его ласки и заигрыванья отвѣчала обыкновенно:

— Ужь это, кажется, совсѣмъ не барское дѣло, сударь, вамъ заниматься съ нами холопками!

А Аркадій Иванычъ, удивленный, думалъ: «да что жь это такое значитъ? Этакихъ капризныхъ мнѣ еще не удавалось встрѣчать?» Между-тѣмъ капризы Анютки еще болѣе подстрекали его расположеніе къ ней. Вліяніе ея на Аркадія Иваныча не замедлило обнаружиться... Съ-тѣхъ-поръ, въ одеждѣ Анютки произошли большія улучшенія. Вмѣсто дырявыхъ бѣлевыхъ, она начала щеголять въ бумажныхъ чулкахъ; на шеѣ ея начали красоваться пестрые шелковые платочки, а по воскресеньямъ и по праздникамъ она появлялась въ отличныхъ ситцевыхъ платьяхъ и въ козловыхъ башмакахъ. Барышня стала уже смотрѣть на нее съ завистью и ворчала:

— Вишь, подлянка, какъ разодѣлась, будто барыня какая!

Но когда Анютка выкупилась у барыни, внеся ей за себя шестьсотъ рублей (а это случилось чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ пріѣзда Аркадія Иваныча въ деревню) и переселялась на житье въ уѣздный городъ (находившійся только въ двухъ верстахъ отъ Кривухина), то барышня, провожая ее и цѣлуясь съ нею, говорила:

— Не забывай же меня, голубушка Аннушка! Ужь ты знаешь, какъ я тебя любила всегда, такъ, знаешь, отчего-то невольно къ тебѣ сердце лежало, божусь Богомъ, и вѣдь это, можно сказать, я напророчила тебѣ такое необыкновенное счастье!

— Спасибо вамъ, барышня! говорила Анютка:—не забывайте и вы насъ, не поминайте лихомъ; пріѣзжайте къ намъ.

— Ваши гости, ваши гости! отвѣчала барышня, осыпая Анютку поцѣлуями и обнимая ее....

Развлекаясь такимъ образомъ, Аркадій Иванычъ понемногу привыкалъ къ деревенской жизни и даже начиналъ забывать о Москвѣ. Онъ подружился съ нѣкоторыми помѣщиками, вмѣстѣ съ ними игралъ въ карты, ѣздилъ на охоту и пилъ. Попойки эти совершались, большею частью, въ уѣздномъ городѣ, на квартирѣ Анны Трофимовны, которая уже разыгрывала роль барыни и успѣла сой-

тись со всѣми уѣздными дамами, то-есть, съ женами приказныхъ и даже съ нѣкоторыми мелкопомѣстными дворянками. Къ разгульному обществу Аркадія Иваныча присоединился еще мальчикъ лѣтъ шестнадцати, сынъ небогатыхъ помѣщиковъ, котораго родители, до опредѣленія на службу, оставили на произволъ судьбы. Аркадій Иванычъ съ особеннымъ наслажденіемъ поилъ этого мальчика виномъ и пуншемъ, и, наливая ему стаканъ за стаканомъ, говорилъ, ударяя его по плечу:

— Молодецъ, братецъ, молодецъ! Пей, братецъ; ты не слушай тѣхъ, что̀ тебѣ глупую-то мораль читаютъ,—все это вздоръ! Еслибъ тебя отдали въ мои руки, я бы тебя всему обучилъ. Утромъ бы я тебя погонялъ немножко на кордѣ, чтобъ изъ тебя сдѣлать настоящаго ѣздока,—безъ этого нельзя,—а вечеромъ мы бы пріударили вмѣстѣ по этой части (Аркадій Иванычъ указывалъ на стаканъ). Вотъ бы и все ученье, братецъ, въ этомъ состояло!... Вина не бойся: вино не вредно. Я вотъ, слава Богу, съ шестнадцати лѣтъ началъ пить, а видишь ли, какой толстый и все день-ото-дня становлюсь здоровѣе!

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ послѣднее время пребыванія своего въ деревнѣ, Аркадій Иванычъ необыкновенно растолстѣлъ, или, вѣрнѣе сказать, отёкъ. Онъ казался, покрайней-мѣрѣ, годами четырьмя старѣе своихъ лѣтъ. Страсть къ франтовству, впрочемъ, не оставляла его. Въ Москвѣ одѣвалъ его портной «по послѣдней картинкѣ»; въ деревнѣ началъ онъ одѣваться по собственной фантазіи: венгерокъ у него было несмѣтное количество, и всѣ различнаго покроя, съ кистями, съ шнурками и съ балаболками: панталоны онъ началъ носить на казацкій манеръ, ширины чудовищной; рубашки шелковыя, яркихъ цвѣтовъ и, непремѣнно, съ косымъ воротомъ; къ жилетамъ онъ самъ покупалъ въ галантерейномъ магазинѣ губернскаго города блестящія пуговки, въ видѣ незабудокъ съ фальшивой бирюзой или изумрудами. Экипажъ его, которымъ онъ особенно гордился, отличался также страшною пестротою и вычурностью, а сбруя на лошадяхъ была съ *малиновымъ звономъ*, то-есть съ особаго рода бубенчиками и погремушками, издававшими очень оригинальный и гармониче-

скій звукъ. Когда же онъ выѣзжалъ въ дрожкахъ или саняхъ парой, то всегда самъ управлялъ пристяжною и, подхлыстывая кнутомъ, любовался и радовался, какъ она загибалась въ кольцо. Скоро, не только въ своемъ уѣздѣ, но и въ цѣлой губерніи, Аркадій Иванычъ прослылъ *модникомъ*, и многіе изъ тѣхъ молодыхъ помѣщиковъ, которые никогда не бывали ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, начали очень замѣтно во всемъ *копировать его*, какъ говорили губернскія барыни.

Съ маменькой Аркадій Иванычъ часто не видался по цѣлымъ недѣлямъ, и, вообще, свиданія ихъ были коротки и холодны. Елена Терентьевна почти ничего не говорила съ нимъ. Въ присутствіи его она только охала, вздыхала, поднимала глаза къ потолку, печально качала головой, да иногда со слезами, смотря на образъ, шептала,—но разумѣется такъ, чтобъ до слуха сына доходило это шептанье:

— Мать Пресвятая Богородица! Заступница моя, услышь недостойную рабу твою; я только и молю Тебя объ одномъ—о прекращеніи моей страдальческой жизни!

Аркадію Иванычу надоѣдали всѣ эти сцены, и онъ думалъ, крутя усы:

— Да нѣтъ... ужь какіе маменька тамъ ни выкидывай фокусы, а ужь служить-то я не стану. Это кончено!

Иногда ему, впрочемъ, становилось жаль маменьки; а отчего жаль—онъ объяснить этого никакъ не могъ.

— Я знаю, душа моя, что она притворщица, говорилъ онъ про нее одному своему пріятелю:—а все какъ-то, знаешь, жаль ее, когда она хныкаетъ. Нельзя же... Вѣдь что̀ ни говори, братецъ, а она все-таки мнѣ мать; къ тому же любитъ меня точно ужаснѣйшимъ образомъ, и баловала меня прежде, то-есть такъ, что ты себѣ представить не можешь...

И хотя онъ нимало не боялся маменьки и вовсе не намѣренъ былъ внимать ея совѣтамъ, однако, вѣроятно, для собственнаго спокойствія, старался избѣгать рѣшительнаго съ нею объясненія.

Уже болѣе полугода герой мой прожилъ въ деревнѣ, и начиналъ думать, что гроза прошла стороною, что маменька отложила намѣреніе съ нимъ объясняться и

рѣшилась оставить его въ покоѣ, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный весенній день, когда онъ расположился ѣхать въ уѣздный городъ и совсѣмъ уже занесъ-было ногу, чтобъ сѣсть на бѣговыя дрожки, сзади его раздался рѣзкій голосъ:

— Аркадій Иванычъ! Аркадій Иванычъ!...

Это былъ голосъ маменьки.

У Аркадія Иваныча замерло сердце.

Онъ обернулся—и увидѣлъ маменьку передъ собою.

Елена Терентьевна величественно стояла на крыльцѣ, немного приподнявъ голову и подбочась одною рукою. Во всей ея фигурѣ и въ выраженіи лица было что-то рѣшительное и зловѣщее.

— Что̀ вамъ угодно, маменька? спросилъ ее Аркадій Иванычъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами. Пожалуйте на минуточку ко мнѣ.

— Ахъ, извините! произнесъ Аркадій Иванычъ:—мнѣ нужно ненадолго съѣздить; я скоро возвращусь, и тогда къ вашимъ услугамъ.

Маменька сдѣлала шагъ впередъ.

— Аркадій Иванычъ! сказала она, возвысивъ голосъ и еще съ бо̀льшею торжественностью:—Аркадій Иванычъ! кажется, я васъ немного безпокою собою. Кажется, вы могли бы удѣлить матери полчаса; потомъ я не стану васъ удерживать: поѣзжайте себѣ куда вамъ угодно, на всѣ четыре стороны. Я знаю, куда вы спѣшите... ничего, если и опоздаете получасомъ, не велика важность!... Еще успѣете наглядѣться на ваше сокровище!

Елена Терентьевна при этомъ захохотала такъ необыкновенно, что даже конюхъ, державшій лошадь Аркадія Иваныча, вздрогнулъ невольно отъ этого страннаго хохота.

— Да скажите же мнѣ, однако, Аркадій Иванычъ, продолжала Елена Терентьевна:—до чего же я наконецъ дожила, что вы ужь явно не стыдитесь показывать передъ всѣми людьми (Елена Терентьевна указала на конюха и на двухъ бабъ, развѣшивавшихъ бѣлье въ отда-

леніи), что для васъ дороже матери Богъ-знаетъ какая... у меня даже языкъ не поворотится сказать кто...

Аркадій Иванычъ, все еще въ раздумьи стоявшій у бѣговыхъ дрожекъ съ возжами въ рукѣ, при послѣднихъ словахъ маменьки бросилъ возжи и подошелъ къ ней...

— За что вы сердитесь, я не понимаю; что́ вамъ угодно отъ меня? сказалъ онъ.

— Пожалуйте ко мнѣ, произнесла она повелительно:— я васъ не задержу долго, не безпокойтесь...

Аркадій Иванычъ пожалъ плечами и послѣдовалъ за маменькою.

Маменька привела его въ свою спальню, сѣла на кушетку и указала ему рукой на стулъ. Все это маменька дѣлала съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ величавостью истинно-трагическою.

Аркадій Иванычъ сѣлъ.

— Вы, кажется, довольно меня знаете, Аркадій Иванычъ, начала маменька:—я женщина не пустая, не сварливая; у меня нѣтъ никакихъ глупыхъ претензій и требованій, какъ у другихъ матерей; я, благодаря моего Бога, пользуюсь всеобщимъ уваженіемъ и успѣла въ свѣтѣ заслужить,—это я могу сказать всѣмъ и каждому,—отличное *реноме;* терпѣнію моему всѣ удивляются... но вѣдь бываетъ же конецъ и ангельскому терпѣнію, согласитесь сами! Я не стану говорить о томъ, чего мнѣ стоило ваше воспитаніе, сколько я потеряла здоровья, ухаживая за вами... ни дядька вашъ, ни нянька ваша, никто не имѣлъ о васъ столько заботъ, какъ я... Это всѣмъ извѣстно: всѣ единогласно называютъ меня примѣрною матерью. Аркадій Иванычъ! Я столько жертвъ принесла вамъ въ жизни... (При этомъ Елена Терентьевна ударяла себя рукой въ грудь). Столько жертвъ, сколько никакая другая мать не въ состояніи была бы принести для своего сына... Для васъ я бросила свѣтъ, никуда не выѣзжала, не щадила ни здоровья, ни денегъ; словомъ сказать, кромѣ васъ, для меня никого и ничего не существовало въ жизни!... Вы были единственнымъ моимъ кумиромъ. Я не отказывала вамъ ни въ чемъ; я послѣднюю свою рубашку готова была заложить для васъ; всѣ малѣйшія ваши при-

хоти выполняла. Ну, я свой долгъ исполнила, Аркадій Иванычъ... теперь позвольте васъ спросить: что́ вы для меня сдѣлали? чѣмъ вы мнѣ отплатили за все это? какую жертву вы принесли мнѣ?

Аркадій Иванычъ разинулъ ротъ, чтобъ сказать что-то такое, но Елена Терентьевна не допустила его до этого.

— Позвольте, позвольте, продолжала она: — я вамъ сейчасъ скажу, какъ вы за все это отблагодарили маменьку. Вы, первое, вышли въ отставку безъ моего совѣта, безъ моего согласія. Я объ этомъ узнала отъ постороннихъ. Это ужасно... ну, да Богъ съ вами! Потомъ, этого еще мало, — живши въ Москвѣ, вы меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманывали въ письмахъ, льстили мнѣ пустыми надеждами, для того только, чтобъ выманить у меня деньги: увѣряли меня, будто женитесь на княжнѣ Берестинской, будто вы въ домѣ ея родителей приняты, какъ свой, тогда какъ ваша нога не была въ ихъ домѣ...

— Нѣтъ, клянусь честью, перебилъ немного-смущенный Аркадій Иванычъ. — ей-Богу.... вы спросите, если хотите, у кого угодно въ Москвѣ... я у нихъ въ домѣ былъ...

— Перестаньте, ради Христа, — не лгите. Лгать вообще грѣхъ, Аркадій Иванычъ, но лгать передъ матерью — это грѣхъ непростительный. Не безпокойтесь, — я все знаю, только молчу, все, — до малѣйшей подробности, всѣ ваши похожденія въ Москвѣ. Добрые люди, жалѣя обо мнѣ, увѣдомляли меня обо всемъ, что́ вы дѣлали. На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, Аркадій Иванычъ! Я могу гордиться тѣмъ, что умѣла съискать во всѣхъ, умѣла нажить себѣ истинныхъ друзей... Я знаю, на что проматывали вы деньги въ Москвѣ; знаю, кто заставилъ васъ заложить отцовское имѣніе... Бога вы не боитесь, Аркадій Иванычъ! Отецъ вашъ послѣднее время отказывалъ себѣ во всемъ, ни на что почти не тратилъ денегъ, — все вамъ берегъ... Думалъ ли онъ, голубчикъ, что его достояніе пойдетъ въ руки подлой плясуньи?

Послѣднія слова Елена Терентьевна произнесла сквозь слезы.

Аркадій Иванычъ пошевелилъ губами, вѣроятно, желая сдѣлать маменькѣ какое-нибудь возраженіе, но Елена Терентьевна снова предупредила его, закричавъ во все горло:

— Не оправдывайтесь, сдѣлайте одолженіе. Дайте мнѣ прежде все кончить. Вы мнѣ слова не даете выговорить... Не забудьте, что вы въ Москвѣ болѣе полутораста тысячъ прожили. Шутка ли это! И на что прожили-то? Вѣдь эти денежки, можно сказать, плакали!... Потомъ, когда ужь у васъ не оставалось ни копѣйки, вы пріѣхали сюда... не для того, чтобъ видѣть меня: вамъ все равно, кажется, есть ли у васъ мать или нѣтъ, — вѣдь вы въ продолженіи пяти мѣсяцевъ ко мнѣ ни строки не писали; слѣдовательно, я для васъ ничего, а вы пріѣхали сюда потому, что вамъ ужь нечѣмъ было жить въ Москвѣ... Но я все вамъ простила. Аркадій Иванычъ, все, — чувствуете ли вы это?... у меня сердце самое нѣжное и кроткое, — это всѣ очень хорошо знаютъ: я думала, что вы наконецъ опомнитесь, очувствуетесь, узнаете мнѣ цѣну, придете ко мнѣ, броситесь ко мнѣ на шею и скажете: «Голубушка маменька, я виноватъ передъ вами, забудемте все старое... теперь ужь я больше не буду васъ огорчать!... Вы желаете, чтобъ я служилъ: извольте, маменька, я принесу вамъ эту жертву...» Впрочемъ, что это за жертва! Вѣдь ваша же собственная польза должна бы заставить васъ подумать о службѣ. Вѣдь вы не служа себѣ же вредъ дѣлаете, — надъ вами же всѣ смѣются... Я все молчала, вы видѣли; все надѣялась, что вы не сегодня, такъ завтра придете ко мнѣ сами объясниться насчетъ службы... Прошелъ мѣсяцъ, другой, третій, прошло и полгода; вы вѣдь здѣсь живете, кажется, еще больше, чѣмъ полгода... наконецъ, признаюсь, мое терпѣнье лопнуло. Къ тому же, я вижу, что мысль о службѣ и не приходитъ вамъ въ голову; что, вы намѣрены здѣсь совсѣмъ погрязнуть, исчезнуть въ ничтожествѣ? вы ужь и связи здѣсь какія-то завели... говорятъ, будто живете съ этой мерзавкой Анюткой; говорятъ, будто вы ей и деньги дали на выкупъ... будто вы ее содержите... да я этому и вѣрить не хочу!... Неужели вы унизились до такой степени? Ужь будто бы

вы не могли здѣсь завести благородную интригу, и которая притомъ не стоила бы вамъ ни копѣйки? Связь съ Анюткой, съ этой гадкой, распутной дѣвчонкой, которую я давно хотѣла выгнать изъ дома и сослать куда-нибудь на фабрику, потому-что она у меня всѣхъ людей перепортила... Это была настоящая зараза въ домѣ!... Жаль мнѣ васъ, Аркадій Иванычъ, очень жаль! Хоть бы вы мнѣніемъ-то свѣта подорожили. Послушайте-ка, что объ васъ говорятъ! Не думайте, чтобъ я на васъ жаловалась кому-нибудь,—нѣтъ, мое горе и мои страданія извѣстны только одному всевышнему Отцу! Теперь, Аркадій Иванычъ, я обезпокоила васъ за тѣмъ, за тѣмъ только просила васъ къ себѣ, чтобъ спросить въ послѣдній разъ: намѣрены ли вы служить? Сдѣлаете ли вы хоть что-нибудь въ угодность матери, если сами не хотите думать о своей пользѣ?...

Елена Терентьевна остановилась и устремила вопросительный взглядъ на сына.

Аркадій Иванычъ погладилъ и покрутилъ усы и потомъ произнесъ съ разстановкою:

— Да я служить не прочь... отчего же не служить?... я думаю о службѣ.

— Вы только все думаете? Долго же вы думаете, Аркадій Иванычъ! а между-тѣмъ, покуда вы думаете, ваши товарищи хватаютъ чины да кресты... Въ полгода, казалось, можно бы надуматься!

— Послушайте, маменька, сказалъ Аркадій Иванычъ: — ужъ если вы такъ желаете, чтобъ я вступилъ въ службу—извольте: я для васъ готовъ это сдѣлать... я...

— Не для меня, батюшка! прежде всего для себя, перебила маменька.

— Нѣтъ, не для себя, а для васъ, возразилъ Аркадій Иванычъ:—что жь такое? почему не сказать правды? я бы ни за что, по своей волѣ, не вступилъ въ службу... Мнѣ и такъ хорошо... я за почестями не гонюсь; свободная жизнь, маменька, лучше всего!

— Не говорите этого, я не могу этого слышать. Чтобъ мое рожденіе, мой сынъ, не имѣлъ никакой гордости, объ этомъ подумать ужасно!...

— Что же дѣлать?... Ну, ужь я вамъ сказалъ, что я вступлю въ службу, и кончено! Для васъ ли, для себя ли, это вамъ все равно... Только ужь лѣто-то позвольте мнѣ остаться въ деревнѣ. Прежде осени, какъ вы хотите, я не уѣду отсюда.

Елена Терентьевна подозрительно взглянула на сына, какъ-будто не довѣряя словамъ его. Она на минуту призадумалась; суровое выраженіе лица ея постепенно смягчалось,—она даже протянула сыну руку и сказала ему ласковымъ голосомъ:

— Такъ ты, другъ мой, даешь мнѣ честное слово, что къ осени вступишь въ службу? Это ужъ вѣрно? Я на тебя могу положиться въ этомъ случаѣ?...

Аркадій Иванычъ пожалъ руку маменьки.

— Повѣрьте, маменька, что я ужь рѣшился васъ этимъ утѣшить. Будьте покойны.

— Благодарю тебя, дружечикъ, благодарю... И слезы радости въ ту же минуту блеснули на глазахъ Елены Терентьевны, потому-что слезы необыкновенно привыкли повиноваться ей.—Тебѣ стоитъ только втянуться въ службу, мой другъ, продолжала она:—а тамъ, повѣрь мнѣ, ты и самъ отъ нея не отстанешь; честолюбіе у тебя разыграется, и все пойдетъ своимъ порядкомъ. Безъ честолюбія нельзя жить, Аркашенька: ужь плохъ тотъ человѣкъ, въ комъ нѣтъ честолюбія. Стало-быть, дружечикъ, я могу надѣяться видѣть тебя съ густыми эполетами?

— Какъ же, маменька, непремѣнно, и до густыхъ эполетъ дослужимся!

И, говроя это, Аркадій Иванычъ невольно поводилъ плечами. Аркадію Иванычу самому вдругъ захотѣлось густыхъ эполетъ, такъ захотѣлось, что, въ эту минуту, онъ былъ бы готовъ отдать болѣе половины своего имѣнія за право, не служа, украсить свои плечи густыми эполетами.

Маменька обняла его и поцѣловала.

— Не забудь же своего обѣщанія, мой другъ, повторила она ему: — сдержи же свое слово. Послѣ, повѣрь, когда дослужишься до большихъ чиновъ, вспомнишь свою мамашу и поблагодаришь ее за то, что она дала тебѣ

добрый совѣтъ вступить въ службу... Теперь съ Богомъ, поѣзжай-себѣ куда угодно, я тебя не удерживаю.

Аркадій Иванычъ приложился къ маменькиной ручкѣ и, чрезвычайно-довольный тѣмъ, что объясненіе, сверхъ его чаянія, кончилось такъ миролюбиво, сѣлъ, присвистывая, на бѣговыя дрожки и помчался въ уѣздный городъ, въ очень пріятномъ расположеніи духа.

У Анны Трофимовны давно ожидали его два пріятеля-помѣщика и уѣздный лекарь. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ, бутылки съ коньякомъ и съ ромомъ стояли на окнѣ откупоренныя. Анна Трофимовна и гости выбѣжали на крыльцо встрѣчать Аркадія Иваныча. Аркадій Иванычъ, начиная съ Анны Трофимовны, перецѣловалъ всѣхъ и закричалъ, указывая на лекаря:

— Господа, а вѣдь мы сегодня непремѣнно напоимъ нашего Эскулапа-то! Не правда ли? Мнѣ и самому, впрочемъ, что-то хочется сегодня пріударить!

— Анна Трофимовна, за дѣло! воскликнулъ одинъ изъ гостей.

И Анна Трофимовна сѣла къ столу и начала разливать пуншъ.

Потягивая пуншъ, чокаясь съ пріятелями, выпуская изо рта густые клубы дыма, Аркадій Иванычъ забылъ и о маменькѣ, и о данномъ ей обѣщаніи, и о густыхъ эполетахъ, и обо всемъ на свѣтѣ.

За каждымъ новымъ стаканомъ, онъ обращался къ своимъ пріятелямъ и говорилъ:

— А что, каковъ пуншикъ-то, милостивые государи?... Какова моя Аннушка-то? Мастерица на все. Вотъ, что называется, молодецъ-дѣвка! Я вѣдь за это и полюбилъ ее!...

Въ то время, какъ Аркадій Иванычъ наслаждался пуншемъ и похваливалъ Анютку, Елена Терентьевна прогуливалась въ своемъ саду съ барышнею.

— Вы знаете, душенька, говорила Елена Терентьевна барышнѣ:—я сегодня имѣла формальное объясненіе съ Аркадіемъ Иванычемъ, и онъ мнѣ далъ честное слово осенью вступить въ службу.

— Дай Богъ, чтобъ это такъ было! (Барышня вздох-

нула.) Хоть бы что-нибудь онъ сдѣлалъ вамъ угодное!... Только наврядъ ли, мнѣ кажется, онъ сдержитъ свое слово. Что-то это очень сумнительно!

— А что такое? вскрикнула Елена Терентьевна: — развѣ есть еще что-нибудь новое?

— Новаго-то, родная, ничего нѣтъ, да и отъ стараго-то ему трудно будетъ отстать!... Говорятъ, Анна Трофимовна...

— Полноте, милая, перебила Елена Терентьевна: — что за Анна Трофимовна! говорите просто Анютка... Ну, что такое Анютка?...

— Да видите ли, она такъ, говорятъ, приколдовала его къ себѣ, продолжала барышня:—что онъ безъ ея согласія формально-таки ничего не дѣлаетъ... Захочетъ ли онъ разстаться съ нею? Развѣ что онъ съ собою ее возьметъ,—ну, это другое дѣло.

— Ахъ, если бъ только я могла все это предвидѣть, произнесла Елена Терентьевна съ судорожнымъ движеніемъ:—я эту голубушку упрятала бы въ доброе мѣсто, въ такое, куда воронъ костей не заносилъ! — Ну, теперь нéчего дѣлать; за нею еще, можетъ-быть, придется ухаживать... Что вы смѣетесь-то? я нешутя говорю.

Елена Терентьевна остановилась и точно очень серьёзно посмотрѣла на барышню.

— Да, нéчего смѣяться, повторила она:—если эта бестія имѣетъ на него такое вліяніе, какъ вы говорите, то... вамъ бы, впрочемъ, это надобно было хорошенько все разузнать...

— Помилуйте, я все ужь формально разузнала, возразила барышня нѣсколько обиженнымъ тономъ. — Неужели-жь вы думаете, что я неспособна на это?

И барышня описала въ подробности житье Анны Трофимовны и доказала, какъ дважды-два четыре, что Анна Трофимовна держитъ въ рукахъ Аркадія Иваныча.

— Видите ли?... Какъ ни толкуйте, а намъ надобно будетъ какъ-нибудь на нее дѣйствовать; надобно будетъ сдѣлать такъ, чтобъ она, съ своей стороны, начала уговаривать его вступить въ службу... Понимаете?... Если бъ у меня была ея родня—ну, тогда бы я ее просто припугнула;

тогда бы я заставила ее плясать по своей дудкѣ!... а теперь... Что жь такое? Покоришься тяжкой необходимости и Анютку, при случаѣ, приласкаешь—нéчего дѣлать! хотя бы, признаюсь, вмѣсто ласки я бы гораздо охотнѣе накормила ее оплеухами.

Послѣднія слова Елена Терентьевна произнесла не смотря на барышню и какъ-бы думая вслухъ, и потомъ пошла по дорожкѣ сада, погрузясь въ глубокое размышленіе.

— То-то, не важничай! подумала барышня, слѣдуя за нею:—не плюй, матушка, въ колодезь, придется водицы испить...

Но вдругъ, какъ-бы озаренная вдохновеніемъ, Елена Терентьевна снова остановилась.

— Знаете ли что, душенька? вскрикнула она.

— Чтó прикажете, родная? спросила барышня съ подобострастіемъ.

— Я думаю, это можно лучше устроить вотъ какъ: не съѣздить ли вамъ самой къ Анюткѣ, чтобъ разузнать сначала ея мысли, и чтобъ потомъ настроить ее какъ-нибудь на то, чтобъ она, бестія, дѣйствовала на него, касательно службы-то, а? понимаете?... Я тутъ, разумѣется. должна быть въ сторонѣ—совершенно въ сторонѣ. Ради Бога, вы обо мнѣ ни слова не упоминайте... мое имя не должно быть тутъ замѣшано; я не могу же, въ-самомъ-дѣлѣ, вступить въ сношеніе съ какой-нибудь Анюткой... Ужь я до этого не унижусь... а вы, такъ, какъ-будто просто, понимаете, заѣхали къ ней отъ себя... Вамъ это можно... Вы этимъ нисколько не замараете себя...

Барышня, которой давно смертельно хотѣлось подъ какимъ-нибудь предлогомъ побывать у Анны Трофимовны и напиться у ней кофе, съ восторгомъ приняла предложеніе своей благодѣтельницы и обѣщала въ точности исполнить ея порученіе.

— Я это беру на себя единственно для того только, говорила она:—чтобъ успокоить васъ, наша голубушка; а не будь это для васъ, я ни за что бы не поѣхала въ гости къ холопкѣ!

— Пожалуйста же вы все это, душенька, устройте

умненько, повторяла Елена Терентьевна барышнѣ: — и главное, чтобъ меня только не вмѣшивать, чтобъ обо мнѣ и помина не было!... А на слово, которое Аркадій Иванычъ мнѣ далъ, я и не полагаюсь, нѣтъ! Онъ у меня, признаюсь, совсѣмъ изъ вѣры вышелъ... безпрестанно меня обманываетъ... Но меня еще одна мысль очень тревожитъ... Это, признаюсь, часто мнѣ приходитъ въ голову... Ну, какъ, сохрани Господи, онъ на ней женится? что́ я тогда буду дѣлать, скажите?

— Ужь это было бы слишкомъ! Нѣтъ, онъ не захочетъ быть вашимъ убійцею, повѣрьте.

— То-то, я то же думаю, а все для моего спокойствія мнѣ бы хотѣлось, знаете, совершенно удалить ее отъ него. Объ этомъ еще мы когда-нибудь поговоримъ съ вами. Впрочемъ, и то сказать, вѣдь это, я думаю, онъ все шалитъ отъ праздности; а какъ займется службой, такъ и блажь изъ головы выйдетъ. Господи! когда-то у меня будетъ душа совсѣмъ спокойна? Дождушь ли, наконецъ, я этого дня? Охъ, дѣти, дѣти! дорого вы намъ стоите! Аркадій Иванычъ у меня отнялъ полжизни, душенька: это я чувствую... Отчего я такъ постарѣла-то?

— И, несмотря на все это, замѣтила барышня: — вы нимало не постарѣли. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я васъ знаю, вы вотъ ни на капельку не перемѣнились. Вы и теперь, ей-Богу, лучше многихъ молодыхъ, — это не я одна, это всѣ говорятъ.

— Полноте, полноте, душенька! какъ можно это! воскликнула Елена Терентьевна, и на лицѣ ея изобразилась пріятнѣйшая улыбка и она дружески потрепала по плечу барышню и прибавила самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Ахъ, вы, моя добрая!...

Барышня на другой же день послѣ этого разговора съ утра отправилась къ Аннѣ Трофимовнѣ и осталась совершенно довольна ею.

— Что ни говорите, дѣвушки, толковала барышня дѣвкамъ, вечеромъ, по возвращеніи: — а у Аннушки предобрѣйшее сердце. И такъ умѣетъ принять, обласкать, какъ-будто благородная какая, какъ-будто вѣкъ своимъ домомъ жила!... право! И манеры у ней такія стали, что чудо! А ужь какъ она меня угощала, вы себѣ и пред-

ставить не можете. Ужь мы пили, пили кофе, ей-Богу, столько чашекъ выпили, что ужь я и счетъ потеряла, и вѣдь какой кофей безподобный, — цѣльный, безъ цикорія!

Съ-этихъ-поръ, барышня довольно часто начала посѣщать Анну Трофимовну. И эти поѣздки барышни, къ величайшему удовольствію Елены Терентьевны, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, потому-что Анна Трофимовна непремѣнно обѣщалась уговаривать Аркадія Иваныча, чтобъ онъ поступилъ на службу. Анна Трофимовна начинала уже скучать въ уѣздномъ городѣ; говорила, что ей совсѣмъ житья нѣтъ отъ *сплётокъ* и что она охотно бы поѣхала съ Аркадіемъ Иванычемъ, чтобъ только избавиться отъ этихъ проклятыхъ *сплётокъ*.

Такимъ образомъ, Елена Терентьевна успокоилась и съ нетерпѣніемъ ожидала осени, чтобъ снова увидѣть своего Аркадія Иваныча въ военномъ мундирѣ, который такъ шелъ къ нему. Воображеніе ея снова радостно разыгралось: она представляла сына то въ полковничьихъ, то въ генеральскихъ эполетахъ, то въ орденахъ, то въ звѣздахъ и даже съ лентою черезъ плечо... И, при этой мечтѣ, сердце ея билось, духъ замиралъ и слеза дрожала на рѣсницѣ...

— Тогда бы, думала она: — ужь я бы задала тонъ всѣмъ этимъ нашимъ барынямъ; тогда бы я... о! тогда бы я ихъ всѣхъ, просто, въ грязь втоптала, и онѣ бы у меня прикусили язычки, голубушки!

Но, увы! судьбѣ не угодно было осуществить высокія надежды Елены Терентьевны. Эта судьба, въ которую такъ безгранично, такъ слѣпо она вѣровала, жестоко подшучивала надъ нею, приготовляя ей новый и вовсе неожиданный ударъ.

Однажды (это случилось, кажется, въ половинѣ іюня), Аркадій Иванычъ вскочилъ съ постели часу во второмъ послѣ полуночи, потому-что его мучила безсонница, и раза три прошелся съ досадой по комнатѣ, придумывая, что́ бы ему такое предпринять. Разныя мысли, одна другой соблазнительнѣе, толпились въ головѣ его, — но ни одну изъ этихъ мыслей онъ почему-то не привелъ въ исполненіе и рѣшился, просто, отправиться на охоту. Для

этого онъ разбудилъ своего камердинера; камердинеръ перебудилъ всѣхъ лакеевъ; лакеи перебудили, въ свою очередь, всѣхъ кучеровъ, а кучера охотниковъ. Поднялся страшный шумъ и гвалтъ во всемъ домѣ, на дворѣ и на конюшнѣ. Толпы лакеевъ начали соваться безъ толку изъ стороны въ сторону. Десять охотниковъ принялись чистить одно барское ружье, только мѣшая другъ другу; до пятнадцати кучеровъ и кучеренковъ засуетились около барскаго тарантаса—и только часа черезъ четыре кончились всѣ эти приготовленія и сборы. Баринъ взялъ съ собою двухъ охотниковъ и, часу въ шестомъ въ исходѣ, изволилъ выѣхать изъ дома по дорогѣ къ деревнѣ Сычихѣ. Въ двухъ верстахъ за этой деревней, которая лежала на сѣверъ отъ села Кривухина, находились большія болота, въ которыхъ, по словамъ охотниковъ, дичь никогда не переводилась.

Часовъ до двухъ пополудни, охотники, по колѣни въ водѣ, проходили за дичью. Аркадій Иванычъ, называвшій себя вторымъ охотникомъ въ губерніи, подстрѣлилъ только одну дикую утку и то какъ-то нечаянно, но патронташъ свой биткомъ набилъ дичью, настрѣлянною его слугами, и, послѣ этого двѣ недѣли сряду кричалъ всѣмъ своимъ знакомымъ, что онъ настрѣлялъ столько дичи впродолженіи трехъ часовъ, сколько другому и хорошему охотнику не удастся настрѣлять въ полтора года! Въ два часа, Аркадій Иванычъ, утомленный охотою, пожелалъ позавтракать и расположился для этого въ ближайшемъ лѣсу. Лѣсокъ этотъ находился неподалеку отъ дома владѣтеля, или, лучше сказать, владѣтельницы деревни Сычихи, потому-что владѣтель уже болѣе года передъ этимъ лежалъ разбитый параличомъ.

Аркадій Иванычъ покушалъ аппетитно, выпилъ почти цѣлую фляжку горькой водки и совсѣмъ-было уже началъ собираться домой, какъ вдругъ между кустовъ и деревьевъ мелькнуло что-то цвѣтное.—Эге! подумалъ онъ, да это не дурно! Сюда, кажется, канальство! залетѣла какая-то пташечка... ужь не субреточка ли это какая-нибудь изъ Сычихи? Накинувъ на бекрень фуражку и бросивъ ружье, онъ опрометью кинулся въ ту сторону, гдѣ мелькнуло это цвѣтное что-то...

И вдругъ... Аркадій Иванычъ остановился, замирая отъ удивленія и восторга...

Въ четырехъ шагахъ отъ него, впрочемъ, задомъ къ нему, стояла дѣвушка въ коротенькомъ ситцевомъ платьицѣ, съ пунцовымъ платочкомъ на шеѣ, съ корзиной въ рукѣ. Она закричала, и этотъ голосъ показался Аркадію Иванычу необыкновенно звучнымъ и гармоническимъ:

— Ѳеклуша! Ѳеклуша!.. гдѣ ты? — Ау!... ау!... Посмотри, Ѳеклуша, какой я грибъ нашла! берёзовикъ!...

И незнакомка наклонилась, чтобъ сорвать этотъ грибъ... Аркадій Иванычъ увидѣлъ ножку красивую, полную и стройную, ножку въ довольно тонкомъ и бѣломъ чулкѣ. У него пробѣжали мурашки по тѣлу. Ему ужасно захотѣлось посмотрѣть личико незнакомки... Онъ сдѣлалъ еще два шага впередъ, и сказалъ:

— А что́, сударыня, вы много набрали грибовъ?

Незнакомка вздрогнула, оборотилась назадъ, взвизгнула,—мелькнула въ кустахъ и исчезла въ одно мгновеніе ока... Только долго еще потомъ раздавался по лѣсу крикъ испуганной незнакомки:

— Ѳеклуша! Ѳеклуша!...

Наконецъ, все смолкло. Аркадій Иванычъ съ досадою топнулъ о землю ногою и проворчалъ сквозь зубы:

— Не будь я въ этихъ проклятыхъ сапожищахъ, она бы не увернулась отъ меня!... Да кто бъ это такая, однако?

Одинъ изъ охотниковъ, стоявшій сзади Аркадія Иваныча и слышавшій этотъ вопросъ, отвѣчалъ:

— Да это, сударь, знаете кто? Это, кажется, сама сычихинская барышня.

— Неужели? вскрикнулъ Аркадій Иванычъ.

— Точно что такъ-съ. Вишь какъ, бѣдняжечка, она васъ испугалась, и грибы-то свои всѣ разроняла... А грибки-то славные!... Ай да барышня!... спасибо ей!... Намъ на обѣдъ пригодится...

— Такъ она ужь такъ выросла? (Аркадій Иванычъ вспомнилъ, что онъ нѣсколько разъ видѣлъ ее маленькую и даже разъ какъ-то игралъ съ нею въ дѣтствѣ)... И вѣдь, кажется, она прехорошенькая?

— Нешто́, сударь, отвѣчалъ охотникъ:— только ужь, кажись, сухопаровата больно...

— А ножки-то!... какія у нея ножки! Гм!—Покорно прошу!

И Аркадій Иванычъ, возвращаясь съ охоты, и потомъ уже сидя дома. все мечталъ о ножкахъ сычихинской барышни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

> Pauvre petite Périca! tu n'as pas su et tu ne sauras jamais quel bien tu me fis en me montrant parmi les singes une créature humaine douce, charmante et serviable sans arrière-pensée!....
>
> *Georges Sand.*

Глава I.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни Сычихи. въ которой, по послѣдней ревизіи, считалось 35 душъ мужескаго пола, на небольшомъ холмѣ стоялъ деревянный барскій домикъ въ одинъ этажъ — ветхій и мрачный. Передъ нимъ, въ полуразвалившемся палисадникѣ, возвышались два клёна и одна рябина, густо разросшіяся и совершенно покрывавшія ветхую крышу своими вѣтвями. Съ правой стороны примыкалъ къ домику небольшой садъ, обнесенный глухимъ заборомъ, покачнувшимся отъ старости и подпертымъ во многихъ мѣстахъ кольями и досками. Въ одной половинѣ этого сада. именовавшагося *фруктовымъ*, красовались гряды съ капустою, съ горохомъ, съ морковью, съ лукомъ и съ иными огородными овощами, а въ другой половинѣ росли пять или шесть яблонь, столѣтняя черемуха, штукъ до десяти вишневыхъ деревьевъ, да нѣсколько кустовъ малины, смородины и крыжовника; но эти кусты были заглушены репейникомъ и крапивой,

а дорожки сада покрыты травой. Бесѣдка въ самой серединѣ сада, покачнувшаяся на одинъ бокъ, гармонировала со всѣмъ ее окружавшимъ. Полъ въ бесѣдкѣ перекосило: сквозь ея потолокъ проходилъ дождь; въ углахъ потолка ласточки вили гнѣзда; стёкла въ оконной рамѣ были перебиты, и на полусгнившей крышѣ, подернутой мохомъ, начинало подниматься какое-то деревцо. Въ концѣ сада чернѣла необшитая тёсомъ избушка: то была господская баня. Въ саду и на дворѣ, также заросшемъ крапивою, бродили куры, гуси и утки. Близь воротъ стояла собачья будка съ цѣпью, а къ цѣпи былъ привязанъ любимецъ барина — старый и мохнатый Барбоска, который днемъ спалъ, а по ночамъ лаялъ и выдъ. Кое-какія ветхія хозяйственныя строенія, разбросанныя около барскаго дома въ безпорядкѣ, довершали эту печальную картину. Мѣстоположеніе въ Сычихѣ не отличалось особенною красотою: кромѣ холма, на которомъ стоялъ барскій домъ, не было ни одного пригорка въ окружности; рѣчка, по имени которой называлась деревня, походила болѣе на канавку, чѣмъ на рѣчку, и почти совсѣмъ высыхала въ жаркое лѣто; а грязный прудъ, посреди деревушки, походилъ болѣе на лужу, чѣмъ на прудъ, и въ этой лужѣ обыкновенно купались деревенскіе мальчишки и дѣвчонки.

Владѣтель Сычихи былъ человѣкъ необыкновенно добрый, неуклюжій и тучный. Онъ никакими дѣлами, даже своими собственными, никогда не занимался и ни о чемъ отродясь не мыслилъ, а всю жизнь только кушалъ, угощалъ гостей и спалъ. Это были обыкновенныя его занятія. Его звали Анисимомъ Васильичемъ. Анисимъ Васильичъ любилъ несказанно свою супругу Марѳу Алексѣевну, хотя иногда въ-сердцахъ частенько и больно ее колачивалъ. Марѳа Алексѣевна съ своей стороны также очень любила Анисима Васильича.

— Тридцать-два года прожила съ своимъ голубчикомъ, говаривала она обыкновенно: — да, батюшка, тридцать лѣтъ не одинъ день! И, нѐчего Бога гнѣвить, на жизнь свою не могу пожаловаться. Конечно, всяко бывало: и бранились, и ссорились съ муженькомъ, и, нѐчего грѣха таить, мнѣ-таки отъ него частенько доставалось, — да вѣдь

нельзя же безъ этого. Глупа была, молода была: такъ надо было уму-разуму учить. Прежде это было мнѣ и не по нраву, а послѣ слюбилось. Извѣстно, наше бабье дѣло, а мужъ глава въ домѣ.

Марѳа Алексѣевна была величайшая тараторка, но сердце имѣла прекрасное и была, какъ говорится, очень *жалостлива* къ дѣтямъ. И Господь благословилъ ее дѣтьми: у ней было четыре сынка и одна дочка, и всѣ они взросли на ея рукахъ, потому-что Анисимъ Васильичъ объ нихъ нисколько не заботился. Онъ сказалъ наотрѣзъ Марѳѣ Алексѣевнѣ:

«А ужь ты, Марѳуша, съ ними какъ хочешь, такъ и перевѣдывайся. Ты ихъ родила, такъ ты за ними и ухаживай.»

Впрочемъ, сыновей онъ нерѣдко сѣкъ, диралъ за вихоръ и за уши, до дочери же никогда не прикасался. Когда Марѳа Алексѣевна вскормила и выростила своихъ сыновей, она начала хлопотать, какъ бы ихъ пристроить, и, по протекціи добрыхъ людей, они были опредѣлены въ армейскій полкъ юнкерами. Марѳа Алексѣевна, провожая ихъ, горько плакала и напекла имъ въ дорогу столько пироговъ, что они рѣшительно не знали, куда дѣвать ихъ.

— Кушайте, голубчики, на здоровье, говорила имъ Марѳа Алексѣевна:—да поминайте свою маменьку.

Анисимъ Васильичъ простился съ ними довольно хладнокровно; онъ только перекрестилъ ихъ и сказалъ:

— Ну, Богъ съ вами, прощайте; да смотрите у меня—служить хорошенько, а не то вамъ и благословенія моего не будетъ.

И если потомъ кто-нибудь спрашивалъ его:

— А что ваши дѣтки, Анисимъ Васильичъ?

Онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— А Богъ ихъ знаетъ! Что́ дѣти! Не будь у меня дѣтей, я бы и домишко ужь давно исправилъ, и мельницу выстроилъ, и ригу бы перестроилъ, а теперь ничего не могу сдѣлать. Я вѣдь тоько въ нихъ и живу. Они у меня все съѣдаютъ (хоть всѣмъ извѣстно было, что Анисимъ Васильичъ одинъ съѣдалъ гораздо болѣе, нежели всѣ его дѣти вмѣстѣ).

Анисимъ Васильичъ служилъ нѣкогда по выборамъ, но эта служба показалась ему отяготительной: онъ устранилъ себя отъ нея за болѣзнію, и съ-тѣхъ-поръ безвыѣздно усѣлся въ своей деревнѣ, облачился въ халатъ и о другомъ какомъ-либо костюмѣ и слышать не хотѣлъ. Въ одномъ и томъ же халатѣ онъ сидѣлъ дома при своихъ домашнихъ, прохаживался по своимъ полямъ и принималъ у себя гостей мужескаго и женскаго пола.

— А мнѣ что̀, говорилъ Анисимъ Васильичъ: — эка важность, что я въ халатѣ! Кто захочетъ меня видѣть. да отвѣдать моей хлѣба-соли, тотъ не посмотритъ на то, въ чемъ я, а всетаки пріѣдетъ ко мнѣ; а кто не захочетъ—Богъ съ нимъ, мнѣ того и ненужно.

Такимъ образомъ Анисимъ Васильичъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ халатѣ беззаботно и спокойно, угощая, кушая и потчивая до-тѣхъ-поръ, покуда не постигло его несчастіе. Ударъ поразилъ его внезапно въ самую торжественную минуту его жизни, то-есть, во время обѣда. У него отнялся языкъ и омертвѣла вся правая сторона, и хотя впослѣдствіи онъ получилъ возможность кое-какъ говорить, но уже ни рука, ни нога его не приходили въ движеніе до самой смерти. Первое время, послѣ этого горестнаго событія, на Марѳу Алексѣевну еще тяжелѣе было смотрѣть, нежели на самого Анисима Васильича. Бѣдная Марѳа Алексѣевна не осушала глазъ и только повторяла безпрестанно:

— Охъ, охъ! Что-то я теперь стану дѣлать безъ него, безъ моего сердечнаго друга? Гдѣ мнѣ, глупой бабѣ, со всѣми управиться? (Хоть Марѳѣ Алексѣевнѣ было очень извѣстно, что Анисимъ Васильичъ никогда ничѣмъ не управлялъ и ни во что не входилъ).—Вѣдь я теперь одна-одинёшенька, какъ пёрстъ; помощниковъ нѣтъ: сыновья далеко, дочь еще ничего не понимаетъ, она молода и глупа (хотя дочери ея было уже 18 лѣтъ). Лучше бы ужь меня самоё Господь такъ наказалъ, въ тысячу бы разъ лучше!

Но мѣсяца черезъ полтора, Марѳа Алексѣевна привыкла къ своему новому положенію и перестала жаловаться. Она ухаживала за больнымъ вмѣстѣ съ дочерью.

Анисимъ Васильичъ, необращавшій прежде никакого вниманія на свою Глашу, во время болѣзни раза два обнаружилъ къ ней особенное участіе, вѣроятно, тронутый ея попеченіями о немъ. Только у дверей гроба впервые пробудилось въ немъ что-то похожее на чувство отца. Онъ гладилъ Глашу по головѣ и лепеталъ невнятно, какъ ребенокъ, глядя на нее:

«Добрая моя, добрая моя!... Богъ... Богъ...»

Онъ хотѣлъ сказать: «Богъ тебя не оставитъ», но не могъ: языкъ не повиновался ему и онъ начиналъ рыдать.

Глаша также полюбила отца болѣе со времени его болѣзни... Но пора мнѣ познакомить читателя съ этою Глашею.

Глаша была нехороша и недурна. Черты лица ея, правильныя и пріятныя, не одушевлялись никакимъ выраженіемъ; большіе каріе глаза, осѣненные длинными рѣсницами, вѣчно казались сонными; она была средняго роста, имѣла недурную талію, но не умѣла держаться, и оттого казалась нѣсколько сутуловатой. Она, бѣдная дѣвочка, рѣшительно не понимала, что̀ такое кокетство, и какая-нибудь столичная барышня-кокетка средняго сословія просто расхохоталась бы, взглянувъ на нее въ свой лорнетъ, и, вѣроятно, сказала бы, сдѣлавъ презрительную гримасу и обратясь къ своей подругѣ: «Что̀ это, ma chère? горничная?...» Но, право, эта Глаша, неимѣвшая никакихъ манеръ, необуреваемая желаніемъ плѣнять и нравиться, простая, откровенная, невоспитанная Глаша, была все-таки несравненно лучше этихъ свѣтскихъ, воспитанныхъ и граціозныхъ петербургскихъ барышень (да проститъ мнѣ благосклонная читательница это невольное замѣчаніе!). Глаша говорила мало, и то какъ-будто нехотя, и сидѣла вѣчно сложа ручки и свѣсивъ головку на сторону. Была ли то грусть или просто апатія—трудно было рѣшить. Можетъ-быть, этотъ мрачный, развалившійся домъ, въ которомъ она выросла, эта печальная и бѣдная природа, окружавшая ее, эта однообразная деревенская жизнь, этотъ умирающій отецъ, — все это имѣло вліяніе на ея характеръ. Глаша почти ничѣмъ не занималась, потому-что не была пріучена ни къ какимъ занятіямъ, даже

къ хозяйственнымъ. Марѳа Алексѣевна всегда говорила про нее:

— Она еще молода, глупа. Богъ дастъ выйдетъ замужъ, своимъ домомъ заживетъ, такъ тогда всему научится.

Впрочемъ, Глаша иногда вязала для отца чулки и чинила бѣлье, съ-тѣхъ-поръ, какъ у Марѳы Алексѣевны стали слабы глаза, да вышивала по канвѣ года три сряду какихъ-то гусей или утокъ, или голубей,—Богъ знаетъ: разобрать хорошенько было невозможно. Книгъ она никакихъ не читала, потому-что въ домѣ ея родителей, кромѣ святцевъ, старыхъ календарей и «Московскихъ Вѣдомостей», никакихъ книгъ и въ заводѣ не имѣлось. Правда, однажды кто-то завезъ къ нимъ романъ, подъ заглавіемъ: *Аббатъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Маріи Стюартъ*, и Глаша принялась-было читать этотъ романъ, но, къ несчастію, Марѳа Алексѣевна застала ее за чтеніемъ, вырвала у ней книжку изъ рукъ и сказала:

— Это что̀ такое? Романы читать, глупостями голову набивать? И кто тебѣ далъ эту книжку? Вѣдь ты не знаешь, дурочка, что̀ такое въ романахъ пишутъ. Вѣдь, окромѣ того, что романами грѣхъ заниматься, въ романахъ пишутъ все такія глупости, что дѣвицамъ и читать стыдно.

Глаша отъ души повѣрила словамъ маменьки, потому-что привыкла во всемъ вѣрить ей и повиноваться безпрекословно, и съ-тѣхъ-поръ уже не брала въ руки ни одной книги, а на романы просто и смотрѣть боялась. Мыслящія способности Глаши пребывали въ совершенномъ бездѣйствіи. Она не разсуждала ни о чемъ, потому-что за нее разсуждала маменька.

— Дѣвица не должна имѣть своего ума, безпрестанно твердила ей Марѳа Алексѣевна. — У дѣвицы не должна быть своя воля. Ей слѣдуетъ во всемъ повиноваться родителямъ: это ужь такъ Богъ устроилъ. Ну, а какъ выйдешь замужъ, такъ тогда и будешь сама себѣ госпожа, и то, матушка, если мужненькъ позволитъ, добавляла Марѳа Алексѣевна съ улыбкою.

Глаша имѣла многія странности, которыя, впрочемъ,

я не берусь объяснить. Иногда, при гостяхъ, устремивъ недвижный и грустный взоръ на одну точку въ продолженіи получаса, она Богъ знаетъ почему не перемѣняла своего положенія и не замѣчала ничего, что дѣлается и говорится вокругъ ея, а иногда, оставляя работу, казалось, съ любопытствомъ прислушивалась къ нелѣпѣйшимъ провинціяльнымъ сплетнямъ, которыя въ сотый разъ повторялись ея маменькою. Съ своею горничною, Ѳеклушею, обращалась она очень ласково, ни съ кѣмъ не была такъ разговорчива, какъ съ нею, и никогда не бранила ее; но если Марѳа Алексѣевна, взыскивая что-нибудь съ Ѳеклуши, давала ей оплеухи въ ея присутствіи, Глаша смотрѣла на это спокойно, нимало не оскорбляясь этимъ и не измѣняясь въ лицѣ.

Глаша любила пышные садовые цвѣты, и на окнѣ ея часто стояла полуразбитая банка съ букетомъ этихъ цвѣтовъ, которые доставала ей изъ богатыхъ оранжерей сосѣдняго села поповская дочка; но на полевые цвѣты Глаша смотрѣла съ презрѣніемъ. Ее очень занимали цыплята и гусенята, и нерѣдко она брала ихъ на руки и цѣловала, приговаривая: «Ахъ, какія душки!» Она всякій день кормила Барбоску и ласкала его—и Барбоска всегда привѣтливо махалъ хвостомъ, завидя добрую барышню.

— Ужь охота тебѣ этого поганаго пса кормить, говорила ей Марѳа Алексѣевна:—кабы моя была воля, кабы не папенька, я давно бы его подстрѣлить велѣла.

— За что же, маменька? спрашивала Глаша: — онъ такой добрый.

— Ахъ ты, дурочка! право, у тебя всѣ добрые; а онъ, мерзкій, мнѣ спать не даетъ: все воетъ по ночамъ: вотъ, посмотри, и навоетъ что-нибудь.

Къ чести Глаши должно также замѣтить, что она была довольно чистоплотна, хотя этою добродѣтелью не отличался никто изъ окружавшихъ ее; впрочемъ, по воскресеньямъ и по праздникамъ она одѣвалась несравненно чище, чѣмъ по буднямъ. По воскресеньямъ и по праздникамъ ужь рѣшительно не брала иголки въ руки и ничего не дѣлала, потому-что маменька твердила ей съ дѣт-

ства:—по праздникамъ работать грѣхъ, на то есть будни; самъ Господь-Богъ опочилъ въ седьмой день отъ трудовъ. Глаша была, между-прочимъ, очень богомольна. Въ церкви и дома она молилась усердно и клала земные поклоны; въ ея комнаткѣ стояла кивотка, и она аккуратно на всякій большой праздникъ зажигала передъ образами лампаду. Болѣе всѣхъ другихъ праздниковъ ей нравился праздникъ Рождества, потому-что объ Рождествѣ начинались гаданья, и она постоянно всякій годъ вмѣстѣ съ Ѳеклушею выливала олово, топила воскъ, жгла бумагу и проч. Но о чемъ же гадала Глаша? Она и сама не знала. Все это она дѣлала такъ, по привычкѣ, чтобъ что-нибудь дѣлать, чтобъ какъ-нибудь убить время. Всѣ обычаи и предразсудки кормилицы, няни, маменьки, папеньки и Ѳеклуши вкоренились въ ней незамѣтно. Она боялась увидѣть новый мѣсяцъ съ лѣвой стороны; она никогда не вставала лѣвой ногой съ постели; она вздрагивала отъ испуга, если просыпала нечаянно за столомъ солонку, и если въ комнатѣ горѣло три свѣчи, она непремѣнно тушила третью. Изъ всего этого благосклонная читательница можетъ убѣдиться, что Глаша была не ниже и не выше этого міра, среди котораго назначено было прозябать ей. Въ простосердечномъ невѣдѣніи, при отсутствіи всякаго духовнаго развитія, она была довольна своею участью и не постигала возможности лучшей жизни. Никакія внутреннія видѣнія не тревожили ея дремавшей души, и никогда не разверзался передъ нею этотъ другой міръ, лучезарный міръ идеальнаго, прекраснаго и разумнаго, міръ упоительныхъ восторговъ и высокихъ скорбей, къ которому порывается только человѣкъ, почувствовавшій пошлость и мелочность окружающей его дѣйствительности и возвысившійся до сознанія своего собственнаго человѣческаго достоинства. Глаша не знала, что̀ такое чувство человѣческаго достоинства. Она знала только, что она выше своей Ѳеклуши, потому-что Ѳеклуша простая дѣвка, а она барышня; потому-что Ѳеклуша повинуется, а она приказываетъ. Привычка замѣняла для Глаши все: она жила и дышала привычкою, такъ же, какъ и ея маменька, какъ ея бабушка, прабабушка и такъ далѣе. Любовь... это слово,

которое мы такъ невѣжественно злоупотребляемъ на каждомъ шагу, любовь была чужда моей Глаши. Говорятъ, будто бы любовь есть высочайшее, божественное чувство, одухотворяющее и просвѣтляющее человѣка; говорятъ, будто бы то же любовь для человѣка, что̀ солнце для цвѣтка. Святое дыханіе этой любви не прикасалось къ моей бѣдной деревенской барышнѣ—и она росла, блѣдная и вялая, какъ цвѣтокъ, заглохшій въ кустахъ, до котораго никогда не достигалъ лучъ солнечный. Правда, она любила и папеньку, и маменьку, и няню, и Ѳеклушу, и Барбоску, но это не была любовь сознательная и разумная, а просто привычка.

Маменька, съ своей стороны, точно также любила Глашу, и часто, лаская ее, говаривала ей:

— Охъ-охъ-охъ! какъ-то мнѣ придется разстаться съ тобой, дурочка, когда ты замужъ-то выйдешь? Ужь я такъ къ тебѣ привыкла, что и сказать нельзя. Безъ тебя мнѣ будетъ тошнёхонько... Чувствуешь ли ты это, дурочка?

— Сохрани Господи! ужь я съ вами ни за что въ свѣтѣ не разстанусь, маменька! возражала Глаша сквозь слезы.—Да что я безъ васъ буду дѣлать?...

— Экая ты, право, глупая! перебивала Марѳа Алексѣевна, качая головой:—коли часъ воли Божіей придетъ, такъ тогда нѐчего дѣлать, поплачемъ, да и разстанемся. Не вѣкъ же тебѣ сидѣть у меня за пазушкой, не вѣкъ же тебѣ оставаться въ дѣвкахъ.

Глаша была всегда на глазахъ у Марѳы Алексѣевны, и Марѳа Алексѣевна въ-самомъ-дѣлѣ до такой степени привыкла къ ней, что, бывало, если Глаша уйдетъ за ягодами или за грибами, добрая и говорливая старушка сейчасъ соскучится по ней.

Такъ точно случилось и въ то самое утро, когда герой мой охотился близь деревни Сычихи. Въ это утро Глаша отправилась съ Ѳеклушею за грибами и довольно долго не возвращалась домой. Марѳа Алексѣевна все поджидала ее и наконецъ начала выходить изъ терпѣнія.

— Да что̀ это, ворчала она, перекладывая съ блюда въ банки сваренную ею землянику: — да куда это дѣвалась барышня? Куда это она запропастилась? Вѣдь вотъ,

я чай, часа три слишкомъ, какъ ея нѣту. Ужь вѣрно эта негодная Ѳеклушка Богъ-знаетъ куда завела ее... Шутка ли. три часа! Ужь не случилось ли съ ними чего-нибудь?... Ужь вотъ постой... Я же за это Ѳеклушку... Вишь зелье какое! Ужь я же вотъ оттаскаю ее за косу—погоди!...

И Марѳа Алексѣевна, разложивъ варенье въ банки и припечатавъ каждую банку собственною печатью (на которой былъ изображенъ голубокъ, несущій во рту письмо съ надписью на верху: «поспѣшай скорѣй къ милому»), вышла на крыльцо. Въ эту минуту очень кстати Глаша, а вслѣдъ за нею и ея горничная вбѣжали на дворъ. Щеки Глаши горѣли яркимъ румянцемъ, и она едва переводила дыханіе.

— Что̀ это съ тобою, матушка? Гдѣ это вы таскались до-сихъ-поръ? закричала Марѳа Алексѣевна.

Глаша такъ запыхалась, что не могла выговорить ни слова. Между-тѣмъ, Ѳеклуша шмыгнула незамѣтно въ людскую, предчувствуя грозу.

— Да отдохни. Экая дурочка! Зачѣмъ же ты такъ бѣжала, сломя голову?

— Ахъ, маменька! воскликнула Глаша.

— Съ нами крестная сила! Да никакъ ты съ ума спятила? Что̀ это такое съ тобою приключилось?

— Ахъ, голубушка-маменька! снова начала Глаша, оправясь немного: — я столько набрала сегодня грибовъ, столько, что страхъ... и вѣдь какіе все грибы-то: бѣлые, подосиновки, березовые! Полнёшеньку корзину!

— Ну, да гдѣ жь они? у Ѳеклуши, что ли?

— Какое у Ѳеклуши! произнесла печально Глаша: — нѣту, маменька, я ихъ всѣ бросила въ лѣсу и съ корзинкой.

— Это зачѣмъ?

— Ахъ, маменька! Вообразите себѣ, я такъ перепугалась... Ахъ, какія страсти, маменька, послушайте!... Видите ли, ужь я набрала цѣлую корзинку и ужь домой хотѣла идти... вдругъ, знаете, я увидѣла березовикъ... да вѣдь какой березовикъ-то, маменька, чудо! Вотъ я, знаете, за нимъ и наклонилась, какъ вдругъ изъ-за дерева выскочилъ мужчина—такой высокій, толстый—и прямо ко

мнѣ, и, что жь бы вы думали? заговорилъ со мною... ей-Богу. У меня корзинка-то такъ и вывалилась изъ рукъ; я пустилась отъ него бѣжать изо всей мочи и чувствую, что у меня ноги-то такъ вотъ и подкашиваются, такъ и подкашиваются...

Марѳа Алексѣевна всплеснула руками.

— А гдѣ же мерзкая-то Ѳеклушка была?

— Она была тутъ же недалеко, да она ничѣмъ не виновата, маменька...

— Вотъ я ее, бестію!... Вишь ты... барышню оставляетъ одну... Ахъ, она этакая!... Ну, а кто же такой былъ этотъ мужчина-то? что это за пострѣлъ такой?

— А Богъ его знаетъ, маменька: видно помѣщикъ какой.

— А каковъ же онъ изъ себя-то?

— Я, маменька, съ испугу-то и не разобрала.

— Экая же ты глупая! А зачѣмъ же онъ это по лѣсу-то таскался, сорванецъ этакой?

— Вѣрно, что охотникъ какой-нибудь, маменька, потому-что передъ этимъ мы слышали съ Ѳеклушей выстрѣлы.

— Охотникъ! поди-ка ты! Да кто жь бы это такой?

Марѳа Алексѣевна задумалась на минуту и потомъ начала пересчитывать по пальцамъ всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые занимались охотой.

Это происшествіе до того заняло ее, что она забыла даже раздѣлаться съ Ѳеклушкой. Подозрѣніе ея попеременно падало то на того, то на другаго. Она мучилась, потому-что однѣ догадки не могли удовлетворить ее, а только еще болѣе раздражали ея любопытство.

Но любопытство Марѳы Алексѣевны было удовлетворено на слѣдующее утро и притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Марѳа Алексѣевна сидѣла въ гостиной вмѣстѣ съ Глашей. Марѳа Алексѣевна, по обыкновенію, тараторила; Глаша, по обыкновенію, лѣниво слушая ее, дошивала лапки у гуся. Вдругъ слухъ ихъ былъ пораженъ звономъ и бренчаньемъ бубенчиковъ.

— Что это? вскрикнули онѣ почти въ одинъ голосъ и взглянули другъ на друга.

Марѳа Алексѣевна бросилась-было къ окну, но изъ окна ничего невозможно было видѣть: до того густо разрослись въ палисадникѣ деревья. Ей послышался только въ этотъ разъ, вмѣстѣ съ звономъ, лошадиный топотъ. Любопытная старушка не утерпѣла и выбѣжала на улицу. Глаша кинула иглу и послѣдовала за нею. Дѣвки тоже побросали свое дѣло и пустились въ слѣдъ за господами.

— Вотъ-те разъ! вскрикнула Марѳа Алексѣевна, подбочась:—да это никакъ къ намъ гости!

Въ-самомъ-дѣлѣ, коляска, запряженная четвернею въ рядъ, въ великолѣпной сбруѣ съ *малиновымъ звономъ*, переѣхавъ животрепещущій мостикъ, перекинутый черезъ рѣчку Сычиху, поднималась на холмъ прямо къ барскому дому.

— Такъ и есть что къ намъ! Да кто бы это?... Ахти! а я простоволосая!

Марѳа Алексѣевна схватила себя за голову. Сѣдые волосы ея были растрепаны, а на затылкѣ торчала небольшая косичка, стянутая бѣлыми тесемками.

— Полька! Зойка! Ѳеклушка! Чепецъ, поскорѣе чепецъ! Ахти, Господи! да кто бы это нечаянный гость.... не даромъ же я два раза вчера свѣчку потушила.... кто бы это?... Зойка! да что жь ты, каналья, стоишь разиня ротъ? Слышишь ли, я тебѣ говорю: чепецъ!

И Марѳа Алексѣевна со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать домой. Зойка, Полька и Ѳеклушка, толкая другъ друга и пересмѣхаясь между собою, побѣжали за нею.

Глаша также отправилась за маменькою и спряталась въ чуланчикъ, который былъ въ сѣняхъ, для того, чтобъ оттуда въ щелку посмотрѣть на нежданаго гостя.

Между-тѣмъ коляска остановилась у воротъ.

— Ну кто, кто такой? спрашивала Марѳа Алексѣевна у Польки, высунувъ изъ двери свою голову въ чепцѣ.

— Не знаю-съ.

— Не знаю-съ! Дура! ну, пошла узнай!

— Ѳеклуша! Ѳеклуша! кто такой? спрашивала Глаша, высунувъ носикъ изъ чуланчика.

— Какой-то, барышня, незнакомый баринъ, отвѣчала Ѳеклуша, пробѣжавъ въ переднюю, откуда раздавалось страшное храпѣнье.

— Калина Осипычъ, да полно дрыхнуть-то! сказала Ѳеклуша, толкая грязнаго и оборваннаго лакея: — гость пріѣхалъ. Слышишь-ли?

— Гость? а чортъ его возьми! пробормоталъ Калина Осипычъ сквозь сонъ — и захрапѣлъ сильнѣе прежняго, несмотря на то, что вокругъ него все шумѣло, бѣгало и суетилось.

— Кто же? кто? снова спросила Марѳа Алексѣевна у Польки.

— Баринъ изъ Кривухина-съ.

— Изъ Кривухина! что ты врешь, дура?

— Ей-Богу-съ. Чево мнѣ врать-то!

«Что жь это значитъ?» подумала Марѳа Алексѣевна, вытаращивъ глаза отъ изумленія.

— Ну, проси его, проси скорѣй въ гостиную... Да гдѣ этотъ каналья Калина? Чай, гдѣ-нибудь пьяный валяется, мошенникъ!

Полька побѣжала исполнить приказаніе барыни, но въ сѣняхъ обо что-то споткнулась и упала прямо на грудь къ Аркадію Иванычу, который шелъ ей на встрѣчу.

— Ничего, ничего, душенька! произнесъ Аркадій Иванычъ, потрепавъ Польку по щекѣ: — не конфузься... ты, плутовочка, прехорошенькая! Ну, а что, дома барыня?

— Дома-съ; приказали просить въ гостиную.

— Ну, а скажи мнѣ, милашечка, какъ-бишь зовутъ вашу барыню?... Мавра... Мавра...

— Марѳа Алексѣевна-съ.

— Да, да, Марѳа Алексѣевна... Ну, красоточка, а барышню-то... постой... вѣдь ее, кажется, зовутъ... постой, дай Богъ памяти...

— Глафира Анисимовна-съ.

— Да, да, да!... Ну, а... что бишь я хотѣлъ сказать еще?... Ну, а тебя, милашечка, какъ зовутъ?

Полька усмѣхнулась, покраснѣла и потупила голову.

— Палагеей, сударь.

— Палагеей, сударь.

— Палаша... Ай-да Палаша! вишь ты какая, право, славная!... Ну, ну, поведи же меня къ своей барынѣ, душенька.

Марѳа Алексѣевна встрѣтила Аркадія Иваныча у самаго порога передней.

Аркадій Иванычъ расшаркался.

— Извините меня, Марѳа Алексѣевна, сказалъ онъ:— что я рѣшился такъ, не будучи къ вамъ никѣмъ представленъ, явиться прямо. Я пріѣхалъ просить у васъ и у вашей дочки прощенія... Вчерашній день я былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ на охотѣ и вдругъ совершенно нечаянно имѣлъ удовольствіе встрѣтить вашу дочку.... и вовсе неумышленно испугалъ ее... Конечно, съ моей стороны была непростительная неосторожность, но...

— Такъ это были вы? перебила Марѳа Алексѣевна, всплеснувъ руками.

— Я-съ; но вѣдь я никакъ не думалъ испугать ее; я, признаюсь, сначала и не зналъ, что это она... Филька! Филька! закричалъ Аркадій Иванычъ, оборотившись назадъ и растворивъ дверь въ переднюю. — Подавайте же сюда.

Филька явился съ огромнымъ патронташемъ.

— Позвольте мнѣ это презентовать вамъ, сказалъ Аркадій Иванычъ, обращаясь къ Марѳѣ Алексѣевнѣ и указывая на патронташъ:—это дичь, которую я вчера настрѣлялъ; я надѣюсь, что вы не откажетесь принять ее... Если моя дичь вамъ понравится, я, пожалуй, могу вамъ доставлять ежедневно по стольку... для меня это ровно ничего не значитъ... Я могу въ одно утро настрѣлять штукъ до полутораста...

— Батюшка, Аркадій Иванычъ! воскликнула Марѳа Алексѣевна, растопыривъ руки отъ умиленія:—такъ вѣдь, кажется, зовутъ васъ, если я не ошибаюсь—Аркадій Иванычъ... Ужъ я и не знаю, какъ благодарить васъ за такое лестное вниманіе... Очень чувствую, повѣрьте, эту честь! Благодарю васъ, батюшка, благодарю... Милости просимъ сюда...

Марѳа Алексѣевна повела Аркадія Иваныча въ гостиную. Аркадій Иванычъ, идя, озирался кругомъ. Онъ искалъ глазами Глафиры Анисимовны, но она не показывалась.

— Позвольте же мнѣ, отецъ мой, продолжала Марѳа Алексѣевна, усадивъ гостя и поклонившись ему:—также

представить вамъ себя. Вѣдь я еще вотъ такого махонькаго знавала васъ. А маменька-то ваша здорова ли? Ужь давно, давно я не имѣла счастія ее видѣть... Вотъ ужь барыня, такъ подлинно сказать, что барыня! Мой Анисимъ Васильичъ и до-сихъ-поръ ее забыть не можетъ: такъ онъ былъ всегда доволенъ ея угощеніемъ и ласкою... Ахъ, ахъ, ахъ! Бѣдный-то мой Анисимъ Васильичъ! Вѣдь насъ большое несчастіе постигло, батюшка. Вѣдь онъ, голубчикъ мой, вотъ о Троицѣ полтора года минуло, лежитъ совсѣмъ разбитый параличомъ, какъ колода; съ мѣста пошевельнуться не можетъ, еле языкомъ ворочаетъ... И бѣдность-то, и горе-то: все это одно къ одному... гдѣ тонко, тамъ и рвется, батюшка!

Въ эту минуту, грязный, оборванный и опухшій отъ неумѣреннаго употребленія сивухи Калина Осипычъ явился съ подносомъ допотопнаго размѣра, который былъ уставленъ всевозможными закусками. Марѳа Алексѣевна сама побѣжала за водкой и принесла на другомъ подносѣ графинчиковъ до шести различныхъ водокъ и настоекъ, потому-что водку и настойку она никогда не довѣряла Калинѣ Осипычу.

— Не взыщите, батюшка, говорила Марѳа Алексѣевна, указывая на подносы, ломившіеся подъ тяжестью:—чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Ужь мы васъ такъ угостить не можемъ, какъ бы желали. Охъ, охъ! кабы мой Анисимъ Васильичъ былъ здоровъ, совсѣмъ бы другое дѣло было. Господи! какой мастеръ былъ угощать! Вѣдь шутка ли, подумаешь, сто душъ на одно угощенье прожилъ, единственно вотъ только на одно угощенье, ей-Богу... Ужь нѣчего сказать—хлѣбосолъ былъ! такихъ, я думаю, нынче и нѣту... Закусите чего-нибудь, батюшка, не погнушайтесь нашимъ хлѣбомъ-солью... А водочки-то? Тутъ вотъ и горькая, и сладкая, какую угодно—и полынная, и зорная, и можжевеловая... это все мое рукодѣлье...

Аркадій Иванычъ не заставилъ себя долго упрашивать... Онъ безъ церемоніи приступилъ сначала къ водочкѣ, а потомъ къ закускѣ, и между-тѣмъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ все поглядывалъ на дверь.

— Знаете ли, Марѳа Алексѣевна, мнѣ бы очень хотѣлось,

сказалъ онъ, принимаясь за пирогъ: — самому попросить прощенія у Глафиры Анисимовны; право, у меня лежитъ это на совѣсти, что я такъ перепугалъ ее...

— И, полноте, отецъ мой! чего тутъ совѣститься? Вѣдь она у меня такая дурочка, такая дикарка, что вы себѣ и представить не можете. Она при чужомъ человѣкѣ всегда такъ потеряется, что и сказать нельзя... А вотъ, постойте, батюшка, постойте. Я ее сейчасъ кликну... Глаша! Глаша! закричала Марѳа Алексѣевна.

Отвѣта не было.

— Глаша! Глаша! гдѣ ты? поди сюда!

Но какъ ни усиливала голоса Марѳа Алексѣевна, а Глаша все-таки не подавала отзыва на ея крики.

— Вотъ вѣдь какая, подумайте... Ужь я знаю, что ее теперь не иначе, какъ силой вытащишь; доброй волей ни за что не пойдетъ. Что̀ будешь дѣлать съ нею!

И Марѳа Алексѣевна отправилась за Глашей. Минутъ десять прохаживался Аркадій Иванычъ въ большомъ нетерпѣніи. Марѳа Алексѣевна насилу вытащила дочку изъ ея комнаты. Наконецъ, Глаша показалась въ дверяхъ гостиной. Она шла сзади Марѳы Алексѣевны, потупивъ голову и краснѣя...

— Ну вотъ, батюшка, имѣю честь рекомендовать. Вотъ вамъ и Глаша моя—какая ужь есть, прошу не взыскать.

Потомъ Марѳа Алексѣевна обратилась къ дочери:

— Вотъ вѣдь скажи, пожалуйста, чего ты, глупенькая, испугалась-то вчера? Вѣдь это былъ Аркадій Иванычъ, а не разбойникъ какой-нибудь. Слава-те, Господи, у насъ еще про разбойниковъ не слыхать.

Глаша покраснѣла до слезъ.

Аркадій Иванычъ разсыпался передъ нею въ извиненіяхъ.

Глаша молчала. Она ничего не нашлась отвѣчать на прекрасныя фразы Аркадія Иваныча. Несмотря на это, она произвела на него очень пріятное и сильное впечатлѣніе. Ему понравились и ея зарумянившіяся щечки, и ея потупленный взоръ, и ея длинныя рѣсницы и въ особенности ея коротенькое платьице, открывавшее краси-

вую и маленькую ножку. Ему даже понравилась ея робость, можетъ-быть потому, что онъ до сей минуты имѣлъ сношенія все съ женщинами слишкомъ смѣлыми...

Потомъ Марѳа Алексѣевна повела Аркадія Иваныча къ своему супругу. Больной и не разобралъ хорошенько, кого привели къ нему, но онъ тотчасъ же началъ упрашивать гостя остаться у нихъ покушать. Аркадій Иванычъ съ радостью принялъ это приглашеніе, а Анисимъ Васильичъ, указывая на него пальцемъ, говорилъ своей Марѳѣ Алексѣевнѣ:

— Угости же его на-славу. Слышишь?

Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ съ усиліемъ бормотать, какими именно кушаньями должно угощать Аркадія Иваныча, и безпрестанно путался въ словахъ и повторялъ одно и то же. Произнеся названіе кушанья, онъ останавливался на минуту, жевалъ и чавкалъ и съ животною жадностью озирался кругомъ, не стоитъ ли въ комнатѣ чего-нибудь съѣстнаго. Онъ жаловался Аркадію Иванычу на жену и на дочь за то, что онѣ будто бы хотятъ уморить его съ голоду, и, въ заключеніе, принялся горько рыдать.

Во время обѣда, одна Марѳа Алексѣевна занимала гостя. Глаша по-прежнему молчала, или отвѣчала на вопросы Аркадія Иваныча односложными «да-съ», «нѣтъ-съ», не глядя на него.

— Ты и ребенкомъ-то у меня не смотрѣла такой букой, какъ теперь, говорила ей Марѳа Алексѣевна:—осрамила меня, матушка, осрамила.

— Ахъ, маменька! прошептала Глаша.

— Нечего ахать-то, я правду говорю.

— А знаете ли, Глафира Анисимовна, сказалъ Аркадій Иванычъ:—воля ваша, а вѣдь вы не должны меня дичиться. Мы съ вами старые знакомые. Я васъ очень помню маленькую... Я часто видѣлъ васъ у Марьи Ѳедотовны, у прокурорши... Я даже однажды игралъ съ вами въ куклы. Вотъ какъ-съ!... Вы не помните этого?

— Нѣтъ-съ, не помню.

— Ахти! да вѣдь и въ-самомъ-дѣлѣ! вскрикнула Марѳа Алексѣевна.—Ну вотъ, постойте, батюшка Аркадій

Иванычъ, какъ она маленько познакомится съ вами, такъ тогда ужь и заговоритъ. Это у нея всегда такъ. Что́, вѣдь я правду говорю, Глаша?

— Правду-съ, прошептала Глаша улыбнувшись.

— Я надѣюсь-таки, продолжала Марѳа Алексѣевна:— что вы будете хоть изрѣдка заглядывать въ наше захолустье, сдѣлаете намъ эту честь.

— Непремѣнно, отвѣчалъ Аркадій Иванычъ. — Я не знаю только, будетъ ли пріятно это Глафирѣ Анисимовнѣ?

— Мнѣ все равно-съ, сказала простодушно Глаша.

— Какъ же все равно! Ахъ, ты этакая дурочка!... Да вы не слушайте ее, батюшка; она сама не знаетъ, что̀ говоритъ... Ты должна сказать, что-дескать мнѣ не можетъ не быть это пріятно, что я-дескать за особенное удовольствіе сочту васъ видѣть въ нашемъ домѣ.

Послѣ обѣда, закуривъ трубку и развалясь въ креслахъ, Аркадій Иванычъ пустился разсказывать о своихъ подвигахъ, о Москвѣ, о той знати, съ которою онъ былъ тамъ знакомъ, о княжнѣ, которая съ ума сходила по немъ, и о прочемъ. Говоря, онъ все посматривалъ на Глафиру Анисимовну, желая, вѣроятно, прочесть на лицѣ ея, какое впечатлѣніе производятъ на нее эти разсказы; но лицо Глаши не обнаружило ни любопытства, ни удивленія. Она сидѣла пригорюнясь и безцѣльно смотрѣла въ окно; зато Марѳа Алексѣевна съ жадностью ловила каждое слово Аркадія Иваныча, смотрѣла на него вытаращивъ глаза, качала головой и ахала. Разговоръ не прерывался до вечера. Герой мой выѣхалъ изъ Сычихи не ранѣе десятаго часа и, прощаясь, поцѣловалъ ручку у Глаши.

— Славная дѣвочка! думалъ онъ про нее, лежа въ коляскѣ:—робка немножко; но вѣдь въ этомъ есть что-то этакое, чортъ возьми, особенно соблазнительное... тутъ невольно возбуждаются этакія какія-то мысли... А мать глуповата; впрочемъ, тѣмъ лучше: можно будетъ ее такъ провести, что чудо!... А ей-Богу, чудо что за дѣвочка!... и ножка такая... надо будетъ приволокнуться за нею... дѣлать не́чего... Что̀ за бѣда, что тиха и робка? Вѣдь не даромъ же говорятъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся...

— Безподобнѣйшій молодой человѣкъ! говорила Марѳа Алексѣевна по отъѣздѣ Аркадія Иваныча:—какой милый, какой внимательный! а ужь какъ говоритъ-то, вотъ можно сказать, что даръ слова!... Вѣрь же послѣ этого людскимъ слухамъ... Ужь чего-чего про него не болтали: и такой-то, и сякой-то, а все вышло вздоръ. И, должно-быть, у него предобрѣйшее сердце, у голубчика, не по маменькѣ, видно, пошелъ; видно въ отца уродился,—тотъ, говорятъ, былъ настоящій ангелъ... Вотъ, поди-ка! думала ли, гадала ли я, чтобъ сынокъ Алёны Терентьевны изволилъ когда-нибудь пожаловать къ намъ? Чего, подумаешь, не бываетъ въ жизни-то? Часто такое можетъ приключиться, что и во снѣ не пригрезится. Намъ-то, глупымъ, кажется, и то нельзя, и другое нельзя, а Богу все возможно!

И, произнеся это, Марѳа Алексѣевна взглянула съ особеннымъ чувствомъ на Глашу, какъ-будто какая-то новая и пріятная мысль бродила въ головѣ старушки; потомъ она принялась бранить дочь за ея робость и дикость; потомъ поцѣловала ее, перекрестила, погладила по головѣ и сказала:

— Ну, теперь поди съ Богомъ почивать, Глаша.

И когда Глаша, приложась къ ея рукѣ, вышла изъ комнаты, Марѳа Алексѣевна, проводивъ ее глазами, прошептала сквозь слезы:

— Никто, какъ Богъ!

Въ людской, за ужиномъ, дворовыя бабы и дѣвки дольше обыкновеннаго трактовали между собою въ этотъ вечеръ. Нечаянный пріѣздъ Аркадія Иваныча подалъ имъ, разумѣется, поводъ къ различнымъ догадкамъ, подозрѣніямъ и выдумкамъ.

Ѳеклуша кричала:

— Да ужь я знаю, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ: извѣстно за тѣмъ, чтобъ свататься за нашу барышню. Онъ все съ барыней о чемъ-то говорилъ потихоньку, и я, дѣвушки, вотъ-те Христосъ, слышала своими ушами, какъ барыня сказала ему: ну, говоритъ, стало-быть, на то воля Божья, говоритъ...

— Вишь ты!... Вотъ оно что!... То-то же! Для чего бы ему такъ ни-съ-того, ни-съ-сего пріѣхать! перебили

другія дѣвки и бабы.—Суженаго-то конемъ не объѣдешь! Вишь-ста какого женишка себѣ подцѣпила! Шути-ка ты съ ней! Вѣдь, говорятъ, богачъ-то какой!

— Страсти какой богачъ! продолжала Ѳеклуша.—Я, дѣвушки, все вывѣдала у лакея-то, который съ нимъ пріѣзжалъ. Онъ говоритъ, что у ихней-то барыни сундуки ломятся отъ богачества. Вотъ какъ!

— Ужь извѣстно, что̀ и говорить про кривухинскую барыню! Это ужь не чета нашей. Что наша-то! Вѣдь только слава, что барыня!... Да и крестьяне-то кривухинскіе, ужь можно сказать, что крестьяне. Не то, что̀ нашинскіе!

— Такъ вотъ какая моя барышня-то будетъ богачка—чудо! Тогда мы на васъ, сычихинскихъ, и смотрѣть не захотимъ.

Ѳеклуша подперлась локоткомъ и захохотала.

— Вишь ты какая!... А, можетъ, барышня-то еще и не возьметъ тебя... Знаешь ли: бодливой-то коровѣ Богъ рогъ не даетъ!

— Какъ же-съ, такъ вотъ сейчасъ-съ! Кого же барышня-то возьметъ, окромя меня? Не Польку ли?

— А чѣмъ же я, примѣрно, хуже тебя? запищала оскорбленная Полька:— что̀, въ-самомъ-дѣлѣ? Что̀ *ты*-то расфуфырилась, прохвостиха ты этакая? Съ чего зазналась-то? Знаемъ мы про тебя...

— Ну, полноте вы! Ужь пошли собачиться! возразила одна изъ бабъ:—скажи-ка лучше, Ѳеклуша, да гдѣ жь кривухинскій-то баринъ познакомился съ нашей барышней?

— Извѣстно, гдѣ! Зачѣмъ мы за грибами-то ходимъ?

— Такъ, стало-быть, они ужь прежде сговорились?...

Такъ барышня-то знала, что онъ пріѣдетъ? Вишь, говорятъ, тихинькая, тихинькая, водой не замутишь, а она исподтишка-то вонъ какого сокола къ себѣ приманила...

И въ то время, какъ дворня трактовала такимъ образомъ о своей барышнѣ,—Глаша, совершенно равнодушная къ Аркадію Иванычу, не взявшая даже на себя труда подумать, для чего же это, въ-самомъ-дѣлѣ, пріѣзжалъ онъ? — одна во всемъ домѣ давнымъ-давно почивала безмятежнымъ и крѣпкимъ сномъ невинности.

Глава II.

Съ этого дня Аркадій Иванычъ чаще и чаще сталъ ѣздить въ Сычиху. Марѳа Алексѣевна очень полюбила его. Даже Глаша мало-по-малу начала привыкать къ нему, перестала краснѣть при немъ и отвѣчала какъ слѣдуетъ на его вопросы, хотя сама еще не рѣшалась съ нимъ заговаривать. Узнавъ ея любовь къ цвѣтамъ, Аркадій Иванычъ сталъ возить ей удивительные букеты. Онъ ходилъ гулять вмѣстѣ съ маменькою и дочкою въ лѣсъ и дорогою помогалъ Глашѣ собирать грибы или ягоды. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда Марѳа Алексѣевна отстала отъ нихъ и они очутились вдвоемъ, Аркадій Иванычъ незамѣтно приблизился къ Глашѣ и сказалъ ей:

— Признайтесь, Глафира Анисимовна, что вы ужъ теперь не боитесь меня?

— Нѣтъ-съ, не боюсь, отвѣчала Глаша, идя преспокойно впередъ и не замѣчая, что маменька осталась далеко назади.

— А отчего же вы прежде боялись меня?

— Оттого, что я прежде не знала васъ.

— Вы вѣдь ужасно ненавидѣли меня? Не правда ли?

— Кто вамъ это сказалъ? Нѣтъ-съ. За что жь мнѣ васъ ненавидѣть?

— А я, сказалъ Аркадій Иванычъ, становясь смѣлѣе и какъ-то странно поглядывая на Глашу: — я съ первой минуты, какъ увидѣлъ васъ, почувствовалъ къ вамъ необыкновенное влеченіе, то-есть, такое влеченіе, что я и сказать не могу... я...

— Ахъ, сколько земляники! вскрикнула Глаша, наклонившись.

Аркадій Иванычъ также наклонился, какъ-будто за земляникою, но вмѣсто земляники онъ схватилъ руку Глаши и поцѣловалъ ее.

Глаша вскрикнула изо всей силы и отскочила отъ него на нѣсколько шаговъ. Она начала озираться кругомъ, ища глазами матери, но Марѳы Алексѣевны нигдѣ не

было видно. Глаша поблѣднѣла и произнесла трепещущимъ голосомъ:

— Гдѣ же маменька? ради Бога, гдѣ же она?

— Чего же вы испугались? Вы сейчасъ сказали, что не боитесь меня.

И Аркадій Иванычъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобъ снова подойти къ Глашѣ.

— Не подходите ко мнѣ! не подходите! закричала она, махая платкомъ.—Маменька! маменька! гдѣ вы?

— Маменька ваша немножко отстала. Мы ее подождемъ здѣсь. Полноте безпокоиться... Ахъ, Глафира Анисимовна, то-есть, вы не можете себѣ представить этого; еслибъ вы знали, какъ я люблю васъ...

Но Глаша не слыхала ничего. Она совершенно потерялась, и, стоя на одномъ мѣстѣ какъ прикованная, только кричала:

— Маменька! маменька!

— Иду, иду... послышался голосъ Марѳы Алексѣевны, и вслѣдъ за симъ, ея шарообразная фигура выкатилась иза-за дерева. Глаша свободно вздохнула.

— Маменька, маменька! ворчала Марѳа Алексѣевна, запыхавшись.—Ты видно, матушка, забыла, что у васъ ноги-то молодыя... Куда жь мнѣ поспѣть за вами? Я и безъ того, по милости вашей, чуть не задохлась: вишь какіе вы быстроногіе! Была и я молода, матушка, и я такъ же бѣгивала, какъ вы, еще, можетъ, и пошибче вашего; бывало, въ горѣлкахъ меня никто догнать не можетъ... ну, а ужь теперь прошу не прогнѣваться... Ну, чего тебѣ хочется, дурочка? Зачѣмъ ты меня такъ кликала? а?...

— Да вы очень отстали, маменька, я испугалась.

— Испугалась? Слава-те Господи! Чего ужь ты, право, не выдумаешь? Среди бѣла дня пугаться!... Да къ-тому же, ты шла, кажется, не одна, а съ кавалеромъ. Онъ вѣдь, вѣрно, не далъ бы тебя никому въ обиду.

И старушка залилась добродушнымъ смѣхомъ.

— Нечего сказать, замѣтилъ Аркадій Иванычъ, улыбаясь и покручивая усъ:—Глафира Анисимовна порядочная трусиха. Безъ васъ она, кажется, шагу не можетъ сдѣлать.

— Подлинно, что такъ. Да знаете ли, Аркадій Иванычъ, этому ужь я сама отчасти виновата. Я ужь такъ, знаете, пріучила ее съ малолѣтства. Все при мнѣ да при мнѣ. Повѣрите ли, что она и теперь, — вѣдь слава-Богу не маленькая, — а ни за какія блага не пройдетъ одна черезъ темную комнату. Такая дурочка!

Прогулка продолжалась недолго. Глаша предложила маменькѣ вернуться домой и на возвратномъ пути все шла уже рядомъ съ нею. Она замѣтно нахмурилась и едва отвѣчала на вопросы Аркадія Иваныча.

Когда они пришли домой, Аркадій Иванычъ улучилъ удобное мгновеніе, и, подойдя къ Глашѣ, шепнулъ ей:

— Если вы будете продолжать на меня сердиться, я съ ума сойду; я... я не знаю, что я съ собою сдѣлаю.

— Вы смѣетесь надо мною? спросила она его.

— Мнѣ надъ вами смѣяться? возразилъ онъ, притворясь совершенно-разстроеннымъ. — Я люблю васъ до безумія...

Глаша вздрогнула и опустила голову на грудь.

— Вѣрьте, или не вѣрьте, какъ хотите, продолжалъ Аркадій Иванычъ съ жаромъ:—но вы еще не знаете меня... О! вѣдь я такой человѣкъ, что я вамъ скажу: для меня жизнь просто копѣйка... Что жь, вы не будете на меня сердиться за давишнее?

Глаша молчала.

— Глафира Анисимовна, что жь вы мнѣ не отвѣчаете?

— Я ни на кого не могу долго сердиться, сказала она:—только впередъ вы этого не дѣлайте...

Глаша вся вспыхнула и скрылась.

— О, теперь она въ моихъ рукахъ! подумалъ Аркадій Иванычъ:—рыбка, кажется, идетъ на удочку! Я начинаю кружить ей голову... Одинъ только смѣлый шагъ... А какъ вѣдь все счастливо расположилось! Мать—дура и питаетъ ко мнѣ полную довѣренность: отецъ въ параличѣ, братья далеко...

И Аркадій Иванычъ присвистнулъ и покрутилъ усъ.

Но, увы! Аркадій Иванычъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Глаша смотрѣла на него равнодушно—и съ той минуты, какъ

онъ объяснился ей въ любви, она въ его присутствіи, съ умысломъ или безъ умысла, ни на шагъ не отходила отъ матери. Какъ онъ ни хитрилъ, ему ни разу не удалось остаться съ нею наединѣ. Препятствія раздражали его, онъ бѣсился, а все-таки продолжалъ ѣздить въ Сычиху и съ каждымъ днемъ болѣе *пристращался* къ Глашѣ. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

— Однако, что жь это такое, чортъ возьми! разсуждалъ онъ самъ съ собою:—я первый разъ въ жизни нахожусь въ такомъ глупомъ положеніи... Пожалуй, мнѣ придется еще, можетъ-быть, этакъ отъѣхать съ носомъ.— чего добраго! Презатруднительный вопросъ: голова закружится, какъ подумаешь... Вѣдь дѣвочка-то, канальство, прелесть, вотъ что! Спать не даетъ покойно...

Аркадій Иванычъ въ волненіи ударилъ кулакомъ по столу.

— Ну, да ужь такъ или иначе, а она будетъ моею!

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, въ одинъ прекрасный вечеръ, выведенный изъ терпѣнія неудачами, онъ вдругъ бросился къ Марѳѣ Алексѣевнѣ и объявилъ ей, что желаетъ жениться на ея дочери.

Марѳа Алексѣевна пришла отъ этого въ совершенный восторгъ и начала плакать, цѣловать и обнимать Аркадія Иваныча.

— Я, батюшка, видитъ Богъ, говорила она ему: — лучшаго мужа моей Глашенькѣ и не желаю,—не потому, мой отецъ, что вы богаты, а потому, что у васъ сердце-то доброе... Богатство что́? наживное дѣло, а сердце Богъ влагаетъ въ человѣка... Я Глашѣ отъ себя даю полное благословеніе на бракъ съ вами; мужъ мой также; что́ же касается до нея, то о ней и толковать не́чего. Она еще молода, глупа; у нея еще своей воли нѣтъ; она еще и сама не понимаетъ своего счастья; были бы отецъ и мать согласны, а она что́? Съ нашей-то стороны препятствія не будетъ, Аркадій Иванычъ,—а вотъ лучше подумайте-ка, дозволитъ ли вамъ жениться на моей Глашѣ ваша маменька. Вѣдь она такая важная и гордая; она, знаете, можетъ, захочетъ имѣть Богъ-знаетъ какую невѣстку; ну а мы, сами вы видите, люди бѣдные, ничего не имѣемъ.

Глаша моя и не такъ учена, и приданаго-то за ней такого нѣтъ; кое-что помаленьку я, правда, приготовляла ей, ну, да на это Алёна Терентьевна и смотрѣть, я чай, не захочетъ.

— Что жь мнѣ такое маменька? возразилъ Аркадій Ивановичъ: — я ужь въ такихъ лѣтахъ, что могу самъ собою располагать. Я могу жениться на комъ захочу: маменька не можетъ мнѣ этого запретить...

— Эхъ, батюшка, Аркадій Иванычъ, перебила его Марѳа Алексѣевна:—не говорите такъ: противъ воли родительской идти не годится. Ужь какъ ни толкуйте, а безъ материнскаго благословенія не пойдешь подъ вѣнецъ, воля ваша...

— Да, конечно: но вѣдь, знаете, меня маменька ужасно любитъ и она мнѣ ни въ чемъ не откажетъ, — повѣрьте. Это я очень хорошо знаю.

— А коли такъ, такъ и слава Богу! Вамъ это, конечно, лучше знать. Только обдумайте все это хорошенько, Аркадій Иванычъ: вѣдь съ женой-то вѣкъ вамъ будетъ вѣковать, а не одну ноченьку ночевать. Не раскайтесь послѣ, не погубите моей Глашеньки...

Аркадій Иванычъ принялся успокоивать Марѳу Алексѣевну, увѣрялъ ее, что счастье жены для него будетъ выше всего на свѣтѣ; что ужь ему давно надоѣла холостая компанія; что онъ давно помышляетъ о тихой, семейной жизни, и потому только не женился до-сихъ-поръ, что не находилъ дѣвушки себѣ по нраву, и что Глафира Анисимовна одна въ цѣломъ мірѣ рождена именно для него.

— А! будь что̀ будетъ! подумалъ онъ, выѣзжая изъ Сычихи:—ужь коли сорвалось съ языка, такъ дѣлать нечего! Почему же, въ-самомъ-дѣлѣ, и не жениться? Чего робѣть-то? Только вотъ маменька... охъ, ужь эта мнѣ маменька!

— Ну, пошелъ, пошелъ! закричалъ онъ кучеру необыкновенно грознымъ голосомъ... — Пошелъ же! не дремать у меня! подай сюда кнутъ...

Аркадій Иванычъ поднялся, выхватилъ у кучера кнутъ, самъ подхлестнулъ пристяжныхъ, потомъ повелъ кнутомъ по воздуху, гаркнулъ:—Эй, вы! и бросился въ коляску.

Минуты двѣ пролежалъ онъ, какъ-будто въ забытьи; потомъ снова приподнялся и закричалъ кучеру:

— Въ городъ, къ Аннѣ Трофимовнѣ! Слышишь?

— Ахъ, чортъ возьми! подумалъ онъ: — надобно же проститься съ холостою жизнью: надобно же кутнуть на прощаньи!...

Съ того времени, какъ Аркадій Иванычъ началъ ѣздить въ Сычиху, онъ хотя и продолжалъ посѣщать Анну Трофимовну, но уже не такъ часто. Анна Трофимовна не могла не замѣтить въ немъ большой перемѣны. Онъ обращался съ нею гораздо холоднѣе, два раза даже очень обидно выругалъ ее и вообще неохотно исполнялъ ея порученія и просьбы. Анну Трофимовну все это сильно безпокоило. Ей вовсе не хотѣлось такъ скоро кому бы то ни было уступить Аркадія Иваныча и изъ Анны Трофимовны снова превратиться въ Анютку. Имя соперницы ей было еще неизвѣстно, но въ существованіи ея она уже не сомнѣвалась. Надобно было черезъ кого-нибудь объ этомъ развѣдать: и вотъ однажды, въ какой-то праздникъ, Анна Трофимовна зазвала къ себѣ въ гости камердинера Аркадія Иваныча, Фильку, напоила его чаемъ съ ромомъ, потомъ кофеемъ, потомъ вишневкою и послѣ вишневки начала около него увиваться и вывѣдывать тайны барина. Филька сначала былъ непреклоненъ, ибо Аркадій Иванычъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, запретилъ ему и кучеру разсказывать кому бы то ни было о своихъ поѣздкахъ въ Сычиху. Но послѣ втораго стакана вишневки Филька сдѣлался какъ-то говорливѣе. Анна Трофимовна все продолжала его подчивать и притомъ глядѣла на него необыкновенно пріятно и называла его «Филиппушкой» и «голубчикомъ». Филька разнѣжился, разговорился и наконецъ, какъ водится, проболтался. Анна Трофимовна, выслушавъ Фильку, сначала - было очень огорчилась поступками Аркадія Иваныча, но, пораздумавъ немножко, успокоилась. Она по всѣмъ вѣроятностямъ предположила, что страсть его къ сычихинской барышнѣ не будетъ продолжительна, что это только такъ минутная прихоть, которой мѣшать неблагоразумно, и рѣшилась обо всемъ молчать до времени.

Въ этотъ вечеръ, когда Аркадій Иванычъ объявилъ Марѳѣ Алексѣевнѣ о намѣреніи своемъ жениться на Глашѣ, у Анны Трофимовны была гостья. Гостья и хозяюшка попивали-себѣ преспокойно кофеёкъ и занимались различными пересудами, не замѣчая, какъ идетъ время. Стало смеркаться. Гостья вскрикнула: — Ахти, батюшки-свѣты! какъ я у васъ заболталась!—облобызала хозяйку, поблагодарила ее за угощеніе и отправилась домой. Анна Трофимовна проводила ее до дома и, возвратясь къ себѣ, совсѣмъ уже была готова лечь спать, какъ вдругъ на улицѣ раздался топотъ копытъ и бренчанье экипажа; черезъ минуту коляска Аркадія Иваныча остановилась у воротъ. Анна Трофимовна накинула на себя кацавейку и выбѣжала на встрѣчу желанному гостю.

— Здорово, Аннушка! какъ поживаешь? сказалъ Аркадій Иванычъ, потрепавъ ее по плечу:—что? ты, я думаю, не ждала меня сегодня?

— Не ждала! Вишь какіе! Я таки всегда васъ поджидаю, душенька, отвѣчала Анна Трофимовна: —думаю-себѣ: вотъ пріѣдетъ мой соколъ ясный, вотъ пріѣдетъ, а васъ все нѣтъ да нѣтъ... Ну, въ эту пору, признаться, я не думала, не гадала, чтобъ вы пріѣхали. Еслибъ еще минуточку, такъ я ужь и спать бы завалилась.

— Филька, трубку! закричалъ Аркадій Иванычъ.

— Такъ ты, стало-быть, мнѣ и не рада? продолжалъ онъ, обращаясь къ Аннѣ Трофимовнѣ.

— Какъ же не рада! Вишь что выдумалъ! Ужь я ему не рада? Ахъ, измѣнщикъ этакой, право! Да у меня ижно сердце замерло, какъ вы подъѣхали, ей-Богу, голубчикъ. Не хотите ли чайку? Я сейчасъ самоваръ поставлю.

— А ромъ есть?

— Извѣстно, что есть. Кого жь я безъ васъ-то угощать стану?

— Ну, хорошо; такъ давай чаю.

Анна Трофимовна бросилась въ кухню будить бабу, а Аркадій Иванычъ, смотря ей въ слѣдъ, подумалъ:

— А вѣдь мнѣ ее смертельно жалко. Предобрѣйшая дѣвчонка!... Вотъ разрюмится-то, какъ я объявлю ей...

Да, нѣтъ, лучше покуда ничего не говорить; еще успѣетъ узнать...

Попивая ромъ съ чаемъ и лаская Анну Трофимовну, Аркадій Иванычъ объявилъ ей, что весь слѣдующій день намѣренъ провести у ней съ гостями. Филькѣ приказано было распорядиться о винѣ и объ обѣдѣ и чѣмъ-свѣтъ съѣздить въ Зюзино и въ Мурашевку, за тѣмъ, чтобъ зюзинскаго и мурашевскаго господина позвать къ обѣду въ уѣздный городъ.

— Ты, Филька, скажи имъ отъ меня, говорилъ Аркадій Иванычъ:—чтобъ они непремѣнно пріѣхали. Слышишь? Баринъ, дескать, велѣлъ сказать, что если вы не пріѣдете, такъ онъ съ вами и знаться перестанетъ, что вы, дескать, послѣ этого и на глаза къ нему не суйтесь... Такъ-таки и скажи!

Помѣщики не заставили себя дожидаться и явились къ самому обѣду. Аркадій Иванычъ выписалъ еще, для потѣхи, уѣзднаго лекаря.

— Сегодня надо будетъ кутнуть, говорилъ Аркадій Иванычъ, пожимая руки гостямъ:—кутнёмъ же, братцы! Жизнь коротка; право, надо пользоваться мгновеніями... Вѣдь не знаешь, что́ будетъ завтра!

За обѣдомъ и послѣ обѣда онъ пилъ очень много, такъ-что сталъ уже подъ-конецъ заговариваться.

— Ну, чокнемся, душа! кричалъ онъ одному изъ собесѣдниковъ.—Что̀, матушка ты моя, все вѣдь пройдетъ въ жизни? Что́ это такое жизнь? Пустѣйшее дѣло! Клянусь... Ну, поцѣлуемся же... А что, бестія, пріѣдешь ко мнѣ на свадьбу? Вѣдь я женюсь, братецъ, женюсь! Говорятъ, женишься—перемѣнишься: вздоръ! я не перемѣнюсь, буду такимъ же... и кутнёмъ... и все... Жена — сама по себѣ, вѣдь жена мужу повинуется, а не мужъ женѣ. Такъ ли? Ну, поцѣлуй же меня!

Анна Трофимовна, испуганная и блѣдная, со страхомъ прислушивалась къ этимъ несвязнымъ рѣчамъ.—Вѣдь что̀ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ, подумала она: стало-быть, онъ взаправду женится!

Уѣздный лекарь, который былъ трезвѣе другихъ, подошелъ къ Аркадію Иванычу.

— А что̀, Аркадій Иванычъ, сказалъ онъ: — смѣю спросить, вы точно изволите жениться?

Аркадій Иванычъ измѣрилъ лекаря съ ногъ до головы.

— А тебѣ что за дѣло? Ты знай-себѣ микстуры прописывай, а въ чужія дѣла не мѣшайся... Ну, женюсь, женюсь... Что-жь? ты мнѣ запретишь, что ли, жениться?

— Нѣтъ-съ, помилуйте-съ! возразилъ смущенный лекарь, попятясь немного назадъ:—какъ я могу-съ? мнѣ это очень пріятно-съ.

Въ эту минуту Анна Трофимовна дернула лекаря за сюртукъ и что-то шепнула ему.

— На комъ же вы, Аркадій Иванычъ, изволите жениться? спросилъ лекарь колеблющимся голосомъ, отступивъ еще шагъ назадъ.

— На комъ? на комъ? бормоталъ Аркадій Иванычъ, закрывая глаза:—ужь я знаю, на комъ... Ужь коли я женюсь, такъ женюсь... Завтра же поѣду въ Сычиху... покончу все однимъ разомъ...

И, произнеся послѣднее слово, Аркадій Иванычъ захрапѣлъ.

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, Анна Трофимовна встрѣтила его съ заплаканными глазами.

— Это что̀ значитъ? спросилъ ее Аркадій Иванычъ:— что̀ это? ты плакала? о чемъ?

— Ахъ, Аркадій Иванычъ, Богъ съ вами совсѣмъ! произнесла Анна Трофимовна, залившись слезами:—я все знаю, хоть вы отъ меня и скрываетесь. Ахъ, я злосчастная, право! Ужь не спроста̀ же вы совсѣмъ стали со мной не такіе, какъ прежде, совсѣмъ бросили меня, совсѣмъ покинули, и жалости-то въ васъ нѣтъ никакой ко мнѣ. Ахъ, участь моя горькая! что̀ я стану теперь дѣлать?

— Да что ты, Аннушка? что̀ съ тобой? возразилъ Аркадій Иванычъ: — никакъ ты съ ума сошла: что̀ это ты городишь?

— Нѣтъ, не горожу. Чего мнѣ городить-то? Полноте! грѣхъ вамъ, кажется, запираться-то. Что ужь тутъ? Шила-то въ мѣшкѣ не утаишь. Вы совсѣмъ разлюбили меня. Что̀ вамъ я? Ужь у васъ теперь совсѣмъ не то въ головѣ. Вы сами вчера сказали, что женитесь, а бывало, все

твердите: нѣтъ ужь, Аннушка, ужь я ни за что не женюсь, ни за что. вѣкъ буду съ тобой жить; а я-то, дура' и вѣрила вамъ...

Анна Трофимовна зарыдала.

Аркадій Иванычъ вытаращилъ глаза.

— Какъ. развѣ я сказалъ. что я женюсь?

— Вѣстимо, что сказали: не я одна, всѣ это слышали. Бѣдная я! Теперь ужь прощайте, Аркадій Иванычъ! Теперь ужь я вамъ ни на что больше не нужна; теперь у васъ есть другая душенька... Пойду, куда глаза глядятъ. Буду такъ изъ стороны въ сторону мыкаться, искать себѣ пропитанія.

Аркадій Иванычъ засмѣялся, поцѣловалъ Анну Трофимовну, потомъ ласково ущипнулъ ее за щеку и сказалъ:

— Ну, такъ что жь такое, что я женюсь? Экое несчастіе приключилось!

— Какъ, что? Вишь какіе! Тогда ужь мнѣ не слѣдъ будетъ при васъ оставаться; тогда ужь вы на меня и смотрѣть не захотите.

— Вздоръ! возразилъ Аркадій Иванычъ:—полно, утри слезы-то. Я тебя не оставлю, не безпокойся. Ты будешь жить точно такъ же, какъ и теперь живешь. Я, попрежнему, стану къ тебѣ ѣздить. Вѣдь тебѣ что̀ за дѣло будетъ: женатъ я, или нѣтъ?

Анютка утерла слезы и внимательно посмотрѣла на Аркадія Иваныча.

— Да развѣ это можно? сказала она.—Ахъ, ужь вы, этакой душенька, что это вы, право, такое говорите!

— Что̀ жь за бѣда? развѣ нельзя?

— А жена-то что ваша скажетъ? Развѣ это хорошо?

— Жена! жена! да почемъ узнаетъ это жена?... Къ тому же, жена у меня будетъ добрая... Да и какъ-будто женатому человѣку и на свѣтъ Божій не смотрѣть... Что такое въ-самомъ-дѣлѣ? Посмотри-ка на женатыхъ-то: да передъ ними и холостые-то кажутся смиренниками.

И Аркадій Иванычъ, утѣша себя этою мыслью, залился самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Такъ-то, Аннушка, полно же. Не дурачься впередъ. Не думай же, что я тебя брошу...

Аркадій Иванычъ успокоилъ Анну Трофимовну и разстался съ нею въ полномъ согласіи.

Лишь только Аркадій Иванычъ уѣхалъ отъ нея, она принарядилась и отправилась въ гости къ женѣ кривухинскаго прикащика. Барышня, узнавъ о ея пріѣздѣ, тотчасъ побѣжала къ ней, начала обнимать ее и цѣловать, приговаривая:

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Ну, какъ поживаешь, душенька Аннушка? Ну, скажи-ка, нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго у васъ?

— Да ужь есть, Марья Андреевна, новинка, такъ ужь новинка. Ужь такая, что вы такъ и ахнете, какъ я вамъ скажу.

— Что, что такое, Аннушка? душенька, скажи, пожалуйста! вскрикнула барышня.

— Что, что такое? повторила прикащица и двѣ ея дочери, Настя и Маша.

— А что вы дадите за то, что я вамъ скажу?

— Ну, полно, полно, Аннушка, возразила барышня, толкая ее въ нетерпѣніи и смотря ей прямо въ ротъ, потому-что Аннушка уже открыла ротъ, чтобъ говорить.

— Аркадій Иванычъ... начала Анютка.

— Что такое Аркадій Иванычъ? подхватила прикащица.

— Ахъ, да что вы ее перебиваете! замѣтила съ досадою барышня.

— Аркадій Иванычъ... Аркадій Иванычъ — женится, произнесла протяжно Анютка.

Это слово какъ громомъ поразило всѣхъ слушательницъ. Съ минуту, ошеломленныя этимъ словомъ, онѣ молчали, только посматривая другъ на друга. Затѣмъ поднялся страшный крикъ.

— Какъ?... Можетъ ли статься?... Шутишь!... Неужто взаправду?... Вотъ-те разъ!

— Да-съ, женится, повторила Анютка торжественно.

— На комъ же, душенька? спросила барышня, съ чувствомъ пожавъ руку Анюткѣ и сладко посмотрѣвъ на нее.

Барышня полагала навѣрное, что ужь если Аркадій Иванычъ женится, такъ, конечно, не на комъ другомъ.

какъ на Анюткѣ, и вотъ почему она такъ сладко взглянула на нее.

— Ужь не угадать вамъ, на комъ, продолжала Анютка:—ни за что не угадать, какъ вы тутъ ни бейтесь.

— А я угадала, душенька, произнесла барышня, улыбаясь.—Хочешь, я тебѣ шепну на ушко?

— Ну, шепните, барышня; посмотримъ, какъ-то вы угадаете.

Барышня наклонилась къ уху Анютки.

— Нѣтъ-съ, не угадали, барышня, сказала Анютка съ глубокимъ вздохомъ:—онъ женится... чортъ-знаетъ на комъ... знаете, на этой на дочкѣ-то сычихинской барыни.

За тѣмъ снова послѣдовало мертвое молчаніе, потому-что снова всѣ слушательницы на минуту остолбенѣли отъ этого извѣстія.

— На этой... на нищей-то! первая воскликнула барышня:—ахъ ты, Господи! Вотъ срамота-то!

— Ну, убилъ бобра! закричала прикащица.

— Да нѣтъ, можетъ, еще это и неправда? сказала барышня. — Что, онъ самъ что ли сказывалъ тебѣ объ этомъ, Аннушка?

— Вотъ еще неправда! Ужь коли я вамъ говорю, такъ правда. Онъ самъ мнѣ обо всемъ сказалъ, да я и безъ него давно знала, что все около нее ластился.

— Что же ты намъ объ этомъ не сказала? замѣтила прикащица.

— Ахъ, голубушка наша, Алёна Терентьевна! завопила барышня: — что̀-то будетъ съ нею? Вотъ кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.

— Ужь подлинно бѣдная барыня! простонала прикащица.

Черезъ полчаса, барыня, вся дворня и вся деревня узнали объ этой новости.

Когда барышня объявила объ этомъ Еленѣ Терентьевнѣ, она выслушала ее не безъ волненія и закричала:

— Вздоръ! вздоръ! я и слушать не хочу этого! Откуда вы съ этакими глупыми вѣстями пріѣхали? Вы тотчасъ готовы всякой галиматьѣ повѣрить.

Барышня очень обидѣлась и возразила:

— Нѣтъ-съ, ужь прошу меня уволить отъ этого: я галиматьи никогда не говорила вамъ. По мнѣ, пожалуй, не вѣрьте. Вонъ, вѣдь Анютка-то живая, кажется, сидитъ у прикащицы: спросите сами у ней, коли угодно...

У Елены Терентьевны выступили на лицѣ красныя пятна. Губы ея немного искривились; глаза сверкнули; задыхаясь, она произнесла:

— Пошлите же ко мнѣ Анютку... сейчасъ... пошлите ее сюда!

И припала головой къ столу.

— Боже мой, вамъ дурно!

Барышня подбѣжала къ Еленѣ Терентьевнѣ.

— Подите прочь!

Елена Терентьевна съ необыкновенною силою оттолкнула отъ себя барышню.

— Анютку! подайте мнѣ Анютку! Слышите ли?

Барышня бросилась вонъ изъ комнаты, прошептавъ:— Господи! да никакъ она помѣшалась.

Анютка, дрожа всѣмъ тѣломъ, явилась предъ своей бывшей барыней и трепещущимъ голосомъ обо всемъ разсказала ей.

Барыня выслушала ее стоя и не шевелясь, блѣдная, какъ статуя; только во время разсказа вѣки Елены Терентьевны судорожно моргали.

Когда Анютка замолчала, Елена Терентьевна сказала глухимъ голосомъ:

— Хорошо, хорошо... Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Ты мерзкая, простая, безпутная дѣвка... понимаешь ли ты это? ты вотъ что...

(Елена Терентьевна плюнула и растерла слюну ногою.)

— Но я, я охотнѣе бы назвала *тебя* своей невѣсткой, *тебя!* — Да, продолжала она, взглянувъ на барышню и указавъ ей на Анютку:—да *ее*, *ее* я охотнѣе бы назвала своей невѣсткой,—ее, эту дѣвчонку, которую я тысячу разъ била собственными руками... Понимаете ли послѣ этого, какъ мнѣ легко?... Пошла же вонъ!

Елена Терентьевна повелительно махнула Анюткѣ рукою...

Анютка безъ оглядки добѣжала до дома прикащицы.

—Охъ! едва проговорила она, запыхавшись:—что это вы надѣлали? Зачѣмъ вы это ей сказали?... Она вѣдь теперь землю деретъ... Вотъ ужасти, такъ ужасти!.. И какъ ни уговаривала ее прикащица остаться отобѣдать и напиться кофейку, Анютка ничего не хотѣла слышать и тотчасъ же отправилась во-свояси.

Только-что Анютка выбѣжала изъ барской комнаты, Елена Терентьевна обратилась къ барышнѣ и къ двумъ дѣвкамъ:

— Такъ-то вы мнѣ служите? такъ-то вы заботитесь о моемъ спокойствіи?... Всѣ вы за грошъ готовы продать меня! на каждомъ шагу готовы обмануть! Знаю я васъ!... Вы, сударыня, напримѣръ (она обратилась къ барышнѣ), увѣряли меня, что Анютка имѣетъ на него вліяніе, что онъ ее во всемъ слушается? Ну, какое же она имѣетъ на него вліяніе! Еслибъ она имѣла на него вліяніе, онъ, безсовѣстный и безстыдный человѣкъ, ужь скорѣй бы на ней женился, а не сталъ бы шляться по проселочнымъ дорогамъ и тамъ отыскивать себѣ невѣстъ между лохмотницами, между прокаженными. — Ну, Алёна Терентьевна! (Она посмотрѣла на самоё себя и схватила себя за волосы.) Дожила ты, голубушка, до послѣдняго униженія. Теперь всѣ въ глаза могутъ надъ тобой издѣваться; теперь всѣ на тебя имѣютъ право показывать пальцами, какъ на посмѣшище!

Она снова обратилась къ барышнѣ и къ дѣвкамъ:

— Ну, что жь вы стоите? Что жь вы не смѣетесь надо мною? Смѣйтесь, смѣйтесь; я ни слова не скажу, не бойтесь: я позволю вамъ смѣяться надъ собою.

Барышня и дѣвки дрожали. Имъ и во снѣ не мерещилось, чтобъ Елена Терентьевна могла дойти когда-нибудь до такого высокаго драматическаго бѣшенства.

— Убійца мой! убійца! продолжала разгнѣванная мать.—Гдѣ же онъ? пусть онъ явится ко мнѣ. Пусть онъ посмотритъ мнѣ прямо въ глаза... пусть только осмѣлится привести съ собой эту шлюху, которую онъ хочетъ пожаловать мнѣ въ невѣстки! Я и его, и ее вытолкаю въ-зашей. Если только онъ осмѣлится безъ моего благословенія.—тогда онъ мнѣ больше не сынъ, я не пущу его

на порогъ моего дома... Я мать! Я съ нимъ могу все, что захочу, сдѣлать,—все, не отдавая никому отчета: могу на части разорвать, могу...

Но тутъ голосъ Елены Терентьевны прервался и она, обезсиленная, упала въ этотъ разъ безъ всякаго притворства на руки дѣвокъ.

Между-тѣмъ, какъ Елена Терентьевна свирѣпствовала, Аркадій Иванычъ, нимало не предвидя страшной грозы, которая готова была разразиться надъ нимъ, цѣлый день очень весело провелъ въ Сычихѣ, ухаживая за Глашею, и, уѣзжая, сказалъ Марѳѣ Алексѣевнѣ, что ему хочется поспѣшить свадьбой, что онъ, не отлагая, будетъ просить благословенія маменьки и надѣется въ слѣдующій разъ явиться въ Сычиху уже формальнымъ женихомъ.

Марѳа Алексѣевна ничего не объявляла дочери. Сватовство Аркадія Иваныча было для нея тайною, хотя эта тайна такъ и вертѣлась на кончикѣ языка у доброй старушки. Она, сидя съ Глашею, безпрестанно заводила рѣчи о томъ, что дѣвическое состояніе ненадежно, что у всякой дѣвицы должно быть въ мысляхъ, что рано или поздно ей придется покинуть родительскій кровъ; что ничего нѣтъ на свѣтѣ противнѣе старыхъ дѣвокъ, и что надъ старыми дѣвками всѣ смѣются. Глаша понимала, что эти рѣчи произносились не даромъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ выслушивала маменьку. Чувство тяжелое, но неопредѣленное, овладѣло ею. Она не знала, куда дѣваться отъ тоски, и, приходя въ свою комнату, втихомолку плакала горько.

Возвратясь домой изъ Сычихи часу въ одиннадцатомъ, Аркадій Иванычъ спросилъ: дома ли маменька? Ему отвѣчали таинственнымъ тономъ, что она нездорова и почиваетъ.

Аркадій Иванычъ легъ съ безпокойными мыслями и долго не могъ заснуть. На утро онъ явился къ ней.

Елена Терентьевна сидѣла въ креслахъ, вся обложенная подушками. Она отъ-поры-до-времени охала и стонала. Исподлобья посмотрѣла она на вошедшаго сына и отвернулась отъ него къ окну. Сердце ея неровно забилось, и кровь бросилась ей въ голову.

Аркадій Иванычъ подошелъ къ ея рукѣ.

Она ткнула ему руку въ лицо и презрительно осмотрѣла его съ ногъ до головы.

— Что это, вы нездоровы, маменька? спросилъ онъ немного смущенный отъ такого неблагосклоннаго пріема.

Елена Терентьевна устремила страдальческій взоръ въ потолокъ, простонала и не отвѣчала ни слова.

Аркадій Иванычъ замолчалъ и неловко обдергивался.

Минуты три продолжалось молчаніе,— тишина удушливая и роковая передъ разрушительной бурей.

Елена Терентьевна снова простонала.

Аркадій Иванычъ вздохнулъ, потому-что у него спиралось дыханіе въ груди.

Еще минута молчанія.

Наконецъ, Елена Терентьевна произнесла, не глядя на сына:

— Что̀ скажете новаго, Аркадій Иванычъ?

— Ничего-съ, отвѣчалъ Аркадій Иванычъ.

— Только-то? возразила Елена Терентьевна, барабаня пальцами по столу.—Вы въ кое-вѣки заглянете къ матери, да и то не находите никакого разговора съ нею... Странное дѣло!

Елена Терентьевна насильно захохотала.

— Я очень давно не имѣла удовольствія васъ видѣть. Что̀ вы подѣлываете? гдѣ вы бываете?

Елена Терентьевна провела рукой по лицу: пальцы ея судорожно корчились. Она прошептала: — фу, какъ душно!

— Я все это время охотился, сказалъ Аркадій Иванычъ, собравшись съ духомъ.

— За какою дичью? спросила Елена Терентьевна насмѣшливо. Она перевела дыханіе и потомъ прибавила:

— Носятся слухи, что вы все охотитесь около Сычихи,—тамъ, говорятъ, прекрасная дичь?

Елена Терентьевна посмотрѣла на сына. Глаза ея сверкнули такъ дико, что Аркадій Иванычъ невольно потупилъ голову. И онъ,—этотъ отчаянный, лихой Аркадій Иванычъ, такой дерзкій на видъ, съ такими огромными усами и съ такимъ уже почтеннымъ брюшкомъ, стоялъ въ эту минуту передъ маменькою, точно уличенный на

мѣстѣ преступленія школьникъ, на котораго занесена была розга неумолимаго учителя.

— Что жь, эти слухи основательны, или нѣтъ, Аркадій Иванычъ? продолжала Елена Терентьевна.

— Да-съ, я нѣсколько разъ охотился въ тѣхъ мѣстахъ.

— Ну, а не познакомились ли вы тамъ съ этой.... какъ-бишь ее зовутъ... эту сычихинскую-то помѣщицу, у которой двѣ души съ половиной и сорокъ человѣкъ дѣтей? Вотъ безподобное бы знакомство для васъ!... Ей-Богу, вамъ кстати съ ней познакомиться, если вы часто охотитесь тамъ... Ужь ниже ея никого нѣтъ въ цѣлой губерніи: она во всеобщемъ презрѣніи. Это, можно сказать, такая подлая торговка, такая... да ужь довольно того: сама вмѣстѣ съ бабами въ огородѣ гряды полетъ и по буднямъ въ лаптяхъ щеголяетъ,—и въ довершеніе всего, еще горькая пьяница... А что, вѣдь у нея и дочка, кажется, есть?... Право бы вамъ познакомиться съ ними, я бы вамъ совѣтовала... Вотъ бы вамъ приличная невѣста, Аркадій Иванычъ!... Я про нее много слышала. Говорятъ, удивительная дѣвушка! то-есть, такая набитая дурища, что просто срамъ, и во всѣхъ отношеніяхъ такая же необразованная и грубая, какъ ея отецъ и мать, и, говорятъ, милая ея маменька — эта лапотница-то, навязываетъ ее всякому встрѣчному и поперечному, чтобъ только поскорѣй сбыть съ своихъ рукъ такое сокровище. Натуральное дѣло! ей нечѣмъ кормить ее: говорятъ, онѣ умираютъ съ голоду, развѣ только-что по праздникамъ ѣдятъ какія-нибудь сѣрыя щи да гречневую кашу... Какое прекрасное семейство! А муженька-то ея, кажется, параличъ хватилъ отъ пьянства, и она-то, старая каналья, я думаю, скоро доживетъ до этого.

Аркадій Иванычъ, слушая маменьку, щипалъ отъ досады кисть своей венгерки.

— Вы ошибаетесь, маменька, сказалъ онъ, немного пріободрившись. — Во-первыхъ, дочка сычихинской помѣщицы не безобразное созданіе, — она прехорошенькая; а во-вторыхъ...

Елена Терентьевна привскакнула на креслахъ.

— Такъ, стало-быть, вы ужь познакомились съ нею? Вотъ какъ! Браво! браво! (Елена Терентьевна захлопала въ ладоши.) Можетъ-быть, даже вы ужь и очень въ короткихъ сношеніяхъ съ этою дѣвчонкой? Чего мудренаго! вѣдь она, говорятъ, на всѣ руки!... Такъ она, по-вашему, прехорошенькая?... Какой отмѣнный у васъ вкусъ! Продолжайте, Аркадій Иванычъ, продолжайте... Вы славно отличаетесь, славно!... И вы не стыдитесь это говорить въ глаза мнѣ,—мнѣ, вашей матери? Такъ вы ужь, наконецъ, потеряли всякій стыдъ? Такъ вы ужь не краснѣя признаётесь, что имѣете такого рода знакомства? Такъ ужь въ васъ, поэтому, нѣтъ ни чести, ни совѣсти?

Нельзя не замѣтить, что Елена Терентьевна, раздражая Аркадія Иваныча, дѣйствовала неблагоразумно. Люди такого слабаго характера, какой былъ у моего героя, терпятъ долго; но, однажды выведенные изъ терпѣнія угрозами, или оскорбленіями, или препятствіями, они вдругъ становятся рѣшительными и непреклонными. Оскорбленія и препятствія пробуждаютъ въ такихъ людяхъ постоянно дремлющую въ нихъ силу воли, и тогда эта пробужденная сила воли возстаетъ на минуту во всемъ безобразіи и дикости; но, разрушивъ препятствія, снова погружается въ прежнюю дремоту. На такого рода людей всегда должно дѣйствовать мѣрами кроткими, и еслибъ Елена Терентьевна разъиграла роль несчастной и огорченной матери, еслибъ она со слезами, съ отчаяніемъ и съ покорностью своей участи выслушала признаніе сына, ему стало бы жаль ее, онъ поколебался бы, растаялъ бы предъ нею и, вѣроятно, отложилъ бы намѣреніе жениться. Она осталась бы побѣдительницею и, торжествующая, могла бы совершенно забрать въ руки сынка... Но, къ счастью или къ несчастью, случилось иначе. Елена Терентьевна наговорила столько оскорбительнаго для Аркадія Иваныча, что онъ вдругъ сдѣлалъ шагъ впередъ, гордо расправилъ свои усы и сказалъ:

— Позвольте васъ спросить, маменька, что̀ это значитъ, что вы мнѣ говорите такія вещи?

— Какъ! вскрикнула Елена Терентьевна: — ты еще смѣешь мнѣ дѣлать такіе вопросы? Ты поступаешь какъ

негодяй, и смѣешь еще такъ дерзко говорить со мной?... Ну, говори же, высказывай все, скорѣй вонзи ножъ въ грудь матери!... Что̀, вѣдь ты женишься на этой потаскушкѣ, на дочери этой сычихинской лапотницы?... Языкъ твой поворотится мнѣ признаться въ этомъ?

— Да, я хочу жениться на ней, отвѣчалъ Аркадій Иванычъ, подбочась правой рукой:—и потому прошу васъ покорнѣйше при мнѣ о ней такъ не отзываться. Она дѣвушка честная и благородная.

Елена Терентьевна вскочила съ креселъ.

— Ты мнѣ запрещаешь отзываться какъ я хочу объ этой гнусной дѣвчонкѣ, которая тебя соблазнила? Ты это запрещаешь мнѣ, мнѣ—своей матери?... А! коли на то пошло, такъ посмотримъ... Такъ ты рѣшился жениться безъ моего благословенія? такъ ты не дорожишь имъ, и пойдешь безъ него къ вѣнцу? Прекрасное дитя!

— Нѣтъ, я пришелъ къ вамъ сегодня именно за тѣмъ, чтобъ просить вашего благословенія.

— Извергъ ты, извергъ ты этакой! змѣй, котораго я отогрѣла у моего сердца! (Елена Терентьевна схватила себя за голову.) Батюшки мои, я съ ума сойду! Охъ, что̀ онъ со мной дѣлаетъ! будьте вы всѣ свидѣтелями, всѣ...

Хотя въ комнатѣ никого не было, но Елена Терентьевна такъ кричала, что крики ея раздавались по всему дому и даже на дворѣ,—а барышня, дѣвки и лакеи смотрѣли на эту сцену матери съ сыномъ въ дверныя щелки и замочныя скважины.

— Онъ пришелъ ругаться надъ матерью! Слышите ли вы? Вотъ чѣмъ онъ отплатилъ мнѣ за все! Первому, злѣйшему врагу моему не пожелаю имѣть дѣтей! Вотъ они, дѣти-то!... Обманщикъ! такъ вотъ та княжна, на которой ты хотѣлъ жениться? Такъ-то ты возвысилъ меня своей женитьбой? Такъ-то ты сдержалъ свое слово насчетъ службы?... Я, я дамъ тебѣ благословеніе на бракъ съ побродягой? Да съ чего это ты взялъ?... Скажи своей прекрасной будущей роденькѣ, что я плюю на нее... Слышишь?

— Маменька, произнесъ Аркадій Иванычъ, подходя

къ ней:—вы... позвольте вамъ сказать, вы не понимаете, что̀ говорите.

— Ахъ, батюшки, батюшки! взвизгнула Елена Терентьевна, пятясь отъ него назадъ:—помогите мнѣ! Онъ хочетъ меня убить! Злодѣй!... Не подходи ко мнѣ, не подходи... Прочь отъ меня, прочь! я тебя знать не хочу!

— А! такъ вы приказываете мнѣ уйдти? вы меня знать не хотите? Очень хорошо. Я уйду. Прощайте!

Аркадій Иванычъ поклонился маменькѣ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери.

Елена Терентьевна съ яростью тигрицы бросилась въ слѣдъ за нимъ.

— Остановитесь! Я вамъ приказываю остановиться! Куда вы? Къ вашей невѣстѣ?

— А что жь такое, еслибъ и къ ней? возразилъ Аркадій Иванычъ, остановившись.

— Такъ вы ужь твердо рѣшились вырыть мнѣ могилу собственными руками? Вы не отложите своего намѣренія, несмотря ни на что? Такъ ваши чувства заснули, ваши обязанности къ матери исчезли? Аркадій Иванычъ! ты забылъ, что есть Богъ?... Но знаете ли, что я васъ лишу всего? знаете ли, что я васъ прокляну, если только вы осмѣлитесь жениться на ней?... Или, можетъ-быть, васъ припугнули, васъ заставляютъ жениться? Можетъ-быть, эта сычихинская лапотница нарочно такъ подвела, чтобъ застать васъ наединѣ съ своей дочкой и потомъ потащить къ вѣнцу съ нею? Знаемъ мы эти штуки-то. И вы позволили себя одурачить кругомъ?

— Довольно! проговорилъ Аркадій Иванычъ:—теперь я знаю, что̀ мнѣ остается дѣлать.

И онъ взялся за ручку двери.

— Вы знаете? Такъ нѣтъ же, я не допущу васъ до такого срама! Нѣтъ!... Вы забыли, что есть правосудіе? Я буду на васъ жаловаться... я перевѣдаюсь съ вами судомъ... я заставлю васъ покориться мнѣ. Я объявлю предъ цѣлымъ свѣтомъ, что вы всегда были самымъ гнуснымъ сыномъ!

— А было время, что вы называли меня примѣрнымъ сыномъ, возразилъ Аркадій Иванычъ.

— Да, это правда: я называла тебя примѣрнымъ сыномъ, но въ душѣ этого никогда не чувствовала. Аркадій Иванычъ! я дѣлала это больше для глазъ постороннихъ, чтобъ скрыть твои ужасные со мною поступки.

— Хорошо, сказалъ Аркадій Иванычъ:— вы на меня будете жаловаться цѣлому свѣту, а я попрошу у васъ отчетовъ по моему имѣнію за время вашего попечительства.

— Какъ! Боже мой! Боже мой! Что же это такое? За что же послана на меня такая казнь? Чудовище!... Ты потребуешь отъ меня отчетовъ? Какихъ отчетовъ? Да ты кругомъ обокралъ меня, обворовалъ: ты разстроилъ всѣ мои дѣла! Я тебя и кормила, и поила на свой счетъ! Этому всѣ свидѣтели... Прочь съ глазъ моихъ! Забудь о моемъ существованіи, сейчасъ забудь! Я тебя никогда не хочу видѣть: я отрекаюсь отъ тебя. Люди! люди! Кто тамъ есть? Сюда! сюда! Спасите меня отъ него!

Двери въ ту же секунду отворились, и барышня, въ сопровожденіи трехъ дѣвокъ, вбѣжала въ комнату съ уксусомъ четырехъ-разбойниковъ.

— Полноте, полноте, родная! кричала она: — успокойтесь, придите въ себя. Аркадій Иванычъ это такъ только сказалъ: онъ ничего противъ вашей воли не сдѣлаетъ. Успокойтесь.

— Не говорите мнѣ болѣе о немъ. Ради Бога, не произносите передо мной этого ненавистнаго имени! У меня нѣтъ болѣе сына! Я одна осталась въ цѣломъ мірѣ, безъ мужа, безъ дѣтей, несчастная, брошенная судьбой сирота, убитая!...

— Ахти, Господи! что это такое дѣется у насъ? прошептали дѣвки.

Аркадій Иванычъ, между-тѣмъ, прибѣжалъ къ себѣ въ комнату, велѣлъ какъ можно скорѣе запречь коляску, забралъ всѣ свои нужныя бумаги, вещи, пистолеты и деньги и черезъ полчаса поскакалъ въ Сычиху. Онъ прямо бросился къ Марѳѣ Алексѣевнѣ и разсказалъ ей обо всемъ случившемся отъ-слова-до-слова, можетъ-быть первый разъ въ своей жизни ничего не прибавивъ и не убавивъ.

— Она меня выгнала, говорилъ онъ, ходя въ волненіи большими шагами по комнатѣ:—хорошо же! Она обру-

гала васъ ни за что, ни про что. Прекрасно! Она будетъ послѣ объ этомъ раскаяваться, будетъ... погодите... Она хочетъ на меня жаловаться? Пусть жалуется! Посмотримъ...

— Голубчикъ вы мой! восклицала Марѳа Алексѣевна, утирая слезы:—о-о-ох-ох-охъ! Не даромъ у меня все это время сердце ныло! Ужь я знала, что все это не передъ добромъ! Но только вы, батюшка, ради Христа, не браните маменьку: это вѣдь смертельный грѣхъ; не вооружайте ее еще пуще противъ себя.... Ну, Богъ съ ней! Можетъ-быть, она еще и очувствуется... Жалко мнѣ васъ, очень жалко... Ну, да какъ быть! Противъ воли материнской идти нельзя... А что́ мы-то такое сдѣлали Алёнѣ Терентьевнѣ? За что̀ она, прости Господи, насъ-то такъ коститъ? Ну, видно, Богу не угодно, чтобъ вы были мужемъ моей Глашеньки! Ка̀къ ни горько, а надо покориться....

И Марѳа Алексѣевна зарыдала.

— Что̀ такое? вскрикнулъ Аркадій Иванычъ, остановившись передъ Марѳой Алексѣевной:—что̀ это вы говорите? Кому покоряться? Я не мальчикъ; нѣтъ, извините. Я ужь рѣшился жениться — и женюсь.

— Безъ ея-то благословенія, батюшка? Избави васъ Господи! Ужь ка́къ я васъ ни люблю, Аркадій Иванычъ, а покуда она васъ не благословитъ, я ни за что на свѣтѣ не отдамъ вамъ своей Глаши.

— Ка̀къ, Марѳа Алексѣевна? Такъ вы это нешутя говорите? Да знаете ли вы, что я безъ Глафиры Анисимовны жить не могу? Знаете ли, что̀ я съ собою сдѣлаю, если еще и вы вздумаете мнѣ препятствовать? Вотъ что̀: смотрите!

Аркадій Иванычъ вынулъ изъ кармана пистолетъ (впрочемъ, незаряженный) и приставилъ его къ своему лбу.

— Сейчасъ размозжу себѣ черепъ, при васъ же. Вы же будете за меня отвѣчать Богу.

При видѣ пистолета, Марѳа Алексѣевна помертвѣла, взвизгнула и закрыла глаза руками; потомъ кинулась къ Аркадію Иванычу.

— Отецъ мой! отецъ мой! закричала она: — что̀ ты

это дѣлаешь? Побойся Бога! Вѣдь ты погубишь свою душеньку ни за что! Опомнитесь, батюшка, ради Христа, опомнитесь! продолжала она, дрожа всѣмъ тѣломъ: — не губите ни себя, ни меня!

— Такъ вы согласны отдать за меня свою дочь? возразилъ Аркадій Иванычъ.—Коли согласны, такъ я брошу пистолетъ сейчасъ же. И если вы отдаете за меня Глафиру Анисимовну, такъ наша свадьба должна быть завтра же, не иначе; тутъ думать нѐ о чемъ, медлить нѐ для чего, потому-что маменька моя въ-самомъ-дѣлѣ можетъ все разстроить. Ну, Марѳа Алексѣевна, по рукамъ, что ли? А если вы вздумаете колебаться, если вы не дадите мнѣ сейчасъ же рѣшительнаго отвѣта и не благословите насъ, такъ я... предупреждаю васъ, я готовъ на все: вы ужь меня лучше и не уговаривайте понапрасну.

— Господи! что̀ это такое будетъ съ нами грѣшными? твердила Марѳа Алексѣевна въ отчаяньи.—Ахъ, батюшка, Аркадій Иванычъ, да подумайте хоть немножко, на что̀ это вы идете! Какъ же это безъ материнскаго-то благословенія? Сжальтесь надъ нами, отецъ родной! пощадите насъ!

Марѳа Алексѣевна совершенно растерялась отъ страха и пала на колѣни передъ Аркадіемъ Иванычемъ.

— Марѳа Алексѣевна! Марѳа Алексѣевна! повторялъ Аркадій Иванычъ зловѣщимъ голосомъ:— я говорю вамъ: рѣшайтесь скорѣй: одно изъ двухъ: или я вашъ зять съ сей же минуты, или—прощайте.—я застрѣлюсь сію секунду у вашихъ ногъ. Слышите ли?

И Аркадій Иванычъ снова приставилъ пистолетъ ко лбу.

— Ну, видитъ Богъ, я ни въ чемъ невиновна! произнесла Марѳа Алексѣевна, приподнявшись и воздѣвъ руку къ образу.—Коли ужь таково ваше рѣшеніе, такъ дѣлать нѐчего. Я не хочу быть причиной вашей смерти; не могу же я взять на свою душу такого грѣха! Авось Алёна Терентьевна взмилостивится и хоть послѣ-то проститъ и благословитъ васъ... Что̀ будешь съ вами дѣлать? Я на все согласна: только бросьте куда-нибудь подальше это поганое-то оружіе.

Аркадій Иванычъ бросилъ пистолетъ въ окно и подошелъ къ ручкѣ Марѳы Алексѣевны.

— Такъ свадьба наша завтра вечеромъ, Марѳа Алексѣевна? Вспомните, я ни на минуту не могу откладывать.

— Дѣлайте, батюшка, что̀ хотите, отвѣчала старушка:—я и опомниться-то не могу; у меня такъ и руки, и ноги отнялись... Какъ же это вы успѣете все устроить?

— Объ этомъ ужь не безпокойтесь, сказалъ Аркадій Иванычъ:—я все устрою сегодня и завтра утромъ явлюсь къ вамъ.

— Да гдѣ же вы вѣнчаться-то будете?

— Въ Зюзинѣ. Зюзинскій помѣщикъ мой закадычный пріятель. Мы съ нимъ все обработаемъ. Мы первое время и остановимся у него, покуда я все устрою въ своей Грачовкѣ. Такъ благословите же насъ... Вы еще ничего не говорили обо мнѣ Глафирѣ Анисимовнѣ?

— Ничего, ничего, батюшка.

Но Глаша, глотая слезы и удерживая въ груди рыданье, слышала весь разговоръ Аркадія Иваныча съ Марѳой Алексѣевной. Она стояла въ сосѣдней комнатѣ.

— Такъ я, Марѳа Алексѣевна, не уѣду отъ васъ, продолжалъ Аркадій Иванычъ:—покуда вы не объявите Глафирѣ Анисимовнѣ обо всемъ и не благословите насъ.

Марѳа Алексѣевна вышла въ другую комнату и увидала передъ собою Глашу.

— Глаша сказала она ей, взявъ ее за руку: — поди сюда... со мною... здѣсь Аркадій Иванычъ...

Глаша безмолвно повиновалась.

Старушка подвела дочь къ Аркадію Иванычу.

— Вотъ женихъ твой, Глаша, сказала она ей.

Глаша не успѣла придти въ себя. Все, что̀ она слышала и видѣла, представлялось ей какимъ-то тяжелымъ и смутнымъ сномъ. Она машинально посмотрѣла на мать и не произнесла ни одного слова.

Марѳа Алексѣевна вышла за образомъ.

Глаша осталась одна съ Аркадіемъ Иванычемъ.

— Сегодняшній день — самый счастливый день въ

моей жизни, сказалъ ей Аркадій Иванычъ:—вы согласны принадлежать мнѣ, Глафира Анисимовна?

Она молчала.

Аркадій Иванычъ повторилъ свой вопросъ.

— Я? сказала Глаша:—вы это меня спрашиваете? Я не знаю. Если маменька и папенька согласны, такъ я не могу противорѣчить ихъ волѣ.

Въ эту минуту, Марѳа Алексѣевна возвратилась съ образомъ Спасителя. Она благословила этимъ образомъ сначала невѣсту, потомъ жениха: послѣ этого, соединила ихъ руки и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Будь надъ вами всегда благословеніе Божіе! Когда вы сочетаетесь бракомъ, живите, мои голубчики, въ мирѣ и согласіи. Вы, Аркадій Иванычъ, любите и берегите мою Глашу и не давайте ее никому въ обиду; а ты помни, Глаша, что ты должна будешь во всемъ повиноваться своему мужу... Ну, теперь поцѣлуйтесь.

Аркадій Иванычъ въ ту же секунду бросился къ своей невѣстѣ и напечатлѣлъ на устахъ ея пламенный поцѣлуй. Глаша вздрогнула, вспыхнула, провела рукой по лицу и посмотрѣла кругомъ себя, какъ-будто внезапно пробужденная.

Затѣмъ, Марѳа Алексѣевна повела ихъ къ Анисиму Васильичу. Анисимъ Васильичъ, руководимый женою, благословилъ ихъ въ свою очередь, не понимая, впрочемъ, ясно, что онъ дѣлаетъ, потому-что ему день-ото-дня становилось хуже, и онъ уже начиналъ забываться. Потомъ Аркадій Иванычъ простился съ невѣстою и съ ея маменькою, произнеся: «до завтра», и уѣхалъ, не забывъ однако взять изъ палисадника свой пистолетъ.

Когда мать и дочь остались наединѣ, онѣ безмолвно взглянули другъ на друга. Марѳа Алексѣевна вскрикнула, и слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ ея. Глаша упала на колѣни передъ матерью, схватила руками ея ноги и произнесла, рыдая и задыхаясь:

— Маменька! маменька! Не оставьте меня, не покиньте меня!

На другой день вечеромъ, именно въ тотъ самый часъ, когда Елена Терентьевна выѣхала изъ Кривухина въ гу-

бернскій городъ, чтобъ жаловаться на сына губернатору и другимъ властямъ.—Аркадій Иванычъ уже стоялъ передъ алтаремъ рядомъ съ своею невѣстою. Бракъ совершался въ деревянной и ветхой церкви села Зюзина. Кромѣ зюзинскаго помѣщика, въ церкви находились еще три пріятеля Аркадія Иваныча, исправлявшіе обязанность шаферовъ и свидѣтелей. Со стороны невѣсты была только одна барыня — ея дальняя родственница. Марѳа Алексѣевна ожидала молодыхъ въ домѣ зюзинскаго помѣщика, гдѣ уже все было для нихъ приготовлено.

Невѣста стояла передъ алтаремъ блѣдная и трепещущая. На ней было простое бѣлое кисейное платье безъ всякихъ украшеній, и, вмѣсто поддѣльныхъ померанцовыхъ цвѣтовъ, къ темной косѣ ея была пришпилена живая бѣлая роза. Обрядъ вѣнчанія продолжался дольше обыкновеннаго. Лампады и свѣчи въ паникадилахъ едва освѣщали потемнѣвшій отъ времени иконостасъ. Въ церкви было мрачно. Деревья, окружавшія церковь, почти совсѣмъ не пропускали въ нее дневнаго свѣта. Къ-тому же, вечеръ былъ пасмурный и по небу ходили дождевыя тучи. Все было мертво и грустно кругомъ; только, будто для одушевленія этой картины, въ окно церкви ворвалась вѣтвь вѣковаго дуба и тихо колебалась отъ вѣтра.

Когда все кончилось, и молодые послѣ поздравленій вышли изъ церкви и остановились на паперти въ ожиданіи кареты (хотя отъ церкви до дома было не болѣе сорока шаговъ), зюзинскій помѣщикъ подошелъ къ Аркадію Иванычу, тихонько ударилъ его по плечу и отвелъ въ сторону.

— Ну, что̀, братецъ, сказалъ онъ:—а? каково? Менѣе чѣмъ въ сутки свахляли дѣльцо-то,—и безъ оглашенія!... А вѣдь мы, братецъ, съ тобой молодцы!

— Спасибо, душа моя, спасибо! отвѣчалъ Аркадій Иванычъ:—ужь я тебѣ по горло обязанъ, нѐчего сказать.

— А вѣдь жена-то у тебя, знаешь... того... весьма... этакъ...

— Гм! я надѣюсь! перебилъ Аркадій Иванычъ.

— Вишь, каналья какая! счастливчикъ! продолжалъ зюзинскій помѣщикъ, щелкнувъ Аркадія Иваныча по во-

ротнику фрака.—Чортъ возьми, вѣдь я бы дорого далъ, чтобъ быть сегодня на твоемъ мѣстѣ. Понимаю, братецъ, твое нетерпѣніе, понимаю!

— То-то же! воскликнулъ Аркадій Иванычъ, подмигнувъ и самодовольно улыбнувшись.

— Да какъ же это я ее не зналъ прежде? возразилъ зюзинскій помѣщикъ. — Странно, братецъ; а ты, плутище, небойсь, все пронюхаешь... Экое, братецъ, у тебя чутьё на хорошенькихъ!

Аркадій Иванычъ выразительно крякнулъ и вслѣдъ за тѣмъ произнесъ:

— Вѣдь, душа моя, ты знаешь пословицу: «на ловца и звѣрь бѣжитъ!»

Глава III.

— Слышали ли вы новость?

— Что? что такое?

— Новость, новость, послушайте, господа!

— Ахъ, новость! новость!

— Какая же новость?

— Удивительная!

— Новость! Въ-самомъ-дѣлѣ?... Неужто?

Такого рода восклицанія раздавались черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы Аркадія Иваныча и въ губернскомъ городѣ, и въ уѣздныхъ городахъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ, и въ деревушкахъ. И на слово *новость*, какъ на звукъ набатнаго колокола, стекалась вся губернія—и мужчины, и женщины, и молодые, и старые, и богатые, и бѣдные, и власть-имѣющіе, и непользующіеся никакою властью. Вся губернія пробудилась вдругъ отъ сладкой дремоты, въ которую она была погружена нѣсколько уже времени, истощивъ весь запасъ новостей и сплетней. Всѣ заплывшія ото сна очи мгновенно открылись и загорѣлись любопытствомъ; всѣ языки, пребывавшіе въ бездѣйствіи, или лѣниво занимавшіеся отъ-нечего-дѣлать передѣлками старыхъ анекдотовъ на новый ладъ, пришли въ необыкновенно-сильное движеніе.

— Новость! новость! слышалось повсюду.

— Что за новость? Какая новость? кричали всѣ.

— Сынъ Алёны Терентьевны женился!

— Какой Алёны Терентьевны?

— Какой! Ну, разумѣется, кривухинской помѣщицы.

— Такъ это Аркадій Иванычъ женился?

— Неужели?... Какъ?... Когда?... Зачѣмъ?... На комъ?... Можетъ ли статься?

— На дочери сычихинскаго помѣщика... на дочери Анисима Васильича, знаете? который былъ засѣдателемъ въ Таракановскомъ уѣздѣ, тотъ, котораго параличъ-то разбилъ.

— Какъ!... Вотъ славно-то! Вотъ безподобно-то!

— Ай, ай, ай! Ахъ, ахъ, ахъ!

— Да вѣдь его, говорятъ, голубчика-то, принудили жениться!

— Принудили? Вотъ сударь! Какимъ образомъ?

— А вотъ-съ какимъ: онъ, видите ли, давно ухаживалъ за этою дѣвочкою. Она все ему, понимаете, строила глазки, да назначала въ лѣсу рандеву. Вотъ мать-то ихъ однажды и застала, изволите видѣть. Ну-съ, застала, да и отписала объ этомъ къ своимъ сыновьямъ; а у нея, батюшка вы мой, два сына офицера. Одинъ изъ нихъ тотчасъ же и прискакалъ, да и, понимаете, остановился инкогнито у кого-то по сосѣдству... Объ этомъ, вишь ты, одна мать знала. Вотъ, знаете, остановился, да и давай подкарауливать Аркадія Иваныча, да однажды, знаете, вдругъ на него, какъ снѣгъ на голову... Аркадій-то Иванычъ туда, сюда... Нѣтъ, братъ, говоритъ: ты, говоритъ, не улизнешь отъ меня теперь... Дѣлать-то было нéчего— и скрутили молодчика!...

— Ахъ, какая скандалёзная исторія! кричали барыни:—а что̀ жь Алёна-то Терентьевна?

— Она-съ ничего и не знаетъ объ этомъ. Это все, понимаете, дѣлалось по секрету отъ нея, потому-что она, натурально, своего благословенія не хотѣла дать на этотъ бракъ... Она третьяго-дня неизвѣстно зачѣмъ пріѣхала въ городъ и была ужь у губернатора.

— Неужто? Да въ которомъ же часу?

— Часу этакъ въ первомъ.

— Такъ, такъ; я вѣдь проѣзжалъ мимо и видѣлъ ея экипажъ у подъѣзда.

— Зачѣмъ же она пріѣзжала къ губернатору?

— А гдѣ она остановилась?

— Надо бы посмотрѣть на нее, надо бы провѣдать ее!

— А гдѣ же молодые-то? ужь вѣрно не въ Кривухинѣ?

— Нѣтъ; они остановились на время у зюзинскаго помѣщика. Они и вѣнчались-то въ Зюзинѣ.

— Вотъ какъ! скажите, пожалуйста!

— А я, съ своей стороны, слышалъ, что Аркадія Иваныча просто-на-просто кругомъ опутали. Вѣдь Анисима-то Васильича дочка не съ нимъ первымъ забавлялась. Это достовѣрное дѣло. Зюзинскій-то помѣщикъ еще прежде за нею ухаживалъ, да тотъ отдѣлался, потому-что уменъ и плутоватъ, шельма!

— Ахъ, можно ли жениться на такой подлой твари? кричали барыни:—ахъ, бѣдная Алёна Терентьевна! Ужь она перестанетъ теперь носъ-то поднимать!... Помните, душенька, какъ она важничала, распустивъ слухи, что онъ женится на княжнѣ! — Ну, какъ не помнить, милая? Славную княжну подцѣпилъ себѣ, нечего сказать! Да, ужь теперь Алёна Терентьевна будетъ совсѣмъ не то! Ужь она теперь, можно сказать, сто процентовъ противъ прежняго потеряла! Порядочно унизилась по милости сынка!

Барыни торжествовали.

Елена Терентьевна прибыла въ губернскій городъ съ рѣшительными намѣреніями. Она хотѣла, во что бы то ни стало, воспрепятствовать сыну жениться и начала объ этомъ уже совѣщаться съ разными знающими людьми и дѣльцами,—какъ вдругъ нарочный изъ Кривухина примчался къ ней съ роковымъ извѣстіемъ о женитьбѣ Аркадія Иваныча.

Елена Терентьевна выслушала гонца, задыхаясь отъ гнѣва. Она посмотрѣла на барышню, которая была при ней неотлучно повсюду, опустила руки и прошептала:

— Подите сюда... скорѣй... скорѣй... я убита... зарѣзана безчеловѣчнымъ образомъ... я дышать не могу... Ле-

каря... лекаря... Пустите мнѣ кровь... скорѣй пустите... со мной ударъ будетъ... Сейчасъ, сейчасъ...

Она застонала и покатилась на диванъ.

Лекарь. въ-самомъ-дѣлѣ, нашелъ нужнымъ пустить Еленѣ Терентьевнѣ кровь и прописалъ ей какое-то успокоительное лекарство. Елену Терентьевну уложили въ постель; барышня сѣла у ея изголовья и, для доказательства своего усердія. при малѣйшемъ шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ вскакивала и произносила:

— Тсс! Что̀ вы тамъ шумите?

Елена Терентьевна лежала закрывъ глаза и только поднимала ихъ тогда, когда барышня подносила ей лекарство.

— Зачѣмъ это? повторяла всякій разъ Елена Терентьевна, охая и смотря на подносимую ей ложку: — къ чему? Я не хочу никакого лекарства. Оставьте меня въ покоѣ. Дайте мнѣ умереть. Я умереть хочу. Мнѣ жить нѐ для чего. На что мнѣ теперь жизнь?

— Какъ это можно? восклицала всякій разъ барышня плачевнымъ тономъ:—что̀ это вы, родная? Примите, голубушка, примите хоть одну ложечку.

И Елена Терентьевна, какъ-будто насильно, всякій разъ принимала лекарство вздыхая.

Почувствовавъ себя немного получше и вставъ съ постели, она начала принимать къ себѣ всѣхъ, и всѣ барыни, находившіяся въ то время въ городѣ, перебывали у ней съ визитами. У воротъ дома, гдѣ жила она, съ утра до ночи стояли колымаги, тарантасы, крытыя дрожки. дормёзы, брички, кареты и другіе весьма странные допотопные экипажи.

Елена Терентьевна каждую гостью встрѣчала молча, съ потупленной головой и съ страдальческимъ лицомъ, значительно взглядывала на каждую гостью, ка̀чала головой и произносила слезящимъ голосомъ:

— Слышали вы, душенька, мое несчастіе? И потомъ принималась вопить и рыдать.

Каждая гостья, радуясь отъ всей души горю Елены Терентьевны. почитала однакоже за долгъ утѣшать ее такого рода фразами:

— Ахъ, полноте, милая, не волнуйте свои чувства! Что такое, въ-самомъ-дѣлѣ?... ну, стóитъ ли того вашъ сынъ, позвольте сказать откровенно, чтобъ вы изъ-за него разстраивали себя? Наплюйте на него, милая, просто наплюйте. Не отчаявайтесь. Еще Богъ накажетъ его за васъ. Развлекитесь чѣмъ-нибудь.

— Нѣтъ, ужъ лучше и не говорите мнѣ этого, возражала Елена Терентьевна: — для меня въ жизни нѣтъ болѣе ни утѣшеній, ни развлеченій. Я совсѣмъ убита. Не дай Богъ никому испытать того, что я испытала! Еще я удивляюсь себѣ, какъ я все перенесла это; другую бы давно на моемъ мѣстѣ параличъ прихлопнулъ! Вѣрите ли, я нынче только узнала, что человѣкъ можетъ перенести!...

И, вслѣдъ за тѣмъ, Елена Терентьевна каждой изъ барынь принималась разсказывать отъ начала до конца свою исторію съ сыномъ, въ которой Аркадій Иванычъ являлся точно извергомъ, а она — героиней добродѣтели, женщиной безпримѣрной въ лѣтописяхъ человѣчества. Каждая изъ барынь, слушая этотъ разсказъ, или ужасалась, или восхищалась, смотря по надобности, а въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ подносила платокъ къ глазамъ и увѣряла Елену Терентьевну, что она принимаетъ въ ея положеніи истинное участіе: уѣзжая же отъ Елены Терентьевны, думала: — Ну, ужъ нечего сказать, оба хороши — и маменька, и сынокъ, одна другаго стоитъ!

А Елена Терентьевна, по выходѣ каждой гостьи, обращалась къ барышнѣ и говорила торжественно:

— Видите ли, какъ я умѣла нажить себѣ друзей! Можетъ-быть, Господь посылаетъ мнѣ ихъ за мое доброе расположеніе ко всѣмъ! Вотъ вамъ доказательство. Посмотрите, какъ всѣ меня уважаютъ, какъ всѣ входятъ въ мое положеніе, какое участіе во мнѣ принимаютъ и съ какимъ презрѣніемъ относятся о немъ! Я желала бы, признаюсь, чтобъ слухи объ этомъ дошли до него: пусть бы онъ казнился, узнавъ объ этомъ!

О пріятеляхъ своего сына Елена Терентьевна отзывалась съ большимъ ожесточеніемъ. Она называла ихъ ворами, зажигателями, пьяницами, забулдыгами, шулерами и тому подобными именами. Зюзинскаго же помѣщика

нарекла атаманомъ всѣхъ мерзавцевъ и висѣльникомъ, а село его Зюзино величала не иначе, какъ разбойничьимъ притономъ.

Она написала одно письмо къ Аркадію Иванычу, въ которомъ посылала ему и его женѣ всевозможныя проклятія, а другое къ Марѳѣ Алексѣевнѣ, слѣдующаго содержанія:

«Вы, конечно, думали устроить выгодную для себя спекуляцію, женивъ самымъ подлымъ образомъ моего сына на вашей дочкѣ; вы ошиблись въ своихъ разсчетахъ; знайте напередъ, что я отъ него отреклась и никогда его не пущу къ себѣ на глаза, а онъ ужь состояніе свое собственное все промоталъ на актрисъ, а отъ меня ему ни копѣйки не достанется. Вамъ около него пощечиться будетъ нѐ чѣмъ; онъ самъ скоро пойдетъ съ нищенской сумой, женившись на нищей, и тѣмъ получитъ достойное возмездіе за свои ужасные поступки противъ нѣжнолюбившей его матери, которой онъ вырылъ могилу и устлалъ къ ней путь цвѣтами! И дочь ваша не будетъ счастлива,—вы и не воображайте себѣ этого, потому-что она внесла раздоръ между сыномъ и матерью, и ее ни въ какіе порядочные дома принимать никогда не будутъ, какъ недостойную этого. Всѣ формально сожалѣютъ обо мнѣ, и всѣ, не исключая губернатора и вице-губернатора, принимаютъ во мнѣ самое горячее участіе. Знайте, сударыня, что у меня въ одинъ день перебывало сорокъ-четыре человѣка съ визитомъ, и всѣ единогласно самымъ презрительнымъ образомъ отзываются объ Аркадіи Иванычѣ и о васъ, сударыня, совсѣмъ нелестно поговариваютъ. Вы, рѣшившись отдать замужъ свою дочь за человѣка, который не получилъ отъ своей матери на то благословенія, отлично отрекомендовали себя всѣмъ. Значитъ, въ васъ нѣтъ ни религіи и никакихъ правилъ. Богъ отплатитъ вамъ за меня. Пусть ваши дѣти такъ же поступятъ съ вами, какъ Аркадій Иванычъ поступилъ со мною. Не безпокойтесь: мои молитвы дойдутъ до Всевышняго престола, и Онъ, покровитель всѣхъ страждущихъ и притѣсненныхъ, увидитъ мои кровавыя слезы и пошлетъ мнѣ скорую кончину, о чемъ я Его вседневно и всенощно

умоляю. Тамъ мы увидимся съ вами; тамъ преступный сынъ отдастъ за меня отчетъ отцу своему; тамъ на страшномъ судилищѣ и вы отдадите за меня и за моего сына отчетъ Богу. Прощайте, грубая и безжалостная женщина! веселитесь слезами несчастной, растерзанной вами матери.»

P. S. «Когда меня не будетъ на этомъ свѣтѣ, перечитывайте это письмо почаще съ моимъ сыномъ, а вашимъ зятемъ.»

Отправивъ это посланіе по назначенію, вмѣстѣ съ письмомъ, адресованнымъ на имя Аркадія Иваныча, Елена Терентьевна немного поуспокоилась, собралась въ обратный путь и черезъ два дня прибыла благополучно въ Кривухино.

Вся дворня встрѣтила барыню съ печальнымъ лицомъ и хотя ни слова не говорила, потому-что говорить не смѣла, но самымъ безмолвіемъ умѣла краснорѣчиво показать ей, какъ она объ ней сожалѣетъ.

— Спасибо вамъ, спасибо, говорила Елена Терентьевна, проходя между рядами лакеевъ, бабъ и дѣвокъ:—я вижу, что и вамъ жалко меня: да, пожалѣйте обо мнѣ, голубчики, пожалѣйте!

И Елена Терентьевна, заплакавъ, обратилась къ барышнѣ:

— Видите ли, душенька, сказала она: — даже они, *они*... понимаете ли вы? они не могутъ смотрѣть на меня безъ слезъ и безъ состраданія; всѣ сторонніе наплакались на мои несчастія.—а онъ, онъ зарѣзалъ меня, не проливъ ни одной слезинки. У него, вѣрно, вмѣсто сердца камень въ груди!... Я заслужила любовь послѣдняго холопа и послѣдней холопки въ моемъ домѣ, и не заслужила любви сына!...

Въ-самомъ-дѣлѣ, Аркадій Иванычъ не слишкомъ заботился о маменькѣ. Проживъ нѣсколько дней въ Зюзинѣ, онъ переѣхалъ въ свое отцовское наслѣдіе, въ деревню Грачовку, которая находилась въ тридцати верстахъ отъ села Кривухина, и завелся тамъ помаленьку собственнымъ хозяйствомъ. Первое время онъ никуда отъ

себя не выѣзжалъ, былъ чрезвычайно внимателенъ къ своей женѣ, называлъ ее Глашурочкой и цѣловалъ безпрестанно, сажая къ себѣ на колѣни въ присутствіи своихъ пріятелей. Глаша долго не могла привыкнуть къ своему новому положенію. Она стыдилась мужа; его ласки и нѣжности приводили ее въ величайшее смущеніе; она ни за что не рѣшалась говорить ему *ты*, несмотря на его доводы и убѣжденія; тосковала по матери и часто наединѣ плакала. Все окрестъ ея казалось ей дико и странно. Только одна Ѳеклуша, которая отдана была ей въ приданое, напоминала ей ея дѣвическое житье, и потому она еще болѣе прежняго привязалась къ Ѳеклушѣ.

— Это вѣдь у меня дикарочка изъ Новой Зеландіи, говорилъ обыкновенно Аркадій Иванычъ своимъ пріятелямъ, указывая на жену, хотя, по правдѣ сказать, онъ не зналъ, что это такое Новая Зеландія и гдѣ она находится. — Она у меня только и знаетъ, что краснѣетъ. Вишь, піончикъ какой, право! Да что! еслибъ можно было, я бы вамъ поразсказалъ про нее такія штуки, что просто курамъ смѣхъ!

Письмо, полученное Аркадіемъ Иванычемъ отъ маменьки, не произвело на него большаго впечатлѣнія; за то бѣдная Марѳа Алексѣевна пришла въ совершенное отчаяніе отъ посланія къ ней Елены Терентьевны.

— Разсудите меня, добрые люди, говорила она одной своей родственницѣ, заливаясь слезами: — чѣмъ же я виновна? Вѣдь Аркадій Иванычъ принудилъ меня отдать за него Глашу. Я ее не навязывала ему. Лучше было бы, что ли, еслибъ онъ застрѣлился-то! Ахъ, ты, Господи Боже мой! вишь, говоритъ, будто бы у меня нѣтъ религіи! Что жь я такое, не христіанка, что ли?... И убей меня Богъ, еслибъ я хотѣла поживиться чѣмъ-нибудь, хоть крохой его! Вотъ еще говоритъ: какъ поживешь, такъ и прослывешь. Да что жь я сдѣлала такого дурнаго, что меня такъ позорятъ? Бѣдная моя головушка! Кабы Анисимъ Васильичъ былъ здоровъ, ничего бы этого не было...

— И, полно, родимая, крушиться, возразила родственница: — мірская молва — что морская волна: прильетъ да и отольетъ; рожь-то обмелется, извѣстно мука будетъ. Чего

тебѣ смотрѣть на Алёну Терентьевну... Пусть ее важничаетъ, пусть ее съ жира-то бѣсится.

— Охъ! стонала Марѳа Алексѣевна:—видно, она сама-то Бога не боится, если обижаетъ честныхъ людей. Мнѣ, сердешная ты моя, не за себя больно, а за Глашу... Чѣмъ она, моя голубушка, виновата? Ну какъ, чего добраго, напророчатъ ей несчастіе? Ахъ, ахъ, ахъ! Такъ вотъ сердце-то и обольется у меня кровью, какъ я подумаю объ этомъ.

И точно, Глаша не выходила изъ головы у Марѳы Алексѣевны. Старушка по цѣлымъ часамъ сидѣла пригорюнясь, не обращая вниманія ни на что ее окружавшее и забывая даже о хозяйствѣ. «Безъ нея мнѣ ничто не мило», думала она: «и охоты нѣтъ ни за что приняться, и слово-то перемолвить не съ кѣмъ! Часто Марѳа Алексѣевна приходила въ комнату дочери, садилась на то мѣсто, гдѣ обыкновенно сиживала Глаша, смотрѣла на ея пяльцы, на ея неоконченную работу и шептала сквозь слезы: «все-то это такъ, какъ при ней было; только ее одной нѣтъ, моей голубушки!»

Къ еще большему горю Марѳы Алексѣевны, мѣсяца черезъ три послѣ свадьбы Глаши, Анисимъ Васильичъ внезапно скончался отъ втораго удара, объѣвшись чего-то въ отсутствіе своей супруги. Послѣ его смерти, Глаша увезла неутѣшную маменьку къ себѣ въ деревню.

Пребываніе Марѳы Алексѣевны въ Грачовкѣ сначала не совсѣмъ нравилось Аркадію Иванычу. Въ эту эпоху, отношенія его къ женѣ уже измѣнились. Онъ пересталъ называть ее Глашурочкой, піончикомъ и дикарочкой изъ Новой Зеландіи, а звалъ просто очень хладнокровно Глашей или Глафирой Анисимовной; онъ началъ довольно часто посѣщать уѣздный городъ и иногда проводилъ тамъ по нѣскольку дней. Анна Трофимовна вполнѣ вступила въ свои прежнія обязанности. Она разливала ему и его пріятелямъ пуншъ, и Аркадій Иванычъ, по-прежнему потягивая изъ стакана свой любимый напитокъ, говорилъ ей съ самодовольною улыбкою:

— Ну, видишь ли, глупенькая? чего же ты боялась? Вотъ я и женатъ, а перемѣнился ли я хоть сколько-

нибудь? а? Все такой же. Не правда ли?...—Ну, кто изъ васъ, господа, скажетъ, что я женатъ? Похожъ ли я на женатаго? продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ:—посмотрите, вокругъ насъ все такъ же, какъ бывало: и самоваръ, и коньячокъ, и Аннушка, и вы всѣ: только одинъ, плутъ, измѣнилъ намъ...

— Кто? зюзинскій-то, что ли? воскликнула Анютка:— а куда жь онъ дѣлся?

— Куда! да онъ, каналья, волочится за моей женою... Что вы глаза-то выпучили? ей-Богу!

— А что жь, братецъ? развѣ ты ее не ревнуешь? возразили пріятели.

— Нѣтъ; что ее ревновать! Вѣдь она такая мокрая курица! Ужь я на ея счетъ спокоенъ.

Зюзинскій помѣщикъ, въ-самомъ-дѣлѣ, нѣсколько разъ въ отсутствіе Аркадія Иваныча пріѣзжалъ въ Грачовку и очень увивался за Глашею; но застѣнчивая и неловкая Глаша съ нимъ, какъ и со всѣми, по своему обыкновенію, обращалась холодно, сама не говорила ни слова и даже едва, и то какъ-будто съ досадою, отвѣчала на предлагаемые ей вопросы.

— Зачѣмъ онъ безъ васъ ѣздитъ сюда? однажды замѣтила она мужу: — что мнѣ съ нимъ дѣлать? Скажите ему, чтобъ безъ васъ онъ не ѣздилъ; но Аркадій Иванычъ такъ прикрикнулъ за это на Глашу, что бѣдная Глаша совершенно оторопѣла.

— Ты моихъ истинныхъ друзей не хочешь принимать? Это что̀ такое? что̀ это за капризы? Развѣ ты забыла, чѣмъ ты ему объязана? Не будь его, такъ ты бы, можетъ-быть, и женой-то моей не была: вотъ что я тебѣ скажу! Пора перестать, сударыня, дичиться: пора привыкать тебѣ къ порядочному обществу. Вѣдь я тебя вытащилъ изъ деревушки твоей, изъ этой трущобы—не за тѣмъ, чтобъ ты на всѣхъ этакимъ звѣремъ смотрѣла... какъ ты объ этомъ думаешь?

Глаша скоро наскучила Аркадію Иванычу. Онъ, признаться, недѣли черезъ двѣ послѣ брака началъ уже раскаяваться въ томъ, что женился, и, несмотря на безусловную покорность и безотвѣтность своей жены, не

только не думалъ скрывать отъ нея этого, но еще находилъ особенное удовольствіе давать ей чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что она ему всѣмъ обязана, и что онъ сдѣлалъ ей честь, избравъ ее своею женою...

Сидя дома глазъ-на-глазъ съ нею, онъ не зналъ, что дѣлать; зѣвалъ, потягивался и сердился.

— Ну, что жь ты молчишь? вскрикивалъ онъ наконецъ, отталкивая отъ себя съ досадою чубукъ:— хоть бы когда-нибудь слово сказала!

— Что же вы сердитесь на меня? робко произносила Глаша:—о чемъ же мнѣ говорить, Аркадій Иванычъ?

Аркадій Иванычъ вскакивалъ со стула, выходилъ изъ комнаты, хлопая дверью, и бормоталъ сквозь зубы:—Фу, какая скука! Вѣдь дернула же меня нелегкая...

На Марѳу Алексѣевну, какъ мы замѣтили уже, онъ смотрѣлъ неблагосклонно. Онъ полагалъ, что Глаша жаловалась на него матери, и что старуха гостила въ его домѣ для того, чтобы надзирать за его поступками. Вообще, Аркадій Иванычъ становился необыкновенно раздражителенъ и подозрителенъ. Однажды утромъ, когда онъ уѣзжалъ изъ дома, Глаша, провожая его, спросила безъ всякаго намѣренія:

— Куда это вы такъ часто ѣздите?

Онъ нахмурилъ брови, сердито посмотрѣлъ на нее и закричалъ:

— Куда нужно, туда и ѣзжу, тебѣ что за дѣло! что мнѣ дома-то съ тобой развѣ въ молчанку играть? Конечно, я обязанъ отдавать тебѣ отчетъ, куда я ѣзжу?... Что, ты съ маменькой-то своей подсматриваешь за моимъ поведеніемъ, что ли?

Глаша не произнесла ни слова. Она пошла въ свою комнату, заперлась тамъ отъ маменьки и бросилась на постель, горько заплакавъ. Такого рода сцены повторялись не разъ. Она черезъ Ѳеклушу узнала обо всѣхъ продѣлкахъ Аркадія Иваныча и о его привязанности къ Анюткѣ, но все это скрывала отъ Марѳы Алексѣевны. Въ присутствіи мужа Глаша совершенно терялась. Она начинала бояться его, и всякій разъ, услышавъ его шаги, вздрагивала.

Марѳа Алексѣевна часто сомнительно покачивала головой, глядя на дочь.

— Эхъ-эхъ-эхъ, Глашенька! говорила она ей:—зачѣмъ ты это такъ неласково обращаешься съ мужемъ? Это нехорошо. Вѣдь чѣмъ больше ты будешь угождать ему, чѣмъ чаще будешь ласкаться къ нему, такъ тѣмъ больше онъ будетъ любить тебя. Ужь пора тебѣ, другъ мой сердешный, за умъ взяться. Вѣдь вотъ, слава-те Господи, ты скоро будешь сама матерью, такъ ужь надо тебѣ обо всемъ разсужденіе имѣть. Ты не смотри на то, дурочка, что онъ на тебя сердится: вѣдь онъ на то мужъ. Эка бѣда, что сердится! Посердится, да и перестанетъ, да еще послѣ сердцовъ-то слаще приголубитъ. А развѣ ты забыла, какъ покойникъ-то папенька (вѣчная ему память), бывало, бивалъ меня? Что жь дѣлать? Однако, вспомни ты это, что мы съ нимъ тридцать слишкомъ лѣтъ душа-въ-душу прожили. Можетъ, за Аркадіемъ Иванычемъ и грѣшки какіе-нибудь водятся. (Надо замѣтить, что Марѳа Алексѣевна уже узнала о существованіи Анютки.) Что жь такое? Вѣдь онъ мужчина, а мужчинамъ, ужь извѣстно, все позволяется; и за моимъ покойникомъ водились грѣшки, — не безъ этого, — да, признаюсь, я на это сквозь пальцы смотрѣла. Мужчины, матушка, всѣ одинаковы!... Аркадій Иванычъ и на меня что-то косо посматриваетъ, ужь я вижу это,—ну, да вотъ погоди, дай срокъ, мы съ нимъ объяснимся, такъ авось все пойдетъ ладно.

Марѳа Алексѣевна точно объяснилась съ своимъ зятемъ, и объясненіе это кончилось тѣмъ, что Аркадій Иванычъ обнялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ:

— Ну, Марѳа Алексѣевна, виноватъ передъ вами, признаюсь чистосердечно. Я объ васъ совсѣмъ другихъ мыслей былъ, а вы разсуждаете обо всемъ, то-есть, такъ прекрасно и здраво, что дай Богъ всякому такъ разсуждать!

— Пожила, батюшка, благодаря Бога, довольно, возразила Марѳа Алексѣевна: — такъ успѣла уму-разуму нахвататься... Только вы, голубчикъ мой, Аркадій Иванычъ, не обижайте моей Глашеньки; сами видите, что она еще и молода, и глупа. Не сердитесь на нее, батюшка, не браните ее. Она не станетъ мѣшать

вашимъ удовольствіямъ. Ужъ я-таки ее порядочно пожурила за васъ.

Съ этого дня, Аркадій Иванычъ, къ удовольствію Глаши, началъ очень хорошо и ласково обращаться съ Марѳой Алексѣевной. Поощренный Марѳою Алексѣевною, онъ, черезъ нѣсколько времени послѣ объясненія съ нею, выписалъ Анну Трофимовну къ себѣ въ Грачовку и помѣстилъ ее въ домѣ своего прикащика, отдѣлавъ для этого домъ заранѣе...

Елена Терентьевна, посредствомъ людей, знала все, что дѣлается въ Грачовкѣ, до малѣйшей подробности, и хотя она вообще была несравненно покойнѣе прежняго, но еще при всякомъ удобномъ случаѣ бранила сына, называла свою невѣстку мужичкой, Глашкой, дочерью подлой лапотницы, безпрестанно повторяла и притомъ совершенно не кстати:—Что я? я совсѣмъ убита, я самая несчастная женщина!—и пророчила Аркадію Иванычу всевозможныя бѣдствія. Когда ей донесли о томъ, что Анютка переѣхала въ Грачовку, она не могла скрыть своей радости.

— Я все это предвидѣла, сказала она торжествующимъ голосомъ, обращаясь къ барышнѣ:—я все это знала заранѣе: иначе и быть не могло. Я была увѣрена, что эта мужичка, съ которой его обвѣнчали, на другой же день опротивитъ ему. Что жъ? и вышло по-моему; онъ на нее смотрѣть безъ отвращенія не можетъ. Вотъ вамъ и доказательство: онъ опять обратился къ своей Анюткѣ. Да, что ни говорите, какъ Анютка ни мерзка, а все-таки она во всѣхъ отношеніяхъ не въ-примѣръ лучше его противной супруги.

— А вы слышали, замѣчала барышня: — что зюзинскій помѣщикъ всегда пріѣзжаетъ въ Грачовку какъ нарочно тогда только, когда Аркадія Иваныча нѣтъ дома, и Глафира Анисимовна принимаетъ его такъ, за-просто, въ утреннемъ капотѣ. Ей-Богу, это всѣ ихные люди говорятъ.

— Слышала, матушка, слышала! перебила Елена Терентьевна: — экую вы новость объявили! Объ этомъ ужъ вся губернія говоритъ. Ужъ положимъ, еслибъ она была

еще только дура, да имѣла доброе сердце, хорошую нравственность, ну, тогда бы еще куда ни шло, а то дура, невоспитанная мужичка, — да еще, ко всему этому, развратнаго поведенія.

Всѣ слухи и сплетни о своемъ сынѣ, и въ особенности о своей невѣсткѣ, Елена Терентьевна выслушивала съ жадностью и потомъ, передавая ихъ, еще прикрашивала собственнымъ воображеніемъ. Все это, однако, казалось ей недостаточнымъ. Ей хотѣлось самой побывать въ Грачовкѣ и посмотрѣть на все собственными глазами. Эффектная сцена примиренія съ сыномъ и первая встрѣча съ невѣсткою уже были обдуманы ею. Но какимъ образомъ приступить къ этому примиренію? Ей первой невозможно было протянуть руку преступному сыну, не унижая собственнаго достоинства. Надобно было устроить такъ, чтобъ Аркадій Иванычъ сначала бросился къ ногамъ ея со слезами раскаянія и съ мольбой о прощеніи. Елена Терентьевна могла насытить свою гордость и вполнѣ удовлетворить себя только при видѣ сына, валяющагося во прахѣ у ногъ ея, потому-что высочайшее удовольствіе Елены Терентьевны было повелѣвать и уничтожать. Обдумавъ планъ своихъ дѣйствій, она приступила уже потомъ къ самымъ дѣйствіямъ; призвала къ себѣ барышню, о чемъ-то много и долго совѣщалась съ нею и послѣ совѣщаній отправила ее въ Грачовку...

Въ ту самую минуту, какъ барышня подъѣхала къ крыльцу дома Аркадія Иваныча, онъ лѣниво поднялся съ дивана и, позѣвывая, подошелъ къ своему токарному станку. Аркадій Иванычъ завелъ станокъ, во-первыхъ, для собственнаго развлеченія, ибо онъ ни хозяйствомъ, ни чтеніемъ не занимался, а во-вторыхъ, какъ онъ выражался, для *моціона*, изъ боязни слишкомъ расплыться.

Уже онъ привелъ въ движеніе колесо станка и приступилъ къ обтачиванію деревянныхъ спичекъ для вязанья, о которыхъ его просила Анна Трофимовна, какъ вдругъ скрипъ тихо и осторожно отворявшейся двери отвлекъ его отъ работы. Онъ обернулся назадъ—и изумленнымъ очамъ его предстала робкая и плачевная фигура барышни съ кожанымъ ридикюлемъ въ рукѣ.

— Сокровище вы наше! вскрикнула барышня, уронивъ ридикюль и бросившись къ рукѣ Аркадія Иваныча: — узнаёте ли вы меня, единственный благодѣтель мой? Сколько времени я не имѣла счастья наслаждаться вашимъ присутствіемъ... Дайте мнѣ, голубчикъ, поцѣловать вашу ручку... Позвольте, родной, мнѣ наглядѣться на васъ.

— Какими это судьбами вы очутились здѣсь, матушка? воскликнулъ Аркадій Иванычъ, бросивъ долото и растопыривъ руки.

— Мое всегдашнее желаніе, Аркадій Иванычъ, было видѣть васъ, сказала барышня, приготовляясь заплакать: — повѣрьте, я и ночь, и день объ этомъ только и помышляла, клянусь вамъ Богомъ: я всегда была на вашей сторонѣ, — убей меня Богъ, если я лгу: мнѣ васъ такъ было жалко, голубчикъ вы нашъ, что я и сказать-то вамъ не могу... Да вы знаете вашу маменьку, — безъ ея позволенія я носа никуда не смѣю высунуть изъ дому. Ужь мое житье самое горькое, вамъ это извѣстно. И теперь я тихонько заѣхала къ вамъ; маменька ваша ничего объ этомъ не знаетъ, — ну, да пусть ее сердится, если узнаетъ: я ужь не могла утерпѣть, голубчикъ, чтобъ васъ не видѣть, такъ вотъ сердце-то мое и рвалось къ вамъ...

— Ну, спасибо вамъ, что вы меня вспомнили, перебилъ Аркадій Иванычъ.

— А гдѣ же супруга-то ваша? продолжала барышня. — Дайте мнѣ поглядѣть на нее. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось ее, голубушку, видѣть! Сколько я наслышана объ ней съ самой прекрасной стороны! Всѣ даже сторонніе единогласно не нахвалятся ею. Это, говорятъ, ангелъ доброты... Вѣдь я еще и не видала васъ женатымъ-то: вѣдь я еще и не поздравляла васъ съ вступленіемъ въ законный бракъ... Чувствуетъ ли сердце Глафиры Анисимовны, какъ я люблю ее заочно? Покажите же мнѣ ее, Аркадій Иванычъ!

— Хорошо, хорошо. Я васъ сведу къ ней, погодите немножко. А теперь разскажите-ка мнѣ, что́ новаго въ Кривухинѣ?... Что́ подѣлываетъ, напримѣръ, моя матушка?.. Что, я думаю, она все такъ же ругаетъ меня, какъ прежде?

Барышня вздохнула.

— Нѣтъ, Аркадій Иванычъ, сказала она послѣ минутнаго молчанія: — что напрасно грѣхъ на душу брать; ныньче ужь совсѣмъ не то. Она ужь давно угомонилась и такъ скучаетъ безъ васъ, что ужасть. Послѣднее время все только и тоскуетъ объ томъ, какъ бы, говоритъ, мнѣ еще хоть разочекъ въ жизни увидать его, ей-Богу!

— Зачѣмъ же ей меня видѣть? Вѣдь она на всю губернію прокричала, что я ужь ей не сынъ, что она меня и наслѣдства лишитъ, и Богъ-знаетъ что...

— Да это она только такъ въ-сердцахъ говорила, повѣрьте... Какъ можно отречься отъ единственнаго сына, да еще отъ этакого голубчика! какъ можно лишить васъ наслѣдства, сохрани Господи! У нея теперь этого и въ помышленіи нѣтъ; напротивъ, коли признаться вамъ сказать, — только вы ужь, пожалуйста, меня не выдайте.— она все поджидаетъ, не пріѣдете ли вы къ ней. Она бы все забыла и такъ бы обрадовалась вамъ, что и сказать нельзя... Вотъ ужь больше двухъ мѣсяцевъ, какъ она все хвораетъ, ей-Богу; такая хилая сдѣлалась, что вы ее и не узнаете; все твердитъ мнѣ: я, говоритъ, ужь не жилица на этомъ свѣтѣ. Аркашечка, говоритъ, вспомянетъ меня; я для него, говоритъ, все сберегла; послѣ меня все мое имущество, говоритъ, ему достанется. Вотъ клянусь вамъ, правда! (Барышня перекрестилась, для бо́льшаго доказательства словъ своихъ.) Я это истинно говорю передъ вами, какъ передъ Богомъ; мнѣ лгать нѐ для чего...

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

На лицѣ Аркадія Иваныча изобразилась пріятнѣйшая улыбка. Его обстоятельства были очень разстроены, и мысль о примиреніи съ маменькою блеснула для него лучомъ надежды. Онъ вообразилъ себя уже владѣльцемъ прекраснаго села Кривухина, богатой деревни Шепетиловки и обладателемъ того таинственнаго капитала, о которомъ онъ такъ много слышалъ въ дѣтствѣ. Онъ гордо подбочился, какъ капиталистъ, присвистнулъ, подумавъ: «мы протремъ глаза маменькинымъ-то денежкамъ, лишь бы только онѣ поскорѣй достались!» и потомъ съ необыкновенною привѣтливостью обратился къ барышнѣ, сказавъ:

— Ну, пойдемте же къ женѣ. Я васъ познакомлю съ нею и съ моею тёщею.

Барышня, увидѣвъ Глашу, бросилась къ ней со слезами и съ крикомъ:

— Наконецъ я дождалась радостнаго дня! наконецъ я увидѣла васъ! Позвольте, Глафира Анисимовна, обнять васъ; позвольте поцѣловать вашу ручку, позвольте увѣрить васъ въ моихъ чувствахъ къ вамъ. Я вѣдь на рукахъ носила вашего муженька-то; вѣдь я его выняньчила: я ему солдатиковъ вырѣзывала; я ему гусарскія курточки шила!... Можетъ, мнѣ скоро Богъ приведетъ и вашихъ дѣтокъ забавлять, если вы позволите.

Глаша краснѣла, отнимала у барышни руки, которыя она такъ и рвалась цѣловать, и рѣшительно не знала, что ей дѣлать и отвѣчать.

— Ахъ, какая вы, голубушка, красавица! восклицала барышня: — какіе у васъ прелестные глазки-то! Какіе у васъ волоски-то! Я ужь знала, что у Аркадія Иваныча самый тонкій вкусъ: что ужь если онъ выберетъ себѣ подругу, такъ ужь, вѣрно, это будетъ заглядѣнье! Полюбите меня, родная вы наша, удостойте меня вашимъ вниманіемъ.

Затѣмъ барышня кинулась къ Марѳѣ Алексѣевнѣ и начала разсыпаться передъ нею. Черезъ четверть часа, онѣ пустились въ-запуски тараторить, и сошлись другъ съ другомъ такъ, какъ-будто вѣкъ были знакомы. Узнавъ отъ барышни о томъ, что Елена Терентьевна готова простить и благословить Аркадія Иваныча, если только онъ явится къ ней съ повинною головою, Марѳа Алексѣевна разрыдалась отъ радости, перекрестилась и сказала:

— Ну, слава Богу! лишь бы только поскорѣй это совершилось, у меня бы стопудовая тяжесть отпала отъ сердца! Ужь я, несмотря на старость лѣтъ, пѣшкомъ бы сходила въ Даниловскую пустынь поблагодарить за это Отца небеснаго!

Марѳа Алексѣевна уговорила барышню остаться ночевать въ Грачовкѣ. Глаша сама хлопотала, чтобъ устроить покойнѣе постель барышни. Аркадій Иванычъ все время обращался съ нею необыкновенно-внимательно и ласково.

На слѣдующій день рано утромъ, передъ отъѣздомъ, барышня забѣжала къ Анюткѣ, выпила у ней четыре чашки кофе, расцѣловалась съ нею, увѣрила ее въ неизмѣнности своихъ чувствъ къ ней: поругала вмѣстѣ съ нею Глафиру Анисимовну, посмѣялась надъ Марѳой Алексѣевной, и, возвратясь отъ Анютки, начала собираться въ путь. На прощаньи, барышня принялась благодарить Глашу за ласки и угощенье; опять насильно цѣловала ей руки; называла ее «неоцѣненной хозяюшкой»; клялась, со слезами, что она готова за нее душу положить; что она еще ни къ кому отродясь не чувствовала такого влеченія, какъ къ ней: обнималась съ Марѳой Алексѣевной, говорила ей, что еслибъ ея воля, она вѣкъ бы не разсталась съ нею, такъ полюбила ее, и шепнула Аркадію Иванычу, садясь въ кибитку:—Что жь, вы пріѣдете, голубчикъ, къ маменькѣ-то?

— Посмотримъ, посмотримъ! отвѣчалъ Аркадій Иванычъ.

— Прощайте, душенька! кричала Марѳа Алексѣевна барышнѣ.—Не забывайте же насъ!

— Возможно ли это? Что̀ это вы, голубушка, Марѳа Алексѣевна! пищала ей въ отвѣтъ барышня: — повѣрьте, что я вполнѣ чувствую всѣ ваши ласки и очень хорошо знаю, что я недостойна, чтобъ такія особы занимались мною! Глафира Анисимовна, позвольте еще разочекъ взглянуть на васъ, родная вы наша; позвольте еще поблагодарить васъ за ваше вниманіе и за угощеніе и за все, и Аркадія Иваныча также, и Марѳу Алексѣевну...

Барышня совсѣмъ заболталась, и болтанью ея не было бы конца, еслибъ догадливый кучеръ не ударилъ по лошадямъ. Когда кибитка выѣхала со двора, Марѳа Алексѣевна обратилась къ зятю и къ дочери:

— Ну, ужь какая, право, милая, добрая эта Марья Андревна, сказала она: — и какъ она Глашу-то мою полюбила. Спасибо ей, ей-Богу, спасибо!...

Елена Терентьевна, съ нетерпѣніемъ ожидавшая барышню и еще издалека завидѣвшая ее, выбѣжала къ ней на встрѣчу. Лишь-только барышня выкарабкалась изъ кибитки и вошла въ сѣни, Елена Терентьевна схватила ее.

— Ну, что̀, душенька, спрашивала она: — что̀? какъ

васъ приняли? какъ они живутъ? что́ они дѣлаютъ? что̀ мой милый сынокъ? что̀ моя прелестная невѣстушка? что̀ Анютка?... Пойдемте скорѣй ко мнѣ, въ мою комнату; сбросьте съ себя салопъ, шляпку... Ну, полноте копаться, скорѣй, скорѣй!

Елена Терентьевна потащила за собой барышню.

— Садитесь, душенька, садитесь. Разсказывайте, разсказывайте!

Запыхавшаяся барышня бросилась на стулъ, перевела духъ и залилась, какъ соловей.

Самыми черными красками расписала она житье Аркадія Иваныча, увѣряя, что не могла хладнокровно смотрѣть на него, что, глядя на него, у ней сердце такъ и разрывалось; что Глафира Анисимовна рѣшительно ни на что непохожа; что она не умѣетъ ни поговорить ни о чемъ, ни ступить, ни сѣсть, ни сдѣлать привѣтствія; что у ней прегрязные чулки; что у ея башмаковъ пятки стоптаны; что она сморкается не въ платокъ, а въ косынку, которая надѣта у ней на шеѣ; что это она видѣла собственными глазами; что Анютка въ сравненіи съ нею — королева; что Марѳа Алексѣевна—настоящая деревенская баба; что она и возлѣ дворянокъ-то никогда не сиживала; что у ней нѣтъ ни малѣйшей гордости; что она въ разговорѣ употребляетъ самыя простыя слова; что Анютка пользуется полною благосклонностью Аркадія Иваныча и, помаленьку, забираетъ къ себѣ въ руки все хозяйство; что Аркадій Иванычъ очень жалѣетъ о томъ, что женился, и, вѣроятно, скоро явится въ Кривухино изъявить свое раскаяніе и просить прощенія; что это по всему видно, хотя онъ ей не сказалъ объ этомъ ничего утвердительно.

Елена Терентьевна осталась вполнѣ довольна этимъ отчетомъ и даже поцѣловала барышню.

— Вы прекрасно исполнили мое порученіе, сказала ей Елена Терентьевна: — будьте покойны, я не забыла васъ въ моемъ духовномъ завѣщаніи. Послѣ моей смерти, вы увидите, умѣла ли я цѣнить людей.

Барышня, натурально, принялась увѣрять свою благодѣтельницу, что она служитъ ей не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, а единственно изъ любви и предан-

ности; что она не перенесетъ ея смерти; что она ни за что не захочетъ дожить до этого ужаснаго дня и прочее.

Елена Терентьевна перебила ее:

— Полноте, душенька, полноте! Всѣ мы смертные; да притомъ, что ни говорите, а я чувствую, что мнѣ не долго остается жить... Перестанемте говорить объ этомъ. Вотъ лучше подумайте-ка о томъ, пріѣдетъ ли Аркадій Иванычъ.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, сказала барышня:—я даю вамъ голову на отсѣченіе, что онъ пріѣдетъ—и притомъ въ самомъ скоромъ времени.

— Погадайте-ка мнѣ въ карты объ этомъ, душенька.

Барышня разложила карты—и по картамъ также вышло, что Аркадій Иванычъ долженъ пріѣхать въ самомъ скоромъ времени. Елена Терентьевна успокоилась и начала поджидать сына.

Прошло нѣсколько дней. Онъ, однако, не являлся. Елена Терентьевна начала хмуриться и сказала барышнѣ:

— Видите ли, а его все нѣтъ какъ нѣтъ! Я увѣрена, что онъ и не помышляетъ обо мнѣ, что вы это все выдумали!...

Между-тѣмъ, Аркадій Иванычъ, предвидя, какъ тягостно будетъ его первое свиданіе съ маменькою, все день-за-день откладывалъ поѣздку къ ней, несмотря на бладѣтельныя послѣдствія, которыя онъ ожидалъ отъ этой поѣздки. Наконецъ, послѣ долгихъ и настоятельныхъ просьбъ Марѳы Алексѣевны, подвигнутый, впрочемъ, болѣе мыслью: занять со-временемъ у маменьки денегъ, онъ, не безъ усилія, поборолъ слабость своей воли и отправился съ замирающимъ духомъ въ Кривухино.

При въѣздѣ туда, ему попался на встрѣчу староста Мирошка, который тотчасъ узналъ его, поклонился ему въ поясъ и потомъ опрометью пустился бѣжать на барскій дворъ. У воротъ барскаго дома, на встрѣчу Мирошкѣ попался лакей Ѳомка: Мирошка объявилъ Ѳомкѣ о пріѣздѣ Аркадія Иваныча; Ѳомка, въ свою очередь, сломя голову побѣжалъ къ дому и на крыльцѣ встрѣтилъ горничную Окульку; Ѳомка объявилъ необычайную новость Окулькѣ; Окулька изо всей силы пустилась бѣжать къ барынѣ, съ

крикомъ: Аркадій Иванычъ ѣдетъ! Аркадій Иванычъ ѣдетъ! и, впопыхахъ, наткнулась на барышню. Барышня вскрикнула: неужто? неужто? и, оттолкнувъ Окульку, бросилась сама къ Еленѣ Терентьевнѣ.

— Ѣдетъ, ѣдетъ! кричала барышня.

— Кто? кто? вскрикнула Елена Терентьевна, вздрогнувъ.

— Аркадій Иванычъ!

— Подушки! подушки! закричала Елена Терентьевна, опускаясь въ кресла.

Барышня кинулась въ спальню и, возвратясь оттуда, по приказанію Елены Терентьевны, обложила ее подушками. Елена Терентьевна прислонила голову къ подушкамъ, опустила руки, будто въ изнеможеніи, и очень искусно приняла на себя болѣзненный видъ.

Аркадій Иванычъ неровными шагами вошелъ въ комнату, и, увидѣвъ маменьку, остановился, какъ вкопаный.

— Аркаша! Аркаша! произнесла Елена Терентьевна слабымъ и трогательнымъ голосомъ: — тебя ли я вижу? ты ли это?

Видъ больной и страдающей матери кольнулъ Аркадія Иваныча прямо въ сердце. Онъ вдругъ почувствовалъ къ ней прежнюю жалость: воспоминанія дѣтства охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ, самъ не зная какъ, упалъ передъ матерью на колѣни и сказалъ:

— Да, это я, маменька, это я!

Движеніе Аркадія Иваныча очень понравилось маменькѣ.

— Другъ мой! другъ мой, простонала она: — встань, встань! я не могу тебя видѣть въ такомъ уничиженіи. Обними меня!

Елена Терентьевна прижала сына къ груди своей и омочила лицо его слезами.

— Ты считалъ свою мать—безжалостной, нечувствительной женщиной; теперь ты видишь все, все...

Голосъ Елены Терентьевны прервался отъ рыданій.

— Сядь, голубчикъ, продолжала она черезъ минуту:— сядь противъ меня, дай мнѣ твою руку... Посмотри на меня, Аркаша... Что, хороша я стала? Ты, можетъ-быть, не вѣрилъ слухамъ, а теперь самъ удостовѣрился соб-

ственными глазами, въ какомъ я положеніи. Видишь, другъ мой, я стою на краю могилы... Я не упрекаю тебя,— нѣтъ, я слишкомъ далека отъ этого... Но мнѣ жаль тебя, Аркаша... охъ, какъ жаль! Можетъ, ужь ты и самъ чувствуешь, что ты дурно сдѣлалъ, идя противъ матери. Ахъ, еслибъ я могла только показать тебѣ, что̀ у меня дѣлается внутри, глядя на тебя!

Голосъ Елены Терентьевны снова прервался отъ рыданій и стона.

— Простите меня, маменька! проговорилъ Аркадій Иванычъ сквозь слезы.

— Богъ тебя проститъ! отвѣчала Елена Терентьевна уже болѣе твердымъ голосомъ.—Что же касается до меня, я ужь давно тебя простила. Я не злопамятна, голубчикъ!... Я могла тебѣ совѣтовать, какъ другъ; я могла на тебя сердиться, какъ мать; могла тебя, въ негодованіи, оттолкнуть отъ себя, отречься отъ тебя, — я все могла это. Воля матери неограниченна; но, разъ простивъ, я забыла все прежнее. Мое слово—неизмѣнно. Я строга, это правда; но я умѣю и прощать въ то же время, умѣю и миловать, Аркаша.

Елена Терентьевна остановилась и отдохнула немного.

— Ты не повѣришь, продолжала она черезъ минуту:— какая будетъ радость для всего дома, когда узнаютъ, что мы съ тобой помирились. Вообрази себѣ, дружечикъ, что во все время нашей размолвки я не могла смотрѣть равнодушно на людей. Всѣ они ходили, какъ темная ночь. Всѣ, до послѣдней судомойки, принимали такое участіе во мнѣ, что я тебѣ и сказать не могу. Поблагодари ихъ за это, голубчикъ. Пусть они видятъ, что мы и сердясь любили другъ друга... Марья Андреевна, кто тамъ есть? подите сюда...

Елена Терентьевна позвонила въ колокольчикъ.

Барышня вошла съ потупленною головою.

— Поднимите вашу голову, разсмѣйтесь, полноте печалиться. Видите, у меня теперь, по-прежнему, есть сынъ, который меня любитъ и будетъ исполнять всѣ мои желанія. Объявите объ этомъ всѣмъ въ домѣ; я хочу, чтобъ всѣ знали объ этомъ.

— Ахъ, какія радости! вскрикнула барышня, припрыгнувъ: — я какъ-будто помолодѣла теперь двадцатью годами отъ этой вѣсти, ей-Богу. Голубушка вы наша! Голубчикъ вы нашъ! какое счастіе! я такъ только бы и смотрѣла на васъ да радовалась!

— Ну, милая, произнесла Елена Терентьевна, обращаясь къ барышнѣ:—вотъ вы такъ порывались ѣхать къ Аркадію Иванычу и все сердились, что я васъ не пускаю; теперь я даю вамъ полную свободу; теперь вы можете хоть всякій день ѣздить къ вашему ненаглядному сокровищу, какъ вы его называете.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Ахъ, Боже мой! такъ я увижу ваше хозяйство, Аркадій Иванычъ! Посмотримъ, посмотримъ, какъ-то вы хозяйничаете? Вѣдь я сейчасъ все окритикую... вы знаете, я большая критиканка.

Елена Терентьевна улыбнулась.

— Посмотри на нее, дружочикъ, въ какомъ она восторгѣ; и балагурить ужь начала. Я давно ужь не видала ее въ такомъ расположеніи...

Аркадій Иванычъ передъ обѣдомъ оставилъ на минуту маменьку и вышелъ въ другія комнаты.

Всѣ лакеи и дѣвки бросились къ нему съ поздравленіями и цѣловали его ручку. Аркадій Иванычъ цѣлый день пробылъ въ Кривухинѣ и когда совсѣмъ уже собрался ѣхать домой, Елена Терентьевна проводила его до крыльца и, прощаясь съ нимъ, сказала:

— Ты можешь привезти ко мнѣ свою жену. Я хочу видѣть ее. Скажи ей, чтобъ она не боялась меня, что я не похожа на звѣря...

Возвратясь домой, Аркадій Иванычъ разсказалъ обо всемъ женѣ и Марѳѣ Алексѣевнѣ. Радость Марѳы Алексѣевны была ни съ чѣмъ несравнима. Она и молилась, и плакала, и безпрестанно цѣловала не только дочь, но и зятя. Черезъ день, она, по обѣщанію, отправилась съ лакеемъ и съ дѣвкою пѣшкомъ въ Даниловскую пустынь (хотя отъ Грачовки до пустыни считалось около 40 верстъ) и ни за что не хотѣла слышать, чтобъ за ней, на всякій случай, ѣхалъ экипажъ, какъ Глаша ни упрашивала ее объ этомъ.

Въ то время, какъ Марѳа Алексѣевна молилась въ Даниловской пустыни, Елена Терентьевна, послѣ свиданія съ сыномъ, распускала слухи, будто бы Аркадій Иванычъ, тревожимый муками совѣсти и преслѣдуемый во снѣ какими-то видѣніями, которыя угрожали ему страшною казнію за его поступки съ нею,—пріѣзжалъ къ ней и, умоляя ее о прощеніи, отъ передней до ея спальни проползъ на четвереньках; что она, тронутая его раскаяніемъ, по свойственному ей великодушію, не могла не простить его и даже, скрѣпя сердце, дозволила ему привезти къ себѣ эту мужичку, которую онъ имѣетъ несчастіе называть своею женою, и что, еслибъ не безконечная ея любовь къ этому преступному и недостойному сыну, то она никогда такую тварь не пустила бы на порогъ своего дома. Ко всему этому Елена Терентьевна прибавляла, что ея невѣстка, или та, которую она, по необходимости, должна звать невѣсткою, — настоящее чучело; что она, говорятъ, не только не умѣетъ ходить и говорить по-людски, а даже и сморкается не иначе, какъ въ косынку.

Всѣ эти разсказы съ быстротою молніи разошлись по губерніи. Вся губернія нѣсколько времени только и кричала, что о бѣдной Глашѣ. Люди очень почтенной наружности и весьма горделивой осанки, пользовавшіеся въ губерніи всеобщимъ уваженіемъ, на балахъ и на вечеринкахъ отводили своихъ знакомыхъ въ сторону и таинственно говорили имъ:

— Слышали вы?

— Нѣтъ-съ, что́ такое-съ?

— А невѣстка-то Елены Терентьевны...

— А что́-съ?

— Да неужели вы не слыхали? Гдѣ жь вы живете, помилуйте!

— Умерла, что ли-съ?

— Какое умерла! Она сморкается... ну, вообразите... сморкается... какъ бы вы думали, во что?

— Во что же-съ?

— Въ косынку!

— Возможно ли это? Неужели? Да ужь, полно, не сочинилъ ли это какой-нибудь шутникъ-съ?

— Какой шутникъ! это говоритъ сама ея свекровь; она это видѣла собственными глазами.

При этомъ раздавался всеобщій хохотъ и, затѣмъ, начинались толки объ ужасномъ положеніи Елены Терентьевны, о томъ, что она должна плакаться на себя, ибо причиною всѣхъ ея страданій—сынъ, а сынъ оттого дуренъ, что она его избаловала, а баловство, ужь извѣстно, никогда до добра не доводитъ; что Матрена Аѳанасьевна, жена уѣзднаго предводителя дворянства, будетъ терпѣть со-временемъ отъ своихъ дѣтей точно такую же участь, потому-что она балуетъ ихъ до того, что смотрѣть противно, и т. д.

Между-тѣмъ Елена Терентьевна, разъигравъ сцену примиренія съ сыномъ, приготовлялась къ другой, еще болѣе трудной сценѣ,—къ пріему невѣстки.

Аркадій Иванычъ не замедлилъ явиться съ женою въ Кривухино.

Толпы лакеевъ и дѣвокъ встрѣтили ихъ у крыльца.

Глаша, полуживая, вышла изъ кареты: ни кровинки не было въ лицѣ ея, губы ея были блѣдны, она едва дышала; сердце ея билось и замирало, ноги измѣняли ей. Она прошла сквозь этотъ строй лакеевъ и дѣвокъ, пожиравшихъ ее глазами, какъ приговоренная къ смерти.

Елена Терентьевна, ожидая ее въ гостиной, разговаривала съ барышней такъ только для вида. Когда Аркадій Иванычъ показался на порогѣ комнаты вмѣстѣ съ женою, Елена Терентьевна, не вставая съ креселъ, обратилась къ нему и сказала:

— Ахъ, это ты, другъ мой! Здоровъ ли ты? Очень рада видѣть *тебя* (на мѣстоименіи *тебя* Елена Терентьевна сдѣлала сильное удареніе).

Аркадій Иванычъ подошелъ къ маменькиной ручкѣ, и потомъ подвелъ къ ней жену.

Елена Терентьевна окинула Глашу съ ногъ до головы и бросила быстрый взглядъ на барышню. Барышня поняла этотъ взглядъ и отвѣтствовала на него едва замѣтной, грустной полуулыбкой.

— Здравствуй, *миленькая*, произнесла Елена Терентьевна протяжно и двусмысленнымъ тономъ, величественно

кивнувъ Глашѣ головою:—я давно желала тебя видѣть... Ну, а ты какъ? ты желала меня видѣть?

Глаша не могла ничего отвѣчать. Она только наклонилась, чтобъ поцѣловать руку Елены Терентьевны; но Елена Терентьевна уже предупредила ее и торжественно протянула ей свою руку.

— Что же ты ничего не говоришь, душенька? продолжала Елена Терентьевна:—не бойся меня, не бойся.— я не кусаюсь. Можетъ-быть, твоя маменька напугала тебя и наговорила тебѣ Богъ-знаетъ чего обо мнѣ?

— Нѣтъ, произнесла Глаша:—нѣтъ, моя маменька мнѣ ничего не говорила о васъ.

Слезы закапали изъ глазъ Глаши, и она пошатнулась. Барышня подскочила къ ней и поддержала ее.

— Полно, полно, миленькая, садись... Велите подать ей воды. Успокойся. Я не страшна, нисколько не страшна. Будь только со мною ласкова, привѣтлива, откровенна — и мы, повѣрь, станемъ жить съ тобою дружно. Выпей-ка водицы.

Глаша протянула дрожащую руку къ стакану и едва могла держать его.

— Чего же ты такъ боишься, скажи, пожалуйста? Спроси у своего мужа, или вотъ хоть у нея (Елена Терентьевна указала на барышню): они тебѣ, вѣрно, скажутъ, что я не злая женщина. Я никого въ своей жизни, даже мухи, не обидѣла, миленькая; это не въ моемъ характерѣ. Я только взыскательна къ самой-себѣ, а къ другимъ нисколько. Признаюсь тебѣ, это мой порокъ. Въ моемъ домѣ ты можешь быть какъ у себя; вѣдь мы теперь не чужія. Ужь если я разъ признала тебя своей невѣсткой, такъ ужь это кончено.

Елена Терентьевна тяжело вздохнула и слегка погладила Глашу по головѣ, обтеревъ потомъ руку о платокъ.

Глаша начала дышать нѣсколько свободнѣе. Помертвѣлое лицо ея понемногу одушевлялось и становилось даже прекраснымъ и выразительнымъ. Она взглянула на Елену Терентьевну глазами полными слезъ, какъ-будто умоляя ее о снисхожденіи, и съ дѣтскимъ простодушіемъ,

съ искреннимъ чувствомъ, схватила ея руку и крѣпко прижала къ губамъ своимъ.

Елена Терентьевна улыбнулась благосклонно и, относясь къ Аркадію Иванычу, сказала:

— Твоя жена должна быть предобрая. Это видно, что у нея есть чувства. И потомъ обратилась къ Глашѣ:

— Что жь, ты будешь любить меня, миленькая?

— Если вы позволите, отвѣчала Глаша.

— Я тебя даже буду просить объ этомъ. Ты не чуждайся меня. Я могу быть тебѣ полезной во многомъ. Ты еще неопытна, тебѣ не́ гдѣ было научиться ни свѣтскому обращенію, ни порядочной манерѣ. Все это, если ты захочешь, можетъ придти со-временемъ. Не забудь, что ты теперь вступила въ такое семейство, которое считается первымъ во всей губерніи. Аркадій Иванычъ и по фамиліи, и по всему могъ бы жениться на самой знатной дѣвицѣ... Ну, да видно это неугодно было Богу! Ты должна, миленькая, помнить, что ты ему всѣмъ обязана. Онъ, можно сказать, твой благодѣтель... А что́, ты говоришь по-французски?

— Нѣтъ-съ. Глаша покраснѣла.

— Аркадій Иванычъ! какъ же это? хоть бы ты для нея компаньонку какую-нибудь нанялъ. Вѣдь нельзя же безъ этого, другъ мой. Кто же нынче не говоритъ по-французски? Помилуй!... Я совѣтую тебѣ ею заняться... Какъ же *твоей женѣ* не говорить по-французски?

Въ продолженіи цѣлаго дня, Елена Терентьевна слѣдила за малѣйшими движеніями Глаши и за обѣдомъ шепнула барышнѣ.

— Ради Бога, посмотрите на нее, милая: она и вилки-то не умѣетъ держать какъ слѣдуетъ!

Аркадій Иванычъ чувствовалъ себѣ не совсѣмъ ловко: онъ, Богъ-знаетъ отчего, все конфузился за свою жену, и потому говорилъ мало. Глаша, всегда неразговорчивая, не смѣла разинуть рта, боясь сказать что-нибудь невпопадъ. Присутствіе Елены Терентьевны душило ее. Одна Елена Терентьевна разсыпалась за всѣхъ. Она, поглядывая на Глашу, будто безъ всякаго намѣренія, заводила рѣчи о свѣтѣ, о свѣтскомъ блескѣ, о какихъ-то удиви-

тельныхъ дѣвицахъ съ необычайнымъ умомъ, съ необыкновеннымъ воспитаніемъ, съ плѣнительными манерами, у которыхъ каждый шагъ — прелесть, каждое движеніе — грація, каждый взглядъ—очарованіе; замѣчала мимоходомъ, какъ должны быть счастливы тѣ, которыя имѣютъ такихъ невѣстокъ; съ большимъ презрѣніемъ отзывалась она о мелкопомѣстныхъ дворянкахъ и сожалѣла о грубости ихъ нравовъ и объ ихъ невѣжествѣ. Прощаясь съ Глашею, Елена Терентьевна удостоила ее поцѣлуя и сказала:

— Не забывай же меня, миленькая, навѣщай меня почаще. Ты можешь ко мнѣ когда-нибудь и безъ мужа пріѣхать.

— Милости прошу къ намъ, маменька, робко замѣтила Глаша.

— Хорошо, я постараюсь быть у васъ.

— Пожалуйста же, возразилъ Аркадій Иванычъ: — пріѣзжайте. Мы васъ будемъ ждать.

— Непремѣнно, непремѣнно, мое сердце, — будь покоенъ, я пріѣду къ *тебѣ*. (На мѣстоименіи *тебѣ* Елена Терентьевна опять сдѣлала значительное удареніе.)

Когда Аркадій Иванычъ и Глаша уѣхали, Елена Терентьевна пожала плечами, покачала головой, вздохнула и обернулась къ барышнѣ:

— Что̀ мнѣ остается сказать послѣ этого? Да гдѣ же у него были глаза? Какое это на него ослѣпленіе нашло? чѣмъ это... чѣмъ это, спрашиваю я васъ, она могла плѣнить его? Господи Боже мой! я тутъ и ума приложить не могу. Это для меня просто загадка! Вотъ ужь правду говорятъ: полюбится сатана лучше яснаго сокола́. Еще, по вашему описанію, я всетаки воображала, что она хоть на что-нибудь похожа; вы еще слишкомъ благосклонно смотрѣли на нее. Помилуйте, что̀ это такое?... Дурна, какъ смертный грѣхъ; глупа, безчувственна, какъ вотъ этотъ столъ (Елена Терентьевна съ гнѣвомъ постучала по столу); необразована, неуклюжа, презлое выраженіе въ лицѣ, ножища въ два аршина, таліи никакой, одѣта уродомъ, шея длинная, безобразная... Ай да Аркадій Иванычъ! ай да утѣшитель мой! Спасибо ему,—подарилъ мнѣ невѣстушку!... И еще слышали вы, душенька: она осмѣ-

ливается называть меня *маменькой!* Какъ вамъ это нравится? Дурища этакая! Я, я — ея маменька!... Да я барыня всегда была, и вѣкъ останусь барыней, а она что́? Милости прошу, говоритъ, *къ намъ*. Каково: *къ намъ!* Вѣдь она, этакая дрянь, ужь теперь Богъ-знаетъ что́ о себѣ воображаетъ!...

Елена Терентьевна умолкла на мгновенье, и потомъ, воздѣвъ руки горѐ, воскликнула пронзительнымъ и раздирающимъ голосомъ:

— Боже мой! Боже мой! Какой тяжелый, какой страшный крестъ судьба наложила на меня! И за что̀? за что̀, — скажите? Нѣтъ, я не перенесу этого, не перенесу!

Она въ судорогахъ бросилась на диванъ, закрыла лицо руками и зарыдала.

Глава IV.

Марѳа Алексѣевна возвратилась съ богомолья больная, и тотчасъ слегла въ постель. Испуганная Глаша ни на шагъ не отходила отъ нея. На другой день, Аркадій Иванычъ послалъ кибитку за своимъ пріятелемъ, уѣзднымъ лекаремъ. Лекарь пріѣхалъ, посмотрѣлъ на больную, пощупалъ ея пульсъ, прописалъ ей лекарство и сказалъ Глашѣ:

— Ничего-съ, ничего-съ; будьте покойны: это такъ только, ничего-съ, легонькая простуда.

И вслѣдъ за тѣмъ, по приглашенію Аркадія Иваныча, отправился къ Анюткѣ на стаканчикъ пунша.

Марѳа Алексѣевна не спускала глазъ съ Глаши, гладила ее по головѣ и твердила:

— Ты не тревожься, голубушка моя. Что̀ такое? я ужь не такъ же больна. Вотъ посмотри: я завтра же утромъ встану, да пройдусь по комнатѣ.

Марѳа Алексѣевна повторяла это всякій день, и такъ проходили дни за днями, а она всетаки не вставала съ постели. Она хотѣла скрыть свою болѣзнь отъ Глаши и каждое утро говорила ей:

— Ну, вотъ мнѣ сегодня и получше, Глашенька!

Но болѣзнь ея развивалась быстро. Однажды къ вечеру ей сдѣлалось такъ плохо, что Глаша, не раздѣваясь, всю ночь напролетъ просидѣла у ея изголовья, и въ эту ночь мысль лишиться матери въ первый разъ пришла ей въ голову. Кровь остановилась у ней въ сердцѣ отъ этой мысли и дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Нѣсколько минутъ Глаша пробыла въ совершенномъ безпамятствѣ.

Марѳа Алексѣевна лежала въ забытьи. Дыханіе ея было едва слышно. Глаша, придя въ себя, съ боязнью посмотрѣла на исхудавшее лицо матери, стала на колѣни передъ ея постелью и тихонько поцѣловала ея ноги.

— Меня никто не любитъ, кромѣ ея! подумала она:— маменька! маменька! что же будетъ со мною безъ тебя?

Долго простояла она такъ въ тяжкомъ раздумьи, вздрагивая при малѣйшемъ движеніи больной. Въ домѣ всѣ спали сномъ непробуднымъ, кромѣ Глаши. Мертвая тишина окружала ее. Передъ темнымъ, стариннымъ образомъ Спасителя, въ узорчатой серебряной ризѣ, передъ тѣмъ самымъ образомъ, которымъ Марѳа Алексѣевна благословила Глашу, теплилась лампада, разливая въ комнатѣ красноватый, печальный полусвѣтъ; на стѣнѣ колебалась длинная тѣнь отъ лампады. Огонекъ въ лампадѣ, вспыхнувъ въ послѣдній разъ, ярко озарилъ икону. Въ эту минуту больная застонала, Глаша едва внятно прошептала:

— Господи! Господи! спаси ее!

И упала передъ образомъ, утопая въ слезахъ.

На другой день, когда лекарь пріѣхалъ, она бросилась къ нему на встрѣчу.

— Послушайте, сказала она ему, схвативъ его за руку съ смѣлостью, которую придало ей отчаяніе: — маменькѣ съ каждымъ днемъ хуже. Она опасно больна. Можетъ-быть, даже нѣтъ надежды къ ея выздоровленію; не скрывайте отъ меня этого. Скажите мнѣ прямо все.

Она не договорила, и, въ ожиданіи отвѣта, посмотрѣла пристально на лекаря, думая прочесть на его лицѣ приговоръ свой. Лекарь немного смѣшался, потому-что онъ

рѣшительно не понималъ болѣзни Марѳы Алексѣевны, а лечилъ ее такъ, какъ и всѣхъ, на *авось*.

— Нѣтъ-съ, ничего-съ, отвѣчалъ онъ:—это все пройдетъ; вотъ позвольте, я посмотрю ее.

Лекарь, сопровождаемый Глашею, вошелъ въ комнату больной.

Марѳѣ Алексѣевнѣ было очень тяжело. Она лежала въ страшномъ жару. Лекарь, по обыкновенію, пощупалъ ея пульсъ, потомъ съ семинарскимъ педантствомъ потеръ себѣ лобъ, какъ-бы размышляя о чемъ-то, хотя онъ не размышлялъ ни о чемъ; потомъ принялся писать рецептъ съ глубочайшею важностью.

— Ну, что? спросила его Глаша.

— Да ничего-съ; конечно, она трудновата-съ; сегодня даже какъ-будто ей похуже; впрочемъ, я пропишу ей лекарство, отъ котораго, надо думать, она получитъ облегченіе.

И, прописавъ лекарство, лекарь, по обыкновенію, отправился съ Аркадіемъ Иванычемъ выпить стаканчикъ пунша къ Анюткѣ.

— Если больной нашей будетъ хуже-съ, сказалъ онъ, уходя: — такъ вы извольте послать за мной; я не уѣду отсюда-съ; я буду здѣсь недалечко.

Черезъ два часа послѣ этого, Марѳа Алексѣевна почувствовала себя такъ дурно, что потребовала священника. Священникъ, изъ ближайшаго села, пріобщилъ ее святыхъ тайнъ. Къ ночи у ней сдѣлался сильный бредъ.

Лекарь стоялъ у постели больной, но онъ ужь формально не могъ принять никакихъ мѣръ: ему самому Богъ знаетъ что мерщилось, и языкъ его едва шевелился, потому-что Аркадій Иванычъ и Анютка угостили его не однимъ стаканчикомъ.

— Глаша! Глаша! говорила Марѳа Алексѣевна:—Богъ тебѣ милости прислалъ. Я за тебя молилась святымъ угодникамъ... Я только-что пришла. Ахъ, какъ я устала, устала! Шутка ли, сорокъ верстъ пѣшкомъ пройдти? Дайте мнѣ пить... Бога ради, пить!

Она воображала себя въ Сычихѣ, и ей безпрестанно грезился Анисимъ Васильичъ.

— Вотъ онъ, родимый, стоитъ! Вотъ онъ! говорила она.

Къ утру Марѳа Алексѣевна пришла въ память. Она начала крестить и цѣловать Глашу и говорила, смотря на Аркадія Иваныча:

— Не оставьте ее, не покиньте ее! Глаша моя, Глаша моя, гдѣ ты?

Глаша, какъ безумная, припала къ умиравшей, обняла ее крѣпко и вскрикнула:

— Маменька! маменька! Нѣтъ, вы не покинете меня! Я не дамъ вамъ умереть!

Аркадій Иванычъ заплакалъ.

Лекарь, потирая руки, говорилъ, хотя его никто не спрашивалъ:

— Нехорошо-съ, нехорошо-съ! Теперь ужь нѣтъ никакой надежды; болѣзнь приняла весьма крутой и неожиданный оборотъ.

Бредъ у больной увеличился и не прекращался до самой ея смерти. Когда ноги у Марѳы Алексѣевны совсѣмъ охолодѣли и пульсъ пересталъ биться, лекарь подошелъ къ ней, посмотрѣлъ на нее пристально, покачалъ головою и прошепталъ:

— Все кончено-съ.

— Все кончено! повторила машинально Глаша, не двигаясь съ мѣста.

И съ этой минуты, до того времени, какъ старушку опустили въ могилу, ни одной слезы не показалось на глазахъ Глаши; но на нее было страшно смотрѣть.

На похоронахъ Марѳы Алексѣевны больше всѣхъ выла, кричала и металась барышня. На другой же день послѣ похоронъ она разсказывала Еленѣ Терентьевнѣ:

— Представьте себѣ, родная, у Глафиры-то Анисимовны во все время ни одной слезинки не выкатилось,— ей-Богу, тогда-какъ всѣ сторонніе рыдали. Она стояла у гроба совершенно вотъ какъ истуканъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А еще дочь!

— Чему тутъ удивляться? возразила Елена Терентьевна: — она настоящій камень, да еще самый простой, знаете—булыжникъ! Но ужь если нѣтъ чувства, то хоть бы изъ приличія, безсовѣстная, натерла себѣ лукомъ глаза.

Послѣ смерти Марѳы Алексѣевны начались для Глаши страшныя испытанія. Анютка вышла на передній планъ и забрала къ себѣ въ руки все хозяйство. Вся дворня, не обращая никакого вниманія на Глашу, ухаживала за Анюткой, какъ за барыней. Анютка гордо посматривала на Глашу и, нарочно передъ нею, старалась выказывать свою власть. Если Глаша, впрочемъ уже не входившая ни во что въ домѣ, иногда что-нибудь приказывала, Анютка непремѣнно противорѣчила ея волѣ, и если лакей или дѣвка возражали Анюткѣ: «Да вѣдь мы не виноваты, Анна Трофимовна; это приказала Глафира Анисимовна»,—

— Вотъ еще Глафира Анисимовна! кричала Анютка:— экая важность! Что̀ мнѣ такое ваша Глафира Анисимовна!

Барышня безпрестанно начала ѣздить изъ Кривухина въ Грачовку, подъ предлогомъ особенной любви къ Глафирѣ Анисимовнѣ, а собственно для того только, чтобъ сплетничать и клеветать на бѣдную Глашу.

Елена Терентьевна только раза два или три была въ гостяхъ у сына, и каждый свой пріѣздъ, вѣроятно, не безъ умысла, обращалась при Глашѣ съ Анюткой очень ласково.

— Здравствуй, милая Аннушка, говорила она ей, когда та подходила къ ея ручкѣ: — ну, какъ ты поживаешь? Давно я тебя не видала...

— Какая она стала хорошенькая, продолжала Елена Терентьевна, обращаясь къ сыну, и въ особенности къ невѣсткѣ:—какая бѣленькая,—и какъ она прилично себя держитъ, какія у нея порядочныя манеры! Ей-Богу, она въ тысячу разъ лучше иныхъ *такъ-называемыхъ* барынь и барышень.

На Глашу Елена Терентьевна постоянно поглядывала иронически и въ обращеніи съ нею обнаруживала ту оскорбительную и двусмысленную привѣтливость, какую обыкновенно обнаруживаютъ высшіе въ обращеніи съ низшими: къ Аркадію же Иванычу, напротивъ, изъявляла удивительную нѣжность, какъ въ старые годы, и даже ссужала его въ займы деньгами, приговаривая:

— Возьми, дружочекъ,—вѣдь это твое же. Я не хочу, чтобъ у насъ было что-нибудь раздѣльное.

Когда одинъ разъ Аркадій Иванычъ спросилъ у маменьки:

— Что это вы, маменька, такъ рѣдко къ намъ ѣздите?

Елена Терентьевна, вздыхая, отвѣчала:

— Ты знаешь, мое сердце, что я, по моимъ чувствамъ, готова была бы всякій день бывать у тебя; но вѣдь ты не одинъ, а я замѣчаю, что жена твоя старается отдаляться отъ меня, смотритъ на меня какъ-то странно, какъ-будто ей непріятны мои посѣщенія. Что жь? Богъ съ ней! вѣдь она хозяйка въ твоемъ домѣ: она имѣетъ полное право принимать у себя только тѣхъ, кого ей угодно, кто ей нравится. Я никого въ жизни своей собой не безпокоила и ее безпокоить не буду.

— Помилуйте, маменька, возразилъ Аркадій Иванычъ, нѣсколько обиженный:—какъ же моей женѣ могутъ быть непріятны ваши посѣщенія? Кто въ домѣ у насъ старшій: я или она? До-сихъ-поръ, слава Богу, я себя считалъ хозяиномъ въ домѣ. Она, безъ моей воли, ничего не смѣла дѣлать. Она должна такъ думать, какъ я думаю, а не такъ, какъ ей хочется. Къ тому же, повѣрьте, ей и въ мысль не приходило отдаляться отъ васъ. Это вамъ, вѣрно, такъ показалось, потому-что она, знаете, такая робкая.

— Нѣтъ, другъ мой, перебила Елена Терентьевна:— позволь мнѣ сказать откровенно, — на это, кажется, я имѣю полное право, какъ мать и какъ другъ, — ты совсѣмъ не такъ смотришь на свою жену. Она совсѣмъ не такая скромненькая и тихонькая, какъ ты себѣ вооображаешь: повѣрь моей опытности. Я хорошо знаю людей и свѣтъ, и до-сихъ-поръ, благодаря моего Бога, никогда не ошибалась въ людяхъ. Она еще насъ съ тобой проведетъ, не безпокойся. Я очень хорошо понимаю, *почему* она не взлюбила меня!... А если бъ она приняла сначала, какъ слѣдуетъ, мои радушные совѣты; если бъ она захотѣла слушаться меня и довѣрилась бы мнѣ, повѣрь, мое сердце, я бы ее въ какіе-нибудь полгода такъ передѣлала, что ты бы ее и не узналъ, — тогда бы ее не стыдно было показать никому. Но что же дѣлать? вѣрно, у ней нѣтъ желанія образовать себя и сдѣлаться настоящей барыней. Возвышенныя чувства нельзя вложить насильно, если они

не даны природою! Я, съ своей стороны, въ отношеніи къ ней, Аркаша, сдѣлала все, — ты былъ свидѣтелемъ этому; ты это видѣлъ, и, конечно, не захочешь отпереться отъ этого. Я имѣла намѣреніе приблизить ее къ себѣ, какъ дочь; я ободрила, обласкала ее. Ей неугодно было удостоить вниманіемъ мою ласку. Богъ съ ней! я не виновата. Она ужь на меня, кажется, пожаловаться не можетъ. Я рада, что, покрайней-мѣрѣ, совѣсть моя чиста и въ этомъ отношеніи!

Аркадій Иванычъ задумался.

— Вы точно говорите правду, маменька, произнесъ онъ черезъ минуту. — Но я заставлю ее быть къ вамъ внимательнѣе и почтительнѣе...

— Бога ради, Бога ради, не дѣлай этого! снова перебила Елена Терентьевна: — я не хочу ее еще больше вооружить противъ себя. Она еще, чего добраго, подумаетъ, что я тебѣ наговариваю на нее, и послѣ, пожалуй, будетъ на меня жаловаться своимъ *короткимъ знакомымъ*. (Послѣднія слова Елена Терентьевна выговорила съ особеннымъ эффектомъ.)

— Да какіе же у ней такіе короткіе знакомые? воскликнулъ удивленный Аркадій Иванычъ.

— Такъ ты полагаешь, что у ней нѣтъ *короткихъ знакомыхъ!* А, можетъ быть, и *есть!* кто это знаетъ, дружочикъ? Ну, да объ этомъ мы хорошенько поговоримъ когда-нибудь послѣ... А скажи мнѣ, правду ли говорятъ, будто она тяжела?

— Да, это правда, отвѣчалъ Аркадій Иванычъ, не понимая глубокознаменательнаго и таинственнаго тона маменьки и посмотрѣвъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Ты въ этомъ *точно* увѣренъ, мой милый? Стало-быть, ты скоро будешь отецъ?

Елена Терентьевна подозрительно улыбнулась.

— Я не понимаю васъ, маменька, сказалъ Аркадій Иванычъ:—вы все какъ-будто хотите что-то сказать мнѣ и не договариваете. Ради Бога, объяснитесь.

Но Елена Терентьевна наотрѣзъ отказалась отъ всякихъ объясненій. Она только крѣпко пожала руку сына и произнесла торжественнымъ голосомъ:

— Что̀ бъ ни случилось съ тобою, какъ бы ты ни былъ пораженъ и огорченъ, мой ангелъ, — вѣрь, что на груди своей матери ты всегда найдешь успокоеніе во всѣхъ печаляхъ. Аркаша! Аркаша! никто больше и сильнѣе меня не любитъ тебя,—и не можетъ любить. Ты въ этомъ убѣдишься, когда меня не будетъ!

Елена Терентьевна задала до времени Аркадію Иванычу загадку о женѣ и заронила въ него сомнѣніе. Этого только покуда и хотѣлось ей.

Аркадій Иванычъ сталъ сердито и подозрительно посматривать на Глашу, хотя рѣшительно не понималъ, какъ и въ чемъ онъ долженъ подозрѣвать ее. Онъ еще болѣе прежняго сталъ придираться къ ней, еще грубѣе и безжалостнѣе началъ оскорблять ее, не только наединѣ, но при всей своей дворнѣ. Онъ забывалъ всякія приличія: пировалъ до разсвѣта съ своими пріятелями и съ Анюткой въ саду, противъ самыхъ оконъ жены; пьяный, буйствовалъ и стрѣлялъ изъ пистолета въ цѣль, при визгѣ Анютки и при громѣ рукоплесканій пріятелей; приглашалъ къ себѣ гостить уѣзднаго лекаря, на котораго Глаша не могла смотрѣть равнодушно, считая его убійцею своей матери, и требовалъ отъ нея, чтобъ она какъ-можно-ласковѣе обращалась съ нимъ.

Глаша, въ безотрадномъ одиночествѣ, переносила все безмолвно и безропотно. Никто не слыхалъ ея жалобъ; никто не видалъ ея слезъ, никто не замѣчалъ и не понималъ ея страданій. Она боялась всѣхъ въ домѣ, не исключая и своей Ѳеклуши, которая, хотя и лицемѣрила ей въ глаза, но давно предала ее и перешла на сторону сильной, то-есть на сторону Анютки. Но болѣе всѣхъ Глаша боялась барышни, несмотря на то, что та ласкалась и подольщалась къ ней по-прежнему. Сплетни и клеветы барышни не могли не обнаружиться.

Отдаляясь постепенно отъ всѣхъ этихъ ненавистныхъ ей существъ, убѣгая изъ опостылѣвшаго ей дома, Глаша часто бродила въ лѣсу и по полямъ. Тамъ ей было легче и свободнѣе; тамъ она начала сдружаться съ природою, на которую до сей минуты смотрѣла равнодушно и безучастно. Горе и страданія развивали дѣятельность души

ея, ибо безъ страданія человѣкъ не возвышается до пониманія Божіихъ тайнъ, которыя отовсюду окружаютъ его.

Глаша начала прислушиваться сначала съ любопытствомъ, потомъ съ страннымъ волненіемъ, къ таинственному шопоту лѣса въ вечерній часъ и къ однозвучному стрекотанію насѣкомыхъ въ травѣ, и къ журчанію рѣчки, которая, какъ стальная полоса, сверкала между ивовыхъ кустарниковъ. Она засматривалась на золотыя волны колосившейся степи; она по цѣлымъ часамъ просиживала у озера, глядя, какъ поверхность его, подернутая потухавшимъ румянцемъ вечерней зари, мало-по-малу синѣла, какъ стая дикихъ утокъ пролетала въ этотъ часъ надъ озеромъ, какъ огонекъ зажигался вдали, то потухая, то опять вспыхивая. Торжественность ночи охватывала ее. Она съ жадностью вдыхала въ себя ночную свѣжесть и благоуханіе, задумываясь болѣе и болѣе.

Глашѣ казалось необъяснимымъ, отчего же эта самая природа была доселѣ мертва для нея и не производила на нее никакого впечатлѣнія? Это былъ первый шагъ къ сознанію,—первый внутренній вопросъ, возникшій въ ней.

А между-тѣмъ, съ каждымъ днемъ все въ природѣ становилось для нея понятнѣе и, одушевляясь болѣе и болѣе, сливалось для глазъ ея и для слуха въ одну чудную гармонію. И иногда, смятенной, чудилось ей, будто этотъ лѣсъ, это озеро и эти поля, засѣянныя хлѣбомъ, или покрытыя цвѣтами, нашептываютъ ей какія-то невѣдомыя, но отрадныя рѣчи. Чувство таинственнаго и безконечнаго начинало проникать грудь ея. Слезы невольно, безъ всякой причины, катились изъ глазъ ея—и изъ глубины пробужденной души возникала молитва. Глаша въ первый разъ молилась и плакала... въ лѣсу и въ полѣ!

Прогулки ея становились все чаще и продолжительнѣе. Она полюбила свое одиночество и не хотѣла быть съ людьми. Въ ней даже зародилось враждебное чувство къ людямъ, ибо, въ простотѣ своего сердца, она думала, что всѣ люди должны быть таковы, какъ тѣ, которые окружали ее.

Частыя отлучки Глаши изъ дома не могли не быть замѣчены. Объ этомъ сейчасъ начались толки. Анютка, по секрету, шепнула барышнѣ, что Глафира Анисимовна ходитъ на свиданіе съ зюзинскимъ помѣщикомъ; барышня, по секрету, сообщила объ этомъ Еленѣ Терентьевнѣ. Елена Терентьевна, по секрету, разсказала о такомъ ужасномъ поведеніи своей невѣстки цѣлой губерніи. Наконецъ, съ прикрасами и съ преувеличеніями, эти слухи дошли и до Аркадія Иваныча.

Аркадій Иванычъ, вышедъ изъ себя, прошепталъ, задыхаясь:

— А, такъ вотъ что! Теперь только понялъ я намеки маменьки!... Вишь невинность какая! Хорошо же! — И, какъ звѣрь, бросился въ комнату Глаши.

У Глаши замеръ духъ, когда она взглянула на вбѣжавшаго къ ней въ комнату мужа.

Аркадій Иванычъ схватилъ ее за руку съ такою силою, что она не могла не вскрикнуть отъ боли.

— Что̀ вы это, сударыня, такое затѣяли? А! что̀ это вы такое? заревѣлъ онъ, дрожа отъ бѣшенства и кидая на нее грозные взгляды.

— Я? сказала Глаша: — что̀ такое я затѣяла? Я не понимаю васъ.

— А! вы меня не понимаете! вы корчите нарочно этакую дурочку, чтобъ прикрывать мнимою невинностью свои безстыдные поступки. Вы думаете провести меня, меня... Ахъ, ты этакая! Посмотримъ, кто кого проведетъ! Я до-сихъ-поръ вамъ прощалъ все, все... но теперь...

— Но что̀ же такое я сдѣлала? спросила Глаша.

— Что̀ вы сдѣлали? вы? И вы еще имѣете наглость спрашивать меня объ этомъ? Во-первыхъ, какъ вы обращались съ моею матерью? Какъ вы отвѣчали на ея ласку, на ея привѣтливость? Вы едва удостоивали ее вниманіемъ: вы, говорятъ, еще осмѣливались показывать ей, что вамъ непріятно ея присутствіе... А понимаете ли вы, какая разница между нею и вами?... Она богата, образована, умна, хорошей фамиліи... а ты что?

Аркадій Иванычъ скорчилъ презрительную гримасу.

— Что̀ я не богата, не умна и не образована, замѣ-

тила Глаша:—такъ я въ этомъ не виновата, Аркадій Иванычъ. Зачѣмъ вы не видѣли этого прежде? Зачѣмъ же вы женились на мнѣ? А съ маменькой вашей я обращалась, кажется, какъ могла почтительно, несмотря на то, что она явно смѣялась надо мною въ глаза.

— Такъ ты еще смѣешь винить мою мать? Такъ, по твоему сужденію, она виновата? Ну, да не въ этомъ дѣло, не въ этомъ... А скажи-ка мнѣ вотъ что: гдѣ ты изволишь шляться-то по цѣлымъ часамъ? Тебя, вѣдь, говорятъ, по цѣлымъ часамъ нѣтъ дома?

— Да я и не запираюсь въ этомъ, сказала Глаша: — я хожу гулять.

— Гулять? Одна-то одинёхонька! Покорно прошу! Гулять! И ты полагаешь, что я такъ глупъ, что этому повѣрю? Съ какою же, напримѣръ, цѣлью дѣлаются эти прогулки?

Глаша съ удивленіемъ посмотрѣла на мужа.

— Съ какою же цѣлью? Я гуляю такъ, безъ всякой цѣли.

— Конечно, для того, чтобъ восхищаться природой: луной, цвѣточками и кусточками?

Аркадій Иванычъ захохоталъ во все горло.

— Какъ это правдоподобно! Хоть бы ты лгать-то выучилась получше.

— Нѣтъ, я никогда не лгала, я не умѣю лгать, Аркадій Иванычъ, и не заслуживаю того, чтобъ вы оскорбляли меня. Съ какою же цѣлью я могу гулять? скажите мнѣ.

— Съ какою? А? ты еще запираешься! Хорошо же, я тебѣ все выскажу: ты увидишь, что меня обмануть трудно, что не только какая-нибудь глупая и распутная баба, а еще тотъ человѣкъ не родился, который меня обмануть можетъ! Ты, сударыня, таскаешься за тѣмъ, что у тебя назначены свиданія съ зюзинскимъ помѣщикомъ; ты шляешься для того, чтобъ тамъ съ нимъ въ лѣску амуриться. Я все знаю!

И Аркадій Иванычъ, крича, съ гнѣвомъ размахивалъ рукою.

— Я тебя убью прикладомъ ружья, если только когда-нибудь поймаю съ нимъ, да и его, каналью, застрѣлю, даромъ, что онъ мнѣ пріятель! Слышишь ли?... Маменька правду мнѣ говорила, называя тебя потаскушкой, а я еще имѣлъ глупость заступаться за тебя! Ты еще не знаешь меня! Я тебѣ докажу, что̀ я такое! Я сдѣлаю съ тобою то, чего тебѣ, голубушка, и во снѣ не пригрезится. Я прикую тебя цѣпью въ этой комнатѣ. Ты у меня носа отсюда не высунешь; я не велю тебѣ давать ни чулковъ, ни башмаковъ; я велю придѣлать желѣзныя рѣшетки къ твоимъ окнамъ... Я вѣдь мужъ твой, мужъ! Понимаешь ли ты это? Я съ тобой, знаешь, что̀ сдѣлаю... Аркадій Иванычъ задыхался отъ ярости.

Глаша выслушала все это, смотря прямо въ глаза Аркадію Иванычу. Въ эту минуту трудно было узнать робкую Глашу. На лицѣ ея не было ни малѣйшаго признака боязни: лицо ея выражало благородство и рѣшимость. Постоянныя клеветы и оскорбленія пробудили въ ней наконецъ что-то похожее на чувство человѣческаго достоинства.

— Вамъ оклеветали меня, я ничего не сдѣлала противъ васъ дурнаго, сказала она довольно-твердымъ и спокойнымъ голосомъ, хотя силы уже начинали измѣнять ей:— я до-сихъ-поръ во всемъ повиновалась вашей волѣ и съ покорностью переносила все; но теперь, послѣ того, что̀ вы сказали мнѣ, я ужь не могу оставаться въ вашемъ домѣ... Но мнѣ ничего вашего не нужно: я пойду по міру, буду просить милостыни; мнѣ будетъ легче кормиться милостыней, чѣмъ жить въ вашемъ домѣ. Вы меня оскорбляете, но Богъ меня не оставитъ.

И Глаша сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Въ ея словахъ было столько простоты, въ ея движеніи было столько рѣшительности, что, пораженный всѣмъ этимъ, Аркадій Иванычъ, не произнеся ни слова, посторонился, далъ ей дорогу и съ недоумѣніемъ началъ смотрѣть ей въ слѣдъ. Но Глаша не могла дойти даже до двери, глаза ея помутились, она только прошептала:

— Маменька! маменька! Зачѣмъ ты оставила меня?— и безъ чувствъ грохнулась на полъ.

Аркадію Иванычу вдругъ стало жаль Глаши. Онъ подумалъ:—А что, если, въ-самомъ-дѣлѣ, говорятъ про нее напрасно? Можетъ-быть, она ни душой, ни тѣломъ не виновата... Но зачѣмъ же гулять ей одной? Что ей дѣлать въ лѣсу и въ полѣ?

Аркадій Иванычъ не могъ никакъ повѣрить, чтобъ можно было гулять единственно для того, чтобъ восхищаться цвѣточками и кусточками, какъ онъ выражался. Раздираемый сомнѣніемъ и ревностью, испуганный, потому-что Глаша лежала передъ нимъ на полу безъ малѣйшаго признака жизни, Аркадій Иванычъ закричалъ дикимъ голосомъ:

— Филька! Васька! Петрушка! Ѳеклушка! Сюда! скорѣй сюда!

Люди сбѣжались на этотъ крикъ и, по приказанію Аркадія Иваныча, подняли барыню и положили ее на постель.

— Ѳеклушка, спирту! продолжалъ кричать Аркадій Иванычъ:—дайте ей понюхать спирту... Щетокъ! щетокъ!

И онъ самъ началъ оттирать жену.

Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ онъ не отходилъ отъ ея постели, несмотря на то, что Анютка раза три прибѣгала звать его къ себѣ. Когда Глаша открыла глаза, она посмотрѣла кругомъ себя, какъ-будто припоминая, что̀ съ ней и гдѣ она; потомъ хотѣла приподняться—и не могла. Она закрыла лицо руками и простонала: «Маменька! маменька! я погибла! Мое дитя, мое бѣдное дитя!...» Она начала плакать и метаться. Вопль ея раздавался по всему дому. Съ нею сдѣлался нервическій припадокъ. Аркадій Иванычъ цѣловалъ ея руки и говорилъ: «Полно, Глаша, полно! что̀ съ тобой? Вѣдь я давеча такъ только сказалъ... я вѣдь пошутилъ.» Ѳеклушка стояла въ углу, утирая кулакомъ слезы. Анютка бѣсилась и кричала на весь дворъ: — Вишь какой ревъ подняла, притворщица этакая!

Къ вечеру пріѣхалъ уѣздный лекарь; но Глаша не хотѣла его видѣть. Аркадій Иванычъ послалъ за другимъ лекаремъ и за бабушкой. Ночью Глаша выкинула мертваго ребенка.

Объ этомъ горестномъ происшествіи дано было знать Еленѣ Терентьевнѣ. Елена Терентьевна, выслушавъ посланнаго, обернулась къ барышнѣ и сказала:

— Что, милая? не говорила ли я вамъ, что на нихъ обрушатся всѣ несчастія? Этого еще мало. Это еще цвѣточки, а ягодки-то будутъ впереди. Вотъ что значитъ жениться безъ материнскаго благословенія! Впрочемъ, признаться вамъ, я рада, что этотъ дьяволёнокъ, не остался въ живыхъ. Еще, можетъ-быть, онъ и не сынъ Аркадія Иваныча. Да что тутъ скрываться? я почти въ этомъ увѣрена.

На другой день Елена Терентьевна прискакала въ Грачовку.

— Ахъ, какое несчастіе, другъ мой! ахъ, какое ужасное несчастіе! твердила она.— Со мной чуть не сдѣлался обморокъ, какъ я узнала объ этомъ. Ну, что твоя жена? что съ нею? Могу ли я ее видѣть? не обезпокою ли я ее собою? Можетъ, она хочетъ быть одна? Да приняты ли всѣ мѣры, какія слѣдуетъ? Гдѣ бабушка? Дайте-ка я поговорю съ нею. Ахъ, бѣдная Глашенька! какъ мнѣ ее жалко! Скажи ей, дружочекъ, что я всю сегодняшнюю ночь промолилась за нее.

Въ спальню Глаши Елена Терентьевна вошла на цыпочкахъ и принялась увѣрять Глашу въ своемъ расположеніи къ ней, въ искреннемъ желаніи быть ей полезной и замѣнить ей мать.

— Не сокрушайся, душенька, о своемъ дитяти, говорила она между-прочимъ:—не разстроивай себя. Что такое въ-самомъ-дѣлѣ? Еще ты молода; лишь бы Богъ далъ здоровье, а дѣти будутъ, объ этомъ нечего отчаяваться.

Глаша выздоравливала медленно. Прежнія силы ея уже не возвращались къ ней. Она чувствовала боль въ груди и начала кашлять. Она никуда не выходила изъ своей комнаты и цѣлые дни просиживала у окна, съ неизъяснимою тоскою глядя на сѣрое осеннее небо, на дорожки сада, усыпанныя желтыми листьями; на послѣдніе цвѣты, тронутые морозомъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра и къ глухому, однообразному шуму воды, взволнованной мельничными колесами. Она предчувствовала, что

ей недолго остается жить, и не боялась смерти, ибо твердо была увѣрена, что смерть соединитъ ее съ матерью.

Аркадій Иванычъ, когда Глаша встала съ постели, пересталъ о ней заботиться и совсѣмъ переселился къ Аннѣ Трофимовнѣ, у которой, по его приказанію, собирались по вечерамъ на посидѣлки всѣ хорошенькія дворовыя и крестьянскія дѣвки. Аркадій Иванычъ поилъ ихъ наливками, заставлялъ пѣть пѣсни, и самъ, со стаканомъ коньяку или ерофейча (потому-что пуншъ пересталъ удовлетворять его), пускался плясать въ присядку. Къ зюзинскому помѣщику онъ совершенно охладѣлъ, и во время его пріѣздовъ косился и подозрительно поглядывалъ на Глашу, все еще продолжая ревновать ее къ нему, хотя она уже едва дышала. Такъ прошло мѣсяца четыре. По прошествіи этихъ четырехъ мѣсяцевъ, у Глаши обнаружилась чахотка, и лекарь объявилъ объ этомъ Аркадію Иванычу.

Аркадій Иванычъ задумался, прослезился, нѣсколько разъ въ волненіи прошелся по комнатѣ и сказалъ:

— Жалко мнѣ ее, охъ, какъ жалко! Ну, да что̀ дѣлать? Слезами не пособишь. На все воля Божья!

И, чтобъ разсѣять свое горе, отправился къ Анюткѣ на посидѣлки.

Черезъ недѣлю послѣ этого, онъ передалъ маменькѣ слова лекаря, прибавивъ, что жена его таетъ, какъ свѣчка, и что у него, глядя на нее, сердце надрывается.

— Что̀ это ты говоришь мнѣ, другъ мой? вскрикнула Елена Терентьевна: — неужели это правда?— Потомъ она продолжала со слезами на глазахъ: — Аркашечка, ангелъ мой! если это такъ, прошу тебя объ одномъ: приготовься ко всему, мой другъ, заранѣе. Что̀ дѣлать! Вспомни, что всѣ мы гости въ этомъ мірѣ. Будь благоразуменъ. Я, признаюсь, смертельно боюсь за тебя, зная твое нѣжное сердце!

Когда же Аркадій Иванычъ уѣхалъ, Елена Терентьевна обратилась, по своему обыкновенію, къ барышнѣ:

— Слышите ли, душенька? замѣтила она, смѣясь: — Глафира Анисимовна въ чахоткѣ! Она умретъ! Да повѣрю ли я этому? Такимъ безчувственнымъ созданіямъ, какъ

она, никогда ничего не дѣлается. Имъ и чахотка нипочемъ! Повѣрьте, они живущи, какъ кошки!

Елена Терентьевна ошибалась. При началѣ весны, Глаша слегла въ постель. Ее нельзя было узнать, такъ она измѣнилась. Лицо ея осунулось и покрылось морщинами, глаза ввалились, кожа пожелтѣла; на щекахъ ея игралъ болѣзненный румянецъ. Однажды утромъ она попросила, чтобъ отворили окно въ садъ и посадили ее къ окну. Но видъ воскресшей и ликующей природы, свѣжій воздухъ,-растворенный запахомъ черемухи и сирени; ярко-голубое небо; пѣніе птицъ на деревьяхъ, усыпанныхъ цвѣтами,—все это подѣйствовало на нее раздражительно. Она горько заплакала, какъ-будто ей не хотѣлось такъ рано разставаться съ этою природою, которая только-что начала такъ привѣтливо открываться передъ нею.

Черезъ полчаса, ее снова перенесли на кровать, потому-что она совсѣмъ ослабѣла и не могла пошевельнуть ни рукой, ни ногой. Лекарь посмотрѣлъ на нее и сказалъ Аркадію Иванычу, что ей остается жить только нѣсколько дней. Елена Терентьевна, узнавъ объ этомъ, немедля прибыла въ Грачовку вмѣстѣ съ барышней.

— Ужь какъ ты хочешь, я останусь у тебя все это время, сказала Елена Терентьевна сыну: — я не покину тебя въ несчастьи, мой ангелъ, нѣтъ! Мы будемъ вмѣстѣ дѣлить съ тобой наше горе. Мнѣ не меньше тебя жаль ее, моей голубушки. Думала ли я, что она, этакой цвѣточикъ, прежде меня сойдетъ въ могилу!

Елена Терентьевна и барышня не отходили ни на минуту отъ Глаши до самой ея смерти и все смотрѣли ей въ глаза съ участіемъ и нѣжностью, разговаривая между собою шопотомъ, когда Глаша закрывала глаза:

— Не долго же она погостила на землѣ, голубушка!

— Ахъ, Ты, Господи! на что̀ это она стала похожа? На нее смотрѣть нельзя безъ ужаса!

— Бѣдненькая! точно скелетъ лежитъ!

Глаша все это слышала. Глашѣ было тяжко и страшно ихъ присутствіе; но она съ покорностью перенесла и эту послѣднюю пытку. Вечеромъ, наканунѣ смерти, она позвала мужа и просила его, чтобъ ее положили рядомъ съ

матерью. Она взяла его руку и хотѣла пожать, но не могла. Утромъ ее нашли въ постели мертвою. Никто не видалъ ея кончины и никто не слыхалъ ея предсмертнаго вздоха.

Когда барышня, отчаянная и съ растрепанными волосами, прибѣжала къ Еленѣ Терентьевнѣ и, въ присутствіи Аркадія Иваныча, объявила ей, что Глафира Анисимовна приказала долго жить, съ Еленой Терентьевной сдѣлались конвульсіи, и она съ визгомъ покатилась на диванъ.

Въ день похоронъ, Елена Терентьевна не отходила отъ Аркадія Иваныча и все шептала ему сквозь слезы:— Ангелъ мой, будь твердъ; не убивай себя; ради Бога, не забудь, что у тебя есть мать!

Дней пять послѣ похоронъ жены Аркадій Иванычъ былъ неутѣшенъ. Онъ рвался и метался на ея могилѣ, безъ всякаго притворства, цѣловалъ могильный дернъ, рылъ землю руками и кричалъ:

— Глашенька! Глашенька! Зачѣмъ ты оставила меня? Возьми меня съ собою! Если бъ ты знала, если бъ ты могла чувствовать, какъ я люблю тебя!

Вся губернія узнала о томъ, что Елена Терентьевна провела нѣсколько дней у постели умиравшей невѣстки, которую она ненавидѣла, и, несмотря на это, ухаживала за ней, какъ за родною дочерью, не смыкая глазъ ни днемъ, ни ночью, — и вся губернія пришла въ умиленіе отъ христіанской добродѣтели Елены Терентьевны.

Аркадій Иванычъ воздвигнулъ великолѣпный памятникъ на могилѣ жены, съ надписью:

Повѣялъ вѣтерокъ—и роза облетѣла;
Опалъ, засохъ, увялъ ея прелестный цвѣтъ:
Увы! безсмертный духъ исшелъ изъ бренна тѣла...
Супруга милая! тебя со мною нѣтъ!...

Незабвенной супругѣ отъ неутѣшнаго и вѣчно оплакивающаго ея потерю супруга.

Однако, несмотря на эту надпись, онъ скоро утѣшился.

Излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ и вообще

неумѣренная жизнь совершенно разстроили его здоровье, и онъ только нѣсколькими годами пережилъ жену свою.

Незадолго до своей смерти, онъ выдалъ Анютку замужъ за того самаго уѣзднаго стряпчаго, который прежде безуспѣшно ухаживалъ за нею, и подарилъ ей десять тысячъ рублей въ приданое, продавъ одну свою деревушку.

Елена Терентьевна пережила всѣхъ и даже свою наперстницу-барышню.

Она похоронила сына съ необычайнымъ великолѣпіемъ. Бросивъ горсть земли въ его могилу и утеревъ слезы, она обратилась къ окружавшимъ ее барынямъ и произнесла печальнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Я всегда думала, что онъ, голубчикъ, закроетъ мнѣ глаза. Вышло не такъ. Богу не угодно было этого. Покоряюсь Его святой волѣ! Не смѣю роптать!... Другъ ты мой Аркаша! слишкомъ-рано сошелъ ты въ могилу, по милости добрыхъ людей! Господи! прости имъ ихъ согрѣшенія! Прости имъ то, что они, безжалостные, погубили его и отняли у матери ея единственнаго сына, ея единственное утѣшеніе въ жизни!... Да, если бъ не его женитьба, не пришлось бы мнѣ, несчастной, и безъ того растерзанной горестями, хоронить его!... Но онъ не хотѣлъ слушать меня, онъ пошелъ наперекоръ мнѣ—и погибъ. Вотъ что̀ значитъ идти противъ воли родительской! Больно мнѣ, тяжко мнѣ; но совѣсть моя, въ отношеніи къ нему, покойна! Я исполнила всѣ материнскія обязанности, всѣ; отдала теперь ему послѣдній долгъ,—и хоть сейчасъ готова предстать на судъ Всевышняго!

Произнеся эту рѣчь, Елена Терентьевна величественно пошатнулась и упала на руки дѣвокъ, которыя стояли сзади ея...

ВНУКЪ РУССКАГО МИЛЛІОНЕРА.

ЛИСТКИ ИЗЪ МОИХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Господина, о которомъ здѣсь будетъ идти рѣчь, я увидѣлъ въ первый разъ, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать. Онъ, впрочемъ, тогда еще не былъ господиномъ, а ребенкомъ лѣтъ девяти, съ круглымъ и полнымъ личикомъ, съ румяными и пушистыми, какъ у персика, щечками, съ бѣлокурыми, вьющимися волосами, съ блѣдноголубыми глазками, въ свѣтлосиней курточкѣ изъ тончайшаго сукна и съ отложными батистовыми воротничками отъ рубашки. Этотъ прелестный мальчикъ какъ-будто теперь передо мною и я живо помню то чувство зависти, которое было возбуждено во мнѣ его курточкой и его рубашкой, потому-что сукно на моей курточкѣ было гораздо толще, а рубашки у меня были изъ полотна также не слишкомъ тонкаго. Къ тому же, покрой этой курточки былъ какой-то особенный; видно, что она была сшита лучшимъ дѣтскимъ портнымъ, что, между-прочимъ, доказывали и прекрасныя, бронзовыя пуговки съ узорами, ярко блестѣвшія на

ней. Все это мнѣ мгновенно бросилось въ глаза, вѣроятно потому, что врожденное мнѣ чувство внѣшней наблюдательности (за которое мнѣ впослѣдствіи такъ жестоко доставалось въ литературѣ отъ моихъ остроумныхъ критиковъ) развивалось во мнѣ сильно подъ вліяніемъ воспитанія и примѣровъ, окружавшихъ меня. Эта изящная курточка и эта тончайшая рубашка даже нѣсколько оскорбляли меня—и вотъ по какой причинѣ. Мальчикъ, который щеголялъ въ ней, не принадлежалъ къ тому привиллегированному классу, къ которому принадлежу я и которымъ я уже гордился на 13-лѣтнемъ возрастѣ. Онъ былъ внучекъ богатаго купца, пріѣхавшаго къ моему дѣдушкѣ по какимъ-то дѣламъ.

Въ ту минуту, когда купецъ съ внучкомъ вошли въ кабинетъ моего дѣдушки, я былъ тамъ.

Фигура купца какъ-будто теперь живая передо мною. Средняго роста, съ брюшкомъ, съ окладистою сѣдою бородою, съ длинными волосами, также совершенно сѣдыми и съ серебрянымъ блескомъ, съ умными, проницательными глазами, съ значительною улыбкою, въ которой было что-то среднее между плутоватостью и ироніей, съ рѣзкимъ удареніемъ на *о* въ разговорѣ и съ обращеніемъ, въ которомъ добродушіе соединялось съ безграничною самоувѣренностью,—старикъ этотъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе. Въ немъ было въ то же время что-то осанистое, патріархальное, внушавшее къ нему вдругъ невольное уваженіе; но уваженіе это нѣсколько умалялось, когда вы ближе вглядывались въ старика, потому-что сквозь эту патріархальность иногда проглядывали въ немъ гостинодворскія уловки, непріятно дѣйствовавшія. Всѣ эти наблюденія я сдѣлалъ уже, разумѣется, впослѣдствіи, въ возрастѣ болѣе зрѣломъ, когда случай, о которомъ здѣсь упоминать не для чего, свелъ меня снова съ этимъ старикомъ; когда же я увидѣлъ его въ первый разъ, меня просто, безъ всякихъ размышленій, поразила его значительная фигура, съ серебряными волосами и главное—борода; потому-что гостей съ бородами никогда у насъ въ домѣ не было. На старикѣ былъ длинный, двубортный, синій сюртукъ, до половины прикрывавшій

его высокіе сапоги; бѣлый галстухъ обматывалъ его шею, отягченную медалями на разноцвѣтныхъ лентахъ, и изъ-за сюртука, на которомъ былъ пришпиленъ крестъ, виднѣлся бѣлый жилетъ... Я замѣтилъ всѣ эти подробности, хотя вниманіе мое сосредоточивалось съ большимъ любопытствомъ на внучкѣ купца. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на него, тѣмъ сильнѣе оскорбляла меня его щегольская куртка и батистовая рубашка: мое дворянское самолюбіе оскорблялось мыслью, что я одѣтъ хуже купеческаго сына. «Мой дѣдушка—генералъ, а его дѣдушка бородачъ», думалъ я, «и несмотря на это, у меня и рубашка, и курточка толще!» И, огорченный этою мыслью, я посматривалъ на мальчика свысока, съ такой гордостью, отъ которой мнѣ даже теперь становится стыдно. Я хотѣлъ дать ему почувствовать, что если онъ одѣтъ и лучше меня, то всетаки онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать со мною наравнѣ.

Между-тѣмъ купецъ, — съ которымъ дѣдушка обращался съ большимъ уваженіемъ и котораго онъ посадилъ въ кресла,—улыбаясь съ своимъ нѣсколько плутовскимъ выраженіемъ и положивъ руку на голову внучку, держалъ такую рѣчь моему дѣдушкѣ:

— Я привезъ къ тебѣ внучка своего показать, ваше превосходительство, — посмотри, какой онъ у меня славный мальчикъ: это мой наслѣдникъ. Познакомь его съ твоимъ внучкомъ, — пусть они побалуютъ, позабавятся вмѣстѣ. Вѣдь онъ у меня ученый; по-французскому ужь болтаетъ, по-англицки учится. Я не жалѣю денегъ на его воспитаніе, — хочу, чтобы онъ всѣ науки прошелъ; хочу потомъ послать его въ Англію, во Францію—пусть все видитъ, пусть научится на мѣстѣ, какъ тамъ у нихъ коммерція идетъ. Конечно, коли такъ говорить, вотъ я и простой мужикъ съ бородой, а веду и заграничныя дѣла и нажилъ, благодаря Бога, порядочный капиталецъ. Коли здѣсь есть (старикъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ), такъ оно, пожалуй что, и безъ науки обойтись можно. Ну, Господь, вѣстимо, не лишилъ меня здраваго смысла, оттого я теперь, даромъ что мужикъ, а сижу съ тобой — генераломъ и разговариваю будто ни въ чемъ не бывало, какъ равный.

Дѣдушка мой улыбнулся и перебилъ:

— Что объ этомъ говорить, Прохоръ Кононычъ, у тебя въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у иного генерала въ головѣ.

Прохоръ Кононычъ улыбнулся на эту любезность свѣтло, открыто и самодовольно и замѣтилъ:

— Ну это, ваше превосходительство, все отъ Бога: не далъ бы Онъ ума, былъ бы дуракомъ... Но я вишь рѣчь-то къ тому веду, что умъ хорошая вещь, ни слова, но безъ ученья-то иногда все какъ-будто чувствуешь, что чего-то нехватаетъ; это я по опыту знаю. Вотъ что́.

Старикъ серьезно покачалъ головою.

— Что ни болтаетъ тамъ нашъ братъ, а безъ ученья — все не то. Это ужь я тебѣ говорю—повѣрь такъ.

И при этомъ Прохоръ Кононычъ утвердительно ударилъ ладонью по столу.

— Оттого я и хочу, чтобы мальчуганъ мой науку выучилъ. Ты не думай, чтобы я прочилъ его въ дворяне, чтобы то-есть эдакое у меня помышленіе было втайнѣ. Оборони Господи отъ этого! Онъ долженъ оставаться въ своемъ, въ торговомъ сословіи! намъ въ чужія сани не слѣдъ лѣзть, а для коммерціи-то наука, еще чай, важнѣй, чѣмъ для дворянства. Правду ли я говорю, ваше превосходительство?

— Разумѣется, Прохоръ Кононычъ, возразилъ дѣдушка, не даромъ и пословица: ученье свѣтъ, неученье тьма. Ученье для всѣхъ классовъ необходимо.

— Только дай Богъ, чтобы ученье-то ему въ прокъ пошло! произнесъ въ раздумьи Прохоръ Кононычъ, глядя на внука и качая головою.—Вотъ тебѣ Христосъ—и при этомъ онъ перекрестился,—полсостоянія бы отдалъ, только бы изъ него порядочный, дѣльный человѣкъ вышелъ, — я его крѣпко люблю. Вѣдь онъ у меня одинъ; сына-то моего, отца-то его, Богъ взялъ,—ну, что жь дѣлать? Его святая воля, а дочери — что? Дочерей я не считаю. Онѣ отрѣзанные ломти...

Потомъ Прохоръ Кононычъ обратился ко мнѣ и посмотрѣлъ на меня.

— А сколько твоему внучку-то годковъ, спросилъ онъ дѣдушку:—не однолѣтки ли они съ моимъ-то?

— Моему двѣнадцать скоро будетъ, отвѣчалъ дѣдушка.

— Вотъ какъ! такъ онъ еще значитъ тремя годками старше моего, а мой-то на глазъ, пожалуй, еще постарше покажется: вишь онъ у меня какой плотный, солидный... А какъ зовутъ твоего-то?

— Иваномъ.

— Ну, Ванюшка, поди, душенька, поиграй съ моимъ Васей, познакомьтесь, познакомьтесь.

И при этомъ Прохоръ Кононычъ положилъ свою толстую, жилистую руку, съ плоскими пальцами, на мою голову.

Ласка эта мнѣ не совсѣмъ понравилась и я сдѣлалъ было движеніе, чтобы высвободиться изъ-подъ его руки.

Дѣдушка украдкою и слегка покачалъ мнѣ головою, немного нахмуривъ брови, и я остался на мѣстѣ.

— Поди, другъ мой, въ дѣтскую, сказалъ мнѣ дѣдушка, и возьми съ собой гостя: покажи ему свои игрушки, займи его,—а мы покуда поговоримъ о дѣлахъ.

Я не смѣлъ ослушаться дѣдушки, я очень любилъ его и боялся огорчить его—и потому тотчасъ взялъ за руку купеческаго внучка и повелъ его въ свою комнату, хотя мнѣ было нѣсколько досадно на дѣдушку за то, что онъ приказывалъ мнѣ занимать этого мальчика и назвалъ его моимъ гостемъ. Мнѣ—дворянину и генеральскому внучку—казалось унизительнымъ занимать внучка бородача и обращаться съ нимъ, какъ съ равнымъ. «Что же такое, что его дѣдушка богатъ? думалъ я,—вѣдь онъ всетаки изъ мужиковъ.»

Однако, изъ угожденія моему дѣдушкѣ, я старался пересилить себя. Сначала я все еще велъ себя нѣсколько свысока, немножко важничалъ, но дѣтская, прямая, чистая и откровенная природа взяла сейчасъ верхъ надъ смѣшными предразсудками, безсознательно заимствованными у взрослыхъ. Черезъ пять минутъ я совершенно и безъ всякихъ усилій надъ собою забылъ неравенство сословій между мною и Васей. Я разыгрался съ нимъ, какъ съ равнымъ; онъ было начиналъ уже мнѣ нравиться. Я выставилъ передъ нимъ всѣ мои богатства: складныя кар-

тинки, оловянныхъ солдатъ, кузницу съ кузнецами, поднимавшими и опускавшими молоты — игрушку, которою я особенно хвасталъ передъ всѣми пріѣзжавшими къ намъ дѣтьми, Робинзона Крузе съ картинками и прочее.

Но Вася очень равнодушно, къ моему огорченію, смотрѣлъ на все это.

— Это дрянныя игрушки, сказалъ онъ:—пріѣзжайте къ намъ, я вамъ покажу свои: у меня хорошія, дорогія игрушки, дѣдушка ничего не жалѣетъ для меня. Онъ недавно подарилъ мнѣ игрушку, заплатилъ 100 рублей, большая такая: домъ съ башнями и съ садомъ, въ саду маленькія кареты ѣздятъ и люди ходятъ, а въ домикѣ диваны, кресла, а на кухнѣ повара кушанье готовятъ. На ваши игрушки и смотрѣть не стоитъ.

Вася оскорбилъ мое самолюбіе. Я надулся и снова принялъ важный видъ.

— А что, у васъ есть карета? спросилъ меня Вася.

— Еще бы! у насъ не одна, а двѣ кареты — одна двумѣстная, а другая четверомѣстная; у насъ есть и коляска, и дрожки, и сани. Вѣдь мой дѣдушка генералъ! Онъ ѣздитъ четверней съ форейторомъ, а вашъ дѣдушка такъ ѣздить не можетъ, потому-что четверней ѣздятъ только генералы, прибавилъ я съ торжествомъ.

— А у васъ нѣтъ рысаковъ? сказалъ Вася.

— Какихъ рысаковъ? Что это за рысаки?

Я въ первый разъ слышалъ это слово.

— Рысаки шибко бѣгутъ, всѣхъ обгоняютъ, мой дѣдушка и вашего дѣдушку обгонитъ. Да у васъ и комнаты не хорошія, а у насъ большія-большія, и часы съ золотыми мальчиками, и золотые подсвѣчники, все золотое и цвѣты на всѣхъ окнахъ; къ намъ генералы со звѣздами и съ лентами ѣздятъ обѣдать, а у вашего дѣдушки нѣтъ ленты.

— Нѣтъ, есть! отвѣчалъ я, раздражаемый все болѣе и болѣе: — у него красная лента черезъ плечо и звѣзды и много-много крестовъ!...

— А отчего же онъ не сидитъ въ лентѣ?

— Дома не надѣваютъ ни крестовъ, ни лентъ, отвѣчалъ я: — кресты и ленты надѣваютъ только въ гости.

— А мой дѣдушка и дома крестъ носитъ, видите ли... Дѣдушка мой богатый-богатый, у вашего дѣдушки нѣтъ столько денегъ. У моего дѣдушки милліонъ есть, еще больше; у насъ не четверня, а пятнадцать лошадей на конюшнѣ стоятъ; мой дѣдушка на всѣхъ можетъ ѣздить. Это будетъ все мое. Мамаша говоритъ, что я буду больше, чѣмъ дворянинъ.

Моя дворянская кровь бросилась мнѣ въ голову при этомъ словѣ. Я вспыхнулъ.

— Ваша мамаша неправду говоритъ, отвѣчалъ я съ достоинствомъ: — дѣдушка мой генералъ, и я буду генералъ (увы! мечты моего дѣтства не сбылись!), а вы не будете генераломъ. Вы будете съ бородой ходить, какъ вашъ дѣдушка.

Вася обидѣлся.

— Не хочу я съ бородой ходить, произнесъ онъ почти сквозь слезы:—мамаша мнѣ сказала, что я не буду съ бородой ходить.

Я былъ доволенъ, что уязвилъ Васю. Чтобы дать сильнѣе почувствовать ему, какая разница между дворяниномъ и купцомъ, я заговорилъ съ нимъ по-французски, полагая, что на французскомъ языкѣ могутъ говорить только одни дворяне.

Вася произнесъ также нѣсколько словъ по-французски, хотя, къ моему удовольствію, съ трудомъ и дурнымъ выговоромъ.

— А вотъ вы и не умѣете хорошенько говоритъ по-французски, замѣтилъ я.

— Умѣю! закричалъ Вася такимъ голосомъ, какъ-будто сбирался сейчасъ заплакать.

— Ну, если умѣете, такъ скажите, какъ по-французски называется печка?

Вася задумался.

Очень довольный собою, я принялъ роль экзаменатора.

Вася отвѣчалъ на мои вопросы не совсѣмъ удовлетворительно и наконецъ заплакалъ.

Мы разстались явно недовольными другъ другомъ.

Когда я послѣ отъѣзда купца передалъ мой разговоръ съ Васей дѣдушкѣ, и съ насмѣшкою прибавилъ: «онъ

сказалъ мнѣ, будто бы онъ будетъ выше дворянина.... дѣдушка съ неудовольствіемъ покачалъ головою.

Я тотчасъ замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на дѣдушку моимъ разсказомъ, хоть не сознавалъ почему.

— Вѣдь онъ сказалъ это по глупости, дѣдушка? Какъ же онъ можетъ быть выше дворянина? Я ему отвѣчалъ, что дворянинъ можетъ четверней ѣздить, а онъ не можетъ... Вѣдь правда, дѣдушка? спросилъ я съ нѣкоторою робостью, посмотрѣвъ на дѣдушку съ недоумѣніемъ.

— Кто тебѣ набиваетъ голову такими пустяками? отвѣчалъ онъ: — однимъ дворянствомъ, мой другъ, гордиться нечего, да и вообще гордиться чѣмъ бы то ни было и важничать передъ кѣмъ бы то ни было — не хорошо, и не все ли равно ѣздить на четвернѣ или на парѣ? Купецъ можетъ быть поумнѣе инаго дворянина, если купецъ человѣкъ честный, если онъ говоритъ всегда правду, ведетъ свои дѣла аккуратно... Человѣка украшаютъ его дѣла, его поступки, а не званія и титла. И купецъ также служитъ отечеству, какъ и дворянинъ... Вотъ, напримѣръ, дѣдушка этого мальчика, купецъ, который у меня сейчасъ былъ, онъ человѣкъ честный, благородный, умный, весьма уважаемый, и не за то только, что онъ богатъ, а за то, что онъ честенъ. Его одному слову вѣрятъ болѣе, чѣмъ клятвамъ и подписямъ иныхъ значительныхъ лицъ. Если внучекъ пойдетъ по его слѣдамъ, то его будутъ такъ же уважать, какъ старика. Ты замѣть однажды навсегда, что уваженіе пріобрѣтается трудолюбіемъ, честностью, прямотою, а не званіемъ, потому-что благородное званіе или громкій титулъ безъ внутренняго благородства—одно пустое слово! Гордятся безсмысленно своимъ происхожденіемъ только пустые, глупые и ничтожные люди. Прочти-ка, дружечикъ, басню Крылова «Гуси», ты это лучше поймешь...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дѣдушка повезъ меня къ Прохору Кононычу.

— Вотъ, сказалъ онъ, входя къ старику: — и я къ вамъ съ моимъ внучкомъ. Онъ пріѣхалъ сдѣлать визитъ вашему внучку...

Вася не солгалъ. Квартира Прохора Кононыча была несравненно лучше и больше нашей квартиры и украшена несравненно богаче. Меня въ особенности поразила огромная зала съ хорами и двумя большими люстрами, съ потолкомъ, расписаннымъ амурами, въ которой Прохоръ Кононычъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, задавалъ банкеты различнымъ знатнымъ и сановнымъ особамъ. Прохоръ Кононычъ былъ не лишенъ тщеславія и любилъ видѣть у себя въ гостяхъ ордена и звѣзды. Нѣкоторые ордена и звѣзды, говорятъ, пользовались даже слабостью добраго Прохора Кононыча, часто сами напрашивались къ нему на обѣды и объѣдались и упивались у него вдоволь, вознаграждая хозяина, или, вѣрнѣе сказать, его зрѣніе — блескомъ своихъ шейныхъ и особливо грудныхъ украшеній. Комната Васи была завалена невиданными мною игрушками. Какъ я ни усиливался казаться равнодушнымъ, но при видѣ домовъ, башень, садовъ, съ движущимися людьми и экипажами, и при звукахъ маленькой ручной шарманки, я едва удержался, чтобы не ахнуть. Все это грудами было навалено въ комнатѣ и покрыто слоемъ пыли. Въ комнатѣ Васи, когда я вошелъ въ нее, былъ гувернёръ его, французъ-щеголь, няня съ сморщеннымъ лицомъ и двуличневымъ платкомъ на головѣ, дѣвка, обутая на босую ногу, и грязный мальчишка, обстриженный въ кружокъ. Вася мало обращалъ на меня вниманіе, онъ болѣе занимался собаченкой испанской породы, къ хвосту которой онъ привязалъ шнурокъ и дергалъ ее за этотъ шнурокъ. Собачена визжала, Вася кричалъ на мальчишку, гувернёръ кричалъ на Васю, который его не слушалъ, няня кричала на босоногую дѣвку. Я совсѣмъ растерялся въ этомъ хаосѣ... Черезъ минуту, Вася выпустилъ несчастную собаченку, схватилъ большую куклу, представлявшую улана и показалъ ее мнѣ.

— Какова кукла? спросилъ онъ у меня.

— Славная, отвѣчалъ я.

— А хотите, я ей сейчасъ голову сломлю? мнѣ дѣдушка другую купитъ.

И съ этими словами шея куклы затрещала и голова съ киверомъ покатилась на полъ...

Вскорѣ за этимъ дѣдушка прислалъ за мною и мы уѣхали.

Болѣе меня не возили къ Васѣ, Вася не пріѣзжалъ ко мнѣ, и я забылъ о его существованіи...

II.

Лѣтъ черезъ тринадцать послѣ этого, я обѣдалъ въ одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ петербургскихъ ресторановъ съ моимъ товарищемъ по школѣ, съ добродушнѣйшимъ и милѣйшимъ изъ людей, который безъ разбора былъ знакомъ со всею петербургскою молодежью, всѣмъ радушно жалъ руки, всѣмъ говорилъ *ты* и пользовался величайшею популярностью въ столицѣ. Онъ былъ однимъ изъ неизбѣжныхъ лицъ на всѣхъ гуляньяхъ, во всѣхъ театрахъ, маскарадахъ, танцклассахъ, вездѣ, гдѣ проявляется публичная жизнь, и тотчасъ со всѣми попадавшимися ему лицами заводилъ знакомства, не разбирая сословій и одинаково обращаясь съ богатыми и бѣдными, съ высшими и съ нисшими, съ умными и съ тупоумными. Онъ не имѣлъ и тѣни тщеславія, которымъ почти всѣ мы заражены болѣе или менѣе, и потому съ нимъ всегда было легко; онъ сыпалъ остротами и каламбурами, зналъ всѣ петербургскіе анекдоты, говорилъ безъ умолку, былъ постоянно въ веселомъ расположеніи духа и умѣлъ смѣяться не только надъ другими, что очень легко, но даже надъ самимъ собою, что очень трудно. Я не встрѣчалъ въ моей жизни человѣка, который имѣлъ бы такое разнообразное и обширное знакомство, какое имѣлъ онъ. Однажды, въ маскарадѣ дворянскаго собранія, онъ завелъ меня въ какой-то таинственный уголокъ покурить. (Онъ зналъ вездѣ всѣ уголки и закоулки и по именамъ лакеевъ во всѣхъ ресторанахъ и капельдинеровъ во всѣхъ театрахъ). Въ этомъ уголкѣ мы нашли господина въ пестромъ галстухѣ и въ изношенномъ фракѣ съ блестящими пуговицами, наружности весьма неблаговидной и притомъ полупьянаго. Господинъ этотъ при видѣ моего товарища съ увлеченіемъ бросился къ нему на шею, поцѣловалъ его и воскликнулъ:

— Ахъ, Саша, Саша! какъ я, братецъ, радъ тебя видѣть, то есть не повѣришь, какъ радъ!

— Давно не видались.... Ну, что̀ ты подѣлываешь? возразилъ мой товарищъ, улыбаясь.

— Живу, душа моя, живу! Извѣстно, что—

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

И господинъ махнулъ при этомъ рукой, посмотрѣлъ на меня, пошевелилъ губами, облизалъ ихъ и прибавилъ, ударивъ моего товарища по плечу:

— Пойдемъ, братецъ, выпьемъ.

Товарищъ мой отказался, мы докурили папироски и вышли изъ угла.

— Откуда, наконецъ, у тебя такія знакомства, скажи Бога ради? спросилъ я у него.

Онъ захохоталъ.

— А что, вѣдь, недурной экземплярчикъ?... это *мой другъ*. Я сошелся съ нимъ на одномъ презабавномъ вечерѣ у актера Кронидова. Я ему почему-то понравился, онъ и предложилъ мнѣ выпить съ нимъ на ты. Зачѣмъ же мнѣ было оскорблять его? я согласился. Что за бѣда, что прибавилось одно лишнее ты? Къ тому же, онъ юмористъ, нешутя. На этомъ вечерѣ чортъ знаетъ что происходило и какія рылы были... Ужъ мнѣ стало страшно, ты можешь себѣ представить, что̀ такое тамъ было. Я потихоньку уѣхалъ, потому-что ужь начиналось что-то — въ родѣ драки между хозяиномъ и гостемъ. На другой день въ кафе я встрѣчаю этого господина.

— Ну что, спрашиваю я у него: — ты долго вчера тамъ оставался?

— Да почти что до разсвѣта, отвѣчалъ онъ: — послѣ тебя тамъ случилась маленькая непріятность.

— Что такое?

— Одному изъ гостей ротъ разодрали. Вышло между нимъ и другимъ гостемъ какое-то неудовольствіе, ужъ изъ-за чего—не умѣю сказать... такъ недоразумѣніе.

— Ты не смотри на то, прибавилъ мнѣ мой товарищъ въ заключеніе, что у него не совсѣмъ презентабельная

физіономія. Онъ большой забавникъ... когда не пьянъ; жаль только, что онъ никогда не бываетъ трезвъ.

У моего товарища была, между-прочимъ, страсть заводить кружки, во имя чего бы то ни было, и управлять этими кружками. Разъ онъ составилъ театральный кружокъ; въ другой разъ, когда театральство прискучило ему, онъ составилъ что-то въ родѣ *попечительнаго комитета* о какой-то барышнѣ, которая, Богъ-знаетъ почему-то, ему вдругъ понравилась, и онъ вербовалъ молодёжь въ этотъ комитетъ, какъ на дѣло серьёзное.... Дѣятельности-то хочется, а настоящаго дѣла, которому бы легко и весело было отдаться, у насъ нѣтъ, такъ поневолѣ даже самые лучшіе изъ насъ развлекаются пустяками, остаются долго духовно-малолѣтними и играютъ въ игрушки въ такіе годы, когда въ другихъ странахъ люди подвизаются уже съ пользою на гражданскомъ и общественномъ поприщѣ. Оттого на всѣхъ нашихъ лучшихъ людяхъ есть отпечатокъ, если вы вглядитесь въ нихъ близко, внутренней пустоты и легкомыслія, даже и въ тѣхъ, которые почитаютъ себя не безъ основанія глубокомысленными. Товарищъ мой впрочемъ не прикидывался ничѣмъ, онъ былъ во всякую данную минуту самимъ собою. Развлекая себя разными выдумками, для того только, чтобы чѣмъ-нибудь занять себя, и отдаваясь имъ съ увлеченіемъ, онъ не воображалъ однако, что занимается дѣломъ, какъ многіе.... Другую, такую благородную, открытую, прямую природу, какова была у моего пріятеля, мнѣ не удавалось встрѣчать въ жизни, несмотря на то, что я прожилъ полжизни. Многіе изъ глубокомысленныхъ легкомысленно называли его *пустымъ, добрымъ малымъ*, видя его постоянно веселымъ; они считали его неспособнымъ къ мысли и къ дѣлу; неспособнымъ видѣть себя и задумываться надъ самимъ собою; но они жестоко ошибались. На товарища моего нерѣдко находили минуты тяжелаго и грустнаго раздумья, когда человѣкъ строго спрашиваетъ у самого себя: сдѣлалъ ли я хоть что-нибудь, чтобы носить имя человѣка не какъ пустое и незаслуженное титло, а по сознанію и праву? И онъ усиливался бороться съ самимъ собою и съ средою, тяготившею его; но эту борьбу ви-

дѣли только самые близкіе къ нему по сердцу и по убѣжденіямъ. Всѣ слабости и недостатки этого человѣка прилѣплялись къ нему отъ этой среды; все прекрасное, благородное и свѣтлое выходило изъ его чистой и прозрачной натуры, и часто, глядя на него, я думалъ, что изъ него могъ выйдти дѣльный и серьёзный человѣкъ, если бы онъ родился въ другой, болѣе широкой средѣ, въ другомъ, болѣе серьёзномъ обществѣ....

Увлекшись моими воспоминаніями, — а товарищъ мой принадлежитъ къ лучшимъ моимъ воспоминаніямъ, — я, можетъ-быть, вдаюсь въ излишнія подробности, ненужныя для этого разсказа. Впрочемъ, что за бѣда? Листокъ изъ воспоминаній — не художественное произведеніе. Я пишу, какъ пишется, не имѣя ни малѣйшей претензіи на *художественность*, на *чистое искусство*, на *творчество* и тому подобное.

Говоря откровенно, я даже не совсѣмъ понимаю, изъ чего такъ хлопочутъ защитники *чистаго искусства* и *художественности?* Сколько бы они ни заботились объ насъ, по добротѣ души своей, они изъ насъ, простыхъ писателей, не сдѣлаютъ художниковъ, и какъ бы мы сами ни желали угодить имъ, какъ бы мы ни усиливались превратиться въ *творцовъ*, всѣ наши усилія останутся не только тщетными, но и смѣшными....

Мы съ товарищемъ начали нашъ обѣдъ вдвоемъ, но скоро къ намъ присоединились еще два наши пріятеля, или, вѣрнѣе, пріятели моего товарища: полный, высокаго роста, адъютантъ, говорившій густымъ басомъ, страстный любитель цыганъ, лошадиный барышникъ, выпивавшій баснословное количество вина, и молоденькій кавалерійскій офицеръ, съ маленькими усиками и съ нѣсколько изысканными манерами, военный фатъ. Товарищъ мой, какъ магнитъ, привлекаетъ къ себѣ; всѣ такъ и льнули къ нему, зная, что гдѣ онъ, тамъ всегда весело. Своимъ добродушіемъ и симпатичностью онъ смягчалъ самыхъ гордыхъ и недоступныхъ господъ и заставлялъ смѣяться людей, которые никогда не улыбаются. Обѣдъ нашъ былъ, по милости его, очень живъ и веселъ. Изъ отдѣльной комнаты, рядомъ съ нами, къ концу нашего обѣда, по-

слышались веселыя восклицанія, крики и наконецъ женскій голосъ, напѣвавшій всѣмъ очень хорошо извѣстные французскіе куплеты, которые обыкновенно поются, когда общество доходитъ до извѣстной степени веселости.

— Мишка! кто тутъ въ комнатѣ рядомъ съ нами? спросилъ адъютантъ у служившаго намъ молодаго татарина.

— Заказной обѣдъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ татаринъ.

— Тебя, дуракъ, не спрашиваютъ, какой обѣдъ, а кто обѣдаетъ? возразилъ адъютантъ.

Татаринъ улыбнулся.

— Г. Пивоваровъ съ пріятелями, сказалъ онъ послѣ минуты нерѣшимости.

— И съ пріятельницами, прибавилъ адъютантъ.

— Это навѣрно Луиза, это ея голосъ, сказалъ изнѣженный офицеръ, поводя рукой по своимъ усикамъ.

— Что̀ это за Луиза? спросилъ грубо адъютантъ, искоса взглянувъ на изнѣженнаго офицера.

— Какъ-будто вы не знаете? отвѣчалъ онъ по-французски:—та, которая жила съ Границынымъ.

— Я, батюшка, съ вашими француженками знакомства не веду. Чортъ бы ихъ побралъ! Этой сволочи здѣсь много... А этотъ Пивоваровъ, кажется, ужъ начинаетъ покучивать на будущія блага, на капиталы бородача—своего дѣдушки!

«Э!» подумалъ я:—«да это долженъ быть мой старый знакомый Вася.»

— Терпѣть не могу, продолжалъ адъютантъ:—этихъ купчиковъ-франтовъ... Саша, ты знакомъ съ нимъ? Вѣдь ты со всѣмъ міромъ знакомъ?... а?

Адъютантъ обратился къ моему товарищу.

— Это *мой другъ*, отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— Ну ужъ коли твой другъ, такъ долженъ быть хорошъ. Знаю я твоихъ друзей-то! У него, я вамъ скажу, такія друзья, продолжалъ адъютантъ, обращаясь ко мнѣ:—съ которыми ночью не дай Богъ встрѣтиться. А майоръ Астафьевъ что̀?

— Что же, — ничего. Онъ не другъ мой, а только protegé.

— Хорошъ *протеже!* Изъ кабака не выходитъ!... Полно скрываться-то, признайся, вѣдь вы кутите вмѣстѣ.

И адъютантъ при этой шуткѣ любезно улыбнулся.

— Ты не смѣйся надъ майоромъ Астафьевымъ, возразилъ мой товарищъ:—это милѣйшій и забавнѣйшій изъ людей; въ свое цвѣтущее время онъ былъ *седюктёромъ* и франтомъ, у него еще и теперь остались слѣды этого; несмотря на то, что у него вся физіономія отекла и налилась, онъ все еще иногда завиваетъ виски и фабритъ усы; манеры у него до-сихъ-поръ, когда онъ не очень пьянъ, самыя галантерейныя, онъ безпрестанно отпускаетъ французскія фразы: *экскюзе пуръ деранже*, или въ родѣ этого, носитъ фуражку на-бекрень и выставляетъ локти впередъ, — словомъ, онъ милъ необыкновенно. Ты бы посмотрѣлъ, какъ онъ расшаркивается передъ дамами!...

— И онъ этому пьянчужкѣ, за то, что онъ дамамъ хорошо раскланивается, пенсію выхлопоталъ! перебилъ адъютантъ, посмотрѣвъ на насъ.

— Что жъ такое? Я и тебѣ выхлопочу пенсію, когда ты сопьешься, возразилъ мой товарищъ.

Адъютантъ захохоталъ, ударилъ его по плечу и воскликнулъ: «Ахъ ты, Сашка!» вѣроятно за неимѣніемъ болѣе остроумнаго восклицанія.

— А знаете, сказалъ изнѣженный офицеръ, прищуривая глазки: — у этого господина, который возлѣ насъ обѣдаетъ... какъ вы его зовете?...

Офицеръ остановился, какъ-будто вспоминая фамилію. Адъютантъ сурово посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Пивоваровъ... Къ чему передъ нами тону-то задавать: вѣдь вы очень хорошо помните его фамилію.

Изнѣженный офицеръ нѣсколько смутился.

— Pardon, я право... отвѣчалъ онъ, запинаясь: — въ-самомъ-дѣлѣ я забылъ его фамилію... да... такъ у него... вы видѣли сѣрый рысакъ, чудо! первый въ городѣ!

— Точно что лошадь добрая, возразилъ адъютантъ:— я его по этой лошади-то и знаю. Да что онъ охотникъ, что ли, до лошадей? Ты, Саша, долженъ это знать въ качествѣ его друга.

— Какое—охотникъ! Онъ, кажется, столько же толку знаетъ въ лошадяхъ, сколько я...

— Ну, это немного, перебилъ адъютантъ.

— Ему сказали, что первый рысакъ въ городѣ продается, продолжалъ мой товарищъ:—такъ онъ сейчасъ и купилъ его для того, чтобы весь городъ кричалъ, что у него первый рысакъ и чтобы прохожіе по Невскому разѣвали рты отъ удивленія, когда онъ летаетъ на немъ, сломя голову, а кучеръ его какъ безумный кричитъ во все горло: «пади! пади!» Все это, батюшка, дѣлается изъ тщеславія. Какая-нибудь Луиза сдѣлаетъ ему или его рысаку глазки — онъ на цѣлый день и счастливъ. Ему хочется, во что бы то ни стало, чтобы его замѣчали и чтобы объ немъ говорили. Хоть онъ *мой другъ*, но я долженъ по справедливости замѣтить, что изъ него большаго толку не выйдетъ. Изъ него выработывается настоящій типъ и въ огромномъ размѣрѣ, — потому-что онъ наслѣдуетъ милліоны,—этихъ кутилъ-купчиковъ, которыхъ развелось у насъ такъ много. Они всѣ воображаютъ, что ихъ дѣды и отцы наживали и скопляли капиталы для того только, чтобы они ихъ глупо проматывали, и что они умнѣе и образованнѣе своихъ отцовъ и дѣдовъ, потому-что одѣты по послѣдней парижской картинкѣ.

— Ты меня, братецъ, познакомь съ нимъ, перебилъ адъютантъ: — не продастъ ли онъ эту лошадь? я бы у него, пожалуй, купилъ ее, или, пожалуй, мы промѣнялись бы; я бы далъ ему славнаго рысака, не хуже его... также бы разѣвали рты, когда бы онъ на немъ прокатывался по Невскому... А что, онъ любитъ выпить?

— Пьетъ сильно и также изъ хвастовства.

— Ну, это хорошо, замѣтилъ адъютантъ:—пошли-ка за нимъ Мишку... пусть онъ его вызоветъ оттуда на минутку отъ твоего имени, а какъ онъ придетъ сюда, ты его познакомь со мною.

— Пожалуй.

Мишка былъ посланъ за Пивоваровымъ.

Г. Пивоваровъ не заставилъ себя долго ждать.

Я не безъ любопытства посмотрѣлъ на него, когда онъ вошелъ въ нашу комнату. Ни одной черты отъ дѣт-

ства не осталось у него. Онъ былъ худощавъ и блѣденъ, все лицо его было въ угряхъ, глаза, которые были голубыми въ дѣтствѣ, поблѣднѣли и превратились почти въ сѣрые, они были выпуклыми и имѣли мало выраженія; бѣлокурые его волосы были завиты и тщательно расчесаны, точно какъ-будто сейчасъ выскочилъ изъ парикмахерской; одѣтъ онъ былъ франтовски, но безъ вкуса: въ бархатномъ клѣтчатомъ пестромъ жилетѣ и въ пестромъ галстухѣ, на одномъ изъ его пальцевъ было колечко съ большимъ брильянтомъ; онъ казался очень занятымъ своею особою и какъ-будто постоянно думалъ о томъ, какое впечатлѣніе онъ производитъ на зрителей: понравился ли имъ его жилетъ? обратили ли они вниманіе на его брильянтъ?... нашли ли хорошими его манеры? и прочее. Отъ этого онъ былъ не совсѣмъ ловокъ и какъ-то стѣсненъ въ своихъ движеніяхъ.

— Я узналъ, что ты здѣсь и хотѣлъ тебя видѣть хоть на минутку, сказалъ мой товарищъ:—извини, что я тебя вызвалъ.

— Помилуй... ничего... я очень радъ, отвѣчалъ внукъ милліонера, охорашиваясь и поглядывая на насъ.

— Хочешь шампанскаго?

Товарищъ мой налилъ бокалъ и поднесъ ему.

— Мерси... Внукъ милліонера взялъ бокалъ и прибавилъ: — я впрочемъ ужъ такъ много пилъ! Мы здѣсь обѣдаемъ вчетверомъ и ужъ выпили бутылокъ восемь.

— Ничего, это не вредно! замѣтилъ адъютантъ.

— Ахъ, кстати, сказалъ мой товарищъ, указывая на адъютанта:—вотъ князь Ртищевъ. Онъ желаетъ съ тобою познакомиться...—Пивоваровъ, прибавилъ онъ, указывая на внука милліонера.

Адъютантъ протянулъ ему свою широкую руку. При имени князя лицо внука милліонера вдругъ просвѣтлѣло.

Онъ произнесъ не безъ волненія: «Очень радъ, очень радъ!» и поспѣшилъ вложить свою руку съ брильянтомъ въ руку адъютанта съ ощущеніемъ наслажденія, которое выразилось во всей его фигурѣ и бросилось бы въ глаза даже и не наблюдательному человѣку.

— Посидите-ка съ нами, сказалъ адъютантъ, слегка придвинувъ къ себѣ стулъ и указавъ на него внуку милліонера.

Онъ сѣлъ.

— Бутылку редерера и чистый стаканъ! крикнулъ адъютантъ.

Онъ налилъ полный стаканъ ему и себѣ и сказалъ:

— Ну, чокнемтесь.

Внукъ милліонера взялъ стаканъ, чокнулся съ адъютантомъ, отпилъ немного и поставилъ стаканъ на столъ.

— Это что! воскликнулъ адъютантъ:—со мной эдакъ не пьютъ, батюшка, нѣтъ! этого я не люблю.

Внукъ милліонера началъ извиняться и отговариваться восемью бутылками, выпитыми вчетверомъ.

— Мнѣ до вашихъ восьми бутылокъ никакого дѣла нѣтъ. Я предлагаю вамъ выпить со мной.

Внукъ милліонера выпилъ стаканъ.

Черезъ десять минутъ въ бутылкѣ не оставалось ни капли, хотя ни я, ни товарищъ мой, ни изнѣженный офицеръ не пили. Глаза у внука милліонера совсѣмъ посоловѣли, онъ ужъ совершенно дружески разговаривалъ съ адъютантомъ и, кажется, даже выпилъ съ нимъ на *ты*. Адъютантъ ловко завелъ съ нимъ рѣчь о лошадяхъ. Внукъ милліонера началъ хвастать своимъ рысакомъ, адъютантъ возражалъ, что дѣйствительно это лошадь хорошая, но вовсе не изъ первыхъ въ городѣ; что у него есть гнѣдой рысакъ, который не хуже, если не лучше, и въ заключеніе пригласилъ къ себѣ внука милліонера на другой день посмотрѣть его.

Внукъ милліонера вышелъ отъ насъ, кажется, совершенно счастливый мыслью, что извѣстность его растетъ съ каждымъ днемъ и что имъ даже начинаютъ интересоваться князья, и совершенно пьяный, потому-что онъ даже спотыкался и пошатывался.

Черезъ два дня послѣ этого, я и товарищъ мой встрѣтили на улицѣ адъютанта.

— А знаете ли, господа, что пивоваровскій-то сѣрый рысакъ ужь мой. Я промѣнялся, отдалъ ему своего гнѣдаго, да еще придачи взялъ. Этотъ франтъ просто ни-

чего не смыслитъ въ лошадяхъ, а туда же прикидывается знатокомъ, хвастаетъ и поретъ такую дичь, что уши вянутъ. Онъ глуповатъ немножко, а малый добрый!...

III.

Послѣ этого я нѣсколько разъ встрѣчалъ внука милліонера въ ресторанахъ, на улицахъ, на гуляньяхъ; моему товарищу вздумалось разъ какъ-то при удобномъ случаѣ представить насъ другъ другу, но я не счелъ нужнымъ воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ. Наше знакомство ограничивалось только поклонами и иногда нѣсколькими словами при встрѣчахъ. Товарищъ мой также былъ у него всего раза два или три—не больше, но мы знали всѣ подробности его жизни, всѣ его приключенія, какъ коротко знакомые. Вотъ какимъ образомъ: къ моему товарищу захаживалъ очень часто нѣкто Иванъ Петровичъ Подшивкинъ. Этотъ Иванъ Петровичъ, — человѣкъ лѣтъ сорока, маленькаго роста, съ бѣглыми, небольшими, двусмысленными глазками и съ вѣчно-угодливой и заискивающей улыбкой на губахъ, былъ сынъ обанкротившагося богатаго купца: Прохоръ Кононычъ похоронилъ его отца на свой счетъ, потому-что у покойника не оказалось ни полушки, далъ у себя въ домѣ комнатку его вдовѣ и опредѣлилъ ея сына, которому было уже лѣтъ двадцать-пять, къ себѣ въ контору. Но сынъ этотъ оказался къ дѣламъ совсѣмъ неспособнымъ и изъ-рукъ-вонъ лѣнивымъ: онъ даже въ контору никогда и не показывался. Прохоръ Кононычъ зналъ все это, но онъ махнулъ рукой, произнесъ: «Ну, Богъ съ нимъ!» и велѣлъ продолжать выдавать ему жалованье. Такимъ-образомъ, Иванъ Петровичъ прожилъ пятнадцать лѣтъ у Прохора Кононыча, получая небольшое жалованье по его милости и снисходительности. Онъ всякій день шлялся по гостямъ, потому-что сохранилъ связи со всѣмъ петербургскимъ богатымъ купечествомъ, ѣлъ, пилъ, веселился на чужой счетъ, и отплачивалъ за это шуточками, прибауточками и балагурствомъ, смѣшаннымъ съ низкопоклонствомъ. На

всѣхъ купеческихъ именинахъ свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, рожденьяхъ, банкетахъ онъ былъ непремѣннымъ лицомъ; онъ забавлялъ бородатыхъ милліонеровъ разными паясническими выходками; переносилъ сплетни ихъ женамъ; былъ на посылкахъ у ихъ дочерей; пилъ съ ихъ сынками и оказывалъ имъ различныя услуги, особенно по части прекраснаго пола, и умѣлъ вездѣ поставить себя хотя невиднымъ, но необходимымъ лицомъ. Такимъ-образомъ, Иванъ Петровичъ жилъ припѣваючи, получая отъ всѣхъ подачки чѣмъ нипопало: деньгами и вещами.

Гдѣ и какимъ образомъ познакомился съ нимъ мой товарищъ—я не знаю, только онъ удостоивалъ его своего расположенія, потому-что считалъ его забавнымъ, хотя я, признаться, ничего не находилъ въ немъ забавнаго. Иванъ Петровичъ разсказывалъ обыкновенно моему товарищу различные анекдоты изъ купеческаго быта, съ ужимками и прибаутками, а товарищъ мой слушалъ его, лежа на диванѣ, съ сигарой, и хохоталъ отъ всей души. Вася Пивоваровъ былъ главнымъ его героемъ. Онъ благоговѣлъ передъ нимъ.

— Ну что, Иванъ Петровичъ, скажите, бывало спрашивалъ его мой товарищъ: — занимается ли вашъ Вася хоть сколько-нибудь коммерческими дѣлами? понимаетъ ли онъ въ нихъ хоть что-нибудь?...

— Помилуйте! отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: зачѣмъ же *намъ* этимъ заниматься-съ? Мы рождены собственно для того, чтобы по Невскому на рысачкахъ кататься! Впрочемъ, это я только такъ для риѳмы совралъ, а *мы* все знаемъ, всѣмъ занимаемся-съ, кассирскія должности исполняемъ и дѣдушкѣ въ глаза пыль пускаемъ. Старикъ-то намъ немножко мѣшаетъ, а то бы мы такого форсу задали, что...

Иванъ Петровичъ сжалъ губы и свистнулъ.

— Что жъ, впрочемъ, и теперь объ насъ всѣ говорятъ — куда ни обернешься, только и слышишь: какой рысакъ у Василья Прохорыча! Какая коляска!... какая мебель!... и точно что... (онъ взглянулъ на меня и указалъ на моего товарища) вотъ они видѣли нашу мебель: пате, консольки, козеточки эдакія, на тощакъ и не вы-

говоришь такія названія; ковры, шелки, бронзы—есть отъ чего ахнуть. А вина-то какія.—а метресочки-то! Господи, Боже мой! Я прошедшій разъ гляжу на Луизу Карловну... она эдакъ лежитъ на диванѣ, какъ султанша какая, да ножкой болтаетъ, — просто чудо! — «Позвольте, я говорю. Луиза Карловна, мнѣ, недостойному рабу, хоть къ башмачку-то вашему, или къ чулочку моими грѣшными губами прикоснуться...» А она, знаете, спрашиваетъ по-французски: что, говоритъ, онъ вретъ? — а сама смотритъ на меня, улыбается, да еще пальчикомъ грозитъ, — такая, ей-Богу! то-есть, кажется, прилегъ бы къ ея ножкѣ щекой, замеръ и испустилъ бы тутъ же дыханіе, и въ голову бы не пришло, что другія женщины существуютъ на свѣтѣ, а мы нѣтъ-съ, какъ можно! Намъ одного цвѣточка мало; мы, какъ пчелы, съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетаемъ, никакимъ не пренебрегаемъ и на чертополохъ садимся, отовсюду медокъ высасываемъ, а изъ насъ денежки высасываютъ... Да что! намъ деньги нипочемъ! У насъ деньги, какъ щепки. Хоть у насъ-то ихъ и не слишкомъ много-съ, да вѣдь *мы наслѣдники*, а у дѣдушки-то у нашего подвалы чистымъ золотомъ завалены... Намъ не то, что другимъ-съ: въ случаѣ нужды, деньги достать все равно, что стаканъ воды выпить. Отовсюду сбѣгутся благопріятели... сейчасъ сколько угодно достанутъ благодѣтели, 50 на 100: деньги намъ даютъ, да еще намъ же въ поясъ кланяются. Экая жизнь-то, подумаешь—блаженство! Намедни утромъ лежитъ на диванѣ въ турецкомъ халатѣ, халатъ-то изъ тысячной шали скроенъ, шолковые шаровары, — потягивается, позѣвываетъ, да лѣниво покуриваетъ. Головка-то въ туманѣ еще... всю ночь напролетъ прожуировалъ, а я смотрю на него да улыбаюсь.

— Чего, говоритъ, ты смѣешься?...

— На васъ, говорю, Василій Прохорычъ радуюсь. Въ сорочкѣ, я говорю, вы родились.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?... и самъ улыбается... а что, говоритъ, я думаю, точно многіе мнѣ завидуютъ?

— Да какъ же не завидовать-то! Кому же завидовать, какъ не вамъ?

— Это, говоритъ, все вздоръ; теперь мнѣ завидовать еще нечему, а вотъ какъ я буду самъ себѣ господинъ, такъ ужь тогда я покажу себя; весь Петербургъ, говоритъ, ахнуть заставлю. Вотъ ты увидишь!

— И точно: вы посмотрите, какъ мы тогда заживемъ. Ужь никто такъ, какъ Василій Прохорычъ, не съумѣетъ пыль пустить въ глаза: умница-то, вѣдь, какой! ловкій, молодецъ!... Посмотрите, какъ въ театръ войдетъ, или въ коляску сядетъ—подумаешь, что князь какой. Я изъ нашего-то сословія-то почитай-что всѣхъ богачей знаю, изъ молодыхъ-то, да нѣтъ-съ, куда имъ! далеко до нашего Василья Прохорыча! тѣхъ же щей да пожиже влей. Супротивъ него у насъ никого нѣтъ. Вотъ кричатъ про Мыльникова, сына Петра Касьяныча, да ничего въ немъ особеннаго нѣтъ и по-французски не говоритъ, даромъ что француженку содержитъ; пантомимой съ ней объясняется, какъ въ балетѣ, ей-Богу, смѣхъ смотрѣть... Она ему просто вотъ какія оленьи рожища подставляетъ и смѣется еще надъ нимъ, а онъ ничего не понимаетъ, напьется, глаза, знаете, эдакъ посоловѣютъ, станетъ передъ ней на колѣни, мычитъ что-то и сердится, что она его не понимаетъ, бьетъ себя въ грудь, плачетъ... Куда ему противъ нашего! Я его часто вижу вмѣстѣ съ Васильемъ Прохорычемъ. Говорить ли о чемъ начнутъ — ужъ нашъ непремѣнно его забьетъ, пить ли—нашъ перепьетъ, на рысакахъ ли перегоняться вздумаютъ—нашъ обгонитъ. А вотъ теперича онъ съѣздитъ за границу-то, да вернется назадъ. Форсу-то тамъ еще болѣе понаберется, тогда и не подходи къ нему: пожалуй, что еще и на княжнѣ какой-нибудь женится. Англичанинъ будетъ настоящій. Вѣдь правду я говорю, Александръ Григорьичъ?...

— Правду, правду, отвѣчалъ, смѣясь, мой товарищъ.— Ну, а скажите, Иванъ Петровичъ, дѣдушку-то своего онъ любитъ?

— Господи Боже! да какъ же такого золотаго дѣдушку не любить? Да и дѣдушка-то въ насъ души не слышитъ, только старики-то вѣдь ворчуны, ну и нашъ ворчитъ, что мало дѣломъ занимаемся. Онъ умница, да-

ромъ что съ бородой и сапоги сверхъ панталонъ носитъ, но бѣдовый старикъ!... у него всѣ по стрункѣ ходятъ, пикнуть передъ нимъ никто не смѣетъ, а ужь къ внучку слабъ, больно его любитъ, потому-что онъ у него одинъ наслѣдникъ, сквозь пальцы смотритъ на него, да еще старикъ-то, признаться, и мало знаетъ наши продѣлки. Если бъ онъ все узналъ, просто, какъ ни любитъ, а бѣда бы была... А что, на прощальномъ-то обѣдѣ вы у насъ будете, батюшка Александръ Григорьичъ? Черезъ мѣсяцъ ужь Василій Прохорычъ непремѣнно уѣдутъ за границу. Теперь начинаемъ приготовляться къ отъѣзду. Пріѣзжайте, пріѣзжайте: обѣдъ будетъ на-славу, пожалуй и птичьяго молока для васъ достанемъ, это намъ нипочемъ... А скучно будетъ безъ Василья Прохорыча!

Иванъ Петровичъ вздохнулъ.

Черезъ мѣсяцъ, на другой день послѣ этого прощальнаго обѣда, онъ прибѣжалъ къ моему товарищу въ ту минуту, когда я только-что вошелъ къ нему. Иванъ Петровичъ былъ въ восторженномъ настроеніи.

— Ахъ, Боже мой! Александръ Григорьичъ, скажите, какъ это вамъ не грѣшно, вчера-то вы у насъ не были! Какъ же это можно! восклицалъ онъ съ сверкающими глазами и размахивая руками....

— Что дѣлать? не могъ, я былъ не очень здоровъ.

— Да что нездоровы! какъ не могли, помилуйте! Вѣдь что̀ было, то-есть, этого и представить себѣ невозможно! Для такого банкета со смертнаго одра можно было встать, ей-Богу.... Вотъ я вамъ принесъ списочекъ блюдъ.... вотъ извольте.... прочтите.... это на удивленье! А десертъ-то какой!... Клубника, земляника, малина въ полпальца величины — теперь-то, вы можете себѣ вообразить! Винъ — это просто разливанное море... обѣдало всего человѣкъ двадцать, а выпито пять дюжинъ одного шампанскаго; послѣ обѣда пошли ликеры, заварили жжонку съ ананасами.... Я, знаете, въ свою жизнь часто бывалъ на парадныхъ, хорошихъ банкетахъ, а ужъ ничего подобнаго не видалъ.... Теперь воображенію представится, такъ слюнки потекутъ. Право. Много было изъ знатныхъ особъ, — вотъ князь Ртищевъ... Ужъ какъ онъ всѣхъ распотѣшилъ насъ! Эдакій

молодчина! Нашъ-то насчетъ выпивки мало кому уступаетъ, а ужъ противъ ихъ сіятельства — пасъ.... Ну, да и то сказать, куда же съ ними тягаться: въ плечахъ косая сажень, ростъ какой! какъ заговорятъ, такъ своимъ голосомъ всѣхъ и покроютъ, пляшетъ какъ!—нечего сказать: настоящій князь! Взглядъ эдакой, жестъ повелительный, орелъ, да и только! и не нужно говорить, что князь.... Стоитъ посмотрѣть на него, сейчасъ догадаешься. Послѣ жжонки, какъ закричитъ: — къ цыганамъ! слышите?.. Сейчасъ же всѣ до единаго!

Я было-хотѣлъ улизнуть, да прикурнуть гдѣ-нибудь въ уголку, потому-что ноги-то у меня ужъ, знаете, подкашивались, а онъ, вѣдь, подите какой! сейчасъ замѣтилъ, да за шиворотъ меня.

— Куда? говоритъ,—не смѣть отсюда выходить! всѣ къ цыганамъ!

Какъ онъ схватилъ меня, я, признаться, и испугался; эдакій силачина, вѣдь меня просто какъ комара придавить можетъ.

— Помилуйте, я говорю, ваше сіятельство! куда прикажете, я, говорю, вездѣ за счастье почту быть съ вашимъ сіятельствомъ.

А онъ, знаете, эдакъ посмотрѣлъ на меня съ ногъ до головы, изволилъ улыбнуться и говоритъ:

— Ну, то-то же! смотри, никуда отсюда, всѣ къ цыганамъ! и за другими смотри, чтобы никто не смѣлъ улизнуть. Ты мнѣ за всѣхъ отвѣчаешь....

Такой шутникъ, право!

Вотъ мы такимъ манеромъ и нагрянули къ цыганамъ въ Новую деревню.... Уже первый часъ былъ. Всѣ спятъ. Его сіятельство идетъ впереди всѣхъ предводителемъ и кричитъ: — эй, вы! вставайте, гости пріѣхали!... Самъ изволилъ стащить съ постели цыганочекъ-то, которыя помоложе.... Онѣ кричатъ, пищатъ... «Ваше сіятельство, оставьте, мы сейчасъ....» шали на себя, платки накидываютъ, а онъ-то хохочетъ.... «Живо!» говоритъ.... «Гдѣ», говоритъ, «Матрена? подавайте мнѣ Матрену!» Цыгане-то заспанные, знаете, изъ угла въ уголъ мечутся, какъ угорѣлые, видно ужъ знаютъ князя. «Сейчасъ», говорятъ,

«ваше сіятельство, все будетъ готово.... не извольте безпокоиться.» Начинаютъ помаленьку собираться. Является Матрена.... идетъ, знаете, эта жирная, старая рожа, переваливаясь, да какъ увидала князя.... «А, это ты, говоритъ, забулдыжная голова, спать-то намъ не даешь!» Ей-Богу, такъ-таки и говоритъ.... А князь-то ей: — «ахъ ты, старая, говоритъ, вѣдьма, чего разоралась-то! Ну, обними меня и поцѣлуй.» Та обняла его и давай цѣловать; мы такъ всѣ и покатились со смѣху.— «Ну, теперь, говоритъ, пошла! довольно!» — и рукой ее эдакъ, знаете, взадъ.... и потомъ обернулся къ цыганамъ. — «А вы, говоритъ, чего смотрите? Шампанскаго подавай!...» Господи! я думаю про-себя, да что жъ это? Ужъ, кажется, пили, пили, а теперь еще! что же это будетъ съ нами! Князь-то шутить не любитъ.... Вотъ-съ началась попойка и пѣсни.... Маша заливалась, какъ соловей, весь хоръ пѣлъ на-славу, Матрена просто выходила изъ себя; видно, что они всѣ изъ кожи лѣзли, чтобы отличиться передъ такими гостями: вѣдь нашъ-то и на нихъ сажалъ деньги, они его знаютъ, да и кто жъ, правда, его не знаетъ?.... Вдругъ какъ князь-то вскочитъ, да какъ закричитъ: — «Ну, веселую, плясовую — да живо! Матрена, пройдемся-ка!» и мигнулъ Матренѣ. А самъ съ себя сюртукъ долой — и пошелъ, пошелъ: ногами сѣменитъ, плечами поводитъ, да потомъ вдругъ въ присядку, гикаетъ, кричитъ, размахиваетъ руками, а потъ-то съ него такъ градомъ и льетъ.

— Ну, говоритъ, чортъ возьми, довольно съ васъ! Усталъ, какъ собака — и вытерся рукавомъ рубашки, — теперь, говоритъ, пойте, что хотите, и легъ на диванъ. А тамъ и пошла пѣсня за пѣсней и послѣ каждой пѣсни разливка, вино-то теплое, въ душу не лѣзетъ и смотрѣть-то на него гадко: вспѣнится и польется черезъ на жестяной подносъ, и подносъ и столъ-то грязный такой и грязь кругомъ. А князь—ничего... Ну, знаете, къ концу-то онъ поосовѣлъ немножко, призамолкъ богатырь, сидитъ обнявшись съ Груней и покачивается, а все еще, какъ нальютъ бокалы, кричитъ: «пей!» но ужъ не такимъ твердымъ голосомъ—и самъ пьетъ. Потомъ пошли эти вели-

чанья.... Маша сама обходила съ подносомъ. Какъ дошло до нашего-то, какъ Маша остановилась передъ нимъ, кланяясь и желая ему счастливаго пути (ужъ они, шельмы, провѣдали, что онъ ѣдетъ за границу); онъ кивнулъ мнѣ головой....

— Ваня, говоритъ,—ужъ языкъ-то у него чуть ворочается, а я-то, знаете, ужъ пить тутъ не могъ, возьму, знаете, бокальчикъ, да въ горшокъ съ еранью, благо князя-то нечего бояться было, ну такъ я былъ потрезвѣе, — Ваня, отыщи, говоритъ, у меня бумажникъ въ карманѣ, вынь пятьсотъ рублей, положи на подносъ.

Вынулъ, положилъ, такъ нѣтъ! не унялся — видите еще мало показалось—вынимаетъ изъ кармана лобанчики и кидаетъ, а вѣдь онѣ такія жадныя, ненасытныя. Имъ сколько ни давай, все мало. Домой-то мы воротились часовъ въ семь. Ужъ я сокровище-то наше всю дорогу держалъ на рукахъ, онъ совсѣмъ ослабѣлъ, я берегъ его, какъ сосудъ какой-нибудь хрустальный. Нельзя же: вѣдь онъ у насъ избалованный, изнѣженный такой.

Смотря на этого балагура и слушая его разсказъ, я былъ убѣжденъ, что онъ выпустилъ изъ него нѣкоторыя подробности, касающіяся до себя, а именно, что часть денегъ, назначенныхъ ненасытнымъ цыганамъ, онъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, перевелъ въ свой карманъ. По-крайней-мѣрѣ онъ производилъ на меня своею особою такое впечатлѣніе. Я сообщилъ это замѣчаніе моему товарищу, но онъ по добротѣ сердца никакъ не соглашался съ этимъ и увѣрялъ, что господинъ этотъ хотя и шутъ, но малый честный....

На пароходѣ, на которомъ отъѣзжалъ за границу внукъ милліонера, отправился, между-прочимъ, одинъ мой знакомый. Я провожалъ его до Кронштадта и былъ невольнымъ свидѣтелемъ проводовъ внука милліонера. Его провожали: нашъ знакомый — Иванъ Петровичъ; купеческій сынъ Мыльниковъ—франтъ, кутила и лихачъ, явно усиливавшійся во всемъ тянуться за Пивоваровымъ; толстый господинъ, очень важно державшій себя, имѣвшій типъ биржеваго маклера; еще другой господинъ съ выверченными ногами, неопредѣленныхъ лѣтъ отъ 55 до 65, всѣмъ

извѣстное въ Петербургѣ лицо—нѣчто въ родѣ ублюдка отъ жида съ обезьяной, говорящее на всевозможныхъ языкахъ и исправляющее всякія факторскія обязанности, и наконецъ Луиза, вся обернутая въ драгоцѣнную турецкую шаль.

Когда эта компанія явилась вечеромъ на пароходъ, готовый къ отплытію, она была уже въ очень оживленномъ расположеніи, не исключая и Луизы, и обратила на себя всеобщее вниманіе.

Жидъ-факторъ, размахивая своими какъ-будто вывихнутыми руками, кричалъ во все горло, дружески ударяя по плечу внука милліонера:

— Когда будешь въ Парижѣ, остановись, моншеръ, непремѣнно въ Hôtel des princes, rue Richelieu—самая лучшая отель... Слышишь, непремѣнно тамъ—и спроси Шарля, онъ коммиссіонеръ при отелѣ; скажи, что я тебѣ рекомендовалъ его — этого довольно, онъ будетъ распинаться для тебя. Это драгоцѣнный человѣкъ: онъ Парижъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ... онъ покажетъ тебѣ всѣ чудеса, диковинки и прелести.... Вотъ ты увидишь, голубчикъ, какъ веселятся въ мѣстечкѣ Парижѣ, не по-нашему!... Нѣтъ!... Намъ далеко!... Завидно смотрѣть на тебя; полетѣлъ бы за тобою, посмотрѣть на моихъ старинныхъ пріятельницъ-парижаночекъ!

И говоря это, онъ съ довольною улыбкою посматривалъ кругомъ себя, выставляя голову впередъ и поводя носомъ, какъ бы обнюхивая.

Купеческій сынъ Мыльниковъ поправлялъ свои усики, тупо улыбался и говорилъ:

— Я тоже поѣду на будущій годъ въ Парижъ, непремѣнно поѣду!

Иванъ Петровичъ все терся около отъѣзжавшаго внука милліонера; становился противъ него, льстиво смотря ему въ глаза и повторяя: «покидаетъ насъ, наше сокровище, оставляетъ насъ здѣсь сиротами!» заходилъ сзади и поправлялъ ему ремень отъ сумки, которая была у него надѣта сверхъ пальто; смотрѣлъ на него то съ праваго, то съ лѣваго бока, печально кивая головою; подходилъ къ жиду-фактору, къ Мыльникову, къ биржевому маклеру

и повторялъ со вздохомъ: «уѣзжаетъ! уѣзжаетъ!»о—бращался къ Луизѣ и говорилъ, указывая на Пивоварова: *парте, адьё!* и потомъ, умильно осклабляясь на нее, прибавлялъ:

— Ахъ вы, кралечка!

Когда провожавшіе должны были оставить отъѣжавшій пароходъ и я совсѣмъ простился съ моимъ знакомымъ, продираясь сквозь толпу къ выходу, я опять наткнулся на группу, провожавшую внука милліонера.

Въ этотъ разъ Луиза была въ его объятіяхъ и обливала его слезами.

— Merci! merci!... Ne m'oubliez pas, mon chèri! повторяла она ему.

Иванъ Петровичъ всхлипывалъ, глядя на нихъ; даже жидъ-факторъ подносилъ платокъ къ глазамъ,—до того картина эта была трогательна. Только купеческій сынокъ Мыльниковъ и толстый биржевой маклеръ оставались довольно равнодушными.

Иванъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ на пароходѣ, на которомъ мы возвращались въ Петербургъ.

— Умчался нашъ соколъ за моря! сказалъ онъ:—безъ него и жизнь не въ жизнь будетъ, такъ привыкъ къ нему, ей-Богу! Да человѣкъ-то какой, души-то сколько!... Какъ не любить его! Луиза Карловна-то, видѣли вы, просто убивалась, прощаясь съ нимъ, навзрыдъ плакала, бѣдняжка; у него у самого, глядя на нее, покатились слезы; жалко ему стало ее, вынулъ изъ сумки пятьсотъ рублей,—нà говоритъ, Луизинька, возьми на булавки... Тяжело, я вамъ скажу, будетъ ей безъ него! Не скоро забудетъ!...

Въ эту минуту началъ накрапывать мелкій дождь и мы вошли въ каюту.

Въ одномъ углу каюты мы увидѣли Луизу, сидѣвшую между двумя гусарскими офицерами и хохотавшую во все горло... Одинъ изъ офицеровъ держалъ ее за руку, называя *неутѣшной вдовой*.

— Посмотрите-ка, сказалъ я Ивану Петровичу, указывая на эту группу.

Иванъ Петровичъ вытаращилъ глаза, съ минуту посмотрѣлъ на нее, потомъ печально покачалъ головою.

— Ахъ, она безстыжая эдакая! произнесъ онъ: — да и я-то, дуракъ, въ-самомъ-дѣлѣ подумалъ, что она жалѣетъ о *насъ*. А вѣдь сколько мы въ нее денегъ посадили!... И еще съ часъ назадъ тому пятьсотъ рублей бросили! За что же?... стоила ли она этого?... Да чего, впрочемъ, ждать отъ нихъ? въ этихъ женщинахъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!

И Иванъ Петровичъ отъ негодованія плюнулъ.

IV.

Внукъ милліонера вернулся изъ-за границы черезъ два года. О заграничныхъ его похожденіяхъ мнѣ узнать было не отъ кого. Въ Петербургѣ же, по разсказамъ Ивана Петровича и по другимъ слухамъ, онъ произвелъ въ своемъ кругу, какъ и слѣдовало ожидать, величайшій шумъ. Тамъ, втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, только и говорили о вывезенныхъ имъ вещахъ, платьяхъ и какихъ-то неслыханныхъ экипажахъ, съ такими хитрыми названіями, которыя у русскаго человѣка останавливались поперегъ горла.... Внучекъ милліонера на нѣкоторое время занялъ вниманіе даже всѣхъ классовъ петербургскаго праздношатающагося народонаселенія. О немъ заговорили, да и нельзя же было не говорить, потому-что онъ всякій день появлялся на публичную выставку въ различныхъ видахъ: онъ прокатывался утромъ по Невскому проспекту нѣсколько разъ взадъ и впередъ, чтобы дать возможность во всѣхъ подробностяхъ разсмотрѣть себя любознательной публикѣ: то въ какомъ-то англійскомъ экипажѣ, на англійскихъ лошадяхъ, съ англійской закладкой, которыми онъ самъ правилъ, вооруженный длиннѣйшимъ бичомъ: то полулежа въ легкой, какъ пухъ, коляскѣ, привезенной изъ Вѣны и запряженной русскими рысаками, которыхъ во весь ходъ пускалъ его толстый и бородатый кучеръ, обгоняя блестящіе экипажи Шарлоты Ѳедоровны, Армансъ, Берты, Марьи Ивановны и вообще *этихъ* дамъ... Въ обѣденное время его можно было видѣть почти постоянно то у Сенъ-Жоржа, то у Леграна, а вечеромъ—или въ циркѣ, или во

французскомъ театрѣ, или въ оперѣ, куда онъ являлся всегда не только во фракѣ, но даже въ бѣломъ галстухѣ, какъ это дѣлаютъ тѣ свѣтскіе господа, которые обыкновенно прямо изъ театра отправляются на балъ или раутъ. Внукъ милліонера на балы не ѣздилъ, а если и ѣздилъ, то на такіе, на которыхъ бѣлый галстухъ былъ совершенно излишнимъ украшеніемъ; но онъ предпочиталъ бѣлый черному уже потому, что бѣлый бросался въ глаза. Къ тому же, какъ извѣстно, бѣлые галстухи въ большомъ употребленіи въ Лондонѣ.

— Здѣсь просто жить не умѣютъ, говорилъ онъ своимъ пріятелямъ съ презрительной гримасой и пожимая плечами:—какая-то дикая страна! Помилуйте, здѣсь въ оперу ѣздятъ въ сюртукахъ, на что же это похоже? Въ Лондонѣ въ оперу всякій порядочный англичанинъ надѣваетъ непремѣнно фракъ и бѣлый галстухъ! Это ужь такъ принято у всѣхъ образованныхъ людей....

— Да! ужь что тамъ ни говори, разсуждалъ про него благоговѣйно купеческій сынокъ Мыльниковъ съ своими друзьями:—а ужъ за нимъ тягаться не легко: *шикаръ*, чортъ его возьми! Настоящій европеецъ!

И, въ подражаніе внуку милліонера, онъ также сталъ появляться въ оперу въ бѣломъ галстухѣ.

Только нѣкоторые великосвѣтскіе гвардейскіе офицеры и штатскіе comme-il-faut иронически поглядывали на новаго европейца, отзывались о немъ презрительно и называли его даже унизительнымъ именемъ *хама*, въ полномъ и гордомъ сознаніи, что та высочайшая comme-il-faut-ность и та утонченная свѣтскость, которою владѣютъ они, не можетъ быть доступна *всякому*, что она не покупается никакими милліонами, что это высочайшій идеалъ, до котораго достигаютъ только немногіе избранные и высокорожденные. Внучекъ милліонера, хотя и замѣчалъ, какъ эти господа на него посматриваютъ, но, повидимому, мало огорчался этимъ. Ему, можетъ-быть, хотѣлось сначала попасть въ ихъ общество; но, убѣдившись, что это не такъ легко для него, какъ онъ думалъ, онъ успокоился.... Къ тому же, можно было смѣло предположить, не прибѣгая къ помощи наблюденій и слуховъ, что онъ принадлежалъ

къ числу такихъ людей, которые не принимаютъ тонъ, а задаютъ тону, и которые окружаютъ себя людьми, надъ которыми они могутъ распоряжаться всевластно.

Въ это самое время, то-есть черезъ полгода, а можетъ быть и черезъ годъ послѣ возвращенія Пивоварова изъ-за границы, *весь* Петербургъ заговорилъ о Шарлотѣ Ѳедоровнѣ.... Я говорю *весь*, потому-что каждый изъ насъ, людей обезпеченныхъ и болѣе или менѣе праздныхъ, привыкъ считать тотъ маленькій мірокъ, которымъ окруженъ онъ, съ его интересами, понятіями и взглядами, чуть не цѣлымъ міромъ, воображая, что весь міръ непремѣнно живетъ тѣми же интересами, понятіями и взглядами. Очень легко можетъ быть, что большая половина Петербурга и не подозрѣвала о существованіи Шарлоты Ѳедоровны, но какое намъ дѣло до этой большой половины? О ней говорили *мы*, она занимала *насъ*.

Она была очень извѣстна давно, но, несмотря на ея красоту и молодость, на нее смотрѣли почти съ пренебреженіемъ, потому-что эта красота была слишкомъ легка и доступна и, какъ всѣ такого рода красоты, имѣла не блестящую обстановку. А мы въ такихъ случаяхъ похожи на тѣхъ покупателей картинъ, которые обращаютъ не столько вниманія на достоинство самыхъ картинъ, сколько на великолѣпныя рамы. Когда случай вставилъ Шарлоту Ѳедоровну въ великолѣпную раму, — всѣ обратились къ ней, всѣ заговорили о ней. Шарлота Ѳедоровна окружила себя такимъ блескомъ и начала держать себя до того свысока, что издали и для людей неопытныхъ она казалась совершенно недосягаемою. У нея явилось множество великосвѣтскихъ поклонниковъ, она сдѣлалась вдругъ минутною прихотью Петербурга, его модою, и внучекъ милліонера, разумѣется, началъ тотчасъ же въ числѣ другихъ всюду преслѣдовать ее. Онъ появлялся на всѣхъ пикникахъ и маскарадахъ, на которыхъ была она; онъ не спускалъ съ нее своего бинокля въ театрахъ; на Невскомъ проспектѣ его рысаки обгоняли ея рысаковъ; онъ четыре раза въ день въ различныхъ экипажахъ проѣзжалъ мимо ея оконъ; онъ подкарауливалъ ее въ англійскомъ магазинѣ, у Елисѣева и въ другихъ лавкахъ.

Но Шарлота Ѳедоровна вела себя очень тонко и разсчетливо. Она знала, что великосвѣтскіе господа, по милости которыхъ отчасти она держалась на высотѣ моды, считаютъ внука милліонера человѣкомъ дурнаго тона, подсмѣиваются надъ его претензіями и желаніемъ выставляться, и вмѣстѣ съ ними смѣялась надъ нимъ, обнаруживала передъ ними презрѣніе къ нему, говорила, что этотъ купчикъ надоѣдаетъ ей, что она не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться, и прочее, а между-тѣмъ, говорятъ, тайкомъ вела съ нимъ переговоры, потому-что упустить его считала по справедливости неразсчетливымъ.

Слухи эти подтвердились Иваномъ Петровичемъ. Я встрѣтилъ его однажды на улицѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ въ ту самую минуту, когда Шарлота Ѳедоровна промчалась мимо насъ на своихъ рысакахъ. Иванъ Петровичъ, значительно улыбаясь, проводилъ ее глазами, прищолкнулъ языкомъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ-съ ужъ барыня, такъ барыня!

— А вамъ нравится?

— Помилуйте, да какъ не нравиться! Я съ ней имѣлъ счастіе недавно провести цѣлый вечеръ.

— Какимъ же это образомъ?

— Да просто у насъ въ домѣ-съ. Недѣли двѣ тому назадъ, изволите видѣть, у Василья Прохорыча зашелъ споръ съ молодымъ Мыльниковымъ. Василій Прохорычъ говоритъ, что для меня, говоритъ, нѣтъ ничего на свѣтѣ недоступнаго. Все, что пожелаю, говоритъ, буду имѣть. А Мыльниковъ-то улыбнулся и говоритъ ему:—Ну, говоритъ, *атанде*, не всё, шалишь! Вотъ позови-ка насъ ужинать — чтобъ Шарлота Ѳедоровна была. Ну-ка! — А нашъ-то ему отвѣчаетъ: — Велика, говоритъ, важность Шарлота! Да она будетъ у меня когда хочешь. — Нѣтъ, говоритъ, врешь, не будетъ; вѣдь она теперь такъ носъ задрала, что ужасъ.—А будетъ!... Слово-за-слово, знаете, и побились объ закладъ о дюжинѣ шампанскаго. Ну, разумѣется, Мыльниковъ проигралъ—пріѣхала; только хоть мы и выиграли дюжину шампанскаго, а этотъ визитецъ намъ дорого обошелся-съ. Еще до визита двухъ вороненькихъ рысаковъ къ ней на конюшню послали... такъ вотъ.

изволите видѣть, въ назначенный Василіемъ Прохорычемъ вечеръ собрались мы часамъ къ девяти эдакъ; все свои, самые близкіе только, человѣкъ насъ пять всего было, вмѣстѣ съ Василіемъ Прохорычемъ... Мыльниковъ разфрантился, разпомадился, завился, раздушился, какъ херувимъ какой расхаживаетъ—и все въ зеркала́ смотрится.

Признаться, и мы себя во всемъ блескѣ показать захотѣли; зажгли всѣ люстры и кенкеты, комнаты горятъ, просто какъ на балу на какомъ. Самъ-то ходитъ во фракѣ и всѣ мы во фракахъ—нельзя, говоритъ, иначе, потому-что въ Европѣ вечеромъ всѣ во фракахъ, такъ заведено, а ужъ тамъ, гдѣ, говоритъ, дамы, въ сюртукѣ быть почитается величайшимъ невѣжествомъ. У насъ теперь вѣдь все по-европейски, безъ Европы мы шагу не дѣлаемъ... Ну вотъ онъ, знаете, похаживаетъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, а самъ между-тѣмъ все на часы посматриваетъ. Ужъ близко къ десяти, а ее всѣ нѣтъ. Мыльниковъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— А что, Ваня, вѣдь я пари-то выигралъ — не пріѣдетъ!

— Нѣтъ, я говорю, проигралъ, *шеръ ами*. Я тоже нынче по-французски запускаю съ-тѣхъ-поръ, какъ мы изъ Европы-то прикатили. Ужъ коли, говорю, *онъ* сказалъ, что пріѣдетъ, такъ пріѣдетъ.

— Неужто, говоритъ, взаправду? Мнѣ, говоритъ, на проигрышъ наплевать, а главное хочется вблизи-то на нее посмотрѣть. Такъ ты думаешь, что пріѣдетъ?

— Непремѣнно.

— Что ты? У меня, братъ, даже, говоритъ, сердце забилось, — ей-Богу...

Въ половинѣ одиннадцатаго — звонокъ. Мы всѣ переглянулись—кому же, кромѣ ее? У Мыльникова даже вся кровь въ лицо бросилась... Онъ къ зеркалу—и виски поправлять.

Нашъ-то посмотрѣлъ на всѣхъ съ торжествомъ: «она!» говоритъ, «она!»—и пошелъ ей на встрѣчу.

Входитъ. Господи! какъ разодѣта!... въ бѣломъ шолковомъ платьѣ съ фальбарами, по бѣлому-то лиловыя

полосы, вся въ кружевахъ, декольте, а шейка-то бѣленьная, какъ сливки, и у самаго раздѣленьица-то, на грудочкѣ-то, ужаснѣйшій брильянтища, такъ и сверкаетъ, такъ и переливается... Я, знаете, такимъ молодцомъ разшаркнулся передъ нею, а Мыльниковъ — вѣдь такой чудачина, даромъ, что самъ милліонеръ и съ виду лихачъ, совсѣмъ оробѣлъ, стоитъ, какъ пень, и выпучилъ на нее свои буркулы-то... А нашъ-то указалъ на насъ и говоритъ ей:

— Имѣю честь представить — это, говоритъ, все мои пріятели, всѣхъ насъ по фамильямъ назвалъ...

Она обвела насъ глазками, а глазеньки-то какіе: съ поволокой—чудо! улыбнулась эдакимъ пріятнѣйшимъ манеромъ и кивнула всѣмъ намъ головкой.

— Я, говоритъ, изъ французскаго театра; все такія глупыя пьесы давали... Я и не дождалась конца.

И разсѣлась въ кресло, а нашъ-то подъ ноги ей скамеечку.

— Мерси, говоритъ, обдернула платьеце и ножку выставила.

Какъ я взглянулъ, вѣрите ли—у меня такъ по всему тѣлу мурашки и пробѣжали! Башмачокъ-то маленькій, узенькій, съ обшивкой и съ лиловымъ бантикомъ; чулочекъ-то шелковой, такъ и обтягиваетъ ножку—и точно какъ зарей подернутъ,—съ розовымъ оттѣночкомъ...

И какъ пошла говорить, что твои гусли: обо всемъ такъ прекрасно разсуждаетъ, все такъ критикуетъ. Умница такая!

А Мыльниковъ мнѣ на ухо:—Фу ты, братецъ, говоритъ, какая образованная!

— Да, я говорю: это не то, что Луиза Карловна, далеко кулику до Петрова дня; а я-то, дуракъ, думалъ прежде, что ужъ лучше и умнѣе Луизы Карловны нѣтъ на свѣтѣ женщины!...

— И посмотри, Ваня,—Мыльниковъ-то говоритъ мнѣ, и, знаете, толкаетъ меня подъ локоть:—манеры-то какія: развалилась вѣдь точно княгиня.

Поговоривши эдакъ съ полчаса, встала она и начала разсматривать наши рѣдкости: остановилась противъ ча-

совъ,—большущіе эдакіе бронзовые часы, онъ привезъ ихъ изъ-за границы:—двѣ женщины съ каждой стороны лежатъ неглиже, внизу амуры играютъ и къ нимъ канделябры свѣчь, о двѣнадцати каждая, одинъ человѣкъ и не подниметъ: тысячи двѣ на наши деньги заплатилъ... Она долго любовалась ими, всѣ кругомъ осмотрѣла, да и говоритъ:—на что, говоритъ, вамъ эдакіе часы!... Мнѣ въ гостиную, говоритъ, надобно часы: будьте-ка любезны — подарите ихъ мнѣ. Ну, а нашъ-то, знаете, съ амбиціей, хоть и жалко, да ужъ ни за что не покажетъ.

— Извольте, говоритъ, съ большимъ удовольствіемъ, они завтра же утромъ будутъ у васъ,—такъ знаете равнодушно, какъ-будто они цѣлковыхъ три стоятъ.

Показалъ онъ ей фарфоровыя куклы, тоже навезъ съ собою оттуда, говоритъ, что рѣдкія, дорогія... Предложилъ самъ—не угодно ли, говоритъ, выбрать? — Почти-что всѣ забрала, ей-Богу... ужъ намъ смѣшно, мы мигаемъ другъ другу, а она ничего — ходитъ по комнатамъ, какъ королева какая, и отбираетъ, что ей нравится. Вѣрите ли, тысячи на три слишкомъ разныхъ вещей набрала.

Тутъ пошло угощенье: мороженое, чай, конфекты... Мы съ Мыльниковымъ сначала оробѣли маленько, но къ концу тоже въ разговоръ вступили, а послѣ ужина Мыльниковъ-то даже расходился. — «Позвольте», говоритъ, «вашу ручку поцѣловать.» Она улыбнулась и ни слова— протянула ему руку: ну ужъ затѣмъ и я рѣшился. — Ужъ удостойте, я говорю, и меня тѣмъ же благоволеніемъ — и мнѣ протянула, и я приложился и смотрю — одинъ пальчикъ весь въ кольцахъ — и все сотенныя: яхонты, брильянты, опалы, жемчугъ—я въ этихъ вещахъ толкъ-то знаю, — думаю: ахъ, кабы со всѣмъ и съ кольцами пальчикъ-то откусить!...

До двухъ часовъ пробыла, а на другой день всѣ вещи, которыя выбрала, уложили мы и отправили къ ней. Мнѣ ужъ часовъ-то больно жалко, остальныя-то вещи Богъ съ ними!

Такъ вотъ онѣ эти барыни-то каковы! Хороши, красивы, а пальца имъ въ ротъ не клади—откусятъ-съ!

Эта поговорка, кажется, оправдалась надъ Пивоваро-

вымъ, потому-что, кромѣ подарковъ вещами и рысаками, онъ, говорятъ, заплатилъ за Шарлоту Ѳедоровну тысячъ пятнадцать рублей серебромъ долгу; къ этому прибавляли еще, что послѣ уплаты долга дверь ея квартиры болѣе не открывалась для него и что Шарлота Ѳедоровна даже отворачивалась при встрѣчѣ съ нимъ.

Самолюбіе внучка милліонера было оскорблено сильно, что можно было заключить изъ отзывовъ Ивана Петровича о Шарлотѣ Ѳедоровнѣ.

— Что, вашъ Вася продолжаетъ съ нею все въ дружбѣ жить? спросилъ его мой товарищъ.

— Помилуйте! воскликнулъ Иванъ Петровичъ:—какое! ужъ давнымъ-давно все кончено... Мы ее бросили и смотрѣть-то на нее теперь не хотимъ. Мы найдемъ и почище ея. Чортъ ее возьми совсѣмъ! Мы, батюшка Александръ Григорьичъ, охотники, ловцы, а извѣстно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Да, признаться, пора бы и перестать; побаловали — и полно. Время бы ужъ своимъ домкомъ обзавестись, хорошую хозяюшку взять—вотъ что̀. Старикъ-то нашъ, слышно, ужъ пріискиваетъ ему невѣсту. Остепениться, говоритъ, пора малому-то...

V.

Семейство моего товарища заключалось въ матери и сестрѣ. Отецъ его, совершившій все земное, то-есть достигнувшій полнаго генеральскаго чина, скончался лѣтъ восемь передъ этимъ. Матери его было лѣтъ подъ-пятьдесятъ; она еще тщательно сохранила остатки прежней красоты, не прибѣгая для поддержанія ея ни къ какимъ искусственнымъ средствамъ. Она принадлежала къ тому разряду женщинъ, которыхъ обыкновенно зовутъ *благовоспитанными*. Она была всегда одѣта съ приличіемъ и вкусомъ, не моложе своихъ лѣтъ, но не безъ нѣкотораго оттѣнка кокетства, никогда не позволяла себѣ увлекаться въ разговорѣ и постоянно говорила ровнымъ тономъ, не возвышая и не понижая голоса; никогда почти ничего не

читала: безусловно подчинялась всѣмъ тѣмъ свѣтскимъ условіямъ, воззрѣніямъ и обычаямъ, среди которыхъ она прожила полжизни, и почитала ихъ величайшею мудростію, а уклоненіе отъ нихъ—ужасною безнравственностью. Впрочемъ, несмотря на свою наружную холодность, она имѣла сердце мягкое и доброе, и очень любила дѣтей своихъ. И хотя сынъ ея безпрестанно противорѣчилъ этимъ условіямъ и обычаямъ и никогда не соглашался съ ея воззрѣніями, она поневолѣ примирялась съ нимъ, убѣдясь его примѣромъ, что можно быть честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ совершенно внѣ этихъ условій. Онъ велъ себя относительно ея съ большою почтительностью, осторожностью и тактомъ, и избѣгалъ случаевъ раздражать ее противорѣчіемъ, но иногда, въ минуту увлеченія, высказывался противъ воли—и въ такихъ случаяхъ она, вздыхая, всегда повторяла: «я удивляюсь, какія у васъ нынче странныя понятія обо всемъ!» Это замѣчаніе напоминало ему, что онъ перешелъ должныя границы, и онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно перемѣнялъ разговоръ. Онъ былъ бы совершенно счастливъ и почти спокоенъ въ семейномъ быту, если бъ его не тревожило страшное честолюбіе, которое маменька питала за него. Маменькѣ непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ сдѣлалъ блестящую карьеру, получалъ чины, кресты, придворныя званія, чтобъ онъ составилъ хорошую партію, женился бы на какой-нибудь княжнѣ, графинѣ, или покрайней-мѣрѣ на графской или княжеской родственницѣ — великосвѣтской барышнѣ, а все это не совсѣмъ согласовалось съ его независимымъ образомъ мыслей, прямодушіемъ и отсутствіемъ всякаго тщеславія. Отсюда возникали иногда довольно непріятныя домашнія сцены и объясненія между сыномъ и матерью. Сестра его была дѣвушка очень умная и съ такимъ твердымъ и серьёзнымъ характеромъ, которые попадаются не часто и образуются въ самой неблагопріятной для нихъ средѣ какимъ-то чудомъ. Братъ любилъ ее безъ памяти и питалъ къ ней большое уваженіе, несмотря на то, что она была гораздо моложе его, потому-что передъ ней онъ чувствовалъ еще сильнѣе слабость собственнаго характера. Она была посредницею между бра-

томъ и матерью, особенно въ минуты честолюбивыхъ припадковъ послѣдней, относительно сына.

Я бывалъ въ этомъ семействѣ довольно часто и проводилъ у нихъ иногда цѣлые вечера, въ то время, какъ мой товарищъ рыскалъ по Петербургу. Одна изъ самыхъ частыхъ посѣтительницъ въ ихъ домѣ была пансіонская подруга сестры моего товарища — прелестнѣйшая дѣвушка, какую я когда-либо встрѣчалъ въ жизни. Въ этой дѣвушкѣ было столько граціи, — не условной, искусственной граціи, которая вырабатывается воспитаніемъ, а природной, выходящей изъ глубины благородной, прекрасной природы, — столько гармоніи во всемъ ея существѣ, что она вдругъ поражала невольно и останавливала всякаго, кто видѣлъ ее въ первый разъ. Она была такъ нѣжна и легка, что иногда, при поэтическомъ настроеніи духа, ее можно было принять за видѣніе. Бѣлокурые, почти льняные и пушистые волосы украшали ея головку; черты лица ея отличались не столько правильностью, сколько привлекательностью, которая особенно выражалась въ ея темносѣрыхъ глазахъ. Ея станъ, ростъ, нога и рука—все это могло бы служить образцомъ для художника. Таково было первое впечатлѣніе, производимое ею на всѣхъ; но странно, когда въ нее вглядывались ближе, къ нему присоединялось какое-то неопредѣленное, но грустное чувство, возбуждаемое непрочностью и слабостью этого существа, которое, казалось, не могло ни минуты быть само по себѣ, безъ посторонней помощи и поддержки. Она походила на тѣ нѣжныя, тонкія, вьющіяся растенія, которыя ищутъ возлѣ себя деревца—и если находятъ его, то съ любовью обвиваются около его стебля и поднимаются до самой его вершины, а если не находятъ, то разстилаются по землѣ и глохнутъ въ травѣ; подъ защитою этого деревца онѣ не боятся бури, но вянутъ отъ одного грубаго прикосновенія руки человѣческой.

Я не могъ судить объ ея умѣ, потому-что мнѣ не случалось говорить съ ней серьёзно и она вообще, кажется, была мало разговорчива; но въ самомъ пустомъ, обыкновенномъ разговорѣ ея было что-то пріятное; можетъ-быть причиною этого былъ звучный, но въ то же время

тихій, симпатическій голосъ. Я впослѣдствіи видалъ ее довольно часто—и не слыхалъ отъ нея никогда ни одного пошлаго слова: но всего сильнѣе дѣйствовала на меня ея улыбка, въ которой была неотразимая привлекательность и которая, какъ лучъ солнца, вдругъ озаряла ея личико. Эта улыбка была полнымъ выраженіемъ ея внутренней веселости, которая никогда не доходила до смѣха, — по-крайней-мѣрѣ я не видѣлъ ее смѣющуюся вслухъ. Женскій смѣхъ — вещь очень серьёзная... Смѣхъ часто изобличаетъ внутреннія качества женщины и степень ея развитія. Женскій, громкій и рѣзкій смѣхъ, раздражающій нервы, отталкиваетъ отъ самой хорошенькой женщины.

При появленіи каждаго новаго незнакомаго лица, она тотчасъ, казалось, уходила въ себя,—до того она была робка и впечатлительна, и если даже кто-нибудь изъ знакомыхъ обращался къ ней въ разговорѣ, она всякій разъ какъ-будто внутренно вздрагивала.

Когда я увидѣлъ въ первый разъ эту дѣвушку и еще не зналъ, кто она, я былъ убѣжденъ, что такое тонкое, изящное и деликатное существо могло родиться не иначе, какъ въ высшихъ сферахъ общества, — до того сильны предразсудки, вкоренившіеся въ насъ съ дѣтства. Мнѣ, я долженъ признаться откровенно, было даже нѣсколько непріятно, когда я узналъ, что она дочь купца, и послѣ этого въ первыя минуты она нѣсколько потеряла для меня свой поэтическій колоритъ; вглядываясь въ нее потомъ внимательно, я старался отыскивать въ ней (хотя напрасно) какихъ-нибудь слѣдовъ того сословія, къ которому принадлежала она.

Сестра моего товарища чувствовала къ ней глубокую привязанность и говорила о ней почти съ увлеченіемъ, хотя вообще увлеченіе вовсе не было свойственно ея серьезной природѣ. Товарищъ мой часто забывалъ для нея клубы, театры и своихъ пріятелей и цѣлые вечера, къ удивленію всѣхъ, просиживалъ дома... Даже его матушка благосклонно находила, «qu'elle est tout à fait distinguée», хотя мысль, что дочь купца—другъ ея дочери, всетаки нѣсколько оскорбляла ее.

Товарищъ мой передалъ мнѣ, что у подруги его сестры въ живыхъ только отецъ-старикъ—человѣкъ нрава крутаго, русскій самодуръ, но очень любящій ее по-своему, и что она богатая и единственная его наслѣдница.

Однажды мы какъ-то откровенно разговорились объ этой замѣчательной дѣвушкѣ...

— А что, любезный другъ, женись-ка на ней, замѣтилъ я:—право, я говорю нешутя.

— Какой вздоръ! возразилъ онъ: — нѣтъ, любезный другъ; во-первыхъ, я старъ для нее: мнѣ ужь тридцать лѣтъ; во-вторыхъ — нравиться женщинамъ я не умѣю и не могу, да у меня и фигура не такая; а въ-третьихъ— я не такъ себя поставилъ, я испортилъ всю мою жизнь, изуродовалъ себя—и ни къ чему серьёзному не способенъ, а женитьба—вещь очень серьёзная. Къ тому же, ты знаешь мою матушку! Изъ этого могли бы выйдти такія семейныя сцены и непріятности!... Она женщина добрая, хорошая, но вся напичкана, къ сожалѣнію, барскими предразсудками...

— Если бы я былъ увѣренъ, что я точно могу составить ея счастіе... но дѣло въ томъ, что я въ этомъ вовсе не увѣренъ. Какъ мнѣ ни надоѣла эта бродячая, цыганская, глупая и пустая жизнь, которую я веду досихъ-поръ, какъ она ни тяготитъ меня, какъ мнѣ ни опротивѣла вся эта компанія, среди которой я провелъ мою молодость и отъ которой путнаго слова не услышишь, а всетаки я еще не совсѣмъ отдѣлался отъ нее, и она—я ужъ это чувствую—положила на меня неизгладимую печать и сдѣлала меня ни на что негоднымъ.

Товарищъ мой говорилъ тономъ грустнымъ и жолчнымъ и не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій, но вдругъ онъ расхохотался.

— Мы, впрочемъ, толкуемъ ужаснѣйшія глупости, сказалъ онъ:—ну, скажи пожалуйста, можешь ли ты меня вообразить серьёзно женатымъ? Мнѣ кажется, смѣшнѣе этого ничего быть не можетъ. Признайся.

Я долженъ былъ сознаться, что это правда.

— То-то и есть! Нѣтъ, ужь мнѣ, видно, придется остаться холостякомъ на всю жизнь — и промаячить ее

безполезно и для себя, и для другихъ. Если бъ я вздумалъ пріобрѣсти *подругу жизни*, изъ этого бы вышло вотъ что... слушай!

Онъ началъ представлять комическую картину своей семейной жизни —и самъ отъ души заливался надъ своею остроумною фантазіею...

Прошло съ годъ послѣ этого. Подруга сестры моего товарища посѣщала ее такъ же часто, но товарищъ мой началъ явно удаляться отъ нее и избѣгать ее.

Разъ какъ-то мы сговорились ѣхать куда-то вмѣстѣ и я заѣхалъ за нимъ. Я нашелъ его противъ обыкновенія въ мрачномъ, безпокойномъ и раздражительномъ расположеніи духа.

— Нѣтъ, братъ, я что-то не расположенъ ѣхать... извини меня, сказалъ онъ мнѣ, когда я напомнилъ ему о нашемъ визитѣ:—скучно и лѣнь.

Онъ уничтожалъ папироску за папироской и почти все молчалъ, что̀ съ нимъ случалось необыкновенно рѣдко.

— Да что съ тобою?... Ты нездоровъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, развѣ я бываю когда-нибудь боленъ? У меня воловья природа, на меня ничего не дѣйствуетъ... Ахъ, знаешь ли новость? сказалъ онъ послѣ минуты молчанія:— Пивоваровъ женится.

— Съ чѣмъ его и поздравляю. Это, впрочемъ, меня мало интересуетъ, возразилъ я.

— Но какъ ты думаешь, на комъ?

— Почему же я знаю. Ну, напримѣръ?

— Чортъ знаетъ, это просто ни на что непохоже! Какъ-то вѣрить не хочется — на Ольгѣ Петровнѣ (такъ звали подругу сестры его).

— Можетъ ли это быть! вырвалось у меня невольно:— какимъ же это образомъ? Что можетъ быть общаго между этою дѣвушкою и между этимъ господиномъ?

— А между-тѣмъ она будетъ его женою!... Въ-самомъ-дѣлѣ, не безобразно ли это?

— Да неужели жь это правда? Если бы мнѣ это приснилось, я такой сонъ почелъ бы самымъ глупѣйшимъ изъ сновъ.

— Дѣйствительность-то видно иногда бываетъ глупѣе

сновъ, возразилъ мой товарищъ: — мнѣ ужасно жаль эту дѣвушку. Неправда ли, жаль ее?

— Но развѣ ужъ все рѣшено?

— Къ несчастью. Старикъ ея отецъ и дѣдушка этого противнаго купчика—старинные пріятели. Они, говорятъ, давно между собою рѣшили это прекрасное дѣло: соединить современемъ свои капиталы посредствомъ этого брака. Вѣдь ея отецъ — это закоснѣлый, упорный мужикъ, который если заберетъ какую-нибудь чушь въ голову, такъ ее коломъ потомъ изъ нее не выбьешь.

— Да она-то что же?

— Что жъ она? ее и не спрашивали. Ей объявили, когда ужъ дѣло было рѣшено. Это твой женихъ—и кончено. Говорятъ, она бросилась къ отцу, умоляла его, чтобъ онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, объявила ему, что она не любитъ этого господина и никогда любить не будетъ, а отецъ затопалъ ногами, поднялъ крикъ. «Дочь, говоритъ, должна повиноваться отцу, а не разсуждать. Отецъ лучше знаетъ, что̀ можетъ составить счастье дочери. Еще ты молода, привыкните другъ къ другу, послѣ, говоритъ, слюбитесь,»—и прочее въ этомъ родѣ, какъ водится, а затѣмъ привели жениха, да и благословили ихъ. Страшно, говорятъ, смотрѣть на эту бѣдную дѣвушку! Сестра моя просто въ отчаяніи, — ты знаешь, какъ она любитъ ее. Мы вчера съ сестрой имѣли пренепріятную сцену съ матушкой. Она начала увѣрять насъ, что Пивоваровъ прекрасная партія для нея... что чего же наконецъ ей нужно! не за князя же ей выйдти замужъ! что она всетаки купеческая дочь и что Пивоваровъ — женихъ, какихъ немного... что онъ легко бы могъ даже сдѣлать лучшую партію съ такимъ огромнымъ состояніемъ, какое у него въ виду, то-есть, что и дворянка могла бы осчастливить его своимъ согласіемъ на бракъ! Я не выдержалъ и сказалъ ей, что такъ разсуждать, какъ разсуждаетъ она, безчеловѣчно... Тутъ поднялась буря, посыпались на меня жалобы, упреки; при этомъ удобномъ случаѣ все вычитали мнѣ: что я не хочу служить, какъ слѣдуетъ, веду праздную жизнь, имѣю знакомства Богъ-знаетъ съ какими людьми (ну, это-то отчасти правда!),

что Перфильевъ моложе меня, а ужъ давно камеръ-юнкеромъ, что я не умѣю искать ни въ комъ, и прочее, и прочее. Въ заключеніе нервическій припадокъ, все это, какъ слѣдуетъ. — Мнѣ-то это, впрочемъ, все нипочемъ, съ меня какъ съ гуся вода, но мнѣ больно за сестру, она и безъ того разстроена, да и при такихъ сценахъ она всегда страдаетъ больше меня... Что жъ,—печально прибавилъ въ заключеніе мой товарищъ, — нападать послѣ этого на грубость и безчеловѣчіе какого-нибудь разжившагося и разъѣвшагося мужика, въ родѣ отца Ольги Петровны, когда женщины добрыя, считающіяся образованными, и притомъ *дворянскаго происхожденія*, разсуждаютъ не лучше!.. Нѣтъ, любезный другъ, жить скучно!...

Какъ-будто для окончательнаго раздраженія моего товарища, въ эту минуту явился къ нему Иванъ Петровичъ.

— Батюшка, Александръ Григорьичъ, заговорилъ онъ, входя въ комнату: — поздравьте насъ, на нашей улицѣ праздникъ, *мы* женимся! Вотъ будетъ пиръ-то горой! И невѣста-то какая у насъ, — да вѣдь вы ее знаете, что вамъ говорить о ней. Фея, можно сказать, эдакая. только ужъ слишкомъ эфирна, не мѣшало бы немножко поплотнѣе. Теперь у насъ въ домѣ такая возня идетъ— ужасть! Дѣдушка-то нашъ даетъ намъ особую половину возлѣ себя въ бель-этажѣ. ужъ отдѣлывать начали: потолки мы вызолотимъ, стѣны шолкомъ обобьемъ. зеркала до потолка пустимъ—знай нашихъ! А тамъ наслѣдничка заведемъ — эдакого махонькаго. Одной мебели, я вамъ скажу, мы ужъ заказали Туру тысячъ на пятнадцать, ей-Богу. Мнѣ жалко, что часы-то онъ подарилъ Шарлотѣ Ѳедоровнѣ, а эти бы часы въ гостиную на мраморный каминъ—славно было бы, ужъ такихъ часовъ въ Петербургѣ ни за какія деньги не достанешь... И какъ я радъ этой свадьбѣ, то-есть вы не повѣрите! точно какъ-будто я самъ женюсь, ей-Богу... Такое веселье пойдетъ теперь... эти свадебные банкеты, балы... гуляй, душа!

— Убирайтесь вы съ вашими банкетами и балами! вскрикнулъ мой товарищъ съ такимъ презрѣніемъ и негодованіемъ, какого я никогда не видѣлъ въ немъ. —

Иванъ Петровичъ вытаращилъ глаза отъ удивленія и даже испугался.

— Веселье! продолжалъ мой товарищъ: — хорошо веселье, когда невѣсту потащутъ подъ вѣнецъ силой!... Если бъ въ вашемъ глупомъ, безпутномъ Васильѣ Прохорычѣ былъ хоть признакъ сердца, если бъ у него была хоть капля совѣсти, хоть тѣнь собственнаго достоинства, онъ отказался бы отъ нея. Понимаете ли вы, что брать себѣ жену насильно—подло!... Впрочемъ, и я, дуракъ, что я вамъ это говорю... (онъ разгорячался все болѣе и болѣе)...—вы не поймете этого,—ни вы, ни вашъ Василій Прохорычъ: вы безсмысленно радуетесь этому потому, что вы блюдолизъ и по случаю этого брака вамъ представляется лишній разъ наѣсться и напиться!...

Иванъ Петровичъ совсѣмъ оробѣлъ отъ такой рѣзкой выходки, совершенно неожиданной для него, особенно отъ такого добраго, кроткаго и вѣчно веселаго человѣка, каковъ былъ Александръ Григорьичъ. Иванъ Петровичъ переминался съ ноги на ногу, посматривалъ жалобно то на него, то на меня, какъ-будто глоталъ что-то и безсвязно бормоталъ:

— Да нѣтъ, помилуйте, Александръ Григорьичъ, я что же... я тутъ ничѣмъ не виноватъ-съ... мое дѣло — сторона.

Товарищъ мой молчалъ. Иванъ Петровичъ повертѣлся немного, потомъ началъ было разсказывать какое-то новое похожденіе купеческаго сынка Мыльникова; но, замѣтивъ, что его не слушаютъ, и почувствовавъ неловкость, незамѣтно удалился.

VI.

Въ послѣдніе дни передъ свадьбою сестра моего товарища почти не оставляла ни на минуту своей подруги. «Я боюсь за нее, говорила она мнѣ:—она не перенесетъ этого. Меня пугаетъ ея наружное спокойствіе. Она какъ-будто примирилась съ своимъ положеніемъ, но это не примиреніе, а равнодушіе отчаянія. Я вздумала было гово-

рить ей обыкновенныя утѣшительныя пошлости и увѣрять ее, что въ ея женихѣ, кажется, есть много хорошихъ сторонъ, что она своимъ вліяніемъ на него можетъ современемъ развить эти стороны и отвлечь его отъ дурнаго общества, въ которомъ онъ находится, но она остановила меня. «Бога ради!» сказала она: — «не говори того, чему ты сама не вѣришь. Я прошу тебя только объ одномъ: не оставляй меня. Безъ тебя я съума сойду!» И она бросилась ко мнѣ на грудь. «Господи! если бы я могла хоть плакать», прибавила она: «мнѣ все-таки было бы легче.» Я не выдержала и высказала все ея отцу; но онъ отвѣчалъ мнѣ на это: — «Нѣтъ, матушка, вы ужъ пожалуйста не сбивайте ее съ толку. Ужъ это наше дѣло, все это пустяки, все обладится. Вы ужъ, сударыня, не безпокойтесь понапрасну.»

Наканунѣ свадьбы мы съ товарищемъ моимъ сговорились вмѣстѣ ѣхать въ церковь. Онъ былъ въ числѣ приглашенныхъ, но не желалъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Онъ хотѣлъ присутствовать на этой церемоніи не оффиціально, а тайно.

— Это зрѣлище, говорилъ онъ: — плачевное: но, я самъ не знаю отчего, меня такъ и тянетъ посмотрѣть на него.

Въ восемь часовъ вечера мы вошли въ церковь. Она была ярко освѣщена, всѣ свѣчи въ люстрѣ и паникадилахъ были зажжены, какъ въ дни великихъ торжествъ. Отъ самой паперти тянулся широкій коверъ. По обѣимъ сторонамъ поставлены были перилы, которыя отдѣляли обычныхъ и любопытныхъ свадебныхъ зрителей и зрительницъ отъ приглашенныхъ. На клиросѣ толпился большой хоръ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ съ галунами, кистями и откидными рукавами. Женихъ съ своими родственниками и пріятелями были уже въ церкви и ожидали невѣсту. Впереди всѣхъ стоялъ старикъ Пивоваровъ въ сюртукѣ съ гербовыми пуговицами, во всѣхъ медаляхъ и орденахъ, въ бѣломъ галстухѣ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, которыя надѣвалъ онъ можетъ-быть разъ пять или шесть въ своей жизни, въ самые торжественные случаи. Лицо его сіяло удовольствіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ должна была осуществиться самая

любимая мечта его. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то генераломъ въ золотыхъ галунахъ, въ лентѣ и съ двумя звѣздами.

Женихъ въ бѣломъ галстухѣ съ большимъ бантомъ, въ бѣломъ жилетѣ, на которомъ блестѣла цѣпочка съ кучею брелоковъ, и въ палевыхъ перчаткахъ, безукоризненно обтягивавшихъ его руки, разговаривалъ съ своими пріятелями: Иваномъ Петровичемъ и купеческимъ сынкомъ Мыльниковымъ, который стоялъ неподвижно, улыбаясь, и съ трудомъ поворачивалъ свою завитую голову въ сторону, боясь, вѣроятно, измять свои брыжжи; жидъ-факторъ, по своему обыкновенію, выставлялъ голову впередъ, скалилъ зубы и безпрестанно поворачивалъ голову изъ стороны въ сторону, какъ-бы обнюхивая носомъ кругомъ себя; Иванъ Петровичъ съ умиленіемъ поглядывалъ то на дѣдушку, то на внучка, то на генерала въ лентѣ; на послѣдняго съ чувствомъ благоговѣйнаго удовольствія, какъ-будто, глядя на него, онъ думалъ: «знай нашихъ! вотъ какіе у насъ пріятели!»

Вдругъ во всей толпѣ, наполнявшей церковь, обнаружилось движеніе, всѣ головы обернулись къ дверямъ, пронесся всеобщій шопотъ: «невѣста! невѣста!» и хоръ грянулъ концертъ. Товарищъ мой вздрогнулъ и поднялся на цыпочки, чтобъ лучше видѣть...

Я увидѣлъ невѣсту въ ту минуту, когда она уже стояла рядомъ съ женихомъ. Передъ этимъ я давно не видалъ ее. Мнѣ показалось, что она нѣсколько похудѣла. Вглядываясь въ нее пристальнѣе, я замѣтилъ, что она стояла совершенно безъ всякаго движенія, что даже ни одинъ мускулъ на лицѣ ея не шевелился и вѣки были полуопущены, точно какъ-будто она замерла въ такомъ положеніи.

— Посмотрите-ка, Пелагея Ивановна, говорила сзади меня какая-то барыня, толкая подъ руку другую: — что это такое: въ невѣстѣ-то ни кровинки, точно какъ не живая стоитъ, ей-Богу!

— Да, да! а женихъ-то очень не дуренъ, очень! возразила Пелагея Ивановна:—вѣдь, милліонщики, говорятъ, и онъ, и она.

— Ужь это всегда такъ, матушка, богатые къ богатымъ и льнутъ...

— А посмотрите, посмотрите, что это женихъ-то какъ-будто пошатывается! перебила Пелагея Ивановна.

Я взглянулъ на него, и мнѣ точно показалось, что онъ... не то, чтобы пошатывался, а въ корпусѣ его обнаруживались повременамъ какія-то неестественныя движенія и лицо его было какъ-то ужъ очень красно, составляя рѣшительный контрастъ съ лицомъ его невѣсты. Въ эту минуту Иванъ Петровичъ, стоявшій впереди насъ за перилами, обратился къ какому-то господину, стоявшему съ нимъ рядомъ, и, улыбаясь, сказалъ:

— А вѣдь *нашъ* немножко... того — и при этомъ онъ щолкнулъ по своему бѣлому галстуху: — онъ, знаешь, передъ самымъ отъѣздомъ для куражу одинъ хватилъ цѣлую *сулеечку*.

— Что ты!

— Ей-Богу! подтвердилъ Иванъ Петровичъ:— нельзя же, надо, знаешь, кровь привести въ движеніе: вѣдь сегодня намъ трудовъ-то будетъ много!

И они оба засмѣялись.

— Вотъ ужь это свадьба, такъ свадьба! начала сзади меня Пелагея Ивановна: — какіе пѣвчіе — чудо! а у діакона-то какой голосъ!

Дѣйствительно, діаконъ былъ замѣчательный! покраней-мѣрѣ мнѣ не удавалось слышать такого. Его глухой и густой басъ гремѣлъ, какъ раскаты грома, подъ церковными сводами и, казалось, заставлялъ дребезжать стекла въ оконныхъ рамахъ. Протопопъ, благочестивой наружности съ клинообразной сѣдой бородкой, напротивъ, имѣлъ голосъ мягкій, нѣжный и едва слышный... Ихъ блестящія ризы, яркое освѣщеніе церкви, хоръ нарядныхъ пѣвчихъ, генералы въ блестящихъ мундирахъ, съ лентами черезъ плечо, купчихи, усыпанныя брилліантами,— все способствовало благолѣпію, блеску и торжественности бракосочетанія.

Когда таинство совершилось, протопопъ произнесъ краткое краснорѣчивое поучительное слово къ молодымъ, и затѣмъ начались поздравленія, поцѣлуи и прочее.

Наблюдательная Пелагея Ивановна, все время не спускавшая глазъ съ молодыхъ, вскрикнула въ ту минуту, когда начались поздравленія:

— Ахъ ты Господи! Посмотрите, что это молодой-то какъ-будто дурно... видите, видите, ее поддерживаетъ эта барышня!

Въ-самомъ-дѣлѣ ее поддерживала сестра моего товарища.

Толпа любопытныхъ бросилась къ церковной паперти, чтобы поближе взглянуть на молодыхъ, когда они будутъ садиться въ карету. Товарищъ мой схватилъ меня за руку...

— Ну, довольно! сказалъ онъ:—поѣдемъ ко мнѣ чай пить...

Мы едва продрались сквозь толпу...

Чай уже давно стоялъ передъ нами, товарищъ мой ходилъ по комнатѣ: я лежалъ на диванѣ и курилъ сигару. Оба мы были въ какомъ-то тяжеломъ раздумьи и не произнесли еще ни одного слова.

Наконецъ товарищъ мой остановился передо мною.

— Если подумаешь, какъ глупа наша жизнь, сказалъ онъ: —такъ, право, сдѣлается страшно!... Вотъ, напримѣръ, возьми хоть мою жизнь... Что это такое? Я до-сихъ-поръ былъ совершенно слѣпцомъ, ничего не понималъ и не видѣлъ, что дѣлается передо мною, никакая серьёзная человѣческая мысль не приходила мнѣ въ голову, я никогда не задумывался ни о самомъ себѣ, ни о чемъ, окружавшемъ меня,—ѣлъ, пилъ и шутилъ полжизни! А вѣдь я не дуракъ, имѣю кое-какое образованіе, могъ бы быть на что-нибудь годнымъ, — но полжизни безсмысленно и безсознательно протолкался на свѣтѣ, безполезно для самого себя и для другихъ... чтобы заслужить отъ пошлыхъ дураковъ лестное названіе *добраго малаго*, *славнаго товарища* — это вѣдь ужасно!... Я наконецъ дошелъ до того, что отупѣлъ совершенно, и нахожу удовольствіе въ обществѣ шутовъ, подобныхъ Ивану Петровичу, я считаю его добрымъ малымъ, точно такъ же, какъ и онъ меня въ свою очередь: между нами начинаетъ рождаться даже нѣкотораго рода симпатія. Вася Пивоваровъ считаетъ

меня почти *своимъ*, я въ этомъ убѣжденъ... да что Пивоваровъ?... Развѣ мой другъ Ртищевъ и тому подобные лучше его? Развѣ какой-нибудь великосвѣтскій, утонченный шутъ, пресмыкающійся и разстилающійся передъ всякимъ внѣшнимъ величіемъ и передъ всякою силою, самъ доползшій до богатства и почестей лестью и шуточками — лучше чѣмъ-нибудь купеческаго грубаго шута и блюдолиза Ивана Петровича? И мнѣ совѣстно, что я послѣдній разъ оскорбилъ его, онъ вѣдь всетаки беззащитный!... конечно, онъ гадокъ и подлъ, но онъ не чувствуетъ этого, а я это вижу ясно—и пускаю его къ себѣ для своей забавы! Какое же имѣю право оскорблять его? Нѣтъ! съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой я болѣе путаюсь въ этой жизни и мнѣ становится тяжелѣе... Я во что бы то ни стало разомъ прерву всѣ мои прежнія связи и всѣ эти трактирныя и другія нелѣпыя знакомства. Я ужь одержалъ побѣду надъ собою, — поздравь меня, — я не велѣлъ пускать къ себѣ Ивана Петровича и еще нѣкоторыхъ господъ гораздо повыше его... Глядя сегодня на этихъ тупыхъ, безсмысленныхъ и толстыхъ женщинъ съ бриллiантами и съ черными зубами; на этихъ бородатыхъ самодуровъ, налитыхъ чаемъ; на этого разфранченнаго жениха, полупьянаго дикаря въ костюмѣ англійскаго денди, и представляя себѣ будущую картину его супружеской жизни и страданій, ожидающихъ эту несчастную женщину,—я задыхался отъ негодованія... Вѣдь очень нужно было ей родиться въ такой средѣ! Впрочемъ, знаешь что?... разсуждая хладнокровно, можетъ быть и въ другихъ средахъ участь ея была бы не легче. Много ли бы она выиграла оттого, если бы родилась княжною и должна бы была сдѣлаться, напримѣръ, женою какого-нибудь князя Ртищева?... Такія явленія, какъ она, у насъ исключенія, а всякое исключеніе, все, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей—обречено на гибель. Ну, способны ли мы,—скажи по совѣсти,—цѣнить эти рѣдкія, утонченныя женскія натуры: — вѣдь мы со студенческихъ скамеекъ прямо, очертя голову, бросаемся въ грязь жизни и потомъ по горло тонемъ въ ней, пресыщаясь всевозможными и даже невозможными наслаж-

деніями; мы, люди, рождающіеся въ довольствѣ и въ обезпеченіи, не привыкшіе ни къ какимъ заботамъ, ни къ какимъ лишеніямъ, не испытавшіе никогда, что такое нужда, имѣющіе возможность удовлетворять всѣмъ нашимъ прихотямъ — дѣлаемся, какъ «плодъ — до времени созрѣлый», ни на что негодными нравственно, растлѣнными внутри... Мы нападаемъ на Пивоварова, а въ сущности, чѣмъ Пивоваровъ хуже какого-нибудь сынка или внучка милліонера съ великолѣпными титлами и гербами? И тотъ, и другой одинаково подвергаются порчѣ еще съ отроческаго возраста и представляютъ потомъ примѣры возмутительной пустоты и безпутства. У того и другаго съ раннихъ лѣтъ образуется маленькій дворъ изъ различныхъ шутовъ, льстецовъ и угодниковъ... Разница между ними та, что одинъ пустой и безпутный господинъ такъ-называемаго *хорошаго тона*, а другой—дурнаго тона, и мы, язвительно нападая на послѣдняго, защищаемъ перваго потому только, что онъ пустъ, безпутенъ и развратенъ по всѣмъ правиламъ какого-то нелѣпаго, условнаго comme il faut. Хороши мы, нечего сказать!... Le bon ton, la vie élegante! Видалъ я вблизи эту элегантную жизнь,—славная жизнь, нечего сказать!... Татарская дикость одинаково скрывается и подъ элегантными формами какого-нибудь князька-милліонера, и подъ франтовскимъ костюмомъ Пивоварова или купеческаго сынка Мыльникова,—только у послѣднихъ она уже слишкомъ рѣзко бросается въ глаза.

Товарищъ мой былъ очень раздраженъ, и потому я не противорѣчилъ ему, да, признаюсь, и противорѣчить-то было нечему.

— Во всѣхъ классахъ общества, конечно, есть люди хорошіе, продолжалъ онъ:—но если у насъ встрѣчаются люди въ полномъ и благородномъ значеніи этого слова—съ значеніемъ, съ убѣжденіемъ, съ мыслію, — серьезные, дѣльные, самосостоятельные люди, такъ они выходятъ изъ тѣхъ бѣдныхъ классовъ, которые каждый шагъ въ жизни чуть не съ колыбели принуждены брать съ бою.... А отъ насъ ждать, кажется, нечего.... Впрочемъ, я рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку надъ собою: побѣдить въ себѣ лѣнь, побороть пустоту и заставить себя заняться чѣмъ-

нибудь серьёзно. Мнѣ давно предлагаютъ такого рода мѣсто, на которомъ я могу быть, кажется, полезенъ. И теперь мнѣ ничего болѣе не остается, какъ отдать всего себя служебной дѣятельности. Что̀ изъ этого выйдетъ, я не знаю,—но попробую.... Какъ ты думаешь? спросилъ онъ меня послѣ минуты молчанія.

— Это прекрасно, отвѣчалъ я: — попробуй. Надобно же испытать самого себя. Сложить руки и цѣлый вѣкъ стонать о своемъ безсиліи, о своей неспособности— глупо и стыдно.

— Рѣшено! Съ этой минуты я перерождаюсь!... произнесъ онъ съ увлеченіемъ:—ты не повѣришь, какъ иногда мнѣ мучительно хочется дѣла, я ищу его — и оно, какъ кладъ, мнѣ не дается, да если бы и далось, то въ первое время я еще, мнѣ кажется, не зналъ бы, какъ за него взяться. Всетаки надобно воспользоваться первымъ предстоящимъ случаемъ, а этотъ случай — именно мѣсто, которое предлагаютъ мнѣ.

Такимъ-образомъ толкуя, мы просидѣли далеко за полночь. Товарищъ мой нѣсколько развеселился, и, какъ человѣкъ увлекающійся, очень много фантазировалъ о предстоящей ему служебной дѣятельности.

Когда я уходилъ отъ него, онъ, провожая меня и улыбаясь, съ грустнымъ и горькимъ юморомъ сказалъ:

— Ты скоро не узнаешь меня. Я въ-самомъ-дѣлѣ превращусь если не въ дѣльнаго и серьёзнаго человѣка, то въ дѣльнаго и серьёзнаго чиновника!... А Ольга Петровна?... прибавилъ онъ черезъ минуту, качая головою:— она ужь жена Пивоварова!... Чортъ знаетъ, къ этой мысли нѣтъ возможности привыкнуть!... Ну, прощай! до свиданія...

Онъ какъ-то быстро и круто повернулся и захлопнулъ дверью.

VII.

Первое время послѣ женитьбы я очень часто видѣлъ Пивоварова въ ложѣ итальянской оперы, и всякій разъ въ этой ложѣ появлялся князь Ртищевъ и просиживалъ тамъ

очень долго. Хозяинъ ложи предоставлялъ ему обыкновенно мѣсто впереди возлѣ своей жены, а самъ садился сзади, очень довольный тѣмъ, что весь Петербургъ видитъ, какъ онъ близокъ съ княземъ. Объ этой близости его съ княземъ Петербургъ точно начиналъ поговаривать очень громко. Разныя значительныя лица при встрѣчѣ съ княземъ, благосклонно улыбаясь, спрашивали его:—Ну что, любезный другъ, какъ дѣла идутъ—хорошо? и князь, почтительно наклонивъ голову, какъ-будто не понимая вопроса, возражалъ, улыбаясь:

— Какія дѣла? — стараясь смягчить нѣсколько свой густой басъ передъ значительными лицами.

— Еще прикидывается! замѣчали благосклонно значительныя лица:—а! каковъ?... А вотъ мы насплетничаемъ на тебя твоей женѣ....

Я забылъ сказать, что князь уже давно былъ женатъ и даже былъ отецъ семейства.

— Не безпокойся, любезный другъ, продолжали значительныя лица:—мы постараемся быть скромными, а у тебя вкусъ не дуренъ, надо отдать тебѣ справедливость. C'est une trés jolie femme et tout-a-fait distinguée.... Откуда взялась этакая изъ купчихъ! это странно!...

Однажды я сидѣлъ въ оперѣ рядомъ съ моимъ товарищемъ. Впереди насъ вертѣлся въ антрактѣ изнѣженный офицерикъ-фатъ, тотъ самый, съ которымъ мы обѣдали нѣкогда въ ресторанѣ. Онъ разговаривалъ съ какимъ-то штатскимъ фатомъ.

— Une jolie personne! говорилъ, ломаясь, штатскій? смотря въ бинокль на ложу Пивоварова:—кто это такая?

— Гдѣ? спросилъ офицерикъ.

— Вотъ эта дама, въ ложѣ у которой князь Ртищевъ.

— А-а!... какъ-будто ты не знаешь? Это жена Пивоварова. Ртищевъ въ связи съ нею: это ужь весь городъ знаетъ.

Товарищъ мой поблѣднѣлъ.

— Я тебѣ не совѣтую повторять этого, сказалъ онъ, обращаясь къ офицерику:—это ложь самая глупая, нелѣпая и безстыдная, и если бы я услышалъ это отъ самого Ртищева, я и ему сказалъ бы, что онъ лжецъ и хвастунъ.

Во всякомъ случаѣ, распространять мерзкія городскія сплетни и позорить женщину—неблагородно.

— Mais pardon, pardon! забормоталъ офицеръ: — я говорю то, что всѣ: можетъ-быть это и несправедливо, но....

— Но, перебилъ мой товарищъ: — я этого не позволю никому говорить при мнѣ, потому-что я знаю эту женщину и вполнѣ убѣжденъ, что это клевета.

Смущенный офицерикъ повертѣлся, пробормоталъ еще нѣсколько pardon и удалился.

— Скажите пожалуйста, что это сдѣлалось съ Сашей? сказалъ онъ мнѣ, останавливая меня при выходѣ изъ театра:—изъ веселаго, добраго малаго онъ превратился въ какого-то мрачнаго чудака, избѣгаетъ порядочнаго общества, удаляется отъ всѣхъ насъ, придирается къ каждому слову, говоритъ непріятныя вещи.... Вы понимаете, что если бы не наша старая связь, не эта короткость, которая всегда существовала между нами, — я не позволилъ бы ему говорить мнѣ такъ рѣзко и еще при другихъ! Я ему прощаю только потому, что я все-таки люблю его, что онъ нашъ старый пріятель.... Вы понимаете...

— Понимаю, отвѣчалъ я.—Нѣтъ, ты простилъ бы всякому, любезный другъ, подумалъ я:—потому-что ты жалкій, изнѣженный франтъ и трусъ....

Впрочемъ, не одинъ этотъ офицеръ, а многіе изъ прежнихъ пріятелей моего товарища начинали отзываться о немъ неблагосклонно. Изъ этого я заключилъ, что онъ нешутя дѣлается серьёзнѣе. Онъ занялъ то мѣсто, о которомъ говорилъ мнѣ, и отдался своему новому служебному поприщу съ жаромъ и увлеченіемъ, по сознанію самыхъ дѣльныхъ изъ своихъ сослуживцевъ. Къ изумленію не только своихъ прежнихъ пріятелей, но вообще всѣхъ обычныхъ посѣтителей публичныхъ увеселеній, между которыми онъ пользовался большою популярностью, онъ пересталъ появляться въ театрахъ, въ маскарадахъ, въ ресторанахъ и на увеселительныхъ сходбищахъ. Сожалѣніе и удивленіе его прежнихъ пріятелей скоро перешло въ равнодушіе и наконецъ почти въ презрѣнье къ нему. — «Онъ сдѣлался совсѣмъ чиновникомъ», говорили о немъ эти господа съ гримасой.

Толки о женѣ внука милліонера и о князѣ Ртищевѣ скоро прекратились, потому-что князь вдругъ неизвѣстно почему пересталъ ѣздить къ Пивоваровымъ. Такъ-какъ жизнь нашего общества состоитъ по большей части изъ самыхъ мелкихъ интересовъ и сплетенъ, то всякое мельчайшее происшествіе съ извѣстнымъ лицомъ становится въ преувеличенныхъ размѣрахъ общимъ достояніемъ и предается различнымъ толкованіямъ:—одни говорили, что князь Ртищевъ пересталъ волочиться за женою Пивоварова потому, что она ему надоѣла; другіе напротивъ увѣряли, что онъ удалился отъ нея потому, что потерялъ терпѣніе и всякую надежду на успѣхъ....

Говорятъ, что первый годъ внучекъ милліонера держалъ себя относительно своей жены довольно прилично, отчасти потому, что о красотѣ ея прокричали во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества—слѣдовательно она удовлетворяла его тщеславію; отчасти потому, что дѣдушка объявилъ ему рѣшительно, что если женатымъ онъ не станетъ вести себя, какъ слѣдуетъ, и по-прежнему будетъ предаваться *дебоширству*, то онъ лишитъ его наслѣдства.

Но дѣдушка черезъ полтора года послѣ бракосочетанія внука скончался, а вскорѣ за нимъ послѣдовалъ и тесть молодаго Пивоварова — отецъ Ольги Петровны. Василій Прохорычъ сдѣлался полнымъ властелиномъ милліоновъ, которые такъ давно издалека улыбались ему, и кромѣ того жена его получила, какъ говорили, послѣ отца до милліона.

Долго послѣ этого слухи о богатствѣ Пивоварова, по обыкновенію въ размѣрахъ преувеличенныхъ и колоссальныхъ, занимали любознательные петербургскіе умы. Имя его сдѣлалось извѣстно всѣмъ въ Петербургѣ, отъ самаго знатнаго сановника до самаго бѣднаго чиновника. При встрѣчѣ съ нимъ многіе невольно останавливались и съ любопытствомъ, какъ чудо, разсматривали его съ ногъ до головы. Василій Прохорычъ при этомъ подавалъ постоянную пищу празднымъ петербургскимъ умамъ, которые сочиняли о немъ удивительные анекдоты и даже цѣлыя легенды, содержанія совершенно баснословнаго....

Василій Прохорычъ, послѣ смерти дѣдушки, началъ

съ того, что разломалъ его старинный домъ, прикупилъ къ нему мѣсто за большія деньги и возвелъ огромное зданіе съ каріатидами, статуями, вазами, гирляндами и другими архитектурными украшеніями, во вкусѣ Растрелли; вставилъ въ оконныя рамы цѣльныя зеркальныя стекла; меблировалъ внутри съ неслыханною роскошью: наставилъ на мраморные подоконники у каждаго окна банановъ и другихъ тропическихъ растеній, вездѣ пустилъ шелки, бархаты, тюли; не пощадилъ мрамора, бронзы, и, наконецъ, чтобы ни въ чемъ не уступить своему сопернику по богатству Мавроконаки, развѣсилъ на всѣхъ стѣнахъ картины извѣстныхъ современныхъ живописцевъ, въ дорогихъ рѣзныхъ рамахъ, несмотря на то, что къ живописи не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія. Картины свои онъ пріобрѣлъ оригинально. Онъ пріѣхалъ однажды къ Нигри — извѣстному въ Петербургѣ продавцу картинъ и другихъ художественныхъ вещей (Нигри самъ потомъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности, смѣшаннымъ съ ироніею, разсказывалъ мнѣ объ этомъ).

— Ну, говоритъ, мосьё Нигри:—мнѣ нужны для моего новаго дома самыя лучшія картины первыхъ иностранныхъ мастеровъ и побольше; если у васъ, говоритъ, недостанетъ, такъ вы мнѣ ихъ выпишите. Я денегъ не пожалѣю, только лишь бы были самыя лучшія. Я полагаюсь вполнѣ на васъ.

Нигри привезъ ему до тридцати картинъ Кукуковъ, Каламовъ, Маду, Рокеплановъ, Деканъ и другихъ самыхъ громкихъ именъ между современными французскими и бельгійскими живописцами.

— Извольте, говоритъ, выбирать: это все *шедёвры*.

Картины разставили въ большой бальной залѣ.

Василій Прохорычъ прошелся по залѣ, бросилъ бѣглый взглядъ на картины и потомъ обратился къ Нигри.

— Славныя, говоритъ, картины, а что, видѣлъ ли ихъ Мавроконаки?

— Какже! Онъ мнѣ за одного Калама давалъ пять тысячъ рублей, да я ему сказалъ, что эти картины выписаны для васъ....

— Гм!... Василій Прохорычъ пріятно улыбнулся. —

Ну, а сколько онѣ всѣ стоятъ? Говорите только крайнюю цѣну.

— Шестьдесятъ-пять тысячъ, отвѣчалъ Нигри, призадумавшись немного: — и то только въ такомъ случаѣ, если вы купите разомъ всѣ.

— Уступите, говоритъ, что-нибудь.

— Тысячу рублей я, пожалуй, уступлю для васъ, но болѣе ни копѣйки.

— Ну такъ, говоритъ, по рукамъ, мосьё Нигри. Картины всѣ за мною.

И затѣмъ онъ повелъ Нигри въ свой кабинетъ и отсчиталъ ему шестьдесятъ четыре тысячи рублей.

— Я, прибавилъ мнѣ Нигри въ заключеніе:—больше тридцати лѣтъ торгую картинами, но такой случай со мной былъ первый разъ въ моей жизни. На такую сумму вдругъ не всегда въ жизни удастся продать. Когда онъ сказалъ мнѣ, что онъ оставляетъ всѣ картины за собою, у меня дрожь пробѣжала по тѣлу, а когда онъ вынулъ деньги, такъ у меня даже въ глазахъ помутилось. Вотъ каковъ г. Пивоваровъ! Это рѣдкій, великодушный человѣкъ!...

При этомъ разсказѣ въ глазахъ г. Нигри дрожали слезы—и не мудрено.

Второй подвигъ Пивоварова былъ—пріобрѣтеніе дачи, принадлежащей князю N. Устройство этой дачи стоило ему также огромныхъ денегъ. Его оранжереи, сады и парки приводили въ свое время въ справедливое изумленіе весь Петербургъ.

Тщеславіе милліонера разросталось все болѣе и болѣе. Онъ, говорятъ, скупалъ у портныхъ цѣлыя груды модныхъ матерій для себя, чтобы ни у кого въ Петербургѣ не было такихъ платьевъ, панталонъ и жилетовъ, какъ у него; подковывалъ рысаковъ своихъ серебряными подковами; угощалъ зимой свѣжими ягодами и другими рѣдкостями военныхъ и статскихъ генераловъ, которые, объѣдаясь на его обѣдахъ, смотрѣли на него съ чувствомъ глубочайшей признательности и умиленія, и послѣ обѣда за ликерами, забывая свое величіе и свой санъ, прижимали его къ своей сіяющей груди съ отцовскою нѣжностью.

— Вотъ человѣкъ, который умѣетъ пользоваться своимъ богатствомъ, говорили они.

Но на этихъ банкетахъ съ генералами, льстившихъ его тщеславію, онъ не могъ развертываться вполнѣ; они даже нѣсколько утомляли и тяготили его... и онъ отдыхалъ отъ нихъ по вечерамъ въ обществѣ людей своихъ, близкихъ, къ которымъ неизмѣнно принадлежали: Иванъ Петровичъ, купеческій сынокъ Мыльниковъ, жидъ-факторъ, биржевой маклеръ, и къ которымъ вновь присоединились: актеръ, воспѣвавшій его въ застольныхъ куплетахъ, и капельмейстеръ какого-то театра, посвящавшій ему свои кадрили и польки. На этихъ задушевныхъ сборищахъ выпивалось несмѣтное количество такъ-называемыхъ *сулеечекъ* и русскій широкій разгулъ доходилъ до послѣднихъ предѣловъ. Всѣ задушевные пріятели Василія Прохорыча не терпѣли его жены и даже до нѣкоторой степени боялись ее,—вѣроятно потому, что она держала себя отъ нихъ далеко и обращалась съ ними холодно, чувствуя въ свою очередь нѣкоторую боязнь къ нимъ. Почетные гости Василія Прохорыча — военные и штатскіе генералы—не обнаруживали также къ ней большаго расположенія. Они отзывались о ней, какъ о женщинѣ сухой и холодной. И самъ Василій Прохорычъ явно начиналъ ощущать при ней какую-то неловкость: она стѣсняла его порывы и невольно останавливала его размашистость. Отъ этого онъ старался держать себя какъ можно подальше отъ нея. Все это можно было безошибочно вывести изъ различныхъ толковъ и слуховъ, особенно же изъ словъ Ивана Петровича, который всякій разъ при встрѣчѣ со мною считалъ необходимымъ подходить ко мнѣ и заводить со мною бесѣду.

— Наша Ольга Петровна, говорилъ онъ:—прекрасная дама, только ужъ такая серьёзная, строгая, что Боже упаси. У, какая бѣдовая! Ни шуточкой ее не разсмѣшишь и никакимъ эдакимъ манеромъ къ ней не подъѣдешь. Такая, знаете, *не тронь меня*, и неразговорчивая: все больше любитъ уединеніе и книжки читаетъ. А ужъ на счетъ того, чтобы эдакъ расположеніе кому обнаружить глазками или улыбкой — куда!... На что князь Ртищевъ

ужь молодецъ! онъ какъ, знаете, подъѣзжалъ къ намъ, — да нѣтъ, съ тѣмъ и отъѣхалъ. Взятки-то съ насъ гладки! Такая, я вамъ скажу, добродѣтель, что въ нашемъ сословіи, то-есть въ богатомъ купечествѣ, — я ужъ ихъ всѣхъ, голубушекъ-то, знаю!—такой еще, кажется, и не бывало. Ей-Богу! Точно есть такія, что очень важно и строго себя держатъ, — а противъ какого-нибудь князя съ аксельбантами да съ саблей ни одна, ужъ я вамъ доложу, не устоитъ... Что и говорить: Ольга Петровна — это рѣдкостная дама!... Что касается до добродѣтели, то такую другую, конечно, и днемъ съ огнемъ не отъищешь, только ужъ никакой веселости, точно какъ въ воду опущенная: ничто ее не занимаетъ, на все смотритъ—на дорогія тысячныя вещи, какъ на грошевыя, и ласки ни за что не дождешься отъ ней, а вы сами изволите знать, что ласковая телятка двѣ матки сосетъ. Нашему-то, натурально, и хочется иногда, чтобы она приласкала его. Привезетъ онъ ей какую-нибудь шаль, тысячъ въ пять серебромъ, или этакой эсклаважъ какой-нибудь, который горитъ какъ солнце,—хоть бы когда-нибудь за щеку что ли потрепала его, или поцѣловала, сказала бы: «мерси, душка!» — ни за что, все твердитъ одно и то же: «Зачѣмъ мнѣ это? На что это мнѣ?» Ну это ужь, какъ хотите, обидно: такимъ обращеніемъ, воля ваша, не привяжешь къ себѣ. Немудрено послѣ этого, если мы будемъ и на сторонку поглядывать: да другимъ домкомъ заживемъ-съ. За это и винить насъ нельзя будетъ... Да вотъ хоть бы, примѣрно, мы хотѣли балы давать,—вѣдь эдакой домище, залы какія! само собой разумѣется, что хочется щегольнуть ими: зимній садъ освѣтили бы, фонтаны пустили бы, — весь Петербургъ ахнулъ бы, да нѣтъ-съ, куда!... Ольга Петровна и слышать не хочетъ, а вѣдь безъ хозяйки какой же балъ! И на наши званые-то обѣды она выходитъ какъ-будто нехотя, изъ одного только приличія, а не то, чтобы занять гостей, обласкать, полюбезничать, какъ слѣдуетъ хозяйкѣ, а гости-то какіе, Господи! первѣйшій генералитетъ, звѣздъ-то у насъ за обѣдами, какъ въ темную ночь на небѣ.... Мыльниковъ, тотъ иногда, знаете, съ-просту брякнетъ,—такъ онъ разъ сказалъ про

нее: не въ коня, говоритъ, кормъ. И дамы наши тоже ее не жалуютъ, никуда вѣдь ѣздить не хочетъ, только и дружбу ведетъ, что съ сестрицей Александра Григорьича... Я, впрочемъ, очень уважаю Ольгу Петровну — прекраснѣйшая дама, умная, — добрая такая, а ужъ это видно такой характеръ....

Каждый разъ Иванъ Петровичъ заводилъ, между-прочимъ, рѣчь о моемъ товарищѣ.

— Какъ ихъ здоровье? спрашивалъ онъ: — давно не имѣлъ счастія ихъ видѣть, ихъ теперь никогда и застать нельзя. Сдѣлались важными, дѣловыми людьми: въ министры смотрятъ,—такъ ужъ нашему брату развѣ только издалека на нихъ посмотрѣть можно!...

VIII.

Послѣ смерти дѣдушки, внукъ милліонера совсѣмъ почти не появлялся въ публику со своею женою. Онъ на театрахъ и на гуляньяхъ былъ постоянно съ Иваномъ Петровичемъ, который поотекъ, постарѣлъ и посѣдѣлъ нѣсколько, но оставался, по-прежнему шутникомъ и забавникомъ. Василій Прохорычъ также замѣтно измѣнился. Онъ значительно пополнѣлъ и въ лицѣ его обнаружилась какая-то не совсѣмъ пріятная пухлость и краснота. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей балета и сидѣлъ обыкновенно съ Иваномъ Петровичемъ въ первомъ ряду на абонированныхъ креслахъ, изрѣдка только, вѣроятно для разнообразія, появляясь въ литерной ложѣ вмѣстѣ съ своей обычной компаніей — и тогда изъ этой ложи раздавались громы рукоплесканій одной изъ хорошенькихъ корифеекъ и къ ногамъ ея сыпались дорогіе букеты. Когда мнѣ случалось бывать въ балетѣ, я замѣтилъ, что всѣхъ больше выходилъ изъ себя, кричалъ и аплодировалъ при ея появленіи на сцену Иванъ Петровичъ и жидъ-факторъ.

Такъ прошло года два...

На петербургской сценѣ, предшествуемая громкой репутаціей, появилась танцовщица уже не первой легкости

и молодости, но съ роскошными, пластическими формами и съ остатками граціи, которой нѣсколько вредила излишняя полнота. Несмотря на всѣ ухищренія, принятыя противъ нее поклонниками юныхъ отечественныхъ талантовъ, пріѣзжая танцовщица имѣла успѣхъ блистательный и заняла свѣтскіе петербургскіе умы покрайней-мѣрѣ недѣли на двѣ. Ее окружали всѣ извѣстные въ Петербургѣ любители хореграфическаго искусства и пластическихъ формъ — и одинъ изъ почетныхъ петербургскихъ старцевъ, семидесятилѣтній театралъ, раздававшій вѣнки славы всѣмъ наѣздницамъ, актрисамъ и танцовщицамъ, торжественно объявилъ, что если она не выше Тальони и Эльслеръ, то въ своемъ родѣ не уступитъ ни одной изъ нихъ; что она соединяетъ въ себѣ легкость и грацію Тальони съ выразительною мимикой и пластичностью Эльслеръ. Почтенный старецъ-театралъ составилъ около себя клику изъ горячихъ молодыхъ людей, неутомимыхъ крикуновъ и хлопальщиковъ и руководилъ ими. Пріѣзжая танцовщица безъ поддержки почтеннаго старца не могла бы, конечно, имѣть такого блистательнаго успѣха, она знала это, и награждала его самымъ кокетливымъ вниманіемъ и ласкала своей пухлой, бѣлой ручкой съ драгоцѣнными кольцами на пальцѣ его морщинистыя щеки,— а онъ, глядя на нее, замиралъ отъ умиленія, отчего нижняя губа его почти совсѣмъ отваливалась...

Во главѣ ея поклонниковъ, во второй же ея дебютъ, явился внучекъ милліонера въ литерной ложѣ со всей компаніей и съ возомъ букетовъ. Корифейкѣ, которую онъ протежировалъ, нанесенъ былъ въ этотъ вечеръ ударъ неожиданный и страшный. Она вертѣлась, прыгала и дѣлала пируэты, такъ что потъ градомъ катился съ ея личика, и въ заключеніе подскакивала къ рампѣ и, останавливаясь передъ нею, тщетно улыбалась благосклонной публикѣ, вызывая этой милой улыбкой ея одобренія... ни одного звука, похожаго на аплодисментъ, не раздалось въ этомъ безчувственномъ партерѣ, который еще съ недѣлю назадъ тому восторженно привѣтствовалъ ея появленія. Бѣдная дѣвочка въ тоскливомъ предчувствіи чего-то недобраго выправляя носки за кулисами, залилась горячими слезами

Но когда во второмъ актѣ балета пріѣзжая танцовщица, въ три прыжка перелетѣвъ сцену, закружилась у рампы и потомъ упала на руки танцора, поднявъ очень высоко правую ножку и принявъ неописанно-граціозную и соблазнительную позу; когда громъ рукоплесканій раздался по залѣ, а изъ литерной ложи раздались дикіе, неистовые крики: Brava! Brava!... и посыпались на сцену гирлянды и букеты, которые, казалось, готовы были затопить сцену, какъ во время неронова пиршества, описанонго г. Меемъ, и изумленные зрители обратились къ цвѣточной ложѣ,—несчастная корифейка, видѣвшая все это, поняла, что участь ея рѣшена, и чуть не упала въ обморокъ.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ антрактѣ, Василій Прохорычъ въ бѣломъ галстукѣ, самодовольный и гордый, потвился въ партерѣ... Почетный и почтенный старецъ-театралъ съ глубокимъ чувствомъ пожалъ ему руку, назвалъ его *просвѣщеннымъ любителемъ благороднаго хореграфическаго искусства* и замѣтилъ, что этотъ вечеръ навсегда останется памятнымъ въ *театральныхъ лѣтописяхъ*.

Послѣ этого онъ даже удостоилъ пригласить Василія Прохорыча къ себѣ на обѣдъ въ честь пріѣзжей знаменитости.

Обѣдъ этотъ могъ назваться баснословнымъ по роскоши. При окончаніи его, провозгласивъ тостъ пріѣзжей знаменитости, маститый хозяинъ-театралъ торжественно преклонилъ передъ нею свои старческія, трудно-сгибавшіяся колѣни...

Съ этого дня почетный старецъ принялъ внука милліонера подъ свое высокое покровительство, и вскорѣ за тѣмъ пронесся въ городѣ слухъ, что внукъ милліонера нанялъ для пріѣзжей знаменитости квартиру въ одной изъ лучшихъ частей города и великолѣпно меблировалъ ее. Пріѣзжая знаменитость начала появляться на Невскомъ проспектѣ въ ослѣпительномъ блескѣ и въ поражающей роскоши, что отчасти еще болѣе способствовало ея сценическимъ успѣхамъ. Безусые офицеры и штатскіе франты начали сходить отъ нея съ ума, и всякій разъ провожали

ее на театральномъ подъѣздѣ, послѣ представленія, съ криками, и когда однажды, тронутая такимъ энтузіазмомъ своихъ поклонниковъ, она бросила имъ изъ кареты свой платокъ, они растерзали его на части, чтобы имѣть каждому хоть по маленькому лоскуточку этой драгоцѣнности, и носили его потомъ на груди, зашивъ въ ладонку. Близкія сношенія внука милліонера съ пріѣзжею знаменитостью возвысили его значительно въ глазахъ многихъ петербургскихъ господъ; тѣ, которые прежде не хотѣли смотрѣть на него, начали даже заискивать его знакомство... Это была самая блестящая минута его жизни; но въ то время, какъ нравственный кредитъ его поднялся до такой высоты, его денежный кредитъ начиналъ пошатываться. Со смерти своего дѣдушки онъ почти прекратилъ всѣ коммерческія дѣла и, какъ носились слухи, значительно тронулъ свои капиталы: на покупку домовъ и дачъ, на постройку новыхъ зданій, меблировку и прочее, и прочее; при этомъ говорили, что передъ своими короткими сношеніями съ пріѣзжею знаменитостью онъ долженъ былъ внести предварительно на ея имя въ какое-то кредитное учрежденіе до 300,000 руб. серебромъ.

Пріѣзжая знаменитость, какъ оказалось впослѣдствіи, отличалась твердостью, настойчивостью и необыкновенною жадностью къ деньгамъ и брильянтамъ. Она въ домашней своей жизни была настоящая *Катарина, дочь разбойника*, и не имѣла ничего общаго съ Сильфидами, Ундинами, Жизелями и со всѣми этими восхитительными воздушными и идеальными существами, которыхъ она такъ прекрасно олицетворяла на сценѣ. Положительность и разсчетливость руководили всѣми ея поступками въ жизни. Она выписала изъ-за границы мать, двухъ братьевъ, которыхъ пристроила въ циркъ, и еще какого-то француза-*кузена*, молодаго и рослаго малаго, съ курчавыми, густыми волосами, съ большими усами, съ самодовольными и вполнѣ баззастѣнчивыми манерами, которому она отдѣлила двѣ комнаты въ своей квартирѣ... Вся эта орда содержалась, разумѣется, на счетъ Василія Прохорыча, а у кузена завелись даже собственные экипажи.

Кузенъ, говорятъ, производилъ очень непріятное впе-

чатлѣніе на Василья Прохорыча. Его свободное обращеніе съ кузиной возбуждало въ Васильѣ Прохорычѣ чувство ревности—и онъ однажды рѣшился требовать, чтобы кузена отправили назадъ за-границу, но это требованіе возбудило такую страшную бурю, послѣ которой онъ ужь окончательно и безусловно притихъ и подчинился новопріѣзжей знаменитости, убѣдясь, что съ знаменитостями нельзя обращаться, какъ съ обыкновенными женщинами, съ какими-нибудь Луизами, корифейками и имъ подобными.

Увѣряли, что во время этой бури разбитъ былъ, между-прочимъ, въ дребезги превосходный севрскій сервизъ, стоившій рублей семьсотъ, который былъ поднесенъ Василіемъ Прохорычемъ пріѣзжей знаменитости въ день ея рожденія.

— Вы думаете, что я дорожу этой дрянью, которую вы дарите мнѣ? кричала она, принявъ угрожающую, трагическую позу...

И при этомъ драгоцѣнный сервизъ вмѣстѣ со столикомъ изъ розоваго дерева, съ фарфоровыми медальонами во вкусѣ Буше, полетѣлъ съ громомъ къ ногамъ несчастнаго обожателя, и черепки Севра разлетѣлись по комнатѣ...

— Vous êtes un barbare! un monstre! un cosaque!... Я не могу жить съ вами болѣе ни минуты... Я не хочу болѣе видѣть васъ! и прочее.

Василій Прохорычъ при мысли, что пріѣзжая знаменитость броситъ его, совершенно потерялся и упалъ передъ нею на колѣни, вымаливая прощенія за свои дерзкія слова; но прощеніе послѣдовало только тогда, когда поднесены были новые дорогіе сюрпризы и подарки. И такія сцены повторялись безпрестанно... Братья пріѣзжей знаменитости—также знаменитый эквилибристъ и клоунъ и не менѣе знаменитый наѣздникъ, разсыпавшіе въ разговорѣ черезъ слово: Fichtre, parbleu, morbleu, diantre и другія еще болѣе энергическія восклицанія, вмѣстѣ съ кузеномъ распоряжались самовластно въ домѣ своей родственницы: угощали своихъ пріятелей обѣдами и ужинами, распивали шампанское съ утра до ночи, метали ланскене, до кото-

раго сама знаменитость была величайшая охотница, и кромѣ всего еще объигрывали Василія Прохорыча на значительныя суммы....

Одинъ изъ старинныхъ знакомыхъ Василія Прохорыча, извѣстный петербургскій аферистъ и ростовщикъ, родившійся, если я не ошибаюсь, отъ молдавана и мордовки, что-то въ родѣ этого, съ необыкновеннымъ добродушіемъ разсказывалъ однажды при мнѣ на русскомъ языкѣ, съ какимъ-то страннымъ акцентомъ, о томъ, какъ онъ угощалъ у себя обѣдомъ пріѣзжую знаменитость съ братцами и Василія Прохорыча. Я передамъ только одну сущность этого неподражаемаго разсказа.

— Василій Прохорычъ, говорю я имъ (и во все время разсказа ростовщикъ улыбался съ хитростью и изрѣдка подмигивалъ однимъ глазомъ): — мнѣ бы очень хотѣлось угостить вашу даму. Пріятная дама. Ухъ, какой глазъ! а какъ ножками работаетъ—Боже мой!... Если бъ она сдѣлала мнѣ такую честь, я счастливѣйшій въ мірѣ былъ бы человѣкъ!... А мнѣ ее, видите, больно хотѣлось заманить потому, что вотъ какое обстоятельство: Василій Прохорычъ привелъ меня къ ней, отрекомендовалъ, я къ ручкѣ подошелъ и обѣдалъ у нее — все какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣда она подходитъ ко мнѣ—тонкій эдакій взглядъ, показываетъ на карты и спрашиваетъ меня: мусьё, говоритъ, будете въ ланскенехтъ играть? Думаю, нельзя же отказаться. Первый разъ въ домѣ, неловко и такая барыня пріятная.—Я говорю: «Буду, буду, мадамъ.» А она мнѣ на это по-русски: «Это корошо, корошо!» И сѣли мы... Метали ихные братцы, молодцы такіе на всякіе фокусы... я все вижу, молчу, не ловко же мнѣ, первый разъ въ домѣ. Дѣлать нечего, проигралъ 200 р., вынулъ и заплатилъ. Но я самъ себѣ не врагъ, я наверстаю эти деньги, думаю себѣ,—онѣ не пропадутъ. Я и позвалъ къ себѣ откушать всю компанію, обѣдъ мнѣ стоилъ 300 р., вотъ и примѣтьте, стало-быть эта барыня стоила мнѣ всего 500 р. Послѣ обѣда я подхожу къ ней, да и говорю также, какъ она мнѣ у себя дома: «мадамъ, я говорю, будете въ ланскенехтъ?» и высыпалъ на столъ все золотыя, такія новенькія, блестятъ. «Корошо, мосьё, говоритъ, корошо», а

у самой глазъ на золото такъ и разгорѣлся... И всѣ съ охотой усѣлись къ столу... Я и началъ метать, а я вотъ видите хоть и не умѣю по ихнему фокусы дѣлать, а своимъ манеромъ дѣлаю чисто, *сансы* ужь всѣ на моей сторонѣ, я это знаю заранѣе. Барыня все проигрываетъ и горячится и куши надбавляетъ. Тысячу пятьсотъ рублей проиграла. Я бы могъ съ нее десять, двадцать тысячъ сорвать, но не хотѣлъ. Думаю довольно, надо и совѣсть знать. Василій Прохорычъ вынулъ полторы тысячи изъ кармана и тутъ же заплатилъ мнѣ за нихъ... Ну, а за что же я буду даромъ угощать, сами скажите, и своихъ денегъ вынимать изъ кармана! На деньги можно получить удовольствіе, тогда деньги не жалко... Но опять же такія дѣла дѣлать, какъ Василій Прохорычъ, безъ разсчета, это себѣ во вредъ, это опять не годится. Что онъ посадилъ въ эту даму денегъ—никто повѣрить не можетъ. Еще годикъ-другой такъ, можетъ случиться дурно и кредитъ свой подорветъ... и честь потеряетъ, банкротъ будетъ. Что же хорошаго? Мнѣ жаль его, сердце у него славное, все на широкую ногу любитъ, но деньга не щепка; деньга—счетъ любитъ. Скопить милліоны трудно, а прожить—ничего не стоитъ. Ну теперь ему покуда деньги даютъ... теперь еще можно: у него еще женнинъ капиталъ не тронутъ, а скоро придется, если все такую жизнь вести будетъ, и за женнины денежки приняться....

Ростовщикъ скорчилъ печальную гримасу, вздохнулъ и покачалъ головою.

Дѣйствительно, черезъ годъ послѣ этого пронеслись слухи въ Петербургѣ, что дѣла Василія Прохорыча въ величайшемъ разстройствѣ, что его дома, дровяные дворы и подвалы въ гостиномъ дворѣ и на биржѣ — все въ залогѣ; что онъ уже взялъ значительную часть денегъ изъ капитала своей жены и сверхъ этого ищетъ еще занять тысячъ до пятидесяти. Въ то же время говорили, будто пріѣзжая знаменитость пріобрѣла два дома въ Парижѣ, въ послѣднюю свою поѣздку за границу.

Отношенія къ ней внука милліонера, по увѣреніямъ его близкихъ, становились съ каждымъ днемъ тягостнѣе, сцены между ними чаще и чаще. Не было никакой воз-

можности бороться съ ея ежедневно увеличивающимися капризами и съ беззастѣнчивостью ея родственниковъ.

Капризы эти доходили до мелочей невѣроятныхъ. Несмотря на то, что у ней былъ поваръ-французъ, съ блестящей репутаціей, которому платились огромныя деньги, она увѣряла, напримѣръ, что онъ не умѣетъ приготовлять бульона, а что она безъ бульона ничего кушать не можетъ; сердилась, выбѣгала изъ-за стола (это было только въ тѣ дни, когда Василій Прохорычъ у нее обѣдалъ)—и внучекъ милліонера долженъ былъ самъ рыскать по городу за бульономъ; но когда онъ являлся съ бульономъ, у нее пропадалъ аппетитъ и она выгоняла отъ себя своего обожателя вмѣстѣ съ бульономъ.

Такого рода ежедневныя сцены приводили въ страшное раздраженіе Василія Прохорыча, и гнѣвъ его, ничѣмъ неудержимый, разражался обыкновенно дома. Онъ вымѣщалъ на своей женѣ всѣ оскорбленія и непріятности, которыя покорно и молчаливо выносилъ отъ своей возлюбленной...

Сестра моего товарища (вышедшая замужъ за человѣка, котораго она давно любила) и ея мужъ, узнавъ положительно о разстройствѣ дѣлъ у Василья Прохорыча и о томъ, что Ольга Петровна отдала уже ему значительную часть изъ своего капитала, поняли, что для спасенія ея надо дѣйствовать неотлагательно и рѣшительно—и они уговорили ее остальныя принадлежащія ей деньги отдать въ полное ихъ распоряженіе....

Василій Прохорычъ не подозрѣвалъ этого. Ему понадобилось тысячъ десять на покупку бриллiантоваго колье, которое онъ хотѣлъ поднести пріѣзжей знаменитости въ день ея бенефиса, надѣясь такимъ подаркомъ смягчить ея строптивость.

Василій Прохорычъ обратился за этими деньгами къ женѣ, увѣренный вполнѣ, что отказа не будетъ; но когда Ольга Петровна объявила ему, что она уже не можетъ располагать своими деньгами и что она отдала ихъ, онъ сначала остолбенѣлъ отъ удивленія, какъ-будто не вѣря своимъ ушамъ, потомъ пришелъ въ совершенное бѣшенство...

— Я знаю, кто тебѣ даетъ эти совѣты! кричалъ онъ... Я все понимаю... Это твой другъ, твоя пріятельница!... Да я имъ не позволю вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла! Я твой мужъ; но знаешь ли ты, что жена, по закону, должна во всемъ безпрекословно повиноваться мужу. Ты хочешь идти противъ закона? Я тебя заставлю повиноваться мнѣ... Отъ сегодняшняго дня я требую, чтобы нога твоя не была въ домѣ той госпожи, которую ты считаешь своимъ другомъ!

Василій Прохорычъ махалъ руками, топалъ ногами, принималъ угрожающія позы и стучалъ кулакомъ по столу.

Но когда Ольга Петровна рѣшительно и твердо объявила ему, что она скорѣй оставитъ его, чѣмъ свою пріятельницу, Василій Прохорычъ вдругъ, удивленный такимъ неожиданнымъ отпоромъ, присмирѣлъ.

Онъ понималъ, что если она оставитъ его въ эту минуту, онъ потеряетъ совершенно кредитъ: Василій Прохорычъ попросилъ у нее извиненія за свою горячность и поцѣловалъ ея ручку. Онъ не былъ золъ, и если бы жена его въ-самомъ-дѣлѣ вздумала оставить его, онъ навѣрно огорчился бы этимъ и можетъ-быть пролилъ бы даже нѣсколько слезъ о ней втайнѣ, хотя вообще онъ не питалъ къ ней ни малѣйшей нѣжности, рѣдко видѣлся съ нею и не могъ не сознать, что она даже нѣсколько мѣшаетъ его разгулу.

Когда я однажды спросилъ у сестры моего товарища:

— Какимъ образомъ такая женщина можетъ жить съ такимъ мужемъ? — она отвѣчала мнѣ, что Ольга Петровна нѣсколько разъ сознавалась ей въ томъ, что ея положеніе очень тяжело, что она не любитъ его, но между-тѣмъ невольно чувствуетъ къ нему что-то въ родѣ жалости, потому-что у него *доброе сердце*...

Деньги на колье Василій Прохорычъ досталъ черезъ добродушнаго ростовщика-молдавана болѣе 50 на 100, и подарокъ былъ поднесенъ пріѣзжей знаменитости послѣ перваго акта балета, вмѣстѣ съ огромнымъ и великолѣпнымъ букетомъ.

Но ни угодливость, ни покорность, ни подарки—ничто

не смягчало ея суроваго сердца и строптиваго нрава. Она безпощадно продолжала обирать и терзать своего несчастнаго обожателя. Василій Прохорычъ, какъ настоящій русскій человѣкъ, съ горя запилъ. *Сулеечки* уже перестали удовлетворять его, онъ приступилъ къ болѣе солиднымъ винамъ, и началъ колебаться между eau de vie de France, то-есть коньякомъ и очищенной.

Онъ напивался почти каждый вечеръ въ своемъ задушевномъ кругу и въ нетрезвомъ видѣ начиналъ обнаруживать буйство.

Однажды князь Ртищевъ, который послѣ нѣсколькихъ лѣтъ снова возобновилъ знакомство съ Василіемъ Прохорычемъ, уговорилъ его устроить у себя вечеринку съ цыганами.

Вечеринка эта, по своимъ неожиданнымъ трагическимъ послѣдствіямъ, произвела важный переворотъ въ жизни внука милліонера и надѣлала большаго шуму въ городѣ. О ней разсказывали потомъ различнымъ образомъ, но я сообщу здѣсь о ней достовѣрный разсказъ одного изъ присутствовавшихъ.

IX.

Вечеринка была устроена въ большой парадной столовой. Кромѣ задушевныхъ пріятелей Василія Прохорыча неизбѣжныхъ лицъ на всѣхъ его пирахъ—Ивана Петровича, купеческаго сынка Мыльникова, жида-фактора, актера, капельмейстера и другихъ, присутствовало еще нѣсколько пріятелей князя Ртищева.

Цыгане явились къ 11-ти часамъ, и тотчасъ же началась попойка.

Въ одномъ изъ антрактовъ между пѣснями, когда уже было порядочно выпито, кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ другому, отказывавшемуся отъ вина, что онъ боится пить оттого, что находится подъ башмакомъ у жены. Князь Ртищевъ подхватилъ это и, потрепавъ по плечу внука милліонера, обратился ко всѣмъ, улыбаясь, и сказалъ:

— А вѣдь какъ вы думаете, господа, нашъ амфитріонъ тоже подъ башмакомъ у своей супруги!

— У которой? вскрикнулъ кто-то.

— Я говорю про законную, отвѣчалъ князь:—у другихъ-то, батюшка, мы всѣ подъ башмаками!

Василій Прохорычъ нѣсколько обидѣлся.

— Ну что, не правда, что ли? спросилъ его князь.

— Нисколько, съ чего ты это взялъ? возразилъ Василій Прохорычъ:—я ссылаюсь на всѣхъ васъ (онъ обратился къ своимъ друзьямъ), кто хозяинъ въ домѣ, кто распоряжается всѣмъ: я или она?

— Еще бы! разумѣется — ты! закричали ему друзья въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, ужь этого никакъ нельзя сказать про Василія Прохорыча, *они* точно, что глава въ домѣ, прибавилъ Иванъ Петровичъ, обратившись къ Ртищеву.

Ртищевъ взглянулъ на Ивана Петровича, какъ на прожужжавшаго комара, или на пролетѣвшую муху, повернувъ чуть-чуть голову въ его сторону.

— Я повторяю, что ты подъ башмакомъ у жены, сказалъ онъ, обращаясь къ Василію Прохорычу:—полно, не притворяйся. Ты думаешь, что я повѣрю этимъ (князь Ртищевъ кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Иванъ Петровичъ и жидъ-факторъ); свидѣтельство людей подчиненныхъ нельзя принимать. Ну докажи, что ты господинъ у себя въ домѣ и что не ты находишься подъ властью у жены, а жена подъ твоею властью.

— Хорошо, но какъ же это доказать?

— Очень просто, отвѣчалъ князь Ртищевъ:—если Ольга Петровна явится сюда къ намъ теперь, хоть на минуту, я беру слово назадъ и сознаюсь, что я ошибался.

Василій Прохорычъ призадумался, выпилъ залпомъ стаканъ вина и потомъ произнесъ рѣшительно и торжественно:

— Черезъ пять минутъ она будетъ здѣсь.

— Браво! воскликнулъ князь.

— Браво! крикнули вслѣдъ за нимъ другіе.

Черезъ нѣсколько времени Василій Прохорычъ явился дѣйствительно съ Ольгою Петровною.

Только-что она переступила порогъ комнаты, какъ грянуло оглушающее «ура!», повторившееся троекратно.

— Здоровье Ольги Петровны! закричалъ князь Ртищевъ, взявъ бокалъ и подходя къ ней.

— Здоровье Ольги Петровны! повторило все собраніе.

— Я пью ваше здоровье! сказалъ ей князь Ртищевъ тихимъ голосомъ.

Передававшій мнѣ эту сцену замѣтилъ, что появленіе этой несчастной женщины, въ полупьяной и дикой компаніи, среди разрумяненныхъ и наглыхъ цыганокъ, при щолканьи пробокъ и при неистовыхъ, оглушающихъ крикахъ, произвело на него страшное впечатлѣніе.

— Мнѣ вдругъ стало стыдно за себя, что я попалъ въ это общество, говорилъ онъ: — я почувствовалъ презрѣніе и негодованіе ко всѣмъ этимъ господамъ, и тутъ же далъ себѣ слово прекратить съ ними всякія сношенія. У меня сердце обливалось кровью, глядя на эту бѣдную женщину!

Когда она вошла, въ первую минуту, лицо ея выражало не то испугъ, не то недоумѣнье; а когда князь Ртищевъ подошелъ къ ней и заговорилъ съ нею, она вся помертвѣла.

— Величанье Ольгѣ Петровнѣ! закричалъ Ртищевъ, подставляя стулъ и садясь возлѣ нее.

Когда цыгане пропѣли величанье, онъ наклонился къ ней и что-то началъ нашептывать ей. Лицо ея въ это время быстро мѣнялось, она то краснѣла, то снова блѣднѣла... Вдругъ онъ взялъ ее за руку, но она отдернула отъ него руку судорожно.

Въ эту минуту мужъ ея, который не могъ уже твердо держаться на ногахъ, постоянно слѣдившій за нею и за княземъ Ртищевымъ, посматривая на него мрачно и озирая его съ ногъ до головы, ко всеобщему удивленію выступилъ впередъ.

— Милостивый государь, началъ онъ, обратившись къ Ртищеву:—я не позволю вамъ волочиться за моею женою. Слышите ли? Вы опять за старое? Я все зналъ, все

видѣлъ, и молчалъ только потому, что не хотѣлъ говорить, а мнѣ все равно, что вы князь. Вы говорите, что я у ней подъ башмакомъ, такъ я же вамъ докажу, что я не подъ башмакомъ у ней!—я не потерплю, чтобы она позволяла вамъ за собой волочиться! Я ей этого не позволю! я съ ней могу все сдѣлать, и изъ дому ее выгнать, потому-что я мужъ!...

— Василій Прохорычъ, полноте... что это вы?... заговорили въ одинъ голосъ пріятели, испуганные такою неожиданною выходкою. Князь Ртищевъ сердито посмотрѣлъ на нихъ и только проговорилъ сквозь зубы:

— Оставьте его, онъ пьянъ! Съ нимъ можно будетъ говорить только тогда, когда онъ проспится.

— Я пьянъ?... Съ этимъ словомъ внукъ милліонера хотѣлъ было броситься на князя, но его удержали.

Ольга Петровна въ эту минуту вскочила со стула, но вдругъ вскрикнула и упала на полъ. Ее подняли и вынесли, а Василій Прохорычъ началъ послѣ этого рваться къ ней, колотить себя въ грудь и плакать. Князь Ртищевъ грозилъ убить его, всѣ остальные старались успокоить его, и разошлись въ величайшей тревогѣ.

Говорятъ, что внучекъ милліонера просилъ потомъ прощеніе у князя и что князь, по великодушію своему, не только простилъ его, но даже вслѣдъ затѣмъ роспилъ вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько *сулеекъ* шампанскаго.

Черезъ два дня послѣ этой сцены, о которой мнѣ разсказывали на другой день, мой товарищъ заѣхалъ ко мнѣ часу въ седьмомъ вечера. На немъ, какъ говорится, лица не было. Я испугался, взглянувъ на него.

— Я у тебя нечаянно... сказалъ онъ: — возлѣ тебя живетъ докторъ, котораго я ищу... я не засталъ его дома. Мнѣ сказали, что онъ воротится черезъ четверть часа...

— Что, ты боленъ? спросилъ я: — что́ съ тобой? Ты страшно измѣнился.

— Я совершенно здоровъ,—это я не для себя. Бѣдная Ольга Петровна умираетъ. Она у моей сестры уже два дня. Сестра перевезла ее больную къ себѣ, и сегодня ей сдѣлалось хуже. Я зналъ, что это должно кончиться трагически рано или поздно, такъ и случилось... Ея док-

торъ сказалъ, что у нея начинается нервическая горячка... Въ сію минуту она въ бреду.

Товарищъ мой, говоря это, ходилъ въ безпокойствѣ по комнатѣ и безпрестанно смотрѣлъ на часы.

— Ни я, ни сестра не слишкомъ довѣряемъ ея доктору, потому я и хочу пригласить твоего сосѣда. Его всѣ хвалятъ... Не правда ли, онъ хорошій докторъ?... Да ты ничего не слыхалъ, спросилъ онъ, остановясь вдругъ противъ меня:—ты не знаешь, какую сцену перенесла она?...

— Я знаю, отвѣчалъ я: — мнѣ обо всемъ разсказывалъ одинъ изъ свидѣтелей.

— Этотъ пьяный негодяй — мужъ ея — силою притащилъ ее на свою грязную пирушку и съ-пьяна вдругъ началъ ревновать ее къ Ртищеву, хотя прежде онъ радовался, что Ртищевъ волочился за нею и даже хвасталъ этимъ. А Ртищевъ-то хорошъ!... Онъ нагло приставалъ, надоѣдалъ, не давалъ покоя этой несчастной женщинѣ втеченіе цѣлаго года, компрометировалъ ее. Она все передавала моей сестрѣ, ты знаешь ихъ дружбу. Ольга Петровна, несмотря на свою доброту и кротость, не могла никогда говорить объ этомъ человѣкѣ безъ отвращенія.... И если бы ты могъ представить себѣ, какія мѣры употреблялъ этотъ господинъ,— и вѣдь онъ еще отецъ семейства! — для достиженія своей цѣли, съ какою безсовѣстностью онъ велъ себя относительно ея, и какъ онъ потомъ мстилъ ей, когда убѣдился, что ему ничто не удается! что̀ онъ наговорилъ ей въ этотъ вечеръ при первой встрѣчѣ съ нею послѣ нѣсколькихъ лѣтъ!... Если бы это передалъ мнѣ кто-нибудь другой, если бы я слышалъ это не отъ сестры моей, которая слышала все отъ самой Ольги Петровны,—я не повѣрилъ бы этому. И онъ позволялъ себѣ все это потому только, что онъ князь, а она жена купца. Что̀ такое для него, князя, жена купца? Онъ хоть всю жизнь возится съ барышниками и съ пьяными цыганами, хоть у него больше лошадиная, чѣмъ человѣческая природа—несмотря на это, онъ съ ногъ до головы все-таки проникнутъ своимъ аристократическимъ достоинствомъ.... И такого господина я считалъ своимъ пріятелемъ и называлъ добрымъ малымъ!... Но прощай, однако, мнѣ пора....

Ну что, если я опять не застану этого доктора? Что̀ я буду дѣлать?... Сдѣлай мнѣ дружбу, поѣдемъ вмѣстѣ — мнѣ надо сію же минуту во что бы то ни стало достать доктора!... надо спасти ее во что бы то ни стало!...

Товарищъ мой былъ въ такомъ волненіи и безпокойствѣ, что и безъ его просьбы я не оставилъ бы его одного...

Жизнь Ольги Петровны втеченіе нѣкотораго времени подвергалась величайшей опасности, такъ что доктора теряли надежду на ея выздоровленіе и потомъ сами признавались, что она спаслась какимъ-то чудомъ. Во время ея болѣзни, которая продолжалась четыре мѣсяца, сестра моего товарища не отходила отъ ея постели и товарищъ мой все это время почти жилъ у сестры.

Ольга Петровна начала выздоравливать къ началу весны. Доктора для окончательнаго поправленія ея здоровья посовѣтовали ей ѣхать за-границу и она отправилась вмѣстѣ съ сестрою моего товарища и ея мужемъ на первомъ пароходѣ.

Черезъ два мѣсяца послѣ ихъ отъѣзда, товарищъ мой объявилъ, что онъ выходитъ въ отставку и также намѣренъ отправиться за-границу.

— Я чувствую, говорилъ онъ мнѣ, что мнѣ необходимо оторваться на время отъ всѣхъ моихъ пошлыхъ воспоминаній, которыя не даютъ мнѣ покоя и пробуждаются здѣсь невольно на каждомъ шагу; отдохнуть отъ всѣхъ оскорбленій, огорченій, обманутыхъ надеждъ, забыть всю эту жизнь, даже всѣ эти улицы, зданія, обычаи и въ особенности лица—которыя я не могу видѣть безъ раздраженія и отъ каждаго слова которыхъ у меня разливается жолчь... Тяжело провести полжизни безсознательно, безсмысленно, въ какой-то страшной пустотѣ и въ чаду, и потомъ, утративъ половину энергіи, половину способностей, одурѣвъ нѣсколько отъ этой жизни, сознать все это; но еще тяжелѣе, ощутивъ потребность серьезной дѣятельности, горячее желаніе принести хоть крупицу пользы, сдѣлать хоть что-нибудь доброе и порядочное въ жизни; чтобы искупить свое прошлое.—дойдти наконецъ опытомъ до сознанія, что все это мечта, что рутина и предразсудки еще такъ сильны, что изъ борьбы съ ними невоз-

можно выдти побѣдителемъ.... Я бился больше трехъ лѣтъ, какъ рыба объ ледъ, и что же изъ этого вышло? Люди, и очень значительные люди, которые оказывали мнѣ величайшую благосклонность и даже подталкивали меня впередъ, когда я ничего не дѣлалъ и велъ пустѣйшую и безпутнѣйшую жизнь, которые называли меня тогда «славнымъ и добрымъ малымъ» и даже удостоивали мнѣ протягивать свои руки, — отвернулись отъ меня, когда я принялся за дѣло горячо и серьёзно, не отступая ни передъ кѣмъ отъ своихъ убѣжденій и не продавая ихъ. Всѣ эти значительные люди говорятъ обо мнѣ теперь, что я «или дуракъ, или человѣкъ безпокойный и вредный».... Когда я обратился по одному вопіющему дѣлу къ одному изъ такихъ значительныхъ лицъ, оказывавшихъ мнѣ свое высокое благоволеніе, — онъ мнѣ приходится еще и родственникъ немного,—и разсказалъ ему все дѣло въ подробности и роль, которую я въ немъ принялъ на себя, и просилъ его содѣйствія и помощи, онъ сказалъ мнѣ: «ты дѣйствуешь благородно и честно. Мѣшать я тебѣ не буду, но на мою помощь не надѣйся. Мое имя тутъ не должно быть вмѣшано»... И мнѣ остается теперь на выборъ — или измѣнить своимъ убѣжденіямъ, то-есть, сдѣлаться подлецомъ — и продолжать съ успѣхомъ подвизаться на служебномъ поприщѣ, получая потомъ черезъ два года награды, какъ это обыкновенно водится, — или бросить все и уѣхать куда-нибудь подальше. Я ужь во всякомъ случаѣ послѣднее предпочитаю первому... А и то сказать— нельзя же безусловно складывать все на другихъ и оправдывать самого себя. Изъ всего нашего поколѣнія, кажется, никакого толку не выйдетъ. Мы не приготовлены для борьбы и большая часть изъ этого поколѣнія, — я говорю о самыхъ замѣчательныхъ и лучшихъ людяхъ, — теряютъ всякую энергію и падаютъ духомъ при малѣйшемъ препятствіи. А ужъ если лучшіе люди таковы, — такъ чего же ожидать отъ насъ? У насъ нѣтъ ни терпѣнья, ни силы воли, ни ловкости, чтобы взяться за дѣло!... Мы представляемъ какое-то печальное и жалкое зрѣлище и въ общественной, и въ частной жизни. На словахъ мы мыслители, герои, а чуть до дѣла, то при малѣйшемъ

препятствіи, при малѣйшей опасности и даже недоразумѣніи—сейчасъ на попятный дворъ, и потомъ увѣряемъ себя, что истощили всѣ силы въ борьбѣ, сдѣлали все, что можно — вотъ такъ, какъ я себя теперь увѣряю; а другой на моемъ мѣстѣ можетъ-быть и преодолѣлъ бы препятствія и не отсталъ бы отъ дѣла такъ скоро....

Товарищъ мой остановился на минуту, грустно улыбнулся и прибавилъ:

— Впрочемъ, такого героя, я думаю, найдти трудно. Давидъ побѣдилъ одного Голіафа, но съ десятками Голіафовъ онъ все-таки не выдержалъ бы борьбу.... Нѣтъ, заграницу, поскорѣй за-границу!...

Слушая эти рѣчи моего товарища, я думалъ: — какъ самые прямодушные и откровенные люди иногда при объясненіи своихъ поступковъ забавно стараются обманывать и другихъ, и самихъ себя! Не препятствія и непріятности по служебной дѣятельности, а совсѣмъ другое обстоятельство, которое разгадать было не трудно, манило его за-границу, но онъ какъ-будто самому себѣ боялся признаться въ этомъ....

Передъ самой минутой разставанья, онъ обнялъ меня и еще двухъ своихъ пріятелей, которые провожали его, и сказалъ намъ сквозь слезы:

— Ну, прощайте, друзья! Врядъ ли мы скоро увидимся. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать. Я убѣдился въ этомъ. Жизнь моя вообще какъ-то дурно устроилась. Я никому ненуженъ, да и самъ себѣ становлюсь въ тягость. Прощайте....

Мнѣ говорили (я однако не ручаюсь за это), что внукъ милліонера очень раскаявался въ своемъ поступкѣ съ женою и даже (это ужь непонятно) нѣсколько дней скучалъ безъ нея.

Пріѣзжая знаменитость также оставила его вскорѣ послѣ этого. Она съ кузеномъ отправилась за-границу, потому-что дирекція театровъ не возобновила съ нею контракта.

Внукъ милліонера близился къ банкротству. Дома и

дачи его были проданы съ аукціоннаго торга и люди знающіе говорили, что за уплатой всѣхъ долговъ у него должна остаться весьма небольшая сумма денегъ. Переѣздъ Ивана Петровича къ купеческому сынку Мыльникову яснѣе всего обнаруживалъ, въ какомъ печальномъ состояніи находятся дѣла Василія Прохорыча.

Черезъ три года послѣ отъѣзда за-границу его жены, существованіе его совсѣмъ изгладилось.... Онъ какъ въ воду канулъ, и нигдѣ не показывался.

X.

Съ отъѣзда моего товарища за-границу прошло уже четыре года. Я получилъ отъ него нѣсколько писемъ, хотя онъ вообще по своей лѣнивой природѣ писать письма не охотникъ, даже къ друзьямъ, и я не обвиняю его за это. Онъ пишетъ только тогда, когда у него накипаетъ въ груди и когда онъ чувствуетъ уже непреодолимую потребность высказаться. Такого рода друзья (по моему мнѣнію) гораздо пріятнѣе и удобнѣе тѣхъ, которые вмѣсто писемъ посылаютъ вамъ обыкновенно цѣлые трактаты и диссертаціи, если не еженедѣльно, то ужъ навѣрно ежемѣсячно. Какую бы пламенную дружбу вы ни питали къ человѣку, но читать груду тонкихъ почтовыхъ листовъ, мелко исписанныхъ, хотя бы дружескою рукою—это величайшее изъ наказаній.

Письма моего товарища изъ-за границы (всегда очень короткія) постепенно становились все грустнѣй и грустнѣй. Въ концѣ ихъ онъ всегда прибавлялъ нѣсколько строчекъ объ Ольгѣ Петровнѣ. Изъ нихъ можно было заключить, что сначала теплый климатъ подѣйствовалъ на нее благодѣтельно и ни товарищъ мой, ни сестра его не сомнѣвались въ томъ, что она совершенно поправится; потомъ надежды эти понемногу слабѣли; она начинала чувствовать припадки болѣзни неисцѣлимой, и наконецъ обратились въ боязнь за ея жизнь. Вотъ отрывокъ изъ послѣдняго письма моего товарища:

«Я пишу къ тебѣ въ той комнатѣ, въ которой ле-

житъ наша больная, и боюсь, чтобы скрипъ моего пера не потревожилъ ее. Изъ этого ты можешь заключить, въ какомъ положеніи она находится... Боже мой! если бы ты могъ вообразить, какъ она измѣнилась, какъ похудѣла! Но, несмотря на всѣ страданія болѣзни, она сохранила вполнѣ свою прежнюю привлекательность, то милое выраженіе, которое ты, вѣрно, помнишь и которое съ перваго взгляда привлекало къ ней всякаго порядочнаго человѣка. Если бы ты зналъ, сколько жолчи, негодованія и презрѣнія во мнѣ въ сію минуту къ самому себѣ, къ непростительной дряблости моего характера, смѣшанной съ возмутительнымъ легкомысліемъ!

«Ты вѣрно догадывался, что я люблю ее. Несмотря на наши дружескія отношенія, я никогда не говорилъ объ этомъ, потому-что я самъ только объ этомъ *догадывался!* Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому-что я не былъ до сей минуты человѣкомъ вполнѣ, а догадывался только, что я человѣкъ... Развѣ было, въ-самомъ-дѣлѣ, что-нибудь человѣческое въ моей прежней дикой, безпутной жизни?... Только увидѣвъ въ первый разъ ее, я созналъ, что внутри меня есть все то, что отличаетъ человѣка отъ животнаго, и чувство, и мысль, и сердце, не въ смыслѣ куска мяса, а способное къ благороднымъ движеніямъ и готовое биться для возвышенныхъ ощущеній. Я ей обязанъ всѣмъ этимъ. И знаешь ли, если бы я до этого не былъ избалованнымъ, пустымъ и отупѣвшимъ барченкомъ, празднымъ кутилою безъ смысла и воли,— если бы я былъ человѣкомъ съ самостоятельностью, съ разумной силой воли, съ энергіей... я могъ бы быть счастливъ, безконечно счастливъ. Я ей не былъ противенъ, она питала ко мнѣ даже нѣкоторое расположеніе, и въ сію минуту, когда смерть стоитъ между ею и мною, теперь я убѣдился, что она и любитъ меня — и только теперь я ощущаю въ себѣ силы человѣка и готовъ на все для ея спасенія, когда уже для нее нѣтъ спасенія!

«А счастье было въ моихъ рукахъ... Развѣ съ любовью въ сердцѣ, вполнѣ сознанной, съ энергіей, свойственной всякому разумному существу, я не преодолѣлъ бы для нее всѣ препятствія, какъ бы они ни казались непреодоли-

мыми, и не предупредилъ этотъ несчастный бракъ, который сводитъ ее теперь въ могилу?... Какъ ни былъ дикъ, грубъ и упоренъ ея отецъ,—онъ всетаки любилъ ее... Но я, какъ презрѣнный трусъ, увидѣвъ препятствіе, тотчасъ свернулъ въ сторону, сталъ увѣрять себя и успокоивать тѣмъ, что я не способенъ къ семейной жизни, что я не могу составить счастія этой дѣвушки, что, наконецъ, если бы я рѣшился жениться на ней, то это огорчитъ *мою маменьку*... Я тебѣ признаюсь во всемъ въ сію минуту... я не боюсь теперь твоего презрѣнія, потому-что я самъ презираю себя: упрекая мою мать въ предразсудкахъ касты, я самъ, обвиняющій, былъ до того зараженъ этими предразсудками, что въ иныя минуты, несмотря на непреодолимое мое влеченіе къ Ольгѣ Петровнѣ, мысль, что она дочь купца, смущала меня. Я краснѣлъ отъ этого, сознавая все безобразіе этого смущенія, но однако съ трудомъ побѣждалъ его въ себѣ...

«Когда она вышла замужъ, и Ртищевъ—*мой другъ*—началъ наглымъ образомъ ухаживать за нею и хвастать своимъ волокитствомъ, я, человѣкъ — любившій ее, молчалъ и только внутренно озлоблялся... Я не зажалъ рта этому наглому господину и не назвалъ его въ глаза подлецомъ, какъ я ни порывался на это. Я оправдывалъ себя тѣмъ, что это еще болѣе можетъ повредить ей, надѣлаетъ скандала... Но въ сущности я боялся скандала не за нее, а за себя... Пойми же ты всю безконечность, всю постыдную неизмѣримость такого безсилія!...

«Куда же и на что же мы годны послѣ этого?... Что же добраго можемъ мы сдѣлать?... И теперь еще, написавъ это *мы*, я вѣдь утѣшаю себя, что не одинъ *я* таковъ, что *все наше поколѣніе* такъ ничтожно и слабо.

«Несмотря на всѣ мои прошлыя безпутства и теперешнія внутреннія муки, — я здоровъ: у меня широкая грудь, которая отъ камня не разобьется, какъ у знаменитаго Раппо; я дышу такъ полно и свободно, а у нее осталось легкихъ можетъ быть только на мѣсяцъ!... Спрашивается, для чего природа наградила меня такимъ здоровьемъ и къ чему мнѣ оно?...»

Много времени прошло послѣ этого письма, но съ-тѣхъ-

поръ я не получалъ отъ него ни одной строчки и ни отъ кого не слыхалъ ни о немъ, ни о ней. Мать его давно переселилась въ деревню, а къ петербургскимъ своимъ пріятелямъ онъ не писалъ больше полугода... Гдѣ онъ и что съ нимъ?

Недавно вечеромъ я шелъ по ораніенбаумской дорогѣ. Верстахъ въ двухъ не доходя до Петергофа, на лѣвой сторонѣ къ морю, недалеко отъ большой дороги, стоитъ особнякомъ въ пескѣ двухъэтажный безобразный домъ съ мезониномъ, окрашенный темно-желтой краской, съ тремя торчащими передъ нимъ небольшими соснами. На этомъ домѣ полинялая и облупившаяся вывѣска, на которой золотыми буквами изображено: «Трактиръ Traiteur Tracteur». Въ серединѣ дома крыльцо съ шестью ступеньками; влѣво отъ крыльца окна, въ которыхъ видны грязныя и оборванныя кисейныя занавѣски; верхній этажъ кажется необитаемъ. Я всегда недоумѣвалъ, для чего существуетъ этотъ «Tracteur».

Проходя въ этотъ разъ мимо этого непонятнаго заведенія, я увидѣлъ у крыльца его новыя запыленныя дрожки, запряженныя тройкой; извозчикъ, малый лѣтъ подъ-тридцать, красивый собой, въ синемъ тонкомъ армякѣ и въ шляпѣ на бекрень, принадлежавшій къ тому роду извозчиковъ, которыхъ обыкновенно называютъ *лихачами* и которые отъ Аничкина до Полицейскаго моста запрашиваютъ не менѣе двухъ цѣлковыхъ,— сидѣлъ подбоченясь и нѣсколько развалившись на сидѣньи для сѣдоковъ... Одинъ мой литературный другъ—человѣкъ очень наблюдательный и остроумный, замѣтилъ однажды, что къ самому наглому и безнравственному классу петербургскаго народонаселенія принадлежатъ: баньщики, швейцары, лакеи аристократическихъ домовъ и извозчики-лихачи. Это очень вѣрно, особливо относительно послѣднихъ. Извозчикъ-лихачъ что-то кричалъ, посматривая на господина, одѣтаго франтовски, но въ поистершемся платьѣ и въ фуражкѣ также на бекрень. На крыльцѣ стоялъ половой, а неподалеку отъ господина въ фуражкѣ другой госпо-

динъ, съ сѣдой, небритой нѣсколько дней бородой, въ оборванныхъ пестрыхъ штанахъ съ фестонами, въ истертомъ свѣтлокоричневомъ сюртукѣ и въ зимней фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ. Издалека было замѣтно, что господинъ въ фуражкѣ, который былъ пьянъ, уговаривалъ о чемъ-то лихача-извозчика, и что извозчикъ не соглашался.

Лихачъ былъ также на-веселѣ.

Я подошелъ поближе.

Черты пьянаго господина, уговаривающаго лихача, показались мнѣ какъ-будто знакомыми. Это меня удивило нѣсколько и я началъ въ него пристальнѣе вглядываться. Оказалось, что это былъ г. Пивоваровъ, внукъ русскаго милліонера, что̀ меня нисколько не удивило... Несмотря на то, что онъ совершенно отёкъ и что лицо его, все испещренное жилками, приняло багровый оттѣнокъ, я, вглядѣвшись въ него, узналъ его тотчасъ.

— Ну, послушай Ваня, говорилъ внукъ милліонера, обращаясь къ лихачу съ убѣдительными жестами, къ которымъ такъ любятъ прибѣгать всѣ пьяные:—ну, сдѣлай ты мнѣ это одолженіе... я тебя прошу, понимаешь ты это... я тебя прошу... мы, братецъ, переночуемъ въ Петергофѣ, кутнемъ вмѣстѣ, а завтра въ городъ...

— Да на что кутить-то? возразилъ лихачъ: — прыти-то въ васъ много, да толку-то мало. Вѣдь гроша въ карманѣ нѣтъ... а еще кутить!

— Ваня.... послушай, Ваня.... я тебѣ клянусь—и внукъ милліонера поднялъ руку къ небу и потомъ размахнулъ ею:—вотъ всѣ они свидѣтели....

— Мы свидѣтели, перебилъ господинъ въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ, приподнявъ фуражку двумя опухшими пальцами и съ заискивающей улыбкой посмотрѣвъ на внука милліонера:—мы свидѣтели! повторилъ онъ.

Лихачъ презрительно улыбнулся.

— Они всѣ свидѣтели, продолжалъ внукъ милліонера:—ты мнѣ только дай пятнадцать рублей — я завтра отдамъ тебѣ, ей-Богу отдамъ... ужь ты мной будешь доволенъ, я тебѣ говорю, что угощу, Ваня, ей-Богу, то-есть такъ угощу—вотъ ты увидишь.

— Угостишь на мои деньги-то! хорошо угощеніе! Да что тутъ толковать? Нечего тутъ балясы-то попусту точить. Ѣдемъ сейчасъ въ Петербургъ... Что въ-самомъ-дѣлѣ!

— Ваня, ну смотри, Ваня! И внукъ милліонера погрозилъ ему пальцемъ... Я тебѣ сколько передавалъ денегъ... Вспомни ты это одно! Я милліонами, братецъ, ворочалъ; у меня деньги есть, я отдамъ тебѣ пятнадцать рублей... Честное слово. Что мнѣ пятнадцать рублей—наплевать!

— *Они* отдадутъ, непремѣнно отдадутъ! прохрипѣлъ господинъ въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ.

— Вотъ слышишь? онъ мнѣ вѣритъ... Эй, половой! подай ему за это стаканъ водки... Вотъ тебѣ четвертакъ—возьми!—И онъ бросилъ монету на песокъ.

Половой долго рылся, отыскивая ее, наконецъ нашелъ и отправился за водкой.

Господинъ въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ взялъ стаканъ дрожащей рукой.

— Ну, пей за мое здоровье! вскрикнулъ внукъ милліонера, обращаясь къ господину въ фуражкѣ изъ желтыхъ мерлушекъ: — пей и поклонись мнѣ въ ноги. Слышишь?

— Слушаю, благодѣтель, слушаю! вскрикнулъ господинъ въ желтыхъ мерлушкахъ, разомъ выпилъ стаканъ, крякнулъ съ неописаннымъ наслажденіемъ, прокричалъ: ура! и потомъ бухнулся въ ноги промотавшагося милліонера.

— Кто это? спросилъ я у половаго.

— Этотъ, что въ ногахъ-то валяется? Это такъ, пьянчужка, петергофскій мѣщанинъ, отвѣчалъ онъ презрительно.

— Ну, а этотъ господинъ зачѣмъ остановился тутъ у васъ?

— Пива спрашивали, пить захотѣлось,—изъ Рамбова ѣдутъ; извозчикъ говорилъ, что они всю ночь тамъ прокутили...

Я не дождался конца этой грязной сцены и побрелъ къ морю...

Это была моя послѣдняя встрѣча съ внукомъ милліонера.

Мнѣ сдѣлалось тяжело и грустно. Здѣсь этотъ спившійся купчикъ, въ нѣсколько лѣтъ промотавшій милліоны, перешедшій черезъ всѣ степени безпутства и оканчивающій свое поприще у грязной харчевни на большой дорогѣ, и *тамъ*, далеко за моремъ, загубленная имъ умирающая женщина—и мой бѣдный другъ... Какія странныя сближенія!... и кого винить во всемъ этомъ — судьбу, случай, отдѣльныя лица, общество?...

Я подходилъ къ морю.

Широкая и чудная картина развертывалась передо мною... На безконечномъ водяномъ пространствѣ не было замѣтно ни малѣйшей зыби. Море не дышало. Оно было гладко, какъ стекло, отражая на своей поверхности вечернее зарево ярко-розовыми и блѣдно-палевыми полосами, которыя, удаляясь отъ заката, блѣднѣли, принимая опаловый цвѣтъ... На этой бѣловатой поверхности рѣзко чернѣлись двѣ недвижныя рыбачьи лодки и въ нихъ также два недвижныхъ человѣческихъ силуэта. Далѣе къ востоку море исчезало въ синеватой мглѣ. Ни одинъ листокъ не шевелился на прибрежныхъ деревьяхъ, ни малѣйшаго звука и движенія не слышно было въ воздухѣ. Я подошелъ къ самой окраинѣ моря и долго стоялъ, смотря на эту картину и боясь пошевельнуться, чтобы не нарушить торжественнаго спокойствія, въ которое погружена была въ эту минуту природа... Я начиналъ дышать легче, вдыхая въ себя морскую свѣжесть вмѣстѣ съ запахомъ только-что скошенной травы; я чувствовалъ, какъ постепенно гасли всѣ мои мысли, замирали всѣ вопросы внутри меня и блѣднѣли всѣ образы, вызванные моимъ воображеніемъ... Эта тишина природы съ каждой минутой все болѣе и болѣе сообщалась мнѣ и охватывала всего меня... Я ужъ ничего не могъ думать, голова моя была какъ въ туманѣ, я не могъ оторвать глазъ отъ моря и начиналъ ощущать какое-то безсознательное, но безконечное наслажденіе...

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

PG 3337 P2 [redacted] 1888 t.3-4

Panaev, Ivan Ivanovich
Pervoe polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY